

История мира от историков в двадцати пяти томах,
том 05. Римская республика

Генри Смит Уильямс

THE HISTORIANS' HISTORY OF THE WORLD

A comprehensive narrative of the rise and development of nations
as recorded by over two thousand of the great writers of
all ages: edited, with the assistance of a distinguished
board of advisers and contributors,
by

HENRY SMITH WILLIAMS, LL.D.

IN TWENTY-FIVE VOLUMES
VOLUME V—THE ROMAN REPUBLIC

The Outlook Company
New York

The History Association
London

1904

Содержание

[ИСТОРИЯ МИРА ОЧИМИ ИСТОРИКОВ](#)

[Авторы и редакторы.](#)

[СОДЕРЖАНИЕ](#)

[ЧАСТЬ X](#)

[МИРОВОЕ ВЛИЯНИЕ РАННЕГО РИМА](#)

[СНОСКИ](#)

[ОБЪЕМ И РАЗВИТИЕ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИСТОРИИ](#)

[КНИГА I РАННЯЯ РИМСКАЯ ИСТОРИЯ ДО ПАДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ](#)

[ВВЕДЕНИЕ ИСТОЧНИКИ И ХРОНОЛОГИЯ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИСТОРИИ](#)

[ОБЗОР РАННИХ ИСТОЧНИКОВ](#)

[ХРОНОЛОГИЯ РАННЕЙ ИСТОРИИ РИМА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, ДАЮЩИЙ
КРАТКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ХОДЕ СОБЫТИЙ](#)

[ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД](#)

[ЗЕМЛЯ ИТАЛИИ](#)

[РАННЕЕ НАСЕЛЕНИЕ ИТАЛИИ](#)

[НАЧАЛО РИМА И ПЕРВОБЫТНОЕ РИМСКОЕ СОЮЗ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА II. РАННИЕ ЛЕГЕНДЫ О РИМЕ — ЭНЕЯ И РОМУЛ](#)

[ЛЕГЕНДА ОБ ЭНЕЕ](#)

[ЛЕГЕНДА О АСКАНИИ](#)

[ЛЕГЕНДА О РОМУЛЕ И РЕМУСЕ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА III. ЛЕГЕНДАРНАЯ ИСТОРИЯ ЦАРЕЙ](#)

[НУМА ПОМПИЛИЯ](#)

[ТУЛЛ ХОСТИЛИЙ](#)

[АНКУС МАРЦИЙ](#)

[Л. ТАРКВИНИЙ ПРИСК](#)

[СЕРВИЙ ТУЛЛИЙ](#)

[ЛУЦИЙ ТАРКВИНИЙ ТИРАН](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА IV. ИЗГНАНИЕ ЦАРЕЙ — КРИТИКА МОНАРХИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ](#)

[ТАРКВИНИЙ КОНСУЛЬТУЕТСЯ С ОРАКУЛОМ](#)

[ИЗНАСИЛОВАНИЕ ЛУКРЕЦИИ](#)

[НИБУР О СТОРИИ ЛУКРЕЦИИ](#)

[ИЗГНАНИЕ ТАРКВИНИЯ](#)

[ВОЙНА ПОРСЕННЫ ПРОТИВ РИМЛЯН; ИСТОРИЯ О ХОРАЦИИ НА МОСТУ,
РАССКАЗАННАЯ ДИОНИСИЕМ](#)

[БИТВА НА ОЗЕРЕ РЕГИЛЛУС](#)

[КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИФОВ О РИМСКИХ ЦАРЯХ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА V. ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЦАРСКОГО ПЕРИОДА](#)

[ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА](#)

[СТАТУС МОНАРХИИ](#)

[РЕЛИГИЯ](#)

[КОНСТИТУЦИЯ](#)

[ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ](#)

[НАРОДНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ](#)

[БОГАТСТВО РИМЛЯН И ЕГО ИСТОЧНИКИ](#)

[РИМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ](#)

[МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА ЭПОХИ](#)

[ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VI. ПЕРВЫЙ ВЕК РЕСПУБЛИКИ](#)

[ПЛЕБЕЙИ И ПАТРИЦИИ](#)

[СПУРИЙ КАССИЙ И ПЕРВЫЙ АГРАРНЫЙ ЗАКОН](#)

[УСТАНОВЛЕНИЕ ДЕСЯТИВИРАТА](#)

[ИСТОРИЯ ВИРГИНИИ, РАССКАЗАННАЯ ДИОНИСИЕМ](#)

[ПАДЕНИЕ ДЕСЯТИВИРАТА](#)

[ЗАКОН КАНУЛЕЯ](#)

[ВНЕШНИЕ ВОЙНЫ](#)

[Легенды о войнах с волсцами и эквиями](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VII. ВТОРЖЕНИЕ ГАЛЛОВ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ](#)

[ГАЛЛЫ](#)

[РАССКАЗ ЛИВИЯ О ГАЛЛАХ В РИМЕ](#)

[ДРУГИЕ ОПИСАНИЯ ОТХОДА ГАЛЛОВ](#)

[НИБУР О ПОВЕДЕНИИ РИМЛЯН](#)

[ПОСЛЕДСТВИЯ ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЫ](#)

[ЛИЦИНИАНСКИЕ РОГАЦИИ](#)

[УРАВНОВЕШЕНИЕ ДВУХ ПОВЕРХНОСТЕЙ](#)

[ВНЕШНИЕ ДЕЛА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА VIII. ЗАВОЕВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИТАЛИИ](#)

[САМНИТЫ](#)

[ПЕРВАЯ САМНИТСКАЯ ВОЙНА](#)

[ЛАТИНСКАЯ ВОЙНА](#)

[ВТОРАЯ САМНИТСКАЯ ВОЙНА](#)

[ТРЕТЬЯ САМНИТСКАЯ И ЭТРУСКСКАЯ ВОЙНЫ](#)

[ЛУКАНСКАЯ, ГАЛЛЬСКАЯ И ЭТРУСКСКАЯ ВОЙНЫ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА IX. ЗАВЕРШЕНИЕ ЗАВОЕВАНИЯ ИТАЛИИ](#)

[ПИРР В ИТАЛИИ](#)

[ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПОДЧИНЕНИЕ ИТАЛИИ](#)

[УПРАВЛЕНИЕ ЗАВОЕВАННОЙ ТЕРРИТОРИЕЙ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА X. ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА](#)

[ПРИЧИНЫ ПЕРВОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ](#)

[НАЧАЛО ВОЙНЫ](#)

[ПЕРВЫЙ ПЕРИОД \(264-257 гг. до н. э.\)](#)

[ВТОРОЙ ПЕРИОД \(256-250 гг. до н. э.\)](#)

[ПОЛЮБИЙ О РИМСКИХ ДЕЛАХ\[50\]](#)

[ТРЕТИЙ ПЕРИОД \(249-241 гг. до н. э.\)](#)

[СОБЫТИЯ МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКИМИ ВОЙНАМИ](#)

[ГАМИЛЬКАР И ГАННИБАЛ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XI. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ](#)

[ПЕРВЫЙ ПЕРИОД \(218-216 гг. до н. э.\)](#)

[ОПИСАНИЕ ПЕРЕХОДА АЛЬП ПОЛИБИЕМ](#)

[ГАННИБАЛ В ИТАЛИИ](#)

[ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА: ВТОРОЙ ПЕРИОД \(215-211 гг. до н. э.\)](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XII. ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ](#)

[ТРЕТИЙ ПЕРИОД \(210-207 гг. до н. э.\)](#)

[СМЕРТЬ АСДРУБАЛА, ОПИСАННАЯ ПОЛИБИЕМ](#)

[РАДОСТЬ В РИМЕ. БЕЗЧЕЛОВЕЧНОСТЬ И ТРИУМФ НЕРОНА](#)

[ЧЕТВЕРТЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ](#)

[ХАРАКТЕР СКИПИОНА](#)

[СКИПИЙ В ИСПАНИИ](#)

[СКИПИОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В РИМ](#)

[СКИПИЙ ВТОРГАЕТСЯ В АФРИКУ](#)

[БИТВА ПРИ ЗАМЕ, ОПИСАННАЯ ПОЛИБИЕМ](#)

[УСЛОВИЯ, ПРЕДЪЯВЛЕННЫЕ КАРТАГИНЦАМ; ТРИУМФ СЦИПИОНА](#)

[ОЦЕНКА ГАННИБАЛА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XIII. МАКЕДОНСКАЯ И СИРИЙСКАЯ ВОЙНЫ И ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА \(200-131 гг. до н. э.\)](#)

[МАКЕДОНСКАЯ ВОЙНА; ВОЙНА С АНТИОХОМ III](#)

[ДЕЛА КАРТАГА\[59\]](#)

[НАЧАЛО ТРЕТЬЕЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ](#)

[ПОВЕСТВОВАНИЕ АППИАНА О РАЗРУШЕНИИ КАРТАГА](#)

[АХЕЙСКАЯ ВОЙНА](#)

[ИСПАНСКИЕ ВОЙНЫ: ПАДЕНИЕ НУМАНТИИ](#)

[ФЛОР О ПАДЕНИИ НУМАНТИИ](#)

[ПЕРВАЯ РАБСКАЯ ВОЙНА НА СИЦИЛИИ](#)

[ВОЙНА ПРОТИВ РАБОВ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XIV. ЦИВИЛИЗАЦИЯ В КОНЦЕ ПЕРИОДА ЗАВОЕВАНИЙ](#)

[ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА](#)

[АРМИЯ](#)

[ПОЛИБИЙ О ГРЕЧЕСКОМ И РИМСКОМ БОЕВЫХ ПОРЯДКАХ](#)

[СЕНАТ](#)

[ЦЕНТУРИАТ](#)

[СОБРАНИЕ ПЛЕМЕН](#)

[ПРАВОСУДИЕ](#)

[ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО](#)

[НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ](#)

[СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ: АРИСТОКРАТИЯ И НАРОД](#)

[РАБЫ И СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ](#)

[РИМСКАЯ СЕМЬЯ: ЖЕНЩИНЫ И БРАК](#)

[РЕЛИГИЯ](#)

[ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ НАРОДАМ](#)

[ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО](#)

ЛИТЕРАТУРА

СНОСКИ

ГЛАВА XV. ГРАКХЫ И ИХ РЕФОРМЫ

ТИБЕРИЙ ГРАКХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ И СМЕРТЬ СКИПИЯ МЛАДШЕГО

КАЙ ГРАКХ И ЕГО ВРЕМЯ

СНОСКИ

ГЛАВА XVI. ЮГУРТОВСКАЯ И ДРУГИЕ ВОЙНЫ

ЮГУРТОВСКАЯ ВОЙНА

РАССКАЗ САЛЛУСТИЯ О ЮГУРТЕ В РИМЕ

ВОЙНА ПОДКУПА

МЕТЕЛЛУС В КОМАНДЕ

МАРИЙ ВЫСТУПАЕТ В КАЧЕСТВЕ КОМАНДУЮЩЕГО

ПЛУТАРХ О СМЕРТИ ЮГУРТЫ

КИМБРИИ И ТЕУТОНЫ

ВТОРАЯ ВОЙНА РАБОВ

СНОСКИ

ГЛАВА XVII. НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ШЕСТОЕ КОНСУЛСТВО МАРИЯ

ПРЕТЕНЗИИ ЛАТИНЦЕВ И ИТАЛЬЯНЦЕВ НА СИВИТАС

СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА

МАРИЙ ПРИНИМАЕТ НА СЕБЯ КОМАНДОВАНИЕ

СНОСКИ

ГЛАВА XVIII. МАРИЙ И СУЛЛА

ПЕРВАЯ МИТРИДАТОВАЯ ВОЙНА

ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

ОЦЕНКА МАРИЯ ИХНЕМ

СУЛЛА В ГРЕЦИИ

ВОЗВРАЩЕНИЕ СУЛЛЫ И ВТОРАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

ПРОСКРИПЦИИ

СНОСКИ

ГЛАВА XIX. ДИКТАТУРА СУЛЛЫ

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СУЛЛЫ

ОТРЕЧЕНИЕ СУЛЛЫ

ДОЛГ РИМА ПЕРЕД СУЛЛОЙ

РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ

[КАРЬЕРА ВЕРРЕСА](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XX. ВОЗНЕСЕНИЕ ПОМПЕЯ](#)

[ЛЕПИД И СЕРТОРИЙ](#)

[ВОЙНА ГЛАДИАТОРОВ](#)

[КОНСУЛЬСТВО ПОМПЕЯ И КРАССА](#)

[ПОМПЕЙ ПОДЧИНЯЕТ СИЛИКИЙСКИХ ПИРАТОВ](#)

[ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ МИТРИДАТОВЫЕ ВОЙНЫ](#)

[АРМЕНСКАЯ ВОЙНА](#)

[КОНЕЦ МИТРИДАТА](#)

[ПОМПЕЙ В ИЕРУСАЛИМЕ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXI. ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ](#)

[МАРК ПОРЦИЙ КАТОН](#)

[ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ](#)

[Л. СЕРГИЙ КАТИЛИНА И ЕГО ВРЕМЯ](#)

[ЗАГОВОР](#)

[ЦЕЗАРЬ И ЗАГОВОР](#)

[ВОЗНЕСЕНИЕ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ](#)

[ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОМПЕЯ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXII. ЦЕЗАРЬ И ПОМПЕЙ](#)

[ПЕРВЫЙ ТРИУМВИРАТ](#)

[КЛОДИЙ ИЗГНАЕТ ЦИЦЕРОНА](#)

[ВОЗВРАЩЕНИЕ ЦИЦЕРОНА](#)

[ВТОРОЕ КОНСУЛЬСТВО ПОМПЕЯ И КРАССА](#)

[ПАРФИЙСКАЯ ВОЙНА КРАССА](#)

[АНАРХИЯ В РИМЕ](#)

[ПОМПЕЙ — ЕДИНСТВЕННЫЙ КОНСУЛ](#)

[Галльские войны \(58-50 гг. до н. э.\)](#)

[БИТВА С НЕРВИИ](#)

[МОРСКАЯ БИТВА С ВЕНЕТАМИ](#)

[РЕЗНЯ ГЕРМАНЦЕВ](#)

[РИМСКАЯ АРМИЯ ВСТРЕЧАЕТ БРИТАНЦЕВ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXIII. ЦЕЗАРЬ ВОЙНУЕТ С ПОМПЕИЕМ](#)

[ВОЙНА МЕЖДУ ЦЕЗАРЕМ И ПОМПЕИЕМ](#)

[ЦЕЗАРЬ ПЕРЕСЕКАЕТ РУБИКОН](#)

[СЕРЬЕЗНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕЗАРЯ](#)

[ЦЕЗАРЬ — ВЛАДЫКА ОТ РИМА ДО ИСПАНИИ](#)

[ЦЕЗАРЬ В ГРЕЦИИ](#)

[АППИАН ОПИСЫВАЕТ БИТВУ ПРИ ДИРРАХИИ](#)

[ФАРСАЛИЯ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXIV. ОТ ФАРСАЛИИ ДО СМЕРТИ КАТОНА](#)

[ЦЕЗАРЬ В ЕГИПТЕ](#)

[ВОЙНА С ФАРНАКОМ](#)

[ЦЕЗАРЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В РИМ](#)

[АФРИКАНСКАЯ ВОЙНА](#)

[СРАВНЕНИЕ ЦЕЗАРЯ И КАТОНА САЛЛУСТИЕМ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXV. ПОСЛЕДНИЕ СЦЕНЫ ЖИЗНИ ЦЕЗАРЯ](#)

[КОНЕЦ АФРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ](#)

[ВОЗВРАЩЕНИЕ В РИМ](#)

[ТРИУМФЫ ЦЕЗАРЯ](#)

[ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ](#)

[ПОСЛЕДНИЙ ТРИУМФ](#)

[РЕФОРМЫ ЦЕЗАРЯ](#)

[ЖИЗНЬ ЦЕЗАРЯ В РИМЕ](#)

[СОБЫТИЯ, ПРИВЕДШИЕ К ЗАГОВОРУ](#)

[ЗАГОВОР](#)

[УБИЙСТВО](#)

[ПОВЕСТВОВАНИЕ АППИАНА О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ЦЕЗАРЯ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXVI. ЛИЧНОСТЬ И ХАРАКТЕР ЦЕЗАРЯ](#)

[АППИАН СРАВНИВАЕТ ЦЕЗАРЯ С АЛЕКСАНДРОМ](#)

[ОЦЕНКА МОММСЕНОМ ХАРАКТЕРА ЦЕЗАРЯ](#)

[ОЦЕНКА МОММСЕНОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕЗАРЯ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXVII. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РЕСПУБЛИКИ](#)

[ЗАВЕЩАНИЕ И ПОХОРОНЫ ЦЕЗАРЯ](#)

[ДЕЙСТВИЯ МОЛОДОГО ОКТАВИЯ](#)

[ПРОСКРИПЦИЯ](#)

[СМЕРТЬ ЦИЦЕРОНА](#)

[БРУТ И КАССИЙ](#)

[ФИЛИППЫ](#)

[АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА](#)

[АНТОНИЙ СТАЛКИВАЕТСЯ С НЕУДАЧАМИ](#)

[ОКТАВИАН ПРОТИВ АНТОНИЯ; БИТВА ПРИ АКТИУМЕ](#)

[СМЕРТЬ АНТОНИЯ И КЛЕОПАТРЫ](#)

[ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ АНТОНИЯ](#)

[СНОСКИ](#)

[ГЛАВА XXVIII. СОСТОЯНИЕ РИМА В КОНЦЕ РЕСПУБЛИКИ](#)

[РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА РЕСПУБЛИКАНСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ](#)

[ЛИТЕРАТУРА](#)

[ДРАМА](#)

[ПОЭЗИЯ](#)

[ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО](#)

[СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ; РЕЛИГИЯ](#)

[СНОСКИ](#)

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

[Глава I. Земля и народ](#)

[Глава II. Ранние легенды Рима — Эней и Ромул](#)

[Глава III. Легендарная история царей](#)

[Глава IV. Изгнание царей — критика монархической истории](#)

[Глава V. Цивилизация царского периода](#)

[Глава VI. Первый век Республики](#)

[Глава VII. Вторжение галлов и его последствия](#)

[Глава VIII. Завоевание центральной Италии](#)

[Глава IX. Завершение завоевания Италии](#)

[Глава X. Первая Пуническая война](#)

[Глава XI. Первая половина Второй Пунической войны](#)

[Глава XII. Окончание Второй Пунической войны](#)

[Глава XIII. Македонские и сирийские войны и Третья Пуническая война](#)

[Глава XIV. Цивилизация в конце периода завоеваний](#)

[Глава XV. Гракхи и их реформы](#)

[Глава XVI. Югуртинская и другие войны](#)

[Глава XVII. Начало гражданской войны](#)

[Глава XVIII. Марий и Сулла](#)

[Глава XIX. Диктатура Суллы](#)

[Глава XX. Возвышение Помпея](#)

[Глава XXI. Заговор Катилины](#)

[Глава XXII. Цезарь и Помпей](#)

[Глава XXIII. Цезарь в войне с Помпеем](#)

[Глава XXIV. От Фарсалии до смерти Катона](#)

[Глава XXV. Последние сцены жизни Цезаря](#)

[Глава XXVI. Личность и характер Цезаря](#)

[Глава XXVII. Последние дни Республики](#)

[Глава XXVIII. Состояние Рима в конце Республики](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта Гутенберг «История мира в двадцати пяти томах», том 05

Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и в большинстве других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», включенной в эту электронную книгу или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История мира в двадцати пяти томах, том 05

Римская республика

Редактор: Генри Смит Уильямс

Дата выпуска: 14 мая 2018 г. [электронная книга № 57159]

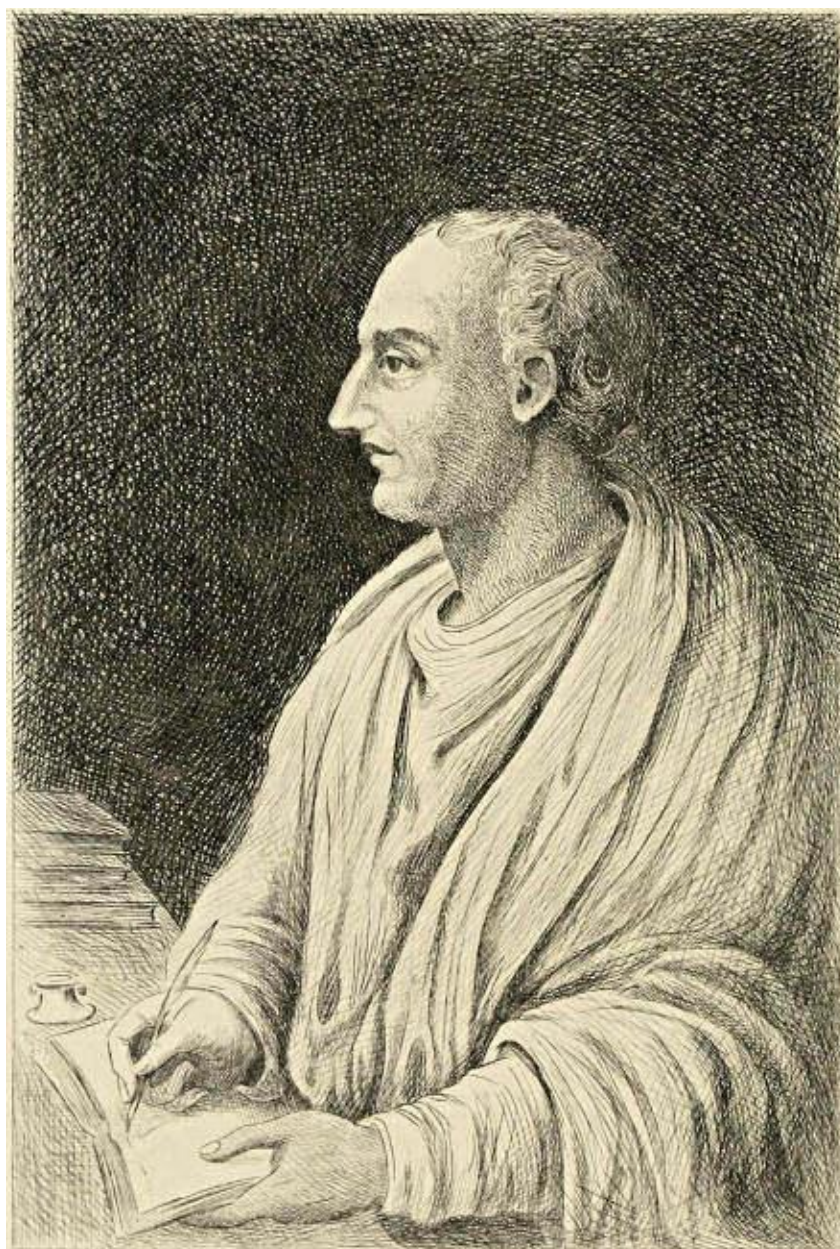
Язык: английский

Благодарности: Подготовлено Дэвидом Эдвардсом и командой онлайн-корректоров <http://www.pgdp.net> (Этот файл был подготовлен на основе изображений, любезно предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ МИРА В 25 ТОМАХ, ТОМ 05» ***

Примечание транскрибатора: в результате редакционных недочетов в оригинале некоторые ссылки в тексте не имеют соответствующих записей в списках ссылок и наоборот.

ИСТОРИЯ МИРА ОЧИМИ ИСТОРИКОВ

ливий

ИСТОРИЯ МИРА ОТ ИСТОРИКОВ

Всеобъемлющее повествование о возникновении и развитии народов, записанное более чем двумя тысячами великих писателей всех веков: под редакцией, при содействии

выдающегося совета консультантов и авторов ,
ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМСОМ, доктором юридических наук.

В ДВАДЦАТИ ПЯТИ ТОМАХ
ТОМ V — РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА

The Outlook Company
Нью-Йорк

The Историческая ассоциация
Лондон
1904

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1904 Г.
АВТОР: ГЕНРИ СМИТ УИЛЬЯМС.

Все права защищены.

Авторы и редакторы.

Проф. Адольф Эрман, Берлинский университет.

Проф. Жозеф Алеви, Коллеж де Франс.

Проф. Томас К. Чейн, Оксфордский университет.

Проф. Эндрю К. МакЛафлин, Мичиганский университет.

Проф. Давид Х. Мюллер, Венский университет.

Профессор Альфред Рамбо, Парижский университет.

Профессор Эдуард Мейер, Берлинский университет.

Д-р Джеймс Т. Шотвелл, Колумбийский университет.

Профессор Теодор Нёльдеке, Страсбургский университет.

Профессор Альберт Б. Харт, Гарвардский университет.

Д-р Пол Броннле, Королевское азиатское общество.

Д-р Джеймс Гэрднер, С.В., Лондон.

Проф. Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф, Берлинский университет.

Профессор Х. Марнали, Будапештский университет.

Д-р Г. В. Ботсфорд, Колумбийский университет.

Проф. Юлиус Веллхаузен, Гёттингенский университет.

Проф. Франц Р. фон Кронес, Грацский университет.

Профессор Вильгельм Солтау, Университет Заберна.

Проф. Р. В. Роджерс, Теологическая семинария Дрю.

Профессор А. Вамбери, Будапештский университет.

Профессор Отто Хиршфельд, Берлинский университет.

Барон Бернардо ди Сан Северино Кваранта, Лондон.

Профессор Ф. Йорк Пауэлл, Оксфордский университет.

Д-р Джон П. Питерс, Нью-Йорк.

Д-р С. Раппопорт, Школа восточных языков, Париж.

Профессор Герман Дильс, Берлинский университет.

Проф. К. В. К. Оман, Оксфордский университет.

Проф. И. Гольдзихер, Венский университет.

Проф. В. Л. Флеминг, Университет Западной Вирджинии.

Проф. Р. Козер, Берлинский университет.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ V

РИМ

СТРАНИЦА

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЭССЕ

[МИРОВОЕ ВЛИЯНИЕ РАННЕГО РИМА](#) д-р Эдуард Мейер 1

[МАСШТАБЫ И РАЗВИТИЕ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИСТОРИИ](#) д-р Вильгельм Солтау 11

[КНИГА I. — РАННЯЯ ИСТОРИЯ РИМА ДО ПАДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ](#)

[ВВЕДЕНИЕ](#) 25

ГЛАВА I

[ЗЕМЛЯ И НАРОД](#) 43

(Земля Италии,) [44](#). Раннее население Италии, [48](#). Начало Рима и первобытное римское государство, [51](#).

ГЛАВА II

[РАННИЕ ЛЕГЕНДЫ О РИМЕ — ЭНЕЙ И РОМУЛ \(около 753-716 гг. до н. э.\)](#) 58

(Легенда об Энее,) [59](#). Легенда об Аскании, [60](#). Легенда о Ромуле и Реме, [61](#). Похищение сабинок, [63](#). Критическое исследование легенд, [66](#). Объяснение легенды об Энее, [69](#). Исследование легенды о Ромуле, [70](#).

ГЛАВА III

[ЛЕГЕНДАРНАЯ ИСТОРИЯ ЦАРЕЙ \(около 716-510 гг. до н. э.\)](#) 75

Нума Помпилий, [75](#). Тулл Гостилий, [76](#). Сражение Горациев и Куриациев, [77](#). Анк Марций, [79](#). Л. Тарквиний Приск, [80](#). Сервий Туллий, [82](#). (Луций Тарквиний Тиран.) 83 ([83](#))

ГЛАВА IV

ИЗГНАНИЕ ЦАРЕЙ — КРИТИКА МОНАРХИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ (около 510 г. до н. э.)85

Тарквиний обращается к оракулу, 85. Изнасилование Лукреции, 86. Нибур о истории Лукреции, 87. Изгнание Тарквиния, 88. Война Порсенны против римлян; история Горация на мосту, рассказанная Дионисием, 90(. Гай Муций и царь Порсенна,) 92. Битва на озере Региллус, 93. Критический анализ мифов о римских царях, 95. Историческая ценность мифов, 100.

ГЛАВА V

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЦАРСКОГО ПЕРИОДА (около 753-510 гг. до н. э.)103

Организация государства, 103. Статус монархии, 105. Религия, 107. Конституция, 107. Организация армии, 111(. Классы пехотинцев,) 112(. Народные учреждения,) 113(. Богатство римлян и его источники,) 115(. Римское образование,) 117(. Нравственность и политика эпохи,) 118(. Изобразительное искусство,) 119(.

ГЛАВА VI

ПЕРВЫЙ ВЕК РЕСПУБЛИКИ (510-391 гг. до н. э.)121

Плебеи и патриции, 123. Спурий Кассий и первый аграрный закон, 129. Учреждение децемвирата, 131. История Виргинии, рассказанная Дионисием, 132(. Падение децемвирата,) 138(. Закон Канулея,) 140(. Внешние войны,) 142(. Легенды о войнах с волсками и эквиями,) 145 (. Кориолан и волски), 145 (. Критический анализ истории Кориолана), 148 (. Цинциннат и экви), 149 (. Критический анализ истории Цинцинната), 151(. Род Фабиев и вейтинцы), 152(.

ГЛАВА VII

ВТОРЖЕНИЕ ГАЛЛОВ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ (391-351 гг. до н. э.)154

Галлы, 155. Рассказ Ливия о галлах в Риме, 156. Другие рассказы об уходе галлов, 165. Нибур о поведении римлян, 166(. Последствия Галльской войны,) 167(. Лициниевские законопроекты,) 170(. Уравнивание двух сословий,) 172(. Внешние дела,) 175(.

ГЛАВА VIII

ЗАВОЕВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИТАЛИИ (423-280 гг. до н. э.)178

(Самниты,) 178. Первая самнитская война, 180. Латинская война, 183. Вторая самнитская война, 186. Третья самнитская и этруская войны, 194. Луканийская, галльская и этруская войны, 199.

ГЛАВА IX

ЗАВЕРШЕНИЕ ЗАВОЕВАНИЯ ИТАЛИИ (281-265 гг. до н. э.)201

(Пирр в Италии,) 203. Окончательное покорение Италии, 209. Управление завоеванными территориями, 210. Префектуры; муниципалитеты, 211. Колонии; свободные и конфедеративные государства, 212.

ГЛАВА X

[ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА \(326-218 гг. до н. э.\)](#)

215

Причины Первой Пунической войны, [217](#). Начало войны, [219](#). Первый период, [219](#). Второй период, [221](#). Описание Полибием событий в Риме, [224](#). Третий период, [230](#). События между Первой и Второй Пуническими войнами, [233](#)(. Гамилькар и Ганнибал,) [237](#)(.)

ГЛАВА XI

[ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ \(218-211 гг. до н. э.\)](#)

241

(Первый период,) [241](#). Рассказ Полибия о переходе через Альпы, [244](#). Ганнибал в Италии, [249](#). Второй период, [260](#).

ГЛАВА XII

[ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ \(210-202 гг. до н. э.\)](#)

269

Третий период, [269](#). Смерть Гасдрубала, описанная Полибием, [276](#). Ликование в Риме; бесчеловечность и триумф Нерона, [277](#). Четвертый и последний период войны, [278](#). Характер Сципиона, [278](#). Сципион в Испании, [279](#)(. Сципион возвращается в Рим,) [283](#). Сципион вторгается в Африку, [284](#). Битва при Заме, описанная Полибием, [287](#). Условия, предъявленные Карфагену; триумф Сципиона, [292](#). Оценка Ганнибала, [294](#).

ГЛАВА XIII

[МАКЕДОНСКИЕ И СИРИЙСКИЕ ВОЙНЫ И ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА \(200-131 гг. до н. э.\)](#)

296

Македонская война; война с Антиохом III, [296](#). Дела Карфагена, [304](#). Начало Третьей Пунической войны, [305](#). Рассказ Аппиана о разрушении Карфагена, [310](#). Речь жены Гасдрубала; Морализаторство Сципиона, [312](#)(. Разграбление города,)313 (. Жертвоприношения и триумф,) [314](#) (. Ахейская война,) [314](#) (. Испанские войны: падение Нуманции,) [317](#) (. Флор о падении Нуманции,) [321](#) (. Первая рабская война на Сицилии,) [322](#) (. Война против рабов,) [325](#) (.)

ГЛАВА XIV

[ЦИВИЛИЗАЦИЯ В КОНЦЕ ПЕРИОДА ЗАВОЕВАНИЙ](#)

327

Организация правительства, [327](#). Армия, [329](#). Полибий о греческом и римском боевом порядке, [329](#). Сенат, [332](#). Центуриатское собрание, [334](#). Собрание племен, [334](#). Правосудие, [337](#). Провинциальное правительство, [337](#)(. Налогообложение,) [338](#). Социальные условия: аристократия и народ, [340](#). Рабы и свободные люди, [343](#). Римская семья: женщины и брак, [346](#). Религия, [350](#). Отношение к другим народам, [355](#). Изобразительное искусство, [355](#). Литература, [358](#).

ГЛАВА XV

[ГРАКХИ И ИХ РЕФОРМЫ \(137-121 гг. до н. э.\)](#)

359

(Тиберий Гракх,) [359](#). Возвращение и смерть Сципиона Младшего, [366](#). Гай Гракх и его время, [371](#).

ГЛАВА XVI

[ЮГУРТИНСКАЯ И ДРУГИЕ ВОЙНЫ \(123-101 гг. до н. э.\)](#)

381

Югуртинская война, [383](#). Рассказ Саллюстия о Югурте в Риме, [385](#). Война подкупа, [387](#) (. Метелл у руля,) [388](#) (. Марий появляется в качестве полководца,) [389](#) (. Плутарх о смерти Югурты,) [391](#) (. Кимбры и тевтоны,) [392](#) (. Вторая рабская война,) [399](#) (.)

ГЛАВА XVII

[НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ \(102-88 гг. до н. э.\)](#)

401

(Шестое консульство Мария,) [402](#). Требования латинян и итальянцев о предоставлении им гражданства, [405](#). Социальная война, [413](#). Марий принимает командование, [415](#).

ГЛАВА XVIII

[МАРИЙ И СУЛЛА \(92-82 гг. до н. э.\)](#)

420

(Первая Митридатова война,) [421](#). Первая гражданская война, [422](#). Оценка Мария Ине, [431](#). Сулла в Греции, [432](#). Возвращение Суллы и вторая гражданская война, [434](#). Проскрипции, [438](#).

ГЛАВА XIX

[ДИКТАТУРА СУЛЛЫ \(81-79 гг. до н. э.\)](#)

442

(Законодательство Суллы,) [446](#). Отречение Суллы, [446](#). Долг Рима перед Суллой, [448](#). Римские провинции, [450](#). Карьера Верреса, [454](#).

ГЛАВА XX

[ВОЗВЫШЕНИЕ ПОМПЕЯ \(78-61 гг. до н. э.\)](#)

457

Лепид и Серторий, [457](#). Война гладиаторов, [460](#). Консульство Помпея и Красса, [461](#). Помпей подчиняет киликийских пиратов, [464](#). Вторая и третья Митридатова войны, [467](#) (. Армянская война,) [469](#) (. Конец Митридата,) [473](#) (. Помпей в Иерусалиме,) [474](#) (.)

ГЛАВА XXI

[ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ \(67-61 гг. до н. э.\)](#)

475

Марк Порций Катон, [475](#). Гай Юлий Цезарь, [477](#). Л. Сергий Катилина и его время, [480](#). Заговор, [483](#). Цезарь и заговор, [488](#). Возвышение Юлия Цезаря, [494](#). Возвращение Помпея, [497](#).

ГЛАВА XXII

[ЦЕЗАРЬ И ПОМПЕЙ \(60-50 гг. до н. э.\)](#)

501

Первый триумвират, [501](#). Клодий изгоняет Цицерона, [504](#). Возвращение Цицерона, [506](#). Второе консульство Помпея и Красса, [508](#). Парфянская война Красса, [509](#). Анархия в Риме, [511](#). Помпей — единственный консул, [513](#) (. Галльские войны,) [514](#) (. Сражение с нервиями,) [516](#) (. Морское сражение с венетами,) [520](#) (. Резня германцев,) [522](#) (. Римская армия встречает бриттов,)

ГЛАВА XXIII

[ЦЕЗАРЬ В ВОЙНЕ ПРОТИВ ПОМПЕЯ \(60-48 гг. до н. э.\)](#)

Война между Цезарем и Помпеем,[529](#) (. Цезарь пересекает Рубикон,) [532](#) (. Серьезное положение Цезаря,) [534](#) (. Цезарь — повелитель от Рима до Испании,) [535](#) (. Цезарь в Греции,) [536](#) (. Аппиан описывает битву при Диррахии,) [537](#) (. Фарсалия,) [541](#) (.)

ГЛАВА XXIV

[ОТ ФАРСАЛИИ ДО СМЕРТИ КАТОНА \(48-46 гг. до н. э.\)](#)

(Цезарь в Египте,) [544](#) . Война с Фарнаком, [551](#) . Цезарь возвращается в Рим, [552](#) . Африканская война, [554](#) . Сравнение Цезаря и Катона у Саллюстия, [558](#) .

ГЛАВА XXV

[ПОСЛЕДНИЕ СЦЕНЫ ЖИЗНИ ЦЕЗАРЯ \(46-44 гг. до н. э.\)](#)

Конец Африканской войны, [560](#) . Возвращение в Рим, [562](#) . Триумфы Цезаря, [563](#) . Последняя кампания, [566](#) . Последний триумф,[569](#) (. Реформы Цезаря,) [572](#) (. Жизнь Цезаря в Риме,) [575](#) (. События, приведшие к заговору,) [578](#) (. Заговор,) [579](#) (. Убийство,) [581](#) (. Рассказ Аппиана о последних днях Цезаря,) [583](#) (.)

ГЛАВА XXVI

[ЛИЧНОСТЬ И ХАРАКТЕР ЦЕЗАРЯ](#)

(Аппиан сравнивает Цезаря с Александром,) [599](#) . Оценка характера Цезаря Моммзеном, [602](#) . Оценка деятельности Цезаря Моммзеном, [607](#) .

ГЛАВА XXVII

[ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РЕСПУБЛИКИ \(44-29 гг. до н. э.\)](#)

Завещание и похороны Цезаря, [610](#) . Действия молодого Октавиана, [611](#) . Проскрипция, [617](#) . Смерть Цицерона, [619](#) . Брут и Кассий,[621](#) (. Филиппы,) [622](#) (. Антоний и Клеопатра,) [624](#) (. Антоний терпит поражение,) [625](#) (. Октавиан против Антония; битва при Актиуме,) [630](#) (. Смерть Антония и Клеопатры,) [631](#) (. Оценка личности Антония,) [633](#) (.)

ГЛАВА XXVIII

[СОСТОЯНИЕ РИМА В КОНЦЕ РЕСПУБЛИКИ](#)

(Ретроспективный взгляд на республиканскую конституцию,) [637](#) . Литература, [643](#) . Драма, [645](#) . Поэзия, [647](#) . Изобразительное искусство, [651](#) . Социальные условия; религия, [652](#) .

[КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ](#)

ЧАСТЬ X

ИСТОРИЯ РИМА С САМЫХ ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО 476 ГОДА Н. Э.

Основана главным образом на следующих источниках

АММИАН, АППИАН, ТОМАС АРНОЛЬД, БАРТЕЛЕМИ ОБ, АВГУСТОВСКАЯ ИСТОРИЯ, ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ, ГЕНРИ ФАЙНС КЛИНТОН, ЦИЦЕРОН, ДИОН КАССИЙ, ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ, ЭВТРОПИЙ, ФЛОР, ВИКТОР ГАРДТАУЗЕН, ЭДУАРД ГИББОН, ОТТО ГИЛБЕРТ, АДОЛЬФ ХАРНАК, Г. Ф. ГЕРЦБЕРГ, ГЕРОДИАН, ОТТО ХИРШФЕЛЬД, ТОМАС ХОДЖКИН, КАРЛ ХОК, ВИЛЬГЕЛЬМ ИНЕ, ОРДАНЕС (ЙОРНАНДЕС), ИОСИФ ФЛАВИЙ, ДЖОРДЖ КОРНУОЛЛ ЛЬЮИС, Х. Г. ЛИДДЕЛЛ, ЛИВИЙ, ИОАХИМ МАРКВАРДТ, ЧАРЛЬЗ МЕРИВАЛ, ЭДУАРД МЕЙЕР, ТЕОДОР МОММСЕН, МОНОМЕНТУМ АНЦИРАНУМ, КОРНЕЛИЙ НЕПОС, Б. Г. НИБУР, ПЛИНИЙ СТАРШИЙ, ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ, ПЛУТАРХ, ПОЛИБИЙ, Л. ВОН РАНКЕ, САЛУСТИЙ, ВИЛЬГЕЛЬМ СОЛТАУ, СТРАБОН, СВЕТОНИЙ, ТАЦИТ, ТИЛЛЕМОНТ, ВЕЛЛЕЙ, ГЕОРГ ВЕБЕР, ЗОСИМ

ВМЕСТЕ С ХАРАКТЕРИСТИКОЙ МИРОВОГО ВЛИЯНИЯ РАННЕГО РИМА

ЭДУАРДОМ МЕЙЕРОМ

ИССЛЕДОВАНИЕ МАСШТАБОВ И РАЗВИТИЯ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИСТОРИИ

ВИЛЬГЕЛЬМА СОЛТАУ

ЭСКИЗ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

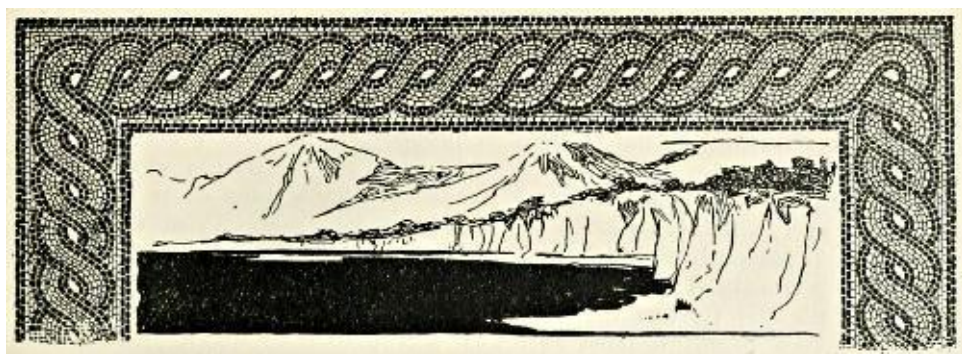
ОТТО ГИРШФЕЛЬД

И КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РИМСКИМ ГОСУДАРСТВОМ И РАННЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКОВЬЮ

АДОЛЬФА ХАРНАКА

С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ ЦИТАТАМИ ИЗ

Ж. Ж. АМПЕРА, ФРИДРИХА БЛУМЕ, ДЖОРДЖА В. БОТСФОРДА, А. БУШ-ЛЕКЛЕРКА, КУРТА БРЕЙСИГА, Р. В. БРАУНА, Р. БЕРНА, ДИОНА ХРИЗОСТОМА, ЖАКА ФРАНСУА ДЕНИ, ЖАНА ВИКТОРА ДЮРУИ, Т. Х. ДАЙЕРА, ЭПИКТЕТА, А. ЭСМЕЙНА, Э. А. ФРИМЭНА, Г. К. ФИСКЕ, ГАБРИЭЛЯ ГАЙЯРДА, ОЛИВЕРА ГОЛДСМИТА, АЛЬБЕРТА ГУЭЛДЕНПЕННИНГА, ОСКАРА ЙЕГЕРА, ДЖУЛИАНА, ТОМАСА КЕЙТЛИ, ДЖОРДЖА ЛОНГА, ДЖ. Н. МАДВИГ, МАРК АВРЕЙЛИЙ, ВАЛЕРИЙ МАКСИМ, АРТУР МЕРФИ, ФИЛОН, С. РЕЙНХАРДТ, ДЖ. ЭРНСТ РЕНАН, ИОГАНН ГЕНРИХ КАРЛ ФРИДРИХ ГЕРМАН ШИЛЛЕР, К. В. Ф. ФОН ШЛЕГЕЛЬ, Ф. К. ШЛОССЕР, АЛЬБЕРТ ШВЕГЛЕР, Л. АННЭЙ СЕНЕКА, М. АННЭЙ СЕНЕКА, ДЖ. Й. ШЕППАРД, ДЖЕЙМС СИМ, Х. В. СТЁЛЛ, Х. ТЭН, АМЕДЕ ТЪЕРРИ, ВИРГИЛИЙ, Л. ВИГАНДТ, ЭДУАРД ВОКС ВИЕТЕРСХАЙМ, Х. С. УИЛЬЯМС, Р. Х. РАЙТСОН, КСИФИЛИН, К. С. ЗАХАРИА ФОН ЛИНГЕНТАЛЬ

МИРОВОЕ ВЛИЯНИЕ РАННЕГО РИМА

НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ

ДОКТОРОМ ЭДУАРДОМ МЕЙЕРОМ

Профессором древней истории Берлинского университета.

Можно было бы предположить, что со смертью Александра политическая связь между восточной и западной частями Средиземноморья, которая существовала на протяжении всей греческой истории, была разорвана, за исключением таких случайных и поверхностных точек соприкосновения, которые, по естеству вещей, никогда не исчезали полностью. Фактически Запад был предоставлен сам себе. Но вскоре стало очевидным, что развитие, которое происходило там, не подвергаясь вмешательству извне, было чревато последствиями, имевшими огромное значение для эллинистической политической системы. Воздержавшись от решительного вмешательства, когда такое вмешательство еще было возможно, македонские царства позволили в Италии возникнуть такой силе, которая в очень короткое время нанесла смертельный удар по их собственному существованию.

Эта новая сила возникла не среди тех, кто до сих пор был самыми грозными врагами Греции — сабелло-осканских племен, которых так боялся Платон. Последние были воинственным народом горцев, жившим под свободной системой племенного правления, чем-то напоминавшим швейцарцев позднего средневековья, за исключением того, что в их армиях важную роль играли как кавалерия, так и пехота. Как и швейцарцы, они стремились расширить свои границы со всех сторон за пределы узких границ своей родной земли. Но им не хватало того, что швейцарцы из четырех кантонов получили благодаря своему союзу с Берном и Цюрихом — устойчивой политической цели; племена толкались друг с другом, более отдаленные пытались отнять у ближних то, что те завоевали. Таким образом, хотя они и могли подчинить себе города Греции, они были неспособны создать великое однородное государство. Карацены, пентры, каудины и ирпины, четыре племени горной местности вокруг истоков Вольтурна и его притоков, были единственными, кто образовал компактную федерацию. После середины IV века эти племена начали продвигаться во всех направлениях: против апулийцев на востоке, луканийцев на юге, кампанийцев, сицинийцев и вольсков на западе. Но там они столкнулись с силой, которая была предназначена оказаться сильнее их.

Еще в VI веке, в этрусский период, город Рим на Тибре превратился в большое и важное сообщество. После свержения иностранного господства и падения монархии он сохранил свое превосходство по крайней мере над большинством сельских поселений маленькой латинской нации, которая с трудом отбивала нападения соседей под римской гегемонией. Только около 400 года ему удалось оттеснить эквов и вольсков обратно в их горные крепости, а в 388 году он захватил соседний этрусский город Вейи. Великое кельтское вторжение привело его на грань гибели, но, пережив эту опасность, он сохранил свое прежнее господство после ухода врага. Она поддерживала дружеские отношения с греками; с давних времен греческая цивилизация находила почти такое же готовое признание среди латинян, как и среди этрусков, и в борьбе с последними латиняне и греки сражались бок о бок. В середине IV века римская власть значительно расширилась; римляне завоевали вольсков и несколько непокорных латинских городов, победили своих этрусских соседей, и в 350 году этрусский город Каэре присоединился к римскому союзу. В то же время Рим расширил свое господство в долине Лириса и в направлении побережья; в последнем районе

() великий город Капуя (вместе с Кумами, ныне оскским городом, и многими другими) бросился в объятия Рима, чтобы получить защиту от самнитов. Вскоре после этого, в 336-334 годах, Капуя и латинские города, которые подняли восстание, были полностью подчинены, и большинство из них вошли в состав римского государства. До этого времени сохранялся мир с самнитами, которым были уступлены юг Кампании и долина верхнего Лириса; но когда в 325 году Рим укрепился в Фрегеллах и взял под свою защиту греков Неаполя, между двумя государствами, каждое из которых делало все возможное для расширения своих границ в Италии, разразился открытый конфликт.

Несмотря на более высокий уровень цивилизации, которого оно достигло, государство Рим, как и государство самнитов, было государством земледельцев. Но оно обладало тем, чего не хватало племенной организации самнитов, — превосходной политической системой, которая давала ему преимущество муниципальной формы правления, точно по аналогии с муниципальными республиками Греции. Но с этой муниципальной организацией оно сочетало (и в этом заключался секрет его успеха) способность к экспансии и постоянное расширение гражданских прав, что резко контрастировало с грубым духом греческих городов. В последних чистота происхождения и исключение всех иностранцев из гражданских прав были аксиомой политической жизни, которой радикальные демократии, такие как Афины, придерживались еще более упорно, чем остальные; в результате каждый успех за рубежом приводил к порабощению побежденных под игом правящего города. Рим, напротив, несмотря на все свои завоевания, не делал подданных в Италии. В своих окрестностях, и в первую очередь в Лацио, завоеванные общины обычно принимались в римский политический союз на равных условиях и могли сохранять местную автономию (как *муниципалитеты*) под римским надзором. Он распространил ту же систему далеко вглубь центральной Италии; право голоса и право участия в римских народных собраниях (*comitia*) лишались только общины, говорящие на чуждом языке, такие как этрусские каэриты и кампаны из Капуи. В других случаях, когда Рим побеждал врага, он захватывал часть общественных земель и заселял их гражданами для возделывания почвы; остальные граждане сохраняли полную свободу и политическую автономию (Рим, однако, изменял систему управления в колониях () по своему усмотрению и следил за тем, чтобы администрация попадала в руки его сторонников), но были связаны вечным договором следовать римским стандартам как свободные союзники. Кроме того, Рим основал колонии в самом сердце вражеской страны, дочерние города, организованные как независимые муниципалитеты, которые занимали по отношению к нему такое же положение, как ранее (до 336 года) города Латинского союза, и поэтому были известны как латинские колонии. Благодаря этой организации Рим не только сохранил владение завоеванными территориями, но и обеспечил постоянное пополнение армии здоровыми и способными крестьянами, из числа которых она и набиралась. Сохраняя в своей политической администрации форму города, он фактически далеко вышел за его пределы и стал великим государством, все силы которого были безоговорочно в распоряжении правительства. Благодаря этому обстоятельству, хотя конституция признавала абсолютный суверенитет народа (отмена всех аристократических привилегий относится именно к этому периоду)⁴, власть оставалась в руках великих семей патрициев и плебеев, а достоинство должности, которое в греческих демократиях было низведено до простого призрака, в Риме оставалось практически неизменным. Интересы фермерского класса и господствующих семей шли рука об руку; первые извлекали выгоду из аграрной политики экспансии, на которой настаивали вторые, а каждый успех за рубежом, независимо от его цены, укреплял и увеличивал силу общины и вел ее еще на один шаг вперед по пути к верховному господству.

По численности, военному потенциалу и боевому духу самниты по крайней мере не уступали римлянам, а их полководцы, возможно, превосходили римских по способностям; самниты одержали больше побед, чем их противники, в открытых сражениях. Сельскохозяйственные общины самнитов погибли из-за недостатков своей политической организации; они не смогли пробить прочную структуру могущества Рима, ни овладеть римскими крепостями, хотя и могли захватывать их время от времени; в то время как благодаря своей более развитой цивилизации и поставкам денег, продовольствия и военных материалов, поставляемых различными городами на ее территории, Рим мог вести войну гораздо более непрерывно, чем самнитские земледельцы, чьи армии не могли оставаться в поле более нескольких недель подряд, потому что, как и пелопоннесцы в войне с Афинами, их запасы продовольствия иссякали, и они были вынуждены возвращаться домой, чтобы возделывать свои земли. В дополнение к этому невыгодному положению, все соседние племена, кланы в Аbruццо, апулийцы и даже на некоторое время луканийцы, приняли сторону Рима.

Несмотря на все свои успехи на поле боя, самниты поняли, что в одиночку они не смогут долго противостоять римлянам; они попытались втянуть в конфликт другие народы Италии, и таким образом длительный конфликт приобрел характер решающей борьбы за господство в Италии. Дважды самнитам удавалось создать большую коалицию: в 308 году этруски напали на Рим, в 295 году самнитские войска присоединились к ордам кельтов в Умбрии, а этруски вновь взялись за оружие. В обоих случаях римляне остались победителями, и великая битва при Сентинуме в 295 году решила судьбу Италии. Когда война закончилась в 290 году, Рим был доминирующей силой в Италии, и подчинение тех частей страны, которые все еще сохраняли свою независимость, было лишь вопросом времени. Тогда было уже слишком поздно для Тарента, чтобы восполнить пробел и призвать на помощь Пирра, царя Эпира, слишком поздно для последнего, чтобы возобновить борьбу в духе старой борьбы Греции против итальянцев и карфагенян. Партикуляристский характер греков свел его успехи на нет, как только они были достигнуты; несмотря на все его превосходные способности как полководца и хотя он и победил римлян, он не мог не признать сразу же превосходство их военной системы. Хотя он продвинулся к границам Лация и издали видел столицу врага у своих ног, он не смог разрушить структуру римского государства и в конце концов потерпел поражение от римлян на поле битвы при Беневентуме (275 г.).

Рим теперь завершил завоевание Италии до границ долины По и повсеместно ввел систему, обрисованную в общих чертах выше. Насколько прочно она была скреплена, доказала суровая проверка войной Ганнибала. Даже в Италии не было недостатка в духе партикуляризма, и многочисленные народности, населявшие полуостров, ни одна из которых не понимала языка других, не имели такой общей связи, которая скрепляла различные племена Греции. На территории, которой владел Рим в 264 году, говорили не менее чем на шести разных языках, не считая лигуров, кельтов и венетов. Но Рим, подавляя все открытые проявления неповиновения с неукоснительным упорством и в то же время проводя либеральную политику в отношении интересов зависимых общин и оставляя место для местной автономии, пока она не представляла опасности для него самого, сделал больше, чем просто создал политическое образование; из этого зародыша начинает расти чувство итальянской национальности, выходящее за рамки расовых различий, и рождается новая нация итальянцев или носителей *тог (togati)*.

Главной движущей силой успеха Рима была политика аграрной экспансии, и первыми, кто извлек из нее выгоду, были фермеры. Этот факт сделал невозможным развитие муниципальной демократии по греческому образцу (такой, какую Аппий Клавдий пытался

установить в 308 году) , основанной на капитале, торговле и ремеслах, а также на массах городского населения, во главе с всемогущим демагогом.

С того времени городское население, ограниченное четырьмя районами, было практически лишено политических прав в *comitia tributa* (на которых основывалось обычное законодательство) тридцатью одним районом сельскохозяйственного класса. Но по мере того, как государство превращалось в великую державу, а его главный город — в мегаполис, городские элементы не могли не приобретать все большее влияние, особенно богатые капиталисты (в основном состоявшие из вольноотпущенников и потомков вольноотпущенников), которые управляли всеми вопросами государственных финансов. В *comitia centuriata*, которые были организованы на основе имущественного ценза и функции которых включали избрание магистратов и решение вопросов мира и войны, эти круги оказывали очень большое влияние, а самые богатые нашли компактную организацию в восемнадцати веках рыцарей.

Интересы сельскохозяйственного класса не выходили за пределы Италии; недавние войны обеспечили достаточное количество земли для распределения, а если бы понадобилось больше, ее можно было найти на территории кельтов на По, южная часть которой была завоевана еще в 282 году, но еще не была разделена. Интересы городских элементов, капиталистов, напротив, простирались за пределы моря. Для них самым насущным делом в тот момент было отстаивать превосходство государства перед внешним миром, налаживать отношения с зарубежными странами в соответствии со своими интересами и избавить Италию от иностранной конкуренции, и прежде всего от Карфагена; и немало великих правящих семей, таких как Клавдии, были соблазнены этой заманчивой перспективой.

В течение последних нескольких десятилетий Карфаген и Рим опасно сблизились. Еще в 306 году они заключили договор, по которому Рим не должен был вмешиваться в дела Сицилии, а Карфаген — в дела Италии. Соперничающие государства действительно объединились против Пирра, но так и не избавились от взаимного недоверия; каждое из них опасалось, что другое может закрепиться в его сфере влияния. И вот теперь, в 264 году, осканское племя мамертинцев в Мессане (бывшие наемники Агафокла, истребившего греческое население города) обратилось к Карфагену и Риму с просьбой о помощи против Иерона, правителя Сиракуз.

Таким образом, Рим оказался перед самым важным решением в своей истории. Римляне не были лишены моральных сомнений и не были слепы к тому факту, что удовлетворение просьбы неизбежно приведет к войне с Карфагеном, поскольку Карфаген незамедлительно взял город под свою защиту и оккупировал его своими войсками; но возможность была слишком заманчивой, и если бы ее упустили, весь богатый остров, несомненно, навсегда попал бы под власть Карфагена, и его и без того внушительная мощь соответственно увеличилась бы. Сенат колебался, но консул Аппий Клавдий вынес вопрос на рассмотрение центуриатских сборов, и они приняли решение в пользу оказания помощи, а значит, в пользу войны.

Это был шаг, от которого уже не было возврата, шаг, имевший для Рима такие же непредсказуемые последствия, как оккупация Силезии для Пруссии или война с Испанией и оккупация Кубы и Филиппин для Соединенных Штатов Америки. Непосредственными последствиями этого шага стали двадцатичетырехлетняя борьба с Карфагеном за владение Сицилией и создание римской морской державы, которая не только не уступала Карфагену, но и фактически уничтожила его; конечным результатом стало приобретение владений за морем, где Рим впервые установил власть над данными подданными, управляемыми римскими магнатами и эксплуатируемыми итальянскими капиталистами. Еще одним

следствием стало то, что римляне воспользовались трудностями, в которые попал Карфаген из-за мятежа наемников-этрусков () в 237 году, чтобы отнять у него Сардинию и Корсику и одновременно вновь потребовать огромную компенсацию.

В других направлениях Рим также все глубже вовлекался в дела внешнего мира и, следовательно, в политическую систему эллинских государств. Как и в старом конфликте с этрусками и недавней войне с Карфагеном, так и десять лет спустя он решил в Леванте проблему, которая была поставлена перед Грецией и для решения которой она не была достаточно сильна. Когда пиратское государство иллирийцев из Скодры распространило на побережье Италии свои грабежи, которые оно наносило грекам, Рим принял энергичные меры, использовал свою недавно приобретенную морскую мощь для быстрого свержения пиратского государства (229) и прочно закрепился на побережье Балканского полуострова, тем самым посягая на сферу влияния Македонии, которая была вынуждена оставаться беспомощным зрителем.

С другой стороны, тесная дружба с двором Александрии, зародившаяся после войны с Пирром, укрепилась; не было оснований для противостояния между первой морской державой Востока и первой сухопутной державой Запада, а что касается их соперников, то интересы обеих держав в обеих сферах шли рука об руку. Одним из результатов этого развития стало все более охотное принятие греческой цивилизации в Риме. После окончания Первой Пунической войны греческая драма, которая составляла кульминацию праздников эллинского мира, была включена в популярные праздники Рима, а греческий военнопленный из Тарента по имени Ливий Андроник, который переводил греческие пьесы на латынь, также привнес в Рим греческую науку и перевел «Одиссею», греческую книгу для чтения. Нет нужды рассказывать, как с этого началось развитие латинской литературы, или как латинец Невий, который сам сражался в Первой Пунической войне, занял место рядом с греческим автором как римский национальный поэт.

Однако в других отношениях Рим вернулся к своей древней итальянской политике. После 236 года он вступил в военные действия с лигурами к северу от Арно; в 232 году пограничная территория, отнятая у галлов, была разделена и заселена Гаем Фламинием. Это привело к новой великой войне с кельтами (225-222), результатом которой стало завоевание долины По — с приобретением еще одной обширной территории для раздела и колонизации. В этой войне венеты и кельтское племя ценоманов (между Адидже и Аддуа) добровольно вступили в союз с Римом, и его владения, таким образом, распространились повсюду до подножия Альп.

Но тем временем появился грозный противник. В Карфагене римское нападение и потеря позиций, удерживаемых на протяжении веков на островах, а также утрата морской мощи, несомненно, были остро ощущены всеми слоями населения. Но правительство, *то есть* торговая аристократия, приняло исход войны как окончательный. Они не могли заставить себя пойти на жертвы, которые потребовала бы еще одна кампания против Рима, тем более что они ясно предвидели, что даже если победа будет одержана после более ожесточенной борьбы, чем раньше, она непременно приведет к их собственному падению и установлению власти победоносного полководца. Соответственно, они смирились с новым положением вещей и, несмотря на все изменения, стремились поддерживать дружеские отношения с Римом, поскольку только так торговля и промышленность могли продолжать процветать, а Карфаген, несмотря на утрату своего господства на море, оставаться, как и прежде, первым торговым городом западного Средиземноморья.

Но наряду с правительством возникла военная партия, и ее лидер, Гамилькар Барка, который до последнего момента удерживал свои позиции на Сицилии и который впоследствии (совместно с Ганноном Великим, генералом аристократической партии)

подавил мятеж наемников, горел желанием отомстить авторитарному и вероломному противнику Карфагена. Власть была в его руках, и он был полон решимости использовать ее, чтобы подготовиться к новой и решающей кампании. В конце 237 года, сразу после подавления мятежа, он по собственной инициативе отправился в Испанию и завоевал для Карфагена новую провинцию, превосходящую по размеру владения, утраченные им в пользу Рима.

Союзившись с народной партией в Карфагене и выдав свою дочь замуж за Хасдрубала, их лидера, Барка приобрел сильную поддержку в столице; и даже доминирующая аристократия, несмотря на подозрения, с которыми она относилась к своевольному полководцу — и не без оснований — не могла не приветствовать доходы новой провинции, из которых она могла оплатить военную компенсацию Риму. Гамилькар погиб в 229 году; Хасдрубал, который принял на себя его командование, отложил войну против Рима и заключил соглашение с последним, который с подозрением следил за развитием событий в Испании, по которому он обязался не пересекать Эбро (). Это позволило Риму положить конец кельтской войне и завоевать долину По, пока Хасдрубал организовывал управление Испанией. Но когда, после убийства Гасдрубала в 221 году, его молодой зять Ганнибал, которому тогда было двадцать четыре года, принял на себя командование, он незамедлительно возобновил планы своего отца.

В 219 году, вступив в конфликт с Сагунтоном, который поставил себя под защиту Рима, и атаковав город, который он взял в начале 218 года, он вызвал конфликт, который вынудил как Рим, так и не желавшее этого правительство Карфагена вступить в военные действия. Весной 218 года римское посольство принесло Карфагену объявление войны. В то время как Рим готовился к одновременному нападению на Испанию и Африку, Ганнибал форсированными маршами продвигался по суше на Италию, сумел уклониться от римской армии под командованием Публия Сципиона, высадившейся в Массилии, и достиг итальянской земли до начала зимы. Таким образом, Рим не смог осуществить свой план наступления. В конце 218 и начале 217 года он нанес ряд сокрушительных ударов по противостоявшим ему римским войскам и, усилившись полчищами кельтов из долины По, проложил себе путь в самое сердце Италии.

Ганнибал рассматривал войну как борьбу против государства, обладающего подавляющей силой, которое своим существованием делало невозможным свободное действие для любого другого государства. Он прекрасно понимал, что он один, с армией из двадцати тысяч опытных ветеранов, абсолютно преданных ему, и шестью тысячами всадников, которых он привел в Италию, может победить Рим на поле боя, но никогда не сможет свергнуть его; несмотря на любое количество побед, ни одна атака на столицу не могла закончиться иначе, чем закончился поход Пирра на Лациум.

Кельты из долины По пополняли ряды его армии, но не имели никакого значения для конечного результата. Ганнибал безжалостно жертвовал ими в каждой битве, чтобы сохранить лучших своих солдат для решающего удара. Он снова и снова предпринимал попытки разбить итальянский союз, и после Канн большая часть юга Италии, по крайней мере до Капуи, перешла на его сторону; но центральная Италия, сердце страны, оставалась верна Риму с непоколебимой лояльностью. Сам Карфаген мало что мог сделать, а его правительство не хотело делать многого; Вторая Пуническая война — это война Ганнибала против Рима; Карфаген принимал в ней участие только потому, что ему было приказано это делать. Флоты, которые Карфаген посылал против Италии, ничего не могли сделать перед лицом превосходства Рима на море; на протяжении всей войны не было ни одного серьезного морского сражения.

Более убедительный результат, возможно, был бы достигнут, если бы Ганнибал смог сохранить связь с Испанией, а его брат Гасдрубал смог бы немедленно последовать за ним, что позволило бы им атаковать Рим с двух сторон. Решающим фактором, который с самого начала проложил путь к окончательной победе Рима, было то, что когда консул Публий Сципион в августе 218 года не смог догнать Ганнибала на Роне, он поспешил лично в Италию, где было достаточно войск, чтобы выставить армию за армией против Ганнибала; но гениальным ходом он отправил свои легионы в Испанию и тем самым вынудил Гасдрубала сражаться за владение этой страной, вместо того чтобы продвигаться в Италию. К тому времени, когда Гасдрубал, потеряв почти весь полуостров в пользу Публия Сципиона Младшего, в 207 году решил отказаться от остальных владений Карфагена и ввести свою армию в Италию, было уже слишком поздно; он потерпел поражение от римлян при Метауре. Полный успех мог быть достигнут только в том случае, если бы Ганнибалу удалось втянуть в войну другие государства мира и привлечь их к решительному наступлению на Рим.

Ситуация сама по себе была неплохой для такого предприятия. Империя Лагидов под властью Птолемея II, прозванного Эвергетом (247-221), в последние годы правления этого монарха пришла в упадок; царь чувствовал, что его власть обеспечена, и больше не считал необходимым уделять столько же внимания общей политике или вмешиваться с той же энергией, что и его отец. Тот факт, что в 221 году он оставил Клеомена Спартанского погибнуть в борьбе с Антигоном II Македонским и ахейцами, лишив его субсидий, которые были единственной возможностью удержать его армию, является ярким свидетельством зловещих перемен, произошедших в политике Лагидов.

Птолемей IV, прозванный Филопатором, сын Эвергета, был монархом типа Людовика XV, не лишенным способностей, но полностью преданным сладострастной жизни, который позволял делам идти своим чередом. Соответственно, в Азии молодой Антиох III, прозванный «Великим» (221-187), смог восстановить былое величие империи Селевкидов, и хотя, когда он напал на Финикию и Палестину, он потерпел решающее поражение при Рафии в 217 году, Птолемей IV не предпринял никаких попыток воспользоваться преимуществом своей победы. В Европе Филипп V сохранил свое господство над Грецией и удерживал ахейцев в оковах Македонии.

Таким образом, существовала вполне реальная вероятность того, что оба царя вступят в союз с Ганнибалом и начнут войну с Римом. Филипп V, очень способный монарх, полностью осознавал важность кризиса; у нас сохранился указ от 214 года, обращенный им к городу Лариссе, который показывает, что он правильно оценил основу величия Рима, либеральность его политики в вопросах гражданских прав и постоянное увеличение национальной мощи и территории, которое стало возможным благодаря этой политике. Но он не мог вырваться из мелких распрей, в которых он вырос; после тщетной попытки отнять у римлян их иллирийские владения он больше не принимал участия в войне, в то время как Рим смог быстро заключить союз с этолийцами и Атталом Пергамским и перейти в наступление в Греции. Антиох III, с другой стороны, явно не смог понять политическую ситуацию; для него дела на западе были далеки и туманны, и вместо того, чтобы действовать там, он повернулся на восток, чтобы вновь направить свои войска в Гиндукуш и Индос.

Таким образом, исход войны был предрешен. С того момента, как Рим решил не давать Ганнибалу возможности провести еще одну открытую битву, а ограничиться оборонительными мерами и партизанской войной, последний не смог добиться дальнейших успехов. Тот факт, что к этому времени он завоевал обширную территорию и был вынужден ее защищать, сдерживал его подвижность (), которой он до сих пор обязан был своими

успехами; зенит его победоносной карьеры миновал, он тоже был вынужден перейти в оборону и не мог избежать того, что его постепенно вытесняли с одной позиции за другой. И теперь впервые огромная сила римского государства проявилась во всей своей величественной мощи; ведь, защищаясь от Ганнибала в Италии, оно смогло с абсолютным успехом перейти в наступление на всех других театрах военных действий — в Испании, Сицилии и Греции.

О том, как на римской стороне появился гениальный государственный деятель и полководец в лице Публия Сципиона Младшего, который после завоевания Испании перенес войну в Африку и вынудил ее заключить мир, нет необходимости рассказывать здесь. Рим одержал полную победу и вместе с ней господство над западной частью Средиземноморья; с тех пор в мире не было силы, которая могла бы успешно противостоять ему в чем-либо, что он решил бы предпринять. Война Ганнибала против Рима является кульминацией древней истории; если до этого момента развитие древнего мира и христианских германских народов современности шло в основном параллельно, то здесь мы подходим к разветвлению путей. В современной истории все попытки, предпринятые с XVI века, установить всемирное господство одной нации, закончились ничем; различные народы сохранили свою независимость, и в борьбе политические конгломераты превратились в государства с четкой национальной принадлежностью, обладающие полной властью над своими владениями в той же степени, как это делал Рим только в древние времена. От этого баланса сил между различными государствами и нациями, из которых они состоят, и от непрекращающейся конкуренции во всех сферах политики и культуры, которая требует от них в каждый кризисный момент напрягать все силы до предела, чтобы удержаться в борьбе, зависит современное состояние мира и тот факт, что всеобщая цивилизация современности удерживает свои позиции и (по крайней мере, в настоящее время) неуклонно продвигается вперед, в то время как лидерство в вечной борьбе переходит от одной нации к другой.

В древности, напротив, попытка установить равновесие сил закончилась ничем в войне Ганнибала; и с тех пор в мире существует только одна значимая держава — римское правительство, и именно по этой причине этот момент знаменует сначала застой, а затем и упадок культуры. Конечным результатом, вытекающим из этого положения дел в течение последующих веков, является единое огромное цивилизованное государство, в котором упразднены все различия национальностей. Но это влечет за собой упразднение политического соперничества и условий, жизненно важных для цивилизации; отсутствует стимул к прогрессу, к опережению конкурентов; остается только сохранить то, что уже было достигнуто, а это, как и везде, означает упадок и смерть цивилизации.

Сама Рим, а вместе с ней и вся Италия, стремясь закрепить плоды победы, была обречена испытать на себе все ее катастрофические последствия. Она была втянута в мировую политику, от которой не было спасения, как бы она того ни желала; возвращение к старой итальянской политике с ее ограниченными аграрными тенденциями стало невозможным. Так случилось, что разрушения, причиненные Италии войной Ганнибала, до сих пор не были устранены, а раны, нанесенные ею жизни нации, так и не зажили и не были стерты. Государство Италия и зарождающаяся итальянская нация так и не достигли совершенства, потому что возникла нивелирующая всеобщая империя Рима, которая сдерживала их развитие.

Нет необходимости рассказывать здесь о том, как превосходство Рима проявилось в политических вопросах во всем мире сразу после войны с Ганнибалом, или о том, как за *little more than thirty years* все государства цивилизованного мира подчинились его власти. Необходимо только указать, что конечный результат, всемирное господство Рима, был

неизбежным следствием этого превосходства одного государства и ни в коем случае не был сознательно преследуемой целью самого Рима (). Все, чего он желал, — это формировать дела своих соседей так, как это наилучшим образом соответствовало его собственным интересам, и своевременно предотвращать повторение таких опасностей, которые угрожали ему в случае с Ганнибалом. Его амбиции не шли дальше; прежде всего (хотя он сохранил Испанию, потому что некому было ее передать) он проявлял тревогу и обоснованный страх перед завоеваниями за морем. Но она не осознавала, что, лишив все соседние государства возможности сопротивляться и сделав их бессильными, она лишила их возможности выполнять надлежащие функции государства. С тех пор они существовали только по доброй воле Рима; они были вынуждены обращаться к римскому арбитражу по каждому вопросу и постоянно вовлекали Рим в новые осложнения, в то же время горько ощущая свою зависимость от воли чужой и властной державы.

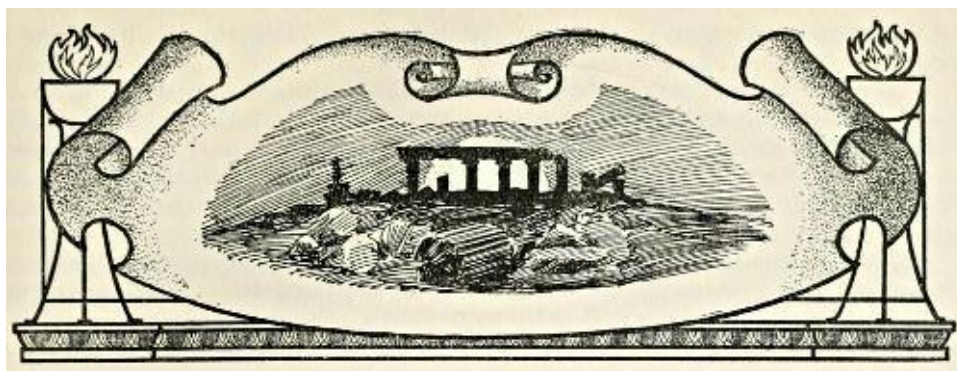
Таким образом, Рим в конце концов оказался вынужденным положить конец этому положению дел, сначала в одной части, а затем в другой, и взять управление на себя. При этом он не руководствовался каким-либо определенным планом, а действовал по случаю или по обстоятельствам, позволяя другим частям своих владений справляться как могли, пока дело не дошло до кризиса, чреватого крайней опасностью для Рима, и единственным выходом из положения стала великая война. Для Рима, как и для всего мира в целом, было бы гораздо лучше, если бы он вступил на путь систематических завоеваний.

Наконец, давайте кратко укажем на влияние политики Рима на развитие цивилизации. Рим и Италия все больше и больше ассимилируют культуру Греции, и последняя, в латинском обличье, в конечном итоге завоевывает господство над всем Западом. В то же время на Востоке начинается регрессивное движение. Рим всеми силами стремится ослабить империю Селевкидов, его вероломная политика разжигает все восстания против нее и ставит всевозможные препятствия на пути ее законного правителя. Таким образом, после более чем тридцатилетней борьбы весь Восток по эту сторону Евфрата утрачен для этой империи. И хотя империя Аршакидов, пришедшая ей на смену, не была ни националистической, ни враждебной по отношению к эллинизму, сам факт того, что ее центр больше не находился на Средиземноморье, а в Вавилонии, и что связь греческих городов Востока с родиной с того времени была разорвана, положил конец распространению эллинизма и подготовил почву для регрессивного движения. Он уже прочно укоренился в Средиземноморье; поддержка, оказанная Антиохом IV, прозванным Эпифаном, эллинистическим тенденциям некоторых евреев, привела к восстанию националистической и религиозной партии в Иудее, а распад империи в результате римских интриг дал им свободу действий и позволил сохранить свою независимость. Примерно в то же время в империи Лагидов Птолемей VII, прозванный Эвергет II, окончательно отказался от старых путей и принципов прошлого, порвал с греками, изгнал ученых из Александрии и попытался опираться на египетский националистический элемент среди своих подданных.

Я не буду здесь проследивать далее общие черты развития древнего мира. Как общая ситуация разрушительно повлияла на доминирующую нацию; как попытка заново создать фермерский класс, который был основой военной мощи Италии и, следовательно, основой ее господства, привела к римской революции; как в этой катастрофе и сопровождавших ее страшных потрясениях зарождающаяся всемирная империя искала свою подходящую форму и в конечном итоге нашла ее в принцепате; и как конституция постепенно трансформировалась из модифицированного возрождения старой Римской республики в денационализированную и абсолютную универсальную монархию — все эти вопросы необходимо оставить для рассмотрения в другой раз.

СНОСКИ

[1] Не к более ранней дате 366 года, как обычно предполагается. Решающие политические конфликты, из которых развилась позднейшая система римского правительства, приходятся на период войн латинян и самнитов и окончательно завершаются с принятием Lex Hortensia в 287 году.

ОБЪЕМ И РАЗВИТИЕ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИСТОРИИ

НАПИСАНО СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ НАСТОЯЩЕЙ РАБОТЫ

Д-РОМ ВИЛЬГЕЛЬМОМ СОЛТАУ

Профессором древней истории в Заберне.

Первые века истории Рима тесно связаны с историей остальной Италии. Поэтому мы должны кратко коснуться развития всей страны.

Примерно в середине второго тысячелетия до НАШЕЙ ЭРЫ некоторые италийские племена проникли с севера на Апеннинский полуостров, который до того времени был заселен сначала иберийцами, а затем лигурами.

Заселение Балканского полуострова в значительной степени было связано с последовательными волнами иммиграции родственных племен, которые в большинстве случаев находили там представителей своей расы. В Италии дело обстояло иначе. На востоке мы видим мессапиев, племя, родственное иллирийцам, поселившееся в основном в Апулии и Калабрии. Тоскана и долина По приняли из долин Альп население этрусков, расу, происхождение и родство которой до сих пор остаются загадкой для ученых. Их язык, безусловно, не является индогерманским, их самые ранние поселения были построены на сваях в долине По, а позднее они поселились в естественных крепостях на вершинах тосканских гор. Следовательно, они не могли прибыть в эту страну по морю. Тем не менее, в египетских памятниках XIII века до НАШЕЙ ЭРЫ мы находим упоминание о вспомогательных войсках «Туриша». По-видимому, они рано завоевали определенную репутацию пиратов и солдат на иностранной службе. Кроме того, греки считали, что этруски были родственны тирренцам Малой Азии, и на острове Лемнос были найдены надписи на языке, похожем на этрусский, которые, по-видимому, подтверждают эту точку зрения. Независимо от их происхождения, они представляют собой очень древнюю цивилизацию на итальянской земле, и индогерманские племена Италии находились под их сильным влиянием.

После этрусской иммиграции два других великих племени, на этот раз арийского происхождения, продвинулись на юг из долины По. Первыми из них, вероятно, были сикулы, племя, которое впоследствии распространилось по Сицилии и всей юго-западной части материка. Аусоны из Кампании принадлежали к этой расе, как и жители «низины» к югу от Тибра, *то есть* в Лацио.

Последними, вероятно, прибыли сабелло-умбрийцы, которые проникли в страну с севера через долины Апеннин. Долгое время они проживали в основном в горных районах центральной Италии, хотя некоторые члены племени продвинулись, как передовые посты, к западному побережью. Умбрийское поселение к северу от Апеннин было единственным, которое достигло больших размеров.

Если учесть, что помимо этих миграций, с VIII века до н. э. побережье южной Италии постоянно заселяли греческие колонисты, чьи первые поселения датируются двумя веками ранее, а с V века до н. э. галлы пересекали Альпы и проникали в долину По, то становится понятно, что Италия неизбежно стала ареной ожесточенных конфликтов. Тем не менее, она не упустила благотворного влияния мирного соперничества между различными расовыми элементами. Население южной Италии переняло язык, нравы и обычаи греков, а на севере этруски служили как носителями своей собственной самобытной цивилизации, так и посредниками между греками и горными племенами.

Таковы были условия и влияния, при которых возник Рим. На протяжении веков латиняне жили в своих горных и лесных поселениях среди Альбанских гор. Но желание защитить себя от вторжения этрусков, с одной стороны, и развитие мирных отношений, с другой, привели их к основанию колонии на Палатинском холме, последнем отроге горного хребта вдоль Тибра. Чрезвычайно выгодное расположение этого нового поселения привело к появлению других поселений в его окрестностях и, в конечном итоге, к объединению, которое дало начало городу на семи холмах. Авентинский и Целийский холмы еще не принадлежали ему, но он включал Субуру и Велию, в дополнение к Палатинской горе, Капитолийской горе, Эсквилинской горе, а также Квиринальскому и Виминальскому холмам; и таким образом, даже тогда он был одним из самых значительных городов Италии, с его укрепленным капитолием и рынком или форумом между Палатинской горой и «горным городом» (Коллина) на востоке. Колония вскоре затмила Альба-Лонга, город-основатель. Рим стал главным городом Латинского союза. Столица союзных городов Лация, хозяйка небольшого владения к югу от нижнего Тибра — таков облик Рима, когда он выходит из сумерек легенд в историю. Чистота латинского языка доказывает, что он не возник из смеси латинских, сабинских и этрусских элементов, как хотели бы нас убедить более поздние изобретения. С другой стороны, нет сомнений в том, что Рим перенял многие детали своей цивилизации и муниципальной организации от своих сабинских и этрусских соседей. Более важным моментом является то, что он рано получил приток иностранных иммигрантов, особенно тосканцев, которые в качестве ремесленников и каменщиков оказали благотворное влияние на прогресс цивилизации среди латинских фермеров.

В то время Римом правили короли, которым помогал совет старейшин города (сто сенаторов). По важным вопросам они должны были получать согласие народного собрания (*comitia curiata*), которое голосовало в тридцати куриях, в соответствии с количеством тридцати мест жертвоприношения в городе. В остальном короли имели достаточно свободную руку в назначении магистратов и жрецов.

Из легендарных подробностей истории монархии ясно только одно: в VI веке до н. э. Римом правили монархи этрусского происхождения () и он в некоторой степени был зависим от этрусских правителей того периода.

В VII и VI веках до н. э. этруски не только энергично отразили вторжения сабеллов, но и сами перешли в наступление. Они не только сохранили и расширили свое господство в долине По, но и создали Тосканский союз двенадцати городов в Умбрии, положив тем самым конец независимости умбров. В это время их власть простиралась на юг до Кампании. На Альбанских холмах была построена тосканская крепость (Тускулум). Этрусские источники информации, и в первую очередь изображения в тосканских погребальных камерах, не оставляют сомнений в том, что этрусское происхождение последних трех царей Рима, Тарквиниев и Сервия Туллия, является историческим фактом. Таким образом, Рим был вовлечен в военные операции этрусских полководцев «Лукумонов», которые укрепили город, украсили его храмами и полезными зданиями (среди прочего, знаменитой *Клоакой Максимой*, первым памятником сводчатой архитектуры на римской земле) и реорганизовали армию, введя сервианскую систему центурий, которая впоследствии стала основой римской конституции. Все население было разделено на четыре городских и шестнадцать сельских рекрутинговых округов (*tribus*), и все свободные землевладельцы (*assidui*) были обязаны нести военную службу на основе имущественного ценза. Классы I–III служили в качестве тяжеловооруженных солдат, классы IV и V — в качестве легковооруженных. Всего это составляло 170 рот (170 × 100), разделенных на две легиона в действующем списке и две в резерве, каждая из которых насчитывала 4200 человек, или 193 центурии, включая центурии конницы. С момента основания республики эта армия

собиралась для избрания консулов и голосования по законам под названием *comitia centuriata*.

Муниципальные *comitia curiata* перестали быть политически эффективными сначала под военным деспотизмом иностранных правителей, а затем в связи с расширением государства, которое в итоге охватило территорию почти в тысячу квадратных километров. С того времени *трибы* стали основой всей политической организации и оставались ею до самого конца.

Но реорганизованная таким образом армия была оружием с двумя остриями. Тираническая власть последнего Тарквиния пробудила в сердцах римлян любовь к свободе. Армия отказалась от своей верности; после многих лет конфликтов и кровопролитных сражений Рим и весь Лаций вместе с ним вернули свою независимость от иностранных тосканских правителей.

Войны, которые вел Рим в течение столетия после изгнания царей, едва ли заслуживают того, чтобы быть занесенными в анналы истории. После того как римляне отважно отразили этрусских полководцев, пытавшихся восстановить власть Тарквиния (496 г. до н. э., битва на озере Региллус), Рим заключил постоянный союз с Латинским союзом, который был не только достаточно сильным, чтобы защитить его от постоянных нападений горных племен (эквиев и сабинов на северо-востоке и волсков на юго-востоке), но и позволил ему постепенно продвигаться вперед и завоевать южные этрусские города Вейи и Фидены. Фидены пали в 428 г. до н. э., а Вейи, торговый центр южной Этрурии, были покорены в 396 г. после десятилетней осады.

Попытка вмешаться в дела северной Этрурии привела к катастрофе, которая угрожала Риму окончательным уничтожением. Некоторое время назад орды галлов проникли в северную Италию через альпийские перевалы. В начале IV века до н. э. сеноны-галлы основали постоянное поселение в долине По и оттуда вторглись в Этрурию. Когда они атаковали Клузий (Кьюзи) в центральной Этрурии, римляне предприняли попытку дипломатического вмешательства, но лишь успели перенаправить гнев врага на себя. Галлы быстро продвинулись вперед, разгромили римские войска у небольшой реки Аллии, всего в нескольких милях от Рима, и заняли сам город. Только цитадель устояла, но прошло более шести месяцев, прежде чем поток варваров утих, и Рим был вынужден купить мир унижительными уступками.

Рим поднялся после своего падения с энергией, вызывающей восхищение, и вскоре завоевал в центральной Италии положение, более важное, чем то, которое он занимал до галльского вторжения. Разделив южную Этрурию между римскими гражданами и основав колонии, которые одновременно служили крепостями и мощными базами для продвижения римской армии, он стал настолько влиятельной державой, что не только постепенно заставил эквиев и волсков признать его верховную власть, но и смог перейти в наступление в центральной Этрурии и на землях сабинов.

Когда сенонские галлы вернулись к нападению, как они делали два или три раза через поколение (360, 349 и 330 гг. до н. э.), они столкнулись с такими силами Латинского союза, что отказались вступать в открытое сражение, вскоре отступили и в конце концов заключили перемирие на тридцать лет (329-299 гг. до н. э.).

Об укреплении позиций римского сообщества внутри своих границ после катастрофы с галлами свидетельствует увеличение числа муниципальных округов, несмотря на тяжелые потери на поле боя, количество и значение колоний, постепенное расширение торговли и рост торгового флота, введение чеканных монет (около 360 г. до н. э.) вместо неудобных медных слитков и, наконец, все более активными отношениями Рима с иностранными

державами. Около 360 г. до н. э. римляне отправили вотивные дары в Дельфы и до и после этого предпринимали попытки ввести в свою страну греческие культы. Но самым убедительным свидетельством расширения римской торговли и уважения, которым пользовался Рим как столица заключения договоров между торговыми городами средней Италии, являются его договоры с Карфагеном (вероятно, 348 и 343 гг. до н. э.). Положения (текст которых дошел до нас), согласно которым римские суда не должны были плыть на запад за определенную линию в Северной Африке или Испании, убедительно доказывают, что карфагеняне считали итало-римскую конкуренцию фактором, с которым следовало считаться.

Внутреннее развитие римского государства в этот период (509-367 гг. до н.э.) имеет большее значение, чем многие войны и военные успехи. Конституционные борьбы, которые происходили в одном из внутренних городов Италии, сами по себе не имеют большого значения в мировой истории. Но формы, в которые были отлиты гражданская жизнь и гражданское право в Риме, впоследствии (хотя и в значительно измененном виде) имели большое значение для всей Римской империи. Деление на *курии* было распространено не только в самом Риме, но и в самых отдаленных колониях империи того времени. *Трибы*, то есть районы, заселенные римскими гражданами, обладающими полными гражданскими правами, впоследствии включали всех граждан империи. Кроме того, история гражданского и частного права у римлян представляет особый интерес в связи с тем, что его эволюция оказала решающее влияние на правовые системы самых разных цивилизованных народов до наших дней.

Правовые и конституционные изменения, произошедшие в Риме в этот период, были вызваны (несмотря на консервативный характер римского народа) изменившимся статусом города. В первой половине монархии все гражданские институты были организованы с учетом муниципальных условий (). Но Рим эпохи Тарквиниев (в VI веке до н. э.) едва стал столицей владений площадью почти в тысячу квадратных километров, как оказался вынужден принять своих новых граждан сначала в роты (*centuriæ*) армии, а вскоре (после 509 года до н. э.) — в народные собрания, которые голосовали по центуриям. Старые сакральные постановления, которые не подходили ни для каких других условий, кроме муниципальных, были заменены *jus Quiritium*, или Законом копеечников, постановлением гражданского права.

Для составления завещания или урегулирования других вопросов семейного права больше не требовалось помощь понтифика и согласие народного собрания, голосовавшего по *куриям*. Гражданское завещание и соответствующие гражданские институты заменили старую систему.

Но римское государство не избежало тяжелых внутренних проблем. После изгнания царей патрицианская аристократия стремилась сосредоточить всю власть в своих руках. Сенаторы избирались исключительно из их рядов, гражданские и военные должности стали прерогативой одного класса. Все священнические должности занимали члены патрицианских семей. Патриции считались единственными толкователями человеческого и божественного права. Дополнительным злом было то, что аристократическая *comitia centuriata*, фактически исключавшая бедных граждан, была полностью лишена инициативы.

Римская *плебс* страдала даже больше от отсутствия правовой безопасности в условиях неписаного права, произвольно применяемого патрицианскими судьями, чем от отсутствия политических прав. В ходе знаменитой бескровной революции 494 г. до н. э. плебс завоевал право выбирать своих опекунов в лице народных трибунов, которые имели право вмешиваться даже в дела консулов, и вскоре приобрел решающее влияние во всех государственных делах. Десятилетиями борьбы стойкие защитники гражданских свобод

добились сначала принятия письменного кодекса общего права, а затем и участия плебеев в государственных должностях и почестях. С 443 г. до н. э. появились специальные цензоры (), независимые от консула, чья задача состояла в том, чтобы определять место каждого гражданина в реестре призывников и граждан, а также регулировать налогообложение и государственные сборы.

Но самым важным триумфом было то, что собрания плебеев постепенно добились официального признания резолюций, которые они принимали по юридическим, судебным и политическим вопросам. После 287 года до н. э. *плебисциты* имели ту же силу, что и законы (*leges*), принятые всем народом.

Хотя подчиненные классы таким образом завоевали удовлетворительный объем гражданских прав и свобод, они никогда не забывали — и это наиболее значимая черта всей борьбы за свободу — что только сильное правительство и магистратура могут успешно удовлетворять обычные требования или справляться с чрезвычайными ситуациями. В Риме свобода действий отдельного магистрата во многом ограничивалась его коллегами и начальниками. Но в пределах своей юрисдикции, своей *провинции*, он пользовался значительной независимостью.

Сенат был единственной властью, которой в конечном итоге удалось наложить ограничения на эту независимость. В этом органе постепенно сосредоточивалась фактическая власть правительства. В условиях постоянного увеличения числа магистратов ему часто удавалось добиваться своего без особых трудностей. В сердцах его членов покоились *arcana imperii*, секреты политики, которая сумела сделать Рим великим. Эгоизм, последовательность, вероломство, настойчивость — таковы были мотивы, некоторые благородные, а некоторые низкие, которые формировали его решения. Тем не менее, мы не можем отрицать, что в политических целях, представляемых сенатом, есть определенное величие. Он также не потерпел неудачу; более того, его достижения были потрясающими.

В 390 году до н. э. город Рим был в руках галлов, и римское государство, по всей видимости, погибло. Ровно сто лет спустя, в конце Второй Самнитской войны, Рим был хозяином почти всей Италии. Еще через несколько лет он занял Тарент (272) и Региум (270). Как объяснить эту поразительную перемену?

Было бы несправедливо не отдать должное замечательному характеру римского народа. Неизменный самоотверженный патриотизм, упорное терпение в опасные времена, мужественная готовность рискнуть всем, даже своей жизнью, если этого требовало благо города — эти качества отличали римлян той эпохи и позволяли им совершать великие дела. Благодаря им замечательная военная система Рима впервые стала пригодной для той великой роли, которую ей предстояло сыграть в истории мира, и превратилась в оружие, которое никогда не отступало перед самыми грозными врагами и давало уверенность в долговременном успехе.

Со временем древняя сервийская фаланга была заменена прекрасно организованным и мобильным расположением войск в манипулах по 160 человек в каждом. Расположенные в три ряда с боковыми промежутками между ними, эти отряды сменяли друг друга во время боя и таким образом были способны подавлять самые яростные атаки врага, постоянно выдвигая свежие войска, которые сначала метали свои длинные копья, а затем атаковали короткими мечами.

Римское государство все чаще практиковало распространение обязательной военной службы на низшие классы, которая во всех других частях Италии была привилегией *assidui*, или свободных землевладельцев. В военное время знаменитый цензор Аппий Клавдий Цек

набирал в военные округа (*tribus*) большое количество безземельных мужчин и вольноотпущенников.

Благоприятные политические изменения способствовали развитию римского господства в Италии. В течение V века этруское господство пришло в полный упадок. Победоносная борьба Рима за свободу (), продвижение самнитов в южной Италии и иммиграция галлов в северную Италию превратили Этрурию во второстепенную державу. На юге власть богатых греческих городов была сломлена Дионисием Сиракузским. Шаг за шагом римские колонисты продвигались в южную Италию. Там, где меч был бессилён, Рим прибегал к строительству дорог, освоению и возделыванию пустошей и созданию новых поселений. Прежде всего, латинские колонии, которые он основал совместно с Латинским союзом, имели огромное значение для обеспечения господства Рима в центральной Италии. Эти колонии служили крепостями, а колонисты были гарнизоном, всегда готовым к обороне. Сами колонии были основаны таким образом, чтобы препятствовать объединению различных народов Италии. Они распространяли латинское право и латинский язык среди иностранцев. Они вновь объединили римлян и латинян в общем деле цивилизации после того, как эти два народа так яростно сражались друг с другом в так называемой Великой латинской войне (340-338 гг. до н.э.).

Особого внимания заслуживают умелые дипломатические переговоры и соглашения, с помощью которых Рим сумел либо привлечь на свою сторону бывших противников, либо заставить их остаться нейтральными, прежде чем вступить в борьбу с самнитами за гегемонию в Италии (342-340 и 326-304). Он защищал свои тылы, заключая многолетние перемирия с этрусками (351-311) и галлами (329-299). Он установил дружеские отношения с греческими городами и привлек на свою сторону многие общины в Кампании и Лукании, которые находились под защитой самнитов. Более того, она не побоялась купить дружбу Карфагена, позволив ему захватить и разграбить приморские города средней Италии, которые восстали против римского господства. Кроме того, она продемонстрировала замечательное умение удержать владения, завоеванные в самнитских войнах. Только небольшая часть из них была включена в состав римской территории. Многие города приняли латинских колонистов и таким образом сохранили свою муниципальную автономию в новых условиях. С другой стороны, связь между непокорными кантонами сабелльских, этрусских и среднеитальянских племен была полностью разорвана. Изолированные и лишённые права на торговлю (*commercium*), различные небольшие города и общины перестали иметь какое-либо значение как в экономическом, так и в политическом плане.

Римляне едва завершили завоевание Этрурии и Самнитского союза в Третьей Самнитской войне (298-290 гг. до н.э.) и подчинили себе родственные районы Лукании и Бруттия, как вдруг оказались вовлечёнными в борьбу, которая тогда будоражила греческий мир.

После 301 года несколько частей империи Александра Македонского стали независимыми королевствами. Но распри между различными диадохами продолжались и в конечном итоге привели к изгнанию Деметрия Полиоркета из Македонии и падению Лисимаха Фракийского.

Нестабильное положение этих царств вдохновило орды галлов, жаждущих грабежей, на идею пересечь Альпы и завоевать Апеннинский и Балканский полуострова. Италия обязана своим спасением энергичной обороне, организованной римлянами у озера Вадимония (283 г. до н. э.); но Македония была оккупирована на несколько лет, и полчища галлов распространились до Дельф, а в конце концов поселились в Малой Азии под именем галатов.

Ещё до галльского вторжения Пирр Эпирский, на некоторое время захвативший Македонию, удалился в свою страну, и он и его армия наемников, жаждущие действий,

обратили свой взор на запад. Желанная возможность восстановить там влияние и репутацию, утраченные им на западе, не заставила себя долго ждать. Тарент, последний независимый город, имевший какое-либо значение в Италии, спровоцировал Рим на военные действия и пытался нанять наемников для войны. Пирр отправился на помощь тарентинцам, как и Александр Эпирский, двоюродный брат Александра Македонского, который был там до него (334 г. до н. э.). После нескольких первоначальных успехов последний погиб в сражении с луканами (331 г. до н. э.). Его племяннику повезло не намного больше. Полководческое искусство римских майоров, избираемых заново каждый год, поначалу не могло сравниться с мастерством Пирра, который имел за спиной большие военные успехи. До этого времени македонская фаланга неизменно оказывалась орудием победы, особенно в первых сражениях кампании, и даже римляне отступали перед слонами, «тяжелой артиллерией» эпиротов. Но вторая победа, которую царь одержал над римлянами, была «пирровой победой», поскольку его приобретения не компенсировали его потери. В этом случае Рим обязан победой главным образом неуклонному мужеству своих государственных деятелей. Слепой Аппий Клавдий, который тридцать лет назад сыграл почетную роль в успешной борьбе с самнитами, попросил, чтобы его привели в сенат, и своими аргументами убедил римлян неуклонно отклонять все предложения о мире на менее выгодных условиях. «Римляне никогда не заключали мира с побежденным врагом». Эти гордые слова содержат секрет окончательного успеха Рима во всех его войнах того века.

К счастью для римлян, в то самое время греки Сицилии срочно нуждались в помощи царя Эпира. Они были разгромлены карфагенянами, и их независимость оказалась под угрозой. Пирр соответственно покинул Италию на более чем два года, чтобы добиться первых успехов в Сицилии, но в итоге потерпел поражение. Когда он вернулся в Италию, было уже слишком поздно. Римляне установили свое господство над итальянскими мятежниками и вновь начали преследовать Тарент. Пирр потерпел катастрофическое поражение при Беневенте в Самнии (275 г. до н. э.), и вскоре после этого (272 г. до н. э.) Тарент сдался. Сам Пирр был убит в Греции примерно в то же время.

Покорение Италии было теперь завершено. После того как Региум, самый южный город Италии, был отбит из рук мятежных наемников (270 г. до н. э.), Рим также взял на себя экономическое управление Италией, введя серебряную монету (269 г. до н. э.).

Война с Пирром ясно показала, что Рим не мог остановиться и довольствоваться уже достигнутыми успехами, но вскоре будет вынужден вступить в борьбу за все страны Средиземноморья, то есть за господство над всем тогдашним известным миром.

Правда, он очень быстро сумел восстановить дружеские отношения с греческими городами Италии, которые в некоторых случаях симпатизировали другой стороне в войне с Тарентом. Автономное управление, которое он разрешил им на условии поставки ему кораблей, и защита, которую они, со своей стороны, получали от ведущей державы Италии, не могли не расположить их к продолжению его сюзеренитета.

С Карфагеном дело обстояло иначе. Вплоть до войны с Пирром интересы Рима и Карфагена в значительной степени совпадали или, в худшем случае, приводили к компромиссам в трех союзнических договорах (348, 343 и 306 гг. до н. э.). Но в войнах против Пирра в интересах Карфагена было, чтобы Пирр был занят в Италии, в то время как римляне сумели обратить его энергию против карфагенян. И когда римляне готовились к захвату Тарента, появился карфагенский флот, проявивший желание захватить этот город, самый важный порт южной Италии. Сила, которая, как и Рим, имела одну ногу в Региуме, вскоре должна была поставить другую в Мессане, и это было бы *casus belli* при любых

обстоятельствах. Как могли карфагеняне терпеть, видя, как остров, за владение которым они боролись двести лет, переходит в руки римлян?

Фактический повод для войны слишком драматичен, чтобы его можно было пропустить. Мятежные наемники Агафокла (317-289 гг. до н. э.) захватили город Мессана. Они подверглись нападению Иеро Сиракузского с таким успехом, что обратились за помощью то к карфагенянам, то к римлянам. Карфагеняне пришли на помощь первыми и разместили гарнизон в цитадели Мессаны. Но командир был настолько глуп, что вступил в переговоры с римским легатом, который пересек пролив Мессаны с небольшим отрядом войск, и в ходе этих переговоров был взят в плен — следует признать, что по своей собственной вероломной измене. Таким образом, ключ к Сицилии попал в руки римлян, и была объявлена война. История следующих ста двадцати лет полностью занята великой борьбой между этими двумя городами, пока, наконец, в 146 году до н. э. Карфаген не был сравнен с землей.

Таким образом, государство Рим, которое завоевало для себя лидирующее положение в Италии в освободительных войнах с этрусками и сабеллами, а затем было вынуждено самнитами вступить в борьбу за господство в Италии, оказалось почти невольно втянутым в решающую борьбу за господство над всеми побережьями Средиземного моря. Настойчивость, с которой Рим стремился к достижению все более высоких целей, вызывает наше восхищение, и не меньшее восхищение вызывает правительство многоголового сената, которое держало в поле зрения одну постоянную цель и последовательно ее преследовало; которое, кроме того, безопасно провело государственный корабль через все опасности, когда некомпетентность ежегодно избираемых главных магистратов приводила к самым серьезным катастрофам. В этом заключалась слабость римского государства. Как римские консулы, ежегодно избираемые народом, как правило, по политическим мотивам, могли приобрести способность командовать армиями, овладеть искусством стратегии или вести войска и флоты в регионы, которые были им незнакомы? Негативным последствием этой нелепой системы Рим обязан тяжелыми поражениями в Первой Пунической войне (264-241 гг. до н.э.) и началом Второй. Ситуация начала улучшаться, когда два способных полководца, Марцелл и Сципионы, оставались у власти в течение нескольких лет подряд.

Тем не менее, римские армии часто возглавляли доблестные и мудрые люди, и они добились некоторых устойчивых успехов даже в Первой Пунической войне, одной из самых затяжных и кровопролитных войн древности.

Гиеро, царь Сиракуз, был разгромлен в самом начале и вынужден заключить союз с Римом, который он верно соблюдал до своей смерти в 216 году. Агригент и многие другие сицилийские города попали в руки римских полководцев. Знаменитая победа (Милай, 260 год), одержанная римлянами с их первым настоящим флотом над самой известной морской державой древности, абсолютно поразительна. Но Рим можно было завоевать только в Италии, а Карфаген — только в Африке, и поэтому римляне переправились в Африку после еще одной блестящей морской победы у Экнома на юге Сицилии (256 г. до н. э.). Удача сопровождала их в первых сражениях. Положение самого Карфагена стало серьезным. Но после того, как один из консулов (Манлий) вернулся домой по окончании своего года пребывания в должности, а карфагеняне наняли достаточное количество греческих наемников и нумидийских всадников, римская армия была уничтожена, а ее командующий, Регул, взят в плен. Римский флот, который был заново создан в течение нескольких месяцев, действительно сумел уничтожить карфагенский флот у мыса Меркурий (мыс Бон) и взять на борт остатки разгромленной армии, но затем сам потерпел крушение в результате шторма у Камарины на южном побережье Сицилии (255 г. до н. э.). Подобная судьба постигла многие другие римские флоты в 253 и 249 годах до н. э. Римляне не были достаточно

осведомлены о периодическом повторении штормов в Средиземном море () — знание, необходимое для морской нации — и не были достаточно знакомы с характером побережья, скалами и отмелями, чтобы с уверенностью рассчитывать на длительный успех в морской войне. Захват Панорма (Палермо) в 254 году до н. э. и великая победа Метелла над большой армией врага под стенами города в 250 году не смогли компенсировать морские поражения. В 249 году до н. э. тяжелое поражение Публия Клавдия Пульчера и его флота при Дрепане (на западе Сицилии) и гибель другого флота вынудили римлян окончательно отказаться от военных действий на море. Флоты Карфагена вновь захлестнули Средиземное море, грабили побережья Италии и даже поставили под угрозу власть Рима над Сицилией. На западе острова Гамилькара Барка, самый способный из карфагенских полководцев, обосновался на горе Эрикс. С этой базы в Эгатике он совершал успешные набеги на римскую Сицилию. Война затянулась, пока наконец не была закончена флотом, построенным римлянами на добровольные пожертвования. Блестящей морской победой у Эгадских островов Лутаций Катул уничтожил последний значительный пунический флот и таким образом заставил карфагенян пойти на уступки. Сицилия была уступлена Риму, а от побежденного города была потребована умеренная военная компенсация. Но двадцать четыре года военных действий, в ходе которых она до предела исчерпала свои финансовые возможности, истощили ресурсы Карфагена, и он больше не мог платить своим наемникам. Результатом стал грозный мятеж, который провозгласил всему миру банкротство всего государственного устройства. Рим самым вероломным образом воспользовался затруднительным положением своего противника. Несмотря на то, что мир был восстановлен, он заключил договор с мятежниками и убедил их передать ему Корсику и Сардинию.

В целом, период между Первой Пунической войной (264-241) и Второй (218-201) можно считать лишь вооруженным перемирием. Обе стороны прекрасно понимали, что решающая битва еще впереди и должна состояться в недалеком будущем. Мы поражены гением, энергией и успехами Гамилькара Барки, который, успешно подавив мятеж наемников, даже в час глубочайшего унижения своей страны завоевал для нее новые провинции, новые ресурсы и новые армии в Испании. Но римляне, со своей стороны, также хорошо использовали это время. В Иллирийской войне (229-228) они взяли на себя роль покровителей греческих городов и греческой торговли, обеспечили безопасность морского судоходства в Адриатическом море и по мере своих сил сдерживали мощь иллирийского пиратского государства. Они энергично пытались отразить кельтов в Пицене и Умбрии (236 и 232). Но галлы из Цизальпийской Галлии в бесчисленных полчищах хлынули через альпийские перевалы на помощь своим соплеменникам и вынудили Рим вступить в одну из самых кровопролитных войн, которые когда-либо видела Италия (225-222 гг. до н. э.). Рим стремился привлечь всех итальянцев на свою сторону. В его списке итальянцев, способных нести оружие, числилось в общей сложности семьсот тысяч пехотинцев и семьдесят тысяч всадников. Галлы, потерпевшие поражение в Этрурии на По и в Милане, просили о мире, хотя их территория к северу от По еще не была завоевана. Военные колонии Плацентия (Пьяченца) и Кремона (основанные в 218 году) предприняли попытку хотя бы частично удержать для римлян завоеванную территорию. Но когда Ганнибал, захватив Сагунт, продвинулся через Пиренеи и Альпы и призвал галлов к восстанию, вся долина По была вновь утрачена. Во Второй Пунической войне (218-201 гг. до н.э.) гений и энергия Ганнибала привели Рим на грань гибели, и мы не знаем, чем восхищаться больше: силу характера, которая позволила сыну Гамилькара Барки завоевать личную преданность армии, состоящей из самых несочетаемых элементов, и таким образом вдохновить их энтузиазмом для дела Карфагена, или полководческим талантом, который в самых критических ситуациях неизменно выбирал лучший выход и осуществлял его наилучшим образом. За все пятнадцать лет, которые он провел в Италии (218-203 гг. до н.э.), Ганнибал ни разу не

потерпел поражения, его армия никогда не восставала против принятых им мер, и его злейшие враги не могли предъявить ему никаких обвинений, кроме «большей, чем пуническая вероломности» (*plus quam Punica perfidia*) — блестящего свидетельства не только его постоянного превосходства в государственном управлении, но и его личной честности. И все же упорное настойчивость и самоотверженный патриотизм римлян были еще более достойны восхищения и принесли еще более плодотворные результаты, чем удивительная энергия этого величайшего полководца древности. К этому времени узы, объединявшие Латинский союз в центральной Италии, достигли такой прочности, что ни армии Ганнибала, ни его дипломатические искусства не могли их разорвать. Национальный дух народа установил границы, которые его гений не мог преодолеть.

В начале кампании слабость карфагенского флота побудила Рим попытаться перенести театр военных действий в Африку и остаться в обороне на Эбро. Перейдя Альпы — возможность, которая никогда не входила в планы римлян, — Ганнибал сделал Италию ареной решающей битвы. После победоносной кавалерийской битвы недалеко от Тицинуса он заманил римскую армию, расквартированную в Плацентии, перейти Требию, а затем разгромил ее; только меньшая половина армии смогла вернуться в крепость. Он ускользнул от консула Семпрония, который был расквартирован в Ариминуме, перешел Апеннины в Этрурию и уничтожил армию Фламиния в узких ущельях на берегу озера Тразимен. Фабий Кунктатор (Медлительный) теперь упорно избегал сражения с ним, но когда Ганнибал прошел через провинции средней Италии, грабя все на своем пути, римляне снова рискнули вступить в открытое сражение. В Каннах, в Апулии, он оказался лицом к лицу с восьмидесятитысячным войском и благодаря гениальному ходу сумел не просто разгромить, но и полностью уничтожить римские войска на открытом поле, имея в своем распоряжении лишь половину их численности (216 г. до н. э.). Это стало сигналом к дезертирству большинства союзников (за исключением латинских колоний). Капуя, Самниум, Лукания, Бруттиум и Апулия взяли на себя инициативу, и вскоре вся южная и центральная Италия перешла на сторону Ганнибала, включая даже Тарент. Сиракузы подняли восстание, и таким образом Сицилия казалась потерянной; а Филипп Македонский объявил войну Риму (215 г. до н. э.). Но политика Рима была на высоте чрезвычайной ситуации. Он сумел привлечь на свою сторону греческие государства второго и третьего ранга. Этолийцы и иллирийцы, Пергам и Родос удерживали Филиппа и не давали ему оказать активную помощь Ганнибалу. Римский флот господствовал на море и успешно препятствовал любому союзу между враждебными державами, и таким образом карфагеняне не могли ни спасти Сиракузы, ни послать Аннобалу адекватное подкрепление, ни соединиться с флотом Филиппа. Отважные полководцы, такие как Марцелл, завоеватель Сиракуз, сумели измотать его войска частыми атаками.

Причины войны в Италии вскоре стали все больше и больше угасать, особенно после того, как Капуя и Тарент были отвоеваны (в 211 и 209 годах). Однажды, и только однажды, карфагеняне снова рискнули сыграть по-крупному. Гасдрубал умело уклонился от римлян в Испании и через Пиренеи и Альпы достиг северной Италии, намереваясь там объединиться со своим братом Ганнибалом (в начале 207 года до н. э.). Это был критический момент, поскольку оба консула 208 года пали в бою. Быстрая помощь, которую новоизбранный консул Клавдий Нерон отправил своему коллеге Ливию, решила исход битвы в пользу римлян. Гасдрубал потерял и свою армию, и свою жизнь (в Синигалье) на берегах Метаура.

Тем временем римлянам удалось отбить Испанию у карфагенян. Два старших Сципиона, Публий и Гней, которые после смены удачи в боях продвинулись до Гвадалкивира, оба погибли в 211 г. до н. э. Но Публий Сципион Младший, впоследствии известный как Африкан, человек с характером, подобным характеру Ганнибала, захватил Новый Карфаген (209 г. до н. э.), разгромил карфагенские войска при Бекуле (208 г.) и Сильпии (207 г.) и в 206 г. занял Гадес, самый южный город Испании.

Тем не менее, Карфаген можно было завоевать только в Африке. Многие осторожные члены сената не одобряли эту точку зрения, пока Ганнибал оставался в Италии. Несмотря на это, в 204 году Сципион сумел перенести театр военных действий из своей провинции Сицилия в Северную Африку. Вступив в союз с нумидийским принцем Масиниссой, он разгромил карфагенян и их союзника Сифакса из Мавретании в 203 году до н. э. и положил конец войне решающей победой при Заме (202 год до н. э.), в которой он разгромил Ганнибала, вернувшегося из Италии, и лучшие части его войск.

Карфаген потерял не только свой флот и зарубежные провинции, но и сам суверенитет; ему не разрешалось вступать в войну без разрешения Рима, а над ним был установлен неудобный надзор в лице его противника Масиниссы, который обогатился за счет пунических территорий.

Даже после этой катастрофы карфагеняне не полностью потеряли дух. Их торговля вскоре возродилась и процветала, а Ганнибал делал все, что мог, чтобы восстановить престиж своего родного города, пока римляне терпели его присутствие там, и чтобы поднять новых врагов Риму после того, как он был изгнан в изгнание.

Рим не долго наслаждался своей победой. Был заключен мир. Не только граждане Рима, но и вся Италия жаждали прочного мира. И все же римский сенат, вопреки настроениям народа, был вынужден либо немедленно вступить в новую опасную войну, либо изменить всю свою политику, проводимую до того времени.

Успех Рима в отношениях с Македонией был обусловлен, как уже было сказано, тем, что он распространил свою защиту на более мелкие греческие государства и таким образом получил базу, с которой он мог сдерживать более крупные государства Греции, в первую очередь Македонию. Эта политика заставила римлян в 200 году до н. э. прийти на помощь Египту, который подвергался сильному давлению со стороны объединенных сил Македонии и Сирии. С момента вступления на престол молодого Птолемея Эпифана в 205 г. до н. э. Македония и Сирия объединились с целью разделить между собой Египетскую империю и ее зависимые территории.

Доля Сирии должна была составить Египет и Кипр, а доля Македонии — Кирена, Иония и острова Эгейского моря. Рим не мог оставаться равнодушным наблюдателем первых успехов этих двух великих держав, поскольку они были достигнуты за счет государств Пергама, Родоса и Милета, которые были его союзниками. В случае с Сирией римляне достигли своей цели () благодаря посольству Марка Эмилия Лепида. Антиох Великий

эвакуировал Египет. Однако Филипп не остановился на достигнутом, и таким образом разразилась Македонская война, исход которой после многих лет неоднозначных успехов был решен в пользу римлян благодаря продвижению Фламиния в Фессалию и его победе при Киноскефалах (197 г. до н. э.). На Истмийских играх Фламиний провозгласил, что все греки свободны, но на самом деле это провозглашение привело к тому, что все греческие государства оказались в одинаково бессильном положении и ни одно из них не получило долговременного удовлетворения. Этолийцы, которые были союзниками Рима в Македонской войне и считали себя в значительной степени ответственными за ее исход, теперь были наиболее яростно настроены против него. Антиох Великий из Сирии воспользовался преобладающим настроением, чтобы продвинуться в Малой Азии. Ганнибал, изгнанный из Карфагена, появился при его дворе и пытался, хотя и безуспешно, убедить его перейти в наступление на Италию. Тем не менее война была неизбежна. Антиох владел морем и переправился в Эвбею и Фессалию. Этолийцы подняли восстание. Однако римляне с большим энтузиазмом вступили в конфликт. После того как лучшие войска Антиоха были разгромлены при Фермопилах, а сирийский флот под командованием Ганнибала дважды потерпел поражение, Сципионы переправились в Малую Азию и уничтожили основную армию Сирии при Магнезии. Кровавый конфликт закончился завоеванием горных кантонов Этолии (191-189) и покорением галатских орд (188). Антиох был вынужден отказаться от своих притязаний на Малую Азию.

То, что римляне в это время и в последующие десятилетия не воспользовались своим успехом для присоединения новых провинций к своей империи, было отчасти связано с их справедливой оценкой того факта, что завоевание греческого мира можно было бы лучше и легче осуществить, разделив его на изолированные и бессильные государства, а отчасти — с их печальным опытом в случае с их последними приобретениями. В течение почти семидесяти лет после Второй Пунической войны римские войска сражались за сохранение господства Рима над его испанскими провинциями, и даже тогда север и запад оставались свободными. С 151 по 133 год в южной Испании и Лузитании (Португалия) бушевало жестокое восстание. Подвиги патриота Вириата и отчаянная оборона Нуманции показали римлянам, до каких крайностей могут прийти отважные народы, даже если изначально они были к ним хорошо настроены, из-за их отвратительного управления провинциями. Кроме того, они были вынуждены сражаться год за годом, то с галлами и лигурами, то с иллирийцами и далматинцами. Сила союза греческих государств также ни в коей мере не была сломлена. Только несчастная империя Сирии, управляемая никчемными монархами и раздираемая внутренними распрями, быстро приходила в полный упадок. Одного слова римского посла было достаточно, чтобы заставить трусливого Антиоха Эпифана подчиниться и излечить его от склонности присоединяться к врагам Рима. Но Македония набирала силу под руководством Филиппа и Персея, и последнему действительно удалось создать великую коалицию государств Балканского полуострова против Рима. В Третьей Македонской войне империя Александра была окончательно разрушена после победы при Пидне (168 г. до н. э.). Даже тогда Рим воздержался от разделения Македонии и Греции на провинции; он не изменил своей политики до тех пор, пока в Македонии не произошли неоднократные кровопролитные восстания, возглавляемые претендентом на престол Андриском, и восстание Ахейского союза (141-146 гг.). После этого настала очередь западной части Малой Азии, которая в 133 г. до н.э. получила название провинции Азия.

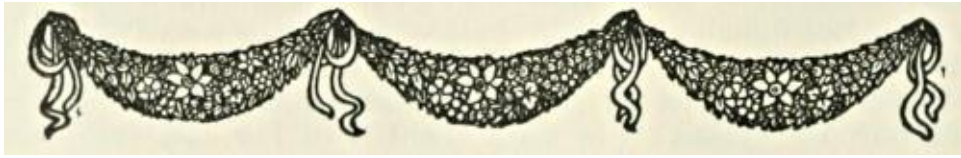
Однако в структуре римского господства над побережьями Средиземного моря все еще отсутствовал ключевой элемент. Карфаген вновь достиг процветания. Его торговля и богатство, сами по себе незначительные, могли стать угрозой только в том случае, если бы Рим был вынужден, как в 150 году, противостоять враждебным силам как в Испании, так и на Востоке. Следовательно, Рим не мог успокоиться, пока не сметал со своего пути

соперника, угрожавшего его величию (). После частых ссор с Масиниссой, после угроз и унижительных требований всякого рода, карфагеняне в отчаянии взяли за оружие, чтобы в последний раз сражаться за свободу. Сципион Эмилиан захватил Карфаген в 146 году до н. э. Победитель вполне мог прослезиться при виде города, преданного пламени, думая о том, что однажды такая же судьба постигнет и его родной город. Ведь с падением своего последнего внешнего врага власть Рима начала рушиться из-за внутреннего разложения. Кровавые восстания рабов (140-133 гг. до н.э.), коррупция аристократии, упадок классов свободных граждан и свободных крестьян были врагами, которые нанесли Римской империи гораздо более тяжелые раны, чем мечи ее внешних врагов.

Ее крепкое крестьянство и моральные ценности ее граждан были силами, которые сделали Рим великим. Его экспансия путем завоеваний позволила ему улучшить положение бедных граждан путем основания колоний и раздела общественных земель, и таким образом увеличить число способного сельскохозяйственного населения. По мере того как система плантаций, на которых работали рабы, заменяла это здоровое развитие, масса городского пролетариата увеличивалась, а их пригодность к военной службе уменьшалась, и древнеримская *virtus* быстро ушла в прошлое. Мы слишком хорошо знаем, как мало такие цивилизационные влияния, как этруски, а после них греки южной Италии, оказали на римскую жизнь, могли предложить в качестве компенсации. Многие формы и обычаи религиозного поклонения, многие игры и театральные представления, заимствованные из греческих моделей, нашли признание в Риме. Под влиянием греческих учителей развилась школа поэзии и сложный стиль латинской прозы. С восхитительной готовностью самодостаточные римляне ознакомились не только с греческим языком, но и со многими аспектами греческой философии и риторики.

Но темная сторона картины почти уравнивала яркость этого прогресса в культуре. Вместе с греческими философами пришли греческие предсказатели и шарлатаны, вместе с греческой драмой — манеры и мерзости греческого мира; вместе с греческим наставником в Рим из Востока пришли повар, парикмахер и куртизанка, которые свободно оказывали свое развращающее влияние. Судебный процесс над бакханами в 186 г. до н. э., в ходе которого тысячи виновных членов тайного общества Бахуса были приговорены к смерти, показывает, насколько быстро снизилась строгость римской морали.

Силы, которые сделали Рим великим и завоевали ему высокое место в цивилизации человечества, были исчерпаны. Жесткий моральный кодекс хорошо организованной семейной жизни, строгая военная дисциплина и организация крепких итальянских крестьян стали большой редкостью, если не исчезли вовсе. Внешне развитие римского права и римской конституции поддерживало видимость свободы, но эгоизм правящих и богатых классов угрожал уничтожить даже эту опору римской *libertas*. С падением Карфагена мы подходим к кануну революции, которая привела к неоднократному завоеванию столицы ее собственными гражданами, к развязыванию насилия толпы, к преторианской администрации и, таким образом, к правлению цезарей. «Звери леса, — восклицал Тиберий Грах перед римлянами своего времени, — имеют свои берлоги и норы, но господа мира не имеют места, где можно было бы приклонить голову». Такова оборотная сторона медали, на аверсе которой написано: «Основание всемирной империи Рима после того, как Коринф и Нумантия, Македония и Карфаген были обращены в прах».

КНИГА I

РАННЯЯ ИСТОРИЯ РИМА ДО ПАДЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ

ВВЕДЕНИЕ

ИСТОЧНИКИ И ХРОНОЛОГИЯ РАННЕЙ ИСТОРИИ РИМА

ОБЗОР РАННИХ ИСТОЧНИКОВ

Существует множество монументальных памятников, которые прямо или косвенно проливают свет на историю Рима. Римляне были великими практичными строителями, и везде, где бы они ни появлялись — даже в далекой Британии — они оставляли после себя архитектурные памятники, следы которых сохранились до наших дней. В самом Риме такие монументальные сооружения, как Колизей, Пантеон, колонна Траяна и руины Форума, по-прежнему свидетельствуют о характере древней цивилизации.

Еще более интересными в некоторых отношениях являются записи, обнаруженные при раскопках погребенных городов Геркуланума и Помпеи. В частности, в Помпеях современный посетитель оказывается в окружении, которое дает самое яркое представление о римском городе золотого века. Улицы окружены стенами зданий, основная конструкция которых осталась нетронутой; дорожное полотно вымощено камнями, на которых до сих пор видны глубокие колеи от колес колесниц, перевозивших римлян в те времена, когда Рим был господином мира. Разрушенные колонны форумов, террасы больших амфитеатров, структура и содержимое частных жилищ — все это вместе рассказывает о социальной жизни далекой эпохи с такой яркостью, которой не могут сравниться никакие слова. А если говорить о деталях, то запас интересных орудий и предметов быта, которые сохранились для нас благодаря лаве и пеплу Везувия, практически неисчерпаем.

До этого момента руины погребенных римских городов сильно напоминают руины Ниневии и Ниппура, а также старых греческих городов в Эфесе () и Хиссарлыке (Hissarlik). Параллель с месопотамскими городами прослеживается и дальше, поскольку в Помпеях сохранилось множество сокровищ искусства. Но, к сожалению, в руинах римских городов не было обнаружено таких неисчерпаемых литературных сокровищ, которые вознаградили исследователей в Вавилонии и Ассирии. Было найдено несколько очень интересных табличек, подобных тем, которые постоянно использовали как греки, так и римляне, но из-за их нестойкого материала ни один экземпляр не сохранился, за исключением этих погребенных городов и Египта. Кроме того, в небольшой библиотеке частного дома в Геркулануме была найдена единственная коллекция книг. Эта коллекция, состоящая из нескольких сотен папирусных свитков, обещала большие открытия, если бы только можно было развернуть высохшие пачки и расшифровать их содержание. Но когда с бесконечным терпением эта задача была выполнена, в большинстве случаев результат оказался весьма разочаровывающим, поскольку, вопреки ожиданиям, не было найдено ни одного важного утраченного произведения древности, ни одного произведения, проливающего новый свет на какой-либо этап древней истории. Многие рукописи были повреждены безвозвратно, а другие еще не были развернуты, но было сделано достаточно, чтобы доказать общий характер коллекции и развеять надежды антикваров.

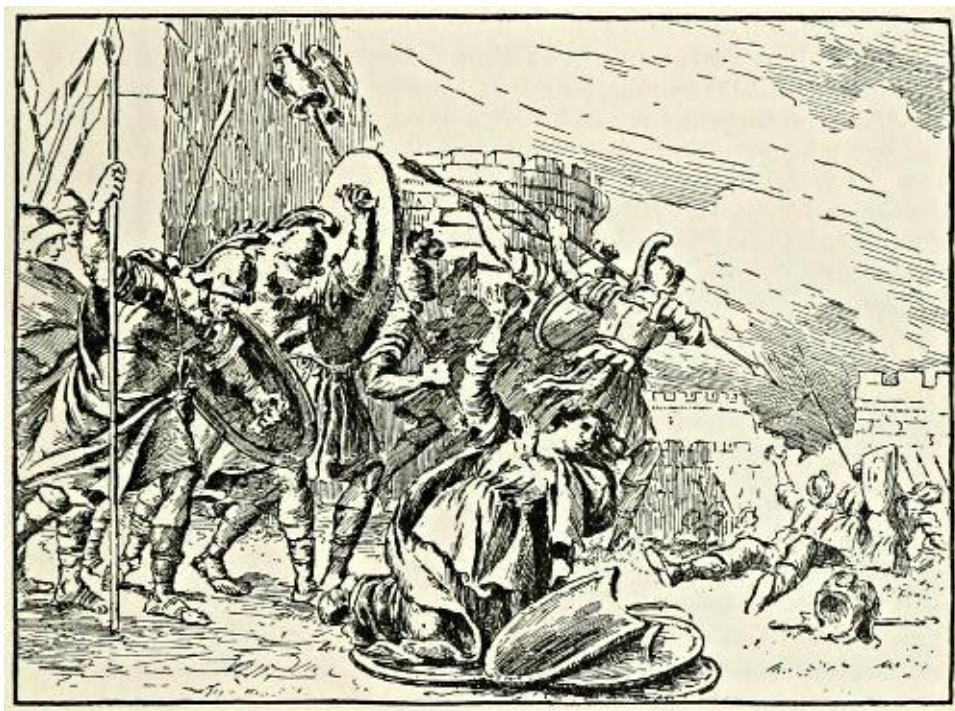
Не хватает надписей на различных памятниках, монетах и медалях. Однако они ни в коем случае не столь обширны, как некоторые надписи ранних египетских и ассирийских

монархов; и, говоря в целом, можно сказать, что все эпиграфические и нумизматические свидетельства истории Рима — особенно раннего периода — сводятся к случайным упоминаниям и оставляют нам лишь смутное представление о предмете, если они не подкреплены более обширными записями.

Более обширными записями, о которых идет речь, являются, конечно же, рукописи книг. С довольно ранних времен в Риме не было недостатка в писателях, и среди них были широко представлены историки или, как они чаще называли себя, летописцы. Действительно, этот класс писателей, по-видимому, почти полностью владел этой областью в ранние времена. В позднюю эпоху Августа, хотя поклонники изящной словесности были более широко представлены, историки, во главе с Ливием, по-прежнему занимали первое место среди прозаиков. Ни одна из оригинальных рукописей этих писателей не дошла до нас; более того, не сохранилось ни одной рукописи классического периода, за исключением нескольких фрагментов в Египте и упомянутой выше коллекции в Геркулануме. Наши копии римских историков датируются средневековьем, и лишь немногие из них сохранились в целостности. Произведения ранних летописцев и хроникеров почти полностью исчезли. Несомненно, они считались малополезными после того, как такие великие мастера, как Дионисий и Ливий, использовали их в создании своих великих произведений. Многие писатели более позднего периода не имели большего успеха, и даже величайшие из них дошли до нас в поврежденном состоянии. Ливий сам представлен среди сохранившихся рукописей лишь примерно одной пятой частью своей первоначальной истории — не говоря уже о других его сочинениях, которые полностью погибли. Дионисий был не более удачлив, так как сохранилась только самая ранняя часть его работы.

Дионисий сам оставил нам список ранних авторитетов, на которых он опирался. Его комментарий о своих предшественниках интересен: отметив, что «до сих пор не появилось ни одной точной истории римлян, написанной на греческом языке, а только небольшие отчеты и краткие эпитомы», он критикует эти краткие изложения следующим образом:

«Иероним Кардиан (первый автор, известный мне по этой теме) дал беглый обзор римской древности в своей истории «*Epigoni*». После него сицилиец Тимей рассмотрел древности в своей всеобщей истории и поместил в отдельном труде войны римлян с Пирром Эпирским. Помимо них, Антигон, Полибий, Силен и бесчисленное множество других авторов пытались затронуть эту же тему, хотя и по-разному; каждый из них написал кое-что о римлянах, что они собрали из общих сообщений без какого-либо усердия или точности. Во всех отношениях похожи на них истории, которые некоторые римляне также публиковали на греческом языке, касающиеся древних событий своей нации; из них самые древние — Квинт Фабий и Луций Цинций, которые процветали во время Пунических войн: каждый из них с большой точностью описал события, свидетелем которых он сам был, поскольку был хорошо с ними знаком, но дал краткий отчет о тех ранних событиях, которые произошли вскоре после основания города».

ПРЕДАТЕЛЬСТВО ТАРПЕИ (ШЕСТОЙ ГОД РИМА)

[\(См. стр. 65\)](#)

Дионисий утверждал, что он взялся за эту работу, чтобы восполнить отмеченный пробел, будучи решительно настроенным, по его словам, «не пропустить ту прекрасную часть римской истории, которую древние авторы проигнорировали». Но «чтобы никто не подумал, что, вводя в повествование материалы, которых нет у уже упомянутых авторов, он прибег к вымыслу», Дионисий счел целесообразным объяснить, как он добыл материалы для своей истории. Он говорит:

«Я прибыл в Италию сразу после того, как Август Цезарь положил конец гражданской войне, в середине 187-й Олимпиады; и с того времени до настоящего момента, то есть в течение двадцати двух лет, прожив в Риме, выучив римский язык и ознакомившись с их писаниями, я посвятил все это время подготовке материалов для этой работы; некоторые сведения я получил от людей, пользующихся наибольшим уважением среди них, благодаря своим беседам с ними; другие я почерпнул из исторических сочинений, написанных наиболее авторитетными римскими авторами, такими как Порций Катон, Фабий Максим, Валерий Антий, Лициний Мацер, Элии, Геллии, Кальпурнии и несколькими другими известными людьми. Поэтому, опираясь на авторитет этих историй, которые похожи на греческие анналы, я взялся за эту работу».

Ливий, наш другой великий источник ранней традиционной истории Рима, в отличие от Дионисия, не просвещает нас конкретно относительно источников своей информации; но, без сомнения, они были в значительной степени такими же, как и те, которые использовал его великий современник.

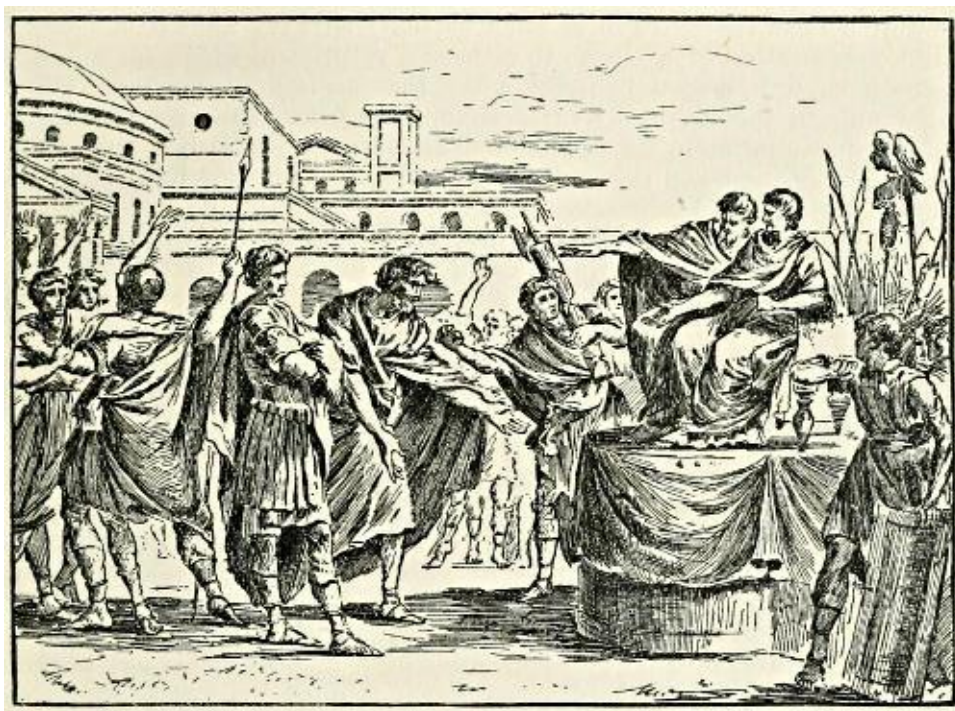
Действительно, существовала большая группа ранних летописцев и хроникеров, как указывает примечание Дионисия. Среди прочих до нас дошли следующие имена: К. Фабий Пиктор и Л. Цинций Алимментус, которые жили во время Второй Пунической войны и писали на греческом языке; поэт Энний, который писал анналы с самых ранних времен до своих дней; а также А. Постумий Альбин и К. Ацилий, которые писали анналы на греческом языке

примерно в тот же период. Оригинальные произведения всех этих авторов, как и произведения многих более поздних историков, утрачены.

Похоже, что римские историки привыкли называть свои сочинения «анналами», если они касались древних времен, и «историями», если описывали современные события. Напомним, что Тацит писал и анналы, и истории. Работы, посвященные ранней истории Рима, были, естественно, анналами. Однако Дионисий назвал свою работу «Археология» вместо «Анналы». Дионисий жил во второй половине I века до н. э., но не пытался вести свои исторические записи дальше 264 года до н. э.; его намерением было восполнить пробел в римской истории, предшествующий времени, с которого начинается работа Полибия. Ливий охватил гораздо более обширный период, поскольку его работа охватывала время до его собственной эпохи. Другими словами, это было, по римской терминологии, сочетание анналов и истории. Любопытно отметить его собственную оценку относительной ценности этих двух частей его работы. Он говорит:

«Буду ли я эффективно использовать свое время, прослеживая серию римской истории с момента основания города, — это вопрос, на который я не могу дать однозначного ответа; даже если бы это было возможно, я не рискнул бы высказать такое суждение, поскольку осознаю, что этот вопрос имеет древнюю историю и уже был рассмотрен многими другими; современные авторы всегда считают себя способными либо пролить новый свет на эту тему, либо, благодаря превосходству своего таланта в области композиции, превзойти своих менее талантливых предшественников. Как бы то ни было, я в любом случае получу немалое удовлетворение от мысли, что приложил все усилия, чтобы передать потомкам достижения величайшего народа в мире; и если среди такого множества авторов мое имя не выйдет из неизвестности, я утешу себя, приписав это выдающимся заслугам тех, кто стоит на моем пути к славе. Можно также заметить, что такая тема требует огромного объема работы, поскольку наши исследования должны охватывать период более семисот лет; что государство, начав с очень скромных размеров, постепенно выросло до таких масштабов, что теперь страдает от собственной громоздкости; и что есть все основания полагать, что большинство читателей получают мало удовольствия от описаний его первоначального происхождения или последующих времен, но будут с нетерпением ждать того периода, когда силы этого разросшегося государства уже давно были направлены на его собственное разрушение».

Очевидно, что Ливий считал ту часть своей истории, которая касалась далекой древности, относительно неважной. Но потомки не поддерживали эту точку зрения, поскольку последующие поколения переписчиков сохранили раннюю часть работы в целостности и сохранности, в то время как поздняя часть была утрачена, за исключением отдельных фрагментов.

Осуждение Горация

[\(См. стр. 79\)](#)

Предисловие Ливия продолжается: «С другой стороны, из моей работы будет извлечено следующее: по крайней мере до тех пор, пока мои мысли будут полностью заняты исследованием событий столь далеких веков, не отвлекаясь на какие-либо неприятные соображения относительно более поздних времен, которые, хотя и не способны отвратить ум писателя от истины, все же достаточны, чтобы вызвать беспокойство, я буду уходить от вида многих зол, к которым наши глаза так долго привыкали.

Что касается переданных нам сведений о событиях, предшествовавших основанию города, или об обстоятельствах, которые послужили поводом для его основания и которые скорее напоминают поэтические вымыслы, чем достоверные исторические записи, то я не намерен ни подтверждать, ни опровергать их. Древность всегда пользуется привилегией придавать городам более почтенное происхождение, смешивая божественное с человеческим; и если какая-либо нация может претендовать на привилегию считать свое происхождение священным и приписывать его действиям богов, то, безусловно, римский народ, занимающий столь высокое место в военной славе, вполне может ожидать, что, когда он решает представлять Марса своим родителем и родителем своего основателя, другие народы мира согласятся с этим с тем же почтением, с которым они признают его суверенитет. Но какую степень внимания или доверия следует уделять этим и подобным вопросам, я не считаю очень важным».

Особое внимание следует обратить на только что процитированные замечания Ливия, которые, по-видимому, достаточно ясно показывают, что он отнюдь не был столь легковерным в отношении традиций раннего Рима, как можно было бы предположить, судя по его манере изложения этих традиций. Вероятно, что суждения более поздних поколений обычно бывают ошибочными, когда они пытаются оценить точный уровень легковерности любого предыдущего поколения. Несомненно, римляне как класс придавали гораздо большее значение героическим сказаниям, чем мы склонны придавать им сейчас. У нас будет множество доказательств того, что даже в золотой период империи суеверия,

связанные с чудесами и тому подобным, не были полностью отвергнуты даже такими писателями, как Тацит; но, с другой стороны, мы вполне можем поверить, что писатели такого уровня, как Ливий, позволяли желанию художественного представления темы скрывать скептицизм, который в противном случае он не колеблясь бы признал. Как бы то ни было, потому что всегда придерживались мифов о раннем Риме, и мы сегодня не можем игнорировать их, какую бы оценку мы ни давали их достоверности. Именно благодаря страницам Дионисия и Ливия эти увлекательные рассказы сохранились для нас.

Пройдя через века, мы не находим ни одного великого имени, пока не доходим до периода, когда Рим, прочно утвердив свою власть в Италии, начал смотреть за пределы полуострова и мечтать о завоеваниях за рубежом. Эта великая кульминационная эпоха римской истории нашла своего великого летописца в лице Полибия. Его работа была явно написана для того, чтобы описать и объяснить события, благодаря которым Рим «за короткий период в пятьдесят три года» завоевал мир. Полибий сам был греком, родившимся в Мегалополисе. Он был практичным государственным деятелем и личным другом Арата, лидера Ахейского союза. В предыдущем томе мы отмечали, что Полибий был одним из тысячи греков, отправленных в Рим в качестве заложников. Большую часть остатка своей жизни он провёл в Италии, стал личным другом Сципиона Младшего и был рядом с этим полководцем, когда Карфаген был окончательно разрушен. Принадлежа таким образом к более поздней эпохе греческой истории, когда дух времени был скорее философским, чем художественным, Полибий написал такое произведение, какого можно было ожидать от гения его времени. Его точка зрения совершенно отличается от точки зрения его великого предшественника Геродота, хотя и не совсем отличается от точки зрения Фукидида. Он сам снова и снова повторяет нам — на самом деле он никогда не устает повторять — что его цель состоит в том, чтобы обучать, а не развлекать; объяснять причины успеха Рима; указывать на мораль его побед. Будучи человеком дела, он, что вполне естественно, считает, что только люди дела способны стать надежными историками. Он указывает, что есть два способа приобрести знания: «один — из книг, а другой — из бесед с людьми»; он с некоторой резкостью критикует тех историков, в лице Тимея, которые ограничиваются первым способом.

«Знания, полученные из книг, — говорит он, — приобретаются без какого-либо риска и труда. Если человек поселится поблизости от библиотеки или в городе, где много письменных мемуаров, он сможет с легкостью проводить свои исследования и, находясь в полном покое, сравнивать отчеты и выявлять ошибки прежних авторов. Но знание, полученное в результате личного исследования и расследования, сопровождается большим утомлением и большими затратами. Однако именно оно является наиболее важным и придает истории ее главную ценность. Сами историки готовы признать эту истину. Ибо Эфор говорит, что если бы историки могли присутствовать при всех событиях, такие знания были бы предпочтительнее любых других. К тому же же заключению приходит и Феопомп: опыт, приобретенный в сражениях, делает человека совершенным полководцем; опыт в ведении судебных дел формирует совершенного оратора; и то же самое наблюдение справедливо в отношении искусства мореплавания и медицины.

«Платон говорил, — продолжает Полибий, — что человеческие дела будут хорошо управляться, когда философы станут царями, а цари — философами. Точно так же я бы сказал: история будет хорошо составлена, если те, кто занимается великими делами, возьмутся за ее написание; не легкомысленно и небрежно, как некоторые в наше время, но рассматривая такую работу как одну из самых благородных и необходимых своих обязанностей и занимаясь ею с неустанным усердием, как главным делом своей жизни; или если бы те, кто пытается писать, считали необходимым также быть знакомыми с практикой дел. Пока это не произойдет, в истории не будет конца ошибкам».

Сципион и Полибий

(Из старинной гравюры)

Но, говоря об этих людях, Полибий имеет в виду и философов, поскольку он заявляет, что невозможно вынести ясное суждение о победителях и побежденных, опираясь лишь на сухое изложение событий. Мы должны знать, говорит он, законы и обычаи народа, а также страсти и обстоятельства, которые преобладают среди них в отношении общественных и частных целей. Что касается римлян в частности, он надеется, что, уделив должное внимание этим вещам, он сможет представить такую картину, которая позволит людям его времени понять, «следует ли им избегать или выбирать подчинение римлянам, а потомкам — судить, заслуживает ли римское правительство похвалы и подражания или же его следует отвергнуть как порочное и достойное порицания», поскольку, по его мнению, в этом заключается польза его истории для его времени и будущих поколений.

Все это вызывает глубокое восхищение; и никто не спорит с тем, что Полибий достиг большого успеха в том направлении, которое он избрал для своей работы. До нас дошли только пять из сорока его книг, но и они вполне достаточны, чтобы продемонстрировать его метод и его результаты (). Говорят, что ни один исследователь того периода не может их игнорировать, но что никто другой не станет их читать по собственной воле. Эта критика, как и большинство других эпиграмматических суждений, несправедлива. В трудах Полибия есть многое, что может с большим интересом прочитать любой, кто хоть немного интересуется историческими сочинениями. Его описания важнейших событий отнюдь не так сухи и не так лишены воображения, как утверждают некоторые критики. Они действительно избегают чудесного и пытаются избежать преувеличений, но это, безусловно, не является недостатком; эти ограничения не исключают живописности. Но действительно существенный недостаток Полибия заключается в его методе построения. Он использует практически тот же план, который позже принял Диодор, пытаясь сохранить повествование о событиях в разных странах в строгой хронологической последовательности. Это вынуждает его постоянно прерывать повествование, перенося место действия из одной страны в другую, пока не теряется всякое ощущение непрерывности. Добавьте к этому неизлечимую склонность к постоянному морализаторству — прерывание повествования о каком-то поразительном событии, чтобы

подробно объяснить, как историк должен относиться к поразительным событиям, — и станет достаточно очевидным, почему Полибий так трудно читать. Очень жаль, что он, в отличие от Трога Помпея, не нашел Юстина, который бы обобщил его работу, ведь по общему мнению он был одним из самых надежных историков древности и признан стандартным источником для всех периодов, которые освещаются в его сохранившихся работах. Косвенно его влияние еще более обширно, поскольку Ливий использовал его как авторитетный источник для событий Второй и Третьей Пунических войн, а Аппиан свободно черпал из него информацию.

В течение примерно полутора веков после Полибия среди римских историков не было великих имен. Затем появился Саллюстий, историк Югуртинской войны и заговора Катилины, а также Юлий Цезарь, оставивший нам замечательные записи о своих подвигах. Современниками Цезаря были Диодор и Ливий, первый из которых жил примерно до 7 года до н. э., а второй — до 17 года н. э. Как уже упоминалось, рассказ Ливия о своем времени, к сожалению, утрачен. Главным сохранившимся свидетельством того времени является работа Аппиана, александрийского грека, жившего во времена Траяна, Адриана и Антонина Пия, то есть в начале II века н. э. Его работа является единственным авторитетным источником — если не считать некоторых кратких изложений и фрагментов — для некоторых периодов гражданских войн. Она была написана на греческом языке и примечательна своей структурой, которая радикально отличалась от метода Полибия и рассматривала каждую важную тему отдельно. Другими словами, его работа фактически представляет собой сборник монографий, каждая из которых посвящена одной из важных войн Рима. Аппиан обвинялся в противоположном литературном пороке, чем Полибий; говорят, что он больше думал о форме, чем о содержании. Тем не менее, он неизбежно использовал более старых авторов для своих фактов, и если он иногда использовал их небрежно и некритично, то это были недостатки его времени. В целом он демонстрирует достаточную степень точности. Точный или нет, он, как уже было сказано, является нашим единственным источником информации о некоторых важных периодах позднего времени республики.

Если к только что названным писателям добавить Диона Кассия, историка Трога Помпея (в знаменитом эпитоме Юстина) и биографов Плутарха и Корнелия Непоса, а также дополнить наш список именами так называемых эпитоматоров Эвтропия, Веллея, Флора, Аврелия Виктора, Зонараса, Феста Руфа и Орозия (писателей, которые создали краткие, но более или менее ценные эпитомы на основе авторитетных источников), мы перечислим практически всех важных историков Рима до конца республики, чьи работы в настоящее время доступны в их первоначальном виде.

Современный историк получает дополнительную помощь из различных других областей: из речей Цицерона и случайных упоминаний поэтов; из надписей на памятниках и медалях, а также из обломков древних сооружений. Однако, когда все это будет изучено, мы должны будем обратиться к рукописям, чтобы узнать основные события истории.

Из современных историков Рима, чьи работы в значительной степени касаются самого раннего периода, здесь достаточно упомянуть имена Нибура, Арнольда и Моммзена. Более подробные сведения как о древних, так и о современных авторитетах будут приводиться по мере продвижения вперед.

ХРОНОЛОГИЯ РАННЕЙ ИСТОРИИ РИМА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР, ДАЮЩИЙ КРАТКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ХОДЕ СОБЫТИЙ

ПЕРВЫЙ (ЛЕГЕНДАРНЫЙ) ПЕРИОД ЦАРЕЙ (ДО ОКОЛО 510 ГОДА ДО Н.Э.)

(Все даты этого периода являются приблизительными).

753-716. **Ромул**, мифический царь. Похищение сабинянок и война с сабинянами. Благодаря предательству Тарпеи крепость на Капитолии была взята сабеллийским царем Титом Тацием. Образование двойного государства римлян и сабинян под властью Ромула и Тация. Исчезновение Ромула во время грозы; с этого момента он известен и почитается как бог Квирина. 715-673. **Нума Помпилий** из Куров, назначенный римлянами царем после годичного междуцарствия. Основатель религии римлян. Строительство храма Януса. 672-641. **Тулл Гостилий**. Война с Альба-Лонгой. После состязания между Горациями и Курациями Альба подчиняется решению в пользу Рима. Альба-Лонга разрушена, ее население переселено в Рим. 641-616. **Анк Марций**. Образование фетталов. После завоевания четырех латинских городов их жители переселены и поселены на Авентинском холме. Укрепление Яникула. Строительство «pons Sublicius» и основание Остии. 615-578. **Тарквиний Приск**. Начало строительства храма Юпитера на Капитолийском холме. Город разделен на четыре района, введена новая военная система. Увеличение сената до трехсот членов и удвоение числа всадников. Успешные походы против сабинов, латинян и этрусков. Тарквиний убит сыновьями Анка. 578-534. **Сервий Туллий**. Сын рабыни Окрисии и бога; становится зятем Тарквиния. Образование четырех «племен». Завершение реформы армии, начатой Тарквинием; распределение всех землевладельцев по племенам, классам и центуриям. Войны с Веями. Рим присоединяется к Латинскому союзу. Строительство стен Рима. Убийство Сервия Туллия его зятем. 534-510 гг. **Тарквиний Гордый**. Завершено строительство капитолийского храма Юпитера. Покорение Латинского союза. Завоевание Суэссы Пометии. Благодаря предательству своего сына Секста, Тарквиний захватывает город Габии. Изнасилование Лукреции Секстом, сыном царя, после чего возмущенные римляне поднимают восстание. Л. Юний Брут возглавляет восстание, и Тарквиний свергается. Рим осаждает Ларс Порсенна, принц Клузия; он предлагает почетные условия мира и отступает. Битва на озере Региллус. Тарквиний мстит в Кумах. Свержение монархии.

НАЧАЛО РЕСПУБЛИКИ (510-451 гг. до н.э.)

510. Возникновение Республики. 509. Консулами первого года являются Л. Юний Брут и Л. Тарквиний Коллатин. Коллатин, будучи потомком Тарквиния, по указу сената вынужден сложить с себя полномочия. Его заменяет П. Валерий Публикола. Согласно Полибию, консулами первого года были Л. Юний Брут и Марк Гораций. Первым диктатором становится Тит Ларций. Неудачные попытки восстановить власть Тарквиниев. Казнь сына Брута. Торговый договор между Римом и Карфагеном. 508. Римляне терпят поражение от этрусского царя Порсенны из Клузия, вынуждены сложить оружие и уступить некоторые земли. Союз тридцати латинских городов под диктатурой Октавия с целью восстановления власти Тарквиниев в Риме. Смерть Валерия Публиколы. 497. Латины объявляют войну Риму. Аурус Постумий назначается диктатором в Риме. Традиция приписывает римлянам великую победу над латинами на озере Региллус. Латинские города заключают мир с Римом и соглашаются изгнать Тарквиния. 494. Плебеи уходят на Священный холм и вынуждают патрициев пойти на важные уступки, среди которых отмена угнетающих долгов. Учреждение трибуната и плебейского эдила. 493. Вечный союз между Римом и Латинским союзом возобновляется при консуле Спурии Кассии на основе равенства. Рим постепенно восстанавливает гегемонию над латинянами. Трибунат является причиной анархии и

приводит к дальнейшим спорам между патрициями и плебеями. Попытки упразднить трибунат. 491 год. Марций Кориолан. Во время голода он предлагает предоставить плебеям зерно за счет государства при условии, что они откажутся от своих притязаний на трибунат. Он вызван на собрание племен, но не явился, и, по словам Ливия, был изгнан, перешел на сторону волсков и возглавил их войска против Рима; под угрозой наказания со стороны своей матери Ветурии и по просьбе своей жены Волумнии он отказывается от войны против своего родного города. 487. Консул Аквиллий наносит поражение герникам, вторгшимся на римскую территорию. 486. Спурий Кассий Висцеллин в третий раз становится консулом. Он снова наносит поражение герникам, после чего они присоединяются к Латинскому союзу. Он вводит первый аграрный закон и предлагает разделить часть общественных земель между нуждающимися плебеями и латинянами, а остальную часть сдать в аренду в интересах государства. Из-за этой меры он подвергается нападкам со стороны патрициев и богатых плебеев, а бедные плебеи, выступающие против предоставления земель латинянам, отказываются от него. По истечении срока своего консульства он осужден и казнен. 479. Уход рода Фабиев. 477. Этруски уничтожают род Фабиев в Кремере. Геникус, народный трибун, убит за расследование действий двух консулов. 472. Публилий Волеро вводит закон, согласно которому племенное собрание отныне будет избирать плебейских магистратов. 468. Завоевание Антиума у волсков; туда отправляется римская колония. 463. Рим и вся Италия поражены страшной чумой. Волски и эквиты опустошают страну вплоть до стен Рима. Безопасность города обеспечивают латинские герники, а не римляне. 462 год. К. Терентий Харса вносит законопроект, чтобы обеспечить плебеям более прочное положение в государстве и свести законы к письменному кодексу. Патриции яростно противостоят этой мере. 460 год. Группа сабинов и изгнанных римлян под предводительством Гердония захватывает Капитолий; возобновляются гражданские беспорядки. 457. Чтобы удовлетворить желание плебеев, число народных трибунов увеличивается с пяти до десяти. 456. Авентинский холм делится на участки под застройку и распределяется между бедными гражданами. Диктатура Л. Квинтия Цинцинната. 454. Три посланника отправляются в Грецию, чтобы получить копии законов Солона, которые будут использованы в качестве основы для нового свода законов. 452. Посланники возвращаются. В Риме прекращаются внутренние распри.

ОТ ДЕСЯТИВИРОВ ДО ГАЛЛЬСКОГО ВТОРЖЕНИЯ (451-390 гг. до н.э.)

451. Децемвиры, или консулы из десяти человек, назначенные из числа патрициев, во главе с Аппием Клавдием и Т. Генуцием, консулами первого года. Кодекс десяти таблиц вывешен на Форуме и становится законом. 450. Назначение децемвиров. Аппий Клавдий — единственный из старых децемвиров, переизбранный на новый срок. Также избраны три плебея. К кодексу законов добавляются две новые таблицы. 449. Децемвиры под руководством Аппия Клавдия, ставшие более деспотичными, чем ранние короли, остаются в должности в течение этого года. Под руководством Валериев и Горациев попытка умеренной аристократии заставить децемвиров отречься от престола оказывается неудачной. Возобновление пограничных войн. Сабины на севере и эквиты на северо-востоке вторгаются на римскую территорию. Для противостояния им отправляются две армии, но обе терпят поражение. Сикций Дентат, бывший трибун народа, убит по наущению децемвиров. Виргиния, невеста Л. Ицилия, трибуна, которому удалось отдать Авентинский холм плебеям, подвергается надругательству со стороны Аппия Клавдия. Ее отец Виргиний убивает ее на Форуме. Эти события приводят к восстанию против децемвиров, которые отрекаются от власти. Аппий Клавдий брошен в тюрьму и кончает жизнь самоубийством. Спурий Опций, глава плебейских децемвиров, обвиняется Нумиторием и казнен. 448. Новые

законы Валерия Горация. 445. К. Канулей принимает закон, разрешающий браки между патрициями и плебеями. 444. Создание военных трибунов с консульскими полномочиями. Плебеи и патриции имеют право быть избранными. 443. Создается новая должность, на которую избираются два патриция, известные как цензоры. 439. Богатый плебей Спурий Мелий, обвиненный в стремлении к царской власти, убит К. Сервилием Ахалой. 434. Л. Эмилий Мамерк назначен диктатором для ведения войны в нижней Этрурии. 431. Рим подвергается угрозе совместного нападения эквиев и волсков. Они потерпели поражение. 405-396. Осада Веи. Диктатор М. Фурий Камилл захватывает и разрушает Веи. 394. Камилл выдвигается против Фалерий, главного города фалисков, которые сдаются. 391. Камилл обвиняется в несправедливом распределении добычи в Веи, подвергается импичменту и уходит в изгнание. 390. Галлы вторгаются в Рим, и сенат соглашается с их требованием выдать им трех римских послов, которые помогали этрускам против галлов, но граждане отвергают эту меру. Битва при Аллии, в которой римляне потерпели полное поражение, а их город остался без защиты. Рим захвачен, разграблен и сожжен. Галлы атакуют Капитолий, но отбиты и довольствуются блокадой. После семимесячной осады галлы соглашаются покинуть Рим, получив тысячу фунтов золота. Восстановление города.

ЗАВОЕВАНИЕ ИТАЛИИ (376-264 гг. до н. э.)

376. К. Лициний и Луций Секстий предлагают новые законы. 367. Принятие законов Лициния. 366. Л. Секстий Латеранус — первый плебейский консул. 367-349. Войны с галлами в верхней Италии. 362-358. Война с герниками () и восставшими латинскими городами. Новый союз латинян, римлян и герниканцев. 358-351. Война с Тарквинией и другими этрусскими городами. Южная Этрурия признает верховенство Рима. 350-345. Войны с волсками и аурунками, которые полностью подчинены. 348. Продление торгового договора с Карфагеном. 343. Первая Самнитская война. 340-338. Великая Латинская война. Покорение Лация. 337-326. Восстание Калеса. Договор с Александром Моллосийским. Осада и разрушение Палеополиса. 326. Начало Второй Самнитской войны. 321. Великое поражение римской армии в Каудинских перевалах. 319. Л. Папирий Курсор завоевывает Луцерию. 312. Этруски, по истечении сорока лет мира, присоединяются к войне против Рима. 309. Л. Папирий Курсор наносит сокрушительное поражение самнитам. 305. Римляне захватывают Бовиан, столицу самнитов. 304. Конец войны. 299. Третья самнитская война. 295. Битва при Сентинуме, в которой римляне одерживают победу. 294. Распад союза римлян. 293. Поражение самнитов при Аквилонии. 290. Заключение мира. 285-282. Война против нового союза итальянских городов. 282. Начало войны с Тарентом. 280. Пирр высаживается в Италии. Битва при Гераклее. 279. Битва при Аскулуме. 275. Битва при Беневенте. Пирр уходит из Италии. 274-264. Окончательное урегулирование в Италии.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ЗАВОЕВАНИЙ ЗА РУБЕЖОМ (264-132 гг. до н. э.)

264. Первая Пуническая война. Карфагеняне осаждают Мессану. 263. Вторжение римлян в Сицилию. Сиракузский царь Иеро присоединяется к римлянам. 262. Римляне наносят поражение Ганнону и захватывают Агригент [Акрагас]. 260. Римляне отправляют флот под командованием Корнелия Сципиона против Липары, который терпит поражение от карфагенян. Битва при Милах, в которой побеждает римский флот. Морское сражение у Экнома; поражение карфагенского флота. Римляне вторгаются в Африку. 255 г. Карфагеняне под командованием Ксантиппа наносят поражение римлянам под командованием Регула. Потеря римского флота на обратном пути. 254 г. Победа римлян при Панорме. 251 г. Хасдрубал потерпел поражение при Панорме. 249 г. Победа карфагенян над римлянами при

Дрепане. 248-243. Успехи карфагенян под командованием Гамилькара Барки на итальянском побережье и в Сицилии. 242. Римляне наносят поражение карфагенскому флоту у Эгадских островов. 241. Гамилькар Барка заключает мир. Карфагеняне соглашаются выплатить компенсацию и покинуть Сицилию. 229-228. Война с иллирийцами. 225-222. Уничтожение галлов в Цизальпийской Галлии. 218. Начало Второй Пунической войны. Римская армия отправлена в Африку. Гасдрубал противостоит Сципиону в Испании. Ганнибал пересекает Альпы. 217. Ганнибал наносит поражение римлянам на озере Тразименском. 216. Римляне уничтожены при Каннах. 215. Первая Македонская война. Филипп Македонский присоединяется к Карфагену. Ганнибал терпит поражение в битве при Ноле. 214. Карфагеняне высаживаются на Сицилии. 212. Римляне восстанавливают свои позиции на Сицилии. Успех карфагенян в Испании. 211. Римляне осаждают Капую. Ганнибал у ворот Рима. Отступление Ганнибала от Рима. Падение Капуи. Поражение Гасдрубала при Бекуле. 209. Гасдрубал пересекает Пиренеи и Галлию и появляется на севере Италии. 207. Гасдрубал потерпел поражение и был убит в битве при Метауре. 206. Карфагеняне изгнаны из Испании. Македонская война завершена. 204. Сципион в Африке. 203 год. Сципион наносит поражение карфагенянам. Ганнибал отзывается в Карфаген. 202 год. Сципион наносит поражение Ганнибалу в битве при Заме. 201 год. Заключение мирного договора. 200 год. Вторая Македонская война. 200-197 годы. Покорение верхней Италии. 197 год. Окончание Второй Македонской войны. 192-189 годы. Война с Сирией. 190. Битва при Магнезии. 171. Третья Македонская война. 168. Свержение македонской монархии. 149. Начало Третьей Пунической войны. Осада Карфагена. Вириат добивается успеха в Лузитании. 146. Карфаген взят и разрушен; его территории становятся римскими провинциями и организованы как таковые. Ахейская война. Битва при Леукопетре. Коринф сдается мирным путем. Разрушение Коринфа. 143-141. Нумантийская война против восставших кельтиберов. Вириат удерживает позиции против римлян и в конце концов заключает с ними невыгодный мир. 140. Римляне нарушают мир и возобновляют войну. 139. Вириат убит по инициативе римлян. Лузитаны возобновляют войну, но терпят поражение и лишаются оружия. Это их последнее восстание значительных масштабов. 133 год. Нумантия взята и разрушена младшим Сципионом Африканским. Сопrotивляясь с 143 года подряд римским полководцам, она теперь покорена после пятнадцати месяцев осады. Ее падение знаменует подчинение северной Испании Риму. 135-132 годы. Первая рабская война на Сицилии. Раб Энус возглавляет восстание рабов и принимает титул царя Антиоха. Установлено регулярное правительство, и в последующей войне с Римом повстанцы сначала одерживают успех. Когда они наконец покорены, их наказывают многочисленными казнями. Консул Рупилий реорганизует управление Сицилией.

РЕФОРМЫ ГРАКХОВ (138-111 гг. до н.э.)

133. Тиберий Семпроний Гракх избран трибуном. Он предлагает вернуть «общие земли», находившиеся во владении неправомочных лиц, и возродить закон Лициния, ограничивающий количество таких земель, которые может занимать одно лицо. Таким образом он надеялся смягчить зло, вызванное концентрацией этих поместий в руках нескольких человек. Тиберий добивается незаконного отстранения от должности трибуна Гая Октавия, который наложил вето на принятие нового (Семпронианского) закона, и этот закон затем принимается народным собранием. Тиберий Гракх, его брат Гай и его тесть Аппий Клавдий назначаются для выполнения этого указа. Умирает Аттал III, царь Пергама, и назначает римлян своими наследниками. Тиберий Гракх предлагает использовать деньги для заселения новых поселенцев на возвращенных землях и чтобы царство Аттала (новая провинция Азия) управлялось народом, а не сенатом, который по закону имел право

распоряжаться как землей, так и деньгами. Тиберий готовит другие реформы и, чтобы сохранить и продолжить свою работу, выставляет свою кандидатуру на переизбрание в трибуны, несмотря на закон, запрещающий переизбрание. Он противостоит сопротивлению аристократии силой и гибнет вместе со многими своими сторонниками в последовавших беспорядках. 131. Трибун К. Карбо добивается принятия закона, разрешающего тайное голосование для ратификации законов народным голосованием. Сципион Африканский Младший добивается отклонения предложения Карбо о легализации переизбрания трибунов. 129 год. Аристоник, внебрачный сын Аттала III Пергамского, казнен за ведение войны против римлян в отстаивании своих прав на царство своего отца. Г. Карбо, Гракх и Марк Фульвий Флакк становятся триумвирами для исполнения закона Семпрония; Сципион добивается ограничения их полномочий, что фактически приостанавливает действие закона. 125. Фульвий Флавий становится консулом. Он поднимает вопрос о предоставлении латинянам римского гражданства, а затем отправляется в Трансальпийскую Галлию, чтобы помочь массилитам в борьбе с галлами. Фрегелла восстает против римлян и уничтожается. 124. В Галлии основан город Аква Секстия (Экс-ан-Прованс). 123. Гай Гракх оправдывается от обвинения в подстрекательстве к восстанию Фрегеллы. Ему удается изгнать в изгнание Попилия Ленаса (), единственного выжившего из консулов 132 года. Столкнувшись с мощной оппозицией, Гай пытается примирить народ с помощью *lex frumentarii*, закона, предусматривающего регулярное распределение зерна за счет государства. Он является автором идеи провинциальных колоний. *Lex judiciaria* передает судебные функции от сената к ордену *equites*, состоятельным людям, в отличие от аристократического класса. Эта мера ослабляет власть сената, но не делает судебную систему менее коррумпированной. С помощью закона *lex de provincia Asia* Г. Гракх передает эту провинцию в распоряжение всадников. Гай Гракх переизбирается трибуном на второй год. 122 год. Г. Гракх отправляется основать колонию Юнония на месте Карфагена. В его отсутствие М. Ливий Друз предлагает основать двенадцать колоний в Италии, что является популярной мерой, направленной на то, чтобы отвлечь внимание народа от Гракха. К. Гракх пытается распространить права гражданства на латинян, но терпит поражение от совместных усилий сената и толпы. Война с аллоброгами и арвернами и римская победа при Виндалуме. 121 год. Смерть Гая Гракха. Это результат беспорядков, вызванных убийством, совершенным сторонником Гракха. Последний со своими приверженцами захватывает Авентин, откуда они были изгнаны аристократической партией. 120. Отменено аграрное право, запрещающее продажу земель, выделенных крестьянам. Попилий Ленас возвращается. 118. Общие земли закрепляются за теми, кто их владеет, при условии уплаты фиксированного налога. Основана Нарбо, впоследствии ставшая столицей Нарбонской провинции. 113. Вторжение кимвров. Они наносят поражение консулу Гнанию Папирию Карбо при Норее и проникают в Гельвецию и Галлию. 111. Общие земли в Италии объявлены частной собственностью тех, кто их владеет. Эта дата знаменует окончательный провал реформ Гракхов.

ЮГУРТОВСКАЯ И ДРУГИЕ ВОЙНЫ (111-100 гг. до н. э.)

111. Начало Югуртинской войны. Эта война была вызвана спором между двумя королями Нумидии, Югуртой и Адербалом. Последний обратился к Риму, и комиссия, назначенная сенатом, произвела регулярное разделение королевства между двумя претендентами. Между ними снова разразилась война, и Адербал был осажден в своей столице Цирте. Она была взята, а Адербал казнен. После этого Рим объявил войну Югурту. Консул Кальпурний заключает с Югуртой договор, который сенат отказывается утвердить. 110. Аулус Альбин сдается Югурту со всей своей армией. 109. Битва при Мутуле; Метелл наносит поражение

Югурту. М. Юний Силан потерпел поражение от кимбров в Галлии. 107. Л. Кассий Лонгин потерпел поражение от кимбров на Гаронне. Метелл наносит поражение Югурфе, который укрывается в пустыне. Бокх, царь Мавритании, заключает союз с Югурфом. Г. Марий сменяет Метелла. Он наносит поражение Югурфе под Циртой и захватывает Капсу и другие города. 106. Л. Корнелий Сулла присоединяется к Марию. Югурта отбит при Цирте. 105. Сулла побуждает Бокха предать Югурту. Нумидия делится между Бокхом и сводным братом Югурты Гаудой. Кимбры наносят поражение римлянам при Араузио (Оранж). 104. Марий избран консулом. Подготовка к обороне Италии от варваров. Кимбры переправляются в Испанию. Марий реорганизует римскую армию. 103. Марий снова становится консулом. Второе рабское восстание на Сицилии под предводительством Трифона, который принимает титул царя. 102. Кимбры, тевтоны и гельветы приближаются к Италии двумя отрядами. Битва при Аква Секстии. Марий наносит поражение тевтонам и амбронам. Катулс отдает земли к северу от По кимбрам. 101 год. Битва при Верцеллах (). Марий уничтожает армию кимбров и тем самым спасает Италию от варваров. Афинион, преемник Трифона, разгромлен и убит консулом Манием Аквилем. Тридцать тысяч беглецов взяты в плен и убиты.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА: ВРЕМЯ МАРИЯ (100-86 гг. до н. э.)

100. Марий в шестой раз избран консулом. Сатурнин принуждает собрание племен принять меру по распределению завоеванных земель между солдатами Мария, содержащую пункт, обязывающий сенат утвердить этот закон. Только К. Метелл отказывается это сделать и уходит в изгнание. Народная партия стремится обеспечить Глаукию консульство на 99 год. Его сторонники убивают соперника на Форуме. Марий вмешивается в дело, нападает на бунтовщиков и захватывает Сатурнина и Главция. В ожидании суда народные лидеры вместе со многими своими сторонниками казнены аристократической партией. 99 год. К. Метелл возвращается. 98 год. Марий уходит в отставку и уезжает в Азию. 95 год. Рутилий Руф ложно обвинен в вымогательстве во время пребывания легатом в Малой Азии и отправлен в изгнание. Этот несправедливый приговор свидетельствует о злоупотреблении судебной властью со стороны всадников. 92. Сулла, будучи претором в Киликии, восстанавливает на престоле царя Каппадокии, изгнанного по инициативе Митридата, царя Понта. 91. Марк Ливий Друз становится трибуном. Он вводит законы: (а) отнимающие судебную власть у всадников и возвращающие ее сенату, и (б) предусматривающие перераспределение земель. Эти законы, принятые народным собранием, объявляются сенатом недействительными. Друз приступает к их исполнению и вводит меру по предоставлению итальянцам гражданства. Друз умирает внезапно. 90. Суды и изгнание сторонников итальянцев. Социальная война (90-88). Итальянцы восстают против Рима и образуют республику со столицей в Корфиниуме. Они нападают на латинские колонии. Венузия и несколько других городов падают в их руки, прежде чем римляне успевают выйти на поле боя. Консул Луций Юлий Цезарь дважды терпит поражение от итальянцев. Кампания и Апулия падают в их руки. Консул Рутилий потерпел поражение и был убит на Толенусе. Марий не смог проявить себя. Гнаний Помпей Страбон потерпел поражение и был осажден в Фирмуме, откуда он атаковал и разгромил итальянцев. Год заканчивается общим успехом итальянцев и новостями о беспорядках в провинциях. Рим примиряет латинян и лояльных итальянцев, предоставив им гражданские права. 89 год. Римляне неоднократно наносят поражение итальянцам. Закон Плавтия-Папирия предоставляет римское гражданство всем итальянцам, желающим его получить. Они зачисляются в восемь племен. 88 год. Митридат, царь Понта, ведет войну с царем Вифинии и наносит поражение римским войскам, поддерживающим последнего. Греческие города Азии

присоединяются к Митридату и казнят всех итальянцев, найденных в них. Сулла назначается командующим в Митридатовой войне. П. Сульпиций, сторонник Мария, предлагает зачислить итальянцев во все тридцать пять племен. Сулла выступает против этой меры. Народное собрание передает командование в Митридатовой войне Марию. Сулла присоединяется к своей армии в Кампании и марширует на Рим. Марий предпринимает безуспешную попытку защитить город, но терпит поражение и вынужден бежать в Африку. Сулла лишает народное собрание права голосовать по мерам, не одобренным ранее сенатом. 87. Сулла продолжает войну против Митридата, высаживается в Эпире, изгоняет генералов Митридата из Беотии и осаждает Афины, которые объявили о своей поддержке царя Понта. Тем временем консул Л. Корнелий Цинна пытается силой возродить законы Сульпиция. Он изгнан аристократической партией « ». Вместе с Марием он собирает армию в Кампании и занимает Рим. Пять дней проходят в убийствах и грабежах. Цинна вмешивается и приказывает расправиться с отрядами Мария. 86. Марий в седьмой раз становится консулом. Смерть Мария. Его коллега Цинна продолжает свое тираническое правление.

ВРЕМЯ СУЛЛЫ (86-78 гг. до н. э.)

86. Афины взяты Суллой. Сулла побеждает в битве при Херонее. 85. Сулла побеждает в битве при Орхомене. Сулла продвигается в Азию через Македонию и Фракию. Другая римская армия под руководством демократической партии одерживает победы над Митридатом, ее лидером, Фимбрией, ведущим войну жестоким образом. 85. Сулла заключает мир с Митридатом, по которому царь сдает все свои завоевания. Армия Фимбрии переходит на сторону Суллы. 83. Сулла возвращается и высаживается в Брундизии с большой армией. К нему присоединяется молодой Гнатий Помпей (Помпей Великий). Он гарантирует итальянцам ранее обеспеченные им права, в том числе право голоса в тридцати пяти племенах. Битва при горе Тифата. Сулла наносит поражение консулу Гнатию Норбану. Армия консула Л. Сципиона переходит на сторону Суллы. В этом году началась вторая Митридатова война. Она длилась до 81 года и велась пропраетором Муреной, который вторгся в Понт и был там разгромлен Митридатом. 82 год. Консулы — младший Марий и Папирий Карбо. Битва при Сакрипорте. Марий терпит поражение от Суллы и отступает в Пренесте, где его осаждают. Демократические лидеры бегут из Рима. Сулла входит в Рим без сопротивления. Битва при Коллинских воротах. Самниты атакуют Рим и отбиты с большими потерями. Многие пленные убиты. Пренесте падает. Самоубийство Мария. Сулла проявляет большую жестокость по отношению к завоеванным городам Италии. Он становится диктатором на неопределенный срок, чтобы реорганизовать правительство. Опубликованы списки проскрипций, проскрипты убиты, а их имущество конфисковано. Сенат реорганизован, его привилегии увеличены. Власть трибунов уменьшена. 80 год. Серторий, выдающийся член демократической партии, провозгласивший себя независимым правителем в Лузитании, удерживает власть, противостоя Фуфидию и К. Метеллу. 79 год. Сулла отрывается от власти. 78 год. Смерть Суллы.

ВРЕМЯ ПОМПЕЯ (78-60 гг. до н. э.)

78. М. Эмилий Лепид и Марк Юний Брут пытаются свергнуть конституцию Суллы. Лепид дважды терпит поражение. 77. Брут терпит поражение и казнен Помпеем. 76. Серторий наносит поражение Помпею в Испании. 75. Исаурия, Памфилия и Писидия оккупированы Римом в результате войны против средиземноморских пиратов. 74. Вифиния завещана Риму Никомедом III. Третья Митридатова война. Митридат оккупирует Вифинию. Битва при Халкидоне. Митридат наносит поражение римскому полководцу Котте. Лукулл освобождает

Халкидон и Кизик. 73. Лукулл изгоняет Митридата из его королевства. Третья рабская война. Гладиаторы, сбежавшие из школы в Капуе, подчиняются командованию Спартака, фракийского пленника, и, присоединившись к множеству рабов, разоряют Италию. 72. Серторий убит Перперной. Помпей побеждает и казнит Перперну. 71. Спартак побежден и убит М. Лицинием Крассом. Помпей уничтожает беглецов. 72-70. Лукулл подчиняет города на понтийском побережье и вторгается в Армению. 70. Восстановлены привилегии трибунов. 69. Битва при Тиграноцрте. Лукулл наносит поражение Тиграну, царю Армении, и (68) продвигается через Евфрат, но вынужден отступить из-за мятежа (). 67. Митридат наносит поражение римскому полководцу Триарию при Зеле. Лукулл отступает. Митридат вновь завоевывает Понт и вторгается в Вифинию и Каппадокию. Помпей получает верховное командование в Средиземноморье и право распоряжаться всеми ресурсами римских провинций и зависимых государств. За три месяца ему удается полностью искоренить пиратство, которое много лет терроризировало море. Помпей сменяет Лукулла и возвращает Понт. 66 год. Битва на Ликусе. Помпей наносит поражение Митридату. 65 год. Помпей проводит экспедицию против кавказских племен. Он отправляется в Сирию. 64 год. Помпей приступает к организации провинций в Малой Азии. Заговор Катилины. Объединенные партии демократов под руководством М. Красса и Г. Юлия Цезаря и анархистов под руководством Л. Сергия Катилины замышляют заговор с целью обеспечить консульство Катилине и Г. Антонию. Антоний и М. Туллий Цицерон избраны. Антоний покидает своих сторонников. 63 год. План Катилины убить своих соперников на консульство 63 года и захватить власть силой. Цицерон раскрывает и срывает заговор. 62. Битва при Пистории. Катилина потерпел поражение и убит. 61. Цезарь пропраетор в Дальней Испании. Помпей возвращается в Италию. Сенат отказывается ратифицировать его распоряжения в Азии и удовлетворить его просьбу о предоставлении земель для его ветеранов.

ПЕРВЫЙ ТРИУМВИРАТ (60-49 гг. до н. э.)

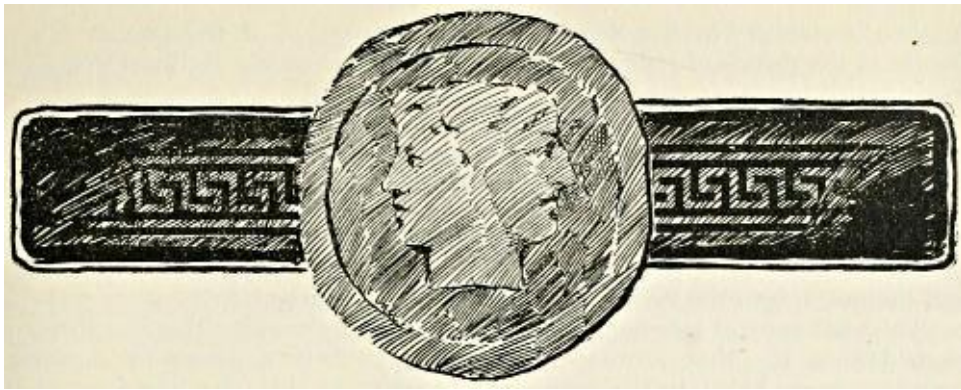
60 год. Первый триумвират: союз между Помпеем, Цезарем и Крассом. 59 год. Консульство Цезаря. Установления Помпея в Азии ратифицированы, и народное собрание принимает указ о распределении земель. Управление Галлией Цизальпийской, Иллириком и Галлией Нарбонской передано Цезарю на пять лет с чрезвычайными полномочиями. 58. Катон назначен для захвата Кипра. Цицерон изгнан в изгнание. Гельветы вторглись в Галлию и были разгромлены Цезарем при Бибракте (Отен). Суэвы под предводительством Ариовиста отбиты при Везонтио (Безансон). 57. Бельгийские племена подчинены Цезарем. Цицерон и Катон возвращаются в Рим. 56. Венеты в Арморике подчинены Цезарем, а аквитанцы — его легионером. Помпей и Красс принуждают ассамблею избрать их консулами на 55 год. Командование Цезаря продлевается еще на пять лет. 55 год. Цезарь пересекает Рейн и проникает в Германию. Цезарь совершает свою первую экспедицию в Британию. 54 год. Помпей передает своим представителям управление Испанией, которое было возложено на него на пять лет. Красс принимает командование Сирией. Цезарь совершает вторую экспедицию в Британию и встречается с Кассивелауном. 53 год. Битва при Каррах. Красс потерпел поражение от парфян и впоследствии был убит. Цезарь подавляет восстание эбурунов и других галльских племен. 52 год. П. Клодий, сторонник триумвирата, убит в ссоре с Т. Аннием Милоном. Последующие беспорядки. Помпей назначен единоличным консулом для восстановления порядка. Верцингеторикс возглавляет всеобщее восстание галлов, которое после упорной борьбы подавляет Цезарь. Разрыв между Цезарем и Помпеем. 51 год. Цезарь завершает покорение и умиротворение Галлии. 50 год. Сенат принимает постановление об отзыве Цезаря.

ПРАВЛЕНИЕ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ (49-44 гг. до н. э.)

49 год. Цезарь переходит Рубикон. Помпей бежит в Брундизиум. Цезарь проходит через Италию, заставляет Домиция сдаться в Корфиниуме и осаждает Брундизиум. Помпей переправляется со своими войсками в Грецию. Цезарь подчиняет представителей Помпея в Испании. Курион подчиняет Сицилию для Цезаря, одерживает победу при Утике в Африке, но терпит поражение и погибает при Баграде () от рук короля Нумидии. Цезарь провозглашается диктатором в Риме, но отрекается от власти и назначается консулом на 48 год. 48. Цезарь отправляется в Грецию и терпит поражение от Помпея при Диррахии. Цезарь наносит поражение Помпею в битве при Фарсале, который бежит в Египет, где и убит. Цезарь высаживается в Египте и вмешивается в споры за трон. Народ Александрии восстает против Цезаря. Египетский флот сожжен по приказу Цезаря. Великая библиотека погибает в огне. Цезарь наносит поражение египетской армии и устанавливает власть Рима над Клеопатрой и ее братом. 47 год. Война с Фарнаком, сыном Митридата. Цезарь одерживает победу в пятидневной кампании. 46 год. Битва при Тапсусе. Цезарь наносит поражение и убивает сторонников Помпея в Африке. Часть Нумидии присоединяется к Африке. Смерть Катона. Цезарь возвращается в Рим и становится диктатором на десять лет. Реформа календаря. 45 год. Битва при Мунде в Испании. Поражение и последующая смерть старшего сына Помпея. Окончательный триумф Цезаря. Цезарь приступает к различным мерам по организации государственных дел. Он расширяет избирательное право, увеличивает состав сената и сам назначает его членов. Он основывает новые колонии за границей, организует обследование империи и планирует кодификацию законов. Он разрабатывает различные планы по строительству и улучшению общественных сооружений. Он присваивает себе право принимать окончательные решения по судебным делам. Он отменяет систему сбора налогов, проводит военные реформы и принимает меры по ограничению злоупотребления властью со стороны провинциальных губернаторов. Обширные полномочия, которыми он обладает, осуществляются на основании многочисленных должностей и титулов, присвоенных ему. 44. Цезарь отказывается от короны, предложенной ему на Луперкалиях. Убийство Цезаря М. Юнием Брутом, Децимом Брутом, Кассием и др. Марк Антоний подстрекает народ против заговорщиков. Они бегут. Марк Антоний становится верховным правителем Рима. Марк Антоний осаждает Децима Брута в Мутине.

ВТОРОЙ ТРИУМВИРАТ (44-30 гг. до н. э.)

43. Консулы и племянник Цезаря, Гай Юлий Цезарь Октавиан, посланы сенатом против Антония. Битва при Мутине. Антоний потерпел поражение. Октавиан получает консульство и осуждает заговорщиков. Децим Брут схвачен и казнен. Второй триумвират. Антоний, Октавиан и Лепид берут на себя верховную власть. Проскрипции и конфискации. Убийство Цицерона. 42. Битва при Филиппах. Поражение и смерть Брута и Кассия. Антоний встречается с Клеопатрой в Тарсусе. 41. Перузийская война между Октавианом и братом и женой Антония по поводу распределения земель между ветеранами. Октавиан становится верховным правителем Италии. 40. Триумвиры делят империю между собой. 39. Мисенский договор. Триумвиры передают Сицилию, Сардинию и Пелопоннес Сексту, выжившему сыну Помпея. Антоний отправляется в Египет. 38. Сицилийская война между триумвирами и Секстом Помпеем. 36. Битва при Наулохе. Поражение и бегство Секста. Неудачная кампания Антония против парфян. 34. Артавазд, царь Армении, разгромлен и пленен Антонием. 31. Битва при Актиуме. Октавиан разгромил флот Антония и Клеопатры. 30. Самоубийство Антония и Клеопатры. Египет становится римской провинцией. **Октавиан** становится единоличным правителем римских владений.

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД

Основная особенность римской истории заключается в том, что это история не страны или, в собственном смысле, нации, а города. В Египте в одно время доминировал Фивы, в другое — Мемфис; высший центр Месопотамии перемещался между Вавилоном и Ниневией; в Греции Афины и Спарта долгое время боролись за господство. Но во всех этих случаях, за исключением, возможно, Вавилона, страна в целом давала название народу, а город был, в лучшем случае, лишь сердцем цивилизации; тогда как Рим пришел к власти как изолированное сообщество в пределах небольшого города, окрестности которого поначалу были враждебной территорией.

Этот город случайно оказался расположенным в Италии, но на протяжении нескольких столетий названия «римский» и «итальянский» ни в коем случае не были синонимами. Действительно, в ранний период основная часть Италии была заселена народами, которые вовсе не находились под властью Рима, и когда римские легионы выступили на завоевание этих территорий и небольшого полуострова, войны, приведшие к этому результату, имели все признаки иностранного завоевания. И когда эти завоевания распространились за пределы собственно Италии, пока, наконец, не охватили практически весь цивилизованный мир, который стоило завоевать, за исключением Парфянского царства на Дальнем Востоке, все еще только один город на Тибре считался сущностью обширного владения; и гражданин, который получил полные права и привилегии этого обширного владения, не нуждался в каком-либо другом специфическом обозначении, кроме одного слова «римлянин».

С точки зрения этнолога, греки и римляне имели сильные различия. Греки отличались, пожалуй, более острым и чувствительным характером, чем любой другой народ древнего мира. Они развивали все основные виды изобразительного искусства — керамику, скульптуру, архитектуру, грамматику и философию — до такой степени, что ни один из последующих народов не смог их превзойти. Но они заплатили за свою чувствительность и многогранность нестабильностью целей, отсутствием гражданской дисциплины, что вскоре привело к их падению.

Римляне развивали культуру сравнительно мало. Почти все сохранившиеся памятники римлян были частично вдохновлены общением с греками. С другой стороны, как и следовало ожидать от народа, жившего в пределах городских стен, они были столь же выдающимися в разработке законов и искусстве управления, как греки — в изобразительном искусстве. Многогранность и легкомысленность греков, а также их недисциплинированный образ жизни, основанный на индивидуальной свободе, разрушили нацию, которая была самой многообещающей в истории. Мужественная стабильность римлян и их представление о свободе как о чем-то подчиненном патриотическим обязанностям сделали их хозяевами цивилизованного мира на многие века.

Этим двум народам мир, пожалуй, обязан в равной степени. Народы современной Европы возникли на руинах Римской империи и унаследовали от нее самые здравые законы и лучшие образцы управления, которые в некоторых отношениях они смогли усовершенствовать; а когда они достаточно продвинулись в цивилизации, они открыли для себя культуру греков и развили ее, каждый народ в соответствии со своим гением и своими потребностями, в цивилизацию более поздних веков.

Свидетельство языка было принято как доказательство того, что римляне были ариями, но сам этот термин приобрел несколько сомнительное значение, как мы уже видели. Сходство их языков, по-видимому, ясно показывает, что римляне были более близко связаны с греками, чем с какими-либо другими известными современниками, и было принято за доказанное, что предки этих двух народов оставались в контакте друг с другом еще долго после их отделения от первобытного арийского роя. Но проблема в целом касается многих вопросов, которые крайне неясны: когда и как именно эти предполагаемые арии мигрировали в Италию; каких людей — какую расу — они там нашли; в какой степени они смешались этнически с расами, которые они там встретили и покорили; все это вопросы, на которые достоверная история может дать только самые расплывчатые ответы.

ЗЕМЛЯ ИТАЛИИ

При попытке составить географический очерк с целью разъяснения римской истории трудно определить, с чего следует начать и где закончить. Ведь в течение долгого периода мы едва ли выходим за пределы Капитолия, а в конце этого периода с поразительной быстротой попадаем в самое сердце каждой страны, от Атлантики до гор Малой Азии, от хребтов Альп до равнин, лежащих у подножия Атласа. Но поскольку происхождение и состав народа, который мы называем римлянами, зависят от раннего состояния и населения Италии в целом, и поскольку со временем все итальянцы стали римлянами, будет правильно следовать обычному обычаю и начать с географического очерка Итальянского полуострова.

Этот полуостров, центральный из трех, которые смело вытянулись от южных берегов Европы, лежит почти между параллелями 38° и 46° северной широты. Поэтому его длина, измеренная по дуге меридиана, должна составлять около 550 миль. Но поскольку, в отличие от двух других средиземноморских полуостровов, он проходит почти по диагонали к линиям широты и долготы, его фактическая длина, измеренная от Монблана до мыса Спартивенто, составляет чуть более семисот миль.

Чтобы оценить ширину этого длинного и необычной формы полуострова, его можно удобно разделить на две части линией, проведенной от устья реки По до северной точки Этрурии. Ниже этой линии средняя ширина ножки Италии не превышает ста миль. Выше этой линии оба побережья быстро расширяются, так что верхняя часть образует фигуру неправильной формы, которая лежит поперек вершины полуострова, ограниченную на севере и западе Альпийским хребтом от Иллирии до устья Вара, на юге — ранее проведенной воображаемой линией, а на востоке — вершиной Адриатического моря. Длина этой фигуры с востока на запад составляет не менее 350 миль, а с севера на юг — в среднем около 120 миль.

Площадь всего полуострова, включая как «ногу» Италии, так и нерегулярную форму в верхней части, оценивается примерно в девяносто тысяч квадратных миль, что почти равно площади Великобритании и Ирландии. Однако очень большая часть этой площади непродуктивна, а значительная часть даже непригодна для возделывания.

Географические особенности просты. Не стоит ожидать глубоких заливов и бухт, поскольку они встречаются только там, где горные цепи выступают в море и сохраняют

свою форму в виде мысов, в то время как более низкие земли между ними размываются и смываются непрерывным действием волн. Такие явления наблюдаются в Греции и на западных побережьях Шотландии, Уэльса и Ирландии. Но в Италии есть только одна равномерная горная цепь. На северном, или адриатическом, склоне Апеннин действительно есть ряд ущелий, открывающихся к морю в направлении, поперечном к главной линии гор. Но выступающие отроги, образующие эти ущелья, не имеют значительной высоты; а на южной, или средиземноморской, стороне главная гряда опускается к морю в виде подчиненных или второстепенных гряд, более или менее параллельных главной цепи, и поэтому редко образующих крутые мысы с глубокими проливами между ними. Однако есть одно исключение. У подножия Италии центральный хребет разветвляется на две большие ветви, одна из которых тянется к носку полуострова, а другая образует пятку. Низменности между этими двумя хребтами были вымыты волнами, и здесь образовался большой Тарентский залив, обширная морская акватория, протяженность которой от одного края до другого составляет не менее восьмидесяти миль. Но, за исключением этого большого залива, побережье полуострова изрезано сравнительно пологими изгибами. На северной стороне единственная неровность представляет собой выступающая масса горы Гарганус, которая вместе с нижним побережьем образует то, что сейчас называется заливом Манфредония. На подошве полуострова, ниже Тарентского залива, мы находим залив Скиллаче (Sinus Scylacius). После прохождения Мессинского пролива сначала появляется залив Св. Евфимии (Sinus Vibonensis), который отделен от залива Скиллаче массивом гранитных скал шириной менее двадцати миль. Чуть выше мы попадаем в широкую изгиб побережья, известный под названием залив Поликастро.

Эта часть южного побережья, которая является наиболее неровной, заслуживает особого внимания со стороны исследователей римской истории. Между точкой, где древняя Лукания граничит с Кампанией, и точкой, где начинается Лацио, на расстоянии около 120 миль, береговая линия разбита на три прекрасных залива: залив Пестум или Салерно на юге, залив Гаэта на севере и между ними самый маленький, но самый известный и самый красивый из трех — залив Кума или Неаполь. От мыса Чирчелло (Circeii), образующего северный рог залива Гаэта, береговая линия простирается до Генуи, не прерываясь, за исключением мысов Арджентаро и Пьомбино в Тоскане. Но они не выступают достаточно далеко, чтобы образовать углубление, достойное упоминания. Не заслуживает упоминания в качестве географической особенности и небольшой залив Специя, расположенный к северу от Тосканы.

То же обстоятельство, которое не позволяет Италии иметь много глубоких бухт и выпуклых мысов, также не позволяет ее побережью быть усыпанным островами, которые являются лишь остатками выступающих горных цепей. Если мы опустим Сицилию, которая на самом деле является продолжением полуострова, отделенного проливом шириной в две три мили, и Липарские острова, которые образовались в результате вулканической деятельности, все еще продолжающейся под Этной и Везувием, то острова Италии являются незначительными. Капреа (Капри) с одной стороны, Прочита (Прочида) и Искья () с другой — это лишь фрагменты двух мысов, образующих Неаполитанский залив. Igilium (Giglio) и Пва (Elba) находятся в аналогичном положении по отношению к мысам Argentaro и Piombino. Кроме них можно назвать Pontiaë (Ponza), Pandataria, а также несколько более бесплодных скал у залива Гаэта и несколько еще менее значительных на побережье Тосканы.

За исключением северной Италии, где много полноводных рек, узость полуострова не позволяет существовать действительно крупным водотокам. Однако Апеннинский хребет, образующий на южной стороне длинные параллельные долины, позволяет многочисленным ручьям и потокам, стекающим на юг, разрастаться в реки немалых

размеров. К таким рекам относятся, в частности, Арно и Тибр. Их воды разделены холмами, которые заканчиваются мысами Арджентаро и Пьомбино, так что Арно течет на север и впадает в море на северной границе Тосканы после прохождения около 120 миль, а Тибр течет в южном направлении, принимая воды Кланиса с запада и Нары (Нера) и Велинуса с востока, пока его течение резко не поворачивает у Сабинских холмов. Общая длина его русла составляет около 180 миль. Эти две известные реки со своими притоками осушают всю Этрурию, Сабинскую страну и Кампанию Рима.

Похожими по своему течению, но меньшими по масштабу, являются Анио (Тевероне) и Лирис. Обе они берут начало в Эквийских холмах, Анио течет на север и впадает в Тибр немного выше Рима; Лирис, к которому с запада присоединяется Трерус (Сакко), течет на юг, орошая южную часть Лация и северную часть Кампании, пока не поворачивает резко к морю и впадает в него примерно в середине залива Гаэта, после течения длиной около восьмидесяти миль.

Вултурнус и Калор текут по противоположным долинам с севера и юга территории самнитов, пока не соединяются на границе Кампании и впадают в залив Гаэта на небольшом расстоянии ниже Лириса. Оба этих потока от истоков до места слияния имеют длину не менее ста миль.

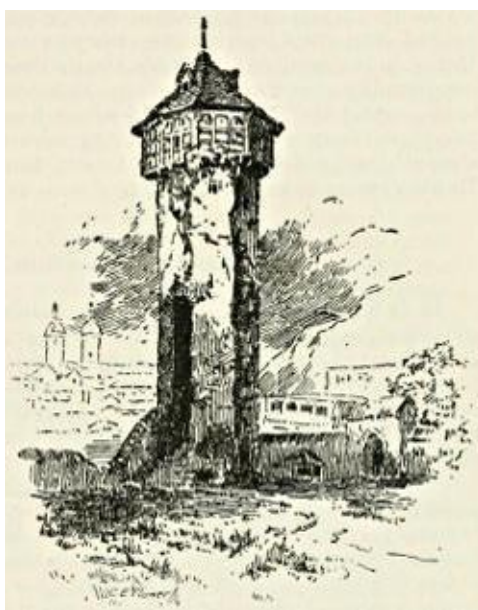
Единственная другая заметная река на западном побережье — Силарус (Селе), которая стекает по руслу длиной около шестидесяти миль из центральных Апеннин Лукании в залив Паэстум или Салерно. В южной части Италии горы спускаются так близко к морю, что от устья Силаруса до нижнего угла Тарентского залива реки представляют собой лишь короткие и быстрые потоки. Говорят, что между Паэстумом и Мессинским проливом их насчитывается не менее восьмидесяти. В Тарентский залив впадают несколько крупных рек. Бранданус и Казуентус (Басенто) впадают в залив на расстоянии четырех миль друг от друга после течения длиной около шестидесяти миль. Акирис (Агри) находится к югу от них. Сирус (Синно), известный как место первой битвы между Пирром и римлянами, является простой горной рекой, как и Галесус, на котором стоит Тарент.

Северное, или Адриатическое, побережье почти лишено боковых долин, которые встречаются на другом побережье, и поэтому имеет мало значительных рек. Ауфид (Офанто) в Апулии, известный в римской истории тем, что на его берегах произошла роковая битва при Каннах, берет начало на противоположной стороне того же хребта, из которого вытекает Калор, и протекает около восьмидесяти миль. Сагрус (Сангро) находится в том же отношении к Вултурну, что и Ауфидус к Калору, и несет воды озера Фучине из Эквийских холмов через Самниум по каналу почти такой же длины. Но самой большой рекой этой стороны является Атернус, которая берет свое начало в Сабинских холмах и течет в долине, параллельной главной горной цепи Этрурии (), тем самым продлевая свой путь. В нее впадает ряд небольших ручьев, и она достигает значительного объема воды, прежде чем впадает в море в месте, где побережье Марруцинии граничит с побережьем Пицениума (Picenum).

Все побережье от горы Гарганус на север изрезано бесчисленными потоками, которые стремительно спускаются по крутым горным ущельям. Из них стоит упомянуть Эзис между Пиценумом и Умбрией; Метаур в Умбрии, известный поражением Гасдрубала; Рубикон, который образовывал границу римской Италии на северной стороне, как и Макра (Магра) на противоположном побережье.

Известняковые горные массивы, занимающие весь узкий полуостров от большой долины По вниз, часто слишком круты, голые и изрезанные, чтобы их можно было возделывать. Однако есть много богатых равнин ограниченной площади, среди которых первое место

занимает Кампания, а также много узких, но плодородных долин, в которых природа вознаграждает малейший труд щедрыми урожаями.

ДРЕВНЕРИМСКАЯ БАШНЯ НЕДАЛЕКО ОТ РИМА

Говоря об озерах, мы должны вернуться к нашему двойному делению полуострова. На альпийских склонах большой долины По гранитные и древние известняковые скалы разбиваются на огромные ущелья под прямым углом к их общему направлению, в которых воды рек, стекающих вниз, чтобы впасть в По, накапливаются и образуют те озера, которые так хорошо известны всем любителям природной красоты. Таковы озера Бенакус (Lago di Garda), образованное водами Минчиуса; Лариус (Lago di Como), образованное водами Адды; Вербанус (Lago Maggiore), образованное водами Тичино; не говоря уже об озерах Лугано, Орта и других, более мелких, но не менее красивых.

Но Апеннинская Италия, учитывая обширность своих горных районов, не имеет много значительных озер. Они также не образованы накопленными водами рек, протекающих через них, как озера северной Италии или Швейцарии. По большей части, как и озера Греции, они не имеют видимого выхода, но теряют свои воды частично в результате испарения, частично через подземные трещины и каналы. Озеро Фучине в Эквийских горах питает реку Сангро, а озеро Бранданус на юге питает реку с тем же названием. Но знаменитое озеро Тразимен в Этрурии и озера вулканического района, такие как «великое озеро Волсини», озера Альба, Неми, Амсанктус и другие, не имеют видимого оттока. На самом деле это кратеры потухших вулканов. В римской истории есть легенды, связанные с искусственным пробурением этих котлов, и некоторые из прорубленных в их скалистых бассейнах туннелей сохранились до наших дней.

Обилие воды, которая льется с холмов, имеет тенденцию скапливаться в болотистых топях в низменных районах, расположенных ближе к морю. Такова ситуация вдоль нижнего течения По, на побережье Тосканы и в нижней части Кампании в Риме. Мантуя, расположенная немного выше слияния Минчо с По, окружена болотами, а все побережье между Венецией и Равенной представляет собой болото.

Чтобы удержать По и его притоки в своих руслах, лангобарды в средние века возвели дамбы по обеим сторонам реки. Но эти дамбы приводят к тому, что реки отлагают весь ил, которым они наполнены, в своих руслах, и количество отлагаемого ила настолько велико, что дамбы приходится постоянно поднимать. Поэтому за прошедшие столетия дно рек

значительно поднялось над равнинами, так что в нижнем течении реки Ломбардии фактически протекают по огромным земляным акведукам. Со временем человеческие силы не смогут поднять эти дамбы на достаточную высоту, и наступит потоп, более страшный, чем тот, который, по-видимому, видел поэт из Мантуи.

РАННЕЕ НАСЕЛЕНИЕ ИТАЛИИ

Обычно считается, что горы являются главными границами стран и что народы находятся в наиболее чистом состоянии, когда они отделены этими барьерами от смешения с другими племенами. Италия является исключением из этого правила. Не столько «роковой дар красоты», о котором говорит поэт, сколько богатство ее северной равнины привлекало последовательные племена завоевателей через Альпы. С самых ранних зарях исторических знаний мы слышим о том, как одно племя за другим, словно волны, накрывало полуостров, каждое из них вытесняя свое предшественник, пока не возникла сила, достаточно сильная, чтобы обратить вспять этот поток и на долгие века остановить агрессию. Эта сила была Римской империей, которая заставила галлов остаться на северной стороне Апеннин и на протяжении веков сохранила Италию нетронутой ногами иностранцев. Как только эта сила ослабла, вторжения возобновились.

Но если северные барьеры полуострова не смогли сдержать жажду завоевателей, то его длинная изрезанная форма, пересеченная горами от вершины до основания, существенно способствовала его раздроблению на ряд различных народов. За исключением периода могущества Римской империи, Италия всегда была разделена на ряд небольших государств. В древнейшие времена она была разделена между рядом племен, различавшихся по расе и языку. Были приложены большие усилия для изучения происхождения и характера этих первобытных народов. Но успех был не велик, и мы не ставим перед собой цель останавливаться на сложных вопросах такого рода. Здесь мы приведем только те результаты, которые кажутся установленными.

Хорошо известно, что только в конце республики, или, вернее, в начале империи, название Италия стало использоваться в том значении, в котором мы его используем сейчас, для обозначения всего полуострова от Альп до Мессинского пролива. Термин «Италия», заимствованный из названия первобытного племени, которое занимало южную часть земли, постепенно стал общепринятым названием таким же неясным образом, как и большинство стран Европы или (можно сказать) континентов мира получили свои названия. В самые далекие времена это название включало только нижнюю Калабрию; из этих узких пределов оно постепенно распространилось вверх, пока примерно во время Пунических войн его северная граница не поднялась до небольшой реки Рубикон (между Умбрией и Цизальпинской Галлией), затем прошла по гребню Апеннин () на запад до истоков Макры и спустилась по руслу этой небольшой реки до Генуэзского залива.

Но даже эта более узкая Италия под властью Рима не обладала той единством расы и языка, которое, несмотря на политическое разделение, мы привыкли приписывать этому названию. В пределах только что указанных границ проживало по крайней мере шесть различных рас, некоторые из которых, несомненно, были более отдаленными друг от друга, но все они отличались сильными национальными особенностями. Это были пеласги, оски, сабелы, умбры, этруски и греки.

Несомненно, что в первобытные времена побережья и нижние долины Италии были заселены племенами, переселившимися с противоположных берегов Греции и Эпира. Эти племена принадлежали к древнему народу, называемому пеласгами, о котором так много написано и так мало известно. Имена, сохранившиеся в южной Италии, были практически

все полуэллинского характера. Такими были, в «каблуке» Италии, дауны и пеукеты (считавшиеся аркадского происхождения), мессапии и салентины; к югу от Тарентского залива — хаоны (которые также встречаются в Эпире); а в «носке» — энотрии, которые когда-то дали название всей южной Италии. Такими же были сикулы и другие племена, проживавшие вдоль побережья от Этрурии до Кампании, которые были изгнаны вторгшимися осканскими и сабелльскими народами.

Осканская или опиканская раса когда-то была очень широко распространена на юге. К этой расе принадлежали аурунцы из нижнего Лация, а также аусоны, которые когда-то дали название центральной Италии, и, вероятно, волски и эквиты. В Кампании осканский язык сохранился до позднего периода римской истории, и до сих пор сохранились надписи, которые могут быть истолкованы теми, кто знаком с латынью.

Умбры в свое время владели большей частью центральной Италии. Сохранились также надписи на их языке, которые ясно показывают, что они говорили на языке, не чуждом латыни. Вторжение сабелльских и этрусских народов, вероятно, было причиной, которая сломила мощь умбров и оттеснила их на скудное пространство между Эзисом, Рубиконом и Тибром.

Самым большим из итальянских народов был сабелльский. Под этим названием мы включаем сабинов, которые, согласно традиции, были предками всего народа, самнитов, пиценцев, вестингов, марсиан, маруцинов, пелиньянцев и френтанцев. Этот народ, по-видимому, был от природы склонен к скотоводческому образу жизни и поэтому основал свои первые поселения в высокогорных долинах Апеннин. Постепенно продвигаясь вдоль этого центрального хребта, горцы проникли вниз, к Тарентийскому заливу; и когда их население стало слишком густым, чтобы прокормиться на родных холмах, отряды воинственных юношей вышли, чтобы поселиться на более богатых равнинах внизу. Таким образом, они смешались с опканцами и эллинами юга и образовали новые племена, известные под названиями апулийцы, луканийцы и кампанийцы. Эти более поздние племена, в свою очередь, угрожали великим греческим колониям на побережье, о которых мы поговорим позже.

Теперь мы переходим к этрускам, самому необычному народу полуострова. Этот народ называл себя Расена или Расенна — имя, которое напоминает нам этрусские фамилии Порсенна, Вибенна, Сисенна. В свое время они владели не только страной, известной римлянам как Этрурия (то есть страной, ограниченной Макра, центральным хребтом Апеннин и Тибром), но и занимали большую часть Лигурии и Цизальпийской Галлии; возможно, у них были поселения в Кампании. В древние времена они обладали мощным флотом, и в древнегреческих легендах они представлены как пираты, наводнявшие Средиземное море своими галерами. По-видимому, они были изгнаны из своих владений за Апеннинскими горами ранними вторжениями галлов; и их морская мощь так и не оправилась от удара, нанесенного ей в 480 году до н. э., когда Гело, тиран Сиракуз, разгромил их флот, объединенный с флотом Карфагена, в тот же день, когда битва при Саламине подорвала мощь Персии.^[2]

Но кто были эти люди и откуда они пришли, остается предметом догадок. Можно с уверенностью предположить, что греческие поселенцы прибыли по морю с западного побережья Эпира, которое находится на расстоянии менее пятидесяти миль от Италии, а племена опиканцев, умбров и сабеллов пришли с севера по суше. Но в отношении этрусков все сомнительно. Одна известная легенда представляет их как лидийцев, которые бежали по морю из Малой Азии, чтобы избежать ужасного голода. Другая легенда гласит, что они спустились через Альпы, а происхождение их названия «Расена» прослеживается в Раэтии. Согласно первому предположению, Этрурия была их самым ранним поселением, и,

продвигаясь на север, они завоевали равнину По; согласно второму, они сначала завладели этой плодородной равниной, а затем распространились на юг через Апеннины.

Их язык, если бы его можно было перевести, мог бы помочь разгадать эту загадку. Но хотя символы, которыми написаны их надписи, имеют близкое сходство с греческим и римским алфавитами, язык этого замечательного народа до сих пор остается загадкой для самых искусных филологов.

О греческих поселениях, которые усеивали побережье южной Италии и дали этому району название Магна Греция, здесь нечего особо говорить. Они были основаны только после основания Рима. Многие из них действительно достигли большой мощи и великолепия, а коренное оско-пеласгийское население юга стало их подданными или крепостными. Говорят, что за два столетия Сибарис стал властелином четырех народов и двадцати пяти городов и смог собрать гражданскую армию в 300 000 человек. Его соперник Кротон был еще больше. Греческие города появляются на севере, в Кампании, где Неаполь до сих пор сохраняет в искаженном виде свое эллинское название Неаполис. Греческие остатки, обнаруженные в Канузиуме (Канози) в сердце Апулии, свидетельствуют о масштабах эллинского господства. Но греки, по-видимому, держались в стороне от смешения с коренными итальянцами, которых они считали варварами. Рим не упоминается ни одним греческим писателем до времени Аристотеля (около 340 г. до н. э.).

Из вышеизложенного следует, что Лаций представлял собой своего рода центр, в котором сходились все различные народы, наводнившие Италию в прошлые века. Этруски граничили с Лацием на западе; сабины, а за ними умбры, — на севере; эквиты и волски, осские племена, — на северо-востоке и востоке; а эллинские общины проживали на побережье. Поэтому можно было заранее ожидать, что мы встретим народ, образованный смешением различных племен, и это ожидание оправдалось.

Традиция гласит, что коренные жители Лация в древние времена смешались с народом, называвшим себя сикулами; что эти сикулы, будучи завоеваны и частично изгнаны из Италии, укрылись на острове, который впоследствии был назван Сицилией в честь них, но в то время был заселен племенем под названием сиканы; что завоеватели назывались сакранами и были изгнаны из сабинских долин в окрестностях Реате () сабелльскими захватчиками; и что из этого смешения аборигенов, сицилийцев и сакранов возник народ, известный впоследствии под именем латинян. Когда все неопределенно, легко строить догадки. Но все догадки свидетельствуют о смешанном характере латинской нации.^b

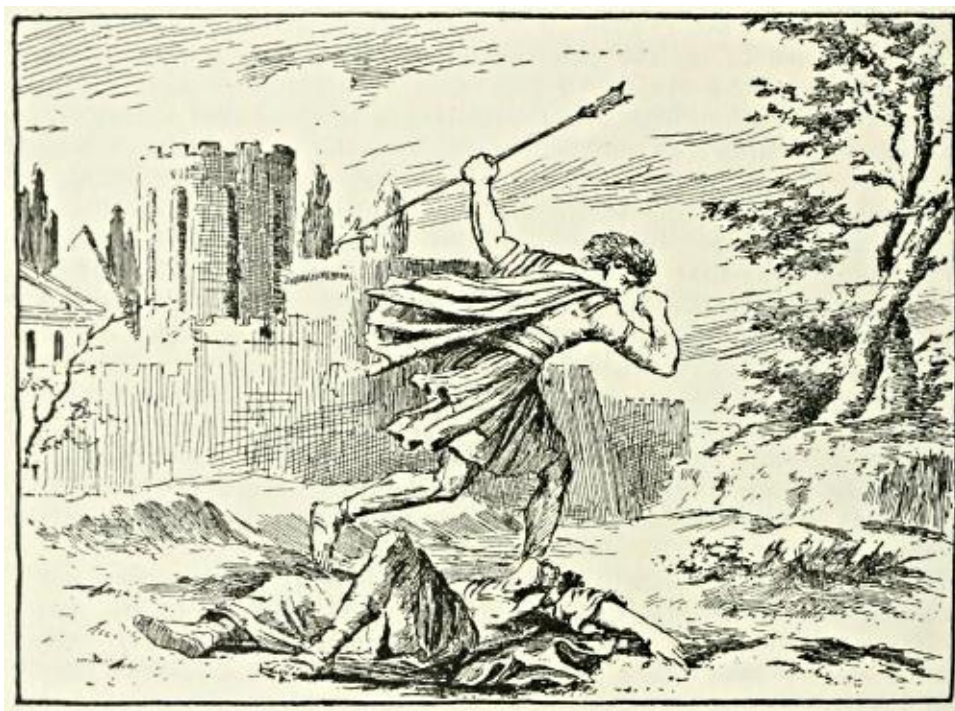
НАЧАЛО РИМА И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ РИМСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Примерно в четырнадцать миль вверх по течению от устья реки Тибр, на обоих берегах последней, поднимаются пологие склоны, более высокие справа, более низкие слева; последним в течение по крайней мере двух с половиной тысяч лет было присвоено название римлян. Конечно, нельзя с уверенностью сказать, как и когда оно возникло, известно только, что в самой древней форме этого названия, известной нам, жители провинции назывались не римлянами, а — с изменением произношения, вполне естественным на более древних этапах развития языка, но не сохранившимся в известном нам латинском языке — рамнянами или рамнами; это красноречивое свидетельство древности этого названия. Точное происхождение этого слова установить невозможно; возможно, что рамны — это народ реки. Но они не жили одни на берегу Тибра. В самой древней классификации римских граждан мы находим следы, указывающие на то, что нация произошла от слияния в одно государство трех, по-видимому, независимых племен: рамнов, титов и лукеров, то есть от *синоикисмоса*, подобного тому, из которого возник Афины в Аттике.^[3]

Кроме того, после объединения каждая из этих трех древних общин, которые теперь стали демами, владела третьей частью общих земель и была одинаково представлена в вооруженных силах, а также в совете старейшин, в то время как в религиозной организации число шести весталок, трех первосвященников Юпитера, Марса и Квирина, по-видимому, следует отнести к этому тройному делению.

На существовании трех элементов, на которые было разделено древнеримское государство, были основаны самые бессмысленные абсурды; с этим связана иррациональная идея о том, что римский народ был смешанной расой, и ее сторонники различными способами пытаются представить три великие итальянские расы как составные элементы древнего Рима и превратить народ, который развил свой язык, свое правительство и свою религию с чистотой и национальным духом, достигнутыми немногими другими, в смешанную массу этрусских, сабинских, эллинских и, что еще хуже, даже пеласгических элементов. Оставляя в стороне иногда противоречивые, иногда беспочвенные гипотезы, все, что можно сказать о национальности различных элементов древнеримского содружества, можно резюмировать в нескольких словах. То, что рамны были латинского происхождения, не вызывает сомнений, поскольку они дали свое имя новому римскому содружеству и занимали главное место среди трех племен, так что они, должно быть, определяли национальность объединенного сообщества.

Что касается происхождения лукеров, то ничего нельзя сказать, кроме того, что нет никаких препятствий для того, чтобы считать их латинским племенем, как и рамнов. С другой стороны, второе из этих племен единодушно считается происходящим от сабинов, несомненно, на основании авторитетной и достоверной традиции «братства Тита», которое утверждало, что было основано после принятия племени в конфедерацию для сохранения его особых национальных обрядов. Следы такого аборигенного сабинского культа действительно можно найти в Риме; например, почитание Маура или Марса и Семо Санкуса наряду с соответствующим латинским Диусом Фидиусом. Это было в очень далеком периоде, когда латинские и сабинские племена еще были, несомненно, гораздо менее отличались по языку и обычаям, чем позднее римляне и самниты, когда сабеллийская община вошла в латинский племенной союз; точно так же, как несколько веков спустя сабинский клан Аттуса Кланзуса, или Аппия Клавдия, и его клиенты эмигрировали в Рим, получили землю на правом берегу Анио и вскоре были полностью поглощены римским сообществом.

СМЕРЬ РЕМА

(По картине Мириса)

Слияние различных национальностей, конечно, имело место, но это не дает нам оснований считать римлян смешанным народом. За исключением отдельных национальных институтов, перенесенных в ритуал, сабелльские элементы никогда не проявлялись в Риме, и, в частности, латинский язык не подтверждает такую гипотезу. Было бы более чем удивительно, если бы присоединение к латинской нации одного племени из числа народов, наиболее близких к латинянам, оказало заметное влияние на ее национальность; кроме того, нельзя забывать, что в то время, когда титы поселились рядом с римлянами, латинская нация имела свою столицу в Лации, а не в Риме. Новое тройное римское государство, несмотря на быстро ассимилированный сабеллийский элемент, было тем же, чем было племя рамнов — частью латинской нации.

Задолго до того, как на Тибре возникло городское поселение, эти Рамны, Титы и Луцеры, возможно, имели свои поселения на римских холмах и возделывали свои поля из окружающих деревень, сначала по отдельности, а затем совместно. Праздник волка, *Луперкалия*, который семья Квинтиев отмечала на Палатинском холме, возможно, является традицией этого самого раннего времени; это был праздник крестьян и пастухов, который сохранял домашние развлечения патриархальной простоты, не имеющие себе равных, и, что примечательно, был единственным из всех языческих праздников, который на время сохранился в христианском Риме.

Итак, из этих поселений возник позднее Рим. О фактическом основании города, как об этом рассказывает легенда, мы, конечно, не можем говорить в каком-либо смысле; Рим не был построен за один день. Однако стоит подумать о том, каким образом Рим смог достичь своего выдающегося политического положения в Лации, когда характер местности скорее наводит нас на противоположные ожидания. Место, на котором стоит Рим, менее здоровое и менее плодородное, чем у большинства старых латинских городов. Виноград и смоковница не растут в непосредственной близости от Рима, и здесь нет обильных источников — ни превосходный источник Камена перед Порта Капена, ни капитолийский колодец,

впоследствии заключенный в Туллианум, не дают много воды. Ко всему этому добавлялись частые разливы реки, которая из-за своего очень небольшого уклона не могла в сезон дождей достаточно быстро отводить в море обильные потоки горных ручьев, чтобы предотвратить затопление долин и низменных участков земли, открывающихся между холмами, и превращение их в простое болото. Это место ни в коем случае не привлекательно для поселенцев, и даже в древности говорили, что первых фермеров-иммигрантов привлекло не то, что это место было подходящим для колонизации, а то, что оно было нездоровым и бесплодным, но находилось в благоприятном районе; но необходимость, или, скорее, какая-то другая особая причина, должна была побудить к строительству города.

Странность этого выбора признается даже в легенде; рассказ об основании Рима беженцами из Альбы под руководством албанских князей Ромула и Рема — не что иное, как наивная попытка ранней квазиистории объяснить странность основания города на столь неблагоприятном месте и в то же время связать происхождение Рима с общей метрополией Лация. Именно от таких сказок, которые выдаются за историю, а на самом деле являются не более чем придуманными на ходу и не особо умными выдумками, серьезная история должна избавиться; но, возможно, допустимо пойти еще дальше и, рассмотрев особенности окрестностей, выдвинуть положительную теорию не о происхождении этого места, а о причине его быстрого и удивительного процветания и его особого положения в Лацио.

Давайте сначала посмотрим на древние границы римской территории. На востоке в непосредственной близости находятся города Антемна, Фидена, Кенина, Коллатия и Габии, некоторые из которых расположены менее чем в пяти милях от ворот Сервиевого Рима; следовательно, граница провинции должна была проходить в непосредственной близости от городских ворот. Четырнадцать миль к югу мы попадаем в могущественные общины Тускулум и Альба, и здесь римская территория, по-видимому, не простиралась дальше Фосса Клулия, в пяти милях от Рима. Аналогичным образом, в юго-западном направлении граница между Римом и Лавинием уже встречалась на шестом мильном столбе.

В то время как на суше римская провинция повсюду была ограничена самыми узкими границами, с другой стороны, с самых ранних времен она непрерывно простиралась вдоль обоих берегов Тибра в направлении моря; и между Римом и побережьем Лавиния () не встречается ни одного места, представляющего собой древний провинциальный центр, ни каких-либо следов древней провинциальной границы. Правда, легенда, которая может объяснить происхождение всего, здесь также сообщает нам, что римские владения на правом берегу Тибра, «семь деревень» (*septem pagi*) и важные соляные заводы в его устье были захвачены королем Ромулом у веиентов, а король Анк укрепил *плацдарм*, «гору Януса» (*Яникул*), на правом берегу Тибра, а на левом заложил основу римского Пирея, портового города в «устье» (*ostia*) реки. Но с другой стороны, тот факт, что владения на этрусском берегу, должно быть, принадлежали самой ранней римской территории, подтверждается более весомым свидетельством, а именно рощей богини творчества (*Dea Dia*), которая стояла на этом самом месте, у четвертого мильного камня дороги, впоследствии проложенной к гавани, и была первоначальным высоким местом римского праздника Арвалов и братства Арвалов. Действительно, с незапамятных времен клан Ромилии, вероятно, самый выдающийся из всех римских кланов, имел здесь свою резиденцию; Яникул был частью самого города, а Остия — гражданской колонией, то есть пригородом. Это не могло быть простой случайностью. Тибр был естественной магистралью Лация, а его устье, на побережье, столь скудно снабженном гаванями, было необходимым местом стоянки кораблей.

Кроме того, Тибр с древнейших времен составлял пограничную оборону латинского племени от северных соседей. Ни одно место не подходило лучше Рима, чтобы быть одновременно центром латинской речной и морской торговли и пограничной крепостью Лация. Он сочетал в себе преимущества выгодного положения и непосредственной близости к реке; он контролировал оба берега реки вплоть до ее устья; он был одинаково удобен как для речных судов, спускавшихся по Тибру или Анио, так и для морских судов, которые в те времена были небольших размеров; и он обеспечивал лучшую защиту от пиратов, чем города, расположенные непосредственно на побережье. Существует множество доказательств того, что именно этим торговым и стратегическим преимуществам Рим обязан, если не своим происхождением, то, по крайней мере, своим ным значением, и эти доказательства гораздо важнее данных, приведенных в исторических романах. С этим связаны его ранние отношения с Карой, которая была для Этрурии тем же, чем Рим для Лация, и, следовательно, стала ближайшим соседом и торговым союзником города; отсюда и происходила чрезвычайная важность мостов через Тибр и мостостроения в целом в римском государстве, а также галера в гербе города.

Это было также источником древнеримских портовых сборов, которые первоначально взимались только с товаров, предназначенных для продажи (*promercale*), а не с тех, которые проходили в Остию и из Остии для собственного использования грузоотправителя, и, таким образом, были фактически налогом на торговлю. И отсюда, как можно предположить, возникло относительно раннее появление чеканенных денег в Риме и торговых договоров с заморскими государствами. Таким образом, с этой точки зрения, по крайней мере, Рим можно рассматривать, как подсказывает легенда, скорее как созданный, чем постепенно развившийся город, и скорее как самый молодой, чем самый старый из латинских городов. Несомненно, земля уже была в некоторой степени возделана, и города были построены на Альбанских холмах, а также на многих других возвышенностях окружающей местности, когда на Тибре возник латинский пограничный торговый центр.

Было ли это решением Латинского союза, гением и прозорливостью какого-то неизвестного основателя или естественным развитием торговли, что привело к появлению города Рима, мы даже не имеем оснований предполагать. Но есть еще один момент, который следует отметить в связи с положением Рима как торгового центра Лация. Когда история начинает проясняться для нас, Рим контрастирует с союзом латинских общин как единый закрытый город. Латинский обычай жить в открытых деревнях и использовать общий город только как крепость и место собраний или в случае необходимости, по всей вероятности, гораздо раньше был ограничен в римской провинции, чем где-либо еще в Лации. Не то чтобы римляне перестали сами управлять своими фермами или считать их своим настоящим домом, но уже нездоровый сельский воздух побудил их поселиться на более проветриваемых и здоровых высотах города; и вместе с фермерами там, должно быть, давно обосновалось многочисленное несельскохозяйственное население из иностранцев и коренных жителей. Это в некоторой степени объясняет плотность населения римской территории, которая, по самым большим подсчетам, может занимать не более 115 квадратных миль земли, часть которой представляет собой болота и пески, и тем не менее, согласно древнейшей конституции города, обеспечивала городскую милицию из трех тысяч трехсот свободных граждан, а значит, должна была насчитывать не менее десяти тысяч свободных жителей.

Но есть еще кое-что. Все, кто знаком с римлянами и их историей, знают, что особенность их общественной и частной жизни заключается в их муниципальной и коммерческой жизни, и что различие между ними и другими латинянами, а также итальянскими народами в целом, заключается прежде всего в различии между гражданами и фермерами. Правда, Рим не был торговым городом, как Коринф или Карфаген, поскольку Лаций — это

преимущественно сельскохозяйственный район, а Рим был и оставался прежде всего латинским городом. Но отличие Рима от других латинских городов все же следует связывать с его торговым положением и влиянием этого положения на характер его граждан. Если Рим был торговым центром латинского района, то легко понять, что здесь, помимо латинского земледелия, быстро развилась активная муниципальная жизнь, которая и заложила основу его превосходства. Проследить ход этого торгового и стратегического развития города Рима гораздо важнее и легче, чем выполнять неблагодарную задачу химического анализа незначительных и очень похожих сообществ древности; мы можем в некоторой степени проследить это развитие в преданиях, касающихся последовательных стен и укреплений Рима, возведение которых, должно быть, шло рука об руку с ростом значения Рима как города.

Как в прежние, так и в недавние времена предпринималось много попыток придать исторический характер легенде о том, что три разных сообщества, составлявшие древнюю римскую нацию, когда-то жили в отдельных стенах на Семи холмах; но научный исследователь вынужден отнести ее к той же категории, что и битва на Палатине и изящная история о Тарпее.

Существует, правда, реальное и очень четкое различие между укреплением Капитолия и возведением городских стен. Капитолий по названию и по сути является Акрой Рима, городом с одними воротами и городским фонтаном, тщательно огороженным «источником» (*tullianum*). О том, что эти укрепления восходят к временам, когда в этой местности еще не было никаких поселений, свидетельствует обычай, который тщательно соблюдался до позднего периода и согласно которому частные дома не строились и, возможно, не допускались на двух вершинах Капитолия.

С другой стороны, в городе находилась сокровищница с архивами, тюрьма и старейшее место собраний советников и граждан. Пространство между двумя вершинами Капитолийского холма, святилищем гневного Юпитера (*Ведювис*) или, как его называли в более поздний период эллинизации, Азилум, было покрыто лесом и, по-видимому, изначально предназначалось для укрытия крестьян и их стад, когда наводнения или войны вынуждали их покидать равнину.

В Риме, как и везде, городское поселение, должно быть, возникло не внутри, а под цитаделью; когда оно стало достаточно большим, чтобы потребовать защиты в виде стены и рва, собственно город сначала возник за пределами Капитолия, а к нему, в свою очередь, присоединились пригороды, и по мере того, как они также процветали и требовали защиты, были добавлены новые стены и в болотах новая дамба, пока целая серия таких отдельных оборонительных сооружений не окружила цитадель. Память об этом сохранилась в «празднике семи холмов» (*Septimontium*), который продолжали отмечать еще долго после того, как древние укрепления перестали существовать.

«Семь кругов» — это Палатин; Чермалус, ответвление Палатина, простирающееся к болоту (Велабрум), которое в древние времена простиралось между ним и Капитолием; Велия, хребет, соединявший Палатин с Эсквилином и впоследствии почти полностью исчезнувший из-за построек, возведенных в эпоху империи; три вершины Эсквилина, Оппиус, Циспиус и Фагутал; и, наконец, Секуса или Субура, гениальная крепость на низменности между Капитолием, Эсквилином и Палатином. Очевидно, что эти стены не возникли сразу. Согласно достоверным свидетельствам, самые старые сооружения охватывают только Палатин или первоначальный Рим, который в более поздний период назывался «квадратом» (*Roma quadrata*) из-за формы Палатинского холма, которая напоминала неровный квадрат. Ворота и стены этого древнего городского круга оставались

видимыми вплоть до времен империи; расположение двух из них, а именно Порты Романа, недалеко от С. Джорджо в Велабро, и Порты Мугионис у арки Тита, до сих пор известно нам, а стена, окружающая Палатин, даже описана Тацитом по его собственным наблюдениям, по крайней мере, со стороны, обращенной к Авентину и Целиану. Хотя, конечно, первоначальным центром торговли общины было не это место, а цитадель, все же имеется достаточно указаний на то, что именно здесь находился центр и первоначальное место проживания городских поселенцев. На Палатине находился их священный символ, так называемое «хранилище» (*mundus*), в котором они хранили все необходимое для домашнего хозяйства и добавляли горсть своей любимой родной земли. Здесь же стояло здание, в котором собирались курии, каждая у своего алтаря, для религиозных и других целей (*curiae veteres*). Здесь же находилось святилище «волков» (*lupercal*), дом собраний «прыгунов» (*curia saliorum*) и жилище жреца Юпитера. Именно на этом холме и вокруг него в основном локализовалась легенда об основании города, и верующим показывали покрытый соломой дом Ромула, хижину пастуха Фаустула, его приемного отца, священное фиговое дерево, на которое был принесен сундук с близнецами, и другие подобные реликвии.

Палатин был и оставался самым аристократическим районом города и поэтому впоследствии дал название первому Сервиевому району. Самыми древними ответвлениями, возможно, были поселения на ветке Чермалуса и Велийских высотах, которые были непосредственно связаны с Палатином и, согласно Сервиевому делению города, по-видимому, входили в Палатинский район. Расположение пригорода на Чермалусе, между городской стеной и стеной цитадели, а также название главной улицы «Тосканская» указывают на то, что это поселение было не добровольным, а предназначенным для содержания колонистов иностранной расы.

За этим поселением находилось поселение на Каринае, самой дальней вершине Эсквилина, с крепостью для защиты от сабинов в долине Субура; впоследствии оно стало вторым Сервиевым кварталом. В то время Эсквилины (которые, строго говоря, не включали Карина) составляли, как следует из названия, пригород (*exquilæ*, то же самое, что *inquilinus*). То, что город расширился в этом направлении, объясняется простым фактом, что люди оставались на возвышенностях, особенно на Палатине и Велиане, избегая как изолированных холмов, так и болотистых и совершенно незащищенных долин, которые лежали между ними. Позже пригород был включен в город и по сервийскому делению стал третьим кварталом.

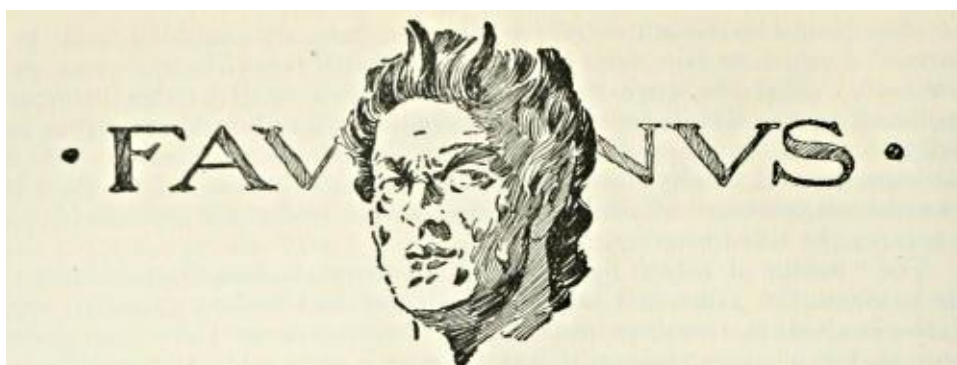
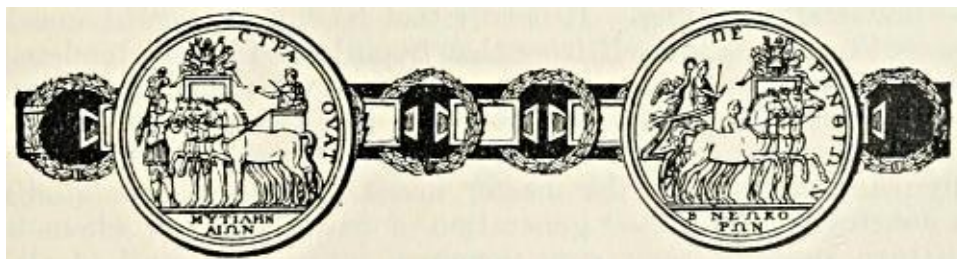
«Мост на сваях» (*pons sublicius*), перекинутый через этот естественный пирс, остров на Тибре, и *плацдарм* на этрусском берегу, цитадель Яникул, оставались за пределами укреплений «Семи холмов». А поскольку по военным соображениям было необходимо иметь возможность в кратчайшие сроки разрушить или сжечь мост, возникло строгое правило, которое до самого позднего периода соблюдалось как традиционный религиозный закон: при строительстве моста нельзя было использовать железо, а только дерево. Таким образом, город появился, но тем не менее реальное и полное слияние различных групп, составлявших поселение, еще не произошло. Поскольку не было общего городского алтаря, а отдельные алтари разных курий просто стояли рядом в одном районе, то не только сохранялось различие между цитаделью и городом, но и сами семь округов были скорее совокупностью городских поселений, чем единым городом, пока гигантские оборонительные сооружения, приписываемые царю Сервию Туллию, не окружили внутренний и внешний город и открытые пригороды одной большой стеной. Но до того, как эти мощные сооружения были возведены, положение Рима по отношению к окружающим районам, несомненно, полностью изменилось.

Поскольку первобытная некоммерческая и неактивная эпоха латинского племени соответствует периоду, когда земледелец возделывал землю на Палатине, а также на других холмах Лация, а место убежища на Капитолии, которое в обычное время стояло пустым, представляло собой лишь начало укрепленного поселения; и как позднее процветающее поселение на Палатине и в пределах семи кругов совпадает с занятием устья Тибра римской общиной и в целом с прогрессом латинян к свободным и активным отношениям, а также городской цивилизации, особенно в Риме, и, действительно, к более прочному политическому объединению как отдельных государств, так и конфедерации; так и создание единого великого города с помощью Сервиевых валов относится к той эпохе, в которой город Рим смог бороться за господство в латинском союзе и, в конце концов, взять верх.^с

СНОСКИ

[2] [Решающее поражение этрусков было нанесено его преемником Гиером в сражении у Кум в 474 году].

[3] [Мейер^d считает вероятным, что римские (как и четыре ионические) племена были искусственным делением, основанным на ранее существовавшей этнической схеме.]

ГЛАВА II. РАННИЕ ЛЕГЕНДЫ РИМА — ЭНЕАС И РОМУЛ

Нелегко определить, чему следует отдавать предпочтение — фактам или писателям: я склонен думать, что история была сильно искажена посредством погребальных панегириков и ложных надписей на статуях; каждая семья стремилась с помощью ложных представлений присвоить себе славу воинских подвигов и общественных почестей. По этой причине, безусловно, как действия отдельных лиц, так и публичные записи событий были спутаны. Кроме того, не сохранилось ни одного писателя, современного этим событиям, на авторитет которого мы могли бы с уверенностью полагаться. — Ливий.

Согласно легендам, увековеченным Вергилием^f, если не Ливием^с, Эней, спасаясь из Трои после ее разрушения греками (как рассказывается в гомеровских поэмах), бежал в Италию и там стал прародителем народа, который впоследствии стал известен как римляне. Эта легенда настолько прочно вошла в классическую литературу, что лишь немногие писатели, если таковые вообще были, разделяли даже вежливый скептицизм Ливия. В течение многих веков после исчезновения самой Римской империи легендарные истории о основании Рима повторялись одним поколением историков за другим как несомненный факт.

Лишь около века назад, в эпоху скептицизма, появился иконоборческий критик, который грубо обрушился на уважаемые веками истории. Этот критик был немец Нибур (^е). Он проанализировал легенды не только об основании, но и о предполагаемой ранней истории Рима и пришел к несомненному выводу, что известные истории о ранних римских царях и героях были немногим лучше чистой выдумки.

Работа, начатая Нибуrom, была продолжена школой его последователей, в результате чего можно сказать, что вся конструкция некогда общепринятой ранней истории Рима была разорвана на куски. И на ее место пришло — практически ничего. Правда, сам Нибур, будучи иконоборцем, не смог освободиться от склонности к формированию гипотез, которая является наследием всех активных умов, и выдвинул много прозаических догадок о правде в качестве замены старых поэтических догадок, которые он сверг с трона. Но эти поздние гипотезы, хотя и принятые на данный момент многими учениками великого историка, были встречены с гораздо меньшей любезностью новым поколением критиков, многие из которых, однако, в свою очередь, выдвинули свои собственные предположения. Конечным результатом всех исследований прошлого века и всех предположений, которыми эти исследования были дополнены, является то, что мы остались практически без какой-либо приемлемой гипотезы, за исключением, возможно, скудного, но последовательного обриса институционального и гражданского развития.

Не менее расплывчатыми являются и очертания истории раннего развития Рима, его внутреннего управления и внешних достижений в течение нескольких веков его несомненного существования. То, что в ранние времена им правили цари, было принято на основании всеобщего предания, но вряд ли можно сказать, что кого-либо из этих царей сегодня можно считать известной исторической личностью. Мы даже не уверены в том, когда именно короли были изгнаны и республиканская форма правления заменила монархию, хотя общепринятые даты относят этот переход к 509 году до н. э. — что, как ни странно, совпадает со временем изгнания Писистратидов из Афин. Если принять эту дату, то окажется, что эволюция политических идей в Греции странным образом шла параллельно с ростом того же духа в Риме, и из этого следует, что цивилизации этих двух народов были более близкими современниками, чем обычно считается.

Но истинные плоды нации заключаются в тех постоянных произведениях, которые она передает потомкам, и, судя по этому критерию, Рим, безусловно, достиг своего расцвета только тогда, когда Греция уже вступила на путь упадка. Возможно, Рим изгнал своих царей и перешел к республиканскому правлению почти так же рано, как и Афины, но греческий город прошел гораздо более длительную подготовку и сразу же достиг полного расцвета цивилизации, о чем свидетельствует «век Перикла», в то время как римская цивилизация должна была пройти через многие поколения развития, прежде чем она начала производить те долговечные записи, которые отличают традицию от истории. Тем не менее, разрыв во времени между греческим и римским периодами был не очень велик — между Александром и Цезарем прошло всего три столетия. А во времена поздних императоров две цивилизации странным образом слились на Востоке, где весь облик римского двора стал греческим, а греческий язык даже стал официальным средством общения на всей территории остатков Римской империи.

О поздних этапах развития и упадка Римской империи имеются обильные и достоверные свидетельства, как мы увидим позже. Между тем, хотя рассказы о раннем или мифическом периоде нельзя назвать историей в узком смысле этого слова, они слишком долго считались правдивыми и слишком часто повторялись, чтобы их можно было внезапно игнорировать. Их больше не принимают как серьезную историю, но даже самый серьезный историк не осмеливается полностью от них отказаться. Как и в случае с греческой мифологией, самым удачным компромиссом кажется сохранение и повторение наиболее интересных рассказов с явным оговоркой, что их следует принимать только как легенды. Это относится не только к рассказам об основании Рима и ранних царях, но даже, следует признать, к героическим рассказам о Горации, Бруте Старшем, Цинциннате, Кориолане и других; хотя, без сомнения, с

течением времени исторический элемент становится все более заметным, а легендарная основа все менее доминирующей. Однако сначала мы имеем дело с серией цитат, которые, скажем сразу, являются чисто легендарными и которые каждый читатель вправе интерпретировать так, как лучше всего соответствует его индивидуальному воображению.

ЛЕГЕНДА О ЭНЕЕ

Когда роковой конь должен был быть введен в стены Трои, а Лаокоон был пожран двумя змеями, посланными богами, чтобы наказать его за то, что он пытался спасти свою страну вопреки воле судьбы, Эней и его отец Анхиз со своими женами и многими, кто последовал за их судьбой, бежали от приближающегося злого дня. Но они не забыли взять с собой своих богов, которые должны были получить поклонение в более счастливой стране. В бегстве из города их вел бог Гермес, который построил для них корабль, чтобы перевезти их через море. Когда они вышли в море, звезда Венера, мать Энея, стояла над их головами и светила днем и ночью, пока они не достигли берегов западной страны. Но когда они высадились на берег, звезда исчезла и больше не была видна; и по этому знаку Эней понял, что он прибыл в ту страну, где судьба назначила ему жить.

Троянцы, вынеся своих богов на берег, начали приносить жертвы, но жертвенная свиноматка, белая как молоко и готовая к опоросу, вырвалась из рук жреца и его помощников и убежала. Эней последовал за ней, ибо оракул предсказал ему, что четвероногий зверь приведет его к месту, где он должен построить свой город. Свиноматка шла вперед и пришла к холму, примерно в двух с половиной милях от берега, где они намеревались принести жертву, и там она легла и окотилась, и в ее помете было тридцать поросят. Но когда Эней увидел, что место это песчаное и бесплодное, он засомневался, что ему делать. В этот момент он услышал голос, который сказал: «Тридцать детенышей свиноматки — это тридцать лет; когда пройдет тридцать лет, твои дети переселятся в лучшую землю; а пока ты повинуйся богам истрой свой город в том месте, где они велят тебе построить». И троянцы построили свой город на том месте, где свиноматка окотилась.

Эта земля принадлежала народу, который был потомками этой земли, и их царь назывался Латин. Он любезно принял чужезранцев и даровал им семьсот югров земли, по семь югров каждому, ибо это была доля одного человека. Но вскоре дети этой земли и пришельцы поссорились; пришельцы разграбили земли вокруг них; и царь Латин обратился к Турну, царю рутулов из Ардеи, с просьбой помочь ему против них. Ссора переросла в войну: чужеземцы захватили город царя Латина, а сам Латин был убит; Эней взял его дочь Лавинию в жены и стал царем детей этой земли; они и чужеземцы стали одним народом и получили одно имя — латины.

Но Турн призвал на помощь Мезентия, царя этрусков из Каэры. Тогда произошла еще одна битва на берегах реки Нумиций, и Турн был убит, а Эней бросился в реку и больше не появлялся. Однако его сын Асканий заявил, что он не умер, а что боги взяли его к себе; и его народ построил ему алтарь на берегу Нумиция и почитал его под именем Юпитера Индигеса, что означает «бог, который был из этой самой земли».

ЛЕГЕНДА ОБ АСКАНИИ

Война между Мезентием и Асканием, сыном Энея, продолжалась; Мезентий сильно давил на латинян, пока, наконец, Асканий не встретил его один на один и не убил в единоборстве. В то время Асканий был очень молод, и на его щеках только начинали появляться первые мягкие волоски юности; поэтому его называли Иулом, или «мягковолосым», потому что,

будучи еще юношей, он победил и убил своего врага, который был взрослым мужчиной. Наконец истекли тридцать лет, предсказанные тридцатью поросятами белой свиноматки. Тогда Асканий вместе со своим народом () переселился на высокую гору, с которой видны все стороны земли, а одна из ее сторон круто обрывается в озеро: там он вырубил место для своего города на склоне горы, над озером; и поскольку город был длинным и узким из-за крутизны холма, он назвал его Альба Лонга, что означает «белый длинный город», и назвал его белым из-за знамени белой свиноматки.

Преемником Аскания стал сын Энея и Лавинии по имени Сильвий, и все одиннадцать королей Альбы, которые сменили его, носили фамилию Сильвий.

ЛЕГЕНДА О РОМУЛЕ И РЕМЕ

Нумитор был старшим сыном Прокаса, последнего царя Альба-Лонги, и у него был младший брат по имени Амулий. Когда Прокас умер, Амулий силой захватил царство и оставил Нумитору только его долю от частного наследства отца. После этого он приказал убить единственного сына Нумитора, а его дочь Сильвию сделал одной из дев, охранявших вечно горящий огонь богини Весты. Но бог Мамер, которого также называют Марсом, увидел девственницу и полюбил ее, и оказалось, что она станет матерью детей. Тогда Амулий приказал, чтобы детей, когда они родятся, бросили в реку. Случилось так, что в то время река затопила страну; поэтому, когда двух детей в корзине бросили в реку, воды отнесли их к подножию Палатинского холма, и там корзина опрокинулась у корней дикого фигового дерева, и дети выпали на землю. В этот момент к воде пришла волчица, чтобы попить, и, увидев детей, отнесла их в свою пещеру, расположенную неподалеку, и дала им грудь. Пока они были там, к пещере прилетал дятло и приносил им пищу. Наконец Фаустул, пастух царя, увидел, как волчица кормит детей, и когда он подошел, волчица бросила их и убежала; тогда он отнес их домой к своей жене Ларенции, и они росли вместе с их собственными сыновьями на Палатинском холме; их звали Ромул и Рем.

Когда Ромул и Рем выросли, пастухи Палатинского холма случайно поссорились с пастухами Нумитора, которые пасли свой скот на холме Авентинском. Пастухи Нумитора устроили засаду, и Рем попал в нее, был схвачен и увезен в Альбу. Но когда молодой человек был приведен к Нумитору, тот был поражен его благородным видом и поведением и спросил его, кто он такой. И когда Рем рассказал ему о своем рождении и о том, как он был спасен от смерти вместе со своим братом, Нумитор удивился и подумал, не является ли это ребенком его собственной дочери. Тем временем Фаустул и Ромул поспешили в Альбу, чтобы освободить Рема, и с помощью молодых людей с Палатинского холма, которые привыкли следовать за ним и его братом, Ромул захватил город, а Амулий был убит; Нумитор был провозглашен царем и признал Ромула и Рема своими родными сыновьями.

[около 753-716 гг. до н. э.]

Два брата не хотели жить в Альбе, а предпочитали холм на берегу Тибра, где они выросли. Поэтому они сказали, что построят там город, и обратились к богам с просьбой предсказать, кто из них даст имя городу. Они наблюдали за небом с утра до вечера и с вечера до утра, и когда солнце поднялось, Рем увидел шесть стервятников. Об этом рассказали Ромулу, но пока они рассказывали, ему явилось двенадцать стервятников. Тогда снова начался спор о том, кто увидел более верный знак благосклонности богов, но большинство проголосовало за Ромула. И он начал строить свой город на Палатинском холме. Это очень разгневало Рема, и когда он увидел ров и вал, окружавшие место, где должен был стоять город, он с презрением перепрыгнул через них, сказав: «Такие защитные сооружения должны хранить

твой город?» Когда он это сделал, Целер, который руководил строительством, ударил Рема лопатой, которую держал в руке, и убил его; и похоронили его на холме Ремурия, на берегу Тибра, на том месте, где он хотел построить свой город.

РИМСКАЯ УРНА

Сабины со своим царем жили на холме Сатурний, который также называется Капитолий, и на холме Квириналь, а народ Ромула со своим царем жил на холме Палатин. Но цари со своими советниками собирались в долине между Сатурнием и Палатином, чтобы совещаться по общим вопросам, и место, где они собирались, называлось Комитий, что означает «место собрания».

Вскоре после этого Таций был убит жителями Лаурентума, потому что некоторые из его родственников обидели их, а он не хотел восстановить справедливость. Так Ромул стал единоличным правителем обоих народов; его собственный народ назывался римлянами, поскольку Рома было названием города на холме Палатин; а сабины назывались квиритами, поскольку их город на холмах Сатурний и Квириналь назывался Квириум.

Народ был разделен на три племени: рамны, титы и лукеры; рамны были названы в честь Ромула, титы — в честь Тация, а лукеры — в честь Лукумо, этрусского вождя, который пришел на помощь Ромулу в его войне с сабинами и жил на холме под названием Целий. В каждом племени было по десять курий, каждая из которых насчитывала по сто человек; таким образом, все мужчины трех племен составляли три тысячи человек, которые сражались пешком и назывались легионом. Было также триста всадников, которых называли целериями, потому что их вождем был тот самый Целер, который убил Рема. Кроме того, существовал совет из двухсот человек, который назывался сенатом, то есть советом старейшин.

Ромул был справедливым царем и добрым к своему народу; если кто-то был виновен в преступлениях, он не казнил его, а заставлял заплатить штраф в виде овец или волов. В своих войнах он был очень успешен и обогатил свой народ добычей врагов. Наконец, после почти сорока лет правления, однажды он созвал свой народ на Марсово поле, недалеко от Козьего озера: когда вдруг поднялась страшная буря, и все потемнело, как ночью; дождь, гром и молнии были настолько ужасны, что все люди бежали с поля и разбежались по своим домам. Наконец буря улеглась, и они вернулись на Марсово поле, но Ромула нигде не было; его отец Марс унес его на небеса в своей колеснице. Сначала народ не знал, что с ним стало, но когда наступила ночь, когда некто Прокул Юлий возвращался из Альбы в город, Ромул явился ему в более чем смертной красоте и вырос до более чем смертного роста и сказал

ему: «Иди и скажи моему народу, чтобы они больше не плакали по мне, но будьте храбры и воинственны, и тогда они сделают мой город величайшим на земле». Тогда народ понял, что Ромул стал богом, и построил ему храм, приносил ему жертвы и почитал его под именем бога Квирина.^{[b](#)}

Похищение сабинок

Римское государство стало настолько могущественным, что могло соперничать в войне с любой из соседних наций, но из-за нехватки женщин его величие могло продлиться только одно поколение, поскольку у них не было надежды на потомство, и они не вступали в смешанные браки с соседями. Поэтому, по совету отцов, Ромул послал послов в соседние государства, чтобы просить о союзе и привилегии смешанных браков для своих новых подданных, говоря, что города, как и все остальное, возникают из скромных начал; что те, которым помогали боги и их собственные заслуги, обретали великую мощь и высокую славу; что он хорошо знает, что боги помогли возникновению Рима и что заслуги не будут недоставать; поэтому, как люди, они не должны испытывать нежелания смешивать свою кровь и расу с другими людьми. Нигде посольство не встретило благосклонного приема: настолько они одновременно презирали и боялись за себя и своих потомков столь великую силу, растущую среди них. Большинство отпустило их, повторяя вопрос: открыли ли они убежище и для женщин, ибо только такой план мог обеспечить им подходящие браки. Римская молодежь горько возмутилась таким поведением, и дело, несомненно, начало принимать насильственный оборот.

Ромул, чтобы создать благоприятное время и место для этого, скрывая свое возмущение, специально устраивает игры в честь Нептуна Эквестриса; он называет их Консуалиями. Затем он приказывает объявить о зрелище среди соседей; и они готовятся к празднованию со всем великолепием, которое им было тогда известно или на которое они были способны, чтобы сделать это событие известным и ожидаемым. Собралось большое количество людей, желающих увидеть новый город, особенно их ближайшие соседи, кенинцы, крустумины и антемнаты. Кроме того, пришло все сабинское племя с женами и детьми. Будучи гостеприимно приглашенными в разные дома, они, увидев расположение, укрепления и город, застроенный домами, были поражены тем, как быстро выросла римская держава. Когда настало время зрелища и все их мысли и взоры были устремлены на него, по договоренности начался шум, и по данному сигналу римская молодежь разбежалась в разные стороны, чтобы силой увести дев.

Большое количество девушек было унесено наугад, в зависимости от того, кто попался под руку. Люди из простого народа, которым было поручено это задание, отвели в свои дома нескольких женщин необычайной красоты, предназначенных для ведущих сенаторов. Говорят, что одна, значительно превосходившая других ростом и красотой, была уведена группой Талассия, и, пока многие спрашивали, к кому ее везут, они то и дело кричали, чтобы никто не трогал ее, что ее везут к Талассию; из-за этого обстоятельства этот термин стал брачным.

Праздник был нарушен этой тревогой, и родители молодых женщин с горечью удалились, апеллируя к нарушенному договору гостеприимства и призывая бога, на праздник и игры которого они пришли, обманутые под предлогом религии и доброй веры. Похищенные девы не имели ни лучших надежд на свое положение, ни меньшего возмущения. Но Ромул лично обошел всех и объявил, что произошедшее было вызвано гордостью их отцов, которые отказались предоставить своим соседям привилегию брака; но, несмотря на это, они должны быть соединены законным браком, участвовать во всех их владениях и

гражданских привилегиях, а также, что может быть дороже человеческому сердцу, в их общих детях. Он просил их только умерить ярость своего гнева и с радостью отдать свою любовь тем, кому судьба поручила их. Он добавил, что из обид часто рождаются любовь и дружба, и что они должны найти более добрых мужей по этой причине, потому что каждый из них, помимо выполнения своих супружеских обязанностей, будет из всех сил стараться восполнить недостаток родителей и родной страны. К этому добавились ласки мужей, оправдывающие свои поступки страстью и любовью — аргументы, которые наиболее успешно действуют на женские сердца.

Умы похищенных дев вскоре были значительно успокоены, но их родители, надев траур, слезы и жалобы, возбудили государства. Они не ограничивали свое возмущение своими домами, но стекались со всех концов к Титу Татию, царю сабинов; и поскольку он пользовался наибольшим авторитетом в этих краях, к нему были отправлены посольства. Кениненцы, крустумины и антемнаты были народами, на которых значительная часть возмущения распространилась. Им казалось, что Таций и сабины действуют несколько медлительно. Даже крустумины и антемнаты не проявляли достаточной активности, чтобы удовлетворить нетерпение и ярость кениненцев. В результате кениненцы самостоятельно вторглись на римскую территорию. Но Ромул со своей армией встретил их, когда они разоряли страну разрозненными отрядами, и в небольшом сражении убедил их, что возмущение без силы бесполезно. Он разгромил и рассеял их армию, преследовал ее в бегстве, убил и ограбил их царя в бою, а после убийства их полководца взял город с первого же штурма.

Оттуда, приведя свою победоносную армию, будучи человеком, высоко отличающимся своими подвигами и умеющим представить их в лучшем свете, он отправился на Капитолий, неся перед собой, подвешенную на специально изготовленной для этой цели раме, добычу вражеского полководца, которого он убил; и там, после того как он положил их у подножия дуба, считавшегося священным пастухами, вместе с подношением, он обозначил границы для храма Юпитера и дал богу прозвище: «Юпитер Феретрий». Он говорит: «Я, царь Ромул, после своей победы, дарю тебе эти царские трофеи и посвящаю тебе храм в тех пределах, которые я сейчас обозначил в своем уме, как место для хранения великолепных трофеев, которые мои преемники, следуя моему примеру, будут приносить тебе в жертву после убийства царей или полководцев врага». Таково происхождение этого храма, первого освященного в Риме. Впоследствии богам настолько понравилось, что заявление основателя храма не было сорвано, в котором он объявил, что его потомки должны приносить такие трофеи, и что слава этого подношения не должна быть умалена большим количеством тех, кто его разделил. За столько лет и среди столько войн с тех пор великие трофеи были завоеваны только дважды, настолько редким было успешное достижение этой чести.

В то время как римляне совершают эти подвиги, армия антемнатов, воспользовавшись их отсутствием, совершает враждебное вторжение на римские территории. Римский легион, выступивший в поход с й поспешностью против них, застаёт их врасплох, когда они бродят по полям. В результате враг был разгромлен с первых же криков и атак; их город был взят; и когда Ромул возвращался, ликующий от этой двойной победы, его супруга Герсилия, под давлением мольбы плененных женщин, умоляет его помиловать их отцов и предоставить им привилегии граждан, чтобы таким образом укрепить свою власть примирением. Ее просьба была с готовностью удовлетворена. После этого он выступил против крустуминов, которые начинали военные действия, но поскольку их дух был сломлен поражением соседей, сопротивление там было еще меньше. В оба места были отправлены колонии, но больше людей хотели поселиться в Крустумине из-за плодородия почвы. Оттуда в Рим также происходило массовое переселение, в основном родителей и родственников похищенных женщин.

Последняя война разразилась со стороны сабинов и оказалась самой грозной, поскольку они не действовали из гнева или алчности и не устраивали военных парадов перед тем, как фактически начать войну. К осторожности добавилась еще и хитрость. С. Тарпей командовал римской цитаделью; Таций подкупил его девственную дочь золотом, чтобы онапустила вооруженных солдат в цитадель; она случайно вышла за стены, чтобы набрать воды для жертвоприношения. Те, когопустили, забили ее насмерть, навалившись на нее своим оружием; либо для того, чтобы цитадель казалась взятой штурмом, либо для того, чтобы создать прецедент, что ни при каких обстоятельствах нельзя доверять предателю. К этой истории добавляется, что сабины обычно носили на левой руке тяжелые золотые браслеты и большие кольца с драгоценными камнями, и что она торговалась с ними за то, что было на их левых руках; поэтому они бросили на нее свои щиты вместо золотых подарков. Некоторые говорят, что в соответствии с договором о передаче того, что было на их левых руках, она прямо потребовала их щиты, и что, поступив, как предательница, она была убита тем, кого сама выбрала в награду.

Однако сабины удержали цитадель, и на следующий день, когда римская армия, выстроившись в боевом порядке, заполнила всю территорию между Палатинским и Капитолийским холмами, они не спустились оттуда на равнину, пока римляне, разгоряченные негодованием и желанием отбить цитадель, не пошли на них в атаку. Два вождя, по одному с каждой стороны, воодушевляли сражение — Метт Курций со стороны сабинов и Гост Гостилий со стороны римлян. Последний, находясь в первых рядах, поддерживал римское дело своим мужеством и отвагой на невыгодной местности. Как только Гост пал, римская линия сразу же дала сбой и была оттеснена к старым воротам Палатия. Ромул, сам увлеченный всеобщим бегством, поднял руки к небу и сказал: «О Юпитер, по велению твоих птиц я заложил здесь первый фундамент города на Палатинском холме. Сабины овладели цитаделью, приобретенной обманом. Оттуда они теперь продвигаются сюда с мечами в руках, уже пройдя середину долины. Но ты, отец богов и людей, удержи врага хотя бы отсюда, развеяй страх римлян и останови их позорное бегство. Здесь я торжественно клянусь построить тебе храм как Юпитеру Статору, как памятник для потомков, чтобы этот город был спасен твоей непосредственной помощью».

Вознеся эту молитву, как будто почувствовав, что его молитвы были услышаны, он восклицает: «На этом месте, римляне, Юпитер, всевышний и великий, приказывает вам остановиться и возобновить сражение». Римляне остановились, как будто им приказал голос с небес; сам Ромул мчится в первые ряды. Метт Курций, со стороны сабинов, бросился впереди своей армии с цитадели и в беспорядке прогнал римлян по всей территории, теперь занятой Форумом. Он уже был недалеко от ворот Палатия и кричал: «Мы победили этих вероломных чужеземцев, этих подлых врагов. Теперь они понимают, что одно дело — насиловать девственниц, а совсем другое — сражаться с мужчинами». На него, так хваставшегося, Ромул нападает с отрядом самых отважных юношей. Случилось так, что Метт в тот момент сражался верхом на лошади; из-за этого его было легче отразить: римляне преследовали его, когда он был отбит; а остальная часть римской армии, воодушевленная доблестным поведением своего царя, разгромила сабинов. Метт, чья лошадь испугалась шума преследователей, бросился в озеро; и это обстоятельство привлекло внимание сабинов к опасности, грозившей столь важной личности. Однако его соратники махали ему руками и звали его, и он, обретя новую храбрость от любви своих многочисленных друзей, сумел спастись. Римляне и сабины возобновили сражение в долине между холмами, но римляне одержали верх благодаря своему мужеству.

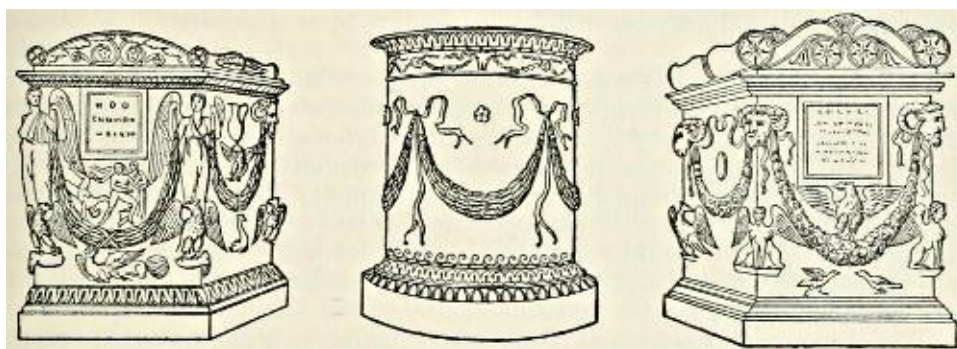
В этот момент сабинские женщины, из-за посягательств на которых и началась война, с растрепанными волосами и разорванными одеждами, преодолев свою женскую робость перед такими ужасными сценами, набрались мужества броситься сквозь летящие оружия и,

перебежав через поле битвы, разделить разъяренные армии и успокоить их ярость; умоляя своих отцов с одной стороны и мужей с другой, чтобы они, как тести и зятья, не оскверняли друг друга нечестивой кровью и не запятнали своих потомков, одни своих внуков, другие своих детей, отцеубийством. «Если вы недовольны родством между вами, если нашими браками — обратите свое недовольство на нас; мы — причина войны, ран и кровопролития для наших мужей и родителей. Лучше нам погибнуть, чем жить вдовцами или сиротами без одного из вас». Это обстоятельство подействовало как на толпу, так и на вождей. Наступила тишина и внезапная пауза.

После этого лидеры вышли вперед, чтобы заключить договор, и они не только заключили мир, но и образовали одно государство из двух. Они объединили королевскую власть и передали всю суверенитет Риму. Город таким образом удвоился, и чтобы выразить уважение сабинам, его назвали Квиритами, от Куреса. В память об этой битве место, где конь, выбравшись из глубокого болота, впервые поставил Куртия на мелководе, было названо Куртианским озером. Этот счастливый мир, внезапно наступивший после столь мучительной войны, сделал сабинских женщин еще более дорогими для своих мужей и родителей, и прежде всего для самого Ромула. Соответственно, когда он разделил народ на тридцать курий, он назвал курии их именами. Поскольку, без сомнения, число сабинских женщин было значительно больше, не известно, были ли те, кто дал свои имена куриям, выбраны по возрасту, по своему положению или положению своих мужей, или же по жребию. В то же время были зачислены три сотни всадников, названные Рамнами от Ромула и Титиями от Тита Тация. Причина названия и происхождение Луцеров неизвестна.⁴

Критическое исследование легенд

После краткого изложения этих двух известных легенд интересно перейти к их критическому рассмотрению. Миф о троянской колонии, как говорят, передавался из поколения в поколение, но нигде он не несет характерных черт подлинной народной традиции. Он полностью лишен поэтического чувства, он выглядит как выдумка, результат бесстрастного изучения фактов, обычаев, культов, древностей, памятников и названий мест, из которых была соткана ложная история. Если бы настоящие героические деяния Энея на родине в Лации передавались из уст в уста, то насколько иначе и насколько богаче была бы эта история. Свиноматка из Лавиния и ее тридцать поросят не играли бы такой заметной роли, как сейчас. Эней так и не стал национальным героем римлян: даже все искусство Вергилия не смогло этого достичь. Ни один из многочисленных римских праздников, ни одна из публичных игр не посвящены его памяти. Несомненно, предание о нем и его поселении в Лации не основано на реальных исторических фактах. Рассматривая римское предание об Энее, мы должны помнить, что оно не единственное в своем роде.

АЛТАРЬ И САРКОФАГИ

Множество итальянских городов связывают свое происхождение с героями греческих легенд, особенно гомеровского периода. Так, Тускулум, по преданию, был построен Телегоном, сыном Одиссея и Цирцеи; Пренесте — тем же Телегоном или внуком Одиссея и Цирцеи по имени Пренест; Ланувииум — Диомедом; Ардеа — сыном Цирцеи с таким же именем или Данаей, матерью Персея; Антиум — сыном Одиссея и Цирцеи; Политориум — Политесом, сыном Приама; города венетов — Антенором; имена Диомеда, Одиссея, Филоктета постоянно появляются в мифах об основании городов.

Не хватает предполагаемых поселений беглых троянцев. Помимо города Сегеста и племени элимов на Сицилии, город Сирис на реке Сирис был предполагаемым троянским поселением; а Кора обязана своим основанием дарданам. Традиция о поселении Энея в Лации должна оцениваться по тем же критериям, что и эти саги, которые, без сомнения, были общепризнанными в различных городах, которых они касались. Однако она не более достоверна и заслуживает меньшего доверия, чем остальные, которые не имеют исторического основания и возникли лишь из попытки многих итальянских городов проследить свое происхождение до персонажей греческой мифологии, и особенно связать себя с троянским мифом. Поэтому аналогия заставляет нас понять, что связь истории поселения в Лации с мифом об Энее не имеет большей достоверности.

Утверждение о том, что эта история стала государственной религией римлян восемьсот лет спустя, основано на очень слабом основании; более того, религия римского государства () учила, что Марс был отцом основателя города. Существует бесчисленное множество традиций, которые (хотя и были когда-то официально признаны) являются лишь историческими вымыслами.

Критерием исторической достоверности традиции является возраст и подлинность свидетеля, а не всеобщее признание в то время, когда не было ни потребности, ни средств для критического анализа. Допустим, например, что Рим был городом Тускулум, который обязан своим происхождением Телегону, и что Рим был резиденцией Мамилиев, которые ведали свое происхождение от того же Телегона, то легенда о Телегоне, без сомнения, была бы окружена такой же славой, как и легенда об Энее, и Мамилии удостоились бы такой же чести, как и Юлии от Энея в Риме.

Швейцарская национальная легенда о Телле показывает, как легко романы такого рода превращаются из народных сказок в народные верования и даже в народные догмы, когда они льстят самооценке народа.

Несмотря на то, что мы с уверенностью можем говорить об отсутствии исторической основы у римской легенды об Энее, мы должны помнить о многих трудностях, связанных с установлением ее происхождения и мотива. Латинская легенда об Энее не может быть удовлетворительно объяснена, если не пролить свет на отношения Энея с Лавинием.

Лавиний был Ларами и Пенатами всего Лация. Согласно латинским религиозным представлениям, каждый город, каждый дом, каждое крупное сообщество, каждая улица, каждый перекресток, каждый квартал города имел своих Ларов. Точно так же были назначены общественные Лары для политической семьи, к которой принадлежало все Лациум, и мы должны предположить, что при основании Латинского союза было выделено место для культа Ларов общины. Лавиний имел для Лациума такое же значение, как храм Весты и храмы Пенатов и Ларов для Рима. Он был религиозным центром, духовной столицей Латинского союза.

Лары и Пенаты Рима, как его член, естественно, были представлены в святилище конфедерации в Лавинии. Поэтому ежегодно римские авгуры и фламены приносили торжественные жертвы Пенатам от имени римского народа, а также совершали другие священные обряды в их честь. Римские консулы, преторы и диктаторы приносили жертвы Весте и Пенатам при вступлении в должность и уходе с нее, как и римские императоры, когда они посещали провинции. Этот обычай, возможно, возник в то время, когда Рим был равноправным членом Латинского союза, члены которого поочередно назначали претора или генерала союза, который, конечно, должен был приносить жертвы в своем официальном качестве.

Чудеса, произошедшие при основании Лавиния, также возникли из идеи города Ларов и Пенатов. Первое из этих чудес — свиноматка, которая указала местонахождение Пенатов при основании города. То, что четвероногое животное указывает местонахождение колонии, не является беспрецедентным. В Эфесе это был дикий кабан; эту роль часто играет бык, что привело к частому появлению жертвенного быка в латинских легендах. Выбор свиноматки для указания места города Ларов и Пенатов при строительстве Лавиния основан на тесной связи свиней с Ларами.

Второе чудо — рождение тридцати поросят. Очевидно, что эти тридцать поросят символизируют тридцать городов конфедерации, религиозной столицей которой был Лавиний. Древние писатели обычно считают, что они относятся к тридцати годам, которые, согласно традиции, прошли между основанием Лавиния и Альбы (). Но это вторичное значение не влияет на первоначальный смысл символического чуда. Тимей (как мы видим у Ликофрона) справедливо связывает тридцать свиней с тридцатью государствами Лация; а согласно другой версии, свиноматка родила тридцать поросят не на месте будущего Лавиния, а на месте будущей Альбы Лонги. Бронзовая статуя лавинийской свиноматки и поросят существовала во времена Варрона и, без сомнения, во времена Тимея, в общественном месте в Лавинии. Она символизировала положение Лавиния как матери тридцати государств, из которых состоял Лаций и которые имели там своих Ларов, представленных в виде охранных духов. Согласно Кассию Гемине, римскому летописцу, чудо тридцати поросят было принято в Риме. «Когда пастухи, — говорит он, — назначили Ромула и Рема царями, произошло чудо: свиноматка родила тридцать поросят, и в честь хрюкающих Ларов было воздвигнуто святилище». Эти тридцать поросят, по-видимому, относятся к политическому делению на тридцать курий, на которые был разделен новопостроенный город.

Чудо с расстеленным столом является результатом поклонения Пенатам, для которых стол был священным. При каждом приеме пищи было принято оставлять немного еды, несомненно, в качестве подношения Пенатам. В их честь всегда оставляли солонку и тарелку с едой. Пенатам давали сухой хлеб и пироги; их называли *mensæ rapīcæ* («столы с хлебом»). Ни один римлянин не стал бы их есть, если бы не был в крайней нужде; в глазах римлян это было признаком крайней нужды или бедности. Поэтому самой древней и аутентичной формой истории Энея, по-видимому, является та, в которой поедание «столов» (*mensæ*) было предсказано с зловещим смыслом. У Вергилия гарпия Калена говорит путешественникам, что им предначертано не найти дом, пока они не переживут крайнюю нищету, и что их полная бездомность станет поворотным моментом в их судьбе.

Объяснение легенды об Энее

Вернемся теперь к исходной точке нашего исследования, к вопросу о том, почему происхождение Лавиния связывают с Энеем. Ответ на этот вопрос возвращает нас к ранее

упомянутому факту, что многие итальянские или латинские государства приписывали свое происхождение героям греческих и, в частности, троянских мифов.

Этот факт невозможно полностью объяснить; с психологической точки зрения он не является чем-то действительно непонятным и имеет аналогии. Мы хорошо понимаем, как итальянские города и народы, вступая в более тесное общение с греческими колониями в южной Италии и знакомясь с героическими легендами и эпическим циклом греков, считали за честь связать свое далекое происхождение с блестящими, широко прославленными именами греческих героев. Эпические поэмы греков оказали гораздо большее влияние на древнюю Италию, чем обычно считается. Когда они искали основателя города Пенатов в земле Лацио, ни один другой герой не казался столь подходящим, как Эней. Главным подвигом, прославившим его имя, было спасение священных изображений Трои. Самые древние поэты, воспевавшие падение Трои, рассказывают об этом, как и Стесихор, что можно увидеть на илийской табличке, где Анхиз несет в руках или на плечах маленькую часовню в форме эдикулы. Одним словом, никто не казался более подходящим для роли основателя города Пенатов, чем почитаемый спаситель троянских Пенатов.

«Энеида» Вергилия ясно показывает, что это является главной причиной включения Энея в латинскую легенду и его положения как основателя Лавиния () и отца латинской славы. Его величайшее достижение заключается в том, что он принес богов и священные сокровища в Лаций. Как предполагаемый основатель Лавиния, он также мог быть удостоен чести придать латинскому имени, поскольку Лацио как политическое сообщество существовало только после создания Латинского союза и основания Лавиния как святилища союза.

В заключение несколько слов о троянских семьях. Традиция о поселении Энея дала тщеславным римским семьям желанный повод для прославления своего родословного древа. Так, Цецилии, Клодии, Гургании, Меммии, Сергии, Клуентии, Юнии и Наутии все прослеживали свою родословную до Энея. Дионисий говорит, что при основании Рима около пятидесяти троянских семейств прибыли из Альба-Лонги, чтобы поселиться там, что, очевидно, является преувеличением, поскольку превышает общее количество римских патрицианских семейств во времена Августа. Но из сочинений Варрона и Гигина о *троянских семьях* ясно, что большое количество римских семейств хвасталось троянским происхождением.

Конечно, мы не можем с уверенностью сказать, что привело к такому убеждению среди этих семей, но для многих это было лишь сходство имен. Это видно на примере происхождения семьи Наутиев. Поклонение Минерве было в моде среди них. Судя по этимологии имени, основателем семьи, вероятно, был моряк, и так мы подходим к известной истории о Наутии, спутнике Энея, который унес палладиум из Трои или, согласно другой традиции, получил его на хранение от Диомеда.

О. Мюллер предполагает, что в поклонении Аполлону было аналогичное основание для происхождения Юлиев от Энея. Август, во всяком случае, очень явно указывает на Аполлона как покровителя семьи Юлиев. Юлий Цезарь, напротив, всегда говорит о Венере как об основательнице своей семьи. Таким образом, поклонение Венере или Афродите можно с равным основанием приписать Юлиям.

Связь семьи Юлиев с Энеем могла быть очень просто установлена с помощью вымысла о том, что эпонимный основатель семьи Иул был одним и тем же лицом, что и Асканий, сын Энея, который, следовательно, имел два имени. Преимущество, полученное родом Юлиев от этого вымысла, было значительным. Происхождение от Энея придавало определенную легитимность претензиям Юлия Цезаря на власть. Поэтому Цезарь использовал любую возможность, чтобы подтвердить это происхождение своего рода. «Энеида» Вергилия также

преследовала второстепенную политическую цель — придать монархии Августа ореол легитимности, в определенной степени основываясь на идее преемственности.

Анализ легенды о Ромуле

Деяния и учреждения, приписываемые римлянами Ромулу, являются результатом их представления о нем. В первых двух царях римского государства легенда олицетворила два фундаментальных элемента римского государства — воинственный дух нации и ее религиозный характер.

Соответственно, первый царь был вынужден основать римское государство на силе оружия, наполнив его духом завоеваний и стремлением к военному превосходству, в то время как второй, основав его на религии и морали, был вынужден дать ему второе рождение.

Военная деятельность является главной чертой влияния Ромула, его последними словами к римлянам и его политическим завещанием был призыв к ревностному следованию искусству войны. В основе этой традиции, несомненно, лежала правдивая концепция.

Условия каждого государства соответствуют его происхождению, ничто не может изменить его историческую основу; и если верно, что королевство должно поддерживаться теми средствами, с помощью которых оно было основано, то противоположный вывод — что средства, с помощью которых поддерживается государство, являются теми, на которых было основано его основание — кажется не менее верным. Следовательно, государство, которое поддерживается мечом, должно обязано своим происхождением мечу. В легендах о своем происхождении многие народы демонстрируют очень точное понимание своего национального характера и своей миссии в истории. Торговля и искусство, которые считались основой Карфагена, были счастливым символом духа этой торговой расы.

Рим был основан мечом, его создал воин-герой, и ни один другой основатель не был достоин столь великого военного государства. Но Ромул, первый царь, был не только основателем и военным организатором возникающего государства, но и создателем его основных политических институтов. Соответственно, он, как полагают, разделил народ на племена и курии, а некоторые авторы заходят так далеко, что приписывают ему их разделение на два класса — патрициев и плебеев, а также учреждение патронажа и клиентуры. Религия и религиозное право в основном приписывались Нуме, хотя Рим Ромула не мог быть полностью лишен религиозного поклонения. Некоторые храмы (храмы Юпитера Феретрия и Юпитера Статора) по традиции единодушно считаются основанными Ромулом. Говорят также, что он воздвиг несколько часовен и алтарей, учредил праздники и богослужения, основал священство, сакра курий и, в частности, установил порядок и способ поклонения богам. Но конкретная форма поклонения, которую он, как предполагается, ввел, не указана более четко. Существуют даже некоторые сомнения относительно того, кто именно, Ромул или Нума, учредил поклонение Весте, первоначальное поклонение каждой колонии.

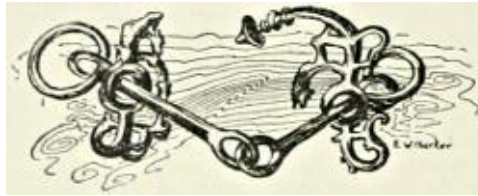
С другой стороны, невозможно, чтобы институт авгуров, который был полностью религиозным, возник при Нуме. Ведь основание, *то есть* существование римского государства, не менее чем его основные институты, должно было опираться на божественное санкционирование и быть освящено божественной защитой, если сознание римского народа о том, что он является избранным народом, находящимся под защитой и руководством бессмертных богов, имеет какое-либо историческое основание. Вера римлян в

свое божественное происхождение и в то, что их государство было основано провидением, неизбежно связана с *августум аугуриумом*, которое определило основание Рима и было основой римской веры. Следовательно, Ромул, должно быть, построил город после консультации с авгурами, и, устанавливая все ранние институты, он, должно быть, был первым и лучшим авгуром.

Кроме того, воинственный царь, должно быть, организовал военное ведомство молодого государства, а также политическую конституцию; это действительно его главное достижение. Сразу после основания города он организовал всех мужчин, способных носить оружие, в военную систему. По словам Дионисия, их число составляло три тысячи пехотинцев и триста всадников — факт, который ясно показывает, что это была сила старейшего легиона. Поскольку предполагалось, что первоначальная боевая сила Рима составляла один легион, каждый из трех племен вносил тысячу пехотинцев и сто всадников. Ясно, что эти три тысячи пехотинцев и триста всадников изначально считались по традиции коллективным контингентом трех племен, и из самого числа, а также из рассказа Плутарха следует, что первоначальная колония Ромула состояла из трех тысяч домовладельцев, *то есть* вооруженных мужчин. Но позднее традиция неправильно истолковала этот факт и ложно сообщила, что легион был удвоен до шести тысяч пехотинцев и шестисот всадников по прибытии сабинов; следовательно, первоначальное число должно было утроиться по прибытии третьего племени. Плутарх, вопреки своему вышеупомянутому сообщению, говорит о нескольких легионах при основании Рима, каждый из которых состоял из трех тысяч пехотинцев и трехсот всадников.

Дионисий идет еще дальше и говорит, что римская армия на момент смерти Ромула состояла из сорока шести тысяч пехотинцев и не менее тысячи всадников — глупое и во всех отношениях неумело рассчитанное число, в котором явно прослеживается небрежность Валерия Антиаса.

В рассказе Дионисия, который представляет кавалерию как состоящую из не менее «тысячи всадников», мы имеем девятьсот всадников согласно более поздней традиции, по триста для контингента каждого племени.

ГРЕКО-РИМСКИЙ КРЮЧОК ДЛЯ ЛАМПЫ

С другой стороны, более древний отчет говорит только о трехстах всадниках во всех трех центуриях рыцарей Ромула. Это три центурии, equites из Рамнов, Титов и Луцеров. Очевидно, что эти триста рыцарей (centuriæ equitum) не могли существовать до признания трех племен. Следовательно, если третье племя было добавлено только после Ромула (примерно во времена албанцев),^[4] с того времени могла существовать только одна центурия equitum (Luceres). Самым древним названием этих всадников, или рыцарей, было celeres. Когда Ливий и Плутарх считают celeres телохранителями короля и отличают этих триста celeres или телохранителей от трехсот всадников, это, несомненно, является ошибкой с точки зрения этимологического значения названия, поскольку, согласно более осведомленным авторитетам, триста celeres и три centuriæ equitum Ромула являются одним и тем же. История о телохранителях Ромула частично основана на неправильном понимании архаичного слова «celeres», а частично — на предании о том, что Ромул в последние годы своего правления стал деспотом и поэтому был вынужден иметь телохранителей, как греческие тираны. Вождь трехсот celeres назывался tribunus celerum.

Позднейшие историки приписали Ромулу определенные законы гражданского и священного права, например, касающиеся семьи и брака, а также политической и военной системы.

Все эти так называемые законы Ромула — не что иное, как древние обычаи, которые не были зафиксированы в письменной форме или определены правовыми актами. Возможно, они существовали в папирийском сборнике, хотя с абсолютной уверенностью мы можем говорить только об одном законе Ромула; в то же время относительно позднее происхождение самого сборника можно доказать. Tabula Marliani в настоящее время не заслуживает серьезного внимания.

Войны, веденные Ромулом, являются чисто вымышленными, как и многие другие предполагаемые рассказы о монархии; они являются искажением событий исторического периода. Поход против Фидены, очевидно, является имитацией успешного похода 328 года, в котором решающим фактором стала умело организованная засада (), и Фидена была также завоевана римлянами, вошедшими в ворота вслед за бегущим врагом. Падение и завоевание Фидены — событие, которое так часто повторяется в истории, что мы не можем не заподозрить, что летописцы намеренно умножили его, чтобы наполнить пустые хроники лет монархии. Рассказ о том, что Вейи были призваны к оружию падением Фидены, также заимствован из более поздней истории, в которой Вейи более одного раза появляются в союзе с Фиденей.

Традиционная история похода Ромула против Вей, кроме того, совершенно лишена красок и характера. Столетнее перемирие упоминается случайно. Дионисий ставит условием его сдачи Септем Паги^[5] и соляных равнин, что является еще одним эпизодом, заимствованным из более поздней истории. И все же эти две короткие и безынтересные кампании, как предполагается, заняли долгое правление монарха, столь воинственного, неугомонного и активного, монарха, о котором говорили, что он варваризировал римский народ своими непрекращающимися войнами. Не только ясно, что не существует достоверных сведений об

этих войнах, но и в древней традиции, которая фиксирует только вступление Ромула в мир и его уход из него, о них не упоминается. Междарствие в основном заполнено литературными вымыслами, созданными для того, чтобы восполнить пробелы в традиции и представить полное историческое описание.

Способ ухода Ромула из этого мира является естественным следствием его земного существования. Тот, кто появился на свет чудом, мог покинуть его только чудом. Чтобы подчеркнуть необычность обоих событий, его приход и уход сопровождаются затмением. Геркулес является аналогичным примером в греческой мифологии. Грозовая туча переносит его на небо, где он примиряется со своей врагинею Герой, чью дочь Гебу он берет в жены.

Именно этот или похожий миф из греческой мифологии был в головах римских поэтов, потому что концепция такого апофеоза была столь же чужда итальянским религиям, как и идея половых сношений между богами и людьми, а также зачатие людей богами. Обе идеи являются творениями греческой мифологии. Несомненно, именно Энний, сведущий в греческой традиции, первым воплотил апофеоз Ромула в поэтической форме и ввел эту идею в Рим.

Обожествленный Ромул назывался Квирином. Так как Ромул был эпонимным героем палатинских римлян, так и Квирин был главным и наиболее почитаемым, и, возможно, эпонимным божеством сабинов-квиритов; отсюда и происходит отождествление. Это символ слияния двух народов в один, символ их полного единства в конституции и религии. Жена Квирина, обожествленного Ромула, называлась Хора или Хорта. Предположительно, она была женским божеством, объединенным в религии сабинов с Квирином. Праздник бегства народа (*Poplifugia*) или *Caprotinae pones*, который традиция смешала со смертью Ромула, является древним праздником очищения; согласно легенде, Ромул исчез во время праздника очищения, который он назначил на этот день. Из других обычаев видно, что этот праздник был в основном праздником женской плодородия, которому способствовало очищение от всякого осквернения и греха, отвращение всех пагубных влияний, умиловление плодотворных сил, короче говоря, очищение или омовение. Праздник Капротинских нон был очень похож на праздник Луперкалий по своему назначению и значению. Особое сходство между ними заключалось в роли, которую играл козел, символ животного плодородия. На Луперкалии приносили в жертву козла, а луперки (священники, которые проводили обряд) бегали по улицам, одетые в козьи шкуры, хлеща женщин кнутами, сделанными из шкур жертв (). С этим же праздником связано название *Caprotinae pones*. Он проводился у Козьего озера на Марсовом поле, жертвоприношение совершалось под сосной (*caprificus*), использовалось молоко этого дерева, а в тени сосен женщинам и девушкам устраивали торжественное угощение.

Кроме того, символическое бегство народа, которое фигурирует в праздничных обычаях *Caprotinae pones*, напоминает подобный обряд в Луперкалиях, а именно бегство (*discurrere*) луперков после принесения жертвы. Но древние ничего определенного не говорят об этом символическом бегстве народа; они только объясняли его либо внезапным и страшным исчезновением Ромула, либо паникой из-за угрозы нападения соседних городов на Рим, когда он был истощен и ослаблен галльским поражением или после поражения от этрусков. Более точная интерпретация невозможна. Но если мы вынуждены отнести эту церемонию к капротинскому празднику, то она могла быть только церемонией очищения. Вероятно, когда грех и нечистота народа были символически возложены на заместительную жертву (например, жертвенное животное), бегство народа символизировало его свободу и избавление от греха. Вероятно, оно имело то же значение, что и бегство *rex sacrificulus* из

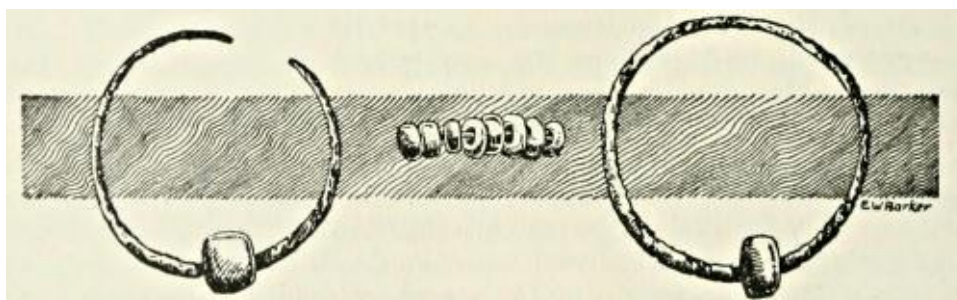
Комиция. В греческой религии мы находим ту же церемонию символического бегства, и там это, безусловно, обряд очищения.

Теперь мы подошли к вопросу о том, как традиция стала отмечать исчезновение Ромула на этом празднике *Poplifugia* или *Caprotinae pones*. Какое отношение имело имя или личность Ромула к этому празднику? К сожалению, мрак, окутывающий древнейшую религию римлян, не позволяет пролить свет на этот вопрос. Можно только сказать, что та же причина, которая привела к ассоциации Ромула с праздником Луперкалия, лежала в основе его связи с родственной церемонией на празднике Капротина.^[4]

СНОСКИ

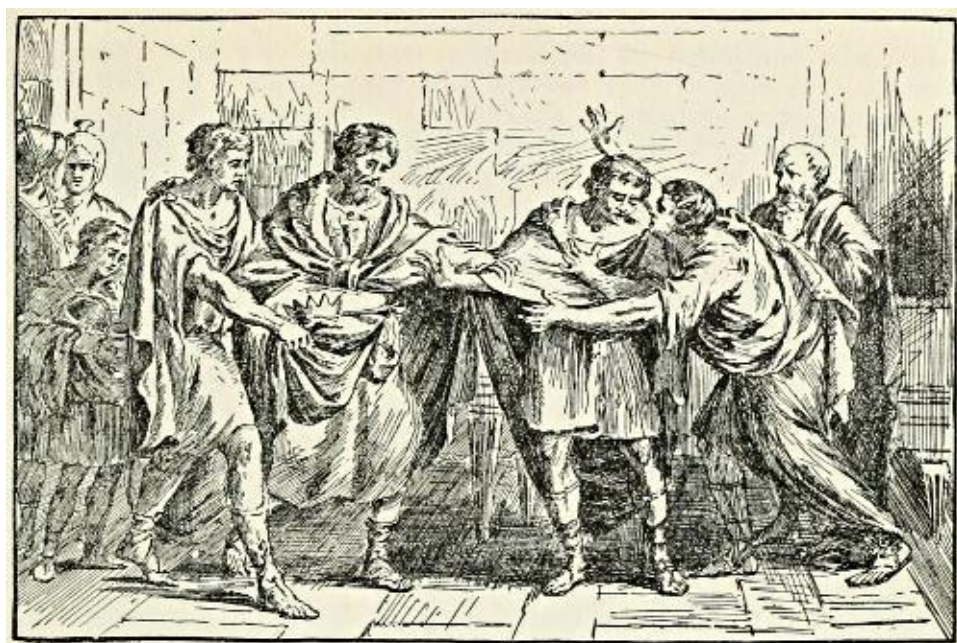
[4] [См. [страницу 51, примечание.](#)]

[5] «Pagus» — старое слово, означающее «кантон».

ЭТРУССКИЕ УКРАШЕНИЯ

(В Британском музее)

ГЛАВА III. ЛЕГЕНДАРНАЯ ИСТОРИЯ ЦАРЕЙ

НУМА ПОМПИЛИЙ

Эгерия! Милое создание, чье сердце
Которое не нашло смертного пристанища столь прекрасного
Как твоя идеальная грудь; кем бы ты ни была
Или была — юная Аврора воздушная,
Нимфолепсия какого-то нежного отчаяния;
Или, возможно, земная красавица,
Которая нашла там более чем обычного поклонника
Слишком обожающего; каким бы ни было твое происхождение,
Ты была прекрасной мыслью, нежно воплощенной в жизнь.

—Байрон. «Чайлд Гарольд».

[около 716-673 гг. до н.э.]

Когда Ромул был взят с земли, не нашлось никого, кто мог бы править вместо него. Сенаторы не хотели выбирать царя, но разделились на десятки; и каждая десятка должна была иметь власть царя в течение пяти дней, одна за другой. Так прошел год, и народ роптал и говорил, что нужно выбрать царя.

Римляне и сабины хотели, чтобы король был одним из них, но в конце концов было решено, что король будет сабином, но его выберут римляне. И они выбрали Нуму Помпилия, потому что все говорили, что он был справедливым, мудрым и святым человеком.

Некоторые говорили, что он почерпнул свою мудрость у Пифагора, знаменитого греческого философа, но другие не верили, что он был учеником какого-либо иностранного учителя. Прежде чем согласиться стать царем, он обратился к богам с просьбой о предсказании, чтобы узнать, угодно ли им, чтобы он правил. И так как он сначала боялся богов, то и до конца жизни продолжал их бояться. Он назначил многих для служения в священных делах, таких как понтифики, которые должны были следить за тем, чтобы все, что касалось богов, должным образом соблюдалось всеми; и авгуры, которые учили людей о желаниях богов относительно будущего; и фламены, которые служили в храмах; и девы Весты, которые ухаживали за вечно горящим огнем; и салии, которые в определенные дни почитали бога оружия торжественными песнями и танцами по всему городу и хранили священный щит, упавший с неба. И во всем, что он делал, он знал, что должен угодить богам, ибо он делал все по указанию нимфы Эгерии, которая так почитала его, что взяла его в мужья и научила его в своей священной роще, у источника, бьющего из скалы, всему, что он должен был делать по отношению к богам и людям. По ее совету он заманил богов Пика и Фауна в рощу на холме Авентинус и заставил их рассказать ему, как он может узнать от Юпитера его волю и заставить его объявить ее либо молнией, либо полетом птиц. А когда люди усомнились, действительно ли Эгерия дала ему этот совет, она дала ему знак, с помощью которого он мог доказать им это. Он пригласил многих римлян на ужин и подал

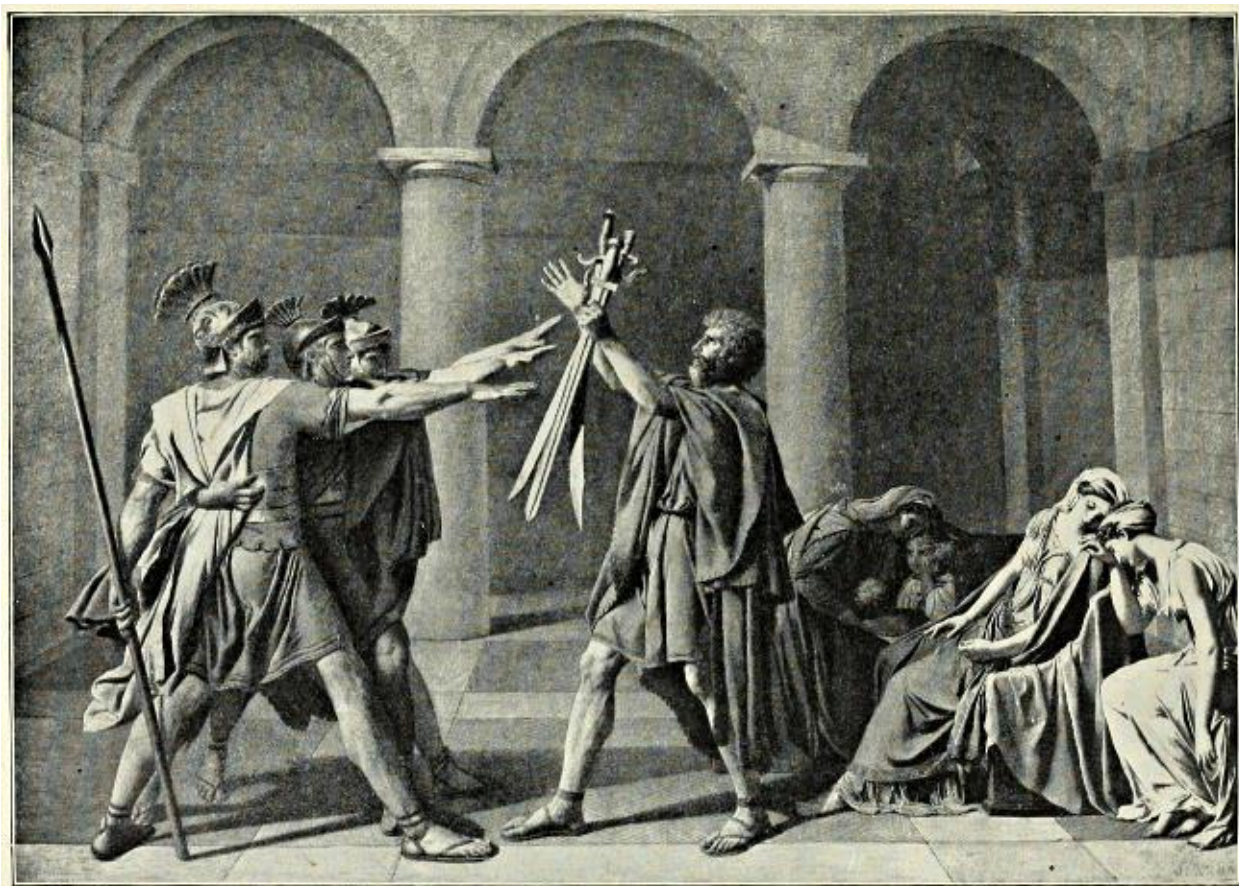
им скромную трапезу в глиняной посуде; а затем внезапно сказал, что теперь Эгерия пришла к нему в гости; и тут же посуда и чаши превратились в золото или драгоценные камни, а диваны были покрыты редкими и дорогими покрывалами, а еда и напитки были обильными и очень вкусными. Но хотя Нума так заботился о служении богам, он запретил все дорогостоящие жертвоприношения; он не позволял проливать кровь на алтарях и изготавливать изображения богов. Он учил народ приносить в жертву только плоды земли, муку и лепешки из муки, а также жареное зерно.

Ибо он любил земледелие и хотел, чтобы его народ жил каждый на своем наследии в мире и счастье. Поэтому земли, завоеванные Ромулом в войне, он разделил между народом и дал каждому человеку определенную часть. Затем он приказал установить на каждой части межевые знаки; и Терминус, бог межевых знаков, хранил их, и тот, кто перемещал межевой знак, подвергался проклятию. Ремесленники города, у которых не было земли, были разделены по своим профессиям и образовали девять групп. Так все было мирно и процветающе во время правления царя Нумы; ворота храма Януса никогда не открывались, потому что у римлян не было войн и врагов; и Нума построил храм Верности и установил торжественное поклонение ей, чтобы люди научились не лгать и не обманывать, а говорить и поступать честно. И когда он дожил до восьмидесяти лет, он наконец умер от естественной старости и был похоронен под холмом Яникул, на другом берегу Тибра; а книги его священных законов и постановлений были похоронены рядом с ним в отдельной гробнице.

ТУЛЛ ХОСТИЛИЙ

[около 673-641 гг. до н.э.]

Когда Нума умер, сенаторы снова на некоторое время разделили между собой королевскую власть. Но вскоре они избрали своим королем Тулла Гостилия, чей дед по отцовской линии приехал в Рим из Медуллии, города латинян, и сражался вместе с Ромулом против сабинов. Тулл любил бедных и разделил земли, которые достались ему как царю, между теми, кто не имел земли. Он также велел тем, кто не имел домов, поселиться на холме Целий, и сам поселился там среди них.

ГОРАТИИ

Тулл был воинственным царем, и вскоре ему пришлось проявить свою доблесть, поскольку жители Альбанской и Римской границ грабили друг друга. Альбой правил Гай Клулий, который был диктатором по праву « », и Клулий послал в Рим жалобу на несправедливость, причиненную его народу, а Тулл послал в Альбу с той же целью. Так началась война между двумя народами, и Клулий повел свой народ на Рим, расположился лагерем в пяти милях от города и там умер. Метий Фуффеций был избран диктатором вместо него; а поскольку албанцы все еще находились в своем лагере, Тулл прошел мимо них и вступил в землю Альбы. Но когда Метий последовал за ним, вместо того, чтобы дать сражение, два полководца договорились, что несколько человек из каждой армии будут сражаться от имени остальных, и что исход этого боя решит спор. Так из римской армии были выбраны три брата-близнеца, называемые Горациями, а из альбанской армии — три брата-близнеца, называемые Куриациями.^{[b](#)}

Сражение Горацев и Куриацияв

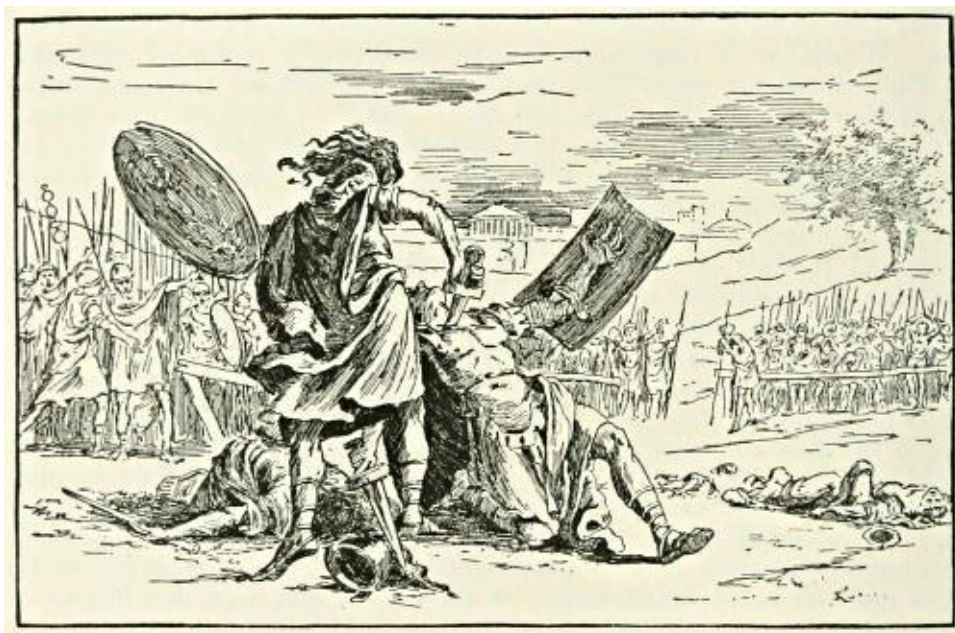
После заключения договора близнецы, как и было согласовано, взяли в руки оружие. Их друзья наставляли обе стороны, напоминая, что боги их страны, их отечество и родители, все их соотечественники, как дома, так и в армии, сейчас смотрят на их оружие, на их руки. Естественно храбрые и воодушевленные напутствиями своих друзей, они вышли на середину между двумя линиями. Обе армии сели перед своими лагерями, скорее избавленные от настоящей опасности, чем от беспокойства, ибо на карту была поставлена

верховная власть, зависящая от доблести и удачи столь немногих. Поэтому, полные нетерпения и тревоги, они с напряженным вниманием следили за зрелищем, далеко не приятным.

Был дан сигнал, и трое юношей с каждой стороны, словно в боевом порядке, бросились в атаку с решительной яростью, неся в своих грудях дух могучих армий: ни те, ни другие не обращали внимания на личную опасность; в их умах присутствовали государственная власть или рабство, а также судьба их страны, которая впредь должна была быть такой, какой они ее сейчас установят. Как только их оружие столкнулось в первом столкновении, и их отполированные мечи заблестели, зрителей охватил великий ужас; и, не надеясь ни на одну из сторон, они затаили дыхание и замолчали. Затем, вступив в рукопашную схватку, когда были видны не только движения их тел и быстрые взмахи оружия, но и раны и кровь, двое римлян упали безжизненными, один на другого, а трое албанцев были ранены. И когда албанская армия подняла крик радости по поводу их падения, надежда полностью, но тревога еще не покинула римские легионы, встревоженные судьбой того, кого окружили три куриации. Он оказался невредим, так что, хотя в одиночку он ни в коем случае не мог сравниться с ними всеми вместе, он был уверен в себе против каждого из них по отдельности.

Поэтому, чтобы разделить их атаку, он бросился бежать, полагая, что они будут преследовать его с такой скоростью, на которую позволит ему его раненое тело. Он уже убежал на значительное расстояние от места сражения, когда, оглянувшись, заметил, что они преследуют его с большим интервалом друг от друга, и что один из них находится недалеко от него. Он обернулся к нему с большой яростью. И пока албанская армия кричала куриатам, чтобы те пришли на помощь своему брату, Гораций, победивший своего противника, приготовился к повторной атаке. Тогда римляне подбодрили своего чемпиона криками, которые обычно издают люди, ликующие в результате неожиданного успеха; он также поспешил положить конец сражению. Поэтому, прежде чем другой, который был недалеко, смог подойти, он убил и второго Куриация. И теперь, когда число сражающихся уравнилось, остался по одному с каждой стороны, но они были равны ни по надежде, ни по силе. Один из них, тело которого не было задето оружием и который благодаря двойной победе обрел мужество для третьего поединка; другой, таща за собой тело, измученное раной, измученное бегом и обескураженное убийством своих братьев на его глазах, предстал перед своим победоносным противником. И это не было сражением. Римлянин, ликуя, сказал: «Двоих я принес в жертву духам моих братьев, третьего я принесу в жертву делу этой войны, чтобы римляне могли править альбанами». Он вонзил свой меч ему в горло, а затем, с трудом удерживая тяжесть доспехов, раздел его, когда тот лежал без сил.

Римляне встретили Горация с триумфом и поздравлениями; их радость была тем больше, что успех последовал сразу за страхом. Затем они приступили к погребению своих друзей с совершенно разными настроениями: одни были воодушевлены приобретением империи, другие подчинялись иностранной юрисдикции. Их могилы до сих пор сохранились в том месте, где каждый из них пал: две римские могилы находятся в одном месте, ближе к Альбе, три албанские — ближе к Риму, но они расположены далеко друг от друга, так же как и во время сражения.^[61]

СРАЖЕНИЕ МЕЖДУ ГОРАЦИЯМИ И КУРИАЦИЯМИ

(По рисунку Мириса)

Затем римляне вернулись в Рим с триумфом, а Гораций шел во главе армии, неся свою тройную добычу. Но когда они приблизились к Капенским воротам, его сестра вышла ему навстречу. Она была обручена с одним из Куриацев, и его плащ, который она сошила своими руками, несли на плечах ее брат; она узнала его, закричала и заплакала о том, кого любила. Увидев ее слезы, Гораций так разгневался, что вытащил меч и пронзил сестру сердце, сказав: «Так погибнет римская дева, которая плачет о враге своей страны». Но люди сказали, что это было ужасное деяние, и притащили его к двум судьям, которые судили дела, связанные с пролитием крови. Ибо так гласил закон:

«Двое мужчин должны вынести приговор пролившему кровь.

Если он обжалует их приговор, пусть обжалование будет рассмотрено.

Если их приговор будет подтвержден, покройте его голову.

Повесьте его на проклятом дереве;

Бийте его бичом либо в пределах священного города, либо за его пределами».

Так они вынесли приговор Горацию и собирались передать его на казнь. Но он подал апелляцию, и апелляция была рассмотрена перед всеми римлянами, и они не осудили его, потому что он победил для них их врагов и потому что его отец заступился за него и сказал, что, по его мнению, девушка была убита законно. Однако, поскольку была пролита кровь, за которую нужно было искупить вину, римляне выделили определенную сумму денег на принесение жертв, чтобы искупить осквернение крови. Эти жертвоприношения впоследствии должным образом совершались членами рода Горациев.

Альбанцы теперь были обязаны подчиняться римлянам, и Тулл призвал их помочь ему в войне против народов Вейи и Фидены. Но в сражении альбанский вождь Меттий Фуффеций держался в стороне и не оказал римлянам настоящей помощи. Поэтому, когда римляне выиграли сражение, Тулл созвал албанцев, как будто собирался произнести перед ними речь; и они пришли послушать его, как было принято, без оружия; а римские солдаты окружили их, и они не могли ни сражаться, ни бежать. Тогда Тулл взял Меттия, привязал его

между двумя колесницами, направил колесницы в разные стороны и разорвал его на части. После этого он послал свой народ в Альбу, и они разрушили город и заставили всех альбанцев переселиться в Рим; там они получили в качестве места жительства холм Целий и стали одним народом с римлянами.

После этого Тулл вел войну с сабинами и одержал над ними победу. Но теперь, то ли потому, что Тулл пренебрегал поклонением богам, будучи так занят войнами, то ли по другой причине, проявились признаки гнева небес. Среди народа разразилась чума, и сам Тулл в конце концов был поражен продолжительной болезнью. Тогда он вспомнил о добром и святом Нуме и о том, как в его время боги были так милостивы к Риму и давали знать о своей воле знамениями, когда Нума обращался к ним. Тогда Тулл тоже попытался обратиться к Юпитеру, но бог был разгневан и не ответил на его просьбу, поскольку Тулл обратился к нему не так, как положено; поэтому он послал свои молнии, и Тулл со всем своим домом сгорел дотла. Это дало понять римлянам, что им нужен царь, который будет следовать примеру Нумы; поэтому они выбрали сына его дочери, Анка Марция, чтобы он правил ими вместо Тулла.

АНКУС МАРЦИЙ

[ок. 642-616 гг. до н. э.]

Древняя история не рассказывает много об Анке Марции. Он обнародовал религиозные обряды, предписанные Нумой, и велел записать их на белых досках и повесить вокруг Форума, чтобы все могли их знать и соблюдать. Он вел войну с латинянами, победил их, привел их в Рим и дал им холм Авентин для проживания. Он разделил земли побежденных латинян между всеми римлянами и отдал леса у моря, которые он отнял у латинян, в общественную собственность римлян. Он основал колонию в Остии, у устья Тибра (). Он построил крепость на холме Яникул (Janiculum) и соединил холм с городом деревянным мостом через реку. Он защитил город, расположенный на низменности между холмами, большой дамбой, которая называлась дамбой Квиритов. И он построил тюрьму под холмом Сатурний, в сторону Форума, потому что по мере роста населения увеличивалось и число нарушителей законов. Наконец, царь Анк умер после двадцати трех лет правления.

Л. ТАРКВИНИЙ ПРИСК

[около 616-578 гг. до н. э.]

Во времена Анка Марция в Рим из Тарквинии, города в Этрурии, прибыл богатый этруск со своей женой. Отец этого пришельца был греком, гражданином Коринфа, который покинул свою родину из-за тирании и поселился в Тарквинии. Там он женился на благородной этрусской даме, от которой у него было два сына. Но его сын обнаружил, что из-за своего отца его по-прежнему считают чужаком, поэтому он покинул Тарквинии () и вместе с женой Танаквиль отправился в Рим, где, как говорили, чужаков уважали больше. Когда он приблизился к воротам Рима, сидя в своей колеснице с женой Танаквиль, к нему прилетел орел, снял с его головы шапку и унес ее в воздух; затем он снова спустился и положил шапку на его голову, как и прежде. Танаквиль обрадовалась этому зрелищу и сказала мужу, поскольку она была искусна в гадании, что это знак благосклонности богов, и велела ему быть бодрым, ибо он непременно достигнет величия.

Тарквиний

Когда незнакомец прибыл в Рим, его называли Луцием Тарквинием, и он был храбрым человеком и мудрым советником; его богатство снискало ему добрую славу среди народа, и он стал известен царю. Он хорошо служил царю в мирное и военное время, так что Анк уважал его и, умирая, в завещании назначил его опекуном своих детей.

Но Тарквиний пользовался большой популярностью у народа, и когда он захотел стать царем, они решили выбрать его, а не сыновей Анка. Так он начал царствовать и совершил великие дела как на войне, так и в мире. Он вел войну с латинянами и взял у них большую добычу. Затем он вел войну с сабинами, победил их в двух сражениях, отнял у них город Коллатия и отдал его Эгерия, сыну своего брата, который прибыл с ним из Тарквинии. Наконец, произошла еще одна война с латинянами, и Тарквиний обошел их города и захватил их один за другим, ибо никто не осмелился выйти ему навстречу в открытом бою. Таковы были его деяния на войне.

Он также совершил великие дела в мирное время: он построил огромные дренажные каналы для отвода воды между Палатином и Авентином, а также между Палатином и Капитолием. А на пространстве между Палатином и Авентином, после того как он осушил его, он построил цирк, или большую гоночную трассу, для колесниц и скачек. Затем на пространстве между Палатином и Капитолием он создал форум, или рынок, разделил землю вокруг него на участки для лавок и киосков и построил вокруг него крытую галерею. Затем он приступил к строительству каменной стены вокруг города и заложил фундамент великого храма Аполлона-Акрополя () на Капитолийском холме, который должен был стать храмом богов Рима. Он также добавил сто новых сенаторов в сенат и удвоил число всадников в центуриях Рамнов, Титов и Луцеров, поскольку хотел усилить свою конницу; и когда он это сделал, его конница принесла ему великие победы над врагами.

Сначала он хотел создать три новых сотни всадников и назвать их своим именем. Но Атт Навий, который был очень искусен в гадании, запретил ему это. Тогда царь насмехался над его искусством и сказал: «Ну же, гадатель, скажи мне по своим предсказаниям, можно ли сделать то, что я сейчас задумал, или нет». И Атт Навий обратился к богам за советом с помощью гадания, и они ответили: «Можно». Тогда царь сказал: «Я имел в виду, что ты

должен разрезать этот точильный камень этой бритвой. Возьми их, сделай это и исполни свое гадание, если сможешь». Но Аттус взял бритву и точильный камень, и он разрезал, и разрезал точильный камень пополам. Так царь послушался его совета и не создал новых центурий; и во всех делах впоследствии он советовался с богами с помощью гадания и повиновался их велениям.

Тарквиний долго правил и процветал; и был молодой человек, воспитанный в его доме, о рождении которого некоторые рассказывали удивительные истории и говорили, что он был сыном бога; но другие говорили, что его мать была рабыней, а отец — одним из клиентов царя. Но он хорошо служил царю и пользовался благосклонностью народа, и царь обещал ему свою дочь в жены. Молодого человека звали Сервий Туллий. Но когда сыновья царя Анка увидели, что Сервий так любим царем Тарквинием, они решили убить царя, чтобы он не сделал этого чужака своим наследником, и они не потеряли корону навсегда. Поэтому они поручили это дело двум пастухам, которые пришли во дворец царя и притворились, что ссорятся друг с другом, и оба призвали царя восстановить справедливость. Царь приказал вызвать их, чтобы выслушать их рассказ, и пока он слушал одного из них, другой ударил его топором по голове, после чего оба сбежали. Но Танаквила, жена царя, притворилась, что он не умер, а только оглушен ударом, и сказала, что он назначил Сервия Туллия править от его имени, пока он не поправится. Итак, Сервий вышел в королевском облачении, судил дела народа и во всем поступал так, как будто он был королем, пока через некоторое время не стало известно, что король умер, и Сервий был допущен к правлению вместо него. Тогда сыновья Анка увидели, что для них не осталось никакой надежды, и бежали из Рима, прожив остаток своих дней в чужой стране.

СЕРВИЙ ТУЛЛИЙ

[ок. 578-534 гг. до н. э.]

Сервий Туллий был справедливым и добрым царем; он любил простой народ и разделил между ним земли, завоеванные в войне, а также принял много мудрых и добрых законов, чтобы защитить интересы бедных и положить конец угнетению со стороны богатых. Он вел войну с этрусками и победил их. Он присоединил к городу холмы Квириналь и Виминаль и привлек многих новых граждан к проживанию на Эсквилинском холме, где он сам жил среди них. Он также воздвиг большой земляной вал, соединяющий Эсквилинский, Квиринальский и Виминальский холмы и защищающий их от нападений врага.

Он построил храм Дианы на Авентине, где латиняне, сабины и римляне должны были приносить общие жертвы; римляне занимали главенствующее положение среди всех, кто поклонялся в храме.

Он установил новый порядок для всего народа, разделив жителей города на четыре племени, а жителей сельской местности — на двадцать шесть. Затем он разделил весь народ на классы в соответствии с ценностью их имущества; классы он разделил на центурии; центурии различных классов снабжались оружием, каждая в соответствии со своим рангом и порядком: центурии богатых классов имели хорошие и полные доспехи, бедные центурии имели только дротики и пращи. И когда он сделал все это, он созвал весь народ в их сотни и спросил, хотят ли они, чтобы он был их царем; и народ ответил, что он должен быть их царем. Но знатные ненавидели его, потому что он был так любим простолюдными; ибо он издал закон, что после него не будет царя, а будут два человека, избранные народом, чтобы управлять им из года в год. Некоторые даже говорили, что он намеревался отказаться от своей королевской власти, чтобы своими глазами увидеть плоды всех хороших законов, которые он принял, и чтобы увидеть народ богатым, свободным и счастливым.

У царя Сервия не было сыновей, но у него было две дочери, и он выдал их замуж за двух сыновей царя Тарквиния. Эти дочери были очень разными по характеру, как и их мужья: Арунс Тарквиний был кротким и мягким, а его брат Луций был гордым и злым; младшая Туллия, жена Арунса, была еще злее, чем его брат Луций; а старшая Туллия, жена Луция, была такой же доброй и мягкой, как его брат Арунс. Зло не могло терпеть добро, но жаждало соединиться со злом, подобным себе: Луций тайно убил свою жену, а младшая Туллия убила своего мужа, и тогда они поженились друг с другом, чтобы совершать все зло, которое было в их сердцах, по воле судьбы.

Затем Луций сговорился с вельможами, которые ненавидели доброго царя, и присоединился к братству молодых вельмож, в котором они обязались поддерживать друг друга в своих деяниях насилия и угнетения. Когда все было готово, он дождался времени жатвы, когда простолюдины, любившие царя, были в полях, собирая урожай. Тогда он внезапно отправился на Форум с отрядом вооруженных людей и сел на трон короля перед дверями здания сената, где он обычно судил народ. Они побежали к королю и сказали ему, что Луций сидит на его троне. Услышав это, старик поспешил на Форум, и, увидев Луция, спросил его, почему он осмелился сесть на трон короля. Луций ответил, что это трон его отца и что он имеет на него больше прав, чем Сервий. Затем он схватил старика, сбросил его с лестницы сената на землю, вошел в сенат и созвал сенаторов, как будто он уже был царем. Тем временем Сервий поднялся и начал пробираться домой, но когда он подошел к Эсквилинскому холму, некоторые из тех, кого Луций послал за ним, догнали его, убили и оставили лежать в крови посреди дороги.

Тогда злобная Туллия села в свою колесницу и поехала на форум, не стесняясь появляться среди множества людей, и вызвала Луция из здания сената и сказала ему: «Приветствую тебя, царь Тарквиний!» Но Луций велел ей идти домой; и когда она шла домой, на пути лежало тело ее отца. Возничий колесницы остановился и показал Туллии, где лежал ее отец в крови. Но она велела ему ехать дальше, ибо ярость ее злобы овладела ею, и колесница переехала тело; и она поехала домой с кровью отца на колесах своей колесницы. Так Луций Тарквиний и злобная Туллия воцарились на месте доброго царя Сервия.

ЛУЦИЙ ТАРКВИНИЙ ТИРАН

[около 534-510 гг. до н. э.]

Луций Тарквиний приобрел свою власть нечестным путем и не менее нечестно ею пользовался. Он окружал себя вооруженной стражей и управлял всем по своему усмотрению; многих он лишил имущества, многих изгнал, а многих и убил. Он презирал сенат и не назначал новых сенаторов на место тех, кого убивал или кто умирал естественной смертью, желая, чтобы сенаторов становилось все меньше и меньше, пока их не останется ни одного. Он подружился с главными людьми среди латинян и выдал свою дочь замуж за Октавия Мамилия из Тускулума; и он стал очень влиятельным среди латинян, настолько, что когда Турн Гердоний из Ариции осмелился выступить против него на большом собрании латинян, Тарквиний обвинил его в заговоре с целью убийства и нашел ложных свидетелей, чтобы подтвердить свое обвинение; так что латиняне признали его виновным и приказали утопить. После этого они так боялись Тарквиния, что заключили с ним союз и следовали за ним в его войнах, куда бы он ни решил их вести. К этому союзу присоединились также герниканы, а также Эцетра и Антиум, города волсков.

Затем Тарквиний начал войну с остальными вольсками и захватил Суэссу Пометию, расположенную в низинах волсков, а десятая часть добычи составила сорок талантов серебра. Тогда он приступил к возведению величественных сооружений в Риме и завершил

то, что начал его отец: большие дренажные каналы для осушения низменных районов города и храм на Капитолийском холме. Земля, на которой он собирался построить свой храм, была занята многими святынями сабинских богов, основанными во времена царя Тация. Но Тарквиний обратился к богам с вопросом, может ли он убрать эти святыни, чтобы освободить место для своего нового храма. Боги разрешили ему убрать все остальные, за исключением святилищ бога молодости и Термина, бога границ (), которые они не позволили ему переместить. Но авгуры сказали, что это было счастливым предзнаменованием, поскольку показывало, что молодость города никогда не пройдет, а его границы не будут сдвинуты завоеванием врага. Во время рытья фундамента храма была найдена человеческая голова, и это тоже было знаком того, что Капитолийский холм должен быть главой всей земли.^[7] Так Тарквиний построил могучий храм и посвятил его Юпитеру, Юноне и Минерве, величайшей из богов этрусков.

В это время к царю пришла странная женщина и предложила ему девять книг пророчеств Сивиллы за определенную цену. Когда царь отказался, женщина ушла, сожгла три книги, вернулась и предложила шесть по той же цене, которую она просила за девять, но они насмеялись над ней и не взяли книги. Тогда она ушла, сожгла еще три и вернулась, попросив ту же цену за оставшиеся три. Увидев это, царь был удивлен и спросил у авгуров, что ему делать. Они сказали, что он поступил неправильно, отказавшись от дара богов, и велели ему во что бы то ни стало купить оставшиеся книги. И он купил их; а женщина, которая их продала, с того дня больше не появлялась. Затем книги были помещены в каменный сундук и хранились под землей в Капитолии, а для их охраны были назначены два человека, которых называли двумя хранителями священных книг.

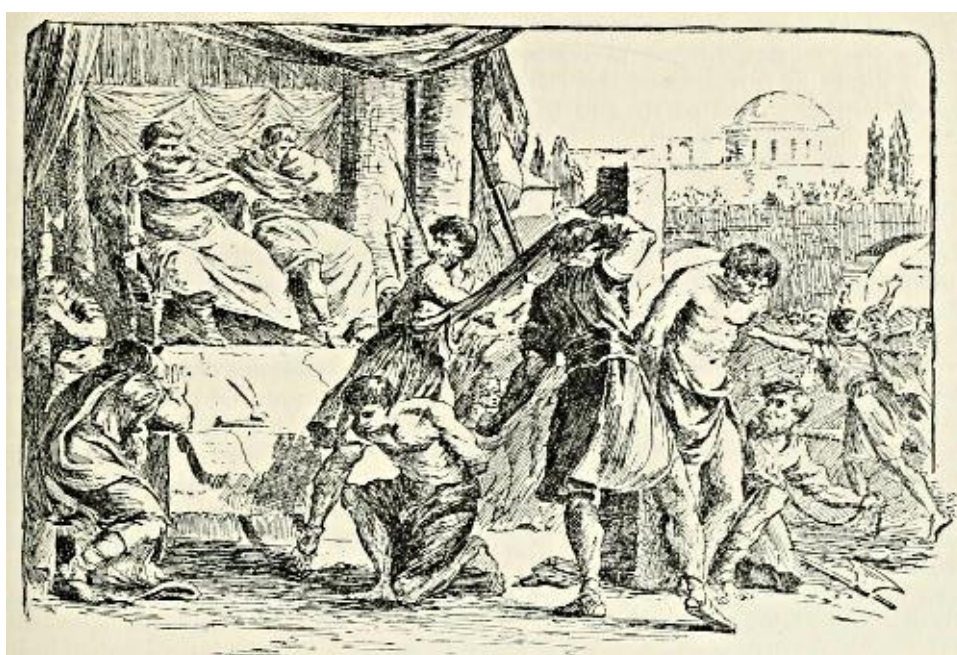
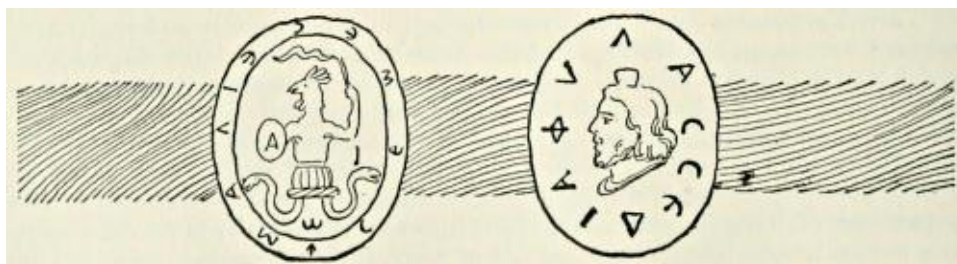
Габии не хотели подчиняться Тарквинию, как другие города латинян, поэтому он начал против них войну; война была долгой, и Тарквиний не знал, как ее закончить. Тогда его сын Секст Тарквиний притворился, что отец его ненавидит, и бежал в Габии; жители Габиев поверили ему и доверились ему, но в конце концов он предал их в руки отца. Затем с ними был заключен договор, и он дал им право стать гражданами Рима, а римляне получили право стать гражданами Габиев, и между двумя народами был заключен прочный союз.

Таким образом, Тарквиний был великим и могущественным царем, но он жестоко угнетал бедных, отменил все хорошие законы царя Сервия и позволил богатым угнетать бедных, как они делали до прихода Сервия. Он заставлял народ трудиться на своих великих сооружениях: он заставлял их строить его храм, копать и строить его канализацию; и он возлагал на них такие бремена, что многие убивали себя от крайней нищеты; ибо во времена тирана Тарквиния было счастливее умереть, чем жить.^b

СНОСКИ

[6] Как мы видели, два римских чемпиона пали в одном месте, *super alium alius*; следовательно, были похоронены вместе; в то время как куриации пали в разных местах, поскольку Гораций сумел разделить их, чтобы избежать их совместной атаки.

[7] [«После того как работы были проведены на большой глубине, была найдена голова недавно убитого человека с лицом, похожим на лицо живого человека, и кровью, которая текла из ссадины, теплой и свежей». — Дионисий.^d]

Казнь Тита и Тиберия

(По рисунку Мириса)

ГЛАВА IV. ИЗГНАНИЕ ЦАРЕЙ — КРИТИКА МОНАРХИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ТАРКВИНИЙ КОНСУЛЬТУЕТСЯ С ОРАКУЛОМ

[около 510 г. до н. э.]

Когда царь Тарквиний был на вершине своего величия, случилось так, что с алтаря во дворе его дворца выползла змея, которая пожрала приношения, лежавшие на алтаре. Царь счел недостаточным обратиться к этруским предсказателям, которые были при нем, и послал двух своих сыновей в Дельфы, чтобы они обратились за советом к оракулу греков, ибо оракул Дельф был известен во всех землях. Итак, его сыновья Тит и Арунс отправились в Дельфы, взяв с собой своего двоюродного брата Луция Юния, которого люди называли Брутом, то есть тупицей, ибо он казался совершенно лишенным ума и ел дикие фиги с медом. На самом деле этот Луций не был тупой, а очень хитрый; он притворялся глупым из-

за страха перед жестокостью своего дяди, поскольку был очень богат и боялся, что царь Тарквиний убьет его, чтобы завладеть его наследством. Поэтому, когда он отправился в Дельфы, он взял с собой роговой посох, который был полым и наполненным золотом, и подарил его оракулу как свое подобие, ибо, хотя он казался тупым и ничтожным, внутри него таился золотой ум. Когда трое молодых людей выполнили приказ царя, они обратились к оракулу с просьбой и сказали: «О, господин Аполлон, скажи нам, кто из нас будет царем в Риме?» Тогда из святилища раздался голос, который сказал: «Тот из вас, кто первым поцелует свою мать». Тогда сыновья Тарквиния договорились между собой, что будут тянуть жребий, кто из них первым поцелует свою мать, когда они вернутся в Рим; и они сказали, что будут держать в секрете от своего брата Секста оракул, чтобы он не стал царем вместо них. Но Луций лучше понял смысл оракула; поэтому, когда все они спускались с храма, он как бы случайно споткнулся, упал лицом на землю и поцеловал землю, сказав: «Земля — истинная мать всех нас».

Когда они вернулись в Рим, царь Тарквиний вел войну с народом Ардеи; а поскольку город был крепким, его войско долгое время осаждало его, пока город не был вынужден сдаться из-за голода. Так что у римлян было свободное время для пиршеств и развлечений; однажды Тит и Арун ужинали со своим братом Секстом, а их двоюродный брат Тарквиний из Коллатии ужинал с ними. Они спорили о том, чья из их жен была самой достойной дамой. Тогда Тарквиний из Коллатии сказал: «Пойдемте, посмотрим своими глазами, что делают наши жены, и тогда узнаем, какая из них самая достойная». После этого все они сели на лошадей и поехали сначала в Рим, где застали жен Тита, Аруна и Секста, пирующих и веселящихся. Затем они поехали в Коллатию, и было уже поздно ночью, но они нашли Лукрецию, жену Тарквиния из Коллатии, не пирующей и не спящей, а сидящей со всеми своими служанками вокруг нее, и все они работали на ткацких станках. Увидев это, все они сказали: «Лукреция — самая достойная дама». Она угостила своего мужа и его родственников, а после этого они вернулись в лагерь перед Ардеей.

ИЗНАСИЛОВАНИЕ ЛУКРЕЦИИ

Но дух злой страсти овладел Секстом, и через несколько дней он отправился один в Коллатию, и Лукреция приняла его гостеприимно, ибо он был родственником ее мужа. В полночь он встал и пошел в ее комнату, и сказал, что если она не подчинится ему, он убьет ее и одну из ее рабынь, а ее мужу скажет, что он убил ее за прелюбодеяние. Итак, когда Секст достиг своей злой цели, он вернулся в лагерь.

Тогда Лукреция поспешно послала в Рим, чтобы ее отец Спурий Лукреций пришел к ней, и послала в Ардею, чтобы вызвать ее мужа. Ее отец привел с собой Публия Валерия, а ее муж привел с собой Луция Юния, которого люди называют Брутом. Когда они прибыли, они искренне спросили: «Все ли в порядке?» Тогда она рассказала им о злодеянии Секста и сказала: «Если вы мужчины, отомстите за это». И все они поклялись ей, что отомстят. Тогда она снова сказала: «Я не виновата, но я тоже должна разделить наказание за этот поступок, чтобы никто не думал, что можно быть неверной мужу и остаться в живых». И она вынула из-под плаща нож и вонзила его себе в сердце.

Увидев это, ее муж и отец громко заплакали, но Луций вытащил нож из раны, поднял его и сказал: «Клянусь этой кровью, что я отомщу за это деяние царю Тарквинию и всему его проклятому роду; и никто больше не будет царем в Риме, чтобы не совершал подобного злодеяния». И он отдал нож ее мужу, отцу и Публию Валерию. Они удивились, услышав такие слова от человека, которого называли тупым, но они тоже поклялись, подняли тело Лукреции и отнесли его на Форум, говоря: «Смотрите на дела злобного рода Тарквиния». Все жители Коллатии были взволнованы, мужчины взяли в руки оружие и поставили стражу у

ворот, чтобы никто не вышел и не сообщил об этом Тарквинию, и последовали за Луцием в Рим. Там тоже собрался весь народ, и глашатай призвал его собраться перед трибуном Целеров, ибо Луций занимал эту должность. И Луций рассказал им обо всех тираниях Тарквиния и его сыновей, а также о злодеянии Секста. И народ в своих куриях лишил Тарквиния верховной власти, которую он ему дал, и изгнал его и всю его семью. Затем молодые люди последовали за Луцием в Ардею, чтобы склонить армию там присоединиться к ним; а город был оставлен под управлением Спурия Лукреция. Но злобная Туллия поспешно бежала из своего дома, и все, как мужчины, так и женщины, проклинали ее, когда она проходила мимо, и молились, чтобы фурии крови ее отца наслали на нее месть.^b

НИБУР О СТОРИИ ЛУКРЕЦИИ

Вся эта история, которую Шекспир сам переложил в стихи, встретила всеобщее скептическое отношение, которое вызывают все римские легенды. Но скептически настроенный Нибур, например, принимает ее: «Легко поверить, — говорит он, — что Секст Тарквиний совершил надругательство над Лукрецией, поскольку подобные вещи до сих пор происходят в Турции и часто совершались в средние века итальянскими князьями вплоть до времени Пьетро Луиджи Фарнезе (в XVI веке); в древности подобные преступления встречаются в олигархиях и тираниях, как хорошо известно из истории Деметрия Полиоркета в Афинах. Цицерон совершенно прав, когда говорит, что Секст несчастливо выбрал женщину, принадлежавшую к одной из самых влиятельных семей. Можно легко поверить, что женщина пыталась отомстить, но все последующие события, благодаря которым эта история приобрела индивидуальность и связь с походом против Ардеи, не имеют исторической ценности. Говорят, что царь разбил лагерь перед Ардеей и заключил перемирие на пятнадцать лет; но Ардея и до того времени зависела от Рима, поскольку она входит в число городов, от имени которых Рим заключил договор с Карфагеном. Поэтому все, что остается и выглядит вероятным, — это то, что Лукреция была изнасилована и что ее смерть разжегла искру, которая долго тлела под пеплом.

«Мы находимся в таком же замешательстве в отношении личности Брута. Говорят, что он притворялся глупым, чтобы обмануть царя, и существует несколько преданий о том, как он пытался достичь этой цели. Его миссия в Дельфы вместе с сыновьями Тарквиния, хотя миссия из Агиллы в более ранний период не вызывает сомнений, кажется, выдаёт более позднюю руку, и, вероятно, ту же, которая ввела истории Геродота в римскую историю. Далее говорится, что Тарквиний, чтобы сделать достоинство *tribunus celerum* вторым после короля, бессильным для злодеяний, передал эту должность Бруту. Но есть все основания полагать, что вся история об идиотизме Брута возникла исключительно из-за его имени. Брут, несомненно, является оскским словом, связанным с тем же корнем, что и *Bruttii*; оно означает «беглый раб», имя, которое дерзкая фракция царя дала лидеру мятежников, потому что он был плебеем. Как можно представить, что великий царь, каким на самом деле был Тарквиний, возвысил бы идиота, которого он мог бы казнить, до достоинства *трибуна целерума* — с целью сделать эту должность презренной? Тарквиний не был тираном, который был вынужден ослаблять государство, чтобы им управлять; он мог бы придать ему силу и энергию и все же править им благодаря своим великим личным качествам; римляне тоже не думали о нем иначе, поскольку его статуя продолжала храниться на Капитолии».^f

ИЗГНАНИЕ ТАРКВИНИЯ

Тем временем царь Тарквиний поспешил в Рим, чтобы подавить беспорядки. Но Луций свернул с дороги, чтобы не встретиться с ним, и пришел в лагерь; солдаты радостно приняли его и изгнали сыновей Тарквиния. Царь Тарквиний прибыл в Рим, но ворота были закрыты, и с крепостных стен ему объявили приговор об изгнании, вынесенный ему и его семье. Тогда он смирился со своей судьбой и уехал жить в Каэре со своими сыновьями Титом и Аруном. Другой его сын, Секст, уехал в Габии, и жители этого города, помня, как он предал их своему отцу, убили его. Затем армия покинула лагерь перед Ардеей и вернулась в Рим. И все сказали: «Давайте будем следовать добрым законам доброго царя Сервия; давайте будем собираться в наши центурии, как он велел, и давайте будем выбирать двух человек из года в год, чтобы они правили нами вместо царя». Тогда народ собрался в своих центуриях на поле Марса и выбрал двух человек, чтобы они правили ими: Луция Юния, которого люди называли Брутом, и Луция Тарквиния из Коллатии.

Но народ боялся Луция Тарквиния из-за его имени, ибо казалось, что Тарквиний все еще является их царем. Поэтому они умоляли его покинуть Рим, и он ушел, взяв с собой все свое имущество, и поселился в Лавинии. Тогда сенат и народ постановили, что весь род Тарквиниев должен быть изгнан, хотя они и не принадлежали к царской семье. И народ снова собрался в своих центуриях и избрал Публия Валерия, чтобы он правил ими вместе с Брутом, вместо Луция Тарквиния Коллатийского.

В это время были восстановлены многие законы доброго царя Сервия, которые были отменены тираном Тарквинием. Простые люди снова стали выбирать своих судей, чтобы судить все дела между людьми, и снова проводили свои собрания и жертвоприношения в городе и в деревне, каждый в своем племени и в своем районе. И чтобы не казалось, что вместо одного царя есть два, было постановлено, что только один из них должен править в одно и то же время, и что ликторы с их жезлами и топорами должны идти только перед ним. И оба должны были править поочередно, месяц за месяцем.

Тогда царь Тарквиний послал в Рим, чтобы попросить вернуть все принадлежавшие ему вещи; и сенат через некоторое время постановил, что вещи должны быть возвращены. Но те, кого он послал в Рим просить о возвращении его имущества, встретились со многими молодыми людьми благородного происхождения, и был задуман заговор с целью вернуть царя Тарквиния. Молодые люди написали Тарквинию письма, в которых клялись ему в верности, и среди них были Тит и Тиберий, сыновья Брута. Но один раб случайно подслушал их разговор и, узнав, что письма должны быть переданы посланникам Тарквиния, пошел и рассказал все, что слышал, Бруту и Публию Валерию. Тогда они пришли и схватили молодых людей и их письма, и таким образом заговор был сорван.

После этого произошло странное и жалкое зрелище. Брут и Публий сидели на своих судейских креслах на Форуме, и молодые люди были приведены к ним. Тогда Брут приказал ликторам связать своих двух сыновей, Тита и Тиберия, вместе с другими и бить их розгами, согласно закону. И после того, как их выпороли, ликторы отрубили им головы топорами на глазах у их отца; а Брут не сдвинулся с места и не отвернул глаз от этого зрелища, но люди, глядя на него, видели, что его сердце скорбило о своих детях. Тогда они удивились ему, потому что он любил справедливость больше, чем свою кровь, и не пощадил своих собственных детей, когда они предали свою страну и нарушили закон.

Когда царь Тарквиний узнал, что заговор раскрыт, он убедил жителей Вей и Тарквинии, городов этрусков, попытаться силой оружия вернуть его в Рим. Они собрали свои войска, и Тарквиний повёл их к границам Рима. Брут и Публий вывели римлян навстречу им, и случилось так, что Брут с римскими всадниками и Арун, сын царя Тарквиния, с этрусскими всадниками встретились друг с другом еще до начала главных сражений. Арун, увидев Брута в царской одежде и окруженного ликторами, направил свое копьё и погнал лошадь на него.

Брут встретил его, и каждый пронзил копьем тело другого, и оба упали замертво. Затем вступили в бой всадники обеих сторон, а после них — основные войска, и веентинцы были разгромлены, но тарквинийцы победили римлян, и битва не была ни выиграна, ни проиграна; но ночью из леса, который находился неподалеку, раздался голос, который сказал: «Среди этрусков пало на одного человека больше, чем среди римлян; римляне победят в этой войне». Услышав это, этруски испугались и, поверив голосу, немедленно отправились домой, в свою страну, а римляне подняли Брута, отнесли его домой и похоронили; Публий произнес речь в его честь, и все римские матроны оплакивали его целый год, потому что он хорошо отомстил за Лукрецию.

Когда Брут умер, Публий сам правил народом; и он начал строить большой и крепкий дом на вершине холма Велиа, который возвышается над Форумом. Это заставило народ сказать: «Публий хочет стать царем и строит дом в крепком месте, как будто для цитадели, где он может жить со своими стражниками и угнетать нас». Но он созвал народ и, спустившись к нему, ликторы, которые шли перед ним, опустили палки и топоры, которые они несли, чтобы показать, что он считает народ выше себя. Он жаловался, что они не доверяли ему, и сказал, что не будет строить свой дом на вершине холма Велиа, а у его подножия, и что его дом не будет крепостью. И он призвал их принять закон, согласно которому любой, кто попытается провозгласить себя царем, будет проклят, и любой, кто захочет, сможет убить его. Кроме того, если магистрат собирался наказать или убить любого гражданина, он должен был представить свое дело перед народом, и народ должен был судить его. Когда эти законы были приняты, все сказали: «Публий любит народ и стремится к его благу», и с того дня его стали называть Публикола, что означает «друг народа».

Затем Публий созвал народ в их центурии, и они избрали Спурия Лукреция, отца Лукреции, своим магистратом на год, вместо Брута. Но он был стариком, и его силы настолько ослабели, что через несколько дней он умер. Тогда они избрали вместо него Марка Горация.

Публий и Марк бросили жребий, кто должен посвятить храм Юпитеру на холме Капитолия, построенный царем Тарквинием; жребий выпал Марку, к большому недовольству друзей Публия. И когда Марк собирался начать посвящение, положив руку на косяк двери храма и произнося установленные слова молитвы, прибежал человек, чтобы сообщить ему, что его сын умер. Но он сказал: «Пусть вынесут его и похоронят»; и он не плакал и не скорбел, ибо слова скорби не должны произноситься, когда люди молятся благословенным богам и посвящают храм в их честь. Так Марк почитал богов выше своего сына и посвятил храм на холме Капитолия; и его имя было занесено на фасаде храма.

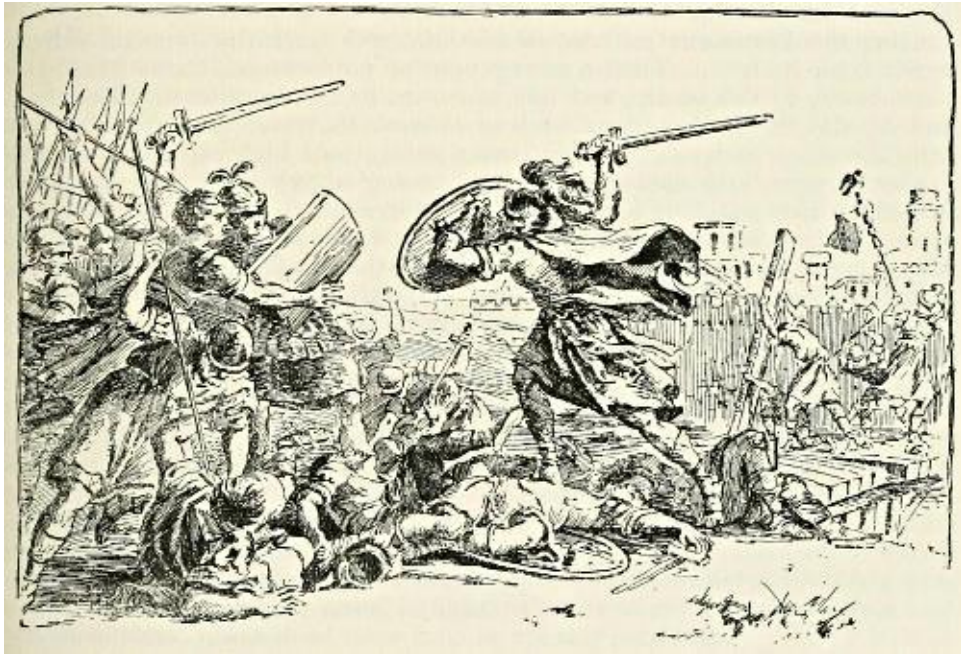
ВОЙНА ПОРСЕННЫ ПРОТИВ РИМЛЯН; ИСТОРИЯ О ГОРАТИИ НА МОСТУ, РАССКАЗАННАЯ ДИОНИСИЕМ

Но когда царь Тарквиний понял, что веентинцы и тарквинийцы не в состоянии вернуть ему царство, он отправился в Клузий, город в самой отдаленной части Этрурии, за лесом Циминий, и умолял Ларса Порсенну, царя Клузия, помочь ему. И Порсенна собрал большую армию, выступил на Рим и атаковал римлян на холме Яникул, холме за пределами города, за Тибром.^b

Когда две армии вступили в бой, обе сражались храбро и выдерживали удар в течение значительного времени, причем римляне имели преимущество над врагами как в опыте, так и в стойкости, а тирренцы и латиняне значительно превосходили их по численности. И, когда многие были убиты с обеих сторон, страх охватил римлян; сначала тех, кто находился на левом фланге, когда они увидели, что их два командира, Валерий и Лукреций, были

вынесены с поля боя ранеными; после чего те, кто находился на правом фланге, которые уже имели преимущество над войсками, которыми командовал Тарквиний, увидев бегство своих товарищей, были охвачены тем же ужасом. И все они, спеша в город и пытаясь прорваться группой через тот же мост, подверглись сильной атаке со стороны врага; а город, не имея стен в той части, которая примыкала к реке, был очень близок к тому, чтобы быть взят штурмом, что, несомненно, и произошло бы, если бы преследователи вошли в него одновременно с бежавшими. Но трое человек остановили преследование врага и спасли всю армию; двое из них были Спурий Ларций и Тит Герминий из числа старейшин, которые командовали правым флангом; а из младших — Публий Гораций, которого называли Коклом из-за потери одного глаза, выбитого в бою; человек, который больше всех отличался прекрасными пропорциями тела и храбростью. Этот человек был племянником Марка Горация, одного из консулов, но свое высокое происхождение он получил от Марка Горация, одного из трех братьев, победивших трех албанцев. Эти трое без посторонней помощи, прислонившись спинами к мосту, на значительное время остановили проход врага и удерживали свои позиции, пока на них сыпался град всевозможных орудий, а многие также давили на них с мечами в руках, пока вся армия не перешла реку.

Когда они посчитали, что их люди в безопасности, двое из них, Герминий и Ларций, чьи защитные оружия были теперь бесполезны из-за непрерывных ударов, не спеша отступили; а Ораций один, несмотря на то, что не только консулы, но и остальные люди, заботящиеся прежде всего о том, чтобы сохранить такого человека для своей страны и своих родителей, призывали его из города отступить, он не поддался на уговоры, а остался на том же месте, где стоял сначала, и поручил Герминию и Лартию передать консулам от его имени, чтобы они приказали немедленно отрезать ту часть моста, которая находилась ближе к городу (поскольку в то время был только один мост, построенный из дерева и скрепленный только деревянными шпунтами, без железа, который римляне сохраняют до сих пор в том же состоянии), и чтобы, когда большая часть моста будет разрушена и от него останется лишь небольшой участок, они сообщили ему об этом с помощью каких-либо сигналов или громким голосом, превышающим обычный. Остальное, сказал он им, он возьмет на себя. Дав эти указания этим двум людям, он встал на сам мост, и когда враг наступал на него, он ударил некоторых из них своим мечом, а других сбил своим щитом, отразив всех, кто пытался перейти мост; ибо те, считая его сумасшедшим и человеком, обрекшим себя на гибель, не смели больше приближаться к нему; в то же время им было нелегко подойти к нему, потому что река защищала его справа и слева, а перед ним лежала куча оружия и трупов. Но, стоя на расстоянии, они бросали в него копья, дротики и большие камни, а те, у кого не было этого оружия, бросали мечи и щиты убитых. Но он продолжал сражаться, используя их собственное оружие против них; и, бросая его в толпу, он, как можно было предположить, не мог не попасть в кого-нибудь. И теперь, засыпанный метательным оружием и имея множество ран по всему телу, но особенно одну, нанесенную копьем, которое, пронзив верхнюю часть бедра, прошло через переднюю часть одного из его бедер, причиняя ему сильную боль и мешая ему двигаться. Услышав, как те, кто был позади него, кричали, что большая часть моста разрушена, он прыгнул с оружием в реку и с большим трудом переплыл ее (поскольку течение, разделенное сваями, было быстрым и образовывало большие водовороты), выбравшись на берег без потери оружия.

ГОРАЦИЙ ЗАЩИЩАЕТ МОСТ ЧЕРЕЗ ТИБР

Этот поступок принес ему бессмертную славу, ибо римляне немедленно увенчали его и с песнями провели в город как одного из героев; все жители выбежали из своих домов, желая увидеть его в последний раз перед смертью, ибо считалось, что он не сможет долго выжить после полученных ран. А когда он выздоровел, народ воздвиг ему бронзовую статую в полном вооружении в самом заметном месте Форума и даровал ему столько общественной земли (), сколько он сам мог вспахать за один день с парой волов. Помимо этих даров, оказанных ему народом, каждый житель города, в то время, когда все они страдали от ужасной нехватки необходимых продуктов, дал ему столько, сколько хватило бы каждому из них на один день, а общее число людей составляло более трехсот тысяч. Таким образом, Гораций, проявивший в тот раз столь великую доблесть, был окружен всеобщим восхищением римлян, но из-за своей хромоты и несчастья, которое его постигло, он не смог принести пользу в последующих делах республики и не получил ни консульства, ни какого-либо другого военного звания.⁴

Гай Муций и царь Порсенна

Но этруски все еще осаждали город, и римляне сильно страдали от голода. Тогда молодой человек благородного происхождения по имени Гай Муций пришел в сенат и предложил отправиться в лагерь этрусков и убить царя Порсенну. Он переправился через реку и пробрался в лагерь, где увидел человека, сидящего на возвышении, одетого в алую мантию, вокруг которого снуют многие люди. Сказав себе: «Это, должно быть, царь Порсенна», он пробрался к его сиденью сквозь толпу и, подойдя к человеку, вытащил из-под одежды кинжал и ударил его. Но он убил не короля, а его писца, который был главным чиновником короля; поэтому его схватили и привели к королю, и стражники угрожали ему жестокими пытками, если он не ответит на все их вопросы. Но он сказал: «Смотрите, как мало я забочусь о ваших пытках», — и опустил правую руку в огонь, который горел на алтаре, и не вынимал ее, пока она не сгорела дотла. Тогда царь Порсенна поразился его мужеству и сказал: « » «Иди своей дорогой, ибо ты причинил себе больше вреда, чем мне; ты храбрый человек, и я отправляю тебя обратно в Рим невредимым и свободным». Но Гай ответил: «За

это ты узнаешь о моей тайне больше, чем могли бы вывести из меня твои пытки. Триста благородных юношей Рима поклялись убить тебя. Моя была первой попыткой, но другие будут по очереди поджидать тебя. Поэтому я предупреждаю тебя, чтобы ты был осторожен». Тогда Гая отпустили, и он вернулся в город.

Но царь Порсенна был очень взволнован и предложил римлянам мир, на что они с радостью согласились и отдали землю за Тибром, которая была завоевана в прежние времена у веентинцев; и он вернул им холм Яникул. Кроме того, римляне дали царю заложников, десять юношей и десять девушек, детей знатных отцов, в знак того, что они будут действительно соблюдать заключенный мир. Но так случилось, что лагерь этрусков находился недалеко от Тибра, и Клелия, одна из девушек, сбежала со своими подругами и убежала к берегу реки, и когда этруски преследовали их, Клелия обратилась к другим девушкам и убедила их, и все они бросились в воду, переплыли реку и благополучно перебрались на другой берег. Король Порсенна был поражен этим еще больше, чем раньше, и когда римляне вернули ему Клелию и ее подруг, поскольку они действительно сдержали свое слово, он велел ей вернуться домой свободной и дал ей на выбор нескольких юношей из числа заложников, и она выбрала самых юных, и король Порсенна освободил их. Затем римляне дали Гаю землю и установили статую Клелии в самой высокой части Священной дороги, а царь Порсенна в мире увёл свою армию домой.

После этого царь Порсенна вступил в войну с латинянами, но его войско было разбито, и он бежал в Рим; римляне приняли его дружелюбно, позаботились о раненых и отпустили их обратно к царю Порсенне. За это царь вернул римлянам всех остальных заложников, которые еще были у него, а также земли, которые они отняли у веентинцев. Видя, что надежды на помощь от царя Порсенны больше нет, Тарквиний покинул Клузий и отправился в Тускулум латинянам, ибо Октавий Мамилий, вождь тускуланцев, женился на его дочери, и он надеялся, что латиняне вернут его в Рим, ибо у них было много городов, и когда он был царем, он благоволил к ним больше, чем к римлянам.

Итак, через некоторое время тридцать городов латинянам объединились, избрали Октавия Мамилия своим полководцем и объявили войну римлянам. Публий Валерий был мертв, и римляне так любили и почитали его, что похоронили его в городе, возле холма Велиа, и все римские матроны оплакивали его целый год. также потому, что у римлян были враги не только латиняне, но и сабины, они на время поставили одного человека своим правителем вместо двух; его называли повелителем народа, или полководцем, и он обладал всей властью, которой в прошлом обладали римские цари. Так Аурус Постумий был назначен в это время господином народа, а Тит Эбутий был главой или господином всадников; и они вывели всю силу римлян и встретили латинянам у озера Региллус, в стране Тускулум; и сам Тарквиний был с армией латинянам, и его сын, и все дома Тарквиниев; ибо это была их последняя надежда, и теперь судьба должна была решить, будут ли римляне подчиняться царю Тарквинию или же они будут свободны навсегда.

Многие римляне были женаты на латинках, а многие латиняне были женаты на римлянках. Поэтому перед началом войны было решено, что женщины обеих сторон могут покинуть своих мужей, если захотят, и увести с собой своих девственных дочерей, чтобы вернуться в свою страну. И все латинские женщины, кроме двух, остались в Риме со своими мужьями; но римские женщины любили Рим больше, чем своих мужей, и взяли с собой своих молодых дочерей и вернулись в дома своих отцов.

БИТВА НА ОЗЕРЕ РЕГИЛЛУС

Затем римляне и латиняне вступили в сражение у озера Региллус. Там можно было увидеть царя Тарквиния, хотя и преклонного возраста, но сидящего на коне и держащего копье в руке, столь же храбро, как если бы он был еще молод. Там был его сын Тарквиний, ведущий в бой всю группу дома Тарквиниев, которых римляне изгнали из-за их имени и которые считали гордостью вернуть свою страну с помощью мечей и снова стать королевским домом, дать римлянам короля. Там был Октавий Мамилий из Тускулума, вождь всех латинян, который говорил, что он снова сделает Тарквиния, своего отца, царем Рима, и что римляне должны помогать латинянам во всех их войнах, а Тускулум должен быть величайшим из всех городов, жители которых вместе поднимались, чтобы принести жертву Юпитеру латинян в его храме на высокой вершине горы Альба. На стороне римлян можно было увидеть Аулуса Постумия, полководца пехоты, и Тита Эбутия, полководца конницы. Там же был Тит Герминий, который сражался на мосту вместе с Горацием Коклесом в тот день, когда они спасли Рим от царя Порсенны. Там был Марк Валерий, брат Публия, который сказал, что он закончит у озера Регилл славное дело, которое Публий начал в Риме; ибо Публий изгнал Тарквиния и его дом и заставил их жить как изгнанников, и теперь они должны были лишиться жизни, как лишились своей страны. Итак, в первом столкновении царь Тарквиний нацелил свое копье и поскакал на Аула, а слева от поля битвы Тит Эбутий прищепил своего коня и поскакал на Октавия Мамилия. Но царь Тарквиний, не доехав до Аула, получил рану в бок, и его сподвижники собрались вокруг него и вынесли его с поля битвы. Тит и Октавий столкнулись копьями, и Тит ударил Октавия в грудь, а Октавий пронзил копьем руку Тита. Тогда Тит вышел из боя, ибо его рука не могла больше владеть оружием; но Октавий не обратил внимания на свою рану, а, увидев, что латиняне отступают, позвал изгнанных римлян из рода Тарквиниев и послал их в самую гущу сражения. Они бросились вперед с такой яростью, что ни люди, ни лошади не могли устоять перед ними, ибо они думали о том, как их изгнали из своей страны и лишили имущества, и говорили, что в тот день они отвоюют и то, и другое кровью своих врагов.

Тогда Марк Валерий, брат Публия, нацелил копье и яростно бросился на Тита Тарквиния, который был вождем отряда Тарквиниев. Но Тит отступил и укрылся среди своей банды, а Марк в ярости погнался за ним, ворвался в середину вражеских рядов, и латинец вонзил ему копье в бок, когда он мчался вперед, но его конь не остановился, пока Марк не упал с него мертвым на землю. Тогда римляне испугались еще больше, а Тарквиний атаковали еще яростнее, пока Аулус, вождь римлян, не подъехал со своей избранной бандой; и он приказал им направить копья и убить всех, кто был обращен к ним лицом, будь то друзья или враги. Тогда римляне прекратили бегство, и Аулус со своим отборным отрядом напал на тарквинийцев; Аулус молился и клялся, что построит храм Кастору и Поллуксу, героям-близнецам, если они помогут ему выиграть битву; и он пообещал своим воинам, что те двое, которые первыми ворвутся в лагерь врага, получат богатую награду. И вот, впереди его отборного отряда появились два всадника, которые были выше и красивее, чем обычные люди, и были в расцвете юности, а их лошади были белы, как снег. Затем началась ожесточенная битва, когда Октавий, вождь латинян, пришел на помощь, чтобы спасти Тарквинийцев; ибо Тит Герминий, взобравшись на белого коня, подъехал к нему и пронзил его тело копьем, убив его одним ударом; но когда он грабил его оружие, сам был поражен копьем, вынесен из боя и умер. Два всадника на белых конях ехали впереди римлян; враг бежал перед ними, и тарквинийцы были разгромлены и убиты, а Тит Тарквиний был убит среди них; латиняне бежали, а римляне преследовали их до их лагеря, и два всадника на белых конях были первыми, кто ворвался в лагерь. Но когда лагерь был взят, и битва была полностью выиграна, Аулус искал двух всадников, чтобы дать им обещанную награду; но их не нашли ни среди живых, ни среди мертвых, только на твердой черной скале был виден отпечаток копыта лошади, которого никогда не оставляла ни одна земная лошадь; и этот отпечаток был виден в последующие века. И битва закончилась, и солнце зашло.

В Риме уже знали, что армии вступили в сражение, и по мере того, как день подходил к концу, все с нетерпением ждали известий. Солнце село, и вдруг на Форуме появились два всадника, выше и красивее самых высоких и красивых мужчин, они ехали на белых конях и выглядели как люди, только что вернувшиеся с поля битвы, а их лошади были покрыты пеной. Они сошли с лошадей у храма Весты, где из земли бьет родник, наполняющий небольшой глубокий бассейн. Там они смыли с себя следы сражения, и когда люди собрались вокруг них и спросили о новостях, они рассказали им, как шла битва и как они одержали победу. Затем они сели на лошадей, уехали с Форума и больше не появлялись; люди искали их повсюду, но не нашли.

Тогда Аулус и все римляне поняли, что Кастор и Поллукс, герои-близнецы, услышали его молитву, сражались за римлян, победили их врагов, первыми ворвались в лагерь врагов и сами, с нечеловеческой скоростью, донесли весть о победе до Рима. И Аулус построил храм в соответствии со своим обещанием Кастору и Поллуксу и принес богатые жертвы, сказав: «Это награды, которые я обещал тем, кто первым ворвется в лагерь врагов; и близнецы-герои завоевали их, и они, а не смертные люди, выиграли сегодня битву за Рим».

Так погиб дом Тарквиниев в великой битве у озера Региллус, и все сыновья царя Тарквиния, а также его зять Октавий Мамилий были убиты на этом поле битвы. Так царь Тарквиний увидел гибель всей своей семьи и всего своего дома, и он остался один, совершенно без надежды. Тогда он отправился в Кумы, город греков, и там умер. И таким образом, деяния Тарквиния и злой Туллии, а также их сына Секста обрушились на их собственные головы; и римляне жили в мире, и никто больше не угрожал их свободе.^b

Прежде чем оставить тему римской монархии, необходимо критически обсудить мифы о царях, а также оценить их историческую ценность. Для этого мы обратимся к двум самым известным исследователям этого периода, Шлегелю^c и Отто Гилберту.^d

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИФОВ О РИМСКИХ ЦАРЯХ

В противовес Шлегелю^e мы придерживаемся позиции, что, во-первых, традиционная история первобытного Рима не была делом рук греков, а являлась продуктом самобытной римской национальной жизни,^[8] во-вторых, что в своей первоначальной форме она не была результатом какой-либо литературной деятельности; в противовес Нибуру^f мы считаем, что она не является творением народной поэзии, а является результатом сознательного размышления. Мы можем предположить — конечно, гипотетически — что процесс ее создания был следующим.

Подлинная и достоверная традиция основания и ранней истории Рима, по-видимому, вскоре исчезла — если она вообще когда-либо существовала. Иначе и быть не могло. Она не была защищена от уничтожения или искажения письменными записями, не была закреплена в традиционной форме, по крайней мере в песнях, став предметом народной поэзии; поэтому было естественно, что в течение нескольких поколений она ушла в небытие и забвение.

Возможно — даже вероятно — что еще во времена децемвиров римляне не имели достоверной информации о происхождении своего города. Но они не мирились со своим невежеством. Несмотря на отсутствие исторических знаний, они чувствовали острую необходимость утвердить что-то определенное об этом периоде и этих событиях, и на основе смутных воспоминаний и отдельных легенд, которые сохранились, собственных имен, памятников, учреждений и обычаев, они создали надстройку истории, чтобы

восполнить пробелы в традиции. В этом нет ни малейшего намека на сознательное обман или преднамеренную фальсификацию истории; напротив, они искренне верили, что в этих рассказах им удалось угадать реальные факты и таким образом воссоздать первоначальную историю — наивный подход, характерный для создания мифов в целом.

Очевидно, что история, составленная таким искусственным образом, не могла бы начаться как целостное произведение, представленное нам в римских исторических трудах; это целое, в котором легенда о поселении Энея связана с основанием и историей Альбы Лонги, а династия альбанских царей — с основанием Рима, так что история Рима и предшествующий период от высадки Энея до падения младшего Тарквиния связаны непрерывной нитью исторического повествования — это систематизированное целое, естественно, должно было возникнуть в результате процесса соединения и слияния, что, несомненно, было частично результатом литературных усилий и размышлений.

Римский офицер

(по Вечеллио)

Если мы разложим эту историю на составные части и рассмотрим каждую из них отдельно с точки зрения ее происхождения и генетического мотива, то мы увидим, что римские легенды и традиции берут свое начало из очень разных источников и требуют очень разных объяснений.

Прежде всего, мы не можем не признать, что некоторые фундаментальные факты в традиционной истории монархии являются исторически верными и происходят из исторических воспоминаний. Память о самых важных моментах в развитии римской конституции сохранилась, хотя и в весьма запутанном виде, вплоть до эпохи письменных источников. Поэтому мы не можем отказаться от определенной степени доверия к

традициям, касающимся публичного права. Двойное государство, образованное союзом римлян и сабинов, три первоначальных племени, преемственность, из которой они произошли, три сотни всадников, последовательное увеличение числа сенаторов до трехсот, возникновение плебейского сословия,¹⁹ создание низших родов, введение цензуры, падение монархии и установление республики — эти фундаментальные факты ранней конституционной истории, по всей вероятности, являются историческими по сути, даже если обстоятельные детали (особенно оценки численности), которыми они украшены, и отношения причины и следствия, в которые они помещены историком, могут быть результатом изобретательности или интерпретации по мнению потомков. Однако вокруг этого запаса фактов обросла пышная растительность вымысла, гирлянда легенд, происхождение которых мы сейчас и начнем исследовать, чтобы продемонстрировать их зародыш.

Обычно и справедливо проводится различие между легендой и мифом. Легенда — это воспоминание о замечательных событиях, передаваемое из поколения в поколение устной традицией, особенно с помощью народной поэзии, окрашенное чудесным благодаря воображению народа (), более или менее произвольно, хотя и без сознательного намерения. Миф — это полная противоположность. Если легенда имеет ядро исторического факта, просто украшенное и преувеличенное сопровождающей выдумкой, то ядро и генетический мотив мифа, напротив, — это особая идея, а факты истории — лишь средство или материал, используемый поэтом для изложения и впечатления этой идеи.

Если рассматривать раннюю историю Рима с этой точки зрения, то нельзя отрицать, что она содержит как легенды, так и мифы в соответствии с только что данным определением. Вот несколько примеров: героические деяния Горация Коклея, Муция Сцеволы или Клелии можно отнести к легендам; Брут — легендарная фигура; битва на озере Региллус окрашена оттенками легенды, как и завоевательная карьера Кориолана, уничтожение Фабиев и поход Цинцинната на гору Альгидус. С другой стороны, мы имеем пример мифа о зачатии Сервия Туллия покровителем Регины, миф, который выражает идею о том, что в этом царе воплотился самый сокровенный дух римской монархии.

Еще одним чистым мифом, возникшим из символизма природы, является битва Геракла (*то есть* Санкуса, бога неба) с Какусом, изрыгающим огонь и дым. Примером исторического мифа является тот, который связывает разрозненные элементы римского национального характера, в котором военные и политические способности так любопытно смешались с религиозным суеверием, с разрозненными личностями двух первоначальных основателей Рима: один из них был военным правителем, регулировавшим государственные и военные дела, а другой — князем мира, регулировавшим религию и поклонение богам.

Однако большинство римских традиций не подпадают ни под определение легенды, ни под определение чисто теоретического мифа. Большинство этих традиций можно назвать этиологическими мифами, то есть они рассказывают о событиях и действиях, которые были придуманы или разработаны для генетического объяснения какого-либо современного факта, существования или названия церемонии, обычая, культа, учреждения, местности, памятника, святилища и т. д. Этиологический миф — любопытная разновидность собственно мифа. Он является мифом в той мере, в какой описываемые в нем события являются чистым вымыслом, но отличается от подлинного мифа тем, что его отправной точкой и мотивом является не идея или мысленное представление, а некое внешнее происшествие, причину и объяснение которого и призвано показать повествование.

Этиологические мифы являются примитивными и в большинстве своем детскими попытками исторических гипотез. Ранняя история Рима очень богата этиологическими мифами такого рода: поселение Эвандера, присутствие Геракла в Риме, история о Поттициях

и Пинариях, *nautians*, взявших на себя ответственность за спасение Палладиума, свиноматка с тридцатью поросятами (), похищение сабинок, красавица Талассия, басня о Тарпейской скале, основание храма Юпитера Статора, легенды о происхождении имени Лакус Куртиус, чудо Аттуса Навия и другие легенды того же характера могут служить примерами и будут объяснены с этой точки зрения в ходе настоящего исследования. «*» Плутарха* — богатая и поучительная коллекция таких этиологических мифов.

Подразновидностью этиологического мифа является этимологический миф, который берет за отправную точку конкретное собственное имя и пытается объяснить его происхождение на основе фактических данных. Первобытная история Рима также богата мифами этого рода, и множество содержащихся в ней басен было сотворено на основе собственных имен. Таковы басни об Аргосе, хозяине Эвандера; об аргосской колонии в Риме; о рождении Сильвия Постума в лесу; об отношениях между добрым Эвандером и злым Какусом; о вскармливании Ромула; связь младенцев со священным фикусом (*Ficus ruminalis*), мнимое происхождение Фосса Клулия; происхождение Тарквиниев из Тарквинии; обнаружение головы Олуса; рождение Сервия Туллия от рабыни; строительство Таллиана () Таллианумом, царем с таким же именем; слабоумие Брута; сожжение правой руки Сцеволы; завоевание Кориоли Кориоланом и так далее.

Существует еще один вид римских легенд, который следует отличать от этиологических и этимологических мифов: легенды, которые можно охарактеризовать как мифическое воплощение реальных условий и событий и которые, таким образом, занимают промежуточное положение между легендами и мифами. К этому классу относится, например, легенда о Сивилле, которая пришла в Рим во времена младшего Тарквиния и хотела заставить его купить девять книг божественных пророчеств за большую цену, а когда он насмеялся над ней, сожгла три книги на его глазах, а затем еще три, и в конце концов продала три оставшиеся книги царю за ту цену, которую она просила вначале. Нет ни малейшего сомнения, что эта легенда основана на фактах, а именно на том, что сивиллины пророчества, вероятно, были привезены из Кум в Рим при втором Тарквинии, но этот факт облечен в форму поэтической выдумки; это нечто среднее между легендой и мифом. То же самое можно сказать и о количестве римских царей; эти семь царей олицетворяют и символизируют семь основных фактов древней (дореспубличанской) истории Рима, которые сохранились в исторической памяти.

Вообще говоря, особенностью и отличительной чертой римских мифов является то, что они, как правило, не являются чистыми вымыслами, не являются плодом фантазии и, прежде всего, не являются, как большинство рассказов греческой мифологии, мифами, основанными на естественной философии или символизме природы, а являются историческими мифами, в основе которых лежит определенное осмысление реальных условий и событий, либо в качестве генетического мотива, либо в качестве сырья для повествования. Например, фигуры Ромула и Тация сами по себе мифичны; они никогда не существовали в реальности, но приписанное им двойственное господство, тем не менее, имеет в себе нечто от исторической правды; это мифическое выражение реальных исторических условий, двойственного положения объединенных латинян и сабинов. Такая же критика применима к конфликту Тарквиния Приска с авгуром Аттусом Навием; в той форме, в которой он был передан, он вряд ли может быть историческим; история с точильным камнем — явная басня, но тем не менее в ней отражено реальное событие, а именно исторический конфликт между дотарквинийской иерархией и политическими идеями династии Тарквиниев. Таким образом, большинство мифов и легенд первобытной римской истории содержат в себе отложения исторических воспоминаний и взглядов, которые можно восстановить, если проследить каждый миф до общей фундаментальной концепции, составляющей его генетический мотив.

Вряд ли необходимо оправдывать эту точку зрения на раннюю римскую историю и на мифы в целом от таких возражений, которые были выдвинуты недавно, когда оппоненты заявляют, что «легкомысленность» и «тщетная и бесполезная игра воображения», проявляющиеся в таких мифических измышлениях, несовместимы с суровостью нравов и практическим гением древних римских народов. Эти возражения были бы уместны, если бы мифы были произвольными и сознательными изобретениями — если бы они были преднамеренной ложью. Но это настолько не соответствует их характеру, что мы скорее можем сказать, что они являются единственным языком, на котором народ на определенном этапе цивилизации мог выразить свои мысли и идеи. Например, на стадии, которой достиг римский народ, когда был придуман миф, у него не было словарного запаса, который мог бы обеспечить ему четкое и исчерпывающее изложение конфликта между идеями Тарквиния и дотарквинийскими идеями в политическом устройстве; поэтому они прибегли к уловке, символизировав этот конфликт и связанные с ним события и представляя их в одной значимой сцене, сцене, которая, с эмпирической точки зрения, безусловно, не является исторической, но которая, тем не менее, в глубине души исторически верна.

Представим себе любой народ, который на определенном этапе цивилизации ощущает потребность в размышлении о своем первоначальном характере, в формировании ментального образа первобытных условий, о которых у него нет исторических знаний, в обосновании своих политических и религиозных традиций на их первопричинах — как он может удовлетворить эту потребность, кроме как путем изобретения мифов? До тех пор, пока он не достигнет достаточной интеллектуальной зрелости, чтобы выдвигать утверждения, которые на основе своего нынешнего сознания он делает относительно своего происхождения в качестве исторических гипотез, он должен по необходимости выражать эти утверждения в символической форме, то есть на языке мифа.

На предыдущих страницах мы показали различные мотивы и способы возникновения римских легенд и традиций. Легенды, возникшие таким образом, затем были развернуты и связаны между собой рациональным размышлением; и таким образом постепенно возник весь корпус легендарных знаний, который римские историки нашли готовым и зафиксировали в письменной форме. Легенда о Сильвии Постуме, предке Альбанских Сильвиев, может служить примером этого процесса развертывания. Согласно легенде, этот Сильвий был назван так потому, что родился в лесу — очевидно, это этимологический миф. Поэтому, согласно выводу, во время его рождения его мать Лавиния, должно быть, находилась в лесу; следовательно, она, вероятно, бежала туда после смерти своего мужа Энея; вероятно, из-за страха перед своим пасынком Асканием.

Очевидно, что все эти утверждения не основаны на традиции, а являются простыми софизмами. Точно так же легенда о предполагаемом происхождении Рима от смешанной толпы и рассказ о том, что по этой причине послы, которых Ромул послал с предложениями *connubium* (права на смешанные браки) соседним народам, были отвергнуты с презрительными словами, безусловно, основаны лишь на выводах и заключениях, сделанных из (чисто мифической) истории о похищении сабинок. Опять же, деспотическая власть, которую, как говорят, Ромул осуществлял в последние годы своего правления, и телохранители, которыми он себя окружил, кажутся лишь выводами, сделанными из легенды (также мифического происхождения) о том, как его тело было разорвано на куски, чтобы служить объяснением этого загадочного поступка.

Само собой разумеется, что невозможно прояснить каждый отдельный момент традиционной истории, но характер происхождения всего этого достаточно ясно прослеживается из вышеизложенных наблюдений.⁴

Хотя в ходе критического анализа мы находим множество подтверждений общего характера предположению, что имена римских царей соответствуют ряду изначально независимых общин, тем не менее на данном этапе необходимо более точно сформулировать гипотезу, которая имеет огромное значение и последствия для рассмотрения и исследования ранней истории города.

Во-первых, нет никаких сомнений в том, что Тарквинии являются реальными историческими личностями и поэтому должны восприниматься совершенно иначе, чем более древние фигуры, вокруг которых сосредоточены различные генеалогические легенды и чье историческое существование обусловлено исключительно персонификацией. Добавив их имена к более древним именам, понтифики произвольно соединили два совершенно разных элемента, которые в действительности должны были бы оставаться совершенно отдельными. Только более древние фигуры — Ромул, Тит Таций, Тулл Гостилий, Анк Марций и Сервий Туллий — являются персонификациями, и только в отношении них верно утверждение, что они являются представителями различных и отличных друг от друга общин и различных элементов национальности. Здесь, как и везде, легенда и история встречаются и смешиваются, объединяя в единую линию персонификации и подлинные исторические фигуры, которые изначально были родственными, но не эквивалентными идеями.

Что касается фактических имен царей, то, как мы сейчас увидим в отдельных случаях, они являются либо настоящими именами олицетворенных общин, либо названиями, взятыми из особых условий, которые характеризовали такие общины; они всегда дают некоторую содержательную подсказку о природе олицетворенного народа. Легко понять, как эти имена в конечном итоге стали именами царей: «царь» был представителем общины перед богами и людьми, и нация, если ее олицетворять, естественно, представала в статусе и достоинстве своего законного представителя. Соответственно, в нескольких римских царях мы должны признать представление нескольких общин под царским правлением, которые составляли Рим, изложенное в образе отдельных правящих монархов.

Несмотря на то, что мы должны твердо придерживаться сути исторической правды, лежащей в основе этих царских фигур, мы не должны игнорировать возможность того, что они были в значительной степени замаскированы, перекрыты и искажены множеством посторонних, мифических и вымышленных деталей.

Первое, о чем мы должны помнить, это то, что каждая легенда народа, расы или общины тесно связана с религией этого народа или расы. Другими словами, легенды о героях-предках, эпонимах, со временем смешиваются с мифами о племенных божествах, последние приписываются (по крайней мере, частично) героям первых, а остатки реальных исторических фактов в легендах становятся все более искаженными и запутанными. Это верно и в случае с римскими царями. Поэтому, рассматривая их, эти мифические элементы необходимо отбросить и не принимать во внимание.

Далее мы сталкиваемся с единодушной тенденцией представлять царей, *то есть* общины, олицетворяемые ими, как римлян с самого начала. Эта тенденция понятна: название «римлянин» первоначально произошло от одного сообщества, но со временем стало почетным титулом, общим для всех, описательным когноменом всех граждан объединенного города, и каждый человек желал выставить себя римлянином старинного рода, хорошим гражданином римского содружества. Однако это прямо противоречило истории. Большинство этих царей, *то есть* этих общин, на самом деле были изначально чужаками или даже врагами, судьба города часто решалась в результате смертельных

вражды и кровавых сражений, и если бы было сочтено желательным настаивать на этих фактах, древняя история города имела бы совсем другой вид, чем тот, с которым мы знакомы. Но в таком случае на большинство элементов, из которых она сформировалась, был бы брошен очень сомнительный свет; поэтому, естественно, были предприняты общие усилия, чтобы стереть следы древних конфликтов. Воспоминания об этих древних борьбах были намеренно запутаны или стерты вымышленными добавками, изменены традицией или вовсе отвергнуты.

В единственной или почти единственной известной нам версии, изображение древнейшей истории Рима, как монархии, так и ранних дней республики, нарисованное более поздними авторами, не дает никаких намеков, или, по крайней мере, только самые отдаленные, на кризисы, которые город и государство, должно быть, пережили, прежде чем принять форму, в которой они стали основой общей жизни и деятельности для всех элементов сообщества. Позиция, занятая этим ложным патриотизмом, в основном ответственна за фальсификацию ранней истории, особенно записей, связанных с именами царей.

Еще одна сила, которую мы должны принять во внимание как оказывающую сомнительное влияние на форму, в которую была отлита первобытная история города, — это необычная любовь к комбинациям (), которая отличала римских жрецов и антикваров. Истинный и первоначальный смысл древних традиций, институтов и устаревших терминов в гражданском и церковном праве со временем утратился, но при этом существовало общее стремление к просвещению и правильному пониманию этих вещей. В результате священническая мудрость, которая редко поднималась выше уровня школьника, сочеталась с абсолютной свободой, даже с удивительной смелостью произвольного толкования, и пыталась таким образом сделать древние и исчезнувшие легенды, учреждения и идеи ясными и понятными. С их ограниченной точки зрения, самые поверхностные сходства, самые тривиальные связи, естественно, пользовались наибольшим предпочтением при толковании этих традиций, идей и учреждений. Прежде всего, в этой связи мы должны подчеркнуть невероятную страсть этих толкователей к этимологии. Самого отдаленного сходства слов или фраз было достаточно, чтобы связать в их умах лежащие в основе идеи и заставить их выводить одно из другого. Эти комбинации и интерпретации переданы нам антикварами, которые либо придумали их сами, либо позаимствовали их в качестве авторитетных объяснений и определений из священнических кругов или сочинений понтификов, авгуров и т. д. В каждом отдельном случае требуется острая критическая проницательность, чтобы отделить эти выдуманные комбинации и выводы от подлинного наследия более древних традиций.

Наконец, мы должны упомянуть, как последнюю силу, которая способствовала искажению первоначальной истории Рима, безграничную тщеславность более поздних времен. Римляне страдали — это выражение допустимо — от огромных размеров своего государства и города в последующий период. Теоретически они все еще могли убеждать себя и верить, что Рим когда-то был маленьким, но осознание этого факта в практических деталях было для них недостижимым (). Таким образом, в представлении о городе, бытовавшем в более поздние времена, он предстает как мегаполис со времени своего основания; крестьянские распри превращаются в могущественные войны, умело веденные между сильными государствами и городами, а детали и краски добавляются наблюдениями и техническими знаниями более позднего времени. Прежде чем пытаться объяснить условия римской монархии, мы должны всегда уменьшать их масштаб, в котором они представлены нам на этой картине, до

масштаба, который действительно соответствует их первоначальным пропорциям. Постепенный подъем города, его зарождение и рост шаг за шагом из федеративного союза деревень и поселений, сначала необходимо искать и изучать в таких случаях, которые остались свободными от влияния священнического манипулирования и тщеславия.^d

СНОСКИ

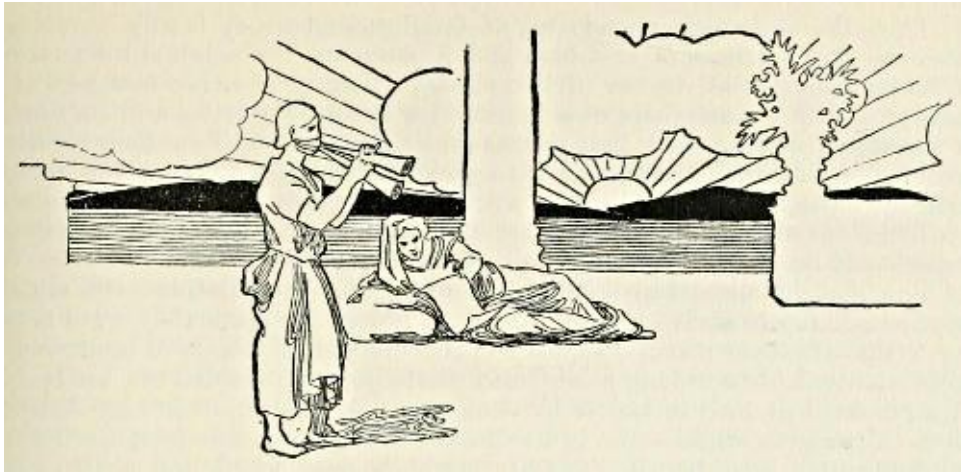
[8] [В своем стремлении утверждать, что римские легенды имеют происхождение, отличное от греческого, Шwegler преувеличивает позицию своего оппонента. В своей лекции «Влияние греков на римлян» Шлегель неоднократно признает, что задолженность Рима Греции в легендарном материале не означает полного отсутствия оригинального римского материала].

[9] [Однако мифы или традиции представляют плебейский класс как существовавший с самого начала города, хотя большинство современных авторов предполагают, что плебеи появились позже как класс иностранцев или порабощенных рабов.]

Костюм этрусской женщины из высшего сословия

(По мотивам Расине)

ГЛАВА V. ЦИВИЛИЗАЦИЯ МИРОВОГО ПЕРИОДА

ОРГАНИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВА

[около 753-510 гг. до н.э.]

Население или граждане Рима были разделены на три племени: рамны, титы и лукеры (^[10]), независимо от того, к каким расам мы их относим, или в какое время и при каких обстоятельствах они объединились. Каждое из этих племен делилось на десять меньших групп, называемых куриями, так что весь народ состоял из тридцати курий: эти же подразделения в войне представляли тридцать центурий, составлявших легион, так же как три племени представляли три центурии всадников; но то, что солдаты каждой центурии составляли ровно сто человек, по-видимому, является необоснованным заключением.

Мы сказали, что каждое племя было разделено на десять курий; было бы более правильным сказать, что союз десяти курий составлял племя. Ведь государство выросло из соединения определенных исходных элементов; и этими элементами были не племена и даже не курии, а генты^[11], или дома, которые составляли курии. Первым элементом всей системы был род или дом, союз нескольких семей, которые были связаны между собой совместным выполнением определенных религиозных обрядов. На самом деле, там, где система домов существовала в пределах исторической памяти, несколько семей, составлявших дом, не обязательно были связаны друг с другом; они не были на самом деле более или менее дальними родственниками, все происходившими от общего предка. Но нет никаких оснований сомневаться в том, что в первоначальной концепции дома связью между несколькими семьями действительно было родство по крови: такова, вероятно, была самая ранняя признанная связь; хотя впоследствии, поскольку имена имеют свойство переживать свои значения, искусственная связь, возможно, сменила естественную; и дом, состоящий из нескольких семей (), вместо того, чтобы состоять из семей, связанных реальными родственными узами, иногда составлялся из семей незнакомых людей в надежде, что закон, обычаи и религия вместе могут соперничать с силой природы.

Таким образом, государство состояло из семей, а каждая семья с самых ранних времен состояла из членов и иждивенцев, поэтому первоначальные жители Рима принадлежали к одному из двух классов: они были либо членами семьи, и, если да, то членами дома, курии, племени и, наконец, государства; либо они были иждивенцами семьи; и, если да, то их

отношения не выходили за пределы непосредственного объединения семей, то есть дома: с курией, племенем и государством они не имели никакой связи.

Эти члены семей были первоначальными гражданами Рима; эти зависимые от семей были первоначальными клиентами.

Идея клиентуры заключается в полностью частных отношениях; клиенты были чем-то для своих соответствующих покровителей, но для государства они были ничем. Но везде, где государства, составленные таким образом из совокупности домов с их клиентами, существовали в течение длительного времени, среди них или рядом с ними, в большинстве случаев в результате завоеваний, возникало население совершенно иного рода. В эту землю могли приезжать жить чужестранцы, или, что было более распространено, жители соседнего района могли быть завоеваны и объединены со своими завоевателями как подданные. Это население не имело связи с отдельными домами, а только с государством, состоящим из этих домов: это были исключительно политические, а не домашние отношения; они объединяли личную и частную свободу с политическим подчинением. Это низшее население владело собственностью, регулировало свои муниципальные и домашние дела и, как свободные люди, сражалось в армиях того, что теперь было их общей страной. Но, строго говоря, они не были его гражданами; они не могли вступать в браки с членами родов; они не могли принадлежать государству, поскольку не принадлежали ни одному роду, а значит, ни одной курии и ни одному племени; следовательно, они не имели доли в управлении государством и в государственной собственности. Все, что принадлежало государству в его совокупном качестве, не имело к ним никакого отношения, поскольку они были лишь его соседями, а не его членами.

Такое низшее население, личное свободное, но политически подчиненное, не рабы, но и не граждане, было первоначальной плебейской общиной, простолюдинами Рима.^[12]

Большинство римского простого народа составляли завоеванные латиняне. Помимо того, что им была предоставлена часть их прежних земель, которые они могли владеть как римские граждане, тем из них, кто переселился в Рим, было также выделено холмистое место Авентин в качестве места жительства. Авентин находился за стенами, хотя и был так близок к ним: таким образом, простолюдины даже по характеру своего проживания были похожи на Pfahlbürger средневековья — людей, которым не разрешалось жить в городе, но которые пользовались его защитой от внешних врагов.

Сразу же становится понятно, что все, что говорится о народе в эти ранние времена, относится только к полноправным гражданам, то есть к членам родов. Народное собрание было собранием курий, то есть большим советом членов родов, в то время как сенат, состоявший из двухсот сенаторов, выбранных в равном количестве из двух высших племен рамнов и титов, был их меньшим или обычным советом.

Внутри стен каждый гражданин имел право обжаловать решение короля или его судей в суде своих сверстников, то есть в большом совете курий. Король имел свои владения и в случае войны получал свою долю завоеванных земель, а также добычу в виде движимого имущества.

СТАТУС МОНАРХИИ

О господстве и величии монархии свидетельствуют два весомых фактора: великие сооружения, построенные в этот период и сохранившиеся до наших дней, а также знаменитый договор с Карфагеном, заключенный при первых консулах республики и

сохранившийся до наших дней благодаря Полибию.⁴ При последних царях город Рим достиг тех границ, которые он сохранял на протяжении всего периода республики и в самые процветающие времена империи. Так называемые стены Сервия Туллия продолжали быть стенами Рима в течение почти восьмисот лет, вплоть до императора Аврелиана. Они окружали все те известные Семь холмов, чья слава так полностью затмила Семь холмов, уже описанных в отношении более маленького и более древнего города.

Линия насыпи или вала все еще отчетливо прослеживается, и ход и протяженность стен можно достаточно точно определить, но от самого сооружения осталось очень мало. Однако каменная кладка, с помощью которой был укреплен берег Тибра, работа, приписываемая старшему Тарквинию и напоминающая работы вавилонских царей вдоль берегов Евфрата, все еще видна. Так же как и массивные фундаменты Капитолийского храма, которые были построены для того, чтобы сформировать ровную поверхность для здания, стоящего на одной из двух вершин Капитолийского холма. Прежде всего, до сих пор можно увидеть достаточно много от великой клоаки или канализации, чтобы убедиться, что оставленные нам описания не преувеличены. Фундамент этого сооружения был заложен на глубине около сорока футов под землей, его ответвления пролегли под большей частью города и в конце концов сходились в один большой ствол, который уходил в Тибр точно к западу от Палатинского холма. Таким образом, он отводил воды с низменных участков по обе стороны Палатина, с Велабра, между Палатином и Авентином, и с места Форума между Палатином и Капитолием. Камень, использованный в клоаке, сам по себе является признаком большой древности сооружения; это не пеперино из Габиев и Альбанских холмов, который был обычным строительным камнем во времена республики; и тем более не травертин, или известняк из окрестностей Тибура, материал, использовавшийся в великих сооружениях ранних императоров; это камень, найденный в самом Риме, масса вулканических материалов, грубо сцементированных между собой, который впоследствии был вытеснен более качественным пеперино. Такое сооружение, как клоака, свидетельствует о величии силы, которая его создала, а также о характере его правительства. Оно было построено с помощью подневольного труда, как и великие сооружения Египта; и долгое время ходили слухи о страданиях и унижениях, которые оно принесло народу во время его строительства. Но эта подневольная работа для создания таких огромных сооружений свидетельствует о сильном и деспотическом правительстве, которое распоряжалось всеми ресурсами народа; и такое правительство вряд ли могло бы существовать, если бы не было основано на значительной степени господства.

То, что, по-видимому, подразумевает клоака, мы находим в явном виде в договоре с Карфагеном. Поскольку этот договор был заключен в самый первый год существования республики, то положение дел, к которому он относится, явно должно быть положением дел последнего периода монархии. По-видимому, в это время все побережье Лация подчинялось римскому господству: Ардея, Антиум, Чиркеи и Таррацина прямо упоминаются как подчиненные союзники (ὑπὸ ἰσχύϊ) Рима. Из них, согласно общепринятой версии, Чиркеи были римской колонией, основанной последним Тарквинием; однако мы читаем о них не меньше, чем о других, как о независимых, заключавших мир или воюющих с Римом в период республики и вплоть до гораздо более позднего периода. Теперь трудно представить, что римляне могли бы таким образом владеть всем побережьем Лация, не имея соответствующего господства во внутренних районах; и мы вполне можем полагать, что в это время Рим был признанным главой латинских городов и осуществлял над ними власть, больше напоминавшую суверенитет Афин над своими союзниками, чем умеренное господство Лакедемона. На правом берегу Тибра римляне, по-видимому, не владели ничем на побережье; но рассказы о завоеваниях этрусков, которые мы находим в общих повествованиях Сервия Туллия, настолько подтверждаются более достоверными

свидетельствами, что можно с большой вероятностью предположить, что в направлении Вейи римское господство простиралось за пределы Тибра и что территория, завоеванная у этрусков, составляла весьма значительную часть всей территории Рима. Хорошо известно, что число местных племен, основанных поздними царями, составляло тридцать, тогда как через несколько лет после начала республики мы видим, что их число сократилось до двадцати. Теперь, поскольку даже в общепринятом описании войны с Порсенной говорится, что римляне уступили вейцанам часть территории, ранее завоеванной у них, становится весьма вероятным предположение, что этруски вскоре после изгнания царей вернули себе всю землю, которую цари отняли у них, и что эта территория была настолько значительной, что ее потеря сократила фактическую территорию римского народа на треть по сравнению с тем, что было раньше.

Таким образом, можно считать достоверным, что Рим при своих последних царях был резиденцией великой монархии, простиравшейся с одной стороны на всю Лацию, а с другой — владевшей значительной территорией в Этрурии. Но как было завоевано это господство, бесполезно выяснять. Есть свидетельства, которые представляют всех трех последних царей Рима, Сервия Туллия не меньше, чем двух Тарквиниев, как этрусского происхождения. Не пытаясь выяснить их историю как личностей, можно предположить, что поздние цари были либо по рождению, либо по длительным связям тесно связаны с Этрурией, поскольку в какой-то ранний период римской истории религия и обычаи этрусков оказали глубокое и длительное влияние на римские; и все же это не могло быть в самом начале истории римского народа, поскольку этрусский язык не оставил следов в латыни; тогда как если бы римляне были частично этрусского происхождения, их язык, не менее чем их институты, содержал бы некоторые этрусские элементы.

Влияние этрусков, как бы оно ни было введено, произвело некоторые длительные и другие, лишь временные, последствия; оно повлияло на религию Рима вплоть до окончательного исчезновения язычества; и государственное положение римских магистратов, их ликторы, их слоновые кресла и их триумфальные одежды, как говорят, все происходили из Этрурии. Временное влияние этрусков, возможно, прослеживается в переизбытке свободной конституции, приписываемой Сервию Туллию, в ухудшении положения римского простого народа при последнем царе и в попытках патрициев удержать его в таком ухудшенном положении на протяжении всего первого периода республики. Хорошо известно, что правительство в городах Этрурии было исключительно аристократическим, и что простолюдины, если в таком жалком положении их можно называть этим почетным именем, были похожи на массы народа среди славянских народов, простыми крепостными или рабами знати. Это явное отличие между этрусками и сабинскими и латинскими народами Италии; и, как в конституции Сервия Туллия прослеживается латинский дух, так и тирания, которая, будь то в форме монархии или аристократии, приостановила действие этой конституции на почти два столетия, безусловно, привела к тому, что Рим стал походить на города Этрурии, и, возможно, ее истоки можно проследить () до той же революции, которая изгнала сабинских богов с Капитолия и навсегда изменила простую религию младенчества Рима.

РЕЛИГИЯ

Примечательно, что в конце VI века в Риме религиозные книги Нумы были случайно обнаружены при раскопках его гробницы под Яникулом. Их прочитал А. Петилий, претор городской, и приказал сжечь в комиции, поскольку их содержание могло подрывать религиозные обряды, соблюдавшиеся в то время в Риме. Мы не можем не связать эту историю с тем, что рассказывается о Тарквинии Старшем, о том, как он очистил

Капитолийский холм от святых мест сабинских богов, чтобы освободить место для своего нового храма; а также с утверждением, которое Августин цитирует из Варрона и которое также встречается у Плутарха, что в течение первых ста семидесяти лет после основания города у римлян не было изображений своих богов.

Все эти рассказы отражают изменения, произошедшие в римской религии, а срок в сто семьдесят лет, указанный Варроном и Плутархом, относит эти изменения к правлению поздних царей. Говорят также, что Юпитер, Юнона и Минерва, три божества, которым был посвящен Капитолийский храм, были теми самыми силами, поклонение которым, согласно этрусской религии, было необходимо для каждого города; не могло быть города без трех должным образом освященных ворот и трех храмов, посвященных этим божествам. Но и здесь мы снова видим проблеск чего-то реального, но не можем разобрать его отчетливо.

Образы богов относятся скорее к религии греков, чем этрусков; и греческая мифология, как и греческое искусство, были знакомы южным этрусским городам с самого раннего периода, будь то от тирренцев или заимствованные непосредственно из Эллады или эллинских колоний. Греческие божества и греческие обряды, возможно, были введены частично наряду с чисто этрусскими. Но наука гадания по внутренностям, и особенно внимание к знамениям на небе, к громам и молниям, по-видимому, проводились в соответствии с этрусским ритуалом; возможно, из того же источника произошло и верование в наказание нечестивых после смерти, которому Полибий приписывает столь сильное моральное влияние на умы римлян даже в его собственное время. И этрусские обряды и постановления, должно быть, были широко распространены в римском государстве, когда, как утверждали некоторые писатели, римская знать обычно обучалась этрусскому языку, а сенат специальным декретом предусматривал постоянное изучение этрусской дисциплины молодыми людьми из высшей знати Этрурии; чтобы наука, столь важная для республики, не была испорчена, попав в руки низких и корыстных людей.

КОНСТИТУЦИЯ

Ничто не является более знакомым для наших ушей, чем названия классов и центурий Сервия Туллия; ничто не является более сложным, даже после бессмертного труда Нибура,^с чем ответить на все вопросы, которые естественно возникают в связи с этой частью римской истории. Но прежде всего, рассматривая изменения, произошедшие в римской конституции в поздний период монархии, мы обнаруживаем еще одно тройное деление. Во-первых, мы имеем расширение старой конституции на тех же принципах, с увеличением числа сенаторов и центурий всадников, что обычно приписывается Тарквинию Приску. Во-вторых, мы имеем установление новой конституции на других принципах, в виде знаменитых классов и центурий Сервия Туллия. И, в-третьих, мы имеем, говоря в общем, свержение этой новой конституции и возвращение к прежнему состоянию вещей, измененному значительным увеличением власти царя, в результате революции, осуществленной Тарквинием Гордым, и его последующего деспотизма.

Старая конституция была расширена на тех же принципах, с увеличением числа сенаторов и центурий рыцарей. Уже было показано, что старая конституция была олигархией в том, что касалось клиентов и простолюдинов; не менее верно, что она была демократической в том, что касалось отношений между гражданами или членами домов. Обе эти черты, с небольшими изменениями, были сохранены в изменениях, внесенных Тарквинием Приском. Говорят, что он удвоил фактическое число сенаторов, или, вернее, патрицианских родов, что повлекло за собой соответствующее увеличение числа сенаторов; но роды, таким образом возвышенные, если использовать современный термин, отличались от старых титулом «меньших родов», и их сенаторы голосовали только после сенаторов из больших родов.

ВЕСТАЛКА

Согласно той же системе, царь предложил удвоить число племен, то есть разделить свои вновь созданные дома на три племена, которые должны были стоять рядом с тремя племенами старых домов: рамнами, титиями и луцерами. Поскольку военные подразделения старых республик соответствовали гражданским подразделениям, племена республики были сотнями армии; и если добавлялись три новых племена, это означало также добавление трех новых сотен рыцарей или всадников; и именно в этой форме предлагаемое изменение представлено в общих историях. Но здесь говорится, что интерес старых граждан, принявший форму религиозного возражения, был достаточно силен, чтобы заставить короля изменить свой проект. Новые племена не были созданы, и, следовательно, не было создано новых центурий; но новые дома были зачислены в три старых центурии, чтобы сформировать второе подразделение в каждой из них и таким образом оставаться ниже по достоинству старых домов во всех отношениях республики. Можно справедливо предположить, что эти вторые центурии в армии были также вторыми племенами и вторыми куриями в гражданских подразделениях государства; и что члены новых родов голосовали после членов старых не меньше в большом совете, комициях курий, чем в меньшем совете сената.

Причины, которые привели к такому расширению старой конституции, можно легко понять. Независимо от того, был ли Тарквиний латинянином или этруском, все истории сходятся в том, что он был иностранцем, который завоевал трон благодаря своему богатству и личной репутации (). Сам рост римского государства, по естественному ходу вещей, привел бы к появлению новых семей, которые разбогатели и были благородного происхождения в своей прежней стране, но были исключены из курий, то есть из прав гражданства в Риме; настало время открыть им двери республики; и иностранный царь, стремящийся укрепить свое царство, пусть даже ради собственного величия, вряд ли мог отказаться от такой возможности или отложить ее. Помимо этого, мы погружаемся в бесконечные споры и трудности; кто были Луцеры и почему Тарквиний поднял их на один уровень со старыми племенами, мы никогда не сможем определить.

То, что раньше было только четыре весталки, а Тарквиний сделал их шесть, безусловно, указывает на то, что до сих пор одна треть государства была ниже двух других третей, по крайней мере в вопросах религии; ведь всегда признавалось, что шесть весталок представляли три племени: рамнов, титов и лукеров, по две от каждого племени. Но в дополнениях, внесенных в сенат и центурии, новые граждане, должно быть, составляли более трети старых; и действительно, здесь история предполагает, что, по крайней мере, в военных вопросах Лукерены уже были на равных с Рамнами и Титиями. Поэтому достаточно сказать, что в Риме возникло столь большое количество выдающихся семей, независимо от их происхождения или причин, что расширение прав гражданства стало естественным и почти необходимым: но поскольку они все еще составляли лишь небольшую часть всего населения, изменение не пошло дальше их принятия в аристократию, оставив характер и привилегии самой аристократии по отношению к массам населения точно такими же, какими они были раньше.

Но вскоре после этого произошло гораздо более значительное изменение: было принято новое устройство государства, основанное на совершенно иных принципах. Это устройство, несомненно, является историческим, какими бы неопределенными ни были сведения о его предполагаемом авторе. «Добрый царь Сервий и его справедливые законы» были предметом такой же искренней ностальгии среди римского простого народа, страдавшего от тирании аристократии, как законы доброго короля Эдуарда Исповедника среди англичан после нормандского завоевания; и воображение, возможно, преувеличивало заслуги одного не меньше, чем другого: тем не менее, конституция Сервия была великим делом и вполне заслуживает того, чтобы ее изучили и объяснили. Сервий, как и Тарквиний, изображается как иностранец, и, как и он, считается, что он взшел на престол, исключив сыновей покойного короля. Согласно рассказу, которому следовал Ливий⁴, он был признан сенатом, но не народом; и это, что казалось противоречивым до тех пор, пока народ, *populus*, и простолюдины, *plebs*, были смешаны вместе, само по себе является последовательным и вероятным, если понимать, что народ, который не хотел признавать Сервия, представлял собой дома, собравшиеся в своем великом совете курий, и что они, вероятно, были гораздо менее управляемы королем, которого они не любили, чем меньший совет их представителей, собравшийся в сенате. Теперь, предположим, что король, кем бы он ни был, был нежелателен для того, что тогда было народом, то есть для единственной группы людей, которые пользовались гражданскими правами, ему было абсолютно необходимо, если он не хотел сохранять свою власть как простой тиран с помощью наемной иностранной стражи, создать новый и иной народ из большой массы жителей Рима, которые не имели политического статуса, но были свободны и во многих случаях богаты и благородного происхождения; которые, следовательно, хотя и не имели прав, были во всех отношениях хорошо подготовлены к их получению.

Принцип аристократии заключается в равенстве внутри ее собственного сообщества и господстве над всем остальным сообществом. Противоположностью этому является система, которая, отвергая эти крайности равенства и неравенства, не подчиняет одну часть сообщества другой, а дает часть власти всем; однако не равную часть, а часть, градуированную в соответствии с определенным стандартом, которым обычно является собственность. Соответственно, эта система должна как устранять различия, так и создавать их; устранять, как это обычно и происходило, различия по рождению и создавать различия по имуществу. Так, в Риме в первую очередь племена или подразделения народа приняли иную форму.

Старые три племени Рамнес, Титис и Луцерс были подразделениями по происхождению, реальному или предполагаемому; каждое из них состояло из домов курий, и никто не мог принадлежать к племени, не принадлежа сначала к курии и дому; ни один чужеземец не мог стать членом дома, кроме как через обряд усыновления, посредством которого он становился одним из представителей той же расы и, следовательно, законным поклонником тех же богов. Каждое из этих племен имело свою часть Агер Романус, старой территории Рима. Но теперь, поскольку со временем многие другие стали римлянами, не принадлежа ни одному из этих трех племен, то есть пришли жить под властью римских царей, многие в самом Риме, и получили от царей земли за пределами старого Агер Романус, было произведено новое деление, включающее всех этих людей; и весь город и территория Рима, за исключением Капитолия, были разделены на тридцать племен, четыре для города и двадцать шесть для сельской местности, включая всех римлян, которые не были членами домов, и классифицируя их в соответствии с местным расположением их собственности. Эти тридцать племен соответствовали тридцати куриям родов; ибо роды собирались не в тройном делении, согласно своим племенам, а делились на тридцать, согласно своим куриям: и простой народ должен был собираться и решать все свои дела на собрании своих племен, как роды собирались и решали свои дела на собрании своих курий.

Таким образом, существовали два органа, аналогичные Палате лордов и Палате общин древней конституции Англии, два сословия, отличные друг от друга и независимые друг от друга, но пока не имевшие средств для преобразования их в генеральные штаты или парламент. Они также не могли действовать совместно как законодательный орган для всей нации, поскольку курии по-прежнему считали себя исключительным представителем римского народа и не позволяли простолюдинам как таковым претендовать на участие в высших актах национального суверенитета.^[13] Однако была одна область, в которой народ и простолюдины чувствовали, что они принадлежат к одной общей стране, в которой они привыкли действовать совместно и в которой, следовательно, было возможно объединить их в один большой орган. Это было тогда, когда они выходили на войну; тогда, даже если они не были равными гражданами Рима, они чувствовали, что они одинаковые римляне.

Всегда было так, что различия мира исчезают среди опасностей войны; оружие, мужество и братство в опасности придают силу и достоинство. Так, мы слышим о том, что армии, возвращаясь домой с войны, останавливались перед входом в городские стены, чтобы в своем военном качестве рассмотреть все правонарушения или случаи неправомерного поведения, которые имели место с момента их выхода на поле боя; тогда как после входа в стены гражданские отношения возобновлялись, и все судебные разбирательства проводились в соответствии с другими формами и перед другими судьями. Это объясняет своеобразное устройство комиций центурий, которое было средством объединения народа и простого народа в национальное и суверенное собрание в их качестве солдат, не шокируя тех предрассудков, которые до сих пор ставили между ними барьер, как только они возвращались к мирным отношениям.

ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ

Но для того, чтобы сделать это эффективно и обеспечить в этом великом собрании превосходство простого народа, стало необходимым изменение военной организации и тактики армии. Во всех аристократиях на ранней стадии развития общества правящий порядок или класс сражался верхом на лошадях или в колесницах, а их подданные или зависимые сражались пешком. В этих условиях культивировалась кавалерийская служба, а пехотная пренебрегалась; верховой дворянин был хорошо вооружен и тщательно обучен военному делу, в то время как его пешие последователи были плохо вооружены и плохо

дисциплинированы и совершенно неспособны действовать с равной эффективностью. Первым большим шагом к повышению значимости пехоты, или, другими словами, простого народа государства, было обучение ее сопротивляться кавалерии, формирование ее в плотные массы вместо тонкой протяженной линии, вооружение ее пиками вместо мечей или копьев. Таким образом, боевой порядок фаланги был одним из первых усовершенствований в военном искусстве; и в то время, о котором мы сейчас говорим, этот порядок был широко распространен в Греции и, должно быть, был хорошо известен, хотя бы через греческие колонии, также и в Италии. Его внедрение в римскую армию, несомненно, сделало бы пехоту отныне более важной, чем кавалерия; то есть оно позволило бы простому народу утвердить в Риме больше прав, чем могли претендовать аристократические семьи, поскольку он мог оказать более ценные услуги. Кроме того, боевой порядок фаланги предоставлял готовое средство для придания важности большому числу менее состоятельных простолюдинов, которые не могли обеспечить себя полным доспехом; с другой стороны, он предполагал естественное различие между ними и их более богатыми соотечественниками и тем самым устанавливал собственность в качестве стандарта политической власти, единственного, который вначале может эффективно конкурировать с более аристократическим стандартом происхождения; хотя на более позднем этапе развития общества оно само становится аристократическим, если не сбалансировано смесью третьего критерия — образования и интеллекта. В глубокой фаланге передние ряды должны были быть полностью вооружены, но те, кто находился в тылу, не могли ни достичь врага, ни быть достигнутыми им, и служили только для придания веса атаке всего отряда. Помня об этих моментах, мы можем теперь перейти к деталям великих комиций Сервия.

Традиционный реформатор Сервий Туллий обнаружил, что рыцари Рима были разделены на три центурии всадников, каждая из которых, в результате присоединения к ее рядам последнего короля, содержала в себе две центурии, первую и вторую. Старые граждане, стремящиеся во всем сохранить старую форму государства, не позволили шести центуриям быть признанными как таковые по названию, но нынешнее изменение коснулось как названия, так и реальности, и три двойных центурии Рамнов, Титов и Луцеров стали теперь шестью голосами (*sex suffragia*) нового объединенного собрания. К ним, которые включали всех членов домов, теперь добавились двенадцать новых центурий рыцарей (114), сформированных, как обычно в греческих государствах, из самых богатых членов общины (), которые, как и центурии ниже них, продолжали принадлежать к тридцати племенам простого народа.

Классы пехотинцев

Оставалось организовать пехоту государства. Соответственно, все представители простого народа, чье имущество было достаточным, чтобы дать им право служить даже в самых задних рядах фаланги, были разделены на четыре класса. В первый класс входили все, чье имущество составляло сто пятьдесят тысяч фунтов веса меди. Солдаты этого класса должны были самостоятельно обеспечить себя полным комплектом оружия, используемого в передних рядах фаланги: поножами, кольчугой, шлемом и круглым щитом, все из латуни; мечом и особым оружием тяжеловооруженной пехоты — длинной пикой. Поскольку они несли на себе всю тяжесть каждой битвы и были цветком солдат государства, их вес в большом военном собрании должен был быть пропорциональным; они составляли восемьдесят центурий: сорок из молодых людей в возрасте от пятнадцати до сорока пяти лет и сорок из старейшин в возрасте от сорока пяти до шестидесяти лет: первые служили на поле боя, вторые защищали город. Во второй класс входили те, чье имущество составляло менее 100 000 фунтов меди и превышало или составляло 75 000 фунтов. Они составляли

двадцать центурий, десять из молодых мужчин и десять из пожилых; им было позволено обходиться без кольчуги и носить большой прямоугольный деревянный щит, называемый *scutum*, вместо круглого медного щита, *clipeus*, первых рядов фаланги. Третий класс включал в себя такое же количество центурий, поровну разделенных между молодыми и пожилыми людьми; его квалификационным требованием было имущество стоимостью от 50 000 до 75 000 фунтов меди; солдатам этого класса разрешалось не носить как кольчуги, так и поножи. Четвертый класс снова состоял из двадцати центурий; минимальный уровень квалификации составлял 25 000 фунтов меди, и его солдаты не были обязаны иметь защитную броню, а шли в бой только с пикой и копьем. Эти четыре класса составляли фалангу; но пятый класс, разделенный на тридцать центурий и состоящий из тех, чье имущество составляло от 25 000 до 12 500 фунтов меди, формировал регулярную легко вооруженную пехоту армии и должен был снабжать себя дротиками и пращами.^[15]

Самые бедные граждане, чье имущество составляло менее 12 500 фунтов, считались в некотором роде сверхштатными в этом подразделении. Те, у кого было более 1500 фунтов меди, по-прежнему считались налогоплательщиками (*assidui*) и были разделены на две центурии, называемые *assensī* и *velatī*. Они следовали за армией, но не носили оружия, а были обязаны только заступать на место павших и в то же время выполнять обязанности ординарцев центурионов и декурионов. Ниже них стоял один центурий пролетариев, чье имущество составляло от 1500 до 375 фунтов. Они не платили налогов и в обычное время не несли военной службы (), но в случае чрезвычайных обстоятельств правительство снабжало их оружием, и они призывались в качестве чрезвычайного набора. Еще одна центурия включала всех, чье имущество составляло менее 375 фунтов, и которых называли *capite censi*; от последних, как нам известно, до позднего периода республики никогда не требовали военной службы.

Остается описать три центурии, отличавшиеся от всех остальных, центурии, определявшиеся не размером имущества, а характером занятий: центурии плотников и кузнецов (*fabrorum*); рожников (*cornicines*); и трубачей (*tubicines*) или, как их называет Цицерон, (*liticines*). Первые из них были приписаны к сотням первого класса, а два других — к четвертому. Характер их занятий настолько связывал их со службой в армии, что им было предоставлено это особое отличие.^[16]

Положение, занимаемое клиентами патрициев в комициях, остается весьма неясным. Мы знаем, что они имели право голоса и, вероятно, были зачислены в классы в соответствии с размером их имущества, без учета его характера: в то же время Нибур () считает, что они не служили в регулярной пехоте вместе с плебеями. Из истории о трехстах Фабиях и из рассказов о приключениях Гая Марция можно заключить, что клиенты следовали за своими господами на поле боя по их приказу и составляли своего рода феодальные войска, совершенно отличные от национальной армии простолудинов, подобно слугам дворян в средние века, отличавшимся от свободных горожан.

Таково переданное нам описание устройства комиций центурий. Поскольку вся их организация была военной, они привыкли собираться за пределами города, на Марсовом поле; их созывали не ликторы, как комиции курий, а звук рога, и само их название было «армия города», *Exercitus Urbanus*.

Совершенно очевидно, что эта конституция стремилась передать главную власть в государстве в руки простого народа, и особенно его более богатых представителей, которые сражались в первых рядах фаланги. Ведь везде, где есть хорошо вооруженная и дисциплинированная пехота, она составляет основную силу армии; и Аристотель верно заметил, что в древних республиках главная власть, как правило, принадлежала тому классу населения, чья военная служба была наиболее важной: так, когда флот Афин стал его

главной опорой и силой, правительство стало демократическим, потому что корабли укомплектовывались представителями более бедных классов.

НАРОДНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

Другие хорошие и популярные институты были приписаны правлению Сервия. Поскольку он сделал простолюдинов одним из сословий в государстве, он дал им судей из их собственных рядов для рассмотрения всех гражданских дел; тогда как раньше они не имели юрисдикции, а передавали все свои иски либо королю, либо палатам. Эти судьи были, как полагает Нибур⁴, *центумвирами*, стоячими людьми более позднего периода, избранными по три от каждого племени, так что во времена Сервия их число, вероятно, составляло девяносто.

Чтобы еще больше упорядочить жизнь простого народа, он, как говорят, также учредил праздники под названием *Paganalia* и *Compitalia*. В племенах в стране многие крепости на возвышенностях, *pagi*, были определены в качестве общих убежищ для жителей и их скота на случай вторжения. Здесь они все собирались раз в год, чтобы отпраздновать праздник, и каждый мужчина, женщина и ребенок платили в эти дни определенную сумму, которая, будучи собрана священниками, давала сумму всего населения. С той же целью каждый житель города платил определенную сумму в храме Юноны Луцины за каждого новорожденного в своей семье, другую сумму в храме Венеры Либитины за каждого умершего и третью в храме Юности за каждого сына, достигшего возраста военной службы. Компиталии в городе соответствовали Паганалиям в деревне и были ежегодными праздниками в честь Ларов или духов-хранителей, которые отмечались во всех компитах, или местах, где сходились несколько улиц.

Сервию приписывают и другие законы и меры, которые, по-видимому, являются выдумкой более позднего периода, когда простолюдины, страдающие от жестокой и несправедливой системы и желающие ее свержения, с радостью верили, что долгожданное освобождение было однажды даровано им их добрым царем и что они лишь возвращают себе старые права, а не требуют новых. Говорят, что Сервий изгнал патрициев из их несправедливо занятых общественных земель и распорядился, чтобы за долги должника отвечала только его собственность, а не он сам.

Кроме того, чтобы завершить образ патриотического царя, говорили, что он разработал схему народного правления, по которой два магистрата, избираемые ежегодно, должны были осуществлять верховную власть, и что он сам предложил сложить с себя царскую власть, чтобы уступить им место. Вряд ли можно сомневаться, что этих двух магистратов предполагалось избирать одного из аристократии, а другого из простого народа, чтобы они были представителями своих сословий.

Руины храма Сатурна, Рим

Но последующая тирания смела учреждения Сервия и еще больше помешала развитию того общества, для которого были приспособлены его учреждения. Никто не может сказать, насколько исторически достоверны рассказы об убийстве старого царя и о безбожности злой Туллии, но несомненно, что дома, или, вернее, сильная фракция среди них, поддерживали Тарквиния в его узурпации; и мы не можем сомневаться в том, что аристократические братства или общества служили ему более ревностно, чем законное собрание курий, потому что эти общества всегда встречаются в истории древних республик, как связанные друг с другом интересами своего сословия и готовые поддерживать эти интересы любыми преступлениями. Как и Сулла в более поздние времена, он подавил свободы простого народа, отменив законы Сервия и, как нам говорят, уничтожив таблицы, на которых они были написаны; отменив всю систему переписи населения и, следовательно, устройство классов, а вместе с ними и организацию фаланги; и запретив даже религиозные собрания Паганалии и Компиталии, чтобы уничтожить все, что было сделано для укрепления и объединения простого народа.

Кроме того, Дионисий [е](#) прямо говорит, что он сформировал свою армию из небольшой части народа, а большую часть использовал для рабского труда, строительства цирка и храма на Капитолии, а также завершения строительства большой канализации или клоаки; так что в его войнах его армия состояла из его союзников, латинян и герникан, в гораздо большей пропорции, чем из римлян. Его вражда к простому народу была полностью в духе Суллы; а члены аристократических обществ, которые были его готовыми инструментами в каждом акте конфискации, законного убийства или простого покушения, были верно представлены агентами проскрипции Суллы, Л. Катилиной и его патрицианскими соратниками. Но в последующих событиях Тарквиний проявил себя, как Критий или Аппий Клавдий, просто вульгарным тираном, который предпочитал себя своему сословию, когда между ними возникала конкуренция, и был намного хуже Суллы, самого искреннего из аристократов, который, обеспечив господство своего сословия, был доволен тем, что отказался от своей личной власти, и за которым следовали как самые благородные, так и самые подлые из его соотечественников, как Помпей и Катул, так и Катилина.

Таким образом, Тарквиний стал ненавистен всем добрым и благородным семьям, а также простолюдинам; и оба сословия искренне объединились, чтобы свергнуть его. Но зло его тирании пережило его самого; восстановить то, что он разрушил, было не так легко, как изгнать его и его семью; простолюдины больше не стояли рядом с патрициями как равный сословие, свободное, богатое, хорошо вооруженное и хорошо организованное; теперь они были бедными, плохо вооруженными и не имели связей, объединяющих их; поэтому они естественно пошли на попятную перед силой знати, и революция, изгнавшая Тарквиниев, установила в Риме не свободное государство, а, напротив, исключительную и тираническую аристократию.

БОГАТСТВО РИМЛЯН И ЕГО ИСТОЧНИКИ

Нибур¹¹⁶ почти исчерпал тему римских медных денег. Он показал их первоначально низкую стоимость, обусловленную большим изобилием металла; что, когда он впоследствии стал дефицитным, естественным образом последовало уменьшение веса монеты, не в качестве мошеннического обесценивания, а потому, что небольшая ее часть теперь была столь же ценна, как раньше большая масса. Обилие меди в древние времена объясняется тем, что там, где она встречается, она часто существует в огромных количествах и даже в виде больших масс чистого металла на поверхности почвы. Так, индейцы Северной Америки находили ее в таком изобилии на своих холмах, что использовали ее для всех бытовых нужд, но запасы, которые так легко добывались, вскоре иссякли.

Небольшая ценность меди в Риме проявляется не только в размере монет, которые изначально весили целый фунт, но и в цене боевого коня, согласно постановлению Сервия Туллия, а именно в десяти тысячах фунтов меди.¹¹⁷ Это утверждение, связанное с другими деталями переписи, кажется оригинальным и достоверным; и, учитывая большое количество скота и другие обстоятельства, оно не противоречит описанию в жизни Публикола у Плутарха, что в начале республики бык стоил сто обол, а овца — десять; и не противоречит положениям закона Атерния, который устанавливал цену одного в сто ассов, а другого — в десять.

Источниками богатства римлян при их поздних царях были сельское хозяйство, а также, в значительной степени, внешняя торговля. Строго говоря, сельское хозяйство едва ли можно было назвать источником богатства, поскольку участки земли, выделенные каждому человеку, даже если с самого начала они составляли до семи югеров, были недостаточно велики, чтобы позволить выращивать значительный излишек продукции. *Ager publicus*, или неразделенная общественная земля, действительно имела значительные размеры, и, поскольку ею пользовались исключительно патриции, она могла быть источником большой прибыли. Но в самые ранние времена, по-видимому, большая часть этой земли использовалась как пастбище, и только небольшие участки в два югера, выделенные домами своим клиентам для пользования по своему усмотрению, были отведены под возделывание.¹¹⁸ Низкие цены на овец и волов свидетельствуют о том, что скота, должно быть, было в изобилии; согласно Плинию (g), самые ранние доходы получались от пастбищ, то есть патриции платили государству определенную сумму за пользование *ager publicus*, которая оставалась неогороженной как пастбище; и все источники говорят о большом количестве скота, разводимого в Италии с незапамятных времен. Скот, возможно, был источником богатства, но торговля, вероятно, была им в еще большей степени.

Раннее основание Остии в устье Тибра, приписываемое Анкусу Марцию, не могло иметь никакой цели, если бы римляне не занимались внешней торговлей; и договор с Карфагеном, о котором уже упоминалось, прямо и неопровержимо доказывает то же самое. В этом договоре римлянам разрешается торговать с Сардинией, Сицилией и Африкой к западу от

мыса Фэр, то есть с самим Карфагеном и всем побережьем к западу от Геркулесовых столбов; и гораздо более соответствует обычному ходу вещей, что этот договор был заключен для регулирования уже существующей торговли, а не для ее создания. Эта торговля несомненно приносила огромные доходы, поскольку для предприимчивых торговцев открывалось множество новых рынков, и, пожалуй, ни на одном из них спрос на их товары не был настолько стабильным и высоким, чтобы уничтожить прибыль от торговли.

Но хотя таким образом в Рим, несомненно, поступало много богатств, другой вопрос, насколько широко они распределялись. Была ли внешняя торговля открыта для всех римлян или она была ограничена патрициями и их клиентами, а в еще большей степени — королем? Царь имел обширные владения, частично пахотные, частично пастбищные, а частично засаженные виноградниками и оливковыми рощами; поэтому он был в состоянии вести торговлю с зарубежными странами, и большая часть римской торговли, вероятно, велась правительством для своей прямой выгоды, как это было в Иудее во времена правления Соломона. Можно с уверенностью сказать, что патриции, подобно русской знати, экспортировали шкуры и шерсть многочисленных стад, которых они пасли на своих общественных землях, и были владельцами торговых судов, поскольку только через три столетия был принят закон с явной целью ограничить сенаторов, термин, который тогда стал эквивалентом патрициев, от владения судами большой грузоподъемности.

Все эти классы могли тогда, и, вероятно, действительно, становились богатыми; но можно усомниться, имели ли плебейские землевладельцы такие же возможности. Сельское хозяйство было для них делом всей жизни; если их поместья были плохо возделываемы, они подвергались риску понижения в сословии.

Дальше этого мы едва ли можем продвинуться. Если отбросить в сторону тиранию, приписываемую Тарквинию, и помнить, что его политика заключалась в том, чтобы лишить простолюдинов недавно приобретенного гражданства и обращаться с ними как с подданными, а не как с членами государства, то картина богатства и величия Иудеи при Соломоне может дать некоторое представление о состоянии Рима при его поздних царях. Мощная среди окружающих народов, не подверженная враждебным вторжениям, с процветающим сельским хозяйством и активной торговлей, страна была великой и процветающей; и царь мог осуществлять общественные работы величайшего великолепия и окружать себя роскошью, неизвестной в более ранние времена монархии. Последний Тарквиний, несомненно, был виновен в отдельных актах угнетения как патрициев, так и плебеев, но именно последних он систематически угнетал и унижал и использовал, как Соломон использовал хананеев, для выполнения всей рабской и тяжелой работы в своих предприятиях. Тем не менее, сами граждане или патриции обнаружили, что великолепие его правления было для них также бременем; так как подавляющее большинство израильтян, несмотря на мир и процветание во время правления Соломона и хотя они были освобождены от всякого рабского труда и служили только на почетных должностях, все же жаловались, что они несли тяжелое иго, и при первой же возможности избавились от него, изгнав дом Соломона из своего общества навсегда.^b

РИМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Целью образования в семье и в общественной жизни было подавление свободы личности в интересах государства, чтобы создать нацию храбрых воинов и добросовестных граждан. Наивысшие результаты этого сурового обучения были достигнуты в Самнитских войнах — периоде, известном впоследствии как золотой век добродетели и героизма. Гражданин того времени был в высшей степени послушным власти, набожным, бережливым и в целом

честным. Но хотя он был готов пожертвовать своей жизнью ради блага государства, он был столь же готов обогатиться за счет своих соседей; богатые не колебались продавать бедных в рабство за долги, пока это не было запрещено законом. Их жесткие, суровые души не знали ни щедрости, ни милосердия. Суровые по отношению к членам своей семьи, жестокие в обращении с рабами, а в своих деловых сделках хитрые и алчные, римляне того времени, какими бы замечательными ни были их героические добродетели, были узколобыми, жестокими и нелюбимыми. Жадность была одной из их сильнейших мотиваций для завоеваний. Они расширяли свою власть над Италией не ради славы и тем более не ради блага своих соседей, а скорее для того, чтобы больше крестьян могли получить фермы, а дворяне — более обширные участки общественной земли и большее количество почетных и прибыльных должностей, которыми они могли бы пользоваться и наслаждаться.

Пока они оставались бедными и подчинялись строгой дисциплине, они были нравственными. В последующий период они обрели большую свободу от контроля со стороны магистратов и, в то же время, власть и богатство. Эти новые условия подвергли их добродетели и даже их правительство суровому испытанию.¹

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА ЭПОХИ

Трудно составить ясное представление о нравственном характере римского народа при его царях, потому что мы не можем быть уверены, что переданные нам изображения того периода не были скопированы с нравов более позднего времени и, таким образом, на самом деле отражают состояние республики, а не монархии. Так, простые привычки Лукреции кажутся скопированными с матрон республики в период ее ранней бедности и не могут с уверенностью быть отнесены к принцессам великолепного дома Тарквиниев. Кроме того, мы едва ли можем сказать, как далеко мы можем проследить происхождение тех характерных черт позднейших римских нравов, которые заключались в абсолютной власти главы семьи над своей женой и детьми. Но вероятно, что они имеют древнее происхождение, поскольку абсолютная власть отца над своими сыновьями распространялась только на тех, кто был рожден в результате особого вида брака, называемого *conubium*, союза, который в древности мог существовать только между лицами одного и того же сословия и который торжественно заключался с помощью особой церемонии, называемой *confarreatio*; церемония настолько священная, что брак, заключенный таким образом, мог быть расторгнут только с помощью определенных необычных и ужасных обрядов, специально предписанных, как кажется, для того, чтобы препятствовать практике разводов.

Римская молодежь

(Скульптура)

Все эти обычаи указывают на очень большую древность и свидетельствуют о ранней строгости римских домашних нравов и привычке к послушанию, которой каждый гражданин учился под крышей отца. Однако эта строгость не означала равной чистоты; *conubium* мог заключаться только с одной женой, но практика сожительства с наложницами допускалась, хотя положение наложницы было отмечено как порочное законом, настолько старым, что его приписывают Нуме. А непристойность некоторых частей древнего религиозного культа и вседозволенность, допускавшаяся на определенных праздниках, на свадьбах и на праздничных собраниях мужчин между собой, настолько присущи сельскому народу, а также человеческой природе в целом, что их тоже можно с уверенностью считать современными самому происхождению римского народа.

Но самым поразительным чертой характера римлян, которая оказала столь сильное и долгосрочное влияние на состояние человечества, была их любовь к институтам и порядку, их уважение к закону, их привычка считать, что человек живет только для того общества, членом которого он является. Эта черта, прямо противоположная чертам варваров и дикарей, по-видимому, присуща той расе, к которой принадлежат и греки, и римляне, как бы мы ни называли ее — пеласгами, тирренцами или сицилийцами. Он действительно был присущ германской расе, но в меньшей степени: кельты были ему чужды, и мы не находим его развитым среди народов Азии; но он ярко характеризует дорийцев в Греции и римлян; он не отсутствует и у ионийцев, хотя у последних он был модифицирован индивидуальной свободой, которая естественным образом возникла из превосходной силы их интеллекта, предназначенного источника мудрости для всего мира. Но в Риме, как и в Лакедемоне, поскольку разум был гораздо менее активен, тенденция к регулированию и организации была гораздо более преобладающей.

Соответственно, мы находим следы этого характера в самых ранних традициях римской истории. Даже у Ромула его учреждения идут рука об руку с его военными подвигами; а гнев

богов омрачил последние годы жизни воинственного Тулла, потому что он пренебрег обрядами и постановлениями, установленными Нумой. Нума и Сервий, память о которых хранилась с особой теплотой, были известны только как законодатели; Анкус, как и Ромул, является основателем институтов, а также завоевателем, и ему приписывается авторство одной конкретной ветви права — церемониала, который необходимо соблюдать перед выходом на войну. Два Тарквиния представлены как иностранцы, и характер их правления также иностранный. Они великие воины и великие цари; они расширяют владения Рима; они увеличивают город и украшают его великими и великолепными сооружениями; но они ничего не добавляют к его институтам; и преступлением последнего Тарквиния было отмена тех хороших правил, которые установил его предшественник.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Все согласны с тем, что произведения искусства, созданные в Риме при поздних царях, будь то архитектура или скульптура, были этрусского происхождения; но что означает «этрусское» и насколько этрусское искусство само по себе происходило из Греции, — это вопросы, которые горячо обсуждаются. Статуя Юпитера на Капитолии и четырехколесная колесница на вершине храма, а также большинство статуй богов в этот период были выполнены из глины; бронза стала широко использоваться только в более позднюю эпоху. Нет упоминаний о каких-либо картинах в самом Риме до времени республики, но Плиний⁴ говорит о некоторых фресках в Ардее и Каре, которые он считал более древними, чем само основание города, и которые в его время сохранили свежесть своих красок и, по его мнению, были произведениями замечательной ценности. Сам Капитолийский храм был построен почти в форме квадрата, каждая сторона которого имела длину около двухсот футов; его фасад был обращен на юг, в сторону Форума и Палатина, и перед ним стоял тройной ряд колонн, а двойной ряд окружал боковые стороны храма. Вероятно, они были не из мрамора, а сделаны либо из камня самого Рима, как клоака, либо, возможно, из карьеров Габиев или Альбы.

О римском менталитете при царях Цицерон знал не больше, чем мы. Он не видел никаких произведений того периода, ни историков, ни поэтов; он никогда не слышал имени ни одного человека, чей гений прославил его и сохранил его память вместе со своей собственной. Некоторые законы, приписываемые царям и сохранившиеся на деревянных или медных табличках в Капитолии или в коллекции юриста Папирия, были почти единственными памятниками, которые могли иллюстрировать дух ранних веков римского народа. Но даже эти памятники, судя по тем немногим отрывкам, которые нам известны, должны были быть модернизированы в своем языке; ибо латынь закона, приписываемого Сервию Туллию, совершенно понятна и не более древняя в своих формах, чем латынь V века в Риме; тогда как немногие подлинные памятники самых ранних времен, гимны салиев и братства земледельцев, *Fratres Arvales*, требовали для римлян времен Цицерона перевода, как иностранный язык; а о гимне *Fratres Arvales* мы можем судить сами, поскольку он случайно сохранился до наших дней, и смысл почти половины его можно только догадываться. Это согласуется с тем, что Полибий говорит о языке договора между Римом и Карфагеном, заключенного в первый год республики; он был настолько непохож на латынь его времени, конца VI и начала VII века Рима, что даже те, кто понимал его лучше всего, находили в нем некоторые вещи, которые, приложив все усилия, едва могли объяснить. Таким образом, хотя стихи, несомненно, сочинялись и пелись во времена царей, на похоронах и праздниках, в память о достойных деяниях самых благородных римлян, и хотя некоторые из реальных историй о царях, возможно, и произошли из этого источника, тем не менее не похоже, что они когда-либо были записаны; таким образом, они изменялись от

поколения к поколению, и никто не может сказать, когда они приобрели свою нынешнюю форму. В них можно разглядеть следы периода, гораздо более позднего, чем период царей; и мы не видим причин расходиться с мнением Нибура (с), который считает, что в том виде, в каком они дошли до нас, они не могут быть более древними, чем восстановление города после вторжения галлов.

Если это так, то завеса, которую невозможно снять, остается не только над конкретной историей ранних римлян, но и над тем, что нам гораздо больше хотелось бы знать — и что в случае с греками выделяется в полном свете — над природой и силой их гения, над тем, что они думали, что ненавидели и что любили.^b

СНОСКИ

[10] [См. [стр. 51, примечание 1.](#)]

[11] [Однако, по мнению Мейера,^b Ботсфорда,ⁱ и других, gens не был примитивным, а являлся результатом развития позднего царского и раннего республиканского периодов; город развивался из кантона, группы деревень с общим убежищем на вершине холма.]

[12] [Хотя такое представление о статусе социальных классов разделяет большинство современных авторитетных исследователей, некоторые видные историки, такие как Мейер^b, возвращаются к теории древних авторов, согласно которой клиенты и плебеи с самого начала были гражданами, имевшими право голоса в куриях, а патриции были просто знатными людьми.]

[13] [См. [стр. 104, примечание.](#)]

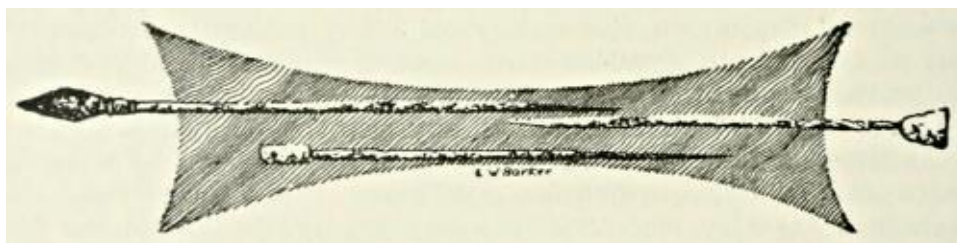
[14] [По мнению некоторых авторов, это произошло только столетие спустя.]

[15] [Несомненно, в первоначальной организации классы основывались не на денежной стоимости имущества, а на количестве земли, принадлежащей гражданам, стоимость которой впоследствии выражалась в денежном эквиваленте. Также утверждается, что первые три класса составляли фалангу тяжеловооруженной пехоты, а два последних класса — легковооруженные войска. Кроме того, утверждается, что центурионская организация применялась только к армии в полевых условиях. Таким образом, к концу царского периода армия, находящаяся на действительной службе, обычно состояла из восьмидесяти четырех центурий пехоты и шести центурий кавалерии. Все ученые сходятся во мнении, что так называемая сервийская организация была чисто военной и что из нее постепенно развилась comitia centuriata. Армия и comitia никогда не были строго идентичны по составу: см. Soltau.ⁱ]

[16] [Поскольку в общественной жизни не было разницы между клиентами и плебеями, такие истории, как история Фабиев и их клиентов, могут свидетельствовать о сохранении первобытной военной организации после введения фаланги.]

[17] [Однако эта оценка возникла после того, как монеты стали легче.]

[18] [Более вероятно, что клиенты получали два югера в качестве частной наследственной собственности, в то время как они возделывали, как арендаторы или наемные работники, пахотные земли своего господина.]

РИМСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

(В Британском музее)

ГЛАВА VI. ПЕРВЫЙ ВЕК РЕСПУБЛИКИ

[510-451 гг. до н. э.]

Следующей задачей римлян было восстановление прежнего положения Сервия Туллия в Лации. При поддержке волсков, которые постоянно оказывали давление на латинян, римлянам в 493 году удалось возобновить с ними прежний союз, основанный на полном равенстве и взаимности.^[19] Кроме того, с военной точки зрения большое значение имел договор, заключенный в 486 году между римлянами и латинянами, с одной стороны, и герниканами, с другой.

Примерно в это же время начались затяжные междоусобицы между римлянами и их союзниками и соседними народами на линии, простиравшейся от этрусских городов Вейи и Фидены через земли сабинов и эквитов до разбросанных колоний волсков на южных границах Лация. Эти конфликты редко носили характер настоящей войны, ограничиваясь в основном проведением или отражением поджогов и грабежей. Тем не менее, особенно с этрусками, не обошлось без более серьезных столкновений, которые, как мы увидим,

оказали большое влияние на определение будущего Италии и римлян. Между тем эти борьбы послужили римлянам отличной школой войны, но их политическое значение было далеко не столь велико, как значение внутренних конфликтов, которые ознаменовали развитие республиканского Рима.

Условия в Риме после изгнания Тарквиниев были схожи с теми, которые преобладали в Греции при так называемом правлении Эвпатридов. Верховная власть, которая ранее принадлежала королю, теперь перешла в руки магистрата, члены которого назначались путем голосования. Эти республиканские чиновники, которых теперь обычно называли консулами, получили тогда титул преторов; титул, который со времен децемвиров вышел из употребления как обозначение главы государства, но позже был применен к занимавшим вновь созданную должность. Вес высокой гражданской, военной и судебной власти, перешедшей из рук царя в руки главы республики, значительно уменьшился под воздействием причин, которые по своей природе были обречены на то, чтобы становиться все более и более ощутимыми. С самого начала республики римляне всегда ставили во главе двух консулов, чтобы действия одного из них могли сдерживаться вето другого. Срок полномочий высшей должности никогда не превышал одного года. По истечении года консул возвращался в класс граждан, к которому он принадлежал, но в любое время мог быть привлечен к ответственности за свои официальные действия.

Позже в этой системе однолетнего срока полномочий были обнаружены серьезные недостатки, но она настолько прочно вошла в патрицианский и демократический республиканизм того времени, что никому и в голову не приходило ее менять. Однако для практичного римского ума недостатки, связанные с ежегодной сменой должностных лиц, должны были быть очевидны во многих отношениях. По мере того как жизнь Рима развивалась в полноте и свободе, «писцы», те низшие чиновники, которые были назначены на свои должности на постоянной основе, стали играть большую роль в фактическом ведении государственных дел. Во время войны, когда, естественно, не все главы республики обладали одинаковыми качествами для военного руководства, командование армией передавалось какому-нибудь опытному генералу, специально назначаемому соответствующими властями. Когда консул сталкивался с большими и неожиданными трудностями, сенат уполномочивал его назначить лучшего человека в государстве диктатором, а этот диктатор, в свою очередь, должен был выбрать в качестве своего помощника *магистра конницы* — *magister equitum*. Диктатура, срок которой составлял всего шесть месяцев, контролировала все второстепенные должности, и поскольку диктатор не мог быть привлечен к ответственности, а его решения не подлежали обжалованию, патриции часто прибегали к его назначению в ходе внутренних борьбы, чтобы эффективно подавить оппозицию плебеев.

Консулам предшествовали только двенадцать ликторов, несущих топор и фасции, в то время как диктаторам предоставлялось двадцать четыре, как и королям в прежние времена. В связи с постоянным увеличением объема государственных дел консулы часто назначали для выполнения определенных обязанностей заместителей, срок полномочий которых истекал вместе с их собственным. Вместе с консулами хранением государственных архивов и сокровищ занимались два квестора, вероятно, те же самые чиновники, которым также было поручено преследование преступников. Консулы назначали двух комиссаров для рассмотрения дел о мятеже и государственной измене; кроме того, консулы должны были выбрать и проинструктировать двух частных лиц, которые должны были выносить решения по всем гражданским делам. Консулы имели неограниченную власть налагать штрафы и в качестве наказания за несоблюдение определенных законов, в частности

законов, регулирующих призыв на военную службу, могли даже выносить смертные приговоры. В делах, требующих телесного наказания или смертной казни, консулы и их помощники обладали юрисдикцией в первой инстанции; но, за исключением дел, подпадающих под военное право, осужденные ими правонарушители после основания республики (в силу закона Валерия, 509 г. до н. э.) могли апеллировать в высший суд — общее собрание, которое еще до 451 г. обладало полной юрисдикцией в отношении крупных штрафов.

Наиболее заметным ограничением власти консулов было изменение отношения сената к ним. Согласно формальному закону, сенаторы находились в таких же отношениях с консулами, как и с царями, будучи не выше, а ниже главы республики, который каждые четыре года, при начислении налогов, пересматривал список сенаторов и назначал новых для заполнения возникших вакансий. Теперь же, постепенно, но все более ощутимо, стало проявляться огромное превосходство, которым во все времена обладала любая крупная аристократическая корпорация, члены которой, все люди с большим политическим опытом, занимали свои должности пожизненно, над чиновниками, назначаемыми на ответственные посты всего на один год. Сенат олицетворял единство и прочно укоренившиеся традиции римской политики и правления. Даже гордое самосознание нескольких влиятельных консулов не могло помешать тому, что эта должность в целом стала рассматриваться лишь как исполнительный орган сената.

С момента основания республики народные собрания также приобрели совершенно иной характер и положение. Необходимость, которую правящая власть ощущала после свержения Тарквиниев, чтобы обеспечить себе симпатию низших классов, привела к тому, что центурионское собрание, в котором патриции и плебеи были объединены для принятия важных решений, приобрело большое значение. Функции этого органа распространялись на избрание консулов, ратификацию или отклонение мер, предлагаемых высшим правительством, объявление агрессивных войн и, наконец, осуществление юрисдикции по уголовным делам, где апелляция, теперь являвшаяся привилегией как плебеев, так и самых знатных патрициев, была разрешена по приговору квесторов.

ПЛЕБЕЙИ И ПАТРИЦИИ

Однако плебеи вскоре были вынуждены признать, что при новом порядке все преимущества общественной жизни доставались патрициям. Если бы этот класс в то время смог преодолеть свои предрассудки и принять в свои ряды более близкие по происхождению плебейские семьи, предоставив им равные права на брак, права в сенате и право занимать различные государственные должности; и если бы он далее открыл государственные владения для массы плебеев и стремился путем справедливого распределения земли создать новый и более довольный крестьянский порядок, то сейчас не было бы необходимости писать историю столетий борьбы между этими двумя сословиями. Но вместо этого римские патриции проявили крайний эгоизм и жадность — качества, которые, правда, в равной степени проявлялись и у всех их плебейских сородичей.

В вопросах, касающихся законного брака, а также в высших делах государства, религиозное суеверие играло очень заметную роль. На протяжении нескольких десятилетий патриции искренне верили, что только они имеют право общаться с богами или правильно толковать предзнаменования, утверждая при этом, что любое смешение с плебейской кровью через брак ослабит, если не уничтожит, эту способность читать знаки. По их мнению, предзнаменования, принимаемые плебеями, не имели никакой ценности и всегда оказывались недействительными; следовательно, не могло быть и речи о назначении

плебеев на должности, которые были неразрывно связаны с принятием публичных предзнаменований.

Так случилось, что вскоре после основания республики *народ*, то есть патрицианский союз, и плебеи противостояли друг другу как две совершенно не связанные между собой расы, между которыми не могло быть никакого единства чувств или равенства прав. Благодаря поглощению сабеллийского клана Аппия Клавдия, который, в отличие от своего народа, перешел на сторону римлян и во главе пяти тысяч последователей поселился на противоположном берегу Анио, патрицианская партия была гораздо сильнее и многочисленнее и, обладая исключительным правом назначать гражданских чиновников и священников, была истинным хранителем и поборником правовых традиций и духовных знаний государства.

Выборы консулов ни в коем случае не проводились путем свободного голосования; скорее, как представляется, список кандидатов составлялся заранее председательствующим консулом и сенатом, из которого избиратели должны были выбирать, имея право, в лучшем случае, отклонять предложенных кандидатов, но не заменять их другими. Однако если большинство голосов приходилось на оппозиционного кандидата, председательствующий консул не был обязан признавать результаты голосования или объявлять кандидата избранным. Только куриатское собрание патрициев имело право путем принятия *lex curiata de imperio* (закона о куриатском империи) передать верховную власть, или *imperium*, успешному кандидату. В начале республики была введена система, позволяющая коллегиям священников назначать своих членов, а также система назначения отдельных священников и весталок через понтифическое коллегиум — учреждение, несомненно, созданное по образцу *pontifex maximus* (верховного понтифика).

Первыми признаками недовольства существующим положением дел проявились не те плебеи, которые пользовались большими материальными преимуществами; первые реакционные движения наблюдались не в сфере политики в узком смысле этого слова: первое эпохальное восстание плебса имело свою причину в социальном положении бедных крестьян и арендаторов.

Этот класс долгое время страдал от судебной системы патрициев, которые решали все дела в соответствии с кодексом законов, неизвестным низшим сословиям; но еще большее угнетение испытывалось от другого источника. Несомненно, среди самих патрицианских землевладельцев существовала иерархия социального значения, и владения многих из них не превышали владения наиболее обеспеченных плебеев; однако в других областях им были доступны возможности, от которых плебеи были лишены. Многие крупных землевладельцев из числа патрициев можно было считать капиталистами, поскольку в Риме еще не возникло крупного и независимого коммерческого класса. Торговля продуктами земли полностью находилась в руках этих богатых землевладельцев, которые, как и другие патриции, получали всю прибыль от эксплуатации государственных земель. Значительная часть этих земель могла с согласия правительства «временно» заниматься и обрабатываться патрицианскими землевладельцами за ежегодную плату — такие владения никогда не теряли своего статуса государственной собственности, и правительство оставляло за собой право в любой момент вернуть их себе.

Однако на деле эти условия редко соблюдались, и государственные владения передавались, продавались, завещались или закладывались точно так же, как если бы они были частной собственностью. Помимо незаконности таких действий, они наносили значительный ущерб плебеем, которые глубоко и горько возмущались несправедливостью властей, освобождавших эти поместья от уплаты ренты и налогов. Всякий раз, когда положение государства требовало обложения патрициев налогами, оценивалась только их

частная собственность, и это делало их положение, благодаря их обширным безналоговым владениям, значительно превосходящим положение плебеев, которые владели только оцениваемыми землями. Кроме того, крайнюю жестокость проявляла практика освобождения денежного капитала патрициев от налогов, в то время как в случае с плебеями не делалось никаких поблажек в отношении ипотеки на их имущество.

Теперь мы подошли к самому мрачному моменту в положении бедных плебеев. Конфликты, которые неоднократно вспыхивали после падения Тарквиниев между римским населением и соседними народами, тяжело давили на плебеев. Последовательные призывы к оружию, опустошение их земель, разграбление их имущества, а также тяжелый военный налог составляли почти непосильное бремя, которое лишь немного облегчалось заявлением о том, что увеличение налога будет рассматриваться правительством как временная авансовая выплата и будет возвращено позднее.

Давление этих условий привело к тому, что большая часть бедных арендаторов оказалась в тяжелом долгу. Установленная законом процентная ставка была чрезвычайно высокой, учитывая преобладающую денежную нехватку — настолько высокой, что плебеи с облегчением восприняли, когда позднее (вероятно, в 357 г. до н. э.) максимальная ставка была снижена до $8\frac{1}{3}$ или 10 процентов. В случае неуплаты процентов по долгу накопленные проценты добавлялись к первоначальному долгу, пока сумма задолженности не увеличивалась до непомерно высокой цифры. Угрозой для внутреннего мира в стране было то, что кредиторами крестьян обычно были их соседи-патриции, которые, как капиталисты, были единственными, кто мог давать в долг. По аналогии с курсом, проводимым в Аттике столетием ранее, римские помещики теперь собирались поставить плебс в положение экономической зависимости от себя. Поэтому в Риме, как и в Аттике, первая атака простого народа на патрицианские классы была предпринята на основании крайней жестокости римских законов, регулирующих долги, которые были разработаны расой, не знавшей пощады, когда речь шла о ее материальных интересах. Иногда кредитор, которому закон давал полное право распоряжаться личностью и имуществом должника, оставлял последнему номинальный контроль и владение своей землей только для того, чтобы еще больше угнетать его требованиями о выплате ренты. Должник часто предпочитал воспользоваться *пехит*, или обычной формой кредитного договора, в соответствии с которой он мог поставить себя в рабство кредитору, чтобы служить ему столько лет, сколько было необходимо для погашения долга, или до тех пор, пока кредитор фактически не продал его в рабство в чужую страну.

Римский крестьянин

(По Расине)

Неудивительно, что в таких односторонних и угнетающих условиях среди плебеев возникла глубокая неприязнь к правлению патрициев. Конечно, среди знатных семей были и такие, которые стремились установить более добрые и примирительные отношения между собой и низшими слоями населения, в частности Валерии и Горации, но в целом патриции того времени отличались жестоким эгоизмом и властью. Эти качества были особенно заметны у сабинских Фабиев, у недавно поселившейся семьи Аппия Клавдия, который впоследствии проявил определенную эксцентричность как в хорошем, так и в плохом, что противоречило обычным консервативным чертам аристократии, а также у Квинтиев и Манлиев, которые были признанными сторонниками своего рода железной военной дисциплины, применяемой в их отношениях с низшими классами. Из всего этого видно, что только движение, граничащее с общей революцией, могло привести к новой политической перестройке, которая обеспечила бы изменение социального положения плебеев.

[495-457 гг. до н. э.]

Согласно часто ошибочной хронологии традиции, бедственное положение плебеев и их последующее недовольство уже в 495 г. до н. э. достигли критической точки. В 494 году плебеи согласились служить только под командованием диктатора Манья Валерия, любимого народом, который провел первую вербовку и впоследствии добился успеха на поле боя. Но когда его предложения по изменению законов в отношении должников провалились в сенате, терпение плебеев иссякло. Валерий, который был по праву возмущен,

подал в отставку; а поскольку консулы того года желали продолжить войну, плебейская часть армии вышла из основного корпуса и патрицианского города и под руководством своих офицеров отступила на так называемую «Священную гору» на полуострове, образованном в трех римских милях от Рима слиянием рек Анио и Тибр.

Этот шаг был продиктован желанием плебеев полностью отделиться от остального населения и создать независимую общину в совершенно новом месте. Серьезность ситуации в конце концов заставила патрициев и сенат уступить, и начались переговоры, последствия которых ощущались даже в имперскую эпоху.

Новый договор между двумя ветвями римского населения, который получил международную форму, предусматривал, что плебеи, проживающие в государстве, должны быть организованы в независимую группу, имеющую своих официальных представителей, которые должны были соперничать по власти с патрициями. В противовес консулам были поставлены два плебейских трибуна (обычно называемых «народными трибунами»), число которых впоследствии было увеличено до четырех, а после 457 года — до десяти; они, по всей вероятности, назначались государственными собраниями плебеев. Будучи хранителями общины в истинном смысле этого слова, их эдилы всегда находились на службе плебеев в качестве полиции и агентов общего управления, эти избранные трибуны имели право и обязанность защищать своих соплебеев от несправедливости и злоупотреблений со стороны консулов, решительно отстаивать право на апелляцию — одним словом, вмешиваться всякий раз, когда интересы плебеев казались под угрозой. Они были бессильны только перед диктатором и военной юрисдикцией или *империумом* консулов за пределами города. В Риме они имели право, путем немедленного и личного протеста, предотвращать исполнение любого патрицианского приказа, который мог оскорбить гражданина, а также блокировать или налагать вето на любую патрицианскую меру, рекомендованную гражданам, которая была признана несправедливой. Это называлось правом заступничества или вето плебейских трибунов.

Из этих обстоятельств следовало, что ни один трибун не мог после 10 декабря, даты вступления в должность, провести ни одной ночи за пределами города в течение всего официального года; кроме того, его дом должен был оставаться открытым днем и ночью, чтобы служить убежищем для всех, кто мог нуждаться в защите (^[20]). Чтобы обеспечить им полную безопасность при исполнении своих обязанностей, плебейские трибуны были объявлены «двойно священными» и, как таковые, неприкосновенными и незыблемыми. Любой, кто совершал нападение на этих лиц, подвергался проклятию богов и даже по земным законам признавался виновным в преступлении, наказуемом смертью. Таким образом, каждый патриций, включая консулов, который каким-либо образом нарушал права трибунов или оскорблял их лично, мог быть привлечен к строгой ответственности; в серьезных случаях его могли даже арестовать и представить перед самими трибунами (), которые имели право налагать штрафы или смертную казнь. Однако от их приговора можно было апеллировать в плебейские собрания.

[457-390 гг. до н. э.]

Вплоть до времени великих войн с веентами и кельтами гражданские распри, раздиравшие Рим, постоянно нарастали по значимости и угрозе, пока вскоре после так называемого периода децемвиров классовые конфликты не приобрели характер, совершенно отличный от того, который они имели в первой половине V века до н. э. До великого кризиса, вызванного десятивиратом, деятельность лидеров плебейской партии ограничивалась тем, что они доводили свое государство в государстве до полной организации, углубляя разрыв, существовавший между плебеями и *популом*, или

патрицианским сословием, и стремясь всеми силами уменьшить власть, которую патрицианские чиновники осуществляли над плебеями. Этот период, когда две части римского народа столкнулись в конфликте беспрецедентной жестокости и ненависти, не дает почти ничего, о чем можно было бы вспоминать с удовольствием. Из крайней высокомерия патрицианской молодежи возникали самые отвратительные инциденты; даже слово «убийство» приходилось употреблять довольно часто, а внутренние распри серьезно сказывались на судьбе нации в войнах, которые она постоянно вела за рубежом. Однако даже в те смутные времена иностранный враг был бы крайне неправ, если бы рассчитывал на попустительство патрициев или плебеев, которые открыли бы ему ворота города, поскольку, когда угрожала общая внешняя опасность, разрозненные фракции, как правило, объединялись, чтобы представить собой фронт, твердый и непроницаемый, как медная стена.

К счастью для будущего Рима, тенденция к постоянному углублению разрыва между плебеями и патрициями в период правления децемвиров приняла совершенно иной оборот. С того времени лидеры плебеев были в основном заняты тем, чтобы завоевать для своих избирателей надлежащее социальное и политическое положение в римском государстве, причем до решающей битвы за гегемонию на Апеннинском полуострове баланс сильно склонялся в сторону чисто политических вопросов спора. Современные наблюдатели почти полностью сочувствуют плебеям. Их требования были умеренными, а политические взгляды энергичных и почтенных римских крестьян были неизмеримо выше, чем у греческих демократов.^[21]

Несмотря на всю горячность и страсть, проявляемую обеими сторонами, революция была последним, о чем думали партии вплоть до самого времени Гракхов. В то время как в Элладе победившая партия редко отступала от занятой позиции или отказывалась от каких-либо притязаний, какими бы высокими они ни были, римские крестьянские собрания довольствовались тем, что требовали лишь то, что, согласно нашим современным представлениям, было их справедливым правом. Часто подвергаясь нападкам на свои глубочайшие интересы, плебеи мечтали о единственной мести — отделении, добровольном отрыве от патрицианского государства; и, наконец, достигнув своей цели, они проявили точно такие же сильные качества, как и их патрицианские противники, как в хорошем, так и в плохом смысле. Их последующие действия полностью оправдали их курс, поскольку в государственных делах они проявили почти неиссякаемую энергию и способности.

Но мы не должны судить патрициев слишком строго; как бы отвратительны ни казались нам их законы в отношении должников, мы не имеем права приписывать их искусно проводимую политику сопротивления исключительно высокомерию и эгоизму привилегированного класса, а их отказ допустить плебеев к равным брачным законам и муниципальным должностям — исключительно низкому лицемерию. Кроме того, мы должны учитывать естественное нежелание старого, опытного правящего органа передавать руководство государственными делами в руки новых, неопытных элементов (); а сами плебеи, далеко не презирая своих глубоко ненавистных противников, всегда признавали те ценные качества, благодаря которым те в мирное и военное время оказали государству такие выдающиеся услуги, и возвышали их до положения образцов для подражания в своем собственном характере и поведении. И, наконец, на решающих поворотных моментах в эволюции древней конституции Рима патриции опустили свое знамя и протянули руку дружбы своим врагам не из-за превосходства силы, а исключительно из послушания своему патристическому пониманию того, что было лучшим для государства, и из-за силы внутренней необходимости.

Удивительная стойкость, проявленная обеими частями народа в их конфликтах друг с другом, свидетельствует о том, что они одной крови и что на самом деле у них одна цель — защита своих сельскохозяйственных интересов. Это родство еще больше объясняет консервативный характер этих борьбы и аристократические тенденции, которые постоянно наблюдались в римской администрации со времени полного триумфа плебеев до времени Катона Старшего. Именно эти классовые борьбы и то, как они велись, придали римской конституции, постепенно развивающейся на протяжении нескольких поколений, ту стабильность и гибкость, которые позже вызывали зависть у многих греческих государственных деятелей.

Однако один провал не пощадил этот народ, несмотря на тот практический смысл, который вел его только по проверенной политической почве и заставлял продвигаться последовательными осторожными шагами, а не с помощью опасных нововведений. Именно этот консервативный характер, сохранявшийся на протяжении всего существования римской конституции, не позволял найти полное решение стоящих перед ней проблем, обременял ее множеством пустых, бесполезных форм и давал новую жизнь некоторым опасным элементам — в частности, дуализму, — которые позже, когда творческая сила народа начала угасать, а национальный характер, отличавшийся способностями и умением, был на грани исчезновения, проявились с катастрофической силой.

Первый период внутренних распрей, продолжавшийся до середины V века до н. э., не до конца известен нам; исторические свидетельства настолько перемешаны с мифами, летописями и традициями знатных семей, что полностью недостоверны. Однако этот период, безусловно, характеризовался непрекращающимися междоусобицами с соседними народами, а внутри страны — фазой конфликта между патрициями и плебеями, которая показала обе фракции с наименее благоприятной стороны.

Недовольство горожан и высших чиновников институтом плебейских трибунов привело к тому, что в течение ряда лет наиболее распространенным использованием полномочий последних была защита от посягательств патрициев и от последствий своих собственных действий тех плебеев, которые сопротивлялись незаконному налогообложению или отказывались нести военную службу. После 476 года трибуны также неоднократно отстаивали права плебеев в случаях нарушения договора с патрициями и имели право осуждать любого патриция, виновного в таком нарушении, к тяжелому штрафу или даже изгнанию. Постепенно личная неприкосновенность и неприкосновенность трибунов стала служить им скорее средством агрессии, чем простой защитой. Где бы они ни решили вмешаться, все препятствия исчезали с их пути; только когда они задумывали какой-то решительный шаг, их коллеги-трибуны имели право вмешаться, и все важные меры принимались советом трибунов.

Это право на заступничество вскоре приобрело большое значение. Не имея фактического законного права сопротивляться законам, принятым патрицианскими правителями, трибуны, тем не менее, могли, просто заявив о своей готовности поддержать плебеев в их пассивном сопротивлении требованиям сената и консулов о предоставлении войск, оказать эффективное сопротивление исполнению государственных декретов. Таким образом, они обрели широкие полномочия по вмешательству и вскоре заявили о своем праве присутствовать на всех заседаниях сената. Несомненно, большинство граждан с радостью избавилось бы от плебейских трибунов, и с обеих сторон партийная ненависть достигла высокой степени. В этот период традиция, ненадежная как история, помещает убийство (473) трибуна Генуция и легенду о Кориолане.

СПУРИЙ КАССИЙ И ПЕРВЫЙ АГРАРНЫЙ ЗАКОН

[494-466 гг. до н. э.]

Злоупотребления в области налогообложения и тирания законов, регулирующих долги, а также монополия патрициев на государственные владения оставались без изменений до 494 года. В этом году высоконравственный гражданин Спурий Кассий Висцеллин, который в 486 году был назначен консулом в третий раз и который затем заключил союз с герниканами, как и ранее, в 493 году, заключил союз с латинянами, сделал важный примирительный шаг в аграрных вопросах, предложив провести межевание государственных земель и раздать их в дар бедным плебеям, остальные участки должны были сдаваться в аренду патрициям на гораздо более строгих условиях оплаты, чем раньше. Его закон, по-видимому, был принят, но так и не вступил в силу.^[22] Из мести его соперники обвинили его в стремлении к трону, что было смертельным преступлением в республиканском Риме, и в следующем году, по истечении срока его полномочий, он был приговорен к смерти.

С этого момента и до 466 года, когда он снова был вытеснен в небытие под давлением внешних войн, трибуны требовали полного исполнения *Lex Cassia*. Между тем в другом направлении был сделан важный шаг в развитии конституции. С учреждением трибунов неформальные, проводимые нерегулярно собрания крестьян были организованы в официально признанный парламент всего плебейского сословия, который, исключая патрициев и их клиентов (последние теперь голосовали вместе с плебеями в центуриате, что значительно укрепляло положение патрициев в этом собрании), разбился на более мелкие собрания, возглавляемые их трибунами и называемые *comitia tributa* (или собрания племен) из двадцати одного районного племени, на которые новая организация разделила плебеев. Эти собрания или комиции давали трибунам возможность постепенно воспитывать простой народ до высокого политического уровня, установленного самыми способными из плебеев.

Только таким образом плебеи могли в полной мере развить свою силу и значение как класс, поскольку все преимущества, дарованные древней традицией и политической рутиной, ясное понимание своих собственных потребностей и прочно устоявшееся социальное, религиозное и политическое положение были на стороне патрициев, а плебеям приходилось бороться с таким недостатком, как широкое рассеяние по обширной территории и отсутствие предварительной политической подготовки или образования (). Именно эти препятствия на пути прогресса своего народа более активные среди трибунов и взялись преодолевать. На первый план вышла целая плеяда действительно выдающихся плебейских государственных деятелей, среди которых наиболее известными были Ицилии, Виргинии, а позднее Дуилии.

[492-452 гг. до н. э.]

Еще в 492 году один из Ицилиев принял закон, согласно которому прерывание или любое другое вмешательство в работу трибунов при представлении ими своих решений по уголовным делам перед плебеями на собрании племен считалось уголовно наказуемым преступлением. Кроме того, трибуны, предотвращая любое насильственное прерывание процесса развития, строго привязывая плебеев во всех их стремлениях к вершинам власти к линии законных прав, стали самым мощным фактором в постепенном развитии и формировании римской конституции. В области внутреннего законодательства они также постоянно проявляли инициативу, занимаясь в основном тем, чтобы добиться для

племенного собрания и его заседаний, которые до сих пор оставались безрезультатными, поскольку были лишь «законодательными монологами», признанного положения в магистратуре государства. В то время центуриатское собрание было относительно мало полезно для плебеев. Плебеи, имевшие право голоса, значительно превосходили по численности патрициев того же класса; однако распределение «голосов» в центуриате было таким, что патриции в значительной степени доминировали. Первый класс переписи состоял из восьмидесяти центурий, причем большинство членов, обладающих наименьшими средствами, были объединены в одну, а второй, третий, четвертый и пятый классы переписи — состоявшие из крестьян среднего класса — были разделены на девяносто центурий.

НАКАЗАНИЕ КАССИЯ^[23]

[482-452 гг. до н. э.]

Однако прошло много времени, прежде чем трибуны добились признания своего племенного собрания государством. Только в 482 году плебейское сословие было полностью связано выбором консулов и сената в консульских выборах, и только в 473 году — когда восстание, вызванное убийством трибуна Генуция, выдвинуло способного и энергичного плебея Волеро Публилия в качестве лидера плебеев — был сделан важный шаг в продвижении. В 471 году этот трибун, обеспечив принятие закона, предусматривающего, что выборы трибунов и эдилов должны утверждаться племенным собранием, поднял этот орган на уровень национального собрания как орган государства, выполняющий особую функцию в государственном законодательстве. Таким образом, было признано право плебеев обсуждать и принимать решения на своих отдельных собраниях, а их надежда однажды взять на себя «законодательную инициативу» стала реальностью. Все предлагаемые ими меры, составленные в форме петиций к сенату, должны были проходить через руки трибунов, и сенат больше не имел права сразу отклонять такие предложения, а должен был сначала советоваться по ним с трибунами. В случае одобрения сенатом рогации (если они не касались исключительно дел плебеев) выносились на рассмотрение куриатского собрания в качестве последнего шага, предшествующего их принятию в качестве законов.^[24]

УСТАНОВЛЕНИЕ ДЕСЯТИВИРАТА

Согласно сохранившимся фрагментарным сведениям, в результате тяжелого бремени войн и эпидемий, от которых в свое время страдал Рим, гражданские распри надолго прекратились, но старая борьба в конце концов возобновилась в условиях, которые позволили плебейским лидерам полностью изменить свою тактику. В 462 году трибун Гай Терентий Харса предложил меру, которая была принята в следующем году объединенным коллегией трибунов и которая давала право простому народу назначать комитет из пяти плебеев, которые должны были разработать определенные законы для ограничения и регулирования произвольной власти наказания, осуществляемой консулами в судебных процессах против плебеев; консул мог обладать только той судебной властью, которую ему позволяли плебеи, но он не мог править по своему усмотрению и желанию. Цель этой меры заключалась в том, чтобы завершить организацию плебеев как независимого органа государства и по возможности ограничить функции патрицианских магистратов в области отправления правосудия. Естественно, она встретила самое решительное сопротивление со стороны старых граждан; и даже самые либеральные и дальновидные из патрицианских государственных деятелей были встревожены этим вторжением плебеев в новую область, поскольку больше всех от любого расширения прав и независимости плебеев, которое неизбежно углубило бы и без того существующую пропасть между правящей властью и народом, пострадали бы они сами. Последовали ожесточенные и затяжные партийные борьбы, в ходе которых народные собрания год за годом назначали одних и тех же трибунов, а сенат и пожилые граждане с не меньшим упорством снова и снова отвергали одни и те же старые меры. Сенат пытался умиротворить плебеев, идя на другие уступки, но тщетно; наконец, в 457 году он дал согласие на увеличение числа трибунов до десяти — сомнительная победа для плебеев, поскольку среди стольких людей наверняка можно было найти того, кого патрицианское влияние могло побудить использовать свое право заступничества против любых планов своих коллег, которые могли бы вызвать неудобства.^[25]

[454-449 гг. до н. э.]

В один из последующих лет консулы А. Атерний и Сп. Тарпей приняли закон, ограничивающий до сих пор неограниченное право консулов налагать имущественные штрафы; согласно его положениям, ни один человек (за исключением случаев апелляции) не мог быть приговорен к штрафу, превышающему две овцы или тридцать голов скота в день. Несмотря на все это, упорство народной партии оставалось непоколебимым, пока сенат наконец не добился компромисса, в соответствии с которым полномочия консулов по назначению наказаний были значительно ограничены, а опасная власть трибунов по первоначальному возбуждению судебных дел была полностью упразднена. В 454-452 годах было достигнуто соглашение с трибунами о том, что обе части римского народа () должны иметь общий гражданский и уголовный кодекс, и кодификация нового свода законов была поручена комиссии из десяти человек, назначенных *comitia centuriata*. Выбор был сделан в 452 году, и комиссары — так называемые *децемвиры*, в состав которых входили только патриции — приступили к своим обязанностям 15 мая 451 года. Поскольку предстояла полная реорганизация старой системы, магистраты, в частности консулы и трибуны, в соответствии с древним обычаем были отстранены от должности с оговоркой, которая защищала закрепленные права и свободы простого народа, а также обязывала трибунов не обращаться к народу, и вся их власть была передана в руки нового органа управления.

Хорошо известно, как *децемвиры* сначала выполняли свои обязанности; они продемонстрировали настолько большие законодательные способности, что в течение

первого года своего пребывания в должности, в 451 году, они довели до конца основную задачу своей работы. Вскоре после этого сенат одобрил кодекс, который был принят центуриатским собранием и прикреплен в виде десяти медных табличек к трибуне оратора на Форуме. На 450 год было назначено десять новых децемвиров, среди которых было несколько плебеев, первых неаристократических должностных лиц, выступавших в качестве представителей всего римского народа. Каким бы ни был план политиков того времени, он так и не был реализован, поскольку вскоре после завершения работы над новым кодексом, состоявшим из двенадцати таблиц, децемвират во главе с жестоким и высокомерным Аппием Клавдием (^[26]) начал принимать форму крайне невыносимого деспотизма. Недовольство достигло своего апогея, когда Аппий Клавдий и его соратники, вопреки всем законам, попытались удержать свои должности после 15 мая 449 года и начали войну против сабинов и эквиев.^b

ИСТОРИЯ ВИРДЖИНИИ, РАССКАЗАННАЯ ДИОНИСИЕМ

[449 г. до н. э.]

Плебей по имени Луций Виргиний, человек, не уступавший никому в военных достижениях, командовал центурией в одном из пяти легионов, которые были направлены против эквиев; у этого человека была дочь, названная в честь отца Виргиния, которая по красоте значительно превосходила всех римских дев и была обещана в жены Луцию, бывшему трибуну, внуку того самого Ицилия, который первым учредил и первым был наделен трибунской властью. Аппий Клавдий, глава децемвиров, увидев эту девушку, которая теперь была готова к замужеству, когда она читала в школе (поскольку в то время школы находились недалеко от Форума), был сразу же очарован ее красотой, и сила его страсти заставляла его часто возвращаться в школу, и к этому времени его безумие только усилилось. Но, поняв, что жениться на ней ему невозможно, как потому, что она была обещана другому, так и потому, что он сам был женат, и считая, что жениться на представительнице плебейской семьи ниже его достоинства и противоречит закону, который он сам внес в Двенадцать таблиц, он сначала попытался подкупить ее деньгами; для этой цели он постоянно посылал к ее наставницам (поскольку Виргиния потеряла мать) женщин, давал им много денег и обещал еще больше. Женщины, которых он посылал, чтобы соблазнить гувернанток, имели приказ не сообщать им имя человека, влюбленного в Виргинию, а только то, что он был человеком, который мог делать добро и зло тем, кого считал нужным. Когда он понял, что не может склонить гувернанток, и увидел, что за девой следят еще более тщательно, чем раньше, его страсть разгорелась, и он решился на более смелые меры. Тогда он послал за Марком Клавдием, одним из своих клиентов, смелым человеком, готовым на любые услуги, и рассказал ему о своей страсти; и, проинструктировав его, что он должен делать и говорить, он отправил его в сопровождении группы самых развратных людей. Клавдий, придя в школу, схватил девушку и попытался публично увести ее через Форум; но из-за возмущения и большого скопления людей ему помешали отвести девушку в назначенное место, и он обратился к магистрату. Им был Аппий, который в тот момент сидел один в суде, чтобы заслушивать дела и вершить правосудие для тех, кто обращался к нему. Но когда Клавдий собрался заговорить, люди, стоявшие вокруг трибунала, закричали и выразили свое возмущение, и все пожелали, чтобы он подождал, пока не придут родственники девы. И Аппий распорядился так и сделать. Вскоре появился Публий Нумиториус, дядя Виргинии по материнской линии, человек, пользовавшийся уважением среди плебеев, в сопровождении многих своих друзей и родственников; а вскоре пришел и Луций, которому она была обещана отцом, в сопровождении многочисленной группы молодых плебеев. Он пришел в суд запыхавшись и

с трудом дыша, и спросил, кто осмелился поднять руку на девушку, которая является римской гражданкой, и что он имел в виду.

Все молчали, и Марк Клавдий, который схватил Виргинию, сказал следующее: «Я не совершил ни опрометчивого, ни насильственного действия по отношению к этой деве, Аппий Клавдий, но, поскольку я ее хозяин, я беру ее в соответствии с законом. Сейчас я расскажу вам, каким образом она стала моей. У меня есть рабыня, которая принадлежала моему отцу и служила много лет. Эта рабыня, будучи беременной, была нанята женой Виргиния, с которой она была знакома и которую часто навещала, чтобы отдать ей ребенка, которого она должна была родить; и, выполняя это обещание, когда она родила дочь, она притворилась перед нами, что родила мертвого ребенка, и отдала девочку Нумитории, которая, не имея ни сыновей, ни дочерей, взяла ребенка и, считая ее своей, воспитала ее. Долгое время я ничего не знал об этом, но теперь, узнав об этом и имея много достоверных свидетелей, а также допросив рабыню, я обращаюсь к закону, который является общим для всех и определяет, что дети принадлежат их матерям, а не тем, кто считает их своими; что, если матери свободны (), то и дети должны быть свободны; если же матери рабыни, то и дети должны быть рабами; и что и дети, и матери должны иметь одних и тех же хозяев. В силу этого закона я желаю забрать дочь моего раба и готов подвергнуть свои претензии судебному разбирательству; и, если кто-либо будет претендовать на нее, я готов предоставить достаточные гарантии, что она явится в назначенное время; но если они желают, чтобы это дело было решено быстро, я готов прямо сейчас изложить вам свою позицию и не буду ни предоставлять гарантии ее явки, ни предлагать ничего, что может вызвать задержку. Пусть они выберут, какое из этих условий им больше нравится».

После того как Клавдий сказал это и добавил много просьб, чтобы его требование не считалось менее важным, чем требование его противников, поскольку он был его клиентом и происходил из низкого сословия, дядя Виргинии ответил несколькими словами, которые были уместны в обращении к магистрату, сказав, что Виргиний, плебей, был отцом этой девушки и в то время находился за границей на службе своей страны; что Нумитория, его сестра, женщина добродетельная и достойная, была ее матерью, которая умерла не так давно; что сама дева была воспитана так, как подобает свободному человеку и гражданину Рима; что она была торжественно обручена с Ицилием и что брак вступил бы в силу, если бы не вмешалась война с эками; что в течение не менее пятнадцати лет Клавдий никогда не пытался утверждать что-либо подобное родственникам Виргинии, но теперь, когда дева достигла брачного возраста и обладала выдающейся красотой, он был очарован ею и обнародовал позорную клевету, придуманную не им самим, а человеком, который считал, что имеет право удовлетворять все свои страсти любыми способами, которые только может придумать. Он добавил, что в суде отец сам будет защищать дело своей дочери, когда вернется из похода, а пока, как ее дядя и готовый отстаивать ее права, он сам () требует ее личности, на которую он имеет право по закону; и в этом он не настаивал ни на чем новом или недопустимом для каждого римлянина, если не для каждого другого человека, а именно, что если кто-либо утверждает, что какой-либо человек является рабом, то не тот, кто утверждает, что он является рабом, а тот, кто утверждает его свободу, должен иметь опеку над этим человеком до решения спора. И он сказал, что Аппий был обязан по многим причинам соблюдать это установление; во-первых, потому что он включил этот закон в Двенадцать таблиц; во-вторых, потому что он был главой децемвирата; и, кроме того, потому что он был наделен не только консульской, но и трибунской властью, главной функцией которой было помогать гражданам, которые были слабы и лишены всякой другой помощи. Затем он попросил его проявить сострадание к деве, которая прибежала к нему за помощью, давно потерявшую мать, а теперь лишившуюся отца и рискующую потерять не только отцовское состояние, но и мужа, родину и величайшее из всех человеческих благ —

свободу. И, оплавав злоупотребление, которому будет подвергнута дева, и тем самым вызвав большое сострадание у всех присутствующих, он наконец заговорил о времени, которое должно быть назначено для решения этого дела. [Он настаивал, чтобы ему была предоставлена опека над девушкой до возвращения ее отца. Однако Аппий отклонил эту просьбу. Ицилий, жених девы, протестовал, что это преступление не должно быть совершено, пока он жив.

Ицилий продолжал говорить, когда ликторы по приказу магистрата оттащили его от трибунала и приказали ему подчиниться приговору. После чего Клавдий схватил девушку и собирался увести ее, а она цеплялась за своего дядю и жениха. Люди, стоявшие вокруг трибунала, видя ее в такой трогательной агонии, вдруг закричали: « » и, не обращая внимания на авторитет магистрата, набросились на тех, кто пытался силой увести ее. Так что Клавдий, опасаясь насилия, бросил Виргинию и убежал, чтобы укрыться под ногами децемвира. Аппий, видя весь народ в ярости, сначала был сильно встревожен и долго не мог решить, какие меры принять; затем он позвал Клавдия к трибуналу, сказал ему, как казалось, несколько слов, дал знак собравшимся замолчать и сказал: «Поскольку я вижу, что вы возмущены вынесенным мною приговором, граждане, я откажусь от строгости той его части, которая касается предоставления Клавдием гарантий явки Виргинии; и, чтобы удовлетворить вас, я убедил своего клиента согласиться на то, чтобы родственники девы поручились за нее до прибытия ее отца. Уведи девственницу, Нумиториус, и подтверди, что ты обязуешься обеспечить ее явку завтра. Этого времени достаточно, чтобы вы оба сообщили Виргинию сегодня и привели его сюда завтра через три или четыре часа из лагеря». Когда они попросили больше времени, он не ответил, а встал и приказал убрать свое кресло.

Он покинул Форум, полный мучений, обезумевший от любви и решивший больше не отдавать девушку ее родственникам, а когда она будет приведена ее поручителем, забрать ее силой; усилить охрану вокруг своей персоны, чтобы предотвратить любое насилие со стороны толпы, и рано утром разместить большое количество своих друзей и клиентов вокруг трибунала. Чтобы выполнить это решение под видом справедливости, под предлогом неявки отца, он послал нескольких всадников, которым он доверял больше всего, в лагерь с письмами для Антония, командовавшего легионом, в котором служил Виргиний, с просьбой удержать этого человека под стражей, чтобы он, узнав о положении своей дочери, не сбежал из лагеря. Но его замыслу помешали сын Нумитория и брат Ицилия, которые, будучи отправлены остальными родственниками по первому же сигналу об этом деле, поскольку они были молоды и полны энергии, мчались на всех парах и, прибыв в лагерь раньше людей, посланных Аппием, сообщили Виргинию обо всем, что произошло; который, пойдя к Антонию и скрыв истинную причину своей просьбы, притворился, что получил известие о смерти близкого родственника, чью похороны и погребение он был обязан провести по закону; и таким образом добился своего увольнения; и, выйдя вечером с молодыми людьми, он взял обходной путь из опасения, что его будут преследовать как из лагеря, так и из города; что и действительно произошло; поскольку Антоний, получив письма около первой стражи, отправил за ним отряд всадников, а другие, посланные из города, всю ночь патрулировали дорогу, ведущую из лагеря в Рим. Когда Аппий узнал о неожиданном прибытии Виргиния, он пришел в ярость и, отправившись в трибунал с большим количеством сопровождающих, приказал родственникам Виргинии явиться. Когда они пришли, Клавдий повторил то, что сказал ранее, и попросил Аппия без промедления вынести решение по делу, заявив, что и его информатор, и его свидетели присутствуют, и что он готов передать рабыню для допроса. Он закончил все притворным сожалением, основанным на предполагаемом страхе не получить такого же правосудия, как и другие, как он сказал ранее, потому что он был его клиентом; а также просьбой, чтобы Аппий не

удовлетворял тех, чьи жалобы были наиболее трогательными, а тех, чьи требования были наиболее справедливыми.

С другой стороны, отец девы и остальные ее родственники привели много справедливых и обоснованных доказательств того, что ребенок не мог быть зачат, утверждая, что сестра Нумитория и жена Виргиния, не могла иметь вероятной причины предполагать наличие ребенка, поскольку она была тогда молода, вышла замуж за молодого человека и родила ребенка вскоре после свадьбы; даже если бы она очень хотела ввести в свою семью чужого ребенка, она бы взяла ребенка рабыни другого человека, а не ребенка свободной женщины, связанной с ней кровным родством или дружбой, чья верность могла бы обеспечить ей владение ребенком, которого она взяла; и, когда у нее была возможность взять ребенка мужского или женского пола, она бы, конечно, выбрала первого. Ведь после того, как женщина рождает, если она хочет детей, она должна обязательно довольствоваться тем, что дает ей природа, и воспитывать это, тогда как женщина, которая предполагает, что у нее будет ребенок, по всей вероятности, выберет того пола, который превосходит другой. Что касается осведомителя и достоверных свидетелей, которых Клавдий сказал, что он представит в большом количестве, то они опровергли их показания следующим доводом, основанным на вероятности, что Нумитория никогда бы не сделала открыто и в присутствии свидетелей свободного сословия то, что требовало секретности и могло быть сделано одной личностью, и тем самым подвергла бы себя риску того, что девочка будет отобрана у нее хозяином матери после того, как она ее воспитает.

В то время как они приводили эти и многие другие не менее веские доводы, не допускавшие никакого возражения, и в то же время очень трогательно описывали бедствия, постигшие девушку, все, кто их слушал, глядя на нее, сочувствовали бедам, в которые ее ввергла ее красота (ведь, одетая в траур, с опущенным в землю взором и глазами, затуманенными слезами, она привлекала внимание всех зрителей; такова была ее красота и такова ее грация, что она казалась более чем смертной), и все оплакивали этот неожиданный поворот судьбы, когда они думали о том, из какого благополучия она упала и каким злоупотреблениям и оскорблениям она будет подвергаться. Они также размышляли о том, что, поскольку закон, который гарантировал их свободу, был нарушен, ничто не могло помешать их женам и дочерям подвергнуться такому же обращению. Пока они делали эти и подобные размышления и делились ими друг с другом, они не могли сдержать слез. Но Аппий, который по своей природе не был человеком разумным, будучи тогда развращен величием своей власти, с расстроенным умом и сердцем, воспламененным любовью к Виргинии, не обращал внимания на доводы, приводимые в ее пользу, и не был тронут ее слезами, но даже возмущался состраданием, проявляемым к ней слушателями, поскольку считал, что сам заслуживает большего сострадания и должен страдать от той красоты, которая поработила его. Доведенный до безумия всеми этими побуждениями, он осмелился произнести бесстыдную речь, которой явно подтвердил подозрение, что сам придумал клевету на девственницу, и совершить тираническое и жестокое деяние.

Ибо, когда они продолжали выступать в ее защиту, он приказал замолчать; и когда все замолчали, а народ на форуме стекался к трибуналу из желания услышать, что он скажет, он часто поворачивал глаза то в одну, то в другую сторону, чтобы посмотреть на число своих друзей, которые по его приказу расположились в разных частях форума, а затем произнес следующее: «Это не первый раз, Виргиний, и вы, кто присутствуете вместе с ним, когда я слышу об этом деле; я был проинформирован о нем давно, еще до того, как был назначен на эту должность. Слушайте, как это стало мне известно: отец этого Марка Клавдия, когда умирал, попросил меня быть опекуном его сына, которого он оставлял младенцем, ибо Клавдии являются наследственными клиентами нашей семьи по закону « ». Во время этого опекунства мне сообщили, что Нумитория усыновила эту девочку, которую она получила от

раба Клавдия, и, расследовав это дело, я обнаружил, что это действительно так. Поскольку мне не подобало самому вмешиваться в это дело, я счел лучшим оставить его на усмотрение этого человека, когда он вырастет: либо забрать девочку, если он сочтет это целесообразным, либо договориться с теми, кто ее воспитал, о сумме денег, либо удовлетворить их, оставив девочку в их владении. С тех пор, будучи занят государственными делами, я больше не беспокоился о делах Клавдия. Но вполне вероятно, что, подводя итоги своей жизни, он также получил ту же информацию об этой девушке, которая была предоставлена мне ранее; кроме того, он не требует ничего, что было бы незаконно, желая забрать дочь своего раба. Если бы они уладили этот вопрос, все было бы хорошо, но, поскольку дело дошло до суда, я даю это показание в его пользу и постановляю, что он является хозяином девушки».

Когда неподкупные люди и друзья справедливости услышали этот приговор, они подняли руки к небу и подняли крик, смешанный с плачем и негодованием; в то время как льстецы олигархии выкрикивали приветствия, способные вселить уверенность в правящих. И когда собрание разгорячилось и наполнилось различными высказываниями и волнениями, Аппий приказал замолчать и сказал: «Нарушители общественного спокойствия, бесполезные как в мирное время, так и в войне, если вы не перестанете разделять город и противостоять нам в исполнении наших обязанностей, необходимость научит вас подчиняться. Не думайте, что эти стражи на Капитолии и в крепости размещены там нами только для защиты города от внешнего врага и что мы позволим вам сидеть здесь и заражать управление государством. Будьте в будущем более благоразумны, чем сейчас; уходите все, кому здесь нечего делать, и занимайтесь своими делами, если вы мудры. А ты, Клавдий, возьми девушку и проводи ее через Форум, не боясь никого, ибо двенадцать топоров Аппия будут сопровождать тебя». Сказав это, народ удалился с Форума, вздыхая, ударяя себя в лоб и не в силах сдержать слез, а Клавдий уводил девушку, которая вилась вокруг отца, целуя его и взывая к нему самыми ласковыми словами. В этом отчаянии Виргиний решился на действие, действительно прискорбное и мучительное для отца, но в то же время достойное любителя свободы и человека великого духа; ибо, попросив разрешения в последний раз обнять свою дочь без помех и сказать ей наедине то, что он считал нужным, прежде чем ее уведет с форума, он получил его от магистрата; и его враги немного отошли, он обнял ее, пока она теряла сознание, падала на землю и едва могла держаться на ногах, и некоторое время призывал ее, целовал и вытирал ее слезы, которые текли без остановки; затем, постепенно подтягивая ее, когда он подошел к лавке повара, он схватил нож со стола и вонзил его ей в грудь, сказав только следующее: «Я, , отправляю тебя, дитя, к духам твоих предков со свободой и невинностью, ибо если бы ты осталась жива, этот тиран не позволил бы тебе наслаждаться ни тем, ни другим».¹²⁷ Поднялся громкий крик « », и он, держа в руке окровавленный нож и весь покрытый кровью своей дочери, как сумасшедший бежал по городу и призывал граждан к свободе. Затем, прорвавшись через ворота, он сел на лошадь, которая ждала его, и поехал в лагерь в сопровождении Нумиториуса, который сопровождал его оттуда до города. За ним следовали около четырехсот других плебеев.¹²⁸

ПАДЕНИЕ ДЕСЯТИВИРАТА

Плебейские легионы, разъяренные рассказом Виргиния об этом злодеянии, двинулись на город и осадили Авентин. Ицилий в согласии с либеральными патрициями Л. Валерием Потитом и М. Горацием Барбатом уже организовал партию в Риме; и поскольку децемвиры, поддерживаемые отрядом старых граждан, упорно отказывались сложить свои полномочия, плебеи по совету М. Дуилия снова отступили все вместе на Священную гору на Анио. Это новое отделение вынудило децемвиров уйти в отставку; и благодаря переговорам с сенатом, проведенным Валерием и Горацием летом 449 года, были достигнуты важные уступки, которые обеспечили — при этом старый порядок вещей был восстановлен — будущее положение плебеев в римском государстве. Как и раньше, были назначены два магистрата (Валерий и Гораций были первыми, кто занял эту должность), избранные свободным голосованием граждан, к которым теперь впервые было правильно применено название консулы, а плебеи снова были представлены своими трибунами. Единственным наследием децемвиров, которое было принято, стала новая система законов, полная переработка и кодификация всех правовых форм и процессов, которые до сих пор были распространены в Риме. В «Двенадцати таблицах» весь римский народ теперь имел справедливый и единый свод законов о браке, собственности, гражданском и уголовном праве.^[28] По-видимому, была сделана попытка смягчить их строгость в некоторых отношениях, но закон о должниках и кредиторах по-прежнему оставался чрезвычайно суровым, а сохранение запрета на браки между патрициями и плебеями с лишением всех юридических прав детей от таких браков поддерживало в живом состоянии наиболее интенсивную фазу вражды между разделёнными классами. С другой стороны, новые законы стремились искоренить прежние злоупотребления, в результате которых патриции и плебеи, обвиняемые в тяжких политических преступлениях, были обречены на суровое наказание: первые — со стороны племенного собрания, вторые — со стороны курии. В дальнейшем центуриатское собрание должно было стать единственным органом, выражающим волю народа в рассмотрении и суждении уголовных преступлений. По-видимому, именно в эту эпоху римляне впервые начали чеканить медные монеты из сырой медной руды.

Под руководством консулов Горация и Валерия, а также способного и энергичного трибуна плебеев М. Дуилия дела Рима вскоре пришли в порядок и мир. Был введен в действие ряд законов, которые можно считать Великой хартией свободы плебеев, и по предложению консулов право апелляции было подтверждено центуриатским собранием и получило самую торжественную и обязательную форму, так что ни один магистрат (за исключением самого диктатора, который сохранил всю свою прежнюю власть), вынесший смертный приговор без предоставления народу права апелляции, не мог быть избран на эту должность во второй раз. Неприкосновенность народных трибунов была вновь провозглашена и закреплена специальным законом граждан под санкцией богов; и, поскольку отныне они были представителями всего народа, их официальная организация претерпела важные изменения.

РИМСКОЕ ОРУЖИЕ И ЗНАМЯ

Это было началом периода, когда патриции по разным причинам были вынуждены искать защиты у трибунов, а сенат часто пользовался их поддержкой, чтобы сломить сопротивление консулов. Их участие в делах сената теперь было официально признано, но они по-прежнему могли налагать только денежные штрафы на патрицианских противников, вызванных перед племенным собранием, а когда они намеревались предъявить обвинение в смертной казни, они были обязаны сначала обратиться к патрицианскому магистрату, который сам предъявлял обвинение перед центуриатами. С ростом важности своего положения трибуны получили право принимать предзнаменования. В 447 году выборы квесторов, которые до сих пор действовали только в финансовых вопросах, также были переданы трибунам под надзором консулов.

О большом прогрессе, достигнутом плебеями во время кризиса, который переживало государство, лучше всего свидетельствовало изменение положения племенного собрания, которое в соответствии с законом Валерия-Горация, объявлявшим решения плебеев, вынесенные на племенном собрании, обязательными для всего народа, получило равные права с центуриатой и подняло, стоящее рядом с ней, до уровня второго национального собрания. Существуют самые разные интерпретации фактических функций и положения племенного собрания до времени Тарентийской войны, но наиболее приемлемым представляется мнение, что для того, чтобы решения *tributa* по общим вопросам, а также решения *centuriata* стали законами, они должны были быть утверждены сенатом, возможно, лишь формально и без каких-либо особых оговорок. Позиция сената, по-видимому, оставалась неизменной в том смысле, что трибуны были обязаны советоваться с этим органом и получать его согласие или полномочия, прежде чем принимать какие-либо меры, которые могли потребовать для своего осуществления полного исполнительного аппарата государства. Это было тем более необходимо, что сенат в условиях республики постепенно взял на себя полный контроль над государственными финансами, и ни консулы, ни сам

диктатор, несмотря на всю свою неограниченную власть, не могли распоряжаться государственными средствами без явного согласия сената.

Племенное собрание, не обремененное сложной деловой рутинной, которая характеризовала работу центурионского собрания, предоставляло лучшую площадку для дальнейшего развития римского государства. Здесь народные собрания под руководством трибунов играли ведущую роль в законодательстве, а плебеи вели в лагере старых граждан активную политическую борьбу, которая, как и прежде, была направлена на устранение различий, все еще отделявших их от аристократических классов, и на получение для себя прав и привилегий, которые должны были принадлежать им в соответствии с беспристрастным государственным правлением.

Таким образом, мы видим, что после окончания великого кризиса плебеи продолжали медленно, но верно набирать силу. Помимо сельского населения, которое жило в разбросанных деревнях или на загородных поместьях и редко вступало в политическую борьбу, если только на карту не ставились большие интересы, существовал еще один класс плебеев, которые не принимали участия в общей борьбе, а направляли свои силы исключительно на то, чтобы закрепить и сделать постоянными свои вновь завоеванные преимущества и установить мирные отношения с аристократическими семьями. Этим планам в значительной степени способствовал тот факт, что лидерство во всех восходящих движениях плебеев естественным образом переходило в руки самых богатых и наиболее способных в политическом отношении из них. Только позднее, когда на карту была поставлена большая политическая и сельскохозяйственная победа на благо всего общества, мелкие и бедные крестьяне-землевладельцы, чьи интересы были затронуты больше, чем интересы любого другого класса, объединились и оказали на высшие слои общества то мощное, непреодолимое давление, которое они были в состоянии оказать. В этих условиях политический конфликт приобрел характер «классовой войны» со всеми присущими таким противостояниям государственными манерами, хитростью и коварством.

ЗАКОН КАНУЛЯ

[445-421 гг. до н. э.]

Первым успешным ударом по положению аристократии в государстве после великого кризиса был удар трибуна Гая Канулея, который в 445 г. до н. э. добился принятия закона, отменяющего запрет на браки между патрициями и плебеями и провозглашающего полную законность таких союзов. Главной целью этой реформы было обеспечение ранга и положения патриция-отца для детей плебейских женщин, поскольку старый закон объявлял всех детей от смешанных браков принадлежащими к плебейскому сословию. Эта победа была особенно важна с политической точки зрения, поскольку она проложила путь к окончательному слиянию двух партий в государстве. Воодушевленные своим успехом, трибуны приготовились продвигать новую меру, которая, выдвинутая одновременно с предложением Канулея, имела целью облегчить назначение плебеев на консульский пост, оставив гражданам право выбирать на эту должность либо плебеев, либо патрициев. После длительной борьбы старые граждане уступили настолько, что пошли на компромисс, согласившись допустить к консульской власти тех плебеев, которые отличились в военной карьере. Центуриатское собрание назначало вместо консулов и на тот же срок военных трибунов, наделенных полной консульской властью, и на эту должность, которая была явно ниже консульской по достоинству и рангу, теперь могли быть избраны плебеи. Долгое время эта победа была для плебеев лишь теоретической, поскольку постоянно возникал вопрос, кого назначать на следующих выборах: консулов или консульских трибунов.

Наконец, в 444 году партия старых граждан заставила вновь избранных военных трибунов, среди которых, несомненно, было два плебея, уйти в отставку всего через несколько месяцев, под предлогом ошибок в проведении гадания при их избрании (); и на оставшуюся часть того года и весь следующий год были назначены патрицианские консулы. В результате таких махинаций до 401 года до н. э. консульство занимали исключительно патриции.

Одновременно с учреждением консульских трибунов патриции ввели новую систему тактики для защиты своего политического положения, к чему их частично подтолкнуло постоянное увеличение объема государственных дел, проходивших через их руки. Они один за другим лишили консулов нескольких важных функций, которые передали в руки специально созданных для этой цели должностных лиц, и таким образом обеспечили себе управление некоторыми из самых важных государственных дел. Поскольку плебейским консульским трибунам упорно отказывали в участии в отправлении правосудия, были назначены два новых патрицианских государственных должностных лица, называемых цензорами, которым было поручено каждые пять лет составлять и утверждать бюджет, составлять список граждан, начислять налоги, проводить перепись населения, а также заполнять вакансии в сенате и вычеркивать нежелательные имена из списков сенаторов, всадников и граждан.

Первоначально должность цензора была установлена на срок в пять лет, но в 434 году срок был ограничен до полутора лет. Обычно эту должность занимали бывшие консулы или военные трибуны, и постепенно цензоры приобретали все большее влияние и власть, пока не стали занимать высшую должность в римском государстве. Позднее цензоры также получили право наказывать граждан, виновных в бесчестном или аморальном поведении, не подвергая себя непосредственному воздействию закона, с помощью так называемой цензорской «заметки». Все сенаторы, подвергшиеся цензуре, должны были сложить с себя полномочия, все всадники должны были отказаться от выполнения своих обязанностей верхом на лошади, а все граждане должны были выйти из ассоциаций своего племени и подчиниться повышенному налогу.

Между тем медленное, но неуклонное продвижение плебеев было неостанавливаемым. В 421 году было выдвинуто и принято предложение, объявляющее их имеющими право на квесторство, а в 409 году три из четырех должностей квесторов были предоставлены плебейским кандидатам. Из того факта, что после 400 года один или несколько плебеев регулярно назначались на должность военного трибуна^[29], можно было бы заключить, что путь к политическому равенству между двумя великими римскими сословиями наконец открылся. И действительно, нация продвинулась бы к полному и мирному развитию как внутри страны, так и за рубежом, если бы упорядоченный ход событий не был внезапно и катастрофически прерван ужасной бурей войны.

ВНЕШНИЕ ВОЙНЫ

[483-449 гг. до н. э.]

С момента заключения союза с латинянами и герниканами едва ли прошел год, который не был бы отмечен конфликтами между римлянами, поддерживаемыми их новыми союзниками, и теми или иными их врагами в центральной Италии — причем в ходе этих военных действий вплоть до середины V века римляне в основном занимали оборонительную позицию. Во время учреждения народного трибуната самым опасным врагом Рима были этруски из Веи, народ, с которым он с 483 года вел ожесточенную и

катастрофическую пограничную войну. После поражения вейтян в 475 году было заключено перемирие на четыреста месяцев, которое не нарушалось до 437 года.

В это время еще более ожесточились вражды с другими противниками, в частности с сабинами, начавшиеся в 505 году и продолжавшиеся до великой победы консула М. Горация в 449 году. С тех пор мир Рима не был угрожаем с этой стороны, так как все сильные молодые люди чистой сабинской крови, по-видимому, покинули свои родные кантоны, чтобы последовать за своими сабелльскими сородичами в завоевании южной Италии. Отсюда и более длительные и упорные были тяжелые войны, которые вели римляне против храбрых эквиев и древних врагов Лация, могучих и воинственных волсков.⁴

В то время как Рим в своих ранних войнах в основном одерживал победы над врагами и закладывал основы своей будущей мощи и славы, смелое предприятие горстки авантюристов достигло того, чего не смогли добиться даже галлы, и нанесло удар по самому сердцу Рима. Группа рабов и изгнанников, насчитывавшая около 4000 человек, или не намного больше, под предводительством сабина Хердония, спустившись по Тибру на лодках в глухую ночь, высадилась возле Капитолийского холма, по-видимому, сразу за стеной, которая тянулась от холма до реки и где, как мы уже видели, ее берег был незащищен. Оттуда Хердоний повел своих людей к Форуму и вверх по склону Капитолия, не встретив никакого сопротивления, пока не достиг Porta Pandana, и здесь только со стороны стражи; ведь мы уже упоминали, что эти ворота всегда оставались открытыми. Одолев стражу, захватчики поднялись на холм, захватили Капитолий и Аркс и призвали рабов Рима подняться на борьбу за свободу. Происхождение этой смелой попытки окутано тайной. Возможно, она была организована Цезоном Квинтием, сыном Цинцинната, который был в изгнании; но того, что он лично участвовал в этом предприятии и погиб, как предполагали Нибур, а после него доктор Арнольд, не подтверждает ни один факт. Попытка не могла увенчаться постоянным успехом, однако из-за раздора, царившего в то время в Риме, она вызвала большую неловкость и была подавлена только с помощью тускуланцев. Капитолий был отбит штурмом; Хердоний и многие из его отряда были убиты в схватке; остальные были захвачены и казнены.⁴

В этих войнах все усилия волсков были направлены на завоевание территорий на севере, на побережье и на реке Трерус, в то время как эквиты стремились расширить свои владения на запад и юго-запад, вплоть до латинско-римских владений.

[487-425 гг. до н.э.]

Римляне, со своей стороны, стремились сдержать рост вольсков, распространяясь параллельно с ними; и они немедленно основали поселения, или, вернее, военные посты, по всей горной местности между Трерусом и Помптинским болотом, чтобы отделить восточные племена вольсков от западных. Эта война, порой носившая очень серьезный характер, велась в течение длительного периода без какого-либо преимущества для латинян или римлян, пока, наконец, после 487 года, борьба не дошла почти до самых ворот Рима.^[30] Шаг за шагом эквии продвигались вперед, пока не захватили латинские болота вплоть до горы Альгидус на восточной стене Альбанских холмов; и именно эту горную цепь последние сделали отправной точкой для всех своих грабительских походов на римскую территорию. Только в 459 году произошло изменение, благоприятное для римлян. В этом году западная ветвь вольсков, которая в течение семидесяти лет не поднимала оружия против Рима, заключила с римлянами официальный мир, несомненно, пожертвовав своей столицей Антиумом, которая так часто была предметом споров. Освободившись от этой

угрозы, римляне могли теперь направить всю свою мощь против эквиев и восточных вольсков, и в 431 году их дела приняли решительно благоприятный оборот.

Вероятно, волски были значительно ослаблены набегами постоянно расширяющихся сабелльских племен в их тылу, и римляне теперь перешли в наступление против них с растущим успехом, пока по частям не вернули всю территорию, которая ранее была отнята у латинян (). Эквиты были оттеснены обратно в свои высокогорья, а страна восточных вольсков, превратившаяся в театр военных действий, была в 408 году пересечена римлянами, которые грабили все вокруг. В 404 году противники Рима были настолько ослаблены, что пассивно наблюдали за осадой и захватом Веи. В 400 году была взята Таррацина, а в 393 году была заново колонизирована Киркеи, так что даже в более поздний период, когда Лациум достиг своего максимального размера, он был либо подчинен Риму, либо был его союзником. Кроме того, в результате этих борьбы и в ходе их проведения союз между римлянами и их латинскими союзниками превратился в своего рода гегемонию, при которой римляне претендовали на исключительное право принимать решения по всем вопросам, касающимся войн и договоров, а латинские преторы перестали чередоваться с римскими генералами в качестве главнокомандующих армией, и должности штабных офицеров в союзных войсках, сначала открытые только для лиц, назначаемых римлянами, вскоре стали заниматься почти исключительно самими римлянами.

Конец V века также ознаменовался новыми конфликтами между римско-латинскими народами и веинтами. Мир с этим народом, длившейся столько лет, закончился в 438 году, когда римский город Фидена на Тибре перешел во владение Веи. В 437 году разразилась война, которая была прервана в 434 году заключением восьмилетнего перемирия, затем возобновилась и продолжалась до полного разгрома Фиден в 425 году, после чего закончилась вторым перемирием на двадцать лет. В течение всего этого периода перемирия политическая ситуация Расен, народа, долгое время бывшего могущественным в Италии, была настолько неблагоприятной, что римляне были вынуждены разрабатывать план полного уничтожения Веи, а затем продвигаться на север от Тибра в грандиозной завоевательной экспедиции против Этрурии. Власть расен достигла своего апогея в начале V века, когда, прочно обосновавшись на трех материковых районах, в союзе с карфагенянами они заставили греков и итальянцев почувствовать свое превосходство на Тирренском море (). Этрурия также владела в течение многих десятилетий — как Карфаген с 500 года владел островом Сардиния — прибрежными землями Корсики, но эти владения были серьезно угрожаемы ростом могущества эллинов.

[425-395 гг. до н. э.]

После сокрушительного поражения этрусков в 474 году от рук Иеро I Сиракузского и греков из Кимы в морском сражении у этого города Сиракузы, Тарент и Массилия еще больше укрепили свое господство на итальянских морях. Кампанская провинция Этрурии и северная Италия в то же время были одновременно угрожаемы разными, но одинаково сильными врагами. Опасность со стороны Кампании исходила от сабелльских народов. Во время отъезда Тарквиния самниты, вероятно, уже давно владели горными районами, простирающимися между низменностями побережья Апулии и Кампании, и с середины V века отправляли одну за другой завоевательные экспедиции, которые, проникая все дальше на юг и к морю, угрожали одинаковой опасностью итальянцам и этрускам. Одновременно с восстанием луканских сабеллов в Великой Греции, в третьем десятилетии перед концом V века, кампанские сабеллы вторглись в прекрасные районы Неаполитанского залива. В 420 году греки потеряли Киму — отныне итальянскую Куму — но продолжали господствовать в

Неаполе и его окрестностях в течение нескольких столетий, а в 424 году, когда пал этрусский Капуа, расенцы были навсегда изгнаны из этой части Италии.

Еще более катастрофическими для расенцев северной Италии были завоевания кельтов, народа, которому суждено было сыграть мрачную роль разрушителя и который недавно совершил насильственное вторжение среди итальянских племен.

Их неостанавливаемое наступление на этрусков, по-видимому, произошло в начале V века, через некоторое время после того, как первые кочевые племена вышли из Галлии. В течение последних трех десятилетий века кельтские полчища также пересекли Падус и распространили свои завоевания на равнины вплоть до Адриатического моря. Этрусские регионы между Арно и Тибром были настолько поглощены своими усилиями по отражению этих вторгшихся орд, что у них не было ни времени, ни мыслей, чтобы уделить внимание Вейям, которые с 405 года подвергались преследованиям со стороны римлян. Эта война, в ходе которой Вейи сначала были блокированы в 404 году, а затем регулярно осаждались в 403 году, знаменует собой тройную эпоху в истории Рима. С ней римляне сделали первый шаг на опасном пути завоевания чужих земель и отошли от своего давнего обычая проводить короткие летние кампании, оставаясь всю зиму в строю и лагерях, окружавших Вейи. Это нововведение стало возможным благодаря решению сената о выплате пехотинцам жалованья из казны; это значительно улучшило положение крестьян и их взрослых сыновей, которые были вынуждены оставлять свои фермы на попечение жен и слуг, когда служили в армии, хотя по-прежнему были обязаны платить налоги. Настойчивость римлян в сочетании с умением их первого настоящего военачальника, М. Фурия Камилла, в конце концов принесла им победу над упорно защищаемым городом. Список великих полководцев Рима открывает имя завоевателя Вейи. Обладая в высшей степени всеми качествами полководца, он впервые прославился в 401 году, а в 396 году, будучи диктатором, он взял Вейи штурмом и полностью уничтожил его как политическое государство, тем самым добившись величайшей победы с политической, военной и территориальной точки зрения, которая досталась римскому оружию со времени изгнания Тарквиниев.

[395-391 гг. до н. э.]

Этот успех привел к резкому росту воинственного духа римлян и их жажды завоеваний. Вскоре их могущество распространилось от границ Чиминского леса, тогда еще непроходимой пустыни, которую они завоевали между 395 и 391 годами, до южных границ Лация. Но их трудное обучение еще не закончилось, потому что именно тогда кельты подвергли их испытанию, которому их политические и военные способности не смогли противостоять; и как во внутреннем, так и во внешнем развитии римское государство получило удар, от которого оно не могло легко оправиться.^h

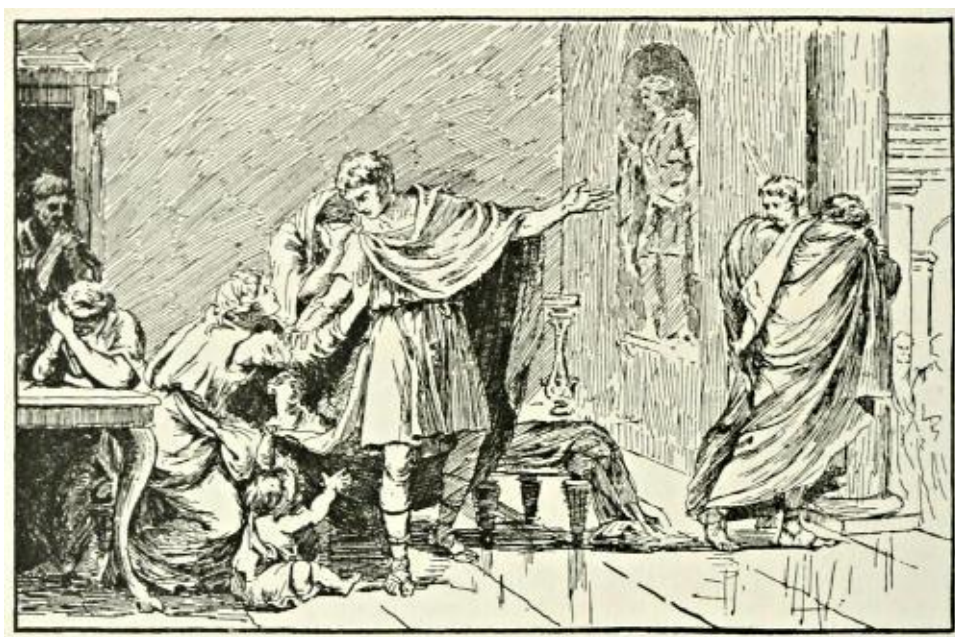
ЛЕГЕНДЫ О ВОЙНАХ С ВОЛСЦАМИ И ЭКВИЯМИ

С этими тремя войнами связаны несколько известных легенд, которые не может обойти ни один автор, пишущий о римской истории. Это легенды о Кориолане, Цинциннате и роде Фабиев. Точное время, к которому они относятся, неизвестно, и определять его не имеет значения. Однако они относятся к рассматриваемому сейчас периоду.

КОРИОЛАН И ВОЛСКИ

Гай Марций был молодым человеком из высокопоставленной патрицианской семьи, происходил от сабинского царя Анка Марция и был воспитан своей матерью Волумнией, [\[31\]](#) настоящей римской матроной, благородной и великодушной, гордой и строгой, неумолимой к врагам и не прощающей ошибок друзей. Гай вырос со всеми недостатками и достоинствами своей матери и вскоре оказался среди главных противников плебеев. В семнадцать лет он получил гражданскую дубовую корону за спасение согражданина в битве при озере Региллус. Но главную славу он завоевал в войнах с волсками. Римляне, воюя с этим народом, атаковали Кориолы, латинский город, который тогда попал в руки волсков. Но нападавшие были отбиты гарнизоном; тогда Гай Марций собрал беглецов, повернулся к преследователям, отбросил их назад и вместе с ними вошел в ворота; город пал в руки римлян. За это мужественное поведение он был назван в честь города, который он взял, Гай Марций Кориолан.

После этого римский народ, сильно страдавший от разорения своих земель в результате войны и запустения полей, столкнулся с великим голодом. Тогда Гел, греческий царь Сиракуз, послал им корабли, груженные зерном, чтобы облегчить их бедствие. В сенате обсуждался вопрос о том, как следует распределить это зерно. Одни были за то, чтобы раздать его бедным, другие — за то, чтобы продать по низкой цене, но Кориолан, который был очень разгневан уступками, сделанными плебеям, и ненавидел видеть, как их защищают новые должностные лица, трибуны, яростно выступил против этих предложений и сказал: «Почему они просят у нас зерно? У них есть трибуны. Пусть они возвращаются на Священный холм и оставляют нас править в одиночку. Или пусть они откажутся от своих трибунов, и тогда они получают зерно». Эти дерзкие слова привели плебеев в ярость против Гая Марция, и они хотели разорвать его на куски, но их трибуны убедили их не трогать его, а затем вызвали его перед собранием, чтобы он отчитался за свое поведение. Основная часть патрициев не была склонна помогать Кориолану; поэтому, после нескольких бурных споров, он отказался предстать перед судом, но покинул Рим, стряхнув пыль с ног в знак презрения к своим неблагодарным соотечественникам (так он их считал) и поклявшись, что они горько пожалеют о том, что изгнали Гая Марция Кориолана в изгнание.

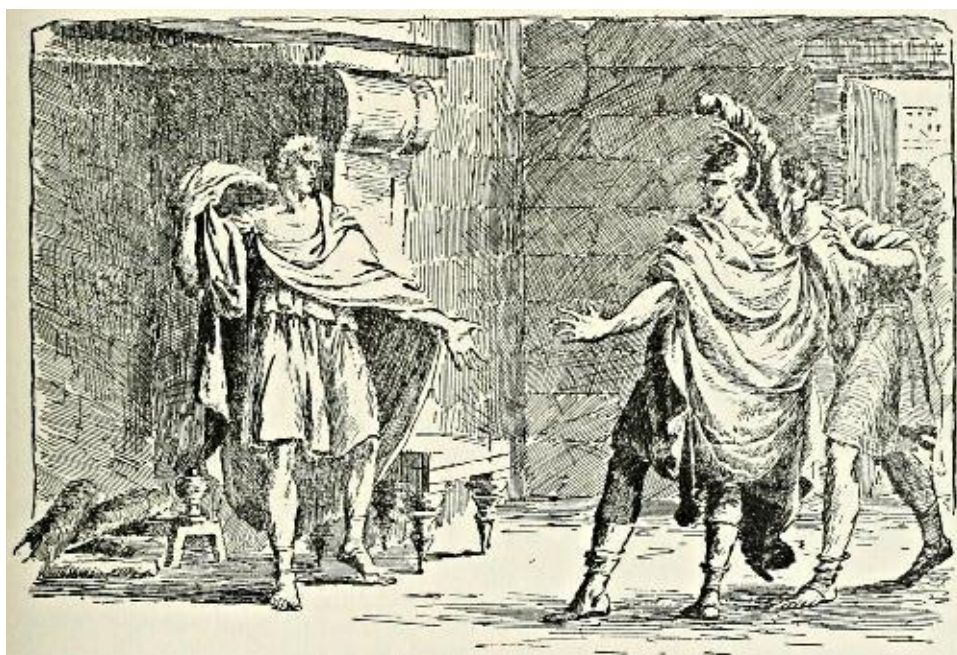
Изгнание Кориолана

Он направился прямо в Антий, другой латинский город, ставший столицей волсков, и, придя в дом Аттия Туллия, одного из главных людей нации, сел у очага рядом с домашними

богами, место, которое среди итальянских народов считалось священным. Когда вошел Туллий, римлянин встал и поприветствовал своего бывшего врага: «Меня зовут Гай Марций, мое прозвище — Кориолан — единственная награда, оставшаяся мне за все мои заслуги. Я изгнан из Рима, моей родины, и ищу убежища в доме моего врага (). Если вы захотите воспользоваться моими услугами, я буду служить вам хорошо; если же вы предпочитаете отомстить мне, нанесите удар, я готов».

Туллий сразу же принял предложение «изгнанного лорда» и решил разорвать договор, который тогда существовал между его народом и римлянами. Но волски боялись вступать в войну. Поэтому Туллий прибег к обману. Случилось так, что некий Тит Атиний, плебей из Рима, получил во сне предупреждение, чтобы он пошел к консулам и приказал им повторно провести великие игры, потому что в первый раз они были проведены не правильно. Но он испугался и не пошел. Тогда его сын заболел и умер; и он снова увидел тот же сон; но все равно не пошел. Тогда он сам был поражен параличом; и тогда он не стал больше медлить, а велел своим друзьям отнести его на носилках к консулам. И они поверили его словам, и великие игры были начаты заново с еще большей пышностью; и многие из волсков, находясь в мире с Римом, пришли посмотреть на них. Тогда Туллий тайно пошел к консулам и сказал им, что его соотечественники стекаются в Рим, и он боится, что они замышляют зло. Тогда консулы доложили эту тайную информацию сенату, и сенат постановил, что все волски должны покинуть Рим до захода солнца. Это постановление показалось волскам бессмысленным оскорблением, и они в ярости ушли домой. Туллий встретил их по дороге домой у источника Ферентина, где латиняне издавна собирались на свои совещания, и, обратившись к ним, еще больше разгневал их и убедил разорвать договор с римлянами. Так волски начали войну против Рима и избрали своими военачальниками Аттия Туллия и Гая Марция, римлянина.

Армия продвигалась на Рим, опустошая и разоряя все земли плебеев, но оставляя в неприкосновенности земли патрициев. Это усилило ревность между сословиями, и консулы не смогли собрать армию для выхода против врага. Кориолан захватывал один латинский город за другим, и даже вольски покинули своего полководца, чтобы служить под его знаменами. Теперь он продвинулся вперед и разбил лагерь у Клулийской фоссы, в пяти милях от города.

КОРИОЛАН ПРИНЯТ ВОЛСКАМИ

Теперь за стенами города царили только смятение и отчаяние. Храмы богов были заполнены просящими милости; сами плебеи давили на сенат, чтобы тот заключил мир с ужасным Кориоланом. Тем временем враг продвинулся к самым воротам города, и в конце концов сенат согласился послать пятерых человек, главных среди патрициев, чтобы умиротворить гнев своего соотечественника. Он принял их с крайней суровостью; сказал, что теперь он генерал волсков и должен делать то, что лучше для его новых друзей; что, если они хотят мира, они должны вернуть все земли и места, которые были отняты у волсков, и должны принять этих людей в равный союз и поставить их на равные с латинянами. Депутаты не могли принять эти условия, поэтому они вернулись в Рим. Сенат отправил их обратно, чтобы попросить об более мягких условиях, но высокомерный изгнанник не позволил им войти в свой лагерь.

Тогда вышла другая делегация, более торжественная и солидная, чем предыдущая — понтифики, фламены и авгуры, все одетые в священнические одежды, которые умоляли его, во имя всего святого, во имя уважения, которое он должен был оказывать богам своей страны, дать им гарантии мира и безопасности. Он отнесся к ним с глубоким уважением, но отпустил их, не смягчив ни одного из своих требований.

Казалось, что слава Рима уходит, что корона вот-вот перейдет к городам волсков. Но судьба распорядилась иначе. Случилось так, что, когда все женщины плакали и молились в храмах, среди них возникла мысль, что они могут достичь того, чего не смогли добиться ни патриции, ни жрецы. Первой эту мысль высказала Валерия, сестра великого Публикола, и она убедила Волумнию, строгую мать изгнанника, сопровождать скорбную процессию. С ними пошла и Виргилия, его жена, ведя за руку двух сыновей, а также толпа других женщин. Кориолан увидел их издалека, сидя на возвышении среди вольских вождей, и решил отослать их с отказом. Но когда они подошли ближе и он увидел свою мать во главе печальной процессии, он вскочил со своего места и хотел поцеловать ее. Но она отстранилась со всей величественностью римской матроны и сказала: «Ты Гай Марций, а я твоя мать? Или ты полководец вражеского вольского войска, а я пленница в его лагере? Прежде чем поцеловать меня, ответь на этот вопрос». Гай молчал, и его мать продолжила: «Неужели можно сказать, что именно мне, только мне одной, Рим обязан своим завоевателем и угнетателем? Даже если бы я никогда не была матерью, моя страна все равно осталась бы свободной. Но я слишком старая, чтобы долго терпеть это несчастье. Посмотри на свою жену и детей; ты поработаешь свою страну, а вместе с ней и их». Сердце свирепого римлянина сжалось от возмущенных слов той, кого он с детства боялся и уважал; и когда его жена и дети, окружившие его, присоединились к высокомерным мольбам его матери, он повернулся к ней с горечью в душе и сказал: «О мать моя, ты спасла Рим, но потеряла своего сына!»

Так он отвёл свою армию, а женщины вернулись в Рим и были встречены как спасительницы своей страны. Сенат приказал построить храм и посвятить его «Женской удаче» (*Fortuna Muliebris*), а Валерия стала первой жрицей этого храма.

Но Кориолан вернулся, чтобы жить среди волсков; а Туллий, который и раньше завидовал его превосходству, настроил народ против него, сказав, что он намеренно пощадил их великого врага, город Рим, даже когда он был в их руках. Так он потерял благосклонность и был убит в беспорядках;^[32] и слова, которые он сказал своей матери, действительно сбылись.

«Если мы рассмотрим детали вышеприведенного повествования, — говорит Вильгельм Ине, — то обнаружим, что ни одна его деталь не может считаться исторической и что оно состоит исключительно из беспочвенных вымыслов более позднего периода, которые свидетельствуют о большом недостатке мастерства в изобретении правдоподобного повествования и даже о незнании учреждений и нравов римского народа. Завоевание Кориоли, очевидно, придумано, чтобы объяснить происхождение имени Кориолан. Как признает сам Ливий, летописцы не имели никаких достоверных свидетельств о всей предполагаемой истории похода, в ходе которого, как сообщается, был завоеван Кориоли. Римские летописцы были настолько недалёковидны и невежественны, что упомянули в качестве благодетеля страдающих римлян тирана Дионисия Сиракузского. Эта хронологическая ошибка была обнаружена ученым археологом Дионисием, который слишком хорошо знал историю своего бесславного тезки из Сиракуз, чтобы предположить, что тот мог послать зерно в Рим примерно за полвека до своего рождения. Поэтому он заменяет Гело греческим тираном, который, как говорят, послал зерно. Очевидно, что исправление грубой ошибки не является достоверным доказательством, и поэтому знания и изобретательность Дионисия оказываются напрасными.

«Обвинение и приговор Кориолану со стороны плебеев, почти сразу после первых выборов трибунов, были невозможны. Согласно Ливию, вольски за одно лето завоевали двенадцать — а согласно Дионисию, четырнадцать — латинских городов, захватили всю Лацию и проникли в непосредственную близость от Рима. Если учесть, каких незначительных успехов обычно добивались в военных кампаниях и как трудно было римлянам, даже в период их бесспорного господства, захватить один город, то можно считать чудом, что волски, как утверждает Дионисий, захватили семь городов за тридцать дней. Но еще более удивительным, чем быстрое завоевание волсками стольких латинских городов, является их быстрое возвращение латинянам.

«В наказание за это предательство, которому, по-видимому, вольски были вынуждены подчиниться, они, как сообщается, жестоко убили Кориолана в конце кампании. Однако в другой, вероятно более древней версии легенды об этой мести не говорится ничего, а Кориолан доживает до глубокой старости среди вольсков и скорбит о своем изгнании из родины. Простодушный старый летописец не видел ничего неестественного в том, что римский изгнанник должен был вернуть римлянам города, завоеванные военной силой вольсков.

«Зародышем, из которого возникла вся легенда, является история сыновней любви Кориолана и большого авторитета, которым в древние времена обладали римские матроны над своими сыновьями и мужьями. Теперь не исключено, что в то или иное время лидер римской партии, изгнанный в результате одной из многочисленных гражданских распрей, мог присоединиться к врагам народа и под влиянием слез своей матери и жены отказаться от вражды против своего родного города; но история Кориолана, как ее рассказывают Ливий и Дионисий, описывает вещи, совершенно невозможные в Риме. Римский сенат ни в коем случае не мог бы и подумать о том, чтобы послать посольство жрецов с просьбой о мире к общественному врагу; тем более мы не можем примирить делегацию матрон с тем, что мы знаем о римских нравах и законах, даже если допустить, что такая делегация была самозванной и не была официально уполномочена сенатом действовать от имени римского народа».^d

В ходе этих войн один из консулов, Минуций, оказался отрезанным от Рима в узкой долине горы Альгидус, и казалось, что надежды на спасение нет. Однако пятеро всадников нашли способ сбежать и сообщить в Рим об опасном положении консула и его армии. Тогда другой консул проконсультировался с сенатом, и было решено, что единственным человеком, который мог спасти армию, был Л. Квинтий Цинциннат. Поэтому этот человек был назначен диктатором, и к нему были отправлены депутаты, чтобы сообщить ему о его высоком достоинстве.

Этот Луций Квинтий назывался Цинциннатом, потому что носил длинные вьющиеся локоны (*cincinni*); и, хотя он был патрицием, жил на своей небольшой ферме, как любой плебейский землевладелец. Эта ферма находилась за Тибром, и здесь он жил счастливо со своей женой Рацилией.

Два года назад он был консулом и испытал большие страдания из-за поведения своего сына Цезона, дикого и дерзкого молодого человека, который презирал плебеев и ненавидел их трибунов, как Кориолан. Как и Кориолан, он был подвергнут импичменту трибунами, но по совсем другим причинам. Некий Вольсций Фиктор утверждал, что он и его брат, старый и больной человек, были ночью нападены Цезо и группой молодых патрициев в Субуре; его брат умер от полученных травм. Возмущение народа возросло, и Цезо, опять же как и Кориолан, был вынужден уйти в изгнание. После этого молодые патриции стали еще более дерзкими, но они заискивали перед самыми бедными слоями народа, надеясь привлечь их на свою сторону против более уважаемых плебеев. В следующем году весь Рим был встревожен, обнаружив, что Капитолий был захвачен врагом ночью. Этот враг был Аппий Гердоний, сабин, и с ним была связана banda отчаявшихся людей, изгнанников и беглых рабов. Первым его требованием было возвращение всех римских изгнанников. Консул П. Валерий собрал войско и взял Капитолий. Но он сам был убит во время штурма, и его преемником был избран Л. Квинтий Цинциннат, отец изгнанного Цезона. Узнав о своем избрании, он обратился к жене и сказал: «Боюсь, Рацилия, что в этом году наше маленькое поле останется незасеянным». Затем он надел государственную мантию и отправился в Рим. Считалось, что Цезо был причастен к отчаянному предприятию, которое только что потерпело поражение. Что с ним стало, неизвестно, но то, что он уже мертв, почти наверняка; и его отец был очень озлоблен на трибунов и их партию, которых он считал виновными в позоре и смерти своего сына. Консул П. Валерий убедил плебеев присоединиться к штурму Капитолия, пообещав им дополнительные привилегии: Цинциннат отказался выполнить это обещание и использовал всю свою власть, чтобы сорвать попытки трибунов добиться его выполнения. Однако в конце своего года пребывания в должности, когда патриции хотели продлить его консульство, он категорически отказался от этого предложения и вернулся к своей деревенской жизни, как будто никогда ее не покидал.

Спустя два года после этих событий депутаты сената, пришедшие, чтобы надеть на него знаки диктаторской власти, застали его за работой на своей маленькой ферме. Он был одет только в тунику, и когда депутаты подошли к нему, они предложили ему надеть тогу, чтобы он мог принять приказ сената в подобающем виде. Он стряхнул с себя пыль и пот, следы труда, попросил жену принести ему тогу и с тревогой спросил, все ли в порядке. Тогда депутаты рассказали ему, как армия была окружена врагами из Эквии и как сенат рассматривал его как спасителя государства. Для переправы через Тибр была предоставлена лодка, и когда он достиг другого берега, его встретил сенат, который сопровождал его в город, а он сам шел с почестями, в сопровождении двадцати четырех ликторов. Затем Цинциннат выбрал Л. Тарквигия своим магистратом конницы. Этот человек был патрицием, но, как и сам диктатор, был беден — настолько беден, что не мог позволить себе содержать лошадь и был вынужден служить в пехоте.

В тот же день диктатор и его конюший спустились на Форум, приказали закрыть все магазины и приостановить все дела. Все мужчины призывного возраста должны были собраться на Марсовом поле до захода солнца, каждый с пятидневным запасом провианта и двенадцатью кольями; пожилые мужчины должны были подготовить провиант, а солдаты — колья. Таким образом, все было готово вовремя; диктатор повел их в поход, и они шли так быстро, что к полуночи достигли горы Альгид, где была окружена армия консула.

Затем диктатор, обнаружив местонахождение вражеской армии, приказал своим людям сложить весь багаж в одном месте, а затем окружить лагерь врага. Они подчинились, и каждый, подняв крик, начал копать ров и устанавливать колья, чтобы образовать частокол вокруг врага. Армия консула, которая была окружена, услышала крики своих братьев и бросилась к оружию; и они сражались так яростно всю ночь, что эквийцы не имели времени обратить внимание на нового врага, и на следующее утро они обнаружили, что окружены со всех сторон ровом и частоколом, так что теперь они оказались между двумя римскими армиями. Таким образом, они были вынуждены сдаться. Диктатор потребовал от них выдать своих вождей и заставил всю их армию пройти под ярмом, которое было образовано двумя копьями, вбитыми вертикально в землю, и третьим, перевязанным поперек них вверху.

Цинциннат вернулся в Рим под крики и ликование своих солдат; они подарили ему золотую корону в знак того, что он спас жизни многих граждан, а сенат постановил, что он должен войти в город с триумфом.

Так Цинциннат за двадцать четыре часа достиг цели, для которой он был назначен диктатором. Однажды вечером он выступил, чтобы освободить консула, а на следующий вечер вернулся победителем. Но он не хотел сложить свою высокую должность, пока не отомстил за своего сына Цесо. Поэтому он вызвал Вольция Фиктора, обвинителя, и предал его суду за лжесвидетельство. Человек был осужден и изгнан, и тогда Цинциннат снова вернулся к своей жене и ферме.⁴

Критический анализ истории о Цинциннате

«То, что эта история относится скорее к области фантастики, чем к истории, — говорит Ине, — очевидно из физических невозможностей, которые она содержит. Расстояние между Римом и холмом Альгидус составляет более двадцати миль. Говорят, что римская армия под командованием Цинцинната преодолела это расстояние между заходом солнца и полуночью, хотя солдаты были обременены в три-четыре раза большим количеством кольев для укреплений, чем обычно. Затем, после такого марша, солдаты приступили к работе по возведению ограды вокруг всей армии эквиев, которая сама окружала армию Минуция и, следовательно, должна была занимать значительную площадь. Работа по возведению ограды была завершена в ту же ночь, без помех со стороны эквиев, хотя римляне в самом начале подняли крик, чтобы объявить о своем прибытии блокированной армии Минуция. С этими деталями история, конечно, является чистым вымыслом. Но если, следуя примеру Дионисия, мы уберем из народной легенды все выдуманное, преувеличенное или невозможное и поставим героический поступок Цинцинната на такую основу, что он приобретет вид вероятности, мы ничего не выиграем, потому что таким рационализационным процессом мы не сможем превратить легенду в подлинную историю».

«Мы приходим к тому же выводу, наблюдая, что история о Цинциннате в ее общих и характерных чертах повторяется не менее пяти раз».[d](#)

ПОРАЖЕНИЕ ФАБИЕВ

РОД ФАБИЕВ И ВЕЙЕНТИНОВ

Уже было сказано, что после окончательного изгнания Тарквиниев патриции лишили плебеев тех прав, которые те изначально получили от царя Сервия и которые были возобновлены и подтверждены в то время, когда Тарквинии пытались вернуться. И в течение ряда лет, по-видимому, Фабии захватили большую часть этой власти. Ведь в списках консулов мы видим, что в течение семи лет подряд (с 485 по 479 год до н. э.) одним из двух консулов всегда был Фабий. Эти Фабии были главными противниками аграрного закона; и Цезо Фабий, который трижды был консулом в течение упомянутых семи лет, был тем, кто добился осуждения Сп. Кассия, великого друга плебеев. Этот Цезо во время своего второго консульства оказался столь же непопулярным, как и Аппий Клавдий. Его солдаты отказались сражаться с врагом. Но во время своего третьего консульства, которое пришлось на последний из семи лет, он проявил измененный дух, как и весь его род. Фабии осознали несправедливость, которой они были виновны по отношению к плебеям, и вред, который они наносили государству; и сам Цезо выступил с предложением полностью ввести в действие аграрный закон Сп. Кассия. Но патриции с презрением отвергли это предложение, и тогда весь род Фабиев решил покинуть Рим. Они считали, что могут лучше служить своей стране, воюя против веинтов, чем оставаясь дома. Поэтому они собрались на Квиринальском холме, всего 306 человек, не считая своих клиентов и последователей, прошли под Капитолием и вышли из города через правую арку Карментальских ворот. Затем они пересекли Тибр и выбрали место на небольшой реке Кремера, впадающей в Тибр ниже Вейи. Здесь они укрепили лагерь и выходили на набеги, чтобы грабить земли веитинцев и уводить их скот.

Так они простояли между Римом и Веями более года, и римляне имели мир на этой стороне, в то время как веитинцы сильно страдали. Но был один день, иды февраля, который Фабии всегда считали священным, когда они приносили торжественные жертвы () на холме Квиринале богам своего рода. В этот день их вождь Цезо вывел их из Рима; веитинцы, услышав об этом, устроили им засаду, и все они были убиты. Плебеи глубоко

скорбели о потере своих патрицианских друзей, а консул Менений, который расположился лагерем неподалеку, но не пришел им на помощь, был обвинен трибунами в вероломном предательстве, как было описано выше.

Но один молодой Фабий, который тогда был еще мальчиком, остался в Риме, когда остальные члены его рода отправились селиться на Кремере. И он (так говорили) был отцом Фабиев, которые впоследствии прославились в истории Рима. После этого, как говорят, жители Вейи попросили и получили мир на сорок лет.^c

СНОСКИ

[19] [Однако следует помнить, что ранее Рим был членом Латинского союза, а договор 493 года был ратифицирован Римом с одной стороны и Латинским союзом с другой.]

[20] [Однако во время Пунических войн мы видим, что трибуны иногда предпринимали длительные поездки по государственным делам].

[21] [Это идеализированное представление разделяют не все ученые.]

[22] [По мнению Герцога, более вероятно, что ^m его законопроект так и не стал законом; и, поскольку не сохранилось никаких записей о не принятых законопроектах, мы не знаем точного характера его предложения. Возможно, оно было направлено на то, чтобы дать крестьянам более надежное право на земли, которые они владели.]

[23] [По мнению некоторых авторитетных источников, он был сброшен с Тарпейской скалы; другие древние авторы утверждают, что его отец казнил его.]

[24] [Комиция центуриата теперь была главным законодательным органом. В этот ранний период трибуны могли влиять на законодательство путем морального убеждения или путем препятствования набору войск, срыва государственных дел и угроз насилия. Племенное собрание пока не имело законодательной власти. См. Herzog.^m]

[25] [До тех пор, пока функции трибунов ограничивались защитой слабых и препятствованием общественным делам, увеличение их числа усиливало их влияние; но когда они получили право инициировать законодательство, их большое число ослабило их, как ясно следует из текста.]

[26] [Недавние исследования убеждают Фискеⁿ в том, что Аппий Клавдий был либеральным, дальновидным государственным деятелем, не жестоким и не излишне деспотичным; но вряд ли что-либо может теперь развеять традиционное мнение. Неблагоприятные современные суждения редко пересматриваются потомками.]

[27] [Ливий^h вкладывает в уста Виргиния следующие слова: «Таким образом, мой сын, единственным способом, который в моей власти, я обеспечиваю твою свободу». Ливий продолжает: «Затем, оглянувшись на Аппия, он сказал: «Этой кровью, Аппий, я обрекаю тебя и твою голову на погибель». Аппий, встревоженный криками, поднявшимися в ответ на столь ужасное деяние, приказал схватить Виргиния. Но тот, прокладывая себе путь оружием, куда бы ни шел, и защищенный также большим количеством молодых людей, сопровождавших его, добрался до ворот. Ицилий и Нумиториус подняли безжизненное тело и выставили его на обозрение народа, осуждая злодейство Аппия, роковую красоту девушки и необходимость, которая подтолкнула отца к этому поступку. Матроны, которые следовали за ними, присоединились к их возгласам: «Это ли последствия воспитания детей? Это ли награда за целомудрие?» — и другими печальными размышлениями, которые подсказывает женщинам горе и которые, благодаря большей чувствительности их нежных душ, всегда являются самыми трогательными. Речи мужчин, и в особенности Ицилия, были полностью посвящены тому, что они лишены защиты трибунов и, следовательно, возможности обращаться к народу, а также унижениям, которым подвергаются все».

[28] [Двенадцать таблиц считались основой всего права, и Цицерон всегда упоминает их с величайшим почтением. Но от них остались только фрагменты, и те, кто приложил наибольшие усилия для их изучения, могут дать лишь неполное представление об их первоначальной форме и содержании. Здесь можно отметить лишь несколько положений.

(1) Патриции и их клиенты должны были быть включены в плебейские племена. И когда мы говорим о клиентах, мы должны теперь понимать под этим также и вольноотпущенников (*libertini*), которые составляли многочисленный и растущий класс. Кроме того, три старых патрицианских племена теперь, или до этого, стали устаревшими; и отныне патриций был известен не как рамнианец, тицианец или луцерианец, а как житель поллианского, папирианского или какого-либо другого местного племена.

(2) Закон о долгах остался в прежнем строгом виде. Но условия заимствования денег были облегчены, поскольку было объявлено незаконным взимать проценты выше 10 процентов. Именно это означает термин *fœnus unciarium*. *Uncia* (от *unus*) — одна из двенадцати единиц, на которые делился ас, каждая из которых составляла одну двенадцатую часть целого. Теперь $\frac{1}{12}$ от капитала составляет $8\frac{1}{3}$ процента; но поскольку старый римский год состоял только из десяти месяцев, мы должны добавить проценты за два месяца по той же ставке, и это составляет 10 процентов за год из двенадцати месяцев.

(3) Не должно было приниматься никаких частных законов или привилегий — то есть законов, налагающих какое-либо наказание или ограничение прав на отдельного гражданина, по своему характеру схожих с нашими актами о лишении гражданских прав.

(4) Существовала возможность обжалования приговора любого магистрата перед народом, и ни один гражданин не мог быть приговорен к смертной казни, кроме как перед центуриатским собранием.

(5) Старый закон или обычай, запрещающий любые смешанные браки (*connubium*) между двумя сословиями, был теперь официально подтвержден, и таким образом было положено окончательное препятствие любому уравниванию двух сословий. Нельзя было ожидать такого уравнивания, когда национальный закон провозглашал их принадлежность к разным расам, неспособным смешиваться друг с другом.

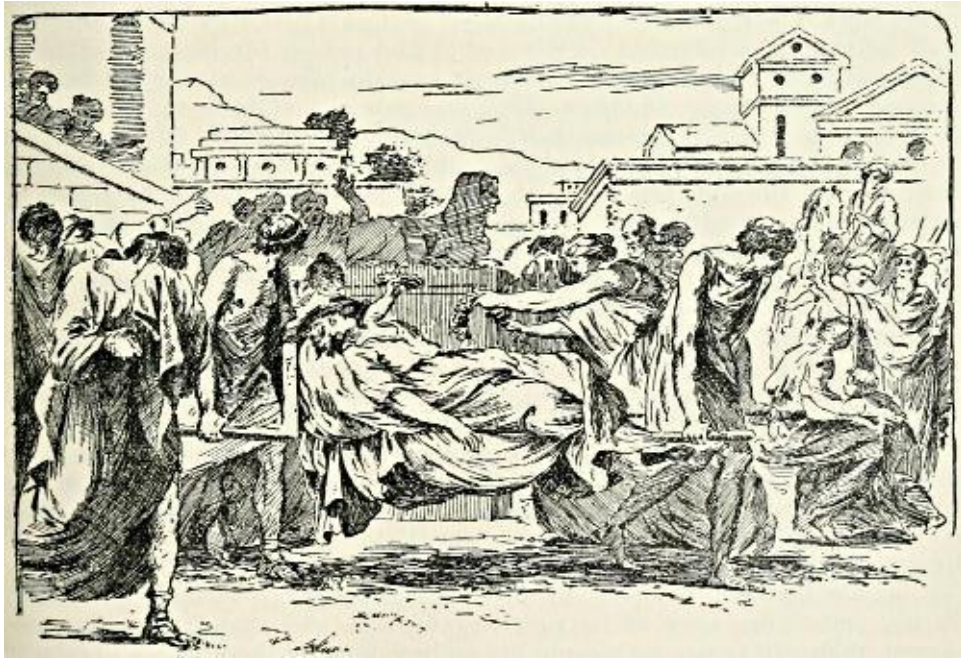
(6) К этому можно добавить знаменитый закон, согласно которому любой, кто писал пасквилы или клеветнические статьи о своих соседях, подлежал лишению гражданских прав (*diminutio capitis*). По этому закону был наказан поэт Невий, когда он напал на великий род Метеллов.^[c]

[29] [На самом деле, плебеи занимали эту должность всего два или три года; затем она перешла исключительно в руки патрициев. См. Herzog.^[m]]

[30] [«После этих событий», — говорит Эвтропий,^[f] «в городе была проведена перепись населения, в ходе которой было установлено, что число граждан составляет 119 319 человек».]

[31] [То есть, согласно Плутарху.^[i] Другие источники называют Ветурию именем его матери, а Волумнию — его жены.]

[32] [Эвтропий^[f] пишет о нем следующую мрачную эпитафию: «Он был вторым после Тарквиния, кто выступил в качестве полководца против своей страны».]

Тело Виргинии пронесли по улицам Рима

ГЛАВА VII. ВТОРЖЕНИЕ ГАЛЛОВ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Мы подошли к периоду, когда мужество и стойкость римлян подверглись суровому испытанию — когда один из неизвестных народов севера, впоследствии ставший известен как галлы, вторгся в Италию и, наконец, подошел к стенам самого Рима. Это были отважные воины, по-видимому, столь же мужественные, как и сами римляне, и привыкшие побеждать всех на своем пути.

Точные подробности их конфликта с римлянами настолько смешались с преданиями, что в наши дни никто не претендует на то, чтобы знать, как все было на самом деле. Полный рассказ об их предполагаемых деяниях приводится Ливием (с) и вполне может быть воспроизведен здесь, чтобы показать, что считалось историей на протяжении всех этих веков и что, возможно, является максимально приближенным к истории, на что мы можем надеяться в этом вопросе. Если не по другой причине, то мы должны обратиться к этому рассказу, потому что он содержит события, которые стали пословицами. Здесь, например,

можно найти рассказ о гогочущих гусах, которые разбудили Марка Манлия и благодаря ему спасли город от галлов, которые тайно взбирались на высоты. Здесь же рассказывается история о том, как римляне, вынужденные в конце концов капитулировать из-за голода и моровой язвы, пожаловались на несправедливые весы, которые использовали галлы, и как Бренн, покоривший их вождь, бросил свой меч на весы, выкрикнув надменно: «Горе побежденным!» Драматическая кульминация с истинной театральной точностью заставляет когда-то изгнанного Камилла, теперь диктатора римлян, появиться именно в этот момент, чтобы предложить дерзкому Бренну меч вместо золота, и в конечном итоге победить его и его войска, уничтожив их до последнего человека.

Так заканчивается история, которую Ливий и его последователи сделали известной на все времена. Сейчас уже не имеет значения, насколько это правда, а насколько вымысел; и даже если бы это имело значение, факты никогда не будут известны. Несмотря на все споры специалистов по поводу тех или иных деталей этого события, мы должны довольствоваться тем, что галлы действительно вторглись в Италию в этот период, что они действительно завоевали и разграбили Рим, уничтожив большую часть его ценных архивов, и что в конце концов, по неизвестной нам причине, завоеватели ушли, оставив римлянам возможность восстановить свой город и возобновить прерванный курс своего прогресса.

Возможно, долгосрочное значение вторжения было связано скорее с уничтожением римских архивов, лишивших нас возможности узнать истинную историю раннего периода Рима, чем с какими-либо другими прямыми бедствиями, которые галлы причинили своим врагам.^a

ГАЛЛЫ

[391-390 гг. до н. э.]

Ход римской истории, до сих пор нарушаемый лишь мелкими пограничными войнами, теперь подвергается сильным потрясениям. На востоке и севере республика доминировала над своими соседями; на западе хрупкие олигархии Этрурии пали перед Камиллом и его отважными солдатами; когда же в результате неблагоприятного стечения обстоятельств Рим увидел, как его лучший полководец был изгнан, и услышал о варварском войске, которое опустошало прекрасную землю Италии. Галлы ворвались в Лациум и прилегающие земли с внезапностью грозы. Они пронеслись по Италии, сокрушая и разрушая все на своем пути. Этруски были ослаблены этим; и если сам Рим был повержен, то латины также сильно пострадали, волски дрожали, а эквиты были безвозвратно ослаблены.

Галлы были племенем той большой расы человечества, которая известна под названием кельты и которая в то время заселяла почти всю западную Европу, от центра Германии до океана. Северные и центральные части континента уже были в руках различных народов, называемых общим именем германцы или тевтоны, к которым принадлежали готы, саксы, даны, норманны, лангобарды, франки и аламаны, в то время как кельты владели Францией, большей частью Германии, большей частью Испании и Португалии, а также Британскими островами. Эти кельты делились на две большие группы, обычно называемые гаэлами и кимрами, которые различались по обычаям и языку. Древние жители Франции были гаэлами, жители Британии и Бельгии — цимри; и друидская религия, хотя иногда и принимавшаяся гаэлами, была по сути и изначально цимрской. Гаэлы до сих пор встречаются в Ирландии и в горных районах Шотландии; цимры — в Уэльсе и Нижней Бретани; и они оставили следы своего имени в Камберленде.

До того времени, о котором мы сейчас говорим, в кельтских народах произошло большое переселение. Две большие группы вышли из Галлии. Одна из них пересекла Альпы и проникла в Италию, а другая, двигаясь на восток, со временем проникла в Грецию, а затем перешла в Малую Азию, где они были известны под именем галатов.

Предполагается, что гаэлы, жившие в восточных частях Галлии, угнетаемые кымрийскими племенами с запада и севера, отправились на поиски новых домов в дальних землях, как в более поздние времена готы и германские народы были вытеснены в противоположном направлении гуннами и другими азиатскими ордами, которые устремлялись в Европу с востока. В любом случае, несомненно, что большие группы кельтов пересекли Альпы до и после этого времени и, однажды попробовав вина и фрукты Италии, не спешили возвращаться из этой прекрасной страны в свои менее гостеприимные регионы. Путь этих авантюристов, вероятно, пролегал через различные перевалы Альп, от горы Сенис и Малого Сен-Бернара до Симплона. Высыпавшись из этих проходов, они захватили богатые равнины северной Италии и заняли территорию между Альпами, Апеннинскими и Адриатическим морем, которую римляне называли Галлия Цисальпина, или Галлия. Северные этруски уступили место этим свирепым варварам, и их имя больше не упоминается в тех краях. Затем галлы пересекли Апеннины и вторглись в южную Этрурию, и, разоряя эту страну, они впервые вступили в контакт с сынами Рима.

Общепринятая дата этого события — 390 год до н. э. Как долго до этого галльские орды вторглись в Италию, мы не знаем. Но когда бы они ни пересекли Альпы в первый раз, несомненно, что теперь они впервые пересекли Апеннины.

Племя, которое пошло по этому пути, принадлежало к сенонам, как утверждают все авторы, и поэтому мы можем предположить, что они были гаэльцами; но считается, что они смешались с кимрами, поскольку имя их короля или вождя было Бреннус, а «*бренхин*» в переводе с кимрского означает «король». Их описывают как крупных, со светлой кожей, желтыми волосами и голубыми глазами, во всех отношениях контрастирующих с коренными жителями южной Италии. Они отличались высоким мужеством, но были непостоянны в своих настроениях. Они были более приспособлены к действию, чем к выносливости; способны были завоевывать, но не достаточно устойчивы, чтобы удерживать и защищать свои завоевания.

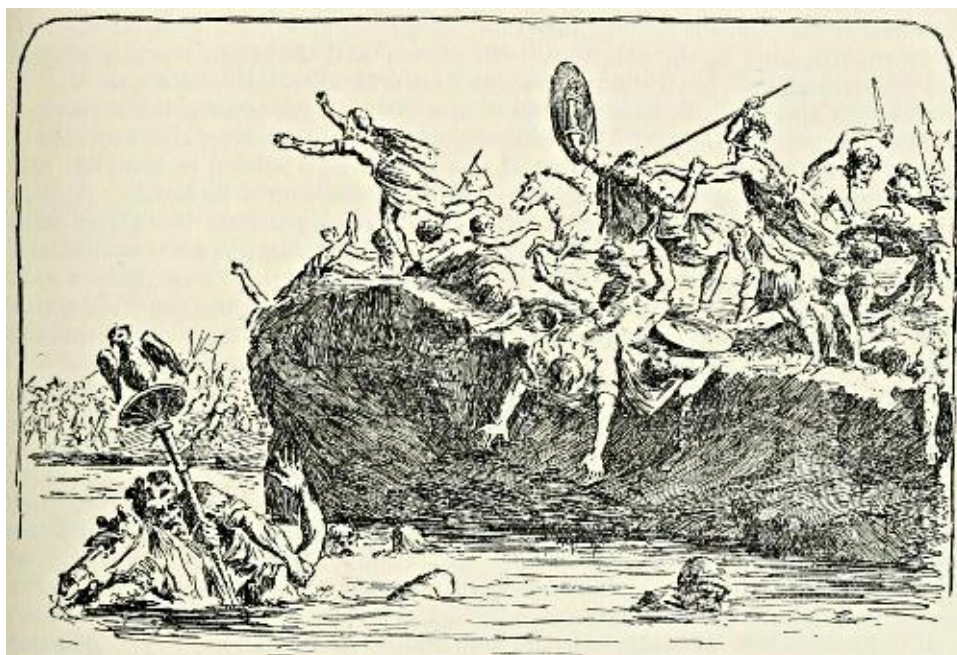
Бреннус и его варвары (как говорили или пели) проникли в Этрурию по приглашению Аруна, гражданина Клузия (Кьюзи), чья дочь была опозорена молодым лукумо или дворянином из того же места. Чтобы отомстить за личную обиду, этот этруск призвал на помощь галлов, как граф Юлиан в испанском романе призвал на помощь мавров, чтобы отомстить за соблазнение своей дочери Родериком Готским. Галлы, не прочь, пересекли горы и осадили Клузий; на что этруски города, испуганные и беспомощные, отчаявшись получить эффективную помощь от своих соотечественников, послали просить помощи в город на Тибре, который завоевал так много старых этруских городов. Общая опасность делает друзьями врагов, и сенат решил поддержать этрусков против варваров. Однако все, что они сделали, это послали трех послов, сыновей Фабия Амбуста, верховного жреца, чтобы предупредить галлов не вмешиваться больше в дела жителей Клузия, поскольку Клузий был союзником Рима. Варвары не обратили особого внимания на это послание и продолжили войну. Случилось так, что пока три Фабия еще находились в Клузиуме, произошло сражение, и они, забыв о своем мирном характере послов, приняли сторону клузийцев против галлов, и одного из них видели, как он снимал оружие с убитого им галльского воина. Взбешенные варвары потребовали немедленно вести их на город, сыновья которого проявили такую неверность, но их вожди удержали их и отправили в Рим

посольство с требованием выдать послов. Тогда сенат, не желая решать столь важное дело, передал его на рассмотрение народу; и народ не только не внял требованиям галлов, но на следующих комициях все трое послов были избраны военными трибунами. Узнав об этом грубом и открытом оскорблении, Бренн разобрал свой лагерь в Клузиуме и двинулся на юг, к Риму. Река Кланис, на берегу которой стоял Клузий, привела их к Тибру ниже Волсинии. Переправившись через эту реку и устремившись по ее левому берегу, они столкнулись с римлянами на берегу Аллии, небольшой реки, берущей начало в Сабинских холмах и впадающей в Тибр почти напротив Кремеры. Их левый фланг опирался на Тибр, Аллия была перед ними, а правый фланг занимал холмистую местность. Бренн не стал атаковать фронтом, а бросил все свои силы на правый фланг врага; римляне, увидев, что их позиции прорваны, охватила паника, и они бежали. Большая часть бросилась в Тибр в надежде перебраться через реку в Вейи, и многим удалось спастись, но многие утонули, а многие были пронзены галльскими копьями. Небольшое число достигло Рима.^b

РАССКАЗ ЛИВИЯ О ГАЛЛАХ В РИМЕ

[390 г. до н. э.]

Чудесное достижение столь внезапной победы привело даже галлов в состояние оцепенения. Сначала они стояли неподвижно в панике, как будто не понимая, что произошло; затем они заподозрили уловку; наконец, они начали собирать добычу убитых и складывать оружие в кучи, как это принято у них. Наконец, когда нигде не было замечено никаких признаков враждебности, они продолжили свой путь и незадолго до заката достигли города Рима. Там всадники, которые выехали вперед, принесли весть, что ворота не закрыты, что перед воротами нет стражи, не было вооруженных войск на стенах, их остановила еще одна причина для удивления, подобная предыдущей; опасаясь ночи и незнания положения в городе, они расположились между Римом и Анио, предварительно отправив разведчиков к стенам и нескольким воротам, чтобы выяснить, какие планы примет враг в своей отчаянной ситуации.

СРАЖЕНИЕ МЕЖДУ РИМЛЯНАМИ И ГАЛЛАМИ У РЕКИ АЛЛИИ

Что касается римлян, то, поскольку большая часть из них ушла с поля битвы в Вейи, и никто не предполагал, что кто-либо выжил, кроме тех, кто бежал обратно в Рим, — всех, как живых, так и мертвых, считали погибшими, — весь город наполнился плачем. Тревога за общественные интересы заглушила частную скорбь, как только было объявлено, что враг близок. Вскоре варвары, патрулирующие стены в отрядах, слышали их крики и диссонансный лязг оружия. Все время до следующего дня их умы находились в таком состоянии напряженности, что казалось, что в любой момент на город будет совершено нападение: при первом приближении, когда они прибыли к городу (это было ожидаемо); ведь если бы это не было их замыслом, они остались бы у Аллии; затем, ближе к закату, поскольку дня оставалось не много, они вообразили, что враг нападет на них до наступления ночи; затем, что замысел был отложен до ночи, чтобы нанести более сильный удар. Наконец, с наступлением света их охватило отчаяние; и само бедствие последовало вслед за их непрекращающимся опасением, когда войска Аллии () вошли в ворота в боевом порядке. Однако в ту ночь и на следующий день положение ни в коей мере не напоминало то, которое так трусливо сдалось при Аллии. Поскольку не было никакой надежды на то, что город можно будет защитить, учитывая столь малое количество оставшихся войск, было решено, что молодые люди, пригодные к военной службе, и наиболее способные члены сената с женами и детьми должны укрыться в цитадели и на Капитолии, собрав запасы оружия и зерна; и оттуда, из укрепленного поста, они должны были защищать божеств, жителей и римское имя; чтобы фламен (Квиринальский) и весталки унесли подальше от резни и пожара предметы, относящиеся к религии государства; и чтобы их поклонение не прерывалось, пока не останется никого, кто мог бы его продолжать. Если цитадель и Капитолий, обитель богов, если сенат, источник общественного совета, если молодежь военного возраста переживут надвигающуюся гибель города, то потеря стариков, оставшихся в городе и обреченных на гибель^[33], будет незначительной. И чтобы плебейская часть народа могла с большей покорностью перенести это, старики, которые пользовались триумфами и консульскими должностями, открыто заявили, что умрут вместе с ними и не будут обременять скудные запасы вооруженных людей телами, с которыми они теперь не в состоянии нести оружие или защищать свою страну. Таково было утешение, которое старики, теперь обреченные на смерть, давали друг другу.

Затем они обратились с призывом к группе молодых людей, которых сопровождали в Капитолий и цитадель, поручая их доблести и молодости все, что могло остаться от города, который на протяжении 360 лет побеждал во всех своих войнах. Когда те, кто нес с собой всю их надежду и ресурсы, расстались с остальными, которые решили не выживать после падения своего захваченного города, как само обстоятельство, так и его внешний вид были действительно печальными, а также плач женщин и их нерешительное бегание туда-сюда, следуя то за одними, то за другими и спрашивая своих мужей и детей, что с ними будет, (все вместе) не оставляли ничего, что можно было бы добавить к человеческому несчастью. Однако очень многие из них сопровождали своих друзей в цитадель, и никто их не останавливал и не приглашал, потому что мера, выгодная для осажденных, а именно сокращение числа бесполезных людей, мало соответствовала гуманности.

Остальная толпа, в основном плебеи, которых не могла вместить такая маленькая возвышенность и которых было невозможно прокормить в условиях такой нехватки зерна, высыпала из города, как будто в одном непрерывном потоке, и направилась к Яникулу. Оттуда некоторые рассеялись по стране, некоторые направились в соседние города, без какого-либо лидера или согласованного плана, следуя своим собственным надеждам и планам, поскольку общественные планы были признаны безнадежными. Тем временем фламен Квиринальский и весталки, отложив в сторону все заботы о своих делах, советуясь, какие из священных предметов следует взять с собой, а какие оставить, поскольку у них не

было сил унести все, или где их лучше всего хранить в безопасности, решили, что лучше всего положить их в бочки и закопать в часовне, примыкающей к резиденции фламена Квиринала, где тогда было кощунством плевать. Остальное они унесли с собой, разделив груз между собой, по дороге, которая вела через Субликийский мост к Яникулу.

Тем временем в Риме, после того как были приняты все меры, насколько это было возможно в такой чрезвычайной ситуации, для защиты цитадели, толпа пожилых людей, вернувшись в свои дома, ждала прихода врага, твердо готовые к смерти. Те из них, кто занимал курульные должности, чтобы умереть в знаках своего прежнего положения, почестей и заслуг, надели самые роскошные одежды, которые носили те, кто вез божественные колесницы в процессии, или те, кто ехал в триумфе, и сели на свои слоновые стулья посреди своих залов. Некоторые говорят, что они посвятили себя своей стране и гражданам Рима, а главный понтифик Марк Фабий диктовал форму слов.

Галлы, как потому, что с наступлением ночи у них улеглась вся ярость, вызванная раздражением сражения, так и потому, что они ни разу не сражались в честном бою и не брали город штурмом или силой, на следующий день, свободные от обиды и горячих страстей, через открытые Коллинские ворота, прошли на форум, оглядывая храмы богов и цитадель, которая была единственным свидетельством войны. Оттуда, оставив небольшую стражу, чтобы на них не напали, пока они разбежались, из цитадели или Капитолия, они разбежались в поисках добычи; улицы были совершенно пусты, некоторые из них бросились в ближайшие дома, а некоторые отправились в самые отдаленные, полагая, что те не тронуты и полны добычи.

Впоследствии, испугавшись самой пустоты, чтобы враг не застал их врасплох, пока они были рассеяны, они вернулись группами на Форум и в прилегающие к нему районы, где дома простолюдинов были закрыты, а залы вельмож оставались открытыми, и почти больше колебались атаковать открытые дома, чем закрытые; настолько они с почтением смотрели на людей, сидящих на портиках дворцов, которые, помимо своих украшений и одежд, более величественных, чем у людей, были поразительно похожи на богов по величественности, которую проявляли их взгляд и серьезность лица. Пока они стояли, глядя на них как на статуи, говорят, что Марк Папирий, один из них, вызвал гнев галла, ударив его по голове слоновой костью, когда тот гладил свою бороду, которую тогда все носили длинной; и что кровопролитие началось с него, а остальные были убиты на своих местах. После убийства знати никто не был пощажен; дома были разграблены, а когда опустели, подожжены.

Но то ли все не были одержимы желанием уничтожить город, то ли так было решено ведущими людьми галлов, чтобы некоторые пожары были представлены на их обозрение (чтобы увидеть), можно ли заставить осажденных сдаться из-за привязанности к своим жилищам, и чтобы не были сожжены все дома, чтобы та часть города, которая останется, могла служить залогом для воздействия на умы врагов, огонь в первый день ни в коем случае не распространялся без разбора или широко, как это обычно бывает в захваченном городе.

Римляне, наблюдая с цитадели за городом, заполненным врагами, и их беготней по всем улицам, с новыми бедствиями, происходящими в каждом районе, не могли сохранять самообладание и даже полностью контролировать свои уши и глаза. Куда бы ни привлекали их внимание крики врага, вопли женщин и детей, треск пламени и грохот падающих домов, туда, испуганные каждым происшествием, они обращали свои мысли, лица и глаза, как будто судьба сделала их зрителями гибели своей страны и оставила их защитниками только самих себя, а не своего имущества: они заслуживали сочувствия гораздо больше, чем любые

другие, кто когда-либо подвергался осаде, потому что, будучи отрезанными от своей страны, они были осаждены, видя все свое имущество в руках врага. Ночь, которая последовала за таким шокирующим днем, не была более спокойной; за беспокойной ночью последовал день, и не было ни одного момента, когда не происходило бы какое-то новое бедствие. Обремененные и подавленные столькими бедами, они ничуть не ослабили свою решимость (решимость), хотя и видели, как все вокруг охвачено пламенем и превращается в прах, защищать своей храбростью холм, который они занимали, небольшой и плохо укрепленный, оставленный (в качестве убежища) для свободы. И теперь, когда те же события повторялись каждый день, как будто привыкнув к несчастьям, они отвлекали свои мысли от всех ощущений своего положения, рассматривая только свое оружие и мечи в своих правых руках как единственные остатки своих надежд.

Галлы, после нескольких дней безуспешной войны против зданий города, увидев, что среди пожаров и руин захваченного города не осталось ничего, кроме вооруженных врагов, не испуганных столькими бедствиями и не склонных думать о капитуляции, если только не будет применена сила, решили прибегнуть к крайним мерам и атаковать цитадель. На рассвете был дан сигнал, и все их войско собралось на форуме; оттуда, подняв крик и сформировав тестудо, они двинулись в атаку. Римляне, действуя ни опрометчиво, ни поспешно, усилили охрану на всех подступах и сосредоточили основные силы в том месте, где видели приближающиеся батальоны, позволив врагу подняться, полагая, что чем выше он поднимется, тем легче будет сбросить его обратно вниз по крутому склону. Примерно на середине подъема они встретили их и, совершив оттуда атаку с более высокой позиции, которая сама по себе несла их на врага, разгромили галлов с большими потерями и разрушениями, так что после этого они больше никогда, ни отдельными отрядами, ни всей своей силой, не пытались вести такого рода боевые действия.

Отбросив всякую надежду на успех с помощью оружия, они приготовились к осаде; не имея до того времени никакого представления о ней, они, сжигая город, уничтожили все находившееся в нем зерно, и в те самые дни все продовольствие было вывезено из страны в Вейи. Соответственно, разделив свою армию, они решили, что одна часть будет грабить соседние государства, а другая будет продолжать осаду цитадели, чтобы грабители страны могли снабжать осаждающих зерном.

Галлы, выступившие из города, были приведены самой судьбой, чтобы испытать римскую доблесть, в Ардею, где находился в изгнании Камилл, который, более огорченный судьбой государства, чем своей собственной, томился в тоске, обвиняя богов и людей, горя от негодования и удивляясь, где же теперь те люди, которые вместе с ним взяли Вейи и Фалерии, которые вели другие войны скорее благодаря своей доблести, чем благосклонности судьбы, вдруг услышал, что приближается армия галлов и что жители Ардеи в смятении собрались на совет по этому поводу.

И друзья, и враги были убеждены, что в то время не было никого, кто мог бы сравниться с ним по военному таланту. После того как собрание было распущено, они подкрепились, внимательно выжидая момента, когда будет дан сигнал; когда сигнал был дан, в тишине начала ночи они сопровождали Камилла к воротам. Отправившись недалеко от города, они обнаружили лагерь галлов, как и было предсказано, незащищенным и заброшенным со всех сторон, и с криком напали на него. Нигде не было сражения, но везде была резня; их тела, обнаженные и расслабленные сном, были изрублены на куски. Однако те, кто находился дальше всего, пробудившись от сна, не зная, что это за шум и откуда он, бросились бежать, а некоторые из них, не заметив этого, попали прямо в окружение врага. Многие из них бежали на территорию Антиума, где жители города напали на них во время их беспорядочного марша, окружили и уничтожили.

Подобная резня была устроена над тосканцами на территории Веиента; они были так далеки от сострадания к городу, который был их соседом почти четыреста лет, теперь побежденному странным и неслыханным врагом, что в то самое время совершили набеги на римскую территорию и, нагруженные добычей, собирались осадить Вейи, оплот и последнюю надежду римского народа. Римские солдаты видели, как они разбредались по стране, собирались в отряд, гнав перед собой добычу, и заметили, что их лагерь разбит недалеко от Вейи. Тогда их охватили сначала сожаление о себе, затем возмущение, а потом и обида: «Неужели их бедствия должны были стать предметом насмешек этрусков, от которых они отвернулись, чтобы вести галльскую войну против себя?» Они едва могли сдерживать свои страсти, чтобы не напасть на них в тот же момент; и, удержанные Квинтом Цедицием, центурионом, которого они назначили своим командиром, они отложили решение этого вопроса до ночи. Нужен был только полководец, равный Камиллу; в остальном все шло в том же порядке и с тем же счастливым исходом. Кроме того, под руководством нескольких пленников, переживших ночную резню, они выступили на Салины против другого отряда тусковцев; на следующую ночь они внезапно нанесли еще больший ущерб и вернулись в Вейи, ликующие от двойной победы.

Тем временем в Риме осада в целом шла медленно, и обе стороны сохраняли спокойствие, галлы были сосредоточены только на том, чтобы ни один из врагов не смог сбежать из-под их поста; когда внезапно один римский юноша привлек к себе восхищение как соотечественников, так и врагов. В определенное время семья Фабиев проводила жертвоприношение на Квиринальском холме. Чтобы выполнить это, Гай Фабий Дорсо спустился с Капитолия в Габинском поясе, неся в руках священные предметы, прошел через середину вражеского поста, не обращая никакого внимания на крики и угрозы кого-либо из них, и достиг Квиринальского холма; и, должным образом совершив там торжественные обряды, вернулся тем же путем с тем же твердым выражением лица и походкой, уверенный в благосклонности богов, поклонение которым он не пренебрег даже тогда, когда ему это запрещал страх смерти, и вернулся на Капитолий к своим друзьям, а галлы были либо потрясены таким необычным проявлением смелости, либо тронуты религиозными соображениями, к которым народ отнюдь не был равнодушен.

Тем временем не только мужество, но и сила тех, кто находился в Вейях, увеличивалась с каждым днем, и не только благодаря римлянам, которые стекались туда из сельской местности, заблудившись после неудачной битвы или катастрофы, связанной с захватом города, но и благодаря добровольцам, приезжавшим из Лация, чтобы получить долю добычи. Теперь казалось, что настало время, когда их страна должна быть восстановлена и спасена из рук врага. Но этому сильному отряду не хватало главы. Само это место напоминало им о Камилле, и значительная часть отряда состояла из солдат, которые сражались под его руководством и покровительством, и Цедиций заявил, что не даст повода никому, будь то бог или человек, положить конец его командованию, а помня о своем собственном звании, он сам назначит генерала. По общему согласию было решено, что Камилл должен быть вызван из Ардеи, но только после консультации с сенатом в Риме; настолько чувство приличия регулировало каждое действие, и настолько тщательно они соблюдали различия между вещами в своих почти отчаянных обстоятельствах. Им пришлось с большим риском пройти через вражеские посты. Для этой цели энергичный юноша Понтий Коминий предложил свои услуги и, опираясь на пробку, был перенесен по Тибру в город. Оттуда, где расстояние от берега было наименьшим, он пробрался на Капитолий по части скалы, которая была крутой и поэтому не охранялась вражеской стражей, и, будучи доставлен к магистратам, передал инструкции, полученные от армии. Затем, получив постановление сената о том, что Камилл должен быть отозван из изгнания на комициях куриатных и немедленно назначен диктатором по решению народа, а солдаты

должны получить генерала, которого они желают, он прошел тем же путем и отправился со своими депешами в Вей; а к Камиллу в Ардею были посланы депутаты, которые сопровождали его в Вейи; либо же закон был принят курией, и он был назначен диктатором в его отсутствие; ибо я более склонен полагать, что он не вышел из Ардеи, пока не узнал, что закон принят, потому что он не мог ни сменить место жительства без приказа народа, ни сохранить за собой привилегию *auspices* в армии, пока не был назначен диктатором.

В то время как все это происходило в Веях, цитадель и Капитолий в Риме находились в большой опасности. Ибо галлы либо заметили следы человеческих ног там, где прошел гонец из Вей, либо сами заметили, что в лунную ночь легко подняться по скале у храма Карментиса, и сначала послали вперед безоружного человека, чтобы он испытал путь, а затем, когда возникли трудности, сдавали оружие, поочередно поддерживая и поддерживая друг друга, подтягивая друг друга, в зависимости от рельефа местности, они достигли вершины в такой тишине, что остались незамеченными не только часовыми, но и собаками, которые обычно очень чутко реагируют на ночные шумы.

Римский солдат

Они не ускользнули от внимания гусей, которые, будучи священными для Юноны, были пощажены, хотя и находились в крайней нехватке пищи. Это обстоятельство и стало причиной их спасения. Марк Манлий, который три года назад был консулом, человек, прославившийся на войне, проснувшись от их гоготания и хлопанья крыльями, схватил свое оружие и, призвав других сделать то же самое, направился к месту происшествия; и пока другие были в замешательстве, он ударил выпуклостью своего щита и сбил галла, который уже стоял на вершине; и когда падение этого человека повалило тех, кто был рядом с ним,

он убил других, которые в своем смятении бросили оружие и ухватились за скалы, к которым прижимались. А теперь и остальные, собравшись, сбили врага копьями и камнями, и вся банда, потеряв опору, была сброшена в пропасть в беспорядочной катастрофе. Когда тревога улеглась, остаток ночи был посвящен отдыху (насколько это было возможно, учитывая их возбужденное состояние), хотя опасность уже миновала, но все еще держала их в состоянии беспокойства.

С наступлением дня солдаты были созваны звуком трубы на собрание трибунов, где должны были быть вознаграждены как заслуги, так и проступки; Манлий был первым, кого похвалили за храбрость и наградили подарками не только военные трибуны, но и солдаты, которые с согласия всех принесли в его дом, находившийся в цитадели, по полфунта зерна и по полпинты вина: в общем-то мелочь, но в условиях господствующего дефицита это было ярким доказательством уважения, когда каждый, лишая себя собственной пищи, в честь одного человека вносил вклад, отнимая часть от своего тела и от своих необходимых потребностей. Затем были вызваны стражники того места, где враг незаметно поднялся наверх, и когда Квинт Сульпиций открыто заявил, что он накажет всех в соответствии с военной дисциплиной, он пощадил остальных, удержанный согласным криком солдат, которые возложили вину на одного часового. Человека, который был явно виновен в преступлении, он с одобрения всех сбросил со скалы. С этого момента стражи с обеих сторон стали более бдительными: со стороны галлов — потому что распространился слух, что между Веями и Римом ходили посыльные, а со стороны римлян — из-за воспоминания об опасности, которая произошла ночью.

Но помимо всех бедствий осады и войны, обе армии страдали от голода; кроме того, галлов угнетала чума, поскольку они расположились лагерем в месте, расположенном между холмами, нагретом от сжигания домов и полном испарений, и при любом ветре поднимались не только пепел, но и угли; а народ, привыкший к влажности и холоду, не переносил этих неудобств, и, сильно страдая от жары и удушья, они умирали, болезни распространялись, как среди скота, и, устав хоронить по отдельности, они складывали тела в кучу и сжигали их; и это место стало известно под названием «Галльские кучи».

Теперь с римлянами было заключено перемирие, и с разрешения полководцев были проведены переговоры, на которых галлы часто упоминали о голоде и ссылались на его остроту как на дополнительный мотив для своей капитуляции, и, чтобы развеять это мнение, хлеб, как говорят, бросали во многих местах с Капитолия в передовые посты врага. Но голод нельзя было ни скрыть, ни терпеть дольше. Соответственно, пока диктатор лично занимался набором войск, приказывая своему коменданту конницы Луцию Валерию привести войска из Веи, делая приготовления и распоряжения, чтобы он мог атаковать врага на равных условиях, тем временем армия Капитолия, утомленная дежурством и караулом, преодолев все человеческие страдания, пока природа не позволяла преодолеть только голод, ждала день за днем, чтобы увидеть, придет ли помощь от диктатора, в конце концов, когда иссякли не только запасы продовольствия, но и надежда (), а оружие тяготело на их ослабленных телах, пока сменяли караулы, настояла на том, чтобы либо сдаться, либо выкупить их на любых возможных условиях, галлы довольно ясно дали понять, что их можно убедить отказаться от осады за не очень большую компенсацию. Затем был создан сенат, и военным трибунам было дано указание капитулировать.

После этого вопрос был решен между военным трибуном Квинтом Сульпицием и вождем галлов Бреннусом, и в качестве выкупа за народ, который вскоре должен был стать правителями мира, было согласовано тысяча фунтов золота. К самой по себе очень унижительной сделке добавилось еще и оскорбление. Галлы принесли фальшивые весы, и

когда трибун возразил, наглый галл бросил его меч в весы и произнес фразу, невыносимую для римлян: «Горе побежденным!».

ДОГОВОР РИМЛЯН С ГАЛЛАМИ

(По Мирису)

Но и боги, и люди вмешались, чтобы не дать римлянам жить на условиях выкупа; ибо по случайному стечению обстоятельств, прежде чем была уплачена эта отвратительная цена, все золото еще не было взвешено из-за ссоры, появился диктатор и приказал убрать золото, а галлам — уйти. Когда они, сопротивляясь ему, утверждали, что заключили сделку, он отрицал, что соглашение было действительным, поскольку оно было заключено с магистратом низшего ранга без его приказа, после того как он был назначен диктатором; и он дает галлам знак готовиться к битве. Он приказал своим людям сложить багаж в кучу, приготовить оружие и отвоевать свою страну с помощью стали, а не золота, имея перед глазами храмы богов, своих жен и детей, землю своей страны, изуродованную бедствиями войны, и все те объекты, которые они были торжественно обязаны защищать, отвоевывать и мстить. Затем он выстроил свою армию, насколько позволяла местность, на месте полуразрушенного города, которое было неровным по своей природе, и обеспечил своим людям все те преимущества, которые можно было подготовить или выбрать с помощью военного мастерства.

Галлы, сбитые с толку неожиданным событием, взяли в руки оружие и, руководствуясь скорее яростью, чем здравым смыслом, бросились на римлян. Теперь удача повернулась к ним спиной; теперь римлянам помогали боги и человеческая мудрость. Поэтому в первом столкновении галлы были разгромлены без больших трудностей, как и когда они одержали победу при Аллии. Затем они были разбиты под командованием и при поддержке того же Камилла в более регулярном сражении у восьмого камня на Габинской дороге, куда они устремились после поражения. Там произошла всеобщая резня: их лагерь был захвачен, и не осталось ни одного человека, который мог бы сообщить о поражении.

Диктатор, отвоевав свою страну у врага, возвращается в город с триумфом; и среди грубых военных шуток, которые они бросают в таких случаях, его называют, с вовсе не незаслуженной похвалой, Ромулом, родителем своей страны и вторым основателем города. Свою страну, таким образом, сохраненную с помощью оружия, он, несомненно, спас во второй раз в мирное время, когда помешал народу переселиться в Вейи, поскольку трибуны настаивали на этом с большей настойчивостью после сожжения города, а простой народ сам

был более склонен к этой мере; и это было причиной того, что он не сложил с себя диктаторские полномочия после триумфа, поскольку сенат умолял его не оставлять государство в столь нестабильном состоянии.^c

ДРУГИЕ СВЕДЕНИЯ О ОТХОДЕ ГАЛЛОВ

[390-349 гг. до н. э.]

Таков был конец легенды. Но, к несчастью для римского самолюбия, и здесь, как и в рассказе о Порсенне, сохранились следы подлинной истории, которые показывают, как мало римские летописцы ценили правду. Полибий рассказывает нам, как будто он не знает другой истории, что уход галлов был вызван известием о том, что венецианцы, иллирийское племя, вторглись в их поселения в северной Италии, и что они действительно получили золото и без помех ушли домой. Позднее историк добавляет, что Друз, старший брат императора Тиберия, вернул это самое золото галлам своего времени.

Галлы оставили город в руинах, каким бы образом они ни были вынуждены отступить, будь то меч Камилла или более мягкое убеждение золотом. Два более поздних вторжения галлов отличаются двумя известными легендами: последней или почти последней, которые встречаются на страницах римской истории.

В доме Манлиев была семья, носившая имя Торкват. Говорили, что это имя было завоевано Т. Манлием, который в 361 г. до н. э. сражался с гигантским галльским воином на мосту через Анио и убил его. С шеи убитого врага он снял массивную цепь (*torques*), которую галльские вожди обычно носили. Он надел ее на свою шею и, вернувшись с триумфом к своим друзьям, с тех пор стал известен под именем Т. Манлий Торкват. О нем мы еще услышим.

Снова, когда Л. Камилл, племянник великого Камилла, преследовал галлов по равнинам Волсции в 349 г. до н. э., чемпион вызвал любого из римских юношей на единоборство. Вызов был с готовностью принят М. Валерием, который рядом с огромным галлом выглядел просто юнцом. В начале боя (удивительно, но факт) на его шлем сел ворон; и пока они сражались, птица сбивала галла с толку, летая ему в лицо, ударяя клювом и махая крыльями перед его глазами, так что он легко пал жертвой молодому римлянину. С тех пор М. Валерий и его потомки стали известны под именем Корвус. О нем мы еще услышим в дальнейшем, поскольку он стал великим полководцем и не раз спасал свою страну от большой опасности.

^b

Так гласит легенда о первом великом событии в истории Рима — событии настолько важном, что его отголоски дошли даже до Греции. «Захват Рима галлами, — говорит Джордж Корнуолл Льюис,^f — это первое событие в истории Рима, которое, насколько нам известно, привлекло внимание современных греков. Плутарх говорит, что Гераклid из Понта упомянул о сообщении с далекого Запада, в котором описывался греческий город под названием Рим, расположенный где-то недалеко от великого моря, как захваченный армией из далекой страны гиперборейцев».

Ине^a очень скептически относится к большинству легенд, даже предполагая, что легенда о гусах имела этиологическое происхождение и была просто придумана, чтобы объяснить религиозный обряд, в котором собаку пронзали копьем, а гуся украшали золотом, а не была фактически источником этого ежегодного обряда. Льюис, однако, считает, что более старая история вполне обоснована.^[34] Среди главных скептиков можно назвать Моммзена,^h Шwegлера,ⁱ и Пайса^j, который является самым радикальным из всех. Стоит процитировать

рассказ Нибура^е о всем этом событии, начиная с его комментариев к истории, которую привезли галлы из Клузия.^а

НИБУР О ПОВЕДЕНИИ РИМЛЯН

Хотя история отвергает этот инцидент как явно ложный, он хорошо подходит к легенде; и каждая легенда, которая была распространена среди народа задолго до возникновения литературы, сама по себе является живым памятником древних времен, даже если ее содержание таковым не является, и заслуживает места в истории Рима, написанной с должной любовью к предмету.

Решимость пожертвовать стариками, безусловно, не может быть названа немыслимой для древнего народа. Однако немыслимо то, что они настолько поддались влиянию патрициев, что ждали своей гибели как преданные жертвы. Могли ли они быть уверены, что желанная смерть быстро освободит их? Что безжалостная жестокость не затянет ее пытками? Что их не будут гнать как рабов, не считаясь с их силами, по прихоти варваров? Они могли бы защищать стены и ворота, могли бы сопротивляться с помощью всевозможных метательных орудий изнутри города, могли бы заставить многих своих врагов разделить их судьбу; если бы кварталы, которые сопротивлялись, были подожжены, победитель лишился бы своей добычи. Но на самом деле Ливий — единственный писатель, который говорит об этой вялой покорности. Другие рассказывали, что, пока все остальные жители покидали свои дома, восемьдесят жрецов и пожилых патрициев высшего ранга сели на Форуме на свои курульные троны в праздничных одеждах, ожидая смерти. То, что такое решение было добровольно принято мужчинами одного и того же сословия, которые считали невыносимым пережить республику и поклонение богам, ни в коем случае не является невероятным; тем более, если, решив встретить смерть, они торжественно посвятили себя через руки верховного понтифика республике и уничтожению ее врагов. С другой стороны, совершенно немыслимо, чтобы большая часть женщин и детей не покинула город, где их неизбежно ждали всевозможные оскорбления и надругательства, когда еще было возможно спастись бегством. Говорят, что в последний момент большое количество людей прорвалось вперед и получило доступ в Капитолий и цитадель; как будто, если бы это было возможно, они все не прорвались бы внутрь; как будто это небольшое место могло бы вместить больше, чем количество людей, необходимых для его защиты, с провизией для них. Наконец, история о том, что римляне в отчаянии не закрыли ворота города и что только страх перед какой-то уловкой удержал завоевателей от входа, звучит очень невероятно. Однако в этом вопросе мы не хотим никаких внутренних причин, поскольку в достоверном рассказе Диодора говорится, что галлы, обнаружив стены полностью пустыми, взломали ворота.

Было бы крайне несправедливо приписывать то, что здесь было сказано о повествовании Ливия, желанию умалить его заслуги. Такая критика не может ущемить его бессмертную славу. Как только мы перестаем требовать того, что было наименее важно для Ливия, ничто не может помешать удовольствию, которое его описание доставляет каждому непредвзятому уму. Если есть кто-то настолько раздражительный, что отказывается от этого удовольствия, потому что его рассказ оказался исторически необоснованным, мы можем его пожалеть, но не должны потакать его упрямству.

Писатель, который предпочитает сухой и пренебрегаемый отчет хорошо известному и мастерскому повествованию, должен оправдать себя и показать, что он отверг более красивую историю не из любви к парадоксам. [Нибур напоминает своим читателям о своем ранее выраженном восхищении Ливием, вновь заверив их в своей полной искренности. Затем он делает следующий красноречивый вывод]: И в своих собственных особенностях, в том богатстве и теплоте красок, которые много веков спустя стали характерными чертами

венецианских художников, родившихся под тем же небом, Ливий никогда не сиял ярче, чем в этом самом описании; более яркого описания не найти ни у одного латинского или греческого историка.^e

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГАЛЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

[390-384 гг. до н. э.]

Мы можем лучше представить, чем описать, то безмолвное отчаяние, с которым римляне, после ухода галлов, должны были смотреть на свои древние дома. Не только страна была разорена, как это часто случалось в былые времена, но и сам город, за исключением Капитолия, был грудой руин. Неудивительно, что плебеи вновь задумали навсегда покинуть Рим. Незадолго до этого они хотели переселиться в Веи, а теперь уже много месяцев жили там. Рима больше не существовало; патриотизм, по их мнению, больше не требовал от них оставаться на родине; почему бы всем — патрициям с их клиентами и вольноотпущенниками, а также плебеям — не уйти и не основать новый Рим в Веях? Камилл тщетно противостоял этим аргументам, используя все влияние, которое давали ему его недавние заслуги. Стоя на Форуме, в тени Капитолия, с цитаделью, защищаемой Манлием над их головами, на глазах у богов своей страны, теперь возвращенных из Каэры, плебеи были готовы согласиться на всеобщее переселение всего народа, когда (так гласит история) внезапное предзнаменование изменило их сердца. Один центурион вел отряд солдат через город и, остановив их на Форуме, пока вопрос горячо обсуждался, произнес следующие запоминающиеся слова: «Знаменосец, поставь знамя здесь; здесь нам будет лучше всего остаться!»

Таким образом, было решено восстановить город, и сенат сделал все, что в его силах, чтобы ускорить эту работу. Они постарались, насколько это было возможно, восстановить древние места расположения храмов, но было невозможно установить какие-либо правила для разметки улиц и определения мест проживания граждан. Все, что они сделали, это предоставили черепицу для домов за счет государственных средств. Поэтому люди строили свои дома там, где могли, где земля была наиболее очищена от мусора или где было легче всего достать старые материалы. Поэтому, когда эти дома соединялись с другими, образуя улицы, эти улицы были узкими и извилистыми, и, что еще хуже, часто строились поперек линий древних канализационных труб, так что теперь не было хорошего и эффективного водоотвода. Эта нерегулярность сохранялась до тех пор, пока Рим не был вновь отстроен после великого пожара во времена императора Нерона.

Эта спешка принесла с собой огромные беды. Здоровье города, несомненно, ухудшилось, порядок и приличия пострадали, но в тот момент существовала одна особая беда, которая грозила очень большим злом. Большинство людей, не имея ничего или почти ничего, или потеряв все в результате недавнего разрушения, были вынуждены брать деньги в долг, чтобы достроить свои жилища: а поскольку в последний сезон возделывание земли было практически приостановлено, нужда и нищета были велики. Теперь снова, как и после войн против Тарквиниев, многие из бедных были обращены в рабство в домах богатых.

Тогда М. Манлий, защитник Капитолия, выступил в качестве покровителя бедных. Он увидел, как в тюрьму уводили должника, которого он узнал как храброго центуриона, ранее служившего с ним на войне. Он немедленно оплатил долг этого человека и освободил его. Затем, продав лучшую часть своей земельной собственности, он объявил, что, пока он может это предотвратить, он никогда не допустит, чтобы его согражданин был заключен в тюрьму за долги. Его популярность возросла, и среди бедных слоев населения имя М. Манлия пользовалось большим уважением, чем имя великого Камилла. Он не довольствовался лишь

помощью нуждающимся, но также выступил обвинителем патрициев и сенаторов: по его словам, они поделили между собой часть золота, которое было собрано для оплаты галлам. С другой стороны, патриции утверждали, что Манлий стремится стать тираном Рима и что это является истинной целью всей его щедрости. Сенат распорядился назначить диктатора, и был избран А. Корнелий Косс. Он вызвал Манлия к себе и потребовал от него доказать обвинение, которое он злонамеренно выдвинул против правящего органа. Манлий не смог этого сделать и был брошен в тюрьму, но потребовал, чтобы его суд прошел в обычном порядке перед всем народом, собравшимся в своих центуриях; и его требование было удовлетворено. В назначенный день он явился на Марсово поле, окруженный толпой должников, каждого из которых он выкупил из рабства. Затем он продемонстрировал трофеи, взятые у тридцати врагов, убитых им в единоборстве; восемь гражданских венков, врученных ему за спасение жизни каждого гражданина в бою, а также многие другие знаки, врученные ему в знак храбрости. Он обнажил грудь и показал все шрамы от ран, а затем, обратившись к Капитолию, призвал на помощь тех богов, которых он спас от кощунственных рук варваров. Призыв был услышан, и если бы тогда столетия дали свои голоса, он, несомненно, был бы оправдан от обвинения в государственной измене. Поэтому его враги устроили разгон собрания, и вскоре после этого он был предан суду в другом месте, в Петелинском роще, откуда (как говорят) не было видно Капитолия. Здесь он был сразу признан виновным и приговорен к сбрасыванию с Тарпейской скалы. Затем был внесен и принят законопроект, предписывающий разрушить его дом на Капитолии и запрещающий кому-либо из его рода впредь носить имя Марк.^[35]

[384-376 гг. до н. э.]

Но были приняты меры для помощи бедным. Земли, отобранные у веентинцев на правом берегу Тибра, были теперь включены в территорию Рима и разделены на четыре племена, так что все свободные люди, поселившиеся в этих районах, становились гражданами Рима и имели право голоса в комициях как центурий, так и племен. Однако эта политическая мера служила не столько для примирения новых этрусских подданных, сколько для помощи своим собственным бедным гражданам. Кроме того, была предпринята попытка поселить ряд бедных граждан в Понтийском районе. Однако этих мер было недостаточно, чтобы залечить рану, которая все еще существовала между патрициями и плебеями. Ничто не могло быть эффективным для достижения этой цели, кроме допуска плебеев к высшей магистратуре, и теперь началась борьба за эту цель.

РИМСКИЙ РЕМЕСЛЕННИК

Говорили, что все различия между патрицианским и плебейским сословиями быстро исчезали, или, скорее, что патрицианские семьи постепенно становились все меньше, в то время как многие плебейские семьи приобретали богатство и власть. Мы уже видели, как плебеи завоевали место в сенате; им было позволено занимать должности квесторов и эдилов, а в качестве военных трибунов они могли командовать армиями государства; но на высшие курульные должности, такие как цензурство и консульство, они не допускались, и причиной этого было то, что для этих должностей необходимо было проводить гадания, а религиозные обряды могли совершаться только лицами чистой патрицианской крови. Теперь это начало восприниматься как насмешка. Люди видели своими глазами и судили своим разумом, что патриции и плебеи были людьми одинаковой природы, были одинаково призваны делить бремя и опасности на службе государству и поэтому должны были одинаково делить почести и достоинства, которые оно им предоставляло. Так много лет назад рассуждал Канулей, так теперь думали плебеи; и появились два решительных трибуна, которые в конце концов провели знаменитые законы, по которым плебеи были допущены к высшим почестям. Это были Г. Лициний Столон и Л. Секстий, его родственник.

Существует известная история о том, как они впервые были подтолкнуты к этому предприятию. Она гласит следующее: у патриция М. Фабия Амбуста было две дочери, старшая вышла замуж за патриция Сер. Сульпиция, младшая — за плебея К. Лициния. Так случилось, что Сульпиций был консульским трибуном в том же году, когда Лициний был трибуном плебеев; и когда младшая Фабия была в гостях у своей сестры, Сульпиций, возвращаясь домой с форума со своими ликторами, напугал жену плебея шумом, который он поднял, входя в дом. Старшая сестра посмеялась над этой неосведомленностью, а младшая Фабия, глубоко уязвленная, умоляла мужа поставить ее на одну ступень со своей гордой сестрой. Но эта история, должно быть, выдумана, потому что жена Лициния не могла не знать о достоинствах этой должности, и потому что ничто не мешало самому Лицинию быть консульским трибуном и таким образом равным своему зятю.^[36]

ЛИЦИНИЕВЫ РОГАЦИИ

[376 г. до н. э.]

Как бы то ни было, Лициний и Секстий, будучи в 376 г. до н. э. плебейскими трибунами, обнародовали три законопроекта, которые с тех пор носят название Лициниевых рогаций. Они были следующими:

I. Что из всех долгов, по которым были уплачены проценты, сумма уплаченных процентов должна быть вычтена из основной суммы, а остаток выплачен в течение трех последующих лет.

II. Ни один гражданин не должен владеть более чем пятьюстами югерами (около 320 акров) государственной земли, а также выпасать на государственных пастбищах более ста голов крупного рогатого скота и пятисот голов мелкого рогатого скота под угрозой тяжелого штрафа.

III. Что отныне всегда должны избираться консулы, а не консульские трибуны, и что один из двух консулов должен быть плебеем.

Из этих законов первый не является чем-то необычным для неразвитых обществ. Если люди одалживают и берут в долг деньги, они заключают юридический договор, и государство обязано поддерживать этот договор. Будут случаи, когда заемщик не сможет выплатить свои долги, и это не по его вине или небрежности; законы предусматривают случаи неплатежеспособности, в которых неплатежеспособный не виновен в мошенничестве. Но если государство аннулировало бы все законные долги, люди стали бы очень неохотно одалживать деньги, и таким образом кредит и торговля были бы разрушены. В Риме после Галльской войны, как и в Афинах во времена Солона (когда был принят аналогичный указ), все было в таком замешательстве, что, возможно, было необходимо прибегнуть к произвольным мерам; и мы вполне можем поверить, что Лициний, сам будучи богатым человеком, не вмешивался бы, если бы это не было необходимо. Но прецедент был плохим; и в более поздние времена одним из худших средств, используемых демагогами, было обещание *novæ tabulæ*, или отмены всех долгов.

Второй закон был общим аграрным законом. Прежние аграрные законы просто делили определенные части общественной земли между нуждающимися гражданами, но этот закон устанавливал общее правило, согласно которому владение (*possessio*) всеми такими землями () должно было быть ограничено. Цель Лициния была благородной. Он хотел сохранить эту выносливую расу мелких землевладельцев, которые были лучшими солдатами в государственной милиции; тогда как если бы все эти земли были поглощены богатыми, они обрабатывались бы наемными рабочими или рабами. Последующая история покажет, как несчастливо для Рима было то, что этот закон не был выполнен в полной мере.

[376-368 гг. до н. э.]

Сначала патриции были одинаково против всех этих законов; они были главными кредиторами и поэтому проиграли бы от первого закона; они владели большей частью общественных земель на льготных условиях и поэтому проиграли бы от второго закона; только они могли быть консулами и поэтому не могли смириться с третьим законом. Поэтому не стоит удивляться их яростному сопротивлению; неудивительно и то, что они привлекли на свою сторону многих богатых плебеев, поскольку эти люди пострадали бы от первых двух законов не меньше, чем они сами. Соответственно, мы видим, что некоторые трибуны наложили вето на эти законопроекты. Но Лициний и Секстий не хотели сдаваться

и сами обратили мощный инструмент вето против своих противников. Когда наступило время выборов, они запретили все процедуры в комициях центурий; в результате не могли быть избраны ни консулы, ни консульские трибуны, ни цензоры, ни квесторы. Трибуны и эдилы, которые избирались в комициях племен, были единственными государственными должностными лицами на следующий год.

Такое положение дел (как говорят римские летописцы) продолжалось пять лет,^[37] причем Лициний и Секст ежегодно переизбирались в трибуны. Но на пятый год, когда жители Тускулума, старые союзники Рима, обратились за помощью против латинян, трибуны разрешили избрать консульских трибунов для руководства армией, и среди них был М. Фабий Амбуст, тесть и друг Лициния. Последний, не только не ослабляя своих притязаний, но и предложил четвертый законопроект, предусматривающий, что вместо двух хранителей сивиллиных книг (*duumviri*), обоих патрициев, должно быть десять (*decemviri*), выбираемых поровну из обоих сословий — настолько презрительно он относился к притязаниям патрициев быть единственными служителями религии.

Патриции почувствовали, что почва уходит у них из-под ног, а народное дело с каждым днем набирает силу. Напрасно сенат распорядился назначить диктатора с целью урегулировать вопрос в их пользу. Великий Камилл в четвертый раз занял эту должность, но вскоре ушел в отставку, а П. Манлий Капитолин, который был назначен вскоре после этого, ничего не добился.

Как и в случае, когда патриции противостояли трибунам Терентилию и Канулею, теперь более умеренная партия предложила компромисс. Был принят закон о хранителях сивиллиных книг, и было предложено, чтобы две первые из лицинианских резолюций, два социальных закона, были приняты, если плебеи не будут настаивать на политическом законе и требовать допуска к высшему курульному званию. Но трибуны отказались. Они заявили, что не смогут эффективно исправить социальные бедствия своих бедных братьев, если не получат доступ к высшей политической власти, и объявили, что не позволят первым двум законопроектам стать законами, если третий не будет принят вместе с ними. «Если народ не будет есть, — сказал Лициний, — он не будет и пить». Патриции тщетно пытались обратить это заявление против них; тщетно они представляли трибунов как амбициозных людей, которые на самом деле не заботились о нуждах бедных по сравнению со своей собственной честью и достоинством; тщетно масса плебеев заявляла о своей готовности принять компромисс. Трибуны остались непреклонны перед угрозами высших слоев общества и мольбами низших. Суровый конфликт продолжался еще пять лет, пока наконец их решимость не возобладала, и в 367 году до н. э. все три законопроекта Лициния стали законом.

Этот великий триумф был достигнут без особых беспорядков (насколько нам известно) и без кровопролития. Кто может не восхищаться народом, который смог провести самые радикальные изменения с таким спокойствием и умеренностью?

Но патриции, хотя и потерпевшие поражение, еще не исчерпали всех своих средств. На первых выборах после принятия этих законов Л. Секстий был избран первым плебейским консулом. Теперь консулы, хотя и избирались на комициях центурий, наделялись империумом, или верховной властью, по закону курий. Патриции, которые составляли курии, отказались предоставить эту власть, и для поддержки этого отказа сенат приказал Камиллу, которому было уже около восьмидесяти лет, в пятый раз принять диктаторскую власть. Старый воин, всегда готовый сражаться, когда это было выгодно, понял, что теперь ничего не оставалось, кроме как сдаться с честью. Трибуны посоветовали народу подчиниться диктатору, но заявили, что по окончании его срока полномочий они будут его судить; а он, спокойно оценив положение дел, решил выступить в качестве посредника.

УРАВНОВЕШЕНИЕ ДВУХ ПОРЯДКОВ

[368-367 гг. до н. э.]

В конце концов, вопрос был решен путем дальнейшего компромисса. Плебейский консул был наделен империумом, но судебная власть была теперь отобрана у консулов и передана в руки верховного патрицианского судьи, называемого претором города (*Prætor Urbanus*), и Сп. Камилл, сын диктатора, стал первым претором. Было назначено сто человек (*centumviri*), которым он мог делегировать все сложные дела, не имеющие уголовного характера. В то же время была создана еще одна магистратура, курульный эдил, которую поочередно занимали патриции и плебеи. Эти курульные эдилы разделяли обязанности плебейских эдилов, а кроме того, должны были надзирать за большими играми, на которые им выделялась определенная сумма из казны. В то же время к этим играм был добавлен четвертый день в честь плебеев.

Таким образом, патриции потеряли одно из консульств, но сохранили часть консульских функций под другими названиями. И когда Камилл таким образом установил мир между сословиями, он пообещал построить храм Конкордии, но прежде чем он смог его освятить, старый герой умер. Однако храм был построен по его проекту; его местоположение, сейчас одно из самых известных среди древних римских памятников, до сих пор можно с большой точностью определить в северо-западном углу Форума, непосредственно под Капитолием. Здание было великолепно отреставрировано императором Тиберием, и оно заслуживало этого, поскольку было посвящено одному из величайших событий римской истории — окончательному объединению двух сословий, с которого мы должны датировать тот великолепный период, в который мы сейчас вступаем. Благодаря этому событию один город смог завоевать сначала Италию, а затем все цивилизованные страны известного мира, то есть все народы, граничащие со Средиземным морем.

В течение некоторого времени различные причины препятствовали надлежащему исполнению законов Лициния. Действительно, первые две из этих мер, направленные на социальные улучшения, можно считать неудачными. Социальные злоупотребления всегда трудно исправить. В таких случаях зло растет медленно, его корни уходят глубоко, и его можно искоренить только путем изменения привычек и чувств народа, что невозможно осуществить в рамках существующего поколения; они не поддаются сразу же воле законодателя, каким бы хорошим ни было его суждение, какими бы чистыми ни были его мотивы, какими бы справедливыми ни были его цели. Но в это время в Риме обстановка усугубляла общую трудность устранения социальных пороков.

[367-343 гг. до н. э.]

В течение двух лет в городе бушевала чума, которая унесла жизни огромного числа граждан и парализовала всю промышленность. Самым прославленным из ее жертв был Камилл, который умер еще более славно, чем жил, выполняя обязанности миротворца. Примерно в то же время регион города потрясли землетрясения; Тибр вышел из берегов и затопил Большой цирк, так что проводившиеся в нем игры были прерваны. Вскоре после этого на Форуме образовалась огромная пропасть, как будто говорящая о том, что место собраний римского народа больше не будет использоваться. Прорицатели сказали, что боги запретили этой пропасти закрыться, пока в нее не будет брошено то, что Рим считает самым ценным. Тогда, когда люди спрашивали, что это может быть, благородный юноша по имени М. Курций громко сказал, что истинным богатством Рима являются храбрые люди, что ничто другое не может быть столь достойно, чтобы быть посвященным богам. Сказав это, он

надел доспехи, сел на лошадь и прыгнул в пропасть; и сразу же, как гласит легенда, земля закрылась и стала твердой, как прежде; и это место навсегда стало называться Лакус Курций.

К этим прямым наказаниям Бога, чуме и землетрясению, добавилось еще более страшное бедствие в виде продолжающихся вторжений галлов. Выше уже упоминалось, что в 361 и 350 годах до н. э. орды этих варваров вновь вторглись в Лациум и вновь опустошили римскую территорию.

Все эти причины усугубили бедственное положение бедняков, и мы без удивления читаем, что в 357 году до н. э., через десять лет после принятия законов Лициния, Дуилий и Мэний, трибуны плебеев, внесли законопроект о восстановлении процентной ставки, установленной Двенадцатью таблицами, которая в последние беспорядки была забыта; а пять лет спустя (в 352 году) консулы выдвинули меру по содействию выполнению закона Лициния о долгах. Они назначили пятерых комиссаров (*quinqueviri*), наделенных полномочиями производить оценку всех долгов и имущества должников. После этого комиссары выделяли деньги для погашения долга в пределах, покрываемых имуществом должника. Эта мера была мудрой и полезной, но ее эффект мог быть лишь частичным. Она не могла помочь тем должникам, у которых не было имущества или которого было недостаточно для погашения долгов. Поэтому мы видим, что еще через пять лет (347 г. до н. э.) процентная ставка была снижена до 5 процентов, а через несколько лет была сделана попытка полностью отменить проценты. Однако законы, ограничивающие проценты, оказались тогда, как и впоследствии, неэффективными в сдерживании практик алчных и нечестных ростовщиков.

Таким образом, на пути принятия закона об облегчении положения должников стояли большие препятствия. Как мы видели, они усугублялись обстоятельствами, и теперь мы должны добавить к ним эгоизм и нечестность богатых патрициев и плебеев, которые держали в своих руках большую часть общественной земли и ухитрялись обходить закон Лициния следующим образом. Если человек владел более чем пятьюстами югерами, он освобождал своего сына и передавал ему часть земли, а если у него не было сына, то какому-нибудь другому надежному лицу. С грустью мы слышим об этих практиках, и с еще большей грустью узнаем, что в 354 году до н. э. сам Лициний был обвинен курульным эдилом М. Попилием Ленасом в мошеннической передаче пятисот югеров своему сыну, в то время как он владел еще пятьюстами от своего имени. Таким образом, это средство борьбы с нищетой было отброшено, а закон Лициния () игнорировался, пока не появились Гракхи, которые после более чем двух веков злоупотреблений тщетно пытались исправить то, что с самого начала можно было предотвратить.

Закон о выравнивании политической власти был более эффективным. В течение одиннадцати лет после принятия закона Лициния один из консулов всегда был плебеем. Затем патриции предприняли последнюю попытку вернуть свои исключительные привилегии, и в 355 году до н. э. консулами были Сульпиций и Валерий, оба патриции; в течение следующих двенадцати лет закон нарушался таким же образом не менее семи раз. После этого закон соблюдался регулярно: один консул был патрицием, а другой — плебеем, пока наконец в 172 году до н. э., когда число патрициев значительно сократилось, обе консульские должности были открыты для плебеев, и с тех пор эти должности занимали представители обоих сословий без различия.

Вышеупомянутые нарушения закона были осуществлены благодаря полномочиям, которыми сенат наделял патрицианского консула для назначения диктатора. По крайней мере, в течение двадцати пяти лет после принятия законов Лициния мы имеем не менее пятнадцати диктаторов. Некоторые из них были назначены в связи с внезапными военными

чрезвычайными ситуациями, такими как галльские вторжения 361 и 350 годов. Но часто мы видим диктаторов, когда нет упоминания о войне с иностранными государствами. В 360 году мы видим, что триумфом наслаждались оба консула, а не диктатор. Эти и другие причины привели к убеждению, что эти диктаторы были назначены для проведения консульских комиций и использовали всю мощь своей политической власти, чтобы обеспечить избрание двух патрицианских консулов.

ЭТРУССКАЯ ЖЕНЩИНА ВЫСОКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Но если это и было замыслом патрициев, то он не сработал. После 343 года до н. э. закон, согласно которому один из консулов обязательно должен был быть плебеем, соблюдался неукоснительно. Плебеи также пробивались на другие должности. Г. Марций Рутил, самый выдающийся плебей своего времени, четырежды избиравшийся консулом, был назначен диктатором в 356 году до н. э., несомненно, плебейским консулом Попилием Ленасом; а пять лет спустя (351) мы видим, что тот же Марций избран цензором.

Таким образом, политическая реформа Лициния и Секстия оказалась эффективной в том, что касалось допуска плебеев к высшим государственным должностям. Однако следует отметить, что эти привилегии, хотя и не были больше монополией патрициев, по-видимому, были доступны только нескольким богатым плебейским семьям. Как мы только что отметили, Г. Марций Рутил занимал консульский пост четыре раза за шестнадцать лет (357-342). М. Попилий Ленас и Г. Поэтлиус Либо пользовались аналогичной монополией на почести.

По мере того как исключительные привилегии патрициев постепенно и незаметно уступали место, вместо того чтобы сохраняться (как в современной Франции) до тех пор, пока их не сметет бурный поток революции, росла власть сената. Именно благодаря

мудрости и политике этого знаменитого собрания город Рим стал господином Италии и всего мира. До сих пор борьба была внутренней, между гражданами, за равенство прав. Отныне, в течение двухсот лет, мы будем рассказывать о борьбе с иностранными народами и о завоевании Италии, к которому были готовы римский сенат и народ, наконец-то объединившиеся в политическом плане.

ВНЕШНИЕ ДЕЛА

[390-342 гг. до н. э.]

За рубежом, после пожара города, Риму вновь пришлось бороться за само существование. Еще до того, как город был восстановлен до состояния, пригодного для проживания, было объявлено, что эквиты и волски подняли оружие. Эквиты, по-видимому, разделили общую беду, вызванную вторжением галлов; с этого момента их роль, по крайней мере, становится незначительной. Но волски смело продвинулись к Ланувии и вновь разбили лагерь у подножия Альбанских холмов. Город был в сильном смятении, и Камилл был назначен диктатором в связи с чрезвычайной ситуацией. Он нанес им большие потери и преследовал их на их собственной территории. Затем он быстро продвинулся к Боле, куда продвинулись эквиты, и одержал еще одну победу.

Но в момент триумфа пришла весть, что Этрурия подняла оружие. Этруски надеялись смелым поступком вернуть территорию, которую римляне захватили во второй раз. Против них была отправлена армия, но она была настолько разгромлена в ноябре июля, что этот день был отмечен в календаре как *Poplifugia*. Затем победители осадили Сутриум, и он пал. Но быстрый диктатор, при первом же тревожном сигнале, направил свои войска прямо из Болы к месту опасности, и в тот же день, когда Сутриум сдался врагу, он был вновь взят римским полководцем. Таким образом, Камилл вновь предстает спасителем Рима. Он одержал тройной триумф над волсками, эквитами и этрусками.

Спустя два года этрусская территория, теперь окончательно завоеванная, была разделена на четыре племена. С добавлением этих новых племен, первых, которые были добавлены с тех пор, как эта территория была отвоевана у Рима Порсенной, их общее число увеличилось до двадцати пяти. Последнее нападение этрусков, возможно, подсказало мудрость сделать свободных жителей этого района гражданами Рима. Люди, которые недавно подвергались угнетению со стороны гражданской олигархии, теперь смешались с римскими плебеями, получившими земельные наделы в этом районе, и, видя относительную свободу всех римских буржуа, были готовы сражаться за Рим, а не присоединяться к восстанию против него. Так началась мудрая политика, которая на время привела к политическому освобождению рука об руку с завоеванием. Тридцать лет спустя (358 г. до н. э.) сенат пошел по тому же пути в отношении Понтийского района и других низменностей, которые были отвоеваны у вольсков. Попытка поселения бедных плебеев, предпринятая в 387 г. до н. э., провалилась; эмигранты были отрезаны горцами-волсками. Но теперь территория была разделена на два племена, так что их общее число составило двадцать семь, и жители были заинтересованы в подавлении грабительских набегов.

[387-354 гг. до н. э.]

Вскоре после этого последовала борьба за законы Лициния; и в этот период анналы вообще молчат о войнах.

Но до провозглашения законов Лициния существовала угроза, более опасная, чем та, которую представляли этруски или волски. Латины и герники, которые со времен Сп.

Кассия сражались на стороне Рима во всех его пограничных войнах, больше не выступали в этом качестве. Нашествие галлов разрушило союз. Рим был превращен в пепел и остался в жалком состоянии слабости. Многие из тридцати латинских городов, названия которых встречаются в союзе Кассия, были настолько полностью разрушены, что антиквар тщетно ищет их местоположение в опустошенной Кампанье. Но два важных города Тибур и Пренесте (Тиволи и Палестрина), расположенные на крутых скалах, противостоявшие грубым методам захватчиков, укрепились за счет разрушения своих соседей и появились как независимые общины, отделенные от остальной части Лация и Рима. Считалось, что пренестинцы поощряли вторжения волсков, и в 382 г. до н. э. им была объявлена война. Некоторые латинские города присоединились к Пренесте, другие обратились к Риму за защитой от нее. В этой войне даже тускуланцы покинули Рим. Но после пятилетней борьбы диктатор Т. Квинтий захватил девять восставших городов и блокировал сам Пренесте, который капитулировал на условиях, о которых нам ничего не известно. Вскоре после этого был отвоёван и Тускулум, и на данный момент всякий страх перед латинянами улегся.

Но через несколько лет после того, как старый Камилл воздвиг храм Конкордии, возникли новые тревоги. Герниканы дали признаки беспокойства. В 362 г. до н. э. им была объявлена война. В следующем году произошло второе вторжение галлов, и с тревогой было замечено, что этот страшный враг занял долину Анио и не подвергался преследованиям ни со стороны латинян из Тибура, ни со стороны герниканов. В 360 году до н. э. в *Фасты* записан триумф консула Фабия над последним из названных народов и другой триумф его коллеги Поэтелия над жителями Тибура и галлами — зловещее совпадение.

Но это новое вторжение варваров, угрожавшее Риму вторым разрушением, на самом деле оказалось благом; оставшиеся латинские города, которые в последних конфликтах держались в стороне, испуганные присутствием галлов и видящие безопасность только в союзе, теперь возобновили свой союз с Римом, а герниканы вскоре последовали их примеру. Слава заключения этого второго союза принадлежит Г. Плавнию, плебейскому консулу 358 года до н. э. Галлы теперь покинули Лаций, а Привернум и Тибур, единственные латинские города, которые отвергли союз, были вынуждены сдаться (357, 354 гг. до н. э.).

В то время как эти опасности были успешно предотвращены на северо-восточной границе, могущественный этрусский город Тарквинии, расположенный за Чиминскими холмами, объявил войну Риму. Это произошло в том же году, когда был заключен новый союз с латинянами и герниками. Без этого трудно представить, что Рим, измученный войнами, смог бы противостоять объединенным нападениям галлов, волсков, латинян, герниканцев и этрусков. Как бы то ни было, ему было трудно отразить тарквинийцев. Этот народ внезапно спустился с холмов, разгромил консула К. Фабия и принес в жертву своим богам 307 римских пленников (358 г. до н. э.). Два года спустя к ним присоединились фалиски. С факелами в руках и с волосами, заплетенными в змеевидные косы, они напали на римлян с дикими криками и прогнали их. Они захватили четыре новых племени и угрожали самому Риму. Тогда М. Попилий Ленас, плебейский консул, получив от сената приказ назначить диктатора, назначил другого плебея, К. Марция Рутила, первого из своего сословия, кто был возвышен до этой высокой должности; и его поведение оправдало это назначение. Враг был разгромлен. Сенат отказал плебею в триумфе, но народ в своих племенах проголосовал за то, чтобы он получил заслуженную честь.

[356-351 гг. до н. э.]

На мгновение к войне присоединились жители Каре, старые союзники римского народа, которые в панике, вызванной вторжением галлов, укрыли у себя священные предметы, женщин и детей римлян, но почти сразу же просили о мире. Однако римляне запомнили это

отступничество. Тарквинии снова потерпели поражение в великой битве. Триста пятьдесят восемь пленных были подвергнуты бичеванию и обезглавлены на Форуме в отместку за прежние зверства. В 351 году до н. э., после восьмилетней борьбы, был заключен мир на сорок лет.

Именно в следующем году после окончания этой войны произошло третье вторжение галлов, о котором мы говорили выше, когда М. Валерий получил свое прозвище Корвус. Таким образом, Рим замечательно преодолел опасности внутренних распрей и войн с соседями. Когда он был охвачен внутренними распрями, его враги были спокойны. Перед началом каждого нового нападения прежний враг уходил с поля боя, и Рим становился сильнее после каждого падения. Теперь он отвоевал все латинское побережье от Тибура до Чирчеи, и его растущее значение продемонстрировал новый договор с великим торговым городом Карфагеном. Но теперь предстояло столкнуться с более грозным врагом, чем те, кто до сих пор бросал вызов Риму, и перед его амбициями открылась более обширная территория. Спустя всего несколько лет после последнего события, о котором мы говорили, началась Первая Самнитская война.^b

Разрушение Рима галлами является разделительной точкой между историческим и доисторическим Римом, как справедливо отмечает Ине-а, поскольку пожар уничтожил не только записи, но и большинство памятников. Однако он сетует на то, что только спустя долгое время после пожара летописи становятся действительно достоверными. Он с одинаковым скептицизмом относится к истории о том, как Валерий получил прозвище Корвус, и к достижениям Л. Фурия Камилла. В заключение он говорит:

«Результатом наших исследований является то, что все шесть войн с галлами, о которых рассказывает Ливий-с, являются не более чем промежуточными событиями, отмечающими моменты времени, когда анналы древних времен были заполнены поучительными и патриотическими материалами. Поэтому мы можем сделать вывод, что значительная часть других войн является столь же апокрифической, и, возможно, мы можем утешиться мыслью, что не было никаких войн, о которых стоило бы рассказывать, и что римляне время от времени имели небольшую передышку». Однако столь радикальное стирание традиции со всеми ее деталями не найдет одобрения у многих исследователей того времени.а

СНОСКИ

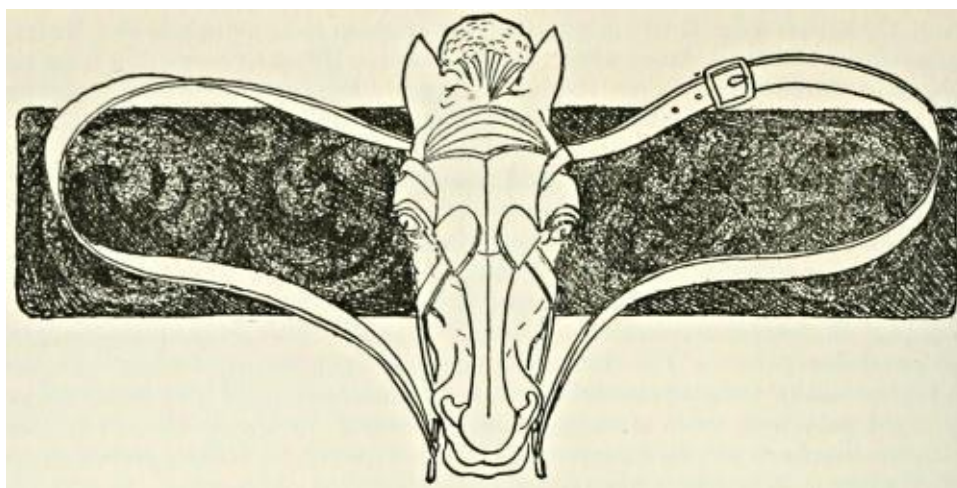
[33] Пожилые люди были обречены на гибель при любых обстоятельствах (*utique*) из-за нехватки продовольствия, независимо от того, ушли ли они в Капитолий вместе с молодыми солдатами или остались в городе.

[34] [В качестве предупреждения о сравнительно недавних повторных вторжениях галлов в Италию можно процитировать слова Ж. Ж. Ампера^d из его книги «*L'histoire romaine à Rome*»: «Чтобы весело закончить историю о гусах Манлия, я вспомню карикатуру, на которой изображен французский солдат, ошпыливающий гуся на Капитолийском холме; под ней были слова: «Месть галла»».]

[35] Можно заметить, что каждый *род* и *семья* придерживались одних и тех же имен. Так, Публий, Луций, Кней были любимыми именами Корнелиев; Гай — Юлиев; Аппий — Клавдиев и так далее.

[36] [И все же, хотя Лициний и имел конституционное право, он вряд ли мог бы занять должность консула-трибуна, поскольку патриции практически монополизировали эту должность, как доказывают *фасты*.]

[37] [Летописцы, вероятно, ошибались, полагая, что в этот период в Риме не было магистратов. Несомненно, их ошибка связана с хронологической путаницей.]

ГЛАВА VIII. ЗАВОЕВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИТАЛИИ

САМНИТЫ

Пятый век — самый прекрасный век Рима. Плебеи завоевали консульство и добиваются допуска к другим магистратам, которые патриции хотели оставить за собой; они освобождаются от рабства, которое под названием *Nexus* тяготело над должниками. Они достигают политического равенства и индивидуальной независимости; в то же время старая аристократия по-прежнему доминирует в сенате и сохраняет там неуступчивость

своих решений и настойчивость своих замыслов. Именно благодаря этому внутреннему состоянию римский народ смог пережить самые суровые испытания извне, над которыми он торжествовал, и достичь того прогресса, который стоил ему так дорого. Мы видим, как народы сражаются, один за другим, а часто и все вместе: латинский народ, этруски, готы, самниты, другие сабелльские народы Апеннин; и конец всегда один — победа. Начало этой истории было мрачным. Рим страдал от одной из тех эпидемий, которые встречаются во всех эпохах истории этого антисанитарного города. Отсюда произошли те сценические произведения, завезенные этрусками и давшие начало комедии — средству, придуманному для умиловливания богов; таким образом, римская комедия имела религиозное и мрачное происхождение. Пятый век для Рима — век великой набожности и грандиозных жертвоприношений.^d

Теперь мы должны перенести взгляд за пределы равнины Лацио и проникнуть в Кампанию и долины Апеннин.

Сабины — народ, связанный с самыми ранними легендами Рима. Но сабины из Куреса и страны между Анио и Тибром — это те, кто до сих пор привлекал наше внимание. Именно в высокогорьях Реате и Амитернум мы должны искать колыбель этой расы. Долины этого высокогорного района дают скудное пропитание, и выносливые горцы то и дело высылали толпы эмигрантов, которые искали себе новый дом и отстаивали свои права с помощью оружия. У сабелльских племен был обычай, когда грозил голод и население становилось густым, посвящать весь урожай одной весны богам. Среди прочего урожая, молодые люди, родившиеся в том году, посвящались богу Мамерсу (Марсу), и отправлялись искать счастья за границей. В одном из таких случаев эмигранты, продвигаясь на юг от сабинских высокогорий, заняли обширный горный район, лежащий к северу от Кампании, и приняли название самнитов. Пицены и френтаны на северном побережье, а также четыре союзных кантона вестингов, маруцинов, пелинъян и марсиан, которые находились между самнитами и их предками сабинами, считали себя родственниками обеих наций. Сами самниты также образовали четыре кантона — карацены, пентрии, каудины и ирпинины. Из них пентрианцы были самыми значительными; они занимали гористую местность между верхними долинами Вультурна и Калора. Здесь большая масса гор, ныне известная под названием гора Матезе, возвышается над центральной цепью на высоту более шести тысяч футов, а ее крутые ущелья обеспечивают отличную естественную защиту. Но остатки массивной многоугольной кладки, которые до сих пор можно увидеть на скалистых высотах, занятых их городами Эзерния и Бовианум (Изерния и Бояно), показывают, что самниты использовали искусство для укрепления своих естественных укреплений. Ниже горы Матезе, в долине Калор, лежал кантон каудины, чей город Беневентум (в древности называвшийся Малевентум или Малиесса) также был укреплен с помощью искусства. Именно в этих пределах, от Эзернии до Беневентума, разворачивались главные сражения самнитских войн.

[423-354 гг. до н. э.]

В силу природы своей страны самниты были скотоводческим народом. Их горы разбиваются на бесчисленные долины, склоняющиеся как к северу, так и к югу, хорошо орошаемые и прохладные даже в летнюю жару. В эти долины, как и по сей день принято в этой стране, стада загоняли с низменных земель, поднимаясь выше по мере усиления жары и спускаясь к равнине, когда осень сменялась зимой.

Но самниты не были довольны этими горными жилищами. Поскольку они сами были высланы из центрального улья, со временем они высылали новые рои эмигрантов. В древние времена самнитское племя под названием френтаны заняло прибрежные земли к северу от

Апулии. Другие группы предприимчивых поселенцев продвинулись вниз по рекам Вультурнус и Калор на богатую равнину, лежавшую у подножия их гор, и назвали ее Кампания, или «земля шампанского». В более ранние времена эта прекрасная равнина привлекала этрусских завоевателей; и ее главный город, древнее называвшийся Вультурнум, по их словам, получил от них вечное имя Капуя. Но около 423 года до н. э., почти за столетие до времени, о котором мы сейчас будем говорить, группа самнитов захватила этот знаменитый город и превратила древних оскских жителей в клиентов. Вскоре после этого великий греческий город Кумы, который тогда дал название Неаполитанскому заливу, был завоеван новыми владыками Капуи, которые с этого времени под именем кампанцев стали господствующей силой в стране. Однако со временем самниты Капуи, или кампаны, переняли язык и обычаи своих оскских подданных. Таким образом, кампанские самниты разорвали связи со старыми самнитами из гор, так же как римские сабины утратили всякую симпатию к старым сабинам из Куреса, а в Англии англо-норманы стали национальными врагами французов.

Можно добавить, что луканы и апулийцы, которые простирались по всей Италии ниже Кампании, были образованы смешением самнитских завоевателей с древним населением, которое само по себе было смесью оскских и пеласгийских рас; в то время как брутты, которые занимали горный район к югу от Тарентского залива, были аналогичным отколовшимся от луканов народом. Но эти полусабелльские племена, как и древние расы, от которых произошли самниты, оказывали неопределенную помощь своим соплеменникам в борьбе с Римом.

[354-343 гг. до н. э.]

Эти замечания подготовят нас к великому конфликту, который фактически определил, что суверенитет Италии является правом римлян, а не самнитов.^[38] Первая война возникла из-за спора, о котором мы только что упомянули, между кампанцами и старыми самнитами из Матезе. В 354 г. до н. э. был заключен союз между римлянами и самнитами. С тех пор самнитские авантюристы давили на долину Лириса и захватили вольские города Сора и Фрегелла, в то время как римляне, вновь объединившиеся с латинянами с 358 г. до н. э., оттесняли вольсков с запада. В 343 году до н. э. самниты продолжили свои завоевания и напали на Теанум, главный город сидицинов, осканского племени, которое занимало нижние холмы на севере Кампании. Сидицины обратились к Капуе за помощью против своих захватчиков, и кампанцы, решившись оказать эту помощь, навлекли на себя гнев горцев. Самниты захватили гору Тифата, голый холм, возвышающийся над Капуей с севера, и по своему усмотрению грабили богатую равнину внизу. Не имея возможности встретить врага на поле боя, дегенеративные кампанцы обратились за помощью к римскому и латинскому союзу. Было несколько сложно выслушать эту просьбу, поскольку одиннадцать лет назад был заключен мирный договор, и самниты не совершали никаких агрессивных действий против Рима. Но, вероятно, их продвижение в долинах Лириса и Вультурна встревожило сенат; и все сомнения были развеяны, когда кампанцы предложили полностью сдать свой город, так что, защищая их, Рим защищал бы своих собственных подданных. Была заключена эта хитрая сделка, и самнитам была объявлена война.^b

ПЕРВАЯ САМНИТСКАЯ ВОЙНА

[343-342 гг. до н. э.]

Консулам было приказано выйти в поле. Консул М. Валерий Корв повёл свои легионы в Кампанию, где, вероятно, в результате некоторых неудач, о которых нам не известно, он

разбил лагерь на склоне горы Гаур над Кумами. Самнитская армия прибыла полная уверенности; консул вывел свои войска, и началась битва, имевшая огромное значение в мировой истории, поскольку она стала прелюдией к тем сражениям, которые должны были решить, кому достанется империя Италии и мира — Риму или Самниуму.

Обе армии были равны по мужеству, одинаково вооружены и выстроены; армия самнитов состояла исключительно из пехоты, и кавалерия, которую консул первым делом бросил в бой, не смогла произвести никакого впечатления на ее крепкие ряды. Тогда он приказал кавалерии отступить на фланги и лично повел легионы в атаку. Сражение было крайне упорным: каждая сторона, казалось, была готова скорее умереть, чем сдаться. Наконец, отчаянное усилие римлян заставило самнитов отступить; они зашатались, разбились и бежали в свой укрепленный лагерь, который они покинули ночью и отступили в Суэссулу. Тем, кто спрашивал, почему они бежали, они отвечали, что глаза римлян, казалось, были в огне, а их жесты напоминали жесты сумасшедших, так что они не могли противостоять им.

Другой консул, А. Корнелий Косс, получив приказ вторгнуться в Самний, повел свою армию в Сатикулу, ближайший к Капуе самнитский город. Апеннины в этой части проходят с севера на юг, образуя параллельные хребты, окружающие плодородные долины, и дорога в Беневенту проходит через них. Консул, продвигаясь неосторожно, пересек первый хребет, и его колонна достигла долины, когда, оглянувшись назад, римляне увидели, что лесистые высоты позади них заняты самнитской армией. Продвигаться вперед было опасно, отступить казалось невозможным. В этом затруднительном положении трибун по имени П. Деций предложил занять с хастатами и принципами одного легиона (то есть шестнадцатью сотнями человек) возвышенность над дорогой, по которой шли самниты. Консул дал разрешение; Деций захватил возвышенность, которую он удерживал, несмотря на все усилия врага, пока не был упущен благоприятный момент, и консул не повел свою армию обратно и не занял гребень. Когда наступила ночь, самниты остались около холма и легли спать; во второй страже Деций тихо спустил своих людей, и они прошли посреди спящих врагов. Они прошли половину пути, когда один из римлян, переступая через самнитов, ударился о щит; шум разбудил тех, кто был поблизости; тревога распространилась; тогда римляне подняли крик, набросились на всех, кого встретили, и ушли без потерь. Они достигли своего лагеря, когда еще была ночь, но остановились за его пределами, пока не наступил день. На рассвете, когда о их прибытии было объявлено, все высыпали навстречу им, и Деций был торжественно проведен через лагерь к консулу, который начал восхвалять его подвиги; но Деций прервал его, сказав, что сейчас самое время застать врага врасплох. Тогда армия вышла из лагеря, напала на разрозненных самнитов и разгромила их, нанеся им большие потери. После победы консул подарил Децию золотую корону и сто волов, один из которых был белым с позолоченными рогами; Деций принес его в жертву отцу Марсу, а остальных раздал своим товарищам по оружию, и каждый солдат получил по фунту зерна и пинте (*секстарию*) вина, а консул, дав каждому по волу и двум одеждам, заверил их, что в будущем они будут получать двойную порцию зерна. Армия сплела осадную корону из травы и возложила ее на лоб Деция, и подобную корону ему подарили его собственные люди. Такими щедрыми средствами Рим воспитывал героический дух в своих сынах!

Тем временем самниты в Суэсуле получили значительное подкрепление и распространили свои грабежи на Кампанию. Две консульские армии, объединенные под командованием Валерия, пришли и разбили лагерь рядом с ними, и поскольку Валерий оставил весь багаж и лагерных слуг позади, римская армия заняла гораздо меньший лагерь, чем обычно соответствовало их численности. Обманутые размером лагеря, самниты требовали штурмовать его, но осторожность их вождей удержала их. Необходимость вскоре

заставила их прочесать страну в поисках провианта, и, ободренные бездействием консула, они уходили все дальше и дальше. Этому и ждал Валерий; он внезапно напал и захватил их лагерь, который был слабо охраняем; затем, оставив две легионы для его охраны, он разделил остальную армию и, напав на разрозненных самнитов, повсюду расправился с ними. По имеющимся данным, число убитых и бежавших составило сорок тысяч, а захваченных знамен — сто семьдесят. Оба консулы одержали победу.

В то время как римские войска были заняты в Кампании, латины вторглись на территорию пелинъян, родственников и союзников самнитов.

О военных событиях 342 года ничего не известно, но до нас дошла странная история о восстании римской армии. История гласит: римские солдаты, которые в конце последней кампании были оставлены на зиму в Капуе (), развращенные роскошью, которую они там видели и которой наслаждались, составили гнусный план массового убийства жителей и захвата города. Их планы еще не созрели, когда Г. Марций Рутил, консул 342 года, прибыл, чтобы принять командование. Сначала, чтобы успокоить их, он объявил, что войска будут размещены в Капуе и следующей зимой; затем, выявив зачинщиков, он под разными предложениями отправил их домой и дал отпуск всем, кто просил об этом; его коллега, К. Сервилий Ахала, тем временем позаботился задержать всех, кто прибыл в Рим. Эта уловка некоторое время срабатывала, но в конце концов солдаты заметили, что никто из их товарищей не возвращается, и когорты, которые уходили домой в отпуск, остановились в Лаутулах, узком проходе между морем и горами к востоку от Таррацины; там к ним присоединились все, кто уходил домой в отпуск поодиночке, и вскоре их число сравнялось с численностью армии. Вскоре после этого они расформировались, двинулись на Рим и разбили лагерь под Альба-Лонгой. Осознав, что им не хватает лидера, и узнав, что Т. Квинтий, выдающийся патриций, который из-за ранения в ногу ушел из города и жил на своей ферме в Тускуланском районе, они ночью отправили отряд, который схватил его в постели и дал ему выбор: смерть или стать их командиром. Поэтому он пришел в лагерь, где его приветствовали как генерала, и пожелал вести их в Рим. В восьми милях от города их встретила армия под командованием диктатора М. Валерия Корва. Каждая сторона содрогнулась при мысли о гражданской войне и с готовностью согласилась на переговоры. Мятежники согласились доверить свое дело диктатору, чье имя было достаточной гарантией. Он вернулся в город, и по его желанию сенат и курии постановили, что никто не будет наказан или даже упрекнут за участие в мятеже, что имя ни одного солдата не будет вычеркнуто из списка без его собственного согласия, что никто из бывших трибунов не будет назначен центурионом, а жалованье всадников (поскольку они отказались присоединиться к мятежу) будет уменьшено. И таким образом, этот грозный мятеж начался с преступления и закончился... ничем!

Другая, гораздо более вероятная версия гласит, что восстание началось в городе, где плебеи взяли в руки оружие, а ночью схватили К. Манлия и заставили его стать их вождем, после чего вышли из города и разбили лагерь в четырех милях от него, где, по-видимому, к ним присоединилась армия из Кампании. Консулы собрали армию и выступили против них, но когда две армии встретились, армия консулов поприветствовала повстанцев, и солдаты обнялись. Затем консулы посоветовали сенату удовлетворить желания народа, и мир был заключен.

По-видимому, причиной этого отступничества также было все еще существующее бремя долгов, и условием мира было списание долгов. Говорят, что в это время *плебисцитом*, или декретом племен, было запрещено давать ссуды под проценты, а также были приняты другие декреты, запрещающие кому-либо занимать одну и ту же должность до истечения десяти лет или занимать две должности одновременно. Было также постановлено, что оба

консула могут быть плебеями. Упоминается имя трибуна Л. Генуция, поэтому вероятно, что он был автором новых законов.

[341-340 гг. до н. э.]

В следующем году (341) был заключен мир с самнитами на легких условиях: они должны были выплатить римской армии годовое жалованье и предоставить провизию на три месяца; им было разрешено вести войну с сидицинами. Такая умеренность со стороны римлян могла бы вызвать удивление, если бы мы не знали, что они теперь опасались конфликта со своими давними союзниками латинянами, поскольку первоначальные условия их федерации не могли оставаться в силе, и одна из сторон должна была стать доминирующим государством.

Сицинины и кампаны, оказавшись таким образом брошенными, поставили себя под защиту латинян, с которыми также заключили союз волски. Герники присоединились к римлянам, а самниты также стали их союзниками. Поскольку война между Римом и Лацием казалась неизбежной, Т. Манлий Торкват и П. Деций Мус были назначены консулами на следующий год с учетом этой ситуации. Но латиняне сначала решили попробовать путь мира и примирения; и, как говорят, по призыву римского сената, два их претора и десять главных сенаторов отправились в Рим. Им была предоставлена аудиенция на Капитолии, и их требования были вполне разумными. Хотя латиняне теперь были более многочисленным народом из двух, они требовали только союза на условиях полного равенства: один из консулов и половина сената должны были быть латинянами, а Рим должен был оставаться резиденцией правительства, а объединенная нация — носить название «римляне».^[39] Но сенат возмутился неслыханной чрезмерностью этих требований, боги были призваны в свидетели этого скандального нарушения веры, а консул Манлий поклялся, что если они согласятся на такие условия, он войдет в сенат с мечом на поясе и убьет первого латинянина, которого там увидит. Традиция гласит, что когда были призваны боги, а латинский претор Л. Анний с презрением высказался о римском Юпитере, громкие раскаты грома и внезапная буря с ветром и дождем провозгласили гнев божества, и когда Анний, полный ярости, уходил, он упал с лестницы и лежал бездыханным внизу. Магистратам с трудом удалось спасти других послов от ярости народа. Немедленно была объявлена война, и были собраны консульские войска.

ЛАТИНСКАЯ ВОЙНА

[340 г. до н. э.]

Поскольку латинские легионы теперь находились в Кампании (340 г.), римляне, вместо того чтобы идти прямым путем через Лаций, обошли страну сабинов, марсиан и пелиньянцев, присоединились к самнитам и, вероятно, к герникам, и пришли и разбили лагерь перед латинянами недалеко от Капуи. Здесь консулам приснился сон: каждому из них явился человек, превосходящий по размеру обычного человека, и объявил, что генерал с одной стороны и армия с другой стороны принадлежат Манам и Матери-Земле; какой бы народ ни выбрал генерал, чтобы посвятить себя и вражеские легионы, победа будет за ним. Жертвы, когда их принесли в жертву, предвещали то же самое, и консулы объявили в присутствии своих офицеров (), что тот из них, чьи силы первыми начнут сдавать позиции, посвятит себя Риму.

Чтобы восстановить строгую дисциплину и предотвратить любое предательство, консулы под страхом смертной казни запретили любые единоличные бои с врагом. Однажды сын консула Манлия со своим отрядом всадников случайно оказался рядом с местом дислокации тускуланских всадников, командир которых, Гемин Мет, зная молодого Манлия, вызвал его на единоличный бой. Стыд и возмущение одолели чувство долга в уме римлянина; они бросились друг на друга, и тускуланский всадник пал; победитель, неся кровавую добычу, вернулся в лагерь и привел ее к своему отцу. Консул ничего не сказал, но немедленно созвал собрание армии (); затем, упрекнув сына в нарушении дисциплины, он приказал ликтору схватить его и привязать к столбу. Собрание стояло в ужасе, но когда топор опустил и кровь доблестного юноши хлынула, раздался горький плач, смешанный с проклятиями безжалостного отца. Они подняли тело убитого и похоронили его за пределами лагеря, покрыв добычей, которую он завоевал; и когда после войны Манлий вошел в Рим в триумфе, молодые люди не вышли его встречать, и на всю жизнь он стал для них предметом ненависти и отвращения.

МАНЛИЙ ПРИГОВАРИВАЕТ СВОЕГО СЫНА К СМЕРТИ

Война между Римом и Лацием была чуть ли не гражданской; солдаты и офицеры годами служили вместе в одних и тех же ротах и все были знакомы друг с другом. Теперь они стояли в боевом порядке друг против друга у подножия Везувия, самниты и герниканы противостояли оскским союзникам латинов. Оба консулы принесли жертвы перед сражением; внутренности жертвы, принесенной Децием, предвещали несчастье, но, услышав, что знаки предвещают удачу Манлию, он сказал: «Хорошо, если у моего коллеги хорошие знаки». В сражении левое крыло, возглавляемое Децием, отступало; консул понял, что его час пробил; он громко позвал М. Валерия, верховного жреца, и, стоя на обнаженном оружии, одетый в консульскую мантию, с покрытой головой и рукой на подбородке, повторил за жрецом формулу молитвы. Затем он послал ликторов сообщить Манлию о том, что он сделал, и, плотно затянув на себе мантию, сел на лошадь и бросился в самую гущу врагов. Он казался разрушительным духом, посланным с небес; везде, где он появлялся, он несла смерть и ужас; наконец он пал, покрытый ранами. Возродился энтузиазм римских солдат (), и мастерство Манлия обеспечил победу. Когда передние ряды (*antesignani*) обеих армий устали, он приказал *accensi* продвигаться вперед; тогда латиняне послали вперед своих триариев; и когда те устали, консул приказал римским триариям подняться и

продвигаться вперед. Латиняне, не имея свежих войск, чтобы противостоять им, были быстро разгромлены, и резня была настолько велика, что только четверть их армии спаслась. На следующий день тело консула Деция было найдено среди груд убитых и с почестями похоронено.

[340-338 гг. до н.э.]

Латины бежали в город Весция, и по совету своего претора Нумизия в Лации был объявлен всеобщий призыв, с помощью которого, полагаясь на ослабленное состояние римской армии, он рискнул дать сражение консулу в месте под названием Трифанум, между Синуэссой и Минтурнами, на другом берегу Лириса. Однако разгром латинян был настолько полным, что лишь немногие города даже подумали о сопротивлении, когда консул вступил в Лациум. Латинские общественные земли, две трети земель Привернума и район Фалерна в Кампании были захвачены для римского народа, а бедным плебеям, которые сильно роптали на большое количество земель, оставленных в качестве доменных, были выделены участки площадью $2\frac{3}{4}$ югера на этой стороне и $3\frac{1}{4}$ югера на другой стороне Лириса. Поскольку кампанские всадники (их было шестнадцать сотен) остались верными Риму, им было предоставлено римское *муниципалитет*, и каждому из них была назначена рента в размере 350 денариев в год от государства Капуя.

Латинские и волкийские города продолжали сопротивляться по отдельности, и завоевание было завершено только в 338 году. Со стороны Рима требовалась осторожность и некоторая умеренность, чтобы не иметь мятежных подданных среди латинян. Поэтому им было предоставлено гражданство в разной степени, но им было запрещено проводить национальные съезды, а также запрещались торговля и смешанные браки между жителями разных городов. Ведущие семьи Велитры были вынуждены переселиться за Тибр, а их земли были переданы римским колонистам. У антиатов были конфискованы военные корабли, и им было запрещено иметь их в будущем. Некоторые из них были привезены в Рим; у других были отрезаны носовые части (*rostra*), и ими украсили трибуну (*suggestum*) на Форуме, откуда она и получила название «ростра». *Муниципалитет*, подобный тому, который ранее имели латиняне, был передан жителям Капуи, Кумы, Суэссулы, Фунди и Формии. Латинские контингенты в войне отныне должны были служить под командованием своих собственных офицеров, отдельно от легионов.

В то время как римское господство таким образом расширялось за пределами страны, мудрые и патриотичные люди обоих сословий видели необходимость внутреннего согласия и отмены устаревших и теперь вредных притязаний и претензий. Поэтому в 339 году патрицианский консул Тиб. Эмилий назначил своего плебейского коллегу К. Публилия Фило диктатором, который затем выдвинул следующие законы для завершения конституции. (1) Патриции должны были давать предварительное согласие на любой закон, который должен был быть вынесен на рассмотрение центурионам; поскольку такой закон должен был предварительно пройти через сенат, а центурионы не могли вносить в него никаких изменений, их противодействие, по-видимому, едва ли могло иметь какое-либо основание, кроме предвзятости и злобы. (2) *Плебисциты* должны были быть обязательными для всех квиритов. (3) Один из цензоров должен быть обязательно плебеем. Курии были побуждены, мы не знаем как, дать свое согласие на эти законы.^[40] Внутренние разногласия теперь закончились, и начался золотой век римского героизма и добродетели.

ВТОРАЯ САМНИТСКАЯ ВОЙНА

События следующих десяти лет не имеют особого значения. И римляне, и самниты знали, что новая война неизбежна, и делали необходимые для нее приготовления. В 327 году жители греческого города Палеополис (*Старый город*), находясь в союзе с самнитами, начали вести военные действия против римских колонистов в Кампании. Поскольку они отказались удовлетворить требования, против них был отправлен консул К. Публилий Филон, а его коллега Л. Корнелий Лентул следил за действиями самнитов. Публилий разбил лагерь между Палеполисом и родственным ему городом Неаполисом (*Новый город*), и когда он сообщил домой, что в этих городах находится большое количество самнитских и ноланских войск, в Самниум были отправлены послы, чтобы пожаловаться на это нарушение договора. Самниты ответили, что это были добровольцы, над которыми государство не имело контроля; что, кроме того, они не подстрекали, как утверждали римляне, народ Фунди и Формии к восстанию, в то время как римляне отправили колонию в Фрегеллы, в район, который по праву принадлежал им; что, в конце концов, нет смысла спорить или жаловаться, когда равнина между Капуей и Суэссулой предлагает пространство, на котором они могут решить, кому принадлежит империя Италии. Тогда римский фетиал покрыл голову и, подняв руки к небу, молил богов даровать успех оружию и советам Рима, если право на его стороне; если нет, то погубить и сбить их с толку. Право, безусловно, не было на стороне Рима, поскольку он первым нарушил договор; но войны не удалось избежать, и теперь она должна была начаться.

Римская армия вторглась в Самний со стороны вольсков, разорила страну и захватила несколько городов. По истечении срока полномочий Публилия его командование было продлено (326 г.) под новым титулом проконсула; и вскоре часть населения Неаполя, уставшая от наглости иностранных солдат, начала замышлять капитуляцию. В то время как Нимфий, один из лидеров, убедил самнитов выйти из города, сесть на корабли в порту и высадиться на побережье Лация, Харилай, другой член партии, закрыл за ними ворота и впустил римлян через другие. Самниты мгновенно рассеялись и бежали домой; ноланцы без помех покинули город.

Главным союзником самнитов был народ греческого города Тарент; с другой стороны, их сородичи, апулийцы и луканийцы, были в союзе с Римом. Но в этом году в Лукании произошла революция, в результате которой страна подчинилась Самниуму. Аналогичная судьба грозила апулийцам, если им не будет оказана помощь; но чтобы добраться до Апулии, необходимо было пройти через землю вестингов, жители которой (входившие в марсийский союз) отказали в проходе. В Риме опасались, что в случае нападения на вестингов три других государства, которые в то время были нейтральными, возьмут в руки оружие и перейдут на сторону самнитов, а их доблесть была хорошо известна; с другой стороны, Апулия имела слишком большое военное значение, чтобы позволить себе ее потерять. Соответственно, консул Д. Юний Брут повёл свою армию (325) в страну вестингов: после упорной борьбы и захвата двух их городов вестинги были вынуждены подчиниться, а остальные члены союза сохранили мир.

Другой консул, Л. Камилл, заболел, когда собирался вторгнуться в Самниум, и диктатором был назначен Л. Папирий Курсор;^[41] но, поскольку, как говорили, в предзнаменованиях была допущена какая-то ошибка, он был вынужден вернуться в Рим, чтобы повторить их. Уезжая, он строго приказал К. Фабию Руллиану, главнокомандующему конницей, которого он оставил командующим, ни в коем случае не рисковать, предпринимая какие-либо действия во время его отсутствия. Но, не обращая внимания на его приказы, Фабий воспользовался первой же возможностью вступить в бой с врагом, над которым он одержал полную победу. Как только диктатор узнал о случившемся, он поспешил в лагерь, дыша яростью. Фабий,

предупрежденный о его приближении, умолял солдат защитить его. Папирий прибыл, взошел на трибуну, вызвал перед собой магистра конницы и спросил, почему он не подчинился приказам и тем самым ослабил военную дисциплину. Его защита только еще больше раздражила судью; ликторы подошли и начали раздевать его для казни; он вырвался из их рук и искал убежища среди триариев: возникла суматоха; те, кто был ближе к трибуналу, молили, те, кто был дальше, угрожали диктатору; легаты окружили его, умоляя отложить приговор до следующего дня, но он не хотел их слушать. Ночь наконец положила конец спору.

[325-322 гг. до н. э.]

Ночью Фабий бежал в Рим и по совету отца подал жалобу на диктатора собравшемуся сенату; но пока он говорил, Папирий, который последовал за ним из лагеря с максимальной скоростью, вошел и приказал своим ликторам схватить его. Сенат умолял, но он был неумолим: тогда старший Фабий обратился к народу, перед которым он подробно рассказал о жестокости диктатора. Все сердца бились в унисон с сердцем почтенного отца; но когда Папирий показал строгую необходимость поддержания военной дисциплины, благодаря которой поддерживалось государство, все замолчали, убедившись в его правоте. Наконец, народ и его трибуны присоединились к Фабию и сенату в мольбе, и диктатор, считая свою власть достаточно оправданной, пощадил жизнь своего конного магистра.

Вернувшись в свою армию, Папирий нанес самнитам решающее поражение; разделив добычу между своими солдатами, чтобы вернуть их расположение, и предоставив врагу перемирие на год при условии, что они дадут каждому солдату одежду и годовое жалованье, он вернулся в Рим и одержал триумф.

События следующего года (323) остаются неясными, но в 322 году лагерь диктатора А. Корнелия Арвины, который вторгся в Самниум без достаточной осторожности, был атакован превосходящими силами врага. День закончился, не успев начать атаку, и ночью диктатор, оставив в лагере несколько горящих костров, молча увёл свои легионы. Но враг был начеку, и его кавалерия пристала к отступающей армии, чтобы замедлить её ход. С рассветом подошла самнитская пехота, и диктатор, видя, что дальнейшее отступление невозможно, выстроил свои войска в боевой порядок. Началась отчаянная битва; в течение пяти часов ни одна из сторон не уступала ни на дюйм; саманитская кавалерия, увидев, что багаж римлян охраняется слабо, бросилась к нему и начала грабить; пока они были заняты этим, на них набросилась и изрезала на куски римская кавалерия, которая затем развернулась и атаковала теперь незащищенные тылы саманитской пехоты. Диктатор призвал свои легионы к новым усилиям; самниты засомневались, сломались и бежали; их полководец и тысячи солдат пали, а тысячи были взяты в плен.

[322-321 гг. до н. э.]

Тем временем на стороне Апулии консул К. Фабий одержал столь же славную победу; и дух самнитов, теперь полностью сломленный, заставил их стремиться к миру практически на любых условиях. Как это обычно бывает с народом, когда меры, на которые он дал свое полное и горячее согласие, провалились, он возлагает всю вину на своих лидеров, так и теперь самниты возложили все свои несчастья на Папия Брутула, одного из своих главных деятелей, и решили выдать его римлянам как виновника войны. Благородный самнит спас себя от позора добровольной смертью; его безжизненное тело было перевезено в Рим; римские пленники, которых было большое количество, были освобождены, а золото было отправлено в качестве выкупа за самнитов. Была проявлена максимальная готовность

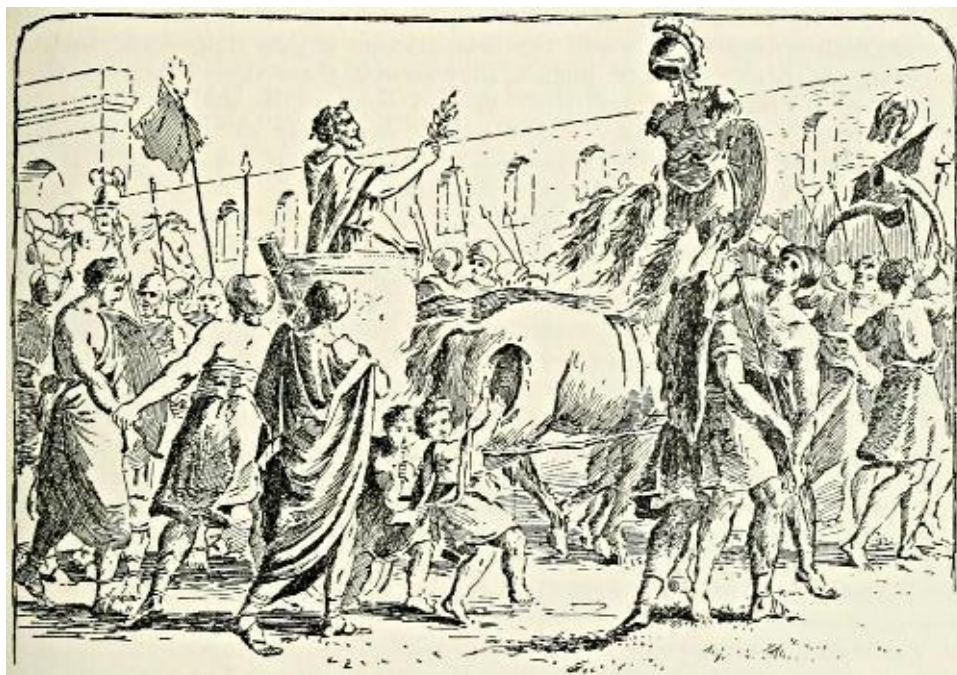
уступить всем разумным условиям, но ничто не могло удовлетворить высокомерный сенат, кроме верховной власти, и, нежели таким образом отказаться от своей национальной независимости, самниты решили рискнуть и выдержать все до конца.

Весной (321 г.) римские легионы под командованием консулов Т. Ветуриуса и Сп. Постумия разбили лагерь в Калатии в Кампании с намерением направить все свои силы против центральной части Самниума. Но самнитский полководец Г. Понтий распространил ложную информацию о том, что Луцерия в Апулии подвергается сильному давлению со стороны самнитской армии и находится на грани капитуляции, и консулы решили без промедления попытаться прийти ей на помощь. Они вошли в самнитскую страну и продвигались вперед без осторожности и осмотрительности. В окрестностях города Каудиум они достигли Каудийских вил, как назывался перевал, состоящий из глубокой долины между двумя лесистыми горами; в один конец перевала вела углубленная дорога, а в другой конец — узкая тропа через гору, которая его закрывала. В эти сети консулы завели свою армию; они не видели ничего тревожного, пока голова колонны не дошла до дальнего конца и не обнаружила, что проход заблокирован камнями и стволами деревьев, а оглянувшись, они увидели, что холмы заняты солдатами. Продвигаться вперед или отступать теперь было одинаково невозможно; поэтому они укрепились в долине и остались там, а самниты не атаковали их, полагаясь на помощь голода. Наконец, когда их запасы продовольствия иссякли и голод стал давать о себе знать, они послали представителей, чтобы узнать волю самнитских вождей. Говорят, что Понтий в этом случае послал за своим отцом, чтобы тот дал ему совет: этот почтенный старик, который, будучи известен своей мудростью, жил в Каудии, был доставлен в лагерь на телеге, и его совет заключался в том, чтобы либо отпустить римлян свободными и невредимыми, либо полностью уничтожить армию. Понтий предпочел средний путь, и старик удалился, проливая слезы над бедствиями, которые, как он видел, обрушатся на его страну. Условия, согласованные Понтием, заключались в восстановлении древнего союза между Римом и Самнием, выводе римских колоний из мест, принадлежащих самнитам, и возвращении всех мест, на которые они имели право. Оружие и багаж побежденной армии, естественно, должны были быть переданы победителям. Как редко Рим предоставлял побежденному врагу такие мягкие условия! Тем не менее, римские историки имели наглость говорить о высокомерии победоносных самнитов, а римский сенат и народ — о подлости и варварстве, приговорив благородного Понтия к позорной смерти двадцать семь лет спустя!

Эти условия были заверены клятвой консулами и их главными офицерами, и шестьсот всадников были отданы в заложники до тех пор, пока они не будут ратифицированы сенатом и народом. В заборе, которым самниты окружили их, был проделан проход, достаточно широкий для прохода одного человека, и одна из кольев была положена поперек него, и через эту дверь вышли консулы, за ними следовали их офицеры и солдаты, каждый в одной одежде. Понтий предоставил вьючных животных для перевозки больных и раненых, а также провизию, достаточную для того, чтобы армия могла добраться до Рима. Затем они отправились в путь и достигли Капуи до наступления ночи, но стыд или сомнения по поводу того, как их примут, удержали их от входа в город. Однако на следующее утро весь народ вышел им навстречу, чтобы утешить их. Им были предоставлены провизия и всяческая помощь, и оттуда они продолжили свой путь в Рим.

Когда весть об их бедствии впервые дошла до Рима, все дела (*justitium*) были полностью остановлены, был объявлен всеобщий призыв, чтобы либо попытаться им помочь, либо защитить город, и все сословия погрузились в траур. В таком положении дел опозоренная армия достигла ворот. Там она рассеялась; те, кто жил в деревне, ушли; те, кто жил в городе,

ускользнули ночью в свои дома. Консулы, назначив диктатора для консульских выборов, сложили с себя полномочия; их преемниками были назначены К. Публилий Филон и Л. Папирий Курсор.⁴

Триумф Папирия

«Если другие народы с удовольствием вспоминают дни национальных триумфов, — говорит Вильгельм Ине, — и празднуют память о победах, благодаря которым они чувствуют, что их сила возросла, а гордость удовлетворена, то величие римского народа гораздо больше проявляется в том, что он постоянно держит перед глазами злые дни, когда бог сражений был к нему неблагоприятен, и в определенной степени отмечает годовщины своих поражений как дни национального унижения. День Аллии и день Канн стояли перед глазами римлян более яркими красками, чем день победы при Заме. Но рядом с этими именами в списке злосчастных дней было еще третье — имя, которое было более болезненным для гордых римлян, чем любое другое, потому что от него было невозможно отделить чувство национального позора и унижения; это было имя Каудинского прохода. В Аллии и Каннах тысячи пали в открытом бою; в Каудиуме четыре легиона согласились купить жизнь и свободу ценой жертвы военной чести, а римский народ, отказавшись ратифицировать соглашение, покрыл себя позором, от которого никакие софизмы не могли избавить его даже в его собственной совести».⁵

[321-315 гг. до н. э.]

Сенат собрался, чтобы обсудить мир, и консул Публилий попросил Сп. Постумия высказать свое мнение. Тот поднялся с опущенными глазами и посоветовал, чтобы он сам и все, кто присягнул на верность договору, были преданы саманитам как обманщики, заключившие договор без согласия римского народа, а также чтобы была набрана новая армия и война возобновлена; и хотя почти у каждого сенатора был сын или другой родственник среди заложников, было решено поступить так, как он советовал. Постумий и его товарищи были отправлены в Коудиум в оковах; фетиал привел их перед трибунал Понтия и торжественно передал их. Постумий, завершая, ударил коленом по бедру фетияла

и прогнал его, крикнув: «Теперь я самнит, а ты посол: таким образом я нарушаю закон народов; теперь вы можете справедливо возобновить войну».

Понтий ответил с достоинством: он расценил этот акт религиозного лицемерия как детскую уловку; он сказал римлянам, что если они хотят отказаться от договора с каким-либо проявлением справедливости, то должны разместить свои легионы так, как они были размещены на момент его заключения; но их нынешнее поведение, по его словам, было подлым и недостойным, и он не примет такую капитуляцию и не позволит им надеяться таким образом отвратить гнев богов. Затем он приказал развязать Постумия и других римлян и отпустить их.

Таким образом, война возобновилась, и римляне, вернувшись к своему первоначальному плану вести ее одновременно в Апулии и на западной границе Самниума, послали (319) консула Папирия осаждать Луцерию, которая теперь находилась в руках самнитов, в то время как его коллега Публилий повел свою армию в Самниум. Папирий расположился перед Луцерией, но самнитская армия прибыла и разбила лагерь неподалеку, что затруднило его связь с Арпи, откуда он получал припасы, настолько, что продовольствие в лагере можно было получить только благодаря рыцарям, которые ездили за зерном в маленьких мешках на своих лошадях. Наконец, им на помощь пришел Публилий, который, разгромив самнитскую армию, выступил им на помощь; и после безуспешной попытки тарентинцев выступить посредниками в заключении мира, римляне атаковали и штурмовали самнитский лагерь, нанеся им большие потери, что, хотя они и не смогли удержать его, привело к отступлению самнитской армии и оставлению Луцерии на произвол судьбы. Ее гарнизон из семи тысяч человек капитулировал на условиях свободного прохода без оружия и багажа.

Следующие два года были годами перемирия вследствие истощения обеих сторон; и во время перемирия римляне настолько расширили и укрепили свое господство в Апулии, что после этого больше не было попыток его пошатнуть. Война возобновилась в 316 году, и римляне осадили Сатикулу, оскский город недалеко от Капуи, союзный самнитам. Тем временем самниты захватили колониальный город Пластию, а волски из Сора, убив римский гарнизон, перешли на их сторону. Затем они напали на римскую армию перед Сатикулой, но потерпели поражение с большими потерями, и город немедленно сдался. Римские войска немедленно вторглись в Самниум и опустошили его, а театр военных действий перенесся в Апулию. Пока консульские войска находились вдали, самниты провели всеобщую мобилизацию, пришли и заняли позиции в Лаутулах, чтобы перерезать связь между Римом и Кампанией. Диктатор К. Фабий немедленно собрал армию и поспешил дать им сражение. Римляне потерпели полное поражение и бежали с поля боя; командующий конницей К. Авлий, не в силах пережить позор бегства, остался на месте и пал, сражаясь отважно. Восстание распространилось далеко и широко среди римских подданных в окрестностях; опасность была велика и неминуема, но удача Рима возобладала, и угрожающая буря рассеялась.

[314-311 гг. до н. э.]

В 314 году самниты потерпели крупное поражение под городом Цинна, местонахождение которого неизвестно. Кампанцы, которые в это время подняли восстание, подчинились появлению диктатора Г. Мэния, а наиболее виновные избежали наказания, покончив с собой. Города Аусоны, Аусона, Минтурна и Весция, были захвачены с помощью вероломства и хитрости, а их население было убито или обращено в рабство, чтобы послужить страшным уроком подданным Рима, которые колебались в своей верности.

Объединенные армии консулов М. Поэлия и К. Сульпиция вошли в Самниум со стороны Каудиума, но, осторожно и робко продвигаясь по этой грозной местности, они узнали, что самнитская армия опустошает равнину Кампании. Они немедленно повернули свои войска назад, и вскоре две армии столкнулись. На этот раз римляне применили новую тактику: левое крыло под командованием Поэлия было плотным и глубоким, а правое было расширено больше, чем обычно. Поэлий, добавив резерв к своему крылу, совершил уверенную атаку всей массой войска: самниты отступили; их кавалерия поспешила им на помощь, но Сульпиций, подоспев со своим кавалерийским отрядом и атаковав их всей римской кавалерией, обратил их в бегство. Затем он поспешил к своему крылу, которое теперь сдавало позиции; своевременное подкрепление переломило ситуацию, и самниты были разгромлены со всех сторон с большими потерями.

Следующий год (313) ознаменовался захватом Нолы и некоторых других городов, а также основанием колоний для укрепления завоеванного господства. В 312 году Сора была взята следующим образом: к консулам пришел дезертир и предложил провести некоторых римских солдат по тайному пути к Арксу, или цитадели, которая представляла собой крутую возвышенность над городом. Его предложение было принято; легионы отступили на расстояние шести миль от города; некоторые когорты были спрятаны в ближайшем лесу, и десять человек сопровождали соранского предателя. Ночью они карабкались по камням и кустам и наконец достигли территории цитадели. Их проводник, показав им узкую крутую тропу, ведущую оттуда в город, попросил их охранять ее, пока он спустится и поднимет тревогу. Затем он пробежал по городу, крича, что враг находится на цитадели; и когда правда его сообщения была подтверждена, люди приготовились бежать из города; но в суматохе римские когорты ворвались в город и начали массовую резню. На рассвете прибыли консулы; они пощадили жизнь выживших жителей, за исключением 225 человек, которые, как зачинщики восстания, были привезены в Рим в оковах, подвергнуты бичеванию и обезглавлены на Форуме.

[311-310 гг. до н. э.]

Война так решительно повернулась против самнитов, что еще одной-двух кампаний с участием всех сил Рима было бы достаточно для их порабощения. Но как раз в это время появился новый враг, который, по всей вероятности, надолго заставил бы римские войска не знать покоя. Этруски, которые, вероятно, из-за своих споров с галлами и страха перед ними, в течение многих лет воздерживались от войны с римлянами, либо под влиянием примеров самнитов, либо осознавая опасность слишком большого усиления Рима, начали проявлять такую враждебность, что в Риме царил большая тревога. Однако различные обстоятельства отсрочили войну еще почти на два года; наконец, в 311 году все народы Этрурии, за исключением аретинцев, отправили свои войска, и тосканская армия приготовилась осадить пограничный город Сутриум. Консул К. Эмилий прибыл, чтобы защитить его, и две армии встретились перед ним. На рассвете второго дня тосканцы выстроились в боевом порядке; консул, дав своим людям позавтракать, также вывел их.

Армии стояли друг напротив друга, каждая колеблясь начать, до полудня; затем тосканцы напали: ночь положила конец кровавому и безрезультатному сражению, каждая сторона отступила в свой лагерь, и ни одна из них не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы возобновить конфликт на следующий день.

В следующем году (310) тосканская армия осадила Сутриум, и консул К. Фабий поспешил из Рима на помощь. Поскольку его войска значительно уступали этрускам по численности, он осторожно вел их по холмам. Враг вывел свои силы на равнину, чтобы дать ему сражение, но консул, опасаясь спускаться, выстроил свои войска на склоне холма в месте, покрытом рыхлыми камнями. Полагаясь на свое численное превосходство, тосканцы бросились в атаку на холм; римляне забросали их камнями и метательными оружиями, а затем, воспользовавшись преимуществом местности, оттеснили их и, вклинившись между ними и их лагерем, заставили их укрыться в соседнем лесу Циминий. Их лагерь стал добычей победителей.

Как и многие другие в ранней римской истории, этой битве, вероятно, придают значение и важность, которых она не имеет, и, по всей видимости, консул лишь отразил передовой отряд врага и, не чувствуя себя достаточно сильным, чтобы вступить в бой с его основными силами, решил отвлечь внимание, вторгшись в их страну.

К северу от Сутриума, между ним и современным городом Витербо, простирается цепь возвышенностей, которая в то время составляла границу между Римом и независимой Этрурией. Она была покрыта естественным лесом и поэтому называлась Чиминийским лесом. Фабий решил провести свои войска через эту преграду. Он послал сообщение в сенат о своем плане, чтобы во время его отсутствия были приняты меры для защиты страны. Тем временем он поручил одному из своих братьев, который говорил на тосканском языке, проникнуть в переодетом виде к умбриам и заключить союз с теми из них, кто был враждебно настроен по отношению к этрускам. Однако единственным народом, который был готов к этому, были камерты, которые согласились присоединиться к римлянам, если те проникнут в их страну.

Сенат, испуганный смелостью плана Фабия, послал пятерых депутатов в сопровождении двух народных трибунов, чтобы запретить ему входить в лес, а может быть, и арестовать его, если он не захочет подчиниться. Но они пришли слишком поздно: в первую стражу ночи Фабий отправил вперед свой багаж, за ним последовала пехота; сам он немного перед восходом солнца привел конницу к лагерю врага, как бы для разведки. Вечером он вернулся в свой лагерь, а затем выступил и догнал свою пехоту до наступления ночи. На рассвете они достигли вершины горы и увидели перед собой ухоженные долины и равнины Этрурии. Они поспешили захватить предложенную добычу: этрусские вельможи собрали своих вассалов, чтобы противостоять им, но они не могли оказать эффективного сопротивления дисциплинированным войскам Рима. Римская армия распространила свои грабежи до Перузии, где она встретила и полностью разгромила объединенную армию этрусков и умбров; и Перузия, Кортон и Аретий, три ведущих города Этрурии, немедленно послали просить о мире, который был предоставлен на срок в тридцать лет. Когда римляне возвращались на помощь Сутриуму, они встретили у озера Вадимо еще одну этрусскую армию, состоящую из отборных войск, связанных торжественной клятвой (*lege sacrata*) сражаться до последнего. Обе армии сразу вступили в рукопашную; первые ряды сражались до изнеможения; затем выдвинулся резерв, и победа была решена только благодаря тому, что римские всадники спешили и заняли место в передних рядах.

В то время как Фабий вел войну в Этрурии, его коллега Г. Марций вторгся в Самний и захватил Аллифы и некоторые другие крепости. Самниты собрали свои силы и дали ему сражение, и римляне были разгромлены; несколько их офицеров было убито, сам консул

был ранен, а их связь с Римом была прервана. Когда весть дошла до Рима, сенат сразу же решил назначить диктатора и отправить его на помощь Марцию с резервом, который был набран для войны с этрусками. Их надежды были связаны с Л. Папирием Курсором, но диктатора мог назначить только консул; связаться с Марцием было невозможно, а Фабий еще не простил человека, жаждавшего его крови. Решение сената было донесено Фабию консулами; они убеждали его пожертвовать личными чувствами ради блага страны: он слушал их в молчании, устремив взгляд в землю, и они удалились в неопределенности. В тишине ночи он встал и, как было принято, назначил диктатором Л. Папирия, а утром снова молча выслушал благодарности и похвалы депутатов. Диктатор немедленно выступил в поход и сменил армию Марция, но, будучи по натуре импульсивным, он некоторое время довольствовался лишь наблюдением за врагом.

[310-304 гг. до н.э.]

Наконец настало время для решающего сражения. Армия самнитов была разделена на два корпуса, один одетый в пурпурные, другой в белые льняные туники, у первых были медные щиты, украшенные золотом, у вторых — серебром: щиты были широкими вверху и узкими внизу. Каждый солдат носил шлем с гребнем, большую губку для защиты груди и поножов на левой ноге. В сражении римский диктатор возглавил правое крыло против золотых щитов, а мастер конницы Г. Юний — левое против серебряных щитов самнитов. Юний произвел первое впечатление на врага; диктатор подстегнул своих людей к соперничеству, и римская конница, атаковав с обоих флангов, завершила победу. Самниты бежали в свой лагерь, но не смогли его удержать, и до наступления ночи он был разграблен и сожжен. Золотые щиты украсили триумф диктатора, а затем были переданы торговцам, чтобы украсить их лавки на Форуме.

К. Фабий был переизбран консулом на 309 год, а П. Деций был назначен его коллегой; первый вел войну с самнитами, второй — с этрусками. Фабий разгромил марсиан и пелинъян, которые теперь объединились против Рима, а затем повёл свои легионы в Умбрию, жители которой взяли в руки оружие, и без особого труда подчинил их. Тем временем Деций заставил этрусков просить о мире, и им было предоставлено годичное перемирие при условии, что они дадут каждому солдату по две туники и годовое жалованье для армии.

В оставшиеся годы войны истощенные силы самнитов могли оказать лишь слабое сопротивление легионам Рима. После поражения, которое они потерпели в 308 году, проконсул К. Фабий принял новое решение: отпустить самнитских пленных и продать в рабство пленных их союзников. Среди них было несколько герниканцев, которых он отправил в Рим; сенат провел расследование поведения герниканского народа в этом деле, и те, кто призывал их оказать помощь самнитам, теперь убеждали их открыто взяться за оружие. Все герниканские народы, кроме трех, приняли участие в войне, но они проявили себя не так, как того требовала их давняя слава; одной короткой кампании хватило, чтобы их подчинить, и они были поставлены (307 г.) почти в такое же положение, в каком тридцатью годами ранее находились латиняне.

Самниты наконец (304 г.) просили о мире и получили его на условиях, которые они так часто отвергали, а именно: признать верховенство Рима, другими словами, отказаться от своей независимости; но мир на любых условиях был теперь необходим, чтобы они могли восстановить свои силы для будущих усилий. Затем римляне обратили свое оружие против эквиев, которые присоединились к герникам в помощи самнитам, и за пятьдесят дней консулы захватили и разрушили сорок один из их городов с циклопическими стенами. Марсийский союз просил и получил мир от Рима.

ТРЕТЬЯ САМНИТСКАЯ И ЭТРУСКСКАЯ ВОЙНЫ

[304-297 гг. до н. э.]

Несколько лет прошло в относительном спокойствии; в 298 году в Рим прибыли посланцы луканийцев, просящие помощи против самнитов, которые вторглись в их страну с оружием в руках, нанесли им несколько поражений и захватили несколько их городов. Римляне, пользуясь своим превосходством, приказали самнитам вывести свои войска из Лукании: гордость самнитов была задета таким напоминанием об их подчинении; они изгнали фетиалов со своей территории, и римляне вновь объявили им войну. Поскольку этруски теперь также были вооружены, консул Л. Корнелий Сципион выступил против них, а его коллега Гн. Фульвий вторгся в Самниум.

Сципион вступил в сражение с многочисленной этрусской армией под Волатеррой. Ночь положила конец ожесточенной битве, не принеся решения. Однако утром выяснилось, что преимущество было на стороне римлян, так как враг покинул свой лагерь ночью. Разместив свой багаж и припасы в Фалерии, Сципион разгромил страну, сжигая деревни и поселки, и ни одна армия не выступила против него. Тем временем Фульвий с честью вел войну в Самнии. Недалеко от Бовианума он разгромил самнитскую армию и захватил этот город и другой город под названием Ауфидена.

Этрусский воин

(С статуэтки)

[297-295 гг. до н. э.]

Слухи о больших приготовлениях, которые, как говорили, ведут самниты и этруски, заставили народ избрать К. Фабия консулом против его воли; по его просьбе к нему присоединился П. Деций. Поскольку этруски оставались спокойными, оба консула вторглись в Самниум (297 г.), Фабий вступил в город из Сора, а Деций — из Сидицинума. Самниты дали Фабию сражение под Тифернумом, их пехота стойко противостояла римской, и атака римской кавалерии не возымела никакого эффекта. Наконец, когда на поле боя вышли резервы и сражение достигло наибольшей ожесточенности, легат Сципион, которого консул отпустил во время сражения с гастатами первого легиона, появился на соседних холмах Эмпирикум (). Обе армии приняли их за легионы Деция; мужество самнитов упало, а римлян поднялось, и вечер завершился их победой. Тем временем Деций разгромил апулийцев при Малевентуме. В течение пяти месяцев обе армии безнаказанно опустошали Самний; следы сорока пяти лагерей Деция и восьмидесяти шести Фабия свидетельствовали о страданиях несчастной страны.

В следующем году (296) самниты осуществили смелый план, который они разработали в ходе предыдущей войны, а именно: отправить армию, оплачиваемую и содержащуюся за свой счет, в Этрурию, оставив тем временем Самниум на произвол врага. К армии самнитов под командованием Геллиуса Эгнация, прибывшей туда, присоединились войска большинства тосканских государств; умбры также приняли участие в войне, и было предложено нанять галльских наемников. Консул Аппий Клавдий вступил в Этрурию со своими двумя легионами и двенадцатью тысячами союзников, но не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы дать сражение союзникам. Его коллега Л. Волумний, вероятно по приказу сената, привел свою армию, чтобы присоединиться к нему; но Аппий принял его так нелюбезно, что тот готовился уйти, когда офицеры другой армии умоляли его не бросать их из-за ошибки своего генерала. Тогда Волумний согласился остаться и сражаться: вскоре была одержана победа над этрусками и самнитами, чей полководец Эгнатий, к несчастью, отсутствовал; 7300 человек было убито, 2120 взято в плен, а их лагерь был взят штурмом и разграблен.

Когда Волумний стремительно возвращался в Самний, он узнал, что самниты воспользовались его отсутствием, чтобы совершить набег на Кампанию, где они собрали огромную добычу. Он немедленно направился туда: в Калесе он узнал, что они разбили лагерь на Вультурне, намереваясь перевезти добычу в Самний, чтобы обеспечить ее сохранность. Он прибыл и разбил лагерь неподалеку от них, но вне поля зрения; и когда самниты еще до рассвета отправили своих пленников и добычу под конвоем и выходили из лагеря, чтобы последовать за ними, на них внезапно напали римляне: лагерь был взят штурмом с большим количеством убитых; пленники, услышав шум, развязали себя и напали на конвой; самниты были разгромлены со всех сторон — шесть тысяч были убиты, две тысячи пятьсот взяты в плен, семь тысяч четыреста пленников со всем их имуществом были возвращены.

Союз самнитов, этрусков, умбров и галлов, который теперь был образован, вызвал в Риме величайшее беспокойство, и народ настаивал на повторном избрании К. Фабия консулом, на что тот согласился только при условии, что его проверенный соратник П. Деций будет назначен его коллегой. Его желание было выполнено. Четыре легиона предыдущего года были сохранены и укомплектованы, были сформированы два новых легиона и две резервные армии. Союзники предоставили значительные войска: среди них было тысяча всадников из Кампании, поскольку галлы были сильны в этом роде войск, и было необходимо усилить их.

Зимой Фабий выступил с четырьмя тысячами пехотинцев и шестьюстами всадниками, чтобы принять командование в Этрурии. Приблизившись к лагерю Аппия Клавдия, он встретил отряд, посланный за дровами; он приказал им вернуться и использовать для этой цели частоколы своего лагеря. Это вселило уверенность в солдат; и чтобы поддержать их боевой дух, он не позволял им оставаться на одном месте, а перемещался с места на место. Весной (295 г.) он вернулся в Рим, чтобы организовать поход, оставив командование в Этрурии Л. Сципиону.

Консулы привели свои основные силы, чтобы присоединиться к войскам, оставленным у Сципиона; одна резервная армия под командованием пропраетора Г. Фульвия была размещена в Фалисках, другая — под командованием пропраетора Л. Постумия — в районе Ватикана. Но галлы, вторгшиеся через перевал Камеринум, уничтожили римский легион, оставленный для его защиты; их многочисленная кавалерия распространилась по Умбрии и оказалась между Сципионом и Римом; и когда они подъехали к консульской армии, головы убитых римлян, которые они несли на копьях и вешали на грудь своих лошадей, заставили римлян поверить, что вся армия Сципиона была уничтожена. Однако с ним удалось соединиться, и проконсул Л. Волумний, командовавший в Самнии, получил приказ вести свои легионы на подкрепление консулам. Три объединенные армии пересекли Апеннины и заняли позиции в стране сентинов, чтобы угрожать владениям сенонских галлов; две резервные армии продвинулись пропорционально, одна к Клузию, другая к стране фалисков. Союзники прибыли и разбили лагерь перед римлянами, но избегали сражения, вероятно, ожидая подкрепления. Консулы, узнав от дезертиров, что план врага состоял в том, чтобы галлы и самниты вступили с ними в сражение, а этруски и умбры напали на их лагерь во время боя, прислали Фульвию приказ разорить Этрурию: это вызвало возвращение большей части этрусков домой, и консулы попытались вступить в сражение во время их отсутствия. В течение двух дней они тщетно пытались выманить союзников на поле боя; на третий день их вызов был принят.

Фабий командовал правым флангом, противостоявшим самнитам и оставшимся этрускам и умбрам; Деций возглавлял левый фланг против галлов. Еще до начала сражения волк прогнал лань с гор между двумя армиями; лань искала убежища среди галлов, которые ее убили; волк побежал среди римлян, которые пропустили его; и появление этого любимца Марса было расценено как предзнаменование победы.

В надежде утомить самнитов Фабий заставил своих людей действовать скорее в обороне и воздержался от ввода в бой своих резервов. Деций, с другой стороны, зная, насколько стремительной всегда была первая атака галлов, решил не ждать ее; поэтому он атаковал как пехотой, так и конницей и дважды отбросил многочисленную галльскую кавалерию; но когда его конница атаковала в третий раз, галлы выслали свои боевые колесницы, которые посеяли смуту и панику среди них; они бежали обратно к своей пехоте; победоносные галлы преследовали их. Битва, а с ней, возможно, и надежды Рима, были на грани поражения, когда Деций, который решил, в случае поражения, посвятить себя, как его отец на Везувии, попросил понтифика М. Ливия, которого он держал рядом с собой для этой цели, повторить форму посвящения, а затем добавил к ней следующие слова: «Я прогоняю от себя смятение и бегство, убийства и кровь, гнев сил выше и ниже; с траурным ужасом я прикасаюсь к оружию, доспехам и знаменам врага; это же место станет моим концом, а также концом галлов и самнитов», — он пришпорил коня, бросился в гущу врагов и пал, покрытый ранами.

Понтифик, которому Деций передал своих ликторов, ободрял римлян; часть резерва Фабия пришла им на помощь: галлы стояли плотной массой, прикрываясь щитами; римляне, подбирая лежавшие на земле *пики*, бросали их в галлов; но галлы стояли неподвижно (),

пока Фабий, выдвинув свой резерв и нанеся удар кавалерией по их флангу, не оттеснил самнитов к их лагерю и не послал пятьсот кампанских всадников, за которыми следовали принципы третьего легиона, атаковать их с тыла (); тогда они наконец сломали строй и бежали. Фабий снова атаковал самнитов под их валом; их полководец Геллий Эгнаций пал, и лагерь был взят. Союзники потеряли двадцать пять тысяч человек убитыми и восемь тысяч пленными; семь тысяч было потеряно в крыле, возглавляемом Децием, двенадцать сотен — в крыле Фабия. Такова была победа при Сентинуме, одна из самых важных, когда-либо одержанных римскими войсками.

В следующем году (294) война продолжалась в Этрурии и Самниуме, и при Нуцерии произошло кровопролитное, но нерешительное сражение. В следующем году (293) консулы Л. Папирий Курсор и Сп. Карвилий вышли на поле боя против самнитской армии, которую все средства суеверия сделали грозной.

Всем воинам Самниума было приказано явиться в город Аквилония. В центре лагеря был воздвигнут шатер площадью двести футов в квадрате, покрытый льняной тканью. Внутри него почтенный старик по имени Овий Пакций приносил жертву по древнему ритуалу, записанному в старой льняной книге. Затем император или генерал приказал вызвать знатных людей по отдельности: каждый из них, входя, видел сквозь мрак шатра алтарь в центре, вокруг которого лежали тела жертв, а вокруг него стояли центурионы с обнаженными мечами. От него требовали принести клятву, проклиная себя, свою семью и свой род, если он не пойдет в битву туда, куда прикажет император; если он сам сбежит или не убьет никого из тех, кого увидит бегущим. Некоторые из первых вызванных, отказавшись принести клятву, были убиты, и их тела, лежащие среди тел жертв, служили предупреждением для других. Генерал выбрал десять из тех, кто принес клятву, и каждому из них было велено выбрать по одному человеку, пока не наберется шестнадцать тысяч, которые были названы в честь скинии «Льняной легион». Им были выданы шлемы с гребнями и лучшее оружие для отличия. Остальная часть армии, насчитывавшая более двадцати тысяч человек, ничем не уступала Льняному легиону.

Римские войска вторглись в Самний; и пока Папирий продвигался к Аквилонии, Карвилий осадил крепость под названием Коминий, расположенную примерно в двадцати милях от того места. Говорят, что все римские войска были настолько охвачены жаждой сражения, что пулларий, или хранитель священной птицы, ложно сообщил о благоприятных знаках. Правда была сообщена консулу, когда он отправлялся в бой, но он сказал, что знаки, о которых ему доложили, были хорошими, и приказал только поставить пуллариев в первом ряду; и когда виновный пал от случайного удара *пилума*, он воскликнул, что боги присутствуют, виновный наказан. Когда он говорил, раздался громкий крик вороны; тогда он объявил, что боги никогда не проявляли себя более благосклонными, и приказал затрубить в трубы и поднять боевой клич.

Самниты отправили двадцать когорт на помощь Коминию; их боевой дух был подавлен, но они удерживали свои позиции, пока с одной стороны не появилось большое облако пыли, словно поднятое армией. Консул перед началом сражения отправил Сп. Наутия с мулами и их погонщиками, а также несколькими когортами союзников с приказом продвигаться во время сражения, поднимая как можно больше пыли. Теперь появился Науций, а конюхи, держа в руках ветки, волочили их по земле; оружие и знамена, видневшиеся сквозь пыль, заставили как римлян, так и самнитов подумать, что приближается армия. Тогда консул дал знак коннице атаковать; самниты разбежались, некоторые в Аквилонию, другие в Бовианум. Число убитых, по некоторым данным, составило 30 340 человек, а 3870 человек и 97 знамен были взяты в плен. Аквилония и Коминий () были взяты в тот же день. Затем Карвилий

повел свою армию в Этрурию; его коллега () остался в Самнии, разоряя страну, пока выпавший снег не заставил его покинуть ее на зиму.

[293-290 гг. до н.э.]

В следующей кампании (292 г.) самнитский полководец Г. Понтий нанес полное поражение римскому консулу К. Фабию Гургу, сыну великого Фабия. Сильная партия в сенате, враги дома Фабиев, хотели лишить консула его командования, но народ уступил мольбам его отца, который умолял их пощадить его от этого позора в старости, и он сам отправился в Самний в качестве легата своего сына. В месте, название которого неизвестно, произошла битва, которая решила судьбу Самнии. Фабий одержал победу, применив свою обычную тактику, состоявшую в том, чтобы сохранять резервы для подходящего момента. Самниты потеряли двадцать тысяч убитых и четыре тысячи пленных, среди которых был их великий полководец Г. Понтий. Во время триумфа Фабия Гургеса его прославленный отец смиренно следовал за его колесницей верхом на лошади; а Г. Понтий был приведен в оковах и затем, к позору Рима, обезглавлен. К. Фабий Максим, один из величайших людей, которых когда-либо производил Рим, умер, вероятно, вскоре после этого.

Самнитская война, которая длилась с небольшими перерывами в течение сорока девяти лет, теперь закончилась миром, точные условия которого нам неизвестны (290). Сабины, которые после 150-летнего перерыва глупо взяли в руки оружие против Рима, были легко покорены консулом М. Курием Дентатом, и у них было отнято большое количество земель. Теперь можно было выделять участки, значительно превышающие обычные семь югер, но Курий считал неразумным превышать этот предел; и когда народ заворчал, он ответил, что он был бы пагубным гражданином, если бы не удовлетворялся землей, достаточной для его пропитания. Он отказался от пятисот югер и дома в Тифате, которые ему предложил сенат, и довольствовался фермой в семь югер в Сабинской стране.

Самнитская война вызвала значительные беспорядки в Риме и даже привела к отделению. Народ собрался на Яникуле, но диктатор К. Гортензий убедил его подчиниться, либо путем отмены, либо путем значительного сокращения суммы их долгов. Это последнее отделение, о котором мы читаем в римской истории.

По этому поводу был принят закон Гортензия, который сделал плебисциты обязательными для всей нации;^[42] эта мера, вероятно, была вызвана упрямством и капризами патрициев, но была полна злого, от которого, однако, удача Рима долгое время его оберегала. Это было как если бы в Англии мера, принятая Палатой общин, сразу становилась законом страны.

Среди событий этого периода заслуживает внимания введение поклонения греческому богу Эскулапу. В 293 году в Риме разразилась эпидемия, и после консультации с Сивиллиными книгами было решено привезти Эскулапа в Рим. Для этой цели в Эпидавр была отправлена триера с десятью посланниками. Легенда гласит, что сенат этого места согласился, что римляне должны принять все, что даст им бог, и что, когда они молились в храме, из святилища вышла огромная змея, прошла по улицам города, расположенного в пяти милях от храма, до гавани, оттуда поднялась на борт римской триеры и проникла в каюту К. Огулниуса. Послы, получив наставления по поклонению богу, отплыли, и благоприятный ветер принес их в Антиум. Здесь они укрылись от шторма (); змея выплыла на берег и осталась, обвившись вокруг пальмы в храме Аполлона, пока они там находились.

Когда они достигли Рима, она снова покинула корабль, поплыла на остров и исчезла в том месте, где позже был построен храм бога.

ЛУКАНСКИЕ, ГАЛЛЬСКИЕ И ЭТРУСКСКИЕ ВОЙНЫ

[290-282 гг. до н. э.]

Рим несколько лет отдыхал от войн. Наконец (284 г.) тарентийцы, которые были главными зачинщиками последней самнитской войны, сумели склонить этрусков, умбров и галлов на севере, а также луканийцев, бруттов и самнитов на юге одновременно взять в руки оружие против Рима. Началом послужила враждебность луканов по отношению к жителям греческого города Турии, которые, не надеясь на помощь со стороны, обратились к римлянам.

[282-280 гг. до н. э.]

В 282 году римская армия под командованием К. Фабриция Луцина пришла на помощь Турии. Дух римлян упал, когда они увидели свое численное превосходство; но вдруг появился молодой человек гигантского роста, в шлеме с двойным гребнем, подобном тем, что были на статуях Марса, и схватил лестницу, чтобы взобраться на вал вражеского лагеря. Мужество римлян возросло, а мужество врагов пошло на убыль, и знаменательная победа увенчала оружие Рима. Когда на следующий день консул искал этого доблестного юношу, чтобы наградить его по заслугам, его нигде не могли найти. Тогда Фабриций распорядился провести благодарственную церемонию отцу Марсу (поскольку это, должно быть, был он) для всей армии. За этим последовало много других побед, и ни один римский полководец до сих пор не добыл столько трофеев, как Фабриций в этой кампании.

Когда римская армия отступила, для защиты Турии был оставлен гарнизон. Поскольку связь с ним можно было удобно поддерживать только по морю, в этих водах находился отряд из десяти триер под командованием дуумвира Л. Валерия. Несколькими годами ранее в договоре с тарентинцами было оговорено, что ни один римский военный корабль не должен плавать к северу от Лацинского мыса, но поскольку они теперь не обращали на это внимания, а между ними и римлянами пока не было открытой вражды, Валерий появился у порта Тарента. К несчастью, в этот момент народ собрался в театре, откуда открывался вид на море; демагог по имени Филохарис, человек крайне низкого характера,^[43] указав на римские корабли, напомнил им о договоре; разъяренная толпа устремила на корабли, атаковала и потопила четыре из них, а один из римских кораблей захватила. Затем тарентийцы направили войска на Турии, где они разграбили город и изгнали главных граждан: римский гарнизон был уволен без преследований.

Римляне, поскольку были заняты войной с этрусками, стремились урегулировать вопросы на юге мирным путем. Поэтому их требования были весьма умеренными: они требовали только освобождения пленных, захваченных на триере, восстановления прав жителей Турии и возвращения их имущества, а также выдачи виновных в этом преступлении. Послам была предоставлена аудиенция в театре. Когда они вошли, народ рассмеялся, увидев их *претексты* с пурпурной каймой, а языковые ошибки, допущенные Л. Постумием, главой посольства, удвоили их веселье. Когда послы покидали театр, пьяный шутник подошел и самым отвратительным образом испачкал одежду Постумия (). Смех усилился, но Постумий, подняв свою одежду, воскликнул: «Да, смейтесь, смейтесь, пока можете; вы будете долго плакать, когда придется отстирывать это кровью». Он продемонстрировал в Риме свою невыстиранную одежду, и сенат, после тревожных обсуждений, объявил войну Таренту (281

г.). Консулу Л. Эмилию Барбуле было приказано вести туда свою армию, вновь предложить прежние условия и, в случае их отказа, вести войну с новой силой. Однако тарентийцы не хотели слушать никаких условий; они прибегли к своей обычной системе поиска помощи у метрополии и послали посольство, чтобы пригласить Пирра, знаменитого царя Эпира. Тем временем Эмилий опустошил их страну, захватил несколько крепостей и разгромил их в поле.

Теперь обратим наш взор на север. В 283 году объединенная армия этрусков и сеноновских галлов осадила Аретий, и претор Л. Метелл поспешил на помощь, но его армия была полностью разгромлена, тринадцать тысяч человек было убито, а почти все остальные взяты в плен. Когда к галлам была отправлена посольская делегация, чтобы выразить недовольство нарушением договора и выкупить пленных, галльский принц Бритомарис, желая отомстить за своего отца, погибшего при Аретии, приказал убить фетиалов. Консул П. Корнелий Долабелла немедленно прошел через земли сабинов и пицентов в землю сенонов, которых он разгромил в сражении. Затем он опустошил земли, сжег открытые деревни, убил всех мужчин и обратил женщин и детей в рабство. Бритомарис, который был взят живым, был оставлен в живых, чтобы украсить триумф консула.

Бои, жившие между сенонами и По, были полны ярости и опасений по поводу судьбы своих братьев и, собрав все свои силы, вторглись в Этрурию, где, присоединившись к этрускам и остаткам сенонов, они продвинулись на Рим; но у озера Вадимо консульские войска встретили их и почти полностью уничтожили всю их армию; Говорят, что сеноны в отчаянии покончили с собой, когда увидели, что битва проиграна. В следующем году (284) галлы снова появились в Этрурии, но сокрушительное поражение под Популонией (282) заставило их просить о мире, который римляне, учитывая войну на юге, охотно предоставили.

Война с этрусками продолжалась до 280 года, когда в результате войны с Пирром римляне заключили с ними мир на самых выгодных условиях. Этот мир положил конец конфликту, который длился уже тридцать лет, и превратил Этрурию в самого верного и надежного союзника Рима.^c

СНОСКИ

[38] [Эдвард А. Фриман^e называет самнитов «самыми достойными врагами, с которыми Рим когда-либо сталкивался на своей полуострове». Он добавляет: «Нет сомнений, что они имели федеративную конституцию. Их сопротивление закончилось только с истреблением их народа».]

[39] [Freeman^e отмечает, что Рим никогда не казался «простой столицей Латинского союза». Насколько позволяют судить самые смутные отблески истории, Рим занимал по отношению к Лации гораздо более господствующее положение, чем Фивы по отношению к Беотии. Неудивительно, что союз небольших городов не мог долго противостоять одному великому городу своей же расы, сила которого равнялась их объединенной силе и который был более либеральным в отношении своих прав, чем любой другой город-государство когда-либо».

[40] [В интерпретации пунктов 1 и 2 закона Публилия ученые разделены. Комиция куриата теперь утратила всякую реальную власть и, по сути, никогда не обладала правом утверждать решения, принятые другими собраниями. Вероятно, именно сенат или патрицианская часть сената должны были давать предварительное согласие на законопроекты, выносимые на рассмотрение центурий. Пункт 2, вероятно, придавал законность решениям племенного собрания, даже если на нем не присутствовали патриции; ср. Botsford.^a]

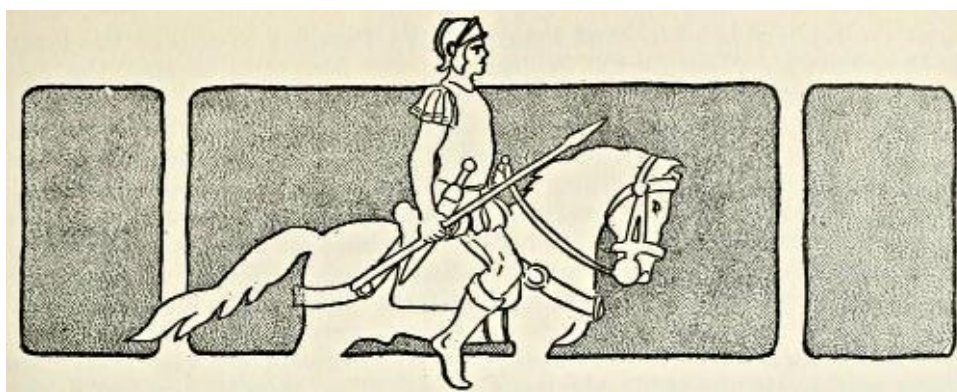
[41] [Это Папирий Курсор, о котором Ливий^a пишет восторженную похвалу, которую мы процитировали в предыдущем томе, глава LVII, где Ливий утверждает, что Папирий Курсор — как современник Александра и полководец, с которым он встретился бы, если бы тот напал на Рим, а не на Персию, — был бы равен македонцу и изгнал бы его из Италии.]

[42] [Этот закон, вероятно, сделал ненужным согласие сената с решениями, принятыми племенным собранием под председательством плебейских трибунов.]

[43] [Конечно, тарентийцы не были такими плохими, как их представляют римские историки. Хотя они и были неосторожны, у них были веские основания для возмущения.]

РИМСКИЕ ТРОФЕИ

ГЛАВА IX. ЗАВЕРШЕНИЕ ЗАВОЕВАНИЯ ИТАЛИИ

После долгой серии сражений Рим стал хозяином центральной Италии, усилил свою власть на севере и почти полностью подчинил греческие города на юге. Однако некоторые из них все еще сопротивлялись римскому влиянию. Среди них выделялся Тарент, и именно из-за конфликта с этим городом римлянам угрожало первое крупное вторжение вооруженных сил с востока. Этими силами командовал Пирр, царь Эпира, родственник Александра Македонского, который стремился повторить подвиги этого великого героя.

Пирр не был точной копией Александра, но он был самым выдающимся воином своего времени. Несомненно, он стремился сделать Эпир центром мира, а себя — его повелителем. Его амбиции не осуществились, но он смог на время бросить вызов могуществу Рима и угрожать его свержению более убедительно, чем кто-либо до него со времени вторжения галлов или кто-либо после него, за единственным исключением Ганнибала, вплоть до позднего периода имперской истории. Вторжение Пирра, помимо личных амбиций захватчика, имело огромное и всемирное историческое значение, поскольку представляло собой борьбу старого Востока с новым Западом — в некотором смысле повторение той более ранней борьбы, в которой персы пытались свергнуть растущую мощь Греции. Пирр привёз с собой знаменитую македонскую фалангу. Ему противостоял римский легион, который со временем стал ещё более знаменитым, и с ещё большим основанием. Трудно

сказать, что в тот момент оказалось бы более грозным — фаланга или легион, но кроме того, Пирр привёз с собой отряд боевых слонов, и именно этот фактор в значительной степени склонил чашу весов в его пользу. До этого момента, вероятно, ни один слон никогда не высаживался на полуострове Италия, и вид этих животных, наступающих в боевом порядке, был достаточен, чтобы вселить ужас в сердца самых закаленных ветеранов.

Правда, пятьдесят лет назад македоняне столкнулись с восточным врагом, которому помогало это новое для них оружие, и легко нашли способ победить противника и нивелировать преимущество, которое, как предполагалось, давали им эти огромные животные. Было ли это отсутствием Александра, или тем, что римляне были менее стойкими, чем македоняне, или тем, что солдаты Пирра были более способны сражаться с римлянами в рукопашной, чем персы противостоять войскам Александра — каким бы ни было объяснение, факт остается фактом: слоны Пирра явно склонили чашу весов в его пользу в первых двух великих сражениях, в которых он встретил римлян на их земле. Но римляне, хотя и потерпели поражение, ни в коем случае не были опозорены. Классическое высказывание Пирра о том, что еще одна такая победа означала бы его гибель, показывает, что сражения при Гераклее и Аскулуме сильно отличались от большинства сражений более раннего периода, в которых греки сражались с персами, или даже от тех, в которых греки сражались с греками. В тех греческих сражениях, как мы видели, мужество одной стороны и робость другой часто решали исход сражения, едва ли более чем столкновением оружия или случайным ранением беглеца здесь и там. Но здесь для определения победителя потребовалось суровое испытание оружием. Македоняне, с еще свежей в памяти славой Александра, сначала могли презирать, но вскоре научились уважать этих новых врагов Запада, обнаружив, что они действительно достойны их оружия, и завоеватель, оставшийся на поле боя после сражения, имел почти столько же поводов для сожаления о своих потерях, сколько для радости о своей победе.

Но самым странным было то, как побежденные римляне встретили свою судьбу и оправились от поражения, отказываясь признавать свои неудачи чем-то большим, чем временные затруднения. Именно в этом римляне проявили себя совсем другими людьми, чем типичные греки, например, в лучшие времена Афин. Вместо того чтобы признать поражение и принять или предложить условия капитуляции, римляне с негодованием отвергли все предложения Пирра и отчаянно принялись восстанавливать армию и завоевывать обратно свои лавры, заявив, что они никогда не успокоятся, пока враг остается на итальянской земле; и в свое время они сдержали свое слово. Пирр действительно на два года покинул итальянскую землю, но не для того, чтобы вернуться в Грецию, а чтобы отправиться на Сицилию и помочь сиракузцам, которые были осаждены карфагенянами. Признавая в Пирре общего врага, карфагеняне и римляне впервые и в последний раз в своей истории заключили союз, и карфагеняне оказали большую услугу делу, разгромив флот Пирра, когда тот возвращался из Сицилии. Однако, помимо этого, сухопутные войска Рима — а до этого времени Рим мог претендовать на большое значение исключительно как сухопутная держава — были оставлены на произвол судьбы в борьбе с эпирским врагом. Однако этих ресурсов в конце концов оказалось вполне достаточно, поскольку в великой битве при Беневентуме в 275 году до н. э. ситуация изменилась в пользу Пирра, и его войска были окончательно разгромлены. Ему не оставалось ничего другого, как вернуться в Эпир, где его внимание также требовали местные войны.

Скорее всего, отступая из Италии, Пирр намеревался когда-нибудь вернуться и отомстить за свои потери, но если это и было так, то его намерение так и не осуществилось, поскольку три года спустя величайший воин своего времени был убит в Аргосе после победоносной осады этого города. Тем временем Рим доказал, что способен справиться с эпирским вторжением, и больше никогда не подвергался серьезной угрозе с этой стороны.

Вероятно, трудно переоценить значение для римского государства этого испытания мастерства с Пирром и его знаменитой македонской фалангой, которое придало им уверенность в себе и в своем мастерстве, что должно было пригодиться им в борьбе с другими врагами, которых необходимо было победить, прежде чем Рим смог бы стать тем, к чему он теперь стремился, — повелителем мира.^a

ПИРР В ИТАЛИИ

Пирр был тогда в тридцать восьмом году жизни. Вся его жизнь была полна приключений и опасностей. Его отец, Эакид, был царем Эпира; а молодой принц, осиротевший в возрасте пяти лет в результате беспорядков, последовавших за смертью Александра Македонского, вел бродяжническую и нестабильную жизнь, пока в возрасте около семнадцати лет не нашел убежище при дворе Антигона, македонского царя Сирии. Здесь он подружился с сыном царя, знаменитым Деметрием Полиоркетом, и присутствовал на кровавом поле битвы при Ипсе (301 г. до н. э.), которая лишила Антигона жизни, а Деметрия — престола. После этого поражения он был принят при великолепном дворе Птолемея Сотера, первого македонского царя Египта, в качестве заложника за своего друга Деметрия. Здесь Пирр снискал расположение царицы Береники, которая вышла замуж за него свою дочь от предыдущего брака, Антигону, и убедила Птолемея помочь ему восстановить свою власть в Эпире, где он так прочно утвердился, что после смерти Кассандра он оспаривал у своего бывшего друга Деметрия право на престол Македонии. Некоторое время он был хозяином восточных провинций, но после семи месяцев правления Пирр был вновь изгнан через горы в Эпир (287 г. до н. э.). В течение следующих нескольких лет он жил в мире, построил Амбракию как новую столицу своих владений и правил там в безопасности и великолепии. Он был в расцвете сил, красив, счастлив, популярен благодаря своей откровенности и щедрости, а также считался искусным военачальником. Но ни его характер, ни его беспокойная молодость не позволяли ему наслаждаться счастливым спокойствием. Вторым браком он женился на дочери Агафокла Сиракузского; подвиги этого замечательного человека зажигали его душу; он помнил, что Алкивиад, Александр, все греческие завоеватели смотрели на Запад как на новую арену для предприятий и триумфов; и он с готовностью прислушивался к просьбам итальянских послов. Победив римлян и карфагенян, он мог бы вернуться как царь южной Италии и Сицилии и диктовать условия измученным монархам Македонии и Азии. Такими были мечты людей, менее романтических, чем он сам.^[44]

В конце 281 года до н. э. он покинул Эпир с войском численностью около двадцати тысяч пехотинцев и четырех-пяти тысяч всадников, а также с отрядом из двадцати слонов, которые в то время греки считали необходимой частью полного вооружения. Во время перехода его корабли были разбросаны штормом, но в конце концов все они благополучно достигли Тарента. Часть его пехоты была предоставлена Птолемеем Керауном, нынешним царем Македонии. Его кавалерия состояла из фессалийцев, лучших в Греции. Это была небольшая армия для осуществления столь грандиозных планов. Но он доверял обещаниям луканов и самнитов; кроме того, он намеревался сделать тарентинцев солдатами. Как только он высадился на берег, этот народ понял, насколько верны были слова их согражданина. Они хотели, чтобы Пирр сражался за них, как его родственник Александр из Молосса (), но он решил, что они тоже должны сражаться за него. Он закрыл театры и другие места общественных развлечений, закрыл демократические клубы, казнил некоторых демагогов, а других изгнал, и приказал всем гражданам призывного возраста пройти обучение для участия в фаланге. Ленивое население роптало, но тщетно. Лошадь взяла всадника на спину, чтобы отомстить оленю, и теперь уже было невозможно сбросить его.

С наступлением ранней весны римляне вышли в поход. Ти. Корунканий, плебейский консул 280 года, командовал войсками против этрусков с приказом заключить мир, если это возможно. П. Валерий Левин, его патрицианский коллега, должен был пройти через Луканию, чтобы не дать луканцам присоединиться к королю, а Эмилий, консул предыдущего года, был размещен в Венузии, чтобы сдерживать самнитов и апулийцев. Кампанский легион, состоявший из мамертинцев и возглавляемый Децием Юбеллием, офицером, избранным ими самими, занял Региум, чтобы (как можно предположить) перехватить сообщения из Сицилии.

Когда царь двигался вдоль побережья от Гераклеи, он увидел римскую армию, расположившуюся лагерем на правом берегу небольшой реки Сирус. Его опытный глаз сразу же обратил внимание на военный порядок в лагере противника. И когда он увидел, как они пересекли широкий, но мелкий поток перед его собственной армией и выстроились в линию, прежде чем он смог приблизиться к ним, он заметил: «По крайней мере, в войне эти варвары вовсе не варвары».

И теперь римские легионы впервые должны были выдержать удар греческой фаланги. Тактика двух армий была совершенно разной. Свободный порядок легионов, которые теперь сражались с пиками и мечами, был описан выше. С другой стороны, эпироты формировали две большие колонны, называемые фалангами, в которых каждый человек стоял рядом со своим товарищем, так что половина его тела была покрыта щитом правого соседа. Они выстраивались в шестнадцать рядов, и их длинные пики, называемые сариссами, были так густо расставлены спереди, что линия была непробиваема, если только не удавалось пробить брешь в передних рядах. Они действовали механически, благодаря своему весу. Если их однажды пробивали, они становились почти беззащитными. Поэтому для их эффективных действий была необходима ровная местность.

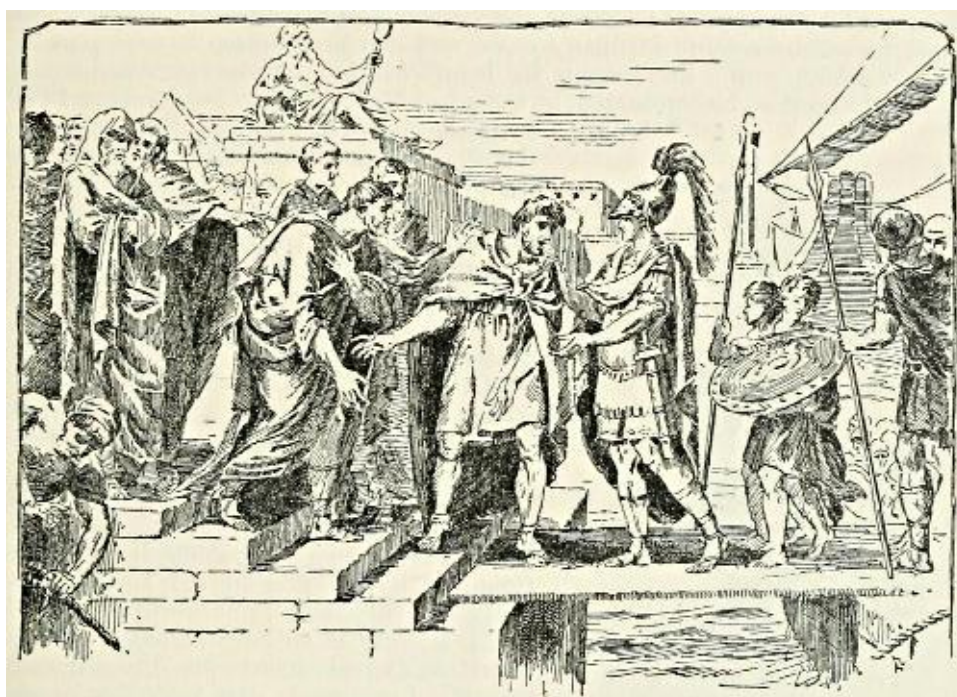
Пирр обеспечил себе это последнее преимущество: равнина Гераклеи хорошо подходила для регулярного движения фаланг, а также для его кавалерии и слонов. Сражение началось с того, что римская кавалерия переправилась через Сирус и оттеснила эскадрон фессалийской конницы, остальная часть которой вместе со слонами еще находилась в тылу. Основные силы римлян, воодушевленные этим успехом, последовали за ними через русло реки, чтобы атаковать фаланги. Но они не смогли произвести никакого впечатления на эти сплоченные

массы; принципы заняли место гастатов, а триарии сменили принципов, но все было тщетно. Тогда Левин приказал своей кавалерии атаковать фаланги с фланга. Но им противостояла вся тессалийская конница, поддерживаемая слонами. Римляне никогда раньше не видели этих чудовищных животных, которых в своем невежестве они называли «луканскими быками»: их лошади не хотели с ними сражаться и в испуге галопом устремились назад, к пехоте. Пирр теперь повел всю свою линию вперед, и началось всеобщее бегство. Римляне были отброшены за Сирус и не пытались защищать свой лагерь. Однако вскоре они собрались с силами и в полном порядке отступили в Апулию, где их была готова принять Венузия. Теперь стало ясно, насколько мудро поступил сенат, заняв это место большой колонией.

Победа при Гераклее была одержана с очень большими потерями. Пирр теперь правильно оценил задачу, которую он взял на себя. У него был глаз солдата. Когда на следующий день он посетил поле битвы и увидел все римские трупы с ранами на груди, он воскликнул: «Если бы это были мои солдаты, или если бы я был их полководцем, мы покорили бы мир». Когда он принес в храм Юпитера в Таренте часть трофеев, захваченных после битвы, он поместил на них следующую надпись:

«Те, кто еще не был побежден, великий отец Олимпа,
тех я победил в сражении, и они победили меня».

И когда его спросили, почему он так сказал, он ответил: «Еще одна такая победа отправит меня без людей обратно в Эпир».

ПРИБЫТИЕ ПИРРА В ТАРЕНТ

Однако битва при Гераклее побудила греческие города Локри и Региум сбросить римское иго. Локри присоединился к Пирру, но Деций Юбеллиус со своими кампанскими солдатами провозгласил независимость и захватил Региум. Но, прежде всего, битва при Гераклее открыла путь луканам и самнитам к присоединению к царю, и он продвинулся в Самний, чтобы потребовать выполнения их обещаний. Но по мере продвижения он был потрясен опустошенным состоянием страны и упрекнул итальянцев в том, что они обманули его. Только что состоявшаяся битва показала ему, насколько грозным был его противник, и

теперь он понял, что должен полагаться только на свои собственные ресурсы. Поэтому он решил немедленно положить конец войне, заключив выгодный мир.

Этими переговорами занимался Кинеас, имя которого было не менее известным, чем само имя Пирра. Он был греком из Фессалии, славившимся своим красноречием, но еще больше — своим дипломатическим талантом. Он служил Пирру министром внутри страны и послом за рубежом. «Язык Кинеаса, — говорил Пирр, — принес ему больше побед, чем его собственный меч». Он обладал настолько быстрым умом и настолько отличной памятью, что едва прибыв в Рим, он уже мог называть каждого сенатора по имени и обращаться к каждому в соответствии с его характером. Условия, которые он предлагал, были жесткими, поскольку Пирр требовал, чтобы все греческие города остались свободными, а все земли, отнятые у самнитов, апулийцев и других его союзников, были возвращены. Однако умение Кинея убедило бы сенат подчиниться этим условиям, если бы не один человек. Это был цензор Аппий Клавдий. Он был уже в преклонном возрасте, много лет был слеп и давно перестал участвовать в государственных делах. Но когда он услышал о предлагаемой капитуляции, он попросил своих четырех сыновей и пятерых зятьев отвести его в сенат, где с авторитетной красноречивостью оракула он укрепил колеблющиеся духи отцов и продиктовал единственный достойный Рима ответ — что он не будет вести переговоры о мире с Пирром, пока тот не покинет берега Италии. Умиравший патриотизм Аппия покрывает множество произвольных действий, в которых он был виновен во время своего цензора.

Кинеас вернулся к Пирру, сбитый с толку и лишенный надежды. Он сказал своему господину, что «сражаться с римским народом — все равно что сражаться с гидрой»; он заявил, что «город — это храм богов, а сенат — собрание королей». Но царь решил проверить, какой эффект может произвести присутствие его армии в Лации. Он быстро прошел через Кампанию, оставив ее на разграбление самнитам, и двинулся на Рим по верхней, или латинской, дороге. Он взял штурмом колонию Фрегеллы; он получил добровольное подчинение Ананьи, столицы герниканцев, и был допущен в неприступную цитадель Пренесте, поскольку и герниканцы, и пренестинцы были лишь наполовину римскими гражданами; они несли бремя, не пользуясь привилегиями, и поэтому были рады возможности обрести свободу. Затем он продвинулся на шесть миль за Пренесте, в пределах восемнадцати миль от Рима. Но здесь его продвижение было остановлено. Не было никаких признаков отступничества среди большинства латинян, вольсков или кампанцев, которые были приняты в племена и пользовались всеми почестями римского гражданства. Ти. Корунканий, впоследствии главный понтифик, а теперь консул, сам был латинянином из Тускулума. Все могли надеяться на то, что он достиг.

Пирр

Эта зима прославилась посольством К. Фабриция, который был послан сенатом вместе с двумя другими консулами, чтобы предложить Пирру обмен пленными. Характер и привычки Фабриция напоминали характер и привычки Курия. Он жил скромно и просто на своей ферме и был уважаем своими соотечественниками за свою непоколебимую честность. Он был немного моложе Курия и, по-видимому, был менее груб в манерах и более мягок в характере. Хорошо известны истории о том, как Пирр пытался подкупить Фабриция, предлагая ему золото, и запугать, спрятав за занавесками королевской палатки слона, который по заданному сигналу махал хоботом над его головой; и как Фабриций спокойно отказался от взятки и безмятежно смотрел на угрожающее чудовище. Говорят, Пирр так восхитился поведением римлянина, что пожелал, чтобы тот поступил на его службу, как Кинеас, что для римлянина было равносильно оскорблению. Царь отказался отдать захваченных им римских граждан, если сенат не заключит мир на условиях, предложенных через Кинея, но разрешил своим пленникам вернуться домой в декабре, чтобы принять участие в веселье *Сатурналий*, если они дадут слово чести, что вернутся. Его доверие не было напрасным. Пленники приложили все усилия, чтобы добиться мира, но сенат остался непреклонен и приказал каждому из них под страхом смертной казни вернуться в Тарент в назначенный день.

[280-278 гг. до н. э.]

В следующем году военные действия возобновились. Новыми консулами были П. Сульпиций от патрициев и П. Деций Мус, сын и внук тех прославленных плебеев, которые посвятили себя смерти под Везувием и в Сентинуме. Мы не знаем подробностей этой кампании, пока не видим, что консулы укрепились на холмах, возвышающихся над равниной Апулийского Аскулума. Здесь Пирр встретил их. После нескольких умелых маневров он заманил римлян на равнину, где его фаланга и кавалерия могли действовать свободно. Он разместил тарентинцев в центре, итальянских союзников на левом фланге, а эпиротов и македонян в фаланге на правом; кавалерию и слонов он оставил в резерве. Второй раз римские легионы растратили свои силы на фалангах. Снова и снова они с тщетной храбростью атаковали эту железную стену, пока Пирр не вывел свою кавалерию и

слонов, как в Гераклею, и римляне были разгромлены. Но на этот раз они успешно отступили в свой укрепленный лагерь, и Пирр не считал разумным преследовать их. Он мало доверял своим итальянским союзникам, которые ненавидели греков даже больше, чем римлян, и явно продемонстрировали свое вероломство, разграбив лагерь царя, пока тот был занят сражением. Потери с обеих сторон были тяжелыми. Вторая победа была одержана, но слова царя быстро сбывались. В этих двух сражениях он потерял многих своих главных офицеров и большое количество эпиротов, единственных войск, на которые он мог положиться. Он не осмеливался продвигаться дальше, и когда он вернулся в Тарент, его ждала новость, которая еще больше удручила его. Он узнал, что римляне заключили оборонительный союз с Карфагеном, в результате чего Тарент потерял бы свое превосходство на море; Птолемей Кераун, который обещал ему новые войска из Македонии, был убит галлами, и эти варвары угрожали захватить Грецию.

В этих обстоятельствах он воспользовался первым же случаем, чтобы заключить мир с Римом. Это произошло в начале следующего года, когда он получил сообщение от новых консулов К. Эмилия и К. Фабриция. Они прислали ему известие о том, что его врач или виночерпий (версии расходятся) предложил убить его ядом. Пирр выразил им свою горячую благодарность, отправил обратно всех пленных в новой одежде и без выкупа и сообщил своим союзникам, что он примет только что полученное приглашение возглавить сицилийско-греческую армию против карфагенян и мамертинцев. Соответственно, он отплыл из Локри в Сицилию, уклонившись от карфагенского флота, который поджидал его. Он оставил итальянцев на милость римлян, но Милон по-прежнему удерживал цитадель Тарента, а Александр, сын царя, оставался в гарнизоне в Локри.

Он пробыл в Италии чуть больше двух лет, поскольку прибыл в конце 281 года до н. э. и уехал в начале 278 года: он вернулся в конце 276 года, так что его пребывание в Сицилии длилось около двух с половиной лет. События этого периода можно очень кратко резюмировать.

[278-275 гг. до н. э.]

Самниты и луканы продолжали вести против Рима своего рода партизанскую войну, в которой, хотя консулы и были удостоены триумфов, никаких заметных преимуществ, по видимому, не было достигнуто. Римляне, без сомнения, вернули себе города на Латинской дороге, которые подчинились царю; они также овладели Локри и полностью разрушили древний город Кротон, но не смогли взять Региум, который Деций Юбеллиус и его кампанцы стойко защищали как от Пирра, так и от римлян. Тем временем Пирр продолжал свою блестящую карьеру на Сицилии. Он запер мамертинцев в стенах Мессаны и в ходе блестящей кампании оттеснил карфагенян на крайний запад острова. Но в злосчастный час он предпринял осаду Лилибея, места, которое карфагеняне сделали почти неприступным. Он был вынужден снять осаду и потерял доверие своих непостоянных греческих союзников. До этого смерть лишила его услуг Кинея. Оставшись один, он совершил много жестоких и произвольных поступков, которые были скорее результатом нетерпения и разочарования, чем жестокого или тиранического характера. Теперь стало ясно, что он не сможет больше удерживать Сицилию, и он с радостью принял новое приглашение вернуться в Италию.

Соответственно, в конце 276 года до н. э. он отплыл в Тарент. Во время перехода он был перехвачен карфагенским флотом и потерял большую часть своих кораблей; а при высадке между Региумом и Локри он понес дальнейшие потери в результате нападения кампанцев, которые все еще удерживали первый город. Тем не менее, оказавшись в Италии, он оказался во главе большой армии, состоящей частично из его ветеранов-эпиротов, а частично из наемников, которые последовали за ним из Сицилии. Его первым делом было вернуть

владение Локри; и здесь, в крайней нужде в деньгах, он прислушался к злым советникам и разграбил богатый храм Прозерпины. Корабли, перевозившие добычу, потерпели крушение, и Пирр, мучимый угрызениями совести, вернул все, что удалось спасти. Но воспоминание об этом поступке не давало ему покоя: он записал свое убеждение, что этот кощунственный акт был причиной всех его будущих несчастий.

Консулами следующего года были Л. Корнелий Лентул и М. Курий Дентат. От Курия зависела судьба Рима. Народ был очень удручен, так как бушевала чума. Статуя Юпитера на Капитолии была поражена молнией, и сердца людей были полны зловещих предчувствий. Когда консулы провели набор в армию, граждане, призванные на службу, не отзывались на свои имена. Тогда Курий приказал продать имущество первого отказника, что влекло за собой лишение всех политических прав. Эта суровая мера дала результат, и необходимые легионы были укомплектованы.

Лентул выступил в Луканию, Курий — в Самний. Пирр выбрал последнюю страну в качестве театра военных действий. Он обнаружил, что Курий расположился лагерем над Беневентом, и решил провести ночную атаку, чтобы застать его врасплох, пока к нему не присоединился его коллега. Но ночные атаки редко бывают успешными: часть армии заблудилась, и только когда наступил день, армия Эпира появилась перед лагерем консула. Курий немедленно вывел свои легионы и атаковал врага, пока тот был запутан в горах. Он приказал своим лучникам стрелять в слонов стрелами, обмотанными горящим пакли, и именно этому приёму приписывают его победу. Одна из самок, услышав крики своего детеныша, который был ранен таким образом, яростно бросилась в ряды своих соплеменников. Курий теперь вывел основные силы своей пехоты и атаковал разбросанные фаланги; они были разбиты и стали беспомощными. Поражение было полным: Пирр сразу отступил в Тарент и решил покинуть берега Италии, оставив Мило удерживать цитадель.

Но слава его жизни закончилась; оставшиеся два или три года он провел в безнадежных предприятиях. При штурме Аргоса он был убит черепицей, брошенной женщиной с крыши дома. Таков был конец этого замечательного человека. Как Ричард I Английский или Карл XII Шведский, он прожил свою жизнь, выигрывая сражения, но не получая никаких плодов победы; и, как и они, его жизнь, прожитая в гуще опасностей, закончилась в мелкой войне и от руки неизвестного. Его рыцарский характер вызывал восхищение даже у его врагов; его вспыльчивый характер и нетерпеливость к несчастьям не позволяли ему завоевать доверие своих друзей. Тем не менее, он оставил после себя имя, достойное его великих предков; и мы с сожалением расстаемся с историей его итальянских войн, потому что это самый честный и великодушный конфликт, в котором когда-либо участвовал Рим.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ПОКОРЕНИЕ ИТАЛИИ

[273-272 гг. до н. э.]

Уход Пирра оставил Италию на милость Рима. Однако Мило, лейтенант короля, все еще удерживал цитадель Тарента, и ни одна из наций, недавно присоединившихся к эпиротам, не сдалась без последней борьбы. Самниты, луканы, брутты и другие племена продолжали вести партизанскую войну, для которой их горы предоставляли отличные условия. Чтобы положить конец этому, в 272 г. до н. э. Л. Папирий Курсор Младший и Сп. Карвий, разгромивший самнитов в конце третьей войны, были вновь избраны консулами. Папирий осадил Тарент, и пока формировались войска, он получил подчинение луканов и бруттов.

Тем временем Карвийий напал на самнитов, и разрозненные остатки этого храброго народа были вынуждены окончательно подчиниться Риму после борьбы, длившейся около семидесяти лет. Так закончилась так называемая Четвертая самнитская война.

Тем же летом был покорен Тарент. Папирий заключил тайный договор с Милоном, по которому последний должен был эвакуировать город и оставить его на произвол римлян. Он отплыл в Эпир со всеми своими людьми и запасами, а Тарент остался без защиты. Аристократическая партия немедленно захватила власть и подчинилась Риму. Им было позволено остаться независимыми при условии уплаты ежегодной дани завоевателю, но их укрепления были разрушены, арсенал разобран, флот сдан Риму, а в их цитадели разместился римский гарнизон.

Внимание, вызванное поражением Пирра, подтверждается тем фактом, что в 273 году до н. э. Птолемей Филадельф, правитель Египта, послал послов в Рим и заключил с ним союз. Так начались отношения с Египтом, которые продолжались без перерыва до времени Цезаря.

[271-265 гг. до н. э.]

В 271 г. до н. э. плебейский консул Г. Генуций был отправлен, чтобы усмирить Деция Юбеллиуса и кампанских солдат, которые провозгласили себя правителями Регия и образовали в этом городе военную олигархию. Сенат заключил договор с мамертинскими солдатами, которые таким же образом оккупировали Мессану, и таким образом отделил их от союза с их соотечественниками; они также обеспечили себя поставками зерна от Иерона, нового правителя Сиракуз (). Кампанцы из Регия, оставленные таким образом, были взяты штурмом, и все солдаты были преданы мечу, за исключением первоначальных легионеров Юбеллиуса, которые, как жители Капуи, обладали некоторыми правами римских граждан и поэтому были оставлены для суда перед народом Рима. Из нескольких тысяч выжило не более трехсот, но они не встретили пощады. Каждое племя проголосовало за то, чтобы их сначала выпороли, а затем обезглавили как изменников республики. Регион был возвращен в состояние греческой общины.

Через несколько лет салентинцы и мессапийцы на юге Италии подчинились объединенным силам обоих консулов. Брундизиум и его земли были уступлены Риму, и примерно через двадцать лет (244 г. до н. э.) там была основана колония. Брундизиум стал Довером Италии, как Диррахиум на противоположном побережье Эпира стал Кале Греции.

В 268 г. до н. э. оба консула предприняли поход на пиценцев, которые занимали прибрежные земли между Умбрией и маруцинами. Их главный город, Аскулум, был взят штурмом. Часть населения была переселена на прекрасное побережье между Неаполем и Силаром, где они приняли название пицентингов. Вскоре после этого (266 г. до н. э.) был взят главный город умбров, Сарсина, и вся Умбрия подчинилась Риму.

Остается рассказать об Этрурии. Насколько нам известно, ни одно сообщество здесь не было достаточно сильным, чтобы вести активную войну против Рима; даже Волсинии теперь были вынуждены просить о помощи. Правящая аристократия рискнула вооружить своих крепостных, вероятно, с целью войны с Римом, но эти люди обратились против своих бывших хозяев и теперь подвергали их еще более жестокому угнетению, чем они сами когда-то страдали. Сенат с готовностью откликнулся на просьбу о помощи от вольсинских господ, и (в 265 г. до н. э.) К. Фабий Гург, сын старого Фабия Максима, осадил город. Он был убит во время вылазки этрусских крепостных, которые, однако, вскоре после этого были вынуждены сдаться. Римляне обращались с городом как с законно добытой добычей. Старый этрусский город на вершине холма с его многоугольными стенами был разрушен; две тысячи статуй и другие произведения искусства были перевезены в Рим; на

низменности был основан новый город, который в своем современном названии Больсена до сих пор хранит память о своей древней славе. После падения Вольсинии все этрусские общины официально подчинились, и вся Италия ждала воли завоевательного города на Тибре.

УПРАВЛЕНИЕ ЗАВОЕВАННОЙ ТЕРРИТОРИЕЙ

[265 г. до н. э.]

Было бы большой ошибкой представлять себе древний Рим как столицу Италии в том же смысле, в каком Лондон является столицей Англии, а Париж — Франции. Лондон и Париж являются главными городами своих стран только потому, что они являются резиденцией правительства. Но город древнего Рима был великим корпоративным органом или общиной, обладавшим суверенитетом над всей Италией, от Макры и Рубикона на юг. Сама римская территория в первые дни Республики состояла (как мы видели) из двадцати одного племени или района. До того момента, к которому мы подошли, число этих племен постепенно увеличилось до тридцати трех. Эти племена включали район за Тибром, простиравшийся несколько дальше, чем Вейи; часть территории сабинов и эквиев за Анио; часть Лация, часть страны волсков и прибрежную землю до Лириса на юге. Только лица, внесенные в списки этих племен, имели право голоса на народных собраниях () или какую-либо долю в управлении и законодательстве города. Латинские города, не входящие в племена, и все итальянские общины подчинялись Риму, но не имели доли в его политических правах.

Принципы, на которых были основаны итальянские народы, чтобы оставаться мирными подданными Рима, были следующими: во-первых, они были раздроблены и разделены настолько, насколько это было возможно; во-вторых, им было позволено, за небольшими исключениями, управлять своими делами. Изоляция, навязанная Римом, не позволяла им объединиться против него. Самоуправление, предоставленное Римом, заставляло их с удовлетворением мириться с его верховенством.

Префектуры; муниципалитеты

Методы, с помощью которых была достигнута изоляция, были применены при заселении Лация пятьдесят лет назад. Тот же план был применен к различным итальянским народам. Те, кто подчинился без сопротивления, были обращены с мягкостью. Те, кто упорно сопротивлялся, были ослаблены конфискацией их земель и поселением колоний в их главных городах. Френтанцы являются лучшим примером более мягкого обращения; самниты — наиболее заметным примером более жесткого.

Работа по изоляции была частично обусловлена длинной и узкой формой Италии и горным хребтом, который ее пересекает, что затрудняет централизованное управление и по-прежнему разбивает ее на множество государств, но частично также общим для большинства итальянских народов, а также для народов Греции, чувством. Они рассматривали человека не как представителя нации, а как члена гражданского сообщества. Каждый считал, что его первоочередные обязанности связаны с его городом, а не с его народом. Их город был их страной. Они обращались друг к другу не как соотечественники, а как сограждане. Сам Рим был самым благородным образцом такой формы общества. И поселения, которые он создавал по всей Италии, использовали эту преобладающую норму и увековечили ее.

Итальянцы не только были разделены на гражданские общины, но и эти общины находились в очень разных условиях. Разделение итальянских общин, установленное римским правительством, было тройным: префектуры, муниципальные города и колонии.

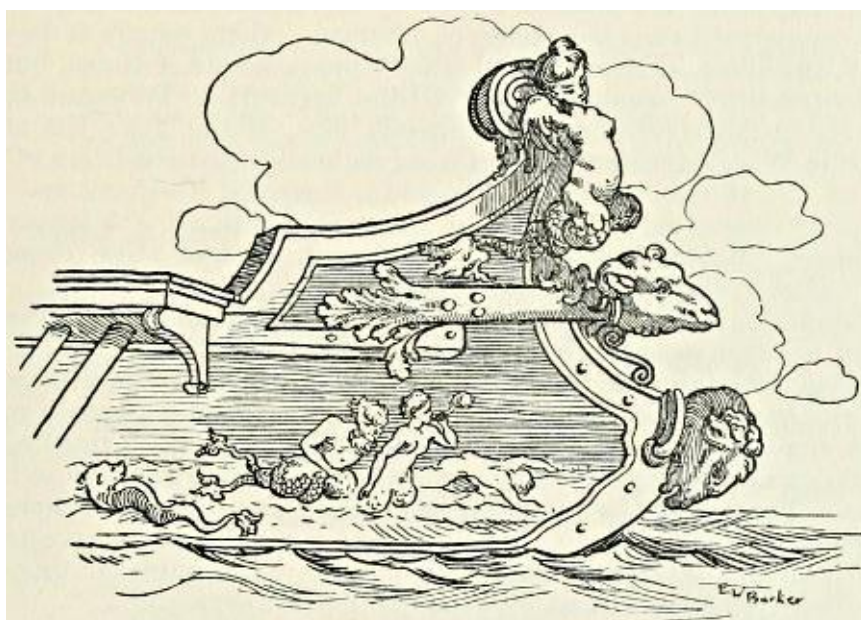
Префектуры не имели права на самоуправление, а находились под властью префектов или римских губернаторов, назначаемых ежегодно; жители префектуры регистрировались римским цензором, чтобы нести все бремя римских граждан, не пользуясь при этом никакими их привилегиями. Это положение называлось «карейским франшизом», потому что город Каре был первым сообществом, поставленным в такое зависимое положение. В условиях террора галльского вторжения Кэр предоставил убежище священным предметам, женщинам и детям римлян и был вознагражден договором о равном союзе. Но позднее он присоединился к другим этрусским общинам в войне против Рима и по этой причине был понижен до статуса префектуры. Капуя впоследствии стала ярким примером подобных изменений. После Самнитских войн она пользовалась полным равенством по отношению к Риму. Войска, которые она поставляла в силу союза между ней и Римом, составляли отдельный легион и находились под командованием ее собственных офицеров, как в случае с Децием Юбеллием. Но в Ганнибаловой войне она присоединилась к Ганнибалу, и в наказание была понижена до статуса префектуры.

В период, о котором мы пишем, муниципальные города были общинами, связанными с Римом договорами о союзе, составленными на основе общего принципа в отношении обязанностей и привилегий. Их обязанности заключались в предоставлении определенных контингентов войск, которым они были обязаны обеспечивать жалованье и снаряжение во время службы. Их привилегии заключались в освобождении от всех других налогов и в праве на самоуправление. Это условие было закреплено договором о союзе, который, по крайней мере номинально, ставил муниципальное сообщество на равные с Римом; хотя иногда этот договор навязывался Римом без учета воли другого сообщества.^[45] Таким образом, несомненно, существовало значительное разнообразие условий среди муниципалитетов. Некоторые считали свой союз благом, другие — признаком подчинения. В первом положении находились Каэре и Капуя до того, как они стали префектурами; во втором — Волсинии и этрусские города. Муниципальные города пользовались гражданскими или частными правами римских граждан, но ни один из них, без специального разрешения, не имел права получать политические или публичные права. В некоторых случаях даже частные права были ограничены, как, например, для большей части латинских общин после войны 338 г. до н. э., когда гражданам каждой общины на время было запрещено заключать брачные или торговые договоры с римскими гражданами или со своими соседями. Они находились по отношению к Риму и остальной Италии примерно в том же положении, что и плебеи по отношению к патрициям до принятия закона Канулея. Но эти запреты постепенно и незаметно снимались. Муниципальные города часто вознаграждались предоставлением римских прав, более или менее полных, в то время как те, которые нарушали правила, понижались до статуса префектур. В конце концов, благодаря закону Юлия и другим законам (90 г. до н. э.), все муниципальные города Италии, а также колонии получили полные римские права; отсюда возникло общее представление о муниципальном городе, то есть о сообществе, граждане которого являются членами всей нации, все обладают одинаковыми правами и несут одинаковые обязанности, но сохраняют за собой право управления и правительства во всех местных делах, которые не касаются нации в целом.

Именно в колониальных городах мы должны искать главные инструменты римского господства в Италии. Находясь в прямой зависимости от Рима, они больше всего способствовали разделению интересов, что делало очень трудным для любой части Италии объединиться против Рима.

Когда мы говорим или думаем о римских колониях, мы должны отбросить все те представления о колонизации, которые знакомы нам по практике, применяемой в известных случаях морских государств современной Европы.^[46] Римские колонии не были основаны в новых странах авантюристами, которые считали свои старые дома слишком тесными для своих потребностей или амбиций. Когда римляне основывали колонию (в то время, о котором мы говорим, и более чем на столетие позже), она всегда находилась в пределах Итальянского полуострова и в стенах древних городов, упорное сопротивление которых делало неосмотрительным возвращение им независимости, а ухудшенное положение позволяло поставить их в положение подданных. Но эти колонии не были одинаковыми. Их следует разделить на два класса: колонии римских граждан и латинские колонии.

Колонии римских граждан обычно состояли из трехсот человек с подтвержденным военным опытом, которые отправлялись со своими семьями в , чтобы занять завоеванные города, не имевшие большого значения, но важные с военной точки зрения, поскольку обычно находились на побережье. Эти триста семей составляли своего рода патрицианскую касту, в то время как старые жители погрузились в состояние, которое ранее занимали плебеи в Риме. Главы этих семей сохраняли все свои права римских граждан и могли возвращаться в Рим, чтобы голосовать на народных собраниях. Когда в ранней римской истории мы слышим о восстании колонии, это, по-видимому, означает, что местные жители поднялись против колонистов и изгнали их. Отсюда и происходит то, что мы слышим о колонистах, которые не раз отправлялись в одно и то же место, например, в Антиум.

Нос римской военной галеры

(По Де Монфокону)

Но более многочисленными и важными были латинские колонии, которых насчитывалось тридцать, когда Ганнибал пересек Альпы. Из этих тридцати не менее двадцати шести были основаны до конца 263 года до н. э. Причина их названия была следующей: мы видели, что с

самых ранних времен между Римом и латинскими общинами существовала тесная связь. При поздних царях Рим был главой Лация; а Спурий Кассий образовал союз между Римом и Лацием, который просуществовал с небольшим перерывом до великой латинской войны 338 г. до н. э. Пока существовал этот союз, латины пользовались всеми частными правами римских граждан в Риме, а римляне пользовались всеми частными правами латинских граждан в любом из городов Лация. В период существования союза было основано много колоний, в которых поселенцы состояли из римлян и латинян и не ограничивались небольшим числом в триста человек, а обычно насчитывали несколько тысяч. Но граждане этих латинских колоний, по-видимому, не имели никаких прав в Риме, за исключением тех, которыми обладали союзные муниципальные города. Поэтому с политической точки зрения они рассматривались как общины, вступившие в союз с Римом. После латинской войны продолжали создаваться подобные колонии. Фактически, именно эти колонии в основном облегчали положение бедных слоев населения на римской территории.

Права и привилегии этих латинских колоний известны нам только по тому, как они фигурируют в более поздний период республики под названием *Latinitas*, или право Лация (*Jus Latii*). Это право, о котором мы говорим, как известно, заключалось в возможности получить полные права римского гражданина, но в ограниченной и особой форме. Любой гражданин латинского сообщества, будь то один из свободных городов Лация или латинской колонии, мог эмигрировать в Рим и быть зачисленным в один из римских племен при двух условиях: во-первых, он должен был занимать магистратскую должность в своем родном городе; во-вторых, он должен был оставить представителя своей семьи в этом родном городе. Так сформировалась та большая группа полуримских граждан по всей Италии, которые так хорошо известны читателям Ливия под названием «латинское имя». *Socii et nomen Latinum* — союзники и латинское имя — было техническим выражением для всех тех итальянских общин, которые были обязаны поставлять солдат для ее армий.

Помимо массы итальянских общин, которые находились в состоянии большей или меньшей зависимости от Рима — префектуры в состоянии абсолютного подчинения, колонии, связанные узами национального чувства и интересов, муниципальные города по статьям союза, — остается отметить, в-четвертых, города, которые оставались полностью независимыми от Рима, но были связаны с ним договорами равного союза. Из латинских городов в таком положении находились только Тибур и Пренесте; в Кампании — большинство городов, пока после Ганнибаловой войны Капуя и другие не были приведены в состояние префектур; из эллинских городов на юге — Неаполь, Региум и другие; в Умбрии — Камериум; в Этрурии — Игувиум; а также все города френтанцев. Но по мере усиления римской власти большинство этих общин были приведены в состояние простых муниципальных городов.

Все, что известно о внутреннем устройстве этих различных общин, относится к более позднему времени, когда по закону Юлия все они получили римские права и стали неотъемлемой частью римского государства. Однако нет сомнений в том, что в колониях была принята конституция, схожая с конституцией самого Рима. Колонисты образовали своего рода патрициат или аристократию, а главы ведущих семей составляли сенат. Было два главных магистрата, называемых *duumviri*, представлявших консулов, к которым (в более важных городах) добавлялись один или два человека для выполнения обязанностей цензора и квестора. Со временем подобные конституции были введены и в муниципальных городах.

Таким образом, установив с итальянскими городами всевозможные отношения, от реальной независимости до полного подчинения, и основав колонии, некоторые с полными римскими правами, а некоторые с ограниченными правами на их получение, Рим сплел сеть

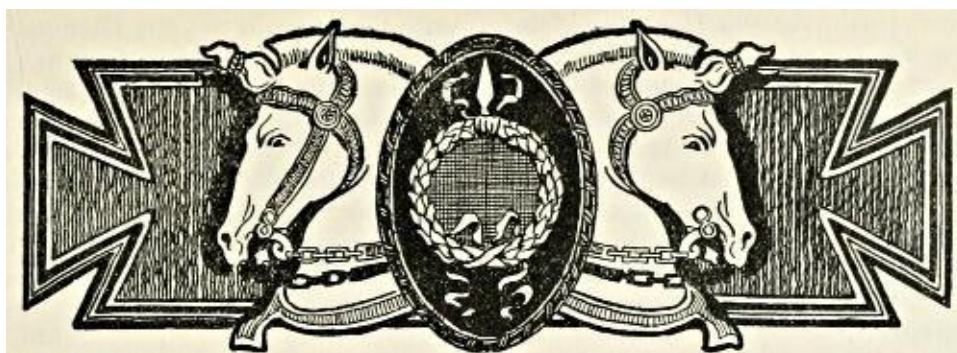
своей власти над полуостровом и покрыл каждую его часть своими запутанными сетями. Политику Рима, как уже было сказано, можно резюмировать двумя словами — изоляция и самоуправление.^c

СНОСКИ

[44] [Моммзен] b считает Пирра «просто военным авантюристом». Он находит его мечту о западной империи «аналогичной по величию и смелости идее, которая привела Александра через Геллеспонт». Но он видит огромную разницу между шансами на успех, считая неорганизованные и независимые итальянские государства «плохим материалом для объединенного царства». Во всех отношениях план македонянина представляется осуществимым, а план эпирота — неосуществимым предприятием; первый — как завершение великой исторической задачи, второй — как замечательная ошибка. И все же мы не должны забывать, что мы смотрим на эти попытки с точки зрения результата, а не цели, и для его современников завоевание Италии казалось бы легче, хотя и менее ценным, чем тогда казавшаяся невозможной мечта Александра.

[45] Отсюда и различие между *Civitates Federatæ* и *Liberæ*. Все федеративные общины были свободными, но не все свободные общины были федеративными.

[46] [Римские колонии были по сути похожи на клерухии Афин.]

ГЛАВА X. ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Карфаген преодолевает Альпы, Рим пересекает моря, два народа, олицетворенные двумя людьми, Ганнибалом и Сципионом, сражаются и отчаянно стремятся положить конец борьбе. Это дуэль на смерть, борьба до последнего. Рим шатается, он издает крик отчаяния: *Ганнибал у ворот!* Но он снова поднимается, использует последние силы для последнего удара, бросается на Карфаген и стирает его с лица земли. — Виктор Гюго.

Вкус крови возбуждает аппетит нации не меньше, чем животного. Известно, что любовь к власти растет с ее приобретением. Поэтому было неизбежно, что римляне, отразив

восточного врага, все более ревниво обратили свой взор на единственного оставшегося соперника на западе — Карфаген. Несомненно, между Римом и Карфагеном всегда существовала определенная вражда, но в течение долгого времени итальянский город едва ли достиг достаточной силы, чтобы вызвать настоящую ревность со стороны такого признанного могущественного государства, как Карфаген. И даже сейчас Рим не мог претендовать на то, чтобы соперничать со своим соперником на море. Унаследовав традиции своего материнского города Тира, Карфаген был преимущественно торговым городом. Он занимал то же доминирующее положение в западной части Средиземного моря, которое Тир так долго удерживал на востоке, и был мало склонен без борьбы принимать соперничество народа другой страны и другой расы. Поэтому было неизбежно, что рано или поздно вопрос о господстве должен был решиться в смертельной войне, как только Рим достигнет такой степени могущества, которая заставит признать его реальным соперником Карфагена. Как и следовало ожидать, конфликт был спровоцирован ситуацией на Сицилии, острове, расположенном между территориями двух держав и поэтому почти неизбежно ставшем яблоком раздора между ними. Вначале за Сицилию спорили и постоянно сражались греки и карфагеняне, но после смерти Агафокла, могущественного тирана Сиракуз, и поражения Пирра стало ясно, что Сиракузы и другие греческие города Сицилии в будущем должны искать помощи скорее у Рима, чем у Греции. Но принятие такого союза со стороны Рима фактически означало войну с Карфагеном, и такая война разразилась всего через несколько лет после изгнания Пирра из Италии. Потребовалась серия из трех самых памятных войн, продолжавшихся более века, чтобы окончательно решить судьбу Карфагена.

Первая из этих войн — в некотором смысле, возможно, самая важная, но с точки зрения ее результатов самая незаметная — длилась около двадцати трех лет. Она велась в основном на самой Сицилии римлянами, которые в большинстве случаев были успешны и в конце концов одержали полную победу; а на море, где флоты римлян долгое время были совершенно неспособны соперничать со своими противниками, однако та же упорная настойчивость, которая сделала Рим хозяином Италии и привела к окончательной победе над Пирром, помогла им в новых усилиях по созданию мощного флота — усилиях, которые в конце концов увенчались таким полным успехом, что в решающей битве у Эгадских островов флот Карфагена был полностью уничтожен и рассеян. Наконец Карфаген просил о мире, признав верховенство Рима на Сицилии и отказавшись от всех притязаний на этот остров.

Следующие за этим события иллюстрируют не только инерцию давно устоявшихся институтов в том, как Карфаген оправился от поражения и снова и снова возвращался к борьбе, но и еще более ярко показывают влияние, которое отдельные великие люди оказывают на историю. Некоторые философы утверждали, что великие государственные деятели и великие полководцы являются скорее результатом возможностей своего времени, чем его определяющим фактором; но любому, кто внимательно следит за ходом истории, трудно не заметить, что великий человек, даже если в некотором смысле он вызван необходимостью времени, все же может самым решительным образом отразиться на ходе будущих событий. Так было, например, с Александром, так было с Пирром, и так было теперь с группой великих карфагенян, включая Гамилькара Барку, его зятя Гасдрубала и, прежде всего, сына Гамилькара, знаменитого, но злосчастного полководца Ганнибала.

Эти люди, воодушевленные преданностью своему родному городу, были проникнуты горькой ненавистью к Риму и поклялись посвятить свою жизнь делу восстановления престижа Карфагена и уничтожению его врага. В конце концов, их усилия не увенчались успехом, но борьба, в которой они участвовали, стала одним из самых замечательных и живописных эпизодов во всей истории и оставила нам имя Ганнибала как одного из трех

или четырех величайших полководцев всех времен. История о том, как он спровоцировал Вторую Пуническую войну, разрушив Сагунт; о том, как он пересек Альпы со своей армией, вторгся на территорию самой Италии и там снова и снова наносил поражения римлянам, пока их национальное существование не оказалось под угрозой; и о том, как, наконец, отозванный из Италии для защиты самого Карфагена от вторжения римлянина Сципиона Африканского, Ганнибал потерпел поражение перед Карфагеном, и все его многолетние труды пошли насмарку — должна быть рассказана подробно. Достаточно сказать, что эта история, увлекательная сама по себе, представляет двойной интерес, поскольку она касается не только доблести отдельных воинов, отдельных войск, но и эволюции той мировой державы, благодаря которой Рим навсегда запечатлел свое влияние на европейскую историю.

Однако потребовалась еще и третья Пуническая война, прежде чем Карфаген был окончательно удален со сцены важной истории. Другой Сципион, называемый Африканом Младшим, приемный сын своего великого предшественника, был лидером римских войск в том последнем штурме Карфагена и несколько неохотным офицером, выполнившим приказ римского сената, который объявил, что Карфаген должен быть полностью разрушен. Этот приказ был выполнен. На Западе у Рима не осталось соперников, и, как мы увидим, были предприняты шаги, которые почти одновременно привели к окончательному подчинению тех держав, которые до сих пор оспаривали влияние Рима на Востоке.^а

ПРИЧИНЫ ПЕРВОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Ничто в истории Рима не является более примечательным, чем то, как он вступал в контакт только с одним врагом за раз. В разгар его борьбы с самнитами Александр Македонский завершал свою карьеру. Вторая Самнитская война началась в 326 году до н. э., а в следующем году великий царь умер в возрасте тридцати двух лет. Римляне задумывались о том, что он мог бы повернуть свой курс на запад. Ливий⁴ поднимает вопрос о том, смог бы Рим выйти победителем из этой борьбы, и отвечает на него утвердительно. Но его суждение — это суждение патриота, а не историка. Рим едва ли смог бы одолеть без посторонней помощи доблестных самнитов. Едва ли он смог бы изгнать с своих берегов предприимчивого Пирра. Если бы кто-то более сильный, чем Пирр — человек, обладавший редчайшими способностями как в войне, так и в мире — объединил свои силы с силами Г. Понция Самнита, то, без сомнения, история мира изменилась бы.

Такая же удача сопутствовала Риму в его столкновении с Карфагеном. Авантюрный характер Пирра привел его из Италии в Сицилию и заставил карфагенян вступить в союз с римлянами. Каким мог бы быть исход Тарентийской войны, если бы дипломатия Киней была использована для того, чтобы втянуть великий африканский город в войну против Рима? Теперь, когда Италия была повержена, было очевидно, что столкновение между двумя правительствами было неизбежно. Когда Пирр навсегда покинул итальянскую землю, он с сожалением сказал: «Какое прекрасное поле битвы мы оставляем римлянам и карфагенянам!»

Именно благодаря своим флотам Карфаген вступил в контакт и столкновение с другими странами. В ранние времена он основал торговые поселения на юге Испании и на Сицилии. Именно на Сицилии он впервые вступил в контакт с греками, а затем и с римлянами. В ранние времена карфагеняне довольствовались владением тремя факториями или торговыми центрами на побережье Сицилии — Панормом, Мотьей и Лилибеем, которые они очень сильно укрепили. Но после великого свержения афинской власти сиракузцами (413 г. до н. э.) карфагенское правительство разработало план по завоеванию этого плодородного и желанного острова. Однако их успехи были остановлены Дионисием, тираном Сиракуз, чье долгое правление, длившееся тридцать восемь лет (405-367 гг. до н. э.), охватывает период великого упадка Рима в результате галльского вторжения, а год его смерти совпадает с годом принятия законов Лициния, с которого начинается эпоха постоянного прогресса великого итальянского города. После многих перипетий он был вынужден заключить мир, по которому река Халикус была установлена в качестве границы между греческой и карфагенской Сицилией, а территория Агригента была присоединена к Сиракузам (383 г. до н. э.).

В 317 г. до н. э. Агафокл провозгласил себя царем Сиракуз, а в 310 г. до н. э. карфагеняне объявили ему войну. Оказавшись в крайне затруднительном положении, он предпринял смелый шаг, переправив войска, оставшиеся для защиты столицы, в Африку, чтобы воспользоваться известной недовольством ливийских подданных Карфагена. Его успехи были поразительными. Один из суффетов пал в бою, другой стал предателем. Все ливийские подданные Карфагена поддержали сицилийского монарха, но он был вынужден вернуться на Сицилию из-за восстания, вспыхнувшего там. Остаток своей жизни он провел в тщетных попытках на Сицилии, в Коркире и на юге Италии. Он умер в 289 г. до н. э., менее чем за десять лет до появления в Италии другого бесстрашного авантюриста, Пирра.

После смерти Агафокла карфагеняне и греки Сицилии жили спокойно, пока Пирр не предпринял попытку изгнать первых с острова. Появление карфагенского флота у Остии и в Тарентском заливе вызвало ревность итальянской республики, и для начала открытой войны между двумя государствами не хватало только повода.

Была отмечена оккупация Мессаны кампанскими наемниками Агафокла, называвшими себя мамертами. Отсюда они стали опасными соседями Сиракуз. Молодой человек по имени Иеро, прославившийся в сицилийских походах Пирра, разгромил этих мародеров при Центурипе и был провозглашен благодарными соотечественниками царем около 270 года до н. э. В 265 году до н. э. новый царь решил уничтожить это гнездо разбойников и выступил против Мессаны с силами, превосходящими все, что они могли выставить против него. Мамертинцы, оказавшись в этой опасной ситуации, разделились: одна часть хотела призвать на помощь карфагенян, другая предпочитала союз с Римом. Последняя взяла верх, и были отправлены послы с просьбой о немедленной помощи. Сенат был склонен удовлетворить эту просьбу, поскольку Мессана, город с хорошей гаванью, отделенный от Италии узким проливом, мог перейти в руки Карфагена, что могло бы вызвать тревогу у менее бдительного правительства. Однако их сдерживал стыд. Прошло всего шесть лет с тех пор, как Иеро помог им наказать кампанский легион, захвативший итальянский Региум, так же как мамерты захватили сицилийскую Мессану, и сенат отказался рассматривать этот вопрос. Но консулы, жаждущие военной славы, вынесли этот вопрос на обсуждение центуриатского собрания, которое сразу же проголосовало за оказание поддержки мамертинцам, или, другими словами, за то, чтобы не позволить карфагенянам завладеть Мессаной. Командовать армией должен был консул Аппий Клавдий, сын старого цензора.

Однако за время этой задержки карфагенская партия среди мамертинцев одержала верх, и Ганнон с отрядом карфагенских солдат был допущен в город. Но Аппий сумел высадить свои войска к югу от города ([\[47\]](#)) и нанес Иерону такое поражение, что осторожный царь отступил в Сиракузы. На следующий день римляне напали на Ганнона и также нанесли ему поражение. Консул продолжил свои успехи, разграбив владения Сиракуз до самых ворот города.

Римляне, теперь уже ступившие на землю Сицилии, решили объявить войну Карфагену. Вероятно, сенат, вспомнив о быстром успехе Пирра, который за два года почти полностью изгнал карфагенян с острова, рассчитывал на быстрое завоевание; иначе, после недавних изнурительных войн, они вряд ли бы вступили в этот новый и страшный конфликт. Но они сильно ошиблись. Первая Пуническая война, начавшаяся в 264 году до н. э., закончилась только в 241 году, продлившись тридцать два года. Общая история этой войны весьма неинтересна. Все великие люди Рима, которые с такой энергией и умением вели итальянские войны, были уже в могилах; мы больше не слышим о Деции, Курии или Фабриции, и достойных преемников не появилось. Единственные известные люди, которые появляются на римской стороне, — это Дуилий и Регул. Но генералы Карфагена не менее неизвестны, за исключением великого Гамилькара.[\[48\]](#)

НАЧАЛО ВОЙНЫ

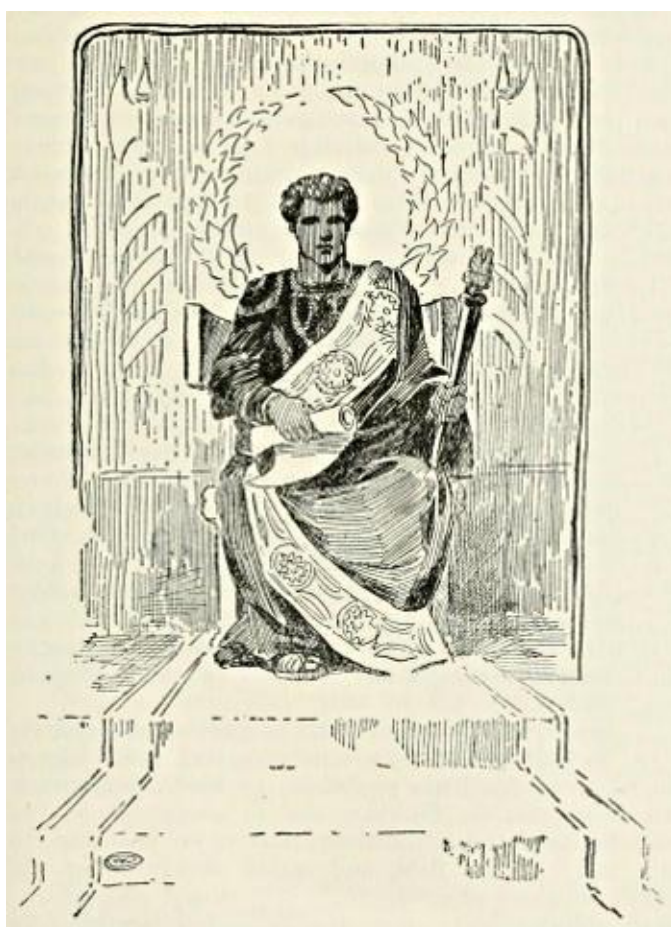
[264-262 гг. до н. э.]

Чтобы сделать более понятной эту утомительную войну, ее можно разделить на три периода. Первый охватывает первые семь лет (264-257), в течение которых римляне одерживали постоянные победы и в конце которых они оттеснили карфагенян к южному и

западному побережью Сицилии. Второй период — это тревожное время, в котором перемежались успехи и неудачи, также длившееся семь лет (256-250): оно начинается с вторжения Регула в Африку и заканчивается его посольством и смертью. Третий период — это долгий и бездеятельный период девяти лет (249-241), в течение которого римляне постепенно восстанавливают свои потери и в конце концов завершают войну великой победой на море.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД (264-257 гг. до н. э.)

Неудача Ганнона в Мессане так расстроила карфагенское правительство, что оно приказало распять несчастного полководца. Римляне энергично продолжили свои успехи. В 264 году до н. э. оба консула переправились на Сицилию с армией численностью почти пятьдесят тысяч человек. Ряд сицилийских городов высказался в пользу новой власти, которая, как они надеялись, могла бы обеспечить их независимость как от Сиракуз, так и от Карфагена, поскольку в то время никто и не думал о постоянной оккупации острова римлянами. Иеро, человек благоразумный, был поражен энергией новых захватчиков. «Они победили его, — сказал он, — прежде чем он успел их увидеть». Он проницательно рассчитал, что карфагеняне окажутся слабее в борьбе, и немедленно заключил союзный договор с Римом, по которому он сохранил за собой небольшую, но плодородную область вокруг Сиракуз; некоторые более отдаленные города, такие как Тауромений, также подчинялись его власти.

Римский консул

С этого момента и до самой смерти, в течение сорока семи лет, он оставался полезным союзником римского народа. В 262 году до н. э. оба консулы осадили город Агригент, который, хотя и утратил былое величие, все еще оставался вторым по значимости из греческих городов-государств на Сицилии. Другой Ганнон был послан из Карфагена, чтобы снять осаду, и некоторое время удача была на его стороне. Он построил второй круг укреплений вокруг римских линий, чтобы перехватить все поставки, и таким образом осаждающие, оказавшись сами в осаде, были доведены до крайней нужды. Но в конце концов консул заставил Ганнона дать ему сражение и одержал полную победу. После этого комендант гарнизона, поняв, что дальнейшая оборона бесполезна, ночью покинул Агригент и покинул несчастный город после семимесячной осады. Римляне отплатили за все страдания, которые они перенесли, предавшись всем тем излишества, которые солдаты обычно совершают, когда берут город штурмом после долгой и упорной обороны. Говорят, что было убито двадцать пять тысяч человек.

[262-260 гг. до н. э.]

Этот великий успех поднял дух римлян. И теперь сенат зародил надежду и разработал план полного изгнания карфагенян из Сицилии: но после короткого опыта этот мудрый совет понял, что для успеха необходим флот. Ничто так не показывает мужество и решимость римлян, как их поведение в этом деле. Для сухопутных жителей стать моряками — дело нелегкое, а для неопытных сухопутных жителей думать о встрече с самыми искусными моряками того времени могло бы показаться романтической нелепостью, если бы римляне не взялись за это и не осуществили свой замысел.

В первую очередь им нужен был флот, который по крайней мере по размеру и весу мог бы составить конкуренцию флоту противника. Ошибочно полагать, что до этого времени у римлян не было флота. Договоры с Карфагеном достаточно убедительно доказывают обратное, и в нескольких случаях мы слышим о том, что они использовали корабли. Но эти корабли были триремами, которые ранее использовались греками. Карфагеняне, как и греки после Александра, использовали квинкверемы; и было бы столь же нелепо, если бы небольшие римские корабли вступили в бой с этими более тяжелыми судами, как если бы фрегат пытался справиться с трехпалубным кораблем. Поэтому римляне решили построить квинкверемы. В качестве модели послужил карфагенский корабль, выброшенный на берег в Бруттии; лес Сила в этом районе обеспечил древесиной. За шестьдесят дней с момента сруба деревьев они построили, вероятно с помощью греческих мастеров, флот из ста квинкверемей и двадцати трирем; и пока он строился, они обучали людей грести способом, который нам кажется смешным, помещая их на подмости, расположенные на суше так же, как скамьи на кораблях (262 г. до н. э.).

[260-256 гг. до н. э.]

Консул Г. Корнелий первым вышел в море с семнадцатью кораблями, оставив остальную часть флота следовать за ним; но он был застигнут врасплох у Липары и захвачен вместе со всем своим небольшим отрядом карфагенским адмиралом. Его коллега из плебеев, К. Дуилий, командовал армией на Сицилии, но, как только он узнал об этой катастрофе, поспешил взять на себя командование основной частью флота и медленно проплыл вдоль северного побережья Сицилии (260 г. до н. э.).

Тем временем римские корабли изобрели определенные устройства, с помощью которых их моряки могли сражаться с кораблями противника, чтобы приблизить их и лишить преимущества, которое давали им более совершенная конструкция и больший опыт

экипажей. Эти устройства назывались воронами (*corvi*). Они состояли из трапа длиной тридцать шесть футов и шириной четыре, с проделанным в одном конце продолговатым отверстием (), чтобы он мог свободно вращаться вокруг прочного шеста высотой двадцать четыре фута, который был закреплен у носа корабля. К другому концу был прикреплен прочный канат, который проходил через узел на верхушке шеста. С помощью этой веревки трап поднимался до тех пор, пока не оказывался в пределах досягаемости вражеского корабля; затем его внезапно отпускали, и когда он падал со всем своим весом, крепкий шип на его нижней стороне (по форме напоминавший клюв вороны) вбивался в палубу врага. Затем римские воины высыпали по трапу, и начиналась схватка, в которой побеждали лучшие солдаты.

Таким образом подготовленный, Дуилий встретил вражеский флот. Он обнаружил, что они разоряют побережье у Мил, немного западнее Палермо. Адмиралом был тот же человек, который командовал гарнизоном Агригента, и он плыл на огромном септирине, который ранее принадлежал Пирру. Не испугавшись, Дуилий без промедления атаковал. Его грубый натиск сбил с толку искусную тактику карфагенских моряков. Римские воины были очень многочисленны, и, однажды взойдя на борт вражеского корабля, легко овладевали им. Дуилий захватил тридцать один карфагенский корабль и потопил четырнадцать. В течение некоторого времени ни одно римское имя не было так высоко, как имя Дуилия. Ему были оказаны публичные почести; по ночам его сопровождали домой с банкетов и праздников при свете факелов и под звуки флейты; на Форуме был установлен столб, украшенный носами захваченных кораблей, и поэтому названный *Columna Rostrata*, в память о великом событии; фрагменты надписи до сих пор хранятся в Капитолийском музее в Риме. И, без сомнения, триумф был громким. Почести, оказанные победителю, не могут не произвести приятное впечатление о простых нравах, царивших тогда в Риме, особенно если сравнить их с жестокостью карфагенского правительства, которое распяло своего несчастного адмирала. Победить «госпожу морей» на ее собственной стихии в первом испытании сил было действительно замечательным достижением.

Морское сражение Дуилия произошло в 260 году до н. э. В последующие годы карфагеняне могли действовать только в обороне. Не только Агригент, но и Камарина, Гела, Энна, Сегеста и многие другие города сдались римлянам. Карфагеняне были ограничены своими великими торговыми центрами: Дрепаной, Лилибеем, Эриксом и Панормом. Они не осмеливались встретиться с римлянами на поле боя, но эти места были очень сильны, особенно Лилибей. Все силы Пирра были сломлены его железными укреплениями. Для Карфагена еще не настало время отчаиваться.

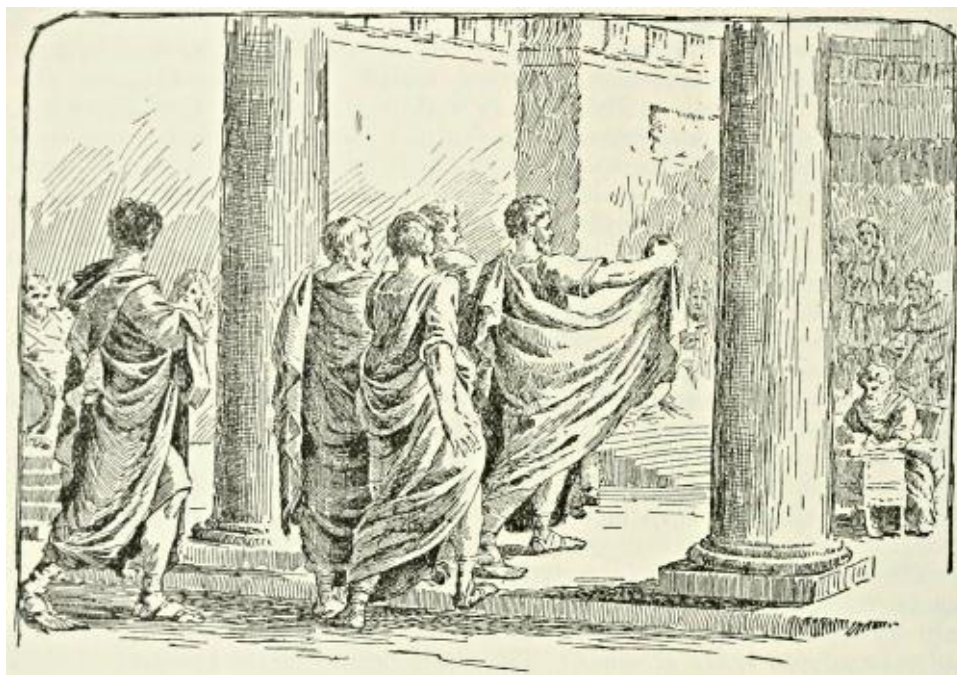
Но на восьмом году войны сенат решил принять более решительные меры. Они знали о слабости карфагенян на родине, у них был победоносный флот, и они решили не упускать свою удачу.

ВТОРОЙ ПЕРИОД (256-250 гг. до н. э.)

[256-255 гг. до н. э.]

Дуилий на короткое время появляется как герой первой части войны, но второй период озаглавлен именем человека, прославившегося как патриот — М. Атилиуса Регула. В 256 году, восьмом году войны, консулы М. Регул и Л. Манлий отплыли из Италии и обогнули мыс Пахинус с флотом из 330 пятивесельных кораблей. Карфагенский флот, еще более многочисленный, был размещен в Лилибее, чтобы встретить врага, независимо от того, с севера или с востока () он приблизится. Теперь он вышел в море и плыл на запад вдоль южного побережья Сицилии. Он встретил римский флот в месте под названием Экномос,

чуть более чем на полпути вдоль этого побережья. Следовавшая за этим сражение было самым крупным из всех, которые до того времени когда-либо велись на море; по подсчетам, в нем участвовало не менее 300 000 человек. Обе стороны сражались отчаянно, но в Экноме мы снова с удивлением обнаруживаем, что победу одержал римский флот (256 г. до н. э.).

РИМСКОЕ ПОСОЛЬСТВО В КАРФАГЕНЕ

(По Мирису)

Теперь путь в Африку был открыт. Консулы, переоборудовав и снабдив свой флот, отплыли прямо к мысу Гермей, который находится не более чем в восьмидесяти милях от ближайшей точки Сицилии. Но предзнаменования были неблагоприятными; римские солдаты поднимались на борт с мрачными предчувствиями о своей судьбе; один из трибунов отказался вести своих легионеров на корабли, пока Регул не приказал ликторам схватить его. Однако переход был благоприятен благодаря ветру. Консулы высадили своих людей, вывели флот на берег и укрепили его в морском лагере; затем, маршируя на юг, они взяли штурмом город Аспис или Клубея. Карфагенская армия не встретила их; все места, к которым они приближались, за исключением Утики, сдавались без боя, поскольку были не укреплены и беззащитны. Карфаген, будучи издавна повелителем морей, не боялся захватчиков и, как Англия, полагался в своей обороне на деревянные стены. Однако он не был предупрежден. Шестьдесят лет назад авантюрный Агафокл высадился на берег, как и Регул. Тогда, как и сейчас, вся страна лежала перед ним, как сад, покрытый богатыми городами и роскошными виллами карфагенских купцов. Тогда более двухсот городов сдались почти без боя. Казалось, что такой же легкий успех ждет теперь Регула и римлян.

Консулы продвигались вдоль побережья залива в направлении Карфагена, когда Манлий был отозван с большей частью армии, и Регул остался в Африке с лишь пятнадцатью тысячами пехотинцев и пятьюстами всадниками. Однако даже с этой небольшой силой он оставался хозяином страны. Он обошел весь Тунисский залив до Утики, а теперь повернул

назад с намерением маршировать на самую столицу. По пути ему пришлось пересечь реку Баградас, и здесь (так гласит легенда) армия была остановлена огромным змеем, настолько сильным и с такой прочной кожей, что они не смогли его уничтожить, пока не привезли свою артиллерию из катапульт и баллист; затем он продолжил свой путь на юг к бухте Карфагена. Ему было позволено захватить Тунис, который находился в двадцати милях от Карфагена. Великий город теперь оказался в крайне тяжелом положении. Римская армия расположилась лагерем в пределах видимости; горожане стояли перед лицом голода; правительство дрожало. В этом унижительном положении совет послал посольство, чтобы узнать, на каких условиях Регул согласится заключить мир.

Консул был настолько воодушевлен успехом, что потребовал самых экстравагантных уступок. Карфагеняне должны были сдать свой флот, оплатить все расходы войны и уступить Риму всю Сицилию, Сардинию, Корсику и Балеарские острова. Когда об этих условиях стало известно, правительство позаботилось об их обнародовании, и народное возмущение против высокомерных захватчиков возросло. Гражданские силы были неплохо обучены оружию, и теперь им предстояло сражаться за свои дома и алтари. Начались поиски хорошего полководца. В то время в Карфагене случайно находился наемник по имени Ксантипп, лакедемонянин.^[49] Этот человек был известен тем, что критиковал местных полководцев и заявлял, что победы римлян были обусловлены не их собственным мастерством, а ошибками противников. Его вызвали на совет и попросили объяснить свои высказывания. Он так и сделал, и на мгновение правительство, отбросив всякую ревность, назначило этого неизвестного иностранца главнокомандующим. Ксантипп немедленно собрал всех наемников, которых смог найти, и объединил их с вооруженными гражданами; затем, при поддержке большого отряда слонов, он смело вышел на поле боя. Римляне были потрясены, но они были слишком привычны к победам, чтобы колебаться, принимая бой. Однако они были в меньшинстве и уступали в военном мастерстве. Ксантипп одержал легкую и полную победу. Сам Регул был взят в плен; только две тысячи его людей сумели отступить в Клупею.

Так Карфаген был спасен благодаря способностям одного человека, причем иностранца. Правительство не стало мудрее и великодушнее; их неспособные полководцы вновь взяли на себя командование, а Ксантипп, обремененный почестями и подарками, благоразумно удалился из ревнивого города.

Римский сенат сделал все возможное, чтобы исправить это великое бедствие. Новым консулам было приказано выйти в море и вывезти гарнизон и беженцев из Клупеи. У мыса Гермия они встретили вражеский флот и снова нанесли ему поражение; затем, взяв корабли и людей в Клупее, они отплыли в Сиракузы. Но Рима ждала еще большая беда, чем уничтожение его африканской армии. Это была потеря флота, которым он по праву гордился. Время года было примерно в начале собачьих дней, когда Средиземное море часто подвергается внезапным штормам. Консулы во время своего плаванья были предупреждены о приближении такого шторма, но они были невежественны и опрометчивы и продолжили свой курс. Не успев обогнуть мыс Пахинус, они попали в сильнейшую бурю (); почти весь флот был разрушен или затонул; побережье Сицилии от Камарины до Пахинуса было усыпано обломками кораблей и телами людей. Так закончилась история первого римского флота (255 г. до н. э.).

[255-250 гг. до н. э.]

Эти последовательные бедствия могли вполне вселить надежду в Карфаген, и он послал на Сицилию значительные силы с 140 слонами. Говорят, что Агригент был отвоёван, и, без сомнения, ожидалось, что весь остров вновь станет их собственностью. Но римляне

проявили дух, соответствующий ситуации. За три месяца (такова была их энергия) новый флот из 220 кораблей был готов к выходу в море. Консулы 254 года до н. э., задержавшись в Мессане, чтобы забрать остатки старого флота, прошли дальше в Дрепану. Они не смогли взять эту крепкую крепость, но были более успешны в Панорме, современном Палермо, который сдался после короткой осады римским войскам. Это было важное завоевание.

В следующем году флот зашел в несколько мест на африканском побережье, но не оказал никакого влияния на страну. Среди отмелей и течений Малой Сиртиды он подвергся большой опасности гибели, но, избежав этой опасности, консулы вернулись в Панорм и оттуда направились прямо к устью Тибра. Во время перехода их настиг еще один из тех страшных штормов, и снова почти весь флот был потерян. Таким образом, за три года римляне потеряли два больших флота. Этого было достаточно, чтобы охладить даже их мужество, и сенат решил попробовать, возможно ли удержать свои позиции на Сицилии без флота. На данный момент они отказались от всех притязаний на господство на море и ограничились небольшим флотом из шестидесяти кораблей.

В течение двух лет ситуация оставалась неизменной. Ни одна из сторон не проявляла желания рисковать сражением на суше, но в 250 г. до н. э. карфагенский полководец Гасдрубал был склонен тайно выступить из Лилибея в Панорм в надежде застать врага врасплох и отвоевать этот важный город. Римским командующим был проконсул Л. Цецилий Метелл. Он позволил врагу приблизиться к стенам, а затем внезапно вышел вперед, прикрывая свою атаку облаком легких войск, пращников и копьеносцев. Некоторые из слонов были ранены, что привело к замешательству в их рядах, и Метелл, воспользовавшись случаем, атаковал врага и нанес ему полное поражение. Помимо тринадцати карфагенских полководцев, было захвачено 120 слонов, которые были переправлены через море на прочных плотках, чтобы украсить триумф проконсула. Битва при Панорме была величайшей битвой, которая велась на суше в ходе войны, и она была последней. В память об этой победе слон часто изображался на монетах великого рода Метеллов.⁴ Здесь уместно процитировать рассказ Полибия как о потере флота в 255 году, так и об этой победе при Панорме или Палермо.

ПОЛЮБИЙ О РИМСКИХ ДЕЛАХ¹⁵⁰¹

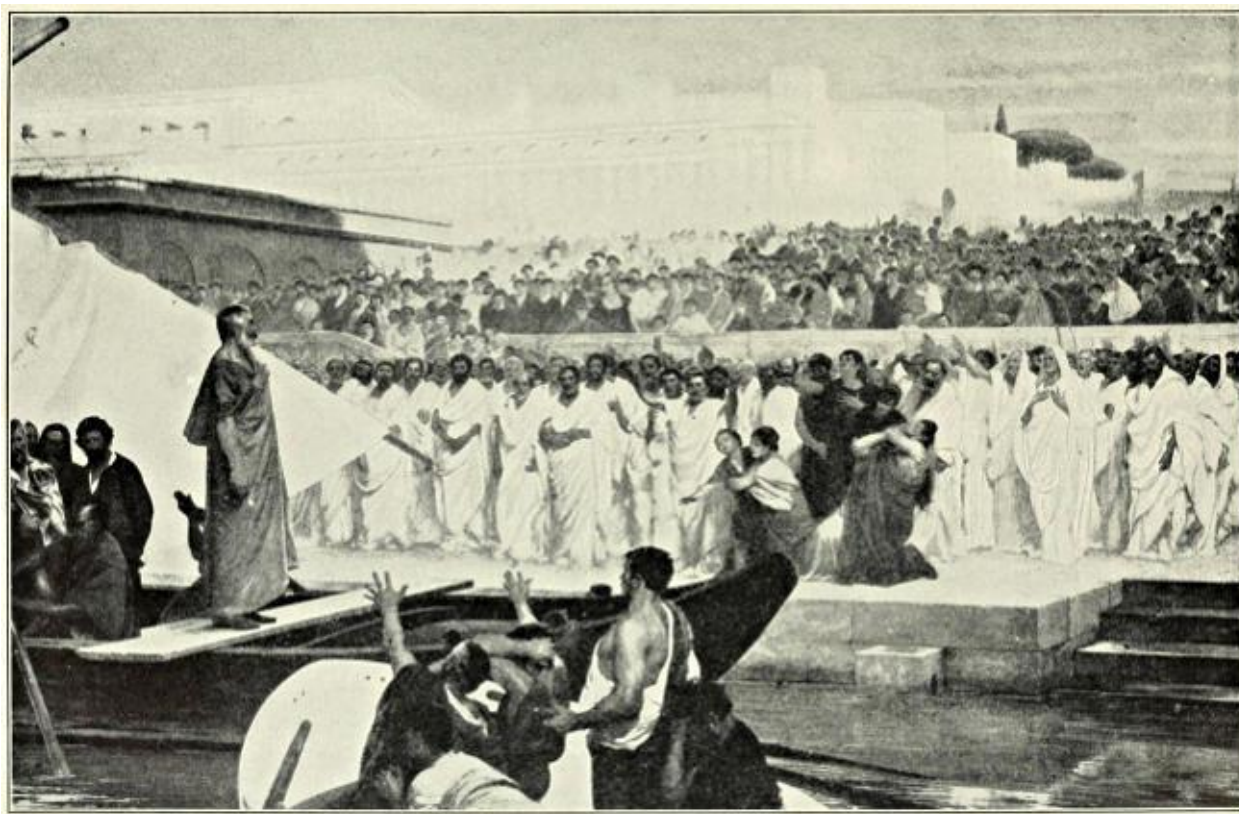
[255-251 гг. до н. э.]

Римляне еще ранней весной подготовили флот из трехсот пятидесяти кораблей; погрузив свою армию под командованием новых консулов, *М. Эмилия* и *Сервия Фульвия*, и проплыв вдоль побережья *Сицилии* в направлении *Африки*, они встретились и сразились у *мыса Меркурий* с *карфагенским* флотом, который не смог выдержать первого удара, но, будучи полностью разгромлен, потерял в сражении сто четырнадцать кораблей () и все, что в них было, в пользу *римлян*; те же, продолжив свой путь, прибыли в *Аспис*, где взяли на борт своих людей, оставшихся в *Африке*, и направились обратно в *Сицилию*. И, хорошо продвинувшись по пути, они были застигнуты у *Камарины* такой страшной бурей, что потери и лишения, которые они понесли, были беспрецедентными и не поддаются описанию: Она была настолько страшной, что из трехсот семидесяти с лишним кораблей, составлявших их флот, только восемьдесят избежали кораблекрушения, а остальные либо затонули в море, либо разбились о скалы, и все побережье было покрыто трупами и усыпано обломками и осколками их кораблей, так что в истории нет примера подобного ужасного бедствия. И все же можно сказать, что эта беда была не столько результатом судьбы, сколько упрямства консулов: ведь лоцманы пытались предотвратить опасность, которой они подвергались, плавая у побережья *Сицилии*, граничащего с *Африканским* морем, где не

только не было гаваней, чтобы помочь судам, попавшим в беду, но и время года было неподходящим; ведь по наблюдениям за восходом и заходом *Ориона* и *Собачьей звезды* они рассчитывают и знают безопасные сезоны для плавания. Но консулы, пренебрегая их советом, смело вышли в море, надеясь, что после этой знаменательной победы их внезапное появление у побережья может напугать многие города и заставить их подчиниться. Но их глупость была наказана этой памятной потерей, которую они понесли из-за слишком незначительного повода для такого риска. *Римляне* действительно обладают этой свойственной им негибкостью ума, веря, что все, что они решили и определили предпринять, должно быть непременно выполнено; и они установили принцип, что то, что они однажды постановили выполнить, не может быть невозможно осуществить: Это, конечно, результат благородного упрямства, но часто становится причиной их падения в пагубные ошибки и несчастья и невыразимых потерь, особенно в морских экспедициях. Что касается их подвигов на суше, где сражение происходит только между людьми, их мужество часто приводит их к успеху, поскольку они сражаются с такими же людьми, как они сами; и все же нередки случаи, когда их меры и силы терпели неудачу, и они терпели поражение и проваливались под тяжестью своих предприятий. Но всякий раз, когда они с безрассудной смелостью выступают против этих бушующих стихий и пытаются покорить море и ветер, они обязательно пожинают плоды своего упрямства в виде потерь и бедствий. То, о чем мы сейчас упомянули, является примером, и они до сих пор страдали от подобных ошибок; и они всегда будут подвержены тем же бедствиям, пока не станут более разумными и не осознают слабость той чрезмерной самонадеянности, которую они склонны проявлять во всех своих замыслах, тщетно воображая, что и море, и земля должны во всех случаях соглашаться и открывать им путь к успеху во всех их начинаниях.

Карфагеняне, учитывая неудачу *римлян* на море, пришли к мнению, что теперь они могут составить им равную конкуренцию на суше, в чем их убедила недавняя победа, одержанная ими над римлянами (). Они не сомневались, что могут составить им равную конкуренцию и на море, учитывая недавнюю большую потерю римлян в результате шторма; тем не менее, они не преминули усилить свои силы как на море, так и на суше. Они отправили *Гасдрубала* на *Сицилию*, которому, помимо уже находившихся там войск, приказали дополнительно пополнить войска из тех, которые недавно были выведены из *Гераклеи*, вместе со ста сорока слонами. Как только он отплыл, они отправили за ним двести кораблей, груженных всем необходимым для ведения войны. *Хасдрубал*, благополучно прибыв в *Лилибей*, приступил к усердным учениям и дисциплинированию своих войск и слонов, намереваясь развернуть свою армию по всей стране и стать полным хозяином поля сражения. Что же касается *римлян*, то они не могли не испытывать глубокой скорби, когда от тех, кто спасся от кораблекрушения, они получили известие о огромных потерях, понесенных ими в море; тем не менее, будучи решительно настроены не уступать преимущество врагу, они приказали быстро построить новый флот, состоящий из двухсот двадцати кораблей; этот флот (что удивительно и невероятно) был полностью построен и достроен за три месяца; после чего новые консулы, *Аулус Атилиус* и *К. Корнелий* быстро сели на борт; пройдя *пролив* и задержавшись в *Мессине*, чтобы забрать с собой корабли, спасшиеся во время недавнего шторма, они направились к *Палермо* с военно-морским флотом, состоящим из трехсот кораблей, и сразу же осадили этот город, который в то время был столицей *карфагенян* на *Сицилии*. Они атаковали с двух сторон, и когда их работы продвинулись до желаемого результата, они подошли со своими осадными орудиями, с помощью которых башня или сооружение, стоящее у моря, было быстро и без особых затруднений разрушено; через этот пролом солдаты проникли внутрь, захватили и удержали в своих руках часть города, называемую *Новым городом*, в результате чего само это место оказалось в явной опасности; но жители своевременно пришли на помощь, и римляне не продвинулись дальше; поэтому консулы, разместив в захваченном месте хороший гарнизон, вернулись в *Рим*. Ранним летом

следующего года новые консулы К. Сервилий и К. Семпроний, отплыли на Сицилию со всем своим флотом, а оттуда вскоре направились к побережью Африки, где совершили несколько высадок, но не добились ничего значительного; наконец, прибыв на остров Лотофагов, который также называется Менинкс, недалеко от Малой Сиртиды, или Флаттс, не зная местности, их флот попал в песчаную отмель, где их корабли сели на мель и застряли, как будто они были на берегу, и оставались там, пока прилив не снес их; тогда, с большим трудом и риском, выбросив свой груз за борт, они сумели спастись. Оттуда, как люди, бегущие от врага, они направились к побережью Сицилии; и, обогнув мыс Лилибейский, они попали в порт Палермо. Но, направляясь оттуда домой, они попали в шторм у Мессины, где из-за слепого упрямства они застряли, и шторм обрушился на них с такой силой, что более ста пятидесяти их кораблей потерпели крушение. Несмотря на то, что на море их постигли такие несчастья, сенат и народ не смогли подавить свою жажду славы и империи, однако их потери и бедствия, а также затруднительное положение, в котором они теперь оказались, убедили их отказаться от дальнейших попыток испытать свою удачу на море; таким образом, они полностью отказались от любых мыслей о подготовке флота. Решив полагаться исключительно на свои сухопутные войска, они отправили консулов Л. Цецилия и Г. Фурия на Сицилию с легионами, выделив им только около шестидесяти кораблей, на которых можно было безопасно погрузить и переправить армию, багаж и боеприпасы. Эти несчастья римлян значительно усилили славу и известность Карфагена в мире и придали новый облик их делам. Одним словом, поскольку римляне теперь уступили им господство на море, им не составило труда стать там полными хозяевами; они также не теряли надежды на успех в своих делах на суше и не сильно ошибались в своих расчетах, поскольку со времени поражения римской армии с помощью слонов из Африки (), которые расстроили и сломали их ряды в сражении, произошедшем в Африке, где эти животные нанесли такой ущерб их народу, солдаты были настолько ужасно напуганы, что, хотя они несколько раз выстраивались в боевой порядок, чтобы вступить в бой в пяти или шести стадиях от карфагенской армии, иногда на территории Селинунца, иногда около Лилибея, в течение двух лет подряд они не имели решимости вступить с ними в бой или рискнуть остаться в равнинной местности, настолько велик был их страх перед яростью и ударом этих огромных зверей: Так что за все это время в их делах не было достигнуто практически никакого прогресса, за исключением захвата Липари и Терм, а армия продолжала укрываться в горах и недоступных местах. Поэтому римляне, наблюдая этот ужас среди своих легионов, вновь приняли решение испытать удачу на море: соответственно, после избрания консулами К. Атилиуса и Л. Манлия, они приказали построить пятьдесят кораблей и набрать людей для этой службы; и теперь у них снова был флот.

ОТПРАВЛЕНИЕ РЕГУЛА В КАРТАГИНУ

[251-250 гг. до н. э.]

Хасдрубал, заметив страх, который охватывал римскую армию всякий раз, когда он предлагал ей сражение, и получив информацию о том, что один из консулов вернулся в *Рим*, а половина армии последовала за ним, а *Цецилий* с остальными войсками находился в *Палермо*, помогая союзникам собирать урожай, поскольку их зерно уже созрело, он вышел из *Лилибея* со своими войсками, прибыл и разбил лагерь на границе территории *Палермо*. *Цецилий*, заметив эту слабую тактику карфагенян, удерживал своих людей в пределах городских стен, чтобы заставить *Хасдрубала* продвинуться ближе, что тот и сделал, убежденный в этом проявлением страха римлян и полагая, что *Цецилий* не имеет решимости выйти на поле боя, он опрометчиво рискнул своей армией, введя ее в узкий проход. и хотя он опустошил страну вплоть до стен *Палермо*, *Цецилий*, тем не менее, остался при своем первоначальном решении не двигаться, пока враг не переправится через реку, протекающую рядом с городом. Когда, короче говоря, после того как слоны и вся армия переправились, он приказал некоторым из своих легко вооруженных солдат выйти им навстречу с пиками и смелее привлекать их к себе. Видя, что все идет по его плану, он разместил отборных и опытных солдат на контрскарпе города с приказом, чтобы, если слоны начнут наступать на них, атаковать их дротиками и метательным оружием, а в случае, если эти животные начнут давить на них, отступить в ров и оттуда изводить и беспокоить их, как только смогут. Он приказал горожанам одновременно запастись большим количеством дротиков, выйти за пределы города к подножию стен и оставаться там в оборонительной позиции. Сам *Цецилий* со всеми своими войсками оставался в готовности у определенных ворот города, которые находились напротив правого фланга врага, откуда он поддерживал войска свежими подкреплениями из числа тех, кто уже вступил в бой. Одним словом, сражение начало накаляться, и вожди слонов, решив разделить с *Гасдрубалом* честь этого дня, действуя так, как будто они намеревались

одержат победу исключительно своими силами, выдвинулись в полном порядке на *римлян*, которых вскоре заставили отступить и укрыться в рву. Но теперь слоны, страдая от полученных ран и раздраженные дротиками, которыми их обстреливали как из рва, так и со стен города, начали буйствовать, набросились на своих же людей, уничтожили многих и привели свои войска в беспорядок. Заметив это, *Цецилий* немедленно вышел со своими свежими и хорошо организованными войсками и, атаковав с фланга врага, который уже был в полном замешательстве (), убил многих и обратил остальную часть армии в бегство. Десять слонов были захвачены вместе с *индийскими* проводниками, а другие, потерявшие своих вождей, также попали в их руки после сражения. Удачный исход этой операции принес *Цецилию* повсеместную славу за то, что он восстановил мужество *римлян* на суше, позволив им разбивать лагерь на открытой местности и снова научиться вести себя вне укреплений. В *Риме* с большим восторгом встретили известие об этом поражении, не столько из-за захваченных слонов, хотя это и было очень чувствительным ударом по врагу, сколько потому, что захват этих животных и одержанная над ними победа восстановили решимость солдат. Поэтому они вновь решили, как и было предложено (чтобы в любом случае положить конец этой войне), отправить консулов с новым флотом. И когда все было готово к экспедиции, они отплыли на *Сицилию* с флотом из двухсот кораблей, и это было в четырнадцатый год Первой *Пунической* войны.⁴

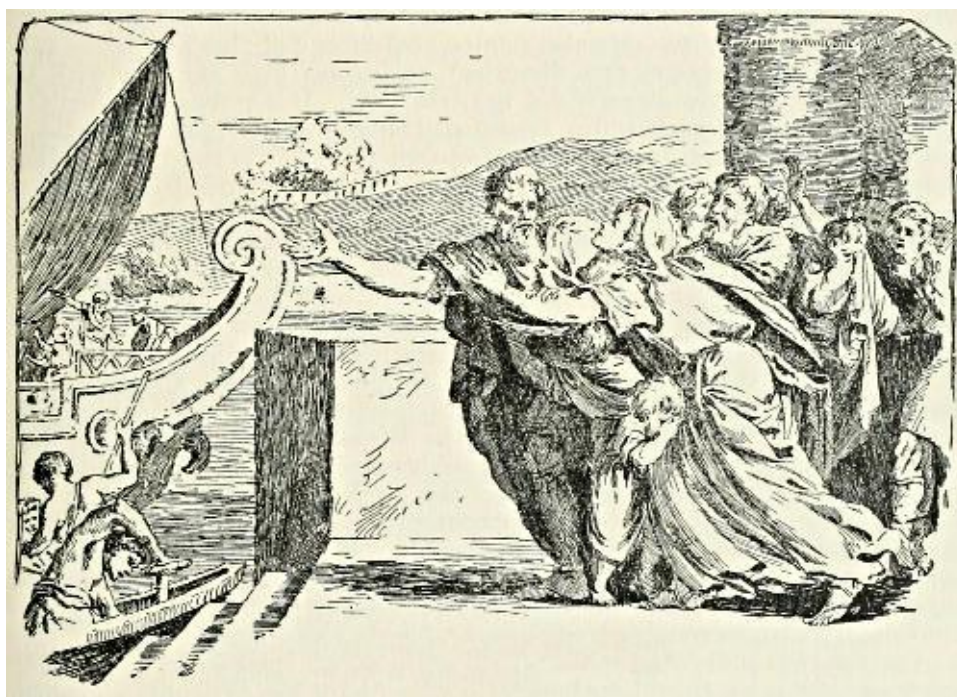
[250-249 гг. до н. э.]

После битвы при Панорме надежды римлян вновь возросли, и сенат отдал приказ построить третий флот из двухсот кораблей. Но карфагеняне, уставшие от расходов на войну и сильно страдающие в своей торговле, посчитали, что теперь представилась хорошая возможность для заключения мира. Римляне еще не полностью оправились от недавних бедствий, но были готовы выслушать справедливые условия. Соответственно, было отправлено посольство, чтобы предложить обмен пленными и условия, на которых можно было бы заключить мир. Регул (согласно известной истории) сопровождал это посольство, пообещав вернуться в Карфаген, если цель посольства не будет достигнута. Когда он прибыл в Рим, он отказался войти в город и занять свое место в сенате, поскольку больше не был гражданином или сенатором. Тогда сенат послал некоторых из своих членов, чтобы посоветоваться с ним в присутствии послов, и совет, который он дал, укрепил колеблющиеся умы отцов. «Бесполезно, — сказал он, — выкупать пленных, которые бесчестно сдались с оружием в руках: пусть они погибнут, не обращая на них внимания; пусть война продолжается, пока Карфаген не будет покорен». Его совет возобладал, и посольство вернулось безрезультатно. Регул также вернулся, чтобы понести наказание от карфагенян. Всем известны ужасные пытки, которыми, как говорят, была отнята у него жизнь; как ему вырезали веки; как его поместили в бочку, набитую гвоздями, с выбитым одним концом; и как его подвергли безжалостному жару африканского солнца, чтобы он умер в мучительных страданиях от боли, жажды и лихорадки.

Регул был человеком старого римского типа, подобно Курию и Фабрицию, преданным своей стране, жаждущим славы, бережливым, смелым, решительным или (назовем это) упрямым. Его осуждали за чрезмерную самонадеянность в африканской кампании и за расточительность, из-за которой он упустил все преимущества, которые мог бы обеспечить себе. Но следует признать, что у него были некоторые основания даже для чрезмерной уверенности в себе. С тех пор как две нации столкнулись в оружии, звезда Карфагена померкла перед звездой Рима. Даже на море, где его флот долгое время торжествовал, королева Средиземноморья дважды была побеждена своим неопытным соперником. Этого было достаточно, чтобы более проницательные люди, чем Регул, поверили, что Карфаген практически бессилен против Рима. Римляне еще не знали, что когда ревнивое

правительство Карфагена позволяло великим полководцам, таким как Ксантипп, Гамилькар и Ганнибал, командовать своими армиями, то хорошо обученные наемники могли легко одержать победу над их собственными храбрыми, но менее опытными гражданами.

Вся история посольства и смерти Регула вызывает сомнения, главным образом из-за молчания Полибия, самого авторитетного историка того времени, а также из-за уверенности в том, что в повествование было введено по крайней мере одно мифическое чудо. Но если принять во внимание некоторую патриотическую преувеличенность, в этой истории нет ничего невероятного. Те, кто распинали своих несчастных полководцев, не замедлили бы отомстить за это несогласным пленникам. Мы также читаем, что римляне отомстили, подвергнув пыткам некоторых карфагенских пленников, и этот факт вряд ли может быть вымыслом. В любом случае, личные качества Регула слишком прочно укоренились в старой традиции, чтобы их можно было подвергать сомнению. Мы читаем прекрасный отрывок, в котором Цицерон описывает его бескорыстный патриотизм, пока мы повторяем благородную оду, в которой Гораций изображает его отвергающим всех, кто пытался убедить его остаться — людей, друзей и семью — и идущим на пытки и смерть с таким же безмятежным безразличием, как будто он покидает оживленную жизнь Рима ради спокойной жизни в своем загородном доме, до тех пор кровь будет течь быстрее, а сердце биться чаще при упоминании имени Регула.^b

РЕГУЛ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В КАРФАГЕН

(По Мирису)

О Регуле Нибур пишет довольно резко: Немногие события в римской истории более прославлены, чем это посольство и мученичество Регула, которые воспевались римскими поэтами и восхвалялись ораторами. Кто не знает, что Регул, будучи рабом карфагенян, отказался войти в город; что он присутствовал на заседаниях сената с их санкцией и отверг обмен не менее решительно, чем мир; что он укрепил колеблющихся отцов в их решении; что он предпочел свою честь и клятву всем соблазнам остаться; и что, чтобы устранить искушение, он притворился, что пуническая вероломность ввела ему медленно

действующий яд , который вскоре положит конец его дням, даже если сенат, заботящийся больше о личности, чем о стране, пожелает удержать его путем обмена или защиты; как он ушел из объятий своих друзей как человек, лишенный чести, и после возвращения в Карфаген был казнен с помощью дьявольских пыток?

Пальмериус^а был первым, кто подверг сомнению этот рассказ после того, как стали известны выдержки Вalezия из Диодора^б , и его доводы были подкреплены Бофортом^в с помощью очень уместных аргументов. Но Бофорт, возможно, зашел слишком далеко в своем скептицизме, усомнившись и фактически отвергнув правдивость этого посольства из-за молчания Полибия.

Ни один из этих авторов не упомянул, что Дион Кассий^г объявил мученичество Регула простой басней, хотя и повторил ее. Он также рассказал, что после того, как Регул попал в плен, его сон сначала был нарушен, поскольку его держали в заключении вместе со слоном, но эта жестокость длилась недолго. Это можно объяснить и даже простить, поскольку Регул забыл все человеческие чувства по отношению к Карфагену, когда тот пал и умолял его о пощаде; и вполне вероятно, что этот рассказ дал начало более распространенному рассказу о способе его смерти.

Наиболее вероятно, что смерть Регула произошла естественным путем; и вполне возможно, что жестокое обращение с пуническими пленниками, о которых даже по римским свидетельствам известно, что они были переданы семье в качестве заложников или для мести, стало поводом для распространенного рассказа благодаря непростительной клевете, которой римляне постоянно предавались в отношении Карфагена. Кажется наиболее правдоподобным, что Гасдрубал и Бостар были отданы в заложники, потому что Регул действительно верил, и римляне разделяли его мнение, что он был тайно отравлен. Но, судя беспристрастно, мы должны считать рассказ Диодора о совершенно бесчеловечной ярости семьи Регула по отношению к этим невинным пленникам не менее сомнительным, чем римский; поскольку совершенно точно известно, что ни один римлянин не записал это позорище для своей нации, и здесь, как и в других случаях, Филлин должен считаться источником Диодора, чья ненависть к Риму вполне простительна, но всегда делает его свидетельство весьма подозрительным.

В остальном, если бы этот поступок Регула не восхвалялся нам в ранние годы как героический, мы без предубеждения сочли бы его менее блестящим. То, что он вернулся, потому что дал клятву, было поступком, который, если бы он его не совершил, был бы заклемен позором. Если у него были основания для опасений, то это было следствием постыдного злоупотребления, которое он сам совершил своей победой, поскольку он умел использовать ее только как простое дитя удачи и хуже, чем большинство его современников-полководцев.^д

ТРЕТИЙ ПЕРИОД (249-241 гг. до н. э.)

Говорят, что сенат, воодушевленный победой при Панорме, вновь решил попытать счастья на море. В 249 г. до н. э. был готов третий флот, и его цель вскоре стала очевидной. Консулам было приказано осадить Лилибей, королевую карфагенских крепостей, как с моря, так и с суши. Если бы эта крепость пала, карфагеняне лишились бы прочного опорного пункта на Сицилии, но ее было невозможно взять, не блокировав с моря, поскольку по морю в нее можно было доставлять припасы из Карфагена. Римляне начали осаду с большой активностью; они построили огромные сооружения, пытались перебросить дамбу через гавань, но тщетно. Искусные моряки Карфагена сумели протащить корабли с провизией в гавань через середину римского флота. Их флот стоял наготове в бухте Дрепана, готовый воспользоваться любой небрежностью со стороны римлян.

Однако непобедимая настойчивость римлян возобладала бы, если бы не упрямая глупость патрицианского консула 249 года до н. э. Им был П. Клавдий, младший сын старого цензора, брат того, кто освободил Мессану. Находясь перед Лилибеем, он разработал план, чтобы застать вражеский флот в Дрепане врасплох, и для этой цели покинул свою позицию. Напрасно пулларии предупреждали его, что священные цыплята не хотят есть. «Пусть тогда пьют», — сказал непочтительный полководец и бросил их в море. Но солдаты были сильно обескуражены предзнаменованием и пренебрежительным отношением к нему. А консул вел дела с такой малой секретностью и мастерством, что враг был проинформирован о его намерении атаковать. Когда римляне вошли в гавань колонной, карфагенский флот был замечен выходящим из гавани. Но внезапно он развернулся и устремился на римскую колонну. Из 220 кораблей Клавдия спаслись только тридцать.

Безрассудный консул был отозван в Рим сенатом и получил приказ назначить диктатора, который заменил бы его. С присущей его семье старой надменностью он назначил сына одного из своих вольноотпущенников по имени Клавдий Гликиас. Но сенат отклонил эту кандидатуру и сам назначил А. Атилиуса Калатина, также называемого Серраном. Что стало с Клавдием, мы не знаем. Но он умер через три года; сохранилась история, что в то время его сестра дерзко выразила желание, чтобы он был еще жив, чтобы он потерял еще больше людей и улицы стали менее переполненными. За эту речь она была подвергнута крупному штрафу; и если слова заслуживают наказания, то ничьи слова не заслуживали его больше, чем ее.

Потеря флота Клавдия была не единственной катастрофой того года. Л. Юний, его коллега из плебеев, был менее виновен, но еще более несчастлив. Он сопровождал большой флот кораблей, груженых провизией для войск в Лилибее, когда у Камарины его настиг сильный ураган, и погибли как конвой, так и сопровождавший его эскадрон. Разрушение было настолько полным, что все корабли были разбиты, и ни одна доска (по словам Полибия) не пригодная для повторного использования.

Таким образом, из-за глупости одного консула и несчастья другого римляне в третий раз потеряли весь свой флот. Им казалось, что бог моря завидует этим новым претендентам на его благосклонность.

Эти бедствия вновь сделали карфагенян хозяевами моря. В то же время на Сицилию был назначен действительно великий человек. Это был Гамилькар, отец Ганнибала. По-видимому, в его распоряжении не было много кораблей и войск, но умение, с которым он использовал имевшиеся средства, ясно показывает, чего можно было бы достичь, если бы правительство доверяло ему больше. Он постоянно совершал набеги на побережье Италии, грабя и сея панику. Вскоре он внезапно высадился недалеко от Панорма и на глазах у римского коменданта захватил холм под названием Геркта, возвышавшийся над городом

(тот же, что и современный Монте-Пелегрино). Здесь он укрепился и в течение трех лет вел непрерывную грабительскую войну против римлян. После этого, столь же внезапно, он совершил набег на Эрикс, который был недавно захвачен римлянами, и взял его врасплох. Теперь он перенес сюда свою штаб-квартиру и продолжил те же изнурительные нападения.

[243-241 гг. до н. э.]

За исключением этого, дела шли в тупике. Вся сила римлян была сосредоточена в линиях Лилибея, но у них теперь не было флота, и поэтому место полностью снабжалось с моря. С другой стороны, активность Гамилькара держала врага в постоянной тревоге. Постоянно происходили небольшие столкновения, и Диодор рассказывает анекдот, который выставляет характер Гамилькара в благоприятном свете. В стычке с римским консулом Г. Фунданием он понес некоторые потери и (согласно обычаю) послал просьбу о перемирии, чтобы похоронить своих погибших. Но консул нагло ответил, что ему следует заботиться о живых, а не о мертвых, и предотвратить дальнейшее кровопролитие, немедленно сдавшись. Вскоре после этого Гамилькар нанес поражение римлянам, и когда их командир послал просить разрешения похоронить своих погибших, карфагенский полководец сразу же дал его, сказав, что он «воюет не с мертвыми, а с живыми».

Эти бесконечные военные действия убедили сенат в том, что он должен снова построить флот или отказаться от всякой надежды изгнать карфагенян из Сицилии. Лилибей умножил бы все их усилия, как он умножил усилия Пирра. Осада длилась уже восемь лет, с 250 по 241 год до н. э., и ее окончание не казалось ближе, чем вначале. Необходимо было пойти на все жертвы. Необходимо было построить флот. И он был построен. В начале 241 года до н. э. патриций-консул Г. Лутаций Катул вышел в море с более чем двумя сотнями кораблей. Это был четвертый флот, созданный римлянами. Невозможно не восхищаться этой железной решимостью; невозможно не испытывать удовлетворения, видя, как она вознаграждается.

Консул с новым флотом отплыл в начале года и блокировал Дрепану с моря и суши, надеясь лишить карфагенян гавани, в которой стоял их флот, наблюдавший за римлянами в Лилибее. Он также приложил большие усилия, чтобы обучить своих моряков военно-морской тактике. В сражении, которое произошло у Дрепаны, он был тяжело ранен.

С другой стороны, карфагеняне в последнее время пренебрегали своим флотом, и только в начале следующего года (241) был отправлен флот на помощь Дрепане. Он был тяжело гружен провизией и припасами. Его командир Ганнон зашел на небольшой остров Иера, расположенный примерно в двадцати-двадцати пяти милях от порта Дрепаны. О этом (по-видимому) был проинформирован Катул, и, хотя он все еще страдал от ранения, он сразу же вышел в море, надеясь перехватить врага до того, как тот разгрузит свои корабли. Вечером 9 марта он остановился у Эгузы, другого небольшого острова, расположенного не более чем в десяти милях от Хиеры. На следующее утро карфагеняне вышли в море и попытались проникнуть в Дрепану. Но они были перехвачены римским флотом и вынуждены вступить в сражение. Они сражались в крайне невыгодных условиях, и римляне одержали легкую победу. Пятьдесят кораблей противника были потоплены, семьдесят захвачены; остальные ушли в Хиеру.

Эта битва, названная битвой при Эгатских островах (так называли эту группу островов), решила исход войны. Стало ясно, что Лилибей теперь должен сдаться и что, хотя Гамилькар и мог еще сопротивляться, он не смог бы на данный момент вернуть Сицилию. Карфагенские купцы стремились к окончанию войны, и правительство прислало Гамилькару приказ заключить мир на самых выгодных условиях, которые он сможет

получить. Катул сначала потребовал, в качестве предварительного условия для любых переговоров, чтобы Гамилькар сложил оружие и выдал всех римских дезертиров, находившихся на его службе. Но когда карфагеняне с презрением отвергли это условие, консул благоразумно отказался от него, и в конце концов два полководца заключили договор, согласно которому карфагеняне должны были эвакуировать Сицилию, выдать всех римских пленных без выкупа и выплатить за двадцать лет две тысячи двести талантов в счет расходов на войну. Но римские племена отказались ратифицировать договор без расследования. В связи с этим сенат направил десять послов, которые подтвердили договор Катула, за исключением того, что они увеличили сумму до 3200 талантов и потребовали выплатить эту более крупную сумму в течение десяти лет, а не двадцати. Они также настояли на уступке всех небольших островов между Италией и Сицилией.

Так закончилась Первая Пуническая война. Исход этой долгой борьбы был полностью в пользу Рима. Он совершил несколько блестящих подвигов, он послал несколько выдающихся людей для ведения войны, но он совершил великие дела. Он победил повелительницу морей на ее собственной стихии. Он завладел островом, почти в два раза превышающим по площади Йоркшир и плодородным, как никакая другая земля. Его потери, конечно, были огромны: он потерял семьсот кораблей, огромное количество людей и большие суммы денег. Но Карфаген пострадал еще больше. Хотя он потерял не более пятисот кораблей, но прерывание торговли и потеря своих великих торговых центров Лилибея и Дрепана не только подорвали ресурсы государства, но и значительно уменьшили состояние каждого отдельного гражданина. Римляне и итальянцы, которые сражались в этой войне, были в основном земледельцами, и потери таких людей невелики и быстро восполняются, в то время как потери, понесенные великим торговым государством, часто непоправимы.

Эта война была лишь прелюдией к более жестокой и смертельной борьбе. Карфаген, потерпев поражение, ушел с Сицилии, и его пустая казна и разрушенная торговля не позволяли ему продолжать конфликт в то время. Но еще не было решено, кто будет править побережьем Средиземного моря — Рим или Карфаген. Великий Гамилькар покинул Эрикс без отчаяния. Он предвидел, что с помощью терпения и благоразумия он сможет избавиться от контроля своего ревнивого правительства и создать армию в своих интересах, с помощью которой он сможет бросить вызов римским легионам.

СОБЫТИЯ МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКИМИ ВОЙНАМИ

[241-218 гг. до н. э.]

Первая Пуническая война длилась двадцать три года, и промежуток между концом этой войны и началом следующей был почти такой же длины. В течение этого периода (с 240 по 218 г. до н. э.) и Рим, и Карфаген, несмотря на свое истощенное состояние, были вовлечены в опасные войны. В течение следующих трех лет Карфаген был доведен до грани разрушения общим мятежом наемных войск, которые были задействованы на Сицилии и теперь должны были быть распущены. Их лидерами были Спендий, беглый раб из Кампании, который боялся быть выдан римлянам, и Мато, ливиец, который слишком настойчиво требовал от правительства Карфагена выплаты жалованья армии, чтобы надеяться на прощение. Под руководством этих отчаянных людей солдаты дали полный волю своей жестокости: они захватили в заложники Гиско, который был послан для переговоров с ними, разграбили окрестные земли, подняли восстание среди подданных африканцев, осадили укрепленные города Утика и Гиппо и перерезали все сухопутные пути сообщения с мысом, на котором стоял Карфаген. Однако в конце второго года Гамилькар, получивший командование

гражданскими войсками, довел Спендия до такого крайнего положения, что тот сдался на милость, и заставил Мато запереться в Тунисе.

[240-235 гг. до н. э.]

Дух повстанцев был теперь полностью сломлен, и они были готовы сдаться. Но Мато и его офицеры сражались с веревкой на шее, и всякий раз, когда кто-то пытался убедить их принять мирные меры, группа наиболее яростных повстанцев заглушала его криками; и таким образом, как это обычно бывает в народных волнениях, истинные желания большинства были заглушены громкими криками нескольких смелых и решительных отчаянных людей. Задачу этих людей облегчало то, что армия состояла из представителей многих разных народов, и солдаты, не понимая друг друга, не могли так легко объединиться против своих вождей. Почти единственным словом, которое понимали все, был страшный крик «Закидайте его камнями, закидайте его камнями!», который поднимали ведущие повстанцы всякий раз, когда кто-нибудь выступал в защиту мира, и который повторяла толпа из невежества или страха. Но Гамилькар поддерживал строгую блокаду, и повстанцы в Тунисе были доведены до такого крайнего голода, что Мато был вынужден рискнуть сражением. Он был полностью разгромлен, взят в плен и казнен. Так закончилась эта ужасная война, которая длилась более трех лет и четырех месяцев и в одно время угрожала самому существованию Карфагена. Она была известна под названием «Война без перемирия» или «Непростительная война».

Сдержанность, проявленная римлянами по отношению к Карфагену во время этой страшной войны, делает их поведение по ее окончании еще более удивительным. Наемные войска на Сардинии подняли мятеж, следуя примеру своих братьев, и захватили остров. После окончания войны в Африке эти повстанцы, опасаясь, что настала их очередь, поставили себя под римскую защиту; и их просьба о помощи, как и просьба мамертинцев, была удовлетворена. Сенат имел наглость не только потребовать уступку Сардинии и Корсики, но и выплату дополнительной суммы в двенадцатьсот талантов. Карфагеняне были слишком слабы, чтобы отказаться; даже Гамилькар не мог бы посоветовать им это сделать. Но это неблагодарное поведение укрепило мрачное решение Гамилькара отомстить алчной итальянской республике.

Чтобы осуществить это решение, ему необходимо было получить независимую власть, чтобы формировать армии и вести военные кампании, не будучи скованным приказами узколобого правительства. И теперь, казалось, настал момент, чтобы получить эту власть. Ганнон и ведущие члены совета давно завидовали семье Барки, главой которой был Гамилькар. Слава и популярность Гамилькара были теперь настолько велики, что он мог свергнуть власть совета Ста. Поэтому они с удовольствием приняли его предложение подчинить Испанию карфагенской власти. Карфаген уже имел поселения на юге Испании, и старинный торговый город Гадес был в союзе с ним. Но остальная часть страны была заселена дикими и жестокими племенами, которых нельзя было покорить за один день. Но прежде чем мы проследим последствия этого расширения карфагенской власти в Испании, наше внимание привлекают дела Рима и Италии.

Во время Наемнической войны в Африке римляне жили в мире; и в 235 году до н. э. общее спокойствие было настолько глубоким, что храм Януса был закрыт консулом Манлием Торкватом впервые (как гласят анналы) со времен правления Нумы. В последний год Первой Пунической войны нижняя часть Сабинской страны была разделена на два племени — велинское и квинское. Таким образом, число тридцать пять было завершено, и в дальнейшем никаких присоединений к римской территории не производилось.

РЕЗНЯ ПОВСТАНЦЕВ ГАМИЛЬКАРОМ

Это спокойствие длилось недолго. Успех их войск на Сицилии и вновь приобретенная морская мощь побудили римлян пересечь Адриатическое море не столько с целью расширения собственного господства, сколько для оказания помощи всем, кто часто бывал в этих водах с целью торговли. Дальняя сторона Адриатического моря, тогда называвшаяся Иллириком, состоит из узкой полосы побережья, окруженной параллельными горными цепями. У берега расположено множество островов, а несколько больших бухт обеспечивают безопасную стоянку для кораблей. Эти природные преимущества сделали иллирийцев, живших на побережье, искусными моряками. Их легкие барки (лемби) выходили из-за островов или из бухт и занимались пиратством в отношении соседей. Их главной крепостью был Скодра (Скутари). В 231 году до н. э. Теута, женщина с смелым и мужественным характером, стала главой этого пиратского племени во время младенчества своего сына Пиннеса, а в 230 году до н. э. провозгласила себя верховной правительницей всех островов, кроме Иссы, которую она лично блокировала в том же году. До этого сенат не находил времени, чтобы остановить продвижение этих пиратов. Но в том же году он послал Г. и Л. Корункания в качестве послов, чтобы выразить протест Теуте. Однако Теута не была склонна слушать протесты. По ее словам, вожди Иллирии не имели обыкновения запрещать своим подданным пользоваться морем. Младший Корунканий, возмущенный этим признанием национального пиратства, ответил, что если таковы обычаи иллирийцев, то римляне не будут терять времени, чтобы помочь ей исправить их. Раздраженная этим сарказмом, Теута приказала преследовать послов и казнить младшего из них. Римляне немедленно объявили войну иллирийцам.

После капитуляции Иссы иллирийская царица продолжила свои успехи, захватив не только Дыррахиум, но и Коркиру; а Деметрий, умный и беспринципный грек из Фароса (места на побережье верхней Иллирии), главный советник Теуты, был назначен правителем этого знаменитого острова. Эпироты отправили послов, чтобы просить защиты у Рима, и сенат с радостью воспользовался этой возможностью. В начале следующей весны оба консула появились в Коркире с мощным флотом и армией. Деметрий быстро понял, на чью сторону склонится удача, и сдал Коркиру римлянам без боя. Это предательство парализовало дух Теуты, и Деметрий позволил римским полководцам без особого труда одолеть ее войска. Она была вынуждена сдать большую часть своих владений предателю, который теперь стал главой Коркиры и южной Иллирии под покровительством Рима. Иллирийцы не должны были появляться к югу от Лисса с более чем двумя баркасами одновременно.

ЗНАМЕНОСЕЦ

Подавление иллирийского пиратства было даже более выгодным для торговли Греции, чем для Рима. Ведущие деятели сената уже в то время начали проявлять сильное стремление завоевать расположение греков, которые, несмотря на свое упадничество, по-прежнему считались центром цивилизации и распространителями славы. Поэтому консул Постумий послал послов в различные греческие государства, чтобы объяснить появление римских войск в тех краях. Их приняли с высоким отличием. Особенно почитали Рим афиняне и коринфяне; последние признали его греческое происхождение, проголосовав за допуск его граждан к Истмийским играм (228 г. до н. э.). Эта короткая война едва закончилась, как Рим увидел надвигающийся конфликт, который наполнил его тревогой.

Следует помнить, что незадолго до войны с Пирром сенонские галлы были истреблены, а бои были разгромлены с большими потерями в двух сражениях у озера Вадимо в Этрурии (283 г. до н. э.). С тех пор галлы оставались спокойными в пределах своих границ. Но в 232 г.

до н. э. трибун Г. Фламиний, человек, который в дальнейшем заслужит особого внимания, предложил распределить все государственные земли, принадлежавшие Риму на побережье Пицены и Умбрии, между рядом бедных граждан; этот закон вступил в силу четыре года спустя. Когда на том же побережье были основаны колонии Сена Галлика и Ариминум, бои были слишком ослаблены недавними поражениями, чтобы оказать какое-либо сопротивление. Но за два поколения они восстановили свою силу и были воодушевлены на восстание против Рима обещанной поддержкой инсубров, могущественного племени, занимавшего район за Паданом около Милана. Прибытие больших отрядов галлов из-за Альп укрепило их решимость и усилило страх, который воспоминания об Аллии все еще вызывали в умах римлян. Сообщения преувеличивали правду, и римляне подготовились к этой галльской войне более тщательно, чем к войне с Пирром или карфагенянами. Активные приготовления сопровождалась суеверными обрядами. Были проконсультированы Сивиллины книги, и в них было найдено написанное, что земля Рима должна быть дважды оккупирована иностранным врагом. Чтобы исполнить это предсказание, правительство варварски приказало похоронить заживо на Форуме галльского мужчину и женщину, а также греческую женщину.

[229-223 гг. до н. э.]

Поход начался в северной Этрурии. Галлы пересекли Апеннины и вторглись в долину Арно, внезапно напав на претора, расположившегося со своей армией в Фесулах. Они одолели его и нанесли ему сокрушительное поражение. Консул Эмилий с большой быстротой пересек умбрийские холмы и вошел в Этрурию; при его приближении галлы отступили на север вдоль побережья, желая сохранить свою добычу, а Эмилий следовал за ними, не рискуя вступать в общее сражение. Но близ Пизы они обнаружили, что другой консул, Атилиус, высадился с Сардинии; и, оказавшись в окружении двух консульских армий, они были вынуждены дать сражение в месте под названием Теламон. Сражение было отчаянным, но римляне были лучше вооружены и лучше дисциплинированы, чем раньше, в то время как галлы оставались на прежнем месте. Их большие тяжелые мечи, выкованные из плохо закаленного железа, гнулись при первом же ударе, и пока они наклонялись, чтобы выпрямить их ногой, они были полностью уязвимы для ударов короткого римского меча. Победа при Теламоне была столь же знаменательной, как и победа при Сентинуме или Вадимо (225 г. до н. э.).

В следующем году (224 г. до н. э.) консулы вновь вторглись в страну боев и добились полного подчинения всех племен на левом берегу По. В следующем году консулом был Г. Фламиний, считавшийся виновником войны, который переправился через По с намерением наказать инсубров (миланцев) за их участие в вторжении в Этрурию. Место, где он переправился через великую реку, находилось где-то выше Мантуи; здесь он заключил союз с кеноманами, которые находились в смертельной вражде с инсубрами. При поддержке этих союзников он двинулся на запад через Адду, границу инсубрийского района. В этот момент Фламиний получил депеши от сената, запрещающие ему вторгаться на территорию инсубров. Но он отложил их в сторону, не вскрывая, и сразу же вступил в сражение с врагом. Он одержал решительную победу, а затем, вскрыв депеши, посмеялся над предостережением сената.

Зимой инсубры просили о мире, но новые консулы, Гнатий Корнелий Сципион и Марк Клавдий Марцелл, впоследствии прославившиеся, убедили сенат начать четвертую кампанию. Оба консулы двинулись на север и вторглись на территорию инсубров. Но Марцелл, узнав, что Виридомар, вождь инсубров, перешел По, чтобы разграбить недавно занятую римлянами землю, оставил своего коллегу, чтобы тот подчинил главные города

инсубров, а сам с армией преследовал вождя. Он настиг его недалеко от Кластидия и атаковал его, используя только свою кавалерию. Затем последовала ловкая операция, в ходе которой Марцелл встретил Виридомара и убил его собственноручно, а галлы бежали в беспорядке. Так была завоевана третья и последняя *spolia opima*. Тем временем Сципион захватил Медиолан (Милан), главный город инсубрийских галлов, и война была закончена (221 г. до н. э.).

Вскоре после этого, вероятно, по инициативе Фламиния, было решено основать две колонии, Кремону и Плаценцию, на противоположных берегах По, чтобы закрепить завоеванные недавно территории в Бойской и Инсубрийской областях. Но реализация этого проекта состоялась только три года спустя, когда Ганнибал был в походе. Несколько лет спустя мы слышим, как об этом районе говорят как о провинции Ариминум. Связь между Римом и Ариминумом была обеспечена дорогой, построенной во время цензуры Фламиния, которая носила его имя (220 г. до н. э.).

Во время этих великих волнений в Италии Деметрий Фаросский проявил такую же неверность своим новым покровителям, как и Теуте. Полагаясь на поддержку Филиппа, царя Македонии, он принял на себя роль независимого вождя и поощрял своих подданных к их прежним пиратским занятиям. В 219 г. до н. э. патриций-консул Л. Эмилий Павел получил от сената приказ положить конец этим действиям. В ходе одной короткой кампании он подчинил Коркиру, захватил Фарос и заставил Деметрия укрыться при дворе Филиппа, где мы впоследствии увидим его, активно содействующего враждебным действиям против Рима. Иллирия вновь перешла в руки местных вождей; однако римляне сохранили за собой остров Коркира, а также крепкие города Орикум и Аполлония, которые сыграли важную роль в Македонских войнах.

Таким образом, торжествуя со всех сторон и, казалось бы, находясь в полной безопасности, римское правительство не предчувствовало бурю, которая давно назревала на западе. Теперь мы должны вернуться к Гамилькару.

ГАМИЛЬКАР И ГАННИБАЛ

[235-219 гг. до н. э.]

В 235 г. до н. э. он пересек Гибралтарский пролив. Вместе с ним отправились его зять Гасдрубал и его сын Ганнибал, которому тогда было девять лет, но который уже тогда проявлял качества, которые впоследствии сделали его ужасом Рима. Гамилькар не собирався брать его с собой в Испанию, но мальчик так настойчиво просил, что отец уступил, поставив условием, что тот поклянется в вечной вражде Риму и римлянам. Сам Ганнибал в старости рассказал Антиоху, царю Сирии, как его привели к алтарю богов его страны и заставили принести эту страшную клятву. Ничто не может более ярко показать чувства, с которыми Гамилькар покинул свою страну. Он уехал не как слуга Карфагена, а как враг Рима, с чувствами личной вражды, которую можно было успокоить только унижением его противника.

Его первой целью было завоевание Испании, чтобы таким образом обеспечить Карфагену владение провинцией, которая сама по себе могла стать великим королевством и стоила многих Сицилий и Сардиний. Одним из главных преимуществ, которые он видел в этом завоевании, было пополнение армии выносливыми солдатами, которое обеспечит владение Испанией. Но он хорошо понимал, что для этой цели одного завоевания недостаточно; он должен был привлечь на свою сторону чувства испанцев, научить их смотреть на него и его семью как на своих друзей и благодетелей. Соответственно, он женился на испанской даме

из Кастуло; жил среди туземцев как один из них; научил их обрабатывать богатые серебряные рудники и всеми способами открывал ресурсы страны. Тем временем он собрал и дисциплинировал отличную армию, с помощью которой он подчинил многие из более грубых племен к северу от современной Андалусии и Мурсии. Таким образом, он правил (это лучшее слово для выражения его власти) с энергией и мудростью в течение восьми лет; а на девятом году он пал в бою, вызывая восхищение и сожаление всей южной Испании.

Ганнибалу было всего лишь восемнадцать лет, он был слишком молод, чтобы взяться за дело, которое его отец оставил незавершенным. Но Гасдрубал, зять великого полководца, оказался его достойным преемником. Он сразу же взял на себя верховную власть. С помощью мягких методов примирения он привлек на свою сторону большое количество племен; и чтобы дать столицу этому новому царству, он основал город Новый Карфаген, ныне Картахена, на побережье Мурсии. Успехи Гамилькара уже привлекли внимание сената, и в 227 году до н. э., вскоре после его смерти, они заключили союз с Гасдрубалом, по которому река Эбро была установлена в качестве северной границы Карфагенской империи в Испании. Гасдрубал пал от ножа убийцы в 221 году до н. э., на седьмом году своего правления.

Ганнибалу было тогда двадцать четыре года. Он был сразу же избран армией, которая приветствовала его, чтобы занять место своего великого отца. Правительство не рискнуло вызвать гнев молодого полководца, стоящего во главе армии, преданной его делу. Ганнибал остался правителем карфагенской Испании. Эта должность становилась наследственной в его семье.

Гамилькар расширил карфагенское правление в Испании с нескольких торговых поселений до большой провинции. Асдрубал довел границы этой провинции до Сьерры-де-Толедо. Ганнибал немедленно пересек этот хребет и вошел в долину Тежу, покорив кельтиберские племена, которые тогда занимали Кастилию. Он даже прошел через Кастильские горы, образующие верхний край бассейна Тежу, и заставил вакцев из Дору бояться имени Карфагена, захватив их главный город, Эльмантику (Саламанку). К концу 220 года до н. э. вся Испания к югу от Эбро была подчинена Карфагену или находилась в союзе с ним. Великие качества трех человек, благодаря которым они узнали о Карфагене, сделали их неволиными вассалами.

[219-218 гг. до н. э.]

Но был один город к югу от Эбро, который все еще сохранял независимость. Это был Сагунт, древняя колония с греческого острова Закинф. Его местоположение на побережье современной Валенсии отмечено нынешним городом Мурвьедро (Muri Veteres), расположенным чуть более чем на полпути между Новым Карфагеном и устьем Эбро. Сагунт некоторое время был в союзе с Римом, и поэтому, хотя он находился на карфагенской стороне Эбро, по римскому обычаю имел право на поддержку. В 219 году до н. э. () этот город воевал с соседним племенем, и Ганнибал с готовностью принял приглашение уничтожить союзника своего врага. Он окружил Сагунт большой армией, но жители города продержались восемь месяцев, проявив героическое упорство, которое, кажется, отличает всех жителей Испании, когда они ведут оборонительную войну. Во многих отношениях осада Сагунта напоминает осаду Сарагосы.

Пока осада еще продолжалась, римский сенат послал к Ганнибалу послов с требованием прекратить нападение на их союзника. Он холодно ответил, что «не может ручаться за их безопасность в своем лагере; им лучше обратиться за помощью в Карфаген». Послы отправились в путь, но тем временем в Рим пришла весть о падении Сагунта, и в Карфаген была отправлена посольская делегация с требованием выдать Ганнибала, виновника беды.

Была большая группа, к которой принадлежали Ганнон и правительство, которая, вероятно, согласилась бы с этим требованием. Но Рим был ненавистен в Карфагене, и правительство не осмеливалось противоречить общему мнению. Они ответили, что Сагунт не упоминался в договоре Гасдрубала; даже если бы и упоминался, этот договор никогда не был ратифицирован правительством и поэтому не имел никакой силы. Тогда К. Фабий Бутеон, глава римских послов, сложил свою тогу в руке, поднял ее и сказал: «В этом сгибе я несу мир и войну: выбирайте, что хотите». «Дайте нам то, что хотите», — ответил суфкет. «Тогда берите войну», — сказал римлянин, опуская тогу. «Мы принимаем этот дар», — воскликнули сенаторы Карфагена, — «и приветствуем его».

Таким образом, война Риму была официально объявлена. Но прежде чем перейти к рассказу об этой войне, было бы неплохо составить представление о том необыкновенном человеке, который благодаря своему гению взялся за нее и вел ее с успехом в течение стольких лет.

Ганнибалу было тогда двадцать восемь лет, почти столько же, сколько было Наполеону Бонапарту, когда он возглавил армию Французской республики в Италии. И когда мы упоминаем Наполеона, мы упоминаем, пожалуй, единственного человека, древнего или современного, который может претендовать на превосходство или даже равенство с Ганнибалом как полководец. Воспитанный в лагере, он обладал всеми качествами, необходимыми для завоевания доверия своих людей. Его личная сила и активность были таковы, что он мог обращаться с их оружием и выполнять их упражнения, пешком или верхом, более умело, чем они сами. Его выносливость в жару и холод, в усталости и голоде превосходила выносливость самого закаленного солдата в лагере. Он никогда не требовал от других того, чего не мог и не хотел делать сам. К этим физическим способностям он добавлял обаяние, сравнимое с обаянием своего зятя Гасдрубала, и таланты полководца, не уступавшие талантам его отца Гамилькара. Его откровенные манеры и добродушный характер делали его любимым среди солдат; его сильная воля подчиняла их себе, как одного человека. Разные народы, составлявшие его разношерстные войска — африканцы и испанцы, галлы и итальянцы — считали его своим вождем.

Несмотря на все трудности, которые его разнородная армия пережила за шестнадцать лет в чужой стране, в его лагере никогда не было мятежей. Эта замечательная многогранность человека дополнялась качествами, необходимыми для генерала. Его быстрая сообразительность и великая проницательность приводили его к удивительно верному суждению о будущих событиях и дальних странах, что в те времена, когда путешественников было мало, а страны неизвестны, должно было быть чрезвычайно трудной задачей. Он составлял свои планы после тщательного изучения и держал их в глубокой тайне, пока не возникала необходимость их обнародовать. Но эта осторожность в разработке планов сочеталась с удивительной быстротой в их исполнении. «Он никогда не обманывался сам, — говорит Полибий, — но никогда не упускал возможности воспользоваться ошибками своего противника» (). Он не был просто солдатом. В свободное время он любил беседовать с греками на темы интеллектуального развития. Как государственный деятель, он проявил способности, едва ли уступающие тем, которые он проявил как полководец.

На фоне этих великих качеств он, как говорят, был жестоким до жестокости и вероломным сверх обычной меры для своей страны. Что касается вероломства, мы не слышим ни об одном случае, когда Ганнибал нарушил верность Риму. Что касается жестокости, то нет сомнений, что он был равнодушен к человеческой жизни; и в нескольких случаях мы увидим, как под влиянием страсти он обращается со своими пленниками с большой жестокостью. Но хотя его учили считать римлян своими естественными врагами,

которых нужно преследовать как волков, мы увидим, что он относился к достойным противникам, таким как Марцелл, с великодушием благородной натуры.

Но какими бы ни были способности и смелость молодого полководца, ему требовалось все это. Проникнуть от Эбро до По — с цепями гигантских гор, преграждающих ему путь, через варварские и враждебные страны, без дорог, карт и точного знания маршрута, без надежного обеспечения своей армии продовольствием и одеждой, без искренней поддержки своего собственного правительства — было предприятием, от которого мог бы уклониться даже самый смелый, и одно только то, что он совершил этот поход с триумфальным успехом, оправдывает почитание, которое до сих пор оказывается гению Ганнибала.^b

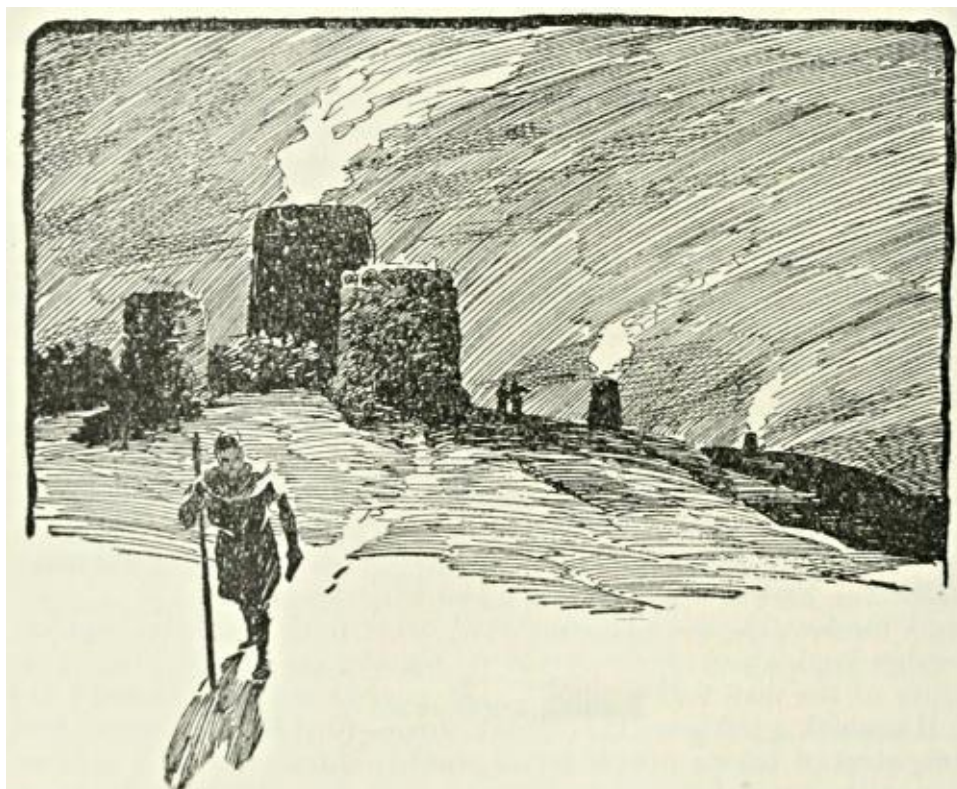
СНОСКИ

[47] [По словам Полибия,^d «Аппий Клавдий с невыразимой храбростью пересек пролив ночью и наконец добрался до Мессаны».]

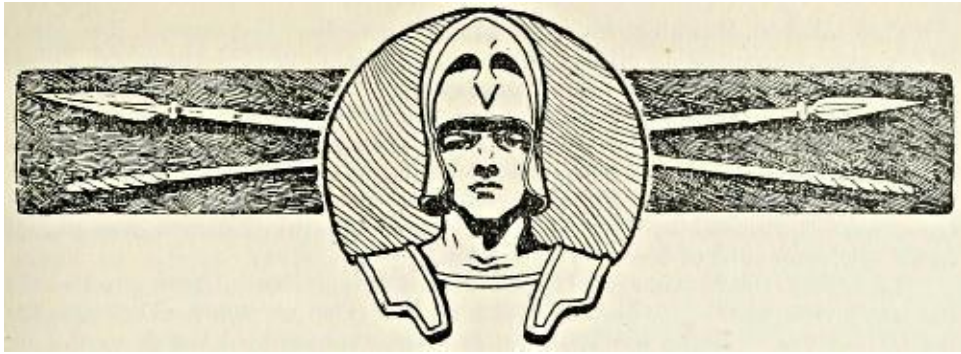
[48] [Гамилькар принял командование армией на Сицилии за шесть лет до окончания войны. История его блестящих достижений читается как роман, но вся его энергия, мастерство и смелость не спасли его город от поражения.]

[49] [Аппиан^f говорит, что Лакедемон, когда его попросили предоставить полководца, послал Ксантиппа.]

[50] [Здесь использована версия Х. Шира 1693 года. Мы сохранили основные черты оригинального типографского оформления, в соответствии с причудливой фразеологией.]

РИМСКИЕ СИГНАЛЬНЫЕ КОСТРЫ

ГЛАВА XI. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Обе стороны приняли решение о войне и объявили ее — войну, которая не имеет себе равных в анналах древнего мира. Это была не война за спорную границу, за владение провинцией или за какое-то частичное преимущество; это была борьба за существование, за господство или уничтожение. Она должна была решить, какая цивилизация — греко-римская Запада или семитская Востока — утвердится в Европе и определит ее историю на все времена. Эта война была одной из тех, в которых Азия боролась с Европой, как война греков и персов, завоевания Александра Македонского, войны арабов, гуннов и татар. Каким бы ни было наше восхищение Ганнибалом и наша симпатия к героическому, но побежденному Карфагену, мы все же вынуждены признать, что победа Рима — исход этой битвы — была необходимым условием для здорового развития человечества. — ИНЕ.¹

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД (218-216 гг. до н. э.)

Война, начавшаяся с вторжения Ганнибала в Италию, длилась семнадцать лет. Война делится на четыре периода. Первый охватывает победоносную карьеру Ганнибала от перехода через Альпы до Капуи. Каждый год отмечен великой битвой — Требия, Тразимен, Канны (218-215 гг. до н. э.). Второй период длится пять лет, в течение которых римлянам удается отвоевать Капую, но они теряют Тарент (215-211 гг. до н. э.). Третий период длится четыре года, в течение которых Ганнибал, лишившись поддержки из своей страны, вынужден все больше и больше ограничиваться горными районами Калабрии. Он заканчивается катастрофической битвой при Метауре (211-207 гг. до н. э.). Четвертый период длился четыре года, в течение которых Ганнибал был загнан в угол на крайней оконечности Италии, а основная арена войны переместилась в Испанию, Сицилию и Африку. Он закончился великой битвой при Заме и заключением мира (206-202 гг. до н. э.).

Но в предыдущие периоды великой войны римские войска также участвовали в боевых действиях в Испании, на Сицилии и в Эпире. С самого начала войны они продолжали конфликт в Испании. После 215 г. до н. э. они были вынуждены осадить Сиракузы и вновь завоевать Сицилию, а также Сардинию. В 212 г. до н. э. они объявили войну Филиппу Македонскому, чтобы помешать ему послать помощь Ганнибалу в Италию.

Зиму 219 года Ганнибал провел в активной подготовке. Его солдаты получили отпуск с приказом явиться в Новый Карфаген в самом начале следующей весны. Он послал послов на юг Галлии и север Италии, чтобы проинформировать кельтов по обе стороны Альп о своей экспедиции, чтобы завоевать трансальпийских галлов с надеждой на грабеж Италии, а также поднять настроение цизальпийцев обещаниями освобождения от римского ига.

Убедившись в этом, Ганнибал провел смотр своих войск в Новом Карфагене. Армия вторжения насчитывала девяносто тысяч пехотинцев и двенадцать тысяч всадников, а также около пятидесяти слонов. Пехота состояла в основном из испанцев, ветеранов Гамилькара и Гасдрубала, а также из новобранцев, набранных им самим. Однако испанцы уравнивались большим отрядом ливийских наемников. Легкая пехота, пращники и лучники, были с Балеарских островов. Из кавалерии тяжеловооруженные всадники были испанцами, а легкая кавалерия была предоставлена Нумидией; и все это войско было поставлено под командование пламенного Махарбала.

Асдрубал, брат Ганнибала, остался в Новом Карфагене, чтобы управлять недавно завоеванной провинцией Испания и собрать резервную армию для войны в Италии. Маго, его младший брат, сопровождал генерала.

Покинув Новый Карфаген в конце мая, Ганнибал без остановки продвигался к Эбро, но как только он пересек эту реку, вся страна вплоть до Пиренеев оказалась враждебной. Благодаря большой скорости передвижения, хотя и с большими потерями в живой силе, он за несколько недель подчинил себе все племена и, оставив в этом районе офицера с одиннадцатью тысячами человек, продвинулся к Пиренеям. Здесь его испанские солдаты впервые обнаружили, что их ведут в странные и неизвестные земли; в лагере появилось недовольство; три тысячи карпетанцев, племя, которое было завоевано не так давно, схватили оружие и отправились домой. Тогда Ганнибал с благоразумной откровенностью созвал войска, рассказал им о своем плане и дал всем, кто не хотел идти дальше, свободное разрешение вернуться. Еще почти восемь тысяч воспользовались этим разрешением.

Он обошел восточную оконечность Пиренеев, где горы пологим склоном спускаются к морю, и остановил свою армию на несколько дней в Русино (Русильон). При осмотре оказалось, что потери, которые он понес, вместе с двадцатью двумя тысячами человек, которых он оставил в Каталонии или которые ушли домой, сократили его пехоту до пятидесяти тысяч, а кавалерию до девяти тысяч. С этими силами он почти без сопротивления продвинулся к берегам Роны.

Теперь пришло время узнать, что делали римляне, чтобы противостоять надвигающейся опасности. Сенат не бездействовал. Но он действовал исходя из предположения, что Вторая Пуническая война, как и Первая, будет вестись на чужой территории. Почти забавно сравнивать их ожидания с результатом. Плебейский консул Т. Семпроний Лонг был отправлен в Лилибей с большим флотом с приказом вторгнуться в Африку; другой консул, П. Корнелий Сципион, должен был высадиться в Испании и выступить против Ганнибала. И очевидно, что сенат считал эту службу менее важной из двух, потому что он задержал армию Сципиона, а не армию Семпрония, чтобы подавить восстание, которое вспыхнуло в Цизальпийской Галлии в результате действий триумвиров, которые были посланы для распределения конфискованных земель боев и инсубров среди колонистов Плацентии и Кремоны. Как раз в это время прибыли посланцы Ганнибала, и галлы бросились к оружию. Чтобы подавить это восстание, один из легионов Сципиона был отправлен в спешном порядке, и консул не мог отплыть в Испанию, пока не собрал новый легион. Его войска собрались в Пизе, и он как раз поднимал якорь, чтобы отплыть в Испанию, когда узнал, что Ганнибал уже перешел Пиренеи.

Узнав об этом, он зашел в союзный город Массилия (Марсель) и высадился там, намереваясь остановить поход Ганнибала на Рона. Он не ожидал его там еще некоторое время, поэтому дал своей армии несколько дней отдыха, а сам отправил разведывательный отряд из трехсот отборных всадников вверх по левому берегу реки под надежным руководством массилютов.

Но Ганнибал переправился через Рона, пока эти всадники поднимались вверх по течению. Он достиг реки недалеко от Авиньона, примерно в пятидесяти милях от побережья. Сама река широкая, а ее течение быстрое, что стало пословицей. Но, помимо этих естественных трудностей, он обнаружил, что левый берег занят большим отрядом галлов. Тогда он немедленно приступил к подготовке к форсированию реки. После двух дней, потраченных на захват лодок и строительство плотов, он послал Ганнона, сына Бомилкара, с сильным отрядом кавалерии переправиться через реку примерно в двадцати милях выше по течению, чтобы обойти галлов с тыла. На утро третьего дня после его отправления Ганнон сообщил Ганнибалу о своем прибытии столбом дыма, и карфагеняне немедленно пустили свои лодки и плоты по течению. Галлы стеклись к берегу, размахивая оружием и издавая дикие крики вызова. Но когда лодки были уже посреди реки, сзади раздался крик, и, оглянувшись, варвары увидели свои палатки в огне. Они поспешили назад и были атакованы Ганноном с его кавалерией. Тем временем первые подразделения армии, формирующиеся под присмотром генерала, завершили разгром галлов, и до конца дня карфагеняне расположились лагерем на месте пребывания врага. Вся армия, за исключением слонов, переправилась через реку. Именно в этот день Сципион отправил из Марселя триста всадников.

На следующее утро (шестое после его прибытия на Рон) до Ганнибала дошла весть о высадке римлян. Тогда он немедленно отправил отряд из пятисот нумидийских всадников на разведку, а сам провел день, готовясь к переправке слонов. В этот момент из Италии прибыли несколько вождей боев и инсубров, чтобы сообщить ему о том, что их народ делает и сделал против римлян, и ярко описать богатство и красоту земли, которая примет его после тягот альпийского перевала. Эта новость произвела большое впечатление на армию, которая была несколько обескуражена сопротивлением галлов на Роне.

ГАННИБАЛ

Вечером нумидийская конница вбежала в лагерь в большом беспорядке, потеряв половину своего состава. На некотором расстоянии появилась группа кавалерии, преследовавшая их, которая, увидев карфагенский лагерь, остановила лошадей, а затем развернулась и ускакала вниз по реке. Это была разведывательная группа Сципиона, которая столкнулась с нумидийцами и разгромила их.

Ганнибал, обнаружив, что враг находится так близко, на следующее утро отправил всю свою пехоту в поход по левому берегу Роны. Сам он остался только до тех пор, пока не убедился, что его слоны, которых теперь было около тридцати, благополучно переправились через реку (), а затем с слонами и кавалерией последовал за армией.

Сципион, со своей стороны, как только услышал, что карфагеняне уже переправились через Рон, поспешил форсированным маршем вверх по реке. Но он прибыл к месту переправы карфагенян только через три или четыре дня после отправления Ганнибала. Было бесполезно преследовать врага в неизвестные регионы, населенные варварскими племенами; и Сципион с досадой подумал, что, если бы он сразу выступил из Марселя, он мог бы успеть помочь галлам перекрыть путь Ганнибалу. Не имея возможности изменить прошлое, он мудро позаботился о будущем. Он отправил своего брата Кнея в Испанию с флотом и консульской армией, считая чрезвычайно важным перерезать связь между Ганнибалом и этой страной, а сам вернулся в Пизу, чтобы принять командование армией, оставленной для подавления галльского восстания. Он рассчитывал встретить армию Ганнибала, измотанную переходом через Альпы, и одержать легкую победу.

Тем временем Ганнибал продолжал свой поход вверх по Роне и, перейдя Изер, оказался на равнинах Дофине, тогда заселенных галлами-аллоброгами. Он продвинулся так далеко на север, примерно на сто миль за место, где пересек Рону, по приглашению вождя, который боролся за власть над племенем со своим младшим братом. Ветераны Ганнибала помогли старшему брату занять власть, и благодарный вождь снабдил армию оружием и одеждой, несколько дней гостеприимно принимал ее и провел до границы своих владений. Это, должно быть, привело их к месту, где Изер выходит из нижней части Альп на равнину,

недалеко от нынешней крепости Гренобль. До этого места нет сомнений относительно маршрута, по которому следовал Ганнибал, но после этого все становится неопределенным.^с

Помимо того, что ни один современный историк не может предложить более авторитетного источника, чем Полибий, для этой части истории, не существует более яркого и драматичного описания перехода через Альпы, чем его. Поэтому мы можем процитировать его полностью.^д

ОПИСАНИЕ ПЕРЕХОДА АЛЬП ПОЛИБИЕМ

Некоторые авторы, писавшие о переходе *Ганнибала* через *Альпы*, развлекают нас удивительными и невероятными рассказами об этом путешествии, не обращая внимания на то, что тем самым они допускают две ошибки, которые история ни в коем случае не допускает, поскольку они вынуждены придумывать собственные ложные версии и часто впадают в противоречия. Ибо, воздавая *Ганнибалу* все почести великого и доблестного полководца, они в то же время заставляют его действовать с величайшей неблагоразумностью, какую только можно себе представить. Затем, когда они попадают в свои собственные выдуманные сети, они вынуждены прибегать к помощи богов и полубогов, которых следует упоминать только в делах, связанных с правдой. Кроме того, они притворяются, что *Альпы* настолько пустынные и недоступны, что не только армии, лошади и слоны не могут их пересечь, но и люди не могут пройти их пешком без невыразимых страданий. Далее они рассказывают нам, что некоторые части Альп настолько пустынные и лишены всякой помощи, что без помощи какого-то божества, которое вело *Ганнибала*, как бы за руку, через эти дикие лабиринты, он и его армия неизбежно погибли бы; это, я говорю, два недостатка историка, которые люди со здравым смыслом легко обнаруживают и не любят. Ибо эти авторы заставляют *Ганнибала*, находящегося на пике своих надежд во главе процветающей победоносной армии, совершать такие поступки, которые вряд ли были бы совершены народом, уже побежденным, разгромленным и доведенным до крайней степени отчаяния, а именно: вступать в сражение со своими войсками в совершенно неизвестных странах и местах. Ведь, рассказывая нам, что все было опустошено и заброшено, а страна нигде не проходима, разве они не обвиняют сами себя в подложности своих утверждений? Но они не знали, что *галлы*, населяющие окрестности *Роны*, часто пересекали Альпы с многочисленными армиями задолго до времени *Ганнибала*; и не только до сих пор, но и в последнее время они маршировали на помощь *галлам*, живущим в окрестностях *По*, во время их войн с *римлянами*. Кроме того, им предстояло узнать, что даже сами Альпы заселены многочисленными народами; но именно их невежество привело полубога, чтобы показать *Ганнибалу* путь. В этом они следуют поэтам, которые в своих трагедиях, имея в основном только вымысел и экстравагантные приключения в качестве темы своих пьес, не могут ничего красиво осуществить без бога или механизма.

Совершенно верно, что *Ганнибал* вел свои дела не так, как убеждают эти авторы, а как мудрый и способный полководец. И нет никакого сомнения, что он хорошо знал, что страна, в которую он вел свою армию, была плодородной и изобилующей всем, а ее жители были враждебно настроены по отношению к *римлянам*; что с ним были в качестве проводников сами жители этой страны, которые обязались разделить с ним все его удачи. Что касается меня лично, я говорю об этом с тем большей уверенностью, что не только получил

информацию от тех, кто жил в те времена, но и, чтобы меньше подвергаться риску ошибки, сам совершил путешествие в *Альпы* для получения более полной информации.

Ганнибал, пройдя за десять дней около ста миль вдоль реки *Роны*, столкнулся с огромными трудностями после того, как его армия вошла в горы; и по правде говоря, *аллоброды* не имели намерения нападать на них, пока те шли по равнинам, опасаясь как их конницы, так и *галлов*, сопровождавших армию. Но как только они ушли, и *Ганнибал* начал подниматься в горы, они собрались в большом количестве и заняли позиции, по которым *Ганнибал* должен был неизбежно пройти; и, несомненно, если бы они дольше оставались в укрытии, *карфагенская* армия подверглась бы огромной опасности; но, будучи обнаруженными *Ганнибалом*, они, хотя и причинили ему некоторый вред, были вознаграждены равными потерями. Как только *Ганнибал* узнал, что *варвары* овладели перевалами, он приказал своей армии остановиться и на ночь разместиться в укрытии среди скал и крепостей (). Тем временем он отправил отряд *галлов*, которые служили ему проводниками, чтобы выяснить расположение врага и узнать как можно больше о его намерениях. Узнав, что они дежурят в этих местах только днем, а ночью уходят в недалекий город, он нашел способ обойти эту неудобную ситуацию: он разбил лагерь при свете дня и медленно продвигался со своей армией, пока не прибыл недалеко от пролива, где разбил лагерь недалеко от врага и велел разжечь костры в лагере около первой ночной стражи, где он оставил большую часть своих войск, а сам тем временем с отрядом своих лучших людей перешел пролив ночью; и пока враг, по своему обыкновению, отступал в город, он занял те посты, где они раньше обычно держали стражу.

Когда на рассвете враг обнаружил, что произошло, он не сразу решил, что делать; но когда он заметил большое количество багажа и понял, что конница не может оказать ему никакой помощи, поскольку из-за узких, каменистых и изрезанных дорог она могла двигаться только по ущельям, он решил перейти в наступление. И теперь, когда *варвары* набросились на них со всех сторон, а сама дорога была почти так же страшна, как и враг, *карфагеняне* понесли большие потери, особенно в лошадях и вьючных животных; поскольку дорога была прямой, каменистой и извилистой, вьючные животные легко падали и теряли равновесие, скатываясь в обрывы. Но наибольшие неприятности доставляли раненые лошади, которые, падая от ран среди других животных и пытаясь подняться и встать на ноги на такой узкой и переполненной дороге, сбивали других, пытаясь спастись, что вызывало большие трудности и суматоху.

Увидев и поняв это, *Ганнибал*, который хорошо знал, что армия не сможет выжить без своих вьючных животных, которые несли все необходимое, немедленно покинул занятые им позиции и пришел на помощь тем, кто оказался в тяжелом положении во время перехода; напав на врага с возвышенности, он нанес ему большой ущерб. Но беда была в том, что его собственные люди пострадали не меньше: из-за страха, усилившегося повсюду из-за этой новой суматохи, многие потерпели неудачу и погибли в толпе; но в конце концов большинство *аллобродов* были убиты на месте, а остальные спаслись бегством. А теперь их лошади и другие животные, после некоторого отдыха, с большим трудом и затруднением были проведены через пролив; но *Ганнибал*, избежав этой опасности, сам с хорошим отрядом двинулся на город, который приютил врага, и взял его без сопротивления, найдя его почти совершенно пустым, так как все жители ушли в надежде на добычу. Это приключение оказалось очень полезным для его дел, как в настоящем, так и в будущем: здесь он вернул многих людей, лошадей и других животных, которые попали в руки врага, а также скот и зерно, достаточные для пропитания армии в течение трех дней.

Но, прежде всего, ужас, который он навел этим успехом на окрестные места, был таким, что ни один из *галлов*, населявших города, мимо которых он должен был пройти, не

причинял ему ни малейшего беспокойства во время его прохода. В этом городе *Ганнибал* разбил лагерь, где он остался на день, чтобы отдохнуть и подкрепить свою армию, а затем продолжил свое путешествие. Три дня он шел без проблем и тревог, но на четвертый день он попал в большую опасность. Жители городов, расположенных на его пути, тайно сговорившись против него, встретили его, однако, с оливковыми ветвями и венками из цветов, которые у варваров являются символами мира и дружбы, как *кадуцей* у греков. *Ганнибал*, который к тому времени уже знал, насколько можно доверять этим людям, попытался с помощью вопросов выяснить их намерения.

Они сказали ему, что получили известие о его успехе против города и о потере и поражении тех, кто напал на него во время похода, но что они пришли, чтобы заверить его, что не намерены причинять ему вреда и не допустят, чтобы кто-либо другой причинил ему вред, и что они готовы дать ему заложников в знак своей верности. *Ганнибал* долго не мог решить, что делать, не имея большого доверия к их искренности; но, в конце концов, взвесив, что, если он покажет, что верит им, это может повлиять на их доброжелательность и постепенно привлечь их к себе, и что в случае отказа они могут сразу стать его врагами, он притворился, что соглашается с их предложением, и, как и они, показал готовность заключить с ними мир. Короче говоря, после того как эти варвары дали ему гарантии своего мирного поведения, снабдили его армию провизией и общались с *карфагенянами* со всей свободой и уверенностью, *Ганнибал* начал лучше относиться к их искренности и принял их услуги в качестве проводников по многим оставшимся трудным путям, по которым им предстояло пройти. Однако, после того как они провели армию таким образом в течение двух дней, они наконец собрались все вместе и атаковали арьергард в ущелье, или узком проходе, когда тот шел по долине, полной скал и неровностей.

Вероятность того, что *карфагенская* армия была бы здесь полностью уничтожена, была велика, если бы их полководец, который таил тайные сомнения в доброжелательности этого народа, не предотвратил злоумышленный заговор, приказав своей кавалерии и обозу идти впереди армии, а лучшим пехотинцам — прикрывать тыл. Но, распорядившись таким образом, он уменьшил свои потери, поскольку его пехота в арьергарде оказалась достаточной, чтобы остановить насилие этой попытки. Тем не менее, они понесли большие потери как в живой силе, так и в лошадях; а враг, который владел землей над ними, навел такой ужас на армию, сбрасывая на них с обрывов огромные камни и скалы и обрушивая на их головы град камней, что *Ганнибал* был вынужден разместиться на ночь на вершине возвышенности, под открытым небом, вместе с той частью армии, которая была с ним, вдали от конницы, остальных войск и обоза, чтобы лучше прикрыть и защитить их от опасности; те с большим трудом смогли пройти через долину за всю ночь.

Утром, когда враг уже отступил, *Ганнибал* соединился со своей армией и обозом и двинулся к вершинам *Альп*. После этого *галлы* больше не пытались атаковать их большими отрядами, а действовали небольшими группами и с меньшим рвением, чем раньше; тем не менее, нападая то на авангард, то на арьергард армии, они редко упускали возможность захватить часть обоза. Слоны оказались очень полезными для *карфагенян* в этих столкновениях, поскольку везде, где они появлялись, они настолько пугали врага, что армия благодаря этому продвигалась с гораздо меньшими затруднениями. Через девять дней после этого *Ганнибал* достиг вершины гор, где остановился на два дня, желая дать отдохнуть тем из своей армии, кто дошел до этого места без ранений и болезней, и дожидаться прибытия остальных войск, которые еще отставали. Во время этой остановки многие лошади и вьючные животные, которые отстали и заблудились, сами вернулись, следуя по следам армии, к великому удивлению зрителей.

Но поскольку в горах еще лежал большой снег (зима там еще не совсем закончилась), *Ганнибал*, заметив, что его солдаты несколько обескуражены из-за уже перенесенных страданий и опасаются того, что их еще ждет, созвал армию, чтобы поговорить с ней и вдохновить ее новой решимостью; лучшего способа для этого он не мог найти, чем показать ей и дать ей обильный вид на *Италию*, которая, одним словом, так красиво лежит перед глазами, раскинувшись у подножия этих гор, что кажется, будто природа создала их как вал, чтобы прикрывать и защищать ее. Так он показал им равнину, простирающуюся вокруг реки *По*, и дал им понять, как радушно их примут жители этой местности. Он также указал им, где находится город *Рим*, и этим уловкой воодушевил свою измученную армию.

На следующий день он снял лагерь и начал спуск с гор; теперь враг больше не беспокоил их во время марша, за исключением нескольких небольших разрозненных отрядов, которые скорее ждали случая пограбить, чем сражаться. Однако потери *Ганнибала* не уменьшились из-за большого количества снега и чрезвычайно тяжелого марша, который сильно ослабил армию. И спуск не был намного легче, потому что из-за узких, крутых и скользких троп и глубины снега солдаты не знали, куда безопасно ставить ноги, ведь при каждом поскользывании они рисковали погибнуть, провалившись в бездну или обрыв, скрытые под снегом. Тем не менее, долгая практика в этих трудностях и опасностях научила их терпеливо переносить все: но, наконец, дойдя до места, где ни слоны, ни лошади не могли пройти, путь, который и без того был очень крутым, а теперь, из-за обрушения части земли, стал еще более трудным, возобновил их страхи, что было очевидно для всей армии. В связи с этим происшествием *Ганнибал* принял решение попробовать другой путь, обойдя эти горы, хотя никаких признаков прохода не было видно; но поскольку большие снега делали это решение слишком рискованным, так как все места были покрыты и скрыты от глаз, он изменил свое намерение.

Между тем, на остатки снега, оставшегося с прошлой зимы, выпало много нового снега; последний был рыхлым и еще не глубоким, поэтому солдаты могли по нему твердо ступать; но как только они наступили на него, он растаял и превратился в грязь и трясину; в результате чего снег прошлого года, замерзший под ним, стал таким же скользким, как и лед, и никто не мог удержаться на ногах; а когда они пытались поддержаться на руках и коленях, они часто скользили и проваливались в ямы и обрывы. Когда их лошади поскользнулись, они своим весом и усилием пробили лед под собой и оказались погребенными и замерзшими насмерть.

Тогда *Ганнибал*, отчаявшись пройти этим путем, разбил лагерь со своей армией у входа в этот перевал, сначала приказав убрать снег, покрывавший всю землю, а затем с помощью своих солдат проложил путь в самом холме и с невыразимыми мучениями наконец прошел через него. Так за один день он проложил путь для своих лошадей и других животных, которые сразу же двинулись вперед. Теперь, разбив лагерь, он послал своих лошадей и других животных на поиски корма и отдыха, поскольку они могли выйти на пастбище, где земля не была покрыта снегом. Тем временем он приказал *нумидийцам* проложить путь для слонов, что стоило им трех дней тяжелого труда, но в конце концов они проложили путь для этих животных, которые сильно страдали и были почти мертвы от голода. Ибо ни в этой части *Альп*, ни в окрестностях не было ни корма, ни деревьев; земля была покрыта снегом зимой и летом, но на более низких землях со всех сторон росли леса и кустарники, и в окрестностях не было ни одного места, которое было бы непригодно для проживания.

После того как *Ганнибал* объединил свои войска, он продолжил свой поход и за три дня прошел эти трудные и неудобные места, о которых мы рассказали, и вернулся на равнины, хотя и с большими потерями среди своих людей; многие погибли от рук врага, многие

утонули при переходе рек, а многие умерли от болезней и тягот похода к *Альпам* и через них. И так как он потерял много людей, то его потери лошадей и других вьючных животных были еще больше.

Одним словом, после пятимесячного похода с момента отправления из *Нового Карфагена* и пятнадцатидневного перехода через *Альпы* он смело продвинулся в равнинную местность, расположенную около реки *По* и границ *инсубров*. Из войск, которые вышли с ним, теперь осталось: около двенадцати тысяч *африканцев*, восемь тысяч *испанцев* и шесть тысяч всадников, согласно его собственному реестру, оставленному им и выгравированному на колонне в *Лацинии*, где было указано это число. Примерно в это же время *Публий Корнелий*, оставивший свои войска у своего брата *Кнея*, чтобы вести войну против *Асдрубала* в *Испании*, отплыл в *Пизу*.^{[d](#)}

ГАННИБАЛ В ИТАЛИИ

[218-217 гг. до н. э.]

Ганнибал спустился в горы салассов и продвинулся в дружественную страну инсубров (миланцев), где он дал своим войскам возможность отдохнуть и снабдил многих из своих всадников свежими лошадьми. Он вознаградил инсубров за их услуги, выступив против враждебного племени тауринов, чью столицу (Турин) он взял штурмом.

Был декабрь. Он двигался по левому берегу По, выше его слияния с Тицином, на пьемонтской стороне последней реки, когда его кавалерия вступила в столкновение с римской конницей, которой командовал сам консул Сципион.

Сципион вернулся в Пизу, откуда двинулся на север, чтобы встретить Ганнибала, спускавшегося с Альп. Он переправился через По близ Павии, построил мост через Тицинус, чтобы обеспечить себе отступление, и, перейдя эту реку, начал продвигаться по левому берегу По, как раз в тот момент, когда Ганнибал спускался по нему. Оба полководца шли впереди со своей кавалерией и неожиданно увидели друг друга. Затем последовала ожесточенная схватка, в которой римляне потерпели поражение. Консул был тяжело ранен, но его жизнь спасла преданность лигурийского раба или, как утверждают другие, его сын Публий, впоследствии великий Африкан, тогда еще семнадцатилетний юноша. Он отступил к основным силам и переправился через Тицину так быстро, что, разрушив мост, оставил шестьсот человек, которые попали в руки Ганнибала. Это была стычка при Тицине, которая доказала превосходство Ганнибала в кавалерии. Она привела к тому, что галлы-бои на юге По объявили о своей поддержке Ганнибала.

Ганнибал, продолжая свой поход вниз по По, переправился где-то ниже Плацентии; а Сципион, не находя своего положения вблизи этого города безопасным, отступил на запад, чтобы поместить Требию между собой и Ганнибалом. На левом берегу этой реки он укрепил сильный лагерь с целью дожидаться прибытия своего коллеги Семпрония, которому сенат приказал поспешить из Сицилии на север Италии. Ганнибал последовал за римлянами и разбил лагерь на правом берегу Требии, откуда он мог их видеть. Здесь он получил предложение от жителя Брундизия, который отвечал за римский склад в Кластидиуме, городе в тылу Сципиона, предать это место; и, должно быть, именно во время его отсутствия в этом районе Семпроний присоединился к Сципиону. Семпроний, не осмеливаясь в это время года плыть прямо из Сицилии в Пизу, отправил свою армию через Мессинский пролив с приказом собраться в Ариминуме; и они были настолько быстры, что проделали весь путь от Лилибея до лагеря Сципиона за сорок дней. Сципион пытался отговорить Семпрония ()

от рискованного общего сражения, но тщетно; и, по-прежнему будучи ограниченным последствиями своей раны, он был вынужден оставить всю армию под руководством своего коллеги. Ганнибал (), со своей стороны, был нетерпелив к сражению. Галлы начали жаловаться на бремя двух армий в своей стране, и победа была необходима, чтобы удержать их на своей стороне.

Требия — это горный поток, который летом журчит по широкому гравийному дну, настолько мелкому, что пешеход может перейти его, не обращая внимания, но зимой или после сильных дождей он превращается в глубокий и быстрый поток. Было уже почти конец декабря, и Ганнибал решил, что не будет переходить воду, чтобы атаковать римлян, а заставит их перейти ее, чтобы атаковать его. Он осуществил свой замысел с большим мастерством. Слева от него находилась своего рода канава, густо заросшая камышом и кустарником, в которой он спрятал своего брата Маго с тысячей пехотинцев и стольким же всадников. Затем, ранним утром, он послал своих нумидийских всадников через реку и приказал всей армии подготовиться к холодному дню, натерев себя маслом и плотно покушав.

Как только Семпроний увидел, что нумидийцы переправляются через реку, он послал им навстречу свою кавалерию численностью около четырех тысяч человек, а затем вывел всю свою армию, насчитывавшую около тридцати шести тысяч человек, для поддержки атаки. Нумидийцы притворились, что потерпели поражение, и бежали через реку. Римляне погнались за ними, но вода доходила до груди и была смертельно холодной; шел мокрый снег, который восточный ветер гнал им в лицо; и когда они достигли другого берега, они были полумертвы от холода, мокрой одежды и голода. Их вероломные враги теперь вышли с обеих сторон и выстроили пехоту Ганнибала в боевом порядке с остальной частью кавалерии и слонами по обеим сторонам. Римская кавалерия, которая также находилась на флангах, была значительно превосходила по численности и вскоре была обращена в бегство; но легионы и союзники мужественно держались на своих позициях, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства, пока Маго не вышел из засады и не атаковал их с тыла. Тогда началось всеобщее бегство. Однако отряд из десяти тысяч человек прорвался через карфагенские линии к Плацентии; остальные были отброшены с большими потерями к Требии, где многие утонули, но значительное число, в том числе и сам консул Семпроний, благополучно переправились через реку.

Битва при Требии положила конец первой кампании Ганнибала. Два консула с остатками своих войск сумели укрыться в Плацентии и Кремоне, а затем благополучно отступили в Ариминум. Семпроний отправил домой приукрашенный отчет о сражении, но роковая правда вскоре вышла наружу. Две консульские армии были разгромлены; Цизальпийская Галлия была оставлена на произвол карфагенян.

В 217 г. до н. э. сенат провел большие приготовления к следующей кампании. Сицилия, Сардиния и Тарент были укреплены гарнизонами против карфагенского флота; новые консулы должны были не допустить Ганнибала в римскую Италию. Патрицием-консулом в том году был Гн. Сервилий, а плебеем — Г. Фламиний. Как известно, Фламиний занимал эту высокую должность в 223 г. до н. э. и, пренебрегая приказами сената, одержал великую победу над инсубрийскими галлами. Как цензор, он до сих пор остается в памяти за то, что построил Фламиниеву дорогу, великую магистраль из Рима через Сабинскую страну в Ариминум. Он завоевал необычайную популярность благодаря радикальному аграрному закону, разделившему прибрежные земли Умбрии и Пицена между множеством бедных граждан. Это был человек, избранный по воле народа для противостояния Ганнибалу — храбрый и великодушный, но авантюрный и безрассудный. Опасаясь, что сенат может еще запретить ему занимать должность консула, сославшись на предзнаменования, он покинул

город до ид мартовских (^[51]), которые в то время были днем вступления консулов в должность (). Но никаких попыток в этом направлении предпринято не было. Сервилий был отправлен в Ариминум для охраны Фламиниевой дороги; сам Фламиний занял пост в Ареции, чтобы следить за перевалами Апеннин.

С приближением весны Ганнибал был полон желания покинуть Цизальпийскую Галлию. Его друзья, инсубры и бои, как бы ни хотели они освободиться от римского ига, не были рады принимать у себя большую армию. Они были известны своей непостоянностью, и Ганнибал настолько не доверял им, что, чтобы предотвратить покушения на свою жизнь, постоянно носил маски и парики. Оставив римские колонии Плацентия и Кремона без нападения, он в начале года перешел Апеннины по малопосещаемому маршруту, который привел его в окрестности Пистории и Лукки. Отсюда на восток ему пришлось идти через долину Арно, которая в то время была нездоровым болотом. Здесь его люди и лошади сильно страдали; он сам, заболевая офтальмией, потерял зрение на один глаз и был вынужден прибегнуть к помощи единственного слона, который пережил холода Альп и зиму на севере Италии. В окрестностях Фесула он дал отдохнуть своей армии, которая теперь значительно пополнилась галльскими новобранцами, и вознаградил своих людей добычей Этрурии. Фламиний теперь обнаружил, что его ловкий противник опередил его, а Ганнибал, со своей стороны, с радостью узнал о опрометчивом и авантюрном характере нового консула. Полагаясь на это, он повел свою армию мимо Аретия, где расположился лагерем Фламиний, и, оставив Кортону слева, прошел к Перузии по северной стороне озера Тразименского. Как только Фламиний обнаружил, что карфагенянин прошел мимо него таким презрительным образом, он немедленно двинулся в погоню.

Когда путешественник подходит к северо-западному углу озера Тразимен, дорога поднимается на невысокий хребет, который сейчас называется Монте Гуаландро. Широкое озеро лежит справа от него, и дорога спускается на равнину в форме полумесяца, окаймленную слева холмами некоторой высоты, а между дорогой и озером местность значительно волнистая. Пройдя через эту открытую местность, дорога проходит мимо современной деревни Пассиньяно и поднимается на холм. Именно это место Ганнибал выбрал для ожидания Фламиния. Он разместил своих балеарцев и легкую пехоту в засаде вдоль холмов слева; сам он со своей пехотой расположился впереди, где-то недалеко от Пассиньяно, а его кавалерия укрылась на неровной местности рядом с озером, готовая наброситься на тыл римлян, как только те выйдут на равнину. Пока карфагеняне занимали свои позиции, Фламиний разбил лагерь на ночь на тосканской стороне Монте-Гуаландро. Утром над озером и низменностями висел густой туман, так что, продвигаясь вперед, консул ничего не мог видеть. Ганнибал позволил римскому авангарду, состоявшему из шести тысяч человек, пройти Пассиньяно, прежде чем дать сигнал к атаке. Услышав крики битвы позади, авангард с тревогой остановился на холме, на который он тогда поднимался, но из-за тумана ничего не мог видеть.

Тем временем консул с основной армией подвергся нападению со всех сторон. Атакованный спереди испанской и африканской пехотой, справа и сзади галлами и кавалерией, подверженный на левом фланге непрекращающемуся обстрелу пращников и копьеносцев, Фламиний и его люди сделали все, что могли сделать храбрые воины. Они сражались отважно и погибли в бою. Не менее пятнадцати тысяч итальянцев пали на том роковом поле. Такая картина открылась солдатам авангарда, когда туман рассеялся. Ганнибал послал Махарбала преследовать эту дивизию, которая сдалась на условиях дискреции. Те из них, кто были римлянами или латинянами, были все брошены в цепи; итальянские союзники были отпущены без выкупа. Так начал проявляться план Ганнибала по постепенному завоеванию Рима; он не надеялся покорить Рим и Италию с помощью горстки испанских и африканских ветеранов. Они должны были стать ядром великой армии,

состоящей из итальянцев, которые (как он надеялся) присоединятся к его победоносному знамени, как это уже сделали галлы. Он пришел, по его словам, «в Италию не для того, чтобы сражаться против итальянцев, а для того, чтобы сражаться за свободу итальянцев против Рима».

Такова была битва на Тразименском озере. Столкновение было настолько жарким, что участники сражения не почувствовали толчков землетрясения, которое разрушило многие города Италии.

Отставшие, спасшиеся от резни, принесли дурную весть в Рим, и претор, не в силах смягчить потерю, пришел на Форум, где собрался народ, и, взойдя на трибуну, произнес краткие, но значимые слова: «Мы потерпели поражение в великой битве». Ужас был страшен. Ворота были переполнены матерями и детьми, которые с нетерпением расспрашивали беглецов о судьбе своих сыновей, отцов и родственников. Каждый час ждали Ганнибала. Прошло три дня, а он не приходил, но пришла весть о новой катастрофе. Кн. Сервилий, другой консул, как только услышал о присутствии Ганнибала в Этрурии, решил немедленно присоединиться к своему коллеге и послал впереди себя четыре тысячи всадников в знак своего скорого прибытия. Ганнибал, узнав об их приближении, отделил Махарбала с отрядом кавалерии и некоторыми легко вооруженными войсками, чтобы перехватить их, и половина римлян была избита.

Среди царившего ужаса только сенат сохранял спокойствие. Он заседал без перерыва, чтобы получать разведданные и обсуждать меры безопасности. Было решено (что было чрезвычайной мерой) призвать народ избрать диктатора, и рекомендованным кандидатом был К. Фабий Максим, человек, известный своей рассудительностью; М. Минуций Руф был также избран его конным магистратом. Фабий проконсультировался с Сивиллиными книгами и посоветовал сенату объявить «священную весну» в соответствии с древним обычаем сабинов. Затем, собрав спасшиеся войска и пополнив их ряды новыми рекрутами, он послал за армией Сервилия и таким образом с четырьмя легионами и их вспомогательными войсками приготовился выйти в поле.

Между тем действия Ганнибала избавили римлян от всякой непосредственной опасности. По-видимому, он не питал больших надежд на помощь этрусков, ибо сразу же направился на север по Фламиниевой дороге в Пицену, грабя по пути все римские поселения. Здесь он провел лето в покое. Когда погода стала прохладнее, он продвинулся вдоль побережья Адриатики в Апулию, по-прежнему грабя по пути. Солдаты наслаждались изобилием Италии: говорят, что они купали своих лошадей в вине. Но колонии Луцерия и Венузия, как и раньше, отказали захватчику во входе, и Ганнибал снова перешел Апеннины в нижнюю часть Самния, где Беневентум, также колония, бросил ему вызов, как и остальные.

К этому времени Фабий вышел на поле боя. Он решил не рисковать сражением. Его план кампании состоял в том, чтобы двигаться по высотам, чтобы держать Ганнибала в поле зрения, перерезать его снабжение, перехватить его связи и всячески преследовать его, не вступая в общее сражение. Это не было в интересах Ганнибала. Он хотел сразиться в еще одной великой битве и одержать еще одну великую победу (для него это было одно и то же), чтобы недавно покоренные самниты и итальянцы поднялись и присоединились к нему. Несомненно, с целью спровоцировать Фабия на сражение или показать итальянцам, что римляне не осмеливаются сражаться с ним, Ганнибал спустился из Беневентума по Вультурну в богатую Фалернскую равнину.^[52]

Здесь жили римские граждане; это был сад Италии: разве диктатор не будет сражаться, чтобы защитить их и их страну от грабителя? Нет: Фабий продолжал свою осторожную политику. Он закрыл все проходы, ведущие из равнины, где теперь развлекались солдаты Ганнибала, и терпеливо ждал, думая, что поймал захватчика в ловушку. Но хитрый

карфагенянин ускользнул от него с помощью простой уловки. Собрав волов из этой благодатной местности, он приказал привязать к их рогам вязанные венки и зажечь их, как только наступит ночь; и таким образом животные, в страхе бросая головы и размахивая пламенем, были загнаны на перевал, ведущий из Теанума в Аллифы. Войска, охранявшие этот перевал, в панике бежали на высоты горы Калликула, оставив свободный проход для карфагенской армии. Когда наступило утро, Ганнибал безопасно расположился лагерем недалеко от Аллифы. Оттуда он продолжил свой разрушительный поход () через земли Пелинья и Френтаний, пока снова не достиг Апулии, где обосновался на сильной позиции недалеко от Герония для зимних квартир. Место было теплым и солнечным; зерно и провизия были в изобилии.

Римский полководец

Фабий, однако, несмотря на то, что был огорчен побегом Ганнибала из Кампании, продолжал заслуживать свое прозвище «медлительный» и, следуя за Ганнибалом, как и прежде, занял позицию в Ларинуме, в пяти или шести милях от лагеря врага.

Теперь его отозвали в Рим, якобы для того, чтобы он возглавил некоторые священные службы, но на самом деле для того, чтобы он отчитался за свое поведение. Он обнаружил, что народ очень недоволен. Он несколько месяцев командовал двумя консульскими армиями и не сделал ничего хорошего; он допустил, чтобы земли римских колонистов в Апулии и Самнии, земли римских граждан в Кампании были опустошены и разорены на его глазах.

Это недовольство разжигал Минуций, командующий конницей, который остался командующим в Ларинуме. Несмотря на приказ диктатора не рисковать, он продвинул свой лагерь на две мили к Ганнибалу, добился некоторых успехов в стычках с карфагенскими разведывательными отрядами и отправил домой красочные донесения, описывающие его успехи. Настроения народа достигли своего апогея, и Теренций Варрон стал их рупором. Этот человек был мелким торговцем по профессии, сыном мясника, но в предыдущем году он был претором, а теперь был кандидатом в консулы. Он обладал великолепной красноречивостью и заставил сенат согласиться на закон, который давал Минуцию равные с диктатором полномочия. Фабий спокойно уступил половину армии своему бывшему подчиненному и вскоре был вознагражден за свою умеренность. Ганнибал обнаружил опрометчивый характер нового командующего и выманил его на битву. Минуций потерпел бы такое же полное поражение, как Фламиний на Тразименском озере, если бы не появился

бдительный Фабий; тогда Ганнибал отвёл своих людей, а Минуций, признав Фабия своим спасителем, просил у него прощения и вернулся на свой пост коменданта конницы. Вся армия вернулась в свои прежние кварталы в Ларинуме.

[217-216 гг. до н. э.]

Так закончилась вторая кампания, не принеся большого удовлетворения ни одной из сторон. Ганнибал надеялся, что к этому времени вся южная Италия восстанет как один человек против Рима. Он продемонстрировал свое господство на поле боя; везде, где римские солдаты осмеливались встретиться с его войсками, они терпели тяжелые поражения. Он проявлял всю снисходительность к итальянским пленникам, хотя всех римских граждан казнил мечом. Но ни один город еще не открыл ему свои ворота. Галлы с севера были единственным народом, который присоединился к нему после того, как он пересек Альпы. Римляне, конечно, продолжали жестоко страдать, и их обычные доходы были сильно сокращены. Было решено, что в предстоящей кампании необходимо приложить огромные усилия; против Ганнибала должна была быть направлена подавляющая сила; его нужно было сокрушить, если не умением, то численностью.

Когда настал день выборов консулов, из шести кандидатов только Г. Теренций Варрон получил достаточное количество голосов в любом племени, чтобы быть избранным. Трудно определить истинный характер этого человека. Его энергичная красноречивость завоевала доверие народа, но совершенно очевидно, что он не был полководцем, и его избрание было воспринято сенатом как общественное несчастье. Варрон сам председательствовал на выборах своего коллеги, и сенат, стремясь обеспечить себя способным полководцем, выдвинул кандидатом Л. Эмилия Павла. Павел продемонстрировал свои способности во время своего предыдущего консульства, когда он завершил Иллирийскую войну за одну кампанию. Его манеры были непопулярны, но сенат так убедительно обосновал необходимость этого шага, что он был избран без противодействия.

Таковыми были консулы, избранные для борьбы с Ганнибалом. Их четыре легиона должны были быть добавлены к четырем, которыми командовал Фабий непосредственно перед этим; и эти восемь легионов были увеличены сверх обычной численности, так что вся армия, которой должны были командовать консулы, вместе с союзными войсками насчитывала не менее восьмидесяти тысяч пехотинцев и более шести тысяч всадников.

В 216 году бывшие консулы (Атилиус сменил Фламиния), теперь служащие проконсулами, двинувшись из Ларина на юг в направлении Венусии, занялись созданием складов в Канузиуме и Каннах; на равнине недалеко от последнего места был разбит их лагерь. С наступлением весны у Ганнибала закончились запасы продовольствия; к этому времени он получил подкрепление из Цизальпийской Галлии, совершил быстрое продвижение и захватил римский склад продовольствия в Каннах, разбив лагерь недалеко от этого места, на левом берегу Ауфида. Проконсулы отправили домой известие об этой катастрофе, но получили строгий приказ продолжать оборону до прибытия консулов, которые должны были принять командование. Однако прошло некоторое время, прежде чем это произошло, и, безусловно, не раньше конца июля, поскольку великая битва, о которой сейчас пойдет речь, произошла 2 августа ([1531](#)) и была сражена вскоре после прибытия консулов.

Консулы немедленно переместили армию в окрестности Ганнибала с намерением вступить в сражение. Но когда Павел увидел открытую равнину, он захотел отложить сражение и маневрировать так, чтобы заманить врага на местность, менее благоприятную для действий кавалерии. Варрон, однако, был другого мнения, и здесь проявилось зло,

заклучавшееся в том, что оба консула совместно командовали одной армией. Это было повторение того порядка, который так плохо сработал в последние годы с Фабием и Минуцием, с тем дополнительным злом, что консулы, вместо того чтобы разделить армию между собой, поочередно принимали командование всей армией. По конституции консулы были равны, и Варрон был слишком уверен в успехе, чтобы уступить своему более опытному коллеге. Эмилий горько ощутил правдивость напутствия Фабия: «Помни, что тебе придется противостоять не только Ганнибалу, но и Варрону».

В первый день своего единоличного командования Варрон переместил всю армию на правый берег Ауфида, между Каннами и морем, так что только река отделяла римский лагерь от лагеря карфагенян. На следующий день Эмилий укрепил небольшой лагерь на левом берегу реки, напротив Ганнибала, чтобы обеспечить переправу через реку, но решительно отказался от сражения. Однако на третий день, когда наступило утро, над палаткой Варро появилось красное знамя, которое было римским сигналом к сражению. Воины обрадовались этому; они были утомлены долгой бездеятельностью; они были уверены в своей численности, и решимость их любимого Варро была встречена бурными аплодисментами.

Когда Эмилий понял, что сражение должно состояться на равнине Канн, он сделал все возможное, чтобы поддержать своего коллегу. Вся армия была выстроена лицом почти к югу, правым флангом опираясь на реку Ауфидус. Римская кавалерия, насчитывавшая всего две тысячи четыреста человек, находилась на этом правом фланге; левый фланг был покрыт аналогичным образом кавалерией союзников. Эмилий командовал на правом фланге, Варро — на левом; центр находился под командованием проконсулов Сервилия и Атилиуса. Следует особо отметить, что легионеры и пехота союзников были выстроены не в открытую линию, как обычно, а в глубокие и плотные ряды, почти как фаланга. Выше уже отмечалось, насколько эффективна была фаланга на равнинной местности, и, вероятно, консулы полагали, что с помощью этих плотных массивов пехоты они смогут оказать более полное сопротивление грозной кавалерии Ганнибала.

Но Ганнибал умело воспользовался этим плотным строем и сформировал свою линию соответственно. Он переправился через реку рано, как только увидел, что римляне движутся. Испанскую и галльскую пехоту, значительно уступавшую римлянам по численности, он выстроил в удлинённую линию, равную по длине линии противника, но гораздо менее глубокую и массивную. Эта линия продвигалась в выпуклой форме, и на каждом конце он разместил своих африканцев, чтобы сформировать две фланговые колонны с узким фронтом, но большой глубиной. Сам он вместе со своим братом Маго командовал пехотой. На его левом фланге, рядом с рекой, находилась тяжелая кавалерия Испании и Галлии под командованием офицера по имени Гасдрубал, не являвшегося братом генерала. Справа находилась нумидийская легкая кавалерия под командованием Махарбала.

После нескольких нерешительных стычек между легкими войсками, настоящая битва началась с конфликта на берегу реки между римской кавалерией и конницей Гасдрубала. Последние значительно превосходили противника по силе и атаковали с такой эффективностью, что загнали римскую конницу через реку.

Тем временем римские легионы и их союзные пехотные войска неуклонно продвигались к центру армии Ганнибала. Описанная выше длинная линия в форме полумесяца не смогла выдержать удара. Генерал и не ожидал этого. Напротив, он приказал центру отступить так, чтобы образовать вогнутую фигуру, а затем вся линия медленно отступила, чтобы привлечь римские массы между африканскими фланговыми колоннами. Римляне с нетерпением преследовали отступающего врага, но по мере их продвижения африканцы атаковали римлян с обоих флангов. Последние, сгустившись и подвергаясь нападению с обеих сторон,

впали в большую неразбериху, и лишь немногие из их огромной армии могли использовать свое оружие. Но консул Эмилий, который был ранен пращей в начале сражения, сумел восстановить некоторую форму порядка, и казалось, что битва еще не проиграна, когда Гасдрубал напал на тыл легионов, и разгром стал полным.

Этот способный полководец, уничтожив римскую кавалерию, повел свою тяжелую конницу на другое крыло, где он обнаружил нумидийцев, сражающихся с союзной кавалерией. Последние в панике бежали, и Гасдрубал, оставив Махарбала преследовать их, совершил решающую атаку на тыл легионов, которая завершила разгром римской армии.

Тогда сражение превратилось в настоящую резню. Римляне и их союзники, смешавшиеся в беспорядочную массу, были убиты со всех сторон. Пал консул Эмилий. Варро с семьюдесятью всадниками бежал в Венузию. Другие группы беглецов успешно отступили в Канузиум; несколько тысяч укрылись в лагерях. Но на кровавом поле сражения в тот вечер лежали мертвые, по самым скромным подсчетам, более сорока тысяч римских пехотинцев и три тысячи всадников. Потери в кавалерии повлекли за собой гибель некоторых из самых богатых и выдающихся людей Рима. Вместе с ними пали один консул, два проконсула, два квестора, двадцать один из сорока восьми трибунов и не менее восьмидесяти сенаторов. Все, кто укрылся в лагере, на следующий день сдались на милость врага. Потери Ганнибала оцениваются по-разному: от шести до восьми тысяч человек.

Такова была битва при Каннах. История не знает более полного поражения и лишь немногие более кровопролитные. Великая армия, собранная для победы над Ганнибалом, была уничтожена. Можно представить себе лихорадочное беспокойство, с которым все жители Рима следили за консулами в мыслях; те, кто остался в ужасном ожидании, стекались в храмы, приносили обеты, консультировались с авгурами, выискивали предзнаменования и пророчества, не оставляя ни одного средства, чтобы предсказать исход грядущей битвы. Каким должно было быть их смятение, каким — изумление, с которым они восприняли первые неопределенные известия о поражении! Какое отчаяние, какое оцепенение вызвала ужасная реальность!

Среди беглецов, принесших эту весть, был трибун легионов по имени Гнатий Лентул. Уезжая с поля битвы, он увидел консула Эмилия, сидящего на камне, смертельно раненого. Он спешил и предложил ему свою лошадь. Но консул ответил: «Нет, мои часы сочтены: езжай в Рим, найди К. Фабия и скажи ему, чтобы он готовился к обороне города; скажи ему, что Эмилий умирает, как и жил, помня о его наставлениях и примере». Действительно, все взоры теперь были обращены к Фабию. Сенат немедленно собрался, и по его предложению каждый сенатор был наделен полномочиями магистрата; они должны были предотвратить все публичные сетования, помешать народу собираться на Форуме, чтобы тот не принял решений в пользу мира, хорошо охранять ворота, не пропуская никого без специального разрешения. Все боялись увидеть армию Ганнибала, проходящую через Апеннины на равнину Лация.

То, чего боялись римляне, было желанным для карфагенян. «Только пошли меня, — сказал Махарбал генералу, — с кавалерией, и через пять дней ты будешь ужинать на Капитолии». Но Ганнибал думал иначе. Его армия была небольшой; у него не было никаких материалов для осады; Рим был сильно укреплен. Он чувствовал, что одно только появление его армии перед стенами скорее побудит к действию, чем заставит подчиниться из страха; а тем временем может быть упущено благоприятное время для поднятия самнитов и других народов Италии. Он уже вел переговоры с ведущими деятелями Капуи, города, уступающего по величине только Риму, но превосходящего его по богатству. Он решил отправиться туда, как только его люди отдохнут. Когда их союзники покинули их, Рим должен был согласиться на его условия, не доставляя ему хлопот с осадой.

Однако он решил проверить характер римлян и соответственно послал десять главных из своих пленников с предложением выкупить всех, кого он взял в плен. Сенат, по предложению Т. Манлия Торквата, человека, унаследовавшего суровую решительность своего предка, отказался принять послов и приказал всем вернуться, как они и обещали, в лагерь Ганнибала. Ганнибал, сильно разгневанный этим почти презрительным ответом на его предложение, продал большую часть пленных в рабство. Это было обычным обычаем того времени. Но кроме этого, он оставил самых храбрых и благородных юношей, чтобы они сражались как гладиаторы для развлечения его армии, а когда они отказались, казнил их пытками. Этот факт показывает, что в моменты ярости Ганнибал был слишком справедливо подвержен обвинениям в варварской жестокости.

Сенат был теперь занят принятием всех возможных мер для обеспечения безопасности Рима. Общественное возмущение усилилось после того, как выяснилось, что две весталки были виновны в нечистоплотности. Одна из них, согласно закону, была погребена заживо, а другая покончила с собой. Чтобы отвратить гнев богов, Фабий Пиктор был отправлен в Дельфы для консультации с греческим оракулом; и по велению Сивиллиных книг греческий мужчина и женщина, а также галльский мужчина и женщина были заживо похоронены на Форуме, в соответствии с той же ужасной практикой, которая использовалась во время последней Галльской войны. Но к этим суеверным обрядам были добавлены более разумные меры предосторожности. Фабий, с хладнокровием, присущим возрасту и опыту, продолжал руководить их действиями. М. Клавдий Марцелл, теперь претор, был отправлен, чтобы принять командование беглецами в Апулии; ибо пришли депеши от Варрона, в которых он сообщал, что к нему присоединилось около четырех тысяч человек в Венузии и что примерно столько же собралось в Канузии под командованием Аппия Клавдия, молодого П. Сципиона (теперь ему было около девятнадцати лет) и других трибунов. Добавлялось, что некоторые молодые аристократы в Канузиуме, во главе с Метеллом, разработали план бегства из Италии и предложения своих услуг какому-нибудь иностранному князю, отчаявшись в республике; что молодой Сципион немедленно отправился в жилище Метелла и, стоя над ним с обнаженным мечом, заставил его поклясться, что он не покинет республику и не позволит другим сделать это; что, чтобы поддержать благородное поведение Сципиона, Варрон сам перенес свой штаб в Канузиум и прилагал все усилия, чтобы собрать остатки разгромленной армии.

Передав командование Марцеллу, Варрон отправился в Рим. Можно себе представить, с какими чувствами он приближался к городу. Но когда он приблизился, сенат и народ вышли ему навстречу и публично поблагодарили его «за то, что он не отчаялся в республике». История не знает более благородного зрелища, чем это. Будь он карфагенским полководцем, его бы распяли.

Диктатор приказал провести набор в Риме и Лации. Но огромные потери, понесенные за последние три года, истощили ряды тех, кто был в списке военнотружеников. От сражения на Тицине до Канн потери римлян и их союзников только в боях составили не менее восьмидесяти тысяч человек. Поэтому диктатор предложил купить восемь тысяч рабов для службы в легкой пехоте, а также зачислить должников, заключенных и других лиц, по закону неспособных служить в римских легионах. Марцелл с остатками армии Канн занял свой пост в Казилинуме. Всем командирам было приказано придерживаться оборонительных позиций Фабия и ни в коем случае не рисковать вступить в новую битву.

Тем временем Ганнибал продвинулся через Самний в Капую, где все было готово к его приему. Сенат, действуя в интересах Рима, был распущен, а главная власть передана народному лидеру по имени Пакувий Калавий. Его первым делом было схватить римских жителей и казнить их; затем он заключил соглашение с Ганнибалом о том, что ни один

карфагенский офицер не должен осуществлять власть в Капуе, и потребовал, чтобы триста римских пленных были переданы ему в качестве заложников за безопасность трехсот капуанских всадников, служивших в римской армии на Сицилии. Ганнибал согласился на эти требования и торжественно вошел в Капуу. Только один человек по имени Деций Магий осмелился выступить против этих мер. Ганнибал проявил к нему великодушную милосердие и ограничился тем, что отправил его в Африку.

К этому времени вся южная Италия провозгласила свою поддержку Ганнибала. Большинство апулийцев, ирпинийские и каудинийские самниты, суррентинцы, большинство луканийцев, бруттийцы и все греческие города юга, которые не были заняты римскими гарнизонами, приветствовали его как своего освободителя. Казалось, что теперь он собирается реализовать свой великий план поднять Италию на восстание против Рима.

Он был вынужден отправить отряды своей армии в эти несколько районов и использовал те небольшие силы, которые у него еще оставались, для попытки захватить города на равнинах Кампании. Нуцерия, Ацерра и другие подчинились, как и Капуя. Но Неаполь и Кумы закрыли свои ворота, а сенат Нолы, опасаясь, что народ может восстать против них, как в Капуе, послал за Марцеллом в Казилинум. Этот смелый офицер бросился в город и успешным вылазкой отразил Ганнибала от ворот. Затем он схватил и казнил семьдесят человек, подозреваемых в измене, и укрепился в лагере недалеко от города. Ганнибал, отбитый таким образом от Нолы, решил осадить Казилинум, который из-за своей близости к Капуе мог оказаться неприятным соседом.^[54] Гарнизон упорно сопротивлялся, но в конце концов был вынужден сдаться. Это был почти единственный город в Италии, который Ганнибал взял путем обычной осады.

Ганнибал отправился на зимние квартиры в Капуу в ожидании подкрепления из дома. Вскоре после битвы он послал своего брата Маго, чтобы тот донес домой весть о его великом успехе. В течение трех лет он добивался побед без помощи правительства; Рим был у его ног; ему не хватало только сил, чтобы сокрушить его. В доказательство величия победы при Каннах Маго высыпал на пол сената бушель золотых колец, которые носили римские всадники, павшие на том роковом поле. Но ревнивое правительство, возглавляемое Ганноном, смертельным врагом семьи Барцинов, холодно отнеслось к словам Маго; они спросили: «Присоединился ли к Ганнибалу хоть один римский или латинский гражданин? Ему нужны были люди и деньги; чего еще он мог хотеть, если бы он проиграл битву, а не выиграл ее?» В конце концов, однако, было решено, что Маго должен доставить подкрепление Ганнибалу. Но война в Испании приняла столь угрожающий оборот, что эти подкрепления были перенаправлены на более близкую опасность, и Маго получил приказ поддержать своего брата Гасдрубала в этой стране. Все, что дошло до Ганнибала, — это ничтожная армия из четырех тысяч нумидийских всадников, около сорока слонов и скудный запас денег.

Возможно, полководец не ожидал многого от этого направления. Несомненно, главной опорой для него был его брат Гасдрубал в Испании. Но здесь его ждало разочарование. Напомним, что П. Сципион, консул 218 года, вернувшись из Марсея в Пизу, отправил своего брата Кнея в Испанию в соответствии с первоначальным приказом сената. Мудрость этого шага подтвердилась событиями. Гней Сципион высадился в Эмпории (Ампуриас), старой греческой колонии. В течение года он вытеснил Ганнона за Эбро. В следующем году, году Тразименского сражения, он разгромил Гасдрубала на море, опустошил побережье вплоть до пригородов Нового Карфагена и захватил большую добычу на одном из Балеарских островов. П. Сципион присоединился к своему брату в конце того же года, и когда битва при Каннах сделала Ганнибала хозяином южной Италии, два брата подчинили себе всю северную Испанию.

Поэтому надежды Ганнибала на подкрепление для следующей кампании были связаны с его новыми итальянскими союзниками. Дополнительная кавалерия и слоны из Карфагена по-прежнему давали ему преимущество в открытой местности. Но римляне извлекли уроки из горького опыта, и Ганнибал не мог рассчитывать на такие же великие победы, как в своих первых трех кампаниях. Ему нужен был хороший инженерный корпус и осадные машины, чтобы захватить латинские колонии и другие свободные города, которые даже в районах, присоединившихся к нему, по-прежнему поддерживали дело Рима. Почему он не использовал зиму в Капуе для организации войска такого рода, мы не знаем. Но, какова бы ни была причина, он так и не смог захватить города силой, а римляне так и не дали ему возможности одержать еще одну великую победу. В результате все латинские колонии и свободные города остались верными Риму, и Ганнибал был лишь наполовину хозяином даже южной Италии.

Римляне, со своей стороны, провели зиму^[55] в самых активных приготовлениях. Первым необходимым шагом было заполнение многочисленных вакансий, образовавшихся в сенате в результате недавних катастрофических сражений. При переключке списка выяснилось, что не хватает не менее 177 членов. Сп. Карвилиус предложил пополнить ряды сената, приняв в него главных граждан латинских городов. Но это либеральное предложение не было принято во внимание, и было решено поручить все дело диктатору, специально назначенному для этой цели. Выбранным лицом был М. Фабий Бутеон, тот самый, который был отправлен в качестве главного посла в Карфаген в 219 году до н. э. Он был пожилым человеком, всеобще уважаемым, и то, как он выполнял возложенные на него обязанности, вызывало большое удовлетворение. В качестве новых членов были назначены самые храбрые и достойные люди. Консулами на следующий год были избраны Ти. Семпроний Гракх и Л. Постумий, в то время претор, командующий в Цизальпийской Галлии. Но до ид мартовских пришла печальная весть о том, что Постумий со всей своей армией был уничтожен галлами. Фабий Максим был избран консулом в третий раз, чтобы занять его место. Марцелл и Варрон должны были остаться на своих постах проконсулов.

К трудностям римлян добавилось то, что средств для покрытия огромных расходов на войну было мало, поскольку доходы всей южной Италии были перекрыты.

Еще большим разочарованием стало известие о том, что Ганнибал вступил в переговоры с Филиппом, царем Македонии. Посланцы царя были схвачены по дороге в Капуу. Таким образом, на данный момент опасность, исходящая отсюда, была предотвращена, но перспективы на будущее стали еще более мрачными.

Наверное, мало что могло так ярко отразить настроения общества, как закон, принятый в следующем году по инициативе трибуна Оппия, который запрещал женщинам носить яркие

платья или иметь при себе более полуунции золота в виде украшений (), а также запрещал кому-либо приближаться на расстояние менее мили к городу или поселку на повозке, запряженной лошадьми. Общественные нужды должны быть очень неотложными, чтобы можно было ограничить частные расходы столь жесткими законами, как закон Оппия.

ВТОРАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА: ВТОРОЙ ПЕРИОД (215-211 гг. до н. э.)

[215 г. до н. э.]

Первый период этой великой войны завершился восстанием Капуи. То, что теперь требует нашего внимания, заканчивается возвращением этого важного города римлянами.

После битвы при Каннах К. Фабий Максим, правнук того К. Фабия, который завоевал столь высокую славу во Второй Самнитской войне, на несколько лет стал фактическим главой сената и народа. Он был уже стариком; за его плечами было более семидесяти лет. Его характер был настолько мягким или апатичным, что он был известен под народным прозвищем Овикула, или ягненок. Его способности, по-видимому, не были велики. Его заслуга заключалась в том, что он имел смелость признать, что римская милиция не могла сравниться с ветеранами Ганнибала, и мужество действовать в соответствии со своими убеждениями. Осторожная система, которую он практиковал после битвы на Тразименском озере, вызвала недовольство, но великое поражение при Каннах, к несчастью, оправдало ее. В течение нескольких лет она строго соблюдалась полководцами, более искусными в войне, чем сам Фабий.

Из этих соратников самым способным был, без сомнения, М. Клавдий Марцелл, которого называли Мечом Рима, так как Фабий назывался Щитом. Он тоже был уже в возрасте, ему было более пятидесяти лет. В своем первом консульстве он прославился блестящей победой над инсубрийскими галлами, и теперь его имя было очень высоко, поскольку он первым остановил Ганнибала в его победном шествии. Марцелл был настоящим римским воином — быстрым и смелым в действиях, решительным в беде, суровым и неуступчивым по характеру, прямолинейным и неграмотным, но не лишенным тонких чувств, что было доказано при осаде Сиракуз. Вместе с ним следует упомянуть Ти. Семпрония Гракха, человека гуманного и доброго нрава, обладающего высокими лидерскими качествами. Если бы он не погиб так рано, он мог бы соперничать со славой Марцелла.

Q. Фульвий Флакк, который, как и Марцелл, уже дважды был консулом, не погнушался в течение двух последующих лет исполнять обязанности претора города. Он пользовался доверием Фабия и сената, и эта должность давала ему, в связи с продолжительным отсутствием консулов, полное управление внутренними делами. Ему было не менее шестидесяти лет, он был так же благоразумен и осторожен, как и сам Фабий, но более активен, энергичен и неумолим.

Для осуществления принятой теперь оборонной системы ведения войны два консула и проконсул были размещены в Кампании, каждый с двумя легионами и вспомогательными когортами. В этом году Фабий занял позицию на Латинской дороге, между Калесом и Казилинумом; Гракх занял укрепленный лагерь, который был построен Марцеллом недалеко от Синуэссы; а сам Марцелл занял аналогичный лагерь недалеко от Нолы. Таким образом, эти полководцы были всегда готовы нападать на Капую, а также могли совершать набеги на Самниум, Апулию и Луканию, когда Ганнибал отсутствовал. Их связь с морем поддерживалась благодаря крупным морским портам Неаполя и Кум.

Ганнибал, с другой стороны, построил крепкий лагерь на гребне горы Тифата над Капуей. Но он часто был вынужден перемещать свои войска на юг, оставляя капуанцев защищаться

самим. У нас нет возможности оценить численность армии Ганнибала, но можно предположить, что она была небольшой; мы никогда не видим, чтобы он мог действовать силами как в Кампании, так и на юге.

Римский полководец

(По материалам Де Монфокона)

Вскоре он вступил в конфликт с консулом Гракхом. Этот полководец находился в своем лагере в Синуэссе, занятый обучением двух легионов рабов, которые под названием «волоны» или «добровольцы» служили под его командованием. Здесь он получил информацию от жителей Кум, что капуанцы собираются провести праздник недалеко от их города, и смог ночью напасть на капуанцев и убить большое количество из них. Эта новость вскоре дошла до Ганнибала, который спустился из своего лагеря, но обнаружил, что Гракх находится в безопасности за стенами Кумы.

Пока Гракх был занят в Кумах, Фабий занял его лагерь в Синуэссе, а Марцелл совершал набеги на землю самнитов. Пострадавшие обратились с искренними просьбами о защите к Ганнибалу, который теперь во второй раз появился перед стенами Нолы, побуждаемый некоторыми представителями народной партии, которая во всех городах была враждебна Риму, надеяться, что это место может быть предано. Но Марцелл своевременно совершил вылазку, в ходе которой отрезал значительную часть карфагенской армии, и Ганнибал, вновь отступив в разочаровании, ушел на зимние квартиры в Арпи в Апулии.

С наступлением весны (214 г. до н. э.) Ганнибал снова оказался в своем лагере на Тифате, а против него выступили те же римские полководцы. Фабий по-прежнему был консулом, а Марцелл — его коллегой; Гракх занял место последнего в качестве проконсула. Обстоятельства избрания этих консулов заслуживают внимания, поскольку показывают, что народ полностью уступил свое право свободного выбора Фабию (). Старый консул намеренно остановился в Марсовом поле и провел выборы, не входя в город, благодаря чему он сохранил свою власть. Прерогативная центурия, которой в то время были младшие члены племени Аниене, отдала свои голоса за М. Эмилия Регилла и Т. Отацилия Красса. Отацилий был племянником Фабия и в текущем году служил претором, командуя флотом, но без особого успеха. После этого голосования старый консул остановил процедуру. «Республика, — сказал он, — боролась за существование; она содержала почти двадцать легионов, причем с уменьшенными доходами и сокращенным числом граждан: какой смысл были все ее усилия, если она доверяла свои армии неопытным людям? Поэтому, — заключил он, — иди, ликтор, созови младших членов племени Аниене, чтобы они проголосовали заново». Все почувствовали, что старик обладал не только властью, но и разумом. Та же самая центурия, которая проголосовала за других людей, теперь отдала свои голоса за самого Фабия и Марцелла.

В то же время сенат продемонстрировал свою твердую решимость, приняв декрет о том, что солдаты из Канн должны быть отправлены на службу в Сицилию без надежды на честь и славу до конца войны. А цензоры в течение этого года вызвали к себе Метелла и других, которые хотели покинуть республику после поражения при Каннах, и лишили их гражданских прав.

В начале этой кампании Ганнибал был выманен из Кампании сообщением, отправленным некоторыми друзьями, которых он приобрел в стенах Тарента, и оставил Ганнона прикрывать Самниум и Кампанию. Ганнон, по-видимому, надеялся застать врасплох римскую колонию Беневентум. Но проконсул Гракх бросился в город; «И теперь, — сказал он своим рабам-солдатам, — настало время, когда они могут завоевать свою свободу. Каждый, кто принесет голову врага, будет освобожден». В последовавшей битве долго не было ясно, кто одержит победу, пока Гракх не объявил, что без победы никто не будет освобожден, но если они победят, никто не останется рабом. Таким образом, отчаянный конфликт был решен в пользу римлян, и Ганнон, понеся большие потери, удачно отступил на территорию Бруттии. Затем Гракх выполнил обещание, данное своим волам, и отпраздновал их освобождение публичным праздником, на котором все они появились в белых шапках в знак свободы. Их полководец был настолько доволен этой сценой, что велел нарисовать картину в память об этом на стенах храма Свободы на Авентинском холме.

Ганнибал, таким образом, с болью узнал об этом поражении, не имея удовлетворения от успеха своей собственной экспедиции. М. Валерий Левин, римский претор, находившийся в Брундизии, узнав о заговоре с целью предательства Тарента, направил туда сильный гарнизон под командованием М. Ливия, и заговорщики не смогли выполнить свои обещания.

Следующий год (213 г. до н. э.) был еще менее плодотворным в плане решающих событий, чем два предыдущих. То есть он был благоприятным для римлян, поскольку бездействие было фатальным для дела Ганнибала. И есть признаки, свидетельствующие о том, что итальянцы, присоединившиеся к нему, уже начали колебаться в своем решении и с опаской смотрели на небольшой прогресс, достигнутый им после битвы при Каннах, и на упорство, с которым римляне удерживали каждый город. Арпи в Апулии, бывшая зимняя квартира Ганнибала, была предана Фабию Младшему, который теперь был консулом, а его отец помогал ему в качестве легата. Триста капуанских всадников, которые служили Риму в то

время, когда их город перешел на сторону Ганнибала, выразили свое несогласие с этим шагом, записавшись в граждане Рима; и примерно в это же время еще сто двенадцать всадников того же сословия пришли в римский лагерь в Суэсуле. Но за пределами Италии умелые переговоры Ганнибала вызвали появление врагов Рима везде, где его посланники могли найти лазейку — в Македонии, на Сардинии, на Сицилии.

Уже упоминалось, что первые письма Филиппа Македонского Ганнибалу были перехвачены римлянами; и из-за опасений нападения с этой стороны они разместили Левина с флотом в Брундивии. Вторая посольская миссия была более успешной, и Ганнибал заключил союз с царем, по которому последний обязался направить вспомогательные войска для поддержки карфагенян в Италии. Но Левин и его преемники перенесли войну в Эпир, и Филипп не смог направить обещанную помощь.

На Сардинии в год после Каннского сражения вспыхнуло восстание. К. Фульвий, претор города, получил приказ подавить его, с правом назначить любого полководца, которого он сочтет подходящим. Он сразу же выбрал Т. Манлия Торквата, человека столь же сурового и бескомпромиссного, как и он сам, который двадцать лет назад, будучи консулом, впервые завоевал остров. Старый полководец без промедления высадился на берег и в одной решающей битве полностью восстановил власть Рима над Сардинией.

Дела на Сицилии доставили гораздо больше хлопот. В 211 и 212 годах этот остров стал главным театром военных действий. Иеро, старый царь Сиракуз, который в течение пятидесяти лет никогда не изменял своему союзу с Римом, умер вскоре после рокового дня при Каннах. Его преемником стал его внук Иероним, пятнадцатилетний юноша, чье воображение было потрясено блестящей карьерой Ганнибала. Умелый карфагенянин вскоре воспользовался представившейся возможностью и послал своих агентов, в чьи руки молодой принц полностью сдался. Это были два брата по имени Гиппократ и Эпикудес, по происхождению сиракузские греки, но уроженцы Карфагена. Однако молодой царь, пробыв на троне чуть больше года, был убит группой неизвестных заговорщиков; в Сиракузах была провозглашена республика, и вскоре после этого все оставшиеся члены царской семьи были убиты с особой жестокостью. Теперь вопрос заключался в том, на чью сторону должно было встать новое правительство: на сторону Рима или Карфагена. Братья Гиппократ и Эпикид сначала решили вернуться к Ганнибалу, но затем изменили свой план и, притворившись, что согласны с взглядами заговорщиков, были избраны главнокомандующими вместе с несколькими другими. Однако настроения народа, по-видимому, склонялись в сторону Рима, и Гиппократ, не в силах контролировать ситуацию, ухитрился покинуть Сиракузы с отрядом войск и отправился в Леонтины, где к нему присоединился его брат Эпикид. Затем они сбросили маски, и леонтинцы провозгласили свою независимость от Сиракуз.

Это произошло, вероятно, в конце 214 года до н. э. Примерно в то же время консул Марцелл прибыл, чтобы принять командование армией на Сицилии.

Марцелл без промедления осадил Леонтины и взял город штурмом. Он сделал все, что мог, чтобы пощадить жителей, но проявил крайнюю неосторожность, подвергнув порке и казнив как дезертиров две тысячи солдат гарнизона, которые когда-то служили в Римской армии (). По-видимому, в сиракузской армии было много солдат, находившихся в подобном положении. Узнав о жестокой смерти своих товарищей в Леонтинах, они с готовностью прислушались к уговорам Гиппократа и Эпикиды, которые бежали из Леонтины, и обратили суровость Марцелла себе на пользу. Эти два авантюриста были избраны единоличными полководцами, и Сиракузы закрыли свои ворота перед Римом. Марцелл предпринял несколько безуспешных попыток переговоров и в конце концов начал осаду Сиракуз.

Город Сиракузы значительно расширился со времени афинской экспедиции. Остров Ортигия стал цитаделью, а пригород вдоль побережья, называемый Ахрадина, теперь был

частью города (). Неровная треугольная поверхность, называемая Эпипола, была хорошо укреплена, и ее северные подступы, в особенности, были сильно защищены фортом под названием Гексапилум.

Марцелл сначала попытался взять город штурмом. Он сам атаковал морскую стену Ахрадина, а его офицеры пытались взять Гексапилум. Римляне всегда славились своим мастерством в атаке и обороне укреплений, и Марцелл был хорошо снабжен всевозможными орудиями. Но внутри стен находился инженер, более искусный, чем любой из римлян. Архимед, самый знаменитый математик древности, был теперь семидесяти пяти лет, но возраст не погасил изобретательную энергию его ума. Он был настолько увлечен сложными вычислениями, что иногда забывал даже о еде, но занятия теорией не лишили его способности к практическим занятиям. Удивительны истории о машинах, которые он изобрел, чтобы отражать атаки римлян как с моря, так и с суши. Вся стена была вооружена баллистами и катапультами огромной мощности, так что корабли не смели приближаться к ней. Если они рисковали приблизиться к стенам, пользуясь темнотой ночи, их обстреливали из мириад бойниц и почти раздавили огромными камнями, сбрасываемыми с крепостных стен; или один конец корабля захватывался «железной рукой», спущенной с выступающего крана, которая внезапно поднимала его и так же внезапно отпускала, так что сначала один конец, а затем другой погружались в воду. Говорят также, что были установлены очень мощные горящие стекла, чтобы поджигать корабли, которые приближались к ним. Вероятно, это вымысел. Но одно можно сказать наверняка: Марцелл был вынужден отказаться от штурма и начал блокировать город с помощью обычных осадных сооружений. Спустя много месяцев римляне были так же далеки от взятия Сиракуз, как и раньше.

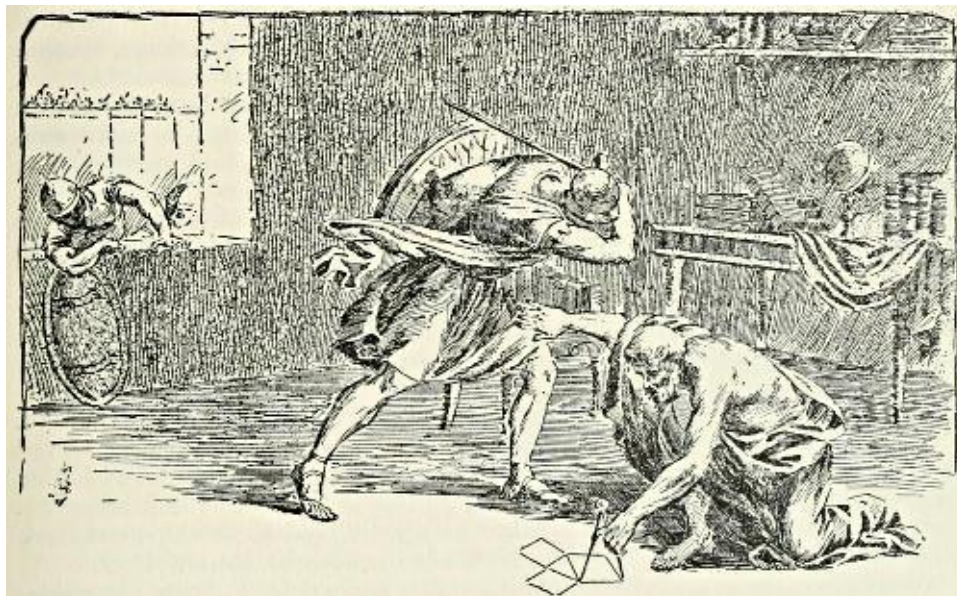
Между тем, римское дело с каждым днем теряло позиции на Сицилии. Даже Моргантиум, штаб-квартира флота, сдался Карфагену; а Энна, крепкая крепость, была спасена только благодаря быстрой жестокости коменданта, который убил всех ее жителей. Но этот варварский поступок, хотя и был эффективен на месте, еще больше отдалил сицилийцев от Рима. Агригент сдался, а многие другие города сбросили иго.

[212 г. до н. э.]

Но внутри стен Сиракуз произошла измена. Марцелл наконец сумел ночью взобраться на стены Гексапилума, когда из-за праздника они остались без охраны. Он быстро захватил всю верхнюю часть города, и, глядя с высоты Эпиполов на прекрасный вид под ним, даже его грубая натура была настолько тронута красотой пейзажа и величием своего успеха, что он разрыдался. Южные кварталы города сдались, но Эпицид, находившийся в Ахрадине, готовился к отчаянной обороне, а Гиппократ, который отправился за подкреплением в Карфаген, вскоре вернулся со значительными силами. Но Марцелл находился в безопасности в верхней части города, а армия Гиппократа, расположившаяся лагерем на болотистой местности у устья Анапуса, была ослаблена болезнями, которые разразились с наступлением жаркой погоды: среди погибших был и сам Гиппократ. Море по-прежнему было открыто, и ежедневно ожидалось прибытие флота из Карфагена. Наконец он появился на горизонте, но римская эскадра вышла ему навстречу, и Эпицид был очень разочарован, когда увидел, что карфагеняне уплывают в сторону Италии. Он тайно покинул город и бежал в Агригент.

Многие из гарнизона были дезертирами из римской армии, которые не могли рассчитывать на милосердие сурового Марцелла. Но остальные, когда обнаружили, что их генерал их бросил, убили своих офицеров и ночью впустили Марцелла в стены Ахрадина. На следующее утро город был отдан на разграбление, и в последовавшей за этим резне архитектор Архимед был убит солдатом, на вопрос которого он не ответил, поглощенный

решением геометрической задачи. К чести Марцелла следует отметить, что он был глубоко опечален этой несчастной случайностью, похоронил тело философа с почестями и проявил большую доброту к его родственникам. Королевское сокровище было сохранено для государства, а изысканные произведения греческого резчика, украшавшие великолепный город, были отправлены в Рим — это было началом той системы грабежей, которая обогатила Рим за счет Греции.

СМЕРТЬ АРХИМЕДА

(По Мирису)

Так пал Сиракузы летом 212 года до н. э. после почти двухлетней осады. Но хотя Сиракузы были взяты, Сицилия не была завоевана. Будет уместно немного опередить события, чтобы закончить наше повествование об этой войне на этом месте.

[212-210 гг. до н. э.]

Эпицид, бежавший в Агригент, продолжал свою неустанную деятельность и убедил карфагенское правительство отправить ему на помощь еще одно крупное войско. Ганнибал также послал туда офицера по имени Мутин или Муттон, который отныне стал душой войны на Сицилии. Этот человек был полукровным карфагенянином (), и африканская кровь в его жилах унижала его в глазах чистокровных карфагенян так же, как черная кровь унижает человека в Соединенных Штатах. Но его способности как солдата заставили Ганнибала закрыть глаза на пустые различия, и Мутин принял командование нумидийской конницей в армии Ганнона и Эпицида. Он так искусно использовал эту грозную кавалерию, что Марцелл скорее потерял позиции, чем завоевал их. Но карфагенские офицеры, завидуя выскочке-командиру, воспользовались его отсутствием, чтобы вступить в сражение с римлянами. Марцелл принял вызов и одержал знаменательную победу (211 г. до н. э.).

В следующем году (210 г. до н. э.) Валерий Левин принял командование в Сицилии, где Мутин по-прежнему продолжал сопротивляться римлянам. Но зависть карфагенян так раздражила горячего африканца, что он встал во главе своих верных нумидийцев и открыл ворота Агригента римскому консулу. Эпицид бежал в Карфаген, оставив армию легкой добычей для римских легионов. Город был разграблен и опустошен, а его жители () обращены в рабство. Вскоре Левин смог отправить в сенат депешу, в которой сообщал о

полном подчинении всей Сицилии. Мутин получил римское гражданство и пятьсот югров государственной земли. Его нумидийская конница поступила на службу в Рим.

Теперь пора вернуться в Италию, где война также возобновилась в более активной форме. В начале 212 года до н. э. Ганнибал вновь двинулся на юг, к Таренту, и на этот раз с большим успехом, чем раньше. Он разбил лагерь на расстоянии около трех миль и постоянно принимал двух молодых греков, которые покинули город под предлогом охоты. Заговорщики предложили пропустить Ганнибала с суши, и выбрали для этого ночь, когда, как было хорошо известно, комендант М. Ливий будет занят пьянкой. Римляне легли спать в пьяном уверенности, а на рассвете обнаружили, что город находится в руках карфагенян. Большая часть гарнизона была убита, но Ливий сумел спастись в цитадель. Ганнибал немедленно принял меры для ее осады, а тарентийцы, перетаскив свои корабли по суше из гавани в открытое море, блокировали ее как с моря, так и с суши.

Тем временем консулы — Аппий Клавдий и старый К. Фульвий Флакк — готовились к осаде Капуи. Гракх со своими волонами находился в Лукании; один претор, Клавдий Нерон, занимал старый лагерь в Суэсуле; другой, Кн. Фульвий, брат консула, находился в Апулии. Капуанцы, опасаясь, что они будут отрезаны от всех поставок, спешно отправили сообщение Ганнибалу в Тарент, и тот немедленно прислал приказ снабдить город провизией на случай осады. Ганнон успешно выполнил свою сложную задачу, но недалеко от Беневента консулы напали на него и захватили провизию. Он был вынужден отступить в Бруттиум и оставить Капую на произвол судьбы.

Римские войска начали окружать этот обреченный город. Но им суждено было понести тяжелые потери, прежде чем они смогли осадить его. Сначала Гракх, который направлялся на север из Лукании, чтобы подкрепить консулов, был убит в засаде, а его волонеры, так долго верные своему любимому вождю, рассеялись и бежали, каждый в свой дом. Затем сам Ганнибал вновь появился в Кампании. Он уже послал Маго с отрядом кавалерии, чтобы подбодрить капуанцев, а теперь он лично вошел в город без ведома консулов. Он был в приподнятом настроении после своих успехов на юге. К нему присоединились не только Тарент, но и Метапонт и Турии, и хотя Сиракузы пали, война в Сицилии продолжалась с новой силой. Но римские полководцы были осторожны, и Ганнибал, поняв, что не может вступить в сражение, стремился вернуться в Тарант (), чтобы продолжить осаду цитадели Тарента. Он отправился через Луканию и по пути встретил римскую армию под командованием М. Центения, старого центуриона, который собрал войско и с равной смелостью и глупостью попытался преградить путь Ганнибалу. Он пал, как и положено храброму воину, и многие тысячи отважных людей поплатились за то, что поверили его обещаниям. Ганнибал перешел через горы в Апулию и здесь, недалеко от Хердонеи, застал врасплох претора Гнания Фульвия. Он был похож на Центения в своей опрометчивости, но отличался от него распушенностью и трусостью. В этом сражении также были убиты многие тысячи римлян.

Но, несмотря на эти тяжелые потери, консулы придерживались своего решения блокировать Капую. Как только Ганнибал отвернулся, они снова появились перед городом, и до конца года линии осады были завершены. В армиях Рима всегда были хорошие рабочие; их обычные сельскохозяйственные привычки приучили их к использованию лопаты; большие работы, которые велись в течение некоторого времени, строительство дорог и акведуков, подготовили множество людей к военным работам. Тем не менее, скорость, с которой были завершены обширные работы по осаде такого большого города, как Капуя, не может не удивлять нас. Эти линии были укреплены двойной стеной, и было принято все необходимое для снабжения осаждающих провизией.

Консулы следующего года (211 г. до н. э.) не были допущены к смене Аппия и Фульвия: им оставили славу хорошо завершить то, что они хорошо начали.

Когда капуанцы обнаружили, что они блокированы, их дух упал, и они снова отправили срочное сообщение Ганнибалу. При штурме римских линий он был отбит с потерями. И теперь оставалась только одна надежда. Было возможно, что, если он угрожал самому Риму, осаждающая армия могла быть отозвана для защиты столицы. Соответственно, он послал капуанцам известие о своем намерении с помощью якобы дезертира, и на следующее утро проконсулы увидели, что его лагерь на горе Тифата пуст. Они, вероятно, подумали, что он вернулся на юг. Но вскоре они узнали правду от сельских жителей, которые пришли в ужасе и рассказали, что дикие нумидийцы Ганнибала и чудовищные слоны были в полном марше на Рим. Фульвий сообщил сенату об этом страшном событии, и было единодушно принято решение Фабия, что один из проконсулов должен быть отозван для защиты города с частью своей армии и городскими легионами, а другой должен остаться для поддержания блокады Капуи. Соответственно, Фульвий направился прямо в Рим по Аппиевой дороге, а Ганнибал взял обходной путь на север, чтобы избежать густонаселенных городов, которые могли бы преградить ему путь. Таким образом, Фульвий прибыл в Рим раньше Ганнибала и разбил лагерь в миле или двух от города. Прибытие Фульвия в некоторой степени успокоило Рим, а еще больше — когда сам Ганнибал, подъехав к Коллинским воротам, а затем обойдя стены, был атакован старым проконсулом и вынужден отступить в свой лагерь. Говорят, что пока он там находился, земля, занятая его лагерем, была выставлена на продажу и куплена по цене, ничуть не уступающей ее стоимости. Ганнибал рассмеялся и велел аукционисту выставить на продажу мастерские серебряников на Форуме. Но хотя он и делал вид, что не обращает на это внимания, в душе он чувствовал, что потерпел поражение. Рим смог защитить себя и при этом оставил в Капуе достаточно сил, чтобы продолжать блокаду.

Маршрут его отступления так же неопределен, как и маршрут его наступления. Однако известно, что он провел свою армию через Апулию в Бруттиум, который с тех пор стал его штабом в Италии.

Тем временем Фульвий вернулся к линиям обороны вокруг Капуи, полный ликования. Время шло, и голод начал угнетать несчастных жителей. Как долго продолжалось отчаянное сопротивление, мы не знаем. Но в конце концов стало очевидно, что капитуляция должна произойти в течение нескольких часов, после чего Вибий Виррий, один из лидеров повстанцев, устроил роскошный банкет для всех сенаторов, которые захотели принять в нем участие. Пришло двадцать семь человек, и когда пир закончился, гостям подали отравленный кубок, из которого они выпили за здоровье хозяина. Они ушли домой, чтобы умереть, а на следующее утро город сдался. Жестокий старик Фульвий решил отомстить лидерам повстанцев. Двадцать пять человек были отправлены в Калес, а двадцать восемь — в Теанум, где они должны были ждать своей казни. Напрасно Аппий просил о более мягких мерах. Фульвий не внял никаким ходатайствам. На утро после захвата он лично отправился в Теанум и наблюдал, как всех пленников обезглавили. Затем он помчался в Калес, но когда там связывали пленников, гонец из Рима принес ему письма от сената. Он спрятал их в пазуху и приказал продолжить казни; только когда все головы были отрублены, он открыл письма, в которых содержался приказ сохранить пленников для суда сената. Другие вожди были заключены в тюрьму, а все простые люди были проданы в рабство. Сам город был конфискован в пользу Рима.

Падение Сиракуз и Капуи дало решающее превосходство римским войскам. Однако, хотя Ганнибал в настоящее время был настолько слаб, что не мог покинуть юг и оказать эффективную помощь своим кампанским союзникам, было много причин, которые давали

ему надежду на восстановление своей удачи. Отвлекающие маневры Мутина на Сицилии оказались весьма успешными, и только через год дело Карфагена на этом острове было предано. Хотя цитадель Тарента все еще держалась, сам этот великий город, как и вся Великая Греция, за исключением Регия, присоединился к Ганнибалу, и он жил надеждой, что в конце концов Филипп Македонский перейдет на его сторону, чтобы противостоять общему врагу.

Теперь он с уверенностью смотрел на Испанию. Долгое время успехи Сципионов лишали его всякой надежды на помощь от его брата Гасдрубала. Успехи продолжались, несмотря на прибытие Маго с подкреплением из Карфагена; многие кельтиберские племена вступили под их знамена, жаждая сменить господ; Сифакс, принц нумидийцев, заключил с ними союз, и, таким образом, они, по-видимому, уже рано сформировали план переноса войны в Африку. В 212 году до н. э., в том же году, когда пали Сиракузы и была осаждена Капуя, два брата питали большие надежды на успех кампании. Гнавий Сципион выступил против Гасдрубала, брата Ганнибала; Публий направился против второй карфагенской армии под командованием Маго. Но кельтиберийцы в армии Гнавия дезертировали, и римский проконсул был в полном отступлении, когда он узнал, что его брат Публий был застигнут врасплох и убит вместе с большей частью своей армии. Объединенные карфагенские армии теперь бросились на отступающую армию Гнавия Сципиона. Он пал, сражаясь храбро, вместе с большинством своих офицеров. Остатки римских армий были собраны храбрым всадником по имени Л. Марций. Но на время поражение и смерть двух Сципионов вернули карфагенянам все, что они потеряли в Испании после отъезда Ганнибала.

Теперь Хасдрубалу был открыт путь, чтобы привести большие силы на помощь своему брату в Италии. Несмотря на свои потери, ни один римский полководец не осмеливался встретиться с ним на равном поле сражения со времен Канн. На что он мог надеяться, получив значительное подкрепление? История следующего периода покажет, как безнадежно были разрушены эти надежды.^c

СНОСКИ

[51] С 223 по 153 год до н. э. консулы вступали в должность в иды марта, а после этой даты — в календы января.

[52] Это утверждение Полибия.^d История в Ливии,^e о том, что Ганнибал велел проводникам вести его в Казинум, а они по ошибке отвели его в Казилинум в Кампании, не упоминается более серьезным историком.

[53] Однако вероятно, что в римском календаре была ошибка и что сражение на самом деле произошло раньше в том году.

[54] Казилинум — это современная Капуя. Она расположена на реке. Древняя Капуя находилась примерно в двух милях к востоку, на возвышенности.

[55] [«В течение этой зимы в Риме и его окрестностях произошло много чудес или, как это нередко бывает, когда умы людей склоняются к суеверию, о многих из них было сообщено и они были легковерно приняты. Среди прочего говорили, что младенец из уважаемой семьи, которому было всего шесть месяцев, на травяном рынке воскликнул: «Io Triumphe»; что на скотном рынке бык сам по себе взобрался на третий этаж дома, откуда, испугавшись шума и суеты жителей, бросился вниз; что в небе появился свет в виде кораблей; что храм Надежды на травяном рынке был поражен молнией; что в Ланувии копье Юноны само по себе задрожало; и что ворона влетела в храм Юноны и присела на само ложе; что в округе Амистернума во многих местах издали были видны привидения людей в белых одеждах, но они ни к кому не приближались; что в Пиценуме прошел град камней; в Каре уменьшился размер гадальных билетов; в Галлии волк вырвал из ножен меч солдата, стоящего на страже, и убежал с ним». — Ливий.^e]

ГЛАВА XII. ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

ТРЕТИЙ ПЕРИОД (210-207 гг. до н. э.)

[210-209 гг. до н. э.]

Последний год кампании был полон тяжелых разочарований для римлян. Сиракузы были взяты, но Сицилия оставалась в полном восстании. Капуя пала, но Тарент, за исключением цитадели, был потерян. Беспрепятственное продвижение Ганнибала к стенам Рима показало, что ни одна часть Италии, за исключением укрепленных городов и окопленных лагерей, не могла считаться их владением, пока карфагенский полководец мог вести своих диких и незаконных наемников, куда ему заблагорассудится. Потеря Испании поставила перед ними страшную перспективу того, что их великий враг вскоре может получить подкрепление в таком количестве, что станет сильнее, чем когда-либо с тех пор, как пересек Альпы.

Очевидно, что против Фабия и его друзей начали раздаваться ропот недовольства. Горький урок Канн научил римлян необходимости осторожности и доказал, что для успешных действий против Ганнибала они должны действовать в обороне. Но могла ли эта система длиться вечно? Неужели они никогда не встретятся с Ганнибалом на поле боя? Подобные мысли, без сомнения, подсказали идею избрать популярного консула на 210 год до н. э. Когда были подсчитаны голоса привилегированного центурия, оказалось, что их выбором стали старый Т. Манлий Торкват, завоеватель Сардинии, и тот самый Т. Отацилий, который пятью годами ранее был смещен с поста консула своим дядей Фабием. Но Манлий сразу же встал и отказался от консульства; он сказал, что он «стар и почти слеп: полководец должен видеть своими глазами. Они должны выбрать других, более достойных людей». После некоторого колебания центурия подчинилась и отдала один из своих голосов за Марцелла, как, без сомнения, желали Фабий и сенат, а другой — за М. Валерия Левина, который хорошо служил государству в Эпире.

Вероятно, Валерий был избран благодаря тому, что не был склонен подчиняться Фабию и Фульвию. Вскоре представился случай продемонстрировать это. Когда он проезжал через

Капуя по пути в Рим, кампанцы, страдавшие под властью Фульвия, умоляли его позволить им следовать за ним в его поезде « », чтобы они могли изложить свои жалобы сенату; а когда он прибыл в Рим, его встретила делегация сицилийцев, которые с тревогой услышали, что властный Марцелл собирается вернуться на их остров с консульскими полномочиями. Дела обоих народов были вынесены на рассмотрение сената. Что касается кампанцев, то сенаторы во всех отношениях подтвердили суровые указы Фульвия, и не без оснований, поскольку из всех городов Капуя была наиболее щедро обойдена Римом: ее восстание было вызвано не любовью к свободе (ведь она и так была свободна), а жаждой власти. Поэтому Капуя теперь стала префектурой. С другой стороны, Марцелл сразу же передал свою сицилийскую провинцию своему коллеге Левину и согласился принять командование в Италии против Ганнибала; а сенат, хотя и ратифицировал предыдущие меры Марцелла, теперь рекомендовал сицилийцев под особую опеку Левина. Узнав об этом, сицилийские послы, опасаясь будущего гнева Марцелла, пали к его ногам и умоляли его принять их в качестве своих клиентов. На протяжении многих лет Марцеллы, его потомки, были покровителями и защитниками острова.

Прежде чем консулы вышли на поле боя, им пришлось решать финансовые проблемы, с которыми боролось государство. Вооруженные силы, которые Рим поддерживал в течение многих лет, были очень многочисленными, а расходы на них — огромными. Число легионов, содержащихся на службе со времени битвы при Каннах, составляло в среднем около двадцати, так что число солдат, легионеров и союзников, достигало почти двухсот тысяч человек. В то время как расходы таким образом чрезвычайно возросли, доходы значительно сократились; и есть достоверные сведения, что примерно в это время цена на зерно выросла в несколько раз по сравнению с обычной. Хотя в начале войны налоги были удвоены, государство было вынуждено брать ссуды различными способами. Для укомплектования флота были приняты чрезвычайные меры. Все граждане, за исключением бедных, были обязаны предоставить одного или нескольких моряков с шестимесячной зарплатой и полным снаряжением. Сенаторы должны были снарядить восемь человек, а остальные — пропорционально стоимости своего имущества. Такова была римская «корабельная подать».

Потребности текущего года (210 г. до н. э.) были больше, чем когда-либо. Казалось, что все ресурсы были исчерпаны. Среди прочего, стоимость монет постепенно снижалась. Ас, который изначально весил фунт меди, теперь уменьшился до одной шестой этой веса, и все платежи в казну, без сомнения, производились этой обесцененной монетой. Последовало обычное для таких мер последствие. Было достигнуто временное облегчение. Но цены на все товары были повышены, чтобы компенсировать изменения, и общественный кредит был пошатнут.

В этих сложных условиях сенат вновь предложил ввести налог на корабли. Но народ не был настроен терпеть это. За последние четыре года он сильно обеднел — постоянное повышение налогов истощило его ресурсы; постоянная служба в армии не позволяла должным образом возделывать земли; грабительский поход Ганнибала в предыдущем году разорил многих. Брожение, вызванное этим новым налогом, приняло угрожающие масштабы. Сенат собрался на совещание, и консул Левин предложил, чтобы великий совет показал пример патриотической преданности. «Давайте, — сказал он, — пожертвуем все наши сокровища на службу государству. Давайте оставим себе из золота только наши кольца, буллы, которые носят наши сыновья, и по одной унции украшений для наших жен и дочерей; из серебра — упряжь для наших лошадей, семейную солонку и небольшой сосуд для служения богам; из меди — пять тысяч фунтов на нужды каждой семьи». Предложение было принято под аплодисменты, и благородный пример последовал соперничество всех людей. Толпа, которая толпилась у казны, была настолько нетерпеливой, что клерки не

смогли полностью зарегистрировать имена. Этот патриотический заем (поскольку предполагалось, что он будет погашен в будущем) спас государство; и он был даже более ценен в духе, который он вызвал, чем в фактической помощи, которую он оказал казне.

Теперь на поле боя вышли консулы. Марцелл прибыл в Самний, только чтобы узнать, что Гнаний Фульвий Центумал, консул прошлого года, разделил судьбу своего тезки и предшественника Гнания Фульвия Флакка и был убит вместе с большей частью своей армии. Остатки этой армии были отправлены, чтобы присоединиться к остаткам армии Канн, которую неумолимый сенат по-прежнему держал в изгнании на Сицилии. Марцелл осторожно продвигался к Венусии и так упорно следовал по стопам Ганнибала, что тот не смог нанести новый удар. Город Салапия в Апулии, где жила дама, которую Ганнибал слишком любил и которая, как говорят, не раз удерживала его от походов, был предан Марцеллу, как Арпи был предан Фульвию, и стал еще одним примером изменившихся настроений итальянцев.

Левин, как уже упоминалось выше, благодаря удачному стечению обстоятельств смог с легкостью и честью закончить войну на Сицилии и вернулся в Рим в сопровождении грозного Мутина. Перед тем как покинуть Сицилию, он послал свой флот для разведки побережья Африки. Офицер, отправленный на эту службу, узнал, что карфагенское правительство активно занимается сбором войск, которые будут поставлены под командование Гасдрубала для второго вторжения в Италию с севера; он немедленно передал эту информацию консулу в Риме. Сенат в тревоге приказал Левину немедленно вернуться в свою провинцию, не дожидаясь председательства на комициях. Он должен был назначить диктатора для этой цели, и на эту должность ему предложили старого К. Фульвия, правителя Капуи. Однако Левин отказался назначать своего личного врага, после чего правящая партия передала вопрос на рассмотрение народу, который категорически приказал консулу назначить Фульвия и никого другого. Но Левин, чтобы избежать этой необходимости, уже покинул Рим, и отцы были вынуждены послать за Марцеллом, чтобы тот выполнил их приказ. Когда старый диктатор провел комиции, прерогативное племя отдало свои голоса за самого Фульвия и Фабия. Два трибуна возразили, что председательствующий магистрат не может позволить себе быть избранным. Но это, как и многие другие постановления, было отклонено сенатом в этот критический момент, и выборы продолжились. В следующем году Ганнибал должен был столкнуться с тремя людьми, считавшимися самыми способными полководцами в Риме — консулами Фабием и Фульвием и проконсулом Марцеллом. Была надежда, что их совместными усилиями враг будет разгромлен до прибытия Гасдрубала и его испанцев.

Но результат не оправдал ожиданий. В самом начале этого года (209 г. до н. э.) набор войск был задержан обстоятельством, которое выглядело еще более угрожающим, чем финансовые трудности предыдущего года. Латинские колонии, которых к тому времени насчитывалось тридцать, упоминались как главная опора римской власти в подчиненных районах Италии. До сих пор они безропотно несли тяготы и расходы войны. Каково же было беспокойство консулов и сената, когда двенадцать из тридцати открыто отказались выполнить требование о предоставлении своих контингентов для армий этого года. Отказ был, несомненно, частично вызван истощением и бедностью, но частично он был вызван гневом по поводу того, что большинство побежденных солдат Центумала, недавно изгнанных на Сицилию, были гражданами их городов (). Консулы пытались убедить их, но тщетно; и когда представители остальных восемнадцати колоний, которые включали все самые крупные и важные места, заявили о своей непоколебимой и неизменной верности, они решили пока отложить этот вопрос, заявив, что не станут просить помощи у тех, кто не готов ее оказать добровольно.

Для покрытия текущих расходов впервые было задействовано большое сокровище золота, которое было зарезервировано на случай новой галльской войны.

Фульвий вернулся на свою позицию в Капуе, Марцелл должен был отвлечь внимание Ганнибала в Апулии, а старый Фабий предпринял попытку отбить Тарент. Марцелл обнаружил своего врага в Канузиуме, и последовала серия нерешительных действий, в которых (хотя римские летописцы утверждают, что их герой одержал победу) он, очевидно, понес большие потери, поскольку до конца кампании оставался бездействующим. Но, к счастью для Фабия, пытавшегося захватить Тарент, Ганнибал был вынужден остаться в Бруттии, чтобы защитить своих союзников от банды свободных наемников, которые ранее служили карфагенянам на Сицилии, а теперь были наняты Левином и отправлены в Региум, чтобы беспокоить своих бывших хозяев. Появление великого полководца было достаточно, чтобы запугать этих мародеров и заставить их подчиниться, но едва это было сделано, как он услышал новость о том, что Фабий осадил Тарент. Он немедленно привел свою армию в движение и шел день и ночь, чтобы освободить этот важный город. Но он опоздал. Он завоевал это место благодаря предательству, и благодаря предательству он его потерял. Командующим в Таренте был брутт. У этого человека была любовница, сестра итальянца, служившего в армии Фабия; именно она убедила его открыть ворота консулу, и Ганнибал, еще находясь в походе, услышал эту роковую весть. Старый консул отдал презируемый греками город на разграбление своим солдатам, сохранив государственную казну для нужд государства. Но когда его спросили, не хочет ли он, чтобы статуи и произведения искусства были перевезены в Рим, по примеру Марцелла в Сиракузах, он ответил: «Нет, пусть тарентинцы сохраняют своих гневных богов». Захват Тарента был величайшим подвигом Фабия, и он был его последним — достойным завершением достойной карьеры.

Помимо возвращения Тарента, самниты и луканы, долго колебавшиеся, вновь вернулись к своей верности и были восстановлены Фульвием в своем положении союзников, без какого-либо упоминания об их восстании.

Несмотря на это, люди были недовольны результатами кампании. Трех консульских армий оказалось недостаточно, чтобы победить Ганнибала; Марцелл, считавшийся их лучшим полководцем, ничего не сделал. Но партия, роптавшая на Фабия и его друзей, была пока еще слаба. Совсем недавно Левин был вынужден отказаться от своего противодействия, и когда Марцелл появился, чтобы рассказать о своих заслугах, сердца всех людей изменились, и его не только простили, но даже избрали консулом на следующий год (208 г. до н. э.). Его коллегой был Т. Квинтий Криспин, который служил под его началом на Сицилии.

Переход итальянцев на сторону противника, без сомнения, ослабил Ганнибала, и два консула решили бросить на него все свои силы. Они нашли его недалеко от Венузии и каждый день выводили свои войска перед его лагерем и предлагали ему сражение. Но превосходство противника было слишком велико даже для Ганнибала, и он оставался в своих укреплениях. Между его лагерем и лагерем консулов находился холм, который Марцелл счел целесообразным занять. Соответственно, он поднялся на вершину в сопровождении своего коллеги и небольшого отряда кавалерии, не подозревая, что в лесу внизу скрывается большое количество нумидийской конницы. В мгновение ока консулы оказались в окружении. Марцелл был пронзен копьем одного из этих диких всадников и упал с лошади мертвым; Криспин, смертельно раненный, бежал в свой лагерь. Как только Ганнибал услышал об этом великом ударе удачи, он поспешил на место сражения и собственными глазами увидел своего самого способного противника лежащим мертвым.

перед ним. Его поведение продемонстрировало истинную благородность его натуры. Он не проявил никакого торжества, а просто снял золотое кольцо с пальца мертвеца, сказав: «Здесь лежит хороший солдат, но плохой полководец» (). Затем он приказал похоронить тело по воинскому обычаю. Как и его отец Гамилькар, он воевал не с мертвыми, а с живыми.

В Риме царило великое смятение, когда пришла весть об этом неблагоприятном событии. Консул Криспин прожил достаточно долго, чтобы его отнесли на носилках в Капую, где он находился на римской территории и поэтому мог выполнить приказ сената о назначении диктатора. Он назначил старого Манлия Торквата. Но в этом году не было предпринято никаких попыток снова беспокоить Ганнибала. Торкват только выполнял свои обязанности, проводя комиции для избрания новых консулов. Это было серьезное событие. Никогда прежде, с момента основания республики, она не теряла обоих консулов одним махом. Но чтобы понять всю важность предстоящего выбора, необходимо упомянуть, что Гасдрубал, брат Ганнибала, уже выступил из Испании и в скором времени мог прибыть в Италию.

[211-208 гг. до н. э.]

Все сообщения об испанской войне после смерти двух Сципионов были намеренно отложены. Здесь достаточно сказать, что вскоре после этого события сенат, хорошо понимая важность продолжения войны в Испании, предпринял попытку возместить потери в этом регионе; и в 211 г. до н. э. молодой П. Сципион, герой последней части войны, принял на себя опасное командование, оставшееся вакантным после смерти его отца и дяди. В следующей главе будет рассказано о его блестящих успехах в течение трех прошедших лет. Но эти успехи не отвлекли Гасдрубала от его цели. Этот полководец собрал армию испытанных солдат, которую он умело провел через сердце Испании и, перейдя Пиренеи недалеко от Байонны, вошел в Галлию через перевал, по которому сейчас проходит шоссе из Парижа в Мадрид. Этим ловким маневром он ускользнул от бдительности римлян, которые не знали, куда он направился. Но к концу этого года от дружественного народа Марсея пришла весть о том, что Гасдрубал прибыл в Аквитанию и намеревается перезимовать в Галлии, поскольку сезон был слишком продвинут для безопасного перехода через Альпы.

[208-207 гг. до н. э.]

Таковы были серьезные обстоятельства, при которых Торкват созвал народ для избрания консулов на 207 год до н. э.

Можно было бы подумать, что самым способным патрицием был М. Валерий Левин, который все еще находился в Сицилии. Он не только восстановил порядок в этой провинции, но и создал большие запасы продовольствия для итальянских войск, а также помог другими способами облегчить расходы на войну. Но сенат не доверял ему: они не забыли, как он упрямо покинул Рим, не желая назначать диктатора по их приказу. Поэтому они обратили свой взор на К. Клавдия Нерона, человека, известного своей энергией, который много лет служил под началом Фульвия и Марцелла. Он был отправлен в Испанию, как только поступили первые известия о бедствиях там, и оставался командующим до назначения молодого Сципиона. Все согласились, что Нерон должен быть патрицием-консулом. Но кто должен был стать его коллегой-плебеем ()? Марцелл был мертв, Гракх был мертв, а Фульвий был почти такого же возраста, как Фабий.

В конце концов было решено выбрать М. Ливия Салинатора, человека, который также был в преклонном возрасте, поскольку он был консулом вместе с Эмилием Паулом в год перед вторжением Ганнибала и вместе с ним одержал победу над иллирийцами. Но он был обвинен в несправедливом распределении добычи, захваченной в той иллирийской войне, и

был приговорен к уплате штрафа голосованием всех племен, кроме одного. Возмущенный несправедливым приговором, он удалился в свои поместья в провинции и только недавно появился в сенате по приказу цензоров, но, оказавшись там, он сидел в угрюмом молчании, пока наконец не вскочил, чтобы выступить в защиту своего родственника Ливия, коменданта Тарента, который был обвинен в потере этого города. В этом случае поведение Фабия не было примирительным. Когда в защиту обвиняемого было выдвинуто, что он в основном помог вернуть город, Фабий сухо заметил, что не желает осуждать Ливия: конечно, он помог вернуть Тарент, потому что, если бы он его не потерял, его бы вообще не вернули. Эти воспоминания гневали старого сенатора, и он отказался от предложенного консульства. Здесь, однако, он уступил скорее приказу, чем просьбе отцов. Но осталась еще одна трудность. Сварливый старик был в ссоре со своим коллегой Нероном, и когда друзья пытались их помирить, он ответил, что не видит в этом необходимости: если они останутся врагами, то будут более внимательно следить за недостатками друг друга. Наконец он уступил, и перед выходом на поле боя консулы пришли к полному согласию.

Римский шлем

В начале года они поспешили к своим местам службы: Нерон — чтобы принять командование в южной Италии против слабой армии Ганнибала, а Ливий — в Ариминум на границе Цизальпийской Галлии, чтобы дожидаться прибытия Гасдрубала.

Как только позволила погода, Гасдрубал выдвинулся из своих зимних квартир к переходу через Альпы. Он избегал прибрежной дороги, по которой шел его брат, и прошел через страну арвернов (которые оставили свое имя во французской Оверни), и таким образом пришел прямо к месту слияния Роны и Изеры, чтобы пройти по той же дороге через горы, по которой шел его брат одиннадцать лет назад. Время года было благоприятным: за прошедший период галлы лучше познакомились с карфагенянами, и Гасдрубал переправился в Италию с небольшими потерями и трудностями. Он сразу же прошел через равнины Цизальпийской Галлии к берегам По, где римская колония Плацентия, одна из восемнадцати недавно оставшихся верными, ранее противостояла войскам Ганнибала. Ганнибал не стал терять времени на штурм этого города, но Гасдрубал, вероятно, хотел оказать услугу галлам, которые, как он надеялся, пополнят ряды его армии. До сих пор они не оказывали Ганнибалу большой помощи. В знаменательном году Канн они убили избранного консула Постумия и до сих пор пили медовуху из его черепа. Но с тех пор они вели себя спокойно, и Варрону, имевшему в Ариминуме всего один легион, хватало сил

следить за ними. А теперь они, похоже, оказали Гасдрубалу незначительную поддержку, так что время, проведенное им в Плацентии, было практически потрачено впустую.

Прежде чем покинуть свои позиции в Плацентии, он отправил шесть курьеров, четырех галлов и двух нумидийцев, чтобы сообщить своему брату о предполагаемом маршруте. Тем временем Ганнибал постоянно находился в движении — он шел из Бруттия в Луканию, из Лукании в Апулию, из Апулии снова в Бруттий, а затем еще раз вернулся в Апулию. Мы не можем не восхищаться мастерством, с которым он ускользнул от Нерона, преследовавшего его с двойной армией из четырех легионов. Однако именно один из этих походов случайно привел к краху его дела. Курьеры, отправленные Гасдрубалом из Плацентии, добрались до Апулии, но, к несчастью, прибыли как раз в тот момент, когда Ганнибал отсутствовал в Бруттии. Они попытались последовать за ним, но заблудились и попали в руки претора, дислоцированного на тарентийской границе. Этот офицер немедленно отправил найденные у них депеши Нерону в Канузиум. Был найден переводчик, и весь план кампании врага был раскрыт консулу. Асдрубал сообщил своему брату, что он намерен продвигаться вдоль Адриатического моря через Ариминум, и предложил объединить силы в Умбрии, чтобы маршировать на Рим. Нерон быстро принял решение. По закону он не имел права покидать свой округ в южной Италии, но в этой чрезвычайной ситуации он решил пренебречь всеми формальностями.

Он отобрал шесть тысяч пехотинцев и тысячу всадников, лучших из своей армии, и объявил, что с наступлением темноты он отправится в секретную экспедицию в Луканию. Как только стемнело, он выступил в поход, но солдаты вскоре обнаружили, что Лукания не была их конечным пунктом назначения. Они шли на север, в сторону Пиценума, и обнаружили, что по приказу консула для них были приготовлены провизия и вьючные животные. Как только он продвинулся достаточно далеко, он обратился к своим людям и сказал им, что через несколько дней они присоединятся к своим соотечественникам под командованием Ливия в его лагере в Сена-Галлике в Умбрии; что вместе они перехватили Хасдрубала и его армию-захватчиков; что победа несомненна; что главная доля славы достанется им. Воины ответили на эту речь так, как и положено солдатам; и везде, где они проходили, жители выходили им навстречу, даря им одежду, провизию, лошадей — все, что им могло понадобиться, и даже больше. За неделю они прошли расстояние около 250 миль и оказались недалеко от Сены. Нерон остановился до наступления темноты, чтобы незаметно для Гасдрубала войти в лагерь своего коллеги.

Нерон заранее написал сенату, сообщив о своем походе и призвав их выдвинуть сильные войска для защиты ущелья, через которое проходит Фламинийская дорога в Нарнии, на случай, если консулы будут разгромлены Гасдрубалом. Он получил ответы, в которых полностью одобрялся его смелый замысел и обещалась всяческая поддержка. Поэтому он с полной уверенностью вошел в лагерь своего коллеги и увидел сторожевые костры Гасдрубала на расстоянии не более полумили впереди. Его люди были тепло встречены своими товарищами и приняты в лагере Ливия, чтобы Гасдрубал не заметил увеличения армии. После одного дня отдыха Нерон настоял на немедленных действиях, чтобы Ганнибал не обнаружил его отсутствие в Апулии, а Гасдрубал — его присутствие в Умбрии. Соответственно, два легиона Ливия, два легиона под командованием претора Порция, а также войска Нерона () вышли перед лагерем Гасдрубала и предложили сражение. Опытный глаз карфагенянина был поражен явным увеличением численности войск, и его подозрения подтвердились, когда он услышал два звука трубы в рядах консулов. Это убедило его, что Нерон присоединился к своему коллеге, и, полный тревоги за судьбу своего брата, он решил отступить под покровом ночи; а когда наступил следующий день, они обнаружили лагерь Гасдрубала пустым. Был отдан приказ преследовать врага. Римляне настигли карфагенскую армию на берегах Метаура, примерно в двенадцати или

четырнадцать милях к северу от их прежнего положения. Река была разбухшей от дождей, так что карфагеняне не могли перейти ее, кроме как в определенных местах; а поскольку их проводники покинули их, они не могли найти броды. Поэтому Гасдрубал был вынужден дать сражение, имея реку в тылу.^b

СМЕРТЬ АСДРУБАЛА, ОПИСАННАЯ ПОЛИБИЕМ

[207 г. до н.э.]

Асдрубал был во всех отношениях недоволен сложившейся ситуацией. Но поскольку было уже слишком поздно принимать другие меры, потому что римляне уже выстроились в боевой порядок и начали продвигаться к нему, он был вынужден выстроить испанцев и галлов, которые были с ним, в боевой порядок. Он поместил слонов, которых было десять, впереди; увеличил глубину своих рядов; и выстроил всю свою армию на очень узкой территории. Затем он занял свое место в центре линии, позади слонов, и двинулся на левый фланг врага, заранее решив, что в этой битве он либо победит, либо умрет.

Ливий, ведя свои войска медленным и величественным шагом, начал сражение с большой энергией. Но Клавдий [Нерон], командовавший правым флангом, не мог продвинуться вперед, чтобы окружить врага, поскольку его полностью сдерживали упомянутые ранее трудности местности, которые и побудили Асдрубала направить всю свою атаку на левый фланг. Поэтому, обеспокоенный и не желая оставаться бездействующим, он прибег к мерам, которые подсказывал ему сам случай. Отведя свои войска с правого фланга, он повел их вокруг поля сражения и, обойдя левый фланг римской армии, атаковал карфагенян с фланга за слонами. До этого момента исход сражения оставался неопределенным. И карфагеняне, и римляне, хорошо понимая, что их спасение возможно только в победе, с одинаковой храбростью продолжали сражение. Слоны приносили одинаковую пользу обеим сторонам. Эти животные, оказавшись в окружении двух армий и раненные дротиками, сеяли не меньший беспорядок в рядах испанцев, чем в рядах римлян.

Но когда Клавдий [Нерон] напал на врага с тыла, сражение перестало быть равным. Испанцы, подвергшиеся одновременному натиску с фронта и с тыла, были почти все убиты в своих рядах. Шесть слонов были убиты вместе с людьми, которые их вели; четыре слона, прорвавшиеся через беспорядочные ряды, были впоследствии захвачены, но без своих водителей. Гасдрубал, который так часто отличался в предыдущих сражениях, проявил не меньшую храбрость в этом последнем сражении и пал в бою.

Римляне, как только одержали победу, разграбили лагерь врага. Найдя многих галлов пьяными и спящими на соломе, они без сопротивления убили их как жертв. Затем пленных собрали вместе, и из этой части добычи более трехсот талантов было передано в государственную казну. В сражении погибло не менее десяти тысяч галлов и карфагенян и около двух тысяч римлян. Некоторые из карфагенян, занимавшие высокие посты, были взяты живыми, остальные погибли в бою.^c

РАДОСТЬ В РИМЕ. БЕЗЧЕЛОВЕЧНОСТЬ И ТРИУМФ НЕРОНА

В Риме, как можно себе представить, известие о походе Нерона наполнило все сердца надеждой и страхом. И теперь, после десяти дней напряженного ожидания, дошли смутные слухи о том, что сражение состоялось и было выиграно. Тем не менее, люди боялись верить в то, чего желали, и тревога нарастала, пока командующий в Нарнии не отправил домой депеши с сообщением, что два всадника прибыли в это место с поля битвы с достоверными

известиями о великой победе. Народ был настолько нетерпелив, что претору с большим трудом удалось предотвратить захват и вскрытие депеш до того, как они были зачитаны в сенате. И когда он вынес их из здания сената и зачитал публично с трибуны, все воскликнули от радости, а мужчины, женщины и дети устремились в храмы, чтобы благословить богов за их великое избавление. Было принято постановление о благодарности консулам и их войскам; три дня были назначены для публичного благодарения богов. Никогда еще публичная радость и благодарность не были более заслуженными. Битва при Метауре стала спасением Италии, и Гораций высказал столько же исторической правды, сколько поэтического воодушевления, когда сказал, что «тогда, со смертью Асдрубала, пали все надежды и удача Карфагена».

Новость была передана Ганнибалу варварским образом. Нерон как можно быстрее вернулся в свой лагерь в Канузиуме, и его лейтенанты так хорошо хранили секрет, что Ганнибал оставался в неведении о его отсутствии; когда однажды утром в его лагерь бросили ужасную голову, Ганнибал узнал черты лица своего брата. Два пленника, присланные в лагерь, и большое тело, пронесенное перед римским лагерем, подтвердили мрачные предчувствия полководца, и он с тяжелым сердцем сказал, что «приговор Карфагену вынесен». Такое обращение с останками его брата было плохой оплатой за щедрость, проявленную Ганнибалом по отношению к телам своих противников; и этим поступком Нерон утратил всякое право на восхищение, за исключением того, которое должно быть оказано уму полководцу и решительному человеку.

Ганнибал теперь отступил в Бруттиум. Жители этой дикой страны, все еще почти такой же дикой, как и тогда, с непоколебимой верностью придерживались его падшей удачи. Здесь он продержался еще четыре года, вызывая почти большее восхищение в бедствии, чем в процветании. Даже теперь ни один римский полководец не был способен одержать над ним победу; даже теперь каждый ветеран оставался верным своему великому вождю. Но он был загнан в угол и стоял, как загнанный лев — все еще страшный, но без надежды. Войну в Италии теперь можно считать законченной.

Победа при Метауре была признана поводом для торжественного триумфа победоносных полководцев. Ни одна триумфальная процессия не проходила по Священной дороге и не поднималась на Капитолий с тех пор, как Эмилий Павел и Ливий Салинатор привели пленных иллирийцев в год перед вторжением Ганнибала. Все предыдущие успехи в войне были лишь возмещением потерь, за исключением захвата Сиракуз; и Марцеллу было отказано в полном триумфе, потому что он не завершил Сицилийскую войну. Но теперь не было никаких препятствий. Два консула встретились в Пренесте, и Эмилий Павел () продвигался с армией Ливия и пленными в длинной процессии к храму Беллоны на Марсовом поле. Здесь их встретили сенат и народ в праздничном наряде. Ливий появился на триумфальной колеснице, запряженной четырьмя белыми лошадьми, в сопровождении своей армии; Нерон ехал верхом рядом с ним без сопровождения, поскольку сражение произошло в округе Ливия. Однако все обратили свои взоры на патрицианского консула, и овации толпы показали, кому принадлежала истинная честь триумфа.

Несмотря на эти почести, Нерон (как ни странно) больше никогда не участвовал в войне, и только когда Нероны стали наследниками империи Августа, поэты воспели долг, который Рим был должен этому имени. На западе появилась звезда, которая вскоре затмила славу Нерона (). Оставшийся период войны будет представлять собой не что иное, как историю подвигов Сципиона.

ЧЕТВЕРТЫЙ И ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

История войны в Испании осталась почти незамеченной после смерти двух Сципионов в 212 или 211 г. до н. э. Теперь пришло время вернуться к этой стране, поскольку исход войны между Римом и Ганнибалом был фактически решен на испанской земле.

После неудач этой кампании сенат решил незамедлительно отправить подкрепление; временным командующим был назначен К. Клавдий Нерон, будущий герой Метавра. Но сенат решил пойти на необычный шаг и призвать народ избрать проконсула для Испании на больших комициях. Политика продолжения Испанской войны была очевидна, но риск провала был настолько велик, что сенат счел целесообразным возложить ответственность на народ. Но когда настал день, когда кандидаты на проконсульство должны были явиться на Марсово поле, ни один кандидат не появился. Люди смотрели друг на друга в ошеломлении. Казалось, что ни один из солдат республики не осмеливался взяться за столь великое и опасное предприятие, когда, к удивлению и восхищению всех, П. Корнелий Сципион, сын и племянник убитых проконсулов, поднялся и предложил себя на голосование народа. Ему было всего двадцать шесть лет, но его имя и характер были хорошо известны, и хотя до сих пор он не занимал никакой должности выше эдила, он был избран путем аккламации.

ХАРАКТЕР СЦИПИОНА

Сципион почти во всех отношениях резко контрастирует с людьми, которые до сих пор руководили делами Рима во Второй Пунической войне. Они были в преклонном возрасте, осторожны и недоверчивы; он же был в расцвете молодости, предприимчив и уверен в себе. Они были воспитаны в строгости старой римской дисциплины; о нем же говорили, что в молодости он был распушен и все еще считался слишком поддающимся легкомысленности греческих нравов. Они строго следовали букве закона; он же с самой юности привык ставить себя выше законов и обычаев Рима. Они всегда действовали как верные слуги сената; он очень скоро показал, что сенат должен довольствоваться следованием его политике, а не руководством ею. Однако они, будучи мягкими по отношению к своим соотечественникам, были жестокими, высокомерными и жестокими по отношению к иностранцам; он относился к иностранцам с человечностью и вежливостью, благодаря чему его имя было более любимо в Испании, чем в Италии. Тем не менее, в некоторых отношениях он был истинным римлянином. Несмотря на излишества, вмененные ему в молодости, он давно научился абсолютно контролировать свои страсти и подчинять каждое желание своему собственному представлению о долге. Несмотря на изящество и приветливость своих манер, он сохранял высокомерие в поведении, которое держало людей на определенном расстоянии от него. Немногие были близки с ним, но тем, кому он доверял, как, например, своему другу К. Лелию, он доверял полностью и без оговорок.

Один аспект его характера заслуживает особого внимания — религиозность его жизни. С момента своего появления на публике он никогда не предпринимал никаких дел, не посетив сначала великого храма на Капитолии и не проведя там несколько часов в погруженности в молитву. Религия Сципиона, возможно, не была последовательной, но в целом было бы несправедливо сомневаться в том, что он действовал, полагаясь на поддержку высших сил. В этом заключается секрет его характера. Та уверенность в себе, которая побуждала его не уклоняться от никакой ответственности (), приводила его также к пренебрежению законами, когда они, по его мнению, противоречили тому, что он считал необходимым. Каждый эпизод его юности свидетельствует об этой уверенности. Не говоря уже о сомнительной истории о том, как он спас жизнь своего отца, когда был еще мальчиком, мы

видели его в возрасте двадцати лет трибуном легионов, помогающим собрать разбитые остатки армии Канн и препятствующим отходу молодых аристократов после того катастрофического дня. Три года спустя мы видим, как он выдвигает свою кандидатуру на должность курульного эдила, и когда ему возражают, что он еще слишком молод для этой должности, он незамедлительно отвечает: «Если народ проголосует за меня, это сделает меня достаточно взрослым». А теперь, после смерти отца и дяди в Испании, мы видим, как он скромно ждет, пока станет ясно, что ни один опытный полководец не претендует на опасную честь сменить их, а затем смело предлагает себя на суд народа.

СКИПИО В ИСПАНИИ

[210-209 гг. до н. э.]

Сципион прибыл в Испанию в конце лета 210 года, а может быть, и только весной 209 года до н. э. Он высадился в Эмпории со своим другом Лелием и старшим братом Луцием, которые сопровождали его в качестве легатов. Он обнаружил, что три генерала, командовавшие карфагенянами в Испании — Гасдрубал и Маго, братья Ганнибала, и Гасдрубал, сын Гиско — были в раздоре друг с другом. Их войска были разбросаны по обширной территории от Гадеса до Кельтиберии, и, по-видимому, не было никакого намерения действовать в наступлении против римлян. Сципион, воспользовавшись этими обстоятельствами, решил нанести удар, который укрепил бы восторженные чувства римского народа по отношению к нему и показал бы, что появился полководец, который не будет довольствоваться робкой осторожностью фабианской политики. С помощью смелого удара можно было бы застать врасплох саму Новую Карфаген. О своем намерении он рассказал только Лелию, который отплыл во главе флота, а сам Сципион повел свою армию через Эбро и в невероятно короткие сроки прибыл к стенам города.

Новый Карфаген лежал на холмистом полуострове, выступающем в красивую бухту, которая образует гавань. Со стороны суши его стены были покрыты болотом или лагуной, которая затоплялась морем, так что к этому месту можно было подойти только по узкой перешейке между лагуной и гаванью. На этой перешейке Сципион занял позицию, укрепившись с тыла, но оставив переднюю часть своего лагеря открытой в сторону города. Не было времени терять, и на следующее утро он отдал приказ штурмовать стены. Он обратился к своим солдатам и заверил их в успехе; он сказал, что Нептун явился ему во сне и пообещал сражаться вместе с римлянами. Солдаты смело продвигались к лестницам, уверенные в своем молодом полководце. Но стены были высокими и крепкими; гарнизон оказывал упорное сопротивление, и еще до полудня Сципион отозвал своих солдат. Но он не отказался от своего замысла. Во второй половине дня ему сообщили, что вода в лагуне будет очень низкой из-за отлива, усугубленного сильным ветром. Поэтому он выбрал пятьсот человек, которым приказал взять несколько лестниц и броситься через воду, чтобы незаметно взобраться на стены, в то время как основные силы армии совершали ложную атаку со стороны перешейка. Таким образом, Нептун выполнил бы свое обещание.

План удался на славу. Гарнизон ушел на полуденный сон, и пока солдаты спешили отражать притворную атаку, пятьсот человек беспрепятственно проникли в город, бросились к главным воротам и распахнули их. Сципион с отборным отрядом прорвался к цитадели, в которую бежал гарнизон, и комендант сдался на милость. Все грабежи и убийства были прекращены, и в конце дня молодой полководец оказался хозяином этого важного города с огромным сокровищем и огромными запасами продовольствия ().

Римский полководец

(Скульптура)

Карфагенское правление больше не пользовалось популярностью в Испании, и Сципион с замечательной ловкостью использовал это в своих интересах. Он освободил всех заложников, удерживаемых карфагенянами, а также всех испанцев, которые были взяты в плен в городе. Среди этих заложников были жена Мандония, брата Индибилиса, могущественного вождя, который ранее был другом Карфагена, и дочери самого Индибилиса. Он отправил их домой с такой же заботой, как если бы они были его родственницами, хотя Индибилис и Мандоний активно участвовали в борьбе против его несчастного отца и дяди. Затем солдаты привели к нему красивую девушку, которую они приберегли в качестве особого подарка для своего молодого командира. Но Сципион, заметив ее слезы, поинтересовался ее положением и, узнав, что она была обручена с Аллуцием, молодым кельтиберским вождем, послал за юношей и вернул его невесту невредимой, без выкупа и условий. Это великодушное поведение не осталось без награды. Испанцы, быстрые в чувствах и романтические по натуре, считали молодого завоевателя героем, посланным избавить их от ига Карфагена. Его благородное поведение и личная красота укрепили благоприятное впечатление, произведенное его поступком по отношению к заложникам; и когда в следующем году он вторгся в Кельтиберию, его приветствовали Индибилис и Мандоний во главе своих вассалов. Вскоре после этого к нему прибыла делегация испанцев с просьбой стать их королем. Но Сципион вежливо отказался от этого предложения, сообщив им, что он лишь полководец римского народа, для которого слово «король» было ругательством и позором.

[209-206 гг. до н. э.]

Карфагенские полководцы были совершенно неспособны противостоять заслуженной популярности молодого римлянина. Асдрубал Барка пытался неожиданно отбить Новый

Карфаген, но тщетно; и в 208 г. до н. э. он был слишком занят подготовкой к итальянской экспедиции, чтобы энергично действовать против римлян. Вся Испания к северу от Бетиса (Гвадалкивира) была уступлена, но в конце концов Гасдрубал был вынужден дать сражение в местечке под названием Бекула, недалеко от этой реки. Римляне одержали победу, но карфагенский полководец умело отступил, оставив свой лагерь и обоз в руках врага. Асдрубал отступил в Лузитанию, оставив своего брата Маго и Асдрубала, сына Гиско, для охраны границ этого района, который вместе с провинцией, ныне называемой Андалусией, был единственной частью Испании, оставшейся за карфагенянами. Тем временем он сам пересек Тежу и, маршируя на север (как мы уже видели) по неизвестным римлянам дорогам, перешел Пиренеи у берегов Бискайского залива. Сципион был проинформирован о его намерениях перейти в Италию и ожидал, что он последует курсу своего брата Ганнибала. Но в начале 207 года до н. э., когда он находился на Эбро, он узнал, что его способный противник ускользнул от него и уже находится в самом сердце Галлии.

В том году карфагеняне приложили огромные усилия, чтобы восстановить свою падающую удачу. Из Африки были отправлены свежие силы, и молодой Масинисса, сын Гала, могущественного нумидийского вождя, также вышел на поле боя с большим отрядом своих грозных всадников. Сам Сципион появился на юге только в конце сезона, когда он обнаружил, что его брат Луций со своим легатом Силаном сдерживал карфагенян. Но до него дошли вести о Метауре, и он горел желанием затмить славу Нерона.

Поэтому в конце этого года или в начале 206 года Сципион со всей своей армией приготовился перейти Бетис и вступить в бой с врагом. Карфагеняне, уверенные в своей численности, были готовы не меньше и их объединенные силы смело вышли навстречу врагу. Место сражения неизвестно; его название по-разному называют Силпия или Элинга. Но результат известен. Победа Сципиона была полной; вся карфагенская армия была разбита и уничтожена; ее разрозненные остатки укрылись за стенами Гадеса вместе с Гасдрубалом Гиском и Маго, а хитрый Масинисса вступил в тайные переговоры с римлянами. Поэтому в начале 206 года сенат должен был поздравить народ не только с тем, что Италия была почти освобождена от армии Ганнибала, но и с тем важным фактом, что вся Испания, за исключением города Гадеса, находилась в руках римских войск.

Но Сципион рассматривал Испанию лишь как трамплин для вторжения в Африку. Он был убежден, что только здесь война может быть завершена. Валерий Левин уже совершил высадки на африканском побережье и обнаружил, что страна почти так же незащищена, как во времена Агафокла и Регула. Сципион решил не возвращаться в Рим, пока не подготовит почву для вторжения в Африку; а затем, с уверенностью, которая отличала всю его карьеру, он выдвинет свою кандидатуру на консульство и заставит сенат пойти на уступки.

В то время страна к западу от карфагенской территории, от Бона до Орана, была известна под названием Нумидия; сами нумидийцы делились на два больших племени: восточные нумидийцы, или масезилы, и западные, или массивы. Царем масасилиев был Сифакс; его столицей была Кирта, ныне известная под названием Константин как главная крепость Алжира. Гала, отец Масиниссы, был правителем массивов; и Сципион уже вступил в переговоры с Масиниссой. Но Масинисса еще не имел собственной власти, в то время как положение Сифакса на карфагенской границе () неизбежно делало его самым опасным врагом Карфагена. Поэтому было чрезвычайно важно заручиться дружбой этого могущественного, но нестабильного вождя. Сципион решил, с почти романтической смелостью, нанести визит в столицу Нумидии; и, чтобы показать свою уверенность в Сифаксе, он отплыл из Нового Карфагена в Африку всего на двух кораблях. Случилось так, что Гасдрубал Гиско, который до этого в отчаянии покинул Испанию, появился при дворе Сифакса в то же самое время и с теми же самыми целями. Оба соперника были приняты

нумидийцем, но обаятельные манеры и личные достоинства Сципиона на данный момент взяли верх, и Сифакс заключил союз с римлянами.

Когда Сципион вернулся в Испанию, он обнаружил, что его короткое отсутствие привело к серьезным изменениям. Три важных города в долине Бетис, Иллитурги, Кастуло и Астапа, закрыли свои ворота и провозгласили независимость. Без промедления он осадил Иллитурги. Город был взят после упорной обороны и подвергнут массовым убийствам и грабежам. Эта ужасная судьба их соотечественников произвела немедленный, но противоположный эффект на Кастуло и Астапу. Мужчины Кастуло, охваченные страхом, сдались на милость врага. Мужчины Астапы собрали все свое имущество в огромный погребальный костер на рыночной площади и поместили своих жен и дочерей под охрану, которая имела приказ убить их и поджечь костер, как только ворота будут взломаны. Остальные граждане пали в отважной борьбе, и римляне остались хозяевами кучи пепла.

Другое обстоятельство показало, что власть Рима в Испании была неустойчивой. Сципион заболел в Новом Карфагене, и распространился слух, что он умер. После этого Индибилис и Мандоний, считавшиеся его самыми верными друзьями, подняли знамя восстания и двинулись в Кельтиберию. Отряд итальянских войск численностью восемь тысяч человек, дислоцированный на Сукро, поднял открытый мятеж, изгнав своих римских офицеров и избрав двух итальянцев своими вождями. Быстрый и решительный способ, которым Сципион подавил этот опасный мятеж, напоминает поведение Клаве в Бенгалии в аналогичной ситуации. Он послал послов к мятежникам с просьбой прийти в Новый Карфаген и изложить свои жалобы; а когда они приблизились к городу, он приказал части армии, находившейся в этом месте, подготовиться к походу против восставших испанцев. Итальянцы встретили армию, покидавшую Новый Карфаген, когда они входили в него, и с надеждой полагали, что теперь генерал будет полностью в их власти. Но когда на следующее утро они явились перед Сципионом, они обнаружили, что тридцать пять человек, возглавлявших мятеж, были арестованы ночью, а шум оружия на улицах, ведущих к Форуму, дал им понять, что армия вернулась из своего мнимого похода. Сципион строго отчитал мятежников. Он приказал казнить зачинщиков и помиловал остальных, которые вновь принесли присягу на верность. Индибилис и Мандоний поспешили полностью подчиниться. Но как только Сципион покинул Испанию, эти недовольные вожди снова взяли за оружие. Индибилис пал в бою, Мандоний был взят в плен и казнен.

Теперь было очевидно, что у карфагенян больше не было надежды вернуть свои позиции в Испании. Гасдрубал Гиско вернулся в Африку. Масинисса добился встречи со Сципионом и вновь пообещал ему дружбу. Маго, последний оставшийся в живых брат Ганнибала, после тщетной попытки захватить Новый Карфаген вернулся в Гадес и обнаружил, что жители закрыли перед ним ворота. Он склонил главных магистратов, называемых суффетами (как в Карфагене), к переговорам, а затем, захватив их, распял на кресте на глазах у всего города. Этот жестокий и вероломный поступок лишил его последних симпатий жителей Гадеса. Они сдались римлянам, а Маго отплыл на Балеарские острова и занялся подготовкой высадки на побережье Италии, как последней попыткой освободить своего прославленного брата.

Теперь земля Иберийского полуострова была полностью очищена от карфагенян, и Сципион готовился к возвращению в Рим. Три года назад он покинул свою страну, неся с собой надежды и ожидания всех людей. Теперь он возвращался, более чем оправдав эти надежды и ожидания. Его друг Лелий был отправлен домой, чтобы объявить о его первом великом успехе; его брат Луций недавно прибыл, чтобы подготовить сенат и народ к скорейшему прибытию героя; и никто не сомневался, что на приближающихся выборах Сципион будет избран консулом единодушным голосованием народа.

СЦИПИОН ВОЗВРАЩАЕТСЯ В РИМ

[206-204 гг. до н. э.]

Он вернулся в конце 206 года до нашей эры. Сенат встретил его в храме Беллоны, но отказал ему в триумфе на том основании, что он не занимал никакой регулярной магистратуры во время своего отсутствия. Поэтому он вошел в город и выдвинул свою кандидатуру на консульство. Все племена единодушно отдали ему свои голоса, хотя ему еще не было и тридцати лет. Но общие правила выборов были нарушены на протяжении всей войны, и, по-видимому, возраст не вызвал никаких затруднений. Его коллегой был П. Лициний Красс, который был верховным жрецом и поэтому не мог покинуть Италию. Любые зарубежные предприятия должны были ложиться на долю Сципиона. Он сам не скрывал своего намерения перенести войну в Африку, и все понимали, что, если сенат откажет ему в разрешении, он вынесет на рассмотрение народа специальный законопроект с этой целью. Фабий, Фульвий и старая сенатская партия яростно противостояли этим смелым планам. Но прошло то время, когда они могли использовать голоса народа против предприимчивого консула, как они делали несколько лет назад против Левина. Сенат был вынужден пойти на компромисс, назначив Сицилию его провинцией с разрешением переправиться в Африку, если он сочтет это целесообразным. Однако они отказали ему в дополнительных наборах и поставках, которые он требовал. Но этруски и другие итальянцы с энтузиазмом предложили ему все, что он хотел. Тем не менее, в течение года своего консульства он не смог предпринять никаких попыток в Африке и продолжал выполнять свои обязанности проконсула.

Враги Сципиона сделали еще одну попытку сорвать его африканское предприятие. Узнав, что цитадель Локри была взята К. Племинием, командовавшим в Бруттии в качестве пропраетора, но что Ганнибал пришел на помощь этому месту, он без колебаний покинул свою провинцию и, войдя в гавань Локри, заставил карфагенян отступить. Как только Племиниус остался там во главе войска, он начал совершать грубые и жестокие злодеяния не только против жителей Локри, но и против тех римлян, которые осмеливались противостоять его воле. Сципион получил просьбу о помощи, но отказался вмешиваться, посоветовав локрийцам представить свои жалобы сенату в Риме. Эти жалобы поступили в начале 204 года до н. э., и старый Фабий снова громко осудил дерзкую смелость своего молодого соперника. Он закончил свою речь предложением лишить его командования. Были высказаны и другие жалобы на Сципиона: что, отправившись в Локри, он превысил пределы своей провинции, как он уже делал ранее, посетив Сифакса в Нумидии (); кроме того, что он тратил время на занятия, не подходящие римскому воину, посещая школы и гимназии греческих городов и нося греческую одежду, в то время как его люди ежедневно развращались разгульной жизнью и отсутствием дисциплины. Сенат не рискнул действовать на основании этих неопределенных обвинений без предварительного расследования; поэтому было решено направить комиссию на Сицилию для проверки правдивости обвинений. Результат оказался весьма благоприятным для генерала. Было сообщено, что он не виновен в эксцессах Племиниуса, который был арестован и оставлен умирать в тюрьме; что его войска, вместо того чтобы быть запущенными и недисциплинированными, находились в наилучшем порядке; и что для вторжения в Африку были подготовлены оружие, боевые машины и всевозможные припасы. Было единодушно решено, что Сципион должен сохранить свое командование до тех пор, пока не завершит войну.

Доверие, которое сенат испытывал к изменившейся ситуации, полностью продемонстрировано двумя декретами, принятыми в том же году. Первый касался

двенадцати латинских колоний, которые пять лет назад отказались предоставить солдат. В то время было сочтено разумным пропустить это непокорное поведение. Но теперь от них требовали предоставить вдвое больше солдат, чем положено, до конца войны. Они роптали, но подчинились. Другой указ был внесен Левином для погашения патриотического займа, выданного во время его консульства в 210 году до н. э. Таким образом, было очевидно, что битва при Метауре, подкрепленная большими успехами Сципиона в Испании, избавила республику от всяких опасений по поводу недовольства в колониях или банкротства внутри страны. Появились и другие признаки уверенности. Огромный камень, который, как полагали, олицетворял Великую Мать богов, был торжественно доставлен в Рим из Пессинуса на Сицилии. Сивиллины книги предписывали, чтобы забота об этой драгоценной реликвии была возложена на «лучшего человека» в Риме; и сенат присвоил это звание П. Сципиону Насику, сыну Гн. Сципиона, погибшего в Испании, и двоюродному брату великого человека, который теперь прославлял его имя.

СЦИПИОН ВТОРГАЕТСЯ В АФРИКУ

[204-203 гг. до н. э.]

Теперь, когда все препятствия были устранены, Сципион приготовился переправиться в Африку. Его армия и флот были собраны в Лилибее под его собственным присмотром. Его брат Луций и его друг Лелий по-прежнему сопровождали его в качестве легатов, а его квестором был молодой человек, которому суждено было впоследствии прославиться, М. Порций Катон. Он отплыл в конце 204 года до н. э. Его армия была не столько многочисленной, сколько хорошо оснащенной и дисциплинированной, состоящей из людей, состарившихся на службе, искусных в осадах, готовых ко всем опасностям; ведь большая часть из них знала, что только успешное завершение войны дает им единственный шанс вернуться домой и дожить свои дни в мире. Когда корабли покинули гавань на рассвете, Сципион громко молился всем богам, чтобы его предприятие было благословлено их милостью, чтобы зло, которое Карфаген причинил Риму, теперь обрушилось на его голову. Когда наступило второе утро, они увидели землю, и Сципион, услышав, что они находятся у мыса Фэйр, сказал, что это хорошее предзнаменование и что там должно быть их место высадки.

Масинисса присоединился к нему с двумя сотнями нумидийских всадников, но его знание местности и неустанная деятельность сделали бы его желанным гостем, даже если бы он прибыл один.

Сципион немедленно осадил Утику. Ужас в Карфагене достиг своего апогея. Некоторое время он мог беспрепятственно продолжать свои операции. Но с наступлением зимы Гасдрубал Гиско сумел собрать значительные силы и убедил своего зятя Сифакса оказать помощь в освобождении Утики. Сципион расположился лагерем на мысе к востоку от этого города, в месте, которое долгое время носило название «лагерь Корнелия», где до сих пор можно увидеть руины его укреплений; и карфагеняне надеялись, что смогут блокировать его здесь как с суши, так и с моря. Сципион оставался спокойным всю зиму, за исключением того, что он развлекал Сифакса, вступая с ним в переговоры о мире. Но эти переговоры велись для того, чтобы скрыть замысел, который с наступлением весны он смог воплотить в жизнь. Он заметил, что Гасдрубал занимал один лагерь, а Сифакс — другой. Хижины нумидийцев были построены из кольев, переплетенных и покрытых тростником; а жилища карфагенян, хотя и были несколько более прочные, состояли исключительно из дерева. Сципион сумел получить точные сведения о плане и расположении этих лагерей; и когда

настало время осуществить свой замысел, он внезапно прервал переговоры и сказал Сифаксу, что все мысли о мире должны быть отложены до более позднего времени.

В первую темную ночь, которая наступила после этого, он послал Лелия и Масиниссу против лагеря Сифакса, а сам двинулся к лагерю Гасдрубала. Масинисса легко проник в ряды своих соотечественников и сразу же поджег их легковоспламеняющиеся жилища. Несчастные люди поднялись со своих лож или от своих чаш с вином и попытались потушить пламя. Но работа была сделана слишком хорошо, и когда они попытались спастись, то обнаружили, что все выходы из лагеря заблокированы врагами. Сзади их жгло пламя, впереди — смерть от меча, и хотя Сифакс спасся, его армия была уничтожена. Та же участь постигла Гасдрубала. При первом тревожном сигнале он догадался о происходящем и сбежал, оставив своих людей на произвол Сципиона. Когда наступило утро, римляне преследовали беглецов; и не будет преувеличением сказать, что все силы, на которые Карфаген полагался для своей безопасности, были уничтожены таким ужасным образом. Этот рассказ заставляет кровь застывать в жилах. Однако ни сам этот поступок, ни двуличие, с которым он был совершен, никогда не считались пятном на доброй славе Сципиона.

Римский гражданин

Карфагенский сенат был готов сдаться и признать дело проигранным. Но в этот момент десять тысяч кельтиберов высадились в Африке и предложили свои услуги Сифаксу; и этот принц поддался уговорам своей жены Софонисбы, дочери Гасдрубала Гиско, и решил возобновить борьбу. Асдрубал также приложил все усилия, чтобы собрать новую армию, и в течение тридцати дней два союзных полководца появились на великой равнине, которая простирается примерно на семьдесят или восемьдесят миль к юго-западу от Утики и Карфагена. Сципион, оставив свой флот и часть армии для продолжения блокады Утики, без промедления выдвинулся, чтобы дать им сражение. Кельтиберийцы оказали упорное сопротивление, но, будучи покинутыми остальной частью армии, были полностью разгромлены. Гасдрубал бежал в Карфаген, Сифакс — в свое королевство, так что вся страна осталась на милость римлян. Сципион продвигался к Карфагену, принимая подчинение различных городов, через которые он проходил. Разбив лагерь в Тунисе, откуда была видна столица, он ждал подчинения правительства.

Тем временем Лелий и Масинисса с итальянской и нумидийской кавалерией преследовали Сифакса до Кирты. Несчастный царь оказал слабое сопротивление, но был разгромлен, и его столица сдалась на безразличных условиях. Масинисса получил свою награду и был провозглашен царем всей Нумидии. Когда он вошел в Кирту, его встретила Софонисба, бывшая его невеста, а теперь жена его соперника. Ее очарование растопило его сердце, и, опасаясь, что Сципион может потребовать ее как свою пленницу, чтобы вести ее в триумфе рядом с Сифаксом, он решился на смелый шаг и сразу же женился на ней. Сципион приказал привести молодого вождя и строго отчитал его за то, что он осмелился завладеть римской пленницей. Масинисса чувствовал, что не в силах защитить свою несчастную невесту, но, решив, что она должна иметь возможность спастись от унижения римского триумфа, он послал ей чашу с ядом, сказав, что в этом заключается ее единственное возможное спасение. Она приняла зелье, сказав, что принимает свадебный подарок, и

выпила его до дна. Когда трагическая судьба Софонисбы дошла до ушей Сципиона, он испугался, что поступил слишком сурово со своим нумидийским союзником. Он послал за ним и, мягко упрекнув его за поспешность, публично вручил ему самые почетные свидетельства его храбрости и верности, которые мог даровать римский полководец. В радости удовлетворенной амбиции и приобретения могущественного суверенитета Масинисса скоро забыл о горе Софонисбы.

Пока Сципион оставался в Тунисе, карфагенский флот напал на римские корабли в гавани Утики и одержал некоторую победу. Правительство также получило информацию о том, что Маго, высадившись в Италии, был встречен лигурами и частью галлов и недавно занял позиции на По с значительными силами. Здесь, однако, он столкнулся с римской армией и был разгромлен после ожесточенной борьбы. Сам Маго, получив ранение, укрылся среди лигуров, которые по-прежнему оставались верными его делу.

Карфагеняне отправили послов в Рим для заключения мира, а Ганнибалу и Маго было приказано вернуться со всеми силами, которые они смогут собрать. Маго немедленно подчинился приказу, но умер от ран во время перехода. Ганнибал также с горечью в душе приготовился подчиниться. В течение шестнадцати лет этот неукротимый человек удерживал свои позиции на чужой земле, и даже теперь остатки его ветеранской армии с отчаянной преданностью держались за него. Он чувствовал, что, по крайней мере, для него самого он добился более чем успеха; если он и потерпел неудачу, то это была вина той неблагодарной страны, которая долгие годы не поддерживала его, а теперь призывала его защищать ее от врага. То, чем Сципион был теперь для Карфагена, Ганнибал мог бы быть для Рима. Тем не менее он понимал, что дальнейшее пребывание в Италии не принесет ему никакой выгоды, поэтому он простился с чужим берегом, который так долго был его домом, и отплыл в родную страну, которую не видел почти сорок лет.

[203-202 гг. до н. э.]

В Риме царила великая радость, когда пришла весть о том, что их страшный враг был наконец вынужден покинуть берега Италии. Было объявлено общественное благодарение (); были принесены жертвы всем великим богам Рима, и римские игры, которые были обещаны Марцеллом во время его последнего консульства, наконец были проведены. Именно в этот момент триумфа прибыли карфагенские послы. Сенат принял их (неблагоприятное предзнаменование!) в храме Беллоны. Левин предложил немедленно отправить их прочь и приказать Сципиону энергично продолжать войну. После некоторого обсуждения его предложение было принято. Таким образом, к концу 203 года до н. э. стало ясно, что исход войны будет решен в схватке двух великих полководцев, которые, каждый из которых был триумфатором в своей карьере, еще ни разу не сталкивались друг с другом в бою. Примерно в то же время в глубокой старости скончался старый Фабий. Ему принадлежит заслуга того, что он первым успешно противостоял Ганнибалу, но его несколько узкий ум и ревнивая упрямость, часто сопутствующая преклонным годам, не позволили ему понять, что всему свое время, что его собственная политика была превосходна для восстановления могущества республики, но слабость Ганнибала открывала поле для более смелых мер Сципиона.

Ганнибал высадился со своими ветеранами в Лептисе, к югу от Карфагена, и оттуда, маршируя на север, занял позицию на равнине Зама, в пяти днях марша от Карфагена. В начале года (202 г. до н. э.) Сципион выступил из Туниса, чтобы встретиться с ним, и, обнаружив, что карфагенский полководец послал шпионов, чтобы выяснить его силы, приказал провести их через свой лагерь и велел им составить полный отчет о том, что они видели. Ганнибал почувствовал, что ему приходится иметь дело с превосходящими силами,

возглавляемыми полководцем, уступающим по способностям только ему самому. Его собственные ветераны были немногочисленны; остальная часть его армии состояла из неопытных новобранцев или союзников, которым трудно было доверять; нумидийская конница, его главная сила в Италии, теперь была выстроена против него под командованием предприимчивого Масиниссы. Поэтому он предложил личную встречу, питая слабую надежду, что ему удастся заключить договор со Сципионом. Но было уже слишком поздно. Генералы расстались после встречи с чувством взаимного уважения и приготовились решить судьбу цивилизованного мира в сражении.^b

БИТВА ПРИ ЗАМЕ, ОПИСАННАЯ ПОЛИБИЕМ

[202 г. до н. э.]

На следующий день, как только появился рассвет, они вывели свои войска с обеих сторон и приготовились к сражению: карфагеняне — за свою безопасность и владение Африкой, римляне — за господство над всем миром и всемирную империю. Есть ли кто-нибудь, кто может не задержаться на этой части истории или остаться равнодушным к этому рассказу? Никогда еще не было более воинственных народов, никогда еще не было более способных полководцев, более совершенных во всех искусствах и дисциплинах войны; никогда еще судьба не предлагала более великой награды, чем та, которая теперь предстояла участникам сражения. Ведь победителей ждала не только Африка и Италия, но и власть над всем известным миром. И действительно, вскоре это и произошло.

Сципион выстроил свою армию в боевом порядке следующим образом: он поместил в первую линию гастатов, оставив промежутки между когортами. Во вторую линию он поместил принципов, но выстроил их когорты не напротив промежутков, как было принято у римлян, а позади когорт первой линии и на значительном расстоянии от них из-за большого количества слонов, которые были в карфагенской армии. В третьем ряду он выстроил триариев. На левом фланге он разместил Гая Лелия с итальянской кавалерией, а на правом — Масиниссу и нумидийцев (). Промежутки между рядами первой линии он заполнил ротами легко вооруженных войск, которым было приказано начать сражение, и если они окажутся под слишком сильным натиском слонов, то самые быстрые из них должны были отступить через узкие промежутки к тылу всей армии, а остальные, если их перехватили по пути, должны были направиться вправо или влево по открытым пространствам между линиями. Когда его расположение было таким образом завершено, он обошел все войска и обратился к ним с несколькими словами, но такими, какие, по-видимому, требовались в данной ситуации.

«Вспомните, — сказал он, — ваши прежние победы и проявите теперь мужество, достойное вас самих и вашей страны. Помните всегда, что, одержав победу в этой битве, вы не только станете хозяевами всей Африки, но и обеспечите Риму бесспорное господство над остальным миром. Если же, с другой стороны, вы будете побеждены, те, кто падет с честью в бою, получат честь, гораздо более славную, чем любые права на погребение, — честь умереть за свою страну; а те, кто спасется, будут обречены провести остаток своей жизни в крайнем позоре и нищете. Ведь Африка не предоставит вам убежища, и если вы попадете в руки карфагенян, то ваш разум легко подскажет вам, каково будет ваше положение. Но пусть никому из вас не придется узнать это на собственном опыте. Когда же, — продолжил он, — судьба предлагает нам с обеих сторон столь благородную награду — всемирную империю или славную смерть, — то насколько мы должны быть лишены чести и разума, если отвергнем эти величайшие блага и из желания жить выберем самое невыносимое из зол. Поэтому, когда вы будете наступать на врага, несите с собой в бой эту решимость,

которая всегда поможет преодолеть самое сильное сопротивление. Будьте решительны: либо победить, либо умереть. Не держитесь ни за малейшую мысль о жизни. С такими чувствами победа не может не быть вашей».

Такова была речь Сципиона. Ганнибал, со своей стороны, поставив более восьмидесяти слонов во главе всей армии, сформировал первую линию из наемников, которые представляли собой смешанную толпу галлов, лигуров, балеарцев и мавританцев и насчитывали в общей сложности около двенадцати тысяч человек. За ними шли карфагеняне и подчиненные африканцы. Третья линия состояла из войск, которые он привел с собой из Италии, и была расположена на расстоянии более стадиона от второй линии. Кавалерия была размещена на флангах: нумидийские вспомогательные войска — слева, а карфагенская кавалерия — справа. Он приказал офицерам, командовавшим различными отрядами наемников, поощрять своих солдат и убеждать их в уверенности в победе, поскольку к ним теперь присоединились Ганнибал и его ветераны. Лидерам карфагенян, с другой стороны, было велено представить им фатальные последствия поражения и перечислить все беды, которым подвергнутся их жены и дети. И пока эти приказы выполнялись, он сам, обойдя свои войска, обратился к ним с величайшей серьезностью и такими словами:

«Помните, солдаты, что мы вместе сражались в течение семнадцати лет. Помните, в скольких сражениях мы участвовали против римлян. Победив во всех них, мы не оставили римлянам даже малейшей надежды на то, что они когда-нибудь смогут нас победить. Но помимо других бесчисленных сражений, в которых мы всегда одерживали победу, помните также, прежде всего, битву при Требии, которую мы выиграли против отца того самого полководца, который сейчас командует римской армией (); битву при Тразимене против Фламиния и битву при Каннах против Эмилия. Сражение, к которому мы сейчас готовимся, не сравнится с теми великими битвами ни по численности, ни по мужеству войск. Посмотрите же на силы противника. Они не только меньше, но и составляют лишь ничтожную часть тех сил, с которыми мы сражались тогда. Не меньше разница и в мужестве. Прежние войска были полны сил и никогда не были обескуражены каким-либо поражением. Но те, кто стоит перед нами, — это либо дети прежних воинов, либо жалкие остатки тех самых людей, которых мы покорили в Италии и которые так часто бежали от нас. Не упустите же в этот раз славу вашего полководца и вашу собственную. Сохраните имя, которое вы завоевали, и подтвердите мнение, которое до сих пор преобладало, что вас никогда не победить».

Когда полководцы обеих сторон произнесли речи перед своими войсками, а нумидийская кавалерия некоторое время сражалась между собой, и все было готово, Ганнибал приказал направить слонов на врага. Но шум рогов и труб, звучавших со всех сторон, настолько испугал некоторых из этих животных, что они с яростью обернулись против своих нумидийцев и ввергли их в такое замешательство, что Масинисса без особого труда рассеял всю кавалерию, которая находилась слева от карфагенской армии. Остальные слоны, столкнувшись с легко вооруженными силами римлян в пространстве между армиями, сильно пострадали в столкновении и также нанесли большой ущерб врагу; пока, наконец, потеряв всякую храбрость, некоторые из них не пробрались через промежутки в римской армии, которые обеспечили им открытый и безопасный проход, как мудро предвидел Сципион; а остальные, направившись вправо, были преследованы копьями кавалерии, пока не были полностью изгнаны с поля боя. Но поскольку они в своем бегстве вызвали некоторую суматоху на своем правом фланге, Лелий также воспользовался этим моментом, чтобы напасть на карфагенскую кавалерию; и, заставив их повернуть вспять, он пристально преследовал их, в то время как Масинисса, со своей стороны, с не меньшим рвением преследовал нумидийскую кавалерию.

И вот тяжеловооруженные войска обеих сторон медленно и уверенно продвигались к месту сражения, за исключением тех войск, которые вернулись с Ганнибалом из Италии и оставались на тех позициях, на которых они были размещены изначально. Как только они приблизились, римляне, как обычно, все вместе закричали и, стуча мечами о щиты, бросились на врага. С другой стороны, карфагенские наемники шли в атаку с беспорядочными и неразборчивыми криками. Поскольку, как мы уже сказали, они были собраны из разных стран, среди них не было, как выражается поэт (*Илиада*, IV, 437):

«Один голос, один язык;

Но звуки несогласованные, как их различные племена».

В этом первом столкновении, поскольку бойцы были так тесно сцепились, что не могли использовать свои копья и даже мечи, и сражались врукопашную, наемники благодаря своей смелости и ловкости сначала получили преимущество и ранили многих римлян; но последние, благодаря превосходству своего расположения и характеру своего оружия, продвигались вперед и продолжали набирать силу, поддерживаемые остальной частью своей армии, которая следовала за ними и ободряла их сзади.

Наемники, с другой стороны, не имели ни поддержки, ни подкрепления. Карфагеняне, находившиеся позади них, не подошли, чтобы помочь им в бою, а стояли, как люди, лишившиеся всякой храбрости. В конце концов, чужеземцы повернули вспять и, полагая, что их явно бросили свои друзья, на отступлении напали на карфагенян, находившихся позади, и убили их. Последние, однако, пали не без отважной и энергичной защиты, ибо, будучи так неожиданно атакованы и вынуждены сражаться как со своими наемниками, так и с римлянами, они приложили все свои силы и, вступив в бешеную и беспорядочную схватку, устроили беспорядочную резню друзей и врагов. В этой суматохе гастаты также оказались в таком затруднительном положении, что были вынуждены разорвать свои ряды. Но вожди принципов, заметив беспорядок, подвели свои войска вплотную сзади, чтобы поддержать их, так что в конце концов большая часть карфагенян и наемников была уничтожена на месте, частично самими собой, частично гастатами. Ганнибал не позволил остальным беглецам присоединиться к третьему ряду, к которому они бежали, а приказал передним рядам направить на них копья, когда они приблизились. Поэтому они были вынуждены отступить по флангам на открытую равнину.

(По Мирису)

Поскольку вся земля между оставшимися войсками была покрыта кровью, трупами и убитыми, римский полководец был не в малой степени озадачен, опасаясь, что это препятствие помешает ему одержать полную и совершенную победу. Ведь казалось нелегким делом вести войска, не нарушая их рядов, через окровавленные и скользкие трупы, наваленные друг на друга, и через оружие, разбросанное в беспорядке и нелепо перемешанное с грудami мертвых. Однако, приказав отнести раненых в тыл армии (), он отозвал гастатов (hastati) с преследования и выстроил их в строй, когда они вернулись, в передней части поля, на котором происходило сражение, напротив центра врага. Затем он приказал принципам (principes) и триариям (triarii) сомкнуть ряды, сформировать крылья по обеим сторонам и продвигаться по трупам. И когда эти войска, преодолев все промежуточные препятствия, вышли на одну линию с гастатами, сражение началось с обеих сторон с величайшим рвением и жаром. Поскольку численность войск была почти равна, а настроение, мужество и вооружение обеих сторон одинаковы, исход сражения долгое время оставался неопределенным; борьба была настолько упорной, что все воины пали на том месте, где сражались. Но Лелий и Масинисса, возвращаясь с преследования разбитой кавалерии, самым благоприятным образом прибыли в тот самый момент, когда их помощь была наиболее необходима, и напали на тыл Ганнибала. Поэтому большая часть его войск была теперь убита в своих рядах; и среди тех, кто бежал, лишь очень немногие смогли спастись, так как их преследовала кавалерия по открытой местности. В сражении погибло более полутора тысяч римлян, но со стороны карфагян было убито более двадцати тысяч и почти столько же взято в плен. Такова была битва между Ганнибалом и Сципионом — битва, которая дала римлянам господство над миром.

Когда сражение закончилось, Публий, после того как некоторое время преследовал бежавших и разграбил лагерь карфагян, вернулся в свой лагерь. Ганнибал с небольшим отрядом всадников продолжил отступление без остановки и благополучно прибыл в Адрумет, сделав в этой ситуации все, что было возможно для храброго и опытного полководца. Во-первых, он вступил в переговоры с врагом и попытался в одиночку положить конец спору. Это не было позором для его прежних побед, а лишь показывало, что он не доверял судьбе и хотел обезопасить себя от странных и неожиданных случайностей, которые происходят на войне. В последующей битве он так хорошо расположил войска, что ни один полководец, даже используя то же оружие и тот же порядок боевых действий, что и римляне, не смог бы сражаться с большим преимуществом.

Порядок римлян в бою очень трудно нарушить, потому что вся армия в целом, а также каждая отдельная часть, всегда готова представить фронт своим врагам, с какой бы стороны они ни появились. Кохорты одним движением поворачиваются вместе, как того требует ситуация, в сторону, откуда наносится удар. К этому следует добавить, что их оружие также хорошо приспособлено как для защиты, так и для нападения: их щиты большие, а мечи крепкие и нелегко повредить ударом. По этим причинам они очень грозны в бою, и победить их очень трудно. Но Ганнибал противопоставил каждому из этих преимуществ самые эффективные препятствия, которые только можно было придумать. Он собрал большое количество слонов и разместил их в передней части своей армии, чтобы они могли нарушить порядок врага и рассеять его ряды. Разместив наемников в первом ряду, а карфагян — в ряду позади них, он надеялся измотать римлян усталостью до того, как битва дойдет до окончательного решения, и сделать их мечи бесполезными в результате непрерывной бойни. Поместив таким образом карфагян между двумя рядами, он заставил их стоять на месте и, как сказал поэт (*Илиада*, IV, 430):

«Сильной необходимостью заставил их сражаться,

Как бы они ни сопротивлялись».

На последнем месте он выстроил самых храбрых и стойких из своих воинов на расстоянии от остальных, чтобы, наблюдая издали за ходом сражения и сохраняя всю свою силу и мужество, они могли воспользоваться наиболее благоприятным моментом и с силой обрушиться на врага. Поэтому, если, приняв все возможные меры предосторожности для обеспечения победы, он теперь впервые потерпел поражение, его вполне можно простить. Ведь иногда судьба противодействует замыслам храбрых людей. Иногда же, согласно пословице,

«Храбрый человек подчиняется более храброму».

И именно это, по всей вероятности, и произошло в данном случае.

УСЛОВИЯ, ПРЕДЪЯВЛЕННЫЕ КАРТАГЕ; ТРИУМФ СКИПИЯ

Когда люди, оплакивая свою несчастную судьбу, в своих действиях превосходят все обычные формы скорби, если их поведение кажется результатом подлинной страсти и вызвано только величиим их бедствий, мы все готовы быть тронуты странностью этого зрелища и не можем ни видеть, ни слышать их, не сочувствуя их положению. Но если эти проявления являются притворными и принимаются только с намерением обмануть, то вместо сострадания они вызывают возмущение и отвращение. И именно это произошло в отношении карфагенских послов. Публий сказал им в нескольких словах: что в отношении них самих они явно не имеют права претендовать на мягкое или благосклонное обращение, поскольку, по их собственному признанию, они первыми начали войну против римлян, напав на Сагунт в нарушение договора, а теперь вновь нарушили статьи соглашения, которое они ратифицировали в письменной форме и обязались соблюдать под присягой (). Однако римляне, как в своих собственных интересах, так и с учетом общего положения и судьбы человечества, решили проявить к ним в этом случае великодушную милосердие. И действительно, им самим это должно показаться великодушным, если они будут рассматривать все обстоятельства в надлежащем свете, ибо, поскольку судьба сначала лишила их всякой возможности претендовать на милосердие или прощение из-за их собственного вероломного поведения, а теперь полностью предала их во власть врагов, никакие лишения, которые им придется перенести, никакие условия, которые им будут навязаны, никакие уступки, которые от них потребуют, не могут считаться суровыми или жестокими; скорее, было бы удивительно, если бы им были предоставлены какие-либо льготы. После этой речи он сначала перечислил условия снисхождения, на которые он был готов пойти, а затем условия строгости, которым они должны были подчиниться. Условия, которые он им предложил, были следующими:

Они должны были сохранить все города, которые они занимали в Африке до начала последней войны, которую они вели против римлян, а также все земли, которые они владели в древности, вместе с скотом, людьми и имуществом, которые на них находились. С сегодняшнего дня все военные действия должны были прекратиться. Чтобы они управлялись своими собственными законами и обычаями и не принимали никаких гарнизонов от римлян. Таковы были статьи о льготах; другие, противоположные по своему характеру, были следующими:

Что карфагеняне должны вернуть все, что они несправедливо отняли у римлян во время перемирия. Что они должны вернуть всех пленных и дезертиров, которые когда-либо попали в их руки. Чтобы они сдали все свои длинные корабли, за исключением десяти триер, а также своих слонов. Чтобы они ни в коем случае не вели войну ни с каким государством за пределами Африки, ни с каким-либо государством в Африке без согласия римлян. Чтобы они вернули царю Масиниссе дома, земли, города и все остальное, что принадлежало ему или его предкам в пределах, которые будут объявлены в дальнейшем. Они должны снабжать римскую армию зерном, достаточным на три месяца, а также выплачивать жалование войскам до тех пор, пока из Рима не поступит ответ, подтверждающий условия договора. Они должны были выплатить десять тысяч талантов серебра в течение пятидесяти лет, принося по двести эвбейских талантов каждый год. В качестве гарантии своей верности они должны были предоставить сто заложников, которых римский полководец должен был выбрать из всех их молодых людей в возрасте от четырнадцати до тридцати лет.

Как только Публий закончил зачитывать эти статьи, послы поспешно вернулись в Карфаген и доложили о предложенных условиях. По этому поводу, когда один из сенаторов собирался возразить против этих условий и начал говорить, Ганнибал, как говорят, выступил вперед, схватил этого человека и стащил его с места. И когда остальные сенаторы, по-видимому, были очень недовольны таким поступком, оскорбляющим обычаи этого собрания, он снова встал и сказал, что его можно простить, если его незнание привело к нарушению каких-либо установленных форм. Что они знают, что он покинул свою страну, когда ему было всего девять лет, и теперь вернулся в нее в возрасте более сорока пяти лет. Поэтому он просил их не столько рассматривать вопрос о том, нарушил ли он какой-либо обычай, сколько о том, был ли он движим искренней заботой о бедственном положении своей страны. То, что он чувствовал по этому поводу, было действительно истинной причиной его проступка. Ему казалось самым удивительным и совершенно нелепым, что любой карфагенянин, знающий о том, что их государство в целом, а также отдельные люди замыслили против римлян, не был готов поклоняться своей удаче, когда, попав в их руки, он теперь обнаружил, что они обращаются с ним с такой великой милостью. Если бы карфагенян спросили всего несколько дней назад, чего их страна должна ожидать в случае поражения от римлян, они не смогли бы дать никакого ответа, настолько велики и обширны были бедствия, которые тогда предстояли. Поэтому он просил их не обсуждать условия, а принять их единодушно, одновременно принеся жертвы богам и объединившись в молитвах, чтобы договор был ратифицирован римским народом. Этот совет показался настолько разумным и подходящим к сложившейся ситуации, что сенат решил согласиться на мир на указанных условиях и немедленно отправил послов для заключения договора.

[201 г. до н. э.]

Вскоре после этого [в начале 201 года до н. э.] Публий Сципион вернулся в Рим из Африки. Поскольку величие его деяний вызвало у людей очень высокие и всеобщие ожидания, при его въезде в город его окружали огромные толпы, и народ встретил его с величайшими знаками благосклонности. Это было не только разумно, но и необходимо. Ведь те, кто еще недавно не смели даже надеяться (), что Ганнибал когда-нибудь будет изгнан из Италии или что опасность будет устранена от них самих () и их семей, теперь видели, что они не только избавлены от страха перед каким-либо нынешним злом, но и обрели прочную и надежную безопасность благодаря полному завоеванию своих врагов. Поэтому в этот раз они не сдерживали своей радости. В тот же день, когда он торжественно вступил в город,

предметы, которые были представлены в процессии, наиболее ярко отражали в сознании народа опасности, от которых он избавился, и люди стояли в экстазе, изливая благодарность богам и признательность автору столь великого избавления. Среди прочих пленников в процессии был приведен и Сифакс, царь масезилов, который через некоторое время умер в тюрьме. Когда торжества по случаю триумфа закончились, в Риме в течение многих дней продолжались игры и зрелища, расходы на которые Сципион покрывал с достоинством, достойным его.⁶

ОЦЕНКА ГАННИБАЛА

[201-202 гг. до н. э.]

Великий противник Сципиона прожил еще много лет после битвы при Заме и, как мы увидим, в конце концов умер в изгнании. Но его карьера как выдающегося человека своего времени практически закончилась с поражением при Заме, и здесь мы можем сделать небольшую паузу, чтобы попытаться оценить его характер и влияние. Один из самых современных историков Пунических войн, доктор Фукс, так характеризует величайшего из карфагенян:

Ганнибал, без сомнения, стоит в первом ряду воинских героев. Многие, и не без оснований, отдали бы ему первое место. Конечно, Александр завоевал огромное царство, которое охватывало всю Малую Азию и когда-то простиралось на Европу и Африку, но ноги этого колосса были глиняными, и миру давно было известно, что его сила не соответствовала его размерам. Семьдесят лет назад принц из правящего дома замыслил смелую идею напасть на него с десятью тысячами греческих воинов в тяжелых доспехах, а Агесилай имел смелый план пронзить сердце гиганта с помощью восьми тысяч человек. Отец Александра не только завещал ему средства для осуществления этого великого плана, но и оставил ему могущественный крестьянский класс, готовое к службе дворянство, упорядоченные финансы и величие королевского имени.

Цезарь и Наполеон также вызывали восхищение своих современников. Первый пересек три части света со своими победоносными легионами, а второй потряс до основания всю Европу и ее конституции. Менее удачливые, чем королевский наследник Агесилай, они были не только вождями, но и создателями своих армий. Но превосходство могущества, окружавшего римское правительство, и сила французского консульства и империализма были обусловлены тем, что они были основаны на законе. Таким образом, имея полную и свободную свободу действий, оно с радостью пожертвовало преобладающим энтузиазмом молодой свободы, а энтузиазм никогда не взвешивает то, что он дает. Сила врага в первом случае была слаба, поскольку основывалась на упаднической системе, единство руководства было разрушено высокомерием высокородных римлян, которые пожинали, но не сеяли; а во втором случае искусство войны было оторвано от природы и стало столь же педантичным, как и вся тенденция того времени.

Для Ганнибала это было не так просто. У него тоже было наследство — наследство сходства с его великим отцом, которое принесло ему звание полководца. Ганнибал произвел слишком большое впечатление на карфагенских наемников, чтобы они могли отказать в лидерстве сыну, стоящему на пороге зрелости, который имел черты лица своего отца. Но как бы ни льстил этот выбор отцу, он был полон опасностей для сына. Конечно, он поставил его во главе армии, но не наделил его авторитетом, который окружает королевского наследника или человека, уполномоченного правительством занимать высокий пост в государстве; он оказался в затруднительном положении, когда ему приходилось либо

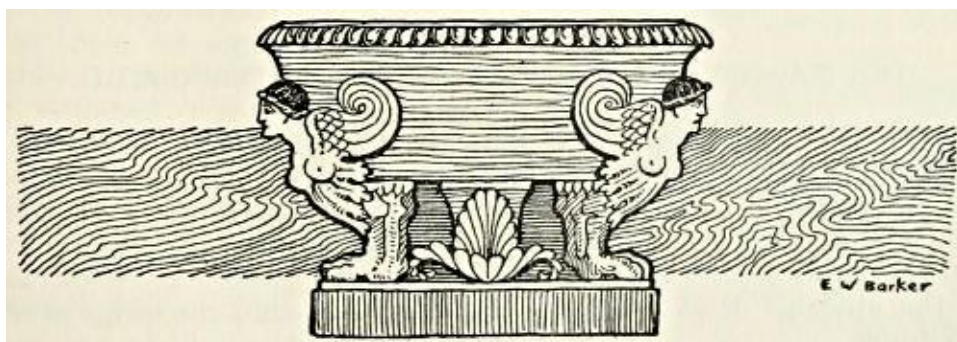
компенсировать этот недостаток своей личностью, либо постепенно становиться инструментом разнузданной солдатской массы.

Эта опасность усугублялась характером войск, которые его выбрали, чья воля не была направлена моральной силой патриотизма и не вдохновлена стремлением к свободе; их объединяло только общее желание добычи. Но Ганнибал сумел своей силой характера придать этой массе моральный поворот, дисциплинировать ее и наполнить духом военной чести. Он не только осмелился наложить на войска величайшую усталость, но и всегда оставался их хозяином; и даже в момент высшего напряжения при переходе через Альпы в истории не зафиксировано ни одного случая жалобы или трусости — а такой трудный поход является непогрешимым испытанием военной дисциплины. Таким образом, Ганнибал проявил себя как несравненный полководец и выполнил задачу, которую не смогли бы выполнить ни Александр, ни Цезарь, ни Наполеон. Он превосходит их в этом деянии, какими бы высокими ни были их достижения в оценке истории.^[56]

И Ганнибал не был благосклонен судьбой в смерти. Александр был прав, завидуя героям древности, потому что у них был Гомер, который запечатлел их величие. Ведь каждый героический подвиг остается незамеченным, преуменьшается и теряет свое значение, если нет талантливого пера, вдохновленного энтузиазмом, чтобы возвысить его до должного места величия. Александр нашел благодарные перья, которые познакомили удивленный мир с его подвигами; сам Цезарь оставил потомкам рассказ о своих походах с несравненной ясностью и замечательной простотой; а наша собственная военная эпоха называет Наполеона профессором военного дела. Но портрет Ганнибала был создан только его врагами. Однако, как бы они ни пытались называть мудрость хитростью, а сильные меры, необходимые в войне, жестокостью, они не могут унизить эту колоссальную фигуру, как бы ни искажали они регулярность ее черт. Облака могут окутывать очертания великой горы, но ее вершина показывает свою высоту.^[d]

СНОСКИ

^[56] [На самом деле невозможно сказать, что смогли бы или не смогли бы сделать Цезарь или Наполеон, оказавшись на месте Ганнибала. Большинство современных оценок Ганнибала являются благоприятными; см., в частности, R. B. Smith.^[e]]

РИМСКАЯ ЦИСТЕРНА

ГЛАВА XIII. МАКЕДОНСКАЯ И СИРИЙСКАЯ ВОЙНЫ И ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА (200-131 гг. до н. э.)

Со времен Пирра Македония, как и вся Греция, имела множество причин с опаской смотреть на растущую мощь Рима. В основном Греция находилась в слишком раздробленном состоянии — хотя, несомненно, большинство современных граждан не осознавали этого факта — чтобы вступить в активную борьбу с новой госпожой Запада. Однако были времена, когда Македония, еще не способная забыть короткий период своего недавнего господства, стремилась стать участником борьбы, которая велась между Римом и Карфагеном.

Так случилось, что Филипп V Македонский, недостойный преемник своего великого тезки, заключил союз с Ганнибалом и даже пообещал направить войска для активной помощи карфагенскому полководцу. Это обещание так и не было выполнено из-за нерешительности Филиппа. Но это намерение навлекло на Филиппа гнев Рима и привело, среди прочего, к серии конфликтов между Македонией и Римом, в которых последний всегда имел преимущество и в которые, в конце концов, была вовлечена вся Греция, частично на одной стороне, частично на другой — с той самоубийственной разобщенностью, которая всегда была проклятием греческого характера. В конечном итоге вся Греция, включая Македонию, стала римской провинцией. Разрушение Коринфа последовало вскоре за разрушением Карфагена, и в течение нескольких поколений после этих событий не осталось ни одного морского города, который мог бы в каком-либо смысле оспаривать положение Рима как господина как на море, так и на суше. Таким образом, римская республика стояла на вершине своей мощи, не подозревая, что даже в день своего расцвета начинался период упадка.

МАКЕДОНСКАЯ ВОЙНА; ВОЙНА С АНТИОХОМ III

[200-192 гг. до н. э.]

Победа при Заме дала римлянам господство на западе; амбициозный сенат затем возложил надежды на господство на востоке, и первым объектом нападения был выбран царь Македонии. Народ, утомленный службой и налогами, с некоторым трудом был убежден дать свое согласие, и война была объявлена Филиппу под предлогом того, что он нанес ущерб союзникам Рима, а именно афинянам и царям Египта и Пергама.

После недавнего мира Филипп усердно занимался укреплением своего флота и армии, но вместо того, чтобы присоединиться к Ганнибалу, когда тот находился в Италии, он нанял Антиоха II Сирика () в союзе с Антиохом, царем Сирии, для захвата островов и городов на побережье Эгейского моря, которые находились под защитой Египта, царь которого в то время был несовершеннолетним. Это втянуло его в военные действия с царем Пергама и

родосцами. Римская армия под командованием консула П. Сульпиция переправилась в Грецию (200 г.); этолийцы выступили против Филиппа, и постепенно беотийцы и ахейцы были побуждены последовать их примеру.

Филипп, оказавшись под угрозой, оказал доблестное сопротивление этой грозной коалиции, но консул Т. Квинтий Фламинин в конце концов (197 г.) нанес ему полное поражение при Киноскефалах в Фессалии, и он был вынужден просить о мире, который, однако, он получил на гораздо более льготных условиях, чем можно было ожидать, поскольку римляне находились на пороге войны с царем Сирии. За миром с Филиппом последовало знаменитое провозглашение на Истмийских играх независимости тех греческих государств, которые находились под властью Македонии, поскольку римляне хорошо знали, что это был верный способ установить свое собственное господство, так как греки никогда не объединились бы для общего блага своей страны.

Спустя несколько лет началась долгожданная война с Антиохом Великим из Сирии. Непосредственной причиной ее стало недовольство этолийцев, которые, будучи смертельно обиженными на римлян, прислали к нему приглашение в Грецию. Он в течение трех лет готовился к войне и теперь имел в своем распоряжении величайшего полководца того времени, если бы только знал, как им воспользоваться. Ганнибал был назначен одним из суффектов в Карфагене и, обнаружив, что власть судей огромна вследствие того, что они занимают свою должность пожизненно, провёл закон, сокращающий её до одного года. Это, естественно, принесло ему множество врагов, число которых увеличилось в результате его финансовых реформ; обнаружив, что государственные доходы были перенаправлены в казну магистратов и влиятельных лиц, в то время как народ был напрямую обложен налогами для уплаты дани римлянам, он провел расследование и доказал, что обычные доходы государства были более чем достаточными для всех целей. Те, кто почувствовал сокращение своих доходов, попытались возбудить вражду римлян против Ганнибала, обвинив его в тайной переписке с Антиохом; и хотя Сципион решительно выступал против того, чтобы римский сенат стал инструментом одной из фракций в Карфагене, ненависть к Ганнибалу взяла верх, и в Карфаген были отправлены три сенатора, якобы для урегулирования некоторых споров между карфагенянами и Масиниссой. Ганнибал, знавший их истинную цель, тайно покинул город ночью, сел на корабль и отплыл в Тир. Оттуда он отправился в Антиохию и, узнав, что Антиох находится в Эфесе, направился в этот город, где был встречен монархом с величайшей почестью (195).

[192-191 гг. до н.э.]

Ганнибал, верный своему принципу, что римлян можно победить только в Италии, предложил царю предоставить ему хороший флот и десять тысяч человек, с которыми он отплыл бы в Африку, где надеялся убедить карфагенян снова взяться за оружие; а если бы ему это не удалось, он высадился бы где-нибудь в Италии. Он хотел, чтобы царь тем временем прошел с большой армией в Грецию и оставался там, готовый вторгнуться в Италию, если это будет необходимо. Антиох сначала согласился с этим планом войны, но потом прислушался к советам Тоаса Этолийского, который завидовал великому карфагенянину, и отказался от него. В конце концов (192 г.) он сам переправился в Грецию с небольшой армией в десять тысяч человек, но вместо того, чтобы немедленно приступить к решительным действиям, он промедлил в Эвбее, где женился на прекрасной девушке (), тратил время на мелкие переговоры в Фессалии и соседних странах, чем сильно обидел царя Филиппа, которого он должен был в первую очередь примирить, и тем самым дал консулу М. Ацилий Глабрий время высадить свою армию и войти в Фессалию. Антиох поспешил из

Эвбеи, чтобы защитить от него проход Фермопилы, но был полностью разгромлен и вынужден бежать в Азию (191).

[191-189 гг. до н.э.]

Антиох сначала льстил себе, что римляне не последуют за ним в Азию, но Ганнибал вскоре доказал ему, что такие надежды тщетны и что он должен готовиться к войне. В Риме сразу же было решено вторгнуться в Азию. Два новых консула, Г. Лелий и Л. Сципион (190), были одинаково заинтересованы в ведении этой войны; сенат в большинстве своем поддерживал Лелия, опытного и умелого полководца, в то время как Л. Сципион был человеком весьма скромных способностей. Но Сципион Африканский предложил, что если его брат будет назначен, он пойдет с ним в качестве легата, и Греция была без колебаний отведена ему в качестве провинции. Затем Сципионы, собрав необходимые войска, среди которых пять тысяч человек, служивших под командованием Африкана, пришли добровольцами, переправились в Эпир с силами численностью около тринадцати тысяч человек. В Фессалии Ацилий передал им два легиона, которые находились под его командованием, и, получив провизию и все необходимое, они прошли через Македонию и Фракию к Геллеспонту. В Эгейском море находился римский флот, который, объединившись с флотами Эвмена Пергамского и родосцев, оказался сильнее флота Антиоха, даже несмотря на то, что им командовал Ганнибал. Когда Сципионы достигли Геллеспонта, они обнаружили, что Эвмен подготовил все для переправы. Они переправились без какого-либо сопротивления; и поскольку это было время переноса *анцилий* в Рим, П. Сципион, который был одним из саллиев, приказал армии сделать несколькодневную остановку по этой причине.

Пока они находились там, прибыл посол от Антиоха с предложением мира на условиях, что он откажется от всех притязаний на греческие города в Азии и оплатит половину расходов на войну. Сципионы настояли на том, чтобы он оплатил все расходы войны, поскольку он был ее виновником, и эвакуировал Азию по эту сторону горы Тавр. Тогда посол обратился к П. Сципиону с частным предложением, сказав ему, что царь освободит без выкупа его сына, который недавно попал в его руки, и даст ему большое количество золота и все почести, которые он может оказать, если с его помощью он сможет добиться более справедливых условий. Сципион выразил свою благодарность, как частное лицо, царю за предложение освободить его сына; и, как друг, посоветовал ему принять любые условия, которые он сможет получить, поскольку его дело безнадежно. Посланник удалился; римляне продвинулись к Илиуму, где консул поднялся на гору и принес жертву Минерве, к великой радости илиенцев, которые утверждали, что они являются предками римлян. Оттуда они продвинулись к истоку реки Каикус. Антиох, находившийся в Тиатире, услышав, что П. Сципион лежит больной в Элее, послал к нему своего сына и получил в ответ его благодарность и совет не вступать в бой, пока он не присоединится к армии. Поскольку в случае поражения его единственной надеждой был П. Сципион, он последовал его совету и, отступив к подножию горы Сипил, образовал крепкий лагерь недалеко от Магнезии.

Консул продвинулся вперед и разбил лагерь примерно в четырех милях от него; и поскольку царь, казалось, не был склонен к сражению, а римские солдаты презирали врага и требовали боя, было решено, что если он не примет предложение о сражении, то его лагерь будет штурмован. Но Антиох, опасаясь, что дух его людей упадет, если он откажется от сражения, вывел их, когда увидел римлян в боевом порядке.

Римская армия, состоящая из четырех легионов по пять тысяч четыреста человек каждый, была выстроена в обычном порядке, левым флангом опираясь на реку; три тысячи ахейских и пергамских пехотинцев были размещены справа, а за ними — конница, численностью

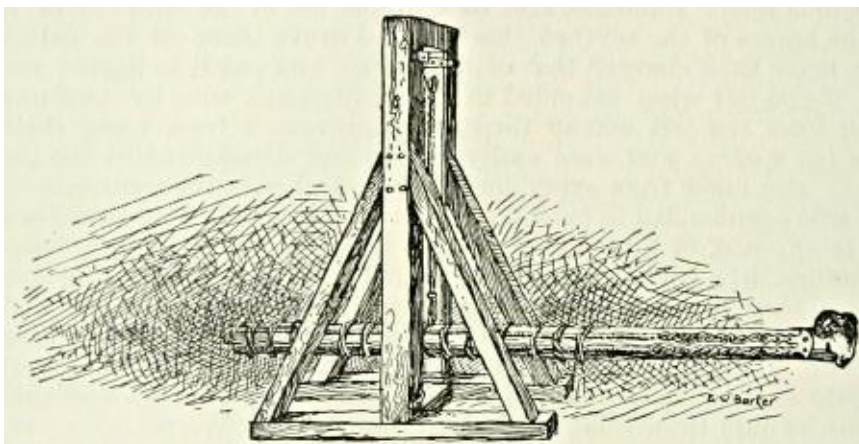
около трех тысяч человек; шестнадцать африканских слонов были размещены в тылу. Армия Антиоха состояла из шестидесяти двух тысяч пехотинцев, двенадцати тысяч всадников и пятидесяти четырех слонов. Его фаланга из шестнадцати тысяч человек была выстроена в десять подразделений, каждое из которых состояло из пятидесяти человек в ряду и тридцати двух в колонне, с двумя слонами в каждом промежутке. Слева и справа от фаланги были размещены кавалерия, легкие войска и остальные слоны, колесницы с косами и арабские лучники, сидящие на дромадерах.

Когда армии выстроились, поднялся туман с небольшим дождем, который ослабил тетивы луков, пращи и ремни для метательных снарядов многочисленных легких войск царя, а темнота вызвала замешательство в его длинной и разнообразной линии. Эвмен также, правильно используя легкие войска, напугал лошадей колесниц с косами и прогнал их с поля боя. Затем римская кавалерия атаковала вражескую и обратил ее в бегство; замешательство левого фланга распространилось на фалангитов, которые из-за своих же людей, ворвавшихся в их ряды с левого фланга, не могли использовать свои длинные *сарисы* (или копья) и были легко разбиты и убиты римлянами, которые теперь также знали по опыту, как обращаться со слонами. Антиох, лично командовавший на правом фланге, отбросил четыре *турмы*, или отряда конницы, противостоявшие ему, и часть пехоты обратно в их лагерь; но М. Эмилий, командовавший там, собрал их. Брат Эвмена, Аттал, пришел с правого фланга с некоторыми всадниками; царь развернулся и бежал; бегство стало всеобщим; как обычно, гибель была огромной; лагерь был взят и разграблен. Потери сирийцев составили пятьдесят три тысячи убитых и четырнадцать сотен пленных; потери римлян и их союзника Эвмена составили всего триста пятьдесят человек (190).

Все города побережья прислали свои заявления о подчинении консулу, который продвигался к Сардам. Антиох в это время находился в Апамее; и когда он узнал, что прибыл П. Сципион, который не участвовал в сражении, он послал послов, чтобы договориться о мире на любых условиях. Римляне уже согласовали условия мира, и П. Сципион объявил их следующим образом: Антиох должен был отказаться от Европы и уступить всю Азию по эту сторону Тавра; выплатить пятнадцать тысяч эвбейских талантов на покрытие военных расходов, пятьсот сразу, полторы тысячи после ратификации мира сенатом и народом, а остальную сумму в течение двенадцати лет по тысяче талантов в год; выплатить Эвмену четыреста талантов и определенное количество зерна; предоставить двадцать заложников; и, прежде всего, выдать Ганнибала, Тоаса Этолийского и трех других греков. Послы царя отправились прямо в Рим, куда также отправился лично Эвмен, а также посольства из Родоса и других мест; консул разместил свои войска на зимние квартиры в Магнезии, Траллах и Эфесе.

В Риме был подтвержден мир с Антиохом. Большая часть уступленной территории была передана Эвмену, Ликия и часть Карии — родосцам (чья обычно благоразумная аристократия совершила большую ошибку, стремясь к такому расширению своих владений), а города, которые приняли участие на стороне римлян, были освобождены от дани. Л. Сципион торжествовал по возвращении в Рим и принял прозвище Азиатик, чтобы в этом отношении быть на равных со своим прославленным братом.

Кн. Манлий Вулсон сменил Сципиона в Азии (189 г.), и поскольку римские консулы теперь считали бесчестным и невыгодным прожить год без войны, он стал искать вокруг себя врага, от которого он мог бы получить славу и богатство. Он остановил свой выбор на галло-греках, как называли потомков тех галлов, которые переселились в Азию во времена Пирра и завоевали для себя территорию, названную впоследствии в их честь Галатией. Он штурмовал их укрепленный лагерь на горе Олимп в Мисии, нанес им крупное поражение на равнинах Анкиры и заставил их просить о мире. Добыча, накопленная за многие годы грабежей, была огромна. Затем Манлий повел свою армию обратно к побережью на зимовку. В следующем году (188) десять комиссаров прибыли, чтобы ратифицировать мир с Антиохом; они добавили еще несколько условий, таких как сдача его слонов; затем был заключен мир, и римляне эвакуировались из Азии.

Римский таран

Ганнибал, узнав, что римляне требуют его выдачи, удалился на Крит; однако, не считая себя в безопасности на этом острове, он вскоре покинул его и отправился ко двору Приуса, царя Вифинии, который был польщен присутствием столь великого человека. Но месть Рима не уснула, и не кто иной, как Т. Фламинин был отправлен (183) с требованием его смерти или сдачи. Мелочный Прусий сразу же после переговоров с римским послом послал солдат, чтобы схватить своего прославленного гостя. ^с Корнелий Непос так описывает трагический исход:

Ганнибал постоянно ограничивал себя одним местом, замком, который король подарил ему в награду за его услуги, и который он устроил так, что со всех сторон были вылазки, через которые он мог бы сбежать, если бы у него возникла такая необходимость; ибо он всегда подозревал, что с ним произойдет то, что в конце концов и произошло. Римские послы в сопровождении большого числа людей наконец окружили этот замок со всех сторон, и его слуга, увидев их у ворот, побежал к своему господину и сообщил ему, что появилось большее, чем обычно, количество вооруженных людей; на что тот приказал ему обойти все двери дома и быстро сообщить ему, есть ли какой-нибудь способ спастись. Когда мальчик сразу же сообщил ему о положении дел и заверил его, что все проходы заблокированы, он быстро понял, что это не могло произойти случайно, а что они пришли, чтобы схватить его, и что, следовательно, он не сможет долго наслаждаться жизнью, которой, как он решил, не должен распоряжаться другой человек: после чего он сразу же проглотил дозу яда, которую всегда носил с собой. Таким образом, наш самый доблестный герой, измученный многочисленными и разнообразными трудами, нашел покой в смерти. ^h

Говорят, что Сципион Африканский умер в том же году, что и его прославленный соперник, что также является примером изменчивости судьбы, поскольку завоеватель Карфагена испустил дух в изгнании. В 193 году он испытал на себе нестабильность народной благосклонности, поскольку во время консульских выборов он и весь род Корнелиев оказали свое влияние в пользу его двоюродного брата П. Корнелия Сципиона, сына Кнея, который был убит в Испании,— и который сам был настолько образцовым человеком, что когда статуя Идейской матери Кибелы по указанию Сивиллиных книг была привезена в Рим из Пергама, ее доверили ему, как лучшему человеку в городе, — они были вынуждены уступить место тщеславному Т. Квинтию Фламинину, который выступал в защиту своего брата, развратного Л. Квинтия. Но, как отмечает историк, слава Фламинина была свежее; он одержал победу в том же году, тогда как Африкан был на виду у публики уже десять лет, и после своей победы над Ганнибалом он был консулом во второй раз и цензором — вполне достаточные причины для снижения его популярности у непостоянного народа.

[187-183 гг. до н. э.]

В год после заключения мира с Антиохом (187) К. Петиллий, трибун народа, по инициативе, как говорят, М. Порция Катона, вызвал Сципиона Африканского перед племенами, чтобы тот ответил на различные обвинения по старым и новым основаниям, главным из которых было то, что он взял взятки от Антиоха и не отчитался за добычу. Сципион прибыл на Форум в сопровождении огромной толпы народа; он пренебрег обвинениями против него; в длинной речи он перечислил различные действия, которые он совершил, и, вынув из груди книгу, сказал: «В ней содержится отчет обо всем, что вы хотите знать». «Прочитай ее, — сказали трибуны, — и пусть она будет храниться в казне». «Нет, — сказал Сципион, — я не позволю себе такого оскорбления», — и он разорвал книгу на их глазах.

Наступила ночь; дело было отложено до следующего дня: на рассвете трибуны заняли свои места на трибуне; обвиняемый, будучи вызван, предстал перед ними в сопровождении толпы своих друзей и клиентов. «Сегодня, трибуны и квириды, — сказал он, — я победил Ганнибала в Африке. Поскольку этот день должен быть свободен от раздоров и судебных тяжб, я пойду на Капитолий и возблагодарю Юпитера и других богов, которые вдохновили меня в этот и другие дни на добрые дела для государства. Пусть все, кто хочет, пойдут со мной и помолятся богам, чтобы у вас всегда были такие же лидеры, как я». Он поднялся на Капитолий; все последовали за ним, и трибуны остались сидеть одни. Затем он обошел все другие храмы, все еще сопровождаемый народом; и этот последний день его славы почти сравнился с днем его триумфа за завоеванную Африку. Его дело было отложено еще на несколько дней, но в промежутке, отвращенный перспективой споров с трибунами, которые его гордый дух с трудом мог терпеть, он удалился в Литернум в Кампании. Когда он не явился, трибуны заговорили о том, чтобы послать за ним и притащить его в суд, но их коллеги вмешались, особенно Тит Семпроний Гракх, от которого этого меньше всего ожидали, поскольку он был враждебен Сципионам. Сенат поблагодарил Гракха за его благородное поведение,^[57] дело было закрыто, и Сципион провел остаток своих дней в Литернуме. Говорят, что он был похоронен там по собственному желанию, чтобы его неблагоприятная страна не могла даже завладеть его прахом.

Поступки двух великих людей, которые теперь ушли со сцены, достаточно ясно показывают их характер. Как полководец Ганнибал почти не имеет себе равных; ему нельзя вменить ни одной военной ошибки, и то ловкость, с которой он сумел удержать в

повиновении армию, состоявшую из таких несогласных элементов, как его, даже когда он был вынужден действовать в обороне, поражает. Обвинения в вероломстве, жестокости и т. п., выдвинутые против него римскими писателями, совершенно беспочвенны и опровергаются фактами. Нигде характер Ганнибала не проявляется так ярко, как после поражения при Заме, когда он, не утратив духа, применил силы своего могучего ума к реформированию политических злоупотреблений и восстановлению финансов в надежде вновь вернуть своей стране независимость. Здесь он проявил себя как истинный патриот.

Характер его соперника дошел до нас в виде панегирика, но даже после всех необходимых вычетов остается многое, что вызывает восхищение. Его военные таланты, без сомнения, были значительными; о его гражданских добродетелях мы знаем мало, и поэтому не можем точно судить о нем как о государственном деятеле. Хотя он и был высокопоставленным аристократом, мы видели, что он не колебался снизить авторитет сената, обращаясь к народу для удовлетворения своей амбиции; и мы, конечно, не можем одобрить поведение государственного деятеля, который пренебрег предоставлением отчетов, когда его об этом попросили. О его хваленой великодушии и щедрости мы уже имели возможность говорить, и не в очень восторженных выражениях. Тем не менее, в анналах Рима есть только одно имя, которое можно сравнить с именем Африкана, — это имя Юлий Цезарь, и оно величественнее его имени, возможно, чем любое другое.

[201-171 гг. до н. э.]

Вернемся к нашему повествованию. В период, прошедший после заключения мира с Карфагеном, римские войска ежегодно занимались оккупацией Цизальпийской Галлии, Лигурии и Испании. Галлы, чье бездействие все время, пока Ганнибал находился в Италии, трудно объяснить, в 201 году вновь взяли за оружие по инициативе некоего Гасдрубала, который остался от армии Маго; они захватили колонию Плацентия, встретили на поле боя несколько консульских и преторских армий и, потерпев много крупных поражений, были полностью разгромлены; Лигурийцы, благодаря своим горам, сопротивлялись дольше, но и они были подчинены Риму. В Испании различные части ее воинственного населения, не терпя господства чужеземцев, постоянно поднимались на оружие, но терпели поражение перед дисциплиной римских легионов и мастерством их полководцев. Знаменитый М. Порций Катон, будучи консулом (195 г.), приобрел большую славу благодаря своим действиям в этой стране.

Филипп Македонский, который, несмотря на все свои пороки, был способным правителем, долгое время готовился к новой войне с Римом, которую он считал неизбежной. Однако он умер (179 г.), не дождавшись крайней степени обострения ситуации. Его сын и преемник Персей был человеком совершенно иного характера; хотя он не унаследовал от отца любовь к вину и женщинам, он не обладал его положительными качествами и был глубоко заражен низким духом алчности. Ему суждено было провести окончательную проверку сил с римлянами. Эвмен из Пергама сам отправился в Рим, чтобы показать, насколько он стал грозным, и необходимость его уничтожения; послы Персея тщетно пытались оправдать его в глазах ревнивого сената; ему была объявлена война (172) под обычным предлогом нанесения ущерба союзникам Рима, и ее ведение было поручено П. Лицинию Крассу, одному из консулов следующего года.

[171-168 гг. до н. э.]

Македонская армия насчитывала тридцать девять тысяч пехотинцев, половина из которых были фалангитами, и четыре тысячи всадников, что было самой большой армией,

которую Македония посылала на поле боя со времен Александра Македонского. Персей во главе этой армии (171) вторгся в Фессалию, и в то же время римские легионы вошли в нее из Эпира. Недалеко от реки Пеней произошло сражение между кавалерией, в котором преимущество было явно на стороне царя. В другом сражении победу одержали римляне, после чего Персей повел свои войска домой на зимовку, а Лициний разместил свои войска в Фессалии и Беотии.

В следующем году ничего примечательного не произошло. Весной 169 года консул К. Марций Филипп провел свою армию через Камбунийские горы в Македонию, и Персей, вместо того чтобы занять перевалы в тылу и отрезать его от поставок из Фессалии, трусливо отступил перед ним и позволил ему опустошить весь юг Македонии. Марций вернулся в Фессалию на зиму, а следующей весной (168 г.) новый консул Л. Эмилий Павел (сын консула, павшего при Каннах), человек высокого положения, большого таланта, который в предыдущем консульстве приобрел большую славу в Испании, вышел, чтобы принять командование.

Между тем, несчастная алчность Персея лишала его всех шансов на успех. Эвмен предложил за сумму в полторы тысячи талантов воздержаться от участия в войне и попытаться заключить для него мир: Персей с радостью принял это предложение и был готов договориться о заложниках, которых согласился предоставить Эвмен, но он не хотел расставаться с деньгами, не получив за них соответствующей ценности, и предложил хранить их в храме на Самофракии до окончания войны. Поскольку Самофракия принадлежала Персею, Эвмен понял, что ему нельзя доверять, и прервал переговоры. Кроме того, к Персею приближалось войско галлов из-за Истра, состоящее из десяти тысяч всадников и столь же пехотинцев, которым он обещал большую плату. Персей попытался обмануть их и сэкономить деньги, и обиженные варвары разорили Фракию и вернулись домой. По мнению историка, если бы он сдержал свое слово перед галлами и послал их в Фессалию, положение римской армии, оказавшейся между двумя армиями, могло бы стать очень опасным. Наконец, он согласился дать Генцию, царю Иллирии, триста талантов, если тот пойдет на войну с римлянами: он сразу же отправил десять из них, а тем, кто нес остальные, приказал идти очень медленно; тем временем его посол продолжал убеждать Генция, который, чтобы угодить ему, схватил двух римских послов, которые как раз прибыли, и заключил их в тюрьму. Персей, полагая, что этим поступком он полностью связал себя с римлянами, послал за остальной частью денег.

Павел без промедления повел свою армию в Македонию и в окрестностях Пидны заставил хитрого Персея вступить в сражение. Победа римлян была быстрой и решительной; македонская конница бежала, следуя примеру царя, и оставшаяся без защиты фаланга была разбита в пух и прах. Персей бежал со своими сокровищами в Амфиполь, а оттуда на священный остров Самофракию. Вся Македония подчинилась консулу, который затем двинулся на Амфиполь вслед за Персеем, который тщетно посылал письма с просьбой о пощаде (168).

Тем временем претор Гней Октавий прибыл со своим флотом в Самофракию. Он безуспешно пытался убедить Персея сдаться, а затем так повлиял на жителей острова, что несчастный принц, считая себя в опасности, решил бежать к Котису, царю Фракии, своему единственному оставшемуся союзнику. Критский корабельный мастер взялся тайно переправить его; вечером на его баркас погрузили провизию и столько денег, сколько можно было незаметно увезти, а в полночь царь тайно покинул храм и направился к назначенному месту. Но баркаса там не было; критянин, вероломный, как и все его соотечественники, отплыл на Крит, как только стемнело. Персей бродил по берегу до рассвета, а затем вернулся и спрятался в углу храма. Вскоре он был вынужден сдаться

Октавию, который доставил его к консулу. По решению сената Македония была разделена на четыре республики, между которыми не допускались ни смешанные браки, ни покупка недвижимого имущества (*connubium* или *commercium*); каждая из них должна была оплачивать расходы своего правительства и выплачивать Риму половину дани, которую она платила царям; серебряные и золотые рудники не должны были разрабатываться, не должно было вырубаться судовое дерево, не должно было содержаться войск, за исключением пограничных; всем, кто занимал какие-либо гражданские или военные должности при Персее, было приказано покинуть Македонию и переехать жить в Италию, чтобы, оставаясь на родине, они не поднимали беспорядков. В Греции любители своей страны были казнены или переселены в Италию под предлогом того, что они поддерживали дело Персея, а управление делами было передано в руки марионеток Рима.

По возвращении в Рим Павел с большой помпой отпраздновал свой триумф. Его солдаты, поскольку он поддерживал строгую дисциплину и дал им меньше добычи, чем они ожидали, подстрекаемые Сер. Сульпицием Гальбой, одним из их трибунов, личным врагом консула, пытались помешать этому, но красноречие М. Сервилия и других взяло верх. Персей и его дети, примеры изменчивости судьбы, шли впереди колесницы победителя. После триумфа Персей был заключен в Альбе в Марсианской земле (^[58]), где и умер через несколько лет.

Октавию было позволено отпраздновать морской триумф; и претор Л. Аниций Галл, который за тридцать дней подчинил Иллирикум и взял в плен Генция и всю его семью, также торжествовал за эту страну.

ДЕЛА КАРТАГИ^[59]

[201-149 гг. до н.э.]

После окончания Ганнибаловой войны карфагеняне, казалось, были настроены на мир, но амбиции их соседа Масиниссы, жизнь которого, к их несчастью, продлилась более девяноста лет, не давали им покоя. Он постоянно посягал на их территорию и захватывал подчиненные им города. Римский сенат, к которому обратились как к общему верховному органу, направил комиссаров, которые почти всегда принимали решения в пользу Масиниссы, и тот постепенно расширил свое господство от океана до внутренних районов Сирта.

В одном из таких случаев М. Порций Катон был одним из тех, кого послали; и когда он увидел плодородие карфагенской территории и ее высокий уровень развития, а также силу, богатство и население города, он стал опасаться, что это может поставить под угрозу могущество Рима; его тщеславие, которым он в значительной степени обладал, было уязвлено, потому что карфагеняне, которые явно были правы, не согласились сразу с решением его и его коллег; и он вернулся в Рим, полный горечи по отношению к ним. С тех пор он заканчивал все свои речи в сенате словами: « », «Я также считаю, что Карфаген должен быть разрушен». С другой стороны, П. Сципион Насик, либо из соображений справедливости, либо, как говорят, убежденный, что единственный способ спасти Рим от коррупции, к которой он стремился, заключался в том, чтобы сохранить ему грозного соперника, энергично противостоял этому курсу. Однако большинство склонилось к мнению Катона; было решено воспользоваться первым же подходящим предлогом для объявления войны, и тем, кто был настроен на это, не пришлось долго ждать.

В Карфагене было три партии: римская, нумидийская и народная. Последняя, которая, несмотря на все свои недостатки, была единственной патриотической, изгнала из города около сорока главных деятелей нумидийской партии и заставила народ поклясться никогда

не принимать их обратно и не слушать никаких предложений об их возвращении. Изгнанники обратились к Масиниссе, который послал своих сыновей Миципсу и Гулуссу в Карфаген от их имени. Но Картало, лидер народной партии, закрыл перед ними ворота, а Гамилькар, другой лидер народной партии, напал на Гулуссу, когда тот возвращался, и убил некоторых из его сопровождающих. Это послужило поводом для войны; между Масиниссой и пуническими войсками под командованием Гасдрубала произошло сражение, которое длилось с утра до вечера, но не привело к окончательному решению. Но Масинисса окружил пуническую армию на холме и заставил ее сдаться из-за голода; а Гулусса, когда они уходили без оружия, напал на них и убил всех. Карфагеняне немедленно отправили в Рим послание с оправданиями, предварительно вынеся смертный приговор Гасдрубалу, Картало и другим виновникам войны. Однако сенат не принял никаких оправданий, и после различных попыток карфагенян предотвратить это, им была объявлена война (149 г.), а ее ведение было поручено консулам Л. Марциу Цензорину и М. Манилий Непос, с тайным приказом не прекращать войну до тех пор, пока Карфаген не будет разрушен. Говорят, что их армия состояла из восьмидесяти тысяч пехотинцев и четырех тысяч всадников, которые были заранее подготовлены к этой войне.

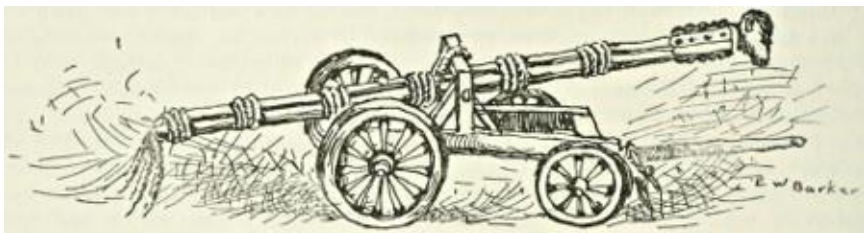
НАЧАЛО ТРЕТЬЕЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

[149 г. до н. э.]

Карфагеняне почти одновременно были проинформированы о объявлении войны и отплытии римской армии. Они оказались без кораблей (поскольку им было запрещено строить их), без союзников (даже Утика, расположенная менее чем в восьми милях от их города, присоединилась к римлянам), без наемников и даже без запасов зерна, а их молодежь была недавно истреблена Масиниссой. Они снова отправили посольство в Рим, чтобы официально сдать свой город. Сенат ответил, что если в течение тридцати дней они пошлют триста детей из самых знатных семей в качестве заложников консулам на Сицилии и будут выполнять все, что им прикажут консулы, то им будет позволено оставаться свободными, управляться своими собственными законами и сохранить всю территорию, которой они владели в Африке. В то же время консулам были отправлены секретные приказы следовать своим первоначальным инструкциям.

Карфагеняне несколько заподозрили неладное, поскольку сенат не упомянул об их городе. Однако они решили подчиниться и не давать повода для нападения на них; соответственно, заложники были отправлены в Лилибей, среди слез и рыданий их родителей и родственников. Консулы сразу же переправили их в Рим, а затем сообщили карфагенянам, что они урегулируют остальные вопросы в Утике, куда они и отправились без промедления. Когда пунические послы прибыли, чтобы узнать их волю, они сказали, что, поскольку карфагеняне заявили о своем желании и решении жить в мире, им не нужны оружие и вооружение; поэтому они потребовали, чтобы те сдали все, что у них было. Этот приказ также был выполнен; двести тысяч комплектов доспехов со всеми видами оружия были доставлены на телегах в римский лагерь в сопровождении жрецов, сенаторов и главных лиц города. Затем Цензорин, похвалив их усердие и готовность подчиниться, объявил им дальнейшую волю сената, которая заключалась в том, что они должны покинуть Карфаген, который римляне намеревались сровнять с землей, и построить другой город в любой части территории, которая им понравится, но не менее чем в десяти милях от моря. Услышав этот безжалостный приказ, они предались безудержному горю и отчаянию; они катались по земле, рвали на себе одежды и волосы, били себя в грудь и по лицу, взывали к богам, ругали римлян за их вероломство и обман. Когда они оправались от приступа

ярости, они снова заговорили, прося разрешения отправить посольство в Рим. Консул ответил, что это бесполезно, поскольку воля сената должна быть исполнена. Тогда они ушли, с мрачными предчувствиями о том, какой прием () их может ждать дома, и некоторые из них сбежали по дороге, боясь встретиться с разъяренной толпой. Цензорин немедленно послал двадцать кораблей, чтобы бросить якорь перед Карфагеном.

ТЕЛЕГА ДЛЯ ПЕРЕВОЗКИ ТАРАНА

Люди, с нетерпением ожидавшие их возвращения, увидев их поникшие, меланхоличные лица, впали в отчаяние и громко зарыдали. Послы молча прошли в здание сената и там объявили о неумолимом решении Рима. Услышав это, сенаторы зарыдали и заплакали; народ снаружи присоединился к их плачу; затем, поддавшись ярости, они ворвались внутрь и разорвали на куски главных советников, выступавших за выдачу заложников и оружия; они забросали послом камнями и таскали их по городу; затем набросились на итальянцев, которые еще оставались там, и стали издеваться над ними. В тот же день сенат принял решение о войне; они провозгласили свободу рабам, избрали Хасдрубала, которого они приговорили к смерти и который находился в месте под названием Неферис во главе двадцатитысячного войска, генералом для внешних дел, а другого Хасдрубала, внука Масиниссы, для города; и, снова тщетно обратившись к консулам с просьбой о перемирии, чтобы они могли послать послов в Рим, они энергично готовились к обороне, решив скорее сдаться, чем покинуть свой город. Храмы и другие священные места были превращены в мастерские, мужчины и женщины трудились день и ночь, изготавливая оружие, а женщины отрезали свои длинные волосы, чтобы из них можно было сплести тетивы для луков. Консулы же, несмотря на настоятельные просьбы Масиниссы, не наступали на город, либо из-за нежелания выполнять неприятную задачу, либо потому, что считали, что смогут взять его, когда захотят. Наконец они привели свои войска к городу для штурма.

Город Карфаген располагался на полуострове в конце большой бухты; на его перешейке, ширина которого составляла почти три мили, стояла цитадель Бирса на скале, вершина которой была занята храмом Эсмуна или Эскулапа; от перешейка на восток простирался узкий пояс или язык суши между озером Тунис и морем; недалеко от берега простирался скалистый хребет, через который были прорублены узкие проходы. Гавань находилась на восточной стороне полуострова; она была двойной, состояла из внешней и внутренней частей, а ее устье, шириной семьдесят футов, было защищено железными цепями; внешняя гавань была окружена причалом для выгрузки товаров. Внутренняя гавань, называвшаяся Котон, предназначалась для военных кораблей; единственный вход в нее был через внешнюю гавань, и она защищалась двойной стеной; в ее центре находился возвышенный остров, на котором стоял дом адмирала, откуда открывался вид на открытое море. Котон мог вместить 220 кораблей и был снабжен всеми необходимыми складами. Весь город был окружен одной стеной; стена Бирсы была тройной, каждая стена имела высоту тридцать локтей без учета зубцов, а через каждые двести футов были башни высотой в четыре этажа. По периметру каждой стены пролежала двойная линия подвалов, в нижней части которых находились стойла для трехсот слонов и четырех тысяч лошадей, а также зернохранилища для их корма; в верхней части были казармы для двадцати тысяч пехотинцев и четырех

тысяч всадников. Три улицы вели от Бирсы к рынку, который находился недалеко от Котона, порту, давшего название этому кварталу города. Часть города, расположенная к западу и северу, называлась Мегара; она была менее густонаселенной и полна садов, разделенных стенами и живыми изгородями. Город имел в длину двадцать три мили и, как говорят, в то время насчитывал семьсот тысяч жителей.

Консулы разделили свои силы; Цензорин с кораблей атаковал стену в самом слабом месте, в углу перешейка, а Манилий попытался засыпать ров и захватить внешние укрепления великой стены. Они не ожидали сопротивления, но их ожидания не оправдались, и они были вынуждены отступить. Затем Цензорин построил два больших тарана, с помощью которых он снес часть стены возле пояса; карфагеняне частично восстановили ее ночью, а на следующий день изгнали с потерями тех римлян, которые проникли через пролом. Ночью они также совершили вылазку и сожгли осадные машины осаждающих. Поскольку наступили самые жаркие дни лета, Цензорин, посчитав расположение своего лагеря рядом с озером со стоячей водой нездоровым, переместился на берег моря. Тогда карфагеняне, наблюдая, когда с моря дул сильный ветер в сторону римского лагеря, наполняли небольшие суда горючими веществами, поджигали их и, расправив паруса, позволяли ветру нести их к римским кораблям, многие из которых были таким образом уничтожены.

Когда Цензорин отправился в Рим для участия в выборах, карфагеняне стали более смелыми и рискнули ночным нападением на лагерь Манилия, которое увенчалось бы успехом, если бы не присутствие духа одного из трибунов, Сципиона, который вывел конницу из тыла лагеря и неожиданно напал на них. Вторая ночная атака была сорвана тем же Сципионом, который теперь был душой и сердцем армии. Тогда Манилий, вопреки совету Сципиона, повел свои войска в Неферис против Гасдрубала, но был вынужден отступить с потерями, и четыре полных когорты были бы уничтожены, если бы не доблесть и мастерство Сципиона. Вскоре после этого, когда из Рима прибыли комиссары, чтобы выяснить причины неудачи, Манилий и его офицеры, отбросив всякую ревность (), дали свидетельство о заслугах Сципиона; любовь армии к нему также была очевидна; обо всем этом комиссары сообщили сенату и народу по возвращении.

[149-147 гг. до н. э.]

Масинисса, умерший в это время, оставил управление своим царством Сципиону, который разделил царскую власть между тремя законными сыновьями покойного монарха, отдав столицу и главную власть старшему из них, Миципсе, управление внешними сношениями — Гулуссе, а отправление правосудия — Мастанабалу. Сципион также убедил Химилко Фамеаса, пунического полководца, который до сих пор причинял римлянам много вреда, перейти на их сторону, приведя с собой две тысячи двести лошадей.

Весной (148 г.) новый консул Л. Кальпурний Пизон прибыл, чтобы принять командование армией, а претор Л. Гостилий Манцин — командование флотом. Они атаковали город Клуpeя с моря и суши, но были отбиты; затем Кальпурний безрезультатно провел все лето в осаде крепкого города под названием Гиппагрета. Карфагеняне, воодушевленные неожиданной удачей, теперь были хозяевами страны; они оскорбляли римлян и пытались отделить нумидийцев. Асдрубал, гордящийся своими успехами над Манилием, стремился к командованию в городе; он обвинил другого Асдрубала в связях со своим дядей Гулуссой, который находился в римском лагере; и когда последний, будучи обвинен в этом в сенате, засомневался от удивления, сенаторы набросились на него и убили его стульями; и его соперник таким образом достиг своей цели.

В Риме начались выборы; Сципион был там кандидатом на должность эдила; все глаза были обращены на него, его друзья, несомненно, не бездействовали, а письма от солдат-ов в

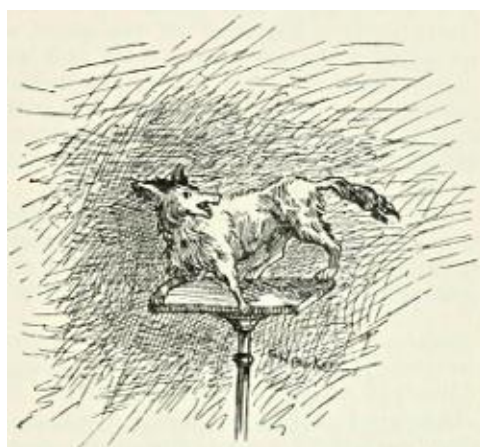
Африке представляли его как единственного человека, способного взять Карфаген. Поэтому племена решили сделать его консулом, хотя он не достиг соответствующего возраста.^[60] Председательствующий консул тщетно возражал; он был избран, и народ далее взял на себя право назначить ему Африку в качестве провинции.

Этот знаменитый человек был сыном Эмилия Павла, завоевателя Македонии. Он был усыновлен Сципионом, сыном Африкана; греческий историк Полибий и философ Панаэтий были его учителями и друзьями; он уже прославился как воин как в Испании, так и в Африке.

[147 г. до н. э.]

В тот же вечер, когда Сципион прибыл в Утику (147), у него снова появилась возможность спасти часть римской армии; ведь Манцин, тщеславный и опрометчивый человек, приблизив флот к Карфагену и заметив, что часть стены над утесами осталась без охраны, высадил часть своих людей, которые взобрались на стену. Карфагеняне открыли ворота и вышли на них атаковать; римляне отбили их и вошли в город. Манцин высадил еще больше людей, и, поскольку уже наступал вечер, он послал в Утику, требуя немедленно прислать провизию и подкрепление, иначе они никогда не смогут удержать свои позиции. Сципион, прибывший тем же вечером, около полуночи получил письма от Манцина; он приказал солдатам, которых привел с собой, и годным к службе утиканцам немедленно подняться на борт, и в последнюю вахту отплыл, приказав своим людям стоять на палубах и не прятаться; он также освободил пленника и послал его в Карфаген сообщить, что Сципион приближается. Тем временем Манцинус был сильно прижат врагами, которые напали на него на рассвете; он разместил пятьсот вооруженных людей вокруг остальных (три тысячи человек), у которых не было оружия, но это не помогло; они были на грани того, чтобы быть сброшенными со скал, когда появился Сципион. Карфагеняне, которые его ожидали, немного отступили, и он не теряя времени спас Манцинуса и его товарищей, находившихся в опасности.

Сципион, приняв командование, обнаружил крайнюю недисциплинированность и беспорядок в армии, вызванные халатностью Пизона, созвал собрание, упрекнул солдат за их поведение и объявил о своем решении поддерживать строгую дисциплину; затем он приказал всем торговцам, лагерным слугам и другим бесполезным и вредным людям покинуть лагерь, который он теперь перенес на небольшое расстояние от Карфагена. Карфагеняне также разбили лагерь примерно в полумиле от своих стен, в который вошел Гасдрубал во главе шести тысяч пехотинцев и тысячи всадников — все опытные войска.

Римский штандарт

Когда Сципион посчитал, что дисциплина его людей достаточно восстановлена, он решил предпринять ночную атаку на Мегару; но, будучи замеченными защитниками, римляне не смогли взобраться на стены. Тогда Сципион заметил башню (вероятно, садовую), принадлежавшую какому-то частному лицу, которая находилась рядом со стеной и была такой же высоты, как и она, и велел некоторым из своих людей взобраться на нее. Те сбили своими снарядами тех, кто находился на стенах напротив них, а затем, положив поперек доски и брусья, взобрались на стену, спрыгнули вниз и открыли ворота, чтобы впустить Сципиона, который вошел с четырьмя тысячами человек. Пунические солдаты бежали в Бирсу, думая, что остальная часть города взята, и те, кто был в лагере, услышав шум, тоже побежали туда; но Сципион, обнаружив, что Мегара полна садов с деревьями и изгородями и рвами, наполненными водой, и поэтому небезопасна для захватчика, отозвал своих людей и вернулся в свой лагерь. Утром Гасдрубал, чтобы утолить свою ярость, взял всех имевшихся у него римских пленных, поместил их на стенах на виду у римского лагеря, изуродовал их самым ужасным образом, а затем сбросил с высоких зубцов. Когда сенаторы упрекнули его, он казнил некоторых из них и фактически провозгласил себя тираном города.

Сципион, захватив и сожгив покинутый лагерь врага, разбил свой лагерь в нескольких шагах от их стен, простирающихся от моря до моря через перешеек, и сильно укрепил его со всех сторон. Таким образом он отрезал их от суши, и поскольку единственным способом доставки провианта в город теперь было море, когда корабли, воспользовавшись ветрами, отгонявшими римские корабли, вошли в гавань, он решил перекрыть ее устье молом. Он начал с пояса, формируя мол большой ширины из огромных камней. Осажденные сначала насмехались над усилиями римлян, но когда они увидели, как быстро продвигаются работы, они встревожились и немедленно приступили к рытью другого прохода из гавани в открытое море; одновременно они строили корабли из старых материалов; и они работали так неустанно и так тайно, что римляне в конце концов увидели, как все их планы были сорваны, в гавани открылся новый вход, и из него вышел флот из пятидесяти военных кораблей и большого количества более мелких судов. Если бы злой рок позволил карфагенянам воспользоваться смятением римлян и сразу напасть на их флот, который был совершенно не готов, они могли бы уничтожить его; но они довольствовались бравадой и затем вернулись в порт. На третий день два флота сражались с утра до вечера с переменным успехом. Небольшие корабли противника очень мешали римлянам в бою, но при отступлении они опередили свои корабли и, заблокировав устье гавани, заставили их выстроиться вдоль набережной, которая была построена без стен для выгрузки товаров, куда римские корабли последовали за ними и нанесли им большой ущерб. Ночью они вошли в порт, но утром Сципион решил попытаться закрепиться на набережной, которая находилась так близко от гавани. Он атаковал укрепления на ней таранами и снес их часть, но ночью карфагеняне пришли, некоторые вплавь, некоторые вброд, имея с собой горючие материалы, которые они подожгли, когда подошли к машинам, и таким образом сожгли их. Затем они отремонтировали укрепления, но Сципион в конце концов сумел разместить на набережной отряд из четырех тысяч человек.

Зимой Сципион взял штурмом пунический лагерь перед Неферисом, и этот город сдался после двадцатидвухдневной осады. Поскольку Карфаген получал почти все свои припасы из Нефериса, теперь они иссякли, и голод дался взнаки.⁴

ПОВЕСТВОВАНИЕ АППИАНА О РАЗРУШЕНИИ КАРТАГИ

[146 г. до н. э.]

Как только наступила весна, Сципион одновременно атаковал цитадель под названием Бирса и ворота под названием Котон, что заставило Гасдрубала поджечь ту часть ворот, которая была квадратной формы; но пока он ожидал, что Сципион предпримет новую попытку с этой стороны, и твердо стоял вместе с жителями, Лелий тайно поднялся на другую сторону ворот, которые были круглые, и, овладев ими, крики тех, кто уже поднялся, настолько напугали врагов, что другие солдаты, презирая осажденных и заполнив все труднопроходимые места балками, машинами и досками, ворвались со всех сторон, несмотря на сопротивление охранников, измученных голодом и лишенных всякой храбрости. Сципион, таким образом, овладел стеной, окружавшей ворота под названием Котон, и оттуда проник в большую площадь города, которая находилась рядом с ними, где наступила ночь и не позволила ему продвигаться дальше, он остался там с оружием в руках вместе с солдатами, которые были с ним, и как только рассвело, прислал туда четыре тысячи свежих людей, которые, проникнув в храм Аполлона, разграбили его статую, которая была вся из золота, и все внутреннее убранство храма, которое было покрыто золотыми пластинами весом в тысячу талантов. Они разрезали пластины мечами, несмотря на попытки своих командиров помешать им, пока, получив все, что могли, не продолжили свое предприятие.

Между тем главная цель Сципиона была направлена против места под названием Бирса, поскольку оно было самым крепким во всем городе, и туда укрылось множество людей. Путь от великого места туда вел в гору через три улицы, по обеим сторонам которых стояли очень высокие дома, верхние этажи которых немного выступали над улицей, и оттуда на римлян сыпался град дротиков, которые были вынуждены, прежде чем пройти дальше, захватить первые дома и закрепиться там, чтобы оттуда изгнать тех, кто сражался в соседних домах, и после того, как они изгнали их, они проложили балки и доски от одной стороны улицы до другой, по которым, как по мостам, переходили через улицы; таким образом, они продолжали войну в комнатах, в то время как, как только встречались, сражались еще более жестоко внизу, на улицах.

Все места были заполнены криками и стонами, люди умирали тысячами разных смертей, некоторые от острия меча, некоторые были сброшены с крыш домов на мостовую, другие падали на копья, пики и мечи, направленные против них, однако никто еще не осмеливался поджечь из-за тех, кто продолжал сражаться на чердаках; но когда Сципион достиг подножия крепости, все три улицы сразу же охватило пламя, и солдатам было приказано не давать обрушиться на улицу руинам домов, чтобы вся армия могла пройти более удобным путем; и теперь можно было увидеть новые зрелища бедствия: огонь пожирал и разрушал дома, а римские солдаты вокруг не только не мешали этому, но и старались вовлечь остальных в ту же гибель. Бедные карфагеняне в отчаянии падали в беспорядке на мостовую вместе с камнями и кирпичами, мертвые тела, да, даже еще живые люди, особенно старики, женщины и дети, которые спрятались в самых потаенных местах домов, одни из них были изранены, другие полусгорели, и все они кричали отчаянно, другие падали с верхних этажей домов среди груд камней и дерева и разрывались на куски при падении.

И это еще не было концом их страданий, потому что пионеры, которые, чтобы проложить путь для солдат, убирали мусор с середины улиц, бросали своими крюками и вилами тела, как мертвых, так и живых, в подвалы, переворачивая их своими железными инструментами, как будто они были кусками дерева или камнями, так что можно было увидеть ямы, полные груд людей, из которых некоторые, будучи брошенными вниз головой, еще долго дышали и лежали ногами над землей, а другие, погребенные по шею, были подвержены жестокости каменщиков и пионеров, которые с удовольствием смотрели, как их головы и мозги раздавлены под копытами лошадей, ибо эти люди помещали этих несчастных не случайно, а специально.

Что же касается воинов, то их участие в сражении, надежда на приближающуюся победу, возбуждение солдат, усиленное звуками труб, шум, производимый майорами и капитанами, отдающими приказы, делали их похожими на фурий и мешали им развлекаться этими зрелищами. В этой кровавой тяжёлой работе они продолжали шесть дней и шесть ночей без перерыва, за исключением того, что солдаты время от времени сменялись другими, свежими, чтобы постоянное бодрствование, труд, убийства и ужасы не сломили их сердца. Только Сципион выдержал все это время без сна; он постоянно находился в действии, постоянно бегал из одного места в другое и не принимал пищу, кроме той, которая случайно попадалась ему на пути, пока, совершенно измученный, он не сел на видном месте, чтобы видеть, что происходит. Между тем со всех сторон творилось странное опустошение, и это бедствие, казалось, могло продолжаться еще долго, когда на седьмой день они прибегли к его милосердию и пришли к нему, принеся в руках вервейн Эскулапа, храм которого является самым значительным во всей крепости, не желая ничего другого, кроме как того, чтобы он даровал жизнь всем, кто выйдет, что он и сделал, за исключением только беглецов. Вышло пятьдесят тысяч мужчин и женщин, которых он пропустил через маленькие ворота в поля под надежной охраной.

Беглецы, которых было около девятисот, видя, что им не будет пощады, укрылись в храме с Гасдрубалом, его женой и детьми, где, хотя их было немного, они могли защищаться благодаря высоте места, расположенного на скалах, на которое в мирное время поднимались по шестидесяти ступеням, но в конце концов, угнетенные голодом, бессонницей и страхом, видя, что их гибель так близка, их охватило нетерпение, и, покинув нижнюю часть храма, они бежали на самый верхний этаж. Тем временем Гасдрубал тайно удалился и пошел к Сципиону с оливковой ветвью в руке; Сципион приказал ему подняться и пасть к его ногам, показал ему беглецов, которые, увидев его, потребовали тишины, и, получив ее, изрыгая бесконечное количество ругательств и упреков в адрес Гасдрубала, подожгли храм и погребли себя в пламени. Говорят, что пока разгорался огонь, жена Гасдрубала, нарядившись как могла и поставив себя на видном месте перед Сципионом, громко обратилась к нему со следующими словами.

Речь жены Гасдрубала; нравоучения Сципиона

«Я желаю тебе, о римлянин, только процветания, ибо ты поступаешь в соответствии с законами войны. Но я молю богов Карфагена и тебя самого наказать, как он того заслуживает, Хасдрубала, который предал свою страну, своих богов, свою жену и детей», — и затем, обращаясь к Хасдрубалу, она сказала: «Вероломный негодяй, — сказала она, — ты — самый злой из всех людей! Этот огонь вот-вот поглотит меня и моих детей, а тебя, великий полководец Карфагена, какое торжество не ждет тебя, какое наказание не заставит тебя страдать тот, у ног которого я теперь вижу тебя».^[61]

После этих упреков она перерезала горло своим детям и бросила их в огонь, а затем сама бросилась в огонь; таковым, как сообщается, был конец этой женщины, но эта смерть, безусловно, больше подошла бы ее мужу.

Что же касается Сципиона, то, увидев город, который процветал в течение семисот лет с момента своего основания, сравнимый с любой империей по размеру владений на море и суше, по своим вооружениям, флотам, слонам, богатствам и превосходящий все народы земли по щедрости и решимости, поскольку после того, как у них были отняты оружие и корабли, они в течение трех лет выдерживали голод и войну, — увидев это, я говорю, теперь полностью разрушенный, он, как говорят, пролил слезы и публично оплакивал тяжелую

судьбу своих врагов. Он считал, что города, народы и империи подвержены революциям, так же как и судьбы отдельных людей, что та же участь постигла Трою, этот могущественный город, а затем ассирийцев, мидянам и персам, чье господство простиралось так далеко, а в последнее время — македонянам, чья империя была так велика и процветала, что неожиданно, как бы не задумываясь, он процитировал двестишие Гомера:

«Пришло время Приама и Трои, они подчиняются судьбе

И должны стать добычей огня и меча».

И Полибий, который был его наставником, спросил его в дружеской беседе, что он имел в виду под этими словами, и он остроумно ответил, что размышления о переменчивости человеческих дел напомнили ему о его стране, судьбу которой он также боялся, как сообщает тот же Полибий в своих историях.

Разграбление города

Захватив Карфаген, Сципион на несколько дней отдал добычу солдатам, за исключением золота, серебра и подношений, найденных в храме. После этого он раздал военные награды всем своим солдатам, за исключением тех, кто грабил храм Аполлона. И, загрузив очень легкий корабль добычей врага, он послал его в Рим, чтобы сообщить о победе, и объявил по всей Сицилии, что те, кто придет и потребует вернуть подношения, сделанные их храмам, которые были унесены карфагенянами, когда они вели войну на этом острове, должны будут их получить обратно. Таким образом, демонстрируя свою доброту во всем, что мог, он завоевал расположение всего народа. И, наконец, продав то, что осталось от добычи, он велел сложить все щиты, орудия и бесполезные корабли, и, опоясавшись по-римски, поджег их в жертву Марсу и Минерве.

Корабль, отплывший из Карфагена, случайно прибыл в Рим вечером, и как только стало известно о взятии этого города, весь народ устремился на площади, и ночь прошла в ликовании и объятиях, как будто эта победа (величайшая из всех, когда-либо одержанных римлянами) укрепила общественный покой, который они прежде считали ненадежным. Они хорошо знали, что они и их предшественники совершили великие дела против македонцев, испанцев и в последнее время против великого Антиоха, а также в Италии; но они признавали, что никогда не было войны, столь же страшной, как эта, из-за великодушия, благоразумия и отваги их врагов, и столь же опасной из-за их неверности. Они также помнили страдания, которые они перенесли от карфагенян на Сицилии, в Испании и в Италии в течение шестнадцати лет, в течение которых Ганнибал разграбил четыреста городов и уничтожил в различных сражениях триста тысяч человек, а также несколько раз подходил к самым воротам их города, доводя их до крайней степени. Учитывая все это, им было трудно поверить в то, что им рассказывали о победе, и они часто спрашивали друг друга, действительно ли Карфаген был разрушен.

Так они провели ночь, рассказывая друг другу, как, разоружив карфагенян, те вскоре изготовили себе новые оружия, превосходящие все, что когда-либо видел мир. Как, лишив их кораблей, они построили другие из старых материалов; и как, перекрыв вход в их порт, они за несколько дней прокопали новый с другой стороны. Они также говорили о неизмеримой высоте их стен, об огромных камнях, из которых они были построены, о пожаре, который они несколько раз устраивали на боевых машинах. Одним словом, они представляли слушателям всю картину этой войны, настолько, что, оживляя свой рассказ жестами, они как будто видели Сципиона на лестницах, на кораблях, у ворот и на улицах, бегущего из одного конца в другой.

Жертвоприношения и триумф

Проведя таким образом ночь, на следующий день народ принес торжественные жертвы богам и вознес публичные молитвы, в которых каждое племя участвовало отдельно; после чего были устроены публичные представления и зрелища, а затем сенат послал десять комиссаров из числа отцов, чтобы совместно со Сципионом установить порядок, наиболее необходимый для этой провинции и для наибольшей выгоды римлян. Как только они прибыли, они приказали Сципиону снести то, что осталось от Карфагена, и впредь запретили кому-либо жить там, наложив ужасные проклятия на тех, кто, нарушая этот запрет, попытается что-либо восстановить, особенно крепость под названием Бирса и место под названием Мегара, а в остальные места они не допускали никого. Они также постановили, что все города, которые в этой войне были на стороне врага, должны быть разрушены, и передали их территории, завоеванные римскими войсками, римским союзникам, особенно порадовав жителей Утики всей страной, простирающейся от Карфагена до Гиппона; они сделали всю остальную провинцию данной, от которой не были освобождены ни мужчины, ни женщины, постановив, что каждый год из города должен быть отправлен претор, и, отдав эти приказы, они вернулись в Рим. Сципион, выполнив их и видя себя на вершине своих желаний, принес жертвы и устроил представления в честь богов, а после того, как все было улажено, вернулся в Рим, куда вошел триумфально. Никогда еще не видели ничего более великолепного, ибо там были только статуи и редкости, а также любопытные предметы неоценимой стоимости, которые карфагеняне в течение долгого времени привозили в Африку со всех концов света, где они одержали бесчисленные победы. [a](#)

АХЕЙСКАЯ ВОЙНА

[151-147 гг. до н. э.]

В том же году, когда Лукулл и Гальба приняли командование в Испании, сенат был вынужден совершить запоздалый акт справедливости, освободив ахейских пленников. Похищение лучших людей из всех греческих государств дало, как уже было сказано, свободный ход угнетениям тиранов, пользующихся поддержкой Рима. Только в ахейском собрании еще оставалось достаточно духа, чтобы сдерживать Калликрата, который никогда не осмеливался посягать на личность и имущество своих сограждан. Между тем прошли годы; пленники все еще томились в этрусских тюрьмах; отложенная надежда и болезни быстро уменьшали их число; собрание просило только о возвращении Полибия и Стратия, но просьба была встречена категорическим отказом. Наконец, когда Сципион вернулся из Испании, он убедил Катона заступиться за этих несчастных людей. Манера, с которой старый цензор вступился за них, была характерна.

Дебаты длились долго, и исход был несколько сомнительным, когда Катон встал и, не говоря ни слова о справедливости или гуманности, просто сказал: «Неужели нам действительно нечего делать, кроме как сидеть здесь весь день и обсуждать, где сделать гробы для старых греков — здесь или на родине?» Вопрос был решен этим бесчувственным аргументом, и пленники, число которых за шестнадцать лет сократилось с тысячи до трехсот, были освобождены. Но когда Полибий просил, чтобы его товарищам вернули прежнее звание и почести, старый сенатор улыбнулся и сказал ему, что «он поступает как Одиссей, когда он рискнул вернуться в пещеру циклопа, чтобы забрать свою шапку и пояс».

Люди, освобожденные таким неблагодарным образом, провели лучшую часть своей жизни в плену. Старшие и более опытные из них были мертвы. Выжившие вернулись с озлобленными чувствами по отношению к Риму; они были опрометчивы и невежественны,

и, что еще хуже, они утратили всякое чувство чести и все принципы и были готовы подвергнуть свою страну любой опасности, чтобы удовлетворить свои собственные страсти. Главным именем, которое дошло до нас, является имя Дией. Полибий сначала не вернулся, а когда он прибыл в Грецию, то обнаружил, что его соотечественники действуют с такой безрассудной жестокостью, что с радостью принял приглашение Сципиона сопровождать его в осаду Карфагена. Калликрат, по странному стечению обстоятельств, теперь был лидером умеренной партии. Дией выступал за любые жестокие и беспринципные меры. Во время посольства в Рим первый умер, и Дией вернулся в качестве главы Ахейского союза.

Вскоре после этого (в 148 г. до н. э.) появился претендент на македонский трон. Это был молодой человек по имени Андриск, уроженец Адрамиттия, который выдавал себя за Филиппа, младшего сына этого несчастного монарха. Государство Македония, разделенное на четыре республики, каждая из которых находилась в состоянии принудительной экскоммуникации, было настолько раздроблено, что в 151 году народ направил посольство в Рим с просьбой прислать Сципиона для урегулирования их дел, и только самоналоженный долг сопровождать армию Лукулла в Испанию помешал ему взяться за эту задачу. Однако самозванец потерпел столь незначительный успех в своей первой попытке, что бежал ко двору Деметрия в Антиохию, и этот принц отправил его в Рим. Война с Карфагеном тогда была в самом разгаре. Сенат отнесся к этому делу легкомысленно, и авантюристу позволили бежать. Некоторые фракийские вожди приняли его, и с предоставленными ими войсками он проник в Фессалию. Римский претор Ювенций Тална был разгромлен и убит претендентом.

Временный успех Псевдо-Филиппа (как его называли римляне) побудил Диея подтолкнуть ахейцев к разрыву с Римом. Он говорил, что высокомерная республика находится в состоянии войны с Карфагеном и Македонией, и что сейчас самое время разорвать с ней узы. К. Метелл, который только что высадился в Греции со значительной армией, дал ахейцам дружеское предупреждение, но тщетно.

Метелл вскоре закончил Македонскую войну. При его приближении самозванец поспешно удалился из Фессалии и был выдан римскому претору фракийским вождем, у которого он искал защиты.

Тем временем в Коринф уже прибыла комиссия во главе с М. Аврелием Орестом, который созвал вождей Лиги, чтобы огласить приговор сената по поводу их недавнего поведения. Он сообщил им, что они должны отказаться от всех притязаний на суверенитет над Коринфом, Аргосом и Лакедемоном — приговор, который свел Ахейскую лигу почти к тому состоянию, из которого Арат впервые ее поднял. Вожди доложили о том, что они услышали, собранию. Возник бурный всплеск эмоций, который Дией не пытался сдерживать. Орест и римляне едва избежали физического насилия.

[147-146 гг. до н. э.]

Орест немедленно вернулся в Рим, а сенат, предпочитая дипломатию силе, отправил вторую комиссию во главе с Секстом Юлием Цезарем с инструкциями использовать мягкий тон и просто потребовать выдачи тех, кто спровоцировал недавние насильственные события в Коринфе. В ответ была получена презрительная отповедь, после чего Цезарь вернулся в Рим, а сенат, возмущенный греческой дерзостью, объявил войну ахейцам (147).

Метелл надеялся завоевать славу умиротворителя Греции, а также завоевателя Македонии. Он послал некоторых из своих главных офицеров, чтобы они попытались привести ахейцев в чувство. Но их лидеры были слишком далеко зашли; и в начале 146 г. до н. э. Критолай, друг Диея, который был генералом в том году, вторгся в Фессалию, и к нему

присоединились фиванцы, всегда бывшие заклятыми врагами Рима. Метелл уже слышал, что Ахейская война будет вестись под командованием Л. Муммия, одного из новых консулов, и, стремясь завершить ее до того, как его сменят, быстро продвинулся со своей армией. На это хвастливые вожди ахейцев поспешно отступили, не пытаясь даже оказать сопротивление у Фермопил. Их армия распалась почти без боя. Метелл продвинулся прямо к перешейку. Он обнаружил, что Фивы опустели, повсюду царили нищета и разорение.

Диэй готовился защищать Коринф. Но народный страх сменил народный пыл; немногие граждане хотели вступить в его войско: хотя он освободил ряд рабов, он не смог собрать более пятнадцати тысяч человек.

Когда Метелл был уже почти в пределах видимости Коринфа, Муммий высадился на перешейке со своими легионами и принял командование. Римляне относились к врагу с таким презрением, что один из их аванпостов был захвачен врасплох; и Диэй, опьяненный этим небольшим успехом, вывел свои войска перед город. Муммий с готовностью принял вызов, и началась битва. Ахейская кавалерия бежала при первом же столкновении; пехота была вскоре разбита, и Диэй бежал в одну из ворот Коринфа и выбежал из другой, не пытаясь оказывать дальнейшего сопротивления. Римляне могли бы войти в город в тот же день, но, увидев крепость Акрополя и заподозрив вероломство, Муммий сдержался, и прошло двадцать четыре часа, прежде чем он овладел своей не сопротивлявшейся добычей. Но город был обращен в прах, как будто он был взят штурмом; мужчины были преданы мечу, а женщины и дети были оставлены для продажи с аукциона. Все сокровища, все картины, все произведения знаменитых художников, которые лепили из коринфской меди изображения живой силы и симметрии, были конфискованы консулом от имени государства; затем, по данному сигналу, был подложен огонь, и Коринф превратился в кучу пепла.

Муммий, новый человек, отличался скорее грубостью, чем простотой итальянского мужика. Он не был жадным, поскольку мало что оставлял себе; и когда он умер, его дочь не нашла достаточно средств для своего приданого; но его воздержание, по-видимому, проистекало скорее из безразличия, чем из самоотречения. Он не интересовался произведениями греческого искусства. Он позволил своим солдатам использовать одно из лучших произведений художника Аристиды в качестве доски для игры в шашки; но когда Аттал предложил ему большую сумму за картину, он решил, что она должна быть талисманом, и приказал отправить ее в Рим. Всем известна его речь к морякам, которые взялись перевезти статуи и картины из Коринфа в Рим. «Если они их потеряют или повредят, — сказал он, — они должны заменить их другими, равными по стоимости».

Осенью, как обычно, прибыли десять комиссаров с проектами декретов об урегулировании будущего положения Македонии и Греции. Полибий, который вернулся после того, как стал свидетелем пожара Карфагена, как раз вовремя, чтобы увидеть пожар Коринфа, испытал меланхолическое удовлетворение от того, что его пригласили на их совещания — благо, которое он обязан влиянию Сципиона. Один жалкий льстец предложил комиссарам уничтожить статуи Арата и Филопёмена, но Полибий предотвратил эту позорную меру, показав, что эти выдающиеся люди всегда стремились сохранить мир с Римом. В то же время он отказался принять какую-либо часть конфискованного имущества Диея. В политическом плане он смог оказать важные услуги. Вся Греция к югу от Македонии и Эпира была преобразована в римскую провинцию под названием Ахайя.^[62] Старые республиканские правительства различных общин были упразднены, а конституция каждой из них была приведена в соответствие с конституцией муниципальных городов Италии. Полибий был оставлен в Греции, чтобы урегулировать эти новые конституции и приспособить их к обстоятельствам и потребностям каждого места. Его благодарные

соотечественники воздвигли ему памятник рядом со своими старыми героями и поместили на постаменте надпись, в которой говорилось, что, если бы Греция последовала его совету, она не пала бы.

Таков был исход последней борьбы за свободу Греции. Она велась недостойными людьми и была недостойна своего имени. Полибий всегда выступал против попыток бесполезных и разрушительных восстаний. Он считал счастьем для Греции, что одна битва и разрушение одного города привели к ее падению. Действительно, в то время было пословицей, что «Греция была спасена своим быстрым падением».

Десять комиссаров прошли на север в Македонию и объединили эту страну с Эпиром в еще одну провинцию. Иллирия была образована вскоре после завоевания Цезарем Галлии.

Метелл и Муммий вернулись в Рим до конца 146 года до н. э. и были удостоены триумфов вскоре после того, как Сципион пронес трофеи Карфагена в процессии к Капитолию. В память о своих заслугах Метелл впоследствии стал известен под именем Македоник, а Муммий, который, по-видимому, не имел третьего имени, не постеснялся принять титул Ахайк.

ИСПАНСКИЕ ВОЙНЫ: ПАДЕНИЕ НУМАНТИИ

[150-141 гг. до н.э.]

В то время как Рим был занят войной с Карфагеном, лузитаны возобновили свои набеги под руководством доблестного Вириата, который избежал массового убийства в Гальбе. Ни один римский полководец не мог одержать явное преимущество над этим неутомимым врагом, и в 143 г. до н. э. война приняла гораздо более серьезный характер. Храбрые кельтиберские племена Нуманции и прилегающих районов вновь появились на поле боя. В течение нескольких лет мы видим двух римских полководцев, воюющих в Испании, как и до заключения договора Гракха: один противостоял нумантийцам и их кельтиберским союзникам на севере, другой вел нерегулярную войну против Вириата и лузитанов на юге.

Ведение кельтиберской войны было поручено К. Метеллу Македонскому, избранному консулом на 143 год. Он оставался командующим в течение двух лет и был настолько успешен в своих действиях, что к концу второй кампании заставил врага запереться в своих крепких городах. Но, как и в Греции, он был разочарован, когда ожидаемый триумф был у него отнят К. Помпеем, консулом 141 года до н. э.

Помпей и его преемники не смогли произвести никакого впечатления на нумантийцев. Более того, Г. Гостилий Манцин, консул 137 года, потерпел памятное поражение. Манцинус отправился в свою провинцию в атмосфере всеобщего беспокойства (), вызванного неблагоприятными предзнаменованиями во время его инаугурационных жертвоприношений. Его сопровождал в качестве квестора молодой Тит Гракх, уже отличившийся при осаде Карфагена. Манцинус обнаружил, что армия перед Нуманцией находится в состоянии полной дезорганизации, и счел разумным отступить со своих позиций перед этим городом. Нумантийцы преследовали его и давили так сильно, что он был вынужден укрепиться в старом лагере и послал глашатая с предложением о переговорах на условии, что его армия будет пощажена. Враг согласился, но только при условии, что молодой Гракх возьмет на себя ответственность за выполнение договора. Соответственно, статьи мира были подписаны самим Манцином, Гракхом и всеми главными офицерами армии.

Прежде чем мы перейдем к продолжению знаменитого договора Манцина, будет полезно проследить за ходом Лузитанской войны до ее завершения.

Юнона

(С статуи в Ватикане)

Здесь также удача Рима была на спаде. К. Фабий Сервилиан был застигнут врасплох Вириатом в узком ущелье и оказался в таком положении, что бегство было невозможно. Лузитанский военачальник предложил щедрые условия, которые проконсул с радостью принял. Этот мир был одобрен сенатом, и Вириат был признан союзником Рима.

Но К. Сервий Цепион, родной брат Сервилия, был недоволен перспективой бездейственного командования. Настойчивостью он вырвал у сената разрешение нарушить мир, недавно заключенный его братом и ратифицированный ими самими — разрешение, данное подло и использованное еще более подло. Цепион напал на Вириата, когда тот меньше всего ожидал атаки, с такой силой, что вождь был вынужден искать убежища в Галлеции и послал послов спросить Цепиона, по какой причине не соблюдается недавний договор. Цепион отправил послов обратно с любезными словами, но тайно подкупил их, чтобы они убили своего господина. Они слишком успешно выполнили свою задачу и вернулись, чтобы потребовать от консула кровные деньги. Но тот, проявив двойную вероломность, отрекся от этого деяния и направил их в сенат за наградой.

Смерть Вириата стала настоящим концом Лузитанской войны. Он был (как признают даже римские писатели) храбрым, щедрым, активным, бдительным, терпеливым, верным своему слову; и то, как он срывал все честные и открытые атаки дисциплинированных армий Рима, дает высокое представление о его качествах как партизанского вождя. Его соотечественники, осознавая свою утрату, почтили его великолепными военными

похоронами. Сенат, проявив мудрую умеренность, которую следовало проявить еще много лет назад, выделил часть горцев в провинции земли, тем самым наконец выполнив невыполненные обещания Гальбы. Таково было позорное завершение Лузитанской войны. Теперь мы должны вернуться к Манцину и его договору.

[140-138 гг. до н.э.]

Он вернулся, чтобы защитить свое поведение перед сенатом. Он утверждал, что армия была настолько деморализована, что никто не мог эффективно ею управлять, и признал, что заключил договор с Нуманцией без разрешения сената и народа; поскольку этот договор не был одобрен, он заявил о своей готовности поддержать законопроект о выдаче себя и всех, кто подписал договор, нумантийцам. Соответствующий законопроект был вынесен на рассмотрение племен. Но молодой Гракх поддержал договор, а его шурин Сципион выступил с красноречивой речью в его пользу. Однако народ, всегда ревниво относящийся к поражениям, проголосовал за выдачу только Манцина в качестве искупительной жертвы. Соответственно, человек, посвященный для этой особой цели, отвез его в Нуманцию. Но испанцы, как и древние самниты, отказались принять такую компенсацию; тело одного человека, по их словам, не было эквивалентом утраченной ими выгоды. Поэтому Манцин вернулся в Рим. Но когда он занял свое место в сенате, трибун Рутилий приказал ему покинуть курию, потому что, по его словам, тот, кто был выдан врагу с религиозным обрядом, больше не является гражданином Рима и не может восстановить свои права, просто вернувшись в свою страну. Был принят специальный закон, чтобы восстановить Манцина в его прежнем положении.

Дек. Юний Брут, консул 138 года, способный военачальник, был поручен умиротворением Лузитании; город Валентия обязан своим возникновением колонии этого народа, основанной им. Завершив эту задачу, он продвинулся на север через реки Тежу, Дору и Минью и получил дань уважения от племен западных Пиренеев. Он был первым римлянином, который достиг берегов Бискайского залива и увидел закат солнца в водах Атлантического океана; и он был не без основания удостоен почетного имени Каллаик за свои успехи.

Но Нумантия по-прежнему сопротивлялась римской армии. Люди начали требовать консула, способного командовать, и все взоры обратились к Сципиону. Его качества полководца были проверены успехом в Карфагене, и с тех пор произошли обстоятельства, которые принесли ему большую популярность.

После своего триумфа в 146 г. до н. э. Сципион продолжал вести скромную жизнь, в которой он вырос, и от которой его не смогло отвратить даже все богатство, унаследованное им от приемного отца. Он вел себя с такой строгостью, что почти не уступал в этом Катону, хотя и был свободен от осуждающего догматизма и грубой эксцентричности этого знаменитого человека. В 142 г. до н. э. он был избран цензором вместе с Муммием, который настолько препятствовал всем попыткам своего коллеги провести реформы, что тот публично воскликнул: «Я должен был бы выполнять свой долг, будь то с коллегой или без него». Сципион ясно осознавал нездоровое состояние дел, к которому привели длительные войны и сенаторское правление. В молитве, которую он произнес при вступлении в должность цензора, он изменил обычную форму и вместо того, чтобы просить «богов усилить и увеличить могущество Рима», сказал: «Я молю, чтобы они сохранили его; оно и так уже достаточно велико».

[138-133 гг. до н.э.]

Его скромный образ жизни был залогом честности и преданности общественным интересам, что само по себе обеспечило ему поддержку народа. Но несколько его поступков принесли ему еще большую популярность. Сын его родственника Насики, по прозвищу Серапио, примкнул к партии олигархов. Но сын Эмилия Павла в тех редких случаях, когда он появлялся на публике, занимал сторону народа. В 137 году трибун Кассий предложил первый закон о тайном голосовании (), чтобы нейтрализовать чрезмерное влияние сенаторов (1631). Сципион выступил перед народом в поддержку этого закона. По мере роста его популярности его авторитет в сенате пропорционально падал. Шесть лет назад, когда он агитировал за цензуру, Аппий Клавдий, увидев разношерстную толпу, которая следовала за ним, воскликнул: «Ах, Эмилий, твой дух будет омрачен, если ты увидишь, что за твоим сыном следует такая компания».

Однако он не стремился к популярности; он редко бывал на Форуме, хотя, когда хотел, говорил убедительно и красноречиво. Когда тот же Аппий хвастался, что знает по имени всех, кто часто бывает на Форуме, Сципион ответил: «Правда, я не знаю по имени многих своих сограждан, но я позаботился о том, чтобы все знали меня». Популярность пришла сама собой, и народ возложил на него надежды на восстановление чести римского оружия в Испании. По закону он не мог занимать должность консула, поскольку недавно был принят закон, запрещающий повторное избрание в любом случае. Но Сципион получил голоса всех центурий, хотя и не был кандидатом.

Ему было теперь пятьдесят один год, и он приступил к выполнению своего поручения с той же неуклонной энергией, которая отличала его и в других случаях. Он обнаружил, что деморализация армии не меньше, чем ее описывали, и приступил к ее исправлению с той же строгостью, которую его отец проявил в Македонии, а он сам — перед Карфагеном. Он приказал всем куртизанкам и торговцам, а также гадалкам, которые вели прибыльную торговлю в обескураженной армии, покинуть лагерь. Он приказал продать все повозки, лошадей и мулов, за исключением тех, которые были необходимы для непосредственной службы. Не допускались никакие кухонные принадлежности, кроме вертела, походной бутылки и чашки для питья. Были запрещены пуховые постели; сам полководец спал на соломенном матрасе.

После некоторого времени, проведенного в обучении своей армии, он повел ее в Нуманцию по труднопроходимой и окольной дороге, чтобы избежать сражения. Когда он приблизился к месту, к нему присоединился молодой Югурта, внебрачный сын Миципсы, который прибыл из Нумидии с двенадцатью слонами и большим отрядом легкой кавалерии. К этому времени сезон для войны почти закончился, и он приказал построить два крепких лагеря для зимних квартир. В одном из них он разместился сам, а другой передал под командование своего брата Фабия.

С началом весны (133 г. до н. э.) он начал строить осадные сооружения вокруг города и отклонял все попытки нумантийцев спровоцировать общее сражение — обстоятельство, которое довольно удивительно, если верно, что имевшиеся в распоряжении испанского города войска насчитывали не более восьми тысяч человек.

Нумантия лежала по обе стороны реки Дору, недалеко от ее истоков. Блокада была настолько строгой, а жители настолько плохо снабжены провизией, что вскоре они были вынуждены питаться вареной кожей, а в конце концов (ужасно говорить об этом) телами мертвых. Тщетно те, кто сохранил достаточно сил, пытались совершать вылазки днем и ночью; Сципион создал настолько совершенную систему, что дополнительные войска всегда были готовы укрепить любое слабое место, которое могло подвергнуться нападению. Тщетно молодые люди из Лубии пытались прийти на помощь своим храбрым соседям. Сципион незамедлительно выступил к этому месту с отрядом легкой пехоты и, заставив

правительство сдать четыреста самых активных сторонников, отрезал им правые руки и вернулся. Такова была жестокость, которую самые просвещенные люди Рима позволяли себе проявлять по отношению к варварам. И ни один древний историк не произносит ни слова упрека.

Несчастные нумантийцы теперь спрашивали, на каких условиях они могут сдаться. Ответ был таков: в тот же день они должны сложить оружие, а на следующий день явиться в указанное место. Они просили дать им время на раздумье. За это время некоторое количество храбрых мужчин, решивших не подчиняться ни при каких условиях, покончили с собой; остальные вышли из ворот. Их спутанные волосы, грязные одежды и истощенные тела заставили даже римлян с ужасом отвернуться от своего дела. Сципион выбрал пятерых, чтобы они шли в его триумфальной процессии, а остальных продал. Город был настолько эффективно разрушен, что его местоположение невозможно обнаружить.^b Римский историк Флор дает несколько иное, но очень яркое описание.

ФЛОР О ПАДЕНИИ НУМАНТИИ

[133 г. до н. э.]

Но когда голод стал сильно давить на них (поскольку они были окружены рвом, валом и лагерьями), они умоляли Сципиона дать им право сражаться с ним, желая, чтобы он убил их как мужчин, и, когда это не было разрешено, они решили совершить вылазку. В результате сражения многие из них были убиты, а поскольку голод по-прежнему мучил их, выжившие некоторое время питались их телами. Наконец они решили бежать, но их жены помешали этому, вероломно, но из любви перерезав ремни их седел. Отчаявшись спастись и доведенные до крайней ярости и бешенства, они решили умереть следующим образом. Сначала они убили своих вождей, а затем себя и свой родной город с помощью мечей, яда и всеобщего пожара. Мир праху самого храброго из всех городов; города, который, по моему мнению, был счастлив в своих страданиях; города, который с честью защищал своих союзников и своей силой так долго сопротивлялся народу, поддерживаемому силой всего мира. В конце концов, будучи побежденным величайшим из полководцев, он не оставил врагу повода для радости. Его добыча, как добыча бедного народа, была бесполезна; оружие они сожгли сами, и триумф его завоевателей был только над его именем.

До этого римский народ был благородным, честным, благочестивым, праведным и прославленным. Его последующие действия в эту эпоху были столь же величественными, сколь и бурными и бесчестными, а его пороки росли вместе с величием империи. Так что если кто-нибудь разделит эту третью эпоху, которая была занята завоеваниями за морем и которую мы определили как состоящую из двухсот лет, на две равные части, он с полным основанием и справедливостью признает, что первые сто лет, в течение которых они подчинили Африку, Македонию, Сицилию и Испанию, были (как поют поэты) золотыми годами; а вторые сто лет, которые были заняты Югуртинской, кимбрийские, митридатовские и парфянские войны, а также войны в Галлии и Германии (в которых слава римлян вознеслась до небес), соединились с убийствами Гракхов и Друза, рабской войной и (чтобы ничто не умаляло их позор) войной с гладиаторами, были железными, окровавленными и всем, что только можно сказать о них в более суровом смысле. Наконец, обратившись против самих себя, римляне, как будто в духе безумия, ярости и безбожия, разорвали себя на части раздорами Мария и Суллы, а затем раздорами Помпея и Цезаря ().^e Такова была разрушительная, но не славная работа, которая принесла Сципиону имя Нумантина, так как разрушение Карфагена дало ему лучшее звание, чем усыновление Африкана.

В соответствии с обычаем были отправлены комиссары для реорганизации испанских провинций. Завоевания Сципиона и Дека Брута были включены в пределы этой провинции, и в течение нескольких лет Испания оставалась в спокойствии.

На побережье Средиземного моря не осталось врагов, которые могли бы оспаривать власть Рима. Девять провинций, каждая из которых могла бы быть королевством, признавали его власть и ежегодно платили ему налоги. Цари Малой Азии, Сирии и Египта были его послушными вассалами.

ПЕРВАЯ РАБСКАЯ ВОЙНА НА СИЦИЛИИ

[134-133 гг. до н. э.]

В то время как Нумантия все еще сопротивлялась римским полководцам, недалеко от дома разразилась война, более ужасная, чем любая далекая борьба с иностранцами — восстание рабов на Сицилии. Уже были сделаны некоторые замечания о быстром росте числа рабов, сопровождавшем завоевательную деятельность Рима; было отмечено, что в то время как домашние рабы обычно получали хорошее обращение, сельскохозяйственные рабы были низведены до положения, худшего, чем положение волов, работавших на земле. Зло, которое могло породить такое угнетение, теперь было доказано страшным опытом.

Всем известно, что в ранние времена Рима сельскохозяйственный труд был единственным видом ручного труда, который считался достойным свободного гражданина. Это чувство долгое время сохранялось, о чем свидетельствует похвала сельскому хозяйству со стороны Цицерона, чей энтузиазм был заражен одним из его любимых героев, старым цензором Катонем, чья *«Трактат о сельском хозяйстве»* уже упоминалась. Интерес к книгам о земледелии сохранялся. Антиквар Варрон, друг Цицерона, оставил после себя прекрасный трактат на эту тему. Чуть позже появились знаменитые *«Георгики»* Вергилия, вскоре за которыми последовали заметки Плиния, а затем и подробные *«Диссертации»* Колумеллы, который ссылается на большое число римских писателей, посвятивших свои труды этой же теме. Очевидно, что тема сельского хозяйства обладала сильным и непреходящим очарованием для римского ума.

Но со времен Ганнибаловой войны сельское хозяйство в Италии утратило свои позиции. Когда Катона спросили, какой вид сельского хозяйства является наиболее прибыльным, он ответил: «Хороший выпас скота». Что дальше? «Сносный выпас скота». Что дальше? «Плохой выпас скота». Что дальше? «Выращивание зерна». Позднейшие писатели единодушно сетуют на снижение продуктивности земли.

Этот результат был, без сомнения, частично обусловлен войной, но в гораздо большей степени — другими причинами. Зерно можно было легко импортировать из южных земель Сицилии, из Египта и Нумидии, в то время как большая часть Италии была малопригодна для производства зерновых культур. Эти причины нашли мощную поддержку в росте крупных поместий и прибыльном использовании рабов в качестве пастухов и скотоводов.

Несколько примеров покажут огромное количество рабов, которые, должно быть, были выброшены на рынок после Второй Пунической войны. Чтобы наказать бруттов за верность, с которой они придерживались дела Ганнибала, весь народ был обращен в рабство; 150 000 эпиротов были проданы Эмилием Паулом; пятьдесят тысяч пленников были отправлены домой из Карфагена. Эти цифры сохранились случайно; и если, согласно этой шкале, мы подсчитаем количество несчастных людей, проданных в рабство во время сирийских, македонских, иллирийских, греческих и испанских войн, то мы будем готовы

услышать, что рабы, пригодные только для неквалифицированного труда, были многочисленны и дешевы.

На Востоке также регулярно велась работорговля. Варварские племена на побережье Черного моря всегда были готовы продавать своих родных и близких; Фракия и Сарматия были для римлян тем же, чем Гвинейское побережье для африканцев. Транзитным пунктом этой торговли был Делос, который был объявлен Римом свободным портом после завоевания Македонии. Страбон рассказывает, что за один день на открытом рынке там продавалось десять тысяч рабов. Таково было гнусное использование Священного острова, некогда сокровищницы Греции, когда ее государства объединились, чтобы защитить свою свободу от персов.

Очевидно, что множество рабов, недавно бывших свободными людьми, и многие из них солдатами, должны были стать опасными для своих хозяев. Их обращение не было таким, чтобы примирить их. Их выгоняли на холмы, возлагали на них ответственность за безопасность вверенного им скота и заставляли самих обеспечивать себя необходимым для жизни. Группа этих несчастных людей попросила своего хозяина о одежде: «Что, — спросил он, — разве путешественники не носят одежду?» Этот жестокий намек был быстро понят; пастухи-рабы из южной Италии стали бандитами, и путешествовать по Апулии без вооруженной свиты было опасным приключением. От нападений на путешественников мародеры перешли к грабежам небольших загородных домов, и все, кроме богатых, были вынуждены покинуть деревню и стекаться в города. Еще в 185 году до н. э. семь тысяч рабов в Апулии были осуждены за разбой претором, специально посланным для восстановления порядка в этой пастбищной местности. Когда они не работали на холмах, их запирали в больших зданиях, похожих на тюрьмы (*ergastula*), где они могли обсуждать свои обиды и строить планы мести.

Сицилийские землевладельцы подражали своим итальянским собратьям, и именно их тираническое поведение привело к страшному восстанию, которое раскрывает нам некоторую часть реального состояния общества, существовавшего под властью Рима.

На Сицилии, как и в южной Италии, в летние месяцы стада загоняют на горные пастбища, а примерно в октябре возвращают обратно на равнины. Те же причины, которые действовали в Италии, действовали в меньших масштабах и на Сицилии. Город Энна, когда-то известный поклонением Деметре, стал центром пастушеского района, а из соседних землевладельцев самым богатым был Дамофил. Он был известен множеством своих рабов-пастухов и жестоким обращением с ними, а его жена Мегаллис не уступала своему господину в жестокости, с которой она обращалась с рабынями. Наконец чаша терпения переполнилась, и четыреста его рабов, собравшись в Энне, решили отомстить Дамофилу.

В Энне жил еще один богатый землевладелец по имени Антиген, и среди его рабов был сириец, известный под греческим именем Энус. Этот человек был своего рода чародеем, который притворялся, что имеет откровения о будущем, и практиковал искусство дышать огнем, что считалось сверхъестественной силой. Наконец он объявил, что его сирийские боги объявили ему, что он должен стать королем. Его хозяин относился к нему как к шуту и на банкетах приглашал его, чтобы он развлекал гостей; а те, поддавшись его настроению, просили его не забывать их, когда он получит скипетр. Но для союзных рабов Дамофила Энус действительно казался пророком и царем, посланным, чтобы освободить их. Они умоляли его стать их лидером, он принял их предложение, и все вместе они вошли в город Энна, с Энусом во главе, изрыгающим огонь.

Бедный город теперь испытал на себе месть людей, озверевших от угнетения. Одетые в шкуры, вооруженные кольями с заостренными концами, серпами, копьями и всем, что подходило для оружия, они ворвались в дома и убили всех свободных людей, от стариков и матрон до грудных младенцев. К ним присоединились толпы рабов; врагами каждого человека были его собственные домашние. Дамофил был затащен в театр и убит. Мегаллис была отдана рабыням, которые сначала пытали ее, а затем сбросили с утеса, на котором стоит город.

Таким образом, Энус осуществил свою самую дикую мечту. Он надел диадему, принял царское имя Антиох и назвал своих последователей сирийцами. Рабские бараки были взломаны, и множество рабов выбежало, чтобы присоединиться к нему. Вскоре он возглавил десять тысяч человек. Он проявил немалую рассудительность в выборе офицеров. Грек Ахеус был назначен главнокомандующим армией и приложил все усилия, чтобы сохранить порядок и сдержать чрезмерные действия.

Через несколько дней после резни в Энне Клеон, киликийский раб, поднял подобное восстание недалеко от Агригента. Вскоре он также возглавил несколько тысяч человек.

Римляне на Сицилии, которые наблюдали за происходящим в полном смятении, теперь надеялись, что два лидера могут поссориться, но их надежды были скоро развеяны известием о том, что Клеон признал верховную власть царя Антиоха. Когда началось восстание, на Сицилии не было ни одного римского магистрата. Претор прошлого года вернулся в Италию, а его преемник, прибывший на остров, ничего не знал о происходящем. Ему удалось собрать на острове восемь тысяч человек и выступить против рабов, число которых к тому времени достигло двадцати тысяч. Он потерпел полное поражение, и восстание распространилось по всему острову.

Эскулап

В Риме царило великое смятение. Никто не мог сказать, где остановится зло. Восстания вспыхнули в разных частях империи, но магистраты были начеку, и все попытки были жестоко подавлены. В самом Риме 150 рабов, уличенных в организации восстания, были без пощады казнены.

Сенат счел восстание настолько серьезным, что отправил консула Г. Фульвия Флакка, коллегу Сципиона в 134 г. до н. э., чтобы подавить его. Но Флакк не смог одержать верх над повстанцами. В следующем году Л. Кальпурний Пизон сумел отбить Мессану у врага и продвинулся к Энне, месту, сильно защищенному природой, которое он не смог взять. Его преемник, П. Рупилий, друг Сципиона, начал свою кампанию с осады Тауромения. Рабы оказали отчаянное сопротивление. Оказавшись в бедственном положении из-за нехватки продовольствия, они съели детей, женщин и в конце концов начали пожирать друг друга. Даже тогда место было взято только благодаря предательству. Всех пленных рабов подвергли пыткам и сбросили с обрыва. Теперь консул продвинулся к Энне, последнему оплоту Эуна. Судьба повстанцев была предрешена. Клеон из Агригента выбрал смерть воина и, выйдя вперед со всеми, кто разделял его дух, погиб в доблестной борьбе. О конце Ахея нам ничего не известно. Энус с охраной из шестисот человек бежал в соседние холмы, но, отчаявшись спастись, большая часть несчастных убила друг друга. Сам самозванец был схвачен в пещере вместе со своим поваром, пекарем, купальщиком и шутом. Он проявил малодушие, совершенно не похожее на отчаянную храбрость остальных, и умер, съеденный паразитами в темнице в Моргантиуме.^c

Чтобы показать, насколько ужасной была для римлян мысль о борьбе с рабами, можно процитировать Флора об этой первой войне, подавление которой он приписывает Перперне.^a

ВОЙНА ПРОТИВ РАБОВ

[133 г. до н. э.]

Хотя в предыдущей войне мы сражались с нашими союзниками (что было достаточно плохо), мы все же сражались со свободными людьми, людьми благородного происхождения; но кто может с терпением слушать о войне против рабов со стороны народа, стоящего во главе всех наций! Первая война с рабами произошла в младенчестве Рима, в самом сердце города, когда их лидером был Гердоний Сабин, и когда, в то время как государство было озабочено мятежами трибунов, Капитолий был осажден и отбит консулом у рабской толпы. Но это было скорее восстание, чем война. В более поздний период, когда силы империи были задействованы в разных частях мира, кто бы поверил, что Сицилия была гораздо более жестоко разорена войной с рабами, чем войной с карфагенянами? Эта страна, плодородная в плане выращивания зерна и, в некотором роде, пригородная провинция, была покрыта большими поместьями многих римских граждан; а многочисленные рабские дома и скованные земледельцы обеспечивали достаточно сил для войны. Некий сириец по имени Энус (величие наших поражений от него заставляет нас помнить его) подделал фанатическое вдохновение и, взмахивая волосами в честь сирийской богини, как бы по велению небес, возбудил рабов, чтобы они требовали свободы и взяли в руки оружие. И чтобы доказать, что это делается по сверхъестественному велению, он спрятал во рту орех, наполненный серой и огнем, и, дыша мягко, выпускал пламя вместе со своими словами. Это чудо сначала привлекло две тысячи тех, кто попался ему на пути; но вскоре, взломав рабские дома, он собрал войско численностью более шестидесяти тысяч человек; и, украсив себя знаками царской власти, чтобы ничто не мешало его дерзости, он опустошил, принеся прискорбную разруху, крепости, города и деревни. Он захватил даже лагеря преторов (самое большое позорище войны); и я не постесняюсь назвать их имена: это были лагеря Манилия, Лентула, Пизона и Гипсея. Таким образом, те, кого должны были увести домой работоторговцы, преследовали преторских полководцев, разгромленных в битве. Наконец, наш полководец Перперна отомстил им: победив их, осадив в Энне и измотав голодом, как

чумой, он бросил оставшихся мародеров в цепи, а затем распял их. Но над такими врагами он довольствовался овацией, чтобы не осквернять достоинство триумфа именем рабов.^{[e](#)}

Так на время было подавлено это опасное восстание, ставшее результатом рабской системы, установленной римскими завоевателями. Благосостояние Сицилии было настолько серьезно подорвано, что для восстановления порядка были сочтены необходимыми чрезвычайные меры. Были проконсультированы Сивиллины книги. Оракул предписал умиловить «древнейшую Цереру», и торжественная делегация жрецов отправилась в величественный храм богини в городе Энна. Это обстоятельство, казалось бы, неважное, становится значимым, если учесть, что война действительно возникла из-за пренебрежения сельскохозяйственными работами и достигла своего пика в том знаменательном году, когда Тит Гракх довел до всеобщего сведения ухудшение положения итальянских фермеров.

Десять комиссаров были отправлены, чтобы помочь Рупилию в разработке законов для лучшего регулирования сельскохозяйственных районов. В качестве основы для их законодательства был взят кодекс, ранее установленный Иероном в Сиракузах, что вызвало большое удовлетворение всех греческих общин. Вся земля должна была платить десятину от своего урожая римлянам, за исключением пяти свободных городов и некоторых других, которым было разрешено платить фиксированную годовую сумму. Сбор этих десятины должен был быть передан римским подрядчикам. Но для предотвращения вымогательства были предусмотрены апелляционные суды. Все споры между гражданами одного и того же города решались в городских судах; споры между гражданами разных городов — судьями, выбранными по жребию под надзором претора; споры между городской общиной и отдельным лицом — сенатом другого города; споры между римским гражданином и сицилийцем — судьей, принадлежащим к той же нации, что и ответчик. Нет сомнений, что благодаря этой системе общее положение сицилийских землевладельцев значительно улучшилось, и сельское хозяйство в Сицилии вновь процветало, как и в прежние времена.^b

СНОСКИ

[57] За это и за его поведение, схожее с поведением Л. Сципиона, семья вышла замуж за Корнелию, дочь Африкана. Два знаменитых Гракха были их сыновьями.

[58] Этот город, который не следует путать с древней Альба-Лонга, находился на озере Фучине.

[59] [Великим первоисточником по Третьей Пунической войне был Полибий,^d чьи рассказы о ярких событиях Ганнибаловых войн мы уже цитировали ранее. Полибий был личным другом Сципиона Младшего и, как мы увидим, присутствовал при разрушении Карфагена. К сожалению, его описание этого памятного события из первых рук не сохранилось. Однако описания Ливияⁱ и Аппиана^e в значительной степени, если не полностью, основаны на работах Полибия. Описание войны в целом, данное Аппианом, слишком длинно, чтобы привести его здесь, но описание Кейтли^c фактически является сокращенной версией Аппиана, параграф за параграфом, причем перевод порой почти дословный. Что касается заключительных сцен, то мы обратимся к самому Аппиану.

[60] Законный возраст для консула в то время составлял сорок три года, а Сципиону было всего тридцать восемь.

[61] [Ине^f говорит об этом: «Мы серьезно сомневаемся в правдивости этого драматического эффекта, который сделал бы честь любому режиссеру. Женщина, стоящая на крыше горящего храма и в разгар шума и кровопролития произносящая речь своему мужу, находящемуся на безопасном расстоянии, — это сцена, выходящая за пределы исторической вероятности. Особое подозрение вызывает небольшой отрывок лести, который обезумевшая женщина любезно обращает к Сципиону: σοὶ μὲν οὐ νέμεσις ἐκθεῶν ὧ Ῥωμαῖε, ἐπὶ γὰρ πολέμιαν ἐστρατεύσας. Аппиан, ^g VIII, 31. Καὶ τῷ στρατηγῷ μεγίσας ἐπαυῖε τὰς χάριτας. Полибий, ^h XXXIX, 3, 6. Все это столь же вымышленно, как и любая сцена из сенсационного романа. Мы не сомневаемся, что Гасдрубал и его жена были удержаны римскими дезертирами против их воли. В конце концов

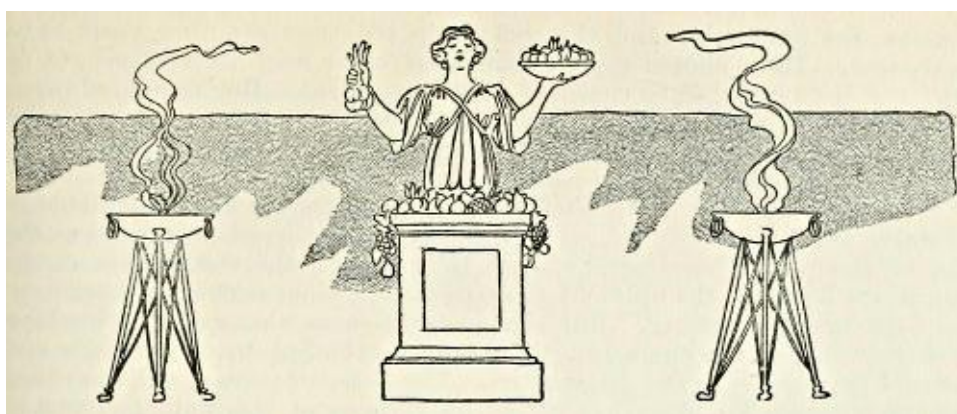
Гасдрубалу удалось сбежать от них (λαθὼν ἔφυγε, Аппиан, VIII, 131). Возможно, что после этого его жена и дети были убиты на его глазах».

[62] [Согласно Маркварту,¹ Ахайя не была организована в отдельную провинцию до правления Августа.

[63] Этих *Leges Tabellariae* (как их называли римляне, *tabella* — их слово для обозначения бюллетеня) было четыре: (1) *Габиний* (139 г. до н. э.), введший использование бюллетеней на выборах. (2) *Кассиан* (137 г.), введший их во всех государственных судебных процессах, за исключением дел о государственной измене (*perduellio*). (3) *Папировский закон* (131 г.), введший его в Законодательное собрание. (4) *Целийский закон* (107 г.), отменивший единственное исключение, сделанное Кассианским законом.

Древняя гробница, высеченная из цельной скалы

ГЛАВА XIV. ЦИВИЛИЗАЦИЯ В КОНЦЕ ПЕРИОДА ЗАВОЕВАНИЙ

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Теперь, когда мы увидели, как Рим сначала стал хозяином Италии, а затем, после борьбы на жизнь и смерть, превзошел Карфаген; теперь, когда мы должны будем следить за его завоеванием всех стран, граничащих со Средиземным морем, в результате чего это море стало тем, что в современной терминологии можно назвать римским озером, мы естественно задаемся вопросом: какова была форма правления, как обращались с подданными-иностранцами, в каком положении находился народ?

К моменту Пунических войн структура римской конституции была полностью сформирована. Единственным следом древнего деления оставалось правило, согласно которому из двух консулов и двух цензоров один должен был быть патрицием, а другой — плебеем. Через несколько лет даже это деление должностей вышло из употребления, и

не осталось никаких политических различий, за исключением того, что лица патрицианского происхождения были исключены из трибуната плебеев.^[64]

В соответствии с продвижением плебейских и упадком патрицианских семей, в большинстве частей конституции произошла тихая революция. Ассамблея курий стала чистой формальностью. Они продолжали собираться даже во времена Цицерона, но их деятельность сократилась до регулирования религиозных обрядов, свойственных патрицианским родам. Лишь несколько ликторов, присутствовавших в качестве помощников председательствующих магистратов, представляли потомков Валериев, Клавдиев и Постумиев.^[65]

Что касается исполнительной власти, то главные государственные чиновники, занимавшиеся управлением делами Рима, оставались такими же, как и после принятия законов Лициния. Время Цицерона хорошо известно тем, что каждый римлянин, стремившийся к высшим должностям, был обязан пройти через регулярную лестницу почестей. Для каждой из них был установлен возраст, до достижения которого она была недоступна. Первой должностью, которую занимали, была квесторская, и самым ранним возрастом, в котором ее можно было получить, был, по-видимому, двадцать семь лет. Затем должно было пройти несколько лет, прежде чем римлянин мог занять первую курульную должность, то есть эдила. Но между этой должностью и каждой из высших почетных должностей (), преторством и консульством, было только два полных года. Чтобы быть избранным эдилом, мужчина должен был быть не моложе тридцати семи лет, претором — не моложе сорока, а консулом — не моложе сорока трех. Однако никаких четких правил еще не было установлено. Как до, так и после Второй Пунической войны было много случаев, когда мужчины избирались консулами в очень молодом возрасте, не занимая до этого никаких других курульных должностей.

Нет сомнений, что должность эдила была наименее приемлемой для активного и амбициозного человека. Основные обязанности эдилов были связаны с уходом за общественными зданиями (откуда и произошло их название), проведением игр и праздников, порядком на улицах и другими вопросами, относящимися к сфере полиции. Но квесторы были наделены более важными полномочиями. Они прикреплялись к консулам и преторам в качестве казначеев и казначеев. Сборщики налогов (*publicani*) выплачивали им все деньги, полученные от имени государства, и из этих средств они выплачивали все суммы, необходимые для нужд армии, флота или гражданской администрации. Первоначально их было два, по одному на каждого консула, но вскоре их число удвоилось, а после завоевания Италии увеличилось до восьми. Двое всегда оставались дома, чтобы вести дела казначейства, остальные сопровождали консулов, преторов и проконсулов в самые важные провинции.

Должность претора была дополнительной по отношению к должности консулов и поначалу имела в основном судебный характер. Первоначальный претор назывался «*prætor urbanus*», или председатель городских судов. Второй был добавлен примерно в то время, когда Сицилия подчинилась Риму, и был создан новый суд для рассмотрения дел, в которых были задействованы иностранцы: поэтому новый магистрат назывался «*prætor peregrinus*». Для управления двумя первыми провинциями, Сицилией и Сардинией, были созданы еще два претора, а когда Испания была образована как двойная провинция, еще два, так что их общее число составило шесть. В отсутствие консулов преторы председательствовали в сенате и на большом собрании центурий. Они часто командовали резервными армиями на поле боя, но всегда подчинялись консулам; и чтобы подчеркнуть это подчиненное положение, им было позволено иметь только шесть ликторов, в то время как каждого консула сопровождали двенадцать. О консулах нет нужды говорить в данном месте. Их

положение как высших исполнительных должностных лиц государства достаточно ясно указано на каждой странице истории.

Чтобы получить любую из этих высоких должностей, римлянин был обязан добиваться голосов своих сограждан. Они были открыты для амбиций каждого, чье имя было внесено цензорами в реестр граждан, при условии, что он достиг необходимого возраста. Ни одна должность, за исключением цензора, не занималась дольше двенадцати месяцев: ни один чиновник не получал заработной платы или вознаграждения за свои услуги. Для покрытия расходов по распоряжению сената из казны выделялись определенные пособия. Для выполнения рутинных обязанностей и ведения переписки каждый магистрат имел определенное количество клерков (*scribæ*), которые составляли то, что мы называем гражданской службой.

Но хотя высшие должности казались абсолютно открытыми для всех кандидатов, на практике это было не так. Примерно во время Первой Пунической войны было введено изменение, которое фактически ограничивало курульные должности богатыми семьями. Эдилы получали из казны пособие на расходы, связанные с публичными играми. Но в упомянутый период это пособие было отменено. Тем не менее, от курульных эдилов по-прежнему ожидалось, что они будут поддерживать честь Рима, устраивая дорогостоящие зрелища на великих римских играх, Мегалезийском празднике и других менее значимых мероприятиях. Таким образом, выбор народа был ограничен теми, кто мог купить его благосклонность.

АРМИЯ

У римлян не было постоянной армии. Каждый римский гражданин в возрасте от семнадцати до сорока пяти лет, владевший имуществом стоимостью не менее четырех тысяч фунтов меди, заносился в военный список. Из этого списка ежегодно набирались четыре легиона, по два для каждого консула, а в случае необходимости набирались дополнительные легионы. Но по окончании годовой кампании эти legionеры имели право на увольнение. Не было и постоянных офицеров. Каждый легион имел шесть трибунов и шестьдесят центурионов, но они, как и консулы и солдаты, выбирались каждый год заново. Большинство трибунов избиралось на комициях племен, а остальные назначались консулами года, единственным ограничением такого выбора было то, что назначенные должны были прослужить в легионах не менее пяти кампаний. Центурионы назначались трибунами с одобрения консулов.

Таким образом, представляется, что римская система, как в армии, так и в государстве, была строго республиканской, то есть рассчитанной на распределение государственных должностей между как можно большим числом граждан и на предотвращение поглощения власти каким-либо одним человеком или классом людей. Не было профессиональных государственных деятелей или офицеров, но было большое количество людей, которые в течение некоторого времени служили в той или иной должности. Не было постоянной армии, но была хорошая милиция. Не было регулярно обученных солдат, но каждый гражданин в свое время участвовал в нескольких военных кампаниях, и каждый был в некотором роде солдатом.

Но ни одна республика, какой бы ревнивой она ни была, не может жестко соблюдать такую систему; необходимость изменяет ее на практике. Во время Самнитских войн мы видим, что одни и те же выдающиеся люди неоднократно избирались консулами, несмотря на положение, согласно которому никто не мог занимать эту высокую должность чаще, чем

раз в десять лет. Валерий Корвус был избран консулом в двадцать три года; он занимал эту должность четыре раза за четырнадцать лет. То же самое происходило с Папирием Курсором, Фабием Максимом и другими, которые неоднократно занимали эту высшую должность с короткими перерывами. В 326 году до н. э. был принят другой план для обеспечения постоянства. С этого времени стало обычным делом продолжать консульство или преторство в течение нескольких лет подряд с титулом проконсула или пропретора. Проконсулу также разрешалось сохранять часть своей прежней армии, включая трибунов и центурионов. Надежда на добычу и желание отслужить свои кампании (ведь после определенного количества кампаний легионер освобождался от службы, даже если ему было далеко не сорок пять лет) удерживали многих солдат на поле боя; таким образом, каждый командир формировал ядро регулярной армии. Во время Пунических войн закон о десятилетнем сроке службы был полностью приостановлен, и проконсулам было приказано оставаться в должности в течение нескольких лет подряд.^b

Более яркой картины римской армии, чем та, что дает Полибий, сравнивающий греческую фалангу с римской системой, не придумать:

ПОЛИБИЙ О ГРЕЧЕСКОЙ И РИМСКОЙ БОЕВОЙ ПОРЯДКЕ

Пирр использовал не только оружие, но и войска Италии; во всех своих сражениях с римлянами он чередовал роты этих войск с когорты, выстроенными по типу фаланги. И все же, даже с преимуществом этой меры предосторожности, он так и не смог одержать над ними явную или решающую победу. Необходимо было сделать эти замечания, чтобы предотвратить любые возражения, которые могут быть высказаны в отношении правдивости того, что мы скажем далее.

Легко продемонстрировать многими причинами, что пока фаланга сохраняет свою надлежащую форму и полную силу действия, никакая сила не способна противостоять ей в фронтальном бою или выдержать силу ее атаки. Когда ряды сближаются для вступления в бой, каждый солдат, стоя с оружием, занимает пространство в три фута. Копья в их древнейшей форме имели длину семнадцать локтей. Но для того, чтобы сделать их более удобными в действии, их длину сократили до четырнадцати. Из них четыре локтя находятся между частью, которую солдат держит в руках, и нижним концом копья сзади, который служит противовесом части, вытянутой перед ним; и длина этой последней части от тела солдата, когда копье выдвигается вперед обеими руками против врага, составляет, следовательно, десять локтей. Отсюда следует, что когда фаланга сформирована надлежащим образом, и каждый солдат прижимается на необходимое расстояние к человеку, стоящему перед ним и сбоку, копья пятого ряда вытягиваются на длину двух локтей, а копья второго, третьего и четвертого рядов — на еще большую длину, превышающую длину копья самого переднего ряда. Способ, которым солдаты сгруппированы в этом методе, описан Гомером в следующих строках:

«Щит к щиту прижался, шлем к шлему примкнул,

И человек к человеку; и при каждом кивке, который склонялся

Высоко развевались на их головах сверкающие конусы,

Звенели шлемы, увенчанные волосами: так густо они стояли».

Это описание не менее точно, чем красиво. Таким образом, очевидно, что пять различных копий, отличающихся друг от друга длиной в два локтя, вытянуты перед каждым человеком в первом ряду. А если учесть, что фаланга состоит из шестнадцати рядов в глубину, то легко

представить, каков должен быть вес и сила всего отряда и насколько велика сила его атаки. В рядах, расположенных за пятым, копья не могут достичь врага, чтобы быть использованными против него. Поэтому в этих рядах солдаты, вместо того чтобы вытягивать копья вперед, опирают их на плечи стоящих перед ними, заострив наконечники вверх; таким образом, они образуют своего рода вал, который прикрывает их головы и защищает от дротиков, которые могут быть перенесены в полете за первые ряды и упасть на тех, кто стоит позади. Но когда все войско выдвигается вперед, чтобы атаковать врага, даже эти задние ряды играют немаловажную роль. Поскольку они постоянно давят на тех, кто стоит перед ними, они своим весом придают атаке большую силу и лишают передние ряды возможности отступить назад или ретироваться. Таково расположение фаланги как в целом, так и по частям. Рассмотрим теперь вооружение и порядок боевого построения римлян, чтобы на основе сравнения увидеть, чем они отличаются от македонцев.

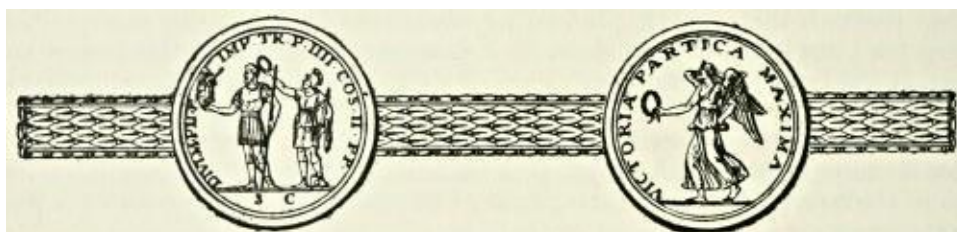
Каждому римскому солдату, стоящему в оружии, отводится одинаковое пространство, также равное трем футам. Но поскольку каждый солдат во время боя находится в постоянном движении, вынужденный постоянно перемещать свой щит, чтобы прикрыть любую часть тела, по которой наносится удар, и менять положение меча, чтобы либо наносить толчок, либо наносить удар сверху вниз, то между каждым солдатом и стоящим рядом с ним человеком, как сбоку, так и сзади, должно быть расстояние в три фута, которое является минимальным для выполнения этих движений с максимальной эффективностью. Поэтому, атакуя фалангу, каждый римлянин, имея перед собой двух македонцев, сталкивается также с десятью копьями, с которыми он вынужден сражаться. Но одному человеку невозможно срубить эти копья мечом, прежде чем они нанесут ему удар. С другой стороны, пробиться сквозь них тоже нелегко. Ведь солдаты, стоящие позади, не усиливают давление и не добавляют силы мечам тех, кто находится в первом ряду. Поэтому легко понять, что пока фаланга сохраняет свое положение и силу, никакие войска, как я уже отмечал, не могут выдержать ее атаки с фронта. Чем же тогда объясняется то, что римские армии одерживают победу, а те, кто использует фалангу, терпят поражение? Причина заключается в следующем. В войне время и место действий разнообразны и неопределенны. Но есть только одно время и одно место, один фиксированный и определенный способ действий, который подходит для фаланги. Таким образом, в случае общего сражения, если враг вынужден вступить в бой с фалангой именно в то время и в том месте, которые требуются последней, то, по вышеупомянутым причинам, в высшей степени вероятно, что фаланга всегда одержит победу. Но если в таких обстоятельствах можно избежать сражения, а сделать это действительно легко, то тогда от этого порядка сражения нечего бояться. Хорошо известно и общепризнанно, что фаланге требуется ровная и открытая местность, свободная от препятствий любого рода, таких как рвы, ущелья, наклоны, холмы или русла рек, и что любое из этих препятствий достаточно, чтобы помешать ей и нарушить порядок, в котором она сформирована. С другой стороны, следует признать, что, если это и не совсем невозможно, то, по крайней мере, крайне редко можно найти местность площадью в двадцать стадий или более, свободную от всех этих препятствий. Но давайте предположим, что такая местность все же может быть найдена. Если враг, вместо того чтобы спуститься на нее, поведет свою армию через страну, грабя города и опустошая земли, то какая польза тогда будет от фаланги? Пока она остается на этом удобном посту, она не только не имеет возможности помочь своим союзникам, но даже не может уберечься от гибели. Ведь войска, без сопротивления владеющие всей страной, отрежут от нее все поставки. А если, с другой стороны, она покинет свою собственную позицию и попытается вступить в бой, то преимущество противника будет настолько велико, что она скоро станет легкой добычей для врага.

Но далее, предположим, что враг спустится на эту равнину. Однако, если он не приведет всю свою армию сразу, чтобы принять атаку фаланги, или если в момент атаки он немного отступит от боя, то легко определить, каким будет результат, исходя из нынешней практики римлян. Ведь мы теперь основываемся не только на голословных рассуждениях, но и на фактах, которые произошли недавно. Когда римляне атакуют фалангу с фронта, они никогда не используют все свои силы, чтобы выровнять свою линию с линией врага, а ведут в бой только часть своих войск, а остальную часть армии держат в резерве. Теперь, независимо от того, прорывают ли войска фаланги противостоящую им линию или сами прорываются, порядок, свойственный фаланге, одинаково нарушается. Ведь если они преследуют беглецов или, с другой стороны, отступают и подвергаются преследованию, в любом случае они отделяются от остальной части своего отряда. И таким образом остается некоторое расстояние или пространство, которое резерв римской армии старается захватить, а затем атакует оставшуюся часть фаланги не с фронта, а с фланга или с тыла. Поскольку легко избежать моментов и обстоятельств, благоприятных для фаланги, а те, напротив, которые ей неблагоприятны, никогда не могут быть избегаемы, то несомненно, что только это различие должно иметь решающее значение в момент действия.

К этому можно добавить, что войска фаланги, как и другие, вынуждены маршировать и разбивать лагерь в самых разных местах; первыми захватывать выгодные позиции; окружать врага или быть окруженными; а также вступать в неожиданные бои, не зная, что враг находится поблизости. Все это происходит на войне и либо в значительной степени способствует победе, либо иногда полностью определяет ее исход. Но во всех таких случаях македонский порядок сражения либо не может быть использован, либо используется совершенно бесполезно.

Ведь войска фаланги, как должно быть очевидно, теряют свою силу, когда вступают в бой отдельными ротами или один на один. Римский порядок, напротив, даже в таких случаях никогда не сопровождается какими-либо неудобствами. Среди римлян каждый отдельный солдат, когда он вооружен и готов к службе, одинаково пригоден для участия в бою в любое время и в любом месте, или при любом появлении врага; и всегда сохраняет ту же силу и ту же способность к действию, независимо от того, участвует ли он в бою со всей армией или только с ее частью; в отдельных ротах или один на один. Поэтому, поскольку части в римском боевом порядке гораздо лучше приспособлены для использования, чем в другом, то и успех в бою должен быть больше в одном, чем в другом.

Если я довольно долго рассматривал эту тему, то это потому, что многие греки в то время, когда македоняне были разгромлены, считали это событие чем-то невероятным; и потому, что многие другие в будущем, возможно, захотят узнать, в чем именно порядок фаланги уступает оружию и боевому порядку римлян.^f

РИМСКИЕ ТРОФЕИ

СЕНАТ

Главные должностные лица как в государстве, так и в армии постоянно подвергались изменениям, но за ними стояла могущественная сила, которая не менялась. Это был сенат. Важность этого органа трудно переоценить. Все действия римской республики осуществлялись от имени сената и народа, как будто сенат составлял половину государства, хотя его численность составляла всего триста человек.

Сенат Рима был, пожалуй, самым замечательным собранием, которое когда-либо видел мир. Его члены занимали свои места пожизненно; однажды став сенаторами, они оставались ими навсегда, если только не были лишены этого звания по какой-либо постыдной причине. Но сенаторское звание не было наследственным. Ни один отец не мог передать эту честь своему сыну. Каждый должен был завоевать ее сам.^[66]

Способ получения мест в сенате достаточно хорошо известен. Все — или почти все — члены этого августейшего органа обязаны были своими местами голосам народа. Теоретически цензоры по-прежнему обладали властью, которую ранее осуществляли короли и ранние консулы, выбирая сенаторов по своему усмотрению. Но официальные полномочия, какими бы произвольными они ни были, на практике всегда ограничены. Цензоры следовали правилам, установленным древними прецедентами, и выбирали сенаторов из тех, кто занимал должность квестора и более высокие магистратуры. В промежутке между двумя цензурами, то есть в течение пяти лет, число одних только квесторов должно было составлять не менее сорока, и этого было более чем достаточно, чтобы заполнить количество вакансий, которые возникли бы в обычное время. Таким образом, первым условием для получения места в сенате было занятие должности. Вероятно, к этому требованию добавлялось второе — наличие имущества. Так было, по крайней мере, в более поздние времена. Третье ограничение — возраст — вытекало из правила, согласно которому сенаторы набирались из списков должностных лиц. Никто не мог стать сенатором, не достигнув тридцати лет.

Таков был состав этого великого совета в лучшие времена республики. Он составлял настоящую аристократию. Почти все его члены обладали знаниями, полученными в результате исполнения государственных должностей и благодаря зрелому возрасту. Они были рекомендованы на свои места всенародным голосованием, но при этом их имущество защищало их от подчинения воле народа. Министр Пирра не просто фигурально назвал римский сенат «собранием королей». Многие из его членов обладали фактически суверенной властью, многие готовились к ее осуществлению. Власть сената соответствовала его достоинству.

В отношении законодательства он осуществлял абсолютный контроль над центуриатским собранием, поскольку ни один закон, не исходящий от сената, не мог быть вынесен на голосование; таким образом, голосование центурий могло лишь наложить вето на сенатский декрет.^[67]

В отношении внешних дел власть сената была абсолютной, за исключением объявления войны или заключения мирных договоров — вопросов, которые выносились на голосование народа. Они назначали консулам и преторам их соответствующие провинции для управления и командования; они устанавливали количество войск, которые должны были набираться ежегодно из списка римских граждан, и контингенты, которые должны были предоставляться итальянскими союзниками. Они продлевали срок полномочий генерала или сменяли его по своему усмотрению. Они оценивали суммы, необходимые для военной казны; без их приказа генералу не мог быть выплачен ни один сестерций. Если консул оказывался непокорным, они могли на время передать его власть диктатору; даже если он добился больших успехов, они могли отказать ему в чести триумфа. Послы в иностранные

государства выбирались ими и из их числа; все споры в Италии или за ее пределами передавались на их суверенное рассмотрение.

В области внутренних дел регулирование религиозных вопросов находилось в их руках; они осуществляли надзор за понтификами и другими служителями общественного культа. Они назначали дни для чрезвычайных праздников, для благодарения после победы, для покаяния после поражения. Но, что было наиболее важно, все финансовые вопросы государства оставались на их усмотрение. Цензоры, срок полномочий которых обычно не превышал пяти лет, составляли сметы годовых расходов и обеспечивали способы и средства для их покрытия, но всегда под руководством сенаторов. Во всех этих вопросах, как внутреннего, так и внешнего управления, их постановления имели силу закона. В трудные времена они имели право приостанавливать действие всех законов, назначая диктатора.

Помимо этих административных функций, они могли превращаться в высший суд для рассмотрения чрезвычайных преступлений. Но в этом вопросе они получили гораздо более четкую власть благодаря закону Кальпурния, который примерно пятьдесят лет спустя учредил высшие суды, в которых преторы выступали в качестве председательствующих судей, а сенаторы были присяжными.

ЦЕНТУРИАТ

В какой-то момент между десятивиратством и Второй Пунической войной была проведена полная реформа центуриатского собрания, организованного Сервием. Когда это произошло, мы не знаем. Мы также не знаем точной природы этой реформы. Известно только то, что распределение всего народа по племенам было взято за основу деления в центуриатском собрании, а также в собрании племен, и при этом было сохранено деление на классы и центурии, а также на *seniores* и *juniore*s.

Можно предположить, что весь народ собирался в соответствии с разделением на тридцать пять племен; что в каждом племени учитывались пять классов, расположенных в порядке возрастания имущества, которое, однако, было значительно изменено по сравнению с тем, что приписывалось Сервию; и что в каждом племени каждый из пяти классов подразделялся на две центурии, одну из *seniores*, или мужчин в возрасте от сорока пяти до шестидесяти лет, и одну из *juniore*s, или мужчин в возрасте от восемнадцати до сорока пяти лет. Таким образом, в целом, с добавлением восемнадцати центурий рыцарей, было бы 368 центурий. Этот план, хотя и давал богатству гораздо меньшее влияние, чем план Сервия, все же оставлял значительное преимущество более богатым классам. Ведь очевидно, что две центурии первого класса в каждом племени содержали бы гораздо меньше членов, чем две центурии второго класса, центурии второго класса — меньше, чем центурии третьего, а все центурии первых четырех классов вместе взятые, вероятно, меньше, чем центурии пятого. Тем не менее, эти четыре класса, насчитывающие в общей сложности 280 или (с рыцарями) 298 центурий, обладали бы абсолютным большинством, поскольку вопрос по-прежнему решался большинством центурий.

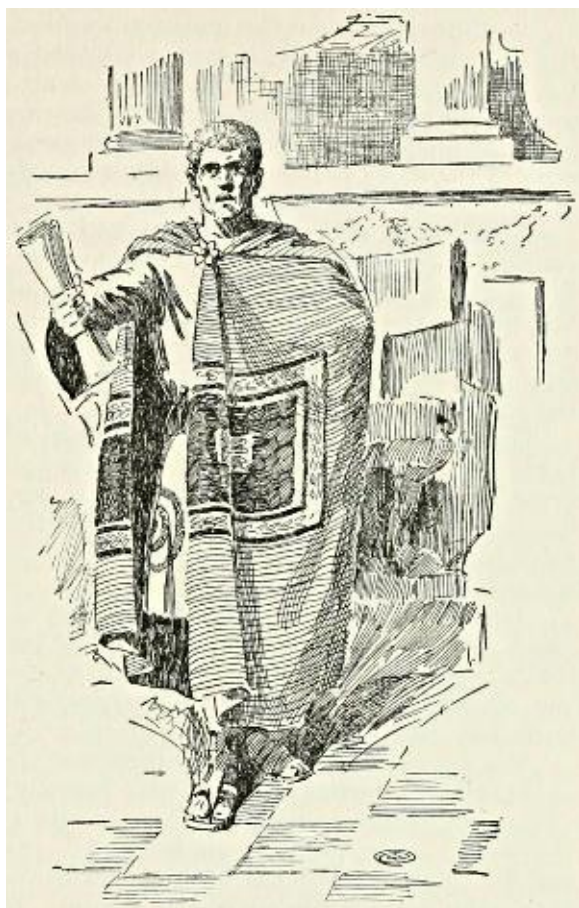
СОБРАНИЕ ПЛЕМЕН

В то время как центуриатское собрание становилось все более популярным в своей конституции, появился еще более демократический орган.^[68]

Нет сомнений, что когда центуриатская ассамблея была восстановлена патрициями после изгнания Тарквиния (^[69]), она должна была стать единственным законодательным органом. Более позднее законодательное собрание племен было спонтанным проявлением воли

народа, не предусмотренным государственными деятелями. Собрание племен, первоначально предназначенное для ведения дел плебейского сословия, постепенно распространило свою власть на весь политический организм, а его постановления (*plebiscita*) стали законами.

Первоначально трибуны были наделены политической властью с целью защиты плебеев от произвольных наказаний, налагаемых патрицианскими магистратами. Несомненно, предполагалось, что эта власть должна быть только отлагательной, чтобы предотвратить внезапные акты насилия. Но трибуны вскоре взяли на себя право стоять между плебеями и законом. Таким образом, они установили знаменитое право заступничества, которое со временем распространили на все вопросы. Они запрещали судебные процессы, останавливали выборы, налагали вето на принятие законов. Однако до сих пор их власть была только негативной. Но когда племенное собрание получило законодательные права, трибуны получили позитивную власть. Власть трибунов и племен была взаимосвязана. Плебейское собрание было мертво без способных и решительных трибунов; трибуны были бессильны без демократии.

Римский государственный деятель

Эта связь была сразу же установлена, когда выборы трибунов были переданы самим племенам. Трибуны вскоре начали созывать племена для обсуждения политических вопросов, и их огромная власть проявилась в свержении децемвирата и признании племенного собрания в качестве законодательного органа. Политические полномочия, полученные в результате принятия законов Валерия и Горация, были подтверждены и расширены народными диктаторами К. Публилием Филоном и К. Гортензием.

Таким образом, римская конституция представляет нам кажущуюся аномалию в виде двух отдельных законодательных собраний, независимых друг от друга. Ни одному из них не были также назначены отдельные сферы деятельности. В связи с этим можно было бы ожидать, что они будут конфликтовать друг с другом, что законы, исходящие от одного органа, будут встречать противодействие со стороны другого. Однако никаких таких конфликтов не зафиксировано. Единственный способ узнать, какому собранию — более народному или более аристократическому — принадлежит тот или иной закон, — это посмотреть на имя инициатора, которым обозначался каждый закон. Если имя принадлежало трибуну, закон должен был относиться к собранию племени. Если имя принадлежало консулу, претору или диктатору, закон должен был относиться к центуриатскому собранию.^[70] Каковы же были причины, предотвратившие столкновения, которые казались неизбежными?

Во-первых, следует помнить, что, хотя центуриатское собрание стало более демократичным, племенное собрание было очень далеко от чисто демократического органа. В последнем голоса подсчитывались по головам в каждом из тридцати пяти племен, и если восемнадцать племен голосовали одним образом, а семнадцать — другим, вопрос решался голосами восемнадцати. Но восемнадцать редко, если вообще когда-либо, составляли абсолютное большинство граждан. Ведь все население Рима, включая всех вольноотпущенников, было разделено только на четыре племена, и если эти четыре племена составляли меньшинство, то нет сомнений, что меньшинство племен представляло большинство избирателей. Таким образом, даже в более популярном собрании не хватало противовеса воле простого большинства.

Еще более эффективным средством предотвращения конфликтов является тот факт, что все меры, предлагаемые племенному собранию трибунами, а также центуриатские законы, предлагаемые консулами или другими министрами сената, должны сначала получить одобрение самого сената. Немногие исключения из этого правила возникают в тех случаях, когда трибуны предлагают резолюцию, предоставляющую популярному консулу триумф, отклоненный сенатом. Но эти исключения только подтверждают правило.^[71]

Наше удивление тем, что о столкновениях между двумя ассамблеями не слышно, теперь принимает другую форму, и мы задаемся вопросом: как так получилось, что, если все меры должны сначала утверждаться сенатом, какая-либо существенная власть могла принадлежать племенам? Казалось бы, что они, как и центуриатская ассамблея, могли бы в лучшем случае только налагать вето на меры, исходящие от великого совета.

То, что этого не произошло, объясняется грубой, но грозной противовесом, обеспечиваемым трибуналом. Лица трибунов были неприкосновенны, но трибуны имели право арестовывать даже консулов. Благодаря расширению своих прерогатив по заступничеству они постепенно создали власть, способную превзойти все другие власти в государстве.

Теперь мы можем лучше оценить положение двух ассамблей как законодательных органов. Ассамблея племени возглавлялась должностными лицами, избранными ею самой, наделенными полномочиями, как правило, достаточными для того, чтобы вынудить сенат дать разрешение на принятие законов, имеющих народный характер. Президенты центуриатского собрания не обладали такой властью, поскольку консулы были *little more than ministers of the senate*. Центуриатское собрание все больше становилось пассивным инструментом в руках сената. Собрание племен стало органом народного мнения.

На выборах центуриатская ассамблея всегда сохраняла за собой право выбирать главных должностных лиц государства: консулов, преторов и цензоров. Первоначально племенная ассамблея избирала только своих трибунов и плебейских эдилов. Но вскоре она получила право выбирать также курульных эдилов, квесторов, большинство легионерских трибунов и всех низших должностных лиц государства. Однако, поскольку центурии, как правило, были обязаны избирать своих преторов и консулов из числа тех, кто уже был избран квесторами и эдилами племен, очевидно, что избирательная власть первых контролировалась и подчинялась второй. При назначении чрезвычайных команд, таких как команда Сципиона в Испании, всегда консультировались с племенами, а не с центуриями.

ПРАВОСУДИЕ

Что касается юрисдикции, то ранее уже отмечалось, что Рим бережно относился к личным свободам своих граждан. Различные законы об апелляции предусматривали открытый суд перед его сверстниками для любого, кто был обвинен в тяжких преступлениях, таких, которые подвергали его порке, тюремному заключению или смерти. Теперь только центурии составляли высший суд для суда над гражданами; собрание племени никогда не получало этой опасной привилегии. Но трибунская власть давала главным должностным лицам племен готовое средство вмешательства, поскольку они могли использовать свое право заступничества, чтобы предотвратить суд и таким образом укрыть настоящих преступников от правосудия. Но чаще всего они действовали в наступлении. В римском праве существовала милосердная норма, согласно которой лицо, подлежащее государственному преследованию, могло в любое время до суда покинуть итальянскую землю и стать гражданином какого-либо союзного города, такого как Сиракузы или Пергам. Но трибуны иногда бросали преступников в тюрьму до суда, как в случае с Аппом Клавдием, декавиром, и его отцом. Или, после того как преступник искал спасения в добровольном изгнании, они предлагали законопроект о объявлении его вне закона, в соответствии с которым он был «лишен права на огонь и воду» на итальянской территории, а все его имущество конфисковывалось. Нарушившие закон магистраты также подвергались крупным штрафам без суда по специальному *плебисциту*, который напоминал законы о лишении прав, знакомые читателям английской истории.

На эти посягательства трибунов сенат отвечал другими неконституционными мерами. Чтобы пресечь действия трибунов и приостановить действие законов об апелляции, они в одно время постоянно прибегали к назначению диктаторов. Эти назначения прекратились после Второй Пунической войны, но после этого, в критические моменты, сенат присвоил себе право наделять консулов диктаторской властью.

Здесь не следует забывать, что в последние годы обстоятельства значительно усилили власть сената и пропорционально ослабили власть трибунов. В больших войнах, особенно таких, которые угрожают существованию общества, голос народных лидеров почти не слышен. О реформах забывают. Агитация прекращается. Каждый человек направляет свои силы на предотвращение нынешней опасности, а не на достижение будущих улучшений. Сенат под руководством старого Фабия Кунктатора несколько лет правил абсолютно. Даже выборы в консульство, которые он считал неуместными, были отменены — явление, практически не имеющее прецедентов до и после этого в конституционной истории Рима. Фабий был в конце концов сменен молодым Сципионом, который, в свою очередь, стал абсолютным правителем и по окончании войны мог бы провозгласить себя диктатором, если бы ему это было угодно. В настоящее время народный дух уснул. Конституционной

оппозиции не было. Сенат, по-видимому, собирался мирно удержать власть, которая в результате войны неизбежно перешла в его руки.

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

К концу Ганнибаловой войны Рим номинально владел пятью провинциями: Сицилией, Сардинией, галльским побережьем Умбрии, а также Ближней и Дальней Испанией. Но из этих провинциальных владений Сардиния и Испания почти снова были завоеваны, а галльская Умбрия вскоре после этого была поглощена Италией, в то время как великолепный район между Альпами и Генуэзским заливом стал провинцией Галлии. Сицилия была единственной провинцией, которая на тот момент была построена на прочном фундаменте. Поэтому мы ограничимся замечаниями о Сицилии; такой подход тем более рекомендуется, что мы лучше осведомлены о Сицилии, чем о любых других зарубежных владениях республики.

Мы должны помнить, что, говоря о Сицилии как об Италии, мы не должны думать о стране как о целом, а как о разбитой на ряд гражданских общин, каждая из которых более или менее изолирована от остальных. В конце Первой Пунической войны, когда римляне изгнали карфагенян с острова, большая его часть была преобразована в провинцию, а королевство Иеро, состоящее из Сиракуз и шести зависимых общин, было принято в свободный союз с Римом. Но во Второй Пунической войне Сиракузы и вся Сицилия были вновь завоеваны Марцеллом и Левином, и форма провинциальных общин была изменена. Города Сицилии были теперь разделены на три класса. Во-первых, были города, которые были взяты осадой: двадцать шесть из них были лишены своих территорий, которые стали частью общественных земель Рима; их бывшие граждане погибли на войне, были проданы в рабство или жили как крепостные на земле, которая ранее принадлежала им. Во-вторых, было большое количество общин, в общей сложности тридцать четыре, которые сохранили право безусловного владения своей землей, но были обременены уплатой десятины от урожая зерна, вина, масла и других продуктов, в соответствии с правилом, установленным Гиером, в районе, подчиненном Сиракузам. В-третьих, осталось восемь независимых общин, которые, как и итальянцы, были освобождены от всех пошлин.

Все эти государства сохранили муниципальные институты; они имели право на самоуправление во всех местных делах, с народными собраниями и советами, как это было принято в греческих общинах. Но все они подчинялись власти правителя, посланного из Рима, с титулом претора, чья задача состояла в том, чтобы выносить решения по всем вопросам, касающимся интересов Рима или римских граждан, и, прежде всего, обеспечивать регулярную уплату налогов. На Сицилии, которая в те дни была хорошо возделанной и плодородной страной, этот департамент был настолько важен, что претору помогали два квестора, один из которых находился в Сиракузах, а другой — в Лилибее.

Сообщества, которые во время завоевательных войн присоединились к захватчикам сразу или в критический момент войны, были освобождены от всех обычных и ежегодных налогов. Города, захваченные силой, вместе со своей территорией становились абсолютной собственностью Рима. Между этими крайностями существовал большой класс, который сохранял полное владение своими землями и полную местную независимость, но был обязан уплачивать ежегодные налоги в имперскую казну, которые взимались с урожая их земель. Все они были обязаны вносить вклад в расходы суда и правительства претора.

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Наиболее важное различие между итальянскими и провинциальными владениями Рима заключалось в налогообложении. Общим правилом было, что все итальянские земли были освобождены от налогов, а все провинциальные земли, за исключением тех, которые были указаны в договорах или декретах сената, подлежали налогообложению. Поэтому освобождение земель от налогообложения было известно под техническим названием *Jus Italicum* или Право Италии.

Это последнее различие означает, что имперские доходы поступали в основном из провинций. Воспользуемся этой возможностью, чтобы кратко рассказать о различных источниках, из которых поступали доходы Рима в ранний период.

Имперская казна находилась в древнем храме Сатурна, расположенном в конце Форума под Капитолием. Здесь два квестора города хранили все деньги, полученные от имени государства, и никакие выплаты не могли производиться без приказа должностного лица, уполномоченного сенатом. Источники поступлений были двоякими: обычные и чрезвычайные.

Обычные доходы состояли из доходов и ренты от государственной собственности, таможенных пошлин, сборов и т. п., а также налогов, взимаемых с провинциальных земель.

Как часто отмечалось, государственная собственность была очень обширной. Однако большая часть общественных земель была распределена между колониями, а рента, получаемая с остальной части, по-видимому, была невелика. Тем не менее, количество нераспределенных земель в Италии и на Сицилии было настолько велико, что, должно быть, приносило значительный доход. Кроме того, рыболовство, а также все шахты и карьеры считались государственной собственностью. Даже производство соли было государственной монополией со времен цензура М. Ливия, который с тех пор носил имя Салинатор, или солевар.

Помимо этих рент и монополий, на некоторые виды товаров, как экспортных, так и импортных, взимались таможенные пошлины, а с пассажиров и грузов, перевозимых по каналам или через мосты и паромы, взимались пошлины (называемые *portoria*).

Существовала также адвалорная пошлина в размере пяти процентов, взимаемая с освобождения рабов. Она не учитывалась в годовом отчете, а откладывалась в резервный фонд, который мог быть использован только в случае крайней необходимости.

Доходы от провинциального земельного налога только начинали приносить прибыль, но через несколько лет они стали основным источником дохода республики.

Похоже, что для гражданского управления республикой обычных доходов было достаточно. Текущие расходы, действительно, были невелики. Итальянские и провинциальные общины оплачивали расходы на свое собственное управление. Сам Рим, как мы уже говорили, требовал от своих государственных деятелей и администраторов оказания услуг, не выплачивая им никаких государственных зарплат.

Однако в военное время обычные доходы иссякали, и для покрытия расходов на ежегодную кампанию взимался чрезвычайный налог по мере необходимости. Это был *tributum*, или налог на имущество. Способ его начисления свидетельствует о его тесной связи с военными расходами. Мы уже видели выше, что вся организация центурионского собрания была военной. Не менее важным из них был перепись или реестр всех граждан, составленный в соответствии с их возрастом и имуществом. Она составлялась цензорами каждые пять лет и в последующий период служила основой для налогообложения. Необходимости каждого года определяли сумму, подлежащую взиманию. Обычно она

составляла одну тысячную, или одну десятую процента, но однажды, во время Второй Пунической войны, ставка была удвоена. Сенат имел право требовать эту плату.

В конце концов возникла необходимость обратиться к богатым людям с просьбой предоставить моряков и авансировать деньги в виде ссуды; были заключены контракты с торговыми компаниями на поставку продовольствия и одежды для армии, в обмен на что они получали векселя казначейства, подлежащие оплате в будущем. Обязательства, взятые таким образом, не оставались в качестве государственного долга. Первый взнос по погашению был произведен в 204 году до н. э., сразу после капитуляции Карфагена; второй и третий — с интервалом в четыре года.

Наконец, в 167 году до н. э. выплаты, взимаемые с провинциалов, стали настолько велики, что сенат смог полностью отказаться от чрезвычайных налогов; таким образом, обычных доходов хватало на расходы всех будущих войн, а также на гражданское управление.

Союзные общины Италии, муниципалитеты и колонии, были освобождены от всех прямых налогов, за исключением военного времени. Тогда каждая община была обязана, в соответствии со шкалой, предоставленной ее собственным цензором, поставлять контингенты солдат в римскую армию, причем эти контингенты были пропорциональны числу легионов, набираемых самими римлянами в данном году. Итальянские солдаты питались за счет Рима, но их снаряжение и жалованье обеспечивались за счет их собственных государств; поэтому очевидно, что каждая итальянская община косвенно подвергалась военному налогу. Но хотя эти общины несли бремя войны, как и Рим, они не получали от войны такой же выгоды, как Рим. Римская казна возмещала налоги, взимаемые для ведения войны. Но такое возмещение ограничивалось римлянами. Солдаты латинских и итальянских городов получали свою долю добычи, но их сограждане, оставшиеся дома, не могли рассчитывать на возмещение. Деньги, уплачиваемые в римскую казну, использовались только для римских целей. Итальянцы, хотя и разделяли опасность и расходы, не имели права на долю прибыли. Это было плодородной почвой для недовольства, которое впоследствии принесло роковые плоды.

В провинциях, с другой стороны, военная служба практически не требовалась, но вместо этого взимались прямые налоги.

Эта система сама по себе была обидной и обременительной. Это было как если бы Англия покрывала расходы на свое собственное управление за счет доходов от налога, взимаемого с ее индийской империи. Но система была значительно усугублена способом сбора налогов. Это делалось по контракту. Каждые пять лет налоги провинций выставлялись на публичные торги, и та компания подрядчиков, которая предлагала самую высокую цену, получала контракт. Таким образом, фермеры, занимавшиеся сбором налогов, предлагали имперской казне определенную сумму за право взимать налоги и пошлины в Сицилии, давали гарантии оплаты, а затем извлекали максимальную прибыль из собранных налогов. Члены этих компаний назывались *publicani*, а фермеры-генералы, или руководители компаний, носили имя *taxipetes*. Очевидно, что эта система поощряла вымогательство: чем больше сборщики налогов могли выжать из провинциалов, тем больше они получали для себя. Вымогательства, связанные с этой системой, являются основной темой в провинциальной истории Рима.^b

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ: АРИСТОКРАТИЯ И НАРОД

С 366 года различия между патрициями и плебеями были законодательно отменены, но патрицианский класс по-прежнему сохранял свое значение. Победа плебеев не привела к демократии. Патрицианские семьи, которые занимали самые высокие должности в государстве, сохранили свое видное положение, но появилось несколько плебейских семей, которые разделили с ними государственные должности и присоединились к их трудам во имя величия страны. Таким образом, с течением времени сформировалась новая аристократия, своего рода официальная знать (*nobilitas*) из семей, предки которых занимали такие высокие должности в государстве, как курульные магистраты, эдилы, преторы и консулы, и чьи привилегии передавались от отца к сыну.

Долгое время существовала эта аристократия заслуг, когда возвышение зависело не от рождения или имени, а от заслуг и блестящих достижений предков, а сыновья ревностно следовали по стопам своих отцов.

В Риме семья имела огромное влияние. Она оказывала на молодых людей такое же сильное воздействие, как и общественная жизнь в Греции. Сыновья следовали стандартам, установленным жизнью и учением их отцов и старших родственников, и в своей жизни дома и за границей приобретали знания и навыки, которые подготавливали их к управлению государством и руководству армиями. Молодой человек с умеренными способностями мог таким образом стать способным государственным деятелем и полководцем и легко достичь того же официального положения, что и его отец. Но человек из низшего сословия редко добивался успеха. Только обладая величайшим талантом, новый человек (*homo novus*) мог подняться на высокую должность, если только его восхождение не было связано с демократической оппозицией, которая из чувства злобы к высшему сословию настаивала на равенстве власти.

Именно при правлении этой новой аристократии Рим заложил основу своей новой всемирной власти. Подчинение Италии было завершено, и власть Рима распространилась на большинство стран Средиземноморья. Но именно это постоянное расширение империи заставило *нобилитас* объединиться в закрытое сообщество и таким образом взять бразды правления в свои руки. Непрерывающиеся войны привели к необходимости создания группы людей, обладающих более чем обычной надежностью, которые могли бы посвятить себя исключительно государственным делам.

До Пунических войн аристократия в определенной степени сформировалась в партию, против которой вскоре объединился народ.

РИМСКИЙ АРИСТОКРАТ

Аристократия использовала свое влиятельное положение, чтобы захватить всю государственную администрацию. В сенате правили исключительно аристократические семьи, и высшие должности давались только членам их партии. Цензура, должность, дававшая огромную власть и уважение, была важным постом в их руках; она считалась главной из всех государственных должностей. Поэтому аристократия использовала все средства, чтобы не дать человеку из плебейского сословия занять эту должность. Обязанностью цензоров было максимально очистить сенат от всех неаристократических элементов, поскольку они имели право назначать членов сената и лишать их права на вступление в него. Помимо назначения цензором, существовал еще один способ попасть в сенат: любой, кто занимал курульное кресло, имел право на место и голос в сенате. Но выбор высших должностных лиц в определенной степени находился в руках консула, который, как правило, принадлежал к аристократии; и как президент центуриатского собрания он мог отклонить любого кандидата, которого не одобрял.

Цензоры также назначали всадников и, таким образом, формировали из них чисто аристократический орган. До тех пор, пока они отдавали первые голоса в центуриатском собрании, знать имела там значительное преимущество. Даже после того, как это прекратилось, всадники образовывали в собрании отдельную и уважаемую партию, а как цвет дворянства они также образовывали в армии блестящий кавалерийский корпус. Поскольку в этом сословии дворянство считало себя чем-то совершенно отличным от остального народа, правящий класс пытался с помощью других внешних признаков отличаться от масс и представлять себя как высшую касту.

Так, с 194 года места сенаторов на публичных праздниках были отделены от мест других людей.

Когда аристократия взяла власть в свои руки, она преобразовала ее в соответствии со своими интересами. Чтобы поднять положение чиновников как можно выше, они увеличивали их число только в случае крайней необходимости и никогда пропорционально росту деловой активности, связанной с расширением территорий республики. Только из-за крайней необходимости в 242 году работа одного претора, руководителя судебных дел, была разделена между двумя, так что городской претор (*prætor urbanus*) занимался судебными делами римских граждан, а иностранный претор (*prætor peregrinus*) решал вопросы между иностранцами или между иностранцами и римскими гражданами. После завоевания Сицилии, Сардинии и двух Испаний было добавлено еще четыре претора для управления этими провинциями.

Но после 149 года они, как правило, оставались в Риме в течение своего года пребывания в должности, чтобы председательствовать в комиссии по расследованию уголовных дел, возбужденных в течение этого времени, а затем в следующем году отправлялись в провинции в качестве пропреторов.

Кроме того, выбор должностных лиц был ограничен тем, что по возможности избегалось переизбрание в консулы. С 265 года цензор никогда не был дважды одним и тем же, и этот обычай был закреплен законом, согласно которому курульные (*lex annalis* 180 года) должностные лица назначались в определенной степени по званию и после определенного промежутка времени.

Как мы уже видели, эдил должен был быть не моложе тридцати семи лет, претор — сорока, консул — сорока трех. Таким образом, в случае необходимости избиратели лишались права выбирать наиболее компетентного и способного человека, не обращая внимания на его стаж. Критерием для выбора должностных лиц больше не была компетентность, а происхождение и сеньораты, и знать считала должности своим законным правом, не гнушаясь, однако, получать от народа все, что могла, с помощью искусства лести.

Правительство этой официальной аристократии проявляло во внешней политике всю свою изношенную энергию, которая слишком часто сочеталась с недостойной хитростью и ненадежностью, но управление внутренними делами стало вялым и плохим. Большинство из них не оправдывали своих должностей, с одной стороны, стараясь не утратить неосторожными или суровыми мерами благосклонность народа, которому они были обязаны своими постами и от которого ожидали будущих милостей, а с другой стороны, не колеблясь идти наперекор своим коллегам, которые иногда желали оказать народу взаимную услугу.

Недавние войны показали слабость полководцев и, как следствие, отсутствие военной дисциплины. В войнах этого периода за деньги было предоставлено столько отпусков и увольнений, что войска не были готовы к каким-либо действиям. Вместо того чтобы сражаться с врагом, полководцы и солдаты обложили своих союзников и друзей подушной податью.

Когда Сципион Африканский принял командование против Нуманции, он изгнал из лагеря не менее двух тысяч женщин, ряд колдунов и жрецов, а также целое племя торговцев, поваров и других слуг, настолько армия погрязла в разврате и изнеженности. Трусость и праздность были настолько глубоко укоренившимися, что потребовались многие месяцы и

самые строгие меры, чтобы сделать армию пригодной для полевых действий. Изменение в духе правительства было также очевидно в отношении к римским подданным в Италии и за ее пределами. Итальянские общины, которые не имели полных прав римских граждан — а они составляли большинство — находились в плохом положении. Сообщества, присоединившиеся к Ганнибалу, были почти все осуждены на рабство, а остальные были вынуждены нести военную службу, в то время как римские граждане извлекали выгоду из их труда и держались от них так же отдельно, как знать от граждан и остального населения. Итальянские союзники были почти лишены прав римских граждан.

Иностранные провинции, к которым сначала относились с определенным уважением, вскоре оказались в худшем положении, чем итальянцы. Губернаторы, которые занимали королевское положение в своих провинциях и практически не подчинялись сенату, позволяли себе все, что хотели, и использовали короткий срок своих полномочий, чтобы обогатиться. Они компенсировали себе расходы, которые понесли в Риме, чтобы получить свои посты, и накопили средства для пожизненного наслаждения.

Поскольку губернаторы не получали жалованья, они имели право требовать от провинций всевозможные услуги и поставки, чем и злоупотребляли во всех отношениях. Они бесстыдно грабили все, что можно было взять, и то, что делали губернаторы в больших масштабах, их бесчисленные подчиненные делали в меньших. Когда провинция должна была содержать армию, ей приходилось сильно страдать. Реквизиции и сборы были бесконечными, и люди часто подвергались нападениям и грабежам со стороны генерала и солдат, как если бы они были врагами. К этим бедам добавились сборщики налогов и менялы, которые пришли в страну как чума и по своему усмотрению занимались своим кровососущим ремеслом под защитой губернатора. Но преследуемые районы мстили своим угнетателям. Огромные богатства, увезенные знатными людьми из провинций в Рим, роскошь и безнравственность чиновников и армий, которые так пагубно влияли на нравы высших и низших слоев общества, стали известны в нецивилизованных землях Востока, в Греции и в Азии. Богатая знать погрязла в разврате и любовь к удовольствиям и демонстрировала безграничную роскошь, против которой тщетно боролись неоднократно принимаемые законы. И народ, поскольку не было страны, которой Рим боялся бы, начал терять свою прежнюю энергию и постепенно развращаться любовью к удовольствиям, беззаботностью и праздностью.

Конечно, всегда существовала группа почтенных, независимых граждан, но вокруг них постепенно собиралась обедневшая, обнищавшая толпа, потакавшая знати. Знать заботилась о том, чтобы завоевать расположение толпы лестью, празднествами, пожертвованиями зерна и даже всеобщим подкупом, чтобы через них править в комициях и обеспечить себе официальные посты. Теперь человеку, который не был богат, было почти невозможно получить должность.⁴

РАБЫ И СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ

Эпоха, о которой мы говорили, от Самнитской войны до окончания Пунических войн, всегда считалась римлянами, и до сих пор считается их поклонниками, золотым веком республики. Народ, который передавал легенды о Цинциннате, Курии, Фабриции, Регуле, вряд ли мог не практиковать бережливость и честность, которыми он восхищался. Эти персонажи, без сомнения, идеализированы, но их можно считать типичными представителями своей эпохи. В сельских районах Рима, и еще в большей степени в долинах Апеннин, образ жизни был, без сомнения, простым, честным и, возможно, грубым, скорее сабинским, чем эллинским, скорее сельским, чем городским.

Было отмечено, что итальянцы, как и греки, должны рассматриваться как члены городов или гражданских общин. Но обнесенные стенами города, которые были центрами каждого сообщества, в основном были резиденцией главных людей, их иждивенцев и рабов, в то время как масса свободных граждан была рассеяна по прилегающим сельским районам, жила на своих фермах и приезжала в город только для того, чтобы привезти свою продукцию на рынок или принять участие в политических делах, обсуждаемых на общем собрании. Так было в Риме в древние времена. Великие патрицианские лорды со своими семьями жили в крепких домах или замках на холмах Капитолийском, Палатинском и Квиринальском, в то время как их клиенты толпились в прилегающих низовьях. По мере того как плебеи становились все более богатыми и влиятельными, их великие люди сначала обосновались на холмах Целийском и Авентинском, а затем без разбора на всех холмах.

В сельских районах Рима большая часть земли все еще находилась в руках мелких землевладельцев, которые возделывали свои земли с помощью своих сыновей и зятьев. В самые ранние времена размеры этих плебейских владений были невероятно малы, а размер участка составлял не более двух югерей (около 1¼ акра). Даже при очень плодородной почве и неустанном труде такой участок земли едва мог прокормить семью. Но чтобы дополнить урожай своих возделанных земель, каждый свободный гражданин имел право выпасать определенное количество скота на общих пастбищах за небольшую плату государству; и таким образом даже большая семья могла жить в скромном достатке. Однако вскоре площадь земельных наделов плебеев была увеличена до семи югеров (около 4½ акров); и это увеличение площади возделываемых земель свидетельствует о соответствующем улучшении образа жизни и благосостояния народа — улучшении, которое, как и все блага, предоставленные плебеям в ранние времена, приписывалось царю Сервию. И это долгое время оставалось нормальным размером небольших владений, столь распространенных в то время в римском округе. Ферма и общественные пастбища производили все, что требовалось семье — не только пищу, но и лен и шерсть, которые матрона и ее дочери обрабатывали, пряли и ткали, дерево и камень для строительства и сельскохозяйственные орудия, все, кроме металлов и соли, которые были (как мы видели) государственной монополией.

Но золотой век обычно заканчивается с ростом населения. Увеличивается количество ртов, которые нужно кормить; мелкие землевладельцы продают свои небольшие фермы и эмигрируют или довольствуются более низким уровнем жизни в качестве наемных рабочих. У римлян было средство от этих бед — колонизация собственной страны. Огромное количество государственной земли в руках государства, а также необходимость укрепления вновь завоеванных районов Италии привели к основанию многочисленных колоний между самнитскими и пуническими войнами и расширили возможности материального благосостояния для всех, кто был готов и способен работать; и это касалось не только римлян, но и латинян и других народов, которых приглашали стать гражданами колонии.

Однако, если лишние сыновья семей селились на землях в Самнии, Апулии или Цизальпийской Галлии, другие, должно быть, теряли эти земли; и естественно возникает вопрос: что стало с этими людьми? Этот вопрос подводит нас к самому худшему явлению в древнем обществе, а именно к рабству.

Древние народы считали всех побежденных людей добычей, скотом или безжизненным имуществом. Если враг сдавался без боя, он становился подданным. Но те, кто был взят в плен после борьбы, в большинстве своем продавались в рабство. В древние времена это зло было незначительным. Не следовало ожидать, что мелкие землевладельцы могли бы позволить себе покупать или содержать рабов. Их приобретали богатые патриции и плебеи,

владевшие большими участками общественной земли или приобретшие собственные обширные поместья. До десятивиратства их должники были их рабами. Но этот обычай был давно отменен, и богатые снабжались рабами за счет завоеваний. После завоевания Самниума, как говорят, было продано тридцать шесть тысяч человек. После покорения Цизальпийской Галлии и Сицилии на аукцион было выставлено еще большее количество людей. Это были несчастные, на землях которых поселились бедные римские граждане. Рабов можно в целом разделить на два больших класса: городских рабов и сельских рабов. Они не имели гражданских прав; они не могли заключать законный брак; они не имели власти над своими детьми; они не могли владеть имуществом от своего имени; даже их сбережения не принадлежали им, а хранились с согласия их хозяина; все судебные разбирательства велись от имени их хозяев. За совершенные преступления они судились в общественных судах, а хозяева несли ответственность за причиненный ущерб, но только в пределах стоимости раба. Убийство, калечение или жестокое обращение с рабом считалось ущербом для его хозяина и могло рассматриваться только как таковое. Никакая боль или страдания, причиненные рабу, не подлежали наказанию, если только это не приносило убытков владельцу.

Но человеческая природа слишком сильна, чтобы всегда выполнять столь жестокие условия. Нет сомнений, что с домашними рабами часто обращались с добротой; часто они становились доверенными советниками своих хозяев. Управляющий или бальиф поместья богатого человека, его *villicus*, был человеком, обладавшим значительной властью. Тем не менее, большинство рабов, особенно сельскохозяйственных, обращались как с простым скотом. Некоторые бедные рабы были рабами других рабов, и такое владение допускалось хозяевами. Катон рекомендует продавать старых и немощных рабов, чтобы сэкономить на содержании живого груза. Англичане испытывают боль, видя, как прекрасного коня в старости отправляют к кучерам общественных экипажей, но римляне не тратили таких сочувствий на рабов, которые потратили свою жизнь и силы на возделывание их земель. Несмотря на лучшее обращение с домашними рабами, гуманный Цицерон упрекал себя за то, что слишком сочувствовал тому, кто годами был его испытанным и верным слугой. Однако в следующем полувеке число рабов в Италии увеличилось настолько, что это оказало большое влияние на социальное положение народа. В настоящее время это зло было только в начале.

Здесь следует отметить, что практика освобождения рабов была очень распространенной. Перспектива свободы в качестве награды за хорошее поведение, должно быть, во многом способствовала тому, что римские рабы не погружались в состояние животного удовлетворения и апатичного безразличия, которое было характерно для негров-рабов более поздних времен.

Освобожденные рабы занимали немаловажное место в римском обществе. Среди них были способные и хорошо образованные люди, которые занимали высокое положение в своей родной стране и часто оказывали большое влияние на своих хозяев. Освобожденные рабы занимались большинством видов розничной торговли и составляли торговцев, мелких коммерсантов и ремесленников Рима, поскольку римские граждане, какими бы бедными они ни были, в ранние времена не могли заниматься никаким другим делом, кроме сельского хозяйства. Богатые люди занимались торговлей с помощью своих рабов и освобожденных рабов; в более поздние времена освобожденные рабы часто работали художниками под крышей какого-нибудь патриция, и многие из ранних поэтов были освобожденными рабами.

Здесь мы прослеживаем начало большого различия, которое впоследствии стало более заметным, между населением города и населением деревни — между сельскими и городскими племенами.^{[b](#)}

РИМСКАЯ СЕМЬЯ: ЖЕНЩИНЫ И БРАК

Римская женщина, независимая от брачных уз, находилась под властью своего отца или опекуна.

Власть отца была абсолютной. Все члены древнеримской семьи — отец, мать, дети и невестки — составляли тесное сообщество под властью одного правителя или главы. Все богатство, которое поступало в семью, складывалось в своего рода общий фонд и образовывало единое наследство. Единственным главой этого объединения, единственным хозяином общих ресурсов был отец. До сих пор мы не видели никакой разницы между детьми обоих полов; отцовская власть одинаково давит на сына и дочь и удерживает их обоих на одном уровне. Кроме того, дочь, как и сын, может подписать юридический договор; как и он, она имеет свою долю в семейном наследстве, гарантированную долю, которую может лишить ее только формальное лишение наследства. Более либеральное, чем восточное или греческое право, римское право предоставляло равные права на отцовское наследство.

Но как только отцовская власть исчезает, юридические различия между двумя полами начинают проявляться: сын, если он достиг совершеннолетия, становится независимым и хозяином своих действий, дочь же, напротив, независимо от возраста, остается под опекой попечителя.

РИМСКАЯ ЖЕНЩИНА

Что представляла собой эта постоянная опека над женщинами, которую сами римляне считали одним из самых фундаментальных институтов своего права? Была ли это защитная опека, подобная опеке над несовершеннолетними? Была ли это деспотическая власть, подобная власти отца семьи? Ни то, ни другое. Чтобы понять ее истинный характер, мы должны вернуться к причинам, которые привели к ее установлению.

В почти патриархальном устройстве древнего Рима сохранение семьи имело большое общественное значение, и законы всегда принимались в ее интересах. Семейные узы, всегда столь тесные при жизни главы семьи, не разрывались после его смерти; наследственное имущество, хотя и делилось между детьми, не переставало быть достоянием семьи; вечное почитание духа предков и домашних богов оставалось общим долгом. Но если среди детей была дочь, то наследственная доля, которую она должна была получить, не была бы в безопасности в ее руках; было страшно, что однажды она попытается обогатить семью, в которую вошла, за счет своей собственной. Именно для того, чтобы предотвратить эту опасность, чтобы увековечить в каждой семье, а также сохранить наследственные владения, память о предках и славу или достоинство рода, римляне лишили женщину свободного владения своей собственностью и поставили ее под постоянную опеку своих *родственников по отцовской линии*. Таким образом, эта опека была установлена не в интересах женщины, из-за ее слабости и естественной неспособности, а против нее и в интересах самих опекунов.

Мы должны признать, что эта точка зрения вызывала много противоречий даже в древности. Цицерон, Ульпиан, Исидор Севильский единодушно утверждают, что если закон поставил женщин под опеку, то это из-за слабости их пола, их невежества, их неопытности, их легкомысленности.

Но послушайте Гая, единственного среди древних авторов, который обсуждает и анализирует этот вопрос: «По общепринятому мнению, — говорит он, — женщины должны находиться под опекой, потому что их ум слишком неглубок, чтобы управлять собой. Эта опека была установлена в интересах опекунов, чтобы женщины, которые являются их предполагаемыми наследниками, не могли лишить их наследства по завещанию, ни ослабить его подарками или долгами».

Нужно ли добавлять еще одно доказательство авторитета Гая? Вот одно, которое кажется неопровержимым. Женщина была поставлена под отцовскую власть и, как уже было сказано, могла заключать юридические договоры. Напротив, будучи поставленной под опеку, она больше не может брать на себя долги без разрешения опекуна. Почему такое странное противоречие? Почему женщина, способная действовать, находясь под властью отца, становится неспособной, как только освобождается от этой власти? В обоих случаях ее легкомыслие, ее слабость очевидно одинаковы; единственное различие заключается в следующем: дочь, находящаяся под отцовской властью, не имеет нужд, и, потакая себе, она только берет на себя обязательства; но сирота или эмансипированная девушка имеет наследство; если бы она потакала себе, она бы задействовала свое наследство и таким образом поставила бы под угрозу наследство своей семьи, своих будущих наследников. Это раскрывает нам дух закона. Женщина находится под опекой, потому что у нее есть состояние, которое она может оставить после себя; это делается для защиты ее наследников, а не для обеспечения ее собственной защиты.

Теперь можно догадаться, кому закон давал опекунство; возможно, только ее ближайшим наследникам, то есть ее *родственникам по отцовской линии*, ее ближайшим родственникам; если она была освобожденной рабыней, то ее хозяевам. Для естественных опекунов это

было не должность, а право — семейное достояние. Они не были обязаны отчитываться; если они были немощны, находились в состоянии младенчества, идиотизма или безумия, они все равно сохраняли свои права на эту опеку, за исключением того, что в этом случае она осуществлялась заместителем. Но если их нельзя было лишить этого права, они могли отказаться от него и передать его кому-то другому; законный опекун мог распоряжаться своим подопечным посредством *in jure cessio*, так же как он мог распоряжаться своим домом или полем.

Полномочия опекуна не совсем соответствовали родительским полномочиям. Их пределы строго определялись самой целью опекунства. Опекун обладал всеми полномочиями, необходимыми для защиты имущества женщины, ничем меньше, но и ничем больше.

Таким образом, в первом случае его полномочия распространялись только на состояние женщины, но не на ее личность. Он не имел контроля над поведением своей подопечной, не имел права следить за ее поведением или расследовать ее действия, которые касались только ее личности и не затрагивали ее состояние. Например, в вопросе брака все денежные соглашения, которые так часто сопровождают его, должны быть одобрены опекуном; его согласие необходимо либо для определения приданого, либо для *conventio in manum*, что, как будет видно, предполагает своего рода общую общность интересов. Но что касается самого брака, то как он может затрагивать или ущемлять интересы опекуна, если после смерти женщины наследниками будут *агнаты*, а не дети от брака? Таким образом, полномочия опекуна не требуются ни для заключения брака, ни для выбора мужа. Женщина сама выбирает себе мужа, иногда, в зависимости от своего возраста, при содействии матери и близких родственников. Не все денежные сделки требуют вмешательства опекуна. Ульпиан дал нам список, и мы можем разделить различные процедуры, которые он перечисляет, на две категории: неформальные и формальные. В первом классе мы находим только отчуждение *res mancipi*, либо посредством прямых, либо косвенных соглашений. *Res mancipi* — это дома, земли, сельские рабы, рабочие животные — одним словом, почва и все необходимое для ее возделывания; это было родовое имущество и, как опора семьи, находилось под присмотром и заботой опекуна, чтобы гарантировать его сохранность. Но помимо этого неотчуждаемого наследства, к которому она не имела права прикоснуться, женщина все же обладала широкими правами управления: она могла приобретать все виды имущества, распоряжаться продуктами своих полей и сдавать их в аренду, распоряжаться своими деньгами — и таким образом платить свои долги, восстанавливать свой кредит, давать в долг, продавать, торговаться и делать подарки.

Напротив, в отношении формальных процедур закон не делает никаких различий, и полномочия опекуна всегда необходимы. На первый взгляд это кажется настолько несовместимым с предыдущим, что объяснение искали в соображениях, не имеющих отношения к принципам опекунства. Говорили, что формальные процедуры, которые обычно проходили перед магистратом или перед свидетелями, представлявшими римский народ, слишком походили на политические процедуры, чтобы быть разрешенными для других, кроме граждан, и поскольку женщины были исключены из комиций, они должны были быть исключены и из Форума. Но неправда, что суды всегда были закрыты для женщин, даже в то время, когда все процессы проходили в форме *legis-actio*; она не только могла предстать перед судьями в сопровождении своего опекуна, но даже могла предстать одна, либо в качестве свидетеля, либо в качестве представителя кого-либо другого, то есть всякий раз, когда не были затронуты ее личные интересы. Она также могла самостоятельно совершать определенные формальные действия, например, эмансипацию, когда находилась под отцовской властью; и в этом случае действие не могло затрагивать ее наследство, поскольку у нее его не было. Это случаи, в которых власть опекуна не была необходима, хотя процедура была формальной, и эти действия не могли затрагивать или уменьшать

наследство. Нельзя ли, таким образом, сделать вывод, что в тех случаях, когда опекун может вмешиваться в такие дела, это происходит не из-за формальностей, которые их сопровождают, а из-за отчуждения, которое они влекут за собой?

До сих пор мы говорили только о естественных опекунах. Но есть и другие виды опекунов, и римские юристы ставят на первое место опекунов по завещанию.

Глава семьи, верховный в своем доме, мог, как мы уже видели, распоряжаться семейным имуществом по своему усмотрению; это было весомой причиной, если он оставлял сына и дочь, лишить сына всех прав контроля и заботы о наследственной доле своей сестры, устранив дочь из-под его опеки. Как это можно было осуществить? Передав в завещании опеку над дочерью постороннему лицу; это и есть завещательная опека. Такая опека практически означала независимость для женщины, поскольку завещательный опекун был посторонним лицом для семьи и не имел права наследования имущества своей подопечной. Какой интерес он мог иметь в том, чтобы помешать ей распоряжаться своим состоянием по своему усмотрению? Позволить отцу выбрать опекуна для своей дочери означало на самом деле позволить дочери освободиться от всякой реальной и эффективной опеки. Мы остановимся на этом и не будем рассказывать, как завещательная опека послужила образцом для других видов опеки, как в результате узурпации этих различных номинальных опекунов реальная опека, то есть опека со стороны семьи, постепенно ограничивалась и подрывалась. Мы не должны больше описывать эту институцию — мы должны рассказывать о ее упадке и гибели.

Ни один законодатель не дал лучшего определения браку, чем законодатели Древнего Рима. «Это союз двух жизней, слияние двух наследств, общие интересы во всем, что касается религии и мирских дел». В этом древнем представлении о браке мы находим два принципа, лежащих в основе христианского и современного брака — нерасторжимость уза и моногамия.

В Греции мы находим нечто похожее на восточную полигамию. В Италии, напротив, моногамия так же древна, как и основание Рима. Она так глубоко вошла в привычки римлян, что когда позже они ввели в конституцию более свободную форму супружеского союза, сожителство, они рассматривали его, как и законный брак, в соответствии с законом моногамии. И этот закон не мог быть обойден, как в Афинах, путем узаконивания внебрачных детей. Древнеримское право всегда исключало внебрачных детей из семейного круга. Оно не допускало ни узаконивания, ни признания; и чтобы внебрачность не могла быть скрыта под маской усыновления, такое усыновление само по себе подлежало расследованию понтификами и ратификации всем народом.

Принцип моногамии имел свое естественное дополнение в нерасторжимости брака, поскольку брак с возможным разводом, как уже было сказано, является лишь прогрессирующей полигамией. Брак в древнем Риме был нерасторжим. Несомненно, эта нерасторжимость не закреплена в законе. Как мы видели, римское законодательство не затрагивало независимость семьи и не усиливало юридическими ограничениями узы, сформированные естественной привязанностью. Но если развод разрешен законом, он запрещен религией и обычаями; мужчина, который отвергает свою жену, клеймится цензором, отлучается от церкви священником и может искупить свою вину только путем жертвования части своего мирского богатства на алтаре божеств, которые председательствовали на его союзе. Это моральное наказание было гораздо более эффективным, чем законы. Развод не был незаконным, но с моральной точки зрения он был невозможен; и все античные авторы сходятся во мнении, что за пять веков они слышали только об одном случае развода.

Достаточно вспомнить два фундаментальных принципа, которые столь же древны, как и сам Рим, а именно: моногамия и нерасторжимость брака, чтобы показать ценность вульгарного мнения, представляющего супружескую власть в Древнем Риме как самую отвратительную из всех тираний. Трудно поверить, что муж был деспотом, а жена — рабыней, если взаимная верность была обязанностью обоих супругов; более тщательное изучение убедит нас, что римский брак был настоящим союзом, в котором власть мужа не исключала независимости жены. Но чтобы точно понять, в чем заключалась эта независимость, необходимо различать два вида брака. Иногда жена, хотя и состояла в браке, жила дома под властью своего отца или опекой своих *родственников по отцовской линии*; иногда эти узы разрывались браком, и жена, согласно техническому выражению, переходила в *manum mariti* и не имела другой семьи, кроме семьи своего мужа. Последний вид брака, без сомнения, является более древним. Древность его происхождения проявляется в особых обычаях, которые сопровождали его и которые почти в неизменном виде встречаются в древнейших законодательствах. Поэтому наиболее вероятно, что в первые века существования Рима *manus mariti* был неизбежным результатом брака. С того дня, как молодожены принесли совместную жертву божествам в брачной комнате, у жены не было других *родственников по отцовской линии* или наследников, кроме мужа и его родственников. Что стало с прежними семейными узами жены, с правами *родственников по отцовской линии* на ее опеку и на ее наследство? Брак уничтожил их навсегда. Но в этом заключалась опасность, на которую законодатели вскоре должны были обратить внимание. Опекуны жены не могли быть готовы согласиться на брак, лишавший их всех прав, а без их согласия брак был невозможен. Можно ли было заставить их отказаться от своих прав? Но эти права были священными для опекунов, защищавших интересы семьи; для них было долгом не допустить, чтобы наследство их предков перешло в руки посторонних. Чтобы удовлетворить все противоречивые требования, древний принцип пришлось полностью изменить. Необходимо было разделить две вещи, которые до того казались неразделимыми — брак и *manus*, то есть смену семьи. Наряду с древним браком, сопровождавшимся обычными формальностями, был разработан новый брак, который заключался просто по согласию и оставлял жену в ее семье под опекой ее *родственников по отцовской линии*. Согласие опекунов всегда было необходимым для древнего брака с *манусом*, но оно не требовалось для простого брака, который оставлял права *родственников по мужской линии* нетронутыми. Эта революция в семейных обычаях была уже осуществлена, или почти осуществлена, во времена законов Двенадцати таблиц.

В остальном введение новой формы брака не гарантировало отказ от старой, поскольку обе формы в разных случаях могли поочередно удовлетворять одну и ту же потребность. Если жена на момент вступления в брак не находилась под опекой, а под родительской властью, то есть не имела наследства, *conventio in manum* могла принести пользу только *родственникам по отцовской линии*, поскольку она была эквивалентна договору об отказе от прав, который в древнем французском праве так часто сопровождал брачные контракты. Таким образом, одна и та же заинтересованность — сохранение родового богатства — привела к введению для наследницы брака без *manus* и сохранила брак с *manus* для дочери, которая еще не унаследовала имущество.⁴

РЕЛИГИЯ

Религия Рима, как показывают легенды, была сабинского происхождения. Большая часть ее обрядов, имена многих ее богов были этрусскими; и эллинская мифология с раннего времени начала смешиваться с простой религиозной верой сабинских крестьян. Важный вопрос в истории всех религий заключается в том, насколько они оказывают влияние на

жизнь своих последователей. Несомненно, что старая вера Рима обладала такой властью в те времена, о которых мы говорим. Простой римский земледелец жил и умирал, как и его сабинские предки, в страхе перед богами; он верил, что во вселенной есть нечто выше и лучше него самого; что эти высшие силы наблюдают за его жизнью и поступками; что этим силам угодны добрые дела и честная жизнь, а злые дела и нечестность ненавистны. Установленные таким образом принципы сохранились, что подтверждается весомым свидетельством Полибия, данном в более позднюю и более развращенную эпоху. «Если, — говорит он, — вы одолжите греку один талант, обязывая его всеми возможными гарантиями, он все равно нарушит верность. Но римские магистраты, привыкшие иметь в своих руках огромные суммы денег, воздерживаются от мошенничества просто из уважения к святости клятвы».^b

Первобытная религия итальянцев в своих основных или фундаментальных верованиях напоминала религию других индоевропейских народов. Они поклонялись силам природы, благоприятным или нет, и представляли их одушевленными живыми существами разного пола, чье соперничество порождало борьбу стихий, а их союз объяснял внешнюю плодородность мира. Это было также основой греческой религии, но итальянская религия несла отпечаток народов, которые ее создали. Эти народы были, как правило, серьезными, разумными, осторожными и очень поглощенными страданиями этой жизни и опасностями будущего. Поскольку они были склонны скорее к страху, чем к надежде, они очень уважали своих богов, но еще больше их боялись, и их поклонение состояло, в основном, из смиренных просьб и строгих умерщвлений плоти.

Их воображение не отличалось богатством и яркостью, поэтому они никогда не создавали ничего похожего на богатые поэтические легенды, которые так восхищали греков. Их легенды бедны и просты; возникшие из тяжелой жизни сельскохозяйственных тружеников, они часто имеют странно прозаический характер; им особенно не хватает разнообразия; в разные времена одни и те же истории применялись к разным богам. Герой, который основал город или был его благодетелем (), как правило, был ребенком чудесного происхождения, сыном бога Лара, зачатым рядом с семейным очагом, иногда от искры из огня. Когда он молод, чудо раскрывает его будущее величие. Это чудо везде одинаково: это пламя, которое горит вокруг его головы, не сжигая его. В течение своей жизни он мудр, благочестив и добр; он создает хорошие законы и учит людей уважать богов и справедливость. После нескольких полезных дел он внезапно исчезает, «перестает быть видимым», и невозможно сказать, как он исчез. Несомненно, он ушел, чтобы раствориться в лоне великого божества, от которого исходит все здесь, внизу, он становится частью этого божества, теряет свое смертное имя и отныне принимает имя бога, в котором он поглощен. Так, Эней после своего исчезновения был почитаем под именем *Юпитера Индигеса*, а Латин — под именем *Юпитера Латина*.

Таким образом, Италия не была богата религиозными историями; смешение итальянских рас, которое породило Рим, было еще беднее. Рим довольствовался принятием верований различных народов, составлявших его, пытаясь их объединить и привести к согласию; создание новых верований не казалось необходимым. Единственным нововведением было внесение в своего рода реестры, называемые *Indigitamenta*, списка богов, которые влияют на каждое событие в жизни человека, от его зачатия до смерти, и тех, которые заботятся о его самых необходимых потребностях, таких как еда, жилье и одежда. Они были расположены в определенном порядке, с несколькими пояснениями относительно их имен и молитв, которые нужно было им возносить. Боги *Indigitamenta* имеют исключительно римский характер. Без сомнения, в других странах также ощущалась необходимость поместить основные события жизни под божественную защиту, но, как правило, для этой цели выбирались известные, могущественные и проверенные боги, чтобы быть уверенными в

эффективности их помощи. В Греции великая Афина или мудрый Гермес призываются, чтобы ребенок был умным и образованным. В Риме предпочитали особых богов, созданных для этой цели и ни для чего другого; есть бог, который заставляет ребенка издать свой первый крик, и бог, который заставляет его произнести свое первое слово, ни один из них не имеет другого назначения и призывается только для этого случая. Они редко имеют другое имя, кроме того, которое дают им их особые функции, как будто для того, чтобы показать, что они не имеют реального существования, кроме действия, над которым они председательствуют.

Их компетенция очень ограничена; самое простое действие рождает несколько божеств. Когда ребенка отлучают от груди, один бог учит его есть, другой — пить, третий — лежать спокойно в своей кроватке. Когда он начинает ходить, четыре богини защищают его первые шаги, две сопровождают его, когда он покидает дом, и две возвращают его, когда он возвращается. Таким образом, списки были бесконечны, а имена умножались до бесконечности.

Отцы католической церкви были очень удивлены «этим множеством маленьких богов, обреченных на столь незначительные функции», и сравнивали их с рабочими, которые делят работу между собой, чтобы она выполнялась быстрее. Несмотря на все это, их интересно изучать; в конце концов, они являются первоначальными богами Рима. Рим еще не подвергся господствующему влиянию Греции, когда понтифики составили *Indigitamenta*, и только остатки священных реестров, которые сохранились до наших дней, могут научить нас тому, какое представление римляне имели о божественности и как они понимали религиозные чувства.

Сначала больше всего поражает то, как все эти боги кажутся безжизненными. С ними не связана никакая история, им не придуманы даже легенды. Все, что о них известно, — это то, что в определенный кризисный момент к ним нужно молиться, и тогда они могут оказать помощь. Как только этот момент проходит, о них забывают. У них нет настоящих имен; те, что им даны, не отличают их друг от друга, а лишь указывают на функцию, которую они выполняют. Как правило, это имя имеет форму эпитета; из этого можно сделать вывод, что оно не всегда использовалось отдельно () и что сначала было просто символом. Можно с большой долей правдоподобия заключить, что первоначально имя обозначало могущественное божество или даже божество в целом, всемогущего отца, как его называли, пока он ограничивал свои действия особой целью. Таким образом, два бога Ватиканус и Фабулинас были бы не чем иным, как самим божеством, даже когда оно наблюдает за первыми криками и первыми шагами ребенка.

В первые века богов было не так много, и тогда каждому из них приходилось присваивать гораздо больше функций. Эти атрибуты выражались, как в христианских литаниях, эпитетами, список которых, более или менее длинный в зависимости от важности бога, следовал за его именем. Поскольку каждое призывание обращалось к одной из способностей, а не к силе бога, эпитет был практически гораздо важнее имени и использовался отдельно. Вскоре связь между именем и качествами, которая существовала изначально, была забыта или утрачена, и тогда эпитеты стали божественными. Таким образом, различные функции одного бога в конечном итоге были приписаны независимым богам. Именно во время этих изменений были составлены *Indigitamenta*. Они интересны для нас, поскольку позволяют понять римский политеизм именно в момент его формирования, но они также показывают нам, что это незавершенный политеизм. Создав всех этих богов, Рим не знал, как сделать их живыми. Они оставались расплывчатыми, неопределенными, плавающими; они никогда не приобретали, как греческие боги, четкие формы с

отчетливыми чертами. Это, кроме того, является общим характером римской религии, и боги Рима всегда напоминали богов *Indigitamenta*.

Итальянская религия всегда была более уважительной и робкой, чем греческая. Римлянин оставался на большем расстоянии от своих богов, он не смел приближаться к ним, он боялся смотреть на них. Если римлянин закрывал лицо, выполняя религиозные обряды, то это было не потому, как говорит Вергилий, что он боялся отвлечься от того, что делал (), а для того, чтобы не рисковать увидеть бога, которому он молился. Он просил о его присутствии, ему нравилось знать, что он рядом, слушает его обещания, чтобы их исполнить, но он испугался бы, если бы увидел его. «Избавь нас, — говорит Овидий в своей молитве Палладе, — от видения дриад или купальщиц Дианы, или Фауна, когда он бежит по полям днем»; и до конца язычества римский крестьянин очень боялся, возвращаясь вечером домой, встретить на своем пути Фауна. Результатом этой робости итальянцев, которые не смели смотреть богам в лицо, было то, что они видели их смутно. Они не имеют четких очертаний и представлены скорее символами, чем образами; здесь Марс почитается в виде копья, воткнутого в землю, в другом месте простой камень представляет великого Юпитера.

По словам Варрона, в Риме 170 лет не было статуй; идея размещать их в храмах пришла из-за границы. Чтобы подражать Этрурии, на Капитолии был установлен раскрашенный деревянный Юпитер; накануне праздников его покрывали слоем краски, чтобы он выглядел во всей своей славе. Эти древние обычаи никогда не исчезали полностью, они сохранялись в деревнях, где крестьяне почитали богов, обвязывая старые стволы деревьев лентами и благочестиво поливая маслом каменные глыбы. В Риме, даже когда все храмы были заполнены греческими шедеврами, древняя Веста не допускала ни одной статуи в своем святилище; ее представляло только священное пламя, которое никогда не гасилось.

Вероятно, что если бы Рим не знал Грецию, антропоморфизм бы не получил такого развития. Римлянин испытывает инстинктивное отвращение к тому, чтобы делать своих богов слишком похожими на нас; для него они не являются реальными личностями, имеющими индивидуальное существование, а лишь божественными проявлениями, *numina*; и это имя, которым он их называет, прекрасно отражает его представление о них. Каждый раз, когда божество каким-то образом открывается миру (а поскольку он очень религиозен, он верит, что видит его повсюду), он с ной тщательностью отмечает это новое откровение, дает ему имя и поклоняется ему. Эти боги, которых он создает каждую минуту, являются ничем иным, как божественными деяниями, и именно поэтому их так много.

Ни один другой народ никогда не обладал таким обширным пантеоном; и к всей Италии можно применить слова, которые писатель имперской эпохи приписывает женщине из Кампании: «Наша страна настолько населена божествами, что гораздо легче встретить бога, чем человека». Это также причина, по которой римляне больше, чем любой другой народ, любили обожествленные абстракции. Поскольку в действительности все их боги, даже величайшие, являются лишь божественными качествами или атрибутами и всегда в какой-то степени сохраняют свой абстрактный характер, неудивительно, что вскоре сформировалась привычка вводить простые абстракции в их компанию. Как правило, этот обычай вводится в религии только тогда, когда они становятся старыми, но в Риме мы замечаем его с самых древних времен. Тулл Гостилий построил храм Страху и Бледности; а Спасение или Процветание римского народа с самого начала было божеством, которому поклонялись.

Позже было сделано много подобных преувеличений. Во время империи почитались все начинания императоров, и были воздвигнуты статуи Безопасности века и Попустительству господина. Эти странные персонификации, которые никогда не пришли бы в голову греку, были результатом того, как римляне всех времен представляли себе божественность.

Политеизм был сформирован ими путем абстрактного анализа, а не, как в Греции, в результате всплеска воображения и энтузиазма. Они всегда оставались верными этому методу и до конца помещали в небо абстракции, а не живые существа.

Этот народ, столь робкий, щепетильный, пугливый, что для защиты человека чувствовал необходимость окружать его богами от рождения до смерти, который испытывал столь глубокое уважение к божественности, думая встречать ее повсюду, казался жертвой всякого суеверия.

Отцы католической церкви сравнивали институты Нумы с их мелкими и многочисленными запретами с законом Моисея. Римляне, которые гордились тем, что следовали им буквально, могли оказаться абсолютно похожими на евреев; и возникает вопрос, как же так получилось, что среди такого преданного народа религиозная власть не стала доминировать над всеми остальными. От этой судьбы их уберечь их великий политический инстинкт.

Ни один другой народ не был так увлечен важностью прав государства, как римляне, и все было принесено в жертву этому — их древнейшие обычаи и самые дорогие предрассудки. Среди них было распространено общее поверье, что умершие люди становятся богами и защищают тех, кто ближе всего к ним, и находятся как можно ближе к тем, кого они должны спасти; их хоронили в доме, и таким образом они становились добрыми духами. Однако однажды закон предписал, в целях гигиены, чтобы никто не хоронился в пределах городов, и все подчинялись этому закону. Этот пример показывает, что в Риме ничто не могло противостоять гражданской власти; отцовская власть, несмотря на обширность своих прав, уступала ей.

Отец семьи является абсолютным хозяином своих детей; он может продать или убить своего ребенка, но если его сын занимает государственную должность, отец должен подчиняться ему, как и другие, и когда он встречает его на своем пути, он должен слезть с лошади, чтобы пропустить его.

Римская религия, столь могущественная и уважаемая, должна была подчиниться тому же игу. Таким образом, она подчинялась государству, или, скорее, слилась с ним. Больше всего этому способствовал способ, которым религия набирала своих священников. «Наши предки, — говорит Цицерон, — никогда не были мудрее и более удивлены богами, чем когда они решили, что одни и те же лица будут руководить религией и управлять республикой. Именно таким образом магистраты и понтифики, выполняя свои обязанности с мудростью, согласились вместе спасти государство». В Риме религиозные функции не были отделены от политических, и между ними не было ничего несовместимого.

Любой мог одновременно быть понтификом и консулом и по тем же мотивам. От тех, кто желал стать понтификом, никогда не требовали каких-либо специальных знаний; для выполнения этих обязанностей достаточно было служить своей стране в совещательных собраниях или на поле боя. Те, кто их получал, не занимали при их исполнении узкой и исключительной позиции, столь характерной для священнических каст; они продолжали общаться с миром, заседали в сенате одновременно с великими коллегиями жрецов, членами которых они были; их новые функции, далеко не отрывая их от управления страной, давали им больше прав участвовать в нем.

Эти солдаты, политики, деловые люди Рима придавали религиозным вещам тот же холодный, практический смысл, который они придавали всему остальному. Именно благодаря им в римской религии всегда циркулировала светская подводная течения, что на протяжении всего существования республики и империи между ней и государством никогда не возникало конфликтов, и что правительство Рима, несмотря на все проявления

благочестия, которыми оно щедро обдавало, никогда не угрожало превратиться в теократию.⁴

ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ НАРОДАМ

Но хотя среди себя римляне превалировали мораль, добросовестность и самоотречение, очевидно, что они не накладывали таких ограничений на свои отношения с другими народами. Этот большой недостаток был характерен для Рима, как и для всей древности. Самый спокойный греческий философ, Аристотель, считал варваров естественными рабами греков. Международное право было неизвестно, за исключением некоторых формальностей, соблюдаемых при объявлении войны и заключении мира, а также уважения, оказываемого послам. Это отсутствие общечеловечности и великодушия по отношению к иностранцам прослеживается на многих страницах этой истории, и нигде это не проявляется так ярко, как в описании обращения с самнитским вождем К. Понтием. Лучи лучших чувств просвечивают в войне с Пирром; рыцарский характер царя пробудил что-то вроде родственного духа в суровых и жестких римлянах. Но ничто не могло быть более неблагодарным, чем поведение Рима по отношению к Карфагену после Наемнической войны; и еще более низкие проявления дипломатии встречаются в последующих отношениях сената с ахейцами и Карфагеном.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Если эллинские формы мышления и речи проникли в область литературы, то в еще большей степени это коснулось изобразительного искусства. Немало примеров свидетельствуют о том, что до этого времени скульптура и живопись пользовались почетом в Риме. Консул Карвий (в 293 г. до н. э.) использовал часть трофеев, взятых у самнитов, для установки колоссальной бронзовой статуи на Капитолии. К тому же периоду относится квадрига, выполненная из терракоты этрусским художником. На Форуме были воздвигнуты статуи в честь различных великих людей древности. В благодарность за победы было построено много храмов, большинство из которых были украшены этрусскими или греческими художниками. Храм Салуса был украшен около 305 г. до н. э. росписями рук того самого К. Фабия, который принял имя Пиктор и передал его в качестве чести своей семье. Огульнии, будучи эдилами (296 г. до н. э.), установили в Капитолии () бронзовую группу, изображающую волчицу, кормящую близнецов. Картина, изображающая сражение, в котором римляне победили Иеро в 263 г., украшала стены здания сената.

От этих произведений и других, не зафиксированных в истории, не осталось никаких следов, за исключением знаменитой волчицы, которая сейчас хранится в Капитолийском музее. Близнецы были добавлены позднее, но животное, вероятно, является оригинальным произведением, упомянутым Цицероном и Ливием. Оно несет на себе хорошо известные черты архаического греческого искусства в виде острых, жестких форм конечностей и мышц, своеобразного выражения лица и правильных узлов волос вокруг шеи и головы. Здесь мы прослеживаем влияние греческих художников в Риме. Другие из упомянутых произведений явно относятся к этрусским художникам; можно отметить, что Фабий, единственный известный нам местный художник, принадлежал к семье, которая в истории всегда ассоциировалась с этрусками.

Но когда Рим завоевал южную Италию, он сразу же вступил в контакт с произведениями лучшего греческого искусства. Ни одна монета древней Греции не является столь красивой,

как монеты ее колониальных поселений на западе; и, как ни странно, именно в монетах Рима мы впервые прослеживаем неоспоримое влияние греческого искусства.

До завоевания Италии римляне использовали только медные монеты самого неудобного и громоздкого вида. На фунте этого металла весом был отчеканен грубый образ носа корабля, и это был первоначальный ас или либра. Постепенно вес аса уменьшался, пока в условиях Второй Пунической войны он не стал составлять лишь одну шестую либры по весу; тем не менее, он сохранил свое древнее название, так же как фунт стерлингов серебра, первоначально равный фунту троянского веса, теперь составляет не более одной трети, или как французская *ливра*, которая является гораздо меньшей долей этого веса.^[72] Но даже эта уменьшенная монета была неудобна в использовании, поскольку торговля расширялась по мере роста империи. После завоевания южной Италии драгоценные металлы стали более доступными, а монеты завоеванных городов послужили прекрасным образцом для подражания. Первый денарий, или серебряная монета в десять ассов, был отчеканен в 269 году до н. э. и, очевидно, был скопирован с монет Великой Греции. Римские полководцы, командовавшие в этих районах, чеканили деньги для использования в своих армиях со старыми знаками завоеванных городов. Качество изготовления, конечно, уступает лучшим образцам эллинских монет, но намного превосходит все римские монеты, как до, так и после. Золотые монеты аналогичной модели не чеканились до конца Ганнибаловой войны (205 г. до н. э.). Большая часть римских монет, которые мы имеем, относится к последнему веку республики. Обычно на них изображены семейные гербы лиц, руководивших монетным двором, или консулов, для которых они были отчеканены, но исполнение всегда оставалось грубым и непривлекательным.

РИМСКИЙ ОРАТОР

(по Хоупу)

Впоследствии римские завоевания дали возможность пополнять коллекции произведений искусства более простым способом — путем присвоения. Эта практика началась еще за много лет до этого, во время завоевания Этрурии; только из Вольсинии, как мы читаем, в Рим было привезено две тысячи статуй. В последующие годы Агригент, Сиракузы, Коринф и другие известные города прислали лучшие произведения эллинского искусства для украшения общественных зданий и мест варварского города на Тибре, а во многих случаях — для украшения вилл алчных полководцев.

В более интеллектуальных и даже полезных искусствах римляне не достигли большого прогресса. Изобретения Архимеда для защиты Сиракуз поразили их. Во времена Цицерона они обычно не развивали науки о количестве и величине дальше, чем это было необходимо для практической арифметики и измерения. В 293 г. до н. э. Л. Папирий Курсор Младший установил в Риме солнечные часы, а тридцать лет спустя консул М. Валерий Мессалла привез из Сицилии еще одни, но никто не знал, как их разместить, чтобы тень гномона служила указателем времени. Водяные часы, похожие на наши песочные, были введены только в 159 г. до н. э.

Общие удобства жизни также не были развиты. До 264 года дома обычно крыли деревянной черепицей, как альпийские хижины наших дней; только потом глиняная черепица начала вытеснять этот грубый материал. Сельское хозяйство, должно быть, велось в примитивных условиях людьми, которые были в равной степени и солдатами, и крестьянами. Вино Лация было настолько плохим, что Кинеас, попробовав его, сказал — и эта острога запомнилась — «неудивительно, что мать такого вина висит так высоко», намекая на итальянский обычай, сохранившийся до сих пор, выращивать виноград на вязах и тополях, в то время как в Греции его выращивали (как во Франции и Германии) на коротких шестах и подвергали воздействию солнечного тепла.

В основном использовался архитектурный стиль, называемый тосканским, который имел несовершенное сходство с ранним греческим стилем, обычно называемым дорическим. Но сохранившиеся остатки республиканского периода слишком скудны, чтобы сделать какие-либо точные выводы. Истинными искусствами Рима были тогда и всегда искусства строителя и инженера. Не будет ошибкой назвать римлян величайшими строителями в мире. Некоторые из их величественных сооружений, сочетающих прочность конструкции с красотой форм и практичностью, до сих пор вызывают наше восхищение, пережив разрушительное воздействие времени и более разрушительные руки варварских завоевателей. В каждой стране, подчинявшейся их власти, сохранилось достаточное количество дорог, мостов и акведуков, которые заслуживают всяческих похвал. Мы относим дороги к зданиям, согласно их собственной терминологии, «[\[73\]](#)», и их строительство заслуживает этого названия так же справедливо, как и работы на наших собственных железных дорогах. Первая великая военная дорога и первый акведук были построены старым цензором Аппием Цеком, и оба они сохранились, чтобы увековечить память об этом человеке, часто своевольном и самонадеянном, но решительном, целеустремленном, благородном в своих замыслах и смелом в их осуществлении. За ними быстро последовали другие акведуки и другие дороги; лопата и мастерок были столь же важными инструментами римского господства, как меч и копье. К концу Пунических войн прочные дороги, проложенные инженерным искусством через широкие и быстрые реки, через трудные горные перевалы, через трясины, уже соединяли Рим с Капуей на юге, с Плаценцией и Кремоной на севере. Таковы были гордые памятники Аппиев, Эмилиев, Фламиниев.

Можно сказать, что эти великолепные сооружения, а также огромные амфитеатры и бани, которые впоследствии украсили Рим и каждый мелкий город в его провинциях, были созданы благодаря изобретению арки. Этот простой механизм, дающий столь замечательные результаты, впервые появился в Великой клоаке. Он был неизвестен грекам или, по крайней мере, не использовался ими. Возможно, римляне позаимствовали его у этрусков; Клоака приписывается этрусскому царю, и подобные сооружения обнаруживаются в разрушенных городах Этрурии. Но если они и позаимствовали этот принцип, то использовали его благородно, о чем свидетельствуют сохранившиеся до наших дней величественные мосты, по которым обильные потоки пересекают равнину на протяжении многих миль на высоте шестидесяти или семидесяти футов от уровня земли. Если они и не обладали чувством красоты и утонченности в использовании карандаша или долота, то их здания отличаются величием, которое возвышало мощь государства, не обращая внимания на удовольствия отдельного человека.

Их внимание к практической полезности в дренаже и орошении своего города особенно отмечается Страбоном в противовес безразличию, проявляемому греками к этим вопросам. К уже упомянутым фактам можно добавить их правило, установленное еще в 260 году до нашей эры, что никто не должен быть похоронен в пределах города — правило, которое до сих пор едва ли принято в Лондоне. С этого времени датируется появление тех рядов надгробных памятников, которые путешественник видел по обе стороны дороги, въезжая в Вечный город. Это был мрачный обычай, но, по крайней мере, лучше, чем оставлять кладбища в центре переполненных городов.

Ярким доказательством инженерного мастерства являются туннели, прорубленные в твердой скале с целью осушения вулканических озер; можно полагать, что это искусство также было заимствовано у этрусков. Первым туннелем, о котором мы слышим, был тот, через который было частично осушено озеро Альбан во время осады Веи, работа, которую

предложил этрусский предсказатель. Другие сооружения подобного рода сохранились до наших дней, хотя время их постройки не всегда известно. Здесь следует упомянуть об одном сооружении подобного рода, которое по редкому стечению обстоятельств сочетает в себе большую полезность с редчайшей красотой. Знаменитый М. Курий Дентат, будучи цензором в 272 году, прорубил в скале проход, по которому воды озера Велинус стекали в Нар. Таким образом он вернул своим недавно завоеванным сабинским клиентам большую часть плодородных земель и оставил после себя самый прекрасный, если не самый величественный из всех водопадов. Водопады Терни, под таким знаменитым именем они теперь известны, были созданы рукой человека. «Тысячи путешественников посещают их, — говорит Нибур, — но как мало кто знает, что они не являются творением природы!»^b

ЛИТЕРАТУРА

В этот период в Риме начала формироваться литература, которая дошла до нас; но, к сожалению, вместо того, чтобы быть национальной и оригинальной, она была подражательной и заимствованной, состоящей в основном из переводов с греческого языка. В год после окончания Первой Пунической войны (240 г.) Л. Ливий Андроник, итальянец греческого происхождения, представил в Риме свою первую пьесу. Его произведения были взяты из греческого языка; он также перевел «Одиссею» с этого языка на латынь. Кн. Невий, уроженец Кампании, также создавал пьесы на основе греческих произведений и написал оригинальную поэму о Первой Пунической войне, в которой он сам сражался под оружием. Эти поэты использовали латинские метры в своих стихах, но Кв. Энний из Рудии в Калабрии, которого обычно называют отцом римской поэзии, был первым, кто ввел греческие метры в латинский язык. Его произведения включали многочисленные трагедии и комедии на основе греческих оригиналов, сатиры и его знаменитые «Анналы», или поэтическую историю Рима, написанную гекзаметрами, утрата которых (по крайней мере, ранних книг) вызывает большое сожаление. Макций Плавт, уроженец Умбрии, и Цецилий Стаций, галл из Инсубрии, сочинили многочисленные комедии, свободно заимствованные из греческих оригиналов. М. Пакувий из Брундизия, племянник Энния, создавал трагедии по греческим образцам; Л. Афраний считался римским Менандром; а П. Теренций (Теренций), уроженец Карфагена, создал несколько прекрасных переводов (так, пожалуй, лучше всего можно охарактеризовать его произведения) комедий Менандра и Аполлодора. Ни один из этих поэтов, кроме Плавта и Теренция, не дошел до нас, за исключением фрагментов; первый развлекает нас своим юмором и дает нам случайные представления о римских нравах, в то время как второй очаровывает нас своей изящной элегантностью. Примечательно, что ни один из этих поэтов не был римлянином. На самом деле, Рим никогда не производил поэтов.

К. Фабий Пиктор, Л. Цинций Алимментус, А. Постумий Альбин, М. Порций Катон и Л. Кассий Гемина писали истории (первые три на греческом языке) в кратком, сухом, непривлекательном стиле. Цинций также писал о конституционных древностях и, по-видимому, был человеком научным; до нас дошла работа Катона о земледелии, которую мы вполне могли бы заменить его «*Origines*», или ранней историей Италии.^e

СНОСКИ

[64] [Обе консульские должности были открыты для плебеев законом трибуна Генуция, принятым в 342 г. до н. э.; ср. Моммзен^d и Гринридж.ⁱ]

[65] [Превращение комиций куриатов в чистую формальность относится к V веку до н. э.]

[66] [Сенаторы были в основном людьми, занимавшими главные гражданские должности; и поскольку эти должности были монополизированы узким кругом богатых семей, места в сенате, должно быть, были практически, хотя и не конституционно, наследственными.]

[67] [Согласно закону Публилия 339 г. до н. э. (см. стр. 185) контроль сената над центуриями был сведен к формальности. Но сенат по-прежнему контролировал магистратов, а магистраты контролировали ассамблеи.]

[68] [Фактически племенное собрание возникло до того, как комитии центуриаты стали набирать популярность — племенное собрание повлияло на развитие центуриатского собрания в демократическом направлении.]

[69] [Однако, по мнению некоторых авторитетных источников, центуриатские комитии появились не раньше конца царского периода.]

[70] [Редко когда законы принимались племенным собранием под председательством консула.

[71] [После принятия закона Гортензия в 287 г. до н. э. трибуны больше не были конституционно обязаны получать согласие сената на свои законопроекты; и иногда трибуны, такие как Фламиний в 232 г. и Клавдий в 218 г., пользовались своей конституционной свободой. Однако в целом трибуны были министрами сената и более подчиненными, чем консулы.]

[72] Когда фунт веса перестал совпадать с фунтом валюты, первый обычно обозначался как *aes grave*.

[73] *Munire viam* — так они говорили.

ГЛАВА XV. ГРАКХЫ И ИХ РЕФОРМЫ

ТИБЕРИЙ ГРАКХ

Похоже, что еще до избрания Сципиона для ведения Нумантийской войны стало преобладающим мнением, что необходимы некоторые меры для пресечения господствующих социальных пороков. Ужасающие эксцессы рабской войны еще сильнее привлекли внимание к этой теме, и в том году, когда Сципион завоевал Нуманцию, появился лидер, наделенный мужеством, твердостью, уверенностью в себе, способностями, красноречием и всеми необходимыми для политического успеха качествами, за исключением более обширного опыта и большей доли терпения и самоконтроля.^{[b](#)} А. Х. Бисли так ярко описывает вопиющие пороки римского государства:

«Рим повсюду не справлялся со своими обязанностями хозяина цивилизованного мира. Его внутреннее разложение верно отражалось в отказе от имперских обязанностей. Когда в

любой стране мелкие фермеры вытесняются с земли; когда ее рабочие являются рабами или крепостными; когда огромные участки земли остаются незаселенными для удовольствия; когда лозунг искусства на устах у каждого, но идеи истинной красоты в душах очень немногих; когда деловой махинатор является величайшим человеком в городе и господствует даже в судах; когда магистраты, претендующие на высокие должности, вершат правосудие в зависимости от ранга преступника; когда биржи превращаются в огромные игорные дома, а сенаторы и титулованные люди являются главными игроками; когда, короче говоря, «коррупция повсеместна, когда растет дерзость, растет жадность, растет мошенничество, растет нечистота, и все это подпитывается растущей потворством и показной роскошью; когда значительное число судебных процессов в судах показывает, что страна в целом теперь рассматривается как добыча, на которую любое количество стервятников, учувших ее издавна, может безопасно приземлиться и в безопасности насытиться; когда гнусное племя пополняется своими сородичами из собственной страны, а иностранные захватчики находят множество людей с хорошей репутацией, готовых помочь им в грабежах, гораздо более жестоких и масштабных, чем грабежи разбойников или воров» — когда такова атмосфера в обществе и таковы кумиры, перед которыми оно преклоняется, нация, несомненно, стремительно катится вниз.

«Более отвратительной картины трудно себе представить. Толпа, богатый класс и аристократия, почти одинаково бесполезные, ненавидящие друг друга и ненавидимые остальным миром; итальянцы, горько завидующие римлянам и находясь лишь в лучшем положении, чем провинции за морем; более несчастные, чем те и другие, рои рабов, начинающие замышлять месть как утешение за свои страдания; земля, выходящая из оборота; отечественная промышленность, затопленная импортными товарами, выращенными рабами; сокращение населения; армия деградировала; войны велись в спекулятивных целях, но только против слабых; провинции подвергались организованному грабежу; в столице царили детские суеверия, всеобщая роскошь и чудовищные пороки. Час реформ, безусловно, настал. Кто же должен был стать этим человеком?»⁴

Ти. Семпроний Гракх был сыном одного из немногих римлян, в которых общественный дух преобладал над партийным. Хотя он лично враждебно относился к великому Сципиону, мы видели, как он вмешивался между ним и его врагами. После смерти Африкана вожди партии предложили ему руку Корнелии, единственной выжившей дочери героя; и от этого брака вскоре родилось двенадцать сыновей и одна дочь. Старший, Тиберий, появился на свет около 166 года до н. э., но отец умер, не дожив до совершеннолетия старшего сына, и Корнелия осталась вдовой с детьми. Дочь выжила, но из двенадцати сыновей выросли только двое — Тиберий и Гай, который был на девять лет моложе. Корнелия посвятила все силы своего мужского ума воспитанию этих драгоценных наследий. Она даже отказалась от предложения разделить трон с царем Египта. Ее самым дорогим занятием было наблюдать за раскрывающимися способностями своих мальчиков. Она так надеялась на их величие, что говорила, что будет известна не как дочь Сципиона, а как мать Гракхов.

В соответствии с модой того времени, для обучения мальчиков были приглашены греческие учителя. Блоссиус из Кум и Диофан, изгнанник из Митилены, упоминаются как учителя, а в более поздней жизни — как друзья Тиберия. Едва Тиберий достиг зрелого возраста, как его избрали в коллегию авгуров. На банкете, устроенном в честь его вступления в должность, Апп. Клавдий, глава сената, предложил ему руку своей дочери.

Когда гордый сенатор вернулся домой, он сказал своей жене, что в тот день обручил их дочь. «Ах!» — воскликнула она, — «она слишком молода; было бы лучше подождать немного, если, конечно, молодой Гракх не является тем самым мужчиной». Вскоре после своей женитьбы он сопровождал Сципиона в Карфаген, где первым взобрался на стены.

Личное значение Гракха усилилось благодаря браку Сципиона с его единственной сестрой. Но этот брак оказался несчастливым. Семпрония не обладала личными достоинствами, и у нее был плохой характер; строгие манеры Сципиона мало нравились невесте; у них не было детей, которые могли бы сблизить их.

[137-133 гг. до н.э.]

Когда Гракху было около тридцати лет (137 г. до н.э.), он служил квестором в Испании. До этого, когда он путешествовал по Этрурии, чтобы присоединиться к армии, он заметил, что ее обширные земли возделывались не свободными крестьянами, как в старину, а рабами. Вскоре после этого разразилась рабская война. Он свободно высказывал свои чувства, и общественное мнение назначило его человеком, который должен был взять на себя неблагоприятную должность реформатора. Во всех общественных местах стены () были покрыты надписями, призывающими Гракха отстаивать права всех римских граждан на долю в государственных землях. Он выдвинул свою кандидатуру на должность трибуна и был избран.

10 декабря 134 года до н.э. он вступил в должность. Он уже подготовил людей к своему запланированному законодательству красноречивыми речами, в которых сравнивал нынешнее состояние Италии с ее древними временами, сожалел о упадке ее мелких землевладельцев и фермеров и о нехватке свободных людей для службы в легионах. Все его аргументы указывали на некоторые меры по восстановлению класса мелких землевладельцев, который быстро сокращался.

[133 г. до н.э.]

Вскоре его план был доработан, и законопроект был вынесен на рассмотрение. Он предложил пересмотреть закон Лициния 364 г. до н.э., согласно которому глава семьи не мог владеть более чем пятьюстами югерами (около 320 акров) государственной земли; но чтобы сделать это правило менее строгим, он добавил, что каждый сын семьи, став самостоятельным, может владеть дополнительно половиной этого количества.^[74] Тот, кто владел большим количеством, должен был немедленно сдать излишки государству; но чтобы избежать жалоб на несправедливость, он предложил, чтобы те, кто сдавал владение, имели право на справедливую компенсацию за любые улучшения, которые они внесли в течение срока владения. Все общественные земли должны были быть переданы в ведение трех комиссаров (*triumviri*), которые должны были избираться племенами. Их задачей было распределять общественные земли среди всех граждан, находящихся в бедственном положении, и не допускать, чтобы распределенные земли вновь попадали в собственность богатых землевладельцев; продажа новых наделов была полностью запрещена.

Большая часть этих общественных земель оказалась в руках богатых землевладельцев. Они владели ими, платя небольшую ежегодную ренту, на протяжении нескольких поколений, и многие из них, возможно, забыли, что их владение может быть нарушено. После того как первое удивление прошло, голоса этих землевладельцев стали слышны, но пока большинство сената не проявило неблагосклонности к закону Гракха. Заинтересованные лица утверждали, что эта мера, хотя и якобы касалась только государственных земель, на самом деле ущемляла права частной собственности, поскольку эти земли находились в государственной аренде и были предметом купли-продажи, на них были заложены деньги в интересах вдов и сирот, на них были возведены гробницы: если этот закон будет принят, ни одна земля не сможет называться чьей-либо собственностью.

Если бы Гракх предложил насильственное и немедленное изъятие всех государственных земель без компенсации за вложенные в них деньги, эти аргументы имели бы больше веса. Права возникают по давности, и если государство в течение длительного времени молчаливо признавало право частной собственности на эти земли, то было бы явной несправедливостью так резко возвращать их в свою собственность. Но закон Лициния был доказательством того, что государство претендовало на право вмешиваться в владение государственными землями. О том, что римляне не сомневались в этом праве, свидетельствует тот факт, что при разработке своего закона Тиберий пользовался помощью своего тестя Аппия Клавдия, главы сената, и П. Муция Сцеволы, консула того года.

Было очевидно, что закон будет принят во всех сельских племенах, потому что именно в этих племенах заключалась сила Гракха, и все его аргументы показывают, что он это понимал. Он обращался к сельским жителям, которые потеряли или боялись потерять свои маленькие фермы.^b Несколько образцов пламенной красноречивости Тиберия сохранились в фрагментах^[75], цитируемых у Плутарха^e и Аппиана.^g Плутарх описывает это событие следующим образом:

«Тиберий, защищая дело, которое само по себе было добрым и справедливым, с такой красноречивостью, которая могла бы оправдать и злое дело, был непобедим; и никто не мог спорить с ним, чтобы опровергнуть его, когда, выступая от имени бедных граждан Рима (народ собрался вокруг трибуны для выступлений), сказал им, что дикие звери по всей Италии имеют свои логова и пещеры, а люди, которые сражались и были убиты за свою страну, не имели ничего, кроме воздуха и света, и поэтому были вынуждены бродить с женами и детьми, не имея места для отдыха и дома, где можно было бы укрыться. И что капитаны только издеваются над своими солдатами, когда воодушевляют их в бою сражаться отважно за могилы, храмы, свои дома и своих предков. Ибо, сказал он, из такого количества бедных граждан, как их есть, ни один из них не может показать ни одного старинного дома или могилы своих предков, потому что бедняки идут на войну и гибнут ради удовольствий и богатства богачей; кроме того, они ложно называют их господами земли, хотя у них нет и горсти земли, которая принадлежала бы им. Эти и другие подобные слова, произнесенные перед всем народом с такой горячностью и правдивостью, так взволновали простой народ и привели его в такой ярости, что ни один из его противников не смог противостоять ему. Поэтому, отказавшись от попыток опровергнуть и отменить закон с помощью аргументов, богатые люди возложили все свои надежды на Марка Октавия, коллегу и соратника Тиберия по должности, который был серьезным и мудрым молодым человеком и очень близким другом Тиберия. Когда они впервые пришли к нему, чтобы противостоять ему в вопросе утверждения этого закона, он просил их извинить его, потому что Тиберий был его очень близким другом. Но в конце концов, будучи вынужденным этим из-за большого числа богачей, которые настаивали на этом, он противостоял закону Тиберия, что было достаточно, чтобы отменить его».^e

Наступило утро. Форум был переполнен людьми, ожидавшими завершения великой меры, которая должна была вернуть часть обширных земель Италии сыновьям тех, кто их завоевал. Повсюду были видны незнакомые лица: виноградари из Кампании и холмов Аурунка, крестьяне из долин Сабины и Эквии, фермеры из долин и равнин от Кланиса до Вульturna.

Гракх встал. Его речь была встречена громкими аплодисментами нетерпеливой толпы. Когда он закончил, он обратился к секретарю и велел ему зачитать текст закона перед тем, как он будет поставлен на голосование. Тогда Октавий встал и запретил человеку читать. Гракх был застигнут врасплох. После долгих дебатов он распустил собрание, заявив, что в

следующий день очередного заседания он вновь вынесет на обсуждение свой отклоненный законопроект.

Время до следующего заседания было потрачено на подготовку к борьбе. Гракх ответил на вето Октавия, наложив запрет на всех государственных чиновников, закрыв суды и полицейские участки и опечатав двери казначейства. Кроме того, он исключил из своего законопроекта положения о компенсации и теперь просто предложил, чтобы государство вернуло себе все земли, принадлежащие частным лицам в нарушение закона Лициния.

В день второго собрания Гракх появился на Форуме в сопровождении телохранителей. Он снова приказал секретарю зачитать законопроект; снова Октавий выступил вперед и запретил все процедуры. Последовала бурная сцена, и казалось, что беспорядки неизбежны, когда два сенатора, друзья Гракха, один из которых звался Фульвий Флакк, искренне умоляли его передать все дело на рассмотрение сената. Гракх согласился. Но его недавнее нетерпеливое поведение ослабило то влияние, которым его имя обладало в великом совете, и его появление стало сигналом для взрыва упреков. Он поспешно покинул здание и, вернувшись на Форум, объявил, что на следующий день собрания () он в третий раз () предложит свою меру и что, если Октавий будет и дальше сопротивляться, он побудит народ сместить своего неверного трибуна.

По мере приближения этого дня Гракх прилагал все усилия, чтобы избежать этой отчаянной необходимости, но Октавий отвергал все попытки, и утром третьего дня собрания Гракх сразу же встал и предложил лишить Октавия доверия, которое тот предал.

Было вызвано сельское племя, которое по жребию получило право голосовать первым, и его голосование было единодушным за смещение Октавия; шестнадцать племен последовали его примеру; восемнадцатое племя давало большинство из тридцати пяти, и его голос должен был решить вопрос. Когда это племя подошло к голосованию, Гракх остановил процедуру и умолял Октавия не прибегать к необратимому шагу. Трибун колебался, но, встретив взгляд одного из своих богатых друзей, холодно отвернулся от Тиберия. Затем было вызвано восемнадцатое племя, и его голосованием Октавий в мгновение ока был лишен своей священной должности.^b

«Эти действия Тиберия Гракха, — говорит Бизли, — обычно считаются началом революции в Риме, и вина за нее соответственно возлагается на него. И нет сомнения, что он был виновен в том смысле, в каком виновен человек, который заносит огонь в комнату, наполненную взрывоопасными парами, которые по глупости или злобе других накопились там. Но, в конце концов, слишком много внимания уделяется этому нарушению конституционных форм и святости трибуната. Первые были изжиты, а все законные средства обновления республики, казалось, были закрыты для отчаявшегося патриота из-за тупого упрямства, прикрывающегося маской закона и порядка. Второе уже не было тем, чем было раньше — признанным убежищем и защитой бедных. Богатые, как фактически утверждал Тиберий, тоже нашли способ его использовать. Если все люди, которые подают пример насильственного нарушения закона, являются преступниками, то Гракх был преступником. Но в анналах мира он грешит в хорошей компании; и когда люди осуждают его, они должны осуждать и Вашингтона. Возможно, его провал имел самое большое отношение к его осуждению. Успех оправдывает, неудача осуждает — так большинство революций выглядит в глазах большинства людей. Но если когда-либо революция была оправданной, то это была именно она, потому что она была осуществлена не небольшой партией для достижения небольших целей, а под всеобщим одобрением, голосами итальянцев, которые стекались в Рим, чтобы проголосовать. Насколько Гракх предвидел неизбежные последствия своих действий, остается предметом спора. Но, вероятно, он видел их так же ясно, как любой человек может видеть будущее. Поскольку он был щедрым и

энтузиастичным, предполагается, что он был сентиментальным и слабым, и что его политика руководствовалась скорее импульсами, чем разумом. Похоже, что такое суждение не имеет под собой никаких оснований, кроме желания писателей подчеркнуть сравнение между ним и его братом».⁴

Законопроект был принят путем аккламации, и были избраны три комиссара, которым было поручено исполнить его положения: сам Тиберий, его тесть Апп. Клавдий, его брат Гай, тогда двадцатилетний юноша, служившей под командованием Сципиона в Испании. Закон не считался надежным, если его исполнение не было поручено Тиберию и его родственникам.

За несколько недель Гракх поднялся на вершину власти. Он редко выходил из дома, не сопровождаемый толпой. Нумантийская война и рабская война все еще продолжались, и правительство сената не было в состоянии противостоять нападению. Этот орган был теперь полностью встревожен, и Гракх вскоре приступил к мерам, которые задели его за живое. Аттал Филометор, царь Пергама, последний из рода Эвмена, только что умер и завещал свое царство с всеми своими землями и сокровищами римскому народу. В обычное время сенат сразу же взял бы на себя распоряжение этим наследством, но Гракх объявил, что он внесет законопроект, согласно которому деньги должны быть распределены между теми, кто должен был получить участки государственной земли, чтобы помочь им в покупке скота, строительстве фермерских построек и т. п.; и он добавил, что вынесет вопрос о будущем управлении этим наследством на рассмотрение народа, не позволяя сенату вмешиваться. Таким образом, он открыто объявил о революции.

Когда Гракх в следующий раз появился в сенате, его обвинили в том, что он получил пурпурную мантию и диадему от посла покойного царя Пергама. Т. Анний, старый сенатор, который двадцать лет назад был консулом, открыто обвинил трибуна в нарушении конституции. Гракх, глубоко уязвленный этим последним нападением, обвинил старого консула в государственной измене против величия народа. Анний появился, но прежде чем Гракх успел заговорить, он сказал: «Я полагаю, что если один из твоих братьев-трибунов предложит мне защиту, ты впадешь в ярость и сместишь его тоже». Гракх увидел, какой эффект произвело это заявление, и распустил собрание.

Кроме того, многих его сторонников встревожил закон, по которому он сделал триумвиров абсолютными судьями без права апелляции по спорным вопросам, касающимся собственности на землю. Было предоставлено много участков государственной земли, права собственности на которые были утрачены, и каждый, кто владел землей на таких условиях, видел свою собственность в руках безответственных судей.

Гракх почувствовал, что его популярность пошатнулась, и на следующем собрании счел необходимым выступить с речью, чтобы оправдать свое поведение при смещении Октавия. Суть его аргументов сводилась к обоснованию необходимости. Правда, конституция Рима не предусматривала никаких средств защиты от злоупотребления властью со стороны должностного лица, кроме краткости срока его пребывания в должности и возможности привлечения его к ответственности по истечении этого срока. Трибунская власть, изначально необходимая для защиты народа, могла обернуться против него. Но разве Гракх не мог предложить закон, ограничивающий силу вето одного трибуна? Или он не мог дожидаться избрания новых трибунов и позаботиться о том, чтобы все они были убежденными сторонниками его закона? Вместо этого он предпочел *государственный переворот* и тем самым подал пример, который непременно обернулся против него самого.^[76]

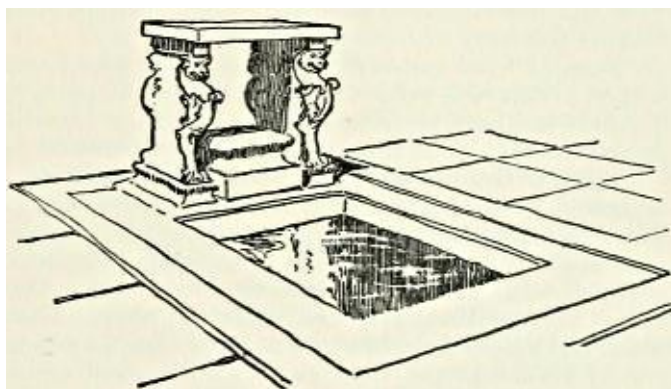
Резкие высказывания Насики и его партии ясно давали понять, что в следующем году, когда его личность больше не будет защищена святостью трибунской должности, он

подвергнется жестоким нападкам. Поэтому он решил выставить свою кандидатуру на переизбрание на предстоящем собрании племен. Но его избрание было далеко не гарантировано. Сельские избиратели были заняты уборкой урожая; многие из них охладели к нему; большинство жителей города были клиентами и зависимыми лицами знати. Чтобы вернуть и укрепить свою популярность, он выдвинул три меры, рассчитанные на то, чтобы угодить всем классам, кроме сенаторских семей. Во-первых, он предложил сократить необходимый срок военной службы. Во-вторых, он объявил о реформе высших судов, в соответствии с которой присяжные должны были избираться не только из сенаторов, но и из всех лиц, обладающих определенным имуществом. В-третьих, он предусмотрел возможность апелляции по всем делам из судов в народное собрание.

Эти меры, которые в измененном виде были впоследствии приняты его братом Гаем, были выдвинуты только Тиберием. Но этого было достаточно. Его популярность вернулась в полной мере.

Когда наступил день выборов, привилегированное племя отдало свои голоса за Гракха и его друзей; то же самое сделало и следующее племя. Но было возражено, что один и тот же человек не может быть избран два года подряд, и после жарких дебатов собрание было отложено до следующего дня.

До наступления ночи оставалось еще несколько часов. Гракх вышел на форум, одетый в черное и ведущий за руку своего маленького сына. Предвидя свою безвременную кончину, он доверил своего драгоценного сына своим согражданам. Все сердца были тронуты. Народ окружил его, о, с нетерпеливыми жестами, и сопровождал его до дома, пожелав ему бодрости духа на следующий день. Многие из его самых горячих сторонников всю ночь дежурили у его дверей.^b

РИМСКИЙ ФОНТАН ВО ДВОРЕ

«Любовь отца и горькое отчаяние государственного деятеля, — говорит Бисли, — обнаружившего, что самый дорогой объект его жизни вот-вот будет насильно отнят у него, не должны были быть окрашены ни каплей личного страха. Человек проверенной храбрости, такой как Гракх, мог защищать свою жизнь, но только в том случае, если считал это необходимым для великого дела. Вечером он сказал своим сторонникам, что на следующий день даст им знак, если сочтет необходимым применить силу на выборах. Было предположено, что это доказывает, что он замыслил измену. Но это доказывает лишь то, что он намеревался силой отразить насилие, если, как было более чем очевидно, оно будет применено, а это не является изменой. Другого выхода у него не было. Единственным слабым местом его политики было то, что у него не было материальной силы за спиной. Даже Сулла был бы обречен в более позднее время, если бы у него не было под рукой армии,

к которой он мог бы бежать в поисках убежища, так же как без армии Кромвель был бы бессилен. Но сейчас был время сбора урожая, и итальянские союзники Гракха были вдали от дома, на полях. Наступил следующий день, и с ним появились предзнаменования, полные значения для суеверных римлян».^с

Отложенное собрание собралось в то утро на Капитолии, и площадь перед храмом Юпитера была заполнена в основном сторонниками Гракха, среди которых выделялся сам трибун в компании своего греческого друга и наставника Блоссиуса из Кум. Сенат также собрался неподалеку, в храме Веры. Насика встал и призвал председательствующего консула остановить переизбрание. Но Сцевола отказался.^[77]

После этого Фульвий Флакк покинул сенат, сообщил Гракху о речи Насики и сказал ему, что решено убить его. Тогда друзья Гракха подпоясали свои одежды и вооружились палками, чтобы силой отразить силу (). В разгар шума Гракх поднял руку к голове. Его враги закричали, что он просит корону. В сенат были доставлены преувеличенные доклады, и Насика воскликнул: «Консул предаёт республику: те, кто хочет спасти свою страну, следуйте за мной!» Сказав это, он накинул на голову подол своей мантии, как это делал понтифик максимус во время торжественных обрядов. Ряд сенаторов последовал за ним, а народ с почтением расступился. Но знатные люди и их сторонники разбили скамьи, которые были расставлены для собрания, и начали нападение на приверженцев Гракха, которые бежали в беспорядке. Гракх отказался от всяких попыток сопротивления; он оставил свою мантию в руках друга, который пытался его удержать, и направился к храму Юпитера. Но жрецы закрыли двери, и в спешке он споткнулся о скамью и упал. Когда он поднимался, один из его коллег ударил его по голове табуреткой; другой потребовал чести повторить удар; и перед статуями древних царей в портике храма Аполлона-Акрополя трибун лежал мертвый. Многие из его сторонников были убиты вместе с ним; многих сбросили с стены на краю Тарпейской скалы, и они погибли при падении. Не менее трехсот человек погибли в этой схватке.

Гай только что вернулся из Испании,^[78] и попросил разрешения похоронить тело своего брата. Ему было отказано. Победившая сторона приказала бросить тела Тиберия и его друзей в Тибр до утра. Так пролилась первая кровь в гражданской войне в Риме.

Тиберий Гракх заслуживает звания Великого, если величие измеряется влиянием, оказанным на общество действиями одного человека, а не продолжительностью пребывания у власти или успехом, сопутствующим смелым предприятиям. Он занимал свою должность не более семи месяцев, но за это короткое время он настолько пошатнул власть сената, что тот так и не смог полностью оправиться от нанесенного удара. Он был благородным человеком, его взгляды и желания были взглядами и желаниями истинного патриота. Но он не терпел оппозиции и своим резким и агрессивным поведением вызвал сопротивление, которого он мог бы избежать. Когда настал момент действовать, его характер был слишком мягким, а воля слишком нерешительной, чтобы пойти на смелый шаг, который был необходим в связи с его собственным поведением и поведением сената.

Когда Сципион, находясь в лагере перед Нуманцией, узнал о гибели своего родственника, он воскликнул словами Гомера:

«Так погибнут все и каждый, кто осмелится на такие поступки, как он!»

Но дальнейшее развитие событий покажет, что Сципион не столько не одобрял политические меры Гракха, сколько нетерпеливость, которую тот проявлял, и насилие, которое он применял для их осуществления. Такие недостатки характера были наиболее неприятны для солдата и стойка.

ВОЗВРАЩЕНИЕ И СМЕРТЬ СКИПИЯ МЛАДШЕГО

[133-132 гг. до н. э.]

Началась борьба между олигархией и демократией. Эта борьба продолжалась до тех пор, пока диктатор Сулла на время не восстановил верховную власть сената, которая вновь была отнята у него еще более могущественным диктатором, чем Сулла. Но было бы неправильно предполагать, что сенат () и олигархия всегда были тождественны. Иногда это было так, поскольку иногда насильственная партия среди знати имела большинство в сенате; но всегда существовала умеренная партия, которая стояла между знатью и демократией. Именно насильственная партия, возглавляемая Насикой, а не сам орган, была ответственна за смерть Гракха. Сенат их не поддерживал.

Народу было позволено спокойно провести выборы нового комиссара на место Гракха, и их выбор пал на П. Лициния Красса, родного брата консула Сцеволы, который был усыновлен семьей Крассов. Его дочь недавно вышла замуж за молодого Гая Гракха, и теперь он стал признанным лидером партии.

Сенат также не пытался защитить Насику от народного гнева. Он был заклеен как убийца Гракха, и его друзья советовали ему покинуть Италию, хотя, как верховный понтифик, ему было запрещено это делать. Вскоре после этого он умер в Пергаме, и Красс сменил его на посту понтифика.

Но в течение следующего года (132 г. до н. э.) сенат был вынужден поручить новым консулам расследование поведения тех, кто поддерживал Гракха. Они начали свое расследование, пригласив к себе К. Лелия, человека, известного своей умеренностью. Перед началом расследования Лелий послал за Блоссием и в частном порядке допросил его о его участии в недавних беспорядках. Тот оправдывался тем, что он лишь выполнял приказы трибуна.

«Это не оправдание, — сказал Лелий. — Что бы ты сделал, если бы он приказал тебе поджечь Капитолий?»

«Гракх, — ответил Блоссиус, — никогда бы не отдал такого приказа».

«А если бы он отдал?» — настаивал Лаэлий.

«Тогда, — сказал Блоссиус, — я бы это сделал».

Однако этому смелому стороннику удалось спастись. Диофан из Митилены, другой наставник Гракха, был арестован консулами и казнен. Другие также лишились жизни, а некоторые избежали смерти, будучи сосланы. Все эти действия были нарушением законов об апелляции, поскольку консулы не имели законных полномочий судить и выносить приговоры в пределах города.

Вероятно, только осенью этого года Сципион отпраздновал свой триумф над Нумантией. Он не был пышным, с добычей и длинной процессией пленников, поскольку нумантийцы похоронили себя и свое имущество под руинами своего города. Но присутствие Сципиона в этот момент было или могло быть многозначительным, и когда он прошел в процессии к Капитолию, многие глаза обратились к нему с ожиданием. Можно было бы подумать, что его одобрение смерти Гракха достаточно ясно указывало, какую позицию он намеревался занять. Но он мог не одобрять поведение Гракха, не осуждая при этом его цели. Соотечественники из Лация и Италии сражались под его командованием в Карфагене и

Нуманции. Было известно, что среди прочих он оказал особую честь () молодому солдату из Арпинума, скромного происхождения и грубых манер. Однажды он пригласил этого юношу на ужин и посадил его рядом с собой; и когда какой-то льстец спросил, где можно найти генерала, который мог бы стать его преемником, он ответил: «Возможно, здесь», положив руку на плечо молодого солдата. Этот юноша был Г. Марий.

Какие бы сомнения ни были относительно намерений Сципиона, он вскоре дал понять, что не собирается протягивать руку гражданскому населению. Один из сторонников Гракха, по имени К. Папирий Карбо, человек с быстрым умом, но буйным, безрассудным и беспринципным характером, надеялся поднять себя до важности с помощью этой черни. Он был трибуном в том году и продвинул закон о расширении использования голосования в законодательных собраниях народа. Теперь он выдвинул еще один законопроект, легализующий переизбрание трибуна на второй год полномочий. Сципион и Лелий выступили против этой меры, и первый из них высказался так горячо против нее, что она была отклонена племенами, хотя молодой К. Гракх выступил в ее поддержку со своей первой публичной речью. Именно тогда Карбо публично спросил Сципиона, что тот думает о смерти Гракха. «Что он был справедливо казнен», — тут же ответил Сципион. На эти слова раздался гневный крик. Сципион строго повернулся в сторону, откуда он доносился. «Тишина», — сказал он, — «вы, пасынки Италии, помните, кто привел вас в цепях в Рим».

Однако в начале того же года (131 г. до н. э.) произошел инцидент, который также разделил Сципиона и Красса. Консулами в том году были сам Красс и Л. Валерий Флакк. Первый был верховным жрецом, второй — жрецом Марса. Случилось так, что некий Аристоник, внебрачный сын покойного Эвмена, поднял восстание в горных районах около Пергама, и дело дошло до такой степени, что потребовалась консульская армия. Оба консула стремились получить командование, но в силу своих священных обязанностей оба были по закону не вправе покидать Италию, и опыт Сципиона в военном деле указывал на него как на наиболее подходящего человека для командования. Однако популярность Красса была настолько велика, что из тридцати пяти племен только два проголосовали за Сципиона, а остальные — за него. Считая голосование народа выше закона, он завершил набор войск и отправился в Пергам, чтобы больше не возвращаться. Сципион в отвращении удалился из Рима.

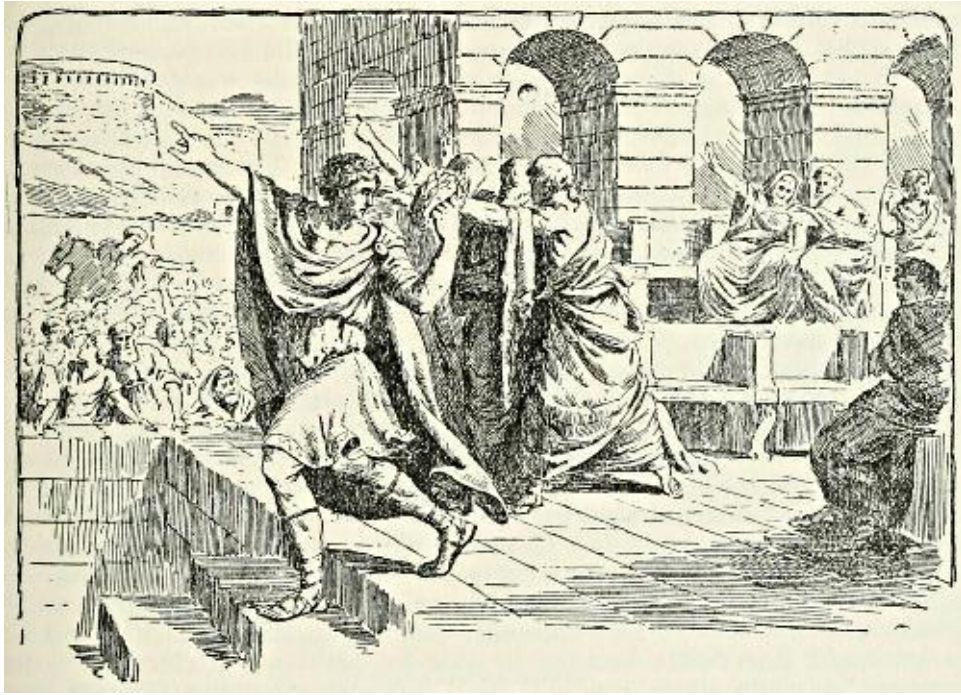
В том же году цензорами были К. Метелл и К. Помпей — событие, отмеченное всеми историками как памятное, поскольку теперь впервые два человека плебейского происхождения были избраны на самую высокую должность в государстве. Удивительно скорее то, что искусственное различие, которое по всем практическим соображениям было устаревшим, так долго сохранялось в цензуре, чем то, что теперь оно прекратило свое существование.

Если бы Красс вернулся, он, возможно, предпринял бы более активные шаги для уменьшения насилия, которое начинали поощрять лидеры демократов. Но в начале 130 года до н. э. он был разгромлен Аристоником в сражении и взят в плен. Римский государственный деятель и юрист, считая рабство невыносимым, намеренно ударил варвара, который его пленил, по лицу ремнем от меча и был мгновенно убит. Его голову отнесли Аристонику, а тело похоронили в Смирне.

Примерно в то же время умер Апп. Клавдий. Естественным лидером партии Гракхов теперь стал бы К. Гракх. Но этот молодой человек удалился из общественной жизни по совету своей матери Корнелии. В результате новая власть перешла в руки безрассудного Карбо, которого поддерживал Фульвий Флакк, и весь характер партии стал более явно демократическим.

Эти лидеры стремились вернуть свою популярность у сельских племен, возродив аграрный закон. Из трех комиссаров, избранных на этот год, Г. Гракх по-прежнему фигурировал в списке; вакансии, образовавшиеся в результате смерти Красса и Апп. Клавдия, были заполнены Карбо и Флакком.

Богатые землевладельцы пытались сорвать закон пассивным сопротивлением. Чтобы сорвать эту политику, Карбо и его коллеги издали прокламацию, призывающую сообщать о всех, кто не зарегистрировался в качестве владельцев государственной земли. Призыв был быстро выполнен, и триумвиры вскоре оказались перегружены именами. Следующим шагом было принятие решения о правах нынешних владельцев и определение границ между частными и государственными землями в каждом поместье. Это была чрезвычайно деликатная задача, и здесь потеря Красса была ощутима. Невежественный и безрассудный Карбо вызвал множество грозных противников.

Сципион покидает Рим

[130-129 гг. до н. э.]

Части общественных земель часто отчуждались путем предоставления или продажи. В результате прокламации Карбо владельцы были внезапно вызваны предъявить свои правоустанавливающие документы, которые во многих случаях отсутствовали, так что огромное число этих владельцев подвергалось риску лишиться земель, которые, несомненно, принадлежали им. Кроме того, в случаях, когда лица владели частично государственной, а частично частной собственностью, часто не было документов, подтверждающих, какая часть была государственной, а какая частной. Комиссары действовали самым произвольным образом и вызвали возмущение огромного числа людей по всей Италии; таким образом, возникла новая народная партия, которая оказала огромное влияние на события следующих пятидесяти лет. В своей поспешной попытке завоевать симпатии римских соотечественников Карбо не учел враждебность латинян и итальянцев; и те, кто недавно поклонялся Гракху, теперь как один поднялись, чтобы противостоять тем, кто теперь притворялся представителями Гракха.

Эти новые противники аграрного закона не имели намерения присоединиться к римским олигархам, но обратились к Сципиону и умоляли его взяться за их дело. Они имели на него право, поскольку добровольно пополняли его армию, когда сенат не мог выделить ему денег, а он всегда проявлял к ним симпатию. Несмотря на свою неприязнь к партийной политике, он не уклонился от этой задачи, и умеренная партия в сенате приветствовала его возвращение. Он начал с того, что предложил принять декрет о лишении триумвиров судебной власти, которой они были наделены по решению Главния Гракха (), и о передаче этой юрисдикции консулам. Декрет был принят, и эта задача была поручена К. Семпронию Тудитану, человеку с утонченным вкусом, более увлеченному искусством и литературой, чем делами. Но пришла весть о движении среди иапидов, народа на иллирийской границе, и Тудитан с радостью воспользовался этим поводом, чтобы поспешить в Аквилею, будучи уверенным, что ему легче справиться с варварскими врагами, чем с еще более варварскими запутанностями закона.

Таким образом, все разбирательства были прерваны. Сенат лишил триумвиров юрисдикции, а консул, которому она была поручена, бежал. Возникло всеобщее недовольство. Сципион был обвинен в предательстве интересов Рима в пользу итальянцев. Его враги распространили слухи, что он продан олигархии, что он намерен силой отменить закон Семпрония и натравить своих итальянских солдат на народ Рима.

Сципион почувствовал необходимость объяснить свои мотивы и объявил о своем намерении выступить с речами, в один день в сенате, а на следующий — на Форуме. Было выполнено только первое из этих намерений. В своей речи в сенате он пообещал защищать права латинян и итальянцев против триумвиров и не допустить несправедливого изъятия земель, которые были им предоставлены. Сенат громко аплодировал, и Сципион был сопровожден домой толпой сенаторов и ликующей толпой итальянцев. Многие считали этот день самым славным в его жизни. Он рано лег спать, будучи в добром здравии. Утром его нашли мертвым в постели. Рядом с ним лежали таблички, на которых он записывал основные положения речи, которую он намеревался произнести на следующий день.

Смерть Сципиона потрясла сердца сенаторов. Метулл воскликнул, что он был убит. Говорят, что на шее были следы удушения, и когда его вынесли на похороны, голова была покрыта, вопреки обычаю. В тот момент подозрение пало на К. Гракха и его сестру Семпронию, жену Сципиона. Но эти необоснованные слухи скоро улетучились, и с уверенностью было утверждено, что убийцей был Карбо. Цицерон говорит об этом как о несомненном факте; характер этого человека, а также последующая история оправдывают такое мнение.^b Аппиан,^a с другой стороны, не дает однозначного ответа, упоминая слухи как против Корнелии, так и против Семпронии, и добавляя, что «некоторые считают, что он покончил с собой, потому что понял, что не сможет выполнить то, что обещал»; в то время как другие утверждают, «что рабы Сципиона под пытками признались, что неизвестные люди, которых они впустили через заднюю дверь, задушили его, и что они не осмелились раскрыть убийство, потому что знали, что народ, ненавидевший Сципиона, радовался его смерти». Из современных авторитетов Джордж Лонг^d считает, что «обстоятельства смерти Сципиона были подозрительными». Но он сомневается даже в том, что Цицерон верил в свои собственные обвинения против Карбо, и добавляет: «Следует сделать вывод, что Сципион умер естественной смертью». Инел^f говорит: «После тщательного и внимательного изучения обстоятельств, по-видимому, нет оснований сомневаться в том, что смерть Сципиона была естественной». Однако это, пожалуй, слишком категоричное утверждение. Какова бы ни была вероятность, никогда не удастся окончательно доказать, умер ли Сципион естественной смертью или насильственной: в глазах некоторых исследователей этот вопрос всегда будет занимать место в длинном списке исторических неопределенностей.^a

Так умер младший Африкан. Никакие публичные почести не свидетельствовали о его заслугах перед государством. Похоронный пир был устроен самым скромным образом его племянником К. Туберо (), строгим стоиком, который был рад таким образом напомнить народу о его неблагодарности.

Сципион не обладал таким высоким гением, как великий человек, чье имя он носил, но в Риме не было никого из его современников, с кем его можно было бы сравнить. Сказать, что он был лучшим полководцем своего времени, — это мало, поскольку в то время военные таланты были редкостью; но, без сомнения, его способности к ведению войны принесли бы ему славу и в лучшие времена республики. Его бескорыстная щедрость уже была отмечена; после его смерти выяснилось, что он не был богаче, чем когда унаследовал состояние

великого Сципиона. Любовь к родине и привычная сдержанность заставляли его избегать общественной жизни. Но строгий нрав и суровая серьезность, которые он обычно демонстрировал, исчезали в кругу друзей; и ничто так не повышает наше уважение к Сципиону, как теплая привязанность к нему таких людей, как Полибий, а также Лелий, Рупилий и другие, которых Цицерон ввел в свои прекрасные диалоги. Сципион обычно представляется как жесткий сторонник олигархии, но факты истории опровергают это мнение. Он мог бы прожить еще несколько лет, чтобы умерить ярость партийных распрей, внушить страх фракционерам и поддержать справедливые требования, ведь на момент смерти ему было всего пятьдесят шесть лет. Его смерть в этот момент была, пожалуй, самой большой потерей, которую могла понести республика.^b

Общее мнение о Сципионе является похвальным. Даже Джордж Лонг,^d который высмеивает обычные исторические оценки великих людей, считает Сципиона достойным большой похвалы, но Бисли придерживается столь противоположного мнения, что его слова вполне можно процитировать:

«Его обычно восхваляют как патриота, который не поддавался на уговоры римской черни, но когда угнетенные честные фермеры, его товарищи по войне, обратились к нему, он сразу же вышел на арену в качестве их защитника. На самом деле он был реакционером, который, когда неизбежные результаты тех либеральных идей, которые были высказаны в его собственном кругу, стали очевидны, воспользовался первым доступным средством, чтобы их подавить. Мир двигался слишком быстро для него. Как цензор, вместо того чтобы умолять богов увеличить славу государства, он умолял их сохранить ее. Храбрый как человек, он был малодушным государственным деятелем. Для его репутации было хорошо, что он умер именно тогда. Без личных пороков Суллы он мог бы сыграть роль Суллы как политик, и его зверства в Испании, а также его замечание о смерти Тиберия Гракха — слова, дышащие самой сущностью узкой природы мечника — показали, что он ни в коем случае не побоялся бы кровопролития. Трудно уважать такого человека, несмотря на все его хорошие качества. Судьба дала ему возможность сыграть великую роль, но он уклонился от нее. Когда взошел урожай, который он сам помог посеять, он его уничтожил. Но поскольку он был личностью, заслуживающей уважения, и занимал среднюю позицию между современными ему партиями, он снискал благосклонность историков, которые слишком склонны забывать, что в политике, как и в других сферах, есть правильный и неправильный курс, и что попытка идти по обоим сразу доказывает, что человек — слабый государственный деятель, а не великий или хороший человек».^e

КАЙ ГРАКХ И ЕГО ВРЕМЯ

[129-126 гг. до н. э.]

После внезапной смерти Сципиона наступило затишье. Буйный Карбо исчезает со сцены, чтобы через девять лет вновь появиться в качестве лидера жестокой олигархической партии. К. Гракх все еще жил в уединении. Фульвий Флакк был доволен тем, что аграрный закон оставался нереализованным ввиду серьезных трудностей, созданных мерами триумвиров. Ничто в области внешней политики также не нарушало общего спокойствия. Но под этой внешней тишиной зрела семя беспокойства. Нельзя было ожидать, что новорожденная ревность, возникшая между римлянами, с одной стороны, и латинянами и итальянцами, с другой, утихнет. Тем не менее, были выдвинуты предложения по примирению этих двух противоположных интересов. Итальянцы были надеялись, что они могут стать гражданами Рима при условии, что не будут сопротивляться исполнению аграрного закона.

Но жители Рима вскоре поняли, что предоставление латинянам и итальянцам римского гражданства приведет к их относительной утрате значимости. Все выгоды, которые до сих пор получали исключительно римляне из провинций, придется делить с гораздо большим числом граждан, а прибыль и власть римлян существенно уменьшатся. В 126 году до н. э. в Рим хлынуло большое количество итальянских чужеземцев, жаждущих обещанных благ. Но к этому времени общественное мнение в Риме настолько изменилось, что М. Юний Пеннус, один из трибунов, выдвинул то, что мы можем назвать суровым законом об иностранцах, по которому все чужеземцы были вынуждены покинуть Рим. Однако преемники Гракха остались верны своей новой политике, и сам Гай был вынужден выступить с публичной речью во второй раз. Но он не добился успеха. Закон Пеннуса был принят, и с этого момента можно датировать начало ожесточенной борьбы между римлянами и итальянцами, которая через тридцать восемь лет вылилась в кровопролитную войну.

Когда Гай произнес эту речь, он был избран квестором на следующий год. Он был назначен служить под командованием консула Л. Аврелия Ореста, когда этот офицер взялся за подавление сардинских горцев, которые были подчинены отцом молодого Гракха пятьдесят лет назад. После первого года военных действий Орест оказался в затруднительном положении из-за нехватки продовольствия и одежды; из этой ситуации его выручил квестор, который, благодаря памяти о своем отце и своей убедительной красноречивости, убедил сардинских колонистов добровольно предоставить солдатам все необходимое. Вскоре после этого в Рим прибыли послы от Миципсы, сына Масиниссы, которые, как они сказали, из уважения к имени Гракха предложили отправить продовольствие на Сардинию. Сенат с гневом отклонил это предложение. Оресту было велено остаться проконсулом в своей провинции, а его квестору было приказано продолжить исполнение своих обязанностей в течение второго года.

[126-123 гг. до н. э.]

Тем временем партия сельских жителей добилась избрания своего нынешнего лидера, Фульвия Флакка, консулом на 125 год до н. э. Он был человеком с небольшими ораторскими способностями, но его активность и смелость придавали ему силу, а неизменная привязанность к памяти Тита Гракха делала его уважаемым. Едва заняв консульское кресло, он сразу же продемонстрировал свою безрассудную смелость, объявив о законопроекте, расширяющем избирательное право на всех латинских и итальянских союзников. Это был законопроект о реформе, выходящий за рамки всех прежних примеров. С 241 г. до н. э., то есть в течение 116 лет, территория Рима и число племен не увеличивались, а теперь одним махом предлагалось добавить в реестр население, гораздо превышающее по численности все существующее число римских граждан. Племена почувствовали, что их интересы поставлены под угрозу, и мера Флакка была крайне непопулярна в Риме.

В этот момент сенат ловко ухитрился отправить Флакка на дипломатическую службу за границу. Жители Массилии, старые союзники Рима, послали просьбу об их защите от саллувиев, лигурийского племени из Приморских Альп, и Флакку было приказано взять на себя командование армией, предназначенной для их освобождения. Он оставался в Галлии более двух лет и был удостоен триумфа в 123 году до н. э. Тем временем его великая мера по расширению избирательного права провалилась.

Но надежды, возбужденные импульсивным консулом, не были легко заброшены. Возбуждение было велико по всей Италии, и в одной из латинских колоний тлеющий огонь разгорелся с новой силой.

Фрегелла — большой и процветающий город на Латинской дороге. Он был одной из восемнадцати колоний, которые остались верными Риму во время Ганнибаловой войны. Он

был свидетелем того, как по окончании войны полные права были предоставлены его соседям в Формии, Фунде и Арпине. И теперь чаша была разбита у самых губ. Фрегелла взялась за оружие, не согласовав свои действия с другими городами, и сенат поручил Л. Опимию, одному из преторов, человеку решительному и лишенному сострадания, подавить восстание. Ворота были открыты ему благодаря предательству. Опимий занял место на Форуме и осуществил страшную месть над жителями, за что был награжден сенатом триумфом. Стены были снесены, а колония, лишенная всех прав, была низведена до статуса простого рыночного городка (*conciliabulum*). Пример Фрегелл на время заставил замолчать требования итальянцев.

Таким образом, торжествуя победу, сенат решил не допускать лидеров партии Гракхов в Рим. Флакк еще не закончил свои галльские войны, и был отправлен приказ задержать Г. Гракха на третий год в Сардинии. Но молодой квестор понял смысл этого приказа и вернулся в Рим примерно в середине 124 года до н. э., к немалому смятению сената. Его немедленно вызвали к тогдашним цензорам, чтобы он отчитался за свое поведение, с тем чтобы его можно было публично заклеить и таким образом лишить права занимать место в сенате. Он выступил в свою защиту перед народом с заранее подготовленной речью, в которой заявил, что сенат не имеет права держать его на должности квестора более одного года. «Никто, — добавил он, — не может сказать, что я получил хоть копейку в подарок или обвинил кого-либо от своего имени. Кошелек, который я взял полным, я вернул пустым, хотя я мог бы назвать людей, которые брали бочки, наполненные вином, и приносили их домой, заплатив за них деньги». Он был торжественно оправдан и сразу же выдвинул свою кандидатуру на должность трибуна. Сенат приложил все свое влияние, чтобы помешать его избранию, и добился успеха в том, что его имя оказалось только четвертым в списке. Но как только он вступил в должность, никто не оспаривал его право быть первым.

[123 г. до н. э.]

Жребий был брошен. Десять лет он держался в стороне от общественной жизни, но досадные действия сената побудили его к действию; накопившаяся энергия его страстной натуры вырвалась наружу, и он отбросил все сдерживающие его страхи и осторожность.

До этого момента не было никаких доказательств способностей молодого оратора. Он только дважды выступал публично, и оба раза был в проигрыше. Но прошли годы усердного обучения, и он стал величайшим оратором, которого когда-либо видел Рим. Как бы ни не любил Цицерон Гракха, он с живым восхищением говорит о его гении и сожалеет о потере, которую понесла латинская литература в результате его ранней смерти. Тщательность, с которой молодой оратор подходил к подготовке, была необычайной; он первым стал регулярно использовать жестикуляцию, а в самых яростных вспышках его голос был настолько модулирован, что никогда не оскорблял слух.

Его первые меры были отмечены тем, что было главной страстью его жизни — жгучим желанием отомстить за смерть своего брата. Насика был вне его досягаемости. Но другие, которые преследовали друзей и последователей Тиберия, были еще живы, и он при каждом удобном случае осуждал их жестокою суровостью. «Ваши предки, — восклицал он, — не позволяли попать своих трибунов. А вы — вы позволили этим людям забить Тиберия до смерти и убить его друзей без суда!»

Соответственно, он внес законопроект, направленный против Попилия, который был главой специальной комиссии, назначенной после смерти Тиберия. Он объявлял виновным в государственной измене любого магистрата, который казнил гражданина без согласия

народа. До того, как законопроект был принят, Попилий покинул Рим, и племена, по предложению Гая, изгнали его.

Затем молодой трибун предложил, чтобы любой, кто был лишен должности по решению народа, не мог занимать никакой другой должности — закон, явно направленный против старого противника его брата Октавия. К счастью для чести Гракха, его карьера мести была прервана благодаря заступничеству его матери.

Теперь он обратил свои мысли к мерам общественного характера и выдвинул ряд важных законопроектов, давно известных как законы Семпрония, которые были настолько радикальными по своему замыслу, что показывали, что он замышлял не что иное, как революцию в правительстве Рима. Их можно разделить на две категории: во-первых, те, которые были направлены на улучшение положения народа; во-вторых, те, которые были направлены на уменьшение власти сената.

(1) На первом месте в первой категории можно поставить законопроект о возобновлении и расширении действия аграрного закона его брата, который был соединен с мерой по созданию новых колоний в различных частях Италии и даже в провинциях. Исполнение этого закона было отложено до следующего года.

(2) Второй закон Семпрония был знаменитой мерой, по которой государство обязывалось поставлять зерно по низкой цене всем римским гражданам. Он предусматривал, что любой, кто обладал римским гражданством, мог покупать зерно из государственных складов по цене 6½ ассов за модиус, или около 25 ассов за бушель; убытки покрывались из казны.

Государственные меры по распределению зерна в периоды его дефицита давно были знакомы римским государственным деятелям, и отдельные лица не раз пытались завоевать популярность, раздавая милостыню бедным. Но теперь впервые это право было закреплено законом. Неизбежными результатами такой меры были и остались очень пагубные последствия. Пятьдесят лет спустя было признано необходимым ограничить количество продаваемого зерна до пяти модиев (1¼ бушеля) в месяц на каждого человека; сорок тысяч граждан были постоянными покупателями. Демагоги последовательно снижали цену, пока расточительный Клодий не постановил, что эти 1¼ бушеля должны раздаваться бесплатно. Диктатор Цезарь обнаружил, что не менее 320 000 граждан ежемесячно получали эту помощь. Он сократил их число до 150 000, а Август установил максимальное число в 200 000 душ. Такова была масса нищих, обременявшая имперское правительство в результате неразумного закона Гракха.^[79]

Теперь перейдем к мерам, направленным на лишение сената большой административной власти, которую он приобрел в последние годы.

(1) Первая из них касалась их судебной власти. Уже упоминалось, что согласно знаменитому закону Кальпурния (149 г. до н. э.) все провинциальные магистраты, обвиняемые в коррупции при исполнении своих обязанностей, должны были предстать перед судом, председателем которого был претор-перегрин, а присяжными — сенаторы. Это был первый регулярный и постоянный суд, учрежденный в Риме. Принцип закона Кальпурния постепенно был распространен на другие тяжкие преступления, и во всех высших судах присяжные состояли из сенаторов.

Эти суды не приносили большого удовлетворения. Во всех важных делах о коррупции, особенно в тех, которые имели место в провинциях, преступниками были сами сенаторы. Некоторые судьи были виновны в подобных преступлениях, другие надеялись на возможность совершить подобные преступления; вымогательство считалось простительным преступлением; судебные преследования становились испытанием силы партий, и преступник обычно освобождался от наказания.

Гракх теперь полностью лишил сенат судебной власти и передал ее органу из трехсот человек, которые периодически избирались из всех граждан, обладающих имуществом, соответствующим званию всадника. Этим шагом он нанес сенату удар обоюдоострым мечом. Ведь он не только лишил его средств защиты своих членов, но и дал политическую конституцию соперничающему сословию. Рыцарский сословие, как политический орган, полностью отличный от простого военного сословия, теперь впервые получило четкое признание.

Сомнительно, что эта реформа принесла те положительные результаты, на которые рассчитывал Гракх. Если правителями провинций были сенаторы, то сборщиками налогов были всадники. Новые присяжные имели свои личные причины для оправдания коррумпированных магистратов, поскольку без поддержки этих магистратов они не могли требовать от провинциалов денег сверх того, что было строго законно. Устройство этих присяжных стало главной причиной политической борьбы на следующие пятьдесят лет.

(2) Еще одной мерой, ограничившей власть и покровительство сената, был закон Семпрония о распределении консульских провинций. До этого сенат воздерживался от определения этих провинций до окончания выборов, и таким образом у него был готовый способ выразить свое недовольство, распределяя невыгодные правительства консулам, которые ему не нравились. Но Гракх теперь постановил, что две консульские провинции должны быть определены до выборов, и что новые консулы, сразу после избрания, должны согласовать между собой, какими провинциями будет управлять каждый из них, либо по жребию, либо по соглашению (*sortitio* или *comparatio*). Это было мудрое и справедливое положение, которое оставалось в силе до тех пор, пока существовала республика.

(3) Большой удар по власти сенаторов был нанесен мерой по улучшению дорог Италии. До этого все виды общественных работ были оставлены на усмотрение цензоров, при условии одобрения сенатом. Гракх теперь передал эту функцию трибунам.

Этот обзор основных законов Семпрония показывает дух, который вдохновлял Гракха. Очевидно, что его главной целью было уменьшить возросшую и продолжающую расти власть сената. Несомненно, именно путаница между целями и результатами законодательства Семпрония вызвала в последующие времена бурную реакцию против Гракха. Однако ясно, что у него не было шансов исправить коррумпированное правительство сенатской олигархии, если он сначала не ослабил бы их власть; и если он полагал, что административные функции могут быть безопасно контролированы большим и изменчивым народным собранием, то его политическую неопытность можно простить. Представительные органы — это современное изобретение, и самые мудрые из древних не находили середины между аристократией и демократией. Гракх не был лишен опасений относительно последствий своего законодательства. Но было слишком поздно отступить (), и его рвение усилилось с возвращением Фульвия Флакка из Галлии. Своими мерами Гракх завоевал все голоса, так что он и его друг Флакк стали абсолютными хозяевами комиций. Гракх сказал народу, что хочет попросить об одолжении; он предложил в качестве кандидата на консульство К. Фанния, старого товарища своего брата. Фанний был избран, как и следовало ожидать, а Л. Опимий, кандидат от сената, был отвергнут.

[123-121 гг. до н.э.]

Затем последовали выборы трибунов. Флакк, хотя и был консулом, выдвинул свою кандидатуру на должность, которую Гракхи возвели в ранг верховной власти. Но Гракх не был рядом с ним, поскольку по закону один и тот же человек не мог быть переизбран трибуном. Однако кандидатов на десять мест не хватало, и народ, воспользовавшись абсолютным правом выбора, которое в данном случае было разрешено, единогласно

переизбрал Гракха.^[80] Прошло не более семи месяцев его первого года в должности трибуна, и он был уверен в своей власти как минимум на следующие семнадцать месяцев. Теперь он применил всю огромную власть своей должности. Сенат остался бессильным, и Гай Гракх на время стал фактическим правителем империи.

Сразу после переизбрания Гракх выступил с законопроектом о расширении римского гражданства, безусловно, на граждан всех латинских колоний, а вероятно, и на все свободные итальянские общины. Здесь мы узнаем руку Флакка, который во время своего консульства поднял этот важный вопрос и возобновил проект при первой же возможности после своего возвращения.

Трибун народа

Несомненно, что некоторые изменения в этом направлении были необходимы. Принятие латинян и итальянцев в полные граждане привнесло бы свежую кровь в угасающую структуру римского народа; а распространение на всех итальянцев льгот аграрного закона давало реальную надежду на возрождение той выносливой расы мелких землевладельцев, о которой сожалели все римские государственные деятели. Сципион на мгновение убедил сенат заняться этим вопросом, но после восстания в Фрегеллах все мысли о расширении избирательного права были отброшены. Сложность заключалась в том, как оказать благосклонность итальянцам, не вызвав при этом недовольства римских племен. Очевидно, что этот проект по-прежнему был непопулярен в Форуме, поскольку Гракх старался показать, что римский народ и итальянцы имеют одну общую причину для недовольства, а именно тиранию сенаторской олигархии. «На днях, — сказал он им, — магистраты Теанума были раздеты догола и подвергнуты порке, потому что жена консула пожаловалась, что общественные бани там не были должным образом очищены для ее использования. Насколько велика дерзость молодых аристократов, показывает один пример. Один из них ехал по Апулии в носилках, и один крестьянин, встретив носильщиков, спросил, нет ли у них в носилках мертвеца. За эти слова молодой господин приказал избить беднягу до смерти веревками от носилок».

Руководители сената поняли, что предложение о предоставлении италийцам гражданских прав подорвало его популярность в Риме. Консул Фанний, несмотря на то, что Гракх участвовал в его избрании, яростно выступил против этой меры. Он заявил, что вновь вынесет на обсуждение закон Пеннуса об иностранцах и изгонит всех иностранцев из Рима. Вскоре после этого сенат решился на более смелый шаг. Один из новых трибунов, по имени М. Ливий Друз, молодой человек высокого происхождения, богатый, красноречивый, амбициозный и решительный, взялся помешать продвижению своего великого коллеги и наложил вето на закон о предоставлении гражданства латинянам.

Теперь мы должны вернуться к аграрному закону. В целях продвижения этого закона Гай предложил основать колонии в различных частях Италии; Капуя и Тарент были выбраны в качестве первых из этих новых поселений, но здесь он не проявил никаких демократических наклонностей, поскольку гражданам, какими бы бедными они ни были, не выделялись участки земли (), если только они не были уважаемыми людьми, и в каждое место отправлялось лишь небольшое количество колонистов.

Друз не замедлил воспользоваться этими непопулярными положениями. Он решил перебить Гракха, и агент знати стал демагогом. Он предложил основать сразу не менее двенадцати колоний, каждая из которых должна была состоять из трех тысяч семей, выбранных без учета характера. Все эти колонисты должны были владеть своими участками без уплаты ренты. Друз открыто заявлял, что он выдвигает эти предложения в интересах бедных от имени сената, и в значительных выражениях заявлял, что он сам не примет никакой части в чести или вознаграждении, которые могут быть получены от создания этих колоний, в то время как Гракх сам руководил всеми общественными работами, которые он инициировал.

В это время были разработаны планы по распространению итальянской системы колонизации на провинции. В том же году К. Секстий Кальвин, сменивший Флакка на посту проконсула в Галлии, основал город Аква Секстия, который до сих пор называется Экс, в южной Галлии; четыре года спустя Нарбо Мартий, или Нарбон, был основан дальше на запад в той же стране. Но сам Гракх был первым, кто предложил основать колонию за пределами Итальянского полуострова, и местом, которое он выбрал, был Карфаген. План был одобрен сенатом. Новая колония должна была называться Юнония, и было ловко придумано, что сам Гракх, вместе с Флакком и еще одним человеком, должен был стать комиссаром по распределению земель и обозначению границ поселения. Таким образом, грозный трибун и его самый активный сторонник были вынуждены покинуть Рим именно тогда, когда их присутствие было наиболее необходимо для возрождения их падающей популярности.

Комиссары с таким усердием приступили к выполнению своей задачи, что вернулись в Рим как раз к консульским выборам. Безжалостный Опимий снова выдвинул свою кандидатуру, и Гракх приложил все усилия, чтобы реорганизовать свою партию, но тщетно. Настроения народа были сильно отмечены триумфальным избранием Опимия консулом вместе с К. Фабием, сыном старшего брата Сципиона, человеком, лично враждебным Гракху.

Затем последовали выборы трибунов, которые были столь же показательны для настроения народа. Ни Гракх, ни Флакк не были переизбраны. Остаток года прошел действительно спокойно (). Но в начале 121 года до н. э. Опимий стал консулом, и стало очевидно, что опасность близка.

[121 г. до н. э.]

Гракх и его друзья благоразумно воздерживались от любых агрессивных шагов, но, поскольку он не давал повода для преследования, Опимий решил их предпринять. Из новой

колонии в Карфагене пришла весть о том, что она была основана на земле, проклятой Сципионом; гнев богов проявился в том, что волки свалили пограничные столбы. Сенат собрался и по предложению Опимия приказал трибунам созвать собрание племен на Капитолии, чтобы отменить закон о колонизации Карфагена. Место было зловещим, поскольку там был убит Т. Гракх.

В назначенное утро порывистый Флакк появился с большой свитой, вооруженной кинжалами. Гракх следовал за ним со значительной свитой. Флакк горячо обращался к племенам, а Гракх стоял в стороне, в портике храма, где Опимий приносил жертву. Здесь он столкнулся с слугой консула, который нагло оттолкнул Гракха в сторону, крикнув: «Пропустите честных людей!» Гракх бросил гневный взгляд на этого человека, который вскоре упал, пронзенный ножом в сердце неизвестным. Поднялся крик об убийстве, и толпа в панике разбежалась по форуму. Гракх удалился в свой дом на улице Амброзина (), сожалея о необдуманной неосторожности своих последователей. Тем временем тело убитого человека было выставлено на всеобщее обозрение испуганного народа. Сенат вооружил консулов декретом, которым Гракх был объявлен врагом народа, а Опимий ночью занял позицию в храме Кастора, рядом с Форумом. На следующее утро он созвал сенат на специальное заседание, а также послал весть всем, на кого мог положиться, призывая их прийти на Форум вооруженными и привести с собой по два вооруженных раба. С этой силой он занял Капитолий на рассвете и приготовился исполнить волю сената.

Гракх был нерешителен, но Флакк созвал в свой дом всех, кто был готов сопротивляться сенатской власти. Здесь он вооружил их кельтским оружием, которое привез домой из своих галльских походов, и поддержал их мужество обильным употреблением вина. Рано утром он занял сильную позицию на Авентине, где к нему присоединился Гракх, который вздыхал о необходимости применения силы.

Когда сенат собрался, народных лидеров вызвали, чтобы они явились на свои места и объяснили действия предыдущего дня. Они ответили провозглашением свободы всем рабам, которые присоединятся к ним. Ничто не могло лучше показать отчаянный характер, который приняла борьба. Однако прежде чем пролилась кровь, Гракх настоял на попытке переговоров, и был отправлен К. Флакк, красивый восемнадцатилетний юноша, сын бывшего трибуна. Но сенат уже наделил Опимия диктаторскими полномочиями. Единственным ответом консула было то, что лидеры должны явиться перед сенатом и объяснить свое поведение; и когда молодой Квинт вернулся с новым посланием, Опимий арестовал его. Теперь он назначил награду за головы Гракха и Фульвия Флакка и приказал немедленно атаковать Авентин. Под оружие встали самые знатные люди Рима: П. Лентул, глава сената, старый Метелл Македонский и многие другие. Их лидером они избрали не консула, а Л. Юния Брута, завоевателя Испании. Атака началась под прикрытием града стрел, выпущенных отрядом критских лучников. Сопротивление было слабым или вообще отсутствовало. Флакк бежал со своим старшим сыном. Гракх укрылся в храме Дианы, где два верных друга, в , рыцари Помпоний и Лэториус, с трудом удержали его от самоубийства. Под их настойчивым призывом бежать он пал на колени и молил богиню наказать недостойный народ Рима вечным рабством. Затем все трое направились к Порту Тригемина, преследуемые врагами. Помпоний остановился у ворот, чтобы прикрыть побег своего друга через Субликийский мост, и пал, пронзенный множеством ран. Лэториус проявил не меньшую преданность, доблестно сражаясь на мосту, пока не убедился, что Гракх благополучно перебрался на другую сторону, после чего бросился в реку и погиб. Гракх с единственным рабом добрался до Роши Фурий, и здесь обоих нашли мертвыми. Верный раб сначала приставил меч к сердцу своего господина, а затем сам упал на него. Некий Септимулей отрезал голову Гракху и был вознагражден свирепым Опимием весом в золоте.^[81]

Флакк и его старший сын нашли убежище в бане своего друга. Приспешники консула выследили их и угрожали поджечь дом. Владелец, опасаясь за свою собственность, позволил другому раскрыть секрет, хотя сам не решился сказать ни слова. Их вытащили из дома и убили с особым унижением. Красивому юноше, арестованному до начала штурма, позволили покончить с собой.

Множество сторонников Гракха были брошены в тюрьму и казнены без суда. Тибр был завален трупами. Непостоянная толпа грабила их дома без помех. Вдовам и друзьям убитых было запрещено носить траур по консульскому указу. Когда кровавая работа была закончена, город был очищен официальной люстрацией, и консул по приказу сената заложил фундамент храма Конкордии. Под надписью, помещенной на нем Опимием, на следующее утро была найдена другая надпись следующего содержания:

«Работники раздора воздвигают святилище Согласия».

Но никто не осмеливался открыто признаться в дружбе с Гракхами. Сын Гая умер вскоре после этого, и, за исключением Семпронии, вдовы Сципиона, никто из рода не остался. Корнелия удалилась в Мисен, где прожила много лет, скорее не скорбя о потере сыновей, чем с удовольствием вспоминая их деяния. Многие навещали ее в уединении, в основном ученые греки, чтобы услышать историю о смелых реформаторах. Спокойно и величественно она рассказывала эту историю, заявляя, что ее сыновья нашли достойные могилы в храмах богов. Позже на Форуме была установлена ее бронзовая статуя с греческими сандалиями на ногах, которые стали предметом порицания ее прославленного отца. Под ней были высечены только следующие слова: «Корнелии, матери Гракхов».^b

Еще раз процитирую остроумное резюме Бизли о Гае Гракхе из [книги](#) ^c.

«Человек, который является первопроходцем, всегда намного превосходит человека, который подражает, а Гай только следовал за своим братом. Сам сон, который Гай рассказал народу, показывает, что он все еще находился под влиянием своего брата, и его рассказ, наряду с его импульсивной ораторской манерой и его открытым фатализмом, противоречит теории, что Тиберий руководствовался импульсами и чувствами, а он — расчетом и разумом. Но, без сомнения, он извлек пользу из опыта прошлого. Он научился ждать своего часа и считал щедрость напрасной тратой на убийц, которых он поклялся наказать. Чистый в жизни, прекрасно подготовленный к смерти, которую он считал предопределенной для себя, пылающий одной горячей страстью, он взялся за дело своего брата с двойной долей его духа, потому что он больше думал перед действием, потому что он обладал большей природной красноречивостью и потому что, будучи предупрежденным, он был вооружен.

«Несмотря на усилия современных историков, законодательство Гая Гракха по-прежнему трудно понять. Там, где первоисточники противоречат друг другу, как это часто бывает, можно только выдвигать вероятные предположения, и здесь не будет сделано никакой попытки уточнить, какие меры были приняты Гаем во время его первого трибуната, а какие — во время второго. Общий объем и направленность его законодательства достаточно ясны. Оно было направлено на свержение senatorского правительства и на то, чтобы в новом правительстве основная часть исполнительной власти принадлежала купеческому классу, а основная часть законодательной власти — итальянцам. Таковы были его непосредственные цели. Вероятно, он намеревался держать все нити, которые он таким образом запустил, в своих руках, чтобы фактически быть монархом Рима. Но никто не может сказать, действительно ли он задумывал монархию и, выходя за рамки своих собственных потребностей, представлял себе преемника, который в будущем унаследует установленную им власть. В таких грандиозных планах, наверное, многое было лишь предположительным. Но если бы он остался в живых и сохранил свое влияние, можно быть уверенным, что империя была бы основана на столетие раньше, чем это произошло.»^c

Джордж Лонг^d говорит: «Мы можем оправдать Гракхов от римского порока алчности, но не от неправильно направленной амбиции. Их целью было не обогащение себя, а уничтожение власти оптиматов путем возбуждения против них народа и использования его голосов для совершения революции. Но эта народная агитация усугубила уже существующее зло. Гракхи использовали голоса народа для своих целей, как и аристократы долгое время использовали их для своих целей. Под лозунгом общественного интереса люди с обеих сторон преследовали свои собственные интересы».

СНОСКИ

[74] [Число сыновей, имевших право владеть общественной собственностью, было два].

[75] [Джордж Лонг^d защищает их подлинность, говоря: «Критики, чьи глаза настолько остры, что они не могут видеть то, что находится перед ними, и видят то, чего нет, говорят нам, что эти фрагменты являются риторическими выдумками. Однако речи Гракха читались во времена Цицерона и позднее; и вполне разумно предположить, что Аппиан и Плутарх использовали эти речи, так же как и предположить, что они придумали речи или скопировали их у тех, кто их придумал. Речи похожи на подлинные».

[76] [Сложность первого из предложенных здесь вариантов заключается в том, что, по всей вероятности, Октавий наложил бы вето на любое предложение о реформе. Вторым вариантом был невыполним, поскольку Тиберий по конституции не имел права на переизбрание. Сомнительно, существовали ли какие-либо конституционные средства реформы.]

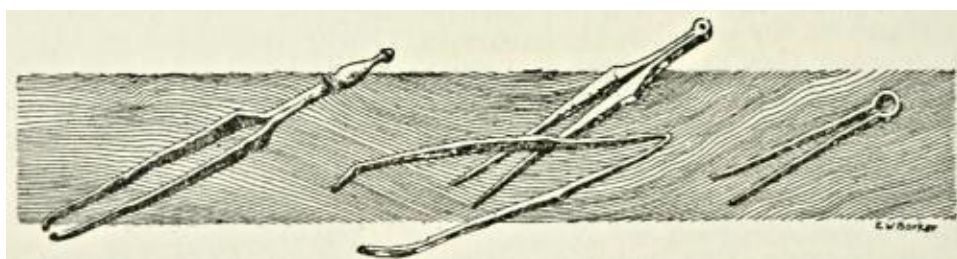
[77] Пизон, другой консул, был занят подавлением рабского восстания в Сицилии.

[78] [Джордж Лонг^d сомневается в этом, утверждая, что Гай все еще находился в Испании.]

[79] [Сейчас общепризнанно, что различные классы бедных людей должны поддерживаться государством; вопрос в том, были ли римляне правы, поддерживая столь многих и таким образом.]

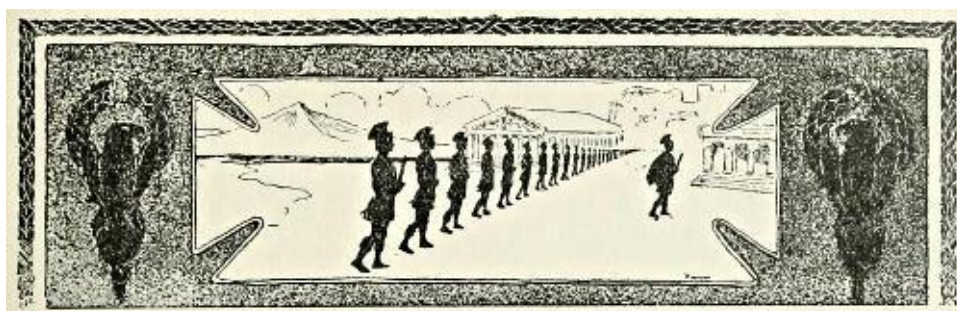
[80] [Аппиан,^a авторитетный источник по этому вопросу, скорее всего, имеет в виду, что до трибунства Гая был принят закон, разрешающий переизбрание трибуна в случае отсутствия кандидатов.]

[81] [«Это, — говорит Лонг,^d — первый случай в римской истории, когда была предложена и выплачена награда за голову, но это был не последний случай».]

РИМСКИЕ ПИНЦЕТЫ

(В Британском музее)

ГЛАВА XVI. ЮГУРТИНСКАЯ И ДРУГИЕ ВОЙНЫ

[123-112 гг. до н. э.]

Жестокие времена, последовавшие за этим, заставили лучших людей обеих партий сожалеть о безвременной кончине тех, кто пожертвовал богатством, званием, спокойствием в надежде реформировать государство мирными методами. Но Марий был не самым худшим из преемников Гракхов. Партийные распри, последовавшие за этим, были настолько жестокими, что добрые люди в отчаянии отступили от дела реформ, а руководство народной партией было передано нуждающимся демагогам. Таков обычный ход революций.

Они начинаются с благородных устремлений; они заканчиваются безрассудным насилием. В конце концов, общественный дух теряется, и все люди, вздыхая о спокойствии, ищут его в сильном правлении вооруженного солдата. Это трижды рассказанная история.

Как убийство Тиберия было отомщено Насике, так и теперь нашёлся трибун, достаточно смелый, чтобы предъявить обвинение Опимию. Обвинитель носил почётное имя Деций; защитником был Карбо, который был более чем подозреваемый в убийстве Сципиона и который теперь был консулом (120 г. до н. э.); его красноречие и царивший террор обеспечили оправдание. Но Карбо, хотя и заслужил благодарность знати, защитив их чемпиона, не смог использовать свою красноречивость для защиты себя самого. В то время молодые римляне, стремившиеся к славе, привлекали к себе внимание публики, обвиняя перед народом какого-нибудь крупного преступника. Л. Лициний Красс, сын понтифика Красса и зять Г. Гракха, хотя ему было всего двадцать один год, чувствовал в себе ту силу слова, которая впоследствии принесла ему прозвище оратора, и он выбрал Карбо для нападения. Нападки молодого обвинителя были настолько яростными, что Карбо покончил с собой, приняв яд.

Вероятно, знать мало заботилась о жизни никчемного отступника. Лучшие люди в сенате, действительно, сожалели о том, что считали необходимым взять в руки оружие против Гракха. Первым среди них был старый Метелл Македонский, который умер, покрытый почестями и прожив долгую жизнь, через семь лет после смерти К. Гракха. Он оставил четырех сыновей. До его смерти трое из них были консулами; четвертый был кандидатом в консулы после смерти отца; но его два племянника, сыновья его брата Кальва, были более выдающимися, чем его собственные дети. Младший Квинт, под титулом Нумидик, вскоре стал самым выдающимся человеком в рядах знати. За двадцать лет Метеллы занимали шесть консульских постов и четыре цензорских, помимо пяти триумфов. Такое скопление почестей в одной семье было беспрецедентным. Худшим недостатком Метеллов была гордость, но если они и не были любимы, то, по крайней мере, уважаемы народом.

Человеком, сыгравшим важную роль в событиях последующих лет, был М. Эмилий Скавр, личность весьма сомнительного характера. Гораций упоминает его в одном ряду с величайшими людьми древности; Саллюстий представляет его как человека, опозорившего свои высокие качества чрезмерной любовью к деньгам. Факты, которые мы должны будем зафиксировать, покажут, что в молодости он был заражен коррупцией своих сверстников, а в зрелом возрасте его благоразумие было настолько велико, что он отстаивал свои принципы. Он родился в 163 году до н. э., так что к моменту падения К. Гракха он достиг зрелого возраста, необходимого для консульства. Хотя он принадлежал к великому патрицианскому роду, его семья была настолько малоизвестна, что его считали новичком. Его отец был торговцем древесным углем и оставил сына настолько бедным, что будущий правитель империи в одно время подумывал заняться торговлей обменщиком. Но его поддержали в решении попробовать свои силы в политической жизни, и в 115 г. до н. э. он стал консулом. Благодаря своим способностям и рассудительности он завоевал такое доверие сената, что при первой же вакансии был назначен принцем. Он был человеком, которого скорее чувствовали, чем видели. Его ораторскому искусству не хватало пламени, но его деловые таланты и ловкость в управлении партиями сделали его самым важным человеком в политике со времени падения Гракха до восхождения Суллы.

Более осторожные или более строгие сенаторы полагали, что реформу государства можно предотвратить путем реформирования нравов. Но тщетно. Дело Югурфы полностью раскрыло продажность и коррумпированность доминирующих государственных деятелей.

Мы мало говорили о войнах Рима после падения Нуманции и окончания рабских войн. Они не были значительными. Царство Пергама стало десятой провинцией. Старший сын

старого Метелла получил титул Балеарикус за покорение Балеарских островов (121 г. до н. э.); его старший племянник получил титул Далматикус за подавление восстания далматинцев (117 г. до н. э.).

Больше внимания привлекали войны на юге Галлии, которые имели более долгосрочные последствия. Успех Фульвия Флакка, друга Гракхов, в обороне Марсея уже был отмечен. Г. Секстий, сменивший Флакка в 123 г. до н. э., закрепил свои завоевания, основав колонию Аква Секстия, которая под названием Экс до сих пор привлекает туристов своими горячими источниками. Эти завоевания привели римлян в контакт с аллоброгами, проживавшими между Роной и Изером; и этот народ бросился под защиту Битюита, вождя арвернов (Овернь). К. Фабий, пока Опимий разгромил Г. Гракха, пересек Изер. Затем последовала отчаянная битва, в которой проконсул с 30 000 человек, как говорят, настолько полностью разгромил 200 000 галлов, что в сражении и преследовании пало не менее 130 000 человек. Фабий страдал от четвертной лихорадки, но в пылу сражения избавился от своей болезни. Он принял титул Алоброгикус с большим правом, чем многие, кто был удостоен этих национальных прозвищ. Война теперь перенеслась на территорию арвернов, и великие триумфы Цезаря могли быть предвосхищены некоторыми сенаторскими полководцами, когда она внезапно закончилась. На северо-восточной границе Галлии появился враг, грозный как для римлян, так и для галлов, который несколько лет спустя стал известен под страшными именами кимбров и тевтонов и угрожал захватить всю южную Европу. Но обстоятельства на время отсрочили конфликт между Италией и этими варварскими ордами, и на данный момент власть Рима была прочно установлена в южной части Галлии, между Альпами и Пиренеями, в районе, который до сих пор сохраняет свое римское название «провинция» во французской Провансе. Все северное побережье Средиземного моря, от Геркулесовых столбов до Сирии, теперь принадлежало Риму.^b

ЮГУРТОВСКАЯ ВОЙНА

Жалкая неэффективность и полная бесполезность римского правительства были особенно заметны в Югуртинской войне, которая интересна именно этим, а не своим масштабом или опасным характером.

Масинисса, известный нам как царь Нумидии, умер в 148 году и оставил управление своим царством в общее владение своим трем сыновьям: Миципсе, Гулуссе и Мастанабалу. Смерть последних двух последовала вскоре после этого, и Миципса, старший, остался править один. Он был слабым, склонным к миру стариком, который предпочитал посвятить себя греческой философии; и, поскольку его два сына, Адербал и Хиempсал, еще не достигли совершеннолетия, он передал управление своему племяннику Югурту, внебрачному сыну Мастанабала. Югурта был великолепным человеком, смелым и талантливым, хорошо разбирался во всех военных искусствах и пользовался большим уважением у нумидийцев.

Как вождь нумидийских вспомогательных войск в Нумантийской войне, он отличился в армии Сципиона своей храбростью и завоевал много друзей среди известных римлян. Вернувшись домой, он принес Миципсе письмо от Сципиона, в котором тот поздравляет Миципсу с его доблестным племянником, который, как он заявляет, снискал любовь всех римлян своими заслугами. Миципса теперь начал опасаться, что этот юноша, пользующийся такой высокой популярностью как у римлян, так и у нумидийцев, может стать опасным для его собственных двух сыновей. Поэтому он счел лучшим умиловить его благодеяниями; он усыновил его и в своем завещании распорядился, чтобы Югурта разделил его царство с его сыновьями.

Миципса умер в 118 году. Едва закрылись его глаза, как его два сына, не желая делить с Югуртой его долю в царстве, поссорились с ним, так что идея совместного правления казалась уже невыполнимой.

Но прежде чем удалось договориться о разделе царства и сокровищ, Югурта, разгневанный резкими словами, которые Химпсал произнес в порыве ярости, устроил нападение на Химпсала в его доме и убил его. Затем он начал войну против Адхербала, намереваясь получить власть над всем царством. Адербал, изгнанный из царства, бежал в Рим, где подал жалобу в сенат, который взял на себя обязанность выполнить положения завещания Миципсы. Югурта оценил настроения римлян еще до Нуманции; теперь он послал в Рим посольство с большим количеством денег, и это вскоре убедило тех, кто только что отстаивал дело Адербала, в несправедливости его жалобы.

Югурта был объявлен невиновным; Адербал сам начал войну, а его брат был убит своими же сторонниками из-за жестокого обращения с ними. Римский сенат был вполне готов передать все царство щедрому Югурту, но доказательства подкупа были слишком весомы. Поэтому, чтобы скандал не стал слишком вопиющим, лидеры сената решили отправить в Нумидию комиссию из десяти человек, которая должна была поделить королевство поровну между двумя претендентами. Во главе комиссии был поставлен Л. Опимий, победитель Г. Гракха (), и ни он, ни другие члены комиссии не упустили возможности извлечь из этого случая выгоду для себя.

В обмен на деньги Югурфы было решено, что западная половина Нумидии, плодородная и густонаселенная, достанется ему, а Адербалу будет отведена восточная часть, состоящая в основном из песчаных пустынь. Югурта не был доволен этой половиной. Воодушевленный своими предыдущими успехами, он вторгся на территорию Адербала, стремясь к грабежу и надеясь, что Адербал в отместку нападет на него на его собственной территории, что даст ему повод отнять у него земли.

Однако, поскольку Адербал довольствовался жалобами в Рим, он начал войну без повода. Он вторгся на территорию Адербала во главе большого войска и, застав его врасплох ночным нападением возле Цирты (ныне Константин), нанес ему полное поражение. Адербал с несколькими всадниками укрылся в столице. В то время как Югурта осаждал город, а многочисленные итальянцы, проживавшие в нем, защищали его, появились посланцы из Рима, которые были назначены для приема первых жалоб Адербала. Они потребовали, чтобы Югурта прекратил войну и принял их посредничество. Послы были молодыми людьми, которые не произвели большого впечатления на царя; он отклонил их требование, и осада продолжалась с удвоенной силой, причем римский сенат, по-видимому, не проявлял дальнейшего интереса к этому делу.

Только после пяти месяцев осады, когда Адхербал направил в Рим новое обращение с просьбой о срочной помощи, указав, что агрессия Югурфы затрагивает не только его, но и римский народ, было принято решение. Однако они не приняли решение, как того требовала честь государства, и меньшинство настаивало на объявлении войны, но они направили новое посольство, состоящее из людей, пользующихся наивысшим уважением. Во главе его стоял М. Эмилий Скаур, в то время самый уважаемый и влиятельный человек в Риме, но не лучший из всех, а лишь обладающий большим обаянием и опытом в искусстве скрывать свою внутреннюю порочность под маской достоинства и благородства.

Югурта явился в Утику по приглашению Скавра; после долгих консультаций посольство уехало, не добившись ничего и не объявив войны. Почтенный Скавр и его достойные товарищи также позволили себе дать подкупить. Осада Цирты продолжалась до тех пор,

пока Адербал, под давлением итальянских купцов, поселившихся в городе и считавших свою жизнь в безопасности, не сдался на условия, что его жизнь и жизнь гарнизона будут пощажены.

Едва была завершена капитуляция, как Югурта приказал замучить до смерти Адербала, а жителей, африканцев и итальянцев, убить. Это чудовищное преступление варварского царя, которое было бы невозможно без слабости и позорной продажности римского правительства, вызвало бурю возмущения по всей Италии. В Риме народ требовал войны и громко осуждал сенат, который так постыдно пожертвовал честью государства и жизнями стольких итальянских граждан. Тем не менее сенат все еще колебался, поддаться ли гневу народа и объявить войну Югурфе. Только когда К. Меммий — человек действия и красноречия, избранный на следующий год народным трибуном — публично пригрозил, что в качестве трибуна он привлечет виновных к ответственности, сенат испугался, уступил и объявил войну (112).

[112-111 гг. до н. э.]

Консул Л. Кальпурний Бестия взял на себя руководство войной, и с большим энтузиазмом были проведены приготовления; сам Скаур отправился с войсками в качестве легата (). Бестия продвинулся вглубь Нумидии, и удача была на его стороне, так что Югурта потерял мужество и попросил о приостановке военных действий. Во время переговоров Югурта подкупил Скавра, а через него и консула, так что дело было улажено. Югурта должен был предаться на милость своего завоевателя, а римский отступник, в обмен на незначительную сумму денег и нескольких слонов, должен был дать ему свободу и оставить его в неограниченном владении своим царством.

Когда об этой сделке стало известно в Риме, Г. Меммий, теперь трибун, настоял на судебном расследовании и на вызове Югурты перед собранием римского народа, чтобы он мог дать информацию о доле, которую каждая из разных сторон приняла в мирной конференции. «Если царь действительно сдался без условий, — сказал он, — он не откажется явиться; если он откажется, вы сможете понять из этого факта природу этого мира и этой капитуляции, которые принесли Югурфе амнистию за его преступления, небольшому числу наших знатных людей чрезмерные богатства, а нашей родине позор и бесчестье». Об этом живописном событии мы можем узнать из оригинального источника — сочинений Саллюстия.

РАССКАЗ САЛЛУСТИЯ О ЮГУРТЕ В РИМЕ

[111-110 гг. до н. э.]

В ходе этих событий в Риме те, кого Бестия оставил в Нумидии во главе армии, следуя примеру своего полководца, совершили множество скандальных поступков. Некоторые, соблазненные золотом, вернули Югурту его слонов; другие продали ему его дезертиров; третьи опустошили земли тех, кто был с нами в мире; такой сильный дух алчности, подобно заразе чумы, проник в сердца всех.

Когда мера, предложенная Меммием, была принята, и все знатные люди были в смятении, Кассий отправился с миссией к Югурфе, которого, встревоженного и отчаявшегося из-за своей судьбы, он, испытывая чувство вины, увещевал: «Поскольку ты сдался римлянам, тебе лучше испытать их милосердие, чем их силу». Он также дал свое слово, которое Югурта ценил не меньше, чем слово публичное, в обеспечение его безопасности. Такова была в то время репутация Кассия.

Югурта, соответственно, сопровождал Кассия в Рим, но без каких-либо признаков королевской власти и в одежде, насколько это было возможно, просителя; и, хотя он сам чувствовал большую уверенность и был поддержан всеми, чьей властью или подлостью он осуществил свои планы, он купил огромной взяткой помощь Гая Вебия, народного трибуна, чьей смелостью он надеялся защититься от закона и от всякого вреда.

Было созвано народное собрание, и Меммий, хотя народ был в ярости на Югурту (одни требовали, чтобы его бросили в тюрьму, другие — чтобы, если он не назовет своих сообщников, его казнили, согласно обычаю их предков, как врага народа), тем не менее, учитывая скорее их характер, чем их негодование, пытался успокоить их буйство и смягчить их ярость; и заверил их, что, насколько это зависит от него, общественное доверие не будет нарушено. Наконец, когда наступила тишина, он вывел Югурту и обратился к ним. Он подробно рассказал о злодеяниях Югурты в Риме и Нумидии, изложил его преступления по отношению к отцу и братьям и предупредил принца, что «римский народ, хотя и хорошо знает, чьей поддержкой и посредничеством он действовал, тем не менее желает получить от него самого дополнительные показания; что, если он раскроет правду, у него будет большая надежда на честь и милосердие римлян; но если он ее скроет, то он, безусловно, не спасет своих сообщников, а навсегда погубит себя и свои надежды».

Но когда Меммий закончил свою речь и от Югурфы ждали ответа, Гай Вебий, трибун народа, о котором я только что упомянул как о подкупленном, приказал князю молчать; и хотя собравшиеся были в ярости и пытались запугать трибуна криками, гневными взглядами, жестами и всеми другими проявлениями гнева, его дерзость в конце концов восторжествовала. Народ, осмеянный и униженный, покинул место собрания, а уверенность Югурты, Бестии и других, которых это расследование привело в тревогу, значительно возросла.

В это время в Риме находился некий нумидиец по имени Массива, сын Гулуссы и внук Масиниссы, который, будучи противником Югурфы в раздорах между князьями, был вынужден после сдачи Кирты и убийства Адербала бежать из Африки. Спурий Альбин, который был консулом вместе с Квинтом Минуцием Руфом в год после Бестии, убедил этого человека, поскольку он был из рода Масиниссы и поскольку Югурта был окружен ненавистью и страхом за свои преступления, обратиться к сенату с просьбой о предоставлении ему королевства Нумидия. Альбин, жаждущий вести войну, хотел, чтобы дела были в беспорядке, а не погрузились в спокойствие, тем более что при разделе провинций Нумидия досталась ему, а Македония — Минуцию.

Богиня Рома

(по мотивам «Надежды»)

Когда Массива приступил к осуществлению этих предложений, Югурта, обнаружив, что у него нет достаточной поддержки со стороны друзей, поскольку чувство вины удерживало одних, а злые слухи или робость — других от того, чтобы выступить в его защиту, поручил Бомилькару, своему самому преданному и верному стороннику, с помощью денег, с помощью которых он уже столького добился, нанять убийц, чтобы убить Массиву; и сделать это тайно, если возможно, а если тайна была невозможна, то убить его любым способом. Бомилкар быстро нашел способ выполнить это поручение и с помощью людей, опытных в таких делах, выяснил направление его путешествий, время его выхода из дома и время, когда он посещал определенные места, и, когда все было готово, устроил засаду с убийцами. Один из них набросился на Массиву, хотя и слишком неосторожно, и убил его; но, будучи сам пойман, он по настоянию многих, и особенно консула Альбина, дал полные признательные показания. Бомилкар был соответственно передан суду, хотя скорее на основании принципов разума и справедливости, чем в соответствии с международным правом, поскольку он находился в свите человека, прибывшего в Рим с залогом публичного обещания о его безопасности. Но Югурта, хотя и был явно виновен в преступлении, не переставал бороться против правды, пока не понял, что позор этого деяния слишком велик для его интересов и денег. По этой причине, хотя в начале судебного разбирательства он дал пятьдесят своих друзей в качестве поручителей за Бомилкара, тем не менее, думая больше о своем королевстве, чем о поручителях, он тайно отправил его в Нумидию, поскольку боялся, что если такой человек будет казнен, его другие подданные перестанут ему подчиняться. Через несколько дней он сам уехал, получив от сената приказ покинуть Италию. Но, как говорят, когда он уезжал из Рима, он часто оглядывался на него в молчании и наконец воскликнул: «Это продажный город, и он скоро погибнет, если только найдется покупатель!»^[82]

ВОЙНА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Война, соответственно, возобновилась. Командование принял на себя Спурий Постумий Альбин. Но африканские войска были настолько деморализованы, что с ними ничего нельзя было поделать, к тому же Альбин поддался на взятку. В течение всего лета ничего не предпринималось. Однако когда консул отправился в Рим, где его присутствие требовалось для выборов консулов на следующий год, и передал командование своему брату Аулу Постумию, тот, будучи безрассудным и некомпетентным человеком, попытался использовать этот короткий перерыв для собственной славы и обогащения. В середине зимы он двинулся вглубь Нумидии, намереваясь захватить врасплох и разрушить неприступную крепость Сутул, где Югурта хранил свои сокровища. Все шло хорошо, пока он не подошел к городу, но, не сумев его взять, он преследовал Югурту, который заманил его в неизвестные части страны и внезапно, в одну бурную ночь, подкупив некоторых римских офицеров и солдат, напал на него в его лагере. Римляне бежали, в основном без оружия, и укрылись на соседнем холме, где были окружены. Их вождю не оставалось ничего другого, как сдаться на условиях, диктованных Югуртой: «Римская армия должна уйти под ярмо и покинуть Нумидию; мирный договор, аннулированный сенатом, должен вновь вступить в силу».

Позор не мог быть больше. В Риме недовольство народа уже не могло сдерживаться. В соответствии с предложением народного трибуна Г. Мамилиа Лиметама было начато судебное расследование всех тех, по чьей вине Югурта смог бросить вызов сенату, а также генералов и послов, которые брали у него деньги. Была созвана чрезвычайная следственная комиссия, и Кальпурний Бестия, Спурий Альбин, Л. Опимий, который был особенно ненавистен народу, а также несколько менее известных людей были приговорены к изгнанию.

Хитрый негодяй Эмилий Скаур остался безнаказанным; он сумел добиться того, что был избран в состав комиссии по расследованию. Мирный договор Аула Постумия был, естественно, объявлен недействительным, и война возобновилась. Чтобы полностью положить конец этому позору, командование было передано К. Цецилию Метеллу, консулу 109 года, еще одному, безусловно, жесткому и безжалостному патрицию, но одному из немногих в правительстве, недоступному для взяток и известному как опытный и благоразумный полководец.

МЕТЕЛЛУС У ВЛАСТИ

[109 г. до н. э.]

В сопровождении таких способных лейтенантов, как Г. Марий и П. Рутилий Руф, он прибыл в Африку в 109 году, но обнаружил, что армия находится в таком состоянии деморализации и смятения, что ему потребовалось больше времени, чтобы восстановить в ней дисциплину и с помощью жестких мер сделать ее пригодной для службы. Когда он вступил в Нумидию, Югурта быстро понял, что ситуация изменилась, и неоднократно предлагал Метеллу свою капитуляцию, требуя лишь гарантий для своей жизни. Но Метелл намеревался закончить войну только одним способом — казнью Югурты, и во время переговоров не стеснялся пытаться убедить слуг царя выдать своего господина живым или мертвым в его руки. Когда Югурта понял намерения римлян, он прервал переговоры и приготовился к отчаянному сопротивлению.

Во время своего похода вглубь Нумидии Метелл пересек цепь бесплодных гор, по другую сторону которых протекала река Мутул, в широкой равнине, в нескольких милях от гор; от

гор до реки равнину пересекала косо низкая цепь частично покрытых лесом холмов. На этих холмах Югурта разместил свои войска, разделенные на две части, чтобы застать римлян врасплох. Одна часть под командованием Бомилкара ждала у реки, но более крупная часть под командованием самого Югурты была засажена ближе к горам.

Выбор места и способ, которым он расположил свои войска, свидетельствовали о военном таланте царя. Метелл не мог оставаться на горах; он должен был попытаться добраться до реки через безводную равнину. Поэтому он послал часть своих войск под командованием легата Руфа по прямой линии к реке, чтобы разбить там лагерь; сам же он с остальной частью армии двинулся через равнину к линии холмов справа, намереваясь вытеснить врага с его позиций. Но едва он спустился на равнину, как был атакован со всех сторон людьми Югурты и не смог продвинуться дальше. В то же время Бомилкар бросился на войска под командованием Руфа. В обоих местах римляне подверглись жестокому нападению, и исход сражения долго оставался неопределенным; в конце концов, умение и выносливость римских пехотинцев одержали победу. Когда Метелл и Марий с частью своих войск достигли подножия горной цепи и приготовились штурмовать удерживаемые врагом высоты, последний бежал, практически не оказывая сопротивления. Тем временем Руф также одержал победу, и так, поздно вечером, две дивизии римской армии встретились в славе победы.

После этой битвы при Мутуле Югурта распустил большую часть своих войск и ограничился партизанской войной. Ведя стычки вокруг Нумидии, везде, где римляне опустошали страну и разрушали города, он всячески преследовал и досаждал им. С приближением зимы Метелл, чтобы облегчить сбор провианта, отвёл свои войска в римские провинции, и Югурта вновь выступил с предложениями о мире. Метелл заявил о своей готовности пойти на уступки. Прежде всего он потребовал сдачи слонов, части лошадей и оружия, а также трехсот заложников; кроме того, он потребовал сдать трех тысяч римских дезертиров, которые должны были быть казнены. Затем он потребовал двести тысяч фунтов серебра, и его требование было согласовано с королем; но когда Метелл в конце концов потребовал, чтобы сам король стал его пленником, Югурта прервал переговоры.

В то же время Бомилкар, самый доверенный друг Югурфы, который принимал активное участие в переговорах, был тайно подкуплен Метеллом, чтобы выдать короля в его руки живым или мертвым. Бомилкар, возможно, опасался, что в случае заключения мира Югурфа выдаст его римлянам как убийцу Массивы, и поэтому был готов предать своего господина, если Метелл гарантировал ему собственную безопасность. Но Югурта раскрыл заговор и казнил Бомилкара. Война продолжалась.

[109-108 гг. до н. э.]

Югурта, хотя и ослабленный, не исчерпал всех своих ресурсов. В этой стране, изрезанной пустынями и окруженной ими, он мог долго вести войну, тем более что не только его собственные подданные, но и свободные соседние народы были его восторженными последователями, поклоняющимися герою, который так храбро и успешно защищал свою родину от ненавистных врагов.

Когда в 108 году Метелл вновь начал кампанию и вступил с Югуртой в сражение, Югурта бежал далеко на юг, к границам великой пустыни, где в оазисе находился укрепленный город под названием Тала. Здесь он укрылся со своими детьми, сокровищами и лучшими войсками; между ним и преследовавшим его врагом лежала засушливая пустыня шириной в десять миль. Тем не менее Метелл прошел через пустыню, взяв с собой воду для своих людей в мешках, и после сорока дней осады взял Талу. Но ему не удалось поймать Югурту; в критический момент он сбежал со своими детьми и сокровищами. Он бежал через район к

югу от горы Атлас — в современный Белидулгерид — и призвал проживавшие там племена взять в руки оружие против национального врага.

Он вернулся в свое королевство с войском, состоящим из гатулов, и еще более укрепленным новым союзником — королем Бокхом из Мавретании, его тестем, который после долгих колебаний наконец решил объединиться с ним против римлян. Оба монарха привели свои войска в окрестности Цирты, которая тогда находилась в руках римлян, и Метелл выступил им навстречу. Но ничего решающего не произошло, поскольку тем временем Метелл получил из Рима известие, что его бывший легионер Марий был избран консулом на 107 год и получил от народа главнокомандование в Африке, в связи с чем все военные действия были приостановлены.

МАРИЙ ВЫСТУПАЕТ В КАЧЕСТВЕ КОМАНДУЮЩЕГО

[108-107 гг. до н.э.]

Гай Марий, который в последующие несколько лет сыграл столь заметную роль в римской истории, был человеком низкого происхождения, сыном латинского крестьянина из деревни Цереаты, недалеко от Арпина. Он не имел высшего образования. По сути, он был солдатом, обладавшим врожденными способностями к войне. В возрасте всего двадцати двух лет он отличился в армии Сципиона Эмилиана в Нуманции своей храбростью и солдатским поведением. Амбиции привели его на службу государству. В 119 году, при поддержке влиятельного Метелла, он стал народным трибуном и в то время, проявив большую решимость и военную энергичность, продвинул закон, направленный против знати, касающийся взяточничества и мошеннического приобретения должностей. Когда консул Котта убедил сенат выступить против закона и призвать Мария к ответу, последний явился в сенат и пригрозил силой заключить Котту в тюрьму, если тот не откажется от своего решения. Котта обратился за помощью к своему коллеге-консулу Л. Цецилию Метеллу, и когда тот согласился с Коттой, Марий приказал своему слуге отвести Метелла в тюрьму. Поскольку ни один трибун не заступился за Метелла, сенат уступил, и закон вступил в силу.

С того времени Марий завоевал расположение народа, но знать, где только могла, противодействовала амбициозному сопернику и, как сообщают « », сумела победить его, когда он баллотировался на курульную кафедру, а затем, когда он стремился к должности плебейского эдила. В 115 году ему удалось получить преторскую должность, но с величайшим трудом.

Марий остался легатом К. Метелла в Югуртинской войне из-за возможностей проявить себя в военных действиях. Он помог Метеллу восстановить военную дисциплину и одержать победу под римским знаменем. Его мужество и знание военного дела, хитрость и бесстрашие, а также строгая военная дисциплина были повсеместно прославлены; он завоевал любовь простых солдат, разделяя с ними все их лишения и трудности. После битвы при Мутуле, где он особенно отличился, его хвалили все, и солдаты писали домой, что война не закончится, пока Марий не станет консулом и главнокомандующим. Это раздражало Метелла, и, по-видимому, между этими двумя гордыми людьми возникли значительные трения. Когда Марий попросил у главнокомандующего отпуск, чтобы поехать в Рим и подать заявку на консульство, Метелл с гордостью своего звания раздражал его вопросом: «Разве ты не будешь доволен, если станешь консулом вместе с моим сыном?» Сыну Метелла тогда было двадцать два года.

Метелл дал Марию отпуск только за двенадцать дней до выборов консулов, но Марий проделал весь путь от лагеря до Утики за два дня и одну ночь, а из Утики он прибыл в Рим за четыре дня. В своей заявке на консульство он не постеснялся пренебрежительно отозваться о ведении войны Метеллом и намекнул, что тот намеренно затягивает борьбу, чтобы дольше оставаться у власти; он пообещал, что даже с половиной войск в короткие сроки доставит Югурту, живого или мертвого, в руки римлян. Народ рассматривал выборы как партийный вопрос, и Марий, как один из них, был избран консулом единодушным голосованием, и ведение Африканской войны перешло в его руки. Это был, после долгого перерыва, еще один случай, когда *homo novus* достиг консульства — естественно, к большому раздражению знати, которая, однако, не могла ничего сделать против воли народа, возбужденного идеей, что после долгого угнетения он нашел в Марии своего вождя и лидера.

[107-104 гг. до н.э.]

Марий использовал время до своего отправления на войну, чтобы всячески раздражать народ против правления знати. «Высокомерные аристократы, — говорил он, — провели свою молодость в роскоши и развлечениях; затем, когда их избирали на должность генерала, они спешили почерпнуть из греческих книг некоторую информацию о военном искусстве. Пусть народ оставит их в покое и выберет своих полководцев из людей, закаленных жарой и холодом, всеми невзгодами, которые вместо портретов предков могут продемонстрировать почетные раны и следы сражений».

При наборе войск, которые он должен был вести в Африку, он выбирал своих людей вразрез с принятой системой — из низших слоев народа, так называемого пролетариата. Благодаря этой инновации он, во всяком случае, приобрел ряд преданных сторонников, но он понизил тон армии, дав мечи в руки людям без дома и имущества, которые искали выгоды в войне и были более заинтересованы в служении своему генералу, чем своей стране.

Когда Марий прибыл в Африку, он получил свою армию из рук легата Руфа; Метелл, разъяренный, уже уехал, чтобы избежать соперника, который должен был занять его место. Он продолжил войну и был благословлен удачей, хотя и не закончил ее сразу, как обещал.

Он разграбил и опустошил всю Нумидийскую страну, а те города, которые еще не были укреплены гарнизонами, он заставил подчиниться; он затмил экспедицию, которую Метелл провел против Талы, еще более смелой и умело проведенной кампанией против Капсы, укрепленного города южнее; взял скалистую крепость на реке Мулуча на границе Нумидии и Мавритании и победил двух противостоявших ему королей одного за другим в кровопролитных сражениях. Но о конце войны не могло быть и речи, пока Югурта не оказался в руках римлян. Это наконец удалось в начале 106 года.

Римский полководец

Царь Бокх, унылый после потерпевших поражений, мечтал о мире и дружбе с Римом и в тайных переговорах вероломно обещал выдать своего зятя Югурту Марию. Он хотел, чтобы Л. Сулла, квестор Мария и его фаворит, был уполномочен работать с ним и захватить Югурту; и Сулла имел достаточно мужества и решимости, чтобы довериться этому неизвестному человеку, чьи намерения еще не были понятны.

В сопровождении сына Бокха он отправился в опасное путешествие и смело проехал прямо через лагерь Югурты. Ему пришлось убедить Бокха конкретными и подробными предложениями заключить договор с Римом. Бокх заманил Югурту в засаду и взял в плен под предлогом устранения его с пути Суллы. «Так пал великий предатель от рук своих ближайших соратников». Его вместе с детьми доставили в лагерь Мария, и на этом война закончилась.

Марий остался в Африке до следующего года, чтобы установить там новый порядок вещей. Нумидия по-прежнему считалась королевством, но новый король Гауда, сводный брат Югуртины () и последний потомок Масиниссы, был вынужден уступить западную часть Бокху. Нумидия не была преобразована в римскую провинцию, поскольку для защиты границы от орд пустынь всегда требовалась значительная постоянная армия римских солдат.^с

Иппон^е говорит, что римляне были «столь же неблагодарны и несправедливы по отношению к нему, как и к Ганнибалу, Персею и всем своим великим врагам. В целом он вызывает меньше отвращения, чем Метелл, Марий, Сулла или негодяи, которые брали его взятки».

Плутарх с ужасающей энергией описывает последние дни Югурфы.

ПЛУТАРХ О СМЕРТИ ЮГУРФЫ

«Марий, вернув свою армию из Ливии в Италию, вступил в должность консула первого дня января (в этот день римляне начинают свой [второй] год) 104 года и вместе с тем совершил триумф в Риме (), показав римлянам то, что они никогда не думали увидеть: пленного царя Югурту, который был таким хитрым человеком, так хорошо умел приспосабливаться к обстоятельствам и, помимо всего прочего, обладал таким мужеством, что ни один из его врагов не надеялся увидеть его живым. Но говорят, что после того, как его провели в триумфе, он сразу же сошел с ума. И когда торжественная церемония закончилась, его отвели в тюрьму, где сержанты, спеша ограбить его, силой сорвали с него одежду; а чтобы забрать его богатые золотые серьги, висевшие у него на ушах, они оторвали вместе с ними кончики его ушей, а затем бросили его обнаженным на дно глубокой темницы, когда он был уже совершенно в смятении. Но когда его бросили, он, смеясь, сказал: «О Геракл, как холодны твои печи!». Он прожил там еще шесть дней, борясь с голодом и всегда желая продлить свою жалкое существование до последнего часа, что было справедливым наказанием за его злой образ жизни.^f

КИМБРИИ И ТЕУТОНЫ

[113-105 гг. до н. э.]

В то время как в далекой Африке римляне вели войну с различными дикими племенами пустыни, из лесов Германии на границах их империи над ними нависла новая угроза. По неизвестным причинам кимбры (*т. е.* «воины»), германское племя, покинули свои дома на берегу Балтийского моря и ушли в северные альпийские страны в поисках новых мест для проживания. Здесь они приняли кочевой образ жизни, странствуя туда-сюда, унося с собой своих жен, детей и все свое имущество, куда бы они ни шли. То, что они и другие германские племена, которые впоследствии присоединились к ним, следует классифицировать как германцев, а не, как ранее полагали римляне, как кельтов, доказывается их именами, ростом и другими их характеристиками, а также тем фактом, что еще позднее мы находим упоминания о кимбриях на датском или кимбрийском полуострове и о германцах в северо-восточной Германии вблизи Балтики, которые, без сомнения, составляли последние остатки этого племени. Но в ходе своего долгого странствия к этому германскому ядру присоединились не только другие немецкоязычные кочевники в поисках добычи, но и многочисленные кельтские орды, так что мы даже находим вождей с кельтскими именами во главе кимбров. Кимбры и тевтоны описываются как высокие и худощавые мужчины с голубыми глазами и каштановыми волосами — сильные, дикие, воинственные фигуры. В бою они сражались с бурной храбростью. После победы они предавались жестокости; происходило всеобщее разрушение, а пленников либо вешали, либо закалывали в жертву своим богам. По крови, пролитой в жертву, жрицы, старые седые женщины в белых льняных одеждах, предсказывали будущее.

Мы не имеем возможности установить, как долго кимбры странствовали по северу и востоку Европы, и не знаем, по каким дорогам они путешествовали. Из территории современной Богемии они двинулись на юг, в Норикум — современные Каринтию и Карниолу. Здесь, на границах Римской империи, они появились в 113 году. Узнав об этом, римляне отправили консула Гнания Папирия Карбо, сына того самого Карбо, который был заметной фигурой периода Гракхов, с армией для охраны альпийских перевалов в той местности. Когда Карбо, приближаясь из Аквилеи, вошел в Норикум, кимбры, слышавшие о великой мощи римлян, послали к ним послов, которые объяснили, что они, кимбры, желают получить разрешение поселиться среди нориков и не имеют никакого желания вступать с ними в войну. Карбо ответил, что римский народ связан с нориками узами наследственного

гостеприимства и что он не имеет права давать кимврам разрешение поселиться в Норикуме. Кимвры решили идти дальше. Карбо дал им проводников, которые должны были вывести их из страны, но по его указанию эти проводники привели их в место в окрестностях Нореи (ныне Гёрц), недалеко от которого он и его люди попали в засаду, и когда кимбры прошли мимо, они напали на них. Но это предательство обернулось против его виновника. Войска Карбо были разбиты и были бы полностью уничтожены, если бы сильная буря не помешала кимврам продолжить преследование. Теперь кимвры могли войти в Италию через эти альпийские перевалы, но они предпочли пересечь северные Альпы и направиться на запад, в сторону Галлии. В этом направлении они убедили два племени Гельвеции, тигуринов и тугенов, присоединиться к ним или, по крайней мере, путешествовать по тому же маршруту. После завоеваний, совершенных в 125 году в западной Галлии Фульвием Флакком, другом Г. Гракха, римляне основали новую провинцию между Альпами и Пиренеями, ограниченную Северными и Средиземным морем, с главным городом Нарбо. Теперь она была под угрозой со стороны кимбров и других кочевых племен, и поэтому в 109 году римляне отправили туда консула М. Юния Силана во главе армии.

Кимбры обратились к нему с просьбой показать им, в какой части страны им будет позволено поселиться, но вместо ответа он напал на них. Он потерпел ужасное поражение. Вместо того чтобы воспользоваться своей победой, кимбры отправили в Рим посольство с просьбой разрешить им поселиться в этой стране и обратились к соседним кельтским племенам, чтобы сразиться с ними. Тем временем в 107 году вышеупомянутые гельветийские племена вторглись в римскую провинцию под руководством Дивико и, напав на консула Кассия Лонгина из засады, нанесли ему сокрушительное поражение. Сам консул был убит, а его легат Г. Попилий, который бежал в лагерь с остатками войска, смог спасти своих людей только посредством позорного договора. Он отдал заложников, сдал половину своего багажа и отступил под игом.

Положение римлян в Галлии было настолько потрясено этими многочисленными поражениями, что город Толоза (Тулуза) поднял восстание и взял в плен римский гарнизон. Однако, поскольку ни кимбры, ни гельветы больше не беспокоили провинцию, К. Сервилий Цепион, который был консулом в 106 году, смог вернуть город в свои владения с помощью хитрости. Он воспользовался этой возможностью, чтобы полностью ограбить храм галльского бога исцеления, которого римляне называли Аполлоном; но когда добыча — предположительно около 100 000 фунтов золота и 110 000 фунтов серебра — была отправлена в Массилию, конвой был атакован на дороге бандитами, которые преодолели слабое сопротивление и унесли золото и серебро, по слухам, по подсказке Цепиона и его офицеров, которые взяли свою долю добычи.

В следующем году, 105 г., кимбры вновь появились в провинции под предводительством своего царя Бойорикса, на этот раз с серьезным намерением продвинуться в Италию. В провинции, помимо войск проконсула Цепиона, теперь находилась вторая армия под командованием консула Гнания Маллия Максима; она занимала правый берег Роны, а другая армия — левый берег, и обе были приведены в боевую готовность в ожидании врага, причем ни одна из частей не обращала особого внимания на действия другой. Однако когда корпус под командованием легата М. Аврелия Скавра был атакован и полностью разгромлен кимбрами, консул приказал проконсулу переправить свои войска через Рон и объединиться с его людьми. Цепион, который питал личную вражду к Кнуту Маллию () и гордился своим высоким происхождением, с неохотой подчинился, но не смог заставить себя объединиться с Маллием против врага и обсуждать с ним военные действия.

Тем временем внушительные силы римлян побудили кимбров вступить в переговоры. Цепион, увидев консула, ведущего переговоры с делегатами варваров, и полагая, что тот желает оставить все почести победы за собой, без промедления напал на них. В результате его войска были полностью уничтожены, а лагерь захвачен. После этого кимбры вступили в сражение с войсками Маллиуса и нанесли им полное поражение. Римляне потерпели это страшное поражение недалеко от города Араузио (Оранж). Со стороны римлян, по некоторым данным, было убито восемьдесят тысяч солдат и сорок тысяч человек, принадлежавших к интендантской службе, и спаслись только десять человек, среди которых был Цепион.

Предыдущие поражения уже настолько напугали итальянцев, что набор новых солдат представлял трудности; но теперь, после поражения при Араузио, «кимбрийская паника» достигла своего апогея. Помимо паники, народ испытывал также жгучую ярость, особенно против коррумпированного правительства знати, которое поставило государство под угрозу. Их негодование было крайне сильным по отношению к некоторым лицам, в частности к Цепиону, чье неподчинение было главной причиной поражения. По решению народа он был смещен с поста проконсула, а его имущество конфисковано; по второму решению народа он был изгнан из сената, и когда спустя долгое время, в результате злоупотреблений и государственной измены, совершенных в Галлии, по инициативе нескольких народных трибунов был созван судебный следственный суд, Цепион едва избежал смертного приговора. Он был изгнан и уехал в Смирну. Маллиус Максим и несколько других выдающихся людей были судимы в то же время. Сенат и их полководцы утратили всякое доверие; только один человек, казалось, мог спасти государство в эти опасные времена — Г. Марий, который в конце Югуртинской войны считался величайшим полководцем своего времени. Еще находясь в Африке, он был избран консулом на 104 год, хотя это противоречило правилу, согласно которому нельзя было избирать кого-либо, кто отсутствовал, или кого-либо, кто уже был консулом в течение предыдущих десяти лет. В тот же день — 1 января — когда Марий праздновал свой триумф над Югуртой, он вступил в свою вторую консульскую должность; и эта же должность присваивалась ему каждый последующий год, пока не закончилась кимбрийская опасность.

Когда Марий со своими войсками достиг Роны, кимбры, всегда быстрые в своих передвижениях, ушли через южную Галлию на запад и вошли в Испанию. Марий, соответственно, потратил некоторое время на то, чтобы вернуть дезорганизованным и разобщенным галльским народам чувство долга; он набрал вспомогательные войска из

союзных государств и благодаря непоколебимой строгости и неустанным усилиям снова сделал свои войска боееспособными. Как только солдат под командованием Мария привыкал к его суровому виду, грубому голосу и дикому взгляду, как только он учился никогда не отступать от своего долга, никогда не проявлять неподчинение, его страх перед Марием превращался в доверие; человек, внушавший ужас, казался грозным только своим врагам. Но главной привлекательной чертой Мария для его солдат были его строгая справедливость и беспристрастность. Вероятно, в 103 году кимбры вернулись в Галлию из Испании, где они встретили упорное сопротивление кельтиберов. Они прошли через страну вдоль побережья Атлантического океана до Сены на границе с Бельгией. Здесь к ним присоединились германские племена той же семьи под предводительством своего царя Тевтободы, племена, которые, как и кимбры, были изгнаны из своих домов на Балтике и бесцельно скитались по миру. Несмотря на свои объединенные силы, они встретили такое сопротивление со стороны храбрых бельгийцев, что отступили и в конце концов решили отправиться в Италию. Они снова разделились, возможно, для удобства в получении припасов, на два отряда. Кимбры вместе с гелльветами-тигуринами, которые, по-видимому, присоединились к ним совсем недавно, вернулись в Норикум, чтобы войти в Италию в том же месте, что и раньше. Тевтоны вместе с амбронами, вероятно, кельтским народом, продвигались к Роне, чтобы оттуда перейти через западные Альпы.

Летом 102 года тевтоны пересекли Рона и двинулись по левому берегу, чтобы встретиться с армией Мария, которая расположилась лагерем в укрепленной позиции на слиянии Изеры и Роны и была хорошо снабжена провизией. Здесь он перекрывал обе главные дороги, которые в то время вели в Италию: маршрут через Малый Сен-Бернар и маршрут вдоль побережья. Варвары разбили лагерь в огромном количестве на широкой равнине перед лагерем Мария и вызвали его на бой. Однако он, следуя плану строго обороняться, остался спокойно в лагере и позволил им тратить силы на ежедневные попытки штурмовать римские укрепления. Напрасно: их стремительность была разрушена военным искусством римлян и благоразумием Мария. Наконец они отступили в южном направлении, чтобы войти в Италию по дороге вдоль побережья. Шесть дней они шли мимо римского лагеря огромными толпами с бесчисленными тяжело нагруженными телегами. Римляне с высоты своих стен издевались над ними, когда те проходили мимо, спрашивая, нет ли у них поручений для своих жен. Когда процессия прошла, Марий последовал за ней со своими войсками и расположился лагерем рядом с ними, но за крепкими укреплениями и в выгодных позициях, чтобы быть защищенным от ночных нападений и не быть вынужденным вступать в сражение против своей воли. Так они шли, пока не дошли до Аква Секстия (ныне Экс-ан-Прованс); отсюда до Альп оставалось совсем немного, и Марий был вынужден задуматься о решающей битве. Он разбил лагерь в месте, где не было источника воды, и когда его солдаты начали роптать и спрашивать, где они могут ее достать, он указал вниз, на реку Канус (ныне Арк), которая текла рядом с лагерем врага. Они потребовали, чтобы он немедленно повел их на врага, пока у них еще есть силы. Он хладнокровно ответил: «Сначала мы должны укрепить лагерь».

Пока солдаты укрепляли лагерь, Марий послал своих приспешников к реке за водой. Для защиты они взяли с собой топоры, мечи и копья. Вскоре на берегу завязалась драка с бродячими бандами амбров, которые, отделившись от тевтонов, прикрывали тыл всей армии во время марша. Поскольку новые бойцы постоянно спешили на помощь обеим сторонам, амбры наконец задействовали всю свою силу, тридцать тысяч человек, и Марий больше не мог сдерживать своих людей. Переправляясь через реку, амбры впали в беспорядок, и римляне, сбегавшись с высот, атаковали их сзади с такой силой, что, понеся большие потери, они бежали обратно в свой лагерь и забаррикадировались в повозках. Здесь сражение возобновилось странным образом, ибо жены амбров, вооруженные мечами

и топорами, с дикими криками бросились навстречу бегущим мужчинам, заставляя их отступать к врагу, а те, кто видел, что все потеряно, впали в ярость и бросились в самую гущу сражения, позволяя себе быть изрубленными на куски.

Римляне почувствовали себя ободренными этой победой, но не осмелились предаться радости триумфа, поскольку подавляющее большинство врагов еще не вступило в бой. Большая равнина все еще была покрыта мириадами тевтонов, которые всю ночь наполняли воздух угрожающими криками и весь следующий день занимались подготовкой к дальнейшему сражению. Только через три дня сражение возобновилось. На рассвете Марий и его люди выстроились на холме перед лагерем, чтобы подготовиться к битве. Как только варвары увидели их, они с яростью атаковали холм. Римляне спокойно ждали, пока они не подошли на расстояние выстрела, а затем бросили копья и схватились за мечи. До полудня шла долгая и упорная битва, но затем германцы, ослабленные собственной стремительностью и жарой южного солнца, начали отступать: когда они достигли равнины и приступили к реорганизации своих передних рядов, которые пришли в беспорядок, три тысячи человек под командованием Клавдия Марцелла напали на них из засады с тыла. Это решило исход сражения; испуганные двойной атакой, варвары разбили свои ряды и в диком замешательстве бежали.

[102-101 гг. до н.э.]

По словам Плутарха, ¹ более ста тысяч человек были убиты или взяты в плен. Ливий ² приводит цифры по двум сражениям: двести тысяч убитых и девяносто тысяч пленных. Среди пленных был гигантский царь Тевтобод, среди убитых — ряд женщин, некоторые из которых встретили смерть на повозках, отчаянно сопротивляясь, другие покончили с собой, чтобы избежать рабства и позора. Говорят, что поле битвы при Аква Секстии было настолько удобрено кровью и трупами, что следующим летом оно дало совершенно несоразмерный урожай фруктов; соседние массивы огородили свои виноградники огромными костями убитых.

Тем временем кимбры беспрепятственно прибыли в Норикум и через альпийские перевалы перешли в Италию. К. Лутаций Катул, второй консул 102 года, сначала удерживал альпийские перевалы, но когда враг появился в большом количестве, он отступил к Адидже и укрепился там на западном берегу, к которому приближался враг, одновременно обеспечив отступление на другую сторону с помощью моста. Здесь он тоже не смог удержать свои позиции надолго. Когда римские солдаты увидели, как эти гигантские варвары бросают в реку камни и стволы деревьев, чтобы соорудить плотину, а другие развлекаются, скользя по леднику на своих щитах, как на санях, когда они увидели, как одни используют большие деревья в качестве таранов против опор мостов, а другие бросаются в реку и переплывают ее, их охватила такая паника и ужас, что, не обращая внимания на своего генерала, они бежали, бросив свой лагерь. Чтобы избежать того, что становилось позорным бегством, Катул поднял знамя и, поспешив на передовую, сам повел людей через мост. Однако он был вынужден оставить часть войска в лагере на левом берегу. Варвары захватили лагерь, но с большой великодушием позволили гарнизону, сражавшемуся за свою родину, уйти невредимым.

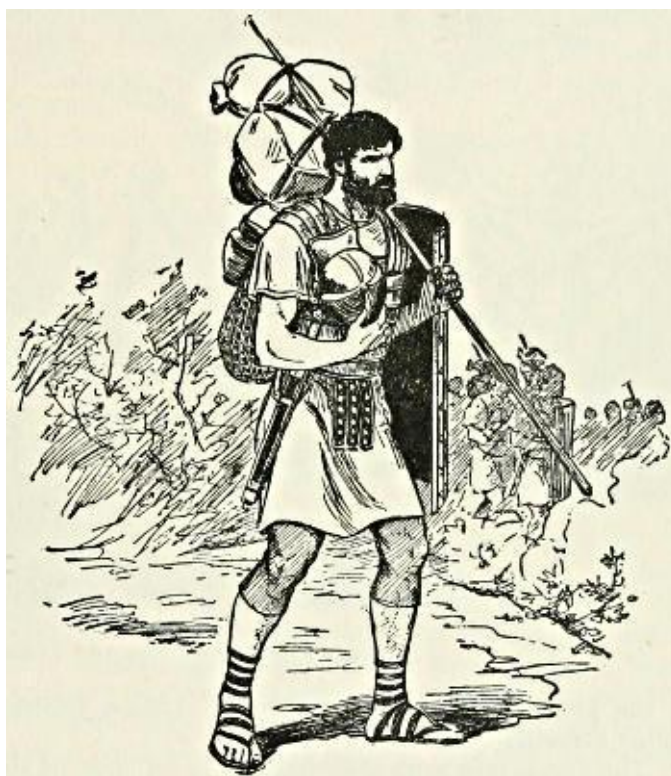
Катул отступил вдоль южного берега реки По и оставил кимбров грабить и опустошать земли к северу от реки. Фактического сражения не произошло, поскольку Катул ждал приближения Мария, а кимбры — приближения тевтонов.

После того как Марий, назначенный консулом в пятый раз в 101 году, недолго пробыл в Риме, куда его вызвал сенат из Акве Секстии, он отправился к Катулу в верхнюю Италию, оставив свои войска следовать за ним из Галлии весной 101 года. После их прибытия он и

Катул вместе повлекли свои войска через По и приблизились к врагу. Кимбры хотели отложить дальнейшие боевые действия до прибытия тевтонов () и послали к Марию послов с требованием, чтобы он предоставил им и их братьям земли и города, которые они могут запросить. Марий спросил, кто такие их «братья», и когда они назвали тевтонов, все присутствующие рассмеялись, а Марий с презрением ответил: «Не беспокойтесь о своих братьях, мы уже дали им землю для проживания, и они будут владеть ею вечно».

Послы, не поняв шуток, пригрозили ему немедленной местью со стороны кимбров и тевтонов, как только те придут.

«Они уже здесь, — ответил Марий, — и было бы неправомерно, если бы вы ушли, не поприветствовав своих братьев». И с этими словами он приказал привести к нему царя Тевтободу и других пленных вождей тевтонов.

Тяжелый походный порядок римской пехоты

Кимбры теперь знали о судьбе своих братьев и сразу же напали на Мария, но тот лишь защищал свой лагерь. Тогда Бойорикс, царь кимбров, с несколькими сопровождающими пришел и потребовал, чтобы Марий назначил день и час сражения. Марий выбрал третий день с того момента (это было 30 июля 101 года) и назначил местом сражения поля около Верцеллы, где превосходные навыки римлян в верховой езде могли бы проявить себя в полной мере. Рано утром в назначенный день кимбрийские пехотинцы выстроились в квадрат шириной и глубиной более трех миль. В первом ряду бойцы были связаны цепями, прикрепленными к их поясам, чтобы их ряды не были разбиты.^[83] Их всадники, числом пятнадцать тысяч, были, согласно описанию Плутарха, вооружены самым поразительным образом. Их шлемы были сделаны в виде челюстей животных или голов чудовищ; а их большой рост еще больше увеличивался перьями, которые были сделаны так, чтобы взмывать вверх, как огромные крылья. Кроме того, они были украшены железными кольчугами и несли щиты, ослеплявшие своей белизной. В качестве метательного оружия каждый из них имел копье с двумя зазубринами, а в рукопашном бою они использовали большие тяжелые мечи. Римские войска, насчитывавшие в общей сложности пятьдесят

тысяч человек, были расставлены Марием таким образом, что солнце и пыль падали прямо в глаза врагу. Войска Мария образовали два фланга, а войска Катула заняли центр.

Пленники, проходящие под ярмом

Кимбры послали свою кавалерию вперед пехоты; в густом тумане раннего утра они внезапно напали на римскую кавалерию и отвлекли ее от пехоты. Сражение велось в некоторых случаях с большой храбростью, но, несмотря на численность и силу варваров, превосходные знания и выносливость римлян одержали победу. Большая часть кимбров была убита на поле боя, в том числе и Бойорикс. Некоторые покончили с собой. Повторились сцены из Аква Секстии: женщины бросились с мечами и топорами в середину врага и позволили себя зарубить; они убивали тех, кого видели бегущими, своих детей и, наконец, самих себя. Кимбры были уничтожены до последнего человека; те, кто не был убит, а их было более шестидесяти тысяч, были проданы в рабство. Тигурины, которые сопровождали кимбров, остались ждать на склонах Альп; когда они увидели, что их друзья потерпели поражение, они бежали к своим домам.

После битвы две партии в Риме спорили о том, кто из двух полководцев может действительно претендовать на честь победы при Верцеллах. Аристократы утверждали, что Катул, человек из их партии, решил исход битвы в центре, он захватил тридцать один штандарт, в то время как Марий унес только два; поэтому ему и принадлежит венок победы. С другой стороны, народ требовал, чтобы Марий, великий человек, выросший из их рядов, был признан единственным покорителем кимбров и тевтонов, и называл его третьим основателем города, поскольку опасность, которую он предотвратил, была столь же велика, как галльская угроза, которую искоренил Камилл, «второй основатель Рима». Народ судил справедливо, поскольку Марий сражался в битве при Верцеллах как консул, а Катул был лишь проконсулом, и поэтому Марий был главнокомандующим; кроме того, несомненно, что он значительно превосходил Катула в военном искусстве. Но прежде всего не следует забывать, что без победы при Аква Секстии победа при Верцеллах была бы невозможна.

По возвращении в Рим Марий был удостоен заслуженного триумфа, в котором он, тем не менее, настоял на участии Катула.

ВТОРАЯ РАБСКАЯ ВОЙНА

[102-101 гг. до н. э.]

В то время как войска республики торжествовали, отразив внешнюю угрозу, плодородная провинция Сицилия вновь стала жертвой опустошительных ужасов рабской войны.

После того как предыдущая война была успешно завершена Писоном и Рупилием, в самой Италии появились признаки подобных беспорядков. В Капуе расточительный рыцарь вооружил четыре тысячи рабов и взял на себя власть. Но благодаря оперативным мерам восстание было подавлено.

Восстание в Сицилии удалось подавить не менее легко. Оно началось следующим образом: сенат поручил Марию набрать войска в зарубежных странах для борьбы с трудностями, связанными с кимбрийской войной. Он обратился, в частности, к царю Вифинии, но тот ответил, что у него нет солдат, поскольку римские сборщики налогов превратили их всех в рабов. Сенат, обрадовавшись возможности осудить всадников, принял декрет, согласно которому все лица, незаконно удерживаемые в рабстве, должны были быть освобождены. В Сицилии число таких лиц было настолько велико, что претор приостановил исполнение декрета. Последовало большое разочарование. Группа рабов подняла восстание недалеко от Агригента и изгнала претора. Их число выросло до двадцати тысяч, и они избрали своим королем некоего Сальвия, предсказателя. Этот человек показал себя способным к командованию. Он разделил своих последователей на три отряда с регулярным офицерским составом. Он ввел строгую дисциплину. Чтобы удержать своих людей от вина и разврата, он держал их в поле. Он сумел обеспечить двух тысяч лошадьми. Когда его люди показались ему достаточно подготовленными, он осадил город Мургантia. Но рабовладельцы Мургантia предложили свободу всем рабам, которые останутся верными, и Сальвий был вынужден отступить. Однако обещание не было сдержано, и многие из обманутых людей присоединились к лагерю повстанцев.

Этот успех на востоке Сицилии породил аналогичное восстание на западе, возглавленное киликийским рабом по имени Афенион, который притворялся, что предсказывает будущее по звездам. Вскоре он оказался во главе десяти тысяч солдат, хорошо вооруженных и снабженных провизией. Он объявил, что звезды провозгласили его верховную власть, и поэтому запретил все грабежи, поскольку, по его словам, « » — «собственность наших господ теперь принадлежит нам». Теперь он опрометчиво осадил неприступную крепость Лилибей, но, поняв, что ее захватить невозможно, отступил, заявив, что ему было открыто надвигающаяся опасность.

Тем временем Сальвий, принявший имя Трифон, установил резиденцию своей власти в крепости Триокала, которая попала в его руки, и приказал Афению лично явиться в это место. Афенион подчинился приказу царя Трифона и явился в Триокалу с тремя тысячами человек. Царь занялся укреплением своей новой столицы. Он выбрал сенат из числа своих последователей. На публичных мероприятиях он носил *тогу претексту* римского магистрата и сопровождался надлежащим количеством ликторов.

Римляне, казалось, не могли противостоять повстанцам, пока в 101 году до н. э. командование не принял М. Аквиллиус, коллега Мария в его пятом консульстве. Тем временем Трифон умер, и Афенион стал главой повстанцев. Аквиллиус вступил с ними в сражение, в котором встретился в рукопашной схватке с храбрым Афенионом. Консул был тяжело ранен, но вождь рабов был убит. Аквиллий оставался проконсулом в Сицилии еще в течение года, в течение которого он подавил последние остатки войны. После падения Афиния повстанцы сократились до отряда из тысячи отчаявшихся людей под

командованием некоего Сатира, который в конце концов сдался Аквилию и был отправлен им в Рим для службы гладиаторами. История их конца очень трогательна. Выведенные на арену для борьбы с дикими зверями, они убили друг друга у подножия стоящих там алтарей, а Сатир, оставшись один, упал на свой собственный меч.

Из гуманности и дисциплины, проявленных этими несчастными людьми, оказавшимися в плену, ясно, что их вожди изначально были людьми высокого положения и образования, которые были обращены в рабство в результате ужасных военных действий древности. История их смерти представляет собой картину, не льстящую римской цивилизации.

В Сицилии были приняты строгие меры, чтобы предотвратить повторение таких опасностей. Был издан постоянный приказ, подтверждаемый каждым последующим претором, что ни один раб не должен иметь в своем распоряжении оружие. И этот указ не остался мертвой буквой. Вскоре после этого претор Л. Домиций получил в подарок прекрасного кабана. Он спросил, кто его убил. Узнав, что это был раб, работавший пастухом, он вызвал его к себе. Бедняга пришел с готовностью, ожидая награды. Претор спросил его, чем он убил животное, и, узнав, что это было охотничье копье, приказал распять несчастного. Таковы были законы, с помощью которых господа мира были вынуждены поддерживать свою власть.^b

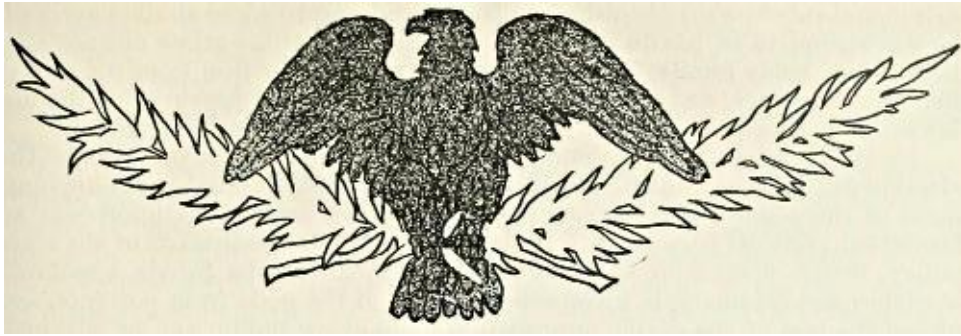
СНОСКИ

[82] [На эту знаменитую речь историк Флор^a отвечает: «Но если бы это можно было купить, то у него был бы покупатель, и, поскольку он не сбежал, то, по-видимому, это не суждено погибнуть».]

[83] [Такова история, рассказанная Плутархом (Жизнь Мария). Ине-е (v, 109), комментируя «бессмыслицу и ложь, которые уродуют эту кампанию», которые, по его мнению, можно проследить до Лутация Катула, а не до *мемуаров* Суллы, говорит: «Трудно представить, как такие вещи могли попасть в серьезные книги по истории». На что можно ответить, что если бы все «такие вещи» были исключены, история древности приобрела бы слишком скучный вид, утратив живописность, но не всегда обретя достоверность. В реальной жизни люди совершают странные поступки, и критик, отвергающий рассказ только потому, что в нем описываются нелогичные действия, находится на очень опасной почве. Кроме того, следует отметить, что самые иконоборческие критики часто одобряют события, столь же невероятные, как и те, которые они отвергают. Каждый умный читатель способен сделать свои выводы о вероятности событий, описанных в этих живописных рассказах, но нельзя не напоминать, что чистое вымысел — это редчайшее из человеческих достижений. Легко исказить или преувеличить, но чрезвычайно трудно создать по-настоящему новую ситуацию или придумать для человечества более нелепые поступки, чем те, которые спонтанно совершаются в реальной жизни. Поэтому вполне можно усомниться, что какой-либо римлянин когда-либо связал бы в своем воображении воинов кимбров, если бы эти воины не сделали чего-то, наводящего на мысль об этом странном выходе из положения. Но, с другой стороны, когда нам говорят, *например*, что после того, как «большая часть кимбров была убита», 60 000 выжили, чтобы быть проданными в рабство, скептицизм, склонный к умственному отложению одной-двух цифр, возможно, можно простить.

Римские печатальные кольца

ГЛАВА XVII. НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

«Когда Гай Гракх пал, — сказал Мирабо, — он схватил горсть земли, окрашенной его кровью, и бросил ее в небо; из этой земли родился Марий». Эта фраза Мирабо, хотя и немного риторическая, исторически верна. Патриции не были готовы уступать Гракхам ни в чем, и Марий уничтожил их. Борьба изменила свои методы: теперь сражались не только с помощью законов, но и с помощью проскрипций. Марий был воплощением плебея: невежественный, безжалостный, грозный, он чем-то напоминал Дантона, за исключением того, что Дантон не был солдатом.^b

Марий до сих пор не принимал участия в старых классовых конфликтах в Риме. Но его плебейское происхождение, вызывающее отношение, которое он проявил по отношению к знати во время своего первого избрания консулом, возмущение, которое он вызвал, установив практику набора пролетариев в армию, и, прежде всего, высокомерие, с которым он отнял столько консульств у самых выдающихся конкурентов, — все это вместе взятое сделало его лидером «партии движения», независимо от ее непосредственных целей или лозунгов.

Под прикрытием его антиолигархических выпадов народ и его трибуны возобновили требования эпохи Гракхов. Всадники были раздражены потерей своей монополии на судебную власть, а призыв к новому распределению земель всегда вызывал интерес по крайней мере у части народа. Но еще более эффективными инструментами были зависть и злоба по отношению к непопулярным представителям знати. К. Сервилий Цепион, потерпевший поражение от кимвров, был выбран объектом народного преследования. Несколько лет назад он захватил Толозу в Галлии с помощью явного предательства, однако римляне редко осуждали такие поступки, если они приносили успех. Но Цепион утратил их терпение своим недавним поражением, и сокровища золота, которые он похитил из храмов галльских божеств, как полагали, навлекли на него месть небес и на страну, армиями которой он управлял. Народ, подстрекаемый своими демагогами, предложил лишить его императума, конфисковать его имущество и объявить его неспособным служить государству в будущем. Сенат защищал своего несчастного проконсула, который помог ему восстановить свою долю в судебной власти, но трибун Вибий Норбан изгнал знати из комиция вместе с двумя своими коллегами, которые встали на их сторону. В суматохе, сопровождавшей этот акт насилия, Эмилий Скаур, принц сената, был ранен камнем в голову. Цепион был лишен должности, брошен в тюрьму () и впоследствии изгнан, если, конечно, согласно другому рассказу, он не был задушен в своей камере. На этом наказание за его преступление не закончилось. Его знатная семья была еще больше опозорена развратным поведением его двух дочерей, а золото Толозы стало пословицей, обозначающей незаконную наживу, которая приводит ее обладателя к нищете и позору.

[102-100 гг. до н. э.]

В 102 году трибун Домиций передал народу право избрания верховного понтифика, которое ранее принадлежало понтифическому коллегияму. Глава национальной религии был важной политической фигурой. Он держал в своих руках нити государственной политики, открывал или закрывал оракульные книги Сивиллы, назначал жертвоприношения и церемонии, толковал волю богов по предзнаменованиям и ставил печать божественного одобрения на каждом публичном акте или отказывал в ней. Этот механизм управления долгое время прочно удерживался в руках знати; им по-прежнему могли управлять только патриции, но патриции перестали отождествляться по интересам и чувствам с правящей олигархией, и из рук патрициев традиции старой республики были обречены на самые жестокие потрясения. Назначение верховного жреца народом в конечном итоге стало важным фактором в свержении римской конституции. В год битвы при Аква Секстии Марций Филипп предложил аграрный закон, который, однако, был отклонен. Но в то же время другой трибун, Сервилий Глауций, провёл резолюцию народа о том, чтобы снова отобрать судебную власть у сенаторов и вновь передать её исключительно в руки всадников. Он ужесточил существующий закон против вымогательства в провинциях и гарантировал обладателю латинской франшизы, который уличит сенатора в её нарушении, высшие привилегии полного римского гражданства.

ШЕСТОЕ КОНСУЛСТВО МАРИЯ

[100 г. до н. э.]

Когда Марий вернулся в Рим (101 г.), он уже был консулом в пятый раз. Но он не был удовлетворен этой необычайной серией почестей и не менее стремился к дальнейшему продлению своего долгого пребывания в должности. Он чувствовал, что аристократы были его естественными противниками. Поэтому он поспешил связаться с лидерами народа, к которым глава аристократии был лично враждебен. Союзничая с трибунами Сервилием Глауцием и Аппулеем Сатурнином, он смешал своих распущенных легионеров с разнузданной толпой на Форуме и с помощью угроз, обещаний и щедрых подарков легко перевесил голоса честных граждан.^[84] Марий был возведен в шестой консульский сан, хотя он не был ни популярен в своих манерах, ни красноречив в своих речах (100). Напротив, говорят, что во всех гражданских делах и среди шума народных собраний покоритель кимвров был совершенно лишен мужества и присутствия духа. Неустрашимый дух, который он проявлял на поле боя, полностью покидал его на Форуме, где он терялся от самой обычной похвалы или порицания.

В своей политике Марий также был непостоянен и колеблющ; вместо того, чтобы неуклонно заискивать перед предрассудками римской черни, он благоволил и вознаграждал итальянцев, к которым римское простонародье теперь питало глубокую ревность. После своих последних побед он осмелился расширить прерогативу консульства () и предоставить гражданство тысяче солдат из государства Камеринум, которые хорошо служили ему на поле боя. Этот акт был незаконным и непопулярным, и Марий, возможно, не сделал его более приемлемым своим оправданием: «Среди шума оружия, — сказал он, — я не мог услышать голос законов».^[85]

Однако трибуны, желавшие укрепить свое положение новым союзом, также оказали поддержку итальянцам. Они добились принятия закона, по которому Марий мог даровать римское гражданство трем лицам в каждой колонии, имевшей латинские права, что позволяло ему даровать желанную награду многим солдатам, отличившимся на его службе.

С той же целью Сатурнин принял еще одну меру, согласно которой несчастные жители трансальпийских провинций были лишены своих поместий и вынуждены уступить место победителям из Акве Секстии и Верцеллы. Аристократы возмутились этими уступками побежденным итальянцам, и даже простолюдины относились к ним с беспокойством и недоверием. Они пытались прервать заседание, ссылаясь на дождь и гром. «Успокойтесь, — крикнул Сатурнин, — или сейчас пойдет град». Его сторонники вооружились камнями. На Форуме поднялся шум; сенаторы и их сторонники из числа простого народа были прогнаны яростью ветеранов, и Сатурнин провел свое предложение с открытым насилием. Марий держался настороженно в стороне и притворялся, что испытывает большой ужас от незаконных беспорядков. Он тайно подталкивал знатных к протесту против исполнения закона, принятого столь неправомерным образом, который трибуны настаивали на том, чтобы они приняли под угрозой определенных наказаний. Однако, как только они взяли на себя обязательства, Марий лишил их своей поддержки и оставил им выбор: подчиниться с позором или понести наказание за отказ. Сенаторы, попавшие в ловушку и запуганные, приняли требуемую присягу, пока не дошла очередь до Метелла; но самый высокомерный из знатных, хотя его друзья и убеждали его подчиниться необходимости, пренебрег отступить от принципов, которые он провозгласил. Сатурнин потребовал, чтобы его объявили вне закона и запретили ему доступ к огню и воде. У него было много друзей, достаточно сильных, чтобы защитить его с помощью оружия, но он запретил им вынимать мечи и гордо отправился в изгнание.

Сатурнин добился продления своего трибуната. Он действовал высокомерно: во время своего первого избрания он смело убил оппонента; он помешал знати и даже рискнул своей популярностью среди простого народа, провозгласив себя покровителем итальянцев. Теперь, возможно, ему было необходимо восстановить свои позиции среди сторонников в городе; для этой цели он навязал гражданам одного из своих вольноотпущенников как сына их любимого Тиберия Гракха. Эта интрига, по-видимому, не имела большого успеха; Семпрония, вдова Сципиона Эмилиана и сестра убитых трибунов, яростно осудила ее, а народ, если и не возмутился, то, по крайней мере, посмеялся над этой мистификацией. Но, в конце концов, Сатурнин был более привычен к силе, чем к обману. Когда Г. Меммий, один из его противников, был на грани избрания консулом, он приказал своим бандитам заколоть его на Форуме.^[86] Но теперь он зашел слишком далеко. Чтобы спасти себя, он бросился в открытое восстание. Он взобрался на Капитолий со своим спутником Главкией и своей бандой головорезов и убийц, захватил цитадель, возможно, благодаря своему официальному положению, и бросил вызов республике, призвав ее к оружию. Вельможи ответили ему роковым криком, что он стремится к королевской власти; и народ, уже сбитый с толку его склонностью к итальянцам и, возможно, потрясенный безумным насилием его действий, был не прочь прислушаться к этому. Он безропотно согласился с декретом сената, которым государство было объявлено находящимся в опасности, а Марий, как консул, был уполномочен обеспечить его безопасность.

Город был поставлен в то, что в наше время называется состоянием осады; то есть консул, чьи обычные функции внутри городских стен были чисто судебными и административными, получил полную власть над мечем, как если бы он находился в лагере. Он приступил к осаде крепости, которая считалась неприступной для атаки и могла быть взята только путем блокады. Перерезав несколько свинцовых труб, от которых в мирное время зависела подача воды в цитадель республики, повстанцы были лишены самого необходимого для жизни. Сатурнин предложил капитулировать в обмен на обещание личной безопасности. Марий гарантировал ему жизнь и, чтобы уберечь его от ярости народа, сначала поместил его вместе с его последователями в Курии Гостилии, большом общественном здании у подножия холма. Но когда народ взобрался на стены, сорвал крышу

и обрушил град камней на несчастных пленников, консул не предпринял никаких попыток спасти их, и все они погибли мучительной смертью — кровавое деяние, которое долгое время оставалось в памяти и впоследствии послужило поводом для преследования самих знати.

Пожалуй, ни одно событие в римской истории не было столь внезапным, столь несвязанным и, соответственно, столь неясным в своем происхождении и причинах, как это восстание или заговор Сатурнина. Легкость, с которой любимый защитник народа был предан и убит своими же клиентами, кажется, указывает на какой-то скрытый мотив, о котором история забыла рассказать нам. Римские демагоги хорошо знали о глубоком отвращении, с которым народ относился к имени царя, и можно с уверенностью сказать, что ни один из них, несмотря на часто повторяемые клеветы своих противников, никогда не осмеливался претендовать на этот титул. Если же верно (как утверждают историки), что Сатурнин был провозглашен царем своими сторонниками и с радостью принял это неприятное звание, то весьма вероятно, что его сторонники были скорее иностранцами и итальянцами, чем гражданами. Мы уже видели, как лидеры всех партий в то время использовали притязания итальянцев на освобождение от статуса покоренных подданных, в котором они все еще находились. Все по очереди настаивали на этих притязаниях, когда это соответствовало их конкретным целям, и большинство из них не стеснялись отказываться от них, когда это было удобно. Иногда дворяне, иногда простолюдины были уговорены поддержать их в качестве противовеса агрессии со стороны своих непосредственных противников; но и те, и другие в душе были резко настроены против них, и надежда на получение благосклонности или справедливости от республики, по-видимому, постепенно исчезла из умов самих заявителей. Они ненавидели Рим и, возможно, отождествляли с Римом само республиканское правительство. Они могли надеяться на исправление своих обид только от революции, которая должна была свергнуть верховенство сената и Форума. Это была угроза, от которой отшатнулась даже разнузданная чернь города и которая побудила Мария нарушить данное обещание и пожертвовать своим другом и союзником.^[87] Даже если он был полностью лишен патриотических чувств (), в чем мы вполне можем поверить, Марий был глубоко заинтересован в том, чтобы не дать ни одному демагогу достичь монархического господства, превосходящего его собственное.

ПРЕТЕНЗИИ ЛАТИНЦЕВ И ИТАЛЬЯНЦЕВ НА CIVITAS

[100-90 гг. до н. э.]

Гражданин Рима, обладая этим почетным титулом, пользовался двумя видами прав: гражданскими и политическими. Гражданское право регулировало формы и последствия брака, осуществление отцовской власти, владение имуществом, право завещать и наследовать; кроме того, оно обеспечивало неприкосновенность личности гражданина. Политическое право, с другой стороны, давало право голоса при выборах магистратов и при голосовании по законопроектам; оно давало право занимать государственные должности; оно позволяло участвовать в определенных религиозных обрядах и, наконец, давало честь и преимущества военной службы в легионах. Сочетание этих прав и способностей составляло полное право на римскую франшизу. Иногда оно предоставлялось отдельным лицам в награду за особые заслуги; в некоторых случаях жители избранного города получали его массово.

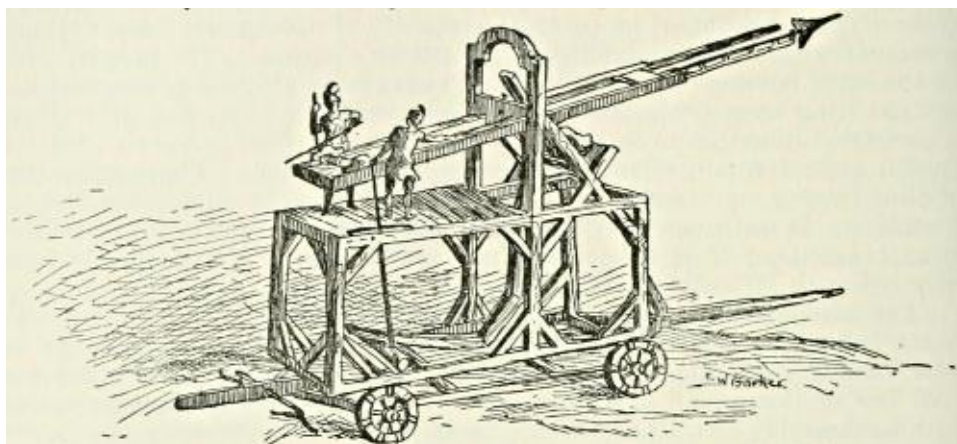
Однако для того, чтобы иностранный город, вступивший в союз с республикой, получил полные права гражданства, он должен был, в первую очередь, отказаться от своих древних институтов. Привилегированное сообщество сразу же принимало гражданское право Рима и

организовывало свою внутреннюю структуру по римскому образцу, с народным собранием, курией, представляющей сенат, и высшими выборными магистратами, обычно двумя, соответствующими консулам. Таким образом, город, образованный таким образом, принимал название *муниципалитета*, то есть общины, имеющей должностные лица. Жители, когда они представлялись в Риме, могли осуществлять там право голоса и получали право занимать любую из его магистратур.

Однако, похоже, что мелкие государства Италии, привязанные к своим внутренним институтам, часто не желали жертвовать ими ради этих преимуществ и отвергали предоставление политических прав, довольствуясь приобретением гражданских прав, которые, хотя и ставили их на равную ногу с жителями города в отношении брака, семейной власти, собственности и личности, не требовали отказа от своих политических обычаев. Сам Рим не был против признания этого различия и обычно оказывал свою милость с притворной скромностью, последовательно предоставляя гражданские права различным государствам, но оставляя за собой политические права как особое благо для наиболее заслуженных.

Таким образом, в лоне великой Римской империи сформировались различные классы общин, имевшие разные степени гражданского и политического статуса, но каждая из них, получившая какую-либо часть римских прав, получала общее название муниципалитета. Каждый муниципалитет сохранял полную власть над всем, что касалось (1) отправления своей религии; (2) управления местными финансами, избрания магистратов, содержания зданий и общественных сооружений; (3) своей внутренней полиции. Регулирование этих вопросов обычно принадлежало к компетенции *курий* или руководящих органов, а иногда и всего народа. Соответственно, *муниципалитеты*, или граждане такой общины, обладали, как провозглашает Цицерон, двумя странами: одной естественной, другой политической — одной фактической, другой привилегированной. Таким образом, продолжает он, мы считаем своей родиной как место, где мы родились, так и место, которое нас приняло; но из этих двух () сильнее всего привязанность к той, которая под названием «республика» составляет нашу собственную страну; именно за эту родину мы должны быть готовы умереть. «Я никогда не отрекусь от Арпинума как от своей родины, — говорит он, — но Рим всегда будет для меня более особенным, ибо Рим включает в себя Арпинум».

В то время как республика вводила такие различия между теми, кого она принимала в качестве своих граждан, она не забывала также классифицировать положение и привилегии различных народов Лация и Италии, которые поочередно попадали под ее власть.

РИМСКАЯ КАТАПУЛЬТА

Первое место среди союзников Рима принадлежало племенам Латинского союза; их договоры с республикой обычно содержали более выгодные условия, чем те, которые были получены другими итальянскими общинами. Так, например, латины сохраняли свою территорию, свои законы, свои союзы под верховным контролем Рима; в отношении уплаты дани они были поставлены на почти равные с гражданами республики условия; они также не могли справедливо жаловаться на то, что от них требовали предоставлять военный контингент для сражения бок о бок с легионами. Они могли приобрести права римского гражданства путем исполнения определенных магистратских должностей в своем государстве, или путем переезда в Рим, при условии, что они оставляли детей в родном месте, или путем успешного обвинения римского чиновника в политических преступлениях. В отношении собственности они пользовались частью римских привилегий. Но они были лишены прав на римский брак и отцовскую власть; права завещать в пользу римского гражданина или наследовать от него; они также не могли претендовать на иммунитет от порки и смертной казни, что считалось самым ценным из всех привилегий народом, наделявшим своего высшего магистрата страхом топора и розги. Положение латинян было намного лучше, чем положение любых других подданных республики, но оно было явно хуже положения граждан; его наиболее привлекательной чертой была возможность приобрести более полные права и превратить первое предвкушение свободы в ее полное наслаждение.

Этот набор привилегий, в первую очередь свойственный латинским городам и вытекающий из прав, предоставленных им по договору, со временем распространился под общим названием *jus Latii* или *Latinitas* как на отдельных лиц, так и на общины, которые не имели никакого отношения к Латиуму. Поскольку римское право признавало, в качестве фикции, существование римлян за пределами самого города (), оно позволяло более отдаленным иностранцам претендовать на название и права Лация. Эти иностранные латины, под названием «новые латины», со временем стали отдельным классом граждан, особым подразделением второго ранга избранных детей республики.

Среди союзников республики итальянцы занимали место сразу после латинян. Название Италия в этот период ограничивалось полуостровом, простиравшимся от рек Изер и Рубикон на севере до мысов Региум и Япигия. Этруски, умбры, самниты, марси, греческие общины Кампании и Апулии, подчинившись римскому оружию, в целом заключили договоры с республикой, но не смогли обеспечить себе выгодные условия, выторгованные латинянами в период ее большей слабости или умеренности. Однако, передав свои мечи на службу завоевателям, они заслужили на многих полях сражений улучшение своего политического положения. Соответственно, итальянцам в большинстве своем было позволено сохранить свою внутреннюю независимость, свои законы, магистраты и трибуналы, в то время как им было запрещено заключать между собой политические союзы; и, хотя внешне они были свободны, они подчинялись приказам Рима, который претендовал на право решать их взаимные споры. Наряду с внутренней свободой они, как и латиняне, пользовались иммунитетом от личной и территориальной дани и имели те же гарантии приобретения и владения собственностью. Главным отличием итальянцев от латинян было то, что они не имели такой же возможности стать римлянами. По естественному порядку вещей, итальянцы должны были пройти через стадию *латинита*, или *Лация*, чтобы получить римское *гражданство*; тем не менее, привилегии, присущие только ему, справедливо считались благом по сравнению с простой провинциальностью; ведь даже за пределами Альп галлы и лигуры едва ли избежали статуса врагов республики и подвергались военному контролю и самым суровым притеснениям под полной властью императоров и проконсулов. Соответственно, эти привилегии стали предметом желания для

менее удачливых подданных империи, и, как в случае с *jus Latii*, так и *jus Italicum* во многих случаях распространялось на отдельных лиц и общины за пределами Италии.

Развитие этой политической организации, каким бы логичным и методичным оно ни казалось, на самом деле было результатом не теоретического законодательства, а постепенного и почти случайного эффекта ряда революций. До момента его полного завершения даже самые мудрые римские государственные деятели не советовали и не предвидели его. Но после этого Италия представила, под верховной властью столицы, иерархию общин, одна из которых уже была полностью римской, а другие были более или менее готовы к тому, чтобы стать таковыми; вся машина, во всех ее частях и подчинениях, казалось, тяготела медленным и регулярным движением к центральной точке — франшизе республики. Но это движение было остановлено внутренними ревностью и эгоистическими предрассудками. Тот же дух изоляции и монополии, который во времена царей стремился закрыть ворота города для латинян и этрусков, который так медленно и неохотно уступал низшие привилегии самим итальянцам, по-прежнему противостоял естественной тенденции принципа ассимиляции. Ревность римского простого народа была слепа и невежественна; ревность знати, которая выступила вперед, чтобы организовать и направлять ее, была более сознательно эгоистичной и корыстной. Все классы, за редким и почетным исключением отдельных государственных деятелей, желали помешать, насколько это было возможно, латинянам стать римлянами, а итальянцам — латинянами.

Борьба за эти привилегии началась почти с момента первого завоевания Лация и Италии, но только после падения Карфагена и начала короткого периода внутреннего покоя она приобрела силу и последовательность и сумела привлечь на свою сторону лидеров римских партий. С расширением завоеваний в богатых провинциях Востока гражданство Рима стало более ценным, и на фоне угнетения стольких подчиненных народов союзники, которые сражались и проливали кровь за республику, почувствовали себя вправе подняться на более высокий уровень. Латиняне с настойчивостью и яростью требовали полного равенства с римлянами, итальянцы претендовали, по крайней мере, на привилегии латинян; но сделать первую уступку означало бы не что иное, как открыть дверь к отмене всех существующих различий. Римляне были вполне естественно встревожены тем, в каком виде этот вопрос теперь предстал перед ними. Идея пожертвовать национальностью завоевателей в пользу завоеванных была настолько новой в истории древности, что неудивительно, что она вызывала общее нежелание и благочестивый ужас. Более того, практичные государственные деятели, которые могли бы подняться над скрупулезностью простых чувств, все еще были озадачены и напуганы перспективой административных трудностей, которые повлекло бы за собой такое изменение. Они представляли себе дороги полуострова, заполненные толпами иностранцев, спешащих в Рим на каждые выборы, чтобы затопить голоса городского населения, или поселяющихся в его стенах и завоевывающих, так сказать, цитадель своих завоевателей. В слиянии Рима с Италией они могли предвидеть только уничтожение самого Рима.

Между тем союзники, отвергнутые при каждой открытой попытке взобраться на крепость конституции, ухитрились незаметно проникнуть в священные пределы. Уже в 286 году цензоры обнаружили не менее двенадцати тысяч латинян, поселившихся в городе и претендующих на звание подлинных граждан. Непрошенные гости были с негодованием изгнаны. Десять лет спустя было раскрыто новое мошенничество. Иностранцы продавали своих детей настоящим гражданам с условием, что те должны быть немедленно освобождены от рабства. Одним взмахом жезла претор наделял их полными гражданскими правами. Меры предосторожности и запреты сената были бы малоэффективны, если бы они

не были поддержаны в значительной степени самими магистратами итальянских городов, которые с ревностью относились к бегству своих соотечественников в Рим, в результате чего увеличивалась нагрузка на их внутренние налоги. Самниты и пелинцы вернули четыре тысячи своих соотечественников, которые таким образом обосновались в латинском городе Фрегелла, где приобрели латинские привилегии и готовились ходатайствовать о римских. Однако в течение полувека эти мошеннические приобретения римских прав были лишь частичными или индивидуальными. Агитация в связи с реформами Семпрония вызвала общее волнение в умах итальянцев и придала силу и объем их амбициям.

Похоже, что в то время как великие римские вельможи притворялись, что владеют обширными участками общественной собственности, они возделывали и даже занимали лишь небольшие части. Покоренные общины, хотя и были номинально лишены своих земель, могли, благодаря злоупотреблениям и попустительству, пользоваться большей частью из них. Но когда государство должно было возобновить свои права на эти поместья и фактически перераспределить их среди своих бедных граждан, претензии посторонних коренных жителей не принимались во внимание; они были лишены их во второй раз и полностью лишены возможности пользоваться ими. Соответственно, при первом обсуждении аграрных законов Тиберия (), все итальянцы оказались объединены одним и тем же насущным интересом, и у них не было иного выбора, кроме как либо сорвать принятие этих законов, объединившись с противостоящей им фракцией в самом Риме, либо, получив права города, приобрести законное право на долю с фактическими гражданами. Они колебались и взвешивали свои действия, но в целом желание получить римские привилегии и римские льготы, избежать тирании римских магистратов и наслаждаться плодами римских завоеваний в сочетании с законными амбициями их солдат и государственных деятелей войти в благородную сферу римской службы, побудило их настаивать на своих требованиях о принятии. В течение ста пятидесяти лет различные народы, населявшие полуостров, несмотря на различия в происхождении и языке, были объединены под одной дисциплиной и общим игом. Римляне неосознанно сформировали своих подданных в одну нацию, и настало время, когда общее чувство могло вооружить всю могущественную массу в союзе против них. Италия наконец стала лозунгом и чувством, не менее мощным, чем сам Рим.

Сенат и знать, сохранившие национальные чувства во всей их силе, приготовились сопротивляться угрожающей нововведению; но во времена Гракхов масса простого народа уже была разбавлена иностранными примесями и гораздо менее остро ощущала старые предрассудки по поводу расы и страны. Соответственно, когда их любимые лидеры, не учитывая всех последствий, а справедливо оценивая их, призывали латинян и итальянцев под свои знамена, римский народ легко убедили принять их в свою борьбу и пообещали вместе продвигать интересы обеих сторон. Сами союзники, под умелым руководством Гракхов, обратили все свое негодование против аристократии города, которую они стремились сделать своей. Они приписывали своему особым устройству Рима ревнивое и эгоистичное противодействие, с которым они столкнулись, и осуждали само республиканское правительство из-за предрассудков, присущих, по сути, всем завоевательным расам. Можно признать, что монархия действительно в целом более благоприятна для отказа от национальных предрассудков, чем аристократия, и итальянцы действовали по подлинному инстинкту, призывая к королевскому правлению, в то время как трибуны соблазняли их надеждой на гражданство, а самих трибунов — перспективой королевской короны. Говорили, что Сатурнин был фактически провозглашен королем своими мятежными последователями; и, возможно, только глубокое впечатление, так усердно культивируемое знатными, о традиционной тирании Тарквиниев помешало римскому простолению присоединиться к этому призыву. Но титул короля был обречен оставаться народным

страшилищем на многие века; и еще не появился человек, обладающий гением, чтобы замаскировать монархию под республиканскими названиями диктатора или императора.

Знать атаковала трибунов с жестоким насилием; римским простолюдинам и итальянским союзникам они противостояли с помощью хитрости и интриг. То они пытались посеять раздор между ними, то перебивали своих собственных демагогов щедростью своих предложений, которые, однако, никогда не выполняли. Они развращали народ щедрыми подарками и развлечениями и отрывали его от дела союзников. Встревоженные успехами Мария в предоставлении гражданских прав своим итальянским ветеранам, они наконец сумели омрачить его блестящую репутацию и, воспользовавшись продажностью племен, отозвали Метелла из изгнания и осуществили очередную аристократическую реакцию. В своей дерзости они приказали консулам 95 года изгнать из города всех итальянцев, поселившихся в его стенах; и закон Красса и Сцевола, повторявший суровые постановления восьмидесяти и девяноста лет назад, убедил ущемленных подданных республики в том, что их госпожа не приобрела ни мудрости, ни справедливости благодаря триумфу своих вооруженных сил и расширению своей империи.

Но, несмотря на поражение, итальянцы не перестали быть грозными. Свободная конституция большинства их городов воспитала целую плеяду способных ораторов и государственных деятелей, а кимбрийская война подготовила многие тысячи храбрых ветеранов, которые были распущены после битвы при Верцеллах и еще не были вновь призваны под знамена в связи с каким-либо другим внешним конфликтом. Помимо этих ресурсов, у них был еще и могущественный друг в лице римского трибуна. М. Ливий Друз, сын противника Гракхов, которому сенат поручил обещать их противникам еще более щедрые уступки, чем сами Гракхи, искренне посвятил себя политике, которую его отец только делал вид, что поддерживает. Но, взяв на себя покровительство реформаторов, младший Друз не отказался от партии знати, с которой он был связан по наследству. Он стремился, по-видимому, с честным рвением,^[88] примирить интересы всех партий. Он вернул сенаторам судебную власть, а в то же время ввел в сенат триста всадников. Он сопровождал эти меры обещанием предоставить земли нуждающимся гражданам и дать право голоса итальянцам и латинянам. Из всех римских демагогов Друз по праву может считаться самым способным и мудрым. Полный уверенности в себе, он имел широкие взгляды, которые соответствовали его откровенному и смелому поведению. Он подражал великодушным добродетелям древней республики. Когда его архитектор предложил ему план дома, расположенного так, чтобы исключить наблюдение соседей, он воскликнул: «Построй мне лучше жилище, в котором все мои соотечественники смогут видеть все, что я делаю». Однако его принципы были менее строгими, чем его притязания. Необходимость его положения, которая требовала от него заводить друзей во всех партиях, требовала непомерных затрат, а средства, которыми он их покрывал, были осуждены как бесчестные. Его расточительность превосходила расточительность всех его предшественников в искусстве лести народу, и он осмеливался хвастаться, что его преемникам не останется ничего, кроме неба над головой и пыли под ногами. Его манеры были высокомерными и могли навести на мысль, что он стремился к царскому господству. Он говорил о республике как о «своей собственной», и когда сенаторы пригласили его посетить их обычное место собраний, он ответил, что будет ждать их прихода в курии Гостилия, которая оказалась для него наиболее удобной. Таков был человек, которого итальянцы с радостью провозгласили своим лидером. Когда он заболел, все города полуострова принесли обещания о его спасении. Казалось, что спасение страны зависело от его выздоровления.

Друзу действительно нужна была сильная поддержка в этом вопросе, чтобы он мог противостоять ненависти, вызванной его мерами среди привилегированных сословий в своей стране. Даже в своем собственном доме он был окружен робкими и ропщущими друзьями; его собственная семья была проникнута враждебностью к его открытой политике. Среди них был его племянник, М. Порций Катон, которому в то время было около четырех лет. Вождь марсиан, принятый в гостеприимство дяди, развлекался тем, что просил ребенка поддержать дело итальянцев. Катон, как гласит легенда, упрямо отказывался; ему предлагали игрушки и сладости, но он все равно отказывался. Наконец марсианин, раздраженный его упрямством, поднял его за ногу к окну и снова потребовал его согласия, угрожая бросить его вниз, если он не подчинится. Но ласки и угрозы были одинаково бесплодны, и марсианин вздохнул, подумав о сопротивлении, которое он должен был ожидать от мужчин, если простой ребенок мог проявить такую упорную негибкость.

Римский кирас

[91 г. до н. э.]

По мере развития интриг трибуна, неприятие его мер со стороны сената и всадников становилось все более заметным; и, несмотря на поддержку со стороны некоторых ведущих аристократов, он был вынужден укреплять союзнические узы между собой и итальянцами. Нетерпение его иностранных союзников было трудно сдерживать, и он был вынужден сам разоблачить заговор, который они замыслили с целью убийства консулов во время большого праздника латинских *ферей*. Но его влияние на них становилось все более сильным, и клятва, которую они дали, чтобы продвигать общие интересы конфедерации, выражала их полную преданность своему великодушному лидеру. Они поклялись, что не будут иметь других друзей, кроме его друзей, что будут считать его врагов своими врагами, что не пощадят никого, ни своих родителей, ни своих детей, ни собственные жизни, ради его блага и общего дела. «Если я стану римским гражданином, — продолжалась клятва, — я буду считать Рим своей родиной, а Друза — своим благодетелем». Сенат с возмущением узнал о развитии этих интриг в тот момент, когда ему предстояло голосованием утвердить предложение о предоставлении гражданских прав своим мятежным подданным. Ему сообщили, что Помпедий Сило, вождь марсийцев, с десятью тысячами воинов, скрывая оружие, шел по боковым дорогам к городу, чтобы запугать знати. Была отправлена армия, чтобы перехватить его, и последовали переговоры, в ходе которых лидер римлян заверил своего противника, что сенат действительно готов предоставить требуемое право.

На данный момент столкновение было предотвращено, но в курии дискуссия все еще велась оживленно, и решение оставалось неопределенным. Классы, выступавшие против уступки, привлекли на свою сторону часть итальянцев и, при поддержке умбров и этрусков, встревоженных планами основания новых колоний на их территории, все еще осмеливались отказывать в уступке. Когда наступил день голосования, консул Марций Филипп попытался разогнать собрание. Один из офицеров трибуна схватил его и задушил, пока кровь не хлынула из его рта и глаз. Город погрузился в состояние крайнего возбуждения. Трибуны выступили против трибунов, знатные против знатных, римляне против римлян, итальянцы против итальянцев. По улицам ходили вооруженные отряды обеих сторон. Все предвещало кровавое разрешение кризиса. В этот момент Друз, сопровождаемый несколькими своими

сторонниками, возвращался однажды вечером домой. Проходя по темному коридору, он вдруг закричал, что его ударили, и упал на землю с кинжалом, вонзенным в пах. Через несколько часов он скончался, произнеся на смертном одре: «Когда же Рим снова найдет такого хорошего гражданина, как я?» Убийца скрылся в толпе (91).

Убийство в целом было приписано сенаторской партии, и в особенности консулу Филиппу. Магистраты не стали расследовать обстоятельства, а противники убитого поспешили отменить те из его мер, которые уже были приняты в качестве законов; его сторонники были слишком ошеломлены, чтобы сопротивляться. Были быстро изданы суровые декреты против итальянцев, которым категорически запрещалось вмешиваться в дела республики. Неизвестный трибун иностранного происхождения по имени Варий был выдвинут всадниками для обвинения некоторых из главных знатных лиц, которые считались сторонниками движения. Бестия, Котта, Муммий, Помпей и Меммий были осуждены и изгнаны. Среди обвиняемых был и прославленный Эмилий Скаур. Единственным ответом, который он соизволил дать на обвинение, было следующее: «Варий Иберийский обвиняет Скавра, принца сената, в подстрекательстве итальянцев к восстанию. Скавр отрицает это. Римляне! Кому из них вы верите?» Народ оправдал его под восторженные возгласы. Но всадники по-прежнему жаждали мести своим извечным врагам, и только фактическое начало угрожавшего восстания помешало им осуществить более широкую проскрипцию самых непопулярных дворян.

Союзники отчаянно взялись за оружие. Смерть Друза и поражение его сторонников в городе лишили их поддержки со стороны других народов, но их последние сомнения исчезли с потерей римских союзников. Марсийцы были призваны возглавить восстание, и их вождь Помпадий Сило был душой конфедерации. Восемь или более народов, пиценты, вестины, маррукины, пелиньяны, самниты, луканы и апулийцы, вместе с марсийцами, обменялись взаимными заложниками и согласовали одновременное восстание. Теперь они впервые поклялись объединиться в постоянный союз. Они предложили создать великую федеративную республику, организованную по образцу самого Рима, с сенатом из пятисот человек, двумя консулами, двенадцатью преторами и столицей в центральной крепости Корфиниум в Апеннинах, которой они дали название Италия. Они отчеканили медали с изображением сабеллийского быка, топчущего под ногами римскую волчицу. Этот союз действительно ограничивался в основном народами сабелльского происхождения, и его декреты издавались на оскском языке, общем корне диалектов, которые тогда использовались среди центральных племен полуострова. Этруски, латины и умбры держались в стороне от него и вместе с Кампанией, которая уже была полностью романизирована, примкнули к судьбе Рима. Брутты больше не существовали как народ, а города Великой Греции утратили всякое политическое значение. Галлы за Рубиконом, которые присоединились к Ганнибалу против римлян, давно изможденных борьбой, теперь не предпринимали никаких попыток восстановить свою независимость.

Какова была относительная сила противостоящих друг другу сторон? Три века назад, во время великого галльского вторжения, народы Сабелии вместе с апулийцами могли, как говорят, вооружить 200 000 человек, в то время как этруски, латины и умбры хвастались 120 000 воинов. Поэтому, если предположить, что соотношение сил осталось неизменным в более поздний период, то одни только союзники, которые все еще оставались на стороне республики, могли по численности уравновесить три пятых всех сил, противостоявших ей. В то же время перепись населения самого Рима давала в общей сложности не менее четырехсот тысяч воинов; кроме того, он мог привлечь огромное количество вспомогательных войск из своих провинций и зависимых территорий за пределами Италии. Таким образом, силы Рима в три-четыре раза превосходили силы его противников. Кроме того, он занимал главные опорные пункты на всей территории своих противников, надежно

укрепленные против внезапных нападений и связанные между собой и со столицей большими военными дорогами. Но из этого внушительного перечня его ресурсов, с другой стороны, необходимо сделать значительные вычеты. Необходимо было содержать мощные гарнизоны во всех точках его обширной империи. Греция и Испания, Азия и Африка оттягивали жизненную силу из сердца к оконечностям. Настроения ее союзников были неопределенными и нестабильными; ее собственные граждане были капризными и могли легко поддаваться на уловки демагогов, а внутренние разногласия заставили ее с подозрением относиться ко многим из своих самых способных государственных деятелей. Массы простого народа Рима не проявляли серьезного интереса к политическим вопросам, за которые боролись итальянцы, и служили в легионах, руководствуясь исключительно корыстными мотивами.

СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА

[90 г. до н. э.]

Социальная или Марсийская война началась в 90 году. Республика была застигнута врасплох, в то время как ее противники уже завершили свои приготовления и поспешили перейти в наступление. Итальянские консулы, марсиец Помпадий и папиец Мутилус, самнит, командовали двумя разными ветвями конфедерации: одна действовала на севере между Адриатическим морем и границами Этрурии, откуда она пыталась проникнуть через долину Тибра в Рим; другая направлялась против Кампании и Лация на юге. В то время как основные армии были распределены таким образом, различные отряды под командованием Юдацилия, Лампония, Афрания, Пресентия, Веттия Ската, Мария Эгнация, Герия Асиния и других были поручены захватить крепости, занятые римлянами в центре их собственной страны. Вся конфедерация в мгновение ока подняла оружие, и последнее посольство, которое она направила в Рим, объявило о переходе на ее сторону трех четвертей Италии. Сенат смело отказался выслушивать требования, вынужденные мечом, и потребовал от союзников сложить оружие, прежде чем осмеливаться просить о милости. Консулы созвали граждан под свои знамена, и пока Альба в стране марсиан, Эзерния в Самнии и Пинна на территории вестингов сдерживали союзников, они набрали сто тысяч человек в легионы и выступили навстречу врагу. Луций Юлий Цезарь взял на себя оборону Кампании, Публий Рутилий расположился на линии Лириса и Толена, которая защищала Рим в направлении марсиан и пелинъян. Перперна с небольшим отрядом поддерживал связь между консульскими армиями и охранял подступы к Лацио через границу вольсков. Великий Марий, в верности которому сенат мог питать подозрения, был наделен небольшим отрядом на флангах Рутилиуса, в то время как Цепион и Помпей, Сульпиций и Красс получили приказ мешать действиям врага, совершая набеги на его территории и угрожая его армиям в тылу. В то же время в самом Риме был оставлен значительный резерв, а ворота и стены были должным образом отремонтированы и защищены от внезапного нападения. После бегства Ганнибала город забыл о возможности повторной осады.

Но римляне едва успели принять эти меры, как итальянцы стремительно набросились на них и прорвали их линии в разных местах. Консул Цезарь был разгромлен Веттием Скато в Самнии и изгнан из ворот Эзернии и Венафрума, которые он стремился поддержать. В то время как первый из этих городов продолжал сопротивляться жесткой блокаде, второй был сдан в результате предательства, а его гарнизон был перебит. Мутилус разгромил Перперну, повернул налево и бросился в Кампанию. Игнорируя или маскируя крепости на своих флангах и в тылу, он пересек страну со своими войсками, принял подчинение Нолы, Пестума, Стабии, Салерно, убив часть их защитников и принудив других вступить в свои

ряды. Но сердца кампанцев по-прежнему были с Римом. Неаполь, Нуцерия, Капуя и Ацерра оставались непоколебимыми, даже когда их территории были захвачены самнитами, а их рабы освобождены и тысячами зачислены в солдаты конфедерации.

Трибун в одежде воина

Поражения и позор римлян продолжали следовать одно за другим. Лампоний разгромил Красса и отвоевал Грументум, самое крепкое укрепление в Лукании, а Канузиум и Венузия в том же районе были захвачены Юдацилием. Цезарь потерпел второе поражение от Эгнатия при попытке освободить Ацерру, Помпей потерпел неудачу на границах Умбрии, и, наконец, консул Рутилиус, попавший в засаду Веттия Ската, был разгромлен и убит на Толенусе вместе с большей частью своих войск. Марий, который находился ниже по течению, узнал о бедствии своего генерала по трупам, которые проплывали мимо него по нисходящему течению. Он быстро переправился через реку и захватил лагерь врага в тылу, пока тот был еще занят сбором трофеев своей победы. Но успех этого блестящего маневра не смог компенсировать ни одного из многих поражений, которые понесли войска республики.

Дух победителей стольких сражений был поднят до предела. Этруски и умбры начали колебаться в своей верности Риму, а послы итальянцев искали более отдаленного и еще более грозного союза при дворе Митридата, царя Понта, вождя, чью мощь и ресурсы республика еще не научилась оценивать. Римляне, со своей стороны, хотя и не были ни потрясены, ни сбиты с толку, начали ощущать неминуемость опасности. Осознание опасности, возможно, восстановило их национальные чувства гордости и взаимного доверия. Тела консула и павших храбрых офицеров были перенесены в город и вызвали глубочайшие чувства скорби. Сенат был вынужден постановить, что отныне погибшие должны быть похоронены на месте, где они пали. Как и во времена галльских беспорядков,

все граждане вооружились, а мечи были выданы вольноотпущенникам, из которых было сформировано несколько отрядов для защиты города и его окрестностей. В этом состоянии серьезной решимости они ждали прибытия подкрепления из провинций. Сицилия продемонстрировала свою верность, с энтузиазмом снабжая войска всем необходимым для войны. Киссальпинская Галлия отправила десять тысяч солдат в армию Цезаря в Теанум; кроме того, он получил подкрепление в виде многочисленных отрядов мавров и нумидийцев. Теперь, когда он мог возобновить наступление, он снова выступил на помощь Ацерре, нанес Мутилусу сокрушительное поражение и отправил подкрепление в этот город. Граждане были успокоены этим проблеском победы и вернулись к мирной жизни и занятиям в пределах своих стен.

МАРИЙ ПРИНИМАЕТ КОМАНДОВАНИЕ

С этой победой Цезаря удача начала обращаться в сторону римлян, но все еще неуверенными и нерешительными шагами. После поражения Рутилия сенат объединил его разбитые силы с отрядами Мария и Цепиона, но так сильно он завидовал своему ветерану-генералу, что присоединил к нему его неопытного коллегу с равными полномочиями. Цепион, ослепленный незначительным успехом, позволил себе попасть в ловушку Помпедия. Марсианин, притворившись, что сдается республике, пришел с двумя молодыми рабами, изображавшими его собственных сыновей, в качестве заложников, с слитками позолоченного свинца, изображавшими золото, и предложил сдать римлянам вверенную ему армию. Цепион подчинился его указаниям и попал в засаду. Помпедий под предлогом разведки скакал на возвышенность и дал сигнал своим войскам. Римляне были окружены, атакованы и избиты, а проконсул Цепион погиб вместе с ними. Эта катастрофа, за которой последовала капитуляция Эзернии, страдавшей от крайнего голода, вынудила сенат передать Марию единоличное командование всеми своими войсками в этом районе. Он начал свои операции с той же осторожностью, которую проявил в своей кампании против тевтонов. Умело выбрав позиции, он обеспечил защиту границы от вторжений победоносных марсийцев, с которыми он отказался сражаться в открытом поле со своими измотанными и обескураженными солдатами (). «Если ты такой великий полководец, — воскликнул его противник, — почему же ты не выходишь на бой?» «Ты такой могущественный и победоносный, почему же ты не заставляешь меня?» — ответил Марий.

Но когда наступил подходящий момент, покоритель кимбров сумел им воспользоваться. Он вступил в бой с врагом и нанес ему сокрушительное поражение, в результате которого погиб Герий Асиний, вождь маруцинов. Но крестьянин из Арпинума, соучастник Сатурнина, человек, который бросил вызов римской аристократии, вооружил пролетариев и даровал свободу итальянским ветеранам, не мог не испытывать симпатии к народам, которые теперь противостояли ему. По крайней мере, для Мария эта война была гражданской, и многие из его легионеров, по-видимому, разделяли его чувства. Когда его войска оказались перед силами Помпедия, они узнали в рядах противника многих своих гостей и родственников. Они звали друг друга по именам и делали дружеские жесты руками. Оба вождя вышли из рядов и вступили в разговор, сожалея о неестественной борьбе, которая так долго разделяла их. Воодушевленные дружеским отношением своих вождей, солдаты сами вышли из строя и смешались друг с другом на равнине, как граждане на общем форуме. Можно полагать, что Марий был бы очень рад положить конец войне, пойдя на уступки, которые, по крайней мере, были ему безразличны или благоприятны. Но он командовал лишь частью войск республики, и, помимо армии Цезаря на юге, его сдерживало ревнивое наблюдение со стороны его собственного лейтенанта Суллы, который уже не раз отнимал у него лавры. Он был вынужден вновь вступить в бой с врагом, но сражался без энтузиазма и

отказался довести победу до конца. Честь дня вновь досталась его молодому сопернику, который атаковал итальянцев во время их отступления и полностью разгромил их. По хвастовству побежденных марсиан, это был первый случай, когда римляне выиграли сражение либо против них, либо без них.

Марий мог оправдывать свою безвольность слабостью и плохой подготовкой своих неопытных солдат, но легкий успех, последовавший за более решительными ударами его подчиненного, был достаточным опровержением его слов. Тот же самый колеблющийся и непоследовательный политик, который в качестве трибуна отверг популярную меру, который в качестве консула выступил против сената, который поддержал Сатурнина и вскоре заставил его подчиниться, который благоволил к итальянцам и в конце концов повел легионы против них, теперь вновь покинул свой пост и сложил оружие в момент победы. После дела Сатурнина, подозрительного и подозреваемого со всех сторон, он уединился в добровольном изгнании. Теперь он отказался от командования, благодаря которому он сделал итальянцев своими врагами, не обеспечив себе благодарности римлян, и притворился, что возраст и немощь не позволяют ему выполнять обязанности в лагере. Он удалился в свою виллу в Мисене, бывшую резиденцию матери Гракхов, а Сулла занял его место во главе легионов и на вершине народной благосклонности.

Тем временем римские войска увенчали успехом другие локальные сражения. Умбры и этруски, которые на мгновение угрожали присоединиться к общему отступничеству, были наказаны и усмирены. Но в отдаленных краях накапливались новые опасности. Трансальпийская провинция страдала от восстания салийцев, которое требовало немедленного подавления, а царь Понта готовился взять в руки оружие и отнять у республики ее владения на Востоке. В такой ситуации политика могла диктовать уступки, которые гордость так решительно отвергала, и в момент победы их можно было согласовать с большей легкостью. Консул Цезарь был уполномочен принять закон о предоставлении гражданских прав всем итальянским государствам, которые держались в стороне от общего восстания, наряду с теми, которые уже пользовались латинскими правами. *Lex Julia*, как по своему принципу, так и по своим непосредственным последствиям, была одним из важнейших законодательных актов республики и требовала, чтобы граждане таких государств, включая Умбрию, Этрурию и южные оконечности полуострова, лично прибыли в Рим и в течение шестидесяти дней потребовали свободы города. Время, отведенное на обдумывание, было недолгим, а трудности и опасности путешествия могли отпугнуть многих даже из тех, кто мог сразу же решиться отказаться от своих законов и институтов в пользу привилегий и иммунитетов метрополии. Поэтому вполне вероятно, что эта уступка была в конце концов скорее кажущейся, чем реальной, и что число тех, кто действительно ею воспользовался, было весьма ограниченным. Тем не менее, она послужила источником новых надежд для итальянцев (), отвлекла их внимание от совещаний и ослабила их сопротивление.

[90-88 гг. до н. э.]

С началом второго года войны (89 г.) римляне смогли перейти в наступление во всех направлениях. Гнаний Помпей и Порций Катон, консулы того года, атаковали союзников на севере: один в Пицене, другой на берегах озера Фуцинус. Сулла и Цезарь направили свои легионы против Мутилуса в Кампании, в то время как города Апулии и Лукании были атакованы и отвоеваны менее известными офицерами. Сам Порций был убит в сражении с марсийцами, но его смерть была быстро отомщена его коллегой. Юдаций, командовавший в Аскулуме, не сумев отразить осаждающих, построил погребальный костер в главном храме города и уложил свою постель на вершине. Затем он велел подать трапезу, принял яд и

поджег костер. Римляне вошли в незащищенные стены, убили жителей и превратили город в пепел.

Аскулум был оплотом итальянского союза на севере, и его падение открыло римлянам доступ в самое сердце их территорий. Еще одно крупное поражение, сопровождавшееся гибелью Веттия Ската, сломило дух марсиан, пелиньянцев и марруцинов, которые поспешили сложить оружие. Победоносный полководец Помпей получил триумф, и среди пленников, которых вели в цепях перед его колесницей, был ребенок, которого несла на руках его мать. Этот ребенок выжил, стал консулом в Риме и сам удостоился чести триумфа. Это был уроженец Аскулума по имени Вентидий, чья странная перемена судьбы заслуживала всеобщего восхищения. За лавровым колесницей следовали римские легионеры, и среди них, как можно предположить, был юноша, который впоследствии завоевал гораздо более благородную репутацию — Цицерон, главный из римских ораторов, который под покровительством Помпея заработал свою первую и единственную зарплату.

На юге смерть покойного консула Цезаря возложила на Суллу ответственность за ведение войны. Города Кампании один за другим падали перед его доблестью и удачей. Стабии были разрушены, Геркуланум и Помпеи капитулировали. Его продвижение на мгновение было остановлено мятежом в одной из частей его войск, в ходе которого погиб его лейтенант Постумий. Сулла призвал солдат к послушанию и потребовал от них искупить убийство гражданина потоками вражеской крови. Убедившись в их рвении и преданности своему гению, он повел их против самнитского полководца Клуентия и одержал кровавую победу под стенами Нолы. Оставив эту неприступную крепость позади, он вторгся на территорию ирпинийцев и разграбил их столицу Экуланум. Тем временем римский офицер по имени Косконий проник в Луканию и предательским образом разгромил Эгнация. Разбитые остатки союзных войск, сократившиеся до тридцати тысяч человек, были заперты в ущельях Апеннин. Помпей, последний выживший из отважной группы итальянских полководцев, в качестве последнего средства попытался окружить римлян пламенем рабского восстания. Он призвал рабов по всей Италии поднять восстание и вооружил их; в то же время он продолжал настаивать на помощи Митридата, а его посланцы обращались с просьбами к подданным республик в Греции, Азии и Африке. Последнюю битву умирающего союза () не омрачала ни одна тень. Помпей одержал победу и вошел в Бовианум, имитируя римский триумф. Но его успех был мимолетным, и его лавры быстро увяли. Он был убит на третьем году войны в сражении с претором Метеллом, недалеко от Теанума в Апулии (88 г.).

Тем не менее, ликование римлян по поводу постепенного изменения их судьбы было сдержано тревожными известиями, которые они продолжали получать из Азии (), где царь Понта, самый способный и могущественный противник, с которым они когда-либо сталкивались на Востоке, потрясал основы их господства. Они поспешили послать ему навстречу своего лучшего полководца и отборные войска; и в момент победы были готовы пойти на дальнейшие уступки, чтобы избавиться от вражды сокрушенных и разбитых итальянцев. *Закон Плавтия-Папирия* распространял на всех итальянских союзников привилегию, которая была предоставлена Умбрии и Этрурии *законом Юлия*. Право гражданства, то есть право на город, было предложено всем итальянцам, которые решили лично обратиться за ним в течение шестидесяти дней. Римляне подкрепили эту кажущуюся уступку большой умеренностью в использовании своей окончательной победы. Очень немногие из пленных вождей конфедерации были наказаны смертью. Территория покоренных городов не была конфискована государством, хотя состояние его финансов вынудило сенат продать земли, принадлежавшие понтификам и авгурам, расположенные в тени самого Капитолия. Итальянцы, уставшие от войны, были легко умиротворены таким политическим подходом. Корфиниум, предполагаемый соперник Рима, вновь превратился в незначительный провинциальный городок. Политический союз государств полуострова,

рожденный в момент энтузиазма, распался на части, чтобы больше никогда не воссоединиться; даже их общий язык, запрещенный римлянами в публичных документах их городов, вышел из употребления и был быстро забыт. Но последствия войны продолжали сказываться и после ее окончания. Банды вооруженных мародеров продолжали рыскать по стране, вызывая частичные волнения в различных районах. Горы Самния и великие леса Силы по-прежнему были прибежищем для врагов мира и порядка, а не для врагов Рима. Там, на протяжении более полувека, никогда не исчезали причины для восстаний; политические изгои и беглые рабы по-прежнему сопротивлялись регулярным войскам республики; жизнь и собственность были под угрозой; крестьяне и путешественники подвергались похищениям на общественных дорогах; даже в городах люди начали привыкать к ношению оружия, а знатные и благородные люди не рисковали путешествовать за границу без вооруженной свиты клиентов и слуг.

[88 г. до н.э.]

Закон Плавтия-Папирия, названный в честь трибунов, которые добились его принятия, как мы уже видели, предоставлял право голоса всем союзникам Рима в Италии. Однако это благо было далеко не всеми принято с восторгом. Ее привлекательной нашли только самые богатые и самые бедные классы — первые ради возможности разделить плоды далеких завоеваний, вторые — из-за щедрот, которые она предлагала развратным и праздношатающимся. Многие из этих классов, как можно предположить, стекались в Рим и селились вблизи Форума. Имена вождей итальянского союза, Папия и Эгнатия, Асиния и Клуентия, Веттия и Афрания, отныне входят в число аристократии Рима, в то время как римские ораторы и историки могли вполне обоснованно приписывать растущее разложение низших слоев населения иностранным элементам, которые теперь начали так сильно влиять на него. Но средние классы итальянцев, для которых эти преимущества были менее доступны и для которых постоянное посещение собраний и выборов было невозможно, находили себе полную компенсацию за потери дома, где, довольствуясь своими собственными муниципальными привилегиями и почестями (), они могли без соперничества и беспокойств наслаждаться комфортом и достоинством самоуправления. Число новых граждан, включенных в список цензоров, было, пожалуй, соразмерно числу новых племен, восьми или, как говорят некоторые, десяти, которые теперь были добавлены к существующим тридцати пяти. Гражданин по-прежнему был обязан лично явиться на избирательные участки; расстояние до его фактического места жительства не могло служить оправданием против укоренившегося обычая и санкции национальной религии. Ведь Римский форум был святым местом, выборы и собрания были священными обрядами, освященными предзнаменованиями и ритуальными церемониями; приемы современных правительств, при которых голоса федеральных общин могут быть подсчитаны на месте или их голоса представлены местными делегатами, были недопустимы по принципам римского и, по сути, всех древних государственных устройств.

Теория, согласно которой одно и то же лицо не могло быть одновременно гражданином двух государств и что, принимая прерогативу римского гражданства, оно теряло право голоса в своей родной стране, могла заставить многих преданных патриотов колебаться в принятии предлагаемого благодеяния. Некоторые города, особенно греческого происхождения, для которых институты эллинской цивилизации были по праву дороги, такие как Неаполь, Гераклея и Путеолы, продолжали стойко отвергать его. Брундизиум не принял его сразу, но позднее получил от Суллы римскую привилегию освобождения от земельного налога. Мы не можем с уверенностью установить, по каким правилам управлялись муниципальные органы власти, где жители были почти поровну разделены между римлянами и итальянцами. Однако вполне вероятно, что эта уступка была быстро

принята почти на всей территории полуострова. Право голоса могло быть справедливо проигнорировано, но гражданство давало права на собственность, брак и освобождение от налогов, которые считались существенными преимуществами. Неприкосновенность личности и освобождение от прихотей и тирании чиновников также были преимуществами, которые не могли не цениться высоко. С этого момента предоставление провинциалам привилегий столицы стало более широко признаваться в качестве основополагающего принципа политики. В особых случаях полное право голоса было предоставлено различным государствам в Испании, Африке и Галлии, и стало необходимым объявить, какие народы, ввиду их варварства и закоренелой враждебности, например, германцы и некоторые галльские племена, должны быть официально признаны не имеющими права голоса.

Включение итальянцев в число своих граждан заслуживает того, чтобы быть признанным самым серьезным политическим шагом во всей истории республики. В наше время это часто осуждается как безоговорочная ошибка, и общее одобрение, с которым это встретило у римских писателей, можно, без сомнения, объяснить тем, что мастера римской литературы почти во всех случаях были сами итальянцами или провинциалами; но на самом деле им не нужны такие оправдания для мнений, которые они так широко выражали. Они правильно оценили политику всеобъемлющего подхода, которую республика теперь смело начала проводить и от которой она никогда не отступала, пока вся масса ее подданных не была включена в число ее собственных детей, как справедливую, так и благотворную. Несомненно, это в некоторой степени способствовало ускорению уничтожения старых национальных чувств, но они уже были смертельно поражены и были обречены на быстрое исчезновение в общей коррупции общества. Это более непосредственно превратило легионы в инструменты личной амбиции их генерала, но самая сильная преграда этой роковой тенденции уже была устранена зачислением в армию Мария, и, как мы видели, это было оправдано и одобрено необходимостью государства.^c

СНОСКИ

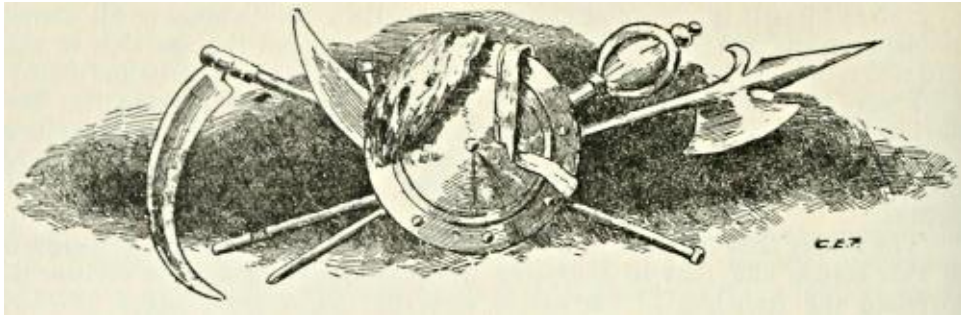
[84] [Аппиан^f сообщает нам, что Сатурнин имел за спиной сельских жителей, которые были честными гражданами, в то время как развратная толпа на Форуме поддерживала сенат. Этот факт обычно упускается из виду.]

[85] [Как представитель сельского сословия, Марий последовательно поддерживал итальянцев; он не был таким невежественным и колеблющимся, как обычно предполагают. Именно чернь противостояла интересам итальянцев.]

[86] [Его противники, справедливо или нет, обвинили его в этом преступлении.]

[87] [Ине^d говорит: «Марий оказался в затруднительном положении. Он больше не мог контролировать свою партию и был увлечен ею против своей воли далеко за пределы того, что он намеревался сделать».]

[88] [Ине^d говорит о нем: «В нем было что-то от благородного энтузиазма Гракхов. Щедрый и свободный от всякого эгоизма и подлости, но не имея политического опыта, ловкости и знания людей, он стремился к задаче, которая превосходила его силы». Веллей Патеркул^e называет его «человеком благороднейшего происхождения, величайшей красноречивости и строжайшей чистоты жизни, но который во всех своих начинаниях больше отличался способностями и благими намерениями, чем успехами».

ГЛАВА XVIII. МАРИЙ И СУЛЛА

Личное соперничество двух самых удачливых полководцев теперь становится главной темой истории самого Рима. В год, который положил конец борьбе республики с ее зависимыми союзниками (88), Сулле было сорок девять лет, а Марию — около семидесяти. Первый наслаждался полным расцветом популярности и славы, в то время как второй, утомленный, но не насыщенный накопленными почестями, угрюмо отбрасывал преимущества, заработанные им в начале своей карьеры. Как мы уже видели, от кампании к кампании Сулла следовал по стопам старшего воина, всегда готовый вмешаться и воспользоваться возможностями, которые тот безрассудно упускал. Не то чтобы Марий, находясь на своем высоком посту, с самого начала был равнодушен к этой зарождающейся rivalry. Он глубоко завидовал своему подчиненному. Он испытывал досаду от контраста между их происхождением и родом; ведь Сулла, хотя и был беден, был потомком знаменитого рода Корнелиев и гордился тем отличием и преимуществом, которые давал ему такой род. Кроме того, Сулла получил греческое образование, которое Марий, осознавая свою нехватку в этом, тщетно пытался презирать. Сулла писал и говорил по-гречески; его мемуары о своей жизни стали учебником для греческих историков Рима, от которых мы в основном черпаем наши знания о нем. Но этот блеск высшей культуры, по-видимому, не смог смягчить грубую плебейскую натуру. Сулла был одним из многих знатных римлян, которые сочетали притязания на литературный вкус с любовью к грубому разврату и удовольствием от общества мимов и вульгарных шутов. Он был грубым чувственником и своим пренебрежением к брачным узам () оскорблял даже распущенную мораль своего времени. Говорят, что его глаза были чистого и пронзительного голубого цвета, а их злое выражение усугублялось грубостью его кожи и лицом, изуродованным прыщами и пятнами, которое греки в своих насмешках сравнивали с шелковицей, посыпанной мукой. Его манеры, за исключением тех случаев, когда он расслаблялся в обществе своих подчиненных, были высокомерными и угрюмыми; ни один его добрый или великодушный поступок не был зафиксирован. Вельможи, которые приняли его в качестве своего поборника, не испытывали к нему личной симпатии. Но, несмотря на свою эгоистичность и амбициозность, Сулла с фанатизмом стремился к укреплению своей партии и своего сословия. Он презирал изолированное господство Мария и стремился править в Риме во главе доминирующей олигархии.

Марий покинул лагерь в самый критический момент войны и, уединившись в отдаленном убежище, Сулла завершил борьбу, добившись избрания на пост консула на 88 год. Неминуемость новой войны с Митридатом ускорила подготовку к миру, и Сулла все еще был консулом, когда возникла необходимость выбрать генерала для командования на Востоке. Заслуги и положение Суллы давали ему наибольшее право на эту важную должность, но Марий был унижен и ревновал, проклиная свою глупость, из-за которой он в такой момент ушел из общественной жизни. Он нетерпеливо вернулся в Рим и снова

показался среди молодых солдат, которые тренировались и упражнялись на Марсовом поле, бегая, борясь и лазая по шестам, соревнуясь с самыми энергичными и активными из них, чтобы доказать, что, несмотря на свой возраст, он обладает энергией, необходимой для командования. Но знатные люди не желали удовлетворять человека, которого они боялись и которому не доверяли, поскольку нашли среди себя человека, на чью верность они могли полагаться так же безоговорочно, как и на его доблесть. Они высмеяли неуклюжие подвиги ветерана-кандидата и убедили народ последовать их примеру и с насмешками отправить своего старого фаворита в отставку в Кампанию.

Это предприятие требовало человека с самыми зрелыми способностями и высочайшими способностями. Понт, на восточном побережье Эвксинского моря, регион, от которого Митридат получил свой титул, составлял лишь небольшую часть владений, которыми он правил. Свое родовое королевство он унаследовал от целой династии князей высокого персидского происхождения, и сам был шестым правителем с таким именем. На севере он распространил свою власть на племена Кимбрийского Боспора вплоть до берегов Борисфена, или Днепра, а на юге он получил от своего отца власть над Фригией, которую республика продала за определенную сумму денег. Действительно, римляне вновь отняли у него эту страну в начале его правления, но он воспользовался их разногласиями, чтобы вмешаться в дела Каппадокии, убить, как говорят, ее правителя и, наконец, посадить на трон своего собственного младенца. Армии Митридата набирались из выносливых варваров Кавказа и Тавра, но его полководцы были, пожалуй, в основном греческого происхождения и в военном деле не уступали римлянам. Он также сумел привлечь на свою службу многих способных граждан республики, поскольку верность римлянам в провинциях была не очень прочной, и их легко было отвлечь от своих принципов соблазнами восточной цивилизации. Его собственный гений был заметным как в войне, так и в мире. Он был крепким телосложением и экспертом в военных упражнениях. История о том, что он укрепил свой организм против яда постоянным употреблением противоядий, является лишь романтической выдумкой, которую современная наука объявила невозможной; не более правдоподобно и то, что он мог, как утверждается, общаться с различными племенами, составлявшими его царство, на двадцати пяти разных языках или диалектах. Наши сведения о великом царе Понта происходят исключительно из римских источников, и мы не можем безоговорочно полагаться на отдельные случаи жестокости и вероломства, записанные о нем. Однако, как настоящий восточный человек, он, скорее всего, удерживал власть с помощью обычных для восточных завоевателей уловок, бесстыдного обмана и безжалостной жестокости.

ПЕРВАЯ МИТРИДАТОВАЯ ВОЙНА

[92-88 гг. до н. э.]

В 92 году римляне вмешались, чтобы отменить назначение Митридата на трон Каппадокии. Митридат не рискнул сопротивляться, но тайно подговорил Тиграна, царя Армении, вторгнуться в страну и изгнать кандидата от республики. Ариобарзан бежал в Рим, где получил заверения в поддержке. Сулла, в то время претор в Киликии, получил приказ восстановить его, пока царь Понта оставался спокойным. Но положение дел в республике в Италии вскоре ободрило его. Смерть царя Вифинии дала ему возможность, и он осмелился бросить вызов западным завоевателям, поставив претендента на трон, который они считали своим достоянием. В то же время он лично вторгся в Каппадокию и во второй раз изгнал несчастного Ариобарзана.

Бедствия Социальной войны теперь сеяли смятение и ужас в сердце республики. Сулла был отозван, чтобы помочь лучшим полководцам в ее защите. Тем не менее, когда беглец вновь явился перед сенатом с просьбой о поддержке, он не напрасно апеллировал к старой римской стойкости. Была отправлена армия, чтобы восстановить его власть, и Митридат вновь склонился перед бурей и ушел с спорной территории. Но римские офицеры на Востоке не были удовлетворены этим актом подчинения. Они подстрекали своих союзников к набегам и вторжениям на его владения, и когда он обратился к ним с просьбой, они отказались остановить их агрессию. Тогда, наконец, Митридат взялся за оружие для своей защиты. С огромными силами он вторгся на территории как республики, так и ее союзников. Он в третий раз изгнал Ариобарзана из его владений, разгромил царя Вифинии, поддерживаемого легионами Рима, в великой битве на реке Амниас в Пафлагонии, разгромил римского полководца во втором сражении, захватил Фригию и Галатию и провозгласил себя освободителем подданных республики на Востоке. Его приход был встречен провинциалами с восторгом. Наглость завоевателей и тирания их финансовых агентов вызвали среди них глубокое недовольство. На материке почти каждый город с радостью открыл свои ворота Митридату, и когда в опьянении от своего триумфа он издал, как нам говорят, указ о массовом убийстве всех римских жителей Азии, он был немедленно выполнен, если, конечно, как можно справедливо предположить, это не было сделано спонтанно, в преддверии его издания. Согласно сообщениям, в результате этого кровавого акта возмездия погибло 80 тысяч граждан, а по некоторым данным — 150 тысяч, хотя даже меньшее число, вероятно, является грубым преувеличением.

ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Тем временем сенат готовился встретить этого грозного противника с достаточными силами и, как мы уже видели, выбрал Суллу для командования. Марий был возмущен бездействием, к которому он был приговорен среди насмешек народа. В своем уединении в Мисене он обдумывал месть. Новые граждане Лация и Италии были уже унижены, обнаружив неэффективность своих голосов, ограниченных небольшим меньшинством племен, и незначительное значение, придаваемое их поддержке. Их знатные жаловались на отсутствие влияния, а пролетариат — на ничтожную цену, которую имели их голоса. Марий придумал идею обратить их недовольство себе на пользу. Между ним и ними существовала давняя симпатия, и ее было легко превратить в прочный союз. Он предложил исправить несправедливость сената по отношению к ним и распределить их по старым племенам города, где их голоса будут иметь большее значение, чем в узких пределах нескольких отдельных подразделений. Марий возобновил свою старую игру по агитации народа.

Среди трибунов был Сульпиций Гальба, чья красноречие, ученость и высокие аристократические связи подняли его на вершину государства, но который под давлением долгов был готов продать свои услуги покровителю, который мог предложить ему хотя бы отдаленную перспективу раздела добычи Митридата. С этой наградой в виду он не останавливался ни перед чем. Взяв за образец Сатурнина, он стремился только превзойти его в смелости. Он собрал вокруг себя отряд из шестисот всадников и дал им название своего оппозиционного сената. Он напал на консулов в народном собрании с отрядом вооруженных людей, схватил и убил сына Помпея Руфа. Другой консул, Сулла, будучи преследуемым, скрылся в доме Мария, где его меньше всего могли искать, и таким образом озадачил преследователей, которые пробежали мимо него. Сам Марий получил признание за то, что укрыл его и выпустил через другую дверь, но Сулла, как нам говорят, не упомянул об этой услуге в своих мемуарах. Марий действительно на мгновение торжествовал. Сульпиций, очистив Форум от своих главных противников, убедил народ назначить своего покровителя командующим в Азии; и новый проконсул, готовясь к отправке в свою миссию, послал двух трибунов, чтобы принять армию Суллы. Но Сулла, сбежав с Форума, сразу же отправился в свой лагерь. Он разжег ярость своих преданных солдат, рассказав им о двойном оскорблении. В то время как офицеры, люди знатного происхождения и с национальными чувствами, отказались слушать его просьбы, солдаты откликнулись на них без колебаний и понесли его знамена в сторону Рима, убив по дороге посланцев Мария. К ним присоединился Помпей Руф с знаменами консульства, и эти буйные отряды вновь приобрели вид регулярной армии; Сулла мог с некоторой долей законности провозгласить себя защитником государства и мстителем за оскорбления, нанесенные ему в лице его главных магистратов.

Это смелое движение было совершенно неожиданным. Шесть легионов продвигались к городу, а люди, только что захватившие власть, были совершенно невооружены, чтобы сопротивляться им. Марий послал двух преторов навстречу врагу, чтобы приказать им остановиться, но солдаты не послушали их и не остановились. Их лишили тог, сломали фасции и приказали им вернуться со всеми признаками унижения. Такое насилие предвещало еще худшее. Граждане были в ужасе и, не обращая внимания ни на Мария, ни на Сульпиция, послали послов, чтобы умолять наступающих генералов остановиться, обещая полностью удовлетворить их требования законными и мирными средствами. Говорят, что сам Сулла засомневался в своем смелом замысле, но его успокоил сон, в котором странное божество, которому римляне научились поклоняться на Востоке, вложило в его руку молнию и велело ему бросить ее в своих врагов. Он продвигался вперед, а Марий, тщетно пытавшийся собрать войска, чтобы противостоять ему, поспешно бежал. Когда он вошел в

город, с крыш домов на его солдат бросали черепицу и камни, но угроза сжечь город вскоре заставила всех противников подчиниться. Сулла завоевал Рим.^[89]

Но завоеватель был умерен в использовании своей победы. Он заставил свои войска соблюдать строжайшую дисциплину и ограничил свою личную месть требованием смерти двенадцати своих врагов. Сульпиций был предан одним из своих рабов и казнен мечом. Сулла освободил предателя за его послушание эдикту, а затем сбросил его с Тарпейской скалы за измену своему хозяину. Сам Марий бежал из города, а за его голову и голову его сына была назначена награда. На следующий день Сулла созвал народ на собрание на Форуме. Он объяснил им, что враги-фракционеры вынудили его прибегнуть к силе, но, взяв в руки оружие, он был полон решимости не складывать его, пока не обеспечит власть оскорбленных знати от будущих посягательств трибунов. Сульпиций во время своего краткого пребывания у власти вернул изгнанников по закону Вария и усилил влияние итальянцев в комициях. Сулла отменил все эти постановления и, чтобы обеспечить постоянство своих собственных, отменил торжественный устав, который придавал силу закона *плебисцитам*, или решениям народа. Насилие Мария довело его соперника до противоположной крайности и привело к контрреволюции на руинах трибунских амбиций. Но Сулла еще не был готов ввести олигархическую тиранию, нарушающую все конституционные нормы. Он оставил народу свободу голосования и заявил, что не недоволен его смелостью, с которой он отверг его племянника как кандидата в консулы.

Гнавий Октавий, твердый, но независимый сторонник сената, получил одно место, но народ дал ему в коллегию Луция Корнелия Цинну, известного сторонника Мария. Сулла, возможно, притворился, что направляет их в этом последнем выборе; он потребовал права обязать нового консула поддерживать его собственные меры торжественной клятвой. По его указанию Цинна поднялся на Капитолий с камнем в руке, который, после того как он принес клятву, бросил на землю, проклиная себя, чтобы его изгнали из города с такой же жестокостью, если он не будет ее соблюдать. Римляне были глубоко впечатлены такими религиозными формальностями, и особый ужас, с которым они относились к последующим злодеяниям Цинны, был, возможно, окрашен возмущением его клятвопреступством. Ведь едва вступив в должность, он сразу же приступил к нарушению соглашения, которое обещал уважать, и инициировал судебный процесс против самого Суллы. Но Сулла был полон решимости начать операцию против Митридата и не стал ни отвечать на обвинение, ни наказывать обвинителя. Ожидаемая им победа была бы достаточным ответом народу и дала бы ему возможность завершить политику, для которой он до сих пор заложил лишь основу.

Гай Марий

Тем временем Марий спасался бегством, скрывая голову, за которую была назначена награда. Его романтические приключения с большим оживлением описывает его биограф Плутарх. Покидая Рим, он был отделен в темноте ночи от сторонников, которые помогали ему бежать. Укрывшись на своей ферме в Солониуме, он послал сына за провизией к своему родственнику, жившему по соседству, но во время его отсутствия, опасаясь неожиданного нападения или, возможно, подозревая своих ближайших друзей, он покинул это убежище и поспешил в Остию, где, как он знал, его ждал корабль. Сын добрался до места, куда его послали, но дом был немедленно окружен вражескими разведчиками, и его с трудом удалось спасти от преследования, перевезя в телеге, спрятанном под грузом фасоли, в дом его жены в Риме. На следующую ночь он добрался до моря и, сев на корабль, направлявшийся в Ливию, благополучно прибыл туда.

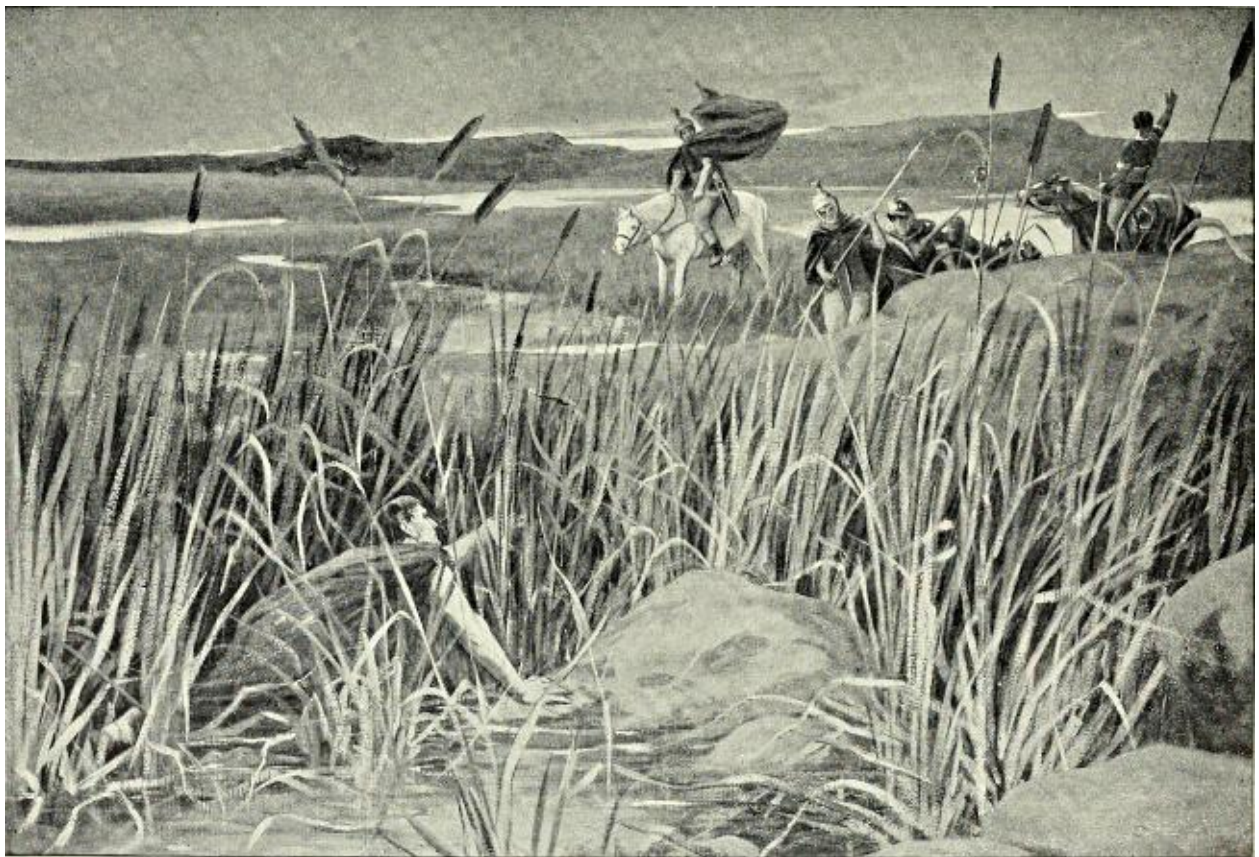
Старший Марий плыл вдоль побережья Италии при благоприятном ветре, но, опасаясь попасть в руки своего личного врага Геминия, одного из главных людей Таррацины, он приказал морякам не заходить в этот город. К сожалению, ветер изменился, и сильный шторм, обрушившийся на берег, не позволил им остаться в море. Старик, встревоженный опасностью и мучимый морской болезнью, приказал им плыть к берегу, который они достигли недалеко от Чирчеи. Теперь они также нуждались в провизии, в поисках которой они сошли с корабля и бродили по берегу. Некоторые пастухи, к которым они обратились, но которые не могли им ничего дать, узнали Мариа и предупредили его, что только что видели всадников, разъезжающих в поисках его. Усталый и измученный голодом, его жизнь зависела от милости товарищей, которые были не менее измучены, чем он сам, он свернул с дороги и углубился в густой лес, где провел ночь в крайних мучениях. На следующий день, вынужденный голодом и желая использовать оставшиеся силы, прежде чем он полностью истощится, он снова отправился на дорогу в поисках гостеприимного пристанища. Он поддерживал свой дух и дух своих спутников, повторяя им о чудесах, которые предсказывали ему величие в молодости, и уверяя их, что ему суждено в седьмой раз занять высший магистратский пост. Он подошел на расстояние двух или трех миль от Митурны, когда они заметили приближающийся к ним отряд всадников и в тот же момент две барки, плывущие вдоль побережья. Бежав к морю со всей силой, на которую были способны, и бросившись в воду, они поплыли к судам. Марий, тучный и тяжелый, совершенно

измученный усталостью, был несен или тороплен усилиями своих рабов и с трудом поднят на борт, в то время как всадники, следовавшие за ними по пятам, кричали морякам, чтобы те бросили его в волны. Моряки, тронутые жалостью, сначала отказались сдать его, и всадники уехали в гневе; но вскоре они передумали, причалили к берегу и убедили Мария покинуть судно, поесть и отдохнуть на суше, пока они, как они притворялись, будут ждать вечернего бриза. Как только его подняли с судна и положили на траву, его носильщики вернулись на корабль; паруса были подняты, и он обнаружил, что его предали и бросили. Некоторое время он лежал в отчаянии; наконец он поднялся и сделал еще одну попытку спастись.

Побережье у устья Лириса, где его высадили на берег, было пустынным болотом, через которое несчастный Марий с трудом и болью пробирался, пока не достиг одинокой хижины старика. Падая к его ногам, он умолял спасти человека, который, если бы ему удалось избежать нынешней опасности, вознаградил бы его сверх всяких надежд. Старик, который либо знал Мария с давних пор, либо понял по выражению его лица, что он человек высокого ранга, предложил ему приют в своей хижине, если приют был всем, что ему нужно, но пообещал укрыть его в болотах, если он бежал от преследования врагов. С помощью старика Марий спрятался в яме у берега реки и прикрылся камышом и осокой.

Но Геминий из Таррацины был в горячем преследовании. Обыскав все убежища поблизости, он добрался до хижины в болоте и громко спросил обитателя. Марий, услышав разговор, охваченный приступом ужаса, вылез из своего укрытия и погрузился в воду по подбородок. В таком положении его обнаружили, вытащили и голым отвели в Митурны. Магистраты здесь и в других местах получили приказ разыскать беглеца и казнить его, когда он будет пойман. Декурионы Митурн собрались на совещание и решили исполнить приговор и получить награду. Но никто из их граждан не хотел взять на себя эту неприятную обязанность. Марий был помещен под стражу в частном доме; кимбрийский раб, пленник из Верцеллы, был послан с мечом, чтобы казнить его. Марий притаился в самом темном углу комнаты, и, согласно легенде, человек заявил, что из его глаз сверкало яркое пламя, и из мрака раздался голос: «Негодяй, ты смеешь убить Гая Мария?» Варвар тут же бросился бежать, бросил меч и выбежал за дверь, восклицая: «Я не могу убить Гая Мария». Митурняне были потрясены и проникнуты раскаянием: «Пусть уходит, — сказали они, — куда ему угодно, в изгнание, и пусть страдает в каком-нибудь другом месте от той участи, которая ему уготована. И давайте молиться, чтобы боги не обрушили на нас свой гнев за то, что мы изгнали Мария из нашего города в нищете и лохмотьях». После этого все главные люди этого места явились перед ним и предложили с честью проводить его до побережья, снабдив его всем необходимым для его комфорта. Нужно было действовать быстро, и ближайший путь лежал через священную рощу Марики, из которой все, что однажды было занесено, никогда не разрешалось выносить обратно. Но когда один старик воскликнул, что для Мария нет непроходимых дорог, его голос был воспринят как божественное предупреждение, и сама суеверие пало перед поборником Италии.

Таким образом, Марий сумел уйти от своих ближайших преследователей. Он отплыл в Африку, но, высадившись на берегу Сицилии, чтобы запастись водой, едва не был схвачен и убит. На берегах Африки он надеялся найти союзников среди вождей Нумидии, с которыми он установил дружеские отношения во время войны с Югуртой. Он высадился на берег, чтобы дожидаться результатов переговоров. Пока он сидел в молчаливом раздумье среди руин Карфагена, сам являя собой не менее ужасающее зрелище разрушения, римский наместник провинции послал ему предупреждение, чтобы он уходил. Нумидийцы не могли рискнуть укрыть его, и он был вынужден укрыться на острове у побережья, где он некоторое время оставался в безопасности.

МАРИЙ СКРЫВАЕТСЯ В БОЛОТАХ

В то время как покоритель кимбров бежал от своих соотечественников, а его триумфальный соперник вел войну против Митридата на Востоке, в Риме дела стремительно развивались к новой и неожиданной революции. Самниты никогда полностью не складывали оружие после общего умиротворения Италии; они поднялись под предводительством Понтия Телезина, вызвали новые волнения среди рабов и бандитов на юге полуострова и в один момент угрожали вторжением в Сицилию. Метелл Пий, которому было поручено подавление этой новой Социальной войны, не смог вступить с врагом в решающее сражение, но продолжал сражаться с ним с переменным успехом. Армия севера по-прежнему была расположена в Пицене под знаменами Помпея Страбона, который не проявлял никакого желания сложить с себя командование по окончании военных действий в этом районе. Сенат направил бывшего консула Помпея Страбона Руфа, чтобы тот принял от него легионы. Но у сената не было средств удовлетворить требования солдат о выплате жалованья и подарках, и его посланник встретил холодный прием со стороны разочарованных наемников. Их недовольство вскоре вылилось в открытый мятеж, спровоцированный, как общепринято считать, самим Помпеем Страбоном. Руф был убит у алтаря, где он приносил жертву. Страбон вскоре появился среди мятежников и восстановил порядок, не проводя расследования и не налагая наказаний. Таковы были настроения армии и генерала, на которых Рим теперь был вынужден полагаться как для умиротворения Италии, так и для поддержания установленного правительства.

Как только Сулла удалился в Азию, Цинна перестал скрывать свои намерения. Провозгласив себя восстановителем прежнего порядка вещей, он потребовал отзыва изгнанников из своей партии и восстановления законов Сульпиция, то есть полного и окончательного освобождения Италии. В тогдашнем настроении общественности такие требования не могли не вызвать бунта на Форуме. Так и произошло. Начались беспорядки, пролилась кровь. Но Цинна просчитался со своими силами. Новые граждане, на чьи усилия

он полагался, были немногочисленны. Сенат, его коллега Октавий и даже большинство трибунов плебеев вместе с массой коренных граждан объединились против него. Они взялись за оружие и изгнали его сторонников из города. Можно предположить, что Цинна рассчитывал в этой неудавшейся попытке на поддержку Помпея Страбона, в то время как этот полководец, сдержанный и, возможно, нерешительный, довольствовался тем, что наблюдал за происходящим издали, позволяя двум фракциям ослабить и измотать друг друга.

Победившая партия лишила Цинну консульства и избрала на его место Л. Мерулу, жреца Юпитера, человека, уважаемого за свое происхождение и известного своей честностью. Цинна, объявленный вне закона и преследуемый, обратился к новым гражданам Кампании и рассказал им о преследованиях, которым он подвергался за свою преданность их интересам. Кампанцы проявили больше рвения в защите своих новообретенных прав, чем в борьбе за их получение. Цинна удалось собрать вооруженную группу сторонников. Многие изгнанники из его партии присоединились к нему, среди них был и К. Серторий, выдающийся военачальник. Он не постеснялся объединиться с самнитами и луканами, явными врагами республики. Одетый в черное, с растрепанными волосами и бородой, он осмелился войти в лагерь римского полководца в Кампании и пробудил сострадание солдат при виде консула, преклонившегося перед ними в мольбе. Они настояли на том, чтобы подчиниться его приказам. Во главе римской армии он потребовал восстановления своих прав и поклялся уничтожить своих противников.

Странствуя от побережья к побережью и пробираясь через засады тысячи врагов, Марий не был не осведомлен о происходящих событиях. Он нашел способ общаться со своими друзьями, и когда он внезапно бросился на побережье Этрурии, к нему присоединились несколько сторонников с отрядом из пятисот беглых рабов. Этрурия, как мы уже видели, была переполнена крепостными, которых местные хозяева держали в состоянии унижения и нищеты. Не подозревая о бурных политических событиях, эти люди стекались под знамя авантюриста как под символ мести и грабежа. В то время как Марий наступал на город с запада, Цинна медленно приближался с противоположной стороны.

В то же время Серторий и Карбо угрожали ей с других сторон, и Рим оказался окруженным четырьмя армиями своих собственных мятежных граждан — поддерживаемых ресурсами самнитского восстания. Чтобы противостоять этим нарастающим опасностям, сенат поспешно отозвал Метелла, приказав ему заключить мир с самнитами на любых условиях. Но условия, которые они выдвинули в своей дерзости после триумфа — предоставление гражданских прав, компенсация за потери, сдача беглых рабов без права возвращения или взаимности — были невыносимы для гордости римского полководца. Метелл осмелился не подчиниться приказу и прервал переговоры. Он оставил небольшой отряд под командованием своего лейтенанта Плавтия, чтобы сдержать продвижение врага, а сам поспешил в Рим. Плавтий был быстро побежден, и мятежные римляне получили подкрепление в виде всех сил самнитского союза, который обрек сам Рим на разрушение. «Не будет мира в Италии, — восклицали они, — пока не будет истреблена лесная чаща, в которой римские волки устроили себе логово». Сенат оказался в безвыходном положении. Послы были отправлены в лагерь Помпея Страбона в Пиценуме; его командование было признано, его услуги были востребованы, его возвращение для защиты города было горячо просьбено. В этот момент Страбон мог чувствовать себя арбитром судьбы своей страны; но он все еще колебался в отношении своего курса и, по-видимому, продолжал вести переговоры с обеими сторонами, пока успехи марианцев не уменьшили ценность его приверженности.

Внутри города зародилась измена. На мгновение Рим был открыт для Мария, и ему почти удалось войти через ворота со стороны Яникула, откуда он был отбит после ожесточенного сражения. В лагере Страбона, который он продвинул почти до стен, вспыхнул мятеж. Его солдаты, по-видимому, лично ненавидели его; против него был организован заговор, который был сорван только благодаря преданности его сына, который бросился на землю и заявил, что мятежники должны пройти по его телу, прежде чем они достигнут цели своей ярости. Молодой Помпей уже был любим солдатами, и этот энергичный вызов спас жизнь его отцу. Но вскоре последовали голод и мор. Жители города гибли в больших количествах, и солдаты обеих сторон также не были избавлены от заразы. Консулы, покинув нездоровые районы вокруг стен, отвели свои легионы на гору Альбан. Сам Страбон стал жертвой болезни или, как сообщают некоторые источники, был убит молнией. Не исключено, что он был действительно убит.

Этот последний удар парализовал сопротивление сената. Первая делегация была отправлена к Цинне, чтобы договориться об условиях урегулирования. Когда они были отклонены, вторая делегация была уполномочена только просить об амнистии. Цинна принял ее, сидя в своем курульном кресле, с знаками консульской должности, которую он, как он утверждал, занимал. Марий стоял рядом с ним, грязный и небритый, одетый в черные лохмотья изгнанника и преступника, и его мрачное молчание интерпретировалось в худшем смысле, как двусмысленный ответ, который Цинна дал делегации. Но на переговоры больше времени не было. Сенат поспешил пригласить своих завоевателей в пределы города.

Наконец Марий произнес горькие слова: «Изгнанник не должен входить в город». Восстановление Цинны в должности консула, а его соратника — в его достоинствах и привилегиях, возможно, спасло Рим от передачи самнитам для разрушения, но победоносные полководцы все еще должны были удовлетворить своих солдат и не побоялись предать город на разграбление и массовое убийство. Они дали слово о безопасности консула Октавия, а авгуры, к которым он обратился за советом, осмелились заверить его в его безопасности. Уверенный в этих заверениях, он отверг просьбы своих друзей помочь ему бежать и заявил, что как консул он никогда не покинет свою страну. Он отправился с небольшой свитой на Яникул и там сел на свое курульное кресло, окруженный знаками своей должности. Здесь он вскоре понял, что ни достоинство его должности, ни обещания победителей не вызовут уважения. Но он отказался встать со своего места, и когда к нему подошла группа убийц, спокойно подставил себя под меч.^[90] Его голову отсекли и отнесли к Цинне, по приказу которого она была подвешена перед трибуной. Говорят, что это был первый случай публичной демонстрации этих ужасных трофеев гражданской войны, и обычай, который стал слишком частым в последующих столкновениях римских фракций, был таким образом введен в отношении высшего магистрата города. По мере того как продолжалась резня, тела всадников и менее знатных граждан выбрасывали для погребения, а изуродованные головы сенаторов оставляли для выставления на Форуме. Жажда мести или грабежа сменилась диким удовольствием от сопутствующих ей ужасов, и сам народ, развращенный и деградировавший, научился наслаждаться кровью жертв. В списке убитых числятся многие из самых благородных имен Рима. П. Красс, который был и консулом, и цензором, либо покончил с собой, либо был убит убийцами. М. Антоний, прославленный в то время и долгое время после этого запомнившийся как один из величайших римских ораторов, был убит лидером отряда солдат, которых он почти убедил своей красноречивостью пощадить его. Погибли два Юлия, родственники Юлия Цезаря, а также будущий диктатор Марк Юлий Клавдий (). Некоторых поймали и убили во время бегства; других, которые осмелились броситься на милость Мария, холодно отвергли и жестоко убили.

Сам Марий редко снисходил до того, чтобы отвечать на их мольбы, но его последователи получили указание пощадить только тех, кому он протягивал руку для поцелуя. Мечи наемных убийц были направлены в первую очередь против сторонников Суллы и аристократической фракции, которые были особыми объектами мести завоевателя, но их число быстро увеличилось за счет рабов и итальянцев, которые приносили в жертву своей безразборной ярости людей из всех партий.

В течение нескольких дней Цинна и Марий позволяли этим головорезам беспрепятственно буйнить. Наконец они сочли необходимым положить конец их систематическим убийствам и грабежам. Серторию было поручено подавить их с помощью военной силы, а сами убийцы почувствовали на себе острие меча, которым они так долго безнаказанно орудовали. Но новые правители города продолжали уничтожать с помощью судебных процессов тех, кто избежал буйного насилия. Цинна не мог простить прославленному Меруле преступление, состоявшее в том, что он унаследовал консульство, которого сам был лишен. Фламен Юпитера перерезал себе вены, предварительно торжественно заявив в письменной форме, что он снял свою официальную шапку с кисточкой, чтобы не ввергнуть свою страну в грех святотатства. Катул, благородный соратник Мария в последней битве против кимбров, бросился на колени и тщетно умолял о пощаде. «Ты должен умереть», — был единственный ответ, который ему был дан; и он был вынужден задохнуться от угля в только что оштукатуренной комнате.

[87-86 гг. до н. э.]

ЗНАМЕНОСЕЦ

Цинна и Марий приступили к реорганизации государственного управления. Не удостоив даже созвать собрание племен, они по собственной инициативе назначили себя на высшие магистратские должности. Марий стал консулом в седьмой раз. В возрасте семидесяти лет, с подорванным здоровьем и угасающими силами, которые помогли ему перенести столько испытаний, он достиг вершины своих устремлений и осуществил предсказание, уверенность в котором придавала ему мужества в столь тяжелых испытаниях. Тем не менее, в то время как Цинна оставил за собой управление делами в Италии, старый полководец был предназначен возобновить командование легионами и отнять у Суллы руководство войной против Митридата.

Сулла, как уже сообщалось, заставил царя Понта просить о мире и собирался вернуться, чтобы еще раз сразиться с узурпаторами республики. Марий, на которого предсказания о конечном успехе его молодого соперника произвели не меньшее впечатление, чем предсказания о его собственных триумфах, содрогнулся от приближающейся битвы, в которой он чувствовал себя обреченным на поражение. Мучимый ужасными снами и измученный ночными бдениями, он искал спасения от своих мыслей в постоянном опьянении.^[91] Устав от жизни, он едва ли мог желать продлить существование, которое стало для него таким невыносимым бременем. Однажды вечером, как рассказывают, во время прогулки с друзьями после ужина он заговорил о событиях своей жизни, начиная с детства, и, перечислив свои триумфы и опасности, сказал, что ни один разумный человек не должен доверять судьбе после таких перемен, после чего он попрощался с друзьями, пролежал в постели семь дней подряд и умер. Мы склонны подозревать, что, движимый отвращением и отчаянием, он сократил свои последние дни самоубийством. Похороны покойного консула были отпразднованы с помпой и сопровождались, если верить рассказанной нам истории, ужасающей церемонией. В древности, согласно традиции, было принято убивать рабов или пленников на могиле умершего героя; но если такой обычай и существовал среди римлян, то он давно смягчился, по крайней мере, до показательных гладиаторских боев.

Однако в этом случае трибун Флавий Фимбрия решил принести в жертву манам умершего благородную жертву. Поэтому он велел привести перед погребальным костром почтенного Муция Сцеволу, главу римских юристов, и приказал жрецу вонзить ему меч в грудь. Раненного старика разрешили унести и ухаживать за ним друзьям, под чьей опекой он выздоровел. Но когда Фимбрия узнал, что тот все еще жив, он привел его к суду и, когда его спросили, в чем он его обвиняет, холодно ответил: «В том, что он уцелел». Эта история, рассказанная Валерием Максимом, основана, возможно, на неправильном толковании отрывка из Цицерона, который говорит только о том, что Фимбрия требовал, чтобы Сцевола был ранен ().^[92] Если бы трибун намеревался совершить жертвоприношение, он вряд ли допустил бы, чтобы оно осталось незавершенным. Всего одиннадцать лет назад человеческие жертвоприношения были отменены декретом сената. Но во многих искупительных и очистительных обрядах проливание капли крови сохранялось как символ древнего обычая, с которым его часто путали. Можно добавить, что историки прошли мимо этого шокирующего события в полном молчании; а фактическая смерть Сцеволы будет описана позднее.^b

ОЦЕНКА МАРИЯ ИХНОМ

«Оценка Мария, данная ему потомками, не является, как в случае со многими другими выдающимися людьми, колеблющейся и противоречивой. Он не относится к тем, кто для одних является героем, а для других — злодеем, и ему не пришлось ждать веков, как Тиберию, прежде чем его истинный характер стал известен. Не обращая внимания на сознательные искажения его личных врагов, мы можем сказать, что он всегда считался

хорошим образцом подлинного древнего римлянина, в исключительной степени соединявшего в себе добродетели и недостатки грубого неграмотного крестьянина и бесстрашного солдата. Никто никогда не осмеливался отрицать, что благодаря своим выдающимся военным способностям он оказал своей стране неоценимую услугу. Никто не сомневался в его строгих добродетелях, простоте и честности, качествах, благодаря которым он, не меньше, чем благодаря своему военному гению, заслужил почитание народа. С другой стороны, все признают, что как политик он был некомпетентен и был лишь инструментом в руках тех, с кем он действовал. Но болезненная амбиция и мстительная страсть в конце концов подтолкнули его к поступкам, которые заставляют усомниться, не было ли бы лучше для Рима, если бы он никогда не родился. Таким образом, он не заслужил и не получил безоговорочного восхищения; но поскольку его самые мрачные поступки были совершены в моменты, когда он был полубезумным от перенесенных страданий и унижений и, возможно, едва сознавал, что делает, по мнению гуманных судей, он может выиграть в сравнении с Суллой, который действовал обдуманно и хладнокровно, когда обрекал на смерть тысячи людей и устраивал ужасающее зрелище проскрипций».^e

Цинна выбрал своим коллегой Валерия Флакка, того самого, который четырнадцать лет назад, будучи консулом, помог Марию подавить заговор Сатурнина; это назначение, по-видимому, свидетельствовало о значительном уважении к государственным обычаям, поскольку Флакк, хотя и был ранее консулом и цензором, принимал гораздо меньшее участие в недавней борьбе, чем Карбо или Серторий, чьи более низкие звания компенсировали их более высокие заслуги. Цинна теперь активно занимался выполнением своих обещаний перед союзниками. Цензоры были избраны специально для того, чтобы осуществить полное освобождение Италии путем подавления десяти итальянских племен и включения новых граждан по закону Плавтия в число тридцати пяти племен города. Была ли эта надпись основана на принципе численного уравнивания или географического распределения, или же была попыткой совместить оба этих принципа, мы, пожалуй, не имеем возможности определить; но таким образом было стерто последнее оставшееся различие между римлянами и итальянцами, по крайней мере для тех из последних, кто решил воспользоваться предложенной привилегией. Самниты, луканы и другие по-прежнему презирали ее. Другая мера, предпринятая Флакком (), была более деликатной и представляла больший общественный интерес. Консул решился провести реформу долгов и облегчить нарастающие страдания бедных граждан, позволив аннулировать все обязательства путем выплаты одной четверти основной суммы. Он обменял, как выразились римляне, серебро на медь, поскольку медная монета, называемая асом, была приравнена к серебряному сестерцию, который в то время стоил в четыре раза больше своей внутренней стоимости. После столь долгой череды войн и революций, а также фатальных изменений, которые долгое время происходили в сфере владения собственностью, вполне возможно, что эта мера была принята как необходимая мера. Но какова бы ни была срочность ситуации, этот шаг был страшным предзнаменованием для будущего и не мог не разжечь преступные надежды у развратных и недовольных людей на протяжении более чем одного последующего поколения. Осуществив эту важную меру, Флакк встал во главе легионов, предназначенных для Понтийской войны, и отправился на Восток, чтобы следить за действиями Суллы.

Не встретив сопротивления со стороны лучших войск и самых опытных полководцев республики, Митридат добился поразительных успехов. Королевства Вифиния и Каппадокия без сопротивления перешли в его руки. Римская провинция Азия подчинилась и даже встретила своего нового хозяина с восторгом. Оттуда он переправился через Эгейское море, приняв подчинение его богатых и процветающих островов, а его адмирал Архелай захватил сам Афины с их гаванью в Пирее и всеми морскими запасами и снаряжением.

Греческие города в большинстве своем были благосклонны к освободителю, который обещал сломать жезл проконсульского угнетения. Было невозможно предвидеть, как далеко может распространиться зараза провинциального недовольства, и когда Сулла высадился на восточном побережье Адриатики, его задача расширилась до повторного завоевания одной половины империи.

СУЛЛА В ГРЕЦИИ

Кроме того, в отличие от своих предшественников, завоевывавших Восток, он не располагал неограниченными ресурсами республики для поддержания своих действий. Сулла осознавал, что он был лишь полководцем партии, которая, хотя и торжествовала в данный момент, но, как он хорошо знал, была неустойчива, и каждое письмо, приходящее к нему из Рима, приносило ему тревожные вести о страхах и опасностях, грозивших его друзьям, которых он оставил позади. Он прибыл в Грецию в начале 87 года с пятью легионами, которые он не имел возможности пополнить, и мог опасаться, что в течение еще одного года его сменит другой полководец, возможно, назначенный его врагами. Он не мог терять ни минуты. Вместо того чтобы обуздать разнузданность своих солдат и укрепить давно ослабленную дисциплину, что требовало времени и спокойствия, он был вынужден стимулировать их рвение и обеспечить их послушание дополнительными поблажками и еще большей вседозволенностью. Он позволил, чтобы его поход сопровождался грабежами, разорением и святотатством. Он пересек Грецию и Азию, чтобы насытить своих людей добычей, прежде чем обратить их оружие против захватчика с Востока. Священные сокровища храмов в Эпидавре, Эфесе и Олимпии последовательно попали в его руки. Когда боевой дух его солдат достиг предела, он привел их под стены Афин, которые быстро взял и предал разграблению. В Беотии он встретил врага в открытом поле и разгромил его в великой битве при Херонее (Chæronea, 86 г.). Флакк теперь шел по его стопам и призывал его передать командование своему законному преемнику.

[86-84 гг. до н. э.]

Он был готов смело обратиться против вторгшихся, уверенный в преданности своих солдат, когда Митридат разместил вторую армию в пределах его досягаемости. Вторая великая битва при Орхоменосе сломила силу царя Понта, вынудив его действовать в обороне за водами Эгейского моря. Греция осталась чистой ареной для сражений римских армий. В конце 86 года Сулла расположился в Фессалии, а Флакк, не рискуя вступать с ним в бой, двинулся в боковом направлении и наблюдал за ним из окрестностей Византия. Среди офицеров нового консула был Флавий Фимбрия, трибун, чья жестокость уже была отмечена. Любимый солдатами, чью распушенность он поощрял, в то время как его генерал тщетно пытался ее подавить, Фимбрия замыслил стать независимым от правительства на родине и сам сыграть роль Страбона или Суллы. Флакк был убит в своем лагере, а Фимбрия, который, как можно предположить, был зачинщиком этого преступления, был провозглашен генералом на его месте самими солдатами. Но ни они, ни их новый вождь не решились сразиться с соперничающим императором в Фессалии. Переправившись в Азию (85), они опустошили все плодородные равнины и богатые города, нападали на войска Митридата везде, где могли их достать, и разгромили сына самого великого царя. Митридат был изгнан из Пергама и вынужден укрыться в Питане, где он, вероятно, был бы схвачен, если бы Лукулл, лейтенант Суллы, не удалил флот, с которым он сотрудничал, на безопасное расстояние, чтобы не дать выскочке Фимбрии увести честь такого триумфа у своего начальника. Митридат бежал по морю, и Сулла начал с ним переговоры. После того как он сдал Вифинию Никомену, Каппадокию Ариобарзану, отказался от своих притязаний на

провинцию Азия и сдал большую часть своего флота и сокровищ, он был торжественно принят в союз и дружбу с Римом. Таким образом, Сулла ограничил врага республики пределами его владений, существовавших до войны; но, несомненно, если бы его собственные ресурсы были более обильными, а его положение более безопасным, он не удовлетворился бы бесплодной победой и не вернулся бы с границ империи, не попытавшись их расширить.

Сулла вторгся в Азию, чтобы вести переговоры под угрозой меча. Как только они были завершены, он резко обернулся против Фимбрии. Две римские армии встретились недалеко от Тиатир, но солдаты Фимбрии, подкупленные золотом, быстро дезертировали, и даже те, кто все еще держался своих знамен, отказались сражаться со своими братьями на поле боя. Не сумев организовать убийство своего соперника, Фимбрия лишился последнего средства. В этой крайней ситуации Сулла пообещал ему жизнь при условии, что он сложит с себя командование и уйдет из Азии. Когда Рутилий от имени своего полководца предложил ему безопасный проход для отступления по морю, он гордо ответил, что знает более короткий и лучший путь, и пронзил себя мечом.

Фимбрия мог вполне отчаяться, когда увидел, какими силами его собственная победа над Митридатом вооружила чемпиона партии, которую он оскорбил. Сулла мог оставить на Востоке легионы, которые его соперники привели, чтобы разделить или оспаривать его лавры, а сам он направился в Италию с тридцатью тысячами ветеранов, которые три года служили под его знаменем и за время стремительной карьеры, полной славы и грабежей, научились считать его основателем и залогом своей удачи. Сокровища Митридата (), пополненные выкупом сотни греческих и азиатских городов, обеспечили ему достаточные средства для обеспечения их верности. Огромные флоты Азии, переданные в его руки, могли быть использованы для сокращения долгого марша через Фракию и Македонию. Новость о капитуляции и смерти Фимбрии сопровождалась объявлением о скором возвращении Суллы; и умеренность, которую он проявлял, пока его успехи были еще неполными, уже сменилась горькими жалобами на нанесенные ему обиды, конфискацию его имений, изгнание его семьи, проскрипцию его самого и преследование его партии. Но его враги и враги республики, которых он объединил в одну группу, теперь, по его словам, должны были понести заслуженное наказание; объявляя амнистию честным людям всех партий, он заявил, что будет уважать привилегии итальянцев и не оставит им никакого повода для того, чтобы посвятить себя его противникам.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СУЛЛЫ И ВТОРАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

[84-83 гг. до н. э.]

Сенат, не меньше чем народ, был напуган этим манифестом. Столь многие из партии Мария влились в поредевшие ряды древней аристократии, что надвигавшаяся контрреволюция казалась угрозой не только для безопасности той конкретной фракции, которая стремилась править государством, но и для всей массы знати, которой грозила безразборная резня. Как в Риме, так и во всех государствах полуострова, превратности войны и конфликты особых интересов в значительной степени стерли старые различия между партиями, и как Цинна, так и Сулла полагались скорее на личные, чем на политические связи. Сенат, как государственный орган, мог только делать вид, что выступает посредником между соперничающими вождями.

Теперь он решил послать делегацию, чтобы умиротворить ярость завоевателя; с другой стороны, он запретил консулам готовиться к собственной обороне. Цинна и Карбо (), который теперь сменил Флакка, проигнорировали это слабое вмешательство. Они провели

новые наборы по всей Италии и убедили самнитов и луканов отомстить Риму, вновь вооружившись против его победоносного полководца. Итальянцы обещали свою помощь, но войска, которые они набрали для этой цели, не могли быть убеждены сесть на корабли, и экспедиция, которую Цинна опрометчиво решил возглавить против Суллы на Востоке, была с неохотой отменена. Сам Цинна вскоре после этого был убит в своем лагере собственными мятежными солдатами. Карбо воспользовался нестабильной обстановкой, чтобы задержать выборы другого коллеги, и до конца 84 года оставался единственным консулом. Он укрепил свою власть, еще больше расширив избирательное право и зачислив большое количество освобожденных рабов в тридцать пять племен города. Его кратковременная узурпация была периодом безудержного насилия. Он сбрасывал своих врагов с Тарпейской скалы и изгонял трибунов из города. Он заставил испуганный сенат издать указ о роспуске всех легионов, находившихся в то время под ружьем, надеясь обвинить Суллу в нелояльности, если тот, как он, конечно, и ожидал, откажется подчиниться приказу. К этому времени Сулла собрал свои войска в Диррахии, и этот указ стал сигналом для него переправиться через море с пятью легионами ветеранов. Захватчик знал, что ему предстоит сразиться с армиями, значительно превосходящими его по численности, но он также знал, что эти армии в основном состояли из новобранцев, а старые солдаты, которые были среди них, были рассеяны по мелким отрядам и находились под командованием неизвестных военачальников. Он также не предполагал, что между множеством полководцев, под командованием которых они были выстроены, — самим Карбо, молодым Марием, Целием, Карриной, Брутом, Серторием и другими — могла существовать какая-либо доверие или согласие. Итальянцы встали на сторону Карбо и Мария, но многие племена были, по крайней мере, равнодушны к этой cause, и можно было ожидать, что обещания и взятки, которые мог дать Сулла, найдут свой путь в лагерь врага. Север Италии, цизальпийцы, пиценты и марсийцы завидовали самнитскому союзу на юге; и даже самниты, в своей непримиримой враждебности к римской власти, по-видимому, тайно вели переговоры с захватчиком, в котором они, со своей стороны, видели только врага республики. Умение Суллы было равно его доблести. Он смог проникнуть в самое сердце Италии, не нанеся ни одного удара. Один за другим самые прославленные офицеры правительства переходили к нему со своими войсками. Метелл Пий поднял свое знамя в Лигурии; молодой Помпей, уже ставший кумиром своих солдат, набрал для него три легиона в Пиценуме и нанес поражение марианцам в нескольких сражениях. Красс, сын жертвы недавних проскрипций, который был вынужден скрываться последние восемь месяцев в пещере, Цетег, Долабелла и М. Лукулл, брат легионера Суллы в Азии, придали его делу блеск своих благородных имен. Преследование, которое молодой Марий вскоре возобновил против самых выдающихся сенаторов, привело к полному совпадению интересов Суллы с интересами высшей аристократии города.

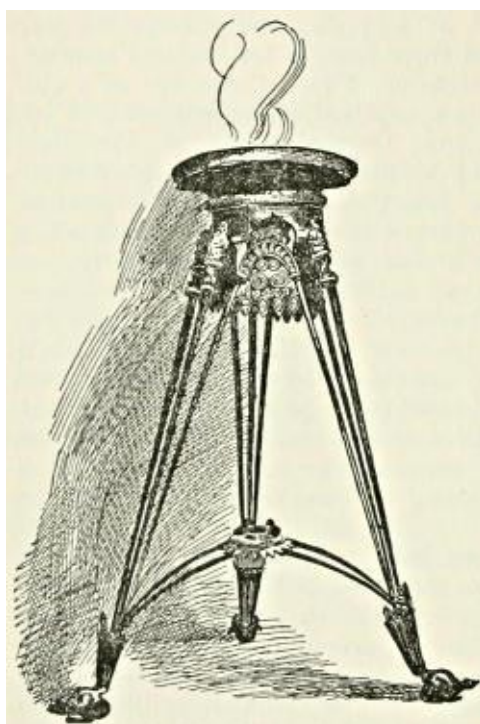
[83-82 гг. до н. э.]

В этот кризисный момент событие, происхождение и виновники которого так и не были выяснены, погрузило город в смятение. 6 июля 83 года Капитолий был охвачен пожаром; даже сивиллины свитки, хранившиеся в его самых потаенных укромных местах, были поглощены пламенем. Это разрушение святилища республики, места, где находились ее самые богатые и величественные храмы, а также оракулы, которые направляли самые торжественные решения сената, многим показалось предзнаменованием больших перемен в судьбе государства. Это было завершением первой главы истории Рима.

Из Апулии Сулла, как мы видели, беспрепятственно прошел в Кампанию. Там он встретил консула Норбана, которого он победил в окрестностях Капуи. Сципион, другой консул, командовал второй армией в Теануме, в нескольких лигах позади своего коллеги. Сулла потребовал перемирия и использовал это время, чтобы подкупить солдат, противостоявших

ему, которые быстро перешли на его сторону. В начале 82 года Карбо и молодой Марий заняли консульские посты: один взялся закрыть перевала Апеннин и сдержать угрожающее нападение Метелла и Помпея на севере, а другой — прикрыть подступы к Лации от наступающих легионов Суллы. Первый добился некоторых успехов против Метелла и был вынужден отступить только из-за критического положения своего коллеги. Марий выбрал Пренесте, неприступную позицию на границе Лация, в качестве своей штаб-квартиры. Там он собрал свои вооруженные силы и собрал все сокровища, которые он накопил за время своего пребывания в отставке, включая добычу из многих храмов города и большое количество золота и серебра, извлеченного из подземелий под Капитолием. Возможно, полагаясь на силу этой цитадели, он не пытался помешать Сулле захватить перевалы Апеннин и не вышел навстречу своему противнику, пока тот не достиг Сакрипорта, расположенного в четырех лигах от Пренесте. Полное поражение, которое Марий потерпел в этом месте, открыло путь к Риму; Сулла мог позволить себе оставить своего разгромленного врага за неприступными стенами и продвигаться к городу, который, как он хорошо знал, был готов открыть свои ворота. Он прибыл слишком поздно, чтобы предотвратить кровавую бойню, в которой Марий приказал убить самых знатных из своих оставшихся врагов в самой курии. Среди жертв был Муций Сцевола, великий понтифик, который не раз чудом избегал смерти и теперь был принесен в жертву перед алтарем Весты, вечный огонь которой не погас даже от скудных капель крови, которые могли дать вены старика.

Сулла замаскировал Пренесте отрядом под командованием Лукреция Офеллы, а сам быстро пересек Рим и бросился в Этрурию, где Карбо продвигался на помощь своему коллеге Марию, будучи сам не в состоянии удержать свои позиции в Цизальпийской Галлии против Метелла и Помпея. Карбо расположился недалеко от Клузия, за Кланисом, со своими итальянскими союзниками и некоторыми галльскими и иберийскими войсками. Однако часть иберийцев перешла на сторону врага, и генерал в приступе отчаяния приказал убить остальных. Вступив в бой с врагом, он одержал две незначительные победы и провел кровопролитную битву без решающего результата. Но удача стала более благосклонна к Сулле, который отрезал одну большую часть своих противников и теперь с нетерпением ждал прибытия Метелла и Помпея, чтобы окружить Карбо непреодолимым превосходством сил. В этом затруднительном положении Карбо, вместо того чтобы броситься на помощь Пренесту, повернул назад, чтобы остановить нападающих с севера.

Кадильница

Он довольствовался тем, что отделил часть своей армии, чтобы соединиться с продвигавшимися самнитами и таким образом создать отвлекающий маневр справа от позиции Суллы. Сулла принял меры для охраны ущелий, ведущих к Пренесте, а Помпей, совершив боковое движение, застал врасплох и разгромил отдельную часть войск. Однако территория вокруг укреплений Карбо была очищена. Перед ним был только один враг, Метелл, и он бросился на него с отчаянной решимостью. Но великая битва, произошедшая в Фавентии недалеко от Равенны, привела к его полному поражению, с потерей десяти тысяч убитых и нескольких тысяч дезертиров. Его офицеры поспешили разграбить и предать его. Его квестор Веррес ограбил его военную казну, а Альбинованус убил нескольких военачальников, которых он пригласил на банкет. Норбанус сел на корабль и бежал на Родос. Карбо, собрав новую армию в Этрурии и некоторое время ведя партизанскую войну в горах, бросил своего соратника на произвол судьбы и бежал в Африку. Серторий уже вышел из борьбы, которую он считал безнадежной (), и занялся формированием нового союза в

Испании. Вожди Мариана () сдали Италию сенату и попытались поднять провинции против него (82).

Сулла и его соратники направили свои победоносные легионы на последнюю армию Мария в ее последнем оплоте, Пренесте. Но Понтий Телезин, возглавлявший объединенные силы самнитов, луканов и кампанов, для которых уничтожение или унижение Рима было более важной целью, чем успех любой из римских партий, воспользовался случаем, чтобы отомстить за своих соотечественников столице их общих врагов. Умело уклонившись от линий многочисленных легионов, которые теперь сосредоточивались на Пренесте, они ночью проникли на расстояние десяти или двенадцати миль от города, который они надеялись застать врасплох и предать пламени. Но они потратили один день на подготовку к штурму, и за это время небольшой гарнизон в городе смог связаться с Суллой. Первого ноября самниты двинулись вперед, но Сулла уже был у них на хвосте. У Коллинских ворот он догнал их и вступил с ними в долгий и отчаянный бой. Со времени вторжения галлов Рим никогда не сражался с врагом так близко от своих стен и никогда не был так близок к гибели.

Сражение длилось сутки. Левое крыло, которым командовал сам Сулла, было разгромлено, и беглецы, бежавшие к линиям перед Пренестом, восклицали, что битва проиграна, а их император убит. Но тем временем Красс с правым крылом прорвал ряды врага и преследовал его до Антемны. Восемь тысяч итальянцев были взяты в плен, а римские офицеры, захваченные в их рядах, были преданы мечу. Понтий Телезин, тяжело раненный в бою, был убит победителем на поле сражения. Вся его жизнь была посвящена ненависти к Риму, и в тот момент, когда он наконец избежал его убийственных рук, он больше не мог желать жить. Он был последним итальянским врагом Рима. Как противник Дециев и Фабиев, он мог бы уничтожить римское имя и изменить ход истории. Но в эпоху Мария и Суллы он мог надеяться только на один день грабежей и пожаров, и когда этот мимолетный триумф был у него отнят, какое более сладкое удовлетворение он мог желать, чем пасть среди пятидесяти тысяч трупов, половина из которых были римлянами?^[93]

Как только пренестинцы узнали о результате этого кровавого дня и увидели головы итальянцев и марианцев, которые в знак триумфа несли под их стенами, они открыли ворота победителям. Молодой Марий укрылся в подземном помещении вместе с братом Понтия Телезина. Решив не попадать в руки врага, они вызвали друг друга на бой, и Марий, убив своего друга и союзника, приказал рабу убить себя. Несколько городов все еще сопротивлялись. В Норбе в Лации жители предпочли погубить себя вместе со своим городом, чем подчиниться завоевателю. Нола открыла свои ворота после долгой обороны; Волатера сопротивлялась два года. Но борьба в Италии была безнадежной. Испания и Африка действительно восстали против римского правительства, но ворота полуострова были надежно закрыты для этих иностранных союзников.

События и обстоятельства сыграли свою роль в формировании политики Суллы и его характера. Любящий литературу, тщеславный в своих достижениях, привязанный к легкомысленным удовольствиям и легкомысленным людям, человек, как говорят, с мягкими и даже нежными чувствами, легко прослезившийся от грустной истории, Сулла в молодые годы удивлял своих соотечественников, а не пугал их, успехами своей военной карьеры и влиянием на солдат. Высокомерная ревность Мария побудила его занять противоположную позицию в общественной жизни. Соперничество двух великих полководцев усугублялось ным контрастом их манер, происхождения и связей. Размышляя над своими личными обидами, Сулла незаметно стал отождествлять себя с делом олигархии. Кровавое насилие Цинны и Мария раздражало защитника преследуемой

фракции, и он поклялся отомстить авторам проскрипций. Но оппозиция, с которой он столкнулся в Италии, расширила его взгляды за пределы партийной борьбы. Этрурийцы и самниты превратили его из главы римской фракции в главу римской нации. Клятвы истребления, которые они произносили против священного города Квирина, глубоко запечатлелись в его сознании. На Востоке он продемонстрировал свое презрение к справедливым требованиям провинциалов. Он безжалостно насмеялся над криками несчастных греков и азиатов и вновь наложил на их шеи все тяжесть и тягость ярма, от которого они тщетно просили Митридата избавить их. Человек, завоевавший Восток, теперь завоевал Италию и решил восстановить верховенство своих соотечественников у их собственных ворот, которое он с триумфальным успехом отстоял на самых дальних рубежах их империи.

На утро после битвы у Коллинских ворот Сулла выступал перед сенатом в храме Беллоны. Как императору, командующему вооруженными силами, закон запрещал ему входить в город, и сенаторы прибыли на его призыв за пределы городских стен. Внезапно за пределами места собрания раздались крики ужаса и отчаяния. «Не пугайтесь», — спокойно заметил он испуганным сенаторам, — «это всего лишь несколько негодяев, которых я приказал наказать». Это были предсмертные крики восьми тысяч самнитских пленников, которых он передал на расправу своим легионам на Марсовом поле. Первый удар он нанес итальянским союзникам, но вскоре он обрушил свою месть на самих римлян. По возвращении из Пренеста он взошел на трибуну и обратился к народу. Он хвастался своим величием и непреодолимой силой и великодушно заверил их, что будет делать им добро, если они будут хорошо ему подчиняться, но своим врагам он не даст пощады и будет преследовать их до самой смерти, как высокопоставленных, так и низкопоставленных, преторов, квесторов, трибунов и всех, кто вызвал его справедливое негодование.

ПРОСКРИПЦИИ

Эти слова были сигналом для его сторонников, и еще до того, как имена обреченных граждан были публично объявлены, многие осуществили свою личную месть и выдвинули свои требования к благодарности победителя. Семья Мария была одной из первых, подвергшихся нападению. Один из его родственников по имени Марий Гратидиан, который прославился своим преторством, остановив обесценивание монет, был преследуем Катилиной, жестоким молодым офицером, и убит с помощью самых ужасных пыток. Убийца положил окровавленную голову Мария Градиана на банкетный стол Суллы и хладнокровно омыл руки в очистительных водах соседнего храма. Тело самого великого Мария, которое было похоронено, а не сожжено, было вырвано из могилы на берегу Анио и брошено в реку. Это осквернение погребальных обрядов было кошунством, которому до сих пор не было примеров в борьбе римлян. Потрясенный и оскорбленный народ никогда не забыл об этом. По словам поэта, писавшего о гражданских войнах, беспокойный призрак продолжал бродить по этому месту и отпугивал земледельцев от их труда в преддверии надвигающейся беды.

Множество жертв уже погибло, когда Катул спросил Суллу в сенате: «С кем же нам праздновать победу, если кровь продолжает течь в наших городах так же обильно, как на поле битвы?» Молодой Метелл осмелился спросить, когда же закончатся эти страдания и как далеко Сулла зайдет, прежде чем они смогут надеяться на их прекращение. «Не щадите, — добавил он, — тех, кого целесообразно устранить; только избавьте от неопределенности

тех, кого вы намерены спасти». Сулла холодно ответил, что еще не решил, кого он пощадит. «Тогда скажите нам, — воскликнул Метелл, — кого вы намерены наказать». После этого появился список проскрипций, содержащий восемьдесят имен. Это вызвало всеобщее недовольство, но тем не менее через два дня к списку было добавлено еще 230 имен, а на следующий день — еще столько же. Эта проскрипция, о которой Сулла не советовался ни с одним магистратом, сопровождалась речью, в которой он сказал, что проскрипировал всех, кого мог вспомнить на данный момент, но со временем, возможно, вспомнит еще. За убийство проскриптов предлагалось вознаграждение; за укрывательство их предусматривалась смертная казнь. Их потомки были объявлены неспособными занимать государственные должности, а их имущество было конфисковано в пользу государства, хотя в большинстве случаев оно было фактически захвачено и удержано частными лицами. Проскрипции не ограничивались Римом; они были распространены на все города Италии, и по всей длине и ширине полуострова ни храм, ни домашний очаг не могли обеспечить безопасность беглецам. С 1 декабря 82 года по 1 июня следующего года эта санкционированная система убийств продолжала действовать. Катилина, который ранее убил своего брата, теперь внес имя своей жертвы в список смертников, чтобы обеспечить себе его имущество. Фавориты Суллы, его рабы и вольноотпущенники, вели прибыльную торговлю, продавая право вносить в список имена людей, которых кто-либо желал устранить. Достоинство публичной мести было проституировано ради простой частной злобы и алчности.^[94] Один человек был убит за свой дом, другой — за свои сады, третий — за свои бани.^[95] Один несчастный, который никогда не вмешивался в дела, из чистого любопытства просмотрел списки. Ужаснувшись, увидев там свое имя, он воскликнул: «Моя ферма в Альбане погубила меня!» — и едва он произнес эти слова, как преследователи сразили его.

Сулла, возможно, улыбался, видя количество соучастников, которых он привлек к своим преступлениям, и, вероятно, стремился сделать их долю в этих ужасах более заметной, награждая их щедрыми вознаграждениями. Катилину, самого смелого и готового из своих сторонников, человека с испорченной репутацией и разоренного, он осыпал золотыми милостями. Молодой Красс, который так едва избежал меча Мария, теперь заложил основу богатства, которое принесло ему славу самого богатого из римлян. Помпей без угрызений совести осуществил месть своего господина над пленными, взятыми в оружие; по его приказу он согласился развестись со своей женой Антистией и взять вместо нее приемную дочь Суллы Метеллу; но он не стал осквернять свои руки проскрипциями и, возможно, презирал обогащение за счет судебных массовых убийств. Среди родственников Мария был один, кого сам Сулла пощадил. Гай Юлий Цезарь, которому тогда было восемнадцать лет, был связан кровными узами с Марием (^[96]) и узами брака с Цинной. Сулла довольствовался тем, что потребовал от него отвергнуть свою жену. Цезарь отказался и бежал в Сабинские горы. Убийцы были на его следе, а его друзья в Риме прилагали все усилия, чтобы добиться его помилования. Весталки заступились за него.

Некоторые из сторонников Суллы выступили в его защиту, ссылаясь на его молодость, безрассудный характер и разгульный образ жизни как доказательство его невиновности и безобидности. «Я пощажу его, — воскликнул Сулла, — но берегитесь! В этом молодом легкомысленном человеке скрывается не один Марий». Цезарь был спасен, но он благоразумно отправился на осаду Митилены.

Проскрипции представляли собой списки выбранных жертв, и хотя, несомненно, погибли сотни людей, чьи имена никогда не были публично объявлены для казни, число первоначальных граждан, погибших в массовых убийствах, не выходило за пределы подсчета. Полученные нами сведения по этому вопросу действительно различаются, но, по-видимому, было убито от ста до двухсот сенаторов и от двух до трех тысяч всадников.

Жертвы из низших классов, как можно предположить, были пропорционально более многочисленны. Но уничтожение итальянцев было гораздо более масштабным и неизбирательным. Города были разобраны и даже сравнены с землей; их земли были конфискованы и распределены между ветеранами армий Суллы, 120 000 из которых были расселены в колониях от одного конца полуострова до другого. Местные жители, изгнанные из своих домов и поместий, были массово убиты; согласно народному преданию, народ самнитов был полностью уничтожен, и из всех их городов уцелел только Беневентум. Жители несчастного Пренесте были убиты все до одного. Этрурийцы искупили самыми жестокими преследованиями свою запоздалую помощь общему делу итальянцев. Великие центры их древней цивилизации давно пришли в упадок, но на их руинах возник новый класс городов, которые достигли богатства и славы. Из них Сполетий, Волатера, Интерамна и Фесула были переданы римским колонистам; последний город был разобран, а на его руинах построен новый город Флоренция. На обширных территориях население почти полностью изменилось; повсюду исчезли из жизни главные народы, а вместе с ними все, что было характерно для нравов и учреждений, даже для языка страны. Цивилизация Этрурии исчезла из поля зрения людей, чтобы быть вновь открытой через двадцать веков среди погребенных гробниц забытых лукумонов.

Такая же политика истребления распространялась и на провинции, где местные народы, казалось, не мирились с беспрекословным господством римских завоевателей. Сулла наказал Грецию и Азию железной рукой. Теперь он поручил своим лейтенантам изгнать своих врагов из убежищ, куда они были приглашены в Сицилии, Африке, Галлии и Испании. Метелл напал на провинцию Cisalpine, Валерий Флакк опустошил провинцию Narbonensis, Помпей был отправлен наказывать провинции юга, а Анний был уполномочен преследовать Сертория в Испанию и вернуть обширные регионы, которые тот вооружил против нового правительства Рима и даже против самого Рима. В то же время республике угрожало возобновление внешних войн. Фракийцы, которые так и не были покорены, беспокоили границы Македонии; Митридат начинал новое движение в Азии; страдающее и возмущенное население восточных побережий в огромных количествах устремилось в море и наводнило воды Греции и даже самой Италии флотами пиратских кораблей. Горы Этрурии и Сабелии, Самния и Лукании кишели несчастными беженцами, спасавшимися от грабежей и массовых убийств, а вооруженные банды бродили под стенами густонаселенных городов, готовые унести любую добычу, которая попадалась им на пути, и делая жизнь и собственность повсюду небезопасными. Даже владельцы поместий объединились с этими несчастными изгоями и нанимали их для похищения свободных граждан республики, чтобы похоронить их как рабов в своих лесах или заковать в цепи на своих фабриках.

Сулла вернулся в Рим, груженный военной добычей; его войска насытились грабежом, и он не мог оправдывать свои проскрипции требованиями ненасытных солдат. Но нарастающие проблемы империи и растущие потребности в вооружении во всех районах требовали открытия новых источников дохода. Провинции, измученные войной, теперь были раздавлены налогами. Договоры и обещания игнорировались. Все были вынуждены вносить свой вклад — не только вассальные государства, но даже те, которые благодаря своим услугам приобрели иммунитет и независимость. Чтобы удовлетворить предъявленные к ним требования, многие города были вынуждены заложить свои общественные земли, храмы, порты и даже камни своих стен. Сулла взял на себя смелость продать суверенитет независимого царства Египта Александру II. От иностранных королей и правителей требовали подарков.^b

«Zachariæ,^k», — говорит Ине,^e «в своей книге о Л. Корнелии Сулле (i. 145), попал в самую точку, сказав: «Не следует думать, что эти ужасы и жестокости были вызваны страстями, так сильно разгоряченными гражданской войной, или что их следует приписывать

неумолимости и мстительности Суллы, или что Сулла просто потворствовал им или приказывал совершать поступки, которые он не мог предотвратить, будучи окруженным армией, опьяненной победой и жаждущей грабежа. Правда, в некоторых случаях Сулла действовал под влиянием сиюминутных прихотей или гневных страстей. Правда, Сулла был вынужден быть снисходительным и прощающим по отношению к своим солдатам, потому что сам нуждался в снисходительности и прощении. Тем не менее, у нас есть веские основания полагать, что в целом Сулла действовал по глубоко продуманному плану... Он намеревался, чтобы из руин возникла новая и энергичная Италия с населением, от благодарности и удовлетворенности которого он мог с уверенностью ожидать безопасности и мира, а также той конституции республики, которую он собирался установить». С этим согласен Фриман¹, когда он говорит, что Сулла «не был жестоким в том смысле, что получал удовольствие от человеческих страданий. Во всей тирании Суллы нет ничего страстного; это не столько жестокость, сколько пренебрежение человеческой жизнью; это холодная, обдуманная, истребительная политика человека, который имеет цель, которую он должен достичь, и который не допустит, чтобы что-либо помешало ему в этом».а

СНОСКИ

[89] [Римский историк Флор (^{1.10.1}) комментирует и классифицирует войны следующим образом: «Единственное, чего не хватало для полноты несчастий римлян, — это развязать между собой неестественную войну и в центре города и на Форуме граждане сражались бы с гражданами, как гладиаторы в амфитеатре. Однако я бы с большим терпением перенес это бедствие, если бы во главе таких зверств стояли плебейские лидеры или презренные аристократы; но даже Марий и Сулла (о, какое унижение! такие люди, такие полководцы!), украшение и слава своей эпохи, придали свой выдающийся авторитет этому злу из всех зол. Она велась, если можно так выразиться, под тремя созвездиями: первое движение было легким и умеренным, скорее дракой, чем войной, поскольку насилие преобладало только между самими лидерами; в следующем восстании победа распространилась с большей жестокостью и кровопролитием по всем недрам сената; третий конфликт превысил не только вражду между гражданами, но и вражду между врагами, ярость войны поддерживалась силой всей Италии, а злоба бушевала до тех пор, пока не осталось никого, кого можно было бы убить».

[90] [Об этом поступке Октавиана Бисли² цинично комментирует: «Он был упрямым, тупым человеком; и если пародия на поведение сенаторов, когда галлы захватили Рим, действительно была поставлена, театральное представление, должно быть, было холодным утешением для тех из его партии, кого его неспособность привела к гибели».]

[91] [Ине³ говорит, что «эта история абсурдна», и приписывает ее клевете его врагов. Лонг, однако, считает ее возможной.]

[92] [См. Валерий Максим⁴ и Цицерон.⁵ Моммзен⁶ считает эту историю правдоподобной, а Дайер⁷ называет ее «одной из тех жестоких шуток, которые находят свое отражение только в кровавых событиях Французской революции».]

[93] [«Битва при Коллинских воротах была одной из немногих великих и решающих битв, которые зафиксированы в истории Рима», — говорит Ине.⁸ Несмотря на все это, он говорит, что мы почти ничего не знаем о расположении армий и ходе сражения, «и это нельзя подтвердить с какой-либо степенью уверенности, поскольку два основных источника не могут быть удовлетворительно согласованы». Аппиан⁹ говорит, что каждая сторона потеряла 50 000 человек; Орозий¹⁰ устанавливает это число всего в 11 000 человек.

[94] [Моммзен¹¹ приводит пример продажи поместья стоимостью 61 000 фунтов стерлингов или 305 000 долларов за примерно 20 фунтов стерлингов или 100 долларов; и оценивает общую сумму доходов от конфискации в 3 050 000 фунтов стерлингов или 15 250 000 долларов].

[95] [Цицерон¹² делает мрачную игру слов, которую Гатри перевел на английский следующим образом: «Те же самые господа, которые сносили поместья, сносили и людей». Позже в той же речи он говорит, что резня была настолько велика, что напоминала битву при Тразименском озере, когда Ганнибал уничтожил римскую армию.]

[96] [Связь с Марием была не кровная, а брачная; Юлия, тетя Цезаря, была женой Мария.]

ГЛАВА XIX. ДИКТАТУРА СУЛЛЫ

[81-79 гг. до н. э.]

Период насилия и революции начался с победы у Коллинских ворот 1 ноября 82 года. Пока молодой Марий и его коллега еще занимали консульские посты, властелин Рима, каким бы всемогущим он ни был на самом деле, не мог легитимно обладать какой-либо гражданской властью. Оружием, которое он использовал с таким ужасающим эффектом, был обнаженный меч его проконсульской власти. Трибуналом, перед которым он вызывал несчастных жертв своей политики или мести, был военный сугестум преторианского шатра. Смерть Мария через несколько дней освободила одно из консульских кресел. Карбо, занимавший другое, прожил недолго: он был схвачен на Сицилии и казнен Помпеем без учета его звания и должности. До конца года республика осталась без главного магистрата. Сенат назначил Л. Флакка, одного из офицеров Суллы, интеррексом, чтобы он провел собрание для избрания консулов на срок, который должен был начаться. Но Флакк, подсказанный своим императором, приступил к рекомендации о создании диктатора.

Сенат подчинился, народ согласился, и спустя 120 лет, прошедших со времени К. Фабия Максима, граждане вновь увидели двадцать четыре ликтора, которые наделяли ненавистным великолепием то союз гражданского и военного превосходства, к которому их чувства и учреждения относились с одинаковой ревностью. Диктатура, как они могли помнить, была редким средством патрициев в древние времена, когда они поднимались на защиту своих ненавистных привилегий против справедливых требований плебеев; но с тех пор, как права обеих классов были счастливо объединены, сама должность перестала иметь какое-либо значение. Возродить ее сейчас, когда у ворот не было врагов, означало лишь угрожать простому народу Рима новой аристократической революцией, угрожать правам и свободам, завоеванным в борьбе, длившейся двести лет, и на которых, по общему признанию, были основаны величие и слава Рима. Но все эти опасения были замалчиваемы.

По ярким словам Плутарха в старом переводе Норта, Сулла вначале был очень скромен и вежлив во всем своем процветании и давал большую надежду, что, если он придет к власти принца, он будет благосклонен к знати, но при этом будет любить благосостояние народа. Более того, будучи в молодости человеком, полностью отдавшимся удовольствиям, любящим смеяться, готовым к состраданию и плачущему от нежности сердца, то, что он стал таким жестоким и кровожадным, было явным поводом для осуждения роста чести и власти как единственного средства, благодаря которому нравы людей продолжают не

такими, какими они были вначале, но все же меняются и варьируются, делая одних глупцами, других тщеславными и причудливыми, а третьих чрезвычайно жестокими и неестественными. Но произошло ли это изменение характера в результате изменения его положения и условий жизни, или же это было насильственное проявление скрытой злобы, которая проявилась, когда открылся путь к свободе, — этот вопрос должен быть решен в каком-нибудь другом трактате. Так случилось, что Сулла прибег к кровопролитию и наполнил весь Рим бесконечными и невыразимыми убийствами; многие были убиты из-за частных ссор, которые не имели никакого отношения к Сулле, который позволял своим друзьям и окружающим делать все, что им заблагорассудится.

Но самым злым и несправедливым поступком было то, что он лишил сыновей и внуков тех, кого он убил, всякого уважения и доброго имени, а кроме того, конфисковал все их имущество. И это было сделано не только в Риме, но и во всех городах Италии; и не было ни одного храма какого-либо бога, ни одного алтаря в чьем-либо доме, ни одной свободы больницы, ни одного отцовского дома, которые не были бы окрашены кровью и ужасными убийствами. Мужья были убиты на руках у своих жен, а дети на коленях у своих матерей; и все же те, кто был убит из-за личной ненависти и злобы, были ничто по сравнению с теми, кто был убит только из-за своего имущества. И те, кто их убивал, могли бы сказать: его великолепный дом привел к смерти одного человека, его прекрасный сад — другого, а его горячие ванны — еще одного.

Но помимо стольких совершенных убийств, были и другие вещи, которые удивительно огорчали народ. Ибо он провозгласил себя диктатором, должность, которая не использовалась уже шестьдесят лет, и заставил сенат освободить его от ответственности за все прошлое, дав ему полную свободу убивать, кого он захочет, и конфисковывать их имущество; разрушать города и строить новые по своему усмотрению; отнимать королевства и отдавать их тем, кому он считает нужным. Кроме того, он открыто продавал конфискованное имущество через глашатая, сидя так гордо и величественно на своем государственном кресле, что народ больше огорчился, видя, как это имущество упаковывают те, кому он его давал и распоряжался им, чем видя, как его забирают у тех, кто его утратил. Ибо иногда он отдавал целую страну или все доходы определенных городов женщинам за их красоту, или веселым шутам, менестрелям, или злым рабам, получившим свободу; а некоторым он отдавал чужих жен силой и заставлял их выходить замуж против их воли.^c

Народ пригнулся под размахиваемым мечом завоевателя и под восторженные возгласы знати, которая полагалась на его суровую решимость подавить наглость трибунов и отразить наступление демократии. Даже узкий срок в шесть месяцев, который закон обычно устанавливал для продолжительности этого чрезвычайного деспотизма, теперь игнорировался. Сулла должен был реформировать и восстановить республику; ему было позволено самому определять срок, необходимый для столь сложного предприятия, а также принципы и средства, которые он счел бы целесообразными применить. Римляне торжественно лишили себя всех своих политических прав на то время, пока великий реформатор сочтет целесообразным осуществлять над ними авторитарный контроль. Они без ограничений и вопросов передали Сулле власть над жизнью и смертью граждан и подданных, право наказывать своих врагов и вознаграждать своих друзей, строить города или разрушать их, отдавать королевства или включать их в империю. Возможно, чтобы более явно подчеркнуть превосходство этой суверенной власти над законной диктатурой древних времен, Сулла потребовал, чтобы консульство сосуществовало с ней в состоянии униженного подчинения. Он разрешил центуриатскому собранию избрать М. Туллия Декулу и Кнея Долабеллу на 81 год. В следующем году он сам принял консульские фации вместе с Метеллом Пием, сохранив при этом знаки диктатуры. Он был избран во второй раз

на 79 год, но к этому времени его амбиции были удовлетворены, и он отказался от предложенного титула.

Проскрипции и массовые убийства подготовили почву для социального устройства, которое Сулла намеревался построить. С слепой и высокомерной привязанностью к традиционным формам древнеримского муниципалитета он решил восстановить, насколько это позволяли обстоятельства, с помощью жесткого использования своих прерогатив, гражданское господство старых римских семей. Восстановить букву старой олигархической конституции, существовавшей до вторжения плебеев, было невозможно, но он надеялся, по крайней мере, возродить ее дух. Однако характер диктатора был слишком импульсивным и бурным для предприятия, требующего самого деликатного управления. Его реформы были смелыми и решительными, они были задуманы на основе одной великой идеи и осуществлялись последовательно и энергично; но они не были приняты с учетом подлинных тенденций общества и, соответственно, не укоренились в сознании народа. Как мы видели, Сулла казнил двести сенаторов мечом проскрипций; Марий, вероятно, убил столько же. Остальные были истреблены на поле битвы. Чтобы восполнить эту ужасающую пустоту, диктатор выбрал триста человек из всаднического сословия; но какими бы уважаемыми по рождению и рангу ни были эти новые сенаторы, они едва ли могли восстановить былой блеск великого совета государства, который ранее обязан был своей главной властью личным достоинствам своих членов. Можно предположить, что число членов таким образом реорганизованного органа составляло около шестисот человек. Вакансии, которые с тех пор возникали, вероятно, более чем восполнялись регулярным пополнением сената людьми, занимавшими определенные высокие должности. Ежегодно избирались двадцать квесторов, которые поступали в сенат по очереди.

Принцип наследственной преемственности в сенате никогда не признавался в Римской республике, но практическое ограничение высоких должностей, из которых он пополнялся, одной или двумя сотнями семей, не позволяло ни одному из главных римских родов оставаться непредставленным в великом совете нации. Сулла хотел ограничить законодательную власть в республике только этими домами. Он отменил закон Гортензия, согласно которому решения племен имели силу закона, и передал сенату исключительное право инициировать принятие всех законов. Он вновь передал сенату исключительное право *судебной власти*, одновременно распространив полномочия *quæstiones perpetuæ*, или постоянных комиссий по рассмотрению политических преступлений, на широкий круг уголовных дел, которые до этого подлежали рассмотрению народными собраниями. Однако ничто так не укрепило влияние сената, как ограничения, наложенные Суллой на функции трибунов. Он лишил защитников народа права предлагать меры на собраниях племен ⁽¹⁹⁷⁾, запретил им использовать свое произвольное право вето на законодательство курии и ограничил их покровительство плебеям помощью отдельным лицам в нескольких незначительных случаях гражданского или уголовного судопроизводства. Какая бы тень власти ни сохранялась за должностью трибуна, на нее было наложено клеймо декретом, который объявлял ее обладателя неспособным занимать любую из главных магистратур государства. Амбициозные люди презирали должность, обреченную на молчание и безвестность. Из-за пренебрежительного отношения к своим лидерам собрание племен утратило всю свою реальную власть [хотя оно могло принимать законы с согласия сената и избирать некоторых низших магистратов]. Что касается собрания по столетиям, то Сулла, по-видимому, считал невозможным восстановить сложный механизм, с помощью которого граждане делились на классы в соответствии с их средствами, а число низших классов уравнивалось искусственной корректировкой. Если он не мог восстановить в этом народном собрании превосходство, которое сервийская конституция обеспечивала собственностью, то превосходство, которое он предоставил сенату в вопросах

законодательства, могло быть достаточным для поддержания надлежащего подчинения *comitia*. Собрание центурий сохранило за собой право избирать высших магистратов; диктатор полагался на влияние богатства, ранга и достоинства, чтобы сломить независимость избирателей, уже подорванную распространенным разложением нравов и вырождением общественных настроений. Тем не менее, он лишил народ права назначать коллегия понтификов и передал великий политический инструмент государственной религии в руки самоизбираемой корпорации, состоящей из самых благородных членов аристократии.

Таким образом, сенат поставил одну ногу на шею рыцарей, а другую — на шею простолюдинов. Как мы видели, Сулла практически заново создал сенат, набрав в него огромное количество представителей низшего сословия, и хотел обеспечить постоянство его конституции, поэтому, как можно предположить, он с подозрением относился к независимым действиям цензоров, которые должны были каждые пять лет привлекать всех его членов к ответственности и без суда и следствия изгонять недостойных. Соответственно, он не позволял цензорам исполнять свои функции во время своего пребывания у власти, и их почтенная должность не восстанавливалась в течение нескольких лет после этого. Резня гражданских войн привела к ужасающему сокращению старого римского населения. Необходимо было принять меры по его восстановлению, и, возможно, именно по этой причине, а не из-за обещаний, данных им ранее, диктатор воздержался от лишения итальянцев избирательных прав.^[98] Он продемонстрировал свое презрение к нуждающемуся и продажному населению, одним махом освободив от рабства десять тысяч рабов, жалких остатков семей проскрибированных и убитых граждан. Оставшись без хозяев, они могли бы поставить под угрозу спокойствие республики, но, будучи зачислены в число граждан, они могли бы сами стать хозяевами и помочь удержать угнетенных и недовольных в подчинении, как внутри страны, так и за ее пределами. По крайней мере, они могли бы посвятить себя политике диктатора.

Создание военных колоний было одной из важнейших мер диктатора. Помимо удовлетворения требований, которые он не смел игнорировать, он мог надеяться сделать эти поселения оплотом своих реформ. Если это так, то мы вскоре увидим, насколько он просчитался в их последствиях. Но изменения, которые они вызвали в социальном и политическом аспекте Италии, были ни легкими, ни преходящими. Сто двадцать тысяч легионеров, как уже было сказано, получили земли в самых плодородных частях полуострова и, конечно же, право голоса в городе, если они еще не обладали им. Это было осуществлением аграрного закона, более радикального и гораздо более произвольного, чем тот, который осмелились разработать даже Гракхи. Но эти же легионеры, таким образом избалованные и обогащенные, стали самыми беспокойными и опасными членами политического организма. Рассеянные по всей территории страны, они стали плодотворной почвой для беспорядков и революций.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СУЛЛЫ

Законодательство Суллы, помимо его грандиозных политических последствий, затрагивало многие мельчайшие детали социальной и гражданской экономики. Его враги наслаждались многими последовательными консульствами; он запретил любому магистрату занимать одну и ту же должность дважды в течение десяти лет. С ревностью следя за проконсульской властью, основой своей собственной чрезвычайной власти, он принял закон о государственной измене (*maiestas*), который определял преступлениями покидание провинции, вывод легионов и нападение на иностранного правителя () без

явного приказа сената и народа. Как и другие государственные деятели древности, он был полностью одержим идеей, что нравственный облик нации можно реформировать и поддерживать с помощью законов о роскоши. Соответственно, он стремился ограничить роскошь богатых, в которой подражание иностранным вкусам вызывало, пожалуй, больше скандала, чем фактическая роскошь. Он установил точные суммы, которые можно было тратить на удовольствия стола, и выделил триста сестерциев, около шестидесяти шиллингов, на ужины в календы, иды и ноны, а также на некоторые из самых торжественных праздников года. Он пошел еще дальше по этому обманчивому пути, установив цены на товары произвольным постановлением. Такие законы не могли просуществовать даже дольше, чем кратковременное правление самого законодателя, и Сулла, по-видимому, сам показал пример их игнорирования. Тем не менее, такое же неэффективное законодательство продолжало часто повторяться в более поздние периоды.

Среди других мер по охране нравственности народа Сулла объявил о наказании по закону за преступления убийства и прелюбодеяния. Но сам он вел известную развратную жизнь и, помимо вины за проскрипции, показал, что никакой закон не может удержать его от пролития крови, чтобы удовлетворить сиюминутную страсть или, по крайней мере, подтвердить свои постановления террором. Лукреций Офелла, офицер, который так долго блокировал Пренесте, осмелился игнорировать распоряжение диктатора о том, чтобы на консульство могли претендовать только те, кто уже был преторами. Сулла предупредил его, чтобы он отказался от своих претензий, но тот упорствовал. Центурион заколол его кинжалом посреди Форума. Когда народ притащил убийцу к трибуналу диктатора, тот приказал отпустить его, заявив, что тот действовал по его приказу, и с присущим ему грубым юмором рассказал историю о том, как один рабочий, раздраженный насекомыми, дважды прерывал свою работу, чтобы их отгонять, а в третий раз безжалостно бросил их в огонь. «Дважды, — сказал Сулла, — я побеждал вас и щадил; берегитесь, чтобы в третий раз я не уничтожил вас окончательно».

ОТРЕЧЕНИЕ СУЛЛЫ

[79-78 гг. до н. э.]

Однако такие поступки и такая речь были скорее проявлением избалованного и порочного характера, чем сознательным выражением презрения к закону или утверждением неограниченного деспотизма. Главным принципом действий Суллы по-прежнему было притворство законности. По крайней мере, он делал вид, что считает олигархическую конституцию ранней республики единственной легитимной моделью для ее обновления. Успех его амбициозных планов, свержение всех его противников, полное восстановление, как он себе представлял, принципов, которым он посвятил себя, — все это вместе воздействовало на его склонный к суеверию и пристрастный к фатализму ум и превратило его из ревнивого партизана в высокомерного фанатика. Сулла утверждал, что он — избранник удачи, единственного божества, в которое он действительно верил. Его реформы были завершены, его работа выполнена, его роль сыграна; он боялся искушать свою покровительницу, еще на мгновение злоупотребляя ее добротой. Отказавшись от власти, он пытался избежать Немезиды, которая преследовала его в снах.

Ликтор

В 79 году Сулла отказался от диктаторской власти. Он мог сказать, что она была ему предоставлена для восстановления республики, и, выполнив то, для чего он был назначен, он больше не имел права ею пользоваться. Но если римляне были поражены этим актом возвышенного самопожертвования, то с чувством, сродни благоговению, они наблюдали, как тиран спускается со своего окровавленного трибунала и с невозмутимым спокойствием уходит в уединение своей загородной виллы. Пожилой и немощный,^[99] и, возможно, насыщенный как удовольствиями, так и амбициями, нетрудно поверить, что такой человек, как Сулла, был равнодушен к жизни и мало беспокоился о риске, которому он мог подвергнуть себя, подвергаясь опасности от кинжалов своих врагов. Но на самом деле, хотя его ветераны-колонисты поклялись поддерживать его политику, его личность не оставалась без защиты со стороны групп вооруженных охранников. Когда магистрат соседнего города, ожидая смерти старика, задержал выплату местного взноса на восстановление Капитолия, завершение которого было для Суллы единственной вещью, необходимой для завершения его карьеры процветания, он мог послать людей, чтобы схватить неплательщика и даже казнить его. Сулла, очевидно, был защищен от мести родственников своей жертвы. Можно также заметить, что такая месть была бы чужда привычкам римлян. Как бы они ни были беззастенчивы в использовании кинжала, чтобы устранить политического врага в разгаре его карьеры, в их истории, пожалуй, нет ни одного случая, когда они мстили бы тому, кто уже не обладал властью причинять вред.

Кроме того, Сулла испытывал высокомерное презрение к человечеству и, следовательно, к его высшим целям и удовольствиям. Даже посвящая все свои силы стремлению к политическому величию и осуществлению национальной революции, он мог с мрачной угрюмостью улыбаться тщеславию своих собственных подвигов и пустоте своих триумфов. Он остановился на полпути своей карьеры, чтобы разбить игрушку, которой так долго развлекался. Он начал свою жизнь как легкомысленный гедонист; он не желал ничего лучшего, чем закончить ее как дряхлый развратник. В момент сложения своих полномочий он принес в жертву Геркулесу десятую часть своего имущества и устроил для народа

великолепный пир; настолько, что приготовления превысили необходимое, и огромные груды лишних припасов были с показной расточительностью брошены в реку.

В разгар этих развлечений, длившихся несколько дней, Метелла, супруга, к которой он был наиболее привязан, заболела и умерла. Как любимец и, возможно, жрец Венеры, он не мог допустить, чтобы его дом был осквернен присутствием смерти, и ему пришлось отправить ей развод и выслать ее, пока она еще дышала. Он строго соблюдал этот обычай из суеверия, но закон, ограничивающий расходы на похороны, хотя и принятый им самим, он нарушил, устроив ей пышные похороны. Уединившись в своей вилле в Кумах, он окончательно отказался от управления государством. Окруженный шутами и танцорами, он до последнего предавался всем чувственным излишествам, которые позволяли ему его преклонный возраст и растущая немощь. Тем не менее он не полностью отказался от литературы. Он развлекался чтением Аристотеля и Теофраста и диктовкой мемуаров о своей жизни, над которыми, как говорят, он работал всего за два дня до своей смерти. На этих страницах он записал, как астрологи уверяли его, что его судьба — умереть после счастливой жизни, на самом пике своего процветания. Опачённый кровью тысяч жертв и мучимый отвратительной болезнью — его кишечник разлагался и порождал паразитов, и ни лекарства, ни омовения не могли смягчить зловоние его гниения — он до последнего держался этой веры и покинул этот мир без каких-либо признаков раскаяния или сожаления. Он верил, что умерший сын явился ему во сне и умолял его отдохнуть от своих бед и пойти с ним, чтобы воссоединиться с его потерянной Метеллой и жить с ней в вечном мире и покое. Возможно, опасаясь судьбы Мария, он распорядился, чтобы его тело было сожжено, хотя в его семье всегда было принято хоронить останки умерших. В Марсовом поле был воздвигнут памятник Сулле, который стоял еще во времена Плутарха, спустя два столетия и несколько революций. На нем была надпись, приписываемая самому Сулле, в которой говорилось, что ни один из его друзей не оказал ему добро, а ни один из его врагов не причинил ему зла, не получив за это щедрой награды. Сулла прожил после отречения около двенадцати месяцев и умер в 78 году в возрасте шестидесяти лет.

ДОЛГ РИМА ПЕРЕД СУЛЛОЙ

Медленно и с большим трудом римское государство вышло за узкие пределы деревенского муниципалитета. Несколько сотен семей, которые составляли первоначальное ядро его гражданства и которые в самые ранние и простые времена были достаточны для выполнения всех функций его правительства, были вынуждены включить в свой состав союзников и соперников, расширить свои взгляды и расширить свои институты. Основной целью политики Суллы было возродить хотя бы дух старых ограничений. Старые семьи почти полностью исчезли; он заменил их новыми, но стремился устранить наслоения веков и вернуть управление обширной империей Рима небольшой группе ее детей. Эта попытка была слепа и фанатична; она была не менее тщетной, чем несправедливой. Она противоречила основному принципу национального роста, в то время как карьера завоевателя, которой посвятили себя римляне, требовала максимального расширения и самой совершенной свободы развития.

Тем не менее, законодательство Суллы, несомненно, поддерживалось огромной массой существующих предрассудков. Он полностью погрузился в идеи своего времени, насколько они интерпретировались историей, традициями и религиозными обычаями. Попытка расширить пределы конституции фактически противоречила всем признанным принципам государственного устройства. Как ее противники, так и ее сторонники считали ее аномальной и революционной. Она еще не имела под собой никаких аргументов или какого-либо основания в смысле права, как оно понималось в то время. Общество в Риме находилось в крайне искусственном состоянии, и Сулла, как и многие из его самых способных современников, принимал за законы природы устаревшие и забытые институты, созданные из соображений целесообразности. Но природа продолжала свою великую работу и оказалась сильнее искусства. Десяти лет хватило, чтобы разрушить всю структуру этого реакционного законодательства и вновь направить республику по пути роста и развития. Последователи более либеральной политики появлялись один за другим и, возможно, неосознанно, вносили свой вклад в великое дело объединения и взаимопонимания, которое теперь быстро продвигалось вперед. Дух изоляции, разделивший Грецию и Италию на сотни отдельных общин, должен был уступить место всеобщему стремлению к социальному и моральному единству. Нации должны были быть воспитаны постоянным развитием римской администрации.

Но хотя основная политика Суллы была таким образом быстро свергнута, он не жил напрасно. Как диктатор он растратил свои силы, пытаясь сделать то, что в случае успеха разрушило бы его страну; но как проконсул он спас ее. Тирания римского господства подожгла провинции. Митридат раздул пламя. Греция и Азия подняли восстание. Гений царя Понта мог бы объединить империю, которой позавидовал бы даже Ксеркс, на обоих берегах Эгейского моря. Но в этот кризисный момент, не менее опасный, чем когда Ганнибал отрывал от Рима его союзников и подданных в Альпах, Рим доверил свою судьбу доблести Суллы. Великая победа при Херонее остановила распад его империи. Захватчик был отброшен обратно через Эгейское море; города Греции неохотно вернулись к повиновению, чтобы больше никогда не поддаваться искушению отказаться от него. Сулла последовал за Митридатом в Азию; одна за другой он вернул провинции республики. Он связал своего врага договорами, обязывающими его воздерживаться от разжигания их недовольства. Он оставил своих офицеров для обеспечения подчинения его указам и разместил римские войска среди несчастного населения Востока. Непосредственная опасность была предотвращена, хотя потребовалось еще двадцать лет, чтобы подавить власть Митридата и привести Азию к пассивному подчинению. Рим был избавлен от

последнего из своих иностранных захватчиков, и это было великим делом Суллы, которое заслуживало увековечения его имени в анналах Рима.^[100]

Тем не менее, это отступление волны агрессии и возвращение легионов республики к границам ее прежних завоеваний не повлияли на исцеление внутренней болезни, симптомом которой было раздражение провинций. Триумф ее оружия и чувство безопасности, которое он породил, только удвоили ее угнетение и усугубили страдания ее подданных. Ход событий приведет нас в будущем к тому, что мы проследим остатки обиды и ненависти к Риму, которые долгое время сохранялись в некоторых регионах самой Италии: но в целом итальянцы были теперь удовлетворены; они были довольны тем, что считали город Ромула своей столицей, и, наслаждаясь плодами его широкомасштабного господства, постепенно научились гордиться его именем. Но за пределами Ионического и Тирренского морей были сформированы те же горячие клятвы об освобождении, которые привели к нападению на Рим марсийцев и самнитов; в более чем одном районе старая борьба Социальных войн должна была возобновиться на более широких и отдаленных театрах: но элементы конфликта теперь были более сложными, чем раньше; участвующие стороны были более чужды друг другу; враждебность новых врагов Рима была тем более упорной, что они меньше симпатизировали его институтам и стремились скорее к их свержению, чем к участию в них. Второй период гражданских войн в Риме начинается с восстания иберийцев на западе и морских грабежей пиратов на востоке.

РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ

Италия, регион, которому были предоставлены привилегии города по закону Плавтия, была ограничена, как мы уже видели, линией, проходящей через перешеек полуострова от Рубикона на Адриатическом море до Изеры на Тирренском море. К северу и югу от нее лежали две провинции, занимавшие первое место по политической значимости: с одной стороны, Галлия, или Галлия внутри Альп, с другой — остров Сицилия. Галльская провинция была разделена на два района рекой Падус, или По, от которой они получили свои названия в зависимости от того, лежали ли они внутри или за пределами этой реки.

Но вся эта богатая и обширная территория была поставлена под командование одного проконсула, и граждане вскоре научились с ревностью относиться к военной силе, которая угрожала их свободам и в то же время поддерживала послушание их подданных. Сицилия, с другой стороны, хотя и была спокойной и в целом довольной, и для ее контроля требовались лишь небольшие силы, была важна для республики благодаря обильным урожаям, которые город мог с полной уверенностью рассчитывать на необходимые поставки зерна. Следующими по близости к Риму были острова Сардиния и Корсика, из которых первый также снабжал Италию зерном; но оба острова были грубо и несовершенно возделываемы, а нездоровый климат, особенно на более крупном острове, продолжал удерживать его ниже многих более отдаленных регионов по богатству, численности населения и уровню образования. Первой провинцией, которую римляне приобрели за пределами своих морей, была Испания, где их войска медленно, но верно продвигались вперед с момента самых ранних столкновений с карфагенянами, хотя легионы так и не проникли в самые дикие и отдаленные крепости. Связь между Римом и его иберийскими колониями долгое время поддерживалась в основном по морю, в то время как обширная территория между Альпами и Пиренеями по-прежнему была занята многочисленными свободными и ревнивыми общинами. Но в течение последнего полувека республика приобрела контроль над побережьем Лионского залива; ее дороги были продлены от Аримина до Барцино и Валентии, а связь между ее армиями поддерживалась благодаря

многочисленным укрепленным позициям в Дальней Галлии и безопасной и богатой провинции, простирающейся от Вара до Гаронны.

Адриатическое и Ионическое моря отделяли Италию от ее восточных завоеваний. Великие провинции Иллирик и Македония охватывали всю территорию от Адриатического до Эгейского моря и были разделены друг от друга длинными горными хребтами Бойон и Скардус. Древняя Греция, от Фермопил до мыса Малеа, составляла единое государство под названием Ахайя. С Азией Рим связывался в основном по морю, поскольку путь через Геллеспонт был небезопасен, а варварские племена Фракии были подчинены не полностью. Провинция Азия, отвоеванная Суллой, находилась под управлением императора с многочисленной армией, призванной контролировать зависимых правителей Вифинии, Киликии и Каппадокии. Восточный проконсул следил за действиями Митридата и раскрывал его интриги во всех дворах от Халиса до Тигра. Он вмешивался в дела Кипра, Палестины и Египта, преследовал горцев Крита и угрожал мстью республики пиратам, которые роились в каждой гавани восточного Средиземноморья. На южных побережьях великого внутреннего моря территория, которая когда-то принадлежала Карфагену, ограниченная с обеих сторон Малой Сиртидой и рекой Баградас, образовала проконсульскую провинцию Африка, в то время как пять городов Пентаполиса признавали свою полную зависимость от воли республики. Площадь империи при Сулле составляла едва ли половину той, которую она достигла при Августе и Траяне.

Различные отношения, в которых находились разные классы провинциального населения по отношению к правящему городу, сравнивали с устройством римского дома. Колонии римских граждан, основанные в провинциях, пользовавшиеся полным осуществлением своих национальных прав и представлявшие собой миниатюру самой метрополии, занимали положение сына по отношению к главе семьи. Покоренные народы, которые бросились на милость победителя, подчинялись его власти так же безоговорочно, как раб своему хозяину. Те из них, кому государство вернуло земли и институты, занимали положение, аналогичное положению вольноотпущенников. Некоторые города или народы добровольно искали связи с Римом на условиях союза, но с признанием своего подчинения. Другие же занимали более независимое положение, предлагая взаимный обмен услугами и гражданством; и, наконец, были такие, которые вступали в конфедерацию с республикой на условиях полного равенства прав обеих сторон. Все они имели свои прототипы в клиентах, гостях и друзьях римской знати. В пределах каждой римской провинции обычно было несколько государств, которые находились в этих различных отношениях с республикой; строгость военного и гражданского управления по отношению к ним поддерживалась или ослаблялась в зависимости от их соответствующих требований. Но в конце концов, большая часть населения провинций принадлежала к классу *dediticii*, то есть тех, кто изначально подчинился без условий, рабов, как их можно назвать, великой римской семьи. Они подвергались самым суровым финансовым и другим нагрузкам, усугубляемым алчностью их правителей, которые, от консула или претора до самых низших чиновников, безжалостно и без усталости грабили их.

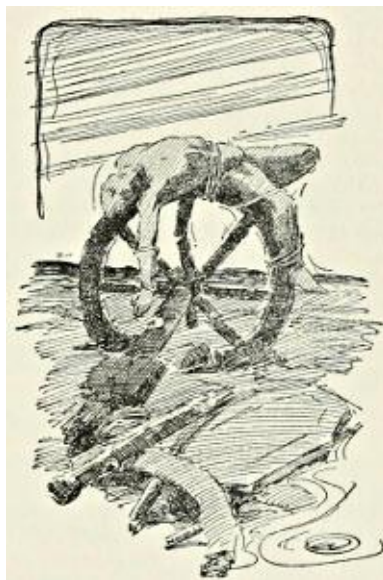
Назначение на провинциальные должности обычно оставалось в руках сената; тем не менее, народ всегда считал это своей неотъемлемой прерогативой и иногда, по подстрекательству своих демагогов, не колебался ее восстанавливать. Общим правилом было, что консулы и преторы, отслужив год в городе, должны были переходить к управлению делами провинции на один, а иногда и на три года. Государство предоставляло в их распоряжение большие постоянные армии и передавало в их руки огромную власть, в то время как их амбиции, алчность или взаимная *rivalry*, гораздо больше, чем какое-либо чувство общественных интересов, побуждали их в течение своей короткой карьеры прилагать все усилия для подавления пограничных племен, умиротворения восстаний,

вызванных их собственной несправедливостью, и, когда только они могли найти для этого повод, уничтожения древних liberties and privileges, которые все еще сохранялись за более привилегированными классами провинциалов. Окруженные армией чиновников, всех своих людей, всех занятых той же работой по наживанию состояний для себя и пособничеству своим коллегам, проконсулы почти не чувствовали ответственности перед центральным правительством и без ограничений удовлетворяли свою алчность. Из всех провинций Цизальпийская и Македония, а в последнее время и Азия, были самыми богатыми и наиболее обеспеченными военным вооружением, и по обоим этим причинам они были предметом всеобщего вожделения консулов и распределялись между ними по жребию. Десятина, пошлины и другие налоги, из которых формировались государственные доходы, собирались римскими подрядчиками, в основном принадлежавшими к рыцарскому сословию, которые имели мало возможностей для продвижения на высшие политические должности в своей стране. Попустительство их начальников в провинции, подкрепленное коррумпированным общественным мнением в Риме, в значительной степени защищало гнусные уловки, с помощью которых они привыкли обманывать как правительство, так и его подданных.

Средства обогащения, которые провинции предоставляли знати, стали конечной целью самых глубоких политических интриг. Человек, лишившийся состояния, рассматривал должность проконсула как единственное средство восстановить свои дела. Чтобы получить ее, он вступал в союз с вождем или партией, под влиянием которых он мог надеяться последовательно продвигаться по различным ступеням, ведущим к консульству. Сначала он добивался должности квестора; через определенный промежуток времени он мог надеяться быть избранным эдилом, затем претором и, в конечном итоге, консулом. Тогда его великая цель была достигнута, поскольку по истечении срока полномочий он уезжал в качестве губернатора в консульскую провинцию, доходы от которой, по его расчетам, позволяли ему погасить расходы на многочисленные выборы, ликвидировать долг благодарности перед своими сторонниками и накопить огромное состояние для собственного удовольствия или продвижения своей партии.

Жадность, которая одушевляла отдельных людей, была фактически главной движущей силой политических фракций того времени. Добыча из провинций была приманкой, с помощью которой народные лидеры привлекали итальянцев к своим знаменам. Все законные права гражданства были предоставлены, но старые олигархические семьи, удостоенные исторических ассоциаций и наслаждающиеся богатством, накопленным веками завоеваний, все еще надеялись сохранить за собой большую часть почестей и доходов, которые они умудрились сделать доступными в основном только для самых богатых. Они по-прежнему с презрением смотрели на «новых людей», талантливых и образованных, но скромного происхождения и состояния, которые со всех сторон стремились привлечь к себе внимание общественности, и внушали такое же отношение своим подчиненным. Судебная власть была главным инструментом, с помощью которого они защищали свою монополию, поскольку, удерживая ее в своих руках, они могли пресекать любую попытку раскрыть с помощью судебного процесса злоупотребления провинциальной администрации. Но в той мере, в какой каждой из партий удавалось удержать или вымогать долю в грабеже, обе партии продолжали применять одну и ту же систему. Было бы несправедливо указывать на то, что одна из них превосходила другую в алчности и тирании. Бедствие и отчуждение провинций стали насущным злом и опасностью того времени. Везде появлялись авантюристы, которые находили вокруг себя плавающее море недовольства, от которого они были уверены, что получают прямую помощь или, по крайней мере, встретят мрачное одобрение.

Первоначальный порок провинциального управления республики заключался в открыто провозглашенном принципе, согласно которому коренные народы должны были рассматриваться как покоренные подданные. Весь персонал гражданского и военного правительства провинций буквально размещался у жителей; дома и учреждения предоставлялись ему за счет провинциалов; снаряжение проконсула, или *vasarium*, возможно, в целом оплачивалось из государственной казны (), но суммы, необходимые для его содержания и содержания его свиты, известные под названием *salarium*, чаще всего взимались из местных доходов. Строго говоря, проконсул должен был служить республике безвозмездно, ради чести своей должности, но на практике он мог вознаграждать себя любыми косвенными средствами вымогательства, которые он считал нужным применять. Как верховный судебный и военный орган, он не подлежал обжалованию ни в отношении издаваемых им указов, ни в отношении их толкования. Легионы, оккупировавшие провинцию, содержались на бесплатном проживании, а их ежедневная плата выплачивалась за счет взносов жителей. Землевладельцы были обременены десятиной или другой долей своего урожая в качестве дани завоевателям. В большинстве случаев эта плата производилась по соглашению, в котором проконсул был обязан вести самые жесткие переговоры для своих работодателей. Местные доходы в основном собирались за счет прямых налогов и таможенных пошлин, которые, как правило, передавались в управление римским подрядчикам, которые наживали на этой сделке огромные состояния. Общественное мнение в Риме скорее стимулировало, чем сдерживало их вымогательства. Ведь устоявшейся максимой римской политики было то, что каждый талант, извлеченный из казны провинции для обогащения правящей касты, означал переход столь же значительной части военных ресурсов от врагов к государству. Но правители мира не довольствовались вымогательством денег у своих подданных. Недавно у грубых завоевателей Востока началась эпоха интереса к искусству, и каждый проконсул, квестор и легат был охвачен желанием привезти домой трофеи греческой и азиатской цивилизации.

НАКАЗАНИЕ ПРЕДЕЛЯ

Те из них, кто стремился завоевать расположение сограждан, искали самые знаменитые статуи и картины, и даже мраморные колонны зданий, чтобы украсить ими общественные места в городе. Они не гнушались осквернять святилища богов и выкупали мятежные города за разграбление их любимых божеств. Эта жажда добычи привела к актам отвратительной жестокости: там, где убеждение не помогало, безжалостно применялись наказания и пытки; проконсул и его чиновники были объединены общей целью, и

безнаказанность подчиненных вознаграждалась рвением в интересах начальника. Из тех проконсулов (), которые могли воздерживаться от открытого насилия и не грабить храмы и дворцы, немногие могли отказаться от грязных доходов от ростовщичества. Требования правительства выполнялись без угрызений совести, и провинциальные общины неоднократно вынуждались () заложить свои источники дохода римским капиталистам. Закон позволял ростовщику взыскивать свои долги самыми суровыми методами. В одном известном случае агент одного из самых уважаемых людей в Риме мог запереть сенаторов провинциального города в их курии, пока пятеро из них не умерли от голода, чтобы взыскать долги своего принципала.

Когда эта невыносимая тирания достигала своего апогея, провинции иногда могли наслаждаться сладостью мести, хотя и с небольшой перспективой исправления положения или какого-либо облегчения своей участи. В партийном правительстве злодеяния одной группы людей не могли не вызвать притворное возмущение другой; и пока римские фракции боролись за прерогативы завоевания, они пытались заклеить друг друга несправедливостью своих злоупотреблений. Господство сенаторов, установленное Суллой, вскоре вызвало ревнивые нападки со стороны их исключенных соперников. Их управление провинциями, защищаемое трибуналами, в которых они сами царили, представляло собой уязвимую точку для атаки, и против преступлений сенаторских проконсулов были направлены самые смертоносные стрелы народных ораторов. Остатки римского красноречия сохранили для нас более одного полнометражного портрета проконсульского тирана. Конечно, невозможно полагаться на точность цветопередачи или даже правильность линий, но общее впечатление, которое они на нас производят, вполне подтверждается многочисленными независимыми свидетельствами. Даже риторические преувеличения римских демагогов имеют пределы возможного и вероятного. Небольшой набросок одной из этих картин может быть достаточным, чтобы дать нам представление об ужасающих оригиналах.

КАРЬЕРА ВЕРРЕСА

Примерно в период отречения Суллы молодой аристократ по имени Гай Веррес сопровождал претора Долабеллу в его правительство Киликии (80 г.). В Сикионе в Ахайте он решил потребовать сумму денег от главного магистрата города, и, получив отказ, запер его в закрытой комнате с костром из зеленого дерева, чтобы вымогать требуемую им награду. Из того же места он увез несколько лучших статуй и картин. В Афинах он поделил со своим начальником добычу из храма Минервы, в Делосе — из храма Аполлона; в Хиосе, Эритре, Галикарнасе и других местах на своем пути он совершал подобные грабежи. На Самосе находился храм, почитаемый во всей Азии; Веррес ограбил и храм, и сам город. Самосцы пожаловались правителю Азии; им было рекомендовано обратиться с жалобой в Рим. Перга славилась статуей Дианы, покрытой золотом; Веррес соскоблил позолоту. Милет предложил ему сопровождение одним из своих лучших кораблей; он удержал его для собственного использования и продал. В Лампсаке он попытался опозорить дочь первого гражданина этого места; ее отец и брат рискнули защитить ее: один из его слуг был убит. Веррес воспользовался этим поводом, чтобы обвинить их обоих в покушении на его жизнь, и римский губернатор провинции выполнил его просьбу, отрубив им головы. Таковы были злодеяния молодого грубияна, который в то время был всего лишь подчиненным проконсула и не имел собственной должности. Будучи назначен квестором, он распространил свои поборы на все районы провинции и, по признанию своего начальника, быстро накопил от двух с до трех миллионов сестерциев [около 24 000 фунтов стерлингов или 120 000 долларов] сверх требований государственной службы.

Теперь Веррес мог оплатить свое избрание на должность претора в городе. В течение одного года он выносил благоприятные решения в пользу богатых истцов у себя дома, а по истечении этого срока отплыл в провинцию Сицилия. Здесь его поведение в суде отличалось самой вопиющей продажностью. Он продавал все, как свое покровительство, так и свои решения, издеваясь над законами страны и своими собственными указами, над религией, судьбами и жизнями провинциалов. За три года его правления ни один сенатор из шестидесяти пяти городов острова не был избран без подарка пропраетору. Он наложил произвольные реквизиции в размере многих сотен тысяч бушелей зерна на общины, и без того перегруженные установленными десятинами. Он распределял города между своими фаворитами с видом персидского деспота; Липара он отдал своему верному товарищу, Сегеста — актрисе, Гербита — куртизанке. Эти поборы быстро обезлюднили страну. В момент его прибытия на территории Леонтия было восемьдесят три фермы; на третий год правления Веррина осталось только тридцать две. В Мотии число арендуемых поместий сократилось с 188 до 101, в Гербите — с 257 до 120, в Аргироне — с 250 до 80. По всей провинции более половины возделываемых земель были заброшены их несчастными владельцами, как будто остров поразила война или эпидемия.

Но Веррес был любителем и антикваром, у него был вкус к искусству, а также жажда наживы. В каждом городе, где он останавливался во время своих путешествий, он вымогал драгоценные камни, вазы и безделушки у своих хозяев или у любого жителя, который, как он понимал, обладал ими. Никто не осмеливался жаловаться; даже союзник республики, такой как Антиох, царь Сирии, не мог добиться возмещения ущерба, когда его ограбили, похитив великолепный канделябр, украшенный драгоценными камнями, который он собирался посвятить в Капитолии в Риме. Все эти предметы искусства были отправлены в Италию для украшения виллы пропраетора; антиквариат и раритеты, которые он накопил, были не менее ценны, чем украшения из золота и серебра. Наконец, Веррес завладел некоторыми статуями Цереры и Дианы, которые были предметом особого поклонения среди местных жителей, которым оставалось только утешение приходить в его сады, чтобы приносить им жертвы.

Но вымогательства Верреса не ограничивались только сицилийцами. Он обманул казну в Риме, присвоив суммы, выданные ему в качестве аванса за зерно для потребления в городе. Он удержал необходимое снаряжение для флота, который должен был быть отправлен для борьбы с пиратами, и использовал его в своих интересах. Флот был разгромлен врагом, и пропраетор приказал казнить его офицеров за трусость. Его ликторы продавали родственникам жертв жалкую милость, позволяя им умереть одним ударом. Он увенчал свои злодеяния смертной казнью одного из представителей правящей касты. Гавия, римского торговца, он заключил в карьеры Сиракуз; тот сбежал, был пойман и прикован к кресту на берегу в пределах видимости Италии, чтобы он мог обратиться к своим родным берегам со своим жалобным, но бесполезным восклицанием: «Я римский гражданин!».

Таков пример обвинений, которые можно было бы обоснованно выдвинуть против римского чиновника и который преступник, несмотря на поддержку со стороны своей партии и защиту самого опытного и успешного адвоката своего времени, побоялся опровергнуть. Однако в большинстве случаев губернатор, обвиняемый в тирании или злоупотреблении служебным положением, мог защитить себя, подкупив судей, которые, помимо естественного стремления оправдать одного из своих соратников () в преступлениях, которые в свою очередь могли быть вменены им самим, были воспитаны в той же школе коррупции и продажности, что и он сам. Преследование по этим обвинениям действительно стало готовым средством для приобретения известности, и народ,

подстегиваемый своими демагогами, поощрял, как говорили, молодых ораторов в их нападках, как щенков дрессируют на охоту на хищных зверей. Но нападавшие почти во всех случаях терпели поражение, и даже если они добивались успеха, сами провинции не получали никакой выгоды от их усилий. Проконсулы только еще более энергично стремились найти средства для обеспечения своего оправдания. Они могли похвастаться тем, что плодов трехлетнего пребывания в должности было достаточно — первых для того, чтобы разбогатеть, вторых — для того, чтобы вознаградить своих адвокатов и сторонников, третьих, самых обильных, — для того, чтобы купить голоса судей. Можно было предвидеть, что провинции, вскоре сами выступят с просьбой отменить законы против злоупотреблений, поскольку они только удваивали поборы со стороны угнетателей.

[72-69 гг. до н. э.]

Эти ужасные беззакония, которые делали власть Рима столь же грозной для народов в мирное время, сколь и его враждебность в военное, усиливались по мере роста роскоши и коррупции. Провинциальные правители всегда пользовались своей государственной властью с высокомерием и жестокостью, но в более чистые и простые времена они по крайней мере воздерживались от гнусных поборов и корыстной алчности, которыми они теперь прославились. Трибуналы также деградировали как в коррупции, так и в бесстыдстве. Рыцари могли смело утверждать, что за сорок лет, в течение которых они участвовали в отправлении правосудия, справедливость Рима не была запятнана даже тенью подозрения. Они указывали на известную продажность трибуналов под управлением сената как доказательство своей собственной высшей чистоты. Действительно, растущие пороки провинциального правительства были симптомом все большего ослабления нравственности в стране. С одной стороны, расширение завоеваний за рубежом и открытие во всех районах новых источников богатства разжигали страсти алчности и амбиций. С другой стороны, полвека внутренних распрей ослабили узы общества, подавив древние принципы справедливости, уважения к закону и порядку, почитания божественного. Но на самом деле это усиление пороков сопровождалось одновременно более широкой оглаской и более ревностным разоблачением недостатков политических партий. Рыцари, лишённые возможности использовать силу для восстановления утраченных привилегий, проявляли рвение к справедливости, чтобы подорвать своих более удачливых соперников. Конституция Суллы была подвергнута нападкам и в конце концов свергнута не на поле битвы, а в залах судов.^b

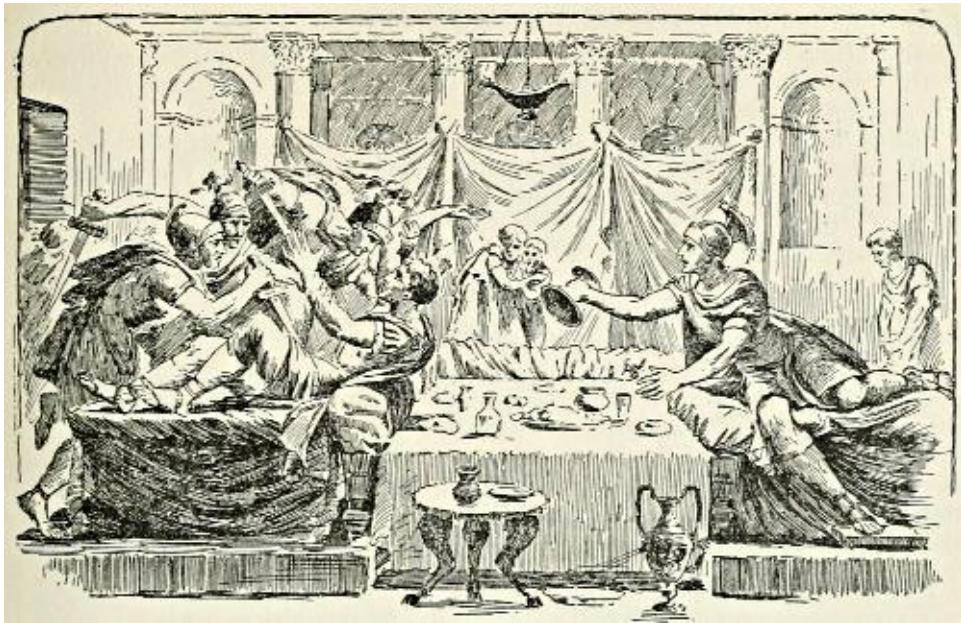
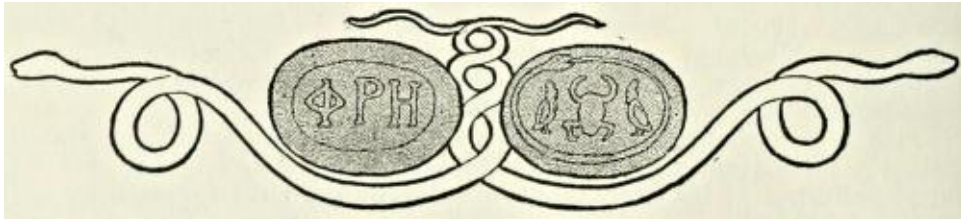
СНОСКИ

[97] [То есть без согласия сената.]

[98] [Теперь, когда они были рассеяны по всем племенам и, таким образом, казалось бы, лишены влияния на выборах, итальянцы могли, по сути, если бы они того пожелали, оказывать гораздо большее влияние, чем когда они были ограничены несколькими своими племенами, которые всегда голосовали последними. На всех собраниях они теперь стояли на равных с остальными гражданами.]

[99] [Однако Аппиан (^d, один из наших лучших авторитетов по Сулле, говорит, что «он все еще был в мужском возрасте и обладал крепким здоровьем».)]

[100] [Это достижение Суллы, возможно, преувеличено. И Марий, и Серторий были бы способны подавить Митридата и восстановить порядок на Востоке. Главной заслугой Суллы была реформа судов и улучшение административного управления.]

СМЕРТЬ СЕРТОРИЯ

ГЛАВА XX. ВОЗВЫШЕНИЕ ПОМПЕЯ

ЛЕПИД И СЕРТОРИЙ

Теперь мы вступаем в последнюю стадию упадка и падения республики. С помощью насильственных мер Сулла вернул власть сенаторской аристократии. Но еще до его смерти проявились признаки нестабильности структуры, которую он поспешно воздвиг на окровавленных фундаментах. После его ухода из политики К. Катул стал главой сенаторской партии. Он был сыном Катула, который разделил с Марием триумф над кимбрами, и в 79 г. до н. э. он появился среди кандидатов на консульство с уверенностью в избрании. Человеком, который стремился стать его коллегой, был М. Эмилий Лепид, представитель знатной семьи, но тщеславный и вспыльчивый по характеру. Его поддерживали многие друзья, в том числе молодой Помпей. Сулла знал этого человека и предупреждал Помпея, чтобы тот не доверял ему власть. Но Помпей, который уже начал говорить о «заходящем и восходящем солнце», проигнорировал предупреждение, и Лепид был избран.

Едва Сулла умер, как его слова сбылись. Лепид провозгласил себя главой итальянской партии и пообещал восстановить все, что отнял Сулла. Чтобы предотвратить возобновление

гражданской войны, сенат обязал его и Катула клятвой не братья за оружие во время своего консульства. Но Лепид удалился в свою провинцию Трансальпийская Галлия и, притворившись, что клятва его там не связывает, начал набирать войска. Сенат призвал его вернуться в Рим. Он подчинился, но пришел во главе армии. Чтобы противостоять ему, Катул занял позицию перед Мильвийским мостом, а Помпей стал его заместителем. Здесь они были атакованы Лепидом, который был легко разгромлен. После этого поражения он бежал на Сардинию, где вскоре умер. Но его лейтенанты, М. Перперна и М. Юний Брут, отец убийцы Цезаря, удержали войска и ждали развития событий. В Испании бушевала война, что могло воодушевить недовольных.

[78-75 гг. до н. э.]

Уже упоминалось, что К. Серторий взял на себя управление Испанией. Но после тщетной борьбы с превосходящими силами он был вынужден укрыться в Мавретании. Новости из Италии были удручающими. Казалось, что дело Мария было потеряно навсегда. Серторий прислушался к рассказам моряков, недавно совершивших путешествие к Счастливым островам (так древние называли Азорские острова), и, казалось, узнал счастливые края, которые греческие легенды называли обителью блаженных. Но пока активный солдат предавался мечтам о безмятежном покое, он получил приглашение от лузитанцев возглавить их восстание против сенаторских правителей и без колебаний согласился. Сам Вириат не использовал энергию храбрых горцев с большей эффективностью. Юг Испании вскоре стал слишком горячим, чтобы удержать лидеров Суллы; проскрибированные марианцы вышли из своих укрытий и присоединились к новому вождю. За два года его прогресс стал настолько серьезным, что, когда Метелл Пий сложил с себя консульство, его отправили в Испанию, чтобы разгромить Сертория.

Но разгромить Сертория было нелегкой задачей. Он был не просто солдатом, но обладал высокими политическими качествами. Как Гамилькара и Гасдруба в древности, он льстил испанцам надеждой на обретение независимости под его правлением. Сформированное им правительство демонстрировало намерение бороться с Римом за власть над империей. Он сформировал сенат из трехсот человек, состоявший частично из проскрибированных римлян, частично из испанских вождей — шаг, не имевший аналогов в провинциальном правительстве Рима. Все города, находившиеся под его властью, он организовал по итальянскому образцу, а в Оске (ныне Уэска в Каталонии) он основал школу для знатной молодежи Испании. Мальчики носили римскую одежду и изучали языки Рима и Афин. Серторий — почти единственный государственный деятель древности, который пытался использовать образование как инструмент управления. Конечно, нельзя утверждать, что его взгляды были чисто филантропическими; без сомнения, он держал мальчиков в качестве заложников за верность их отцов.

Его великие таланты, прежде всего признание равенства между провинциалами и римлянами, принесли ему золотое мнение. Испанцы повсюду стекались, чтобы увидеть его, и громко заявляли о своей готовности умереть за него. Их восторженное почтение к его личности усилилось благодаря присутствию белой лани, которая постоянно следовала за ним и считалась простыми людьми духом-помощником, с помощью которого он поддерживал связь с небом.

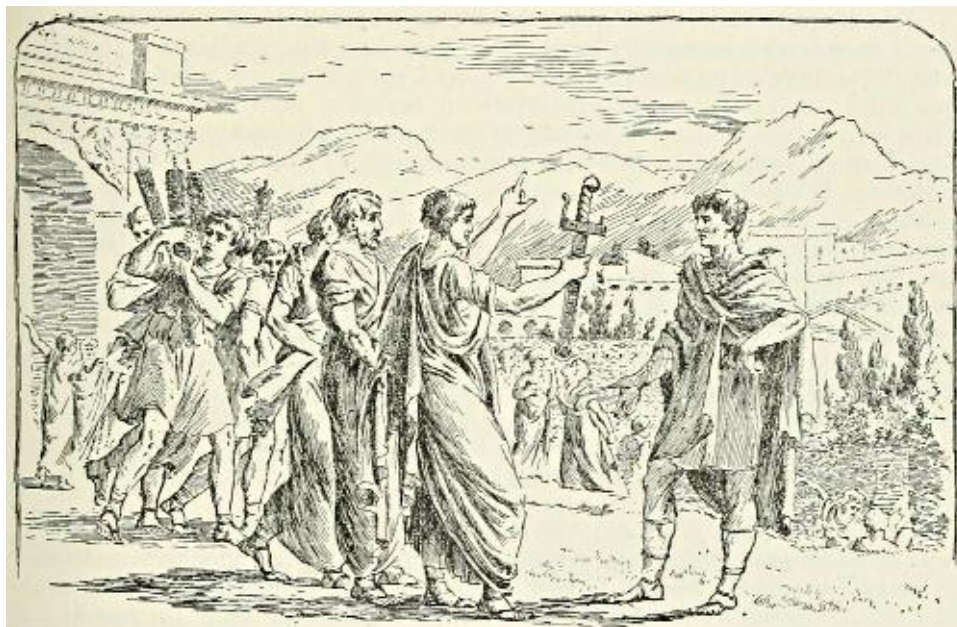
Метелл в двух кампаниях оказался не в силах справиться с новым правителем Испании. Во второй из этих лет (77 г. до н. э.) Перперна, который ушел в Галлию с лучшими войсками Лепида, вторгся в Испанию и присоединился к популярному лидеру; сенат поспешно отправил Помпея на подкрепление Метеллу. Во время своего похода через Галлию молодой

полководец встретил остатки армии Лепида под командованием Брута; Брут, попавший в его руки, был хладнокровно казнен.

[75-72 гг. до н. э.]

Однако помощь Помпея не изменила ход событий. В первом сражении молодой полководец был спасен прибытием Метелла, на что Серторий сказал: «Если бы старуха не подоспела, я бы хорошенько отлупил мальчишку и отправил его обратно в Рим». В конце 75 года до н. э. Помпей написал письмо сенату, в котором указал на недостаточность своих сил (), и ему сразу же были отправлены две дополнительные легионы для подкрепления. Между тем у самого Сертория были причины для беспокойства. Некоторые из его римских друзей, не одобрявшие его политику в пользу провинциалов, обратились с предложениями к сенаторским полководцам; а Серториус, суровый по натуре, еще больше раздражал римлян из своей партии, сформировав свою охрану исключительно из испанцев. Но он по-прежнему сохранял превосходство на поле боя. Не обнадеживала и весть о том, что он принял послов от Митридата, который собирался возобновить войну с Римом. Серторий согласился предоставить римских офицеров для обучения солдат Азии, а царь должен был вернуть ссуду кораблями и деньгами.

Деспотическая власть, которой обладал Серториус, развратила его характер. Он предавался неумеренному употреблению вина, не терпел малейшего противоречия и был виновен во многих актах тирании. Даже испанцы начали от него отворачиваться, и Серторий в порыве раздражения приказал казнить всех мальчиков в Оске. Этот жестокий и недальновидный поступок, вероятно, стоил бы ему власти и жизни, даже если бы он не был прерван предательством. Перперна, который сначала присоединился к нему вопреки своим убеждениям, решил, что настал благоприятный момент для захвата власти. Он пригласил Сертория на банкет в Оску, и полководец, как обычно, сильно напившись, стал легкой добычей для кинжала убийцы (72 г. до н. э.).

Римляне призывают Помпея помочь Метеллу

Но когда Перперна совершил это постыдное деяние, он обнаружил, что имя Сертория по-прежнему имело большое влияние среди испанцев. Многие из них, теперь, когда их великий вождь был мертв, забыли о его недостатках и с преданным энтузиазмом своего народа

бросились в пламя его погребального костра. Через несколько дней после смерти Сертория Перперна попытался возглавить войско против Помпея, но потерпел позорное поражение. Его люди были рассеяны, а он сам попал в плен. Когда его привели к Помпею (), он попытался завоевать его расположение, вручив ему письма, которыми Серториус обменивался с некоторыми из главных деятелей Рима. Но Помпей, проявив благоразумное великодушие, бросил письма в огонь и отказался его слушать. В течение года последние остатки партии Мария в Испании были уничтожены.

До того как это произошло, Рим был вовлечен в конфликт с Митридатом. [История этой войны будет изложена позже в этой главе.] Но здесь следует отметить грозное восстание, которое произошло в Италии и угрожало самому существованию государства. Это было:

ВОЙНА ГЛАДИАТОРОВ

[73-72 гг. до н. э.]

Для проведения варварских зрелищ, которые так нравились римлянам, было принято содержать школы для обучения гладиаторов, которых их владельцы сдавали в аренду эдилам. В Капуе была большая школа такого рода; среди обучающихся гладиаторов был Спартак, фракиец, который когда-то возглавил своих соотечественников против римских полководцев, но теперь, попав в плен, был обречен на то, чтобы развлекать своих победителей. Он убедил около семидесяти своих товарищей-рабов присоединиться к нему в побеге; лучше, по его мнению, умереть в бою на открытом поле, чем на песке амфитеатра. Эта горстка храбрых людей заняла прочную позицию на горе Везувий, где к Спартаку вскоре присоединились рабы и разбойники всех мастей. Гладиаторы, бывшие солдаты, как и он сам, стали его офицерами. Эномаус и Крикс, первый — грек, второй — галл, были его заместителями. Он ввел строгую дисциплину и, пока мог, заставлял своих последователей воздерживаться от грабежей. Два римских претора напали на него, но потерпели поражение с большими потерями, и численность его армии с каждым днем увеличивалась. Все это произошло в 73 году до н. э., после начала Митридатовской войны и до окончания Серторианской войны.

В следующем году (72 г. до н. э.), когда был убит Серторий, Спартак стал достаточно сильным, чтобы перейти в наступление. Ему пришлось столкнуться с грозной силой, поскольку обоим консулам было приказано выйти на поле боя. Но, возглавляя более ста тысяч человек, он прорвался через перевалы Апеннин и вошел в Пицену. Однако его подчиненные оказались неуправляемыми, и Спартак, осознавая, что сила Рима должна возобладать, направил все свои силы на то, чтобы прорваться через Альпы в надежде достичь какой-нибудь отдаленной области, недоступной для Рима. Продвигаясь на север, он подвергся нападению обоим консулов, но победил их обоих и пробился в Цизальпийскую Галлию; однако здесь он был отбит претором Кассием и вынужден нетерпеливыми последователями вернуться назад. Тем не менее, все остальные римские офицеры, осмелившиеся встретиться с ним, были побеждены; говорят, что однажды храбрый гладиатор даже подумывал о вторжении в сам Рим. Но он отказался от своего отчаянного плана и провел остаток года, собирая сокровища и оружие. Дисциплина теперь практически не соблюдалась. О масштабах разрушений, совершенных отрядами под его командованием, можно судить по известной строке Горация, в которой он обещал своему другу кувшин вина, изготовленного во время Социальной войны, «если тот сможет найти кувшин, уцелевший от когтей бродячего Спартака».

Руководство войной теперь было возложено на Красса, который действительно выиграл битву при Коллинских воротах. С момента триумфа Суллы он жил спокойно в Риме,

пользуясь проскрипцией, чтобы дешево скупать имущество проскриптов (), а после этого периода он был занят тем, что наиболее выгодно использовал накопленное им огромное состояние.

[72-71 гг. до н. э.]

Красс выступил в поход с шестью новыми легионами, которые должны были пополнить остатки консульских армий. Он наказал дезорганизованные батальоны этих армий несправедливым и ужасным наказанием — десятиной, но его строгость привела к восстановлению дисциплины. Он обнаружил, что Спартак осаждает Региум с целью установить связь с Сицилией и возобновить рабскую войну на этом острове. Гладиатор даже договорился с отрядом киликийских пиратов о переправке двух тысяч своих людей через пролив, но вероломные мародёры взяли деньги и отплыли без людей. Красс решил заблокировать врага, построив укрепления в самой узкой части Калабрийского полуострова. Дважды за один день Спартак пытался прорвать линии обороны; дважды он был отброшен с большими потерями. Но он продолжал защищаться с неустрашимой упорством; и сенат, узнав, что Помпей возвращается из Испании, присоединился к нему в командовании вместе с Крассом и призвал его ускорить марш.

Красс, боясь потерять свои лавры, решил атаковать Спартака, но храбрый гладиатор опередил его, прорвав оборону и двинувшись на Брундизиум, где он надеялся захватить корабли и бежать из Италии. Но М. Лукулл, брат Луция, командующего войсками против Митридата, только что вернулся с отрядом ветеранов из Македонии в Брундизиум. Спартак, потерпевший неудачу в своем замысле, как загнанный волк бросился навстречу Крассу. Завязалась страшная битва, исход которой оставался неопределенным, пока Спартак не был ранен дротиком в бедро. Опираясь на колено, он продолжал сражаться героически, пока не пал, побежденный численным превосходством. Большинство его последователей были изрублены на куски, но сильная группа повстанцев в полном порядке отступила в горы. Пять тысяч человек пробрались на север Италии, где Помпей столкнулся с ними по дороге из Испании и убил всех до единого. Еще около шести тысяч были взяты в плен Крассом, который повесил их вдоль дороги из Рима в Капую.

Крассу принадлежит заслуга в том, что он положил конец этой ужасной войне. За шесть месяцев он завершил свою работу. Но Помпей претендовал на честь завершения не только Серторианской войны, но и войны со Спартаком. На самом деле у него не было особых поводов для гордости ни в том, ни в другом случае. На самом деле испанскую войну закончили кинжалы Перперны, а в гладиаторском конфликте Помпей мог похвастаться лишь счастливым случаем, благодаря которому он перехватил пять тысяч беглецов. Но молодой полководец был любимцем солдат и народа, в то время как Красс из-за своей жадности к деньгам не пользовался большой популярностью. Поэтому общественное мнение поддержало требования, выдвинутые без скромности и справедливости.

Ни Помпей, ни Красс не хотели входить в город, поскольку оба желали триумфа, а их армии стояли у ворот, чтобы разделить честь. Желание Помпея было немедленно удовлетворено, но Крассу была предоставлена только орация.

КОНСУЛЬСТВО ПОМПЕЯ И КРАССА

[71-70 гг. до н. э.]

Перед тем как войти в город, они оба попросили разрешения выдвинуть свои кандидатуры на консульство. Оба были исключены законами Суллы. Красс все еще был

претором, и до его консульства должно было пройти не менее двух лет. Помпей был всего лишь в тридцать пять лет, а Квинт Луций Красс () даже не был квестором. Однако сенат не осмелился отказать Помпею, поскольку тот не собирался распускать свою армию, а его тон не допускал отказа. И то, что было предоставлено Помпею, не могло быть отказано Крассу, который также держал своих солдат под ружьем. Таким образом, по требованию двух вождей, каждого из которых поддерживала армия, сенат был вынужден через восемь лет после смерти Суллы нарушить его законы. Помпей был избран путем аккламации. Красс мог бы быть менее успешен, если бы между ним и Помпеем не было тайного соглашения. В календах января 70 года до н. э. Помпей и Красс вступили в свое памятное консульство.

В тот день Помпей дал понять о своем намерении проводить популярную политику. В заранее подготовленной речи он объявил о своем намерении освободить трибунов от ограничений, наложенных на них Суллой, и попытаться реформировать судебную систему. Оба заявления Помпея были встречены бурными аплодисментами. Сенат оказал лишь слабое сопротивление первому из них. Трибуны были восстановлены в своих полномочиях, и с их восстановлением можно сказать, что упал ключевой камень арки, воздвигнутой Суллой. С возрождением этой народной власти возродилась и независимость племенного собрания, что неизбежно привело к борьбе между этим органом и сенатом.

Но другая мера, предложенная Помпеем, была такой, что сенат решил противостоять ей до конца. Они не могли безропотно отказаться от своей абсолютной власти над судами. Однако в последние десять лет скандалы были большими. Среди прочих лиц Цезарь имел основания жаловаться. Спасшись от мести Суллы, он, как и Цицерон, обратился к школам греческой философии. По возвращении, хотя ему было всего двадцать три года, он обвинил Гнания Долабеллу в неэффективном управлении Македонией. Долабеллу защищал Квинт Гортензий, первый адвокат того времени, решительный сторонник сенатской партии, и, естественно, он был оправдан. Однако было отмечено, что всадники были чуть менее коррумпированы, чем сенаторы, и закон, предложенный под руководством Помпея городским претором Л. Аврелием Коттой, был разработан таким образом, чтобы создать суд, состоящий из трех элементов, каждый из которых мог служить сдерживающим фактором для двух других. В каждом жюри одна треть присяжных должна была предоставляться сенатом, одна треть — рыцарями, а оставшаяся треть — трибунами казначейства. Катул пытался добиться компромисса, но Помпей был непреклонен, и знатные люди были готовы защищать свои привилегии с помощью оружия.

Однако произошло событие, которое сгладило путь для закона Котты. Цицерон, после того как завоевал большой авторитет благодаря своей смелой защите Секста Росция, покинул Рим на два года. Он вернулся в 77 г. до н. э. и сразу же начал спорить с Гортензием о влиянии, которое тот оказывал в судах. За исключением 75 года до н. э., когда он служил квестором на Сицилии, он работал адвокатом в Риме. Его изящная красноречивость вызывала всеобщее восхищение; защита многих богатых клиентов приносила ему большие деньги и связывала его со многими влиятельными семьями. Он был ровесником Помпея и, будучи теперь кандидатом в эдилы, начал стремиться к политическому признанию. Добиться этого с помощью военных приказов не соответствовало его вкусам и талантам. Но это было возможно путем публичного обвинения какого-нибудь влиятельного преступника. К. Корнелий Веррес, человек, связанный с некоторыми из самых высокопоставленных сенаторских семей, в течение трех лет был претором Сицилии, из которой он вернулся после совершения беспрецедентных даже для тех времен грабежей и беззаконий. Сицилийцы, помня о трудолюбии и справедливости, с которыми Цицерон недавно исполнял обязанности квестора на их острове (), просили его выступить обвинителем этого человека; и оратор, видя, как он может сразу укрепить позиции Помпея и разделить народный триумф консула, с готовностью взялся за это дело.

Первой попыткой ловкого адвоката Верреса уклониться от нападок Цицерона было выдвижение К. Цецилия Нигера, который был квестором при Верресе, чтобы тот заявил, что именно ему принадлежит право обвинения. Но Цицерон так неопровержимо разоблачил задуманную аферу, что даже сенаторы-присяжные назначили Цицерона обвинителем. Он потребовал девяносто дней для сбора доказательств на Сицилии. Однако он использовал только пятьдесят из них, и пятого августа открыл это знаменитое судебное разбирательство. Тем временем он был избран эдилом. Но Гортензий также стал избранным консулом, а один из Метеллов, горячий друг обвиняемого, был назначен преемником Глабрия, который теперь председательствовал в суде в качестве претора-перегрини. Поэтому для Верреса было очень важно добиться переноса суда на следующий год, когда его влиятельные друзья-сенаторы займут самые важные посты в государстве. Чтобы сорвать этот план, Цицерон ограничился кратким изложением дела и сразу приступил к вызову свидетелей. Доказательства были настолько убедительными, что Гортензий отказался от дела, а Веррес попытался избежать наказания, уйдя в добровольное изгнание. Чтобы показать, что он мог бы сделать, Цицерон опубликовал пять великих речей, в которых он намеревался изложить преступления Верреса (); они остались для нас яркой картиной страданий, которые мог причинить римский проконсул.

РИМСКИЙ ГЕНЕРАЛ

(С колонны Траяна)

Вскоре после того, как судебный процесс подошел к этому неожиданному исходу, закон был принят, по-видимому, практически без противодействия; таким образом, в конституции Суллы был сделан второй большой разрыв.

Корруптированность самого сената проявилась в шаге, предпринятом Катулом и его друзьями. Они восстановили цензорскую должность, которая была приостановлена на шестнадцать лет. Цензоры 70 года до н. э. выполняли свои обязанности с суровой честностью, и шестьдесят четыре сенатора были низложены. Для Катутла они восстановили высокий ранг принцепса, и он был последним независимым сенатором, занимавшим этот ранг. Когда он был вновь введен, он послужил для придания титула деспотической власти Августа. Обзор всадников был примечателен тем, что консул Помпей появился в процессии, ведя свою лошадь через Форум и подвергаясь цензорскому контролю.

Ревность Красса усиливалась с ростом популярности Помпея. Оба консулы продолжали содержать вооруженные силы вблизи города; и хотя либеральные меры Помпея завоевали Форум, золото Красса привлекало многих последователей. Сенат опасался, что могут вернуться дни Мария или Цинны. Но Красс просчитал риски конфликта и благоразумно решил дать залог мира. В конце года он публично протянул руку Помпею, который снизошел принять ее по-царски. Крассу не хотелось подрывать свой авторитет и ставить под угрозу свое огромное состояние гражданской войной; Помпей был доволен, пока никто не оспаривал его право быть первым гражданином республики.

Так закончился самый замечательный год со времен Суллы. Два генерала, опираясь на вооруженную силу, попрали законы великого диктатора, и один из них грубо потряс политическое здание, воздвигнутое ценой стольких кровопролитий. За ними появилась фигура человека, стремившегося с помощью красноречия и гражданского искусства завоевать то, что недавно было захвачено мечом. Но прошло еще несколько лет, прежде чем Цезарь вышел на политическую арену.^{[b](#)}

ПОМПЕЙ ПОДЧИНЯЕТ СИЛИКИЙСКИХ ПИРАТОВ

[84-67 гг. до н. э.]

Во время партийных борьбы в Италии, Сицилии, Африке и Испании, во время диктатуры Суллы и ее кровавых последствий, которые еще долгое время ощущались в Серторианской и Рабской войнах, страдания Рима и его провинций усугублялись бедствием особого рода, которое постепенно достигло угрожающих масштабов.

Побережья западной части Малой Азии, известной как Киликия, где дикие горы Тавр, пересекающие страну, предоставляют безопасное убежище разбойникам и их добыче, с древних времен были пристанищем пиратов. Безнадежная неразбериха в Сирийском царстве, частью которого была Киликия, привела к нарушению порядка и в течение долгого времени позволяла процветать прибыльному ремеслу, которое процветало под покровительством государств Родоса, Кипра и Египта, всех враждующих с Сирийской монархией.

Мы знаем, как в 228 году Рим наказал иллирийских пиратов, но только около 103 года Марк Антоний был послан против киликийских пиратов и через некоторое время отпраздновал с трудом завоеванный триумф. Вялость римского правительства и гражданские беспорядки были более враждебны безопасности морей, чем суши; и в войне против Митридата, в которой гражданские беспорядки сыграли столь катастрофическую роль, корабли киликийцев предоставляли такое же убежище побежденным — будь то из Понта, Греции () или Рима, будь то Митридат или Сулла лишили их крова — как и беглым заключенным, беглым рабам и изгоям из всех народов и стран. Их пиратские паруса вскоре можно было увидеть по всему Средиземному морю. После распада греческих государств и упадка морской мощи Рима вскоре не осталось безопасных мест ни для торговых судов, ни для прибрежных районов.

Когда пленники не могли выкупить себя большими суммами денег, их отправляли на большие рабские рынки, главным центром которых был остров Делос, а в безопасных и неприступных горных замках Киликии корсары хранили деньги и другое имущество, захваченное их кораблями и флотами по всему Средиземноморью.

Превосходная организация этой бродячей силы десятикратно увеличивала ее опасность. Любой член этого большого объединения мог требовать помощи от любого корабля, поднимавшего пиратский флаг. Не было страха перед предательством; общие интересы, общие враги, схожий образ жизни создали своего рода национальную сплоченность и национальное чувство среди этих морских разбойников.

Неоднократные попытки римлян остановить эту опасность были тщетными. Л. Мурена (84-81) ничего не достиг, и П. Сервий Ватия (78-75) также не смог добиться ничего решающего (), хотя и вел войну с большой решимостью и энергией. Он сделал все, что мог, и благодаря захвату города Исаура в Тавре получил прозвище Исаурикус и триумф, на котором он смог продемонстрировать богатую добычу и, к особому удовольствию народа, нескольких пленных пиратских капитанов. Киликия была преобразована в римскую провинцию, но это практически не повлияло на ситуацию. Выбор в 74 году Марка Антония, сына вышеупомянутого Марка Антония, в качестве пропраетора против киликийских корсаров, располагавшего значительными средствами, также оказался неудачным, поскольку вожди критской пиратской орды уничтожили большую часть его флота. Ободренные успехом, корсары сирийского побережья дошли до Геркулесовых столбов; они насмехались над могуществом и подрывали жизнеспособность римского государства. В их руки попали такие известные люди, как П. Клодий и Юлий Цезарь. Были захвачены послы

иностранных держав, направлявшиеся в Рим, а римские послы и курульные магистраты были вынуждены выплачивать выкуп. Двенадцать топорков, сетовал Цицерон, попали в руки пиратов, которые, имея в своем распоряжении эти знаки отличия, издевались над верховенством Рима. Итальянские города, такие как Кайета и Мисен, не говоря уже о греческих, таких как Книд, Колофон и Самос, были разграблены, а пиратская эскадра — проворные маленькие миопароны — даже появилась в Остии, в устье Тибра. Торговля и свободное снабжение продовольствием повсюду были серьезно затруднены, и это особенно ощущалось в Риме; высокие цены на зерно и пустота казны, источник пополнения которой был перекрыт, тяжело давили на нацию и в конце концов стали невыносимыми.

Поскольку принятые до сих пор половинчатые меры не принесли никаких результатов, стало очевидно, что пиратов нужно либо уничтожить одним мощным ударом, либо оставить их в покое.

[67 г. до н.э.]

В этих условиях Габиний, один из трибунов народа в 67 году, фаворит Помпея и находящийся на его содержании, выступил с важным предложением поручить уничтожение пиратов генералу, наделенному широкими полномочиями. Он должен был быть императором на три года с проконсульской и безответственной властью, простирающейся от Геркулесовых столбов до самого дальнего востока. Он должен был иметь неограниченную власть на море и в четырехстах стадиях вглубь суши во всех странах, включая Италию. Пятнадцать сенаторских легатов с привилегиями претора, назначенных им самим (); двести кораблей, шесть тысяч аттических талантов и любые сухопутные войска, которые ему могли понадобиться, должны были быть предоставлены в распоряжение этого императора. При выдвижении этого предложения не было названо никакого имени, но все знали, что оно касалось Помпея. Это предложение было встречено бурными аплодисментами. Помпей был успешен во всех своих предыдущих начинаниях и только что восстановил трибунскую власть; он был кумиром каждого римского гражданина, и народ питал к нему то безграничное доверие, которое толпа обычно оказывает тем, кого она однажды избрала своими фаворитами. Естественно, сенат не воспринял это назначение в том же духе. Предоставить одному человеку такую безграничную власть, говорили, означало предоставить ее ему навсегда; это означало обменять свободу на правление одного человека; превратить, как говорили шутники, наварха в монарха. К. Катул пытался использовать вес своего уважаемого имени, а К. Гортензий — свою красноречивость, чтобы противостоять этой опасной мере. Они стремились получить вето остальных трибунов против предложения, которое передавало всю власть республики в распоряжение одного человека и могло таким образом привести к тирании, появлению нового Ромула; и здесь и там партийная вражда, возможно, выливалась в гневные слова, говоря, что с новым Ромулом следует поступить так же, как со старым, чьи изуродованные останки были унесены с Марсового поля под тогами сенаторов. Но когда эта мера была поставлена на голосование в ассамблее, всякое сопротивление было бесполезно против единодушного и громкого голоса народа и самых известных лидеров народной партии, чьи интересы, как и интересы Юлия Цезаря, были тесно связаны с интересами Помпея. Трибун Требеллий осмелился наложить вето и отстаивал его, пока семнадцать племен не проголосовали за его отстранение от должности, после чего его твердость исчезла. Напрасно К. Катул советовал, чтобы депутаты назначались народом, а не Помпеем; всякое сопротивление было бесполезно. Сто двадцать тысяч пехотинцев, пять тысяч всадников, двадцать четыре депутата и пятьсот кораблей, что превышало первоначальный заказ, были поставлены в распоряжение Помпея, который с притворной скромностью просил избавить его от этой

трудной задачи. Надежды, возложенные на него, были настолько велики, что цена на зерно упала сразу же после его назначения, еще до того, как он успел что-либо сделать.

Помпей оправдал надежды Рима. Он максимально эффективно использовал средства, предоставленные в его распоряжение. Он разделил свое командование на тринадцать районов, которые были переданы его заместителям, и двинулся со своими основными силами с запада на восток. Корсары были вытеснены из одного укрытия в другое, из одного убежища в другое, и один адмирал загнал их в сети другого. Не прошло и сорока дней, как западная часть Средиземного моря была освобождена, и корабли с зерном из Африки, Сардинии и Сицилии теперь могли беспрепятственно заходить в римские гавани, чего не было уже много лет. После короткой остановки в Риме Помпей снова отплыл в Брундизиум, и погоня возобновилась. Из-за предательства и капитуляции число пиратов, которые больше не могли сопротивляться, уменьшилось, и Помпей мудро пощадил их, когда они сдались. Менее чем через три месяца он оказался на западном побережье дикой Киликии и прибыл к мысу Корацеиум, где в последней битве была положена конец войне. Оставшиеся корсары собрались там и были разгромлены. Море теперь было свободно, и горные крепости открылись и выдали свою добычу, оружие, сокровища и пленников. Было сожжено 1300 кораблей, 72 захвачено и 306 сдалось. Было разрушено 120 крепостей и городов, убито 10 000 пиратов и взято в плен 20 000.

Освобожденные пленники, которые теперь вернулись в свои дома, обогащенные солдаты, спасенный от голода римский народ, купцы обширных римских владений, чья торговля была восстановлена, — все прославляли имя великого проконсула, который за три месяца достиг того, чего тщетно желали в течение семнадцати лет. Фактически, это истребление корсаров Средиземного моря было, вероятно, самым блестящим и, во всяком случае, самым заслуживающим похвалы достижением в жизни Помпея, хотя следует также отметить, что это быстрое завоевание было столь же показательным для силы Рима, когда он собирал и объединял свои силы, сколь и для способностей Помпея. Кроме того, у самих пиратов не было повода жаловаться на чрезмерную суровость. Лучшим из них было позволено поселиться в городе Соли в Киликии, название которого, Помпейополис, увековечило память о его завоевателе; другие нашли убежище в различных местах и городах в глубине страны, а некоторым даже было предоставлено убежище в южной Италии. Умеренный подход Помпея к побежденным побудил критян, которые были завоеваны в 68 году К. Метеллом и подверглись жестокому обращению, послать посольство с просьбой о подчинении.

Помпей принял их и послал к ним своего заместителя Л. Октавия; Метелл громко протестовал против этого вторжения в его провинцию и поднял против него оружие, но его протест был неоправданным в свете закона Габиния. Таким образом, на острове разразилась настоящая гражданская война, которая сама по себе не имела большого значения, но значительно усугубила и без того нестабильное положение республики и ее правительства.

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ МИТРИДАТОВЫЕ ВОЙНЫ

[84-73 гг. до н. э.]

Между тем Помпей ни в коем случае не был склонен довольствоваться этим триумфом. Он ожидал, что командование в войне с пиратами приведет к более крупной и важной войне. Война в Азии всегда была предметом его желаний, и теперь, после разгрома корсаров, народ не мог ему ничего отказать. Л. Лициний Мурена, оставленный Суллой в Азии в 84 году с двумя фимбрийскими легионами, возобновил войну сразу после отъезда своего генерала, но без успеха, и по приказу Суллы отказался от нее; эти военные действия, закончившиеся в 81

году триумфом пропраетора Мурены, получили название Второй Митридатовской войны. Митридат знал, что мир с Суллой был лишь перемирием, и он снова почувствовал угрозу, когда римляне в 75 году сделали Вифинию провинцией, поскольку ее последний царь Никомед III умер и завещал свое царство римскому народу. Мы знаем, что через марианцев, которые укрылись при его дворе, Митридат вступил в переговоры с Серторием, и поэтому в 74 году консулы Л. Лициний Лукулл и М. Аврелий Котта приняли вызов царя на Третью Митридатовскую войну.

Царь обнаружил, что корсары были союзниками, которых не следовало презирать на море; а римские изгои при его дворе, а также офицеры, присланные ему Серторием, помогли ему обучить свою армию по-римски. Руководство войной было поручено Лукуллу и Котте. Первый из них, принадлежавший к аристократическому сословию, проявил большие способности на восточном театре военных действий, и во всех должностях, которые он занимал с тех пор, он зарекомендовал себя как умелый и умный офицер, а его умеренность и мягкость в сочетании с необычайной образованностью завоевали высочайшее одобрение Суллы.

В 74 году началась война. Митридат начал военные действия, призвав к оружию многие районы Малой Азии и став хозяином Вифинии с помощью своего флота и армии. Римляне отступили в Халкидон, и здесь Котта, отказавшийся ждать своего продвигающегося коллегу, был разгромлен на суше и на море, а царь продвинулся в юго-западном направлении к городу Кизикю и осадил его. Эллинские жители оказали упорное сопротивление, поскольку знали, какая судьба ждет покоренные города от рук понтийского царя. Поэтому Лукулл смог переместиться в место к востоку от лагеря Митридата. Этим ходом он перерезал связь царя с его понтийской территорией и, перекрыв путь по суше, оставил Митридату только выход к морю. У Эмпирика () на реке Риндакус (к востоку от Кизика) Лукулл разбил часть вражеской армии, которая пыталась прорвать римские линии. Страдания от зимнего сезона и недостаток ухода вследствие остановки транспорта естественным образом истощили ряды трехсот тысяч человек, осаждавших город. Так что весной 73 года царь был наконец вынужден снять осаду и бежать с остатками своего флота; и эта неудача была бы для него фатальной, если бы в предыдущем году римские корабли не были сожжены в гавани.

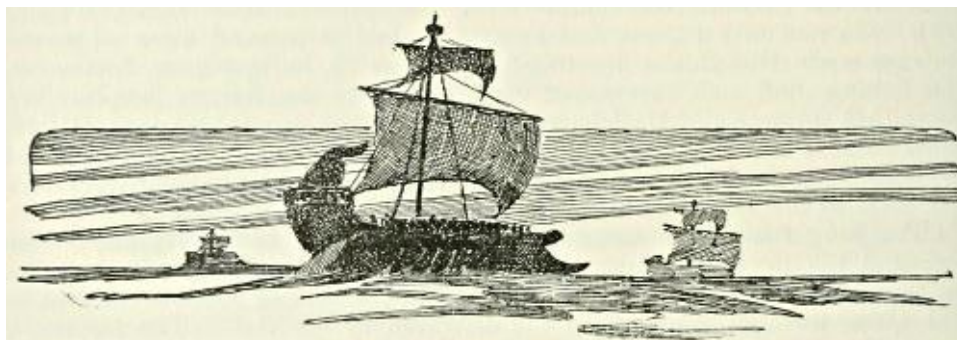
[73-70 гг. до н. э.]

Таким образом, понтийский флот, который прочесал Черное море и Пропонтис, не встретил сопротивления в своей экспедиции в Эгейское море, и говорили, что римские изгнанники, командовавшие им, решили попытаться высадиться в Италии. Однако сам Лукулл, который повернул на запад от Кизика, командовал небольшим флотом, который был собран в водах Эгейского моря и разгромил вражескую эскадру в сражении между Лемносом и Скиросом, в котором погибла большая часть римских изгнанников.

Тем временем заместители Лукулла Воконий, Барба и Триарь объединились против Митридата, который находился со своими войсками в Никомедии (Вифиния). Царь избежал сражения и бежал на пиратском корабле, по пути осадив Гераклею, где он собрал остатки своего флота, который был почти полностью разбросан штормом, а затем прошел мимо Синопы к Амису. Теперь, когда враги были оттеснены на свои территории, римляне перешли в наступление.

Аврелий Котта расположился в Гераклее. Сам Лукулл осенью 73 года перешел в Понтийский район. Митридат избежал сражения и отступил вглубь страны, где преследующему врагу было бы трудно добыть провизию. Лукулл последовал за ним,

оставив отряды для осады или наблюдения за Амисом и Евпаторией, важнейшими городами Понта, и, не обращая внимания на ропот своих солдат, быстро преследовал царя и весной 72 года прибыл в Кабиру (на реке Ликус в Понте).

РИМСКАЯ ГАЛЕРЕА

Зимой царь тщетно искал союзников; ни великий правитель Армении, его зять Тигран, ни парфяне не захотели его поддержать. Но тем временем в его собственных государствах была собрана мощная армия из сорока тысяч пехотинцев и четырех тысяч всадников под командованием Диофанта и Таксила, в то время как Лукулл смог собрать только три легиона. Конница Митридата, его лучшая опора, была полностью разгромлена заместителем Лукулла, М. Фабием Адрианом, и когда царь приказал продолжить отступление, в лагере царя слепая паника и смятение, которые превратились в полное бегство благодаря своевременному наступлению Лукулла. Царь бежал с двумя тысячами всадников через границу своего царства в Армению (), где его принял его зять Тигран. Богатая добыча лагеря попала в руки римских солдат; по приказу царя евнух заставил женщин гарема выпить флягу яда, чтобы спасти их от попадания в руки врага — величайшего из всех позоров для восточного правителя.

Теперь в войне наступила пауза. Равнинная местность повсюду подчинилась римлянам; только Амис на понтийском побережье, Синопа и Амастрис на пафлагонском побережье и Гераклея на вифинском побережье оказали упорное сопротивление, поддерживаемое войсками царя и его союзников, корсаров, с их кораблями.

Пока депутаты были заняты этими осадами, с 72 по 70 год главнокомандующий организовывал внутренние дела Азиатской провинции, где остро нуждались во внимании такого честного человека, как Лукулл. Мир Суллы оставил жителей этих прекрасных стран в их безнадежном бедствии под гнетом римских сборщиков налогов. Двадцать тысяч талантов, которые Сулла наложил на них, превратились в долг в 120 000 талантов под ростовщические проценты римских капиталистов, которые авансировали общине деньги для выплаты компенсации; и чтобы удовлетворить кредиторов, священные сосуды в храмах богов пришлось переплавить, свободные люди продавали своих сыновей и дочерей в рабство, а в тех случаях, когда оплата задерживалась или была невозможна, прибегали ко всем пыткам, которые только могла придумать изобретательная алчность; так что, по выражению Плутарха, «рабство казалось миром, а *seisachtheia*¹⁰⁰¹ » по сравнению с ним.

Чтобы смягчить это позорное положение дел, Лукулл издал в Эфесе указ, запрещающий взимать проценты свыше двенадцати процентов, освобождающий должников от обязанности выплачивать проценты, общая сумма которых превышала первоначальный капитал, и запрещающий кредитору требовать более четверти имущества должника.

Провинциалы поздравляли себя с тем, что у них такой справедливый и гуманный проконсул, но его политика вызвала смертельную ненависть римских капиталистов,

поскольку наносила ущерб их бизнесу, и они не жалели усилий в Риме, чтобы как можно скорее добиться его падения. В этом им очень помогло растущее недовольство солдат, которые были столь же против справедливости и умеренности Лукулла, сколь и против продолжения войны, которая только что возобновилась.

Митридат всю зиму пытался втянуть Тиграна в римскую войну, которой тот рано или поздно не смог бы избежать. Его собственная власть была разрушена, его сын Махар, сатрап его царства Босфор, заключил мир с Лукуллом по собственной инициативе, а его корабли, возвращавшиеся из Крита и Испании, были уничтожены заместителем Лукулла в Тенедосе.

АРМЯНСКАЯ ВОЙНА

[70-68 гг. до н. э.]

Царство Армении Тиграна ранее, как и многие другие, было провинцией Сирийского царства, и его правитель провозгласил свою независимость при Антиохе Великом. Тигран расширил его со всех сторон и увеличил за счет частей, отнятых у Сирийского царства, которое теперь приходило в упадок, в то время как князья из дома Селевкидов сражались за его остатки. С 83 года Сирия и Киликия фигурируют как армянские провинции под управлением армянских правителей. Но великий царь Тигран сам держал свой роскошный двор в восточном стиле в Тиграноцере, недалеко от границ Месопотамии. Это был один из тех гигантских городов, которые были быстро построены и заселены по приказу деспота, руины которых можно найти на Востоке, разбросанные тут и там, как свидетели мимолетного характера деспотических творений.

В прежние времена римское правительство не стало бы так долго откладывать показание этому деспоту его надлежащего места. Лукулл, вопреки воле правительства, теперь перенес войну на территорию Тиграна, требуя от великого правителя, чтобы тот выдал Митридата. Это было предложено Аппием Клавдием, чья смелая речь поразила варварского правителя. Он был в ярости и возмущен тем, что Лукулл не назвал его «царем царей», а обратился к нему просто как к царю, и отомстил, отказав римлянину в титуле «императора» и вступив в союз с Митридатом, которого он ранее не допускал к себе.

Лукулл повел свою неохотную армию, из которой фимбрийские легионы после тринадцати походов теперь с некоторым основанием требовали расформирования, через Каппадокийские горы, а затем через Евфрат. Это был неразумный шаг, учитывая характер армянской территории, а также малочисленность и плохое настроение его солдат, которые нисколько не были рады покидать Понтийский район.

В то время как царь Тигран все еще пребывал в неведении восточного принца и слушал заверения своих придворных, что римская армия никогда не осмелится противостоять войскам царя царей, прибыл гонец, чтобы сообщить ему о ее приближении. Гонец, принесший неприятную весть, был наказан смертью, но это не делало ее менее правдивой. Митробарзану было поручено командование отрядом, отправленным против римлян в наказание за то, что он не присоединился к лести придворных, но он был легко разгромлен. Тигран покинул свою столицу незадолго до прибытия римлян, и постепенно прибывали подкрепления из разных народов его царства. Их внешний вид и численность — среди них были арабы, сирийцы, мидяне, адиабенцы, армяне, иберийцы и албанцы с высот и долин Кавказа — вселили в него уверенность. Он отверг совет Митридата, который, исходя из собственного опыта общения с римлянами, советовал ему избегать сражения и использовать свою превосходную кавалерию, чтобы перерезать врагу пути снабжения, и вскоре высоты вокруг Тиграноцеры покрылись армией царя, состоящей из 150 000

тяжелых пехотинцев, 20 000 легких пехотинцев и 55 000 всадников, 17 000 из которых были в кольчугах. Лукулл оставил 6000 человек перед городом, а остальные, которые казались царю слишком многочисленными для посольства и слишком малочисленными для армии, поднялись вверх по реке, чтобы найти брод. «Вот они бегут, эти непобедимые римские гоплиты!» — воскликнул царь с уверенностью. Однако вскоре он с ужасом увидел, как орел первого легиона развернулся, а затем одна когорты за другой пересекли реку с гордостью и уверенностью римских войск. Царь поспешил выстроить своих последователей, но это была еще одна варварская битва, в которой паника началась еще до того, как войска успели выстроиться. Отброшенные первой атакой и впавшие в замешательство, массы людей стали легкой мишенью и добычей для мечей врага.

Римляне почти стыдились своей легкой победы, поскольку она стоила им всего пяти убитых и 105 раненых. Потери врага были неисчислимы. Тиара и диадема армянского царя попали в руки римлян, а город Тиграноцрта был вынужден сдаться. Он был захвачен и передан солдатам для грабежа; часть разнородного населения была отправлена обратно в свои родные районы.

Лукулл хотел продолжить победное наступление, чтобы не дать врагу времени собраться для нового сопротивления. Многие подданные Тиграна подчинились ему, а посольство парфян явилось с предложением дружбы. Нужен был всего один удар, чтобы окончательно сместить армянина с трона. Но прошло некоторое время, прежде чем полководец смог успокоить своих недовольных, не желающих воевать солдат, а союзные цари воспользовались возможностью, чтобы вновь собрать армию из семидесяти тысяч пехотинцев и тридцати пяти тысяч всадников. На этот раз они последовали совету Митридата и избегали сражения. Однако, когда под угрозой оказался Артаксат (на Араксе), второй по величине город королевства, на реке Арсаниас в окрестностях произошло сражение. На этот раз конфликт длился несколько дольше, и победа далась дороже, потери противника были несколько меньше, но результат остался прежним. Ни одна азиатская армия, каким бы многочисленным и хорошо подобранным ни было ее составом, не могла одержать победу над хорошо управляемой римской армией.

[68-67 гг. до н. э.]

Но Лукулл еще не достиг своей цели. Его военные способности были неоспоримы, но ему не хватало умения привязать к себе солдат своим личным обаянием, которое в те времена было почти более важным даром.

Они роптали, что самые богатые города были обойдены стороной, ни один из них не был взят штурмом, так что они не получили добычи; но они утверждали, что император заботился только о себе, хотя и не давал им ничего, и нельзя отрицать, что Лукулл обогатился. Своим холодным, суровым образом генерал игнорировал их желание добычи, и они ненавидели его не только потому, что он был аристократом, но и потому, что он относился к жителям городов с уважением, в то время как они, как дикие солдаты, считали их выгодной добычей. Заснеженные горы и бесконечные крутые дороги вызывали у них отвращение; они никогда не зимовали в дружественном греческом городе, и офицеры присоединились к этим жалобам, особенно П. Клодий, шурин генерала, который активно поощрял настроения против Лукулла как в лагере, так и в столице.

Проконсул не смог убедить своих солдат помочь ему взять Артаксату, второй город Армянского царства. Наполовину уступив их давлению, он повернул на юг, в Месопотамию, столица которой, Нисибис, сдалась ему. Но здесь нежелательная машина отказала ему в дальнейшей службе. Войска настаивали на зимних квартирах в Нисибисе и его окрестностях,

где они хотели дожидаться преемника Лукулла. Это было выгодно врагу, так как задерживало окончательный удар.

Однако Тигран ничего не получил, так как Л. Фанний своевременно пришел на помощь солдатам Лукулла, которых Тигран застал врасплох. Тем не менее Митридат стремился воспользоваться недовольством в римской армии и вернуть свое царство.

Он прибыл в Понт и с небольшими силами напал на римлян, которые вызывали всеобщую ненависть в стране, и не без успеха, поскольку он кое-что научился в ходе долгой войны, и в следующем году (67) он разгромил наместника Триария при Зеле на реке Ирис (к юго-западу от Понта), когда римляне потеряли семь тысяч убитых, среди которых было большое количество офицеров.

Узнав плохую новость, Лукулл отступил в Месопотамию и вернулся в Понт, а Митридат перенес войну оттуда в Каппадокию. Когда Лукулл захотел последовать за ним туда, фимбрийские солдаты отказались подчиняться ему, поскольку он больше не был их полководцем, и заявили, что будут оставаться под ружьем вместе с другими легионами только до осени.

Митридат воспользовался этими событиями. Ацилий Глабрион, правитель Вифинии, которого должен был сменить Лукулл, и К. Марций Рекс, правитель Киликии, бездействовали в своих провинциях, и когда десять комиссаров римского сената прибыли, чтобы вместе с Лукуллом организовать завоеванный район Понта в качестве провинции, Митридат уже отвоевал большую его часть. Тем временем в Риме против генерала аристократии его активные враги, а именно Помпей и его друзья из « », озлобленные члены всаднического сословия, обиженные офицеры и заблужда Помпея и его друзей из , озлобленных членов всаднического сословия, обиженных офицеров и заблуждающегося народа, наконец взорвалась, и неизбежный Помпей, который пожинал повсюду, где не сеял, был назначен главнокомандующим на Востоке, на этот раз с полномочиями, более обширными и экстравагантными, чем те, которые были предоставлены ему в предыдущем году Габиниановым законом.^с

[67-66 гг. до н. э.]

В течение года бездействия, предшествовавшего назначению Помпея, Митридат собрал новую армию, с которой занял границу Понта. Помпей получил новое назначение летом 66 г. до н. э. и сразу же двинулся на Кабиру через землю, опустошенную предыдущими походами. Митридат, стремясь избежать сражения, отступил к истокам реки Галис, но был настигнут римским полководцем и вынужден дать сражение в месте, которое впоследствии было названо городом Никополис, основанным Помпеем в память о сражении. Здесь Митридат был полностью разгромлен, и лишь несколькими отставшим удалось переправиться через Евфрат. Но Тигран отказался принять его в Армении, и он с большим трудом пробрался на север, через дикие горные племена Кавказа, в Диоскурию (Искурию) на побережье Черкесии. Изгнанный из регионов к югу от Кавказа, его авантюрный гений придумал объединить сарматские племена к северу от Черного моря и совершить поход на Италию. В панике от приближения своего отца Махарес, наместник Крыма, покончил с собой, и Крым снова стал подчиняться Митридату.

Террор, вызванный победами римского полководца, был настолько велик, что Тигран пал бы к его ногам, если бы Помпей не предотвратил это унижение; а Фраат Парфянский, принявший гордый титул «царя царей», недавно присвоенный Тиграном, послал предложение о союзе с победоносным римлянином, который направился на север в погоню за Митридатов. В середине зимы он отпраздновал сатурналии на реке Кир (), а весной продвинулся вдоль побережья к Фазису. Но, узнав, что Митридат находится в безопасности в Крыму, он вернулся в свои прежние кварталы на Кире и провел лето, подчиняя племена, занимавшие южные склоны Кавказа. Одна из его побед была отмечена основанием еще одного Никополя. Но он был вынужден вернуться в Понт на зимние квартиры. Здесь он принимал послов из соседних государств и занимался приведением Понта в форму римской провинции. В течение следующих двух лет он занимался походами в знаменитые страны к югу от Малой Азии.^b

КОНЕЦ МИТРИДАТА

[66-63 гг. до н. э.]

Митридат провел часть своей юности вдали от двора своего отца; его сажали на самых диких лошадей, которых он научился укрощать; он уединялся в самых труднодоступных охотничьих угодьях, так что половину времени никто не знал, где он находится. Он отличался от всех царей, с которыми сражались римляне, потому что в его жилах текла чистая персидская и настоящая азиатская кровь, ведь он был потомком персидских сатрапов.

Целью его жизни было сделать трон Понта центром национального азиатского сопротивления Риму. Таким образом, он добился большого временного успеха, но был побежден великой мощью римлян в их союзе с греческим элементом. Затем он был лишен земель своего отца. Ему осталась только жизнь приключенческого беглеца. Его храбрая жена Гипсикратия, которая должна была заботиться о нем и его лошади, сопровождала его в цитадель, где хранилось королевское сокровище. Митридат разделил его между верными последователями, которые все еще были рядом с ним. Говорят, что он питал те же мысли, что и Филипп III Македонский, о продвижении на Италию через земли Дуная и о поиске

римлян на востоке, как это сделал Ганнибал. Но эти смелые фантазии сопровождались ощущением неминуемой опасности.

Среди своих последователей он разделил равные доли яда, чтобы застраховать их от опасности попасть в руки римлян. Сам он не умер от яда; он искал поддержки в своих владениях в Боспоре. Но поскольку там его сын восстал против него, смертельный удар ему нанес настоящий галл. Сын, Фарнак, присоединился к римлянам.

После изгнания Митридата Помпей обратился против Тиграна в Армении, который в это время вел войну с парфянским царем Фраатом, к которому присоединился младший Тигран. В разгар всех этих распрей в Армении Помпей вмешался, не столько как враг, сколько как арбитр. Существует много свидетельств покорности, которую Тигран проявлял по отношению к Помпею. Главное, что он восхвалял Помпея как человека, в чьих руках теперь находилась судьба мира.

Тигран был вынужден отказаться от всех завоеваний, которые он сделал в войне с Селевкидами; он сохранил Армению. Его сын был увезен в плен. Армения уже более или менее вошла в круг всемирной истории. Но Помпея можно отнести к числу людей, которые продвигали историческое движение мира в провинциях, которые до этого времени оставались незатронутыми им. Во время выборов он встретил албанцев, которые все еще продолжали жить в первобытной простоте пастушеского народа. Своими кавалькадами они пытались помешать римлянам достичь Черного моря или, по крайней мере, если это не удавалось, сделать их возвращение невозможным. В 65 году произошла битва, в которой римские маневры взяли верх. Албанцы, иберийцы и несколько других независимых народов заключили с ними союз. Говорят, что Помпей, как и Александр, желал найти Кавказскую скалу, к которой, согласно греческой традиции, был прикован Прометей. Но римский полководец не был человеком, который мог бы поддаться подобной иллюзии; ему было достаточно подчинить себе Понт и Армению. Он уже чувствовал себя достаточно сильным, чтобы лишить царя парфян титула «царя царей». Он встал на защиту интересов Армении против парфян. Как Тигран потерял свои завоевания, так и Фраат должен был потерять свои. Фраат не осмелился поднять оружие против победоносной римской армии. Послы Элимаиды и Мидии явились в зимний лагерь Помпея в Амисе.

ПОМПЕЙ В ИЕРУСАЛИМЕ

Благодаря победе в Армении римляне одновременно стали хозяевами Сирии, которую было невозможно вернуть Селевкидам, так как они не знали, как себя защитить. Выжившие в этой битве должны были довольствоваться предоставлением небольшой провинции и признать верховенство Рима. По примеру сирийских царей Помпей не мог и думать о введении греческого поклонения богам в Иерусалиме; он занимался только политическими интересами.⁴

Когда он продвигался на юг, его авторитет был призван урегулировать спор между двумя братьями из этой королевской семьи, унаследовавшей еврейский скипетр и первосвященничество от храбрых Маккавеев. Аристобул был правящим царем Иудеи, но его титул оспаривал его брат Гиркан. Именно последний обратился за помощью к римскому полководцу. Помпей принял эту просьбу. Но иудеи, привязанные к правящему принцу, отказались подчиниться, и Помпей был вынужден осадить Иерусалим. В течение трех месяцев иудеи защищались с присущим им упорством, но их подчинение было обеспечено голодом, и Помпей вошел в Святой город. Он запретил грабежи, но, возбужденный любопытством, которое даже тогда духовное поклонение Иегове вызывало в умах римских

идолопоклонников, он вошел в священные пределы Храма и даже осмелился проникнуть в Святое Святых и встать за торжественной завесой, которая до сих пор поднималась только один раз в год, и то только первосвященником. Мы мало знаем о том, какое впечатление произвело на Помпея обнаружение святилища, в котором не было никаких предметов поклонения. Но интересно сравнить непочтительное любопытство римлянина с поведением, приписываемым великому Александру в подобной ситуации. Гиркан был утвержден в качестве правителя при условии уплаты дани Риму: Аристобул последовал за завоевателем в качестве его пленника.

Аретас, царь набатейских арабов, бросил вызов войскам Помпея, и завоеватель готовился войти в скалистые пустыни Идумеи, чтобы проникнуть в Петру, когда получил известие, которое внезапно вызвало его обратно в Малую Азию. Митридат был мертв. Помпей поспешил в Синопу, куда тело старого царя было отправлено его сыном. Оно было удостоено царских почестей и помещено в гробницу его отцов.

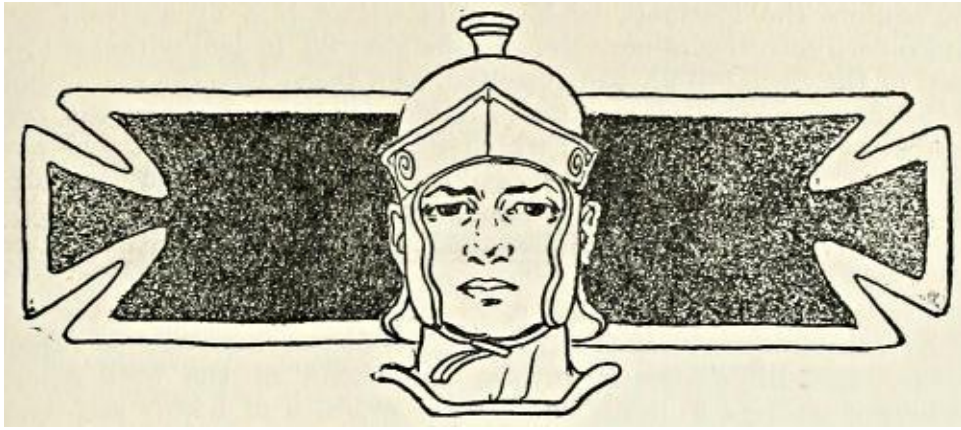
Остаток 63 года до н. э. полководец провел, упорядочивая новые провинции Вифиния, Понт и Сирия и устраивая королевства, которые он позволил остаться под римской защитой на границах этих провинций. Фарнак, сын Митридата, остался владельцем Крыма и его зависимых территорий; Деотар, вождь Галатии, получил прибавку к своим владениям; Ариобарзан в четвертый раз был восстановлен в княжестве Каппадокии. Все это было сделано по единоличному решению Помпея, без консультации с сенатом.

[62-61 гг. до н. э.]

В начале 62 года до н. э. он покинул Азию и медленно продвигался через Македонию и Грецию — настолько медленно, что 1 января 61 года до н. э. он еще не появился у стен Рима, чтобы заявить о своем триумфе. Он отсутствовал в Италии почти семь лет. Никто не знал о его намерениях. Но власть, данная ему преданностью его солдат, была абсолютной, и сенаторские вожди вполне могли испытывать беспокойство, пока он не раскрыл свою волю. Но прежде чем говорить о его прибытии в Рим, мы должны рассказать о важных событиях, которые произошли во время его отсутствия.^b

СНОСКИ

^[101] Мера, с помощью которой Солон облегчил бремя аттических кредиторов.

ГЛАВА XXI. ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

МАРК ПОРЦИЙ КАТОН

Помпей, покидая центр событий, не мог не предвидеть, что его уход станет сигналом к возрождению партийных страстей и что еще несколько лет страданий от анархии потребуют его возвращения с более полными полномочиями для урегулирования дел. Со своей стороны, знатные люди, вынужденные подчиниться его чрезвычайному назначению, теперь искали способы обратить его отсутствие себе на пользу. Они поставили его во главе, а он их предал; теперь они искали более сильного и верного поборника и готовились, когда придет время, нанести удар, который должен был ощутиться на Евфрате и устроить завоевателя Сирии и Понта.

Вожди, с которыми они до сих пор советовались, унижали их своим примирительным нравом, робостью или вялостью. Они уважали Катула, но не доверяли его твердости; Лукулл, к которому они обратились за помощью, проигнорировал их просьбы. Гортензий погряз в гордости и лени. Среди них было много людей, не обладающих достаточной известностью и влиянием (), таких как Силаны, Скрибонии, Марции, Домиции, Сципионы и Марцелли, которые могли бы быть хорошими офицерами, но не обладали талантом к командованию. Но был один человек, все еще в их рядах, молодой по возрасту, плебей по происхождению, неизвестный в гражданских или военных делах, в чьем непоколебимом рвении и бесстрашном мужестве они чувствовали, что могут надежно довериться. Ему, конечно, очень не хватало здравого смысла и такта, но эти качества аристократы не ценили, и ни он, ни они не осознавали этого серьезного недостатка.

Этот человек был Марк Порций Катон, наследник почтенного имени цензора Катона, его прадеда, имени, которое римляне давно почитали за честность и простоту. Будучи рабом национальных предрассудков, Катон, как и его прославленный предок, верил в миссию высшей касты по управлению римским государством, в естественное право господ человеческого рода держать мир в рабстве, в абсолютную власть мужа над женой, родителей над детьми, хозяина над слугой. По своим принципам Катон был самым фанатичным из тиранов. Однако эти ужасные догмы никогда не поддерживались человеком, чей естественный характер был более враждебен насилию и жестокости, с помощью которых они могли поддерживаться, и Катон тщетно пытался укрепить себя против инстинктов человечности внутри себя с помощью абстрактных размышлений и строгой самодисциплины. Родившись в 95 году, он был свидетелем окончания Социальной войны и, будучи еще мальчиком, возмущался компромиссом, к которому привела эта

могущественная борьба. Тем не менее, его чувства восстали против жестоких мер, которыми Сулла отомстил за эту войну, и он, единственный из своей партии, сожалел об их блестящих победах и оплакивал кровавую расправу, которую они устроили над своими врагами.

С ранних лет Катон неустанно тренировал себя в строгом стиле древних нравов, которые уже к временам цензора стали устаревшими. Привыкший к бережливости и самым простым вкусам, он поднялся над соблазнами своего класса к грабежам и вымогательствам. Вступив в священство бога Аполлона, он, возможно, признал божественное призвание к практике телесного самоотречения, в котором, по мнению древних, в основном заключалась религиозная жизнь. Он впитал в себя доктрины стоической философии, строгость которой соответствовала его характеру, и стремился под их руководством привести свое публичное поведение в соответствие с самыми строгими правилами личной честности. Если он и терпел неудачи, то это было из-за слабости характера, а не из-за непостоянства тщеславия или капризов; но, без сомнения, требования публичных дел заставляли его, как и других людей с менее выдающимися претензиями, идти на многие гнусные компромиссы со своими собственными принципами, в то время как в частной жизни сила, к которой он стремился, становилась источником многочисленных слабостей. Она сделала его гордым своими добродетелями, уверенным в своих суждениях, недоступным для великодушных порывов, едким в своих замечаниях о других, слепым наблюдателем форм и рабом предрассудков. Партия, состоящая из таких людей, как Катон, плохо бы сочеталась с рядами коварных интриганов, противостоявших им со всех сторон; но когда эгоистичные, ленивые и беспринципные люди выбрали себе защитника, столь чуждого их характеру, пустота этого союза и безнадёжность дела стали достаточно очевидными.

В ходе интриг по назначению Помпея на морскую должность его приспешники не переставали беспокоить сенат, выступая за новые меры по реформированию административных злоупотреблений. В 67 году некий К. Корнелий, бывший квестор великого императора, будучи в то время трибуном, предложил принять закон, ограничивающий ростовщичество, которое богатые вельможи требовали за ссуды, о которых с ними договаривались в Риме агенты провинций. Конечно, законы, регулирующие эту практику, уже существовали, но нужды бедных и алчность капиталистов привели к их игнорированию, и сенат осмелился взять на себя прерогативу народа, отменив их положения в пользу лиц своего собственного сословия. Корнелий предложил одновременно пресечь это дерзкое посягательство. Его мера была и популярной, и справедливой. Сенаторы не могли противостоять ей аргументами, но они убедили одного из трибунов выступить против нее. Однако Корнелий пользовался поддержкой народа, который призывал его продолжать зачитывать условия своего предложения, несмотря на официальное вето. В комиции начался шум, и, напуганный звуками ударов, Помпей, как можно предположить, убедил своего инструмента отказаться от прямой атаки и позволить урегулировать вопрос компромиссом. Сенат согласился, но обида была глубокой и быстро наказана. Как только Корнелий покинул свой пост трибуна, его обвинили в *маестате* за то, что он проигнорировал вето коллеги. Преступление было очевидным, и виновный мог отчаяться защитить себя от могущественных сил, выступивших против него, когда Манилий, тот самый, который посвятил себя служению Помпею, окружил трибунал группами вооруженных головорезов и угрожал обвинителям насилием, если они не откажутся от своего иска. Консулы вмешались с помощью военной силы и дали им возможность сбежать через крыши соседних домов. В следующем году процесс был возобновлен, и Цицерон, как представитель Помпея, был нанят для защиты преступника. Адвокат сослался на благосклонность, с которой к его клиенту относился сам Помпей, и либо это соображение, либо страх перед дальнейшим насилием, либо, возможно, охлаждение страстей людей после столь долгого перерыва, принесли ему оправдание. Но попытка Манилия, слишком успешная, запугать силой судебную власть, заслуживает внимания из-за ее рокового значения. С этого момента мы будем видеть, как она повторяется день за днем с усугубляющимся насилием. Консулы и трибуны будут соперничать друг с другом, чтобы разрушить основу всякого общественного доверия. Сенат и народ уже вступили в борьбу, которая в конечном итоге приведет к вмешательству силы, превосходящей по могуществу и тех, и других. Дальновидные люди уже видят надвигающиеся на них тени монархии, которые, по-видимому, можно отсрочить и, возможно, предотвратить с помощью долгой, далекой и опасной миссии Помпея на Восток.

Речь Цицерона в защиту Корнелия была триумфом искусства и изобретательности. Но слава его красноречия уже была закреплена его речью в поддержку законопроекта Манилия, а благосклонность народа уже возвысила его до преторства на 66 год единодушным голосованием центурий. После неудачи нападения на непокорного трибуна фракция на короткое время успокоилась или в тишине готовилась к более яростному всплеску вражды.^{[b](#)}

КАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Хотя восстановление трибуната и отзыв судебной власти нанесли сильный удар по сенаторской олигархии, она по-прежнему оставалась хозяином Рима. Но рос лидер,

которому суждено было возродить партию Мария, стать хозяином римского мира и быть признанным величайшим человеком, которого когда-либо производил Рим.

К. Юлий Цезарь родился в старинной патрицианской семье в 100 году до н. э. Таким образом, он был на шесть лет моложе Помпея и Цицерона. Его отец, К. Цезарь, не дожидаясь консульства. Его дядя Секст занимал эту высокую должность в 91 году до н. э., незадолго до начала Социальной войны. Но связью, которой молодой патриций гордился больше всего, был брак его тети Юлии с Г. Марием; и в раннем возрасте семнадцати лет он заявил о своей приверженности народной партии, женившись на Корнелии, дочери Цинны, который в то время был абсолютным хозяином Рима. Мы уже упоминали о его смелом отказе отречься от своей жены и о том, как он едва избежал убийц Суллы. Свою первую военную службу он прошел под командованием М. Минуция Терма, которого Сулла оставил для захвата Митилены. Во время осады этого города он завоевал гражданскую корону за спасение гражданина. После смерти Суллы он вернулся в Рим и, следуя обычаю амбициозных молодых римлян, обвинил Гнания Долабеллу в вымогательстве в Македонии. Сенаторское жюри, как и следовало ожидать, оправдало Долабеллу, но молодой оратор завоевал большой авторитет и отправился на Родос, чтобы изучать риторику у Моло, в школе которого недавно учился Цицерон. По дороге на Родос он попал в руки киликийских пиратов. Выкупленный за большой выкуп, он собрал несколько кораблей, напал на своих похитителей, взял их в плен и распял в Пергаме, в соответствии с угрозой, которую он высказал, когда был их пленником. Около 74 года до н. э. он узнал, что был избран одним из понтификов, и немедленно вернулся в Рим, где прожил несколько лет, ведя беззаботную жизнь, мало участвуя в политике, но, благодаря своим обаятельным манерам и щедрой великодушью, завоевав большую популярность и, возможно, оказывая незаметное влияние на события того времени.

[74-64 гг. до н. э.]

Как мы уже видели, в 67 году до н. э. Помпей покинул город, чтобы возглавить войска против пиратов. В то же время Цезарь, которому было тридцать три года, был избран квестором и отметил год своего пребывания в этой должности панегириком своей тете Юлии, вдове Мария. В том же году умерла его жена Корнелия, что дало повод для еще одной похоронной речи. В обеих речах были очевидны политические аллюзии, и он впервые со времен диктатуры Суллы осмелился вынести бюст Мария среди семейных изображений. В 65 году Цезарь получил должность эдила вместе с Бибулом, кандидатом от знати. Эта должность, которая полагала за собой заботу о публичных зданиях, также была связана с обеспечением развлечений для народа. Это требовало огромных денежных затрат, и люди, стремившиеся к более высоким почестям, не жалели средств, чтобы затмить друг друга в роскоши, которую они на это тратили. Эдилы оплачивали расходы на гладиаторские зрелища, и в этом случае Цезарь получил огромные аплодисменты за обилие серебряных слитков, которыми он украсил мебель и оборудование арены. Уже глубоко погрязнув в долгах, он продолжал брать в долг, полагаясь на свой гений и растущее состояние. Если его богатый коллега равнялся с ним в щедрости, то щедрость безденежного авантюриста казалась более заслуживающей уважения, и Бибул был вынужден сравнивать себя с Поллуксом, который, хотя и владел храмом в Риме вместе со своим братом-близнецом, слышал, как его всегда называли по имени Кастор, а не по его собственному. Цезарь мог рассчитывать на громкую поддержку народа, настроенного на его самые волнующие призывы. Выставление бюста Мария уже раздражало фракцию Суллы, но теперь им было нанесено еще большее оскорбление.

Среди своих заметных актов щедрости в качестве эдила Цезарь украсил Форум и Капитолий картинами и статуями: он построил залы и портики для удовольствия народа, и их тоже украсил памятниками вкуса и роскоши. Однажды утром среди новых украшений Капитолия внезапно появилась статуя Мария, окруженная трофеями его побед над кимбрами и Югуртой. Народ кричал от восторга, а знатные люди хмурились от возмущения. Автор этого поступка не объявил себя, но ни друзья, ни враги не могли ошибиться, приписывая его смелому эдилу. Катул решил наказать преступника за это прямое нарушение закона. Воспоминание об убийстве его отца, самой благородной жертвы марианских проскрипций, разжигало горечь его вражды. Он обвинил Цезаря в том, что тот сбросил маску со своих тайных замыслов, что он больше не подрывает республику с помощью мин, а атакует ее тараном. Цезарь защищался перед сенатом и сумел опровергнуть обвинения, но своим триумфом он обязан не благосклонности или справедливости слушателей, а настроению народа, на котором знатные не осмеливались экспериментировать. Из сочинений историков следует, что трофеи Мария остались на своем месте перед Капитолием, что свидетельствовало о силе народа, которая, должно быть, потрясла даже самого Катона.

Знать могла, по крайней мере, отомстить. Покидая должность эдила, Цезарь потребовал публичного поручения превратить Египет в провинцию в соответствии с волей царя Птолемея Александра (). Эта страна, через которую уже проходила вся торговля Востока с Европой, считалась самой богатой в мире. Принося в королевскую казну ежегодную дань в размере 14 800 талантов, она представляла собой великолепную добычу для алчной республики и для счастливого проконсула, через руки которого должны были пройти эти золотые урожаи. Красс и Цезарь спорили об этой богатой добыче, но ни один из них не смог ее получить. Сенат собрал все свои силы, чтобы помешать обоим претендентам, и, возможно, благодаря их разногласиям, ему это удалось. Он поручил трибуну по имени Папий принять закон, согласно которому все иностранцы, и особенно клиенты Цезаря, галлы из Транспаданы, должны были быть удалены из города, и таким образом смело очистил Форум от буйных сторонников, с помощью которых, если не голосов, то рук, безрассудный демагог мог надеяться вырвать победу.

Юлий Цезарь

[64 г. до н.э.]

Вместо этой блестящей миссии Цезарь был приглашен (64 г.) возглавить трибунал, которому было поручено расследование дел об убийствах. До сих пор он не делал ничего, кроме протеста против диктатуры Суллы; теперь он решил заклеить ее юридическим клеймом. Среди дел, которые он приказал представить перед ним, были дела двух политических преступников, людей, которые обагрят свои руки кровью жертв проскрипции. Один из них, по имени Беллиен, был центурионом, заколовшим Офеллу, другой был менее известным убийцей. Он осудил этих жалких головорезов только для того, чтобы вселить страх в высшие круги. Он побудил трибуна по имени Лабиен обвинить пожилого сенатора Рабирия в убийстве трибуна Сатурнина; и, сделав это обвинение уголовным, а не политическим, он запретил обвиняемому уклониться от суда путем добровольного изгнания. Цицерон и Гортензий защищали виновного, но не смогли убедить судей. Рабирий обратился к народу. Лабиен напал на него, и Цицерон снова встал на его защиту, в то время как сенаторы прилагали все усилия, чтобы возбудить сострадание народа. Но народ ликовал от дерзкой несправедливости всего процесса: ведь было хорошо известно, во-первых, что Рабирий не убивал Сатурнина; во-вторых, что настоящий убийца был вознагражден, а его поступок торжественно оправдан компетентными властями; и, в-третьих, что это событие произошло не менее тридцати шести лет назад и заслуживало быть погребенным в забвении с рождением нового поколения. Апелляция Рабирия была бы неизбежно отклонена, если бы не ловкость претора Метелла Целера, который внезапно ударил по флагу, развевавшемуся на Яникуле, пока племена собирались для решения общественных дел. В древние времена удар по флагу был сигналом о том, что этруски наступают, чтобы атаковать город. Немедленно все дела были приостановлены, комиции распущены, и граждане поспешили укрепить стены. Эта формальность по-прежнему оставалась в силе среди народа, необычайно приверженного традиционным обычаям; и теперь толпа, которая только что громко требовала крови невинного, смеялась над уловкой, с помощью которой ее ярость была сведена на нет, и согласилась с приостановкой разбирательства. Цезарь достиг своей цели, напугав и унизив сенат, и позволил делу затихнуть, хотя, возможно, он и не собирался доводить его до крайности.

[63 г. до н.э.]

Тот же Лабиен, с рвением посвятивший себя служению выбранному им покровителю, побудил народ потребовать отмены закона Суллы, лишившего его права избирать понтификов. Вернув себе эту привилегию, народ погасил свой долг перед Цезарем, назначив его главой коллегии, тем самым поставив его во главе великого политического механизма и сделав его личность неприкосновенной. Ни известная слабость его моральных принципов, ни его презрение к религиозным верованиям своих соотечественников, о котором мало кто не знал, не помешали Цезарю подняться на высшую должность в национальном культе. Достаточно было того, что он выполнял установленные обязанности своей должности и поддерживал традиционные обычаи, от которых, по общему мнению, зависела безопасность государства. Триумф Цезаря был тем более полным, что он одержал победу над Катулом, который соперничал с ним за эту должность и, зная о его финансовых затруднениях, предложил ему занять деньги, чтобы откупиться от его оппозиции. Цезарь с презрением отверг взятку и заявил, что возьмет еще большую ссуду, чтобы получить эту должность. Аристократы прилагали все усилия, чтобы обвинить его в заговоре против государства, и для обеспечения его безопасности было необходимо звание верховного понтифика. Когда

настал час выборов, он, выходя из дома, обратился к своей матери со словами: «Сегодня твой сын станет либо верховным понтификом, либо изгнанником».

Преступление, которое пытались вменить Цезарю, было крайне тяжким и вызывало серьезную тревогу. В течение нескольких последних лет город находился в состоянии лихорадочного беспокойства из-за слухов о заговоре, направленном не против каких-либо конкретных интересов или партий, а против самой структуры социального устройства. Аристократы подняли тревогу, и их агенты намекнули на соучастие в каком-то безумном и изменническом предприятии против Цезаря, Красса и многих других августейших граждан, вызывавших неприязнь и страх у существующего правительства. Факт существования такого заговора был действительно быстро раскрыт, и он самым поразительным образом показывает нам ужасающую коррупцию того времени. Мы вскоре рассмотрим его фактические связи и последствия, но сначала будет полезно проследить его происхождение и мотивы, чтобы объяснить, как сенат предложил воспользоваться им.

Л. СЕРГИЙ КАТИЛИНА И ЕГО ВРЕМЯ

[65-63 гг. до н.э.]

Поколение государственных деятелей, выросшее у ног Сципионов и Гракхов, хотя и заменило большую часть простого достоинства старого римского характера безвкусной аффектацией эллинской культуры, все же в большинстве своем было проникнуто чувствами чести и честности, преданностью благополучию государства и стремилось только к тому, чтобы блистать во главе республики свободных людей. Но их дети, родившиеся и выросшие в условиях ослабления всех принципов, вызванного гражданскими распрями, были страшно лишены всяких моральных принципов. Огромное приращение богатства и власти, сопровождавшее завоевание Востока, сняло все барьеры, которые бедность и простота нравов еще могли поставить на пути потока эгоистических удовольствий. Более того, приобретение богатства только ускорило рост расходов и расточительства. Несколько хитрых ростовщиков загребли в свои сундуки добычу, завоеванную множеством расточительных людей.

Политические и частные авантюры превратили тысячи людей благородного происхождения в простых нуждающихся авантюристов, а преимущества рода и положения только делали их более опасными, а манеры — более соблазнительными. Среди этих беспокойных и искушенных браво ни один не был столь заметным и способным, как Л. Сергей Катилина. Он происходил из одного из древнейших родов Рима и с отличием служил среди знати под знаменем Суллы. Его доблесть с самого начала была окрашена жестокой свирепостью, и истории, которые о нем рассказывали в то время и которым, несомненно, верили его современники, могут дать нам хотя бы представление о преступлениях, которые были возможны в тот период. Уже упоминалось, что его обвиняли в убийстве своего брата из личной злобы и в том, что он внес его имя в список проскрипций, чтобы получить его конфискованное имущество. Весь Рим видел, как он размахивал на копье головой убитого Гратидиана. Ходят слухи, что, желая жениться на красивой, но распутной Орестилле, которая отказала ему из-за ревности к его сыну от прежней супруги, отец без зазрения совести пожертвовал молодым человеком ради своей страсти.

Несмотря на позор таких преступлений, Катилина начал карьеру в государственной службе, получил преторианство на 68 год, оттуда перешел на управление Африкой, а по возвращении в 66 году собирался выдвинуть свою кандидатуру на консульство. Публий

Клодий, молодой человек, не менее развратный, но пока менее известный, пересек ему путь, обвинив его в злоупотреблении служебным положением в своей провинции. Вскоре пошли слухи, что Катилина, таким образом сбитый с толку, вступил в сговор с Автронием Пэтом, только что лишенным консульства за взяточничество, с Кальпурнием Пизоном и другими развратными аристократами, чтобы убить успешных кандидатов и захватить власть в государстве. Имена Красса и Цезаря шептались в связи с этим кровавым предприятием. Говорили, что первый должен был стать диктатором, а второй — его магистралом. Когда спросили, на какие военные ресурсы полагались опрометчивые заговорщики, ответили, что Пизон, получивший командование одной из иберийских провинций, был поручен организовать в том районе вооруженные силы, которые должны были уравновесить легионы сената под командованием Помпея. Как утверждалось, заговор был своевременно раскрыт, главные заговорщики обнаружены и помечены. Вскоре после этого Пизон был убит в своей провинции бандитами или, возможно, убийцами; но судебное разбирательство, которое грозило преступникам, было приостановлено благодаря вмешательству трибуна, и обстоятельства заговора так и не были официально раскрыты.

Однако влияние Катилины было настолько велико, а интерес, который его предполагаемые махинации могли вызвать среди беззаконных и амбициозных людей даже в самом сердце республики, настолько силен, что правительство не только не смогло осудить его по этому вопиющему обвинению, но он не побоялся баллотироваться на пост консула на следующий год, причем еще не будучи оправданным по обвинению Клодия. Чтобы история Катилины была правдоподобной для любого другого века, кроме его собственного, необходимо более подробно описать этого человека и его время. Ведь кажется весьма странным, что, несмотря на зверства, которыми он опозорился, Катилина сумел связать себя со многими выдающимися общественными деятелями, которые открыто поддерживали его стремления. Сам Цицерон, человек непорочной личной чистоты, был готов ради союза в их общей борьбе за консульство защищать его дело против Клодия и избежал позора выступить в качестве его адвоката только благодаря тому, что обвинения, по-видимому, были сняты подкупным обвинителем. Но самое необычайное влияние он оказывал на развращенную патрицианскую молодежь (). Своим разгульным образом жизни он ввел их в самые мрачные преступления. Он научил их полагаться на него как на надежного союзника во всех злодеяниях, и будь то обман кредитора или переговоры о ссуде, планирование соблазнения или заговор с целью убийства, его смелость и изобретательность никогда не подводили их. Катилина был их другом, их защитником и их кумиром. Они хвалились его физической силой и энергией, его ловкостью в физических упражнениях, его железным телом, которое могло выдержать как излишества разврата, так и самые тяжелые тяготы войны. Он стал образцом для молодых людей, стремившихся к модной известности, которая в то время требовала не только роскоши в одежде и мебели, но и умения владеть мечом и превосходства во всех военных навыках. Но эти занятия не могли не оказывать огрубляющего влияния, поскольку они связывали тех, кто стремился к отличию в них, с рабами, преступниками и наемными головорезами, которые сражались на арене. Такие люди, восхищавшиеся как совершенные мастера своего дела, становились друзьями и товарищами молодой знати, которая сегодня пила с ними в винном магазине, а завтра кричала над их мучениями в театре.

Долгая история завоеваний, которой наслаждался Рим, привела к тому, что вся его благородная энергия была направлена исключительно на военное дело, которое по своей природе склонно, более чем все другие, измерять превосходство успехом и смешивать добродетель с доблестью. Когда римлянин возвращался с войны на короткий отдых в свою страну, он видел вокруг себя мало вещей, способных успокоить лихорадку его возбужденного воображения. Его гордость питалась трофеями и триумфами, свитой

пленников, которые сопровождали его, и добычей из завоеванных дворцов, которая украшала его дом. В перерывах между опасностями и грабежами немногие желали предаться безвкусным удовольствиям вкуса и литературы или могли воздержаться от насмешек над искусствами, которые не смогли спасти Грецию от порабощения. Поэтов, историков и философов в Риме было немного, и « » оказал лишь временное влияние на небольшой круг поклонников. Привычки гражданской жизни также не смягчали жестокие нравы лагеря. Римляне ничего не знали о отношениях в современном обществе, в котором представители разных полов взаимно поощряют друг друга в добродетелях, присущих каждому из них, и где сословия и классы непринужденно смешиваются под покровом общей цивилизации. Римляне сначала жили по кастам, а затем по партиям; даже в общественных местах было мало смешения или общения между сословиями, в то время как дома они господствовали над своими клиентами как покровители, над своими рабами как хозяева, над своими женами и детьми как мужья и отцы.

Воспитание мальчиков было обычным явлением в высших слоях общества, но его осуществляли рабы, которые гораздо больше развращали характер своих учеников, чем улучшали их понимание; и когда, уже измученные преждевременными удовольствиями, они вступали в брак в молодом возрасте из соображений удобства, они оказывались неспособными направлять и возвышать своих еще более запущенных супругов. Женщины никогда не участвовали в делах своих мужей, мало знали об их делах и были менее привязаны к их интересам, чем даже их рабы. Они редко участвовали в их развлечениях, которые, соответственно, в большинстве своем вырождались в разврат. Систематически лишенная образования, римская матрона действительно училась хвастаться своим невежеством как добродетелью. Если в первом веке до нашей эры уже не было тех сабинских домохозяек, которые запирались в своих комнатах и пряли шерсть среди своих служанок, то развивать свой интеллект или культивировать свои вкусы считалось почти преступлением. Знать греческие и латинские книги, петь и танцевать, сочинять стихи, увлекать - разговорами — все это, по мнению историка Саллюстия, было не чем иным, как соблазнительным очарованием, которое составляло прелесть и определяло цену куртизанки. Поэтому редко какая женщина вырывалась из этого умственного рабства, не теряя в характере того, что она приобретала в интеллекте и привлекательности. В любом случае она подвергалась почти одинаковому презрению. Безразличие мужчин к поведению своих супругов является ужасающей чертой социального аспекта того времени. Как было замечено, в их языке не было слова, выражающего чувство ревности. Законы, дававшие им такую легкость развода, показывают, как мало они уважали самые дорогие интересы брачного союза; точно так же, как их обычная практика усыновления доказывает слабость отцовских чувств среди них.

Таким образом, угрюмый и высокомерный римлянин стоял в изоляции и одиночестве в центре своей семьи и окружающего его общества; он также не стремился возвысить свою нравственную природу через сочувствие к божеству, стоящему над ним. Прошло всего лишь столетие с тех пор, как Полибий восхвалял характер римлян за искренность их религиозных чувств. Несомненно, в то время моральные санкции религии были очень сильны; боги действительно считались мстителями за преступления и покровителями добродетели. Однако даже тогда принцип установления божества в качестве образца для подражания, который единственный способен возвысить и очистить душу, был неизвестен или игнорировался. Грубые и чувственные язычники Греции и Рима с удовольствием читали жалкие истории о похоти и насилии, приписываемые объектам их поклонения, и, если они и боялись их силы, то никогда не думали поклоняться их добродетели или справедливости. Поэтому их религиозные обряды не были моральными действиями, а просто принимались в качестве оберегов, чтобы защитить их от капризов или злобы их божеств. Даже самые

сильные умы не могли полностью освободиться от этого унижительного суеверия, а в седьмом веке простой народ был по крайней мере так же предан ему, как и в любой другой период. Действительно, общее ослабление позитивной веры в умах образованного класса сопровождалось, как это нередко бывает в истории народов, еще более унижительным поклонением со стороны невежественной толпы.

ЗАГОВОР

[63 г. до н.э.]

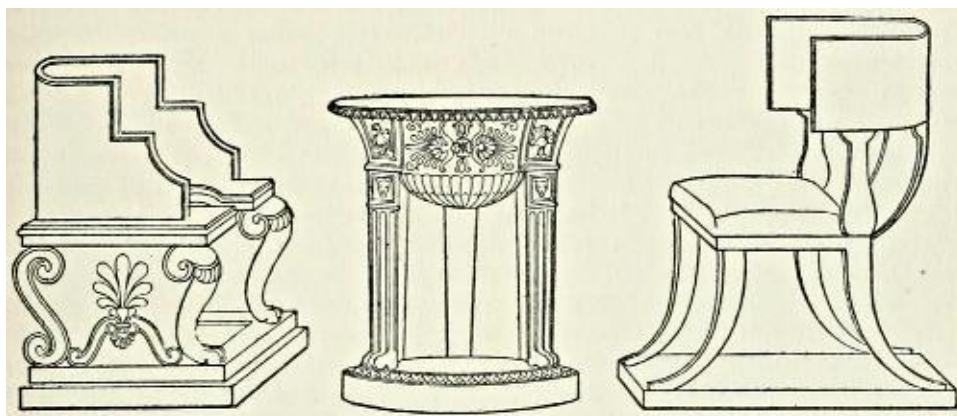
Такое состояние общества уже балансировало на грани распада, и мыслящие люди, должно быть, содрогались от хрупкости связей, которые еще удерживали его, и от многочисленных сил, работающих на его разрушение. Замыслы Катилины, на мгновение приостановленные, созревали для нового кризиса; и граждане с ужасом указывали на жертву виновной совести, бродящую по улицам резкой и возбужденной походкой, с красными глазами, пепельно-бледным лицом, в своей беспокойной душе обдумывающую самые ужасные планы убийств и пожаров. Погрязший в разрушительных долгах, он видел свою последнюю надежду на спасение в грабеже провинции. Добыча преторства была отнята у него алчностью его судей или обвинителя, и ему было отказано в доступе к консульству. Но его недавнее спасение укрепило его в уверенности, что он слишком благородный преступник, чтобы быть осужденным; он едва удостоил скрывать свои интриги, обращаясь за помощью к представителям самых высоких семей города. Молодые римские расточители призывали к «новым таблицам», или четкому балансу, и нет сомнений, что их цели были скорее личными, чем политическими — они жаждали сначала погасить свои долги, а потом разделить между собой государственные должности.

Среди этих заговорщиков были два племянника Суллы. Аутроний и Кассий были кандидатами в консулы; Бестия был избранным трибуном; Лентул и Цетег, оба члены дома Корнелиев, были знатными аристократами, хотя и утратившими свой авторитет; даже консул Антоний подозревался в причастности к их замыслам и в тайной симпатии к ним. Они рассчитывали на поддержку людей, которые были опозорены или обеднели из-за Суллы, и надеялись разжечь буйство и жажду грабежа, которые одушевляли отбросы народа. Кроме того, они ожидали вооруженной помощи со стороны многих распущенных ветеранов, которые уже растратили с безрассудством удачливых авантюристов свое внезапно приобретенное имущество. Они предложили разжечь враждебные чувства по отношению к своим завоевателям, все еще преобладавшие среди итальянских племен. Наконец, они решили захватить школы гладиаторов в Капуе; а некоторые из них не постеснялись бы вооружить новое восстание рабов и преступников. Эта последняя мера была единственной жестокостью, на которую Катилина не согласился. К ней его особенно подталкивал Лентул; и когда столь подлое предложение было обнаружено в рукописи одного из Корнелиев, это увенчало ужас и возмущение римского народа.

Между тем среди сенаторской фракции не было недостатка в государственных деятелях, которые с тайным удовлетворением наблюдали за надвигающейся бурей. Они чувствовали, что слишком много своей власти уступили своему военному покровителю, и жаждали возможности вернуть ее в его отсутствие. Они злились из-за того, что их презирали; консульство и понтификат стали добычей любых смелых авантюристов, пример узурпации теперь перешел к простым головорезам и разбойникам: они хотели положить этому конец раз и навсегда с помощью одного-единственного наказания: они хотели дать понять самому великому Помпею, что они могут спасти и управлять государством без него. Заметный рост

авторитета Цицерона в общественном мнении был важным элементом в их расчетах. Поставив его на место консула, они надеялись сделать его своим инструментом и использовать его рвение, способности и честные намерения в великом деле, которое они задумывали — восстановлении своего собственного господства. По наущению этих хитрых советников знатные люди теперь присоединились к народу в продвижении Цицерона. Он был претором в 65 году, но отказался покинуть славу Форума и трибуналов ради грязного вознаграждения в виде провинции, подчиненной проконсулу (). В следующем году он был назначен консулом единодушным голосованием граждан, и незначительность Антония, назначенного ему коллегой, показала, что все партии видели в нем единственную надежду на спасение государства. В начале своей карьеры новый консул предложил различные благотворные меры и усердно посвятил себя интересам олигархии, с которой он теперь впервые начал чувствовать себя связанным.

По мере приближения 63 года предполагаемые замыслы Катилины отвлекали внимание от всех других дел, и заговорщик ждал только результатов консульских выборов, на которых он все еще делал вид, что стремится к законному избранию. Когда его кандидатура была вновь отклонена, а избраны Силан и Мурена, он больше не стал медлить. Один из его сообщников по имени Курий выдал секрет, если его еще можно было так назвать, своей любовнице Фульвии; она уже сообщила об этом Цицерону и по его указанию получила от своего любовника все подробности о готовящемся восстании. Эта информация была представлена сенату, и был немедленно принят декрет, предписывающий консулам «обеспечить безопасность государства»! Но в подавлении столь грозного заговора каждый шаг был опасен. Мы видели, насколько знаменитыми были имена, вовлеченные в него. Прошло время, когда консул мог, по примеру Ахалы или Опимия, вытащить свой меч, призвать граждан следовать за ним и смело броситься на людей, которых сенат объявил своими врагами. Хотя знатные люди по-прежнему требовали, чтобы эта власть в последней инстанции принадлежала главному магистрату, это противоречило принципу, от которого народ никогда не согласился бы отказаться и который давал каждому гражданину, обвиненному в тяжком преступлении, право апеллировать к племенам. Цезарь и Красс, если и не были сами связаны с заговорщиками, то, без сомнения, следили за тем, чтобы не допустить малейшего превышения полномочий против них. С другой стороны, опасность становилась неминуемой. Заговорщики почти завершили свои приготовления и собрали запасы оружия. Они назначили день предполагаемого восстания и распределили между всеми участниками свои посты и обязанности. Ветераны из Этрурии, Самниума и Умбрии, которых давно приглашали их посланцы, стекались к назначенному месту сбора. Предполагалось, что флот в порту Остии будет захвачен, а в Африке и Испании обещали поднять восстания. Все легионы республики находились с Помпеем на Востоке или были рассеяны по другим провинциям; сам город не мог быть защищен ни на один день, и даже крепости на Капитолии и Яникуле сохраняли только традиции своей древней мощи. В Риме не было ни гарнизона, ни полиции; все его граждане были солдатами, и, не опасаясь иностранного врага, он пренебрег необходимостью защищаться от опасных амбиций своих собственных детей. В назначенный момент различные группы повстанцев должны были выступить против города, а их сообщники внутри города должны были поджечь его в сотнях мест.

РИМСКИЕ СТУЛЬЯ И СТОЛ

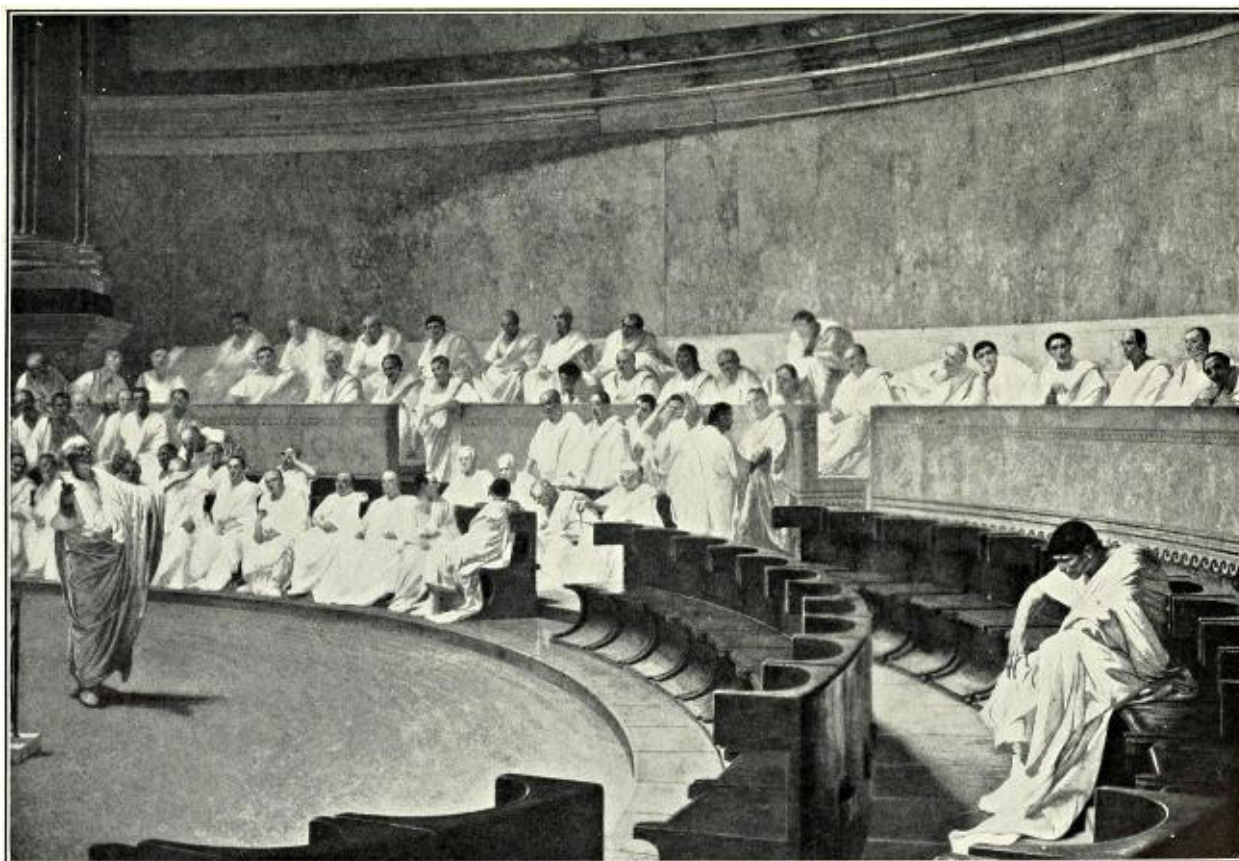
К счастью для государства, в этот момент из Востока прибыли два проконсула, Марций Рекс и Метелл Кретик, с некоторыми легионными войсками и ждали у ворот города триумфа, которого они требовали от Сената. Марций был немедленно направлен против Маллиуса, лейтенанта Катилины в Этрурии; Метеллу было приказано дать отпор повстанцам в Апулии. Одновременно были отправлены несколько поспешных отрядов, чтобы остановить продвижение людей из Пицена. Были незамедлительно приняты меры по вывозу гладиаторов из Капуи и распределению их небольшими группами по соседним городам. Рим был поставлен, по современному выражению, в состояние осады. Граждане были зачислены в списки, у ворот были выставлены вооруженные стражи, по стенам и улицам патрулировали солдаты; командование взял на себя Цицерон.

Обе стороны были одинаково готовы к столкновению, когда консул смело призвал главного заговорщика раскрыть себя. 7 ноября он созвал сенаторов в храм Юпитера Статора. Катилина появился на своем месте: его коллеги-сенаторы избегали контакта с ним и оставляли пустое место на скамьях вокруг него. Внезапно консул встал и излил поток своего возмущенного красноречия:

«Долго ли еще, Катилине, долго ли еще ты будешь злоупотреблять нашим терпением? Что, тебя совершенно не трогает стража, которая дежурит ночью на Палатине, патрули в городе, смятение народа, стекание всех добропорядочных граждан, эта крепость-храм, в которой собрался сенат, страх и ужас самих сенаторов? Думаешь ли ты, что все твои замыслы не ясны нам, как день? Увы, наше время! Увы, наши принципы! Сенат знает о заговоре, консул видит его — а этот человек все еще жив! Жив! Я сказал «жив»? Да, и он приходит к нам, участвует в наших публичных советах, наблюдает за нами и отмечает каждого из нас для убийства. И все же мы, консулы, получившие последний указ сенаторов о сохранении государства, мы, в чьи руки был ввергнут меч Сципиона, Олимпия, Ахалы, все еще позволяем ему спать в ножнах! Да, я все еще жду, я все еще медлю, ибо не хочу, чтобы вы погибли, пока не перестанете находить граждан, столь извращенных, что оправдывают или защищают вас. Тогда, и только тогда, меч обрушится на вас. А пока живите, как живете сейчас, преследуемые врагами, окруженные стражей; все наши глаза и уши будут прикованы к вам, как и раньше, и будут следить за вами, когда вы об этом не думаете. Откажитесь же от своих замыслов; они раскрыты и сорваны. Хотите, я расскажу вам, в чем они заключались? Вспомни, как 20 октября я объявил, что Манлий поднимет восстание 27-го; разве я ошибся? Что 28-е было назначено днем массового убийства; разве оно не было предотвращено только благодаря моей бдительности? 1 ноября ты не хотел ли захватить

Пренесте, и разве ты не обнаружил, что оно было предупреждено и охранялось? Я слежу за твоими поступками, я следую за твоими шагами, я знаю твои самые сокровенные мысли.

«Позвольте мне рассказать вам, куда вы отправились прошлой ночью. Разве не в дом Леки? Там вы встретились со своими сообщниками, распределили им места — кто должен остаться в Риме, а кто должен покинуть его вместе с вами; вы обозначили кварталы, которые нужно поджечь; вы задержались лишь на мгновение, потому что я еще был жив. Тогда два римских рыцаря предложили избавить вас от этой заботы и убить меня в моей постели до рассвета завтрашнего дня. Я узнал об этом почти сразу после того, как ваша встреча закончилась: я удвоил охрану, закрыл дверь перед теми негодьями, которых вы так рано послали поздороваться со мной; да, теми самыми негодьями, которых я уже указал многим как людей, пришедших убить меня. Вы призываете меня обвинить вас; вы говорите, что подчинитесь решению сенаторов; что уйдете в изгнание, если они того пожелают. Нет, я не буду обвинять вас; я не подвергну себя ненависти за то, что изгнал вас в изгнание; хотя, если вы ждете только их приговора, разве их молчание не говорит достаточно о их чувствах? Но я приглашаю, я призываю вас покинуть этот город ! Идите туда, где вас ждут ваши вооруженные отряды! Присоединяйтесь к Манлию, поднимите своих головорезов, покиньте общество честных граждан, ведите войну против своей страны! Но зачем я приглашаю вас сделать то, что вы уже решили сделать, для чего назначен день и все подготовлено?

ЦИЦЕРОН УКОРЯЕТ КАТИЛИНА В СЕНАТЕ

Затем, обращаясь к сенаторам, оратор объяснил смысл этого странного обращения. Он не осмелился привлечь преступника к ответственности: у того было слишком много друзей даже в самом сенате; слишком много робких людей заявили бы, что его вина не доказана;

слишком много завистливых людей возразили бы против строгих мер, назвав их тираническими и царскими. Но как только он действительно отправится в лагерь Маллиуса, сомнений больше не останется. Консул пообещал с этого момента представить им доказательства заговора, подавить движение и наказать виновных. И чтобы убедить их в том, что он способен это сделать, он указал на всадников, которые по его приказу толпились вокруг храма и на его ступенях, с сильным волнением прислушивались у дверей и были готовы по его команде наброситься на жертву и разорвать ее на куски на глазах у сената.

Катилина оставался на своем месте во время этого ужасного испытания, взволнованный яростью и опасениями, но все же надеясь на благосклонность своих многочисленных связей и полагаясь на невозмутимое недоверие большинства слушателей; ведь привычное использование преувеличенных оскорблений притупило силу правды и сделало сенаторов в большинстве своем бесчувственными даже к самой страстной речи. Возможно, появление приспешников консула и страх не перед каким-либо судебным приговором, а перед народным насилием, наконец заставили его вскочить на ноги. Он пробормотал несколько обрывочных фраз в униженном тоне, апеллируя к своему происхождению, положению и аристократическим чувствам в доказательство своей лояльности и в противовес ложным претензиям своего обвинителя, иностранца низкого происхождения. Но сенаторы, воодушевленные или уstraшенные присутствием всадников, зашумели и застонали вокруг него, называя его врагом и отцеубийцей. Наконец, потеряв всякое самообладание, Катилина выбежал из зала, воскликнув: «Доведенный до гибели врагами, я потушу пожар своего собственного дома в руинах города».

Катилина бежал в свой дом, заперся там в одиночестве и на мгновение задумался. С наступлением ночи он покинул город и бросился в лагерь своих вооруженных сторонников в Этрурии. Он оставил инструкции для своих сообщников в городе, в которых приказал им не покидать своих постов, а выжидать возможности убить консула, если это будет возможно, и в любом случае подготовиться к внутреннему восстанию, как только он завершит приготовления к нападению на город снаружи. Катилу, которого он считал личным другом или на которого, возможно, хотел возложить подозрения сенаторов, он направил письмо с оправданием, в то время как сам, как он говорил, обеспечил свою личную безопасность в рядах вражеской армии, поручив его верности и дружбе заботу о своих самых дорогих интересах. Цицерон имел основания радоваться успеху своей первой речи, которая проложила ему путь. Катилина открыто объявил себя врагом народа, но его соратники по-прежнему отказывались раскрыть себя, и следующим шагом консула было подтолкнуть их с помощью аналогичных угроз и сарказмов к открытому акту мятежа. Но в большинстве своем они остались на своих постах, как велел им их лидер. Один юноша, сын сенатора, покинул город, чтобы присоединиться к Катилине. Его отец, узнав о его измене, преследовал и арестовал его, а затем приказал своим рабам убить его на месте. Но Лентул, Цетег и Бестия по-прежнему оставались в Риме, иногда угрожая обвинить Цицерона в изгнании гражданина без вынесенного приговора, а тем временем планируя массовую расправу над магистратами во время приближающейся суматохи Сатурналий. Цицерон, которому служила целая армия шпионов, следил за всеми их движениями, но не смел наносить удар, пока не имел против них письменных доказательств. Неосторожность заговорщиков в конце концов принесла ему такие документы.

В то время в Риме случайно находились некоторые послы аллоброгов, галльского народа, который долгое время тщетно добивался справедливости от республики, подвергаясь жестоким притеснениям со стороны правительства провинции. Дикое горцы, чье дело они отстаивали, не раз поднимались на оружие, чтобы добиться своих требований; их недовольство, нарастающее под влиянием повторяющихся разочарований, было готово вновь взорваться при любой благоприятной возможности, в то время как сенат, занятый

более важными и тревожными делами, по-прежнему относился к ним с презрительным пренебрежением. Момент был настолько благоприятным, что заговорщики обратились к послам через хорошо известного им гражданина по имени Умбрен, раскрыв свой задуманный план свержения правительства и предложив им страшную месть в качестве платы за помощь своего народа. Они сразу же приняли предложение и пообещали помощь своих соотечественников. Но вскоре, потрясенные глубоким впечатлением от непобедимости консулов и императоров, они обратились за советом к Фабию Санге, покровителю своего племени в Риме. Он убедил их раскрыть переговоры Цицерону, который заставил их проявить глубочайший интерес к заговору и вытянул из предателей письменное обязательство о цене их союза. Лентул, Цетег и Статилиус поставили свои подписи и печати на требуемом документе. Получив его, послы покинули город в сопровождении Вольтурция, одного из заговорщиков, уполномоченного завершить переговоры с аллоброгами в их собственной стране. Консул, который был в курсе всех их действий, устроил им засаду у подножия Мильвийского моста, в трех милях от ворот, и они немедленно сдали свои депеши. В то время как это происходило, консул вызвал главных заговорщиков к себе. Они пришли, не подозревая ничего, и он, окружив их ликторами и лучниками, привел их прямо в сенат. Перед собравшимися отцами он предъявил роковые письма, и преступники, охваченные смятением, молчанием признали свою вину. Лентул, который льстил себе надеждой на то, что, согласно пророчеству Сивиллы, после Цинны и Суллы он станет третьим Корнелием, правившим в Риме, был вынужден немедленно сложить с себя преторский сан и вместе со своими сообщниками был помещен под стражу самых почтенных сенаторов, чтобы ждать решения о своей судьбе.

Между тем, после завершения допроса Цицерон обратился к народу, который в волнении и тревоге толпился у дверей курии, услышав слухи о страшных разоблачениях, происходящих внутри. Осторожный консул не представил толпе никаких судебных доказательств замыслов преступников. Он ограничился заявлением, что доказательствами их вины являются их переписка с Катилиной, врагом народа, и их обнаруженные связи с враждебными аллоброгами. Этого было достаточно, чтобы заклеить их как присяжных на помощь захватчику, на предоставление ему убежища в городе, на предание Рима на милость этрусков и галлов. Но доказать их скрытые замыслы означало бы раскрыть тайные источники информации консула, что было бы недостойно достоинства правительства и несовместимо с политической сдержанностью аристократического собрания.

ЦЕЗАРЬ И ЗАГОВОР

[63-62 гг. до н. э.]

Заговор, таким образом, пресеченный на критическом этапе, был представлен, в соответствии с имеющимися у нас доказательствами, как дело рук частных корысти или амбиций. Но правящая партия стремилась обвинить в нем своих публичных противников. Они уже ранее пытались вовлечь и Цезаря, и Красса в предполагаемые махинации Катилины. Теперь они повторили эту попытку с еще большей яростью, и сам Катул был первым, кто настоятельно призывал Цицерона дать показания против Цезаря. Такие показания, несомненно, могли быть подкуплены; необоснованные догадки, по крайней мере, могли быть истолкованы как серьезные предположения. Но консул упорно отказывался участвовать в таком проекте. Возможно, он понимал, что популярность Цезаря фактически укроет от правосудия всех связанных с ним преступников, и, поручив ему дело Статилиуса, одного из преступников, Цицерон открыто заявил о своей убежденности в его невиновности. Действительно, предстояло преодолеть большую трудность, и консул не

хотел безрассудно усугублять ее. Девять заговорщиков были преданы суду, пятеро были осуждены и заключены в тюрьму, но характер их наказания еще предстояло определить. Закон республики, по крайней мере в интерпретации патрициев, наделял верховного магистрата правом жизни и смерти после вынесения сенатом окончательного решения. Опираясь только на эту власть, смелые люди убивали предполагаемых преступников, и сенат громко аплодировал им.

Но против такого расширения прерогативы простой народ всегда протестовал. Он возмущался такими смелыми поступками и мстил за них насилием. Он постоянно апеллировал к принципу римского права, который запрещал казнить любого гражданина, кроме как по решению племен. Даже племена, какими бы суровыми они ни были, не могли лишить гражданина, пока он сохранял свои права, свободы уклониться от наказания путем добровольного изгнания. Соответственно, Цицерон не мог рискнуть обратиться к народу, но и не хотел брать на себя ответственность за действия, основанные лишь на постановлении своего собственного сословия. До сих пор, даже идя наперекор духу законов, он скрупулезно соблюдал их форму. Он воздержался от ареста заговорщиков в их собственных домах, чтобы не нарушить неприкосновенность жилища гражданина. Он не передал Лентула в руки своих ликторов, а собственноручно привел его в сенат, поскольку только консул мог подвергнуть претора аресту. Наконец, он добился того, чтобы преступники были объявлены *perduelles*, или врагами народа, с тем чтобы лишить их привилегий гражданства, прежде чем приступить к их наказанию. Теперь он вновь бросил вызов самому сенату. Он вернул собранию меч, который оно вложило в его руки. Отцы собрались в храме Конкордии, план которого еще можно проследить под склоном Капитолия, и по сохранившимся до наших дней памятникам мы можем представить себе яркую картину последовавшего за этим обсуждения. В то время как по улицам ходили сильные патрули, а вооруженные всадники в большом количестве окружали место собрания, назначенный консул Силан, первым приглашенный высказать свое мнение, смело высказался за смертную казнь. Все консулы последовательно присоединились к его мнению. Казалось, что собрание будет единодушным, поскольку Красс отсутствовал, а Цезарь, как можно было бы подумать, осознавая свою сопричастность или, по крайней мере, подозрения, которые на него падали, хотел бы стереть клеймо с крови осужденных предателей. Но он, руководствуясь только своей смелостью и духом, требованиями своей партии и, конечно, своей природной милосердностью, в своей речи, отличавшейся необычайной силой, высказался за пожизненное заключение и конфискацию имущества. Он признавал, что преступники по праву заслуживают крайней меры наказания, но для свободных и высоконравственных людей, по его мнению, унижение было хуже смерти, которую он осмелился охарактеризовать как простое забвение. Эта речь произвела большое впечатление на собрание. Те, кого спросили о мнении, один за другим проголосовали вместе с Цезарем.

Среди них был Квинт Цицерон, брат консула; сам Силан счел нужным оправдать свои высказывания в соответствии с последним оратором. Тогда Цицерон поднялся, чтобы остановить этот поток, и со всей своей красноречивостью доказал невозможность остановиться на том этапе, который рекомендовал Цезарь, после того как дело зашло так далеко и было оскорблено и встревожено столько опасных врагов. Но этот призыв к страхам собрания скорее усилил, чем успокоил их желание уйти от немедленной ответственности. Реальное влияние Цицерона на них никогда не было велико. Будучи мастером на Форуме, он был лишь министром в сенате. Там его слишком часто считали просто суетливым политиком, который использовал средства, предоставленные ему другими, для собственной славы или продвижения по службе. Сенаторы вряд ли прислушались бы к его совету, если бы он не был подкреплен энергичной речью Катона, который высказался за казнь преступников с глубоким убеждением и непоколебимой храбростью. Аудитория вновь

склонилась на сторону строгости, и влияние Катона было открыто признано в тексте самого рокового указа, который был сформулирован его собственными словами. Всадники, с нетерпением ожидавшие результата, были в ярости из-за препятствий, которые Цезарь поставил на пути правосудия, и когда он появился на ступенях храма, их едва удалось удержать от покушения на его жизнь. Некоторые из молодых сенаторов унесли его на руках, и среди них особенно выделялся своим духом и мужеством К. Скрибоний Курион.

Говорили, что всадники ждали от Цицерона сигнала, чтобы осуществить свою месть, но консул отвернулся. Он отдал приказ о немедленном исполнении постановления сената, чтобы предотвратить вмешательство трибунов или спасение силой. Он лично отправился в дом, где Лентул был задержан на Палатине, и привел его в Туллианум, тюрьму под Капитолием, куда в то же время преторы доставили других преступников. Палачи были наготове. Сначала был задушен Лентул, а затем ту же участь постигла Цетега, Габиния, Статилия и Кепария. Когда консул, досмотревший последнюю казнь, пересекал Форум по пути домой, он воскликнул толпе, через которую пробирался: «Они жили», и народ замер в молчании.

ОСНОВАНИЕ РИМСКОЙ КОЛОННЫ

Цицерон совершил, как он хорошо знал, поступок, слава о котором должна была разноситься на все века, и в тот момент голова амбициозного арпинате плыла от убеждения, что его имя теперь неразрывно связано с величайшим кризисом в истории Рима. Казнь состоялась 5 декабря [7 февраля 62 г.], и у него еще был месяц пребывания в должности, а Катилина поднял восстание в Этрурии. Пока он отвлекся от созерцания собственной славы, чтобы закончить свою работу, знатные люди могли с мрачным удовлетворением размышлять о подвиге, который, как они полагали, доказал им, что отныне они могут защищаться без помощи военачальника. Покровитель, которого они подозревали и боялись, удалился от них, чтобы собрать свои силы и атаковать их привилегии на расстоянии. Он оставил их беззащитными перед нападками марианцев, чья храбрость возродилась в его отсутствие (). Но, полагаясь только на себя, они сдержали оппозицию, подавили мятеж и задушили революцию. Если бы выжившие обратились к Помпею по его возвращении, они сразу же бросили вызов и бросили перчатку командиру своих собственных легионов. Мы увидим, насколько опрометчивым было их горячее мужество и как быстро оно остыло в присутствии мстителя, которого они вызвали. Но те из них, кто уже предвидел, что он призовет их к ответу, были готовы по крайней мере принести в жертву Цицерона, будучи уверены, что он примет жертву и простит проступок.

Успехи генералов сената, несомненно, вселили в Цицерона уверенность в том, что он сможет совершить поступок, который он считал вечной славой своего консульства и спасением своей страны. Присутствие войск республики подавило восстания во всех районах. Только в Этрурии сопротивление было серьезным и упорным. Цицерон заручился поддержкой своего коллеги Антония, чье колебание вселило уверенность в заговорщиков, уступив ему провинцию Македонию. Он поставил его во главе войск, предназначенных для борьбы с Катилиной лично, но снабдил его более твердыми и верными лейтенантами в лице Секстия и Петрея. В то время как эта армия прикрывала Рим, другая под командованием Метелла занимала Цизальпинию и перерезала связь мятежника с его галльскими союзниками. Катилина собрал двадцать тысяч человек, но только четверть из них была снаряжена по-военному. Угрожаемый как спереди, так и сзади, он поочередно обращался то к одному, то к другому противнику и пытался поколебать верность Антония, когда известие

о смерти его соратников повергло его в отчаяние. Теперь он был уверен, что сенат никогда не отступит от своей позиции, и даже привлечение на свою сторону Антония могло лишь на несколько дней отсрочить гибель, которая в конечном итоге должна была настигнуть его. Его люди тоже дезертировали от него целыми когортами, и вскоре он оказался во главе не более чем четырех тысяч последователей. Он попытался проникнуть в Апеннины и, уклонившись от войск Метелла, добраться до Альп и поднять восстание в Галлии. Но проходы были закрыты для него, и он снова бросился на Антония. Консул притворился больным и доверил свои легионы Петрею. Армии встретились недалеко от Пистории.^b

Катилина, увидев, что он окружен горами и вражескими войсками, что его замыслы в городе не увенчались успехом и что нет никакой надежды ни на побег, ни на помощь, решил, что в таких обстоятельствах лучше всего испытать удачу в сражении, и принял решение как можно скорее вступить в бой с Антонием. Поэтому, собрав свои войска, он обратился к ним со следующими словами:

«Я хорошо знаю, воины, что слова не могут вселить мужество, и что бездушную армию нельзя сделать активной, а робкую — храброй речью своего полководца. Какое бы мужество ни было в сердце человека, от природы или от привычки, столько он и проявит на поле боя; а тому, кого не трогают ни слава, ни опасность, увещевания даются напрасно, ибо страх в его груди затыкает ему уши.

Однако я созвал вас, чтобы дать вам несколько наставлений и одновременно объяснить вам причины, по которым я принял такое решение. Вы все знаете, воины, какое суровое наказание принесли Лентулу и нам его бездеятельность и трусость; и как, ожидая подкрепления из города, я не смог вступить в Галлию. В каком положении находятся сейчас наши дела, вы все понимаете так же хорошо, как и я. Две армии врага, одна со стороны Рима, а другая со стороны Галлии, препятствуют нашему продвижению; а нехватка зерна и других необходимых вещей не позволяет нам оставаться на нынешних позициях, как бы сильно мы ни желали этого. Куда бы мы ни пошли, нам придется прокладывать себе путь мечами. Поэтому я умоляю вас сохранять мужество и решимость и помнить, когда вы выходите на битву, что от ваших правых рук зависят богатство, честь и слава, а также наслаждение свободой и родиной. Если мы победим, все будет в безопасности; у нас будет продовольствие в изобилии, а колонии и города-корпорации откроют нам свои ворота. Но если мы упустим победу из-за недостатка мужества, эти же места обратятся против нас, ибо ни место, ни друзья не защитят того, кого не защитили его собственные руки. Кроме того, солдаты, на наших противников не давит такая же необходимость, как на нас; мы сражаемся за нашу страну, за нашу свободу, за нашу жизнь; они сражаются за то, что их мало касается, — за власть небольшой партии.

«Мы могли бы с величайшим позором провести остаток наших дней в изгнании. Некоторые из вас, потеряв свое имущество, могли бы ждать в Риме помощи от других. Но поскольку такая жизнь была отвратительной и невыносимой для людей с духом, вы решили пойти по нынешнему пути. Если вы хотите отказаться от него, вы должны проявить всю свою решимость, потому что только победители обменивают войну на мир. Надеяться на безопасность в бегстве, когда вы отвернулись от врага, сбросив оружие, которым защищаете свое тело, — это действительно безумие. В битве те, кто больше всего боятся, всегда находятся в наибольшей опасности; но мужество равносильно крепостной стене.

«Когда я смотрю на вас, воины, и вспоминаю ваши прошлые подвиги, меня одушевляет сильная надежда на победу. Ваш дух, ваш возраст, ваша доблесть вселяют в меня уверенность — не говоря уже о необходимости, которая делает храбрыми даже трусов. Чтобы не дать врагу окружить нас, достаточно нашего ограниченного положения. Но если судьба будет несправедлива к вашей доблести, постарайтесь не погибнуть без мести;

постарайтесь не дать себя схватить и забить, как скот, а сражайтесь как мужчины, чтобы не оставить врагам кровавую и печальную победу».^[102]

Сказав это, он приказал, после небольшой задержки, подать сигнал к сражению и повел свои войска в строгом порядке на ровную местность. Затем он отослал лошадей всей кавалерии, чтобы укрепить мужество солдат, уравнив их опасность, и сам, пешком, выстроил свои войска в соответствии с их численностью и характером местности. Поскольку между горами слева простиралась равнина, а справа возвышалась скалистая гора, он разместил восемь когорт впереди, а остальные силы расположил в плотном порядке сзади. Из них он выделил всех самых способных центурионов, ветеранов и самых крепких из обычных солдат, которые были вооружены по-военному, и поставил их в первые ряды.

С другой стороны, Гай Антоний, который, будучи хромым, не мог присутствовать в сражении, передал командование армией своему заместителю Марку Петрею. Петрей выстроил в переднем ряду когорты ветеранов, которые он собрал для подавления нынешнего восстания, а за ними в линиях выстроил остальные свои войска. Затем, объезжая свои войска и обращаясь к солдатам по именам, он ободрял их и призывал помнить, что они сражаются против безоружных мародеров, защищая свою страну, своих детей, свои храмы и свои дома. Будучи военным человеком и имея большую репутацию (), прослужив более тридцати лет в качестве трибуна, префекта, легионера или претора, он знал большинство солдат и их почетные поступки и, напоминая им об этом, поднял боевой дух своих людей.

Когда он закончил осмотр, он дал сигнал трубой и приказал когорте медленно продвигаться вперед. Армия врага последовала его примеру, и когда они подошли так близко, что легкая пехота могла начать сражение, обе стороны с громким криком бросились в яростную атаку. Они отбросили свои метательные орудия и сражались только мечами. Ветераны, вспомнив свои старые подвиги, вступили в ожесточенный ближний бой. Враг оказывал упорное сопротивление, и обе стороны сражались с крайней яростью. Катилина в это время прилагал все усилия со своими легкими войсками на фронте, поддерживая тех, кто был в затруднительном положении, заменяя раненых свежими людьми, уделяя внимание каждой чрезвычайной ситуации, лично участвуя в атаке, ранив многих врагов и выполняя одновременно обязанности доблестного солдата и умелого полководца.

Когда Петрей, вопреки своим ожиданиям, обнаружил, что Катилина атакует его с такой яростью, он повел свою преторианскую когарту на центр врага, среди которого, ввергнутого таким образом в замешательство и оказывавшего лишь частичное сопротивление, он произвел большую резню и одновременно приказал атаковать оба фланга. Манлий и Фесулан, с мечом в руке, были среди первых, кто пал; а Катилина, увидев, что его армия разгромлена, а сам он остался с немногими сторонниками, вспомнив о своем происхождении и прежнем достоинстве, бросился в самую гущу врага, где и был убит, сражаясь до последнего.

Когда сражение закончилось, стало ясно, какая смелость и какая энергия духа царили во всей армии Катилины, ибо почти везде каждый солдат, испустив дух, покрывал своим трупом то место, которое он занимал при жизни. Несколько человек, которых рассеяла преторианская когорта, пали несколько иначе, но все с ранениями в груди. Сам Катилина был найден далеко впереди своих людей, среди трупов врагов; он еще не совсем испустил дух и по-прежнему выражал на лице ту же ярость духа, которую проявлял при жизни. Из всей его армии ни в бою, ни в бегстве не было взято в плен ни одного свободнорожденного гражданина, ибо они щадили свои жизни не больше, чем жизни врагов.

Армия римского народа не одержала радостную и бескровную победу, поскольку все ее самые храбрые воины либо погибли в бою, либо покинули поле с тяжелыми ранениями.

Многие из тех, кто вышел из лагеря, чтобы осмотреть поле боя или ограбить убитых, переворачивая тела врагов, обнаруживали своих друзей, знакомых, родственников, а некоторые даже своих врагов. Таким образом, радость и печаль, горе и счастье перемежались во всей армии.^[4]

В то время как полководцы республики все еще преследовали общего врага в Апеннинах, и даже до казни Лентула, лидеры сената ссорились между собой, как будто им нечего было бояться ни внутри, ни за пределами города. Выборы консулов на следующий год выпали на Д. Юния Силана и Л. Лициния Мурену. Мы видели, что Катилина осмелился выдвинуть свою кандидатуру, но более достойный кандидат, великий юрист Сульпиций, также был разочарован и, возмущенный известными подкупом со стороны своих соперников, поспешил преследовать Мурену в судебном порядке. Подкуп, вероятно, имел место со всех сторон, и Рим не мог себе позволить в такой момент тратить свои силы на частные разборки. Цицерон, сосредоточенный на своих планах по срыву заговора, не мог терпеть, чтобы внимание общественности было отвлечено на жалкие интриги соперничающих кандидатов, и выступил в защиту Мурены. Но Катон, невосприимчивый к любым аргументам, основанным на целесообразности, и неспособный видеть две стороны любого вопроса, с ожесточенной упорством поддерживал иск обвинителя. Часть речи Цицерона была направлена на то, чтобы подорвать влияние столь добродетельного адвоката. «Хотите ли вы знать, судьи, каков человек, мудрец Портика? Он не уступает ни в чем, он никогда не прощает. Сострадание, говорит он, — это легкомыслие и глупость; только мудрые прекрасны, даже если они кривые и уродливые; только он богат, хотя и нищий, только он господин, хотя и раб; но мы, заявляет он, которые не мудрецы, не лучше беглецов, преступников, врагов и сумасшедших. Все недостатки, утверждает он, равны; каждая ошибка — это тяжкий грех; заломать шею птице без веской причины — это так же плохо, как задушить своего отца. Мудрец никогда не сомневается, никогда не раскаивается, никогда не обманывается, никогда не может изменить своего мнения». И в таком духе он продолжал, доставляя бесконечное удовольствие своей аудитории, которая была очень рада услышать, как философ подвергается насмешкам. Катон добродушно присоединился к смеху. «Какой остроумный у нас консул», — было единственное замечание, которое он сделал. Впоследствии он не испытывал никакого недовольства по отношению к оратору, который не только победил его в судебном процессе, но и выставил его на посмешище.^[103]

ВОЗНЕСЕНИЕ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ

[62 г. до н. э.]

В разгар своих споров между собой за высшую магистратуру, знатные люди позволили Цезарю получить преторство, вторую по значимости должность в иерархии. Помпей отправил одного из своих людей, Метелла Непоса, из Азии, чтобы обеспечить себе одно место в трибунах. Катон отказался быть выдвинутым на другое место и отправился в Луканию, чтобы избежать суматохи выборов, в которых он не хотел участвовать, когда встретил на дороге кандидата Помпея и узнал о цели его возвращения. Теперь он чувствовал, что как истинный патриот обязан следить за интригами опасного проконсула и пресекать их. Пospешно вернувшись, он представился народу на выборах и получил место в трибунате вместе с Метеллом и другими. Со всех сторон царили ревность, подозрения и приготовления к насилию. Народ был встревожен за безопасность своего любимого Цезаря, и после казни Лентула, когда он однажды задержался в сенате дольше обычного, окружил курию враждебными криками, настаивая на том, чтобы его вывели, чтобы убедиться в его безопасности. Однако сам вождь марианцев был далек от утраченного. Он смеялся над

новорожденной храбростью знати. 1 января вожди и высокопоставленные лица государства обычно поднимались на Капитолий и там приветствовали новых консулов. Однако Цезарь, вместо того чтобы участвовать в этом официальном акте вежливости, воспользовался отсутствием своих коллег и соперников, чтобы обратиться к народу на Форуме и предложить лишить Катутла по результатам голосования почестей, причитающихся ему как восстановителю храма Юпитера Капитолийского. После его разрушения пожаром во времена Суллы потребовалось двадцать лет, чтобы восстановить это величественное сооружение, славу города и империи; и теперь работа была завершена Катутлом, которому, как принцу сената, самому достопочтенному из всех граждан, была поручена эта почетная обязанность. Катутл мог теперь ожидать, что его имя, как восстановителя сооружения, будет выгравировано на его фасаде; и ни один благородный римлянин не преминул бы ценить такое увековечение своих заслуг так же дорого, как консульство или триумф. Цезарь теперь обвинил его в растрате и настоял на представлении его счетов; тем временем он призвал народ принять решение о том, чтобы окончательное завершение работ было передано Помпею. Но знатные люди, услышав о происходящем, вместе со всеми своими друзьями и сторонниками поспешили из присутствия консулов на Форум и сумели предотвратить удар. Имя Лутация Катутла было должным образом выгравировано на самом величественном памятнике национальной гордости и свидетельствовало о славе самого безупречного героя поздней республики, пока храм не был вновь разрушен во время войн Вителлия и Веспасиана.

И это был не единственный вызов, брошенный сенату в тот памятный день. Трибун Непос связался с Цезарем и объединился с ним, чтобы оскорбить доминирующую фракцию даже в момент ее победы. Казнь заговорщиков уже была осуждена как убийство, еще не утихли крики, сопровождавшие ее. Цицерон, сложив фасции, выступил перед народом с речью, в которой подробно рассказал о событиях своего консульства. Это был гордый день для него, и он был готов насладиться им. Но Непос внезапно вмешался: «Человек, — сказал он, — который осудил наших сограждан, не выслушав их, сам не должен быть выслушан», — и потребовал, чтобы он ограничился обычной клятвой, что он не сделал ничего противозаконного. «Я клянусь, — воскликнул Цицерон, — что я спас государство». Знать приветствовала его аплодисментами: Катон провозгласил его «отцом отечества», и всеобщие овации народа заглушили все шепотки противников. Знать была воодушевлена непривычными звуками народных аплодисментов, но Непос пригрозил отозвать Помпея, якобы для противостояния Катилине, который все еще был в оружии, но на самом деле для того, чтобы подавить свободное решение сената. Катон поклялся, что пока он жив, никакое такое предложение не будет принято. Затем последовала потасовка, в которой Катон прибег к физическому насилию; его коллега заявил, что его неприкосновенность была нарушена, и бежал в лагерь своего покровителя. Сенат объявил его должность вакантной (поскольку по закону трибун не имел права покидать город) и одновременно отстранил Цезаря от исполнения своих обязанностей.

Претор отказался покинуть свой трибунал, пока его не заставили военные силы, после чего он уволил своих ликторов, снял с себя знаки должности и с достоинством удалился в свое понтифическое жилище. Толпа собралась, чтобы отомстить за оскорбление, нанесенное их любимцу. Начались беспорядки, которые вынудили консулов вернуться, не без подобострастных выражений уважения и почтения по отношению к нему. Цицерон уже опомнился от опьянения своим недавним триумфом. Холодное отношение Помпея к его партии унизило и встревожило его. Красс громко обвинил его в клевете, а вражда Красса не могла быть пренебрежена. Наконец, один из трибунов, казалось, угрожал ему импичментом, несмотря на декрет сената, запрещающий любые действия против тех, кто помогал в наказании заговорщиков. Теперь благоразумный консул старался успокоить эти обиды. Он

пытался умиротворить Красса; он громко провозгласил рвение, которое проявил Цезарь, будучи, как он утверждал, первым, кто раскрыл ему заговоры Катилины; и тот, кто недавно восклицал: «Пусть оружие уступит место мантии», теперь пал ниц перед Помпеем, которого он возвысил над Сципионом, прося для себя лишь скромного места Лелия. Он даже искал союзников среди сообщников Катилины. П. Сулла, один из заговорщиков, был защищен Цицероном и оправдан несмотря на очевидные доказательства. Оратор боролся за сохранение союза между двумя привилегированными сословиями республики, сенаторами и всадниками, что было заветной целью его политики, которая, казалось, наконец-то была достигнута на ступенях храма Конкордии. Но когда знатные люди высокомерно отвергли рыцарей, когда Катон, не обращая внимания на бедственное положение провинциалов, отклонил просьбу публикан Азии, которые просили об облегчении условий своего договора с казначейством в связи с глубоким обнищанием доходов, которые они обязались собирать, настаивая на том, чтобы они строго соблюдали условия своего договора; когда пропасть между двумя сословиями вновь открылась перед его глазами, и ему пришлось выбирать между классом, к которому он принадлежал по рождению и естественной симпатии, и тем, в который его возвысил его гений, Цицерон слабовато бросился на сторону первого и провозгласил себя творением аристократии, которая его презирала. Уступки, на которые он пошел, пришли слишком поздно, чтобы спасти и его самого, и их. Друзья Катилины по-прежнему были преданны ему в своей страшной мести; демагоги разжигали народную ярость против него; Цезарь улыбался его ошибкам, а Красс едва скрывал свою злобу под маской холодной вежливости.

Руины дворца ЦЕЗАРЕЙ, Рим

Дворяне совершили самую большую ошибку, когда разжигали вражду Красса, разглашая свои подозрения в его отношении, и в то же время уклонялись от того, чтобы обезвредить его силой. Безусловно, они должны были сделать его своим другом, и это они могли бы

сделать, пожалуй, ценой незначительной жертвы своего тщеславия. Крассу никто не симпатизировал, но немногие могли позволить себе презирать его; в то время как его амбиции можно было сдерживать, предоставив ему законные почести и достоинства и демонстрируя, что прислушиваются к его советам. В тот момент, когда Помпей переходил на сторону народа, Красса можно было удержать на стороне олигархии, от которой он никогда полностью не отрывался. Его огромные богатства, источники которых находились под рукой, обеспечивали ему клиентов как в сенате, так и среди всадников: его рабы, вольноотпущенники, должники и арендаторы составляли армию в самом сердце города, способную влиять на дебаты в Форуме и подавлять мятежи. Но когда знатные люди отказались поддержать его в его стремлении к консульству, они вынудили его вступить в союз со своим популярным конкурентом Помпеем; когда они обвинили его в сговоре с Катилиной, они бросили его в объятия Цезаря. Одалживая деньги расточительному Мариану, Красс думал, что сделал его своим союзником, но на самом деле он связал себя с судьбой своего соперника, от полного успеха которого он мог надеяться на возврат долга.

Отстранение Цезаря от преторства только укрепило привязанность его партии к нему; вскоре произошел инцидент, который, как надеялись, посеял бы раздор между ними. П. Клодий, коррумпированный обвинитель Катилины, буйный интриган, как и многие члены его рода, расположил к себе народ своими популярными манерами. Этот безбородый юноша, уже известный своими долгами и любовными похождениями, проник в дом Цезаря в женском платье во время празднования ритуалов Боны Деи, которые должны были тщательно охраняться от вторжения мужчин. Служанка обнаружила его и подняла крик тревоги; таинства были поспешно завуалированы, а нарушитель изгнан; но собравшиеся матроны, поспешно устремившись домой, рассказали своим мужьям о скандале и грехе. Знать проявила серьезную тревогу; были вызваны и проконсультированы понтифики, а народ должным образом проинформирован об оскорблении, нанесенном божеству. Как глава священного колледжа, Цезарь не мог не присоединиться к общему возмущению, но его положение было деликатным. С одной стороны, предполагаемый преступник был инструментом его собственной политики, а с другой — его собственная честь и честь его жены Помпеи были скомпрометированы этим преступлением.^[104] Он разочаровал всех. Он развелся со своей женой не потому, что она была виновна, а потому, что, как он сказал, «жена Цезаря должна быть выше подозрений». Но он отказался одобрить меры, которые консулы приняли по указанию сената для осуждения предполагаемого преступника; и можно подозревать, что деньги, которыми Клодий подкупил судей, были ссудой, согласованной с Крассом самим Цезарем. Цицерон, со своей стороны, был равнодушен к этому делу, чье откровенное лицемерие он, возможно, был слишком честен, чтобы одобрить; но, подталкиваемый своей женой Теренцией, жестокой женщиной, которая много вмешивалась в его дела и в тот момент ревновала к сестре преступника, он явно опроверг его утверждение об отсутствии в городе и таким образом без всякой цели вступил в конфликт с способным и беспринципным врагом. Сенат считал, что их дело выиграно; доказательства действительно были решающими, и по их просьбе судьям была предоставлена военная охрана, чтобы защитить их от ожидаемого насилия со стороны толпы Клодия; но к их ужасу, при вскрытии урн оказалось, что голосов за оправдание было тридцать один против двадцати пяти. «Значит, вы требовали охрану только для того, — воскликнул Катул с горькой иронией, — чтобы обеспечить себе получение денег». Цицерон приписал Крассу скандал, связанный с этим извращением правосудия; знатные люди насмеялись над коррупцией в рыцарском сословии, и пропасть, разделявшая два сословия, стала еще шире, чем когда-либо.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОМПЕЯ

Осквернение мистерий произошло в декабре 62 года, но процесс над Клодием, задержанный различными интригами, состоялся только через несколько месяцев. Тем временем, до конца января, Помпей вернулся с Востока и достиг ворот города. Он появился там как император, чтобы просить о триумфе, во главе небольшого отряда своих легионеров (), но, как только он ступил на землю в Брундизии, он распустил большую часть своей победоносной армии, пообещав им поместья, которые, без сомнения, он собирался получить для них от сената. Все стороны с тревогой ждали, как он воспользуется своей властью для подавления междоусобиц в городе, а некоторые, возможно, опасались, что он уничтожит саму законную власть, из извращения которой она возникла. Все были поражены щедростью или высокомерием, с которым он лишил себя поддержки своих солдат и доверился славе своего имени для поддержания своего господства в республике. Сенаторы, конечно, считали это слабостью и полагали, что их противник сдался под их внушительной позицией. Законы запрещали ему входить в город, пока он сохранял за собой военное командование, но и сенат, и народ собирались на Марсовом поле, чтобы послушать рассказ о его подвигах и из первых уст узнать о политике, которую он намеревался проводить. О своих действиях он говорил высокопарно, но когда затрагивал внутренние дела, его речь была тщательно сдержанной и примирительной. Он заявлял о своем глубоком уважении к великому совету нации, но не произносил ни слова одобрения в адрес их недавних или готовящихся мер. Чтобы вывести его из себя, Красс был побужден высказать похвалу поведению Цицерона во время его консульства; и, уловив этот намек, сам Цицерон поднялся, чтобы воспользоваться случаем, и с присущей ему обильной риторикой рассказал о опасностях, от которых он спас государство. Он говорил, как только он мог говорить, о достоинстве сената, лояльности всадников, благосклонности итальянцев, параличе всех элементов недовольства, дешевизне продовольствия, безопасности республики. Сенат ответил оратору удовлетворительно; это был день, увенчавший тщеславие Цицерона, но ему не хватало одного триумфа — Помпей не давал понять, какова его точка зрения.

Помпей, по-видимому, держался в стороне от разбирательств, связанных с Клодием. Цезарь также стремился выйти из них, и истечение срока его преторства открыло ему возможность почётного отступления в провинцию Дальняя Испания. Но на его пути стояли два препятствия: одно заключалось в глубоком затруднении из-за его долгов, другое — в декрете сената, принятом специально для того, чтобы удержать его на родине, и запрещавшем магистратам отправляться в свои провинции до вынесения решения по делу Клодия. Личные средства Цезаря были давно исчерпаны. Друзья, которые продолжали обеспечивать его нужды, казалось, вливали свои сокровища в бездонную пропасть; настолько огромны были его расходы на зрелища, агитацию и взятки; настолько длинной и бесплодной была карьера на государственной службе, благодаря которой приходилось поддерживать эту бесконечную расточительность. В этот период, когда смелый игрок собирался бросить последний кубик, он мог признаться, что ему нужно 250 000 000 сестерциев (более 2 000 000 фунтов стерлингов или 10 000 000 долларов), чтобы «не стоять ничего». Прежде чем он мог приступить к управлению своей провинцией, ему нужно было удовлетворить требования настойчивых кредиторов и провести дорогостоящие приготовления. Все другие ресурсы были исчерпаны, но Цезарь мог обратиться к Крассу за ссудой. Самый богатый из римлян ненавидел великого полководца, который только что вернулся в город, и видел в Цезаре наиболее подходящее средство для снижения его авторитета. Он держал в залоге сокровища Иберии. Требуемая сумма составляла 830 талантов (200 000 фунтов стерлингов), и она была сразу же передана в руки Цезаря. С другим препятствием владелец решил поступить более решительно. У него были основания полагать, что против него готовится заговор с целью удержать его дома с помощью

политического импичмента, но он знал, что, как только он возглавит свои легионы, его враги не осмелятся отозвать его, и он надеялся, что он соберет такой урожай сокровищ и репутации, который защитит его от последствий их злобы по возвращении.

Уход Цезаря и побег Клодия унизили сенат, который выместил свое мрачное настроение на Помпее, задержав официальное утверждение его действий и удовлетворение его ветеранов. Он предоставил честь триумфа Лукуллу, несмотря на препятствия, воздвигнутые его преемником на восточном командовании, а еще недавно, присвоив Метеллу подобную честь вместе с прозвищем Кретик, выразил свое одобрение поведению того самого генерала, против которого Помпей вел войну за неповиновение его приказам. Теперь, когда победитель Митридата сам вернулся, чтобы получить последнюю награду за военные подвиги, он, по-видимому, подвергался унижительным задержкам, поскольку его триумф был фактически отпразднован только в конце сентября, через девять месяцев после его возвращения в Рим. Между тем он был вынужден интриговать, чтобы избрать на консульство своего ставленника; и хотя ему удалось таким образом купить поддержку Афрания, слабого и легкомысленного друга, он был унижен назначением Метелла Целера, явного врага, своим коллегой. Его тщеславие, возможно, было в некоторой степени компенсировано славой его триумфа, который длился два дня, сопровождаемый демонстрацией трофеев и добычи, которых Рим еще никогда не видел. Проконсул хвастался, что он победил двадцать одного царя и что Азия, которую он нашел самой отдаленной провинцией империи, стала ее центром. Знамена, несомые в процессии, объявляли, что он захватил 800 кораблей, 1000 крепостей и 900 городов; он основал или восстановил тридцать девять городов; он вложил в казну 20 000 талантов (около 5 000 000 фунтов стерлингов) и почти удвоил доходы государства. Прежде всего, по словам Плутарха, он гордился тем, что отпраздновал свой третий триумф над третьим континентом. Хотя до него другие трижды торжествовали триумф, Помпей, одержав первый над Ливией, второй над Европой и последний над Азией, казалось, подчинил весь мир своей власти.

Но, сойдя с колесницы, герой оказался в одиночестве в городе, где когда-то его сопровождали толпы льстецов и поклонников. Лукулл, возбужденный присутствием своего соперника, как никогда раньше, критиковал его поведение во всех деталях; сенат был холоден или враждебен; даже Цицерон обнаружил, что его кумир был создан из обычной глины. Когда новые консулы вступили в должность, Афраний не мог соперничать со своим гораздо более способным коллегой, и ратификация действий проконсула по-прежнему с раздражением задерживалась. Помпей распоряжался коронами, создавал и разрушал царства, основывал муниципальные республики, короче говоря, он регулировал все по своему суверенному усмотрению от Эгейского до Красного моря. Для его чести было важно показать своим друзьям и врагам на всем Востоке, что он не менее могущественен в городе, чем он притворялся в лагере. Он требовал публичного утверждения, полного, быстрого и беспрекословного. Но Лукулл, поддержанный Катонем, требовал, чтобы каждый отдельный акт обсуждался отдельно. Такой способ действий не мог не привести к многочисленным препятствиям и унижениям для него; даже задержка была бы достаточной, чтобы показать, что он утратил свое хваленое превосходство. Помпей предпочел вообще отказаться от формального утверждения договоренностей, которые, как он знал, вряд ли будут нарушены. В то же время он поручил трибуну по имени Флавий потребовать земли для своих ветеранов. Катон и Метелл снова выступили против него; затем последовало насилие, и трибун, жалующийся, что его святость была осквернена (), утащил консула в тюрьму. Сенат настоял на том, чтобы разделить оскорбление, нанесенное его главе, и Помпей, стыдясь наглости своего собственного создания, снова уступил и отозвал свои требования, дожидаясь более благоприятного случая. Но он был глубоко огорчен тем, как с ним обошлись, что опозорило его в глазах его солдат и всей Азии. Тогда, когда было уже

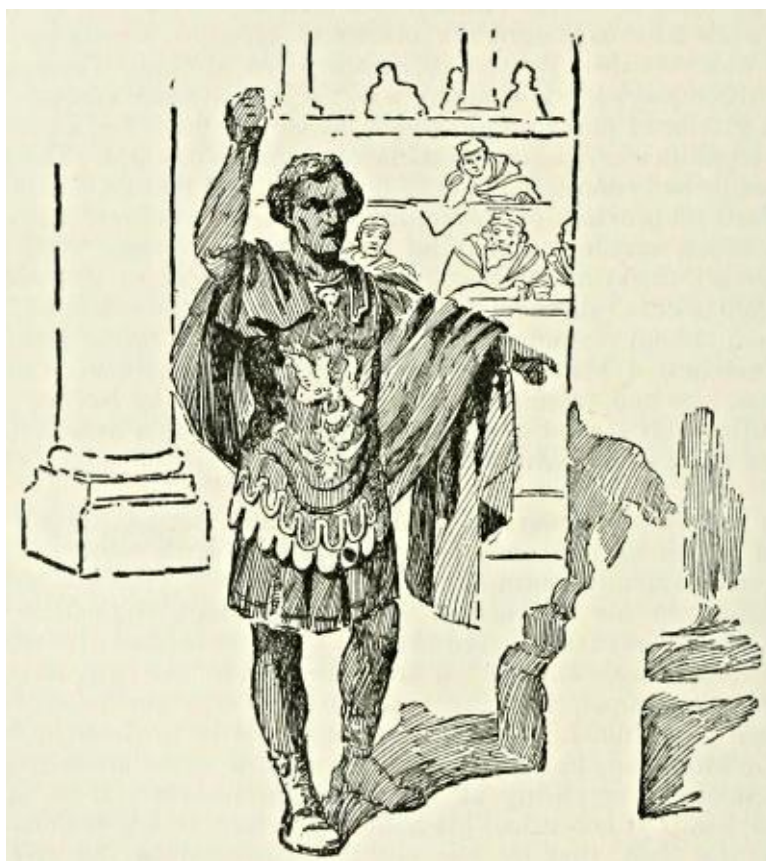
слишком поздно, он, возможно, начал сожалеть о расформировании своих легионов. Отвергнутый знатными, он вновь обратился к народу и попытался с помощью популярных уловок восстановить престиж своего оружия. Но первое место в их сердцах уже было занято. Цезарь прочно обосновался в их сердцах, и новоприбывший должен был довольствоваться разделением империи.^b

СНОСКИ

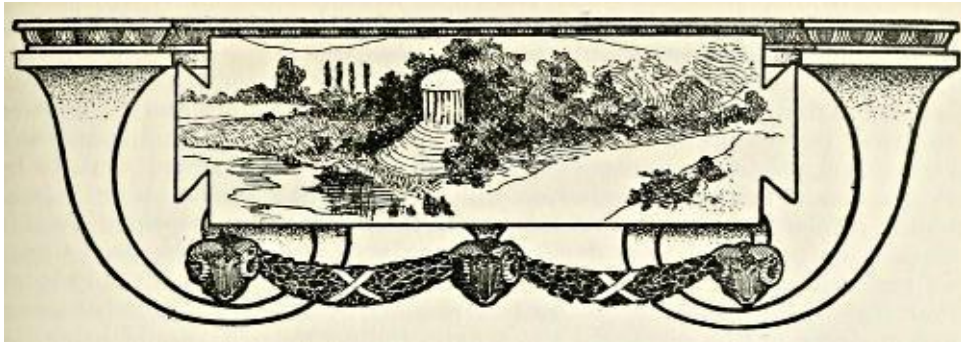
[102] [Конечно, это не речь Катилины; Саллюстий^d сочинил ее, чтобы показать, что в данных обстоятельствах Катилина мог бы сказать своим войскам. Большинство речей, встречающихся у древних историков, имеют подобный характер; лишь немногие из них взяты из документов.]

[103] [Сравните слова Веллея Патеркула,^e «Хвалить Катона за его честность было бы скорее унижительно для него, чем наоборот; но обвинять его в том, что он демонстрирует ее, было бы справедливо».]

[104] [Согласно Аппиану,^f когда Клодий вторгся в обряды Боны Деи, «он нанес пятно на целомудрие жены Цезаря».]

РИМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

ГЛАВА XXII. ЦЕЗАРЬ И ПОМПЕЙ

ПЕРВЫЙ ТРИУМВИРАТ

[60-59 гг. до н. э.]

Цезарь отправился в Испанию до возвращения Помпея. В этой провинции он воспользовался некоторыми беспорядками на границе с Лузитанией, чтобы объявить войну этому доблестному народу. Он захватил их страну и обратил свое оружие против галлейцев, которые, по-видимому, не подвергались нападкам со времен Дека Брута. За две кампании он стал владельцем добычи, достаточной не только для погашения большей части своих долгов, но и для обогащения своих солдат. Нет сомнений, что он должен был действовать с большой жестокостью, чтобы выжать такие большие суммы из коренных испанцев; в действительности он никогда не задумывался о страданиях народов, не подчиненных римскому господству. Но он старался не быть виновным в угнетении провинциалов, и его правление в испанских провинциях долгое время отличалось справедливым урегулированием долгов перед римскими сборщиками налогов.^b

Цезарь, который, по его мнению, благодаря походам против лузитанцев заработал достаточное количество заслуг для триумфа и стремился получить консульство, поспешил домой, когда приблизилось время выборов (60 г.). Поскольку откладывать нельзя было, он обратился к сенату с просьбой разрешить ему въехать в город до триумфа, чтобы агитировать народ, но Катон и его друзья выступили против, и просьба была отклонена. Цезарь, который не был человеком, готовым пожертвовать сутью ради видимости, отказался от триумфа и, войдя в город, образовал коалицию с Л. Луцеем, богатым человеком, который также был кандидатом, на условиях, что Луцей будет раздавать деньги от своего имени и от имени Цезаря, а Цезарь, в свою очередь, предоставит ему долю своего влияния. Увидев этот союз, знатные люди решили использовать все свое влияние в пользу другого кандидата, М. Кальпурния Бибула, и даже с согласия Катона уполномочили его предложить столько же, сколько и Луцелий, обязавшись собрать деньги среди себя. Таким образом, Бибул был избран вместе с Цезарем, чьи смелые планы сенат надеялся таким образом сдержать.

Цезарь, хорошо знавший характер Помпея, решил сделать его и Красса ступенькой к своей амбиции. Он показал им, насколько нелепа их ревность и вражда, которые только придавали важность таким людям, как Катон и Цицерон, тогда как, если бы они трое объединились, они могли бы управлять государством. Они поняли правдивость его слов и, ослепленные тщеславием и амбициями, ожидая извлечь из этого наибольшую выгоду, согласились на

коалицию; так было образовано триумвират, как его называют, или союз, связанный тайным обещанием, что никакие меры, не угодные какой-либо из сторон, не будут приняты.

Цезарь, как только вступил в должность (59), ввел аграрный закон о разделе государственной земли между солдатами Помпея и бедными гражданами; однако он приобрел ее у нынешних владельцев и назначил двадцать комиссаров для осуществления закона, среди которых были Помпей и Красс. Этот закон, против которого они не могли возразить, вызвал сильное недовольство оппозиционной партии в сенате, которая подозревала Цезаря в скрытых мотивах, и Катон решительно выступил против любых изменений. Цезарь приказал ликтору увести его в тюрьму; он заявил, что готов отправиться туда немедленно, и несколько человек поднялись, чтобы последовать за ним. Тогда Цезарь почувствовал стыд и отказался от своего намерения, но распустил сенат, сказав, что немедленно вынесет этот вопрос на рассмотрение народа; и он очень редко созывал сенат во время своего консульства.

Затем он представил народу свой законопроект о разделе земель Кампании на участки по десять югер между двадцатью тысячами бедных граждан, имеющих троих или более детей;^[105] и, желая, чтобы некоторые из главных лиц выразили свое одобрение, он сначала обратился к своему коллеге, но Бибул заявил, что он против нововведений; тогда он сделал вид, что умоляет его, прося народ присоединиться к нему, как будто Бибул хотел, чтобы они это получили; «Тогда, — воскликнул Бибул, — вы не получите этого в этом году, даже если все вы этого захотите», — и ушел; Цезарь, ожидая аналогичного отказа от других магистратов, не обращая к ним, но пригласил Помпея и Красса и попросил их высказать свое мнение о законе. Помпей высказался в пользу закона, и когда Цезарь и народ спросили его, поддержит ли он их против тех, кто выступает против, он воскликнул, воодушевленный этим доказательством своей важности: «Если кто-нибудь осмелится обнажить меч, я подниму щит!» Красс также выразил свое одобрение, и, поскольку коалиция была тайной, пример этих двух лидеров побудил многих других дать свое согласие и поддержать закон. Однако Бибул оставался непреклонен, и его поддерживали три трибуна; и, чтобы помешать принятию закона, он объявил все оставшиеся дни года *nefasti*, или священными днями. Когда Цезарь, не обращая внимания на его прокламации, назначил день для принятия закона, Бибул и его друзья пришли к храму Кастора, откуда он обращался к народу, и попытались противостоять ему; но его сбили с ног, обсыпали корзиной с навозом, сломали *фасции* его ликторов, избили и ранили его друзей (среди которых были Катон и трибуны), и таким образом закон был принят. С тех пор Бибул не выходил из своего дома, откуда он постоянно издавал указы, объявляющие все, что было сделано в неблагоприятные дни, незаконным. Трибун П. Ватиний, один из сторонников Цезаря, даже пытался затащить его в тюрьму, но ему воспротивились его коллеги.

Сенат должен был присягнуть на этот закон, как ранее на закон Сатурнина. Метелл Целер, Катон и подражатель Катона Фавоний сначала громко заявили, что не будут этого делать, но, имея перед глазами судьбу Нумидика и понимая бесполезность сопротивления, они уступили убеждениям своих друзей.

Завоевав таким образом поддержку народа, Цезарь приступил к обеспечению поддержки рыцарей, и здесь ему помогла утопическая политика Катона. Этот наиболее влиятельный орган, считая или притворяясь, что они взяли слишком высокую плату за проезд, обратился к сенату с просьбой о ее снижении, но Катон настаивал на том, чтобы они выполнили свои обязательства (). Цезарь, не обращая внимания ни на него, ни на сенат, сразу же снизил их на треть, и таким образом эта корыстная группа отделилась от партии аристократии, и вся работа Цицерона была сведена на нет. Теперь Цезарь почувствовал себя достаточно

сильным, чтобы сдержать свое обещание Помпею, все действия которого в Азии были одобрены народом.

[59-58 гг. до н. э.]

Клодий

(Из статуи)

Триумвират, а точнее Цезарь, был чрезвычайно заинтересован в том, чтобы переманить Цицерона на свою сторону из-за влияния, которым он обладал. Но, несмотря на то, что он испытывал большое личное уважение к Помпею, он отверг все их предложения. Тогда Цезарь решил дать ему почувствовать свое недовольство, и лучшим способом для этого казалось натравить на него Клодия. Этот развратник давно пытался стать народным трибуном, но для этого ему нужно было стать плебеем, что было возможно только путем усыновления. Его первые попытки были тщетными, но когда Цицерон, защищая своего бывшего коллегу Антония, воспользовался случаем, чтобы высказать некоторые соображения о нынешнем состоянии республики, Цезарь, чтобы наказать его, сразу же пропустил закон об усыновлении Клодия, а Помпей унизил себя, выступив в этом случае в роли авгура, причем были нарушены все законы и правила по этому вопросу. Говорят, что это дело было сделано с такой быстротой, что слова Цицерона, которые вызвали обиду, были произнесены только в полдень, а через три часа Клодий уже был плебеем!

Спустя некоторое время рыцарь по имени Л. Веттий, который был одним из доносчиков Цицерона в деле Катилины, по слухам, подкупленный Цезарем, заявил, что несколько молодых дворян вступили в заговор с целью убийства Помпея, в котором он сам принимал участие; сенат приказал заключить его в тюрьму; на следующий день Цезарь вывел его на трибуну, где он опустил некоторых из тех, кого он назвал сенату, и добавил других, среди которых были Лукулл и зять Цицерона Пизон, и намекнул на самого Цицерона. Веттий был

возвращен в тюрьму, где, по словам Цезаря, был тайно убит своими сообщниками, а по словам других — самим Цезарем.

Сенат, чтобы сделать Цезаря как можно более безобидным, в соответствии с законом Семпрония, присвоил леса и дороги в качестве провинций консулам по истечении срока их полномочий. Но Цезарь не собирался сдаваться: и его соратник, трибун Ватиний, добился принятия народом закона, дававшего ему провинцию Цизальпийская Галлия и Иллирик с тремя легионами на пять лет; а когда после смерти Метелла Целера он выразил желание получить еще и Трансальпийскую Галлию, сенат, поскольку в противном случае он обратился бы к народу, предоставил ему ее вместе с еще одним легионом. Чтобы укрепить связи между собой и Помпеем, он выдал замуж свою прекрасную и милую дочь Юлию, а сам женился на дочери Л. Кальпурния Пизона, которого триумвиры вместе с А. Габинием, подручным Помпея, назначили консулами на следующий год. Они также обеспечили трибунат для Клодия; и таким образом закончилось памятное консульство Цезаря и Бибула.

КЛОДИЙ ИЗГНАЛ ЦИЦЕРОНА

Клодий не терял времени (58) и готовился к нападению на Цицерона. Чтобы завоевать народ, он предложил закон о бесплатной раздаче зерна; другим законом он восстановил клубы и союзы, которые были запрещены сенатом, и создал новые из отбросов народа и даже из рабов; третьим законом он запретил кому-либо наблюдать за небом в дни собраний;^[106] четвертым, чтобы завоевать расположение развратной знати, он запретил цензорам отмечать любого сенатора, если он не был открыто обвинен перед ними, и чтобы они оба согласились. Затем он заручился поддержкой консулов, которые были огорченными и развратными людьми, пообещав получить Македонию и Ахайю для Пизона в качестве его провинции, а Сирию для Габиния. Таким образом, как он полагал, обеспечив себе благосклонность консулов, знати и народа, и имея в своем распоряжении достаточное количество головорезов из клубов и союзов, он предложил законопроект, запрещающий огнем и водой любого человека, который без приговора народа казнил или должен был казнить любого гражданина. Цицерон, который, хотя и не был назван по имени, знал, что это направлено против него, был настолько глуп и труслив, что сменил одежду (о чем впоследствии справедливо пожалел) и пошел умолять народ, как обычно, как будто он действительно был обвинен; но Клодий и его последователи встретили его на всех улицах, бросали в него грязью и камнями и мешали его мольбам. Всадники, молодые люди и многие другие, во главе с молодым Крассом, сменили с ним одежду и защищали его. Они также собрались на Капитолии и послали некоторых из самых уважаемых членов своей группы от его имени к консулу Габинию и сенату, которые находились в храме Конкордии; но Габиний не позволил им приблизиться к сенату, и Клодий приказал своим головорезам избить их. По предложению трибуна Л. Нинния сенат постановил, что они должны сменить одежду, как при общественном бедствии; но Габиний запретил это, а Клодий был под рукой со своими головорезами, так что многие из них разорвали свою одежду и с громкими криками выбежали из храма.

Помпей сказал Цицерону, чтобы тот не боялся, и неоднократно обещал ему свою помощь; а Цезарь, чьим единственным замыслом было унижить его, предложил назначить его своим легатом, чтобы дать ему повод для отсутствия в городе; но Цицерон, подозревая его намерения и считая это унижительным для себя, отказался. Теперь он понял, что Помпей обманывал его, поскольку держался в стороне, чтобы не быть вынужденным выполнять свои обещания. Как он сам говорит, чтобы не стать причиной гражданских беспорядков и кровопролития, он ночью покинул город, который всего пять лет назад спас от союзников тех, кто теперь изгнал его. Цезарь, который остался в пригородах, ожидая результатов мер Клодия, отправился в свою провинцию. Когда Клодий обнаружил, что Цицерон уехал, он принял закон, запрещающий ему доступ к огню и воде и объявляющий вне закона любого, кто проживает в радиусе четырехсот миль от Рима и приютит его. Он сжег и разрушил его виллы и дом на Палатине, место, которое он посвятил Свободе! Его имущество было выставлено на аукцион (), но никто не стал за него торговаться; однако консулы забрали себе наиболее ценные части этого имущества.

К сожалению, Цицерон перенес свое изгнание с гораздо меньшим спокойствием, чем могли бы пожелать поклонники его действительно достойного характера; его сохранившиеся письма полны самых немужественных жалоб, и он по праву навлек на себя насмешки своих врагов. Но он не был одним из тех людей, которые, основываясь на высоком сознании своей ценности, черпают всю свою поддержку и утешение изнутри; он мог раскрыть свой потенциал и проявить свою силу только под благоприятным солнцем общественной поддержки и оваций, и Цицерон был великим только в Риме. Сначала он намеревался отправиться на Сицилию, но претор этого острова, Г. Виргилий, который был

его близким другом, написал ему письмо с просьбой не приезжать. Тогда он отправился в Грецию, где его приняли с величайшими почестями, и наконец поселился в Македонии, где квестор Гн. Планкий оказывал ему всяческое внимание.

Изгнав Цицерона, Клодий приступил к устранению Катона, чтобы тот не мешал ему осуществлять свои планы. Одновременно он предложил удовлетворить давнюю обиду на царя Кипра, брата царя Египта; когда Клодий находился в Азии, он случайно попал в плен к пиратам и, не имея денег, обратился к царю Кипра, который, будучи скупым, послал ему только два таланта, а пираты вернули эту ничтожную сумму и освободили Клодия без выкупа. Клодий запомнил это поведение, и как только он вступил в должность трибуна, киприоты случайно отправили в Рим жалобу на своего царя, и он добился принятия закона о превращении Кипра в провинцию и о продаже частной собственности царя; он добавил в законопроект, что эта провинция должна быть передана Катону в качестве квестора с преторскими полномочиями, которому (чтобы удержать его подальше от Рима) было также поручено отправиться в Византию и восстановить изгнанников, которые были изгнаны оттуда за свои преступления. Катон, как мы уверены, взялся за это крайне несправедливое поручение против своей воли; однако он выполнил его с максимальной точностью. Он отправился на Родос, откуда послал одного из своих друзей по имени М. Канидий на Кипр, чтобы тот убедил царя мирно отречься от престола, предложив ему священство богини Пафской. Однако Птолемей предпочел смерть унижению и принял яд. Катон, не доверяя Канидию, послал своего племянника М. Юния Брута присмотреть за имуществом, а сам отправился в Византию, где без труда достиг своей цели. Затем он отправился на Кипр, чтобы продать имущество покойного царя; и, решив сделать эту продажу образцовой, он постоянно присутствовал на аукционе, следил за тем, чтобы каждый предмет был продан с максимальной выгодой, и даже обидел своих друзей, не позволив им сделать выгодные покупки. Таким образом, он собрал сумму в семь тысяч талантов, которую разделил по сосудам, вмещающим по два таланта пятьсот драхм каждый, к которым он прикрепил веревку и пробку, чтобы они могли плавать в случае кораблекрушения. Он также составил два отдельных отчета о продаже, один из которых хранил у себя, а другой передал одному из своих вольноотпущенников, но оба отчета были утеряны, и он не получил удовлетворения от доказательства своей способности извлечь максимальную выгоду из имущества.

Когда в Рим пришла весть о том, что Катон вошел в Тибр с деньгами, священники и магистраты, сенат и народ вышли ему навстречу; но хотя среди них были консулы и преторы, Катон не хотел покидать свой пост, пока не привел свой корабль в док. Народ был потрясен количеством богатства, и сенат проголосовал за предоставление Катону преторства, хотя он не достиг установленного законом возраста, а также разрешил ему появляться на играх в *претексте*, чем он, однако, не воспользовался. Никто не думал о несправедливости всего этого процесса (), и когда Цицерон после своего возвращения захотел аннулировать все акты трибуната Клодия, Катон выступил против него, что на некоторое время охладило их отношения.

Цицерон был в отъезде всего два месяца, когда его друг, трибун Нинний, при поддержке семи своих коллег, внес в сенат предложение о его возвращении. Весь сенат согласился с этим, но один из других трибунов вмешался. Однако сам Помпей теперь был склонен присоединиться к восстановлению Цицерона, поскольку наглость Клодия превысила пределы его терпения. Этот грубиян хитростью завладел молодым Тиграном, которого Помпей передал на попечение претора Л. Флавия. Он пообещал ему свободу за большую сумму денег, а когда Помпей потребовал его, посадил на корабль, направлявшийся в Азию. Шторм загнал судно в Антий, и Флавий отправился с вооруженными силами, чтобы схватить принца, но Секс. Клодий, один из головорезов трибуна, встретил его на Аппиевой дороге и

после сражения, в котором погибло несколько человек с обеих сторон, прогнал его. Пока Помпей размышлял над этим оскорблением, один из рабов Клодия был схвачен у дверей сената с кинжалом, который, по его словам, дал ему хозяин, чтобы он убил Помпея; Толпа Клодия также часто нападала на него, так что из-за реального или мнимого страха он решил оставаться дома до конца года; действительно, однажды его преследовали и осадили в доме толпа во главе с вольноотпущенником Клодия Дамио, и консул Габиний был вынужден сражаться, чтобы защитить его. Поэтому Помпей решил поддержать Цицерона, а П. Секстий, один из избранных трибунов, отправился в Галлию, чтобы получить согласие Цезаря. В конце октября восемь трибунов вновь предложили закон о его возвращении, и П. Лентул Спинтер, избранный консул, выступил с решительной поддержкой этого закона. Коллега Лентула, К. Метелл Непос, хотя и был врагом Цицерона, видя настроения Цезаря и Помпея, пообещал свою помощь, как и все избранные трибуны; однако Клодий вскоре сумел подкупить двух из них, а именно Нума Квинтия и Секста Серрана.

ОТЗЫВ ЦИЦЕРОНА

[57-56 гг. до н. э.]

1 января (57 г.) Лентул вынес на рассмотрение сената вопрос о возвращении Цицерона. Л. Котта сказал, что, поскольку он был изгнан без суда, для его восстановления не требуется закон. Помпей согласился, но сказал, что для Цицерона было бы лучше, если бы народ принял участие в его восстановлении. Сенат единодушно поддержал это мнение, но трибун Секс Серран вмешался. Сенат назначил 22-е число для вынесения этого вопроса на рассмотрение народа. Когда наступил этот день, трибун К. Фабриций еще до рассвета вышел с группой сторонников, чтобы занять трибуну, но Клодий уже занял форум со своими гладиаторами, отрядом, одолженным у своего брата Аппия, и своей обычной бандой головорезов. Группа Фабриция была изгнана с потерей нескольких жизней, другой трибун, М. Циспий, был подвергнут аналогичному обращению, а К. Цицерон спасся только благодаря помощи своих рабов и вольноотпущенников. В картине, которую Цицерон рисует в своих речах об этой сцене, Тибр и канализация заполнены трупами, а Форум покрыт кровью, как во времена борьбы Цинны и Октавия.

Борьба возобновилась с наступлением дня, и трибун Секстий был пронзен двадцатью ранами и оставлен умирать. Затем Клодий, воодушевленный своей победой, сжег храм нимф, где хранились книги цензоров, и напал на дома претора Л. Цецилия и трибуна Т. Анния Милона (). Последний обвинил Клодия в *де-ви*, но его брат Аппий, претор, и консул Метелл защитили его и тем временем помогли ему в борьбе за должность эдила, которая защищала бы его еще на год. Тогда Милон, чтобы отразить силу силой, также нанял группу гладиаторов, и на улицах ежедневно происходили столкновения.

Сенат, решив не поддаваться на такие запугивания, поручил магистратам созвать лояльных избирателей со всех концов Италии. Они прибыли в большом количестве из всех городов и округов. Помпей, который в то время находился в Капуе, приложил к этому делу большие усилия. Воодушевленный их присутствием, сенат принял в надлежащей форме декрет о восстановлении Цицерона, но Клодий все же смог помешать его ратификации народом. Затем сенат собрался на Капитолии; Помпей высоко оценил Цицерона; другие последовали его примеру; Метелл, который все это время играл двойную роль, перестал сопротивляться, и декрет был принят, только Клодий высказал несогласие. На следующий день сенат собрался снова; Помпей и другие лидеры предварительно обратились к народу и рассказали ему обо всем, что было сказано, после чего закон был готов к представлению

центуриям; 4 августа центурии собрались на Марсовом поле и единогласным голосованием восстановили Цицерона в должности.

В тот же день Цицерон отплыл из Диррахия, а на следующий день высадился в Брундизии. Он не спеша продвигался к Риму, и по мере его продвижения люди выходили из всех городов и деревень, чтобы поздравить его, а все сословия и классы Рима встретили его у Капенских ворот (4 сентября). На следующий день он поблагодарил сенат; и чтобы доказать свою благодарность Помпею, он выступил с предложением закона, дающего ему право надзора за торговлей зерном на срок пять лет, а Помпей в ответ сделал его своим первым легатом. Сенат постановил, что дом и виллы Цицерона должны быть восстановлены за государственный счет. Цицерон тогда заявил, что, поскольку Клодий стал плебеем незаконным образом, все его действия в качестве трибуна были также незаконными и должны быть аннулированы. Но здесь ему противостоял Катон, чье тщеславие было задето, и который боялся потерять славу за умение, с которым он провел грабеж царя Кипра; и это вызвало охлаждение в отношениях между ним и Цицероном, который также был возмущен, и не без оснований, поведением нескольких других лидеров аристократической партии, чему не следует удивляться, когда мы видим, что они, исключительно для того, чтобы раздражать Помпея, так эффективно помогали Клодию, что он был избран эдилом без противодействия (56). Эта зараза Рима немедленно обвинила Мило в том самом преступлении (*de vi*), в котором обвиняли его самого. Помпей появился и выступил в защиту Мило, и дело дошло до регулярного столкновения между их сторонниками, в котором клодианцы потерпели поражение и были изгнаны с Форума. Помпей теперь понял, что Красс стоял за всеми оскорблениями, нанесенными ему, и что Бибул и другие знатные люди стремились уничтожить его влияние, и он решил еще теснее, чем когда-либо, объединиться с Цезарем, чтобы противодействовать их интригам.

В это время Цицерон по возможности воздерживался от участия в общественных делах, полностью посвятив себя адвокатской практике. Чтобы понять его поведение, мы должны учитывать его известный характер, в котором преобладали тщеславие и робость, но он был также благодарным, умиротворенным и гуманным человеком. Всю свою жизнь он испытывал сильную личную привязанность к Помпею, а теперь он был полон восхищения подвигами Цезаря в Галлии, который, кроме того, относился к нему с величайшим уважением, в то время как он был возмущен ничтожным поведением ведущих аристократов. Поэтому мы видим, как по просьбе Цезаря или Помпея он использует свою красноречивость для защиты даже своих личных врагов () и делает вещи, за которые мы иногда должны его жалеть, а иногда презирать. Однако приятно видеть триумф его красноречия в защиту своего друга Секстия, которого клодианцы имели наглость преследовать *de vi* за то, что он, как можно предположить, не умер от своих ран. Цицерон также вынес на голосование в сенате предложение о том, что, поскольку в казне не было денег для покупки земель Кампании, которые по закону Цезаря должны были быть разделены, сам закон должен быть пересмотрен. Однако, обнаружив, что это очень не понравилось Цезарю и Помпею, а те, кто аплодировал ему за это, делали это потому, что ожидали, что это приведет к разрыву между ним и Помпеем, он счел лучшим позаботиться о своих интересах и поэтому отказался от этой идеи.^[107]

ВТОРОЕ КОНСУЛСТВО ПОМПЕЯ И КРАССА

[56-55 гг. до н. э.]

Цезарь имел обыкновение после летних походов в Галлию возвращаться на зиму в свою провинцию К^oльпина, чтобы поддерживать связь с Римом. Этой зимой он прибыл в

Лукку, на границе своей провинции, куда в апреле 56 года прибыли Помпей, Красс и такое количество римских магистратов, что у его ворот одновременно было замечено 120 ликторов. Там триумвират тайно договорился, что Помпей и Красс будут баллотироваться на консульство, и в случае успеха они должны будут добиться продления правления Цезаря еще на пять лет. Поскольку действующие консулы Г. Корнелий Лентул Марцеллин и Л. Марций Филипп были настроены против триумvirата, трибун Г. Катон получил указание препятствовать всем выборам до конца года; в результате его противодействия консульские выборы были проведены интеррексом в начале следующего года (55 г.). Помпей и Красс были избраны без сопротивления, поскольку, как нам сообщают, шурин М. Катона, Л. Домиций Агенобарб, единственный, кто осмелился выдвинуть свою кандидатуру, был атакован их партией, когда он направлялся до рассвета на Марсово поле, где должны были проходить выборы; раб, несущий факел перед ним, был убит; другие были ранены, как и сам Катон; Домиций бежал домой и отказался от участия в выборах. Тогда Катон выдвинул свою кандидатуру на должность претора, но консулы, зная, какие неприятности он им доставит, если будет избран, приложили все усилия, чтобы помешать ему добиться успеха. Они подкупили многих сторонников его оппонента П. Ватиниуса и добились принятия сенатом декрета, согласно которому преторы должны были сразу вступать в должность, а не оставаться частными лицами в течение шестидесяти дней, как это было принято, чтобы дать возможность обвинить их в подкупе, если они были в этом подозреваемы. Однако в первом веке, когда пришло время выборов, большинство проголосовало за Катона. Помпей, который председательствовал, притворился, что услышал гром, и отложил выборы; а консулы позаботились о том, чтобы на следующих выборах был избран Ватиний. Затем трибун Г. Требоний по их указанию предложил законопроект, дающий им после окончания срока полномочий провинции Сирии и Испании на пять лет с правом набирать столько войск, сколько они пожелают; этот закон, несмотря на сильное сопротивление в сенате, был принят, и тогда Помпей предложил и провел тот, который он обещал Цезарю.

[55-53 гг. до н. э.]

Консулы, разыграв в жребий свои провинции, или, что более вероятно, распределив их по частной договоренности, Сирия, как он и желал, досталась Крассу; а Помпей был столь же доволен Испанией, которую, находясь поблизости, он мог управлять через своих лейтенантов, а сам, под предлогом своей должности инспектора зернового рынка, мог оставаться в Риме и наслаждаться семейным счастьем, которое ему так нравилось. Триумвиры не сочли необходимым вмешиваться, и на следующий год консулами были избраны Л. Домиций и Апп. Клавдий, а Катон — одним из преторов.

Красс, хотя в законе ничего не говорилось о парфянах, не скрывал своего намерения вести против них войну; и, как говорят, Цезарь писал ему, поощряя его к этому. Многие, однако, были или делали вид, что были потрясены несправедливостью ведения войны против народа, который не давал никаких поводов для обиды, и трибун К. Атей Капито был полон решимости помешать его отъезду. Красс просил Помпея проводить его из города, так как знал, что ему будут противостоять. Помпей удовлетворил его просьбу, и народ молча пропустил его; но Атей встретил их, призвал Красса остановиться, а когда тот не послушался его, послал пристава, чтобы схватить его; однако другие трибуны вмешались. Тогда Атей побежал к воротам, разжег огонь на переносном алтаре, вылил на него вино и ладан и произнес страшные проклятия на Красса, призывая странных и ужасных богов (54).

ПАРФИЙСКАЯ ВОЙНА КРАССА

[53 г. до н. э.]

Не обращая внимания на проклятия трибуна, Красс направился в Брундизиум и сел на корабль, хотя море было бурным и штормовым. Он достиг Эпира, потеряв несколько кораблей, и оттуда по обычному маршруту по суше направился в Сирию. Он немедленно переправился через Евфрат и начал опустошать Месопотамию. Несколько греческих городов там с радостью подчинились, но вместо того, чтобы продвигаться дальше, он вернулся в Сирию на зимовку, дав таким образом парфянам время собрать свои силы. Он провел зиму, занявшись накоплением сокровищ; на жалобу парфянского посольства, прибывшего с жалобой на его агрессивные действия, он дал хвастливый ответ, сказав, что даст ответ в Селевкии;^[108] старший из послов рассмеялся, показал ладонь и сказал: «Красс, волосы отрастут на ней, прежде чем *ты* увидишь Селевкию».

Римские солдаты, услышав о численности парфян и их способе ведения боя, были обескуражены; гадатели предсказывали злые знамения по жертвам; квестор Г. Кассий Лонгин и другие его офицеры советовали Крассу приостановиться, но тщетно. Не меньше бесполезны были советы армянского князя Артавазда, который прибыл с шестью тысячами всадников и обещал прислать еще больше, пройти через Армению, которая была холмистой страной и неблагоприятной для кавалерии, в которой заключалась сила парфян: он ответил, что пойдет через Месопотамию, где оставил много храбрых римлян в гарнизоне. Армянин удалился, и Красс перешел реку в Зеугме (53); гром гремел, сверкали молнии и, как говорят, появлялись другие зловещие знамения, но они не остановили его. Он шел по левому берегу, его армия состояла из семи легионов, почти тысячи всадников и такого же числа легких войск.

Поскольку враг не появлялся, Кассий посоветовал держаться вдоль реки, пока они не дойдут до ближайшей точки к Селевкии; но арабский эмир по имени Абгарус, который был в дружеских отношениях с римлянами, когда там был Помпей, теперь пришел и присоединился к Крассу, и, заверив его, что парфяне собирают свое самое ценное имущество с намерением бежать в Гирканию и Скифию, убедил его без промедления продвигаться вперед. Но все, что он говорил, было ложью; он пришел, чтобы привести римлян к гибели: парфянский царь Ород сам вторгся в Армению, а его генерал Суренас^[109] был неподалеку с большой армией. Однако Красс, поверив арабу, покинул реку и вошел в обширную равнину Месопотамии. Кассий перестал возражать; араб повел их дальше, и когда он привел их к месту, оговоренному с парфянами, он уехал, заверив Красса, что это в его интересах. В тот же день отряд всадников, посланный на разведку, столкнулся с врагом и был почти полностью уничтожен. Эта новость озадачила Красса, но он решил продолжить поход; он выстроил пехоту в квадрат, а кавалерию — по флангам, и двинулся вперед. Они достигли реки, где его офицеры хотели остановиться на ночь и попытаться получить дополнительную информацию, но он хотел идти дальше, и в конце концов они увидели врага. Однако Сурена держал большую часть своих войск вне поля зрения, а те, кто был виден, имели покрытые доспехи, чтобы обмануть римлян. По сигналу парфяне начали бить в свои многочисленные барабаны, и когда они посчитали, что этот необычный звук всколыхнул сердца римлян, они сбросили свои покрывала и появились в сверкающих стальных шлемах и кольчугах, окружили плотную массу римлян и обрушили на них град стрел, а многочисленные верблюды, нагруженные стрелами, поставляли им свежие запасы боеприпасов. Легкая пехота тщетно пыталась оттеснить их; тогда Красс приказал своему сыну атаковать с конницей и легкой пехотой. Парфяне, притворившись бегущими, заманили их, а когда те оказались на достаточном расстоянии от основной армии, развернулись и напали на них,

кружа вокруг, чтобы поднять такую пыль, что римляне не могли видеть, чтобы защищаться. Когда многие были убиты, П. Красс прорвался с частью конницы и достиг возвышенности, но настойчивый враг не давал им покоя. Два грека из той страны предложили П. Крассу бежать с ними ночью, но он великодушно отказался покинуть своих товарищей. Будучи раненым, он заставил своего щитоносца убить его; парфяне убили всех, кто был с ним, кроме пятисот, и отрезав ему голову, насадили ее на копье.

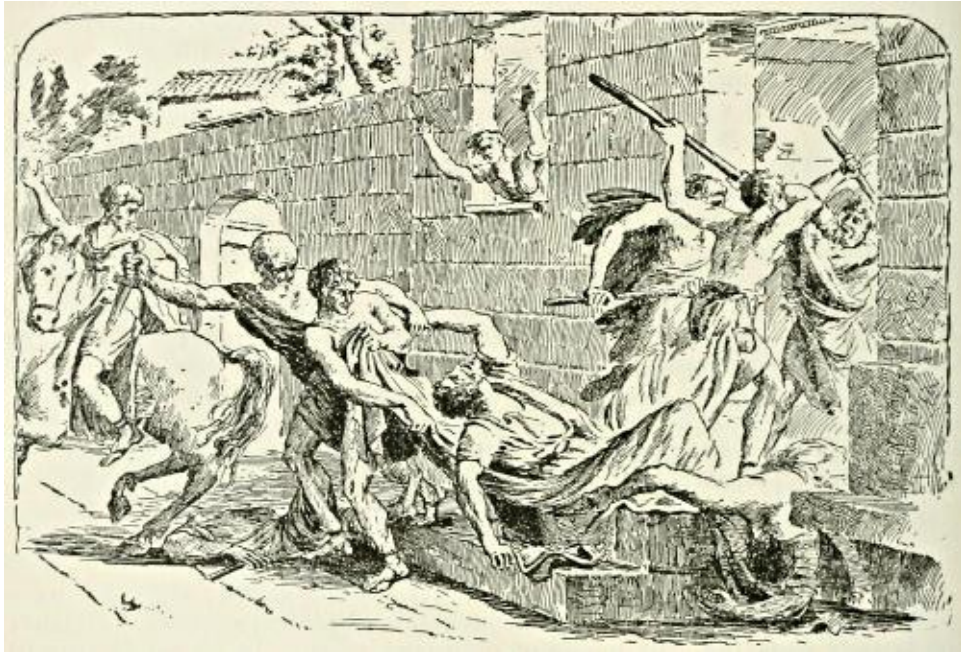
Красс продвигался на помощь своему сыну, когда раздался рокот парфянских барабанов, и они появились, демонстрируя голову несчастного юноши. Дух римлян был теперь совершенно подавлен; Красс тщетно пытался воодушевить их, крича, что эта потеря — его, а не их, и призывая их к новым усилиям. Парфяне, измучив их в течение дня, отступили на ночь. Кассий и легат Октавий, тщетно пытавшиеся поднять дух своего генерала, который теперь погрузился в отчаяние, созвали совет офицеров, и было решено попытаться отступить в эту ночь. Плач больных и раненых, оставленных позади, сообщил о них парфянам, но, поскольку они не имели обыкновения сражаться ночью, те оставались на месте до утра. Затем они захватили покинутый лагерь и убили четыре тысячи человек, которых там нашли, а затем, преследуя армию, уничтожили отставших. Римляне достигли города Карры, в котором у них был гарнизон. Суренас, чтобы помешать им отступить, сделал ложные предложения о мире, но, поняв, что он их только обманывает, они ночью вышли под руководством грека. Однако их проводник Антиохийский Антиохийский () оказался вероломным и привел их в место, полное болот и рвов. Кассий, заподозрив его, повернул назад и бежал с пятьюстами всадниками; Октавий с пятью тысячами человек, имея верных проводников, достиг безопасного места среди холмов и спас Красса, который был атакован парфянами в болотах. Суренас, опасаясь, что они сбегут ночью, отпустил некоторых из своих пленников, в присутствии которых он велел сказать, что царь не желает доводить дело до крайности; а сам он и его офицеры поехали на холм с натянутыми луками и, протянув руку, пригласили Красса спуститься и встретиться с ним. Солдаты были в восторге, но Красс не поверил ему; наконец, когда его люди, подталкивая и давя на него, начали ругать и угрожать ему, он взял своих офицеров в свидетели принуждения, которому он подверглся, и спустился в сопровождении Октавия и некоторых других своих офицеров. Парфяне сначала сделали вид, что принимают его с уважением, и привели лошадь, чтобы он сел на нее, но вскоре они устроили ссору и убили его и всех, кто был с ним. Голова и правая рука Красса были отрезаны; затем войскам предложили капитулировать, и большинство из них сдались. Потери римлян в этой несправедливой и злополучной экспедиции составили двадцать тысяч убитых и десять тысяч пленных. Говорят, что парфяне залили расплавленное золото в горло Красса в знак порицания его ненасытной алчности. Затем они вторглись в Сирию, которую Кассий доблестно защищал от них.

Когда весть о поражении и смерти Красса дошла до Рима, о потере армии были очень озабочены, а о его собственной смерти никто не думал; однако на самом деле это была большая потеря из двух, поскольку только он один имел власть удерживать Цезаря и Помпея в единстве, так как Юлия, которую они оба любили, как она того заслуживала, и которая была связующим звеном между ними, недавно умерла при родах, к горю не только своего отца и мужа, но и всего римского народа (54).

АНАРХИЯ В РИМЕ

Дела в Риме теперь действительно находились в состоянии полной анархии; насилие и подкуп были единственными способами получить должность. В 54 году все кандидаты в консулы были привлечены к ответственности за взяточничество; один из них, Г. Меммий, даже зачитал в сенате письменное соглашение между ним и другим кандидатом, Гн. Домицием Кальвином, с одной стороны, и действующими консулами Л. Домицием Агенобарбом и Аппием Клавдием, с другой, по которому два первых обязывались, в случае избрания благодаря влиянию консулов, выплатить им по сорок тысяч сестерциев, если только они не представят трех авгуров, которые подтвердят, что присутствовали при выборах. Клавдием с другой, по которому два первых обязывались, в случае избрания благодаря влиянию консулов, выплатить им по сорок тысяч сестерциев, если только они не представят трех авгуров, которые подтвердят, что присутствовали при принятии куриатского закона, и двух консулов, которые подтвердят, что присутствовали при распределении консульских провинций, что дало бы бывшим консулам желаемые провинции — все это было совершенно ложным. Из-за этих и других задержек выборы откладывались на семь месяцев, а Помпей спокойно наблюдал за происходящим в надежде, что они будут вынуждены назначить его диктатором. Многие говорили об этом как о единственном средстве спасения; и хотя они не называли его по имени, они очень точно описывали его как наиболее подходящего человека; но Сулла сделал имя диктатора слишком ненавистным; другие говорили о консульских военных трибунах. Однако по истечении семи месяцев консулами были избраны Г. Домиций Кальвин и М. Валерий Мессалла.

В следующем году (52) кандидатами были Т. Анний Милон, П. Плавтий Гипсей и К. Метелл Сципион, и все они давали огромные взятки. Клодий баллотировался на должность претора, и между его сторонниками и сторонниками Милона и других кандидатов почти ежедневно на улицах происходили беспорядки и кровопролитие. Помпей и трибун Т. Мунаций Планк специально не давали патрициям собраться, чтобы назначить интеррекса для проведения выборов. 20 января Милон, который был диктатором своего родного города Ланувiums, должен был отправиться туда, чтобы назначить верховного жреца Юноны Соспита, покровительницы этого места; Клодий, который был в Ариции, где он имел большое влияние, чтобы выступить перед магистратами, как раз в это время возвращался и встретил Милона недалеко от Бовилл. Милон ехал в своей колеснице с женой, дочерью Суллы, и другом, и его сопровождала многочисленная свита, среди которой были некоторые из его гладиаторов; Клодий ехал верхом на лошади с тридцатью вооруженными бравадос, которые всегда сопровождали его. Двое из людей Милона последовали за людьми Клодия и начали с ними ссориться, и когда он обернулся, чтобы угрожать им, один из них пронзил ему плечо длинным мечом. Тогда началась всеобщая драка; Клодий был унесен в соседнюю таверну, но Милон ворвался туда, вытащил его и убил на месте; его тело было брошено на дороге, где оно лежало, пока сенатор, возвращавшийся в город из своей загородной резиденции, не поднял его и не унес с собой в своей носильщиках. Тело было положено в зале дома самого Клодия, и его жена Фульвия, заливаясь слезами, показывала его окровавленные раны собравшейся там толпе и подстрекала ее к мести. На следующее утро друзья Клодия, трибуны К. Помпей Руф и Т. Мунаций Планк, выставили его на трибуне и произнесли над ним речь перед народом. Толпа схватила его, отнесла в здание сената и, соорудив костер из сидений, сожгла его вместе с домом. Затем они побежали к дому Милона, намереваясь сжечь и его, но были отбиты его рабами.

СМЕРТЬ КЛОДИЯ

(по Мирису)

Чрезмерные действия толпы нанесли ущерб делу Клодия, и Милон решил вернуться в город и продолжить подкуп и агитацию за консульство. Трибун М. Целий, которого он привлек на свою сторону, заполнил форум нанятой толпой и привел туда Милона, чтобы тот защищался, в надежде, что толпа оправдает его, как и народ; но противные трибуны вооружили своих сторонников, напали на них и рассеяли.^[110] Милон и Целий были вынуждены бежать в одежде рабов; чернь убивала, ранила и грабила без разбора; дома врывались, грабили и сжигали под предлогом поиска друзей Милона. Эти эксцессы продолжались несколько дней, и сенат наконец постановил, что интеррекс, трибуны народа и Помпей должны следить за тем, чтобы республика не понесла ущерба; и, наконец, поскольку казалось абсолютно необходимым ввести чрезвычайные полномочия, чтобы избежать диктатуры и исключить Цезаря (о котором шла речь) из консульства, по предложению Бибула и с согласия Катона было решено сделать Помпея единоличным консулом.

ПОМПЕЙ ЕДИНСТВЕННЫМ КОНСУЛОМ

[52 г. до н. э.]

Помпей (который был полон решимости сокрушить Милона), как только вступил в должность (25 февраля), принял два закона: один против насилия, другой против взяточничества. Он постановил, что судебные процессы должны длиться только четыре дня, первые три из которых должны быть посвящены заслушиванию доказательств, а последний — выступлениям сторон; он определил количество адвокатов в деле, предоставив два часа для выступления обвинителя, три часа для ответа обвиняемого и запретив кому-либо выступать в защиту обвиняемого. Чтобы обеспечить преследование за взяточничество, он обещал помилование любому, кто будет признан виновным в этом преступлении, если он осудит двух других в равной или меньшей степени или одного в большей степени. Он

распорядился, чтобы судебные процессы по делам о насилии вел консул, избранный народом, а не претор, как в обычных случаях.

После этих приготовлений началось преследование Милона. Народ избрал председателем Л. Домиция Агенобарба, консула 54 года, и было назначено жюри, одно из самых уважаемых, которое, как мы уверены, когда-либо видел Рим. Милон и Целий прибегли ко всем средствам, чтобы избежать осуждения. Первый был обвинен в том, что он схватил пятерых свидетелей убийства Клодия и в течение двух месяцев держал их под строгой охраной в своей загородной резиденции; второй — в том, что он силой вывез одного из рабов Милона из дома одного из триумвиров. Цицерон должен был защищать Милона. В первый день беспорядки были настолько сильны, что жизнь Помпея и его ликторов оказалась в опасности; поэтому по всему городу и Форуму были расставлены солдаты с приказом бить плоской стороной меча всех, кто шумел; но этого оказалось недостаточно, и им пришлось ранить и даже убить нескольких человек. Когда на четвертый день Цицерон встал, чтобы выступить, он был встречен громкими выкриками протеста со стороны сторонников Клодия; вид Помпея, сидящего в окружении своих офицеров, и вид храмов и мест вокруг Форума, заполненных вооруженными людьми, настолько испугали его, что он выступал гораздо менее убедительно, чем обычно. Милон был признан виновным и отправился в изгнание в Массилию.

Затем были привлечены к ответственности другие преступники. П. Плавтий Гипсей был признан виновным во взяточничестве, как и П. Секстий, М. Скавр и К. Меммий. Последний, , затем обвинил, в соответствии с недавно принятым законом, тестя самого Помпея, К. Метелла Сципиона.^[111] Помпей был настолько слаб, что стал просить за него, и он послал за тремястами шестьюдесятью лицами, входившими в состав жюри, и умолял их помочь ему. Когда Меммий увидел, что Сципион входит в Форум в окружении тех, кто должен был судить его, он отказался от преследования, сетуя на разрушение конституции. Руф и Планк, когда они уже не занимали своих должностей, были привлечены к ответственности за поджог здания сената, и Помпей снова проявил слабость, нарушив свой собственный закон, отправив в суд письменную хвалебную речь о Планке. Катон, который был одним из присяжных, сказал, что Помпею не должно быть позволено нарушать свой собственный закон. Планк тогда бросил вызов Катону, но это не принесло ему пользы, так как остальные признали его виновным.

Помпей, некоторое время действовавший в качестве единственного консула, сделал своего тестя своим коллегой на оставшиеся пять месяцев своего консульства. Он добился продления своего командования в Испании еще на пять лет, но управлял своей провинцией, как и раньше, через легатов; а чтобы успокоить Цезаря, он принял закон, позволяющий ему претендовать на консульство, не приезжая лично в Рим. Чтобы усилить законы против взяточничества, было принято постановление, что ни один консул или претор не может получить провинцию, пока не пройдет пять лет после окончания его срока полномочий; а чтобы обеспечить следующие пять лет, было постановлено, что консулы и преторы, которые не имели провинций, теперь должны их получить. Поэтому Цицерон, вопреки своей воле, был вынужден отправиться в качестве проконсула в Киликию; его правление там было образцом справедливости и бескорыстности и доказывает, как он поступил бы, если бы всегда был свободен следовать своим собственным склонностям, и, можно добавить, если бы меньше поддавался влиянию тщеславия и амбиций. Теперь мы должны обратить свое внимание на Цезаря и его подвиги в Галлии.

В то время как в Риме дела обстояли таким образом, этот великий человек приобретал богатство и формировал армию, с помощью которой он надеялся стать хозяином своей страны. Он сам оставил рассказ о своих галльских походах, который, хотя и является,

конечно, пристрастным, является почти единственным источником информации об этой части римской истории.

ГАЛЛЬСКИЕ ВОЙНЫ (58-50 гг. до н. э.)

[58-52 гг. до н. э.]

Фортуна благоволила Цезарю, предоставив ему ранний повод для войны, хотя его провинция была спокойной, когда он ее получил (58).^[112] Гельветы, народ галльской расы, живший от горы Юра до Альп, решили покинуть свои горы и искать новые места в Галлии; сожгли все свои города и деревни и отправились с женами и детьми в количестве 368 000 душ. Поскольку их путь лежал через римскую провинцию, они, услышав, что Цезарь [который выступил из Рима за восемь дней] разрушил мост через Рон в Женеве и готовился противостоять им, послали просить о свободном проходе, обещая не причинять вреда. Цезарь, у которого не было с собой всех войск, дал уклончивый ответ и тем временем прорыл ров и возвел вал от Женевского озера до горы Юра. Тогда гельветы развернулись и, пройдя через гору Юра, вошли в страну секванов и эдуев; но Цезарь напал на них, когда они переходили Арап (Сон), и разбил их; впоследствии он снова разгромил их и, наконец, заставил их вернуться в свою страну, чтобы германцы не заняли ее.

Эдуи, которые были давними союзниками Рима, пожаловались Цезарю, что их соседи, арверны и секваны, в своих спорах с ними пригласили на помощь германского вождя по имени Ариовист (*Heer-fürst*, «военный князь»?), к которому присоединились большие отряды его соотечественников, и тот занял большую часть земли секванов и теперь угрожал свободе всех соседних народов; они добавили, что их единственная надежда — на римлян. Это приглашение было, как они знали, именно тем, чего желал Цезарь; он пообещал помощь, и, поскольку во время своего консульства он способствовал признанию Ариовиста королем и другом римского народа, а теперь хотел поставить его в невыгодном свете, он послал к нему требование встретиться с ним в определенном месте. Германец высокомерно ответил, что если Цезарь хочет поговорить с ним, то должен прийти к нему.^[113] Цезарь, чтобы еще больше раздражать его, потребовал вернуть заложников союзников Рима, не входить на их земли и не приводить больше вспомогательных войск из Германии. Ариовист ответил захватом города Везонтио (Безансон), принадлежавшего секванам. Узнав, что могущественное племя свевов посылает войска Ариовисту, Цезарь решил немедленно выступить против него. Но его солдаты были напуганы тем, что слышали о силе и жестокости германцев, пока он не произнес речь, чтобы их успокоить, в которой заявил, что будет вести войну только с десятым легионом. По желанию Ариовиста была созвана конференция, на которой, однако, ничего не удалось договориться; и пока она продолжалась, Цезарю принесли весть (правдивую или ложную) о том, что германцы напали на римлян: это прервало конференцию; Цезарь отказался возобновлять ее; и в результате сражения Ариовист был разгромлен и вынужден перейти обратно через Рейн.

Затем Цезарь ушел на зиму в Цизальпийскую Галлию под предлогом наведения порядка в провинции, но на самом деле для того, чтобы поддерживать связь с Римом и приобрести там новых друзей. Поскольку он оставил свои войска в стране секванов, бельги, могущественный народ, представлявший собой смесь германцев и галлов и проживавший на северо-востоке Галлии, опасаясь за свою независимость, решили взяться за оружие. Германцы по эту сторону Рейна присоединились к ним, и они вторглись (57) в государства, союзные с римлянами. Цезарь не терял времени и поспешил на помощь своим союзникам; бельги, обнаружив, что эдуи вторглись в их страну, а кроме того, нуждаясь в провианте, вернулись домой; но они были атакованы и разгромлены с большими потерями отрядом

войск Цезаря, а сам он, вторгшись в их страну, взял город Новиодунум (Нуайон) и заставил суссионов (Суассон), белловаков (Бове) и амбианов (Амьен) просить о мире. Затем он вторгся на территорию нервиев (Эно). Этот народ, самый храбрый из бельгов, напал на него внезапно, разгромил его кавалерию и убил всех центурионов двух легионов; лагеря обеих сторон были захвачены, и сам Цезарь некоторое время был окружен со своей охраной на холме; но в конце концов победа досталась римлянам.

БИТВА С НЕРВИАМИ

[57 г. до н. э.]

Вот собственный отчет Цезаря об этой знаменитой битве; рассказчик, как всегда, говорит о себе в третьем лице:

На территории амбианов граничили нервии, о характере и обычаях которых Цезарь, поинтересовавшись, получил следующую информацию: «к ним не имели доступа купцы; что они не допускали ввоз вина и других предметов роскоши, поскольку считали, что их употребление ослабляет ум и подрывает мужество; что они были диким народом и отличались большой храбростью; что они упрекали и осуждали остальных бельгов, которые сдались римлянам; что они открыто заявляли, что не будут ни посылать послов, ни принимать никаких условий мира».

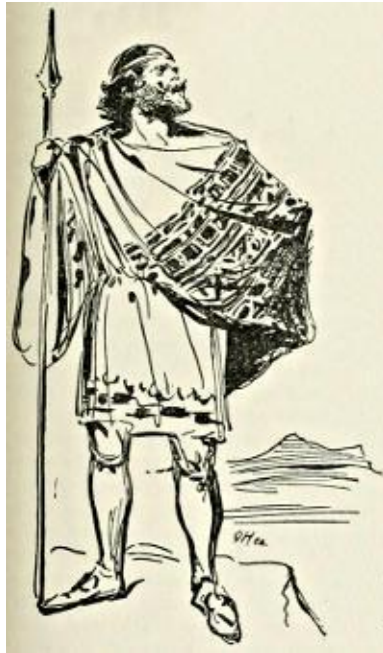
Пройдя три дня по их территориям, он узнал от некоторых пленных, что река Самбра находилась не более чем в десяти милях от его лагеря; что все нервии расположились по другую сторону этой реки и вместе со своими соседями, атребатами и веромандвами, ждали там прибытия римлян, поскольку они убедили оба этих народа испытать ту же удачу в войне (что и они сами); что они также ожидали войска адватуков, которые были в пути; что они поместили своих женщин и тех, кто по возрасту был непригоден для войны, в место, к которому армия не могла подойти из-за болот.

Узнав об этом, он послал вперед разведчиков и центурионов, чтобы выбрать подходящее место для лагеря. А поскольку многие из окружающих бельгов и других галлов, следуя за Цезарем, шли с ним, некоторые из них, как впоследствии стало известно от пленных, внимательно наблюдая в те дни за методом марша армии, ночью отправились к нервиям и сообщили им, что между несколькими легионами проходит большое количество обозов и что, когда первый легион войдет в лагерь, а другие легионы будут находиться на большом расстоянии, не составит труда атаковать этот легион, когда он будет под обозом, и, разгромив его и захватив обоз, другие легионы не осмелятся остаться на своих позициях. Дополнительный вес добавлял совету тех, кто сообщал об этом обстоятельстве, тот факт, что нервии с давних времен, поскольку они были слабы в кавалерии — ведь даже в настоящее время они не уделяют ей внимания, а все, что могут, выполняют пехотой — чтобы легче было препятствовать кавалерии соседей, если те нападали на них с целью грабежа, вырубали молодые деревья и согнув их, с помощью многочисленных ветвей (простирающихся) по бокам и быстрорастущих между ними колючих кустарников и терний, сделали эти изгороди укреплением, подобным стене, через которую было невозможно не только пройти, но даже проникнуть взглядом. Поскольку (следовательно) продвижение нашей армии было бы затруднено этими препятствиями, нервии посчитали, что не следует пренебрегать этим советом.

Место, выбранное нашими людьми для лагеря, было следующим: холм, равномерно спускающийся от вершины, простирался до реки Самбр, о которой мы упоминали выше; от

этой реки поднимался (второй) холм с таким же подъемом, с другой стороны и напротив первого, открытый на протяжении около двухсот шагов в нижней части; но в верхней части он был настолько заросшим лесом, что было трудно проникнуть взглядом внутрь. В этих лесах враг скрывался; несколько отрядов всадников появились на открытой местности вдоль реки.

Цезарь, отправив вперед свою кавалерию, последовал за ними со всеми своими силами; но план и порядок марша отличались от того, о чем бельги сообщили нервиям. Поскольку он приближался к врагу, Цезарь, по своему обыкновению, впереди вел шесть легионов, не обремененных багажом; позади них он разместил обозы всей армии; затем два последних легиона закрывали тыл и охраняли обозы. Наша кавалерия, вместе с пращниками и лучниками, переправившись через реку, вступила в бой с кавалерией врага. В то время как они время от времени укрывались в лесу у своих товарищей и снова нападали из леса на наших людей, которые не смели преследовать их дальше пределов равнины и открытых мест, шесть легионов, прибывших первыми, оценив ситуацию, начали укреплять лагерь. Когда первая часть обоза нашей армии была замечена теми, кто скрывался в лесу, что было согласовано между ними как время начала действия, как только они выстроили боевой порядок и сформировали ряды в лесу, а также ободряли друг друга, они внезапно выскочили со всеми своими силами и напали на нашу конницу. Последние были легко разгромлены и впали в замешательство, а нервии с такой невероятной скоростью побежали к реке, что казалось, будто они почти одновременно оказались в лесу, у реки и рядом с нами. И с той же скоростью они поспешили вверх по холму к нашему лагерю и к тем, кто был занят работами.

Галльский вождь

Цезарь должен был сделать все сразу: выставить знамя, которое было сигналом к тому, что нужно бежать за оружием; дать сигнал трубой; отозвать солдат с работ; созвать тех, кто удалился на некоторое расстояние с целью поиска материалов для вала; сформировать боевой порядок; подбодрить солдат; дать пароль. Большая часть этих приготовлений была сорвана из-за нехватки времени и внезапного приближения и атаки врага. В этих сложных условиях оказались полезными две вещи: во-первых, навыки и опыт солдат, поскольку, будучи обученными в ходе предыдущих сражений, они могли сами предлагать, что следует делать, так же удобно, как и получать информацию от других; и, во-вторых, то, что Цезарь запретил своим нескольким лейтенантам покидать работы и свои легионы до того, как лагерь будет укреплен. Последние, учитывая близость и скорость продвижения врага, не стали ждать приказа от Цезаря, а сами выполнили все, что считали нужным.

Цезарь, отдав необходимые приказы, поспешил туда и сюда, куда бы ни занесла его судьба, чтобы воодушевить войска, и пришел к десятому легиону (). Вдохновив солдат лишь словами о том, что «они должны помнить о своей привычной доблести, не терять самообладания и мужественно выдерживать натиск врага», поскольку последний находился от них не дальше, чем на расстоянии броска дротика, он дал сигнал к началу сражения. И, отправившись в другой квартал с целью подбодрить (солдат), он застал их в бою. Время было так мало, а враг был так решительно настроен на сражение, что не хватало времени не только для того, чтобы прикрепить военные знаки отличия, но даже для того, чтобы надеть шлемы и снять чехлы с щитов. К какой бы части ни попал кто-либо из укреплений (где он был занят) и какие бы знамена он ни увидел первыми, он останавливался у них, чтобы, ища свою роту, не потерять время для сражения.

Армия была выстроена скорее в соответствии с характером местности, уклоном холма и срочностью ситуации, чем в соответствии с методами и порядком военного дела; пока легионы в разных местах сдерживали врага, одни в одной части, другие в другой, а обзор затрудняли очень густые изгороди, как мы уже отмечали, нельзя было ни разместить надлежащие резервы, ни принять необходимые меры в каждой части, ни отдать все приказы одним человеком. Поэтому в такой неблагоприятной ситуации произошли различные события, связанные с удачей.

Солдаты девятого и десятого легионов, которые были размещены в левой части армии, бросив оружие, быстро прогнали атребатов, поскольку эта дивизия противостояла им, которые были бездыханны от бега и усталости и измождены ранами, с возвышенности в реку; и, преследуя их, когда они пытались перейти ее, убили мечами большую часть из них, пока они были задержаны (там). Сами они не колебались перейти реку и, продвинувшись на невыгодное место, когда сражение возобновилось, они (тем не менее) снова обратили в бегство врага, который вернулся и противостоял им. Точно так же в другом месте два разных легиона, одиннадцатый и восьмой, разгромив веромандюев, с которыми они сражались, сражались с возвышенности на самом берегу реки. Но поскольку почти весь лагерь на фронте и с левой стороны был тогда незащищен, так как двенадцатый легион был размещен на правом фланге, а седьмой — недалеко от него, все нервы, в очень плотном строю, с Бодуогнатом, который занимал главнокомандующее положение, в качестве своего вождя, поспешили к этому месту; и часть из них начала окружать легионы с незащищенного фланга, а часть — продвигаться к самой высокой точке лагеря.

В то же время наши всадники и легко вооруженная пехота, которые были с теми, кто, как я уже рассказывал, был разгромлен при первом нападении врага, когда они направлялись в лагерь, встретились с врагом лицом к лицу и снова попытались бежать в другую сторону; а те, кто следовал за лагерем и с Декуманских ворот и с самой высокой вершины холма видел, как наши люди перешли реку победителями, когда, выйдя с целью грабежа, они оглянулись и увидели врага, проходящего по нашему лагерю, поспешно бросились бежать; в то же время раздались крики и вопли тех, кто пришел с обозом; и они (испуганные) разбежались в разные стороны. Все эти обстоятельства сильно встревожили кавалерию тревиров (чья репутация мужества среди галлов необычайна и которые прибыли к Цезарю, будучи посланы своим государством в качестве вспомогательных войск), и, увидев, что наш лагерь заполнен большим количеством врагов, легионы находятся в тяжелом положении и почти окружены, лагерные слуги, всадников, пращников и нумидийцев бежали со всех сторон, разделившись и рассеявшись, они, отчаявшись в нашем деле, поспешили домой и сообщили своему государству, что римляне разгромлены и побеждены, (и) что враг овладел их лагерем и обозом.

Цезарь, ободрив десятый легион, направился к правому флангу, где он увидел, что его люди находятся в тяжелом положении и что в результате того, что знамена двенадцатого легиона были собраны в одном месте, скученные солдаты мешали самим себе в бою; что все центурионы четвертой когорты были убиты, знаменосец убит, само знамя потеряно, почти все центурионы других когорт были ранены или убиты, в том числе и главный центурион легиона. П. Секстий Бакулус, очень храбрый человек, который был настолько измотан множеством тяжелых ран, что уже не мог держаться на ногах, также заметил, что остальные ослабляли свои усилия, а некоторые, покинутые теми, кто был сзади, отступали с поля боя и уклонялись от оружия; что враг (с другой стороны), хотя и наступал с низменности, не ослаблял натиска на фронте и (в то же время) сильно давил на оба фланга; он также понял, что дело дошло до критической точки и что не было никаких резервов, которые можно было бы привлечь; поэтому, схватив щит у одного из солдат в тылу, поскольку сам он пришел без щита, он вышел на передний край линии, обратился к центурионам по имени и, ободряя остальных солдат, приказал им продвинуть знамена и расширить роты, чтобы им было легче использовать свои мечи. По его прибытии солдаты обрели надежду и восстановили мужество, а каждый из них, находясь на глазах у своего полководца, стремился проявить всю свою энергию, в результате чего стремительность врага несколько ослабла.

Цезарь, увидев, что седьмой легион, стоявший рядом с ним, также подвергался сильному давлению со стороны врага, приказал трибунам солдат постепенно соединить легионы и

атаковать врага с двух сторон; когда это было сделано, поскольку они помогали друг другу и не боялись, что их тыл будет окружен врагом, они начали более смело держаться на своих позициях и сражаться более мужественно. Тем временем солдаты двух легионов, которые находились в тылу армии, охраняя обоз, узнав о сражении, ускорили шаг и были замечены врагом на вершине холма; а Тит Лабиен, захватив лагерь врага и наблюдая с возвышенности за тем, что происходило в нашем лагере, послал десятый легион на помощь нашим людям, которые, узнав по бегству всадников и поваров, в каком положении находились дела и в какой большой опасности были лагерь, легион и командир, сделали все возможное, чтобы спасти ситуацию.

С их прибытием ситуация изменилась настолько, что наши люди, даже те, кто упал от изнеможения и ран, опираясь на щиты, возобновили сражение; тогда лагерные слуги, хотя и безоружные, видя, что враг полностью обескуражен, напали на него, как на вооруженного; всадники тоже, чтобы своей доблестью стереть позор своего бегства, бросились вперед легионеров во всех частях сражения. Но враг, даже в последней надежде на спасение, проявил такую отвагу, что когда первые из них падали, следующие вставали на их тела и сражались с ними; когда и они были сражены, и их тела сложились в кучу, выжившие бросали свое оружие в наших людей (оттуда) как с насыпи и отбивали наши дротики, которые не долетали до (армий); поэтому не следует делать вывод, что люди с таким огромным мужеством неосмотрительно решились перейти очень широкую реку, подняться на очень высокие берега и подойти к очень невыгодному месту; ведь их величие духа сделало эти действия легкими, хотя сами по себе они были очень трудными.

[57-56 гг. до н. э.]

Когда эта битва закончилась, а народ и имя нервиев были почти уничтожены, их старики, которых, как мы уже упоминали, вместе с мальчиками и женщинами собрали в болотистых местах и маршах, узнав об этой битве, поскольку были убеждены, что ничто не может помешать победителям и ничто не может спасти побежденных, по согласию всех оставшихся послали послов к Цезарю и сдались ему; рассказывая о бедствии, постигшем их народ, они сказали, что число их сенаторов сократилось с шестисот до трех, а из шестидесяти тысяч мужчин осталось едва пятьсот, способных носить оружие; Цезарь, чтобы проявить сострадание к несчастным и просящим пощады, с величайшей осторожностью пощадил их и приказал им пользоваться своими землями и городами, а их соседям велел сдерживать себя и своих подданных от причинения им вреда или оскорблений.⁴

Адуатики, увидев военные машины, наступающие на их стены, сдались; но вскоре они снова взяли за оружие, и Цезарь захватил и разграбил город, а пятьдесят три тысячи жителей продал в рабство. Легат Цезаря, П. Красс, который (нам не сообщается почему) возглавил легион против венетов (Ваннес) и других соседних народов на побережье океана, теперь прислал весть о том, что они подчинились. Затем легионы были размещены на зиму в странах карнутов (Шартр), андекавов (Анжу) и туронов (Турень), а Цезарь вернулся в Италию. По предложению Цицерона сенат постановил провести пятнадцатидневную молитву в честь этих побед — самую длинную из когда-либо проводившихся.

Зимой П. Красс, который разместился с седьмым легионом в стране андекавов, испытывая нужду в зерне, послал некоторых из своих офицеров за провизией к венетам и соседним народам. Однако венеты задержали послов, чтобы в обмен получить обратно своих заложников, и остальные последовали их примеру. Узнав об этом, Цезарь отдал приказ построить военные корабли на Лигере (Луаре) и велел морякам и лоцманам прибыть туда из провинции, а весной (56 г.) он сам отправился туда, чтобы принять командование.

Венеты были морским народом, их города в основном располагались на мысах, где их было трудно атаковать, и их флот был многочисленным.⁵

ВЕРЦИНГЕТОРИК ПЕРЕД ЦЕЗАРЕМ

МОРСКАЯ БИТВА С ВЕНЕТАМИ

Цезарь, захватив многие из их городов, понял, что столько труда было потрачено напрасно, что бегство врага нельзя было предотвратить, захватив их города, и что им нельзя было нанести ущерб, и решил дожидаться своего флота. Как только он подошел и был впервые замечен врагом, около 220 их кораблей, полностью оснащенных и укомплектованных всеми видами (морского) снаряжения, вышли из гавани и выстроились напротив наших; ни Бруту, командовавшему флотом, ни трибунам солдат и центурионам, которым были поручены отдельные корабли, не было ясно, что делать и какую тактику применять; поскольку они знали, что их носы не могут нанести ущерба, и что, хотя на их палубах были построены башни, высота стволов варварских кораблей превышала их, так что оружие не могло быть брошено с (нашего) более низкого положения с достаточной эффективностью, а оружие, брошенное галлами, падало на нас с большей силой. Одна вещь, предоставленная нашими людьми, оказалась очень полезной, а именно острые крюки, вставленные в шесты и закрепленные на них, по форме напоминающие крюки, используемые при штурме городских стен. Когда веревки, крепившие рей к мачтам, были зацеплены и потянуты, а наше судно энергично продвигалось веслами, они (веревки) были перерезаны; и когда они были перерезаны, рей неизбежно упали; так что, поскольку вся надежда галльских кораблей зависела от их парусов и такелажа, после их перерезания вся управление кораблями было одновременно у них отнято. Остальная часть сражения зависела от мужества, в котором наши люди явно имели преимущество, тем более что все действие происходило на глазах у Цезаря и всей армии, так что ни один поступок, чуть более

доблестный, чем обычно, не мог остаться незамеченным, поскольку все холмы и возвышенности, с которых открывался вид на море, были заняты нашей армией.

Как мы уже сказали, реи (врага) были сбиты, и хотя два, а в некоторых случаях и три корабля (врага) окружали каждый (из наших), солдаты с величайшей энергией пытались взобраться на корабли врага; и, увидев это, варвары, поскольку многие из их кораблей были разбиты и не было никакой надежды на спасение от этой беды, поспешили искать спасения в бегстве. И, повернув свои корабли в ту сторону, откуда дул ветер, они внезапно попали в такую тишину и затишье, что не могли сдвинуться с места, что, по правде говоря, было чрезвычайно благоприятным обстоятельством для завершения дела; поскольку наши люди преследовали их и захватывали одного за другим, так что очень немногие из всего числа (и те) благодаря наступлению ночи достигли суши, после того как сражение длилось почти с четвертого часа до заката.^d

Венеты были вынуждены просить о мире, и, поскольку они задержали только его агентов, Цезарь милосердно согласился казнить весь их сенат и продать людей в рабство — характерное проявление римского милосердия по отношению к побежденным «варварам».

[56-55 гг. до н. э.]

Поскольку морины и менапии с северного побережья (Пикардия) были в союзе с венетами, Цезарь вторгся в их страну, которая была богата лесами и болотами, но приближение влажного сезона вынудило его отступить. Поместив свои войска в зимние квартиры, он отправился заниматься своими делами в Италии. В течение этого лета П. Красс, который был отправлен в Аквитанию для поддержания там порядка, или, скорее, как представляется, для развязывания войны, разгромил народ под названием сотитаты (Sos), заставил их главный город сдаться и нанес поражение большой армии соседних народов и испанцам, которые присоединились к ним. Вскоре после этого он покинул Галлию, чтобы присоединиться к своему отцу в Сирии, взяв с собой тысячу галльских всадников.

Племена германцев под названием узипеты и тенктеры пересекли Рейн и вторглись в страну менапиев. Цезарь, опасаясь, что их присутствие может подтолкнуть галлов к восстанию, поспешил (55) противостоять им. Между ними состоялись переговоры, во время которых отряд из восьмисот германских всадников напал и даже обратил в бегство пять тысяч галльской кавалерии Цезаря, потеряв при этом семьдесят четыре человека; после чего они, по словам Цезаря, имели наглость послать в римский лагерь посольство, в которое входили все их главные вожди, чтобы оправдаться и просить перемирия.^e

РЕЗНЯ ГЕРМАНЦЕВ

[55 г. до н. э.]

После этого сражения Цезарь счел, что не следует принимать послов и соглашаться на условия тех, кто, после того как просил о мире, используя уловки и вероломство, начал войну без всякого повода. Он пришел к выводу, что ждать, пока силы врага укрепятся и вернется его кавалерия, было бы величайшим безумием; зная непостоянство галлов, он понимал, какое влияние враг уже приобрел среди них благодаря этой одной стычке. Поэтому он счел, что не следует давать им времени на согласование мер. Приняв эти решения и сообщив о своих планах своим лейтенантам и квестору, чтобы не упустить ни одной возможности для сражения, он столкнулся с очень своевременным событием: на

следующее утро к нему в лагерь пришло большое количество германцев, состоящее из их князей и старейшин, чтобы совершить то же предательство и лицемерие; но, как они утверждали, с целью оправдаться за то, что накануне вступили в стычку, вопреки тому, что было согласовано и что, по сути, они сами просили; а также, если бы они могли каким-либо образом добиться перемирия, обманув его. Цезарь, радуясь тому, что они попали в его руки, приказал их задержать. Затем он вывел все свои войска из лагеря и приказал кавалерии, поскольку считал, что она была напугана недавней стычкой, следовать сзади.

Римский шлем

Выстроив свою армию в три линии и за короткое время пройдя восемь миль, он прибыл в лагерь врага, прежде чем германцы успели понять, что происходит; которые, внезапно встревоженные всеми обстоятельствами, как скоростью нашего прибытия, так и отсутствием своих офицеров, не имея времени ни для согласования мер, ни для захвата оружия, были в замешательстве, не зная, что лучше: вывести свои войска против врага, защищать свой лагерь или искать спасения в бегстве. Их смятение проявилось в шуме и суматохе, и наши солдаты, возбужденные предательством предыдущего дня, ворвались в лагерь; те из них, кто смог быстро вооружиться, на короткое время противостояли нашим людям и сражались среди своих повозок и обозов; но остальные люди, состоявшие из мальчиков и женщин- (поскольку они покинули свою страну и пересекли Рейн со всеми своими семьями), начали бежать во всех направлениях; в погоню за ними Цезарь послал кавалерию.

Немцы, услышав шум позади себя (они оглянулись и) увидели, что их семьи убивают, бросили оружие и знамена и бежали из лагеря, и когда они добежали до слияния Мааса и Рейна, выжившие, отчаявшись в дальнейшем спасении, поскольку большое количество их соотечественников было убито, бросились в реку и там погибли, побежденные страхом, усталостью и силой течения. Наши солдаты, после тревоги столь великой войны, поскольку число врагов достигало 430 000 [включая женщин и детей], вернулись в свой лагерь, все в полной безопасности, и лишь немногие были ранены. Цезарь дал тем, кого он удерживал в лагере, свободу ухода. Однако они, опасаясь мести и пыток со стороны галлов, чьи земли они опустошили, сказали, что желают остаться с ним. Цезарь дал им разрешение.^d

Решив, что Галлия должна принадлежать только ему, Цезарь счел целесообразным показать германцам, что их страна тоже может быть захвачена. Соответственно, под предлогом помощи убиям, которые поставили себя под защиту Рима против свевов, он перебросил мост через Рейн и, разорив земли сугамбров, которые укрылись в своих лесах,

вошел в страну убиев; затем, услышав, что свевы собрали все свои силы в центре своей территории и ждут там, чтобы дать ему сражение, он вернулся к Рейну, как он сам говорит, выполнив все, что намеревался. Этот поход (как мы можем его назвать) в Германию занял всего восемнадцать дней; и поскольку часть лета еще оставалась, он решил использовать ее для аналогичного вторжения на остров Британия, жители которого, как он утверждает, но неправдиво, были настолько дерзкими, что послали помощь галлам, когда те сражались за свою независимость против него; кроме того, вторжение в неизвестные страны, такие как Германия и Британия, сыграло бы ему на руку в Риме. Соответственно, он приказал переправить корабли из Луары к побережью Моринии (Булонь) и, погрузив на борт два легиона, отплыл в полночь. На следующее утро в девять часов он достиг побережья Британии, но, поскольку утесы (Дувр) были покрыты вооруженными людьми, он бросил якорь и вечером отплыл на восемь миль дальше (Дил), где осуществил высадку, несмотря на энергичное сопротивление местных жителей. Британцы вскоре послали просить о мире и уже дали часть требуемых заложников, когда весенний прилив сильно повредил римский флот, и они решили снова испытать судьбу войны.⁶

РИМСКАЯ АРМИЯ ВСТРЕЧАЕТ БРИТАНЦЕВ

Узнав об этом, вожди Британии, которые прибыли после сражения, чтобы выполнить условия, выдвинутые Цезарем, провели совещание, на котором они поняли, что римлянам не хватает кавалерии, кораблей и зерна, и обнаружили небольшое количество наших солдат по небольшому размеру лагеря (который, к тому же, был более ограниченным, чем обычно, потому что Цезарь переправил свои легионы без багажа), и решили, что лучший план — возобновить войну, отрезать наших людей от зерна и провианта и затянуть дело до зимы; потому что они были уверены, что, если они будут побеждены или лишены возможности вернуться, никто больше не переправится в Британию с целью ведения войны. Поэтому, вновь вступив в заговор, они начали постепенно покидать лагерь и тайно приводить своих людей из сельских районов.

Но Цезарь, хотя он еще не раскрыл их планы, тем не менее, как по тому, что произошло с его кораблями, так и по тому, что они не выполнили обещание предоставить заложников, подозревал, что произойдет то, что и произошло на самом деле. Поэтому он принял меры на всякий случай: ежедневно доставлял зерно из сельской местности в лагерь, использовал дерево и медь с наиболее поврежденных кораблей для ремонта остальных и приказал привезти ему с материка все необходимое для этой цели. И так, поскольку это дело выполнялось солдатами с большой энергией, он добился того, что после потери двенадцати кораблей остальные могли достаточно хорошо выполнять свою задачу.

Пока все это происходило, один легион был отправлен на поиски продовольствия, как это было принято, и пока не было никаких подозрений о войне, и некоторые люди оставались в сельской местности, а другие ходили туда и обратно в лагерь, те, кто дежурил у ворот лагеря, доложили Цезарю, что в том направлении, куда ушел легион, видна большая пыль, чем обычно. Цезарь, подозревая, что на самом деле варвары предприняли какое-то новое предприятие, приказал двум когорте, которые несли службу, отправиться с ним в тот район, а двум другим когортам заменить их на службе; остальные должны были вооружиться и немедленно последовать за ним. Когда он продвинулся на некоторое расстояние от лагеря, он увидел, что его люди были побеждены врагом и едва могли удержать свои позиции, а легион, сгрудившись вместе, подвергался обстрелу оружием со всех сторон. Поскольку все зерно было убрано во всех частях, за исключением одной, враг, подозревая, что наши люди устремятся туда, скрылся в лесу ночью.

Затем, внезапно напав на них, когда они были разбросаны, отложили оружие и занялись жатвой, они убили небольшое количество, остальных ввергли в замешательство и окружили их своей кавалерией и колесницами.

Их способ ведения боя с помощью колесниц таков: сначала они ездят во всех направлениях, бросают оружие и, как правило, разбивают ряды врага одним только страхом перед своими лошадьми и шумом колес; а когда они пробираются между отрядами всадников, прыгают с колесниц и вступают в бой пешком. Тем временем колесничие отступают на некоторое расстояние от поля сражения и располагаются со своими колесницами так, чтобы в случае, если их хозяева будут побеждены превосходящими силами врага, они могли быстро отступить к своим войскам. Таким образом, они демонстрируют в бою скорость лошадей (вместе с) стойкостью пехоты; и благодаря ежедневным тренировкам и упражнениям достигают такого мастерства, что привыкли даже на склонах и крутых местах останавливать своих лошадей на полной скорости, управлять ими и поворачивать их в мгновение ока, бежать вдоль шеста, вставать на ярмо и оттуда с величайшей быстротой возвращаться на свои колесницы.

В этих обстоятельствах, когда наши люди были потрясены новизной этого способа ведения боя, Цезарь очень своевременно пришел на помощь; ибо по его прибытии враг приостановился, а наши люди оправились от страха; после чего, полагая, что время неблагоприятно для провокации врага и вступления в бой, он остался в своем квартале и, пробыв там недолго, отвёл легионы в лагерь. Пока все это происходило и все наши люди были заняты, остальные бритты, находившиеся в полях, ушли. Затем несколько дней подряд шли ливни, которые удерживали наших людей в лагере и мешали врагу атаковать нас. Тем временем варвары разослали послов во все стороны и сообщили своему народу о небольшом числе наших солдат и о том, какая прекрасная возможность представилась им для добычи и освобождения навсегда, если только они изгонят римлян из лагеря. Таким образом, быстро собрав большие силы пехоты и кавалерии, они подошли к лагерю.

[55-54 гг. до н. э.]

Хотя Цезарь предполагал, что произойдет то же, что и в предыдущих случаях, — что, если враг будет разгромлен, он спасется от опасности благодаря своей скорости, — тем не менее, имея около тридцати всадников, которых Коммий Атребатский [которого Цезарь сделал вождем] привел с собой из Галлии, он выстроил легионы в боевом порядке перед лагерем. Когда началось сражение, враг не смог долго выдержать натиск наших воинов и повернул в бегство; наши воины преследовали их, насколько позволяли их скорость и силы, и убили большое количество из них; затем, уничтожив и сожги все вокруг, они отступили в свой лагерь.

В тот же день к Цезарю прибыли посланники врага, чтобы договориться о мире. Цезарь удвоил число заложников, которое он требовал ранее, и приказал переправить их на материк, поскольку приближалось равноденствие, и он считал, что, поскольку его корабли не были в исправном состоянии, плавание не следует откладывать до зимы. Воспользовавшись благоприятной погодой, он отплыл чуть после полуночи, и весь его флот благополучно прибыл на континент, за исключением двух грузовых кораблей, которые не смогли достичь того же порта, что и остальные корабли, и были унесены немного ниже по течению.

Когда наши солдаты, числом около трехсот, были выведены с этих двух кораблей и шли в лагерь, морины, которых Цезарь, отправляясь в Британию, оставил в состоянии мира,

возбужденные надеждой на добычу, сначала окружили их небольшим числом людей и приказали им сложить оружие, если они не хотят быть убитыми; однако впоследствии, когда они, образовав круг, встали на защиту, раздался крик, и вскоре собралось около шести тысяч врагов; когда об этом доложили Цезарю, он послал всю кавалерию из лагеря на помощь своим людям. Тем временем наши солдаты выдержали нападение врага и более четырех часов сражались с величайшей отвагой, получив лишь несколько ранений и убив нескольких из них. Но когда появилась наша кавалерия, враги, бросив оружие, повернули спины, и многие из них были убиты.

На следующий день Цезарь послал своего легионера Лабиена с легионами, которые он привел из Британии, против восставших моринов, которые, не имея места, куда можно было бы отступить, из-за высыхания болот (которые они использовали в качестве убежища в предыдущем году), почти все попали в руки Лабиена. Тем временем легионеры Цезаря, К. Титуриус и Л. Котта, которые привели легионы на территории менапиев, опустошив все их земли, срубив их урожай и сожгли их дома, вернулись к Цезарю, потому что менапии все скрылись в своих густых лесах. Цезарь определил зимние квартиры для всех легионов среди белгов. Туда только два британских государства послали заложников; остальные этого не сделали. За эти успехи сенат, получив письмо Цезаря, объявил двадцатидневную благодарственную церемонию.^d

Поскольку только два британских государства прислали заложников, Цезарь решил использовать это как повод для второго вторжения на их остров. Поэтому, когда он, как обычно, отправлялся в Италию, он поручил своим легатам отремонтировать старые корабли и построить новые; и по возвращении летом (54 г.) он обнаружил, что флот из двадцати восьми длинных кораблей и шестисот транспортных судов готов. Он высадился с пятью легионами и двумя тысячами галльских всадников и высадился в том же месте, что и раньше. Британцы отступили в горы, и Цезарь, оставив часть войск для охраны лагеря, двинулся в их погоню. Он обнаружил их расположившихся на берегу реки (Стур) примерно в двенадцати милях от побережья. Он атаковал их и прогнал, но на следующий день, когда он готовился продвинуться вглубь страны, его отозвали на побережье известия о повреждениях, которые его флот получил от ночной бури. Дав необходимые указания, он возобновил преследование бриттов, которые, отбросив свои ревности, передали верховное командование Кассивелауну, царю тринобантов (Эссекс и Мидлсекс); но римская кавалерия нанесла им столь страшный удар, когда они напали на продовольственную службу, что они рассеялись, и большинство из них ушло по домам. Затем Цезарь продвинулся вперед, форсировал Темзу, вторгся в королевство Кассивелауна и захватил его главный город. Приняв подчинение и заложников от различных государств и установив дань, которую они должны были платить (но никогда не платили), он вернулся в Галлию, где, поскольку уже была поздняя осень, разместил свои войска в зимних квартирах. Однако галлы, не понимая права Рима и Цезаря на господство над ними, решили напасть на несколько римских лагерей и таким образом освободить свою страну. Восьмой легион и пять когорт, расквартированные в стране эбуронов (Льеж), были избиты этим народом под предводительством их князя Амбиорикса; лагерь легата К. Цицерона был атакован ими и нервиями и спасся только благодаря прибытию лично Цезаря, который нанес галлам полное поражение. Страна теперь стала достаточно спокойной, но Цезарь, зная, что весной ему предстоит война, сформировал в Италии три новых легиона и убедил Помпея одолжить ему один из только что сформированных им легионов.

Самым примечательным событием следующего года (53 г.) стало второе пересечение Цезарем Рейна с целью наказать германцев за помощь, оказанную их угнетенным соседям. Он построил мост через Рейн немного выше по течению, чем предыдущий, и двинулся на сев, но, узнав, что те собрали все свои силы на опушке леса и ждут его там, счел целесообразным отступить, опасаясь, как он сам говорит, нехватки зерна в стране, где было так мало возделанных земель, как в Германии. Разрушив мост на германской стороне и оставив несколько когорт для охраны того, что осталось, он затем приступил к истреблению эбурунов, по его словам, из-за их вероломства. Он преследовал их повсюду, сжигал их города и деревни, уничтожал или разрушал все их зерно, а затем покинул их страну с приятной уверенностью, что те, кто уцелел от меча, погибли от голода. Затем, казнив принца сенонов по имени *Морема*, и таким образом, как он сам выражается, умиротворив Галлию, он отправился в Италию, чтобы позаботиться о своих интересах там.

В следующем году (52) произошло всеобщее восстание почти всей Галлии против римского господства. Главным командующим был назначен Верцингеторикс, принц арвернов (Овернь), молодой человек, обладавший большим талантом и доблестью.^[114] Цезарь немедленно покинул Италию и, перейдя гору Кебenna (Севенны), хотя на ней лежал снег глубиной шесть футов, во главе своих неопытных рекрутов вторгся и опустошил страну арвернов, которые послали за Верцингеториксом, чтобы он пришел им на помощь. Затем, оставив командование М. Бруту, Цезарь ушел и, возглавив свою кавалерию, поспешил в страну лингонов (Лангр), где собрал свои легионы. Верцингеторикс осадил Герговию, столицу боев: Цезарь поспешил на помощь; по пути он захватил города Веллаундунум (Бон) и Генабум (Орлеан), переправился через Луару () и осадил Новиодунум (Нуан) на территории битуригов (Берри), а после его капитуляции двинулся на Аварикум (Бурж), столицу этой страны и один из самых прекрасных городов Галлии. Верцингеторикс, сняв осаду с Герговии, созвал совет, на котором предложил, как самый верный способ причинить страдания римлянам, уничтожить все города и деревни в стране. Этот совет был одобрен, и более двадцати городов были разрушены, но по настоятельной просьбе битуригов Аварикум был исключен из списка. В этот город был введен гарнизон, а галльская армия разбила лагерь на умеренном расстоянии от него, чтобы помешать осаждающим. Тем не менее, после отважной обороны город был взят; римляне не пощадили ни мужчин, ни женщин, ни детей, и из сорока тысяч жителей спаслись только восемьсот. Затем Цезарь приготовился осадить город арвернов, также называвшийся Герговия, но, хотя он и разгромил галльские войска, ему пришлось отказаться от своего замысла из-за восстания эдуев. Спустя некоторое время Верцингеторикс, напав на Цезаря во время его похода и потерпев поражение, укрылся в Алезии (Ализе), крепком городе в современной Бургундии, построенном на холме у слияния двух рек. Галлы собрали большую армию и пришли на помощь, но их войска были разгромлены, и город был вынужден сдаться. Верцингеторикс был оставлен в живых, чтобы украсить триумф завоевателя, которому в Риме было объявлено двадцатидневное торжество.

[52-50 гг. до н. э.]

В следующей кампании (51 г.) Цезарь и его легаты подчинили себе те государства, которые все еще сохраняли свою независимость. Поскольку жители Укселлодунума (в Керчи) упорно сопротивлялись, Цезарь (чья мягкость, как мы уверены, была настолько известна, что никто не мог обвинить его в жестокости), чтобы удержать остальных галлов от восстания и сопротивления, отрезал руки всем мужчинам, а затем отпустил их, чтобы все могли их увидеть. В следующем году (50 г.), когда вся Галлия была приведена к миру, он упорядочил ее дела, установив ежегодную дань, и, таким образом установив свое господство над ней, приготовился навязать свое иго своей собственной стране.

Военный талант, проявленный Цезарем при завоевании Галлии, не подлежит сомнению, и одного этого достаточно, чтобы поставить его в первый ряд полководцев. Нам говорят, что он взял или получил в подчинение восемьсот городов, покорил триста народов, разгромил в сражении три миллиона человек, из которых один миллион был убит, а другой — взят в плен и продан в рабство.^с

СНОСКИ

[105] Цицерон (ad Att. ii. 16) резко осуждал эту меру. Однако он ожидал, что, поскольку земля даст только 6000 участков, народ будет недоволен.

[106] Потому что гром и т. п. могли бы привести к отмене собрания, и таким образом плохие меры, а также хорошие, часто останавливались.

[107] В 56 году Митридат Парфянский, преемник Фраата, объявил войну царю Армении Артавасдесу, сыну Тиграна и клиенту Рима. Тогда Габиний, способный и энергичный правитель Сирии, повел легионы через Евфрат. Тем временем Митридат был свергнут в Парфии, и на трон вступил его брат Ород. Митридат теперь объединился с Римом и отправился в лагерь Габиния. Последнему было приказано восстановить египетского царя, но перед отправкой в Александрию он убедил Митридата начать войну].

[108] Столицей Парфии был Ктесифон, пригородом которого была Селевкия, построенная на противоположном берегу Тигра.

[109] [Суренас был лицом, занимавшим второе место после царя среди парфян и персов.]

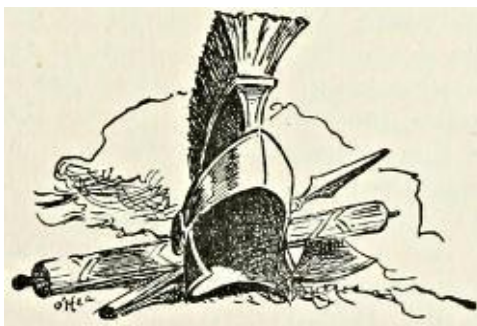
[110] Одним из трибунов в этом году был историк Саллюстий. Некоторое время назад Милон застал его в прелюбодеянии со своей женой Фаустой, избил его палками и заставил заплатить сумму денег, и теперь он отомстил ему.

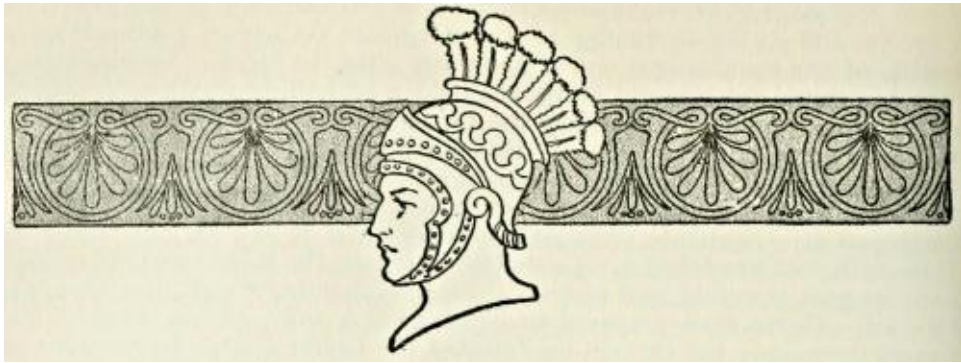
[111] Помпей был теперь женат на дочери Сципиона Корнелии, вдове младшего Красса, молодой даме, обладавшей высочайшими умственными способностями, большой красотой и добродетелью.

[112] [Как говорит Флор ^с]: «Когда Азия была покорена усилиями Помпея, Фортуна возложила на Цезаря то, что оставалось сделать в Европе».]

[113] [И как велика была гордость Ариовиста! Когда наши послы сказали ему: «Приди к Цезарю», он ответил: «А кто такой Цезарь? Пусть он сам придет ко мне, если хочет. Какое ему дело до того, что делает наша Германия? Разве я вмешиваюсь в дела римлян?»] Вследствие этого ответа страх перед неизвестным народом в римском лагере был настолько велик, что завешания составлялись публично даже в *принципии*. Но чем больше были войска противника, тем больше они были подвержены ударам мечей и другого оружия. Энтузиазм римских солдат в сражении лучше всего иллюстрирует тот факт, что когда варвары подняли щиты над головой, защищаясь тестудо, римляне прыгнули на их щиты, а затем нанесли им удары мечами по горлу.^с]

[114] [Флор^с называет его «тем принцем, столь грозным своим ростом, воинским мастерством и мужеством; само его имя, Верцингеторикс, по-видимому, было призвано вселять ужас».]

ГЛАВА XXIII. ЦЕЗАРЬ ВОЙНУЕТ С ПОМПЕИЕМ

[133-60 гг. до н. э.]

В этом месте римский историк Флор оглядывается назад на историю своего народа. Выражая точку зрения первого века империи, он демонстрирует недюжинную проницательность, и его слова заслуживают цитирования.

«Это, — говорит он, — третий век римского народа, если говорить о его завоеваниях за морем; век, в котором, однажды выйдя за пределы Италии, они пронесли свои оружия по всему миру. Первые сто лет этого века были чистыми и благочестивыми, и я назвал их «золотыми»; они были свободны от пороков и безнравственности, поскольку еще сохранялась искренняя и безвредная целостность пастушеской жизни, а постоянный страх перед карфагенским врагом поддерживал древнюю дисциплину.^[115]

Следующие сто лет, считая от падения Карфагена, Коринфа и Нуманции, и от наследия, завещанного нам царем Атталом в Азии, до времен Цезаря и Помпея, а также Августа, который пришел им на смену и о котором мы поговорим ниже, были столь же прискорбны и позорны из-за внутренних бедствий, сколь и почетны из-за блеска военных подвигов, которые их отличали. Ибо, как было славно и похвально завоевать богатые и могущественные провинции Галлии, Фракии, Киликии и Каппадокии, а также провинции Армении и Британии, так же постыдно и прискорбно было сражаться на своей земле с собственными гражданами, союзниками, рабами и гладиаторами.

«Я не знаю, было ли бы лучше для римлян довольствоваться Сицилией и Африкой или даже остаться без них, по-прежнему наслаждаясь господством над Италией, чем достичь такого величия, которое привело к их гибели от собственной силы. Ибо что еще, кроме чрезмерной удачи, вызвало эти внутренние беспорядки? Сначала нас развратило завоевание Сирии, а затем — наследование в Азии имущества царя Пергама. Такое богатство и изобилие разрушили нравы того времени и погубили республику, которая погрязла в своих пороках, как в общей сточной канаве. Ибо как могло случиться, что римский народ требовал от трибунов земли и средств к существованию, если не из-за нехватки, которую они сами же и вызвали своей роскошью? Отсюда возникли первое и второе восстание Гракхов, а также третье, восстание Апулея Сатурнина. По какой причине всаднический сословие, отделившись от сената, стало господствовать в силу судебных законов (), если не из-за алчности, чтобы доходы государства и судебные разбирательства стали средством для

получения прибыли? Отсюда же произошло то, что латинянам было обещано гражданство, и отсюда же были подняты против нас оружия наших союзников. А что сказать о войнах с рабами? Как они на нас обрушились, как не из-за чрезмерного числа рабов? Откуда взялись такие армии гладиаторов против своих хозяев, как не из того, что чрезмерная щедрость, давая зрелища, чтобы завоевать благосклонность народа, сделала искусством то, что когда-то было лишь наказанием врагов? А если коснуться более очевидных пороков, разве стремление к почестям не возникло из того же избытка богатства? Отсюда же произошли и злодеяния Мария, и злодеяния Суллы. Не были ли и расточительная роскошь банкетов и щедрые подарки следствием богатства, которое со временем неизбежно приводит к нужде? Это также подтолкнуло Катилину к восстанию против своей страны. Наконец, откуда взялось это ненасытное стремление к власти и господству, как не из переизбытка богатства? Именно это вооружило Цезаря и Помпея смертоносным оружием для разрушения государства».

ВОЙНА МЕЖДУ ЦЕЗАРЕМ И ПОМПЕИЕМ

«Почти весь мир был теперь покорен, — продолжает Флор, — и Римская империя стала слишком велика, чтобы быть свергнутой какой-либо иностранной державой. В результате судьба, завидуя господствующему народу земли, вооружила его для его же собственного уничтожения. Беспорядки, устроенные Марием и Цинной, уже стали своего рода прелюдией к этому внутри города. Буря Суллы прогремела еще дальше, но все же в пределах Италии. Ярость Цезаря и Помпея, как всеобщий потоп или пожар, охватила город, Италию, другие страны и народы и, наконец, всю империю, где бы она ни простиралась; так что ее нельзя правильно назвать гражданской войной или войной с союзниками; ее нельзя также назвать внешней войной; скорее это была война, состоящая из всех этих элементов, или даже нечто большее, чем война. Если мы посмотрим на лидеров в ней, то все сенаторы были на той или иной стороне; если мы рассмотрим армии, то на одной стороне было одиннадцать легионов, а на другой — восемнадцать; вся элита и сила мужского населения Италии. Если мы рассмотрим вспомогательные силы союзников, то на одной стороне были наемники из Галлии и Германии, а на другой — Деотар, Ариобарзан, Эфес (), Таркондимот (Tarcondimotus), Котис (Cotys) и все войска Фракии, Каппадокии, Киликии, Македонии, Греции, Этолии и всего Востока; если мы рассмотрим продолжительность войны, то она длилась четыре года, что является коротким сроком по сравнению с разрушениями, причиненными ею; если мы обратим внимание на пространство и территорию, на которой она велась, то она началась в Италии, откуда распространилась на Галлию и Испанию, а вернувшись с Запада, сосредоточилась со всей своей силой на Эпире и Фессалии; оттуда она внезапно перешла в Египет, затем повернула в сторону Азии, затем обрушилась на Африку и, наконец, вернулась в Испанию, где и закончилась. Но вражда между сторонами не закончилась с окончанием войны и не утихла, пока ненависть побежденных не удовлетворилась убийством победителя в центре города и сената.

«Причина этого бедствия была такой же, как и у всех других: чрезмерная удача. Ибо во время консульства Квинта Метелла и Луция Афрания, когда величие Рима господствовало во всем мире, а сам Рим праздновал в театрах Помпея свои недавние победы и триумфы над Понтом и Арменией, чрезмерная власть Помпея, как это обычно бывает в подобных случаях, вызвала у праздных граждан чувство зависти к нему (). Метелл, недовольный уменьшением своего триумфа над Критом, Катон, всегда враждебный к тем, кто был у власти, клеветал на Помпея и поднял шум против его действий. Недовольство таким поведением подтолкнуло Помпея к жестким мерам и побудило его обеспечить некоторую поддержку своей власти. Красс в то время отличался семьей, богатством и честью, но стремился к еще большей

власти. Гай Цезарь прославился своей красноречивостью и энергией, а также своим продвижением до консула. Однако Помпей превосходил их обоих. Поэтому Цезарь, стремясь к славе, Красс, желая увеличить то, что он уже имел, и Помпей, стремящийся к еще большему, и все они, одинаково жаждущие власти, легко заключили союз, чтобы захватить власть. Соответственно, объединив свои силы для достижения личных целей, Цезарь захватил провинцию Галлию, Красс — Азию, Помпей — Испанию; у них было три огромных армии, и таким образом империя мира теперь принадлежала этим трем ведущим деятелям. Их правление продлилось десять лет, и по истечении этого срока (поскольку ранее они сдерживались страхом друг перед другом) между Цезарем и Помпеем разгорелась *rivalry*, вызванная смертью Красса среди парфян и смертью Юлии, которая, будучи замужем за Помпеем, поддерживала хорошие отношения между зятем и тестем благодаря этой брачной связи. Но теперь власть Цезаря вызывала зависть у Помпея, а превосходство Помпея было неприятно Цезарю. Один не мог терпеть равного, а другой — превосходящего. К сожалению, они боролись за господство, как будто ресурсов такой великой империи не хватало бы для двоих».²

[60-50 гг. до н. э.]

Для Цезаря было особенно удачно, что завоевание Галлии было завершено до того, как его враги в Риме объединились против него, и что Верцингеторикс был побежден до того, как Помпей поднял против него оружие. Встреча в Лукке и принятые на ней решения вновь дали Помпею огромную власть.

В Лукке Цезарю было обещано консульство на 48 год. Достигнув этой цели и опираясь на свою победоносную армию, престиж своих деяний и превосходный интеллект, он мог бы легко превзойти Помпея, который не был государственным деятелем. Цезарь организовал бы народную партию и в той или иной форме завершил бы дело демократической монархии, начатое Гракхом и провалившееся в неумелых руках Мария; это достижение было бы для него еще более славным, если бы оно было осуществлено без помощи военной силы.

Но самые ярые сторонники Помпея теперь заняли жесткую позицию. Они отказались соглашаться на любой компромисс или договор, который представлял опасность для республики, и в начале 51 года бросили вызов Цезарю. М. Клавдий предложил 1 марта 49 года отправить вновь назначенных консулов в две вице-регентства Цезаря в Цизальпийской и Трансальпийской Галлии. Партия также потребовала от Цезаря расформировать его армию и утверждала, что предоставление им гражданских прав колониям, которые он основал, было незаконным. Житель Новум Комум, города, которому Цезарь предоставил латинские привилегии, был избит палками.

Сторонники Цезаря показали неразумность этих взглядов и действий, сославшись на позицию Помпея, а Помпей откладывал принятие каких-либо мер или заявление о своих намерениях. Дебаты по вопросу о выдвижении кандидатов были назначены на 1 марта 50 года. Союз между Помпеем и аристократами становился все более тесным, а потерянное ими время играло на руку Цезарю.

[50-49 гг. до н. э.]

Тем временем он подавил восстание Верцингеторига, и Галлия начала успокаиваться. Чтобы продемонстрировать свое стремление к миру, Цезарь выполнил приказ сената распустить две легионы: одну, которую он несколько лет назад одолжил у Помпея, а другую, которую он сам набрал. Перед тем как распустить их, он вознаграждал обе. Однако правительство не сдержало обещание отправить их на Евфрат, а оставило в Кампании на случай возникновения чрезвычайной ситуации поблизости. Цезарь также укреплял свои позиции в Риме, где на него работали умные агенты, и одержал важную победу благодаря Куриону, плебейскому трибуну, распутному, но талантливому и находчивому человеку, которого он переманил на свою сторону, оплатив его долги.^[116] Этот союзник утверждал, что то, что полагалось Цезарю, полагалось и Помпею, и угрожал наложить вето на все односторонние действия против Цезаря.

Аристократы колебались, а тем временем Цезарь прибыл без своей армии в Равенну, самую южную точку своей провинции. Тогда Курион сформулировал свою меру, согласно которой Цезарь и Помпей должны были одновременно сложить с себя полномочия в своих провинциях и таким образом успокоить опасения римского народа. План был очень хорошо продуман и, как показали события, очень умно организован. Меры были вынесены на голосование в сенате и, к удивлению всех присутствующих, 370 сенаторов проголосовали за, а 20 — против. Таким образом, казалось, что в сенате было только 20 человек, на которых

Помпей мог безоговорочно полагаться . «Тогда возьмите Цезаря своим вождем!» — воскликнул в ярости консул Марцелл, закрывая заседание.

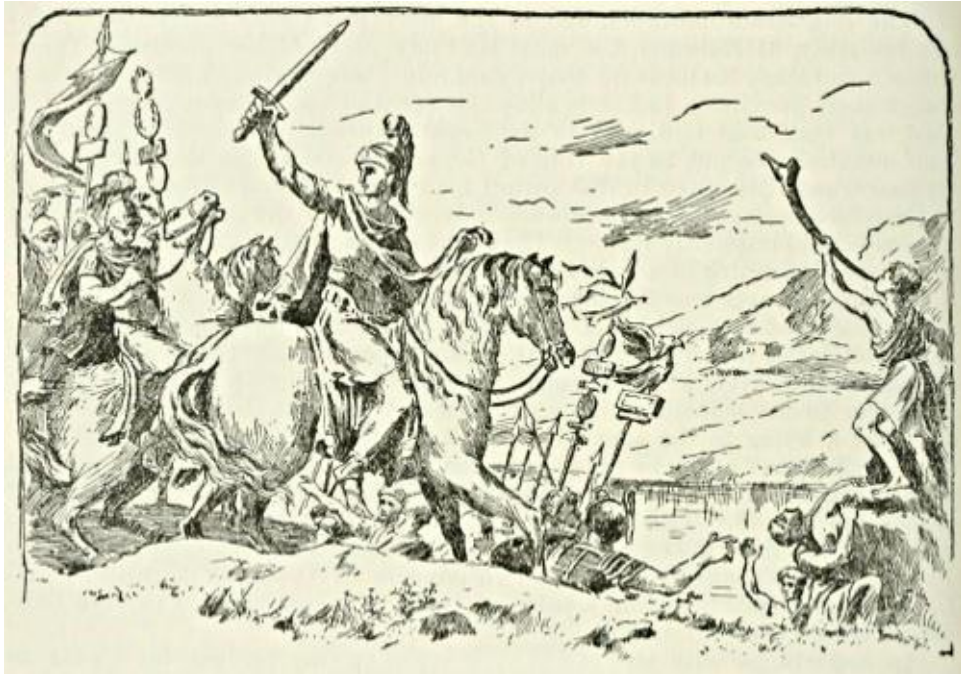
Партия Помпея оказалась в очень затруднительном положении, а Цезарь (вероятно, дорогой ценой) достиг того, чего хотел. Он заставил своих противников выступить в качестве мятежников. Помпей начал набирать войска без необходимого разрешения, а Цезарь, который находился с легионом в Равенне, приказал своим собравшимся войскам немедленно распуститься. Он также направил письмо в сенат, в котором предлагал сложить с себя должность правителя Цизальпийской Галлии и сократить свои десять легионов до двух, если ему будет позволено сохранить их и должность правителя Цизальпийской Галлии до выборов консула на 48 год. Этот документ был доставлен в сенат Курионом. Трибуны Марк Антоний и К. Кассий настояли на том, чтобы его зачитали вслух. Заседание было бурным, и два консула, К. Клавдий Марцелл и Л. Корнелий Лентул, настояли на том, чтобы Цезарь предстал перед судом как частное лицо.

В соответствии с их мнением, было принято постановление о том, что Цезарь должен сложить с себя полномочия губернатора и распустить свою армию в течение установленного срока; невыполнение этого постановления считалось государственной изменой. В этом случае его преемником был назначен Л. Домиций. Это предложение было принято 1 января 49 года, но трибуны наложили на него вето, и в городе, куда Помпей привел две легионы, царило большое волнение. При такой поддержке испуганный сенат, изгнав из курии несогласных трибунов, издал указ, который означал объявление войны. Сенат торжественно призвал лидеров, чиновников, поддерживаемых военными силами в городе и его окрестностях, следить за безопасностью находящегося в опасности государства. Трибуны вновь наложили вето, но, угрожаемые солдатами Помпея, против которых они были бессильны, они бежали из Рима и укрылись в штабе Цезаря. Был сделан решающий шаг, мечи были обнажены. Цезарь все еще оставался со своим единственным легионом в Равенне, когда трибуны прибыли в качестве беженцев. Он уже тщательно взвесил дело и разработал четкий план действий. У него была своя армия, которая служила ему в течение десяти лет в опасности и в победах. Он знал каждую когорту, почти каждого солдата в своем подчинении; и каждый из них был предан генералу, который делил с ними опасности и честь и никогда не бросал их в беде. Кроме того, у него были транспадийцы, или романизированные галлы из района По, которым он по своей власти предоставил полные гражданские права; однако на этом его ресурсы заканчивались.

ЦЕЗАРЬ ПЕРЕСЕКАЕТ РУБИКОН

[49 г. до н. э.]

С другой стороны, все остальные силы Рима, легионы в Испании, государственная казна, флот, дань из владений, контингенты и деньги всего Востока, а также уважаемое имя республики были в распоряжении Помпея, который не без оснований хвастался, что ему достаточно только стукнуть ногой по земле, чтобы появились армии. Возможно, очарование старой славы Помпея превосходило привлекательность более свежих побед Цезаря. Но Цезарь не колебался. По другую сторону небольшой реки Рубикон, отделявшей провинцию Цизальпийскую от Италии, лежала его родная земля и гражданская война, которая могла закончиться только его поражением или полной победой.^b

ЦЕЗАРЬ ПЕРЕСЕКАЕТ РУБИКОН

«Цезарь послал людей, чтобы привести его армию, — говорит Аппиан, — но, привыкший добиваться успеха скорее благодаря усердию, внушающему страх и смелости, чем каким-либо мощным приготовлениям, он решил начать эту великую войну с пятью тысячами человек и захватить некоторые удобные для него места в Италии. Сначала он послал в Аримину нескольких центурионов и солдат, которые должны были войти в город как пассажиры, а затем внезапно захватить этот город (первый, который представился на пути из Галлии); а сам вечером, выйдя, как будто почувствовав себя плохо после пира, оставил своих друзей и, сев в колесницу, поехал в том же направлении, а его кавалерия следовала за ним на расстоянии. Когда он подошел к берегам Рубикона, он остановился на некоторое время, глядя на воду и думая о бедствиях, которые он собирался вызвать, если перейдет эту реку с оружием.

Наконец, обратившись к своим спутникам, он сказал: «Друзья мои, если я не перейду эту реку немедленно, это будет для меня началом всех бедствий; а если я перейду ее, я сделаю несчастными множество людей»; и при этом, как будто подталкиваемый какой-то божественной силой, он въехал в поток и, пересекая его, громко воскликнул: «Жребий брошен!» После чего он быстро продолжил свой путь и к рассвету захватил Ариминум, а затем в мгновение ока разместил гарнизоны во всех важных местах этой страны, которую он подчинил себе силой или благосклонностью.

Между тем, как это бывает в таких неожиданных тревожных ситуациях, вся страна была заполнена бегущими людьми, крестьяне покидали свои жилища, и не было слышно ничего, кроме криков, стенаний и стонов, но никто не знал, откуда пришло это беспорядки, и все думали, что Цезарь наступает на них со всеми своими силами. Консулы, получив эту весть, не дали Помпею, который прекрасно разбирался в войне, времени подготовиться и действовать в своем темпе; они начали давить на него, чтобы он покинул город и собрал войска в Италии, как будто Рим находился в непосредственной опасности быть захваченным и разграбленным. Сенат, удивленный столь неожиданным вторжением, был напуган и начал сожалеть, что не принял разумные условия, предложенные Цезарем; но это произошло только после того, как страх открыл им глаза и вернул их от пристрастности к разуму; ведь теперь люди говорили о множестве чудес и необычных знамений, которые

появились на небе, что во многих местах шел дождь из крови, что в других местах статуи богов потели кровью (), что многие храмы были поражены молниями, что мул произвел потомство, помимо бесконечного множества других вещей, которые, казалось, предвещали изменение нынешнего положения и гибель республики, так что она никогда не будет восстановлена; поэтому они приносили обеты и молитвы, как в общественном смятении. А народ, вновь вспомнив о бедствиях, которые он перенес из-за распрей Суллы и Мария, воскликнул, что следует лишить власти как Цезаря, так и Помпея, поскольку это было единственным средством предотвратить войну. Сам Цицерон был того мнения, что к Цезарю следует послать депутатов для переговоров о примирении, но консулы категорически воспротивились этому.

«Фавоний, подшучивая над Помпеем из-за слова, которое тот однажды произнес со слишком большой *aggravancia*, велел ему топнуть ногой по земле и посмотреть, не поднимутся ли вооруженные люди. На что Помпей ответил: «Тебе не нужно никого, так что ты последуешь за мной и не будешь беспокоиться о том, чтобы покинуть город и саму Италию, если возникнет такая необходимость; ведь мужественные люди, — сказал он, — не связывают свободу с владением землями и домами; они не могут нуждаться ни в одном месте, куда бы они ни пришли; и если они не утратят мужество, то скоро восстановят свои дома и земли».

Сказав это и заявив, что будет считать врагом того, кто из страха потерять то, что имеет, покинет республику в момент крайней опасности, он вышел из дворца, а вскоре и из города, чтобы присоединиться к армии, находившейся в Капуе. Консулы последовали за ним сразу, но другие сенаторы еще немного поразмыслили и провели всю ночь во дворце, не приняв никакого решения; наконец, как только рассвело, большая часть из них последовала за Помпеем. Тем временем Цезарь, достигнув Корфиниума, осадил в городе Л. Домиция, которого послали в качестве его преемника с четырьмя тысячами человек (часть из которых он уже потерял). Домиций пытался бежать, но жители города остановили его у ворот и привели к Цезарю, которому остатки его войска сдались. Он принял их любезно, чтобы их пример привлек других, и, не причинив Домицию никакого вреда, позволил ему уйти, куда он пожелает, со всем своим обозом, надеясь этой любезностью заставить его перейти на свою сторону, но не мешая ему отправиться на поиски Помпея. Помпей, с другой стороны, выступил из Капуи в Брундизиум, чтобы оттуда пройти в Эпир, где он намеревался основать штаб-квартиру; он послал во все провинции и к самим царям, чтобы они прислали ему все силы, которые могли предоставить.⁴

Помпей, решив, что самым разумным шагом будет покинуть Италию и отступить за море, собрал все имеющиеся войска в Брундизии, хотя большая их часть уже благополучно переправилась в Грецию. Цезарь прибыл в город в сопровождении своих легионов. Но Помпей, до возвращения флота, сумел сорвать его попытки закрыть устье гавани. Теперь он забаррикадировал город и две дороги, ведущие к гавани; остальная часть армии погрузилась на корабли, и отступление было осуществлено на кораблях, которые переправили их через море.¹¹⁷ Цезарь, оставшийся с пустым городом, понял, что его надежда закончить войну так же быстро, как он ее начал, не оправдалась.

СЕРЬЕЗНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕЗАРЯ

Этот успех был велик, но серьезность и опасность положения Цезаря теперь были очевидны. Он не мог следовать за Помпеем, пока семь могущественных испанских легионов

генерала под командованием легатов М. Петрея и Л. Афрания были позади него; а если он отправился бы в Испанию против них, где он, не имея флота, мог бы найти средства, чтобы противостоять возвращению в Италию Помпея, который владел морями? Кроме того, Италия была скорее удивлена, чем завоевана. За два месяца он не смог завоевать то влияние, которое Помпей завоевывал десять лет. Что произойдет, если против него вспыхнет восстание, а флот Помпея перекроет поставки? Единственный способ противостоять этим опасностям — удвоить свои силы благодаря скорости своих действий. Но трудности его положения на этом не заканчивались. Если бы он грабил, как Марий и Сулла, он вызвал бы сопротивление различных сил; если бы он защищал жизнь и имущество, он оттолкнул бы от себя таких людей из своих рядов, как Марк Антоний и П. Корнелий Долабелла, которые рассчитывали погасить свои долги с помощью цезаровских проскрипционных списков.

В надежде впоследствии распустить испанскую армию Помпея, Цезарь сначала отправился в Рим, неустанно прилагая усилия, чтобы переманить на свою сторону мирных горожан, составлявших партию порядка. Опасаемые списки проскрипций не появились, и со всех сторон раздавались слухи о помиловании. Возможно, именно по этой причине Цезарь обнаружил, что собрание оставшихся сенаторов, которое он созвал, не было очень склонно наделять его всеобъемлющей юридической властью. Помпей по-прежнему считался более сильным; успех Цезаря казался лишь временным, а его умеренность объяснялась слабостью. Поэтому Цицерон, который в те дни играл жалкую роль и колебался между обеими сторонами, не появился в сенате Цезаря. Он, как и многие другие слабаки, с тоской смотрел на другой лагерь за морем, не набравшись мужества присоединиться к какой-либо из сторон. В Риме была по крайней мере попытка сопротивления. Плебейский трибун Л. Метелл закрыл своим телом дверь, ведущую к государственной казне. Цезарь спокойно отдал необходимые приказы, не обращая внимания на сенат, и упрямый трибун был тихо унесен от двери, которую Цезарь затем выбил. Найденное золото оказалось мощным союзником. Партия Помпея в спешке бегства оставила не менее 3 500 000 фунтов стерлингов.

Затем Цезарь принял меры и сделал все необходимое для создания флота. Он назначил претора М. Эмилия Лепида префектом города и отправил своих офицеров. Легат Валерий был отправлен с легионом против Сардинии и М. Котты, последователя Помпея, который там командовал. Г. Курион был уполномочен отправиться с тремя легионами в Сицилию против М. Порция Катона, а оттуда в Африку. Другим он поручил организацию флота, а с оставшимися девятью легионами отправился в Испанию.

ЦЕЗАРЬ — ПОКОРИТЕЛЬ ОТ РИМА ДО ИСПАНИИ

[49-48 гг. до н. э.]

Семь легионов Помпея были размещены на Эбро под командованием Афрания и Петрея. Важный город Массилия (Марсель) перешел на сторону Помпея благодаря Л. Домицию, которого Цезарь освободил после того, как тот попал в его руки в Корфиниуме. Кроме того, Цезарю помешали захватить пиренейские перевалы легаты его врага, которые теперь заняли позицию несколько севернее Ибера в Илерде (Лерида) на Сикорисе (левом притоке Эбро). Цезарь занял позицию напротив, оставив Децима Брута в Массилии.

В течение июня силы обеих армий были проверены в многочисленных сражениях и сложных перемещениях, пока, наконец, Цезарь, чье знание войны значительно отличалось от знаний его врагов, не сумел перебросить армию на левый берег Сикориса и отрезать врага от Эбро. Поставив врага в такое положение, его люди начали брататься с помпейцами.

Дальнейшее кровопролитие казалось излишним. В начале августа 49 года помпейцы капитулировали, часть армии распустилась, а часть присоединилась к Цезарю. Капитуляция армии на этой стороне привела к капитуляции и Дальней Испании. Провинцией командовал Теренций Варрон, известный ученый и ревностный республиканец, и Массилия сдалась в то же время и избежала дальнейшего осуждения, сдав свое оружие и флот, часть своей территории и гарнизон.

Дела шли не так хорошо в тех местах, где Цезарь не мог присутствовать лично. Во время его отсутствия в Испании М. Эмилий Лепид, которого он оставил префектом города для управления Италией, провозгласил его диктатором. Он принял возложенную на него высокую должность, но продержался на ней всего одиннадцать дней. В этот период он председательствовал на комициях и был избран консулом вместе с П. Сервилием Исауриком, одним из его старых соперников за главный понтификат. Он также принял несколько законов. Один из них возвращал в город всех изгнанников, кроме Милона, тем самым уничтожая один из последних остатков диктатуры Суллы. Второй закон предусматривал выплату долгов, чтобы облегчить бремя должников, не удовлетворяя при этом требования демократов об отмене всех договоров. Третий закон предоставил право голоса гражданам Транспаданской Галлии, которые со времени Социальной войны пользовались только латинским правом. Конечно, Сардиния и Сицилия находились под контролем генерал-лейтенантов Цезаря, которые сдерживали силы Помпея; и Курион, который здесь снова продемонстрировал свой большой талант, сначала одержал победу над солдатами Помпея, когда его перевели из Сицилии в Африку. Он одержал победу при Утике и начал осаду города. Но ложное сообщение, которое заставило его поверить, что ему предстоит сразиться лишь с небольшим отрядом противника, выманило его на равнину Баградас. Он смело вступил в сражение, но оно закончилось его полным поражением, когда в окрестностях появился король Нумидии Юба, союзник помпейцев, со своей готовой к бою армией. Сам Курион пал. Остатки его войск сдались на следующий день П. Атию Вару, помпейскому наместнику Африки. Цезарь потерпел еще одно поражение в Иллирии. Корабли под командованием П. Долабеллы и сухопутные войска под командованием К. Антония были захвачены и уничтожены превосходящими силами помпейцев, пытавшихся избежать нападения Помпея с этой стороны.

Сам Помпей все лето не делал ничего, кроме подготовки в колоссальных масштабах. Вероятно, ему мешали делать то, что он считал целесообразным, безмозглость, неточность и гордость окружавших его аристократов, которые, судя по всему, что нам известно, нельзя переоценить. Но это, безусловно, дает нам очень плохое представление о его таланте как полководца, когда мы видим, что, занимаясь в течение всего важного лета 48 года этими бесплодными приготовлениями, он позволил своему врагу без сопротивления захватить Испанию, Италию, Сардинию, города Сицилии и, что касается его, то и Африку, и даже дал врагу время собрать военно-морские силы.

Местом сбора аристократов и помпейцев была Македония. Их сенат заседал в Фессалониках, где насчитывалось двести членов. К своей замечательной неспособности к политике аристократы добавили прискорбное отсутствие здравого смысла; бесполезная ярость этого сословия выражалась в буйных разговорах и планах мести. Потерпев поражение по своей собственной вине, они мстили за энергичные действия Цезаря красивыми словами. Их упрямая гордость отвергала все предложения Цезаря о мирных переговорах, и они наслаждались мстительными речами. «Они, — пишет Цицерон, который наконец решил, к какой партии присоединиться, — разрушительны в войне и в своих речах настолько дики, что я содрогаюсь при мысли об их успехе. Они — возвышенный народ, но глубоко задолжавший — но что вы хотите? У них нет ничего хорошего, кроме дела». Однако даже это дело было плохим, если у него не было других сторонников. Помпей, естественно,

чувствовал себя беспомощным с этими высокопоставленными генералами, этими некомпетентными офицерами. Но он, по крайней мере, знал, как использовать богатые запасы, поступавшие к нему с Востока, над которым он по-прежнему осуществлял безусловный контроль. В его распоряжении находились одиннадцать легионов, семь тысяч всадников, кельты, фракийцы, лучники из Коммагены, армяне, нумидийская кавалерия, флот из 500 кораблей и хорошо наполненный сундук с сокровищами. Он собрал свои войска на побережье Эпира.

ЦЕЗАРЬ В ГРЕЦИИ

[49 или 48 г. до н. э.]

Тем временем Цезарь вернулся из Испании и после короткого периода диктатуры был избран в Риме консулом на 48 год, а в начале года [или по исправленному календарю в ноябре 49 года] собрал свои войска () в Брундизии. С большим трудом ему удалось собрать флот, который, к большому удивлению экипажей, благополучно доставил его и его шесть легионов к побережью Акрокераунии. Но это смелое предприятие могло обернуться фатальным исходом. Флот противника контролировал море, а второй флот транспортных судов так и не появился. Цезарь оказался отрезанным от Италии с едва ли двадцатью пятью тысячами человек. Он был бы потерян, если бы Помпей незамедлительно выступил против него из Диррахия.^b

АППИАН ОПИСЫВАЕТ БИТВУ ПРИ ДИРРАХИИ

[48 г. до н. э.]

«Цезарь разбил лагерь прямо напротив него, на другом берегу реки Алора, которая разделяла две армии, где все же происходили некоторые стычки конницы, то одна сторона, то другая переходила реку, но ни одна из них не вступала в бой со всеми своими силами, потому что Помпей считал целесообразным сначала потренировать свои новобранные войска, а Цезарь ждал тех, которые должны были прибыть из Брундизия. Он полагал, что если они останутся до весны, а затем переправятся на грузовых судах (а других у него не было), то их никоим образом не удастся защитить, поскольку Помпей располагал таким количеством галер, чтобы защитить проход; но если они отправятся зимой, то смогут ускользнуть от врагов, которые сейчас укрылись на островах, или, если вступят в бой, смогут проложить себе путь благодаря силе ветров и массивности своих кораблей; поэтому он сделал все, что мог, чтобы ускорить их прибытие.

«И поэтому, не дожидаясь остальной части своей армии, которая не прибыла из Брундизия, он решил переправиться тайно, полагая, что они скорее последуют за ним, чем за кем-либо другим; поэтому, не раскрывая никому своего замысла, он послал трех своих рабов к реке, расположенной не далее двенадцати стадий, чтобы они нашли очень легкую лодку и хорошего лоцмана, как будто он намеревался послать его с каким-то поручением, и, притворившись больным, встал из-за стола, где он просил своих друзей продолжать трапезу, и, надев одежду простого человека, сел в свою колесницу и прибыл к лодке как посланник Цезаря.

Он приказал своим рабам дать морякам указания, что им делать, а сам скрылся под покрывалом и в темноте ночи. Несмотря на сильный встречный ветер, рабы заставили лоцмана отплыть, призывая его не терять мужества и использовать время, чтобы уйти от врагов, которые были недалеко от них. они так усердно трудились, что силой весел

достигли устья реки, где волны моря бились о течение реки, и лоцман (который, с другой стороны, боялся попасть в руки врага) сделал все, что было возможно для человека, пока, видя, что они ничего не достигают, а моряки не в силах больше грести, он не оставил руль. Тогда консул, открыв голову, воскликнул: «Мужайся, лоцман, не бойся бури, ибо ты везешь Цезаря и его удачу». Услышав эти слова, лоцман и его команда, изумленные, удвоили свои усилия и прошли устье реки; вышли в море; но поскольку ветер и волны, несмотря на все их усилия, все еще гнали их к подветренному берегу, а день приближался, моряки, опасаясь быть обнаруженными врагом, Цезарь, разгневанный судьбой, которая ему завидовала, позволил лоцману вернуться в реку, и лодка, плывя по ветру, пришла в то место, откуда они вышли: Друзья Цезаря восхищались его смелостью, другие упрекали его за то, что он поступил так, как подобает рядовому солдату, а не полководцу; а он, видя, что его замысел не удался и что ему невозможно переправиться, не будучи обнаруженным (), послал вместо себя Постумия. Он должен был сначала сказать Габинию, что тот должен немедленно погрузить армию на корабли и привести ее к нему; если тот откажется, то обратиться к Антонию, а в конце концов к Калену, и если ни один из этих трех не будет иметь достаточно мужества, чтобы выполнить эти приказы, то у него было письмо для всей армии, в котором солдатам предлагалось переправиться и последовать за Постумием, высаживаясь в любом месте, где они смогут, не обращая внимания на корабли; ведь ему больше нужны были люди, чем корабли, настолько он верил в удачу, даже больше, чем в благоразумие.

«Помпей, решив, что не следует больше медлить, выстроил свою армию в боевой порядок и приказал ей выдвинуться против Цезаря; но двое его солдат вошли в реку, чтобы проверить брод, и один из людей Цезаря убил их обоих, и он счел это дурным предзнаменованием и отвел свои войска обратно в лагерь, хотя многие сожалели о потере столь благоприятного случая.

Что касается войск в Брундизии, Габиний, отказавшись выполнить приказ, принесенный Постумием, со всеми, кто хотел последовать за ним, отправился по суше в Иллирикум, совершая такие длительные марши, что его люди, будучи совершенно утомлены, были изрублены на куски жителями этой страны, за что Цезарь еще не смог отомстить, будучи занят более важными делами. Антоний отплыл с остальными и, имея попутный ветер, прошел мимо Аполлонии при веселом ветре; но около полудня ветер начал стихать, и их обнаружили двадцать галер Помпея, которые направились к ним; они боялись, что носовые части длинных кораблей, набегая на них, пробьют их и потопят. Однако они готовились к бою, каждый хватался за пращу, копье или другое оружие, как вдруг поднялся ветер, более сильный, чем прежний, так что Антоний, поставив низкие паруса, устремился вперед, а другие, не в силах держать курс, были брошены туда и сюда, куда ветер и волны, и в конце концов загнаны в пролив и выброшены на подветренный берег, где не было ни гавани, ни порта. Таким образом, Антоний благополучно вернулся в порт Нимфеум, потеряв не более двух кораблей, которые, к несчастью, сели на мель и были захвачены врагами.

«Теперь, когда Цезарь имел в своем распоряжении все свои силы, как и Помпей, они разбили лагерь на видных местах, на возвышенностях, где каждый укрепился, воздвигнув форты, которые часто подвергались нападениям одной из сторон, а другой генерал все еще стремился заблокировать армию противника и отрезать ее от провианта, так что произошло много стычек. В этом новом способе ведения войны, когда однажды люди Цезаря оказались слабее в форте, атакованном врагом, центурион по имени Скева, известный ранее многими доблестными поступками, будучи ранен в глаз, прыгнул с вала и, сделав знак рукой, чтобы все замолчали, как будто он хотел что-то сказать, позвал одного из центурионов противоположной стороны, человека с хорошей репутацией, и сказал ему: «Спаси жизнь человека твоего сословия, спаси жизнь своего друга; пошли кого-нибудь, чтобы он повел меня за руку, так как я ранен». Тогда два солдата подошли, чтобы схватить

его как беглеца, но он убил одного, прежде чем тот успел догадаться об обмане, а другого сбил с ног. Он поступил так из-за полного отчаяния, что не сможет защитить это место, но его план удался лучше, чем он мог себе представить (), потому что этот счастливый успех так поднял мужество его товарищей, что они отбили врага и остались хозяевами крепости. Минуций, который командовал, имел большую долю как в славе, так и в опасности этого штурма, ибо говорят, что его щит был пробит двадцать шесть раз, а он был ранен в глаз, как и Скева; поэтому Цезарь удостоил обоих многих военных наград.

«Тем временем он собрал разведданные в Диррахии и, надеясь, что город будет сдан ему, пришел с небольшим отрядом к воротам, расположенным рядом с храмом Дианы; но его замысел был раскрыт, и он ушел, не сделав ничего. Той же зимой Сципион, тесть Помпея, приведя из Сирии еще одну армию, был атакован в Македонии Г. Кальвинием, которого он победил и убил весь его легион, из которого спаслось только восемьдесят солдат. Теперь к Цезарю по морю больше не поступали провиантские грузы, поскольку Помпей был сильнее, поэтому солдаты были вынуждены делать хлеб из определенного вида травы, кусочки которой были принесены Помпею некоторыми беглецами, думая, что это будет для него радостным подарком. Вместо того чтобы радоваться, он сказал: «С какими же зверями мы имеем дело?» Цезарь, теперь зажатый необходимостью, собрал свои силы, решив вступить в сражение с Помпеем, хочет тот того или нет; но Помпей, владея теперь несколькими хорошими фортами, держался в своих окопах, что так беспокоило Цезаря, что он предпринял почти невозможное и едва вероятное дело, а именно окружить все форты Помпея рвом, прорытым от моря, полагая, что, даже если его замысел не осуществится, он завоюет репутацию человека, способного на великие дела; ибо этот ров должен был быть двенадцатью сотнями стадий в длину. Помпей, со своей стороны, проложил линии и рвы прямо напротив сооружений Цезаря; таким образом, один уклонялся от предприятий другого.

«Наконец между ними произошло большое сражение, в котором Помпей храбро отразил людей Цезаря, обратил их в бегство и преследовал их до самого лагеря. Они захватили много знамен и взяли орла легиона, если бы знаменосец, который его нес, не бросил его со всей силой в ров, чтобы сохранить его для Цезаря; ибо римские солдаты с большим уважением относятся к своим знаменам. Цезарь с другими отрядами пришел на помощь бежавшим, но те были настолько напуганы, что, увидев Помпея на расстоянии, хотя и находились близ лагеря, Цезарь не смог их остановить, заставить вернуться или хотя бы выслушать его; солдаты бежали в беспорядке, без стыда, без причины и без каких-либо на то оснований; Цезарь мог бегать туда-сюда и упреками показывать им, что Помпей еще далеко. Но это не мешало им бросать оружие и бежать или же стоять на месте, молча и неподвижно, устремив взгляд на землю со стыдом и смятением, настолько велик был панический страх, овладевший ими. Был один знаменосец, который, когда его генерал хотел его остановить, направил на него острие своего копья, но он был на месте наказан богами, как он того заслуживал. Те, кто спасся в лагерь, были настолько подавлены, что не ставили стражу у ворот и не выстраивались вдоль вала, а рвы остались без защиты. Все верили, что Помпей мог броситься в лагерь вместе с беглецами и таким образом положить конец войне, если бы Лабиен (по воле Бога) не убедил его преследовать тех, кого он разгромил, а затем выступить к рвам; поэтому он полагал, что либо Помпей не торопился покончить со всем сразу, либо, увидев лагерь без защиты, опасался засады, либо, одержав победу, презирал столь незначительное преимущество. Поэтому, бросившись в атаку на тех, кто еще оставался за пределами лагеря, он устроил еще одну большую резню, так что за два сражения в один день он захватил двадцать восемь знамен и дважды упустил возможность нанести врагу

непоправимый ущерб. И сам Цезарь не постеснялся сказать, что в тот день война была бы закончена, если бы его враг умел воспользоваться своей победой.

«После этого славного успеха Помпей написал об этом подробно царям и общинам и зародил надежду, что вскоре армия Цезаря, угнетенная голодом или напуганная позором, сдастся ему, особенно трибуны, боящиеся наказания за проступок, в котором они сами признавали свою вину. Но они и все солдаты, тронутые раскаянием, как будто по божественному вдохновению, признали себя преступниками и еще больше страдали от того, что их полководец говорил с ними ласково и простил их, прежде чем они попросили об этом. Они не могли простить себя; но, претерпев удивительную перемену, они просили, чтобы в наказание за свою вину их подвергли десятичной казни, согласно обычаю их предков, но он ни в коем случае не согласился на это; что еще больше усугубило их стыд за то, что они проявили такую трусость по отношению к лучшему человеку в мире, который больше всех заслуживал их верности и служения.

«Они умоляли его, чтобы он хотя бы наказал знаменосцев, которые были причиной этого разгрома, ибо, бежав, они лишь последовали за своими знаменами; и, видя, что Цезарь не может решиться на это, но с большим трудом соглашается наказать лишь нескольких, его умеренность вызвала в душах солдат всеобщую радость.

Все они единодушно стали кричать, что он должен повести их на врага, чтобы новой победой они могли смыть свою позорную пятно; и на глазах у своего полководца они поклялись друг другу целыми ротами, что никогда не вернутся с поля битвы, не одержав победу. Поэтому его друзья посоветовали ему принять армию на слово и испытать их на этом пике раскаяния, пока их рвение не остыло; но он ответил им перед всей толпой, что выберет более подходящее время, чтобы показать им врага; призывая их запомнить добрую волю, которую они сейчас заявляли, а в частном порядке он сказал своим доверенным лицам, что было целесообразно дать возможность страхам, которые напечатались в умах солдат после недавнего поражения, немного улечься; а затягивая время, дать возможность ярости его врагов, усилившейся после их недавней победы, также немного охладиться. Он признался, что совершил большую ошибку, придя в лагерь так близко от Диррахия, где Помпей имел все в изобилии; тогда как если бы он отошел дальше, они могли бы столкнуться с такими же трудностями.

«После этой речи он прибыл в Аполлонию, а оттуда ночью тайно выступил в поход на Фессалию; по дороге, подойдя к небольшому городу под названием Гомфи, который отказался открыть ворота, он взял его штурмом и разделил добычу между своими солдатами, которые, долго терпев лишения, теперь ели без меры и напивались вином, особенно аламаны, чье пьянство вызывало смех у всех остальных: так что и здесь, по всей видимости, Помпей упустил прекрасную возможность одержать победу, не преследовав врага, которым он презирал, а оставаясь на месте, в то время как за семь дней он добрался до Фессалии и разбил лагерь недалеко от Фарсалии».

Гордость победившей стороны после успеха в Диррахии не знала границ. Они не спешили следовать совету благоразумных людей и вновь овладеть Италией. Опасность, если она когда-либо существовала, теперь казалась мимолетной. Остальная часть кампании будет не более чем безопасным маршем; дикие планы мести, с помощью которых они надеялись превзойти сулланское восстание и его ужасы, казались вполне близки к осуществлению.

Таково было настроение армии, особенно самонадеянной молодой аристократии, когда армия Помпея присоединилась к корпусу Сципиона в Лариссе, в то время как Катон остался

с восемнадцатью когортами в Диррахии, а флот Помпея из трехсот кораблей бросил якорь в Коркире.

ФАРСАЛИЯ

Цезарь расположился у города Фарсалия на левом берегу реки Энипеус, которая пересекает равнину между линией холмов Киноскефалы на севере и горами Отрис на юге, а Помпей занял позицию на правом берегу, у подножия холмов Киноскефалы. Помпей мог победить своего врага, затянув войну, и он, благодаря своему собственному опыту ведения войны, сам осознавал этот факт. Но он уже давно перестал быть хозяином в своем лагере. Им управлял многоголовый полк высокородных людей, а горячие молодые аристократы уже, как будто победа была обеспечена, спорили о разделе почестей Цезаря и имущества его союзников. Они настаивали на нанесении решающего удара и дали Помпею понять, что он слишком любит играть роль Агамемнона, царя царей, главнокомандующего столькими преторами и консулами, царя вассалов и князя клиентов.^[118] Уверенные в успехе, они указывали на сорок семь тысяч пехотинцев и семь тысяч всадников своей армии, которые значительно превосходили двадцать тысяч разгромленных войск Цезаря.

Помпей не смог противостоять давлению. Он сам поставил себя в такое положение, поэтому перестал медлить и в роковое 9 августа 48 года [6 июня по исправленному календарю] повел свою армию через реку Энипей.

Успех, казалось, благоволил аристократам, когда их многочисленная превосходящая кавалерия окружила правое крыло Цезаря, которое было обращено к равнине, в то время как сражение на левом крыле Цезаря не приносило результатов, а слабая кавалерия Цезаря не могла долго противостоять массе всадников Помпея. Т. Лабиен командовал корпусом против своего бывшего императора, но когда он победоносно продвигался вперед, ему противостояли две тысячи отборных легионеров, которых Цезарь, предвидя атаку врага, разместил там. «Ударьте по лицу красивых молодых танцовщиц», — крикнул им их генерал, и решительный, неожиданный метод, при котором они, вопреки обычаю, использовали пилы как копья, привел к беспорядку в рядах вражеской кавалерии и заставил ее бежать.

Цезарь воспользовался этим движением, чтобы выдвинуть свою резервную линию для общего наступления. Легионы Помпея, значительно уступавшие ветеранам Цезаря в военном мастерстве, начали отступать через Энипеус. Еще не все было потеряно, но Помпей, избалованный успехом и неспособный вынести ни минуты поражения, пренебрег своим долгом и, сдавшись, вернулся в лагерь. Побежденные легионы последовали его примеру, когда в их рядах стало известно, что враг проявит к ним милосердие и сострадание. Они были изгнаны из лагеря новыми натисками, и в полдень он был взят штурмом цезаровцами.

Но Помпей уже сел на лошадь и бежал. Его солдаты, в растущем беспорядке, лишённые командования, хотя и продолжая сражаться, отступили на холмы, пытаясь достичь Ларисы по этому маршруту.

Но распад был близок; многие бросили оружие, доверившись обещанной победителями милости, а те, кто достиг высот, были разочарованы в своей надежде добраться до Ларисы, поскольку к вечеру они были окружены войсками Цезаря. На следующее утро двадцать тысяч человек, целая армия, сложили оружие; пятнадцать тысяч капитулировали накануне, а погибло не более шести тысяч.

Победа стоила Цезарю не более тысячи человек. Армия врага была уничтожена, но результаты сражения были непредсказуемы. Они зависели от того, какой курс изберет Помпей. О нем ничего не было известно, кроме того, что он направился к морю и бежал.

Очевидно, что эта битва была проиграна в основном из-за отсутствия командования. Но почему Помпей так быстро сдался, не пытаясь изменить ход судьбы? У нас нет никаких записей из его штаба, которые могли бы пролить свет на эти факты, но, похоже, что партия, главой которой он был, стала для него слишком большой; что глубокое недовольство и плохое настроение овладели им, и как партия, так и дело, ради которого он пожертвовал собой, стали ему противны еще до начала сражения. Это единственное объяснение его поведения в сражении. Как могло быть иначе? Его цели и задачи были совершенно противоположны целям и задачам партии, к которой он был прикован, и он был настолько полностью в ее власти, что даже полная победа принесла бы пользу только ей, а не ему. Возможно, стыд предстать перед своей собственной партией подтолкнул его к этому поспешному бегству; возможно, он боялся личной опасности со стороны своих коллег, поскольку этот помпейский лагерь был раздираем всевозможными страстями. Достаточно сказать, что он сбежал, и это бегство сделало поражение опасным, поскольку его личность была центром сопротивления его партии.

Он поспешил в Ларису, затем, переодевшись, с несколькими спутниками направился к устью Пеней, знаменитой долине Темпы, а оттуда на корабле в Амфиполь.

В Митилене он взял на борт свою жену Корнелию и сына Секста, но не остановился там, так как весть о катастрофической битве и неожиданных последствиях распространилась по всей Малой Азии. Здесь не казалось целесообразным предпринимать что-либо. Но он задумал поставить себя во главе своего большого флота и присоединиться к победоносной сухопутной армии в Африке. Выбрав другой курс и другую страну, он, возможно, мог надеяться на большую независимость. Поэтому он решил обратиться к Египту и начать новые предприятия, опираясь на это превосходное положение. Но это были предприятия, в которых он не имел реальной уверенности, поскольку однажды ему не повезло.

В то время как князья и властители Востока после битвы при Фарсале поспешили сложить оружие и предаться на милость завоевателя, Помпей пошел по одинокому пути, на котором встретил свою судьбу.

С побережья Малой Азии он отплыл на Кипр, а оттуда — к египетскому берегу, предварительно сообщив о своем прибытии королю, который еще был несовершеннолетним. Евнух Потин убедил тринадцатилетнего Птолемея, как он полагал, кровавым деянием обеспечить себе благосклонность победителя, чья поддержка была ему необходима против притязаний его сестры Клеопатры, оспаривавшей его право на трон.

Корабли Помпея появились на горизонте к востоку от Пелузии, у Кассианских гор. Египетские войска были собраны на берегу, а посреди них стоял царь. Затем от берега оттолкнулась небольшая лодка, в которой находились Ахиллас, главнокомандующий египетской армией, и два римских офицера. Один из них поприветствовал императора и пригласил его подняться на борт лодки, так как мелководье у берега не позволяло отправить большой корабль. Его соратники были насторожены. Но Помпей, не вняв их предупреждениям и увещаниям, сел в лодку с двумя спутниками. Перед тем как уплыть, он повторил Корнелии строки Софокла:

«Кто обращается к тирану

Становится его рабом, хотя и шел как освободитель».

Лодка приблизилась к берегу. «Вижу ли я в тебе одну из опасностей войны?» — спросил Помпей одного из офицеров, который молча склонил голову, после чего Помпей, не продолжая разговора, взял в руку лист и написал королю сообщение на греческом языке. Лодка причалила, Помпей поднялся, чтобы сойти на берег. В этот момент он получил удар сзади, и два других человека сразу же набросились на него. Сопротивление было невозможно. Помпей смирился со своей судьбой, не издавая ни звука, закрыл лицо и упал замертво на землю. Ему было пятьдесят восемь лет, и он умер на тридцать пятом году своей карьеры генерала. Тело было оставлено на берегу, став добычей животных, но, возможно, некоторые верные последователи тайно спасли его; голова, свидетель их скандального поступка, была снята египтянами.

Таков был печальный конец человека, которого капризы судьбы и великая неразбериха в римском государстве вознесли на высоту, превышавшую его естественные способности. Он, как и Марий, был прежде всего великим полководцем, достаточно умным, чтобы совершать подвиги, когда ему сопутствовала удача, но недостаточно независимым, чтобы достигать их вопреки обстоятельствам. Он не имел себе равных в боевом мужестве, военном мастерстве и личной храбрости, а его скромный образ жизни, несмотря на огромное богатство, заставлял аристократов его времени стыдиться. Но ему совершенно не хватало высших качеств, которые обеспечивают долговременный успех, свергают изношенные государственные организации и создают на их месте новые. Он был жесток, эгоистичен и безжалостен. «Как угнетатель», как впоследствии сказал о нем один римлянин, «не лучше Мария или Суллы». Он также не сохранил свою позицию великого полководца, когда пришло время доказать свою истинную ценность, и его полное отсутствие независимости и способностей как государственного деятеля стало камнем преткновения, на котором разбилась его жизнь; в то время как успех Цезаря был обусловлен его способностями как полководца, так и государственного деятеля, а также умением использовать оба эти качества в своей деятельности.^b

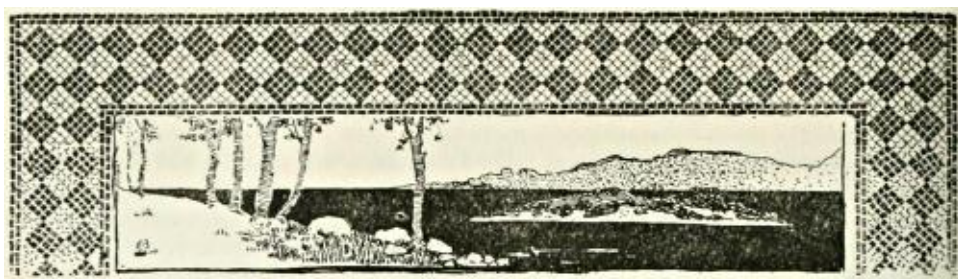
СНОСКИ

[115] [Чистота этого первобытного века была повсеместно преувеличена. Ранние римские добродетели основывались на бедности и невежестве].

[116] [О нем Веллей Патеркул^e говорит: «Никто не способствовал разжиганию гражданской войны и всех бедствий, последовавших за ней в течение двадцати лет, больше, чем Гай Курион. Он был благородного происхождения, красноречив, бесстрашен, расточителен как в отношении своей репутации и состояния, так и в отношении других; человек, умело злой и красноречивый в ущерб обществу, чьи страсти и замыслы не могли удовлетворить ни богатство, ни удовольствия».]

[117] [Флор говорит: ^d «Позорно рассказывать! Тот, кто недавно был главой сената, арбитром мира и войны, бежал через море, над которым он когда-то торжествовал, на единственном судне, которое было разбито и почти разобрано».]

[118] [«Так судьба поспешила его, и Фессалия была выбрана местом сражения, а судьба города, империи и всего человечества была отрешена на равнинах Филипп. Никогда еще судьба не видела столько сил и столько достоинства римского народа, собранного в одном месте. Более трехсот тысяч человек было собрано в двух армиях, помимо вспомогательных войск королей и народов. Никогда еще не было столь явных признаков приближающейся гибели: побег жертв, рои пчел, оседавшие на знаменах, и тьма днем; а сам полководец ночью во сне услышал хлопанье в ладоши в своем театре в Риме, которое звучало в его ушах, как биение груди в скорби; и утром он появился (неблагоприятное предзнаменование!) в черном одеянии в центре армии». — Флор.^d]

ГЛАВА XXIV. ОТ ФАРСАЛИИ ДО СМЕРТИ КАТОНА

ЦЕЗАРЬ В ЕГИПТЕ

Вельможи предали свое дело в Фарсале из-за недостатка мужества и самоотверженности. Лукан напрасно завершает поэтический период именами Лепидов, Метеллов, Корвинов и Торкватов, которые, как он предполагает, пали в последней агонии обороны; из всех великих вождей, которых мы знаем как лидеров в лагере Помпея, в тот день погиб только Домиций, и даже он был убит во время бегства.

Остатки могущественного руин были разбросаны далеко от места катастрофы. Помпей и несколько его сторонников, как мы видели, бежали в одном направлении, в Ларису; большее число спаслось по дороге в Иллирикум и вновь собралось в стенах Дыррахия. Главный резерв помпейских войск находился там под командованием М. Катона, и там же собирались колеблющиеся и недовольные, такие как Варрон и Цицерон, которые хотели обеспечить себе безопасность в любом случае. Флоты республики под командованием Октавия и Г. Кассия по-прежнему торжественно бороздили моря; последний недавно сжег тридцать пять цезарьских кораблей в гавани Мессаны. Но морские командиры хорошо понимали, что их подвиги не могут оказать большого влияния на исход сражения, которое должно было решиться силами всей армии римского мира; и, составляя свои собственные планы и действуя в основном независимо, они все больше и больше начинали колебаться в своей верности общему делу. Как только стало известно о результате великой битвы, эскадры союзников поспешили вернуться домой, а некоторые, например родосцы, примкнули к победителю.

Затем солдаты, находившиеся в гарнизоне в Диррахии, стали бунтовать. Они разграбили склады и сожгли транспортные средства, на которых их должны были перевезти на какой-то отдаленный театр затяжных военных действий. Дезертирство союзников, мятежный дух войск и сообщения о многочисленных присоединениях, которые Цезарь ежедневно получал от самых видных знати, убедили Катона в том, что последняя надежда на сохранение единства партии и продолжение борьбы зависела от судьбы самого Помпея. В случае уничтожения признанного главы сената он только подумывал о том, чтобы вернуть на берега Италии вверенные ему войска, а затем удалиться из публичной жизни в какую-нибудь отдаленную провинцию. Пока о роковой катастрофе еще не было известно, он удалился из Дыррахия в Коркиру, где был установлен штаб военно-морских сил, и там предложил передать свое командование Цицерону как своему вышестоящему по званию. Но консул отказался от опасной чести и отказался принимать дальнейшее участие в борьбе, которая с самого начала вызвала у него недоверие и угрызения совести. Молодой Гней Помпей настаивал на немедленном наказании всех, кто угрожал перейти на сторону противника в такой кризисной ситуации, и его с трудом удержали от применения личного насилия против Цицерона, когда тот объявил о своем намерении немедленно отплыть в Италию. Жизнь вероломного консула едва не была спасена благодаря энергичному вмешательству Катона. В Коркире многие из бежавших с поля битвы присоединились к своим союзникам. Среди них были Сципион и Афраний, первый из которых теперь взял на себя командование их объединенными силами, и именно на него, как только стало известно о смерти Помпея, естественным образом перешло руководство партией.

Тем временем Цезарь с неослабевающей энергией продолжал свои успехи. Он позволил своим солдатам отдохнуть на месте их триумфа и среди добычи, которую они захватили, не более двух дней. Его заботы были разделены между укреплением победы, одержанной на Востоке, и обеспечением своих завоеваний на Западе. С этой целью он приказал Антонию вернуться в Италию с большей частью своих войск и следить за его интересами в этом регионе, где, как он опасался, некоторые из побежденных могли рискнуть напасть на центр его ресурсов. Он также потребовал от своего лейтенанта Калена без промедления завершить покорение южной Греции. Афины еще не открыли ему свои ворота, но исход великой битвы заставил их подчиниться его приказу. Долгое сопротивление этого города подвергло его, по

законам древней войны, мести завоевателя, но Цезарь приказал пощадить его, как он сказал, ради его прославленных мертвых. Пелопоннес был быстро эвакуирован войсками республики, и Кален занял точки на побережье, где он предполагал возможность нового вторжения. Сципион высадился в Патрах, вероятно, чтобы принять остатки помпейских гарнизонов в этой провинции, но сразу же покинул ее и направился в Африку.

Цезарь с максимальной энергией и нетерпением преследовал Помпея, стремясь не только помешать ему собрать новую армию, но и, по возможности, захватить его самого. Он продвигался вперед с отрядом кавалерии, а за ним следовал один легион. Он достиг Амфиполя сразу после отправления беглеца и, выбрав сухопутный путь через Азию, переправился через Геллеспонт на нескольких небольших судах. Во время переправы он встретил отряд Г. Кассия, который был отправлен в Эвксинский залив, чтобы поддержать или сотрудничать с Фарнаком, царем Понта, чья обещанная помощь была срочно необходима. Было отмечено, что это был необычайный пример удачи, которая, как полагали, всегда сопутствовала великому завоевателю, поскольку один только страх перед его именем заставил Кассия сдать свои галеры нескольким рыбацким лодкам. Нет сомнений, что республиканский полководец уже решил перейти на другую сторону, когда случай предоставил ему эту благоприятную возможность. Как человек, обладающий влиянием и авторитетом, а также способный военачальник, он был хорошо принят своим приемным вождем, и Бруту вряд ли потребовались были его добрые услуги, чтобы расположить к себе Цезаря.

Добравшись до азиатского побережья, Цезарь продвигался более неторопливо. Он получил известие о бегстве Помпея в Египет и понимал, что, если проситель будет там принят, его можно будет изгнать только с помощью регулярных военных операций. Поэтому он решил дожидаться прибытия более значительных подкреплений, а пока занялся устранением ущерба, который, как обвиняли Сципиона, был нанесен несчастным провинциалам (). Он заслужил их благосклонность, отменив налоги и ограничив поборы сборщиков налогов. Он во второй раз спас от разграбления сокровища эфесской Дианы, которые Амний, сторонник противоположной партии, был готов захватить. Этими благодеяниями он сопровождал дальнейшие милости и почести, а затем передал управление провинцией Кальвину, которому он доверил три легиона для защиты от Фарнака и других восточных союзников сената. Цезарь оставил при себе только два легиона, число которых было столь уменьшено, что составляло гораздо меньше половины их положенного комплемента. Вся эта армия состояла всего из 3200 пехотинцев и 800 всадников, и с ними он без колебаний отплыл в Египет. Всего через несколько дней после смерти Помпея он появился в сопровождении своей свиты у берегов Александрии. Как только стало известно о его прибытии, Феодот поспешил встретить его на борту своего корабля и принес ему голову и кольцо убитого соперника. Последнее могло сыграть важную роль в успокоении колеблющихся после произошедшего события, и Цезарь взял и сохранил его для этой цели; но от изуродованной головы он отвернулся с ужасом и со слезами на глазах приказал сжечь ее с добавлением самых дорогих пряностей. Пепел он велел поместить в святилище, которое он воздвиг в честь мстительной Немезиды. Убийцы были сбиты с толку и встревожены проявленными им чувствами, и, возможно, не менее удивлены они были той полной уверенностью, с которой он высадился на их побережье и с горсткой своих последователей потребовал урегулировать дела могущественного царства.

Политика Цезаря заключалась в том, чтобы щадить богатства провинций, которые он хотел присоединить к своей стороне, и его система прямо противоречила конфискации имущества его врагов; но ему срочно нужны были деньги, и лучшая возможность получить их могла быть найдена при урегулировании споров в зависимом королевстве. Несомненно, это было неотложным мотивом, который побудил его вмешаться в дела ревнивого народа, в

которых его основные планы никак не были задействованы. Когда Аулет пришел в Рим, чтобы вести переговоры о своем восстановлении на троне, он купил поддержку лидеров сената самыми щедрыми взятками. Сам Цезарь получил обещание семнадцати с половиной миллионов драхм, обязательство, которое до сих пор не было выполнено. Теперь он ограничил свои требования десятью миллионами, но строго отверг ходатайства Потина, который просил отсрочить выплату такой большой суммы. Но даже в момент высадки Цезарь был предупрежден о трудностях, в которые он ввязывается. Его военная сила была ничтожной; он мог полагаться только на достоинство своего титула консула республики. Соответственно, он вошел в улицы Александрии со всеми знаками своего достоинства, чем оскорбил население, которое легко убедилось, что он намеренно оскорбляет их независимость. Начались беспорядки, в которых погибло много солдат Цезаря. Цезарь почувствовал, что он ошибся в характере народа и недооценил их ревность к иностранцам.

Но политика не позволяла ему уступить. Он вызвал к себе соперничающих правителей и предложил разрешить их споры от имени республики. Птолемей покинул свой лагерь в Пелусии и встретился с Цезарем во дворце Александрии, где вскоре оказался под наблюдением и был задержан в качестве заложника. Клеопатра уже умоляла консула о посредничестве, и теперь, когда ее брат или его министры препятствовали ее приближению к нему, она устроила так, чтобы ее пронесли в его комнату с помощью хитрости. Слава о красоте Клеопатры, которая была предназначена стать второй после Елены, уже широко распространилась за границей. Марк Антоний видел ее во время краткого вторжения Габиния в Египет, и серьезные легаты республики привезли в Рим восторженные отзывы о девичьем очаровании лагидской принцессы. На момент знакомства с Цезарем ей действительно не было и двадцати лет, и ее ум и талант в искусстве женского покорения еще были неизвестны. Возможно, для их славы было счастливым обстоятельством, что человек, на котором она впервые испытала свою силу, был уже предрасположен к подчинению. Цезарь немедленно взял на себя защиту несчастной красавицы, поскольку это соответствовало его целям — противопоставить ее притязания высокомерным фаворитам ее соперницы. Посвятив себя ее делу, он не отказал себе в награде за свою галантность; но, наслаждаясь роскошью и развлечениями самой чувственной из столиц, он не спускал глаз со своей главной цели и в то же время тщательно охранял себя от козней своих безжалостных врагов.

Министры молодого короля были уверены, что примирение брата и сестры станет сигналом к их собственному падению. Они использовали все уловки, чтобы разжечь страсти ревнивой толпы, и разжигали фанатизм священников и народа против иностранца, которого они обвиняли в осквернении их святых мест, употреблении проклятого мяса и нарушении их самых дорогих обычаев. Цезарь отправил срочное сообщение Кальвину, чтобы тот поспешил ему на помощь со всеми силами, которые он мог собрать. Но, ожидая прибытия подкрепления, необходимость в котором он теперь остро ощущал, он скрывал всякие признаки беспокойства и публично занимался общением с Клеопатрой или беседами с египетскими мудрецами, изучая их таинственные знания. Его суждения не поддавались очарованию женщины так же, как и очарованию науки, но захват Александрии был необходим для его планов, и он притворялся любопытным или распутным, чтобы скрыть свои тайные намерения. С этой целью он с притворным интересом () посещал все прославленные чудеса города Птолемеев и даже, как говорили, предложил отказаться от своих амбициозных планов открыть истоки Нила. В самом начале своей славной карьеры его воображение было зажжено в Гадесе при виде статуи Александра; теперь, когда высшая вершина власти была в пределах его досягаемости, он спустился к могиле прославленного завоевателя и, возможно, размышлял о тщетности тщетностей рядом с его покрытыми покровом останками.

Молодой царь, хотя и находился в едва замаскированном плену в стенах своего дворца, нашел способ донести до своих сторонников тревогу и возмущение, с которыми он воспринимал явное влияние своей сестры на римского полководца. Македонская династия, правившая в Александрии на протяжении трех веков, не была непопулярна среди своих египетских подданных. Хотя потомки Лагаса утратили гениальность и добродетели первых правителей своей династии, их власть всегда была мягкой и терпимой, и как завоеватели, так и завоеванные жили в равной безопасности под сенью их отцовского трона. Ахиллас, генерал королевской армии, располагал силами в двадцать тысяч человек, состоявшими в основном из войск, которые Габиний использовал для восстановления Аулета и которые были оставлены для его защиты. Эти люди в большинстве своем установили связи с местными жителями и впитали их чувства, одновременно переняв их нравы. Кроме того, лагерь был заполнен толпой дезертиров и беглых рабов со всех концов Римской империи, поскольку Александрия была общим прибежищем отчаявшихся и покинутых, которые покупали безнаказанность за свои преступления, поступая на службу к царю. Это были люди, которые посадили Аулета на трон, убили сыновей римского легата Габиния и изгнали Клеопатру из ее королевского наследства. Они были безрассудными представителями населения Александрии, подверженного капризным настроениям бунтарства или лояльности. Теперь они были готовы присоединиться к всеобщему протесту против вторжения римлян и, воодушевленные своим лидером и Арсиной, младшей сестрой своего правителя, вошли в город и придали энергию и целеустремленность враждебным волнениям толпы.

[48-47 гг. до н. э.]

РИМСКИЙ ТРУБАЧ

(По Де Монфокону)

Цезарь с нетерпением ждал ожидаемой помощи; тем временем он пытался предотвратить опасность уступками и, предлагая Птолемию и Клеопатре возобновить совместное правление, был готов удовлетворить требования Арсиной, уступив ей вместе с другим

младшим братом провинцию Кипр. Но прежде чем эти договоренности были завершены, недовольство александрийцев возобновилось с еще большей силой. Стычка, произошедшая на улицах между римскими солдатами и египтянами, побудила Цезаря пойти на смелый шаг — захватить и сжечь королевский флот. Только так он мог надеяться сохранить открытыми берега для подхода своих подкреплений. Город Александрия простирался вдоль побережья, а его порт был образован островом Фарос, который находился напротив него и был соединен с материком в середине узкой дамбой и мостом. Остров был занят виллами александрийцев и пригородами великого города. Его положение позволяло контролировать входы в двойной порт, которые, по-видимому, были гораздо уже, чем в настоящее время. Поэтому с военной точки зрения он был неоценим, и пока на улицах бушевали беспорядки, Цезарь перебросил туда часть своих войск и захватил башню или крепость, которая обеспечивала его владение. В то же время он продолжал занимать часть дворца на материке, который обеспечивал связь с Фаросом по дамбе. Он укрепил оборону дополнительными сооружениями, разрушая во всех направлениях частные дома горожан, которые были построены полностью из камня, вплоть до полов и крыш, что давало ему в изобилии материалы для его массивных сооружений. Египетские войска с не меньшей энергией приступили к возведению тройных баррикад из тесаного камня на входе в каждую улицу, таким образом укрепив себя в крепости в самом сердце своего города (). Они уже с нетерпением ждали наступления зимы и были убеждены, что враг в конце концов попадет в их руки, когда он больше не сможет получать припасы из-за моря.

Но тем временем тень Помпея начала мстить своим убийцам. В начале восстания Цезарь схватил Потина, который служил молодому царю, и, обнаружив его переписку с Ахиллом, без суда и следствия казнил его. Вскоре после этого Арсиноя, которая надеялась использовать египетского полководца, чтобы возвысить себя на королевский престол, имея основания быть недовольной его поведением, побудила своего доверенного человека Ганимеда убить его. Она обеспечила себе поддержку армии щедрыми подарками, назначила Ганимеда своим министром и полководцем и, взяв на себя диадему своих предков, провозгласила себя единственной царицей Египта.

Александрийцы упорно продолжали блокаду. Они не могли надеяться изгнать врага силой, но рассчитывали сломить его, лишив средств к существованию. Современный писатель описывает искусственные устройства, с помощью которых население Александрии добывало воду, обилие которой является первостепенной необходимостью в климате Египта. Хорошо известно, что дождь там выпадает редко, и там не было живых источников для снабжения фонтанов. Простой народ, конечно, довольствовался водой Нила в том мутном состоянии, в котором она течет по их слизистой равнине, но дома более богатых классов снабжались водой через подземные каналы, которыми был пронизан весь город и через которые поток реки поступал в резервуары, где постепенно оседал вредный осадок. Александрийцы перекрыли те каналы, которые вели в части города, занятые римлянами, чтобы река не могла в них втекать, а с другой стороны наполнили их морской водой, поднятой с помощью гидравлических механизмов, в конструкции которых они были выдающимися экспертами. Эта операция сначала вызвала большую панику среди римлян, а еще больше среди местного населения, запертого в своих укреплениях. Но ее эффект был сведен на нет прозорливостью Цезаря. Он велел своим солдатам выкопать ямы на песчаном пляже, и солоноватая вода, которая просачивалась в них, обеспечивала достаточное количество питьевой воды, вполне пригодной для питья. В то же время прибытие легиона из Азии с конвоем провианта и военных припасов в точку немного западнее Александрии возродило мужество осажденных и восстановило удачу их командира.

Родосские корабли, перешедшие на сторону Цезаря, теперь оказали ему большую услугу, установив связь с этими подкреплениями. Жители острова Родос унаследовали морские

навыки Афин и Коринфа и были одними из самых опытных моряков того времени. Вместе с небольшой флотилией, которую привез с собой Цезарь, и кораблями, недавно прибывшими, эти новые союзники представляли собой грозную силу. Однако египтяне, несмотря на то что королевский флот был уничтожен, обладали значительными ресурсами для оснащения военно-морского флота. Они собрали со всех концов все суда, которые смогли найти, и поспешно построили другие, пока не оказались в состоянии вновь оспаривать подход к гавани. Не менее энергично они атаковали вражеские укрепления на суше. Кризисная ситуация вызвала всю энергию Цезаря; он никогда не подвергал себя такой опасности и не сталкивался с такой угрозой. В один момент в Эмпире () он оказался в таком тяжелом положении, что был вынужден прыгнуть со своего корабля в море и плыть, чтобы спасти свою жизнь, держа в руке над водой свои самые ценные документы и оставив свой плащ в руках нападающих, которые сохранили его как трофей, так же как арверны сохранили его меч.

Египтяне в конечном итоге потерпели поражение во всех сражениях, но они все еще могли вернуться к атаке с увеличенными силами; а ресурсы Цезаря были настолько ограничены, что он не был против выслушать условия урегулирования, неискренность которых была очевидна. Александрийское население заявило, что оно устало от правления своей молодой принцессы и возмущено тиранией Ганимеда. Как только их законный правитель будет восстановлен в своих правах, они искренне присоединятся к республике и бросят вызов ярости выскочки и узурпатора. Нельзя предположить, что римский полководец был обманут этими заявлениями; недобросовестность александрийцев уже была известна на Западе. Но он, возможно, ожидал, что соперничество Птолемея и Арсинои вызовет раздор в их лагерях; возможно, он предпочел бы сражаться с молодым царем в открытой войне, чем охранять его и наблюдать за интригами, которыми он обманывал свое пленение; возможно, капитуляция была сделана в качестве уступки давлению, которому он не мог противостоять, и была принята как средство для выигрыша времени. Но когда Птолемей был возвращен своим подданным и немедленно привел их к новому нападению на римские позиции, солдаты, как говорят, испытали немалое удовлетворение от того, что они считали слабым уступчивостью своего генерала.

Клеопатра, чьи ласки по-прежнему были утешением для римского полководца на протяжении всего его отчаянного приключения, радовалась, видя, как ее брат вероломно выступил с опрометчивой враждебностью по отношению к ее защитнику. Сети начинали сжиматься вокруг молодого царя. Митридат Пергамский, сторонник, на чью верность и поведение Цезарь возлагал большие надежды, наступал с подкреплением, которое он был уполномочен собрать в Сирии и соседних провинциях. Он захватил Пелузий, ключевой пункт Египта на суше, как Фарос был ключевым пунктом на море, и переправился через Нил в верховьях дельты, разгромив часть войск царя, которые пытались остановить его продвижение. Птолемей вывел свою армию, чтобы дать сражение новому захватчику, а за ним последовал Цезарь. Римляне настигли египтян, переправились через реку, несмотря на их численное превосходство, и атаковали их в окопах, которые, судя по их знанию как македонского, так и римского искусства ведения войны (), вероятно, не были недостаточными с точки зрения научной конструкции. Но удар ветеранов был непреодолим. Египтяне бежали, оставив большое количество убитых в своих рядах и упав в свои же рвы в беспорядочных и изуродованных кучах. Беглецы бросились к каналу Нила, где стояли их корабли, и без порядка и меры толпились в них. Один из них, в котором укрылся Птолемей, был таким образом перегружен и затонул.

Это сокрушительное поражение, а еще больше смерть их несчастного правителя, привели защитников монархии в отчаяние. Население Александрии вышло из ворот, чтобы встретить завоевателя в качестве просителей и с религиозными церемониями, которыми

они обычно умиловляли гнев своих законных правителей. Он вошел в город и направился по главным улицам, где вражеские баррикады были снесены при его приближении, пока не достиг кварталов, в которых был размещен его собственный гарнизон. Теперь он восстановил правительство, назначив Клеопатру правительницей вместе с другим, более молодым братом, а Арсиноэ отправил под стражей, чтобы она ждала его будущего триумфа в Риме. Он притворился, что обеспечивает трон своего фаворита, оставив в Александрии римские войска. Гордость республики была удовлетворена тем, что она сделала еще один шаг к полному подчинению страны, которую она давно жаждала. Цезарь не хотел, чтобы столько римской крови, пролитой в его недавних походах, было пролито напрасно и не принесло славы и выгоды государству. Весь этот эпизод в его богатой событиями истории, его высокомерное диктаторство по отношению к правителям чужого народа, его захват и удержание в плену правителя, его умышленное освобождение, чтобы тот мог скомпрометировать себя, вступив в прямые военные действия, и его использование его смерти для урегулирования вопроса о престолонаследии и вторжения иностранной армии к новому монарху, в совокупности составляют яркий пример хитрости и беспринципности римских амбиций.^b

Древние не дали нам удовлетворительного объяснения цели Цезаря, позволившего себе ввязаться в эту войну. Мы не можем поверить, что он действительно был опьянен страстью к Клеопатре и подчинил свое суждение и политику ее очарованию. Более вероятно, что он положил глаз на сокровища Александрии, чтобы обеспечить себя ресурсами, в которых он очень нуждался; ведь он по-прежнему твердо воздерживался от грабежей и конфискаций в пределах империи, а великая победа при Фарсале, хотя и принесла ему лавры, оказалась бесплодной с точки зрения доходов. Ему предстояла еще одна кампания против разгромленной партии, и его войска, столь часто лишенные награды, могли потребовать часть вознаграждения за свой окончательный триумф. Но, однажды вступив в борьбу с египтянами, было уже нецелесообразно, да и вообще невозможно отступить. Цезарь, как обычно, бросился в борьбу с головой и рискнул всем в войне, которую считал недостойной. Но когда наконец удача улыбнулась его войску, он все же позволил себе остаться еще на три месяца, чтобы укрепить достигнутое преимущество. Он завоевал позиции в самом богатой королевстве мира; он поставил там правителя по своему выбору, чей трон он обеспечил с помощью римской гвардии, тем самым подготовив почву для превращения страны в римскую провинцию в недалеком будущем. Пока остатки помпейцев были еще разбросаны и не готовы к бою, он мало терял, не продолжая войну против них. Он мог пожелать, чтобы они снова собрались, чтобы он мог снова разгромить их одним ударом. Действительно, теперь у него появилось время для похода против Фарнака, сына Митридата.

ВОЙНА С ФАРНАКОМ

[47 г. до н. э.]

Хотя король Боспора и заявлял о своей лояльности Помпею, он не привел свои войска в лагерь республиканцев. После битвы при Фарсале он надеялся извлечь выгоду из гибели врага своего отца и из смуты в республике. Он собрал свои войска и изгнал Дейотара и Ариобарзана из Малой Армении и Каппадокии. Эти князья обратились за помощью к легиону Цезаря под командованием Кальвина, и, хотя они только что сражались на стороне Помпея, он получил приказ восстановить их власть. Однако Кальвин был разгромлен Фарнаком, который вернул владения своего отца в Малой Азии и приступил к изгнанию из них римских поселенцев. Цезарь покинул Александрию в апреле (47 г.), высадился в Тарсусе, пересек Киликию и Каппадокию и достиг варварского лагеря в Зеле в Понте. Затем

последовала кровопролитная битва , в которой римляне одержали полную победу. Недисциплинированные орды восточного правителя, однажды разгромленные, больше не смогли собраться. Фарнак сбежал с поля боя, но был лишен своих владений и вскоре погиб в неизвестных обстоятельствах. Война закончилась за пять дней, и слова, которыми, как говорят, Цезарь объявил об этом сенату, едва ли можно назвать преувеличенными: «Пришел, увидел, победил». Сравнивая эту восточную «прогулку» с восьмилетней борьбой, в которой он постепенно завоевывал Галлию, он, возможно, восхищался удачей Помпея, который с таким небольшим затратами приобрел репутацию героя. После того как он быстро урегулировал дела провинции, он поспешил вернуться в Италию, где его длительное отсутствие привело к серьезным беспорядкам.

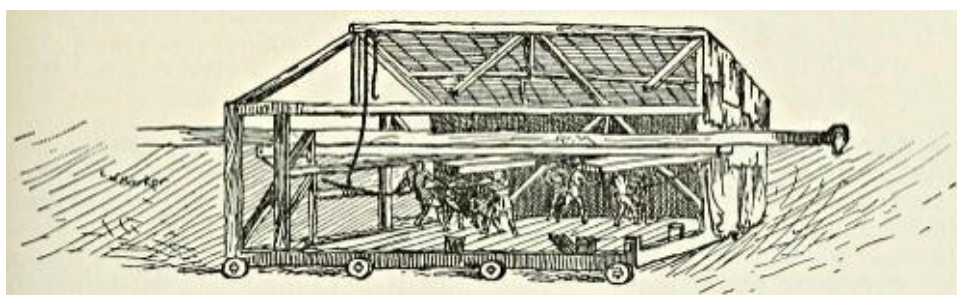
Меры, принятые диктатором для урегулирования долгов, не были одинаково восприняты во всех кругах. Как только он удалился из центра событий, страсти недовольных нашли выход, и претор по имени Целий раздул пламя ради своих личных амбиций. Целий был умным, неугомонным интриганом и проницательным наблюдателем других людей, как видно из его забавных писем к Цицерону, но совершенно не знал себя и сильно заблуждался в оценке своих собственных сил. Он возбудил преступные надежды самых худших и нуждающихся граждан, предложив отменить долги, но не смог управлять возбужденными им страстями и справиться с твердостью Сервилия и сената Цезаря. Он был признан неспособным занимать какую-либо магистратуру, изгнан из курии и, наконец, отстранен от трибуната. Он покинул Рим в отвращении и ярости и имел смелость вступить в восстание. Объединившись с Милоном, который покинул место своего изгнания и вооружил своих гладиаторов на юге Италии, он пересек Кампанию и Великую Грецию, обращаясь за помощью к преступникам и бандитам. Но власти столицы едва успели принять меры против мятежников, как их успокоило уничтожение одного из них под Косой, а другого — под Туриями.

ЦЕЗАРЬ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В РИМ

Длительное отсутствие Цезаря в столице явно свидетельствовало о его уверенности в стабильности своих планов там. Несмотря на эти признаки временного и частичного недовольства, большая часть граждан была твердо привержена ему, и в этом немалую роль сыграли жестокие угрозы помпеянцев. Можно представить, с каким тревожным ожиданием высшие классы Рима ждали исхода кампании в Иллирии; и даже известие о победе при Фарсале не принесло им полного облегчения. Ведь эта долгожданная новость сопровождалась или вскоре последовала за уведомлением о том, что победитель продвигается все дальше на далекий Восток, в то время как силы его врага, поддерживаемые многочисленными флотами, вновь собираются в тылу. Тем не менее, его сторонники настаивали на том, чтобы статуи Помпея и Суллы были позорно удалены с Форума, а его тайные враги были подвергнуты контролю шпионов и вынуждены присоединиться к публичным проявлениям удовлетворения. Большая часть все еще царившего беспокойства была снята сообщением о смерти Помпея, подтвержденным передачей его печати в Рим. Теперь никто не мог не доверять гению и удаче непреодолимого завоевателя. Больше не было никаких колебаний в том, чтобы заискивать перед ним. Его льстецы умножились в сенате и на Форуме и только соперничали друг с другом в предложениях новых почестей для его удовольствия. Были изданы декреты, наделяющие его безграничной властью над жизнями и судьбами побежденных. Он был вооружен полными полномочиями для подавления республиканской партии, которая снова набирала силу в Африке. В октябре 48 года Цезарь был в второй раз провозглашен диктатором, и ему были предоставлены полномочия трибуна на всю жизнь. Он назначил

Антония своим магистратом и командующим городом. Храбрый, но жестокий и развратный, Антоний не обладал ни энергией, ни благоразумием, которые требовались в данных обстоятельствах.

Слухи, которые вскоре начали циркулировать в Риме о опасностях, которым подвергался Цезарь в Александрии, сделали его поведение неопределенным; он колебался, применять ли твердую руку к нарушителям порядка в республике, которые после смерти его господина могли стать более могущественными, чем он сам. Зять Цицерона, Корнелий Долабелла, погрязший в долгах, последовал примеру Клодия и добился усыновления плебеем, благодаря чему получил должность трибуна. На этой должности он, как и Целий, завоевал расположение низших слоев граждан, настаивая на отмене долгов. Один из его коллег оказал сопротивление, и оба прибегли к насилию. Некоторое время Антоний наблюдал за происходящим, как будто не зная, на чью сторону встать, но домашнее оскорбление со стороны Долабеллы, который завел интрижку с его женой, пробудило его страсти; он напал на буйную толпу с оружием и наполнил улицы безразборной резней восьмисот граждан. Однако он не рискнул наказать виновника беспорядков, а довольствовался угрозами и мерами предосторожности до счастливого прибытия самого диктатора в сентябре 47 года.

РИМСКИЙ ТАРАН С ТЕСТУДО

Вопреки опасениям многих граждан, возвращение Цезаря не сопровождалось никакими преследованиями. Он ограничился конфискацией имущества тех, кто все еще продолжал воевать против него, а имущество самого Помпея, чьи сыновья находились в лагере противников, он выставил на публичные торги. Часть из них была куплена Антонием, который рискнул уклониться от уплаты положенной цены. Он полагал, что его заслуги могут заслужить незначительную поблажку в виде освобождения от ничтожного долга. Однако он обнаружил, что его покровитель был серьезен, и благоразумно смирился с оскорблением. Диктатор пробыл в Риме всего три месяца. Каждый момент был полностью занят огромной работой по реорганизации правительства; но мы не знаем, какие конкретные меры были приняты в этот период, и законодательство Цезаря целесообразно оставить для рассмотрения в дальнейшем. На оставшиеся три месяца года были назначены два консула, а на следующий год Цезарь в третий раз выдвинул свою кандидатуру вместе с Лепидом. Он добился, чтобы его самого снова назначили диктатором. Он наградил своих сторонников должностями и почестями, а народ — щедрыми подарками. Солдаты требовали выполнения его неоднократных обещаний. Солдаты десятого легиона подняли открытый бунт и побежали из Кампании в Рим, чтобы вымогать свои требования. Цезарь созвал их на Марсово поле, подошел к ним без сопровождения, взобрался на трибуну и потребовал изложить свои жалобы. При виде своего грозного полководца их голоса задрожали, их ропот стих; они могли только просить об увольнении. «Я увольняю вас, граждане», — ответил император, и они сжались под этим унижительным обращением, смущенные и униженные. Для свирепых и надменных солдат мирное название «гражданин» казалось унижением. Они умоляли вернуть им знамена и подчинились суровому наказанию в искупление своей вины. Этот простой инцидент является ключом к истории того времени.

Использование титула «гражданин» и его эффект ясно показывают, что сила Цезаря была чисто военной, и что сам Цезарь это понимал. Это была цель, к которой на протяжении многих лет стремились все лидеры партий, и Цезарь ее достиг.

АФРИКАНСКАЯ ВОЙНА

Как только это восстание было подавлено, Цезарь отправился, чтобы разгромить остатки своих врагов, собравшихся в Африке. Разгромленное войско разбежалось в разные стороны, но самая большая часть беглецов добралась до Диррахия и там обсуждала свои дальнейшие действия. Катон, которому было предложено командование, отказался от него в пользу Цицерона, как своего старшего по званию; но оратор отказался дальше участвовать в чести и опасностях бесплодной борьбы и с грустью отправился в Италию. Его жизнь с трудом удалось спасти от ярости Кнея, старшего сына великого Помпея, человека с неуправляемыми страстями и ограниченными способностями. Вскоре после этого Сципион принял командование основными силами и перебросил их в Утику в провинции Африка. Катон во главе другого отряда обогнул побережье Греции и Азии и собрал несколько разрозненных сторонников дела. Он следовал по следам Помпея, но когда до него дошла весть об убийстве своего вождя, он высадился на берегу Ливии и потребовал впустить его в стены Кирены. Местные жители закрыли ворота, но Катон, всегда не желавший проявлять бесполезную суровость, великодушно воздержался от наказания их. Стремясь теперь соединиться с остатками своих друзей, он прошел вдоль побережья на запад до Малой Сиртиды, а затем с своей небольшой армией погрузился в песчаную пустыню. Семидневный марш через эту негостеприимную местность, изнуряющую жарой и кишашую змеями, по праву считается одним из самых благородных подвигов римских легионеров. Поэт «*Фарсалии*» возвышает его над тремя триумфами Помпея и победами Мария над тираном Нумидии. Он с прощательным энтузиазмом отворачивается от обожествленных монстров, Калигул и Неронов своего времени, чтобы приветствовать его достигшего как истинного Отца Родины, единственного достойного объекта поклонения свободного человека.

За прибытием Катона в штаб республиканцев в Утике вскоре последовало прибытие Гнея Помпея, и в течение 47 года остатки великой армии Фарсалии были собраны с многочисленными подкреплениями под знаменами Сципиона. Эти силы насчитывали не менее десяти полных легионов, и Юба, который мог вывести на поле боя сто двадцать слонов, помимо бесчисленных эскадронов легкой кавалерии, обещал свою помощь. Офицеры начали хвастаться своими будущими триумфами почти так же громко, как и до недавних поражений. Их вызов нашел отклик на противоположном берегу Италии и вызвал новую панику среди конъюнктурщиков, которые отказались от дела Помпея после его первого поражения. Но эти войска, какими бы многочисленными они ни были, по-видимому, не были в состоянии выбрать далекое поле действий. Нехватка денег, возможно, заставила ее вождя по-прежнему действовать в обороне и в течение целого года ждать ожидаемого нападения врага. Эти вожди также не были свободны от личной зависти. Сципион и Вар боролись за командование, один как первый по званию и достоинству, другой как законный проконсул провинции; а Юба, осознавая свою важность для дела, делал вид, что господствует над обоими. Только Катон продолжал действовать с обычной для него простотой целей и патриотической преданностью. Но его благородное поведение вызывало упреки в эгоизме со стороны его соратников, и они ухитрились отстранить его от участия в совещаниях, поручив ему оборону Утики, в то время как сами перенесли свои штабы в окрестности Адруметума. Храбрый философ радовался, что его не заставляли брать в руки меч в гражданской войне, и при этом он не менее усердно занимался сбором припасов и подготовкой к обороне. Из всех заявленных защитников римской свободы только он один

действительно сожалел о необходимости вооружаться за ее дело; с самого начала войны он отказался подстричь свои седые волосы и сбрить седую бороду, а со рокового дня Фарсалы он продолжал сидеть за скромными трапезами и отказывал себе в удовольствии лежать на диване.

[47-46 гг. до н. э.]

Прошел целый год, а республиканцы, сложа руки, наблюдали за опасностями, которые Цезарь преодолел в Александрии, за его победой над Фарнаком и за блестящим приемом, который ему устроили в Риме. Цезарь собрал шесть легионов и две тысячи всадников в Лилибее на Сицилии, и в середине октября 47 года он появился у африканского побережья с первой частью своих войск и призвал республиканцев в их лагере в Адриметуме сдаться «императору Цезарю». «Здесь нет императора, кроме Сципиона», — ответили они и казнили его посланника как дезертира. Диктатор отплыл в Лептис, где его пригласили укрыться, пока он ждал прибытия остальной части своего флота.

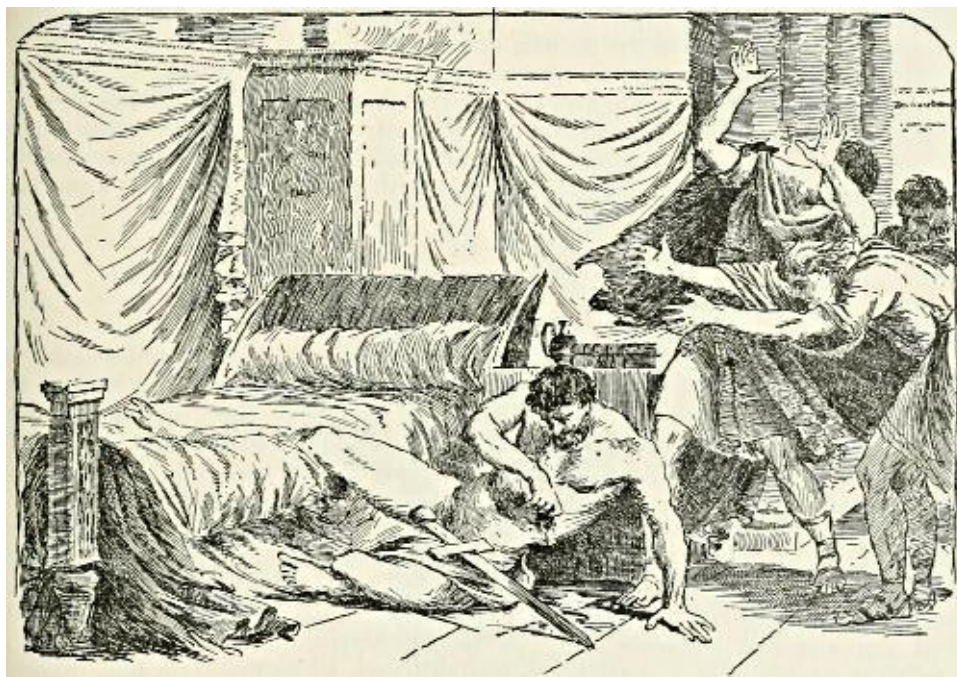
Пока подкрепление медленно прибывало, он подвергся нападению Сципиона и испытывал неудобства и опасность от действий вражеской кавалерии. Лабиен, который часто атаковал его во главе римской конницы, прославился жестокими насмешками, с которыми он обращался к ветеранам, которых он так часто вел к победе. Но Цезарь удерживал укрепленную позицию, пока не смог продвинуться вперед с силами в пять легионов. В то же время союз, который он заключил с мавританскими царями Богудом и Бокхом, завистливыми соперниками нумидийцев, позволил ему отвлечь Юбу на защиту своей столицы Цирты. Он продвигался вперед, предлагая сражение, которое Сципион, несмотря на превосходство в численности, неуклонно отказывался принимать, пока Юба не вернулся со своими прославленными слонами и кавалерией. Необходимость заставила римских военачальников подчиниться возмутительным унижениям со стороны этого варварского союзника. Он запретил Сципиону носить пурпурный плащ императора, который, по его заявлению, принадлежал только царям. Когда он издавал свои царские указы римским офицерам, они выполнялись даже более точно, чем приказы самого генерала.

Наконец, 4 апреля армии встретились на поле Тапсуса. На этот раз многие из людей Цезаря были новобранцами, и он не был лишен некоторых опасений по поводу их стойкости. Но они были не менее нетерпеливы к началу сражения, чем ветераны, которых их генерал рекомендовал им в пример (), и громко требовали сигнала к началу боя. Пока он еще колебался, сдерживая рукой и голосом нетерпеливое колебание рядов, внезапно на правом фланге раздался звук одной трубы. Неудержимая ярость десятого легиона не могла больше терпеть сдерживания; они подняли сигнал без приказа, и теперь вся армия устремилась вперед единым неразрывным корпусом, преодолев попытки своих офицеров удержать их. Цезарь, увидев, как один за другим проносятся мимо него ряды солдат, без возможности их остановить, сказал своим слугам «Удачи!» и погнал своего коня вперед, к голове своих батальонов. Сражение было быстро решено. Слоны, сбитые с толку первым залпом камней и стрел, обернулись против рядов, которые они должны были прикрывать, и разбили их построение. Местная кавалерия, приведенная в смятение потерей привычной поддержки, первой покинула поле боя. Легионы Сципиона оказали небольшое сопротивление; они укрылись за своими укреплениями. Но их офицеры бежали, и солдаты, оставшиеся без командира, бросились в погоню за своими разгромленными союзниками. Они обнаружили, что нумидийский лагерь находится в руках врага; они просили пощады, но им не проявили милосердия, и сам Цезарь с ужасом наблюдал за страшной резней, которую он был бессилием остановить. Сципион бежал к побережью и вместе с другими отплыл в

Испанию, но был перехвачен и убит.^[119] Юба и Петрей бежали вместе и укрылись в стенах Замы. Но нумидийцы радовались поражению своих тиранов и отказали им в утешении и убежище. Беглецы, отвергнутые повсюду и не желая просить пощады у победителя, устроили банкет, напились допьяна и вызвали друг друга на смертельный бой. Петрей, старший из них, был убит своим противником, который затем бросился на свой меч.^[120]

Вечером того же дня в Утике стало известно о разгроме в Тапсе. На следующий день Катон созвал римских офицеров и жителей и изложил им положение дел. Спокойно и бодро он перечислил средства защиты и предложил им самим решить, будут ли они сопротивляться завоевателю или же будут искать спасения в бегстве или капитуляции. Всадники и сенаторы, не надеясь на помилование, были готовы сражаться до последнего, но торговцы и мирные жители, давно поселившиеся в Утике и осознававшие, что до сих пор не делали ничего, чтобы вызвать гнев нападавшего, настаивали на своевременной капитуляции. Когда стало известно, что Цезарь приближается, Катон приказал закрыть все ворота, кроме тех, что вели к морю, и призвал всех желающих бежать на корабли. Он отпустил своих личных друзей, из которых лишь немногие, в том числе его собственный сын, настояли на том, чтобы остаться с ним, поскольку он ясно дал понять, что сам не покинет своего поста. С этими дорогими ему людьми он сел за ужин и с большим, чем обычно, энтузиазмом рассуждал о высших темах философии, особенно о знаменитом парадоксе стоиков, что только добрый человек свободен, а все злые — рабы. Его спутники не могли не догадаться о тайном замысле, над которым он размышлял. Они выдавали свое беспокойство лишь молчаливыми жестами, но Катон, заметив их подавленное настроение, старался их взбодрить и отвлечь их мысли, переводя разговор на темы, представлявшие для них интерес в данный момент.

В этот момент шла погрузка, и Катон неоднократно спрашивал, кто уже вышел в море и каковы перспективы путешествия. Уйдя в свою комнату, он взял *«Диалог о душе»*, в котором Платон записал последние стремления своего умирающего учителя к бессмертию. Прочитав некоторое время, он поднял глаза и заметил, что его меч был убран. В порыве раздражения он дал волю вспышке насилия, которая часто характеризовала поведение римского господина по отношению к своему рабу; вызвав своего слугу, он ударил его по рту, ушибив себе руку. Затем он послал за своим сыном и друзьями и резко упрекнул их за их недостойную осторожность; «как будто, — сказал он, «как будто мне нужен был меч, чтобы убить себя, и я не мог, если бы захотел, положить конец своей жизни, ударившись головой о стену или просто задержав дыхание». Успокоенные, возможно, на мгновение его спокойным поведением, они вернули ему оружие и, по его настоятельной просьбе, снова оставили его одного. В полночь, все еще беспокоясь о тех, кто уезжал, он снова послал спросить, закончилась ли посадка на корабли. Посланник вернулся с уверением, что последний корабль сейчас отходит от причала. Тогда Катон бросился на кровать, как будто собираясь отдохнуть на ночь, но когда все утихло, он схватил меч и вонзил его себе в живот. Рана не была смертельной, и жертва завывала и закрутилась на полу. Шум сразу привлек его обеспокоенных слуг. Хирург был под рукой, и пострадавший был без сознания, когда ему вправили выпавшие кишки и зашили рану. Но, придя в себя, он оттолкнул своих безутешных друзей, разорвал смертельную рану и скончался с той же упорной решимостью, которая отличала каждое его действие в жизни.

СМЕРТЬ КАТОНА

(По рисунку Мириса)

Катон не имел причин отчаиваться в возможности сохранить жизнь при новой тирании. Ранее он размышлял о том, что в таком случае он найдет убежище в уединении и философии. Но его взгляды на высшее благо углубились и омрачились с падением людей и

вещей, которые он больше всего ценил. Теперь он спокойно убедил себя, что с потерей свободы действий его жизнь утратила смысл. Он считал свою карьеру преждевременно завершённой и полагал своим долгом положить конец своей неудачной жизни.^[121] Цезарь, узнав о его самоубийстве, сожалел, что был лишен удовольствия помиловать его, и, согласно наиболее достоверным свидетельствам, проявил к своим соратникам ту же милосердность, которой он так долго отличался. Но тот же человек, который теперь мог говорить и действовать так великодушно, не постеснялся в более поздний период ответить на панегирик Цицерона книгой, которую он назвал *«Анти-Катон»*, в которой он высмеял тщетные притязания мудреца и насмеялся над ним за то, что он выгребал пепел своего брата для золотых украшений его погребального костра, за то, что он отдал Хортензию жену, которая родила ему столько детей, сколько он хотел, и снова взял в свои объятия вдову, обогатившуюся благодаря великолепному приданому. Если бы гордый философ мог предвидеть время, когда безрассудная власть будет беспрепятственно попрасть добрую славу своих жертв, он бы с большим ужасом отверг такое моральное падение, чем рабство тела.^c

СРАВНЕНИЕ ЦЕЗАРЯ И КАТОНА САЛЛУСТИЕМ

«Услышав и прочитав о многих славных достижениях, которых римский народ добился как на родине, так и на поле боя, на море и на суше, я случайно задумался о том, что же было основой таких прославленных деяний. Я знал, что римляне часто с небольшими отрядами сталкивались с огромными армиями врага; я знал, что они вели войны с ограниченными силами против могущественных правителей; что они часто терпели насилие неблагоприятной судьбы; но при этом греки превосходили их в красноречии, а галлы — в военной славе. После долгих размышлений я пришел к убеждению, что причиной всех этих успехов была выдающаяся добродетель немногих граждан; и поэтому бедность торжествовала над богатством, а немногие — над множеством. И даже в более поздние времена, когда государство было развращено роскошью и праздностью, республика все еще поддерживала себя собственными силами, несмотря на неправомерные действия своих полководцев и магистратов; когда, как будто исчерпался родительский род, в Риме на протяжении многих лет не появилось ни одного гражданина с выдающимися способностями. Однако, насколько я помню, появились два человека с замечательными способностями, хотя и очень разными характерами, Марк Катон и Гай Цезарь, которых, поскольку эта тема заставила меня вспомнить о них, я не намерен промолчать, а опишу, насколько смогу, характер и манеры каждого из них.

«Их происхождение, возраст и красноречие были почти одинаковыми; их величие духа было схожим, как и их репутация, хотя и достигнутая разными средствами. Цезарь прославился своей щедростью и великодушием, а Катон — честностью своей жизни. Цезарь был уважаем за свою человечность и доброжелательность, а Катону достоинство придавала строгость. Цезарь приобрел известность, давая, помогая и прощая, а Катон — ничего не давая. В Цезаре было убежище для несчастных, а в Катоне — гибель для плохих. В Цезаре восхищали его спокойствие и уравновешенность, в Катоне — его твердость. Цезарь, в конце концов, посвятил себя энергичной и активной жизни; заботясь об интересах своих друзей, он пренебрегал своими собственными; он не отказывал другим ни в чем, что заслуживало принятия, в то время как для себя он желал большой власти, командования армией и новой войны, в которой он мог бы проявить свои таланты. Но амбиции Катона заключались в умеренности, благоразумии и, прежде всего, в строгой аскетичности (); он не соперничал в роскоши с богатыми, ни в фракционных спорах с мятежниками, но в мужестве с храбрыми, в скромности с скромными, в воздержании с воздержанными; он больше стремился быть

добродетельным, чем казаться таковым; и таким образом, чем меньше он стремился к популярности, тем больше она преследовала его». [e\[122\]](#)

СНОСКИ

[\[119\]](#) [Флор^d говорит: «Сципион уплыл на корабле, но, когда враг догнал его, он вонзил меч в свои внутренности; и когда кто-то спросил, где он, он ответил: «Генерал в порядке»». Аппиан^f говорит: «он пронзил себя мечом и бросился в море».]

[\[120\]](#) [Флор^d говорит: «Петрей убил и Юбу, и себя; и наполовину съеденные блюда и погребальные яства смешались с кровью царя и римлянина».]

[\[121\]](#) [Флор^d по-римски говорит: «Узнав о поражении своей партии, он не колебался умереть, но даже с радостью, как и подобает мудрому человеку, поспешил к своей смерти».]

[\[122\]](#) [Сравнение Цезаря и Катона, сделанное Саллюстием, не должно вводить читателя в заблуждение относительно важности последнего, который на самом деле оказал малое влияние на великие события своей эпохи.]

ГЛАВА XXV. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЦЕНЫ ЖИЗНИ ЦЕЗАРЯ

КОНЕЦ АФРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ

Самоубийство Катона было последовательным поступком языческого философа, решившего, по крайней мере, сохранить чистоту своей души, не запятнанной низкими уступками. Безусловно, спокойное достоинство, с которым оно было совершено, заслуживает нашего уважения и сострадания, если не принцип, на котором оно было основано. Совсем иначе поступили грубый варвар Юба и грубый солдат Петрей, которые бросились навстречу своей гибели. Они вместе бежали с поля битвы, и нумидийский вождь предложил своему товарищу убежище в одной из своих крепостей. Римская провинция была настолько враждебно настроена по отношению к варварскому вождю, что он был вынужден днем скрываться в самых уединенных деревнях, а ночью бродить по стране, стремясь вернуться домой. Так он добрался до Замы, своей второй столицы, где находились его жены и дети, а также его самые ценные сокровища. Это место он тщательно укрепил в начале войны, построив обширные и массивные сооружения. Но когда он появился перед стенами, жители намеренно закрыли перед ним ворота и отказались впустить врага победоносного римлянина. Перед тем как отправиться в свою последнюю экспедицию, Юба построил огромный костер в центре города, заявив о своем намерении, если ему не повезет, сложить на него все, что ему было дорого и ценно, вместе с убитыми телами главных граждан, а затем занять свое место на вершине и сжечь все в одном торжественном пожаре. Но нумидийцы не прониклись сочувствием к этой демонстрации отчаяния своего правителя и решили не впускать его в свои стены. Юба тщетно пытался прибегнуть ко всем видам угроз и мольбы, на которые не последовало никакого ответа, и в конце концов отступил, но только для того, чтобы встретить такой же прием во всех других местах, куда он обращался. По крайней мере, он мало надеялся на милосердие, которое победитель проявил к его побежденным соотечественникам. Его спутник, жесткий, как его собственный железный панцирь, презирал его. Беглецы ужинали вместе и, опьяненные дымом банкета, бросили друг другу вызов на взаимное убийство. Они были неравны: старый ветеран был быстро убит своим более активным противником, но Юба остался тверд в своем решении и только попросил помощника нанести ему последний смертельный удар.

Не менее катастрофичной была судьба Консидия, Афрания и Фауста Суллы. Первый из них отказался от обороны Тисдра при приближении войск, которые Цезарь направил против него, и попытался бежать с накопленными сокровищами на территории, до сих пор дружественные, нумидийских вождей. Он был убит за свою накопленную добычу гаетулами,

которые сопровождали его в бегстве. Другие сохранили командование эскадроном кавалерии Сципиона и, сожгли один город, закрывший перед ними ворота, совершили отчаянную атаку на военный пост, который Катон удерживал за стенами Утики, чтобы отомстить казерианским сторонникам, содержавшимся там под стражей. Не достигнув своей цели, они проникли в Утику, где все еще командовал Катон, и своим жестоким и свирепым поведением еще более омрачили его последние дни. Оттуда они повели своих головорезов вдоль побережья в надежде найти средство для переправки их в Испанию. Но по дороге они столкнулись с Ситтием, который продвигался, чтобы присоединиться к Цезарю; их люди были разгромлены, а сами они взяты в плен. Банды римских авантюристов вели войну с той же жестокостью, что и варвары, среди которых они ее практиковали. Пленники поссорились между собой; их страсти, возможно, разгорелись при распределении пленных и добычи; и Афраний, и Фауст были убиты в последовавшей за этим схватке. Но убийство сына диктатора Суллы, пусть и случайное, или, по крайней мере, несанкционированное, вряд ли могло не быть предъявлено представителю Мария как преднамеренное деяние.

В то время как его враги бежали и гибли, Цезарь торжественно продвигался с места своего последнего подвига, принимая по пути подчинение городов, унося с собой запасы и сокровища, собранные для использования его врагами, и оставляя гарнизоны, чтобы удержать их в верности. Когда он приблизился к Утике, его встретил Л. Цезарь, чья просьба о пощаде, по-видимому, ограничивалась его собственной персоной, и которому, как и длинному списку выдающихся знатных лиц, завоеватель обещал свою защиту. Он с видимой искренностью сожалел о том, что Катон лишил его удовольствия помиловать того, кто из всех его противников был самым упорным в своем сопротивлении и самым закоренелым в своей ненависти. Роковое согласие сенаторов Утики, которые, не довольствуясь тем, что подчинялись приказам своих врагов, еще и вносили деньги на их дело, дало ему благовидный повод опустошить их казну, чтобы заполучить сокровища, в которых он теперь так остро нуждался. Его требования составили двести миллионов сестерциев. В то же время город Тапс был оштрафован на два миллиона, а компания римских торговцев — на три. Хадруметум заплатил три миллиона, а его римские капиталисты — пять. Лептис и Тисдрус также пострадали в соответствующей пропорции. В Заме был проведен грандиозный аукцион по продаже всех предметов королевского имущества Юбы и имущества римских граждан, которые носили оружие по приказу тирана. На народ, который так смело бросил вызов своему правителю и отказал ему во входе в свои стены, были щедро пролиты почести и щедрые подарки, а налоги, которые до сих пор взимались для королевской казны, были частично списаны сборщиками республики. Но страна Нумидия была лишена независимости и окончательно превращена в провинцию под проконсульством Саллюстия. Награжденные и наказанные одинаково согласились с решениями завоевателя; с тех пор Африка полностью подчинилась его власти. Утиканцам было позволено почтить память своего покойного правителя похоронами и статуей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОМУ

Цезарь уладил дела в Африке с присущей ему оперативностью и 14 апреля 46 года до н. э. отплыл из Утики. По пути в Италию он остановился в Каралисе на Сардинии. Помощь, которую остров оказал его противникам, дала ему удобный повод для вымогательства у жителей больших сумм денег. В конце того же месяца он снова поднял якорь, но преобладание восточных ветров неоднократно заставляло его причалить к берегу, и он наконец достиг Рима на двадцать восьмой день после отправления из столицы Сардинии.

Сообщения, которые он получил в это время о возрождении республиканского дела в Испании, не вызывали у него особого беспокойства. Кней был задержан болезнью на Балеарских островах, а беглецы с поля битвы при Тапсусе были почти все уничтожены при попытке достичь места, на которое были направлены их последние надежды. Легионеры, взбунтовавшиеся против Кассия Лонгина, по-прежнему были либо недовольны обращением со стороны сменившего его командира, либо боялись мести своего генерала, когда представится подходящая возможность. Именно от солдат Цезаря поступило приглашение республиканским вождям возобновить борьбу на земле Испании. Дух старого содружества все еще жил во многих городах Бетики; обещания поддержки давались свободно, но остатки африканской армии были ничтожны как по численности, так и по боеспособности. Из всех высокомерных знатных людей, которые толпились в шатре Помпея в Луцерии или Фессалониках, ни один из известных истории не остался в строю, за исключением одного Лабиена. Ему действительно удалось бежать из Африки вместе с Варусом, но повстанцы уже поставили себя под командование Скапулы и Апония, своих собственных офицеров, и не хотели подчиняться никому, кроме сына великого Помпея. В какой степени распространилось пламя восстания, Цезарь в то время, вероятно, не знал. Он с нетерпением ждал, когда же наконец сможет пожать плоды стольких кровопролитий, занять завоеванную им почетную должность и воплотить в жизнь принципы и цели, к которым он стремился столько лет. Далекое и незначительное восстание можно было подавить, не выезжая на место. Соответственно, Г. Дидий, офицер без особой репутации, был отправлен с военно-морскими и военными силами на помощь Требонию, которого, однако, он застал уже изгнанным из своего правительства растущей силой нового движения.

Тем временем Рим, во время отсутствия завоевателя, погрузился в состояние вялого спокойствия. Всеобщее убеждение в том, что власть диктатора непобедима, подавило все дальнейшие проявления духа недовольства. Долабелла был вознагражден командованием в недавней кампании, а другие, на чью верность и военное мастерство он мог положиться, были оставлены для устрашения недовольства. Самые знатные представители знати, теперь не имея повода оставаться в Риме, чтобы заискивать перед ревнивым правителем, в основном удалились в свои загородные поместья; но Цицерон, по-видимому, боялся вызвать недоверие, если бы он ушел из поля зрения общественности. Однако он занимался философскими исследованиями и мог радоваться тому, что, в отличие от многих своих современников, погрузившихся в бурную политическую жизнь, никогда не бросал литературные занятия, которые были им общими в молодости. Хотя он по-прежнему относился к борьбе в Африке с чувствами истинного республиканца, он с вздохом признавал, что, хотя одна из сторон была, несомненно, более правой, победа любой из них была бы одинаково катастрофичной. Вероятно, он держался в стороне от действий раболепного сената, который в течение месяцев отсутствия Цезаря занимался придумыванием новых почестей для него. Прежде всего, он постановил провести религиозную церемонию благодарения, которая должна была длиться сорок дней, что в два раза превышало срок, на который ранее распространялась благодарность народа, и именно по длительности этого праздника оценивалась честь. Затем он постановил, что триумфальная колесница победителя должна быть запряжена лошадьми белого цвета, священного цвета, и что число сопровождающих его ликторов должно быть удвоено. Ему было предложено занять должность цензора на три года под новым титулом, который не должен был слишком напоминать гражданам о временах республиканской свободы, — *префект нравов*, или регулятор нравов. Изменения, которые революционная буря произвела в положении столь многих граждан, оправдывали обращение к старому конституционному средству для очищения сената от скандальных или обедневших членов и вливания в его жилы новой крови.

Наиболее существенным из всех этих даней верховенству Цезаря был декрет, которым он был назначен диктатором на срок в десять лет; таким образом, инициатива в принятии законодательных мер была соединена в его руках с командованием легионами как внутри страны, так и за ее пределами. Ему были присвоены и другие почетные звания, соответствующие духу времени. Его кресло должно было располагаться между креслами консулов в сенате; он должен был председательствовать и давать сигнал к началу игр в цирке; а его фигура из слоновой кости должна была нестись в процессии среди изображений богов и храниться в Капитолии, напротив трона самого Юпитера. Ему должны были воздвигнуть бронзовую статую, стоящую на глобусе, с надписью «Цезарь, полубог». Его имя должно было быть выгравировано на антаблементе Капитолия, на месте имени Катула, его истинного восстановителя. Историк, рассказывающий об этих почестях, уверяет нас, что помимо них было предложено еще много других; он только не стал их перечислять, потому что Цезарь не считал нужным их принимать. Трудно представить, до каких низших глубин раболепия мог опуститься сенат и какие высшие почести мог бы отвергнуть завоеватель.

ТРИУМФЫ ЦЕЗАРЯ

Настало время празднования галльского триумфа, которое так долго откладывалось. За это время император одержал множество побед, а ряды его ветеранов пополнились новыми рекрутами, так что каждый солдат, который участвовал в его последних сражениях и успехах, требовал награды в виде участия в его почестях. Цезарь потребовал не один, а четыре триумфа: первый — за завоевание Галлии, второй — за поражение Птолемея, третий — за победу над Фарнаком и последний — за свержение Юбы. Но он тщательно избегал всяких упоминаний о том, что на самом деле было его самыми блестящими достижениями. В Испании и Фессалии он разгромил дисциплинированные легионы своих соотечественников, но их поражение не принесло республике ни славы, ни новых территорий. Слава, которая отразилась на победителе, была сомнительной и бесплодной. Четыре триумфа праздновались с интервалом в несколько дней, чтобы интерес публики не ослабел от пресыщения. Первая процессия сформировалась на Марсовом поле, за стенами города. Она прошла через триумфальные ворота у подножия Капитолийского холма и пересекла глубокую лощину Велабрум и Форум Боариум по пути к Цирку Максиму, который занимал долину между Палатином и Авентином. Проходя через Велабрум, колесница, в которой стоял император, сломалась; эта неудача так поразила его, что, как говорят, он больше никогда не садился в колесницу, не произнеся заклинания.

Длинная процессия огибала подножие Палатина, обходя холмы Авентина и Целия, до места, где сейчас стоит арка Константина. Там она начала подъем по пологому склону, отделяющему бассейн Колизея от бассейна Римского форума. Она следовала по тому же пути, который сейчас ведет под аркой Тита, вымощенной сегодня массивными глыбами тесаного камня, которые, возможно, когда-то эхом отражали топот легионов Цезаря. Слегка наклоняясь вправо в том месте, где она достигала вершины хребта и смотрела вниз на комитий и роstrу в направлении Капитолия, она проходила мимо места, где позже был построен храм Юлия; оттуда она огибала правую сторону Форума под аркой Фабия, пока не достигала точки чуть дальше существующей арки Севера, где две дороги разветвлялись: одна вела к Капитолийскому храму, другая — к Мамертинской тюрьме. Именно здесь Цезарь свернул на левую дорогу, ведущую к триумфу, а Верцингеторикс был уведен направо и задушен в подземной темнице. Галльский герой, несомненно, встретил с твердостью и достоинством судьбу, к которой он так долго был обречен, в то время как его победитель демонстрировал печальное зрелище человеческой немощи, ползая по ступенькам Капитолия на коленях, чтобы отвратить гнев мстительной Немезиды детским актом

унижения. Следующий зафиксированный случай подобного унижения касается императора Клавдия, который, будучи тучным и неуклюжим, совершил этот нелепый поступок, опираясь на руки по обеим сторонам. Вероятно, такая практика не была чем-то необычным и, как можно полагать, была глубоко укоренилась в древних и распространенных предрассудках. Ее остатки сохранились до наших дней, и любопытные могут увидеть их даже сегодня на ступенях Ара Цели и на Санта-Скала в Латеране.

ЖРЕЦ

Последующие дни триумфа прошли без перебоев и удачно. Народ был доволен видом египетской принцессы Арсиной, ведомой в плену на колеснице победителя; но ей была пощажена судьба галльского вождя из-за благосклонности к ее сестре или, возможно, из жалости к ее полу. Сын короля Нумидии, который следовал за триумфальной колесницей, также был пощажён и дожил до того, что Август вернул ему корону его отца. Хотя Цезарь воздержался от претензий на титул триумфа над своими соотечественниками, он не постеснялся выставить их изображения на всеобщее обозрение во время процессии. Фигуры или изображения побежденных вождей несли на носилках, и они изображали способ их смерти. Сципион был изображен прыгающим в море в отчаянии; Катон — вонзающим меч в собственные внутренности; Юба и Петрей — сражающимися на смерть; Лентул — заколотым египетским убийцей; Домиций — пронзенным, возможно, в спину, в знак его бегства. Только фигура Помпея была убрана из опасения, что она может вызвать сочувствие у народа, любимцем которого он был еще недавно. Но и так зрители не остались равнодушными. Они отнеслись к бесчувственному показу римского поражения и катастрофы с подобающей им чувствительностью (). Но изображения Ахилла и Потина были встречены нескрываемыми овациями, а громким криком презрения сопровождалось представление Фарнака, бегущего в смятении с поля битвы. В конце концов, самой впечатляющей частью церемонии, должно быть, было появление грубых ветеранов, чьи длинные ряды замыкали процессию. С каким невежественным изумлением должны были смотреть дети Галлии и Иберии, Эпира и Африки на великолепие города, слава о котором разносилась по их родным хижинам! Какое презрение они должны были испытывать к безоружной толпе, ухмыляющейся вокруг них! Как беззаботно они должны были

относиться к достоинству консулов и сенаторов, которые позволяли себе выкрикивать насмешливые песни на уши своего собственного полководца! Они и не думали, что серьезные историки будут использовать их грубые лагерные шутки в качестве доказательства против славы их прославленного вождя; еще меньше они могли представить себе новую силу, которую отныне будет представлять в государстве военный класс. Рим, по сути, принадлежал им, но это была тайна, которую они еще не могли раскрыть.

Однако удовлетворение его вооруженных сторонников было первым условием, на котором отныне должна была основываться верховная власть диктатора в городе. Действительно, не менее важным было обеспечить хорошее настроение городского населения. В то время как солдаты получали по двадцать тысяч сестерциев, требования гораздо более многочисленной массы свободных граждан не были недооценены и составили по четыреста; тем более что они получили дополнительное вознаграждение в виде освобождения от уплаты арендной платы за жилье в течение одного года. Неясно, чем эта уступка отличалась от той, из-за которой Целий и Долабелла подняли бунт, но диктатор так энергично сопротивлялся всем попыткам отклонить справедливые требования кредиторов во всех предыдущих случаях, что вряд ли можно сомневаться в том, что в данном случае он выплатил землевладельцам компенсацию из государственной казны. Большинство граждан было приглашено на великолепный банкет, на котором из бочек свободно лились вина из Хиоса и Фалерна, лучшие продукты Греции и Италии, а единственный заводчик предоставил шесть тысяч миног, самое изысканное лакомство римских гурманов. Могучая толпа расположилась за двадцатью двумя тысячами столов; каждый стол имел три кушетки, и каждая кушетка, как можно предположить, принимала трех гостей; таким образом, общее число участников пира могло составить почти двести тысяч человек. Когда Цезарь взял на себя функции цензора, число получателей государственной раздачи зерна оценивалось в 320 000 человек. После тщательной проверки их заявлений на предмет подлинности и резиденции он смог исключить из этого списка 150 000 человек. Если к оставшимся добавить сенаторов и всадников, а также нескольких богатых людей, которые, возможно, презирали государственное обеспечение, то итоговая сумма будет довольно точно соответствовать числу императорских гостей, рассчитанному выше.

Публичные представления, сопровождавшие эти подарки, проводились с большей пышностью, чем даже те, которые недавно устраивал Помпей. Ни в чем магистраты республики не соперничали друг с другом так явно, как в количестве диких зверей и гладиаторов, которых они приводили на арену. Естественная склонность итальянского народа к зрелищам и маскарадам все больше и больше перерастала в жажду крови; но в этом, как и во всем остальном, Цезарь стремился превзойти своих предшественников, и необычайная жестокость и кровавость представлений, которые он с удовольствием наблюдал, вызывали дрожь даже у жестокой толпы. Участниками игр в цирке были либо профессиональные гладиаторы, которые продавали свои услуги на определенный срок (), либо пленники, взятые в войне, либо, наконец, общественные преступники. Но Цезарь, пожалуй, был первым, кто поощрял частных граждан демонстрировать свое мастерство и доблесть в этих смертельных боях. Он позволил нескольким мужчинам в звании всадника и одному сыну претора унижить себя в глазах своих соотечественников, выставив себя на всеобщее обозрение. Только когда сенатор по имени Фульвий Сетин попросил разрешения таким образом протипотуировать свое достоинство, диктатор наконец решился остановить растущее разложение нравов.

Если римляне были потрясены кровопролитием, которое их приглашали аплодировать, то, похоже, они были также возмущены огромными суммами, которые тратились на эти показательные зрелища. Возможно, они предпочли бы, чтобы подарки им были больше, и

солдаты даже проявляли признаки недовольства и бунта в связи с этим. Ни один случай расточительных трат Цезаря не вызывал большего восхищения, чем то, что он растянул шелковый навес над головами зрителей в цирке. Этот прекрасный материал привозили только из самых дальних уголков Индии, и в то время он был чрезвычайно редким и ценным в Риме. Три века спустя он все еще был настолько дорог, что римский император запретил своей жене роскошь платья из тончайшего шелка, не смешанного с более дешевой тканью. Но более постоянным и достойным объектом императорских расходов был великолепный Форум, фундамент которого Цезарь заложил еще давно, используя трофеи своих Галльских войн. Между старым римским форумом и подножием Квиринала он распорядился оградить большое пространство рядами мраморных коридоров, соединяющих в один комплекс залы правосудия, торговые палаты и аркады для общественного отдыха. В центре был воздвигнут храм Венеры-предкини, покровительницы, для которой Цезарь сплел нагрудник из британских жемчужин и чье имя он использовал в качестве своего лозунга в дни своих величайших побед. Теперь он завершил серию своих триумфальных представлений, посвятив это любимое произведение. На протяжении веков оно оставалось заметным памятником славы и великолепия первого из Цезарей. Его преемники с гордостью строили рядом с ним новые арки и колонны и давали свои имена сооружениям, которые возводили в связи с ним. Наконец, Траян прорезал возвышенный хребет, соединявший Капитолий с Квириналом и препятствовавший дальнейшему расширению императорских форумов. Он заполнил впадину новым рядом зданий, занимавших столько же места, сколько совокупность сооружений его предшественников в этом квартале. Глубина его раскопок, как говорят, указана высотой колонны, носящей его имя.

ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ

[46-45 гг. до н. э.]

Наш обзор действий диктатора при исполнении его гражданских функций должен быть отложен, но только на мгновение, чтобы рассказать о коротком эпизоде его последнего военного подвига. Депеши его лейтенантов в Испании свидетельствовали о том, что эта провинция быстро переходила в руки республиканской фракции. Варус и Лабиен сбежали из Африки и присоединились к знамени, под которым Скапула собрал недовольные легионы в Испании. Кней Помпей также вышел из своего укрытия на Балеарских островах, и как только он появился в их лагере, все вожди олигархии отказались от своих притязаний на командование из уважения к человеку, который олицетворял славу и удачу их покойного лидера. Тем не менее, Скапула пользовался доверием солдат, Лабиен был офицером с проверенными способностями и репутацией, а Варус () по крайней мере занимал высшие военные должности, в то время как сам Кней был лично неизвестен легионам в Испании, и его единственным достижением на войне был блестящий морской подвиг. настолько подавленным было духом старой римской партии, которая на мгновение возродилась в Африке с тщетным ликованием, обнаружив, что она освободилась от господства своего собственного военного полководца. Кней, со своей стороны, по-видимому, рассматривал возобновившуюся борьбу как частную ссору. Его боевым кличем были не «Рим», «Свобода» или «Сенат», а «Pietas», «Сыновний долг».

Недовольство среди солдат Цезаря широко распространилось; значительная часть из них перешла на сторону новых лидеров; их ряды пополнились новобранцами из провинций; в армию были призваны даже рабы; а города и государства полуострова более или менее открыто оказывали поддержку этой cause. Не в отдаленных частях провинции и не среди полупокоренных местных княжеств, а в центре римского влияния и цивилизации, в самой

Кордубе, был развернут флаг авантюристов. Цезарь завершил церемонии своего четырехкратного триумфа и был глубоко погружен в трудную задачу законодательного урегулирования новой системы правления, которую он взялся создать, когда понял, что необходимо отложить все другие дела, чтобы вновь встретиться с врагами в бою. В те дни мореплавание было настолько ненадежным и утомительным, что он, возможно, выбрал сухопутный путь через Альпы и Пиренеи, чтобы быстрее достичь своей цели.^[123]

Подробности кампании, в которую он немедленно вступил, приводятся, но очень неясно, в последней из серии современных мемуаров, которые до сих пор были нашими путеводителями по военной истории того периода. С точки зрения композиции, она выдает меньше литературного мастерства, чем любые другие произведения подобного рода. Грубый солдат, который, по-видимому, был ее автором, без колебаний записал в их неприкрытой жестокости зверства, которые опозорили поведение обеих сторон. Человечность Цезаря страдает от этого больше, чем в любом другом современном повествовании о его действиях. Поход действительно был серией кровавых расправ с обеих сторон, но Кней, пожалуй, был самым жестоким из всех полководцев гражданских войн. Местом последнего акта римской свободы стала долина Гвадалкивира и ущелья Сьерра-де-Толар. После ряда беспорядочных маневров, о которых мы получаем из повествования лишь смутное представление, мы видим, что враждующие армии наконец выстроились в боевом порядке на поле Мунды. На этот раз Цезарь превосходил противника по численности, особенно в кавалерии, но враг был хорошо расположен и сражался хорошо: говорят, что никогда великий завоеватель не был так близок к поражению и гибели.^b

«Когда армии собирались вступить в бой, Цезарь, видя, что его люди идут вперед без энтузиазма и, похоже, боятся, призвал всех богов, вознося к ним руки к небу, умоляя их не дать затмить в один день блеск стольких славных деяний, и, пробегаая по рядам, ободрял своих солдат, сняв шлем, чтобы его лучше узнавали. Но что бы он ни делал, ему не удавалось поднять их боевой дух, пока он не выхватил щит из рук одного из солдат и не сказал трибунам, которые были рядом с ним: «Сегодня будет последний день моей жизни и вашего участия в войне». И в то же время он яростно бросился на врага; он пробежал едва десять футов, как в него полетело более двухсот дротиков, от некоторых из которых он уклонился, наклонив тело, а другие принял на свой щит, когда трибуны, соревнуясь, бросились к нему, и вся армия с яростью бросилась в атаку, они сражались весь день с переменным успехом, и наконец, ближе к вечеру, победа досталась Цезарю, и, как сообщается, после этого он произнес следующие слова: «Я часто сражался за победу, но сейчас я сражался за жизнь».

«После поражения люди Помпея бежали в Кордубу, Цезарь, чтобы не дать им уйти и вновь собраться для продолжения сражения, приказал окружить город войском, где солдаты, будучи настолько утомлены, что не могли работать над осадными сооружениями, сложили в кучу тела и доспехи убитых, которые они удерживали с помощью копьев, воткнутых в землю, и всю ночь провели под этим своеобразным валом. На следующее утро город был взят. Из полководцев Помпея Скапула, взобравшись на костер из дров, сжег себя; головы Варуса, Лабиена и других знатных лиц были принесены Цезарю. Что же касается Помпея, то он бежал с поля битвы со ста пятьюдесятью всадниками, направляясь к Картее, где стоял его флот; он вошел в порт на носилках, одетый как простой человек. Но, видя, что моряки также потеряли всякую надежду, он бросился в маленькую лодку, в которой, когда он выходил в море, его нога запуталась в веревках, и один из его людей, пытаясь перерезать веревку, по несчастью перерезал ему пятку, так что, чтобы залечить рану, он был вынужден высадиться на берег в небольшой деревне, где, услышав, что приближаются всадники Цезаря, он бежал через страну, покрытую терниями и колючками, что усугубило его рану, так что, устав и наконец сев под деревом, он был найден теми, кто преследовал его, и убит, доблестно защищаясь; его голову отнесли Цезарю, который велел ее похоронить. Так

[говорит Аппиан] эта война закончилась одной-единственной битвой и вопреки мнению всего мира».^a

Из всех лидеров сенаторской партии Секст Помпей был теперь единственным выжившим. Он бежал с поля битвы при Мунде и нашел убежище в самых диких районах провинции Виконтия. Он не мог надеяться на милосердие победителя, который проявил необычайную жестокость по отношению к его семье, конфисковав их родовые владения, и теперь готовился праздновать свой триумф над ними как над иностранцами и врагами государства. Доведенный до отчаяния, он вдохнул новый дух в грабительские наклонности племен, среди которых он нашел убежище, и продолжал бросать вызов власти провинциальных властей. Цезарь несколько месяцев занимался восстановлением правительства Испании, принимая меры для полного подавления партии, проявившей такую жизнеспособность в этой местности. Битва при Мунде состоялась 17 марта, но диктатор не мог вернуться в Италию до сентября, после десятимесячного отсутствия.

Враждебная позиция последних помпейцев в Испании была не единственным исключением из общего спокойствия, царившего во всей империи. В Галлии восстали беллоаки, но это движение было быстро подавлено Децимом Брутом, проконсулом недавно завоеванной провинции. Однако на крайнем Востоке республиканская партия под руководством Цецилия Басса продолжала сопротивляться. Их лидером был малоизвестный всадник, а их силы были незначительными и состояли в основном из двух легионов, которые Басс отвратил от верности Сексту Цезарю, полководцу, которому его родственник доверил управление Сирией. Но близость парфян, всегда выжидающих возможности нанести удар своим великим соперникам, делала любое движение в этом направлении опасным. Секст Цезарь был убит своими солдатами, и Басс захватил город Апамею, который с помощью врагов народа продолжал удерживать, несмотря на незначительные попытки изгнать его. Диктатор следил за ним и уже обдумывал его уничтожение, но на данный момент он был доволен тем, что оставил его дерзость безнаказанной, а сам занялся укреплением своей власти с помощью смелых и всеобъемлющих законодательных мер внутри страны.^b

ПОСЛЕДНИЙ ТРИУМФ

[45 г. до н. э.]

13 сентября 45 года диктатор вновь появился у ворот Рима, но торжествовал только в начале октября. Его победа была представлена как победа над иберами; несчастные изгои, которых объединил Кней, были все вместе обозначены общим названием «чужеземцы и враги». Двум лейтенантам диктатора, Фабию и Педию, который был также его родственником, была оказана честь отдельных триумфов. За этими церемониями, как обычно, последовали игры и праздники, которые держали народ в лихорадке восторга и восхищения. Они жаловались, что из множества представлений, предлагаемых их взору, каждый гражданин мог увидеть только часть, в то время как иностранцы, стекавшиеся на этот великий праздник народов, не могли понять драматических представлений. Игры теперь умножились в различных кварталах города, а пьесы ставились на разных языках для удобства всех народов. Подданные империи вошли в Рим как завоеватели в сопровождении Цезаря, и таким образом он торжественно провозгласил союз столицы с провинциями. Короли и республики направили своих послов на этот могущественный съезд народов. Среди них были мавры и нумидийцы, галлы и иберийцы, бритты и армяне, германцы и сирийцы. Евреи, оскорбленные Помпеем и ограбленные Крассом, с готовностью принесли дань уважения полководцу, который единственный из всех римлян обращался к ним с

добротой и уважением. Прибыла египетская царица Клеопатра с короной в руках, предлагая свои сокровища и милости своему поклоннику и защитнику. Все по очереди трепетали перед официальными прихотями римских всадников, и Цезарь, пожалуй, не мог отомстить им слаще и ярче продемонстрировать им всю свою власть, чем унизив перед их глазами этих мелких тиранов провинций. Он заставил одного из них, по имени Лаберий, который был также драматическим композитором, сыграть одну из своих комедий, то есть танцевать и петь на сцене перед собравшимися гражданами и иностранцами. «Увы!» — сказал несчастный человек в своем прологе, — «после шестидесяти лет чести я покинул свой дом рыцарем, чтобы вернуться в него мимом. Я прожил на один день больше, чем следовало». Цезарь вернул ему золотое кольцо рыцарства, утраченное из-за этого унижительного, но вынужденного поступка. Он также подарил ему большую сумму денег, чтобы, возможно, еще более полно продемонстрировать унижение его сословия.

Такие незначительные преследования, будь то личные или политические, несомненно, достойны сожаления. Но слава Цезаря в том, что его рука не обрушилась ни на одного из его сограждан. Племянник Мария забыл об изгнании своего дяди, о разрушении Карфагена и болотах Минтурны; мститель за сулланскую революцию презирал месть за проскрипции; защитник Цетега и Лентула воздержался от требования крови за кровь. Стоит отметить, что Цицерон, пожалуй, самый гуманный из своей партии, самый умеренный в своих взглядах, самый справедливый оценщик людей и мер, с трудом мог убедить себя в возможности того, что Цезарь воздержится от массовых убийств. Таково было понимание мудрого человека истории своих соотечественников; и когда он наконец обнаружил, что завоеватель не собирался использовать свою победу таким образом, его сердце, как мы опасаемся, осталось невозмутимым, и он, возможно, никогда не отказывался от тайной надежды, что противники Цезаря окажутся менее милосердными, чем он сам.

Милосердие завоевателя не ограничивалось лишь пощадой жизни его противников. Он воздержался от конфискации имущества, которая обычно сопровождала указы его предшественников. Конечно, богатства, которые поступали в Рим в виде дани от стольких новых подданных и в виде добычи из стольких храмов, облегчали проявление этой необычной щедрости. Возможно, было неблагородно сделать поместья своего великого соперника главным исключением из этого правила умеренности. Но Цезарь намеревался заклеить как мятежников против установленной власти тех, кто возобновил борьбу после Тапса, и эта конфискация была предназначена не как оскорбление мертвых, а как наказание живых противников. Имя Великого Помпея уже вошло в храм истории, и победитель гордился тем, что закрыл фасты республики столь прославленным титулом. Далекий от одобрения поспешности своих льстецов, снявших статуи Помпея и Суллы, он велел вернуть их на прежние места перед трибунами, среди изображений самых благородных поборников свободного государства. По отношению к институтам республики он проявлял такой же дух почтения. Он не искал новых форм для развития своей новой политики. Сулла пытался возродить аристократический дух древней конституции, разрушив существующую структуру законов, но народный диктатор, закладывая основу для более обширной революции, стремился сохранить ее в неприкосновенности. Став автократом во всех существенных проявлениях власти, он сохранил, по крайней мере внешне, все институты, наиболее противостоящие автократии: сенат, комиции и магистратуры. Но он уже давно говорил, что республика — не более чем тень, и эти самые институты давно были лишь инструментами, с помощью которых тираны достигали целей своей эгоистичной амбиции.

Цезарь теперь полностью осознавал, что он может влиять на римский мир, не подвергаясь вмешательству сената, две трети которого, возможно, были назначены им самим. Под санкцией органического закона он увеличил число членов ассамблеи до девятистот, тем

самым умалив честь, сделав ее дешевой; и он еще больше умалил ее в глазах самых гордых граждан, наполнив ее своими союзниками из провинций, своими солдатами и даже, если верить их горьким сарказмам, пленниками, которые только что следовали за его триумфальной колесницей. Римляне проявили свою изобретательность по отношению к этим выскочкам-чужакам, теряющимся среди леса колонн, которые толпились на публичных местах, и были вывешены плакаты, рекомендующие ни одному добропорядочному гражданину не проводить их в здание сената. Этот раболепный совет, менее заботящийся о внешнем виде, чем его глава, дал бы ему право назначать всех курульных и плебейских должностных лиц, полностью отменив избирательные прерогативы народа. Но Цезарь отказался уничтожить последнюю тень свободы, будучи уверенным, что никто не осмелится претендовать на магистратуру без его согласия. Он довольствовался тем, что рекомендовал определенных кандидатов для голосования народа, и эти рекомендации были равносильны приказам. Кроме того, сенат наложил на избранных обязательство присягать перед вступлением в должность, что они не будут предпринимать ничего против действий диктатора, поскольку каждое его действие было наделено силой закона. Консулы, преторы и другие должностные лица продолжали выполнять свои обычные функции под надзором диктатора; число преторов увеличилось, а консулы, хотя их число никогда не превышало двух одновременно, быстро сменялись, иногда ежемесячно, новыми претендентами, которых было целесообразно удовлетворить. Как явный защитник народа, Цезарь сохранил за собой соответствующие привилегии трибунской власти, которые также делали его личность неприкосновенной;^[124] в то время как сенаторы и всадники предлагали окружить его почетным караулом из своих членов, чтобы обеспечить эту неприкосновенность более сильным средством, чем закон. К реальной власти он добавил ее внешние признаки. В сенате, театре, цирке и зале суда он мог сидеть на своем золотом кресле в одежде царского величия, а его изображение было отчеканено на публичной монете.^[125] Помимо титула короля, нет более подходящего внешнего символа королевской власти, чем наследственная передача должностей и знаков отличия. Империи, или военное верховенство, которое было предоставлено Цезарю на всю жизнь, стало передаваемым его детям, а вместе с ним и августейшее отличие верховного понтифика.

В конечном итоге, пожизненная диктатура и консульство на пять лет с правом свободного распоряжения государственной казной обеспечили Цезарю исполнительную власть в государстве; империи давал ему командование вооруженными силами; трибунал наделял его правом вето на законодательство. Как принц, или первый человек в сенате, он руководил дебатами в этой ассамблее; как контролер нравов, даже ее личный состав зависел от его воли. Как верховный жрец он толковал религию государства и по своему усмотрению объявлял предзнаменования и гадания. Таким образом, финансы, армия, религиозная система, исполнительная власть с частью судебной власти и, косвенно, почти все функции законодательной власти были сосредоточены в руках автократа Римского государства. Тем не менее он не принял никакого титула, несовместимого с принципами республики и прецедентами конституционной истории.

РЕФОРМЫ ЦЕЗАРЯ

Какие же цели преследовал Цезарь, направляя это огромное накопление власти? Его заветный план объединения различных элементов империи неизбежно продвигался медленно. Он не стремился ускорить его с помощью насильственных мер.^с

От его последнего триумфа до его смерти прошло чуть более пяти месяцев (октябрь 45 г. до н. э. — март 44 г. до н. э.): от его четверного триумфа до испанской кампании прошло чуть более четырех месяцев (июнь-сентябрь 46 г. до н. э.). В эти два коротких периода были сжаты большинство законов, которые носят его имя и о которых мы сейчас кратко расскажем. Зло, которое он пытался исправить, существовало уже давно. Его длительное пребывание в Риме и активное участие во всех политических делах с ранней молодости до окончания консульства позволили ему хорошо познакомиться со всеми болевыми точками и всеми предлагаемыми способами их устранения. Его собственное ясное суждение, привычка быстро принимать решения и неограниченная власть, которой он обладал, облегчали ему законодательную деятельность, чем другим давать советы.

Длительные войны и щедрость, с которой он вознаграждал своих солдат и народ во время триумфов, привели к истощению казны. Он начал с пересмотра реестра граждан, главным образом с целью сокращения списка тех, кто получал ежемесячные пожертвования зерна из казны. Множество иностранцев было неправомерно включено в этот список, и он смог сократить список государственных нищих, проживающих в Риме или его окрестностях, с 320 000 до менее чем половины этого числа. Казна почувствовала немедленное и постоянное облегчение.

Но хотя для этой цели Цезарь проводил строгое различие между римскими гражданами и иностранными подданными республики, ни один правитель никогда не проявлял такой живости в отношении требований всех классов ее подданных. Другие популярные лидеры отстаивали интересы итальянцев, и все свободные люди полуострова за последние тридцать лет были сделаны римлянами, но никто до сих пор не проявлял интереса к требованиям провинциальных подданных Рима, за исключением Сертория, и его целью было скорее перенесение власти от итальянцев к испанцам, чем присоединение Испании к Италии. Цезарь был первым признанным правителем римского государства, который вышел за рамки городской политики и действительно имперски осмотрел обширные владения, подчиненные его власти. По отношению к тем, кто воевал с Римом, он был так же безжалостен, как и самый суровый из римлян, но никто так хорошо, как он, не знал, как «поощрить покорных»; почти никто, кроме него самого, не испытывал удовольствия от пощады. Все города Транспаданской Галлии, уже латинские, были возведены в ранг римских. Такая же высокая привилегия была предоставлена многим общинам Трансальпийской Галлии и Испании. Галльский легион, который он создал и назвал *Alauda* в честь жаворонка, который был эмблемой на их оружии, был вознагражден за свои услуги тем же даром. Все ученые, независимо от их происхождения, могли претендовать на римское гражданство. После его смерти среди его бумаг был найден план по повышению общин Сицилии до ранга латинских граждан.

Имперский характер правительства великого диктатора ярко проявляется в его нереализованных проектах. Среди них были осушение Понтийских болот, открытие озер Лукринус и Авернус для создания гавани, полное обследование и картографирование всей империи — планы, которые впоследствии были реализованы Агриппой, министром Августа. Еще одним, более запоминающимся проектом был кодекс законов, воплощавший и систематизировавший разрозненные судебные решения и прецеденты, которые в то время регулировали деятельность судов. Прошло несколько столетий, прежде чем эта великая

работа была завершена, в результате чего римское право стало законом цивилизованной Европы.

Либеральные наклонности диктатора проявились в том, как он восполнил огромные пробелы, которые гражданская война оставила в рядах сената. В последние годы число членов этого собрания было увеличено с первоначальных трехсот.^[126] Цицерон однажды упоминает, что в голосовании участвовали 415 членов, и, конечно, многие были отсутствующими. Но Цезарь увеличил его до девятистот, что значительно превышало самое большое число, которое когда-либо насчитывалось в его рядах. Многие из новых сенаторов были удачливыми солдатами, которые хорошо ему служили. Повышая таких людей до сенаторского ранга, он следовал примеру Суллы. Многие также были освобожденными гражданами городов Цизальпийской Галлии. Старые граждане были возмущены этим вторжением варваров. «Галлы, — сказал один остроумный человек, — променяли тревоы [брюки] на тоги и последовали за триумфальной колесницей завоевателя в сенат». «Было бы хорошо, — сказал другой, — если бы никто не показал новым сенаторам дорогу до дома».

Однако курульные должности по-прежнему присваивались людям итальянского происхождения. Первым иностранцем, достигшим консульства, был Бальбус, испанец из Гадеса, друг Цезаря; это произошло через четыре года после смерти диктатора.

Возрождение военного населения в Италии было целью не столько Цезаря, сколько прежних лидеров народа. Его ветераны получили мало земельных наделов в Италии. Основные поселения, которыми он их обогатил, находились в провинциях. Коринф и Карфаген были превращены в военные колонии и в некоторой степени восстановили свое бывшее величие и славу.

Он стремился восстановить сократившееся население Италии более мирными методами. Брачные узы, которые в эти разгульные времена стали чрезвычайно слабыми, поощрялись с помощью несколько необычных средств. Замужним женщинам разрешалось носить больше украшений и пользоваться более дорогостоящими экипажами, чем это позволяли законы о роскоши в Риме для женщин в целом. Женатый мужчина, имевший троих детей, рожденных в законном браке в Риме, или четверых, рожденных в Италии, или пятерых, рожденных в провинциях, освобождался от определенных обязанностей.

Большое злоупотребление рабским трудом было трудно исправить. Была сделана попытка применить средства, привычные для деспотических правительств. Был издан указ, согласно которому граждане в возрасте от двадцати до сорока лет не должны были отсутствовать в Италии более трех лет. Был возрожден древний закон, согласно которому на всех поместьях по крайней мере одна треть рабочих должна была состоять из свободных людей. Без сомнения, эти меры имели небольшой эффект.^[127]

Рассматривая подвластные ему территории как единое целое, наделенное или в скором времени наделенное общим равенством прав, а сам Рим — уже не как изолированный муниципалитет и господствующий город, а как центр и столицу римского мира, он приступил к созданию основ всеобъемлющей системы универсального законодательства. Его первоочередной задачей было развитие материального единства обширных регионов, подчиненных ему, путем тщательного изучения их местных особенностей. Как мы только что сказали, была назначена комиссия из географов и математиков для составления карты Римской империи, работы настолько новой и настолько подробной, что, как впоследствии оказалось, потребовала не менее тридцати двух лет труда. Не менее гигантских усилий потребовалось, чтобы придать моральное единство этой огромной машине. Цезарь приготовился собрать и объединить в единый свод фрагменты римского права, разбросанные по тысячам прецедентов, эдиктам преторов, ответам ученых, решениям понтификов и традициям патрицианских родов. Такая грандиозная работа уже была

задумана Цицероном как безнадежная мечта филантропа и философа, но практическая мудрость Цезаря подсказывала ему, что это не только должно быть сделано, но и может быть сделано, и, без сомнения, если бы он прожил еще десять или двадцать лет, он бы на шесть веков опередил славу императорского законодателя Юстиниана.

Другим делом, столь же полезным, но, к счастью, гораздо меньшего масштаба, была реформа календаря, которую осуществил великий Юлий и назвал своим именем. Римский год еще до времени Цезаря должен был равняться в среднем 365 дням и шести часам; настолько близко астрономы периода Нумы уже подошли к реальной длине обращения Земли вокруг Солнца. Этот год был рассчитан на основе 354 дней с вставкой каждые два года месяца, состоящего из двадцати двух и двадцати трех дней попеременно; но к 354 дням был добавлен еще один день, чтобы получилось нечетное или счастливое число, и для компенсации этой лишней вставки количество вставных дней было пропорционально уменьшено с помощью очень сложного процесса. Таким образом, простота первоначальной системы была нарушена, и вскоре при внесении необходимых исправлений воцарилась большая небрежность. Со временем понтифики, которым было доверено хранение календаря благодаря их превосходным навыкам, окутали свою науку завесой религиозной тайны и использовали ее в политических или личных целях. Они произвольно приказывали вставлять месяц, когда им было выгодно поощрить сторонника, желавшего продлить свой срок полномочий, или отложить день, когда должны были быть погашены его долги. Они воздерживались от необходимого введения дополнительного месяца по просьбе какого-нибудь провинциального губернатора, который стремился поскорее вернуться к удовольствиям столицы. Этот контроль над длительностью гражданского года, а также право объявлять дни, в которые можно или нельзя вести дела, стали инструментом государства в руках олигархического правительства, с которым понтифики в большинстве своем были связаны политически. В последнее время это недовольство стало невыносимым. В условиях нестабильной общественной обстановки и противоречивых личных интересов понтифики воздерживались от введения дополнительных дней с 52 года и даже тогда опережали гражданский календарь на несколько недель. С тех пор каждый год насчитывал только 355 дней, а гражданское равенство опережало астрономическое на восемьдесят дней. Соответственно, консулы, вступившие в должность 1 января 47 года, фактически приступили к своим обязанностям 13 октября. Легко представить себе, какая путаница из этого вытекала. Римские сезоны отмечались соответствующими праздниками, приуроченными к определенным фиксированным дням и связанными с религиозным поклонением народа. Например, в период сбора урожая и винограда должны были приноситься сезонные жертвы, которые уже было невозможно приносить в специально отведенные для этого дни. Земледельцы полностью отказались от использования календаря и полагались на свои собственные грубые наблюдения за восходом и заходом созвездий.

Цезарь приобрел хорошие знания в области астрономии, к которой он проявлял особый интерес в связи со своими обязанностями главы жрецов. Он написал трактат по этой теме, который долгое время сохранял свою ценность как техническое изложение. С помощью астронома Сосигена он вновь обратился к простым вычислениям Нумы и согласился игнорировать расхождение между длительностью года, установленной таким образом, и истинным периодом обращения Земли, которое он, возможно, как и Гиппарх, считал более незначительным, чем оно было на самом деле. В течение веков эта ошибка приобрела большое значение, и в 1582 году, когда юлианский календарь был исправлен папой Григорием XIII, гражданский год опережал не менее чем на десять дней. Как хорошо известно, необходимая поправка была внесена в Англии только в середине XVIII века. Основой реформы Цезаря было то, что начало новой эры должно совпадать с первым

новолунием после самого короткого дня. Чтобы год 46 начался таким образом, к текущему году необходимо было добавить девяносто дней. В первую очередь, между 23 и 24 февраля был вставлен високосный месяц из 23 дней, а в конце ноября были добавлены два новых месяца, включающие 60 дней, а также дополнительно еще семь дней. Период, отмеченный этой серией изменений, получил в народе название «год смуты», но, как справедливо заметили, более подходящим названием было бы «последний год смуты».

Помимо этих благородных усилий по социальной организации, Цезарь, как и почти все другие великие люди его нации, испытывал сильную страсть к материальному строительству. Он уже прославился Форумом, который он назвал своим именем в центре города; это было громко востребованное сооружение из-за неудобной узости места, на котором с момента зарождения республики велись государственные дела. Но среди почестей, которыми его теперь осыпали, была одна, которая до этого была предоставлена только один или два раза завоевателям, наиболее расширившим границы империи, и которая, как отмечалось, была единственной, недостающей для завершения «удачи» Суллы. Это было разрешение расширить *romærium*, пространство, оставленное открытым вокруг городских стен, частично внутри и частично снаружи, первоначально, возможно, для удобства обороны, но которое было освящено торжественными церемониями и пересекалось религиозными процессиями. Говорят, что Цезарь предложил удалить эту линию, а вместе с ней, вероятно, и сами стены, чтобы охватить Марсово поле, которое он хотел бы расширить, повернув Тибр на запад смелым движением от Мильвийского моста до Ватиканского моста. Этот грандиозный проект так и не был реализован, и хотя в более поздние времена император Август и другие получили разрешение расширить *romærium*, стены Рима не были снесены за пределы линий, прочерченных Сервием, вплоть до времени Аврелиана, через три века после Цезаря. Диктатор не был более удачлив в завершении многих других работ, представлявших общественный интерес и пользу, которые он уже обдумывал. Говорят, что он планировал осушить озеро Фуцинус, осушить Помптинские болота, построить канал от Рима до Таррацины, новую дорогу через Апеннины и великолепную гавань в Остии, возвести великолепный храм Марса и проложить пролив в Коринфском перешейке. Из всех этих замыслов только храм и гавань были осуществлены его преемником; вероятно, что сам Цезарь приступил к их реализации. [Под его покровительством в Риме была открыта первая публичная библиотека, а для ведения государственных дел он построил великолепное здание, называемое Базилика Юлия].

ЖИЗНЬ ЦЕЗАРЯ В РИМЕ

Таковы были темы размышлений, которые занимали ум Цезаря в дни и ночи, посвященные государственным делам. Но у него были и часы отдыха, и в частной жизни он блистал среди самых образованных людей своего времени, самых утонченных в привычках, самых очаровательных в манерах.

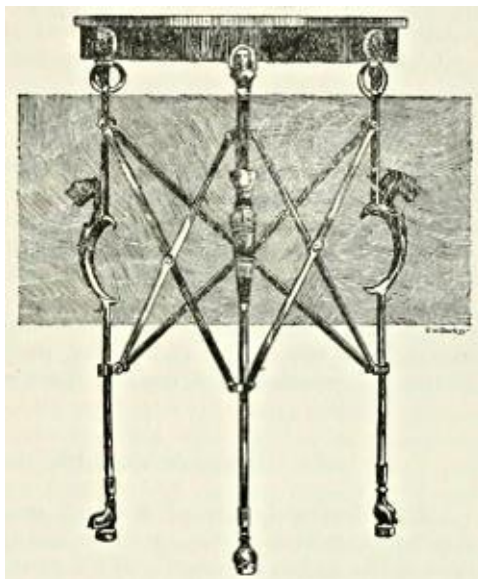
Пожалуй, нет в римской жизни ничего, что мы могли бы оценить с таким удовлетворением, как тон обычных взаимоотношений между общественными деятелями того периода. Ежедневные конфликты в суде или на форуме, к которым они были приучены, только усугубили бы их чувства друг к другу, если бы не сопровождались гуманизирующим влиянием общественных дискуссий на темы литературы и философии. Сочетание этих двух привычек, по-видимому, действительно формирует лучшую дисциплину общества, придавая ему серьезность без насилия и мужскую вежливость, далекую от раболепия и льстивости. В записях римских дебатов мы почти не находим сцен личных перепалок, а частные встречи самых выдающихся государственных деятелей описываются нам как

полные скромного достоинства и доброжелательной терпимости. К этому приятному результату внесла свой вклад каждая философская школа, но, пожалуй, ни одна из них не изучала так хорошо, как эпикурейцы, науку о том, как сделать общество приятным. К этой школе принадлежали как сам Цезарь, так и большинство его личных друзей. В круг его близких друзей входили: Корнелий Балб, проницательный деловой человек; Асиний Поллий, преданный ученик; А. Гиртий, который, как и его учитель, хорошо сражался, писал и говорил; К. Оппия, полного мягкости и любви; К. Мация, вдумчивого, щедрого и бескорыстного. К ним можно добавить Вивия Пансу, бездельника и любителя хорошей жизни, но при этом не неспособного к должности и не неопытного в действиях. Антоний, самый веселый из веселых товарищей, уже был упомянут; но под маской хорошего товарищества он с трудом скрывал самый сильный эгоизм, и из всех друзей Цезаря только он один подвергается подозрению в интригах против жизни своего покровителя. Среди этих людей и других подобных им Цезарь отвлекался от забот империи и часто без ограничений предавал себя удовольствиям праздничного веселья. Не обладая собственным остроумием, он веселился от остроумия других, даже когда они были направлены против него самого, и хранил в памяти каждое едкое замечание, которое срывалось с уст Цицерона, чей патриотизм, освободившись от страха предстоящего проскрипции, теперь выливался в злобные шутки над политикой диктатора. За столом, окруженный товарищами, пристрастившимися к грубому самоудовлетворению, Цезарь отличался умеренностью. Катон давно сказал о нем, что из всех революционеров того времени только он один трезво подошел к делу разрушения. Но его любовные связи были многочисленны и особенно скандальны, поскольку его соотечественники по-прежнему считали разврат римской матроны общественным злом, а его привязанность к иностранке, такой как Клеопатра, осуждалась как вопиющее нарушение религиозных и социальных принципов.

В религии эпикурейцы были скептиками, а Цезарь пошел дальше и открыто исповедовал свое неверие. Высший жрец республики, глава коллегии, откуда исходили декреты, провозглашавшие волю богов, как она вытекала из знамений небес, полета птиц и внутренностей жертв, он без колебаний утверждал перед собравшимися отцами, что догмат о будущем состоянии, основа всех религий, был тщетной химерой. Он также не колебался бросить вызов предзнаменованиям, за наблюдением за которыми специально следили жрецы. Он дал сражение при Мунде, несмотря на самые неблагоприятные предзнаменования, когда жертвоприношения показали, что в жертве не было сердца. «Я получу лучшие предзнаменования, когда захочу», — сказал он. Однако Цезарь, будучи свободомыслящим человеком, не мог избежать общего рабства суеверий. Мы видели, как он полз на коленях по ступеням храма, чтобы умиловить разгневанную Немезиду. Перед битвой при Фарсале он обратился с молитвой к богам, которых он отрицал в сенате, и высмеивал среди своих соратников. Он прибег к предзнаменованиям, прежде чем перейти Рубикон. Он вез с собой в Африку некоего Корнелия, человека, не отличавшегося ничем особенным, но чье имя могло считаться благоприятным на полях сражений Сципиона и Суллы.

Египетская царица последовала за своим августейшим поклонником в Италию, и, возможно, опасаясь выставить ее публично в городе, он поселил ее в своем доме и садах на другом берегу реки.^[127] Там она устраивала приемы для самых знатных римлян, и ее лесть, возможно, не была бесполезной в смягчении их резкой обиды. Сам Цицерон снизошел до того, что попросил о встрече с ней. Она вознаградила его обещанием прислать несколько греческих томов из Александрии, которые, возможно, стали вдвойне ценными после недавнего пожара. Но народ был потрясен сообщением о том, что Цезарь подумывал возвысить эту варварскую любовницу до достоинства римской жены. Он, конечно, был уже женат на благородной дочери Кальпурния Пизона, но развод был делом простым и мог быть

осуществлен без публичного скандала. сам Цицерон недавно развелся с Теренцией из-за якобы несовместимости характеров и женился на молодой наследнице. Кроме того, один из его приближенных, как говорили, готовил меру, которая сняла бы все ограничения на страсти диктатора и позволила бы ему жениться на стольких женах, сколько он пожелает, любой расы и любого положения.

Римский жаровня

Хотя, как мы видели, Цезарь достиг вершины реальной власти, было очевидно, что он по-прежнему раздражался ограничениями, налагаемыми на него общественным мнением и предрассудками. Его твердый и уравновешенный ум, казалось, наконец утратил равновесие и уступил место раздражительному нетерпению и капризному стремлению к недостижимому объекту. Римские вельможи, привыкшие к самому совершенному равенству в своих отношениях друг с другом, были оскорблены высокомерием, которое проявлял глава республики, окруженный толпой льстецов, через которую независимый патриций с трудом мог пробиться.

Однажды, когда сенаторы пришли все вместе, чтобы сообщить ему о своих постановлениях в его честь, он не встал со своего места, чтобы принять их. Говорили, что Балбус, выскочка-иностранец, дернул его за рукав и велел ему помнить, что он их господин. Сообщалось, что он назвал Суллу глупцом за то, что тот отказался от диктатуры. Но в то время как линии его внутренней политики еще не были четко определены, и каждое учреждение в Риме все еще требовало давления его формирующей руки, сам Цезарь мечтал о завоеваниях за рубежом и тосковал по своему привычному месту во главе легионов. Неотомщенная катастрофа при Каррах могла послужить предлогом для войны, а влияние Митридата, как можно было помнить, простиралось от Каспия и Эвксинского моря до устья Адриатики. Мы уверены, что он замыслил гигантский план: сначала разгромить парфян, а затем вернуться через Танаис и Борисфен, подчинить варваров между Кавказом и Карпатами и атаковать германцев с тыла. Клеопатра, которая чувствовала себя более уверенной в своем поклоннике в провинциях, чем в Риме, несомненно, использовала бы свое влияние, чтобы подтолкнуть его к этому. Республиканцы в городе, возможно, не менее стремились удалить его подальше и отправить в долгое и опасное предприятие. В конце 45 года он приказал своим легионам переправиться через Адриатику и собраться в Иллирии, где они должны были ждать его скорого прибытия. Он предполагал, что его отсутствие

будет длительным. Заранее он обеспечил преемственность консулов и преторов на два следующих года. 1 января 44 года он вступил в свой пятый консулат, в котором он объединился с Антонием. В то же время он добился назначения Гиртия и Пансы на 43 год, Децима Брута и Мунация Планка на 42 год. На 44 год было назначено шестнадцать преторов, среди которых были М. Брут и Кассий.

СОБЫТИЯ, ПРИВЕДШИЕ К ЗАГОВОРУ

[45-44 гг. до н. э.]

Предназначенный наследник империи Цезаря уже находился в лагере в Аполлонии, одновременно получая уроки как в искусствах, так и в военном деле под руководством самых способных учителей. Этот молодой человек был Гай Октавий, сын дочери сестры Цезаря, который, вступая в девятнадцатый год жизни, давал блестящие надежды на будущее, омраченные лишь крайней хрупкостью здоровья, которая до сих пор мешала ему прославиться на поле боя. Благосклонность, с которой к нему относился его двоюродный дед, побудила его просить о назначении на должность мастера конницы, но ему было отказано, поскольку эта должность считалась недоступной для его возраста. Однако Цезарь возвысил его семью из плебейского сословия в патрицианское, честь, которую он оказал лишь нескольким родам, имевшим древние имена, среди которых был род Туллийев, которому Цицерон придал столько нового блеска. Кроме того, он дал понять, что собирается усыновить молодого Октавия, завещать ему большую часть своего наследства и титулы, которые сенат объявил наследственными в его семье. Эти титулы, конечно, не ассоциировались в сознании римлян с какими-либо представлениями о преемственности. Им было трудно представить себе переход диктатуры из рук зрелого опытного человека в руки неопытной молодежи или установление в сфере отдельной семьи трибунской власти, свободно дарованной суверенным народом. Для них было естественным заключить, что их герой намеревался обеспечить себе титул, единственный признанный титул, на котором, согласно их представлениям, могла быть основана династия. Сообщалось, что Цезарь желал быть провозглашенным королем. Его льстецы подсказывали ему это, его враги с готовностью верили в это и надеялись сделать его непопулярным, подталкивая его к тому, чтобы он претендовал на этот титул. Однажды утром на его статуе перед трибунами была обнаружена лавровая гирлянда с прикрепленной к ней диадемой. Трибуны Флавий и Цесетий с негодованием сорвали ее; народ выразил большое удовлетворение их поступком и приветствовал их титулом новых Брутов. Цезарь, по крайней мере, сделал вид, что аплодирует им. Вскоре после этого был сделан второй эксперимент. Когда диктатор возвращался с латинского праздника, отмечавшегося на Альбанской горе, были наняты назойливые голоса, чтобы приветствовать его как царя. Низкий и сдавленный ропот снова показал неодобрение народа. «Я не царь, а Цезарь», — поспешно воскликнул он; но когда трибуны наказали некоторых людей, присоединившихся к крику, он упрекнул их за излишнюю или злобную ревность, в которой он усмотрел заговор с целью подвергнуть его несправедливым подозрениям.

Однако друзья Цезаря, если они и были настоящими зачинщиками интриги, еще не были уверены, что цель недостижима. Они могли приучить народ к идее монархии, постоянно напоминая ему о ней. Возможно, вид белой льняной ленты, простого знака восточной власти, мог бы избавить их от ужаса перед пустым названием. 15 февраля, в день *Луперкалий*, Цезарь сидел на своем золотом кресле перед трибуной, чтобы председательствовать на торжественных церемониях этого народного праздника. Юлианские фламены были возвышены до того же ранга, что и жрецы бога Луперка или

Пана. Консул Антоний стоял во главе их и, следуя за диктатором, занимал самое заметное место в глазах толпы. Возможно, новизна зрелища одного консула, обнаженного до кожи, с узким поясом вокруг бедер, размахивающего в руке ремнем из козьей кожи и ударяющего им, быстро бегая по главным улицам, женщин, которые подставляли себя под удар, который, как полагали, отвращал бесплодие, была еще более привлекательной, чем зрелище другого в лавровом венке и триумфальных одеждах, которые уже стали привычными. Когда Антоний пробежал свой круг, он прорвался через восхищенную толпу и подошел к месту, где сидел диктатор. Вынув из-под пояса диадему, он сделал вид, что хочет преподнести ее ему, воскликнув, что это дар римского народа. Это действие было встречено аплодисментами, но они были слабыми, краткими и явно заранее согласованными. Однако, когда Цезарь отверг предложенный дар, раздался гораздо более громкий взрыв искренних аплодисментов. Антоний предложил его во второй раз; снова раздался слабый ропот аплодисментов, и снова, когда Цезарь отверг его, раздался бурный крик удовлетворения. «Я не царь, — повторил Цезарь, — единственный царь римлян — Юпитер». Он приказал отнести диадему на Капитолий и повесить в храме бога, чтобы увековечить благородное предложение народа и свой скромный отказ.

ЗАГОВОР

[44 г. до н. э.]

Тактичность, с которой Цезарь отказался от преждевременно выдвинутых в его пользу претензий, срывала все попытки республиканских лидеров возбудить против него народные настроения. Но в высших слоях знати было много тех, кто питал к нему враждебные чувства, и его личные враги не ограничивались кругом его политических противников. Был сформирован заговор с целью его уничтожения, в который входили шестьдесят или даже восемьдесят заговорщиков, многие из которых были наиболее заметны в своей преданности ему, и казались наиболее достойными его доверия. Среди них, несомненно, были те, чьи надежды на повышение он разочаровал. Но это не было так в случае с Децимом Брутом, который получил от него управление Цизальпийской провинцией и уже был назначен консулом на следующий год. Так же обстоит дело и с Требонием, который только что покинул консульство, чтобы заняться управлением Азией. Василий, Каска и Цимбер все в той или иной степени пользовались благосклонностью диктатора. И все же все эти люди теперь присоединились к заговору против его жизни. Если бы они действительно любили республику больше, чем своего императора, и считали его тираном и предателем, они не должны были бы принимать от него высшие должности. Но даже лидеры противоположной партии не проявляли нежелания воспользоваться его щедростью. Не нуждающиеся или разочарованные среди них, а те, кого он удостоил чести и продвинул по службе, теперь подняли на него руку. Самым активным заговорщиком и, возможно, автором замысла был Г. Кассий, недавно назначенный претором. Крики о свободе и республике, которые были на устах всех его соратников, не могли оказать реального влияния на чувства Кассия, чьи открытые эпикурейские принципы, не менее чем его недавнее политическое поведение, могли гарантировать его безразличие к партиям. «Я предпочитаю, — писал он Цицерону, — нашего старого и милосердного господина Цезаря жестокому выскочке, сыну Помпея». Но он был по натуре тщеславным и мстительным; его характер колебался между подлым раболепием и грубой независимостью. Его острый и едкий юмор не ускользнул от внимания Цезаря, который считал бледных и худых опасными и, как он сам говорил, любил общество упитанных и беззаботных.

Заговорщики нуждались в очаровании популярного имени, чтобы оправдать свое намерение убить тирана. М. Юний Брут, племянник Катона, утверждал, что происходит от третьего сына основателя республики, чьи старшие братья, как хорошо известно, погибли бездетными от топора ликтора. Его мать Сервилия происходила от знаменитого Ахалы, убийцы Спурия Мелия. Но, далекий от того, чтобы унаследовать рвение своих предков, Брут из умирающей республики согласился с узурпацией Цезаря с меньшим, чем, пожалуй, любой другой член партии Помпея, явным нежеланием. Унылый в час бедствия, он был последним, кто присоединился, и первым, кто покинул развернутое знамя республики. После Фарсалы он первым искал убежища в лагере победителя; в городе он первым добивался дружбы и доверия диктатора.

Он ревностно служил его интересам, занимая важные должности; он не стеснялся управлять Цизальпийской Галлией от имени Цезаря, в то время как его дядя все еще удерживал Утику против него. Слабый панегирик крепкому мудрецу, которого он бросил, притворяясь, что принимает его принципы и подражает его поступкам, казался Бруту достаточной данью его добродетелям. Он развелся со своей супругой Клавдией, чтобы жениться на дочери философа Порции, женщине с более мужественным характером, чем у него самого. Но, будучи таким образом вдвойне связанным с силой и добродетелью, Брут, тем не менее, не сумел обрести твердость, которой его лишила природа. Притворяясь студентом, он по-прежнему стремился к публичной жизни ради ее выгод. Покровительство Цезаря возвысило его до положения, которое ему нравилось и ослепляло его, а слава его дяди, казалось, также освещала его, и его тщеславие возбуждала фраза, возможно, шутка, приписываемая Цезарю, подразумевающая, что из всех римлян он был самым достойным преемником верховной власти. О слабости его характера можно судить по средствам, которые использовались для воздействия на него. Кусочек бумаги, прикрепленный к статуе древнего Брута с надписью « » («Будь ты жив!»), записки, всунутые ему в руку с надписью «Брут, ты спишь, ты больше не Брут», потрясли душу философа до глубины души. Под влиянием Кассия, который женился на его сестре, он был склонен принять планы заговорщиков и занял место главного советника, которое они, по крайней мере, делали вид, что предлагают ему.

Его знаменитое имя сразу же стало чарами магической силы. Оно подняло больного Лигария с постели. Прощенный сторонник Помпея, он не мог смириться с милосердием Цезаря. «Как печально для Лигария, — сказал ему Брут, — быть неспособным действовать в такой момент». Больной поднялся на локте и ответил: «Если у тебя есть какой-нибудь план, достойный имени Брута, то вот, я снова здоров». Лигарий был посвящен в тайну и принял активное участие в последующих событиях. Мы с удовольствием узнаем, что заговорщики не рискнули даже прощупать Цицерона. Роковая интрига теперь созревала для своего осуществления. Пока Цезарь оставался в Риме, его бесстрашное поведение подвергало его опасности быть убитым кинжалами убийц, ибо он распустил охрану, которая сначала окружала его, и ежедневно появлялся на публике без сопровождения, кроме своих безоружных спутников.

Его легионы были отправлены в Иллирикум. На протесты своих друзей, от которых, возможно, не были полностью скрыты слухи о его опасности, он ответил, что лучше сразу умереть, чем всегда жить в страхе смерти. Но с того момента, как он примет командование своими войсками, его безопасность будет обеспечена верностью его солдат. Опьяненный великолепием королевской власти в провинциях, он никогда не согласится вернуться в Рим в качестве простого гражданина. Говорили, что он пообещал восстановить башни Илиона, колыбели народа Энея и Ромула. Возможно, он перенесет туда трон, который гордость римлян не позволила ему установить на Капитолии. Или, если очарование Клеопатры все

еще сохранит свою силу, он может поселиться в Александрии и перенести столицу империи в святилище македонского завоевателя.

Такие соображения не позволяли медлить. Приготовления к отъезду Цезаря были почти завершены. Сенат был созван на иды марта, 15-е число месяца, и, как говорили, тогда ему должны были присвоить царское имя и власть в провинциях. В этот день, как только он войдет в курию, было решено нанести удар. Уже ходило предсказание, что мартовские иды будут для него роковыми. Но Цезарь по-прежнему отказывался принимать какие-либо меры предосторожности. Он сказал, что прожил достаточно, как для природы, так и для славы; его амбиции были удовлетворены, а может быть, и разочарованы, и он с гордостью относился к дальнейшему существованию.⁴

УБИЙСТВО

Вечером 14 марта Цезарь ужинал с М. Лепидом, своим конным магистратом, который теперь возглавлял отряд войск за стенами города и готовился вскоре выступить с ними в Трансальпийскую Галлию, которую Цезарь назначил ему в качестве провинции. Случилось так, что Цезарь был занят письмом, когда остальные участники вечеринки начали обсуждать вопрос: «Какая смерть наиболее желательна?» Тема их разговора привлекла его внимание, и он, не дожидаясь, пока кто-нибудь выскажет свое мнение, воскликнул, что лучшая смерть — это внезапная смерть.

Такое замечательное совпадение, вероятно, запомнилось всем присутствующим; но говорят также, что он часто получал предупреждения от авгуров, чтобы он остерегался мартовских идов; и эти предсказания, вероятно, повлияли на его жену Кальпурнию, так что в ночь, предшествовавшую этому страшному дню, ее сон был прерван лихорадочными снами, а утром ее страх был настолько силен, что она искренне умоляла мужа не выходить из дома. Сам он, как нам рассказывают, чувствовал себя немного нездоровым; и, будучи таким образом более подверженным суеверным страхам, он был склонен удовлетворить просьбу Кальпурнии и пропустил часть утра, а сенат уже собрался, а он еще не вышел из дома.

В такой критический момент заговорщики, естественно, были начеку и подозрительны ко всему; обеспокоенные его задержкой, они послали Децима Брута, чтобы тот пригласил его и убедил явиться в сенат, указав ему на то оскорбление, которое он нанесет, если проявит пренебрежение к этому органу в тот самый момент, когда они готовятся присвоить ему титул короля. Децим Брут посетил Цезаря и, пользуясь его полным доверием, убедил его своими доводами, и около одиннадцати часов Цезарь отправился в сенат. Когда он был на пути туда, Артемидор из Книда, греческий софист, который был допущен в дома некоторых заговорщиков и там узнал некоторые факты, которые вызвали его подозрения, подошел к нему с письменным заявлением о полученной им информации, вложил его в его руку и попросил его немедленно прочитать, так как это было чрезвычайно важно. Говорят, что Цезарь пытался посмотреть на него, но ему помешала толпа, которая теснила его, и многочисленные письма разного рода, которые ему подавали, когда он проходил мимо. Тем не менее, он все еще держал его в руке и продолжал держать там, когда вошел в здание сената.

Марк Антоний, который в то время был коллегой Цезаря по консульству, собирался последовать за ним в сенат, но К. Требоний отвлек его в сторону и задержал снаружи, заявив, что хочет с ним поговорить. Говорят, что некоторые из заговорщиков хотели включить его в судьбу Цезаря, но Брут возражал против этого, считая это ненужным кровопролитием; и когда вспомнили, что он сам не так давно предлагал Требонию именно

тот поступок, который они теперь собирались совершить, они согласились не подвергать его жизни опасности. Тем временем, когда Цезарь вошел в здание сената, все сенаторы встали, чтобы приветствовать его. Заговорщики сумели окружить его на улице и теперь сопровождали его, когда он прошел к курульному креслу, которое, как обычно, было подготовлено для его приема. Это кресло было поставлено рядом с постаментом статуи Помпея Великого, поскольку здание, в котором собирался сенат, было одним из общественных сооружений Помпея; и говорят, что Кассий, под влиянием сильных чувств, охвативших его в тот момент, повернулся к статуе и, казалось, умолял ее о помощи в деле, которое собирался совершить.

СМЕРТЬ ЦЕЗАРЯ

Когда Цезарь занял свое место, заговорщики собрались вокруг него, и Л. Тиллиус Цимбер подошел к нему, как будто чтобы высказать какую-то просьбу, на которой он продолжал настаивать, когда Цезарь, казалось, не хотел ее удовлетворить, и другие заговорщики присоединились к его просьбе. Наконец, когда Цезарь проявил нетерпение по поводу дальнейших назойливостей, Цимбер схватил его мантию и стянул ее с плеч; это действие было сигналом, оговоренным с его сообщниками для начала нападения. Говорят, что кинжал П. Каски был первым, кто пролил кровь, и что Цезарь в первую минуту удивления попытался сопротивляться и прорваться через окружавший его круг. Но когда заговорщики набросились на него и были настолько жаждущими принять участие в его смерти, что в суматохе ранили друг друга, он плотно обернулся в свою мантию, закрыл лицо и упал без сопротивления и стога. Он получил двадцать три ранения, и было замечено, что кровь, струившаяся из них, омывала постамент статуи Помпея.^[128] Как только убийство было совершено, М. Брут, подняв окровавленный кинжал, повернулся к собравшимся сенаторам, позвал Цицерона по имени и поздравил его с восстановлением свободы их страны. Но сохранить порядок в такой момент было безнадежно; сенаторы в панике разбежались.

Антоний поспешил скрыться в своем доме. По всему городу распространилось всеобщее смятение, пока заговорщики, собравшись в Форуме, не обратились к народу и, заверив его, что они не намеревались применять насилие ни к кому, а их единственной целью было утверждение свободы Рима, сумели восстановить относительное спокойствие. Тем не менее, все еще не доверяя настроениям народа, они укрылись в Капитолии, который Децим Брут охранял с помощью группы гладиаторов, которых он держал на своей службе; там, к ним присоединились несколько представителей знати, и они провели там первую ночь после убийства. Тем временем тело Цезаря в общей суматохе несколько часов пролежало на том месте, где оно упало, пока наконец трое его рабов не положили его на носилки и не отнесли домой, причем одна рука свисала снаружи носилок, представляя ужасающее зрелище. Хирург, осмотревший раны, утверждал, что из всех ран только одна была смертельной, а именно та, которую он получил в грудь, когда впервые попытался прорвать круг своих убийц.^e

Таким было безвременное окончание драматической и исторической карьеры Цезаря. Аппиан оставил нам подробный отчет о его последних деяниях и заговоре против него. Обратимся к нему за некоторыми известными деталями, начиная с последнего военного проекта Цезаря.

ПОВЕСТВОВАНИЕ АППИАНА О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ ЦЕЗАРЯ

«В конце концов, то ли потеряв всякую надежду, то ли для лучшего сохранения своего здоровья, ведь он никогда не страдал от падений и внезапных судорог так сильно, как когда лежал без дела, он решился на далекий поход против гетов и парфян. Распространился слух, что оракул Сивиллы предсказал, что парфян нельзя подчинить римлянам, если они не будут подчиняться царю. Это заставило некоторых публично заговорить о том, что, учитывая другие народы, облагаемые налогами под властью Римской империи, не нужно стесняться дать Цезарю этот титул. Он по-прежнему отказывался от него и поспешил покинуть город, где многие ему завидовали. Но за четыре дня до назначенного дня отъезда он был убит своими врагами во дворце, либо из злобы, видя его возвышенным до такого верховного счастья и высоты власти, либо (как они сами говорили) из желания восстановить республику в ее прежнем состоянии; ибо они боялись, что, победив другие народы, ничто не сможет помешать ему провозгласить себя царем; однако, как мне кажется, они предприняли все это только ради названия, ибо в самом деле нет никакой разницы между диктатором и царем.

«У этого заговора было два главаря: сын того Брута, которого казнил Сулла, М. Брут Цепион, который после битвы при Фарсале прибежал за убежищем к самому Цезарю, и Г. Кассий, который сдал ему галеры в Геллеспонте, оба из партии Помпея, к ним присоединился один из самых близких друзей Цезаря, Децим Брут Альбин. Он всегда относился к ним с почтением и большим доверием, и когда отправлялся на войну в Африку, он передал им армию и управление галлами — Дециму Бруту из Трансальпийской Галлии и М. Бруту из Цизальпийской Галлии. Брут и Кассий в это время были назначены преторами и спорили за юрисдикцию, которая среди граждан считается самой почетной из всех, будь то из-за амбиций или только для прикрытия, чтобы их заговор не был раскрыт. Цезарь был арбитром между ними и, как говорят, признал перед своими друзьями, что Кассий был прав, но все же он будет благосклонен к Бруту, так как очень любил и уважал его, ведь все считали его своим сыном, потому что он навещал сестру Сервилию Катона в то время, когда она была беременна от Брута, поэтому также говорят, что в битве при Фарсале он приказал своим военачальникам бережно относиться к жизни Брута.

«Однако, был ли он неблагодарным, или ничего не знал об этом, или не верил в это, или считал нечестивым поступок своей матери, или любовь к свободе заставила его предпочесть свою страну собственному отцу, или, будучи потомком древнего рода Брутов, изгнавших царей, и теперь подталкиваемый упреками народа, который на статуях старого Брута и на трибуне претора тайно написали такие слова: «Брут, ты позволяешь себе быть подкупленным подарками. Брут, ты мертв, дай Бог, чтобы ты был сейчас жив; либо твои преемники деградировали, либо ты их не зачал». Он, говоря я, молодой, раздраженный этим и подобными вещами, занялся этим делом как поступком, достойным его предшественников.

«Разговоры о королевской власти еще не утихли, когда, как раз когда они собирались идти в сенат, Кассий взял Брута за руку и сказал: «Что мы будем делать, если льстецы Цезаря предложат сделать его королем?» На что Брут ответил, что он не будет присутствовать в сенате. Тогда другой снова спросил: «А что, если они созовут нас в качестве преторов, что мы тогда будем делать, мой друг?» «Я буду, — сказал он, — защищать свою страну, даже ценой жизни». На что Кассий, обняв его, сказал: «А каких знатных людей ты возьмешь в спутники в столь смелом предприятии? Думаешь ли ты, что на твой трибунал пишут только таверны и ремесленники? Знай, что это лучшие люди города, которые от других преторов ждут только игр и зрелищ, а от тебя требуют свободы, как делали твои предшественники». Так они раскрыли друг другу то, о чем давно думали, и начали пробовать своих друзей и некоторых друзей Цезаря, по мере того как они знали их способными на добрые дела. Они привлекли к своему замыслу двух братьев, Цецилия и Буколиана, Рубрия Рекса, К. Лигария, М. Спурия, Сервилия Гальбу, Секстия Насо, Понтия Аквилу; а из друзей Цезаря они привлекли к своему заговору Децима, о котором я уже говорил; Гая Каску, Требония, Аттилиуса Цимбера, Минуция и Василия. Когда они посчитали, что у них достаточно союзников, поскольку не было целесообразно сообщать об этом замысле всем подряд, они дали друг другу слово без клятвы и жертвоприношения, и никто не передумал и не раскрыл заговор.

«Теперь оставалось только выбрать время и место. Время поджимало, потому что через четыре дня Цезарь должен был уехать и взять с собой охрану. В качестве места они сочли наиболее подходящим дворец, поскольку пришли к выводу, что все сенаторы, хотя и не были посвящены в заговор, но, увидев происходящее, с радостью присоединятся к ним, что, как говорят, произошло при смерти Ромула, после того как царская власть превратилась в тиранию. Поэтому эта попытка должна была иметь такой же успех, как и та, тем более что она не была тайной, а осуществлялась во дворце и ради блага республики. Им не нужно было бояться ничего со стороны армии Цезаря, поскольку она состояла из римского народа; в заключение, авторы этого великого деяния, совершая его публично, могли ожидать только награды.

«Все решили, что дворец будет местом казни, но мнения о том, как это сделать, разделились: одни считали, что следует убить и Антония, соратника Цезаря, самого влиятельного из его друзей и любимого солдатами. Но Брут выступил против этого, сказав, что только убив Цезаря, который был как царь, они должны искать славы за уничтожение тиранов; и что, если они убьют и его друзей, люди припишат это действие личной вражде и фракции Помпея. Этот совет возобладал, и они стали ждать только собрания сената. За день до этого Цезарь был приглашен на ужин к Лепиду и взял с собой Децима Брута Альбина; во время ужина был поднят вопрос о том, какая смерть лучше для человека; одни предпочитали одну, другие — другую, а он один предпочитал самую внезапную и

неожиданную. Так гадая для себя, они перешли к обсуждению дел на следующий день. Утром, почувствовав себя не в лучшей форме после ночных развлечений, а его жена Кальпурния () испугавшись мрачных снов, посоветовала ему не выходить из дома, и во многих жертвоприношениях он не видел ничего, кроме страшных знамений; поэтому он приказал Антонию распустить сенат. Но Децим Брут убедил его, что будет удобнее, если он сам пойдет, чтобы избежать мнения, что он сделал это из гордости или презрения, и он сам пошел распустить сенат, прибыв во дворец на носилках.

«В то время в театре Помпея шли представления, и почти все сенаторы стояли у окон соседних домов, как это принято во время зрелищ. В то же утро преторы Брут и Кассий с большим спокойствием принимали тех, кто просил об этом, в галерее перед театром. Но когда они слышали, что случилось с Цезарем во время жертвоприношения и что из-за этого они отложили заседание сената, они были очень встревожены. Один из стоящих там, взяв Каску за руку, сказал ему: «Ты скрыл это от меня, своего друга, но Брут рассказал мне все». На что Каска, уколотившись в совесть, задрожал; но тот, продолжая улыбаться, спросил: «Где же ты возьмешь деньги, чтобы стать эдилом?» Каска рассказал ему. Брут и Кассий беседовали между собой, и один из сенаторов по имени Попилий Ленас, отвлек их в сторону и сказал: «Молю Бога, чтобы то, что у вас на сердце, увенчалось успехом, но вам следует поспешить». Они были настолько удивлены, что не дали ему ответа.

В то же время, когда Цезарь ехал в дворец на носилках, один из его слуг, который знал о заговоре, пришел к Кальпурнии, но, не сказав ей ничего, кроме того, что ему нужно поговорить с Цезарем о важных делах, остался ждать его возвращения из сената, потому что не знал всех подробностей; его хозяин из Книда по имени Артемидор, прибежавший во дворец, чтобы сообщить ему об этом, прибыл как раз в тот момент, когда его убили; другой, когда он приносил жертву перед воротами сената, передал ему записку со всеми подробностями заговора; но он вошел, не прочитав ее (), и после его смерти она была найдена в его руках. Когда он вышел из носилок, к нему подошел Ленас, тот самый, который ранее разговаривал с Кассием, и долго беседовал с ним наедине; это насторожило глав заговора, тем более что их беседа была долгой; они уже начали давать друг другу знаки, что теперь нужно убить его, пока он не арестовал их; но в ходе беседы, заметив, что Ленас скорее использует жесты просителя, чем обвинителя, они отложили это; пока, наконец, увидев, как он благодарит Цезаря, они не набрались смелости.

«По обычаю, главные магистраты, входя в дворец, сначала советуются с богами: и здесь, как и при предыдущих жертвоприношениях, первая жертва Цезаря была найдена без сердца, или, как некоторые говорят, без главной части внутренностей. Божественное существо сказало ему, что это смертельный знак, на что он ответил со смехом, что, когда он уходил воевать с Помпеем в Испании, он видел подобное; а другой ответил, что тогда он также рисковал потерять жизнь, но что в настоящее время внутренности угрожают ему большей опасностью. Он приказал принести в жертву другую жертву, но, предчувствуя только беду, боялся показаться скучным сенату; и, под давлением своих врагов, которых он считал друзьями, не думая об опасности, вошел во дворец; ибо несчастье, которое должно было с ним случиться, должно было случиться.

«Они оставили Требония у ворот, чтобы он остановил Антония под предлогом обсуждения с ним какого-то дела; и как только Цезарь сел, другие заговорщики окружили его, как обычно, в качестве друзей, каждый из них имея при себе скрытый кинжал. В это время Аттилиус Цимбер, стоявший перед ним, начал умолять его разрешить возвращение его брата, который был в изгнании; и, получив отказ, под предлогом более смиренной просьбы, он взял его за одежду, притянул к себе, обнял за шею и воскликнул: «Почему вы медлите, друзья мои?» Тогда Каска, первым дотянувшись до его головы, решил вонзить кинжал в его

горло, но ранил его только в грудь. Цезарь, освободившись от Цимбера и схватив Каску за руку, вскочил со своего места и с удивительной силой бросился на Каску; но, находясь в тесном захвате с ним, другой вонзил ему кинжал в бок, Кассий нанес ему рану в лицо, Брут пронзил ему бедро, Буколиан ранил его в затылок, и он, как обезумевший, рыча как дикий зверь, то и дело поворачивался то к одному, то к другому, пока силы не покинули его после раны, нанесенной Брутом, и он накинуд подол своей мантии на лицо и мягко опустился перед статуей Помпея. Они не пощадили его и после того, как он упал, нанеся ему множество ударов, так что на его теле было найдено двадцать три раны. А те, кто убил его, были настолько возбуждены, что некоторые из них в порыве ярости, не задумываясь, ранили друг друга.

«После этого убийства, совершенного в святом месте и над священной личностью, все собравшиеся бросились бежать, как внутри дворца, так и за его пределами, в город. В толпе было несколько раненых сенаторов, а некоторые были убиты; были убиты также другие граждане и иностранцы; не умышленно, а без знания виновных, как это бывает в общественном беспорядке; ибо гладиаторы, которые утром были вооружены, чтобы развлечь народ, бежали из театра в дома сенаторов; зрители, испугавшись, разбежались, как только могли, товары, выставленные на продажу, были разграблены, ворота закрыты, и многие забрались на крыши своих домов, чтобы уберечься от насилия. Антоний укрепился в своем доме, полагая, что они замышляют убить не только Цезаря, но и его самого; а Лепид, генерал конницы, услышав на месте о том, что произошло в Антиохии (), поспешил на остров на реке, где у него был легион; он привел его на Марсово поле, чтобы быть готовым выполнить приказы Антония, поскольку он подчинялся ему как другу Цезаря и консулу.

«Солдаты с большим желанием отомстили бы за столь подлое убийство Цезаря, но они боялись сената, который благоволил к убийцам и ждал развития событий. Цезарь не имел с собой солдат, ибо он не любил охрану, а довольствовался привратниками; кроме того, его сопровождало большое количество людей в мантиях, и целые отряды как граждан, так и иностранцев, вместе с вольноотпущенниками и рабами, следовали за ним от его дома до дворца; но в мгновение ока все эти толпы исчезли, с ним остались только три несчастных раба, которые положили его в носилки, взвалили их на плечи и понесли его, который еще недавно был повелителем моря и суши. После казни заговорщики хотели сказать что-то сенату, но никто не остался, чтобы их выслушать, и они, завязав свои одежды на левой руке вместо щитов, с окровавленными кинжалами в руках бежали по улицам, крича, что они убили царя и тирана, и заставляя идти перед ними человека, несущего на копье шапку, которая является символом свободы; они также призывали народ к восстановлению республики, напоминая ему о первом Бруте и клятве, которую он дал гражданам и их потомкам».

СНОСКИ

[123] Аппиан^g говорит, что Цезарь прибыл в Испанию из Рима за двадцать семь дней в сопровождении части своей армии; Светонийⁱ утверждает, что он достиг Дальней провинции за двадцать четыре дня. Страбон^j, по-видимому, опирается на те же источники, что и Аппиан. От Рима до Кордубы или Обульки более тысячи миль, и это расстояние совершенно невозможно преодолеть армии даже за самый длительный из этих периодов. Автор «Комментария к Испанской войне» довольствуется выражением *celeri festinatione*, а Дион Кассий^k благоразумно следует его примеру.

[124] [По словам Николая, именно заговорщики побудили сенат объявить Цезаря неприкосновенным. Они инициировали этот указ с коварной целью обеспечить Цезарю безопасность (как он сам думал) и таким образом побудить его распустить свою охрану. После возвращения из Испании, когда он появлялся на публике, не только в деревне, но и в городе, его сопровождала телохранители. Он не распустил эту телохранителей до самого своего назначения пожизненным диктатором, которое произошло между 26 января и 15 февраля 44 года до н. э.]

«Трудно предположить, что это утверждение Николая является чистым вымыслом», — говорит Вигандт, который полностью доверяет ему, и добавляет:

«Это тем более вероятно в отношении вышеупомянутого указа, поскольку он отвечал жизненно важным интересам заговорщиков. Ведь пока Цезарь находился под защитой своей охраны, любое нападение на него подвергало опасности их собственные жизни. Соображения личной безопасности, в свою очередь, влияли на заговорщиков на каждом шагу. Даже после того, как Цезарь распустил свою охрану, покушение постоянно откладывалось из-за опасности, связанной с его многочисленными свитами. Таким образом, были отвергнуты различные планы по его убийству на Виа Сакра, во время собрания избирательных комитетов на Марсовом поле или во время гладиаторских боев в театре. Сенатский дом был выбран заговорщиками в качестве подходящего места для совершения покушения потому, что здесь, тайно вооружившись, они не должны были бояться безоружных друзей Цезаря и, кроме того, могли рассчитывать на защиту гладиаторов Децима Брута.

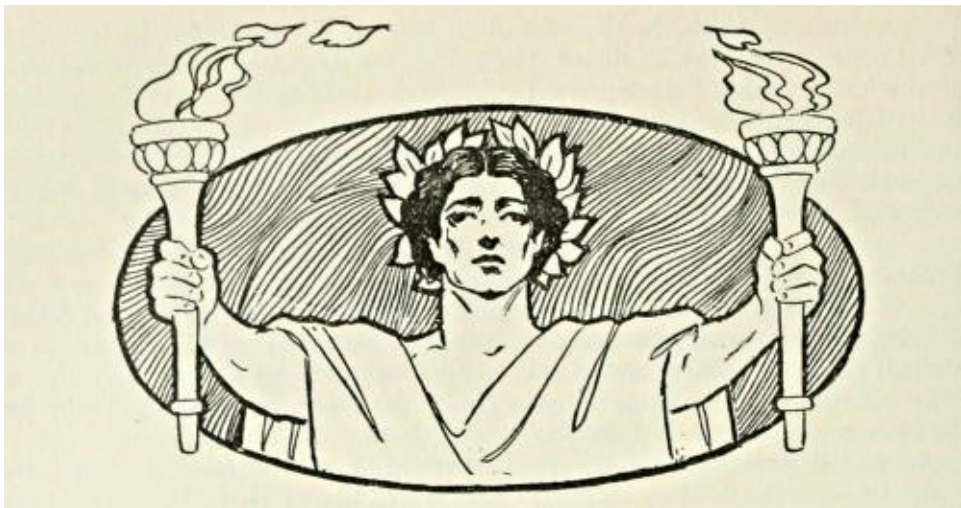
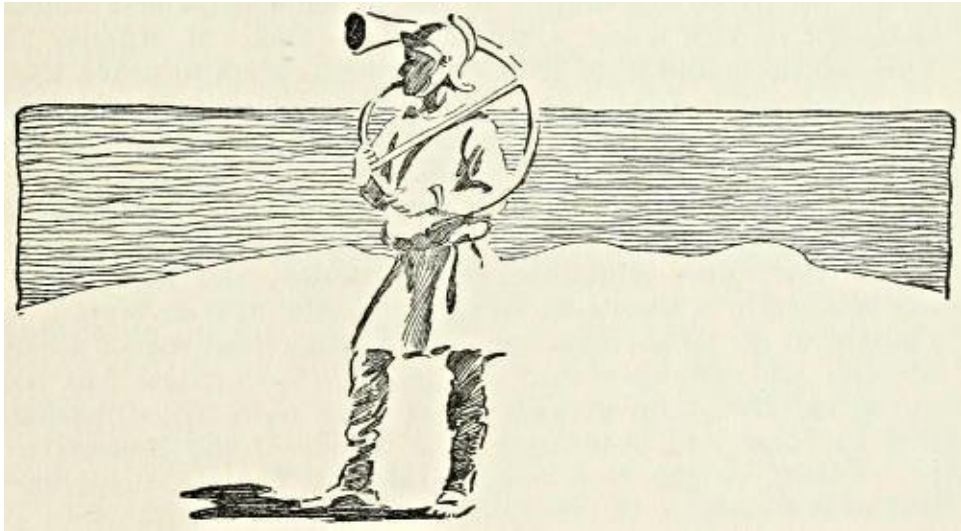
«Второй аргумент в пользу утверждения Николая заключается в том, что еще более широкий декрет сената, по-видимому, был основан на том же хитром мотиве. Заговорщики слишком недооценили трезвый практический характер Цезаря, когда надеялись, что, будучи священным человеком, он откажется от вооруженной охраны. На самом деле он придавал декрету столь мало значения, что ему даже не пришлось в голову уволить свою охрану».^h]

[125] [«Но», — говорит Флор,^f «все эти почести были лишь украшениями, наложенными на обреченную на смерть жертву».]

[126] [Сулла увеличил число сенаторов до шестисот; см. [стр. 444](#).]

[127] [По поводу этого широко обсуждаемого вопроса о Цезаре и Клеопатре интересно процитировать мнение Фроуда из его книги «Цезарь»: «Говорят, что Клеопатра присоединилась к Цезарю в Риме после его возвращения из Испании и открыто проживала с ним как его любовница. Предположим, что она действительно приехала в Рим, но все равно известно, что Кальпурния была в доме Цезаря, когда его убили. Клеопатра, должно быть, была гостьей Кальпурнии, а также ее мужа; и ее присутствие, как бы ни комментировалось в обществе, не могло иметь того явного характера, который ему приписывает традиция. С другой стороны, вполне понятно, что молодая царица Египта, которая обязана была своим положением Цезарю, могла приехать, как и другие принцы, с визитом вежливости, и что Цезарь, после их знакомства в Александрии, мог пригласить ее остаться с ним. Но была ли Клеопатра в Риме вообще? Единственное реальное свидетельство ее присутствия там можно найти в нескольких словах Цицерона: «Reginæ fuga mihi non molesta» («Я не сожалею о бегстве царицы»). Ничто не указывает на то, что «королева» была египетской королевой. Допуская, что под этим словом следует понимать египтянку, Цицерон, возможно, имел в виду Арсиною, которую называли королевой так же, как и ее сестру, и которая была отправлена в Рим, чтобы предстать перед Цезарем во время его триумфа».]

[128] [«Таким образом, — говорит Флор, —^f — тот, кто залил мир кровью своих соотечественников, в конце концов залил кровью сенатский дом».]

ГЛАВА XXVI. ЛИЧНОСТЬ И ХАРАКТЕР ЦЕЗАРЯ

Еще вчера слово Цезаря могло
противостоять всему миру; а теперь он лежит там,
И нет никого, кто был бы слишком нищим, чтобы поклониться ему.

—ШЕКСПИР.

Цезарь был убит в возрасте пятидесяти шести лет. Он пал, получив двадцать три ранения, только одно из которых, как подтвердил врач, осмотревший его тело, было смертельным. В молодости он был слаб здоровьем, а в более позднем возрасте страдал приступами эпилепсии, которые мучили его во время африканской кампании и снова перед битвой при Мунде. Тем не менее, энергия и привычная быстрота всех его движений, по-видимому, свидетельствуют о крепком здоровье, по крайней мере в зрелом возрасте. Можно

предположить, что если бы он избежал кинжала убийцы, то, по естественному ходу вещей, мог бы дожить до старости; а против любого открытого нападения его положение было неприступным. Он мог бы дожить до того, чтобы сам осуществить те либеральные планы, которые он смог только наметить. Но по непостижимым причинам было предначертано, что их первый создатель погибнет и оставит их для осуществления своим преемником в течение четверти века.

Мнение древних об этом знаменитом деянии варьировалось в зависимости от их интересов и пристрастий. Если бы республика была восстановлена навсегда, ее спаситель, возможно, был бы встречен неразделенными аплодисментами и пользовался бы благосклонностью римлян до конца своих дней. Цицерон, хотя и не участвовал в этом деянии, считал целесообразным оправдать его и приветствовал его авторов восторженными акцентами как тираноубийц и освободителей. Но придворные поздних цезарей заклеили его как убийство или промолчали, сохраняя многозначительное молчание. Вергилий, который осмеливается воздать благородную похвалу Катону и радуется вечному наказанию Катилины, не посвящает ни слова подвигу Брута. Даже Лукан, который видит в нем величественную жертву богам, признает отвращение, с которым к нему относились в целом. Август, мудро проявив терпимость, позволил Мессалле выступить с похвалой Кассия, но Тиберий не позволил Кремуцию безнаказанно назвать его последним из римлян. Веллей, Сенека и, прежде всего, Валерий Максим выражают свое отвращение к убийству энергичными и мужественными тонами. По их словам, заговорщиков подтолкнули к этому их унижение из-за превосходства своей жертвы, их разочарование медленным притоком почестей, их зависть, их тщеславие — все что угодно, только не их патриотизм. Греческие писатели, которые были менее предвзяты и не стремились смягчить этот поступок, без оговорок говорят о нем как о чудовищном и отвратительном преступлении. Опять же, в то время как Тацит философски смотрит на мнения других и воздерживается от собственного суждения, Светоний допускает, что Цезарь был действительно справедливо убит, но не пытается оправдать его убийцу. Из сочинений Ливия, Флора и эпитомиста Трога можно сделать вывод, что мнение, высказанное Плутархом, было общим для большинства здравомыслящих римлян; он заявлял, что беспорядки в государстве требовали установления монархии и что Цезарь был послан провидением как самый мягкий врач для его сохранения. В целом, если мы рассмотрим пороки того времени и общую слабость принципов, справедливо приписываемую поздним векам греческого и римского язычества, то будет интересно заметить, как мало сочувствия проявила древность к подвигу, который так смело привлекал ее внимание.^{[b](#)}

Следующий отрывок из «Жизни цезарей» Светония является нашим основным источником знаний о личности Цезаря.

Говорят, что он был высоким, светлокожим, с круглыми конечностями, довольно полным лицом, черными и живыми глазами, очень здоровым, за исключением того, что в конце жизни он внезапно впадал в обморочные состояния и пугался во сне. Кроме того, дважды во время сражения его охватывала эпилепсия. Он так тщательно ухаживал за собой, что не только стриг волосы на голове и брил лицо с большой точностью, но и выщипывал волосы на других частях тела, что некоторые люди упрекали его. Его лысина доставляла ему много неудобств, так как из-за нее он часто подвергался насмешкам со стороны своих врагов. Поэтому он обычно выдвигал волосы с макушки головы, и из всех почестей, оказанных ему сенатом и народом, ни одна не доставляла ему большего удовольствия, чем право постоянно носить лавровый венец. Говорят, что он был очень требователен к своей одежде. Он носил *латус* *клавус*^{[\[129\]](#)} с бахромой на запястьях и всегда носил его, но не застегивая. Это обстоятельство дало начало выражению Суллы, который часто советовал знати остерегаться «мальчика в расстегнутом плаще».

Сначала он жил в Субуре в небольшом доме, но после своего возвышения до понтификата — в доме, принадлежащем государству, на Священной дороге. Многие писатели говорят, что он уделял большое внимание своей внешности и изысканности в развлечениях: что он полностью снес загородный дом, построенный им с нуля и отделанный с огромными затратами, недалеко от рощи Ариции, потому что он не совсем соответствовал его вкусам, хотя в то время он был беден и имел долги; и что он возил с собой в походы мраморную плитку для своего шатра.

Они также сообщают, что он вторгся в Британию в надежде найти жемчуг, размеры которого он сравнивал и проверял вес, взвешивая их в руке; что он покупал за любую цену драгоценные камни, резные изделия и картины, выполненные выдающимися мастерами древности; и что он давал за красивых молодых рабов такую экстравагантную цену, что ему было стыдно записывать ее в дневнике своих расходов.

Те же авторы сообщают нам, что он постоянно держал два стола в провинциях: один для офицеров армии или дворян провинций, а другой для римской знати, не имевшей звания в войске, и провинциалов первого ранга. Он был настолько точен в управлении своими домашними делами, как мелкими, так и крупными, что однажды посадил в кандалы пекаря за то, что тот подал ему хлеб лучшего сорта, чем его гостям, и казнил вольноотпущенника, своего особого фаворита, за развращение жены римского рыцаря, хотя ему не поступало никаких жалоб по этому поводу.

Все признают, что он был очень пристрастен к женщинам, а также очень расточителен в своих интригах с ними, и что он развратил многих дам высшего сословия, среди которых были Постумия, жена Сервия Сульпиция, Лоллия, жена Аула Габиния, Тертулла, жена М. Красса, а также Муция, жена Гнания Помпея. Ведь известно, что Курионы, отец и сын, и многие другие упрекали Помпея в том, «что, чтобы удовлетворить свою амбицию, он женился на дочери человека, из-за которого он развелся со своей женой, родившей ему троих детей, и которого он с глубоким вздохом называл Эгистом». Но самой любимой любовницей Помпея была Сервилия, мать М. Брута, для которой он, будучи консулом, вскоре после начала их интриги купил жемчужину, стоившую ему шесть миллионов сестерциев, а во время гражданской войны, помимо других подарков, передал ей за символическую плату несколько ценных земельных владений, которые были выставлены на публичные торги. Когда многие удивлялись низкой цене, Цицерон шутливо заметил: «Чтобы вы знали, насколько эта покупка выгоднее, чем вы думаете, Терция не входит в стоимость», поскольку Сервилия, как полагали, отдала свою дочь Терцию Цезарю.

О том, что он также имел интрижки с замужними женщинами в провинциях, свидетельствует двустийшие, которое часто повторялось во время галльского триумфа.

Среди его любовниц были также некоторые царицы, такие как Эуноя, мавританка, жена Богуда, которой и ее мужу он, как сообщает Насо, делал много крупных подарков. Но его самой большой фавориткой была Клеопатра, с которой он часто веселился всю ночь до рассвета и отправился бы с ней на прогулочном катере через Египет до Эфиопии, если бы армия не отказалась следовать за ним. Позже он пригласил ее в Рим, откуда отправил обратно, осыпав почестями и подарками, и дал ей разрешение назвать своим именем сына, который, по свидетельству некоторых греческих историков, походил на Цезаря и внешностью, и походкой. Марк Антоний заявил в сенате, что Цезарь признал этого ребенка своим, и что К. Матий, К. Оппий и остальные друзья Цезаря знали, что это правда. По этому поводу Оппий, как будто это было обвинение, которое он должен был опровергнуть, опубликовал книгу, чтобы показать, что ребенок, которого Клеопатра родила от Цезаря, не был его. Гельвий Цинна, трибун народа, рассказал нескольким людям, что у него есть готовый законопроект, который Цезарь поручил ему принять в его отсутствие, чтобы он мог

вступать в брак с любой женщиной или со столькими женщинами, сколько ему заблагорассудится, с целью получения потомства.

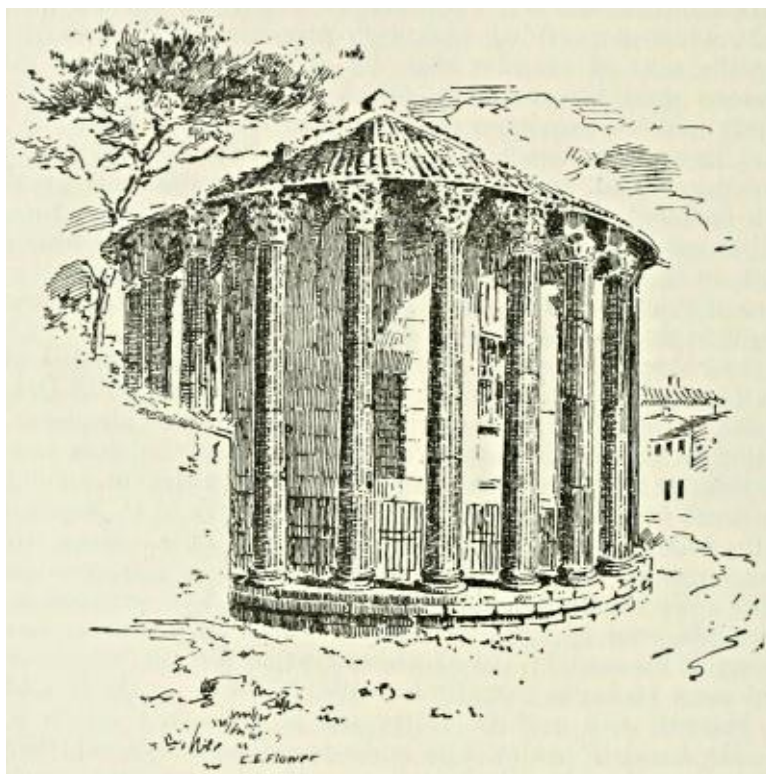
Даже его враги признают, что в отношении вина он был воздержанным. М. Като приписывают замечание, что «он был единственным трезвым человеком среди всех, кто участвовал в заговоре с целью свержения правительства». Что касается питания, то, по словам К. Оппия, он был настолько равнодушен к еде (), что когда хозяин дома, в котором он гостил, подал ему вместо свежего масла масло с какими-то приправами, которое остальные гости не стали есть, он один с большим аппетитом съел его, чтобы не показаться хозяину дома невежливым или невнимательным.

Он никогда не проявлял большого уважения к умеренности, ни в командовании армией, ни в гражданских должностях; у нас есть свидетельства некоторых писателей, что он просил денег у проконсула, своего предшественника в Испании, и у римских союзников в том краю, чтобы погасить свои долги; а некоторые города лузитанцев, несмотря на то, что они не пытались сопротивляться его войскам и открыли ему свои ворота, по его прибытии были им враждебно разграблены. В Галлии он грабил часовни и храмы богов, которые были наполнены богатыми дарами, и чаще разрушал города ради грабежа, чем из-за каких-либо проступков, которые они совершили по отношению к нему. Благодаря этому у него стало так много золота, что он обменивал его в Италии и провинциях империи по три тысячи сестерциев за фунт. Во время своего первого консульства он украл из Капитолия три тысячи фунтов золота и поместил на его место такое же количество позолоченной меди. Он также обменивал у иностранных народов и князей на золото титулы союзников и королей и выжал только из Птолемея около шести тысяч талантов от своего имени и от имени Помпея. Впоследствии он покрывал расходы на гражданские войны, свои триумфы и публичные зрелища самыми вопиющими грабежами и святотатствами.

По красноречию и военным достижениям он не уступал, а может быть, и превосходил величайших людей. После преследования Долабеллы он бесспорно считался одним из самых выдающихся ораторов. Цицерон, рассказывая Бруту о знаменитых ораторах, заявляет, что «не видит, чтобы Цезарь уступал кому-либо из них; что он обладал изящной, великолепной, благородной и величественной красноречивостью». А в письме к К. Непосу он пишет о нем следующее: «Что же! Кого из всех ораторов, которые на протяжении всей своей жизни не делали ничего другого, вы можете предпочесть ему? Кто из них более остроумен в выражениях или чаще вызывает ваш восторг?» В молодости он, по-видимому, выбрал Страбона Цезаря в качестве своего образца; из его речи в защиту сардинцев он буквально переписал некоторые отрывки в свою *«Divinatio»*. Говорят, что он выступал пронзительным голосом и с оживленными, изящными жестами. Он оставил после себя несколько речей, среди которых есть и поддельные, например, речь для К. Метелла. Август полагает, и вполне обоснованно, что они являются произведением неумелых стенографистов, которые не могли следить за его речью, а не его собственными публикациями. Я обнаружил, что в некоторых экземплярах название не «для Метелла», а «то, что он написал Метеллу», тогда как речь произнесена от имени Цезаря, оправдывая Метелла и себя от клеветы, брошенной на них их общими злословами. Речь, обращенная «к его солдатам в Испании», Август также считает поддельной. Под этим названием мы встречаем две речи: одна, как утверждается, произнесена в первой битве, а другая — в последней; в то время, по словам Асиния Поллия, у него не было времени обратиться к солдатам из-за внезапного нападения врага.

Он также оставил комментарии о своих действиях как в Галльской войне, так и в гражданской войне с Помпеем; автор Александрийской, Африканской и Испанской войн не известен с какой-либо определенностью. Некоторые считают, что они являются произведением Оппия, а некоторые — Гиртия; последний из них сочинил последнюю, но

неполную книгу о Галльской войне. О мемуарах Цезаря () Цицерон в своей *работе «Брут»* говорит так: «Он написал свои мемуары таким образом, что они в высшей степени заслуживают одобрения; они просты, точны и элегантны, без всякой напыщенности. Подготовив таким образом материалы для тех, кто мог бы захотеть составить его историю, он, возможно, побудил некоторых глупых людей приступить к такой работе, которые будут вынуждены приукрашивать его поступки всякой напыщенностью; но он отвратил мудрых людей от попыток заняться этим предметом». Хиртий высказывает свое мнение об этих же мемуарах в следующих выражениях: «Одобрение, с которым они повсеместно читаются, настолько велико, что, вместо того чтобы воодушевлять, он, кажется, исключил попытки любого будущего историка. Однако в отношении этой темы у нас есть больше причин восхищаться им, чем у других; ибо они знают только, как хорошо и правильно он писал, а мы знаем также, как легко и быстро он это делал». Поллион Асиний считает, что они были составлены не с большой тщательностью и без должного уважения к правде: он намекает, что Цезарь был слишком поспешен в своих суждениях о том, что делали другие под его руководством, и что в отношении того, что он делал лично, он не дал очень точного отчета — либо намеренно, либо из-за недостатка памяти; выражая при этом мнение, что Цезарь намеревался создать новое и более точное произведение на эту тему.

Храм Весты, Рим

Он также оставил после себя две книги аналогии с тем же номером под названием «*Анти-Катон*» и стихотворение под названием «*Путешествие*». Первые две книги он написал во время перехода через Альпы, когда возвращался в свою армию после проведения судебных заседаний в Галлии; вторую работу — примерно во время битвы при Мунде; а последнюю — в течение двадцати четырех дней, которые он провел в экспедиции из Рима в Дальнюю Испанию (). Сохранились некоторые его письма в сенат, написанные в манере, которой до него никто не пользовался, поскольку они разделены на страницы в форме записной книжки; тогда как консулы и генералы до того времени в своих письмах постоянно использовали строку, идущую по всей длине листа, без сгибов и деления на страницы. Сохранились также некоторые его письма к Цицерону и другие письма к его друзьям,

касающиеся его домашних дел; в них, если была необходимость в секретности, он использовал алфавит таким образом, что ни одно слово не могло быть разобрано. Чтобы расшифровать эти письма, нужно было заменить «а» на «d» и так далее с другими буквами соответственно. Некоторые вещи также приписываются его имени, которые, как говорят, были написаны им в детстве или в юности, такие как «*Похвала Гераклу*», трагедия под названием «*Эдип*» и сборник афоризмов; Август запретил публиковать все это в коротком и ясном письме к Помпею Макеру, которого он назначил руководителем своих библиотек.

Он был совершенным мастером своего оружия, прекрасным всадником и способен выдерживать невероятные нагрузки. Во время походов он обычно шел во главе своих войск, иногда верхом, но чаще пешком, с непокрытой головой в любую погоду. Он путешествовал в почтовой карете со скоростью сто миль в день и переправлялся через реки, плавая или опираясь на кожаные мешки, наполненные воздухом, так что часто никто не мог узнать о его приближении.

В его походах трудно сказать, что было более заметным: его осторожность или смелость. Он никогда не вел свою армию по маршруту, где была вероятность засады врага, не проверив предварительно обстановку в этих местах с помощью своих разведчиков. Он также не переправлялся в Британию, не выяснив предварительно все о навигации, гаванях и наиболее удобном доступе к острову. Но когда ему донесли о осаде одного из его лагерей в Германии, он пробрался к своим людям, проникнув через вражеские посты, в галльском одеянии. Зимой он переправился через море из Брундизия и Диррахия, проплыв сквозь вражеские флотилии; а войска, которым он приказал следовать за ним, не спешили, как он ожидал, и, несколько раз тщетно посылая послов, чтобы ускорить их, он наконец ночью тайно и в одиночестве отплыл на небольшом судне, укрыв голову; он не раскрыл, кто он, и не позволил капитану прекратить плавание, хотя ветер дул им в лицо, пока они не оказались на грани кораблекрушения.

Никакие дурные предзнаменования не могли отвратить его от какого-либо предприятия или задержать его в его осуществлении. Когда жертва, которую он собирался принести в жертву, сбежала, он не отложил свою экспедицию против Сципиона и Юбы. А когда он случайно упал, выходя из корабля, он удачно истолковал это предзнаменование, воскликнув: «Я держу тебя крепко, Африка». В насмешку над пророчествами, которые распространялись за границей, будто имя Сципионов по воле судьбы было счастливым и непобедимым в этой провинции, он оставил в лагере развратного негодяя из рода Корнелиев, который из-за своей скандальной жизни получил прозвище Салуцио.

Он вступал в сражение не только после предварительного обсуждения, но и внезапно, когда представлялась такая возможность; часто сразу после марша, а иногда и в самую унылую погоду, когда никто не мог себе представить, что он сможет двигаться. Он никогда не отступал в бою, вплоть до конца своей жизни. Тогда он считал, что чем чаще он добивался успеха (), тем меньше он должен подвергать себя новым опасностям; и что он никогда не сможет приобрести столько победой, сколько может потерять в случае неудачи. Он никогда не побеждал врага, которого не изгонял одновременно из лагеря; он так горячо преследовал свою выгоду, что не давал им времени собрать свои силы. Когда исход сражения был сомнительным, он отправлял прочь всех лошадей офицеров, и в первую очередь свою собственную, чтобы, лишённые возможности бегства, они были более вынуждены оставаться на месте.

Он ездил на очень замечательной лошади, с копытами, почти как у человека, разделенными таким образом, что напоминали пальцы ног. Он сам вырастил эту лошадь и уделял ей особое внимание, потому что предсказатели истолковали эти обстоятельства как

знамение, что ее владелец станет повелителем мира. Он сам ее оседлал, потому что лошадь не терпела других всадников, а потом воздвиг ей статую перед храмом Венеры Генитрикс.

Часто он в одиночку, благодаря своей храбрости и активности, переворачивал ход сражения, останавливая бегущих солдат и обращая их против врага; хотя многие из них были настолько напуганы, что знаменосец, остановив его, нанес ему удар, а другой, в аналогичной ситуации, оставил знамя в его руках.

Следующие примеры его решимости столь же, а то и более примечательны. После битвы при Фарсале, отправив свои войска в Азию, когда он переправлялся через Геллеспонт на пароме, он встретил Л. Кассия, одного из противников, с десятью военными кораблями; он не только не стал уклоняться от него, но и приблизился к нему; посоветовав ему сдаться, а тот согласился, он взял его на борт.

В Александрии, при штурме моста, будучи вынужден внезапным вылазкой врага сесть в лодку, а несколько человек поспешили за ним, он прыгнул в море и спасся, доплыв до ближайшего корабля, который находился на расстоянии двухсот шагов; поднимая левую руку из воды, чтобы не намочить документы, которые держал в ней, и тянув за собой плащ своего генерала зубами, чтобы он не попал в руки врага.

Он никогда не оценивал солдата по его манерам или состоянию, а только по его силе; и относился к ним с одинаковой строгостью и снисходительностью; ибо он не всегда держал их в строгом подчинении, за исключением тех случаев, когда враг был близко. Тогда он действительно был настолько строгим требователем дисциплины, что не давал никаких уведомлений о марше или сражении до самого момента их начала, чтобы войска были готовы к любым внезапным движениям; и он часто выводил их из лагеря без какой-либо необходимости, особенно в дождливую погоду и в праздничные дни. Иногда, предупредив их, чтобы они следили за ним, он внезапно уходил днем или ночью и заставлял их совершать долгие марши, специально чтобы утомить их, если они отставали.

Когда его солдаты в какой-то момент были обескуражены сообщениями о большой силе врага, он поднял их боевой дух, не отрицая правдивости этих сообщений и не преуменьшая факты, а, напротив, преувеличивая каждую деталь. Соответственно, когда его войска были в большом страхе перед прибытием царя Юбы, он созвал их и сказал: «Я должен сообщить вам, что через несколько дней король прибудет сюда с десятью легионами, тридцатью тысячами всадников, ста тысячами легко вооруженных пехотинцев и тремястами слонами. Поэтому пусть никто не смеет задавать дополнительных вопросов или высказывать свое мнение по этому поводу, а поверит моему слову, которое я говорю вам, и которое я получил из достоверных источников; в противном случае я посажу их на старое разбитое судно и оставлю на произвол ветров».

Он не обращал внимания на все их проступки и не соразмерял наказания с их характером. Но в отношении дезертиров и мятежников он проводил самые тщательные расследования и наказывал их сурово; другие проступки он закрывал глаза. Иногда, после успешной битвы, он давал им отпуск от всех видов обязанностей и позволял им веселиться в свое удовольствие, хвастаясь тем, что его солдаты сражаются не хуже, когда они надушены. В своих речах он никогда не обращался к ним с титулом «солдаты», а использовал более мягкое обращение «товарищи по оружию»; он содержал их в таком хорошем состоянии, что их оружие было украшено серебром и золотом не только для того, чтобы выглядеть лучше, но и для того, чтобы солдаты более ценили его в бою из-за его ценности. Он так любил свои войска, что, когда услышал о поражении войск Титуриуса, не стриг волос и не брил бороду, пока не отомстил врагу; благодаря этому он завоевал их безграничную любовь и сделал их чрезвычайно храбрыми.

Когда он вступил в гражданскую войну, центурионы каждого легиона предложили каждому из них содержать всадника за свой счет, а вся армия согласилась служить бесплатно, без продовольствия и жалованья; те из них, кто был богат, взяли на себя содержание бедных. Ни один из них на протяжении всей войны не перешел на сторону врага, и большинство из тех, кто был взят в плен, хотя им и предлагали сохранить жизнь при условии, что они будут сражаться против него, отказались принять эти условия. Они терпели лишения и другие невзгоды не только тогда, когда сами были осаждены, но и когда осаждали других, до такой степени, что Помпей, оказавшись в окружении в окрестностях Диррахия, увидев хлеб, приготовленный из травы, которым они питались, сказал: «Я имею дело с дикими зверями», и приказал немедленно убрать его, потому что, если его войска увидят его, они могут испытать опасное опасение по поводу выносливости и отчаянной решимости врага. О том, с какой храбростью они сражались, достаточно свидетельствует один случай: после неудачного сражения при Диррахии они просили его наказать их, так что их полководец считал более необходимым утешить их, чем наказать.

В других сражениях, в разных местах, они с легкостью разгромили огромные армии врага, хотя и были значительно уступали им по численности. В заключение, один батальон шестого легиона в течение нескольких часов удерживал форт против четырех легионов Помпея, причем почти все его солдаты были ранены огромным количеством стрел, выпущенных в них, которых внутри крепостных стен было найдено сто тридцать тысяч. Это несколько не удивительно, если учесть поведение некоторых из них, таких как Кассий Скева или Г. Ацилий, простой солдат. Скева, после того как ему выбили глаз, пронзили бедро и плечо, а его щит был пробит в ста двадцати местах, упорно продолжал охранять ворота крепости, командование которой было возложено на него. Ацилий в морском сражении у Марселя, схватив правой рукой корабль противника, а когда ему отрубили руку, в подражание тому памяtnому примеру решимости Кинегира среди греков, прыгнул на корабль, сбивая всех перед собой рукояткой своего щита.

За все десять лет Галльской войны они ни разу не поднимали мятеж, но иногда проявляли небольшую непокорность в ходе Гражданской войны. Однако они всегда быстро возвращались к своим обязанностям, и не из-за покорности, а из-за авторитета своего полководца, который никогда не уступал, а постоянно противостоял им в таких случаях. Он с позором уволил весь девятый легион в Плацентии, хотя Помпей в то время был в состоянии войны, и не принял их обратно на службу, пока они не проявили самое смиренное подчинение и не стали умолять, а также пока не были наказаны зачинщики мятежа.

Когда солдаты десятого легиона в Риме потребовали увольнения и вознаграждения за свою службу, сопровождая свои требования серьезными угрозами и создавая не малую опасность для города, хотя в то время против него велась ожесточенная война в Африке, он немедленно, несмотря на все усилия своих друзей, которые пытались помешать ему принять такую меру, подошел к легиону и распустил его. Но обратившись к ним с титулом «квириты» вместо «солдаты», он одним этим словом настолько полностью вернул их привязанность, что они сразу же воскликнули, что они его «солдаты», и последовали за ним в Африку, хотя он отказался от их услуг. Тем не менее, он наказал самых мятежных из них, лишив их трети доли в добыче и земли, которая была предназначена для них.

Еще в молодости он проявлял большую ревность и верность в служении своим клиентам. Он так энергично защищал дело благородного юноши Масинтхи против царя Хиёмпсала, что в ссоре, которая произошла по этому поводу, схватил за бороду сына царя Юбы; и когда Масинта был объявлен вассалом Хиёмпсала, а друзья противной стороны насильно уводили его, он немедленно силой спас его, долгое время скрывал в своем доме, а когда по истечении

срока своего преторства он отправился в Испанию, взял его с собой в своих носильщиках, среди своих сержантов и других, которые пришли проводить его и прощаться с ним.

Он всегда относился к своим друзьям с такой добротой и любезностью, что когда К. Оппий, путешествуя с ним по лесу, внезапно заболел, он уступил ему единственное место, где можно было переночевать, а сам лежал на земле под открытым небом. Когда он получил в свои руки всю власть в республике, он продвинул некоторых из своих верных сторонников, хотя и низкого происхождения, на самые высокие посты в правительстве. И когда его осудили за эту пристрастность, он открыто сказал: «Если бы мне помогали грабители и убийцы в защите моей чести, я бы вознаградил их таким же образом».

Он никогда в споре не испытывал такой непримиримой обиды, чтобы не отказываться от нее, когда появлялась такая возможность. Хотя К. Меммий опубликовал несколько крайне язвительных речей против него, и он ответил ему с такой же резкостью, тем не менее, он впоследствии помог ему своим голосом и влиянием, когда тот баллотировался на пост консула. Когда К. Кальв, опубликовав несколько скандальных эпиграмм против него, попытался добиться примирения через посредничество друзей, он по собственной инициативе написал первое письмо. А когда Валерий Катулл, который, как он сам заметил, в своих стихах о Мамурре нанес его репутации такое пятно, которое никогда не сможет быть стерто, попросил у него прощения, он пригласил его на ужин в тот же день и продолжал время от времени останавливаться у его отца, как он делал раньше.

Его характер был по природе не склонен к суровым мерам возмездия. После того как он взял в плен пиратов, которые его похитили, поклявшись, что распнет их, он действительно так и поступил, но перед тем, как привести приговор в исполнение, приказал перерезать им горло. Он никогда не мог смириться с мыслью о том, чтобы причинить вред Корнелию Фагите, который похитил его ночью с целью доставить к Сулле () и из-под стражи которого ему удалось вырваться не без больших трудностей и значительной взятки. Филемон, его секретарь, который пообещал его врагам отравить его, был казнен без пыток. Когда его вызвали в качестве свидетеля против П. Клодия, любовника его жены Помпеи, который был привлечен к ответственности за осквернение религиозных обрядов, он заявил, что ничего не знает об этом деле, хотя его мать Аурелия и сестра Юлия дали суду точный и полный отчет о случившемся. И когда его спросили, почему же он развелся со своей женой, он ответил: «Потому что я хочу, чтобы члены моей семьи были чисты не только от вины, но и от подозрений в ней».

Как в управлении государством, так и в своем поведении по отношению к побежденной стороне в гражданской войне он проявил удивительную умеренность и милосердие. И хотя Помпей заявил, что будет считать врагами всех, кто не взял в руки оружие в защиту республики, он хотел, чтобы было понятно, что всех, кто остался нейтральным, он будет считать своими друзьями. В отношении всех тех, кому он по рекомендации Помпея дал какое-либо звание в армии, он оставил им полную свободу перейти на его сторону, если они того пожелают. Когда в Илерде были выдвинуты некоторые предложения о капитуляции, что привело к свободному общению между двумя лагерями, а Афраний и Петрей, внезапно изменив свое решение, перебили всех людей Цезаря, которые находились в лагере, он с презрением отверг подражать низкому предательству, которое они совершили по отношению к нему. На поле битвы при Фарсале он призвал солдат «пощадить своих сограждан», а затем дал каждому человеку в своей армии свободу спасти врага. Насколько известно, никто из них не погиб, кроме как в бою, за исключением Афрания, Фауста и молодого Луция Цезаря; и считается, что даже они были казнены без его согласия. Афраний и Фауст подняли оружие против него после того, как им было даровано помилование; а Л. Цезарь не только самым жестоким образом уничтожил огнем и мечом своих

вольноотпущенников и рабов, но и растерзал диких зверей, которых он приготовил для развлечения народа. И наконец, незадолго до своей смерти он даровал свободу всем, кого не помиловал ранее, чтобы они могли вернуться в Италию, и разрешил им занимать как гражданские, так и военные должности.

Он даже восстановил статуи Суллы и Помпея, которые были сброшены с пьедесталов народом. А любые заговоры против него или высказывания в его адрес он предпочитал прекращать, а не наказывать. Соответственно, в отношении любых обнаруженных заговоров против него или ночных интриг он не делал ничего, кроме как давал понять в прокламации, что знает о них; а тех, кто позволял себе свободно высказывать суровые замечания в его адрес, он только предупреждал в публичной речи, чтобы они не продолжали свои нападки. Он с большой сдержанностью отнесся к язвительной клевете, написанной против него Аулом Цециной, и к оскорбительным пасквилям Питолауса, наиболее сильно порочащих его репутацию.

Однако его другие действия и заявления в отношении общественности настолько перевешивают все его хорошие качества, что считается, что он злоупотребил своей властью и был справедливо отстранен. Ведь он не только принимал чрезмерные почести, такие как ежегодное консульство, пожизненную диктатуру и надзор за общественными нравами, но и титулы «императора» и «отца отечества», а также статую среди царей и трон на месте, отведенном для сенаторов в театре. Он даже допустил, чтобы для него были приняты некоторые постановления, которые были неподобающими для величайшего из людей такие как золотой стул в сенате и на скамье, когда он заседал на суде, величественная колесница в цирковом шествии, храмы, алтари, изображения рядом с богами, государственная постель в храмах, особый жрец и коллегия жрецов, подобные тем, которые назначались в честь Пана, и то, что один из месяцев должен был называться его именем. Он действительно присваивал себе и давал другим всевозможные отличия по своему усмотрению. Во время своего третьего и четвертого консульства он имел только титул этой должности, довольствуясь властью диктатора, которая была ему предоставлена в то же время; и в оба года он заменял других консулов на своем месте в течение последних трех месяцев; так что в промежутках он не созывал народных собраний для избрания магистратов, за исключением только трибунов и эдилов от простого народа; и назначал должностных лиц под названием префектов вместо преторов для управления делами города во время своего отсутствия. Честь консульства, которая только что освободилась в результате внезапной смерти одного из консулов, он немедленно, за день до 1 января, передал лицу, которое попросило его об этом, на несколько часов.

С той же неоправданной свободой, не обращая внимания на устоявшиеся обычаи своей страны, он назначил магистратов на несколько лет вперед. Он присвоил знаки консульского достоинства десяти лицам преторского ранга. Он призвал в сенат некоторых, кто был освобожден от гражданства, и даже уроженцев Галлии, которые были немногим лучше варваров. Он также назначил некоторых из своих слуг управлять монетным двором и государственными доходами и доверил командование тремя легионами, которые он оставил в Александрии, своему старому катамиту, сыну своего вольноотпущенника Руфина.

Он проявлял такую же экстравагантность в своих публичных высказываниях, как сообщает нам Т. Амний, согласно которому он сказал: «Республика — это всего лишь название, без содержания и даже без видимости какого-либо содержания. Сулла был неграмотным человеком, отказавшись от диктатуры. Люди должны быть более осторожными в разговорах со мной и рассматривать то, что я говорю, как закон». Он дошел до такой степени высокомерия, что, когда гадатель сообщил ему, что внутренности жертвы, принесенной в жертву, не имели сердца, он сказал: «Внутренности будут более

благоприятными, когда я захочу; и не следует считать это плохим предзнаменованием, если у животного нет сердца».

Но наибольшую и непреодолимую ненависть к нему вызвало то, что он принял весь сенат, собравшийся перед храмом Венеры Генитрикс, чтобы вынести ему многочисленные почетные декреты. Некоторые говорят, что, когда он попытался встать, его удержал К. Балб. Другие говорят, что он вовсе не пытался встать, а лишь с некоторым недовольством посмотрел на К. Требатия, который напомнил ему о необходимости встать. Это поведение казалось тем более недопустимым, что когда один из трибунов народа, Понтий Акила, не встал перед ним, когда он прошел мимо места, где они сидели, во время своего триумфа, он был настолько оскорблен, что воскликнул: «Что ж, господин трибун, забери власть из моих рук». И в течение нескольких дней после этого он не обещал никому никаких милостей без оговорки «если Понтий Акила позволит».

К этому чрезвычайному оскорблению сената он добавил еще более возмутительное действие. Когда после жертвоприношения на латинском празднике он возвращался домой под непрекращающиеся и необычные возгласы народа, кто-то из толпы надел на его статую лавровый венец, обвязанный белой лентой, и трибуны народа, Эпидий Марулл и Цесетий Флав, приказали снять ленту и отвести этого человека в тюрьму (). будучи очень озабоченным либо тем, что упоминание о его возвышении до царской власти было сделано так неудачно, либо, как он притворялся, тем, что слава отказа от него была таким образом отнята у него, он очень строго отчитал трибунов и уволил их обоих с должности. С того дня он так и не смог избавиться от скандала, связанного с присвоением себе титула царя, хотя и отвечал народу, когда тот приветствовал его этим титулом: «Мое имя Цезарь, а не Царь». А на празднике Луперкалий, когда консул Антоний на трибуне несколько раз возлагал на его голову венец, он столько же раз снимал его и отправлял в Капитолий Юпитеру. Широко распространился слух, что он намеревался переехать в Александрию или Илион, куда он предлагал перенести силу империи, а управление городом оставить своим друзьям. К этому слуху добавилось, что Л. Котта, один из пятнадцати комиссаров, которым было поручено хранить книги Сивиллы, вынесет на обсуждение в палате предложение о том, что, поскольку в этих книгах есть пророчество о том, что парфян никогда не сможет покорить никто, кроме царя, Цезарь должен получить этот титул.^[130] Именно поэтому заговорщики поспешили осуществить свой замысел.^с

АППИАН СРАВНИВАЕТ ЦЕЗАРЯ С АЛЕКСАНДРОМ

«Счастливым во всем, великолепный; и по праву сравнимый с Александром; ибо оба они были безмерно амбициозны, воинственны, готовы к выполнению того, что решили, и отважны в опасностях; они не щадили своих тел; и в войне полагались не столько на свое поведение, сколько на свою храбрость и удачу. Один из них отправился в долгое путешествие по стране, где не было воды, чтобы добраться до Аммона, счастливо пересек дно Памфилийского залива, море отступило, как будто его гений запер воды; в другой раз, маршируя по равнине, он заставил дождь прекратиться. Он плавал по неизвестному морю; находясь в Индии, он первым взобрался на стены города и в одиночку спрыгнул в середину врагов, получив тринадцать ран; он всегда побеждал; и в какой бы войне он ни участвовал, он заканчивал ее за одну или две битвы.

«В Европе он покорил многие варварские народы и подчинил их своей власти, в том числе греков, свирепый народ, любящий свободу, который до этого никогда не подчинялся никому, кроме Филиппа, который некоторое время командовал ими под почетным титулом генерала греков. Он пронес свое оружие почти по всей Азии с невероятной быстротой. И,

чтобы одним словом описать счастье и могущество Александра, он завоевал все страны, которые видел, и, когда он планировал завоевать остальные, он умер.

«Что же касается Цезаря, то, пересекая Ионическое море в середине зимы, он обнаружил, что оно было спокойным, как и Британский океан, который он пересек, не зная об этом, в то время, когда его лоцманы, увлеченные штормом к английским скалам, потеряли свои корабли; в другой раз, отправляясь ночью в одиночку на маленькой лодке и гребя против волн, он приказал лоцману поднять паруса и скорее думать о судьбе Цезаря, чем о море. Он не раз бросался в одиночку в самую гущу врагов, когда все его люди были охвачены паническим страхом; и является единственным римским полководцем, который тридцать раз сражался в открытой битве с галлами и покорил в Галлии сорок народов, столь страшных для римлян, что в законе, освобождающем жрецов и стариков от участия в войне (), войны с галлами являются исключением, и жрецы и все мужчины обязаны нести оружие. Перед Александрией, увидев, что он один оказался в окружении на мосту, он снял свою пурпурную мантию, бросился в море и, преследуемый врагами, долго плыл под водой, лишь изредка поднимая голову, чтобы вдохнуть воздух, пока не приблизился к своим кораблям, поднял руки, был узнан и таким образом спасся.

«В гражданских войнах, которые он не начинал ни из страха (как он сам говорит), ни из амбиций, ему приходилось иметь дело с величайшими полководцами того времени, сражавшимися во главе многих великих армий; не варварами, а римлянами, ободренными своими прежними действиями и удачей, но он победил их всех; и ни одного из них он не оставил в живых после одной-двух битв. Но мы не можем сказать о нем, как об Александре, что он никогда не был побежден; ибо он однажды потерпел большое поражение от галлов под командованием своих лейтенантов Титуриуса и Котты. В Испании его армия была настолько близко заблокирована Петреем и Афранием, что ему не хватило совсем немного, чтобы оказаться в осаде. В Диррахии и в Африке они повернули вспять, а в Испании, против молодого Помпея, они бежали. Но сам Цезарь всегда был неустрашим; и в какой бы войне он ни участвовал, в конце концов он выходил победителем; и Римская империя, которая теперь простирается по морю и суше от Евфрата до Атлантического океана, была приведена под его власть отчасти благодаря его доблести, а отчасти благодаря его милосердию. Он устроился гораздо лучше, чем Сулла, и правил с большей умеренностью; ведь, будучи по сути королем, несмотря на весь мир, он не принял этого титула.

«Наконец, готовясь к новым войнам, он был застигнут смертью, как и Александр. Их армии были похожи: солдаты обоих были веселы в бою и выносливы, но упрямы и мятежны, когда были переутомлены трудом. Смерть обоих была одинаково оплакиваема и оплакиваема их армиями, которые приписывали им божественные почести. Оба были хорошо сложены и имели благородную внешность; оба были потомками Юпитера: один — Эака и Геракла, а другой — Анхиза и Венеры. Хотя они были неуступчивы, когда им сопротивлялись, они были более склонны прощать и примиряться, а также делать добро тем, кого они победили; они довольствовались победой.

«До сих пор сравнение справедливо, за исключением того, что их начало было неравным; Александр начал с качества царя, которому его научил его отец Филипп, а Цезарь был только частным лицом; и хотя он был из знатного рода, его судьба была очень затруднительна. Оба они пренебрегали предзнаменованиями, угрожавшими им, не причиняя вреда тем жрецам, которые предсказывали им смерть; и с ними произошли почти одинаковые знамения и подобные события: во время жертвоприношений, совершаемых одним и другим дважды, они не нашли главных внутренних органов жертв; в первый раз им угрожала только большая опасность. Александр потерпел неудачу, когда осаждал Оксидраков, впервые взобравшись на стену, и слишком большой вес сломал лестницы

позади него, он увидел, что его покинули его люди, и бросился в середину своих врагов, где, получив много ран на груди и сильный удар по шее, он был готов умереть, когда македоняне, тронутые стыдом, взломали ворота и спасли его.

«Подобное произошло с Цезарем в Испании во время сражения между ним и молодым Помпеем; там, видя, что его люди продолжают дрожать, он продвинулся между двумя армиями, приняв на свой щит двести стрел, пока страх не сменился стыдом, и вся армия не бросилась на помощь, спасая его от опасности. Таким образом, первые внутренности без вождя угрожали только смертельной опасностью, но вторые были верным предзнаменованием самой смерти. Божественный Пифагор, принеся жертву, сказал Аполлодору, который боялся Александра и Гефестиона, что ему нечего бояться, ибо оба они скоро умрут. Гефестион умер через некоторое время, и Аполлдор, опасаясь, что против царя может быть заговор, сообщил ему о предсказании; тот только рассмеялся и, узнав у Пифагора, что означают эти предзнаменования, сказал ему, что это знак смерти; на что тот снова рассмеялся, восхваляя любовь Аполлодора и свободу божественного.

«Что же касается Цезаря, то в последний раз, когда он пошел в сенат, как мы уже сказали немного ранее, при том же предзнаменовании он сказал, улыбаясь, что видел подобное в Испании, на что авгур ответил, что тогда он был в опасности, но теперь знак смертелен, и он в некоторой степени поддался этому совету и принес еще одну жертву; но, устав от длительности церемонии, вошел во дворец и погиб. То же самое случилось с Александром; когда он возвращался из Индии в Вавилон со своей армией, приблизившись к городу, халдеи посоветовали ему отложить вход в город; на что он ответил им следующим стихом:

«Кто обещает больше всего добра, тот лучший бог»,

они наконец умоляли его не позволять своей армии входить лицом к западу, а взять компас, чтобы при входе они могли видеть восходящее солнце и город. Говорят, что он послушался бы их и в этом, но во время марша он наткнулся на болотистую местность, что заставило его пренебречь вторым советом, как и первым, так что он вошел в город лицом к западу. Спустя некоторое время после того, как он вышел на Евфрат и спустился к реке Паллакопас, которая принимает воды Евфрата и несет их в болота и пруды, которые могут затопить всю Ассирию, он решил построить плотину; и говорят, что, спускаясь по реке, он смеялся над халдеями, потому что он вошел в Вавилон и вышел из него на лодке без всякого вреда; но смерть настигла его по возвращении из этого путешествия.

«Подигравки Цезаря в адрес авгура, который сказал ему, что иды марта будут для него роковыми, были очень похожи; он ответил ему насмешливо, что иды наступили, и все же был убит в тот же день. Таким образом, между ними было большое сходство: и в предзнаменованиях, которые они получили от жрецов, не обидевшись, и в их насмешках, и в исходе предсказания. Они также были большими любителями наук, как своей страны, так и чужих. Александр советовался с брахманами, которые считались самыми тонкомысленными и проницательными из индийцев, как маги из персов. Цезарь поступил так же с египтянами, когда восстановил Клеопатру в ее царстве, что дало ему повод, когда был заключен мир, реформировать многое среди римлян; и что, следуя примеру египтян, он регулировал год по ходу солнца, который раньше регулировался луной; и так до тех пор были неравны из-за високосных дней. Случилось так, что один из тех, кто замышлял его смерть, сбежал, но все они были наказаны по заслугам его сыном, как и убийцы Филиппа были наказаны Александром».⁴

Отсюда мы переходим к, вероятно, самой мастерской оценке характера и способностей Цезаря, когда-либо написанной исследователем римской истории. Это оценка человека, который является восторженным поклонником гения Цезаря, но в то же время и проницательным историческим критиком.

ОЦЕНКА МОММСЕНА ХАРАКТЕРА ЦЕЗАРЯ

Новый монарх Рима, первый правитель всей римской и эллинской цивилизации, Гай Юлий Цезарь был в свои пятьдесят шесть лет — он родился 12 июля 100 года до н. э. — когда битва при Тапсусе, последняя в длинной череде побед, приведших к столь важным последствиям, определила будущее мира. Немногие люди прошли столь суровое испытание, как этот творческий гений, единственный в Риме и последний в древнем мире — мире, который продолжал идти по пути, проложенному им, вплоть до своего падения.

Потомок одной из старейших знатных семей Лация, генеалогия которой восходила к героям «Илиады» и царям Рима, и даже к Венере Афродите, богине, общей для обоих народов, он прожил свое детство и юность так, как это было принято у знатных юношей той эпохи. Он тоже вкусил и пену, и осадок чаши модной жизни, читал и декламировал, занимался в свободное время литературой и сочинением стихов, баловался всеми видами любовных утех и был посвящен во все тайны бритья, завивки волос и оборок, которые принадлежали к науке одежды, как ее понимали в тот период, помимо гораздо более сложного искусства всегда брать в долг и никогда не платить. Но гибкая сталь этой натуры сопротивлялась даже этим поверхностным и губительным путям; физическая сила Цезаря оставалась нетронутой, как и характер его ума и сердца. В фехтовании и верховой езде он не уступал никому из своих солдат, а его умение плавать спасло ему жизнь в Александрии;

невероятная скорость, с которой он путешествовал, обычно ночью, чтобы выиграть время, — прямой контраст с процессионной медлительностью, с которой Помпей перемещался из одного места в другое, — вызывала изумление его современников и была не менее важным фактором его успеха.

Его дух был таким же, как и его тело. Его удивительная проницательность проявлялась в уверенности и практичности всех его решений, даже когда он отдавал приказы, не проводя личного расследования. Его память была несравненной, и ему было легко вести несколько дел одновременно и с одинаковой точностью. Будучи джентльменом, гением и монархом, он все же имел сердце. Всю свою жизнь он сохранял чистейшее почтение к своей замечательной матери Аурелии, поскольку его отец умер рано; к своей жене, и особенно к своей дочери Юлии, он испытывал достойную любовь, которая не осталась без влияния на политику. По-своему самые способные и достойные люди его времени, как высшего, так и низшего ранга, поддерживали с ним отношения взаимного доверия. Поскольку он никогда не бросал своих сторонников, как это делал Помпей, безжалостный и бессердечный, но оставался верным своим друзьям и в хорошие, и в плохие времена, и это не было просто расчетом, многие из них, такие как Аурус Хиртий и Гай Матий, благородно свидетельствовали о своей привязанности к нему даже после его смерти.

Если в столь гармонично устроенной натуре можно выделить какую-то одну характерную черту, то это то, что она была далека от всего идеологического и мечтательного. Нет нужды говорить, что Цезарь был страстным человеком, ибо нет гения без страсти; но его страсти никогда не были сильнее его самого. Он был молод, и песни, любовь и вино играли свою роль в его радостной жизни, но они не проникали в самое сердце его существа. Литература привлекала его длительное и серьезное внимание; но если гомеровский Ахилл не давал Александру уснуть, то Цезарь в свои бессонные часы готовил соображения об склонениях латинских существительных и глаголов. Он сочинял стихи, как и все в то время, но они были слабыми; с другой стороны, он интересовался астрономическими и физическими науками.

Если для Александра вино было и оставалось средством, избавляющим от забот, то умеренный римлянин полностью избегал его после периода своих юношеских развлечений. Как и все те, кто в молодости был окружен полным блеском любви женщин, на нем все еще лежало ее неувядаемое очарование; даже в более поздние годы любовные приключения и успехи у женщин все еще встречались на его пути, и он все еще сохранял определенный дендизм в своей внешности, или, точнее, радостное осознание мужской красоты своего внешнего вида. Лавровые венки, с которыми он появлялся на публике в поздние годы, были тщательно расположены так, чтобы скрыть лысину, которую он болезненно ощущал, и он, несомненно, отдал бы многие из своих побед, если бы это могло вернуть ему юные локоны.

Но как бы он ни любил играть роль монарха среди женщин, он только развлекался с ними и не позволял им влиять на себя; даже его широко обсуждаемые отношения с царицей Клеопатрой были завязаны только с целью скрыть слабое место в его политическом положении. Цезарь был абсолютно практичным человеком и истинным реалистом; все, что он предпринимал и выполнял, было осуществлено благодаря той хладнокровию, которая была его главной чертой и сама по себе проявлением гениальности. Ей он обязан был способностью жить активно в настоящем, не отвлекаясь на воспоминания и ожидания, а также способностью действовать в каждый момент со всей своей силой и применять весь свой гений к самым незначительным и случайным начинаниям. Ему же он обязан своей универсальностью, с которой он схватывал и осваивал все, что может понять разум и что может заставить воля, уверенной беспечностью, с которой он владел своими словами и набрасывал свои планы кампаний, «чудесной радостью», которая оставалась верной ему и в

хорошие, и в плохие дни, и полной самостоятельностью, которая не позволяла ни любимцу, ни любовнице, ни даже другу оказывать на него влияние.

Но именно этой проницательности мы можем также приписать тот факт, что Цезарь никогда не обманывал себя относительно силы судьбы и человеческих способностей; для него была поднята доброжелательная завеса, скрывающая от человека недостаточность его трудов. Как бы умно он ни строил свои планы и ни взвешивал все возможности, он всегда ощущал, что во всем решающую роль играет удача, то есть случайность; с этим, возможно, связано то, что он так часто бросал вызов судьбе и, в частности, снова и снова подвергал свою жизнь опасности с безрассудной беззаботностью. Как люди необычайного интеллекта увлекались играми, основанными на чистом везении, так и в рационализме Цезаря был момент, когда он в определенном смысле соприкасался с мистицизмом.

Из таких материалов не мог не выйти государственный деятель. Цезарь был государственным деятелем с ранней юности и в самом глубоком смысле этого слова, и его цель была самой высокой, которую человек может поставить перед собой — политическое, военное, интеллектуальное и нравственное возрождение своего глубоко падшего народа и еще более падшего эллинского народа, который был так тесно связан с его собственным. Трудная школа тридцатилетнего опыта изменила его взгляды на средства, с помощью которых эта цель должна была быть достигнута; его цель оставалась той же в дни безнадежной депрессии, что и в дни безграничной власти, в дни, когда он, как демагог и заговорщик, скользил к ней по темным тропам, и в дни, когда он, как участник высшей власти, а затем как монарх, творил свои дела при полном свете солнца на глазах всего мира. Все меры постоянного характера, которые он принимал в самые разные времена, заняли свое место в великом плане. Поэтому, строго говоря, не следует говорить об одиночных действиях Цезаря; он не создавал ничего в одиночку.

Цезарь-оратор был по праву восхвален за свою мужественную красноречивость, которая высмеивала все искусство адвоката и, подобно яркому пламени, давала одновременно свет и тепло. Цезарь-писатель был по праву восхищен за неподражаемую простоту своих сочинений, необычайную чистоту и красоту своего языка. Величайшие мастера военного искусства всех времен по праву хвалили Цезаря-полководца, который, как никто другой, освободившись от оков рутины и традиций, всегда находил тот метод ведения войны, с помощью которого в конкретном случае можно было победить врага и который, следовательно, был правильным в данном случае. С уверенностью провидца он находил правильные средства для каждой цели, после поражения, как Вильгельм Оранский, был готов к сражению и заканчивал каждую кампанию без исключения победой. Он с непревзойденным совершенством применял тот принцип ведения войны, использование которого отличает военный гений от способностей обычного офицера, а именно принцип быстрого перемещения масс; и находил гарантию победы не в большом количестве, а в быстром перемещении, не в долгих приготовлениях, а в быстрых и даже опрометчивых действиях, даже при недостатке ресурсов.

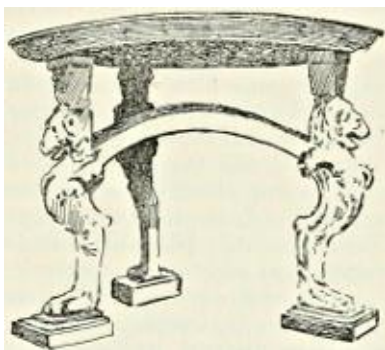
Но для Цезаря все это было лишь второстепенным; он действительно был великим оратором, писателем и полководцем, но он стал всем этим только потому, что был опытным государственным деятелем. Воин в нем, в частности, играет совершенно второстепенную роль, и одна из самых замечательных особенностей, отличающих его от Александра, Ганнибала и Наполеона, заключается в том, что отправной точкой его политической деятельности был не полководец, а демагог. Согласно своему первоначальному плану, он намеревался достичь своей цели, как это сделали Перикл и Гай Гракх, не прибегая к оружию; и как лидер народной партии он в течение восемнадцати лет действовал исключительно в сфере политических планов и интриг, прежде чем, неохотно убедившись в необходимости

военной поддержки, он встал во главе армии в возрасте сорока лет. Вполне объяснимо, что в более поздний период он по-прежнему оставался скорее государственным деятелем, чем полководцем; так же как Кромвель превратился из лидера оппозиции в военачальника и демократического короля, и в целом, как бы ни казался пуританский принц несхожим с развратным римлянином, он, пожалуй, из всех государственных деятелей наиболее близок к Цезарю как по своему развитию, так и по целям и достижениям.

Даже в манере ведения войны Цезарем все еще явно прослеживается его импровизированное полководческое искусство; лейтенант артиллерии, дослужившийся до генерала, не более очевиден в предприятиях Наполеона против Англии и Египта, чем демагог, превратившийся в генерала в аналогичных предприятиях Цезаря. Обученный офицер вряд ли отбросил бы в сторону важнейшие военные соображения из-за политических причин, не имеющих особого значения, как это часто делал Цезарь, самым поразительным примером чего является его высадка в Эпире. Отдельные его действия, следовательно, заслуживают порицания с военной точки зрения. Но генерал теряет только то, что приобретает государственный деятель.

Задача государственного деятеля, как и гений Цезаря, носит универсальный характер; хотя он обращает свое внимание на самые сложные и разнообразные дела, все они без исключения имеют отношение к одной великой цели, которой он служит с безграничной преданностью и последовательностью; и из всех многочисленных фаз и направлений своей великой деятельности он никогда не отдавал предпочтение одному над другим. Несмотря на то, что он был мастером военного искусства, он, тем не менее, с государственным даром предвидения, делал все возможное, чтобы избежать гражданской войны, и даже когда он ее начал, не стремился заработать кровавые лавры. Несмотря на то, что он был основателем военной монархии, он приложил беспрецедентную в истории энергию, чтобы предотвратить формирование иерархии маршалов или преторианского правительства. Он предпочитал науки, искусство и мир наукам о войне.

Наиболее примечательной чертой его деятельности как государственного деятеля является ее совершенная гармония. Фактически все необходимые качества для этой самой сложной из всех человеческих задач были объединены в Цезаре. Будучи реалистом до мозга костей, он никогда не позволял устоявшимся традициям и образам прошлого беспокоить его; в политике для него не имело значения ничего, кроме живого настоящего и разумного закона, так как, будучи грамматиком по характеру, он отбросил исторические и антикварные исследования и признавал, с одной стороны, только обычаи живого языка, а с другой — законы соответствия. Прирожденный правитель, он влиял на умы людей, как ветер на облака, и заставлял самых разных людей подчиняться ему — простых граждан и грубых солдат, благородных дам Рима и прекрасных принцесс Египта и Мавритании, блестящих кавалерийских командиров и расчетливых банкиров.

Римский треножник

Его организаторский талант был поразителен; Цезарь заставил свою коалицию и легионы тесно объединиться и удерживал их вместе так крепко, как ни один другой государственный деятель со своими союзниками, ни один полководец с армией, состоящей из неуправляемых и конфликтующих элементов; никогда еще правитель не оценивал своих инструментов с таким острым взглядом и не ставил каждого на свое место. Он был монархом, но никогда не играл роль короля. Даже будучи абсолютным правителем Рима, он сохранял манеры партийного лидера; совершенно гибкий и любезный, непринужденный и приятный в разговоре и вежливый со всеми, он, казалось, не желал быть ничем иным, как первым среди равных. Цезарь полностью избежал ошибки, которую совершали многие другие великие люди, подобные ему, — переносить дух военного командира в политику; каким бы великим ни было искушение, вызванное его напряженными отношениями с сенатом, он никогда не прибегал к таким актам грубой силы, как 18 брюмера. Цезарь был монархом, но он никогда не поддавался очарованию тирании. Он, пожалуй, единственный среди великих людей, который в больших и малых делах никогда не действовал по прихоти или капризу, а во всех случаях в соответствии со своим долгом правителя, и который, оглядываясь на свою жизнь, мог действительно сожалеть о просчетах, но не мог раскаяться ни в одной из ошибок, совершенных под влиянием страсти. В истории жизни Цезаря нет ничего, что можно было бы хотя бы в малейшей степени сравнить с теми всплесками поэтической чувственности, с убийством Клита или сожжением Персеполя, о которых рассказывает история его великого предшественника на Востоке. В конце концов, он, пожалуй, единственный из этих могущественных людей, кто до самого конца своей карьеры сохранил государственное чувство возможного и невозможного и кто не потерпел крах в решении великой проблемы, самой сложной для людей великого масштаба, — проблемы признания естественных пределов успеха даже на самом его пике.

Он делал то, что было осуществимо, и никогда не пренебрегал достижимым благом ради невозможного лучшего; по крайней мере, он никогда не пренебрегал смягчением неизлечимого зла каким-либо паллиативом. Но когда он понимал, что судьба вынесла свой приговор, он всегда прислушивался к ней. Александр на Гипанисе, Наполеон в Москве повернули назад, потому что были вынуждены это сделать, и упрекали судьбу за то, что она дала им лишь ограниченный успех. Цезарь на Темзе и Рейне отступил по собственной воле, а на Дунае и Евфрате не строил грандиозных планов по завоеванию мира, а просто планировал выполнение некоторых тщательно продуманных пограничных правил.

Таким был этот необыкновенный человек, которого кажется так легко и в то же время так безнадежно трудно описать. Вся его натура прозрачна и ясна, и традиция сохранила о нем более богатые и яркие подробности, чем о любом из его современников в древнем мире. Таковую личность можно было бы представить более поверхностной или более глубокой, но не по-разному; каждому не совсем извращенному исследователю эта возвышенная фигура представала с одними и теми же основными чертами, и все же никому не удалось воссоздать ее в четких очертаниях. Секрет заключается в ее целостности. С человеческой и исторической точки зрения Цезарь стоит на том месте уравнивания, где великие противоречивые принципы жизни нейтрализуют друг друга. Обладая величайшей творческой силой и в то же время самым проникновенным умом, уже не молодой, но еще не старый, с высочайшей волей и высочайшими достижениями, наполненный республиканскими идеалами и в то же время прирожденный царь, римлянин до глубины души и вновь предназначенный примирить и объединить римскую и эллинскую цивилизации как внешне, так и во внутренних отношениях — Цезарь является полным и совершенным человеком. Вот почему в нем, больше чем в любой другой исторической личности, мы не видим так называемых характерных черт, которые на самом деле являются не чем иным, как отклонениями от естественного развития человека. То, что на первый

взгляд кажется такими чертами, при ближайшем рассмотрении оказывается не индивидуальными качествами, а особенностями периода цивилизации или нации; так, его юношеские приключения были общими для него и всех его одаренных современников, которые находились в аналогичной ситуации, а его не поэтический, но энергичный и логичный характер был в основном римским.

Кроме того, вполне соответствует человеческому характеру Цезаря то, что он в высшей степени зависел от времени и места; ведь не существует такого понятия, как чистое и простое человечество; живой человек может проявлять только качества данной нации и особый отпечаток цивилизации. Цезарь был совершенным человеком только потому, что он, как никто другой, оказался в центре течения тенденций своего времени и потому, что больше, чем кто-либо другой, он обладал существенной характеристикой римской нации, истинным гражданским качеством в его совершенстве; в то время как его эллинизм также был лишь тем, что давно уже тесно переплелось с национальным духом итальянцев.

Но в этом и заключается сложность, а может быть, и невозможность создать четкий портрет Цезаря. Как художник может нарисовать что угодно, кроме совершенной красоты, так и историк, встретив совершенство раз в тысячу лет, может только молчать перед ним. Ведь правило может быть установлено, но у нас есть только негативное представление об отсутствии недостатков; секрет природы, заключающийся в объединении нормального и индивидуального в их полнейшем проявлении, не может быть выражен. Нам остается только должным образом оценить тех, кто видел это совершенство, и получить смутное представление о нетленном отражении, которое лежит на произведениях, созданных этой великой природой. Правда, они также несут на себе отпечаток его эпохи. Самого римлянина можно было бы сравнить с его молодым греческим предшественником не просто как равного, но как превосходящего его; но мир состарился со времен « », и его юный блеск померк. Дело Цезаря уже не было, как дело Александра, радостным стремлением продвигаться к неизмеримой дали; он занимался созиданием, причем из руин, и был доволен тем, что работал как можно более плодотворно и надежно в широкой, но четко очерченной сфере, уже обозначенной. Поэтому тонкое поэтическое чувство народов оправдывает то, что оно не обращает внимания на не поэтического римлянина, в то время как сына Филиппа оно окружило всем золотым великолепием поэзии и всеми радужными цветами легенды. Но с равной справедливостью политическая жизнь народов на протяжении тысячелетий снова и снова возвращалась к линиям, которые прочертил Цезарь, и если народы, которым принадлежит мир, по-прежнему применяют его имя к своим главным монархам, то в этом заключается глубокое предупреждение и, к сожалению, также рассчитанное на то, чтобы пробудить чувства стыда.

ОЦЕНКА МОММСЕНОМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕЗАРЯ

Цезарь с самого раннего периода был лидером народной партии, как бы по наследственному праву, и в течение тридцати лет он защищал ее, никогда не меняя и даже не скрывая своих убеждений; даже став монархом, он оставался демократом. Вступив во все наследство своей партии, конечно, за исключением ошибочных представлений Катилины и Клодия, он питал самую горькую и даже личную ненависть к аристократии и истинным аристократам и сохранил неизменными главные лозунги римской демократии, а именно: улучшение положения должников, колонизация зарубежных территорий, постепенная отмена существующих привилегий между различными классами в государстве и освобождение исполнительной власти от сената; поэтому его монархия так мало противоречила демократии, что, напротив, именно благодаря ей последняя впервые достигла своего завершения и осуществления. Ибо эта монархия не была восточным

деспотизмом по милости Божьей, а монархией, которую хотел основать Гай Гракх, которую основали Перикл и Кромвель — представительство народа человеком, обладавшим его высшим и неограниченным доверием. Таким образом, идеи, лежащие в основе деятельности Цезаря, не были совершенно новыми; но их развитие, в конечном счете всегда являющееся главным, принадлежит ему, и ему принадлежит величие реализации, которое могло бы удивить даже гения-создателя, если бы он мог это увидеть, и которое вдохновляло и будет вдохновлять всех, кто сталкивался с ним в реальной жизни или в зеркале истории, независимо от исторического периода или политического устройства, к которому они могут принадлежать, с все более глубокими эмоциями и удивлением в соответствии с их способностью понимать человеческое и историческое величие.

Возможно, это подходящее место, чтобы прямо заявить о том, что историк всегда молчаливо предполагает, и выразить протест против обычая, характерного как для простоты, так и для нечестности, — обычая использовать похвалу и порицание истории независимо от особых условий, как фразы общего применения, в данном случае превращая вердикт о Цезаре в суждение о так называемом цезаризме. По правде говоря, история прошлых веков должна быть учителем истории настоящего, но не в обычном смысле, как будто люди могут прочесть переломные моменты настоящего в записях о прошлом, а в записях об искусстве политической диагностики и рецептах — прочесть симптомы и их лекарства; но история поучительна только в той мере, в какой изучение древних цивилизаций раскрывает общие органические условия самой цивилизации, с теми первичными силами, которые везде о , и теми комбинациями, которые везде различны, и в той мере, в какой она, вместо того чтобы порождать бездумное подражание, направляет и вдохновляет независимые творения по старым образцам. В этом смысле история Цезаря и римского цезаризма, со всем непревзойденным величием мастера и всей исторической необходимостью этого произведения, является поистине более острой критикой современной автократии, чем та, которую могла бы написать рука человека.

По тому же закону природы, согласно которому самый незначительный организм бесконечно превосходит самую хитрую машину, любая конституция, какой бы несовершенной она ни была, которая дает свободу действий большинству граждан, бесконечно превосходит абсолютизм, даже если он осуществляется с величайшей гуманностью и гениальностью; ибо первая способна к развитию и поэтому жива, а второй остается тем, чем он есть, то есть мертв. Этот закон природы проявился и в случае абсолютной военной монархии Рима, и тем более, что под вдохновенным руководством ее создателя и в отсутствие каких-либо реальных осложнений с иностранными государствами развитие этой монархии было менее затруднено и ограничено, чем любое другое подобное правительство. Со времен Цезаря, как давно указал Гиббон, Римская империя имела только внешнюю сплоченность и расширялась лишь механически, в то время как внутри она полностью увяла и умерла вместе с ним. Если в начале автократии, и особенно в сознании самого Цезаря, еще преобладала оптимистичная надежда на союз свободного народного развития с абсолютной властью, то даже правительство высокоодаренных императоров из династии Юлиев вскоре страшным образом показало, насколько возможно смешивать огонь и воду в одном сосуде.

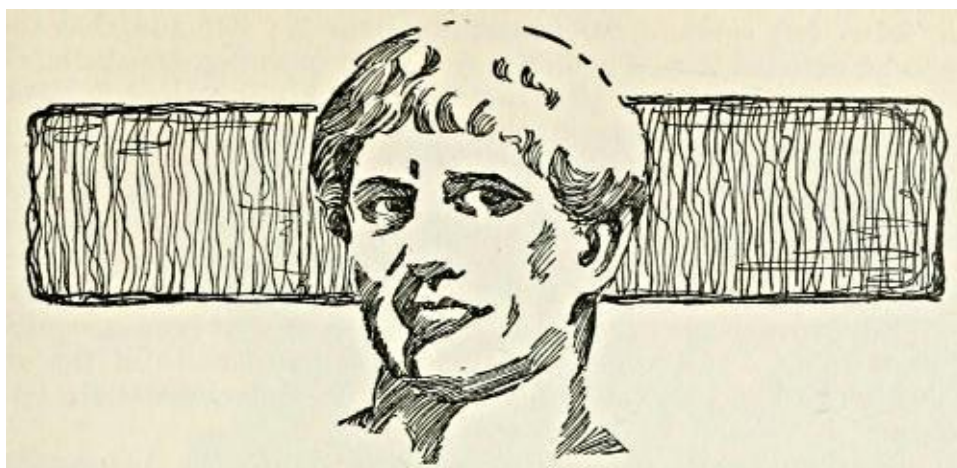
Дело Цезаря было необходимым и благотворным не потому, что оно само по себе принесло или могло принести благо, а потому, что абсолютная военная монархия была наименьшим из зол и логическим и необходимым выводом, обусловленным древней организацией, основанной на рабстве и совершенно чуждой республиканскому и

конституционному представительству, а также правовым устройством города, которое в течение пятисот лет созрело до олигархического абсолютизма. Но история не согласится умалять честь истинного Цезаря, потому что там, где есть поддельные Цезари, подобный прием может сбить с толку простодушных и дать злу возможность для лжи и обмана. История тоже является библией, и если она, как и последняя, не может защитить себя от неправильного понимания глупцами или цитирования дьяволом, то она тоже будет в состоянии выдержать испытание временем и отдать каждому должное.^{[d](#)}

СНОСКИ

^[129] *Latus clavus* представлял собой широкую полосу пурпурного цвета в форме ленты, пришитую к передней части туники. Их было две, и они были широкими, чтобы отличаться от лент всадников, которые носили узкие.

^[130] [Этот интересный отрывок, конечно, содержит много необоснованных слухов. В целом мы должны считать историческими только те действия и высказывания, которые могли быть известны общественности или которые были немедленно зафиксированы.]

МАРК АНТОНИЙ

(С бюста в Риме)

ГЛАВА XXVII. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РЕСПУБЛИКИ

Благородный Брут

сказал вам, что Цезарь был амбициозен:

Если это так, то это была тяжелая вина;

И Цезарь тяжело за это ответил.

—Шекспир.

Пока заговорщики занимались своим кровавым делом, сенаторы в паническом страхе бросились к дверям; и когда Брут повернулся, чтобы обратиться к своим коллегам в защиту своего поступка, зал был почти пуст. Цицерон, который был присутствовал, не ответил, хотя его называли по имени; Антоний поспешил уйти, чтобы сменить консульские одежды на одежду раба. Не получив одобрения сената, заговорщики вышли на форум, чтобы привлечь внимание народа. Но и здесь они потерпели неудачу. Не зная, какая резня их ждет, все бежали по своим домам, и заговорщики тщетно шествовали по форуму, поднимая свои окровавленные оружия и провозглашая себя освободителями Рима. Разочарование было не единственным их чувством; они не были лишены страха. Они знали, что Лепид, находясь накануне отправления в свою провинцию Нарбонскую Галлию, имел легион, расположившийся лагерем на острове Тибра; и если он объединится с Антонием против них, Цезарь будет быстро отомщен. Поэтому они поспешно удалились на Капитолий. Тем временем трое рабов Цезаря положили тело своего господина на носилки и отнесли его в его дом на южной стороне Форума, с одной рукой, свисающей с неподдерживаемого угла. В таком состоянии овдовевшая Кальпурния приняла безжизненные останки того, кто недавно был повелителем мира.

Лепид переместил свои войска на Марсово поле. Но Антоний не думал применять силу, ибо в таком случае Лепид, вероятно, стал бы хозяином Рима. Ночью он завладел сокровищами, которые Цезарь собрал для покрытия расходов на свою парфянскую кампанию, и убедил Кальпурнию передать ему все документы диктатора. Обладая этими ценностями, он забаррикадировал свой дом на Каринае и решил наблюдать за ходом событий.

Вечером Цицерон вместе с другими сенаторами посетил самопровозглашенных освободителей на Капитолии. Они не сообщили о своем заговоре оратору, из-за страха (как они сказали) перед его нерешительными советами; но теперь, когда дело было сделано, он восхвалял его как божественное деяние. На следующее утро Долабелла, зять Цицерона, которому Цезарь обещал сделать своим преемником в консульстве, взял на себя консульские фации и присоединился к освободителям; а Цинна, сын старого марианского вождя и, следовательно, шурина Цезаря, сбросил свои преторские одежды, заявив, что больше не будет носить ливрею тирана. Декабрь Брут, хороший солдат, нанял отряд гладиаторов, чтобы они служили телохранителями освободителей. Усилившись таким образом, они снова рискнули спуститься на Форум. Брут взошел на трибуну и обратился к народу с бесстрастной речью, которая произвела мало эффекта. Но когда Цинна напал на память диктатора, толпа разразилась угрожающими криками, и освободители снова удалились на Капитолий.

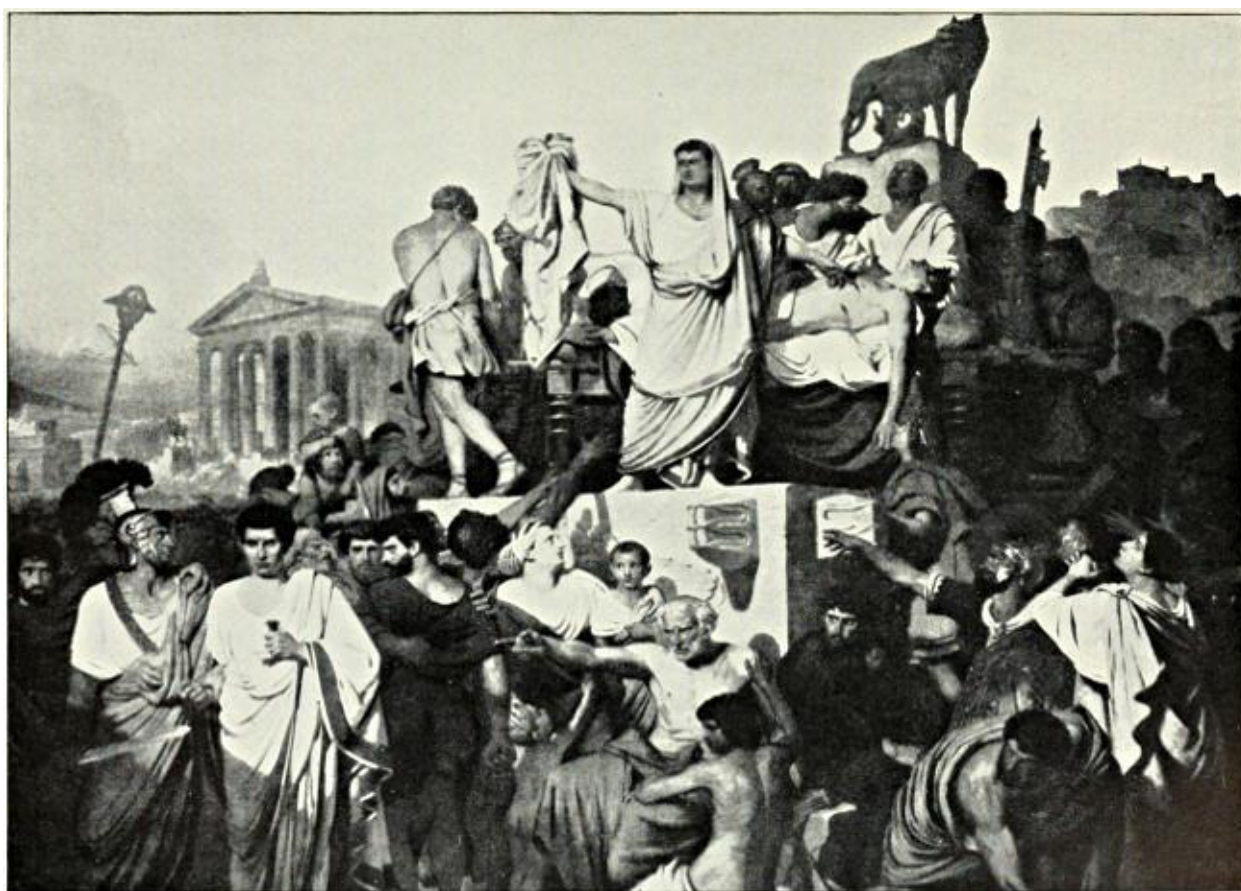
В ту же ночь они вступили в переговоры с Антонием, и результат появился на следующее утро, второе после убийства. Сенат, созванный на заседание, в большом количестве откликнулся на призыв. Антоний и Долабелла присутствовали в своих консульских одеждах, а Цинна снова надел преторианскую одежду. Вскоре стало очевидно, что примирение состоялось, поскольку Антоний предложил объявить всеобщую амнистию, а Цицерон поддержал это предложение в оживленной речи. Оно было принято, и затем Антоний предложил признать все акты диктатора законом. У него были свои цели, но освободители также увидели в этом предложении выгоду для себя, поскольку они фактически занимали некоторые из главных магистратур и получили назначения в некоторые из самых богатых провинций империи. Поэтому это предложение было принято положительно, но его

рассмотрение было отложено до следующего дня вместе с важным вопросом о похоронах Цезаря.

ЗАВЕЩАНИЕ И ПОХОРОНЫ ЦЕЗАРЯ

На следующий день действия Цезаря были официально подтверждены, и среди них его завещание было признано действительным, хотя его положения еще не были известны. После этого было трудно отклонить предложение о том, чтобы диктатор был похоронен с государственными почестями. Старые сенаторы вспомнили беспорядки, сопровождавшие похороны Клодия, и покачали головами. Кассий выступил против. Но Брут, проявив неосторожное великодушие, решил разрешить их. Чтобы закрепить примирение, Лепид устроил для Брута обед, а Кассий был приглашен на пир Марком Антонием.

Завещание было немедленно обнародовано. Клеопатра все еще находилась в Риме и питала надежду, что мальчик Цезарион будет объявлен наследником диктатора, поскольку, хотя он был женат трижды, ни один из его потомков не выжил. Но Цезарь был слишком большим римлянином и слишком хорошо знал римлян, чтобы совершить такую глупость. Его наследником был объявлен молодой К. Октавий. К. Октавий был сыном его племянницы Атии и, следовательно, его внучатым племянником. Он родился, как мы уже отмечали, в памятном году заговора Катилины и теперь был в девятнадцатом году жизни. С тех пор, как он стал мужчиной, его здоровье было слишком слабым для военной службы. Несмотря на это, он осмелился попросить у своего дяди должность мастера конницы. Но ему тихо отказали и отправили получать первые уроки военного искусства в Аполлонию, где была собрана большая и хорошо вооруженная армия.

РЕЧЬ АНТОНИЯ НАД ТЕЛОМ ЦЕЗАРЯ

Наследство было оставлено всем предполагаемым друзьям Цезаря, среди которых было несколько человек, убивших его. Его великолепные сады за Тибром () были переданы в общественное пользование, и каждый римский гражданин должен был получить пожертвование в размере трехсот сестерциев (от 2 до 3 фунтов стерлингов). Эта речь произвела потрясающий эффект. Посвящение памяти диктатора и ненависть к его убийцам сразу же наполнили сердца всех присутствующих.

Через два или три дня после этого состоялись похороны. Тело должно было быть сожжено, а прах захоронен на Марсовом поле рядом с могилой его дочери Юлии. Но сначала его принесли на форум на катафалке, инкрустированной слоновой костью и покрытом богатыми гобеленами, который несли высокопоставленные чиновники. Там Антоний, как консул, поднялся, чтобы произнести погребальную речь. Он перечислил главные деяния Цезаря, зачитал его завещание, а затем рассказал о смерти, которая стала его наградой. Чтобы сделать это более ярким для возбудимых итальянцев, он показал восковую фигуру с двадцатью тремя ранами и продемонстрировал ту самую одежду, которую он носил, всю разорванную и окровавленную. Душераздирающие плачи добавляли торжественного ужаса этой сцене. Но для нас запоминающаяся речь, которую Шекспир вложил в уста Антония, даст самое живое представление об искусстве, использованном в этой речи, и о впечатлении, которое она произвела. Это впечатление было мгновенным. Сенаторы, друзья освободителей, которые присутствовали на церемонии, смотрели на происходящее в мрачном молчании. Вскоре угрожающие жесты толпы заставили их позаботиться о своей безопасности. Они бежали, а толпа настаивала на сожжении тела, как они сожгли тело Клодия, в священных пределах Форума. Некоторые из ветеранов, присутствовавших на похоронах, подожгли гроб; скамейки и дрова, сложенные вокруг него, вскоре образовали достаточный костер.

От пылающего костра толпа, жаждущая мести, устремилась к домам заговорщиков. Но все они успели бежать. Жертвой ярости толпы пал один несчастный — Гельвий Цинна, поэт, посвятивший свое искусство служению диктатору. Его приняли за претора Л. Корнелия Цинну и разорвали на куски, не дав возможности объяснить ошибку.^[131]

Антоний теперь был настоящим хозяином Рима. Захваченное им сокровище давало ему возможность покупать благосклонность и обеспечивать приверженность ветеранов, расквартированных в разных частях Италии. Однако он не пошел по пути, которого можно было бы ожидать, судя по тону его похоронной речи. Он возобновил дружеские отношения с Брутом и Кассием, которых после того дня поощряли посещать Рим хотя бы один раз, если не чаще, а Дек. Бруту с его гладиаторами было позволено остаться в городе. Антоний пошел еще дальше. Он угодил сенату, приняв закон о вечном упразднении диктатуры. Затем он покинул Рим, чтобы завоевать расположение итальянских общин и проверить настроение ветеранов.

Тем временем на сцене появился другой актер. Это был молодой Октавий.^b

ДЕЯНИЯ МОЛОДОГО ОКТАВИЯ

[44-43 гг. до н. э.]

Юлий Цезарь действительно решил взять своего внучатого племянника с собой на войну против парфян, к которой он уже усердно готовился. Когда его легионы собрались в Македонии, он в октябре 45 г. до н. э. послал Гая Октавия в Аполлонию, чтобы тот там завершил свое образование в области военного дела и риторики. В качестве спутников Цезарь дал ему двух его ровесников, Марка Випсания Агриппу и Квинта Сальвидиена,

членов, надо признать, не особо знатных семей, но людей, которые своей войсковой службой оправдали проницательность Цезаря в оценке людей. Во время подготовки к Парфянской войне римские войска постоянно находились в Аполлонии, отдельные отряды время от времени отправлялись из армии в Македонии, чтобы молодой Октавий мог принять участие в их маневрах и поближе познакомиться с их командирами; короче говоря, не было пожалено никаких усилий, чтобы сделать его популярным в армии.

В то время как солдаты усердно готовились к Парфянской войне и с нетерпением ждали прибытия своего вождя, как только наступит благоприятное время года, они внезапно узнали о его убийстве. Был вечер, когда в Аполлонию пришла весть об идах марта. Необходимо было немедленно принять решение, так как пока было невозможно узнать, не находились ли в опасности жизни друзей и родственников Цезаря. Кто-то даже высказал смелое предположение, что македонские легионы должны быть направлены против Рима; такой план, не допуская никаких приготовлений и сразу же подвергавший его автора опасности провала в самом начале, а значит, делавший его совершенно невыполнимым, если легионы останутся верными своему клятвенному долгу, был в прямом противоречии с характером Октавиана и был должным образом отвергнут.

Попрощавшись с военачальниками, он вернулся домой в Италию как частное лицо. Он не осмелился высадиться в таком крупном порту, как Брундизиум; напротив, он позаботился выбрать малоизвестную гавань Лупии. Здесь он получил более точные сведения из Рима, в частности, по поводу своего усыновления. С твердым намерением потребовать свое наследство, он направился в Брундизиум, где его сразу же провозгласили Цезарем сторонники и ветераны Цезаря. Многие, по-видимому, присоединились к нему там же, сопровождая его в Неаполь. Цицерон, который в то время путешествовал по южной Италии, 11 апреля написал Аттику, полный любопытства и страшного предчувствия: «Но я хотел бы знать, что предвещает прибытие Октавиана? Сбегаются ли к нему толпа? Есть ли опасность революции? Я сам так не думаю, но в любом случае я хотел бы это знать». Прибыв в свою виллу в Путеоли, он пишет тому же другу, по-видимому, в качестве последующей мысли, что Октавиан тоже прибыл в Неаполь 18 апреля; но на следующий день он снова возвращается к этой теме: «Октавиан тоже прибыл сюда и занял виллу моего соседа Филиппа. Он является моим скромным слугой». Вскоре после этого, 22 апреля, он пишет: «Октавиан проявил ко мне большое внимание и дружелюбие во время своего визита. Его домашние, правда, привыкли обращаться к нему как к Цезарю, но его отчим не следует их примеру, как и я. Я не могу считать его хорошим гражданином. В его окружении слишком много людей, которые угрожают нашей партии смертью. Он описывает нынешнее положение дел как невыносимое. Да, но что, по-вашему, произойдет, когда этот мальчик приедет в Рим?»

Мальчик не торопился приезжать в Рим. Он находился в том самом районе Италии, где Цезарь наиболее полюбился своим ветеранам. Эти переговоры были начаты даже в это время с целью выяснить их настроения. Молодой Цезарь затем медленно направился в Таррацину, а оттуда в Рим, куда он прибыл в первых числах мая, до того как Антоний успел вернуться. Сегодня в Музее Кьярамонти все еще хранится мраморный бюст, который позволяет нам представить себе, какое впечатление производил этот человек, ставший впоследствии таким могущественным правителем. Черты лица выразительны и тонки, но в то же время энергичны, почти тревожны.

Его первые шаги в Риме были связаны с завещанием Цезаря. Хотя его семья, и в частности отчим, решительно отговаривали его, он без страха, с поразительной для своего возраста уверенностью в своей решимости, заявил, что намерен претендовать на наследство Цезаря, и это в присутствии Гая Антония, который взял на себя дела городского претора после

бегства Брута; вскоре после этого, примерно в середине мая, он был представлен народу как Цезарь народным трибуном Луцием Антонием, братом Гая. Молодой Цезарь тем самым пообещал римскому народу исключить легатов своего приемного отца, и он не мог надеяться, что Марк Антоний будет готов передать ему сокровища приемного отца.

Марк Антоний действительно после своего возвращения сделал все, что было в его силах, чтобы усложнить положение молодого Цезаря. Его поведение по отношению к сыну своего друга было бесчувственным, это правда, но мы не можем отрицать, что оно вполне объяснимо. Их интересы разделяли две вещи: Антоний не хотел и не мог вернуть сокровища Цезаря законному наследнику — так же как и делить руководство своей партией с девятнадцатилетним юношей. При первой же личной встрече между ними в садах Помпея, которые тогда занимал Антоний, несовместимость целей, разделявших их, проявилась явно, и попытки общих друзей сблизить двух соперников не смогли предотвратить открытого разрыва.

Антоний справедливо выступил против незаконной попытки своего соперника занять должность народного трибуна, но его отказ разрешить куриям утвердить вполне законное усыновление Цезарем был продиктован лишь мелочной злобой. Более того, молодой Цезарь, чтобы завоевать расположение народа, заявил о своей готовности выполнить клятву диктатора и устроить игры в честь победы Цезаря. Гай Матий и другие друзья диктатора оказали ему всяческую поддержку на этих играх, проходивших с 20 по 30 июля, но Марк Антоний, не имевший власти запретить игры, сумел помешать публичному установлению золотого кресла с короной в честь Юлия Цезаря. Другу Цезаря это поклонение Цезарю сразу показалось сомнительным, поклонение, которое его молодой соперник пытался организовать со всей внешней помпезностью агитатора; и перед решительным приговором консула частное лицо в конце концов было вынуждено уступить. Но позднее Август с особым удовлетворением рассказывает в своих мемуарах, что во время игр внезапно появилась огромная комета с длинным хвостом, которую толпа приветствовала как звезду Цезаря. Звезда Юлиев снова была на восходе; и сын, который воздвиг в храме Венеры, матери своего рода, медную статую, увенчанную золотой звездой, в честь своего отца, тайно надеялся привлечь лучи этого благоприятного талисмана на свое собственное будущее. Комета всегда сильно возбуждает воображение людей, она означает войну; поэтому современный поэт сетует: «Кометы, полные предчувствий, никогда не светили так часто». На этот раз люди были правы; фигура Немезиды за убийство Цезаря стояла в дверном проеме.

Чем ближе становился кризис, тем мрачнее становилось положение Цезаря. Антоний с презрением отверг союз с ним; кажущееся примирение на Капитолии не имело долговременных последствий. С началом гражданской войны, в которой Цезарь не мог (даже если бы хотел) оставаться нейтральным, молодой человек мог только считать себя союзником сената, тех самых людей, которые убили Цезаря. Эта мысль была для него настолько невыносимой, что он не побоялся попытаться избавиться от своего противника путем убийства (). К счастью для дела Цезаря, покушение не удалось, и через несколько дней Антоний смог бежать к своим легионам в Брундизиуме. Если бы покушение увенчалось успехом, молодой Цезарь, чья безопасность становилась все более и более уязвимой, по всей вероятности, не смог бы воспользоваться плодами этого кровавого деяния. Если принять во внимание осторожность, с которой Цезарь вел себя во всех других случаях, кроме этого, то эту глупость можно объяснить только систематическим противодействием, с которым Антоний встречал все его стремления. К убийцам Цезаря и сенату он вел себя с несколько большей осторожностью.¹

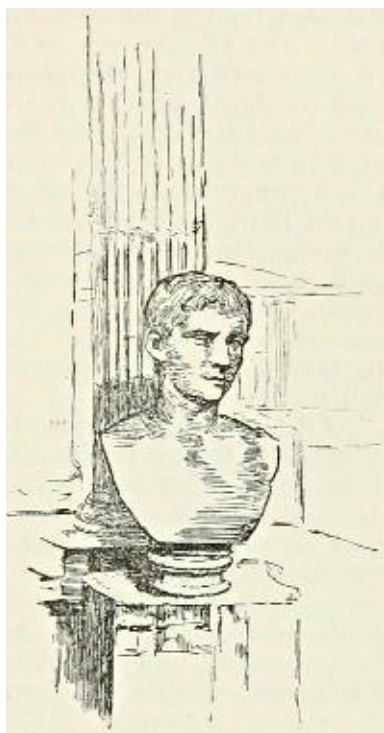
Тем не менее Антоний по-прежнему обладал всей реальной властью. По его требованию сенат проголосовал за то, чтобы провинции Македония и Сирия, хотя и предоставленные Бруту и Кассию по решению Цезаря, были переданы К. Антонию и Долабелле, а желанная провинция Цизальпийская Галлия была передана от Декания Брута самому Антонию. Известие об этих произвольных действиях убедило освободителей в том, что им не на что надеяться в Риме. Дек. Брут немедленно покинул город и силой захватил свою провинцию. Но М. Брут и Кассий все еще медлили. Их колеблющееся поведение в это время вызывает у нас неблагоприятное впечатление о их пригодности к каким-либо значительным предприятиям. Цицерон, сам не отличавшийся политической твердостью, в этом кризисе проявил энергию, достойную его прежних дней, и был возмущен недостойными пререканиями своих друзей. Наконец они отплыли из Веллии в Грецию. Это было в сентябре. Цицерон также в какой-то момент решил уйти из общественной жизни и закончить свои дни в Афинах, занимаясь наукой. В течение этого лета он продолжал работать над некоторыми из своих самых сложных трактатов. Его работы «О природе богов» и «О гадании», «Обязанности», «Диалог о старости» и несколько других эссе относятся к этому периоду и свидетельствуют о неумемной активности его ума. Но хотя он дважды отплывал из Италии, его дважды возвращали в порт Веллии, где он встретил Брута и Кассия. Здесь он получил письма от А. Гиртия и других друзей Цезаря, которые вселили в него надежду, что от имени Октавиана они смогут успешно противостоять Антонию и восстановить конституционное правительство. Он решил вернуться и объявил о своем намерении Бруту и Кассию, которые похвалили его и отправились на Восток, чтобы собрать армии против Антония; он же отправился в Рим, чтобы сражаться за свою партию в сенате.

Тем временем Антоний бесчинствовал. Обладая документами Цезаря и не имея никого, кто мог бы его контролировать, он выдавал готовые ордера на все меры, которые хотел осуществить, и ссылался на голосование сената, которое подтверждало все действия Цезаря. Когда он не мог предъявить подлинный документ, он вставлял или подделывал то, что было необходимо.

На следующий день после возвращения Цицерона (1 сентября) состоялось заседание сената. Но оратор не явился, и Антоний пригрозил послать людей, чтобы вытащить его из дома. На следующий день Цицерон был на своем месте, но теперь отсутствовал Антоний. Оратор встал и обратился к сенату с так называемой *Первой филиппикой*. Это была сдержанная атака на правительство и политику Антония, но личные выпады были тщательно избегаемы. Но Антоний, разгневанный его смелостью, созвал заседание на 19 сентября, на которое Цицерон не счел разумным присутствовать. Затем он атаковал отсутствующего оратора самыми резкими выражениями личных оскорблений и угроз. Цицерон сел и сочинил свою знаменитую *Вторую филиппику*, которая написана так, как будто она была произнесена в тот же день в ответ на нападки Антония. Однако на данный момент он довольствовался отправкой копии Аттику, приказав сохранять тайну.

Дела между Антонием и Октавием быстро дошли до критической точки. Последнему удалось заручиться поддержкой тысячи ветеранов своего дяди, которые поселились в Кампании, и, приложив большие усилия в разных городах Италии, он собрал значительные силы. Тем временем четыре легиона из Эпира только что высадились в Брундизии, и Антоний поспешил привлечь их на свою сторону. Но щедрость, которую он им предложил, составляла всего сто денариев на человека, и солдаты рассмеялись ему в лицо. Антоний, разгневанный их поведением, схватил зачинщиков и казнил их. Но эта суровость только превратила их открытую дерзость в угрюмую злобу, и посланцы Октавиана были готовы переманить их на сторону своего молодого господина. Они подчинились Антонию

настолько, что отправились на север, в Ариминум, пока он направлялся в Рим. Но когда он вошел в здание сената, он услышал, что две из четырех легионов перешли на сторону его соперника, и в сильном беспокойстве поспешил в лагерь как раз вовремя, чтобы удержать остатки войск под своим знаменем, раздав каждому по пятьсот динариев.

Бюст Октавия

(В Британском музее)

Лица, которые должны были занять консульский пост в следующем году, были назначены Цезарем. Оба они были старыми офицерами галльской армии: Г. Вивий Панса и А. Гиртий, известный автор восьмой книги *«Истории галльской войны»*. Цицерон был готов поверить, что они стали патриотами, потому что, возмущенные высокомерием Антония, они выступили на стороне Октавиана и сената. Антоний начал опасаться, что все партии могут объединиться, чтобы сокрушить его. Поэтому он решил больше не оставаться бездействующим и в конце ноября, собрав все свои войска в Ариминуме, выступил по Эмилийской дороге, чтобы изгнать Децима Брута из Цизальпийской Галлии. Децим был вынужден укрыться в Мутине (Модене), и Антоний блокировал город. Как только он отвернулся, Цицерон опубликовал знаменитую *Вторую филиппику*, в которой он безжалостно критиковал консула, перебирая историю его прошлой жизни, преувеличивая разврат, который был характерен для Антония и большей части римской молодежи, и ярко описывая его расточительное использование документов Цезаря. Эффект был огромным, и Цицерон продолжил наносить удары, выступив с двенадцатью последующими филиппиками, которые были речами, произнесенными в сенате и на форуме с декабря 44 года до н. э. по апрель следующего года.

Цицерон стремился немедленно порвать с Антонием, объявив его врагом народа. Но многие сенаторы по-прежнему считали Антония главой цезарианской партии, и было решено вести с ним переговоры. Однако требования Антония были настолько чрезмерными, что переговоры были немедленно прерваны, и не оставалось ничего другого, как испытать удачу в войне. Консулы приступили к набору войск, но казна была настолько истощена, что впервые со времени триумфа Эмилия Павла пришлось ввести налог на имущество граждан Рима.

Октавий и консулы собрали свои войска в Альбе. В первый день нового года (43 г. до н. э.) Гиртий выступил на Мутину под командованием Октавия. Другой консул, Панса, остался в Риме, чтобы набрать новые войска, но к концу марта он также выступил, чтобы соединиться с Гиртием. Обе стороны делали вид, что действуют от имени Цезаря.

Антоний оставил своего брата Луция в окопах перед Мутиной и вышел на поле боя против Гирция и Октавиана. В течение трех месяцев противники наблюдали друг за другом. Но когда Антоний узнал, что Панса приближается, он быстро двинулся на юг с двумя своими легионами ветеранов и атаковал его. Затем последовал ожесточенный конфликт, в котором войска Пансы были разгромлены, а сам консул был смертельно ранен и унесен с поля боя. Но Хиртий был начеку и атаковал уставшие войска Антония на пути обратно в лагерь, получив некоторое преимущество. Это было 15 апреля, а 27 апреля Хиртий выманил Антония из его окопов перед Мутиной. Затем последовала ожесточенная битва, в результате которой войска Антония были отброшены назад в свои ряды. Хиртий преследовал бегущего врага; лагерь был взят штурмом, и полная победа была бы одержана, если бы не падение самого Хиртия. После этой катастрофы Октавиан отвлёк войска. Новость о первой битве была представлена в Риме как победа и вызвала бурные ликование. Вторая битва действительно была победой, но все ликование было омрачено известием о том, что один консул погиб, а другой умирает. Такого рода роковые несчастья не случались со времен Второй Пунической войны, когда в один день пали Марцелл и Криспин.

После поражения Антоний понял, что продолжать осаду Мутины невозможно. С Децем Брутом в городе за спиной и победоносными легионами Октавиана перед собой он оказался в критическом положении. Поэтому он приготовился к отступлению и, как хороший солдат, осуществил свой замысел. Его целью была провинция Нарбонская Галлия, где Лепид взял на себя управление и обещал ему поддержку. Но сенат также возлагал надежды на этот регион. Л. Мунаций Планк командовал в северной Галлии, а Г. Асиний Поллий — в южной Испании. Секст Помпей укрепил свои позиции в последней стране и почти изгнал Поллия из Бетики. Планк и Поллий, оба друзья и фавориты Цезаря, пока не высказались ни за Антония, ни за Октавиана. Если бы они высказались в пользу сената, Лепид, слабый и непостоянный человек, мог бы покинуть Антония; или, если бы Октавиан объединился с Децем Брутом и преследовал его, Антоний мог бы вообще не смочь сбежать из Италии. Но эти политические комбинации провалились. Планк и Поллий держались в стороне, ожидая развития событий. Дек. Брут не был достаточно силен, чтобы преследовать Антония в одиночку, а Октавиан не хотел, а может быть, и не мог объединить ветеранов Цезаря с войсками, которыми командовал один из убийц Цезаря. И так случилось, что Антоний осуществил свое отступление через Альпы, но не без крайних трудностей, которые он переносил наравне с самыми простыми солдатами. Именно в такие моменты всегда проявлялись его хорошие качества, и его доблестное терпение страданий располагало к нему всех подчиненных. По прибытии в Нарбонскую Галлию он встретил Лепида в Форуме Юлии (Фрежюс), и здесь два полководца согласовали план действий.

Поведение Октавия вызвало серьезные подозрения. Говорили даже, что консулы были убиты его агентами. Цицерон, который до сих пор поддерживал его дело, молчал. Он произнес свою четырнадцатую и последнюю *Филиппику*, узнав о первой победе, одержанной Гиртием. Но теперь он в частных беседах говорил о «устранении» юноши, на которого он надеялся сделать инструментом. Однако Октавиан встал на его сторону и не поддавался на уговоры. Он тайно вступил в переговоры с Антонием. После нескольких тщетных попыток сената помешать ему, он появился на Марсовом поле со своими легионами. Цицерон и большинство сенаторов исчезли, а непостоянная толпа приветствовала молодого

наследника Цезаря аплодисментами. Хотя ему еще не было двадцати лет, он потребовал консульства, будучи ранее освобожден от положений *Lex Annalis* декретом сената, и был избран на первую должность в государстве вместе со своим двоюродным братом К. Педием.^[132]

Был принят куриатский закон, согласно которому Октавиан был усыновлен патрицианским родом Юлиев и получил законное право на имя, которое он уже принял — К. Юлий Цезарь Октавиан. В дальнейшем мы будем называть его Октавианом.

Об изменении его политики вскоре свидетельствовал закон, которым он официально отделился от сената. Педий вынес его на обсуждение. Согласно его положениям, все убийцы Цезаря были вызваны на суд. Конечно, никто из них не явился, и они были осуждены заочно. К концу сентября Октавиан снова находился в Цизальпийской Галлии и вел интенсивные переговоры с Антонием и Лепидом. Результаты его действий скоро стали очевидны. Планк и Поллий выступили против убийц Цезаря. Дек. Брут, покинутый своими солдатами, попытался бежать в Македонию через Иллирикум, но был настигнут недалеко от Аквилеи и убит по приказу Антония.

Теперь, когда Италия и Галлия были очищены от senatorской партии, Лепид в качестве посредника организовал встречу между Октавианом и Антонием на острове в небольшой реке недалеко от Бононии (Болоньи). Здесь три правителя договорились, что они должны взять на себя совместную и скоординированную власть под названием «триумвиры для урегулирования дел республики». Антоний должен был получить две Галлии, за исключением Нарбонского района, который вместе с Испанией был отдан Лепиду; Октавиан получил Сицилию, Сардинию и Африку. Италия на данный момент должна была остаться за консулами этого года, а на следующий год Лепид вместе с Планком получил обещание этой высокой должности. Взамен Лепид сдал свои вооруженные силы, а Октавиан и Антоний, каждый во главе десяти легионов, готовились к завоеванию восточной части империи, которую еще нельзя было разделить, как западные провинции, потому что она находилась во владении Брута и Кассия.

ПРОСКРИПЦИЯ

Но прежде чем начать войну, триумвиры решили последовать примеру Суллы — истребить своих противников посредством проскрипции и собрать деньги путем конфискации. Они составили список всех людей, чья смерть могла бы быть выгодна любому из троих, и каждый по очереди вычеркивал из этого списка по одному имени. Антоний нажил много личных врагов своими действиями в Риме и не испытывал недостатка в жертвах. У Октавиана было мало прямых врагов, но юный деспот с преждевременной проницательностью распознавал тех, кто мог помешать его амбициозным планам, и без колебаний выбирал своих жертв. Лепид не хотел отставать в этом кровавом деле. Автор «*Филиппик*» был одной из первых жертв Антония; Октавиан отказался от него и в качестве компенсации за своего покойного друга взял жизнь Л. Цезаря, дяди Антония. Лепид выдал своего брата Павла за аналогичную услугу. Так продолжалась эта работа. Описание проскрипции Суллы, уже приведенное выше, можно повторить здесь дословно, за исключением того, что все ужасы усилились, а число жертв умножилось. В списке было не менее трехсот сенаторов и двух тысяч всадников. К. Педий, честный и праведный человек, умер во время своего консульства, подавленный досадой и стыдом за то, что был вовлечен в эти дела.

Как только их тайные дела были закончены, триумвиры решили публично войти в Рим. До этого они обнародовали не более семнадцати имен проскриптов. Они входили по

отдельности в течение трех дней подряд, каждый в сопровождении легиона. Был немедленно принят закон, официально наделяющий их верховной властью, которую они уже взяли на себя. За этим последовало обнародование последовательных списков, каждый из которых был больше предыдущего.^b

Аппиан приводит множество примеров ужасов этой проскрипции.

«После обнародования проскрипции, — говорит он, — стражи были немедленно размещены у ворот и на всех подступатах к городу, в морских портах, на болотах и во всех местах, где мог укрыться несчастный человек; кроме того, центурионам было приказано провести обыски в сельской местности, что и было сделано в мгновение ока, так что как внутри, так и за пределами города многие люди внезапно погибли разными способами. Улицы были заполнены печальным зрелищем голов, которые несли к триумвирам, чтобы получить награду; и на каждом шагу встречались люди высокого положения, пытавшиеся спастись, позорно замаскированные; некоторые бросались в колодцы, а другие — в уборные; некоторые прятались на верхушках дымоходов или под черепицей, где не смели даже вздохнуть или стонать, потому что больше боялись своих жен, детей, вольноотпущенников, рабов, должников или соседей, которые жаждали заполучить часть их имущества, чем самих убийц.

«Все личные обиды теперь были раскрыты; и было странно видеть, как первые люди сената, консулы, преторы, трибуны или претенденты на эти должности бросались к ногам своих рабов со слезами на глазах, умоляя и лаская их, называя их своими спасителями и покровителями; и, что самое прискорбное, не могли, несмотря на все эти унижения, добиться ни малейшей милости. Самые пагубные мятежи и самые жестокие войны никогда не несли в себе ничего столь ужасного, как бедствия, которые теперь наполняли страхом город; ведь в войне и беспорядках боялись только врагов, а слугам доверяли; тогда как теперь слуги были страшнее врагов, потому что, не имея повода бояться за себя, как в войне или беспорядках, из знакомых они внезапно превратились в преследователей; либо из притворной ненависти, либо из надежды на публично обещанное вознаграждение, либо из-за серебра или золота, спрятанного в доме; так что никто не чувствовал себя в безопасности в своем доме, поскольку слуги обычно более чувствительны к выгоде, чем к привязанности, которую они должны своим хозяевам; и хотя некоторые из них были верными и добрыми, они не смели помогать проскрипту, ни укрывать его, ни даже оставаться с ним, из страха подвергнуться той же участи.

«Теперь опасность была гораздо больше, чем когда были убиты первые семнадцать проскриптов; тогда, поскольку никто не был публично проскриптирован, когда вдруг они увидели, что кого-то убили, один человек защищал другого, боясь, что с ним может случиться то же самое. Но после того, как проскрипция была обнародована, те, кто в ней фигурировал, были немедленно покинуты всем миром; некоторые, считавшие себя в безопасности и стремившиеся к наживе, искали их, чтобы выдать убийцам и получить награду; другие грабили дома убитых и утешали себя нынешней наживой от общественного несчастья.

«Самые благоразумные и умеренные, удивленные столь необычным явлением, стояли как ошеломленные, учитывая, что другие города, потрясенные раздорами, были восстановлены благодаря согласию своих граждан, тогда как римляне, и без того страдавшие от гражданских распри, довершили свое падение этим примирением. Некоторые были убиты, защищаясь; другие, которые считали себя не осужденными, были убиты без всякой защиты; некоторые позволили себе умереть от голода, повесились, утопились, бросились с крыш домов, бросились в огонь или побежали навстречу своим убийцам; другие же пытались оттянуть время и либо прятались, либо позорно просили пощады, либо бежали, либо

предлагали деньги, чтобы спасти свою жизнь. Многие были убиты вопреки намерениям триумвиров, либо по ошибке, либо из-за какой-то особой злобы; но тела проскриптов можно было отличить от других, потому что у них не было головы, которая была отрезана и отнесена перед трибуналом для произнесения речей, где они выплачивали вознаграждение. С другой стороны, можно было увидеть удивительные примеры любви жен, детей, братьев и рабов, которые придумывали тысячи ухищрений, чтобы спасти своих мужей, отцов, братьев или хозяев; умирали вместе с ними, когда их обнаруживали, или убивали себя на телах тех, кого не могли защитить.

«Из тех, кто избежал преследования, некоторые, преследуемые несчастьем, погибли в кораблекрушении; другие, спасшиеся против всякой вероятности, впоследствии заняли высокие должности в городе, получили командование армиями и достигли чести триумфа. В те дни можно было увидеть такие удивительные вещи, которые не происходят в обычном городе или в маленьком королевстве, но в госпоже мира, как на море, так и на суше; Провидение распорядилось так, чтобы привести все в тот прекрасный порядок, в котором вы видите его сейчас. Не то чтобы Рим не испытывал тех же страданий при Сулле, а до него при Марии; и мы в своих писаниях сообщали о многих жестоких поступках, вплоть до лишения врагов права на погребение; но то, что происходило при триумвирах, вызывало гораздо больше шума из-за высокой репутации этих людей, и в особенности из-за доблести и удачи того, кто, заложив основы этой империи, оставил ее своим потомкам и носителям своего имени вплоть до наших дней».

СМЕРТЬ ЦИЦЕРОНА

Среди жертв наиболее заметной был Цицерон. Вместе со своим братом Квинтом старый оратор уединился в своей вилле в Тускулане после битвы при Мутине; теперь они пытались бежать в надежде присоединиться к Бруту в Македонии, поскольку единственный сын оратора служил трибуном в армии освободителя. После многих переездов они достигли Астуры, небольшого острова недалеко от Антиума, где у них закончились деньги, и Квинт отважился отправиться в Рим, чтобы добыть необходимые средства. Там его узнали и схватили вместе с сыном. Оба хотели умереть первыми, и печальное право первенства было решено солдатами, убившими обоих в один момент.

Тем временем Цицерон вышел в море. Но даже в этой крайней ситуации он не мог решиться покинуть Италию и высадился на берег в Чирчеи. После дальнейших колебаний он снова сел на корабль и снова направился к итальянскому побережью возле Формии (Мола-ди-Гаэта). На ночь он остановился в своей вилле недалеко от этого места, а на следующее утро не хотел отправляться дальше, восклицая: «Пусть я умру в , моей родной стране, — стране, которую я так часто спасал». Но его верные рабы заставили его сесть в носилки и снова отнесли к побережью. Едва они ушли, как отряд гончих Антония достиг его виллы и был направлен на след своей жертвы молодым человеком, который всем обязан был Цицеронам. Старый оратор из своих носилок увидел приближающихся преследователей. Его собственные последователи были достаточно сильны, чтобы оказать сопротивление, но он велел им поставить носилки на землю. Затем, поднявшись на локте, он спокойно дождался появления головорезов и подставил шею под меч. Он был быстро убит.

Глава банды, по прямому приказу Антония, отрубил ему голову и руки и отвез их в Рим. Фульвия, вдова Клодия и теперь жена Антония, проткнула шпилькой язык, который обличал беззакония обоих ее мужей. Голова, которая породила *Вторую Филиппику*, и руки, которые ее написали, были прибиты гвоздями к трибуне, месту их красноречия. Это зрелище и ассоциации вызывали чувство ужаса и сострадания в каждом сердце.

Цицерон умер в шестьдесят четыре года. Он попал в тяжелые времена и, будучи человеком исключительно миролюбивым, постоянно призывался участвовать в совещаниях по поводу гражданской войны. С момента своего первого появления на публике во время диктатуры Суллы до великого триумфа своего консульства он поднимался с энергией и неустанным упорством, которые давали надежду на то, что он способен справиться с опасностями, угрожавшими тогда конституции. Но его действия не оправдали ожиданий. После того как Цицерон вступил в ряды senatorской знати, его политическое поведение характеризовалось почти раздражительной нерешительностью. Его предложения были холодно отвергнуты Помпеем. Он не мог решиться полностью порвать с Цезарем. Его новые senatorские соратники никогда искренне не принимали нового человека, чьи трудолюбивые привычки невыгодно контрастировали с их собственными. Как первый оратор того времени, он считал, что имеет право считаться равным первому государственному деятелю, и отказ от этого права даже со стороны его собственной партии еще больше усугубил его несогласие с этой партией.

Если мы перейдем от его публичного к его частному характеру, наши похвалы потребуют меньшей сдержанности. Нельзя не восхищаться энергичной трудолюбивостью, с которой он с ранней молодости готовился к выбранной профессии адвоката, полный благородной веры в то, что каждая отрасль гуманитарных наук должна быть полезна тому, от кого ожидают, что он будет извлекать из своего сокровища вещи новые и старые. Чтобы сформировать свои разнообразные знания, он обладал готовностью к речи, которая иногда приводила его к многословности. Адвокат, устремленный только на свой вердикт, иногда забывается в ораторе, желающем продемонстрировать свои собственные способности. Когда форум и сенат были для него закрыты, он изливал переполняющее его богатство знаний в тех диалогах и трактатах, которые мы до сих пор читаем с удовольствием. Он писал быстро и бегло, как и говорил, скорее для того, чтобы развлечься и занять свой ум в периоды вынужденного безделья, чем как человек, чувствующий призвание наставлять или приносить пользу человечеству.

Он был чрезвычайно дружелюбным человеком. Он не испытывал зависти к соперникам; Гортензий был одним из его близких друзей и известен нам в основном благодаря щедрым похвалам Цицерона. Ни у кого не было больше друзей. В своих семейных отношениях он ярко сиял среди мрака той эпохи. Его жена Терентия была человеком, к которому он испытывал мало симпатии; ее мужская энергия угнетала его менее решительный характер. Несомненно, для него было облегчением найти повод для развода с ней в условиях гражданской войны. Но разводы были обычным явлением в те времена. Общественное мнение не осуждало его, когда он, чтобы исправить свою испорченную судьбу, женился на Публилии, девушке с большим состоянием, которая была его подопечной. Его привязанность к брату Квинтию и его детям не имела никаких недостатков. В целом его характер демонстрирует много слабостей, но очень мало зла; в то время как совершенная честность и справедливость его жизни, в эпоху, когда такие качества были редкостью, если и не компенсируют его недостатки с политической точки зрения, то, по крайней мере, дают ему право на уважение и восхищение всех добрых людей.

Многие из проскриптов избежали своей судьбы и нашли убежище, некоторые у Брута на Востоке, некоторые в Африке, а еще больше у Секста Помпея. Этот авантюрист воспользовался беспорядками в Италии, чтобы расширить свою власть. Он занял Сицилию, а его флот прочесал побережье Италии, чтобы оказать помощь проскриптам. В следующем году, пока Антоний был занят набором войск для борьбы с Брутом и Кассием, Октавиан предпринял попытку отбить Сицилию у Секста. Но его флот был встречен и разгромлен искусными капитанами врага, и Октавиан был вынужден уйти на Восток, не достигнув своей цели.

БРУТ И КАССИЙ

[44-42 гг. до н. э.]

Брут и Кассий, покинув Италию осенью 44 г. до н. э., сразу же отправились в провинции, выделенные им, хотя под влиянием Антония сенат передал Македонию от Брута его собственному брату Гаю, а Сирию от Кассия — Долабелле. Г. Антоний уже владел частью Македонии, но Бруту удалось изгнать его. Тем временем Кассий, уже хорошо известный в Сирии благодаря успешному ведению Парфянской войны, утвердился в этой провинции, прежде чем узнал о приближении Долабеллы. Этот никчемный человек покинул Италию примерно в то же время, что и Брут с Кассием, и во главе нескольких легионов без сопротивления прошел через Македонию в Малую Азию. Сюда уже прибыл Г. Требоний. Но он не смог справиться с Долабеллой; тот застал его врасплох и взял в плен в Смирне. Он был казнен с неподобающим презрением в присутствии Долабеллы. Это было в феврале 43 года до н. э.; таким образом, двое убийц Цезаря менее чем за год почувствовали на себе удар возмездия.

Когда весть об этой бойне дошла до Рима, Цицерон, полагая, что Октавиан был марионеткой в его руках, правил Римом с помощью красноречия своих «*Филиппик*». По его предложению Долабелла был объявлен врагом народа.^[133] Кассий немедленно отправил свои легионы в Азию, чтобы выполнить приказ сената, хотя сам сенат лишил его провинции. Долабелла бросился в Лаодикию, где добровольно покончил с собой.

Таким образом, к концу 43 года до н. э. весь Восток оказался в руках Брута и Кассия. Но вместо того, чтобы готовиться к войне с Антонием, два полководца провели первую половину 42 года до н. э., грабя несчастные города Малой Азии. Брут потребовал от ликийцев людей и деньги, а когда они отказались, осадил их главный город Ксант. Ксантийцы оказали такое же мужественное сопротивление, как и пятьсот лет назад персидским завоевателям. Они сожгли свой город и покончили с собой, не желая подчиняться. Брут оплакал их судьбу и воздержался от дальнейших грабежей. Но Кассий проявил меньшую умеренность; только у родосцев, хотя они были союзниками Рима, он потребовал все их драгоценные металлы. После этой кампании грабежей два вождя встретились в Сардах и возобновили споры, которые Цицерон так осуждал в Италии. Вероятно, между ними могла бы разразиться война, если бы приготовления триумвиров не разбудили их от мечты о безопасности. Именно когда он переправлялся в Европу, Брут, который продолжал свои ученые занятия среди всех беспокойств и ограничивал время сна до периода, слишком короткого для здоровья, был обескуражен видением, которое Шекспир, следуя Плутарху, сделал знаменитым. Несомненно, это было результатом болезненного состояния, хотя все считали это божественным посещением. Сидя в своей палатке глубокой ночью, он почувствовал, что рядом с ним стоит огромная тень, и когда он спокойно спросил: «Что ты такое и откуда ты?», она ответила, или, по крайней мере, ему показалось, что она ответила: «Я твой злой гений, Брут; мы снова встретимся в Филиппах».

ФИЛИППЫ

[42 г. до н. э.]

Тем временем лейтенанты Антония пересекли Ионическое море и без сопротивления проникли во Фракию. Лидеры республиканцев нашли их в Филиппах. Армия Брута и Кассия насчитывала не менее восьмидесяти тысяч пехотинцев, поддерживаемых двадцатью тысячами всадников, но в ней не хватало опытных офицеров. М. Валерий Мессалла, молодой

человек двадцати восьми лет, занимал главнокомандующее положение после Брута и Кассия; а Гораций, которому было всего двадцать три года, сын вольноотпущенника и юноша слабого телосложения, был назначен легионным трибуном. Противники были бы сразу же разгромлены, если бы не своевременное прибытие самого Антония со вторым корпусом армии триумвиров. Октавиан был задержан болезнью в Диррахии, но приказал отнести себя на носилках, чтобы присоединиться к своим легионам. Армия триумвиров теперь превосходила противника, но их кавалерия, насчитывавшая всего тринадцать тысяч человек, была значительно слабее, чем силы противника. Республиканцы занимали прочные позиции на двух холмах, между которыми были укрепления: лагерь Кассия находился слева, ближе к морю, а лагерь Брута — в глубине суши, справа. Армия триумвиров расположилась на открытой равнине перед ними в месте, которое было нездоровым из-за болот; Антоний, справа, противостоял Кассию; Октавиан, слева, противостоял Бруту. Но они были плохо снабжены провизией и жаждали решающего сражения. Республиканцы, однако, держались своих укреплений, и другая сторона начала сильно страдать от голода.

Решившись начать боевые действия, Антоний приступил к работам, чтобы отрезать Кассия от моря. Кассий всегда выступал против общего сражения, но Брут настаивал на том, чтобы положить конец неопределенности, и его коллега уступил. День атаки, вероятно, был в октябре. Брут атаковал армию Октавиана, а Кассий напал на рабочие отряды Антония. Нападение Кассия было отбито с потерями, но ему удалось благополучно вернуться в свой лагерь. Тем временем Мессалла, командовавший правым флангом армии Брута, разгромил войска Октавиана, который все еще был слишком болен, чтобы появиться на поле боя, и республиканские солдаты проникли в лагерь триумвира. Вскоре принесли его носилки, испачканные кровью, а найденный рядом труп молодого человека, как предполагалось, принадлежал Октавиану. Но Брут, не получив никаких известий о действиях Кассия, так забеспокоился о его судьбе, что отправил отряд всадников на разведку и не поддержал успешную атаку Мессаллы.

Кассий, со своей стороны, разочарованный неудачей, не мог выяснить, как продвигается Брут. Увидев отряд всадников, он поспешно решил, что они принадлежат врагу, и ушел в свою палатку со своим вольноотпущенником Пиндаром. Что там произошло, мы не знаем наверняка. Кассий был найден мертвым, с отсеченной головой. Пиндар больше никто не видел. Обычно считалось, что Пиндар убил своего господина, выполняя приказ, но многие полагали, что он нанес ему убийственный удар. Весть о смерти Кассия была тяжелым ударом для Брута. Он забыл о своем успехе и произнес надгробную речь Кассию известными словами: «Здесь лежит последний из римлян». Эта похвала была незаслуженной. За исключением ведения войны против парфян, Кассий никогда не играл достойной роли.

После первой битвы при Филиппах Бруту все еще было бы разумно воздержаться от сражения. Армии триумвиров находились в тяжелом положении и с каждым днем несли все большие потери. Подкрепления, прибывавшие им на помощь по морю, были перехвачены — доказательство небрежности республиканских лидеров, которые не ввели свой флот в бой раньше. Брут так и не узнал об этом успехе. Он был плохо приспособлен к жизни в лагере, и после смерти Кассия он удерживал своих людей только щедрыми подарками и обещаниями добычи. Через двадцать дней после первой битвы он снова вывел их на поле боя. Обе армии стояли друг против друга. Маневров было мало. Вторая битва была решена численностью и силой, а не мастерством, и она закончилась в пользу триумвиров.

РИМСКИЙ САРКОФАГ

Брут отступил с четырьмя легионами на укрепленную позицию в тылу, а остатки его разбитой армии укрылись в лагере. Октавиан остался наблюдать за ними, а Антоний преследовал республиканского вождя. На следующий день Брут попытался поднять своих людей на новую битву, но они угрюмо отказались сражаться, и Брут с несколькими друзьями ушел в соседний лес. Здесь он поочередно отводил их в сторону и просил каждого оказать ему последнюю услугу, которую римлянин может оказать своему другу. Все с ужасом отказывались, пока с наступлением ночи верный греческий вольноотпущенник по имени Страто не поддержал меч, и его хозяин бросился на него.^[134] Большинство его друзей последовали этому печальному примеру. Тело Брута было отправлено Антонием его матери. Его жена Порция, дочь Катона, отказалась от всякого утешения; и, будучи под слишком пристальным наблюдением, чтобы покончить с собой обычным способом, она задушила себя, засунув в рот горящий уголь. Мессалла вместе с рядом других беглецов искал спасения на острове Тасос, а вскоре после этого подчинился Антонию.

[42-41 гг. до н. э.]

Имя Брута, благодаря прекрасному повествованию Плутарха, возвышенному Шекспиром, стало синонимом самоотверженного патриотизма. Сейчас общепризнанно, что это высокое мнение было несправедливым. Брут не был патриотом, если только преданность партии сената не является патриотизмом. По отношению к провинциалам он был истинным римлянином, суровым и деспотичным. Он был свободен от чувственности и развратной жизни своего времени, но для общественной жизни он был непригоден. Его привычки были привычками студента. Он был очень прилежен, обладал замечательной памятью. Но он обладал небольшой способностью применять свои знания на практике и до конца своих дней был скорее ученым человеком, чем человеком, совершенствующимся благодаря учению. По сравнению с Кассием он был гуманным и щедрым, но во всех отношениях его характер контрастировал в худшую сторону с характером великого человека, от которого он принимал милости и убийцей которого он затем стал.

Битва при Филиппах была в действительности заключительной сценой республиканской драмы. Но соперничество триумвиров на несколько лет продлило состояние раскола в римском мире, и только после триумфальной победы при Актиуме имперское правительство было установлено в своем единстве.

Безнадежное положение республиканской, или, вернее, senatorской партии было таково, что почти все поспешили подчиниться победителям; те, чей стойкий дух все еще презирал подчинение, прибегли к помощи Секста Помпея в Сицилии. Октавиан, все еще страдавший от плохого здоровья, стремился вернуться в Италию, но перед тем, как расстаться с Антонием, они договорились о втором разделе провинций империи. Антоний должен был получить восточный мир, а Октавиан — западные провинции. Лепиду, с которым не

советовались по поводу этого второго раздела, осталась только Африка. Секст Помпей остался владельцем Сицилии.

Антоний сразу же отправился в поездку по Западной Азии, чтобы вымогать деньги у несчастного народа. Примерно в середине лета (41 г. до н. э.) он прибыл в Тарс, где его посетил человек, который определил дальнейший ход его жизни и повлиял на историю Рима на следующие десять лет.

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

[41 г. до н. э.]

Антоний посетил Александрию четырнадцать лет назад и был очарован Клеопатрой, тогда пятнадцатилетней девушкой. Она стала любовницей Цезаря, и со времени смерти диктатора Антоний больше не видел ее. Теперь она приехала встретиться с ним в Киликии. Галера, на которой она плыла по Кидну, была более чем восточно-роскошной: паруса из пурпура, весла из серебра, двигавшиеся под звуки музыки, поднятая кормовая часть, отполированная до блеска золотом. Там она лежала на роскошном диване, в тени блестящего балдахина; ее наряд был как у Венеры, вокруг нее порхали слуги-купидоны и грации. Узнав о ее приближении к Тарсу, триумвир обнаружил, что его трибунал опустел. Она пригласила его на свой корабль, и он согласился. С того момента он стал ее рабом. Он сопровождал ее в Александрию, сменил римскую одежду на греко-египетский костюм двора и предоставил свою власть королеве, чтобы она могла исполнять все свои прихоти.

Тем временем Октавиан не был лишен трудностей. Он так тяжело заболел в Брундизии, что в Риме сообщили о его смерти. Ветераны, жаждущие обещанных наград, были на грани мятежа. Вскоре Октавиан достаточно поправился, чтобы показаться на люди. Но он не мог найти другого способа удовлетворить жадных солдат, кроме как конфискации земель, более масштабной, чем та, которая последовала за проскрипцией Суллы. Города Цизальпийской Галлии были обвинены в поддержке Дека Брута и лишились почти всех своих земель, которые перешли к новым владельцам. Молодой поэт Вергилий лишился своего небольшого наследства, но был восстановлен в правах по просьбе Поллия и Мецената и выразил свою благодарность в своей первой *эклоге*. Другие части Италии также пострадали — например, Апулия, как мы узнаем от друга Горация Офеллы, который стал арендатором поместья, ранее принадлежавшего ему.

Но эти жесткие меры скорее отсрочили, чем устранили проблему. Изгнание стольких людей бросило на произвол общества тысячи людей, готовых на любое преступление. Многие ветераны были готовы присоединиться к любому новому лидеру, который обещал им добычу. Такой лидер был под рукой.

Фульвия, жена Антония, была женщиной яростных страстей и амбициозного духа. Ее не пригласили последовать за мужем на Восток. Она понимала, что в его отсутствие императорская власть перейдет в руки Октавиана. Луций, брат Марка Антония, был консулом в том году, и по ее подстрекательству он поднял свое знамя в Пренесте. Но Л. Антоний не знал, как использовать свою силу, и молодой Агриппа, которому Октавиан доверил командование, заставил Антония и Фульвию отступить на север и запереться в Перузии. Их запасы провианта были настолько малы, что хватали только на солдат. В начале следующего года Перузия сдалась на условиях, что жизни лидеров будут пощажены. Город был разграблен; поведение Л. Антония отвратило всю Италию от его брата.

АНТОНИЙ СТОЛКНУЛСЯ С НЕУДАЧАМИ

В то время как его жена, брат и друзья в смятении покидали Италию, войска Антония понесли еще более тяжелый удар в восточных провинциях, которые находились под его особым управлением. После битвы при Филиппах К. Лабиен, сын старого легионера Цезаря Титуса, искал убежища при дворе Орода, царя Парфии. Воодушевленный предложенной помощью римского офицера, Пакор, сын царя, повёл грозную армию в Сирию. Полководец Антония был полностью разгромлен; и пока Пакор с одной армией вторгся в Палестину и Финикию, К. Лабиен с другой вторгся в Киликию. Здесь он не встретил сопротивления и, захватив всю Малую Азию вплоть до Ионического моря, принял имя Партик, как будто он был римским завоевателем народа, которому служил.

Эти сложные бедствия вывели Антония из его летаргии. Он отплыл в Тир, намереваясь выступить против парфян, но сезон был уже слишком продвинут, и поэтому он пересек Эгейское море и прибыл в Афины, где нашел Фульвию и своего брата в сопровождении Поллия, Планка и других, всех недовольных правлением Октавиана. Октавиан отсутствовал в Галлии, и их рассказ о положении в Италии побудил его сделать еще одну попытку. В конце года (41 г. до н. э.) Антоний заключил союз с Секстом Помпеем; и пока тот блокировал Турии и Консенцию, Антоний атаковал Брундизиум. Агриппа готовился к встрече с этой новой коалицией, и новая гражданская война была неизбежна. Но солдаты были утомлены войной; обе армии заставили своих лидеров сделать мирные предложения, и новый год начался с всеобщего мира, которому способствовала смерть Фульвии. Антоний и Октавиан возобновили свои заявления о дружбе и вместе вошли в Рим под общие орации, чтобы отпраздновать восстановление мира. Теперь они произвели третье деление провинций, в результате чего Скодра (Скутари) в Иллирии была установлена в качестве границы между западом и востоком. Лепид по-прежнему оставался владельцем Африки. Было также решено, что Октавиан должен изгнать из Сицилии Секста Помпея, недавно бывшего союзником Антония, а Антоний вновь пообещал вернуть знамена Красса из Парфии. Новый договор был скреплен браком Антония с Октавией, сестрой его коллеги, добродетельной и красивой дамой, достойной лучшего супруга. Эти благоприятные события были воспеты в возвышенных стихах *четвертой эклоги* Вергилия, озаглавленной «*Поллион*».

[41-39 гг. до н. э.]

Секст Помпей имел основания для недовольства. По Брундизийскому миру он был предан своим бывшим другом Октавиану. Он не был человеком, готовым мириться с неблагодарным обращением. В последние годы владение Сицилией давало ему контроль над римским рынком зерна. Зимой, последовавшей за Брундизийским миром (40-39 гг. до н. э.), Секст так плотно блокировал Италию, что Риму угрожал настоящий голод. Начались беспорядки; триумвиров забросали камнями на Форуме; и они сочли разумным пойти на уступки, пригласив Помпея вступить в их союз. Он встретился с ними в Мисене, и два вождя поднялись на борт его корабля, чтобы обсудить условия союза. Говорят, что один из его главных офицеров, грек по имени Менас или Менодор, предложил ему выйти в море с большой добычей, а затем выдвинуть свои условия. Секст отверг этот совет, сказав характерные слова: «Ты должен был сделать это, не спрашивая меня». Было решено, что Сицилия, Сардиния и Корсика будут переданы под его абсолютное правление, а Ахайя будет добавлена к его доле, так что римский мир теперь был разделен между четырьмя — Октавианом, Антонием, Лепидом и Секстом Помпеем. По возвращении триумвиры были встречены громкими аплодисментами.

Агриппа

(С бюста в Капитолии)

Перед зимой Антоний отплыл в Афины в компании Октавии и, по-видимому, на время изгнал Клеопатру из своих мыслей. Но он вызвал отвращение у всех истинных римлян, приняв на себя атрибуты греческих богов и предаваясь греческим оргиям.

[39-36 гг. до н. э.]

Он обнаружил, что с момента его отъезда положение дел на Востоке сильно изменилось. Он поручил П. Вентидию Бассу, офицеру, который последовал за Фульвией из Италии, сдерживать парфян до его возвращения. Вентидий был сыном пиценского дворянина из Аскулума, который был привезен в Рим в качестве пленника во время Социальной войны. В молодости он был подрядчиком по поставке мулов для нужд римского интенданта. Но в последовавших за этим гражданских войнах люди с военным талантом легко поднимались до командных должностей, и такова была судьба Вентидия. Пока Антоний отсутствовал в Италии, он загнал К. Лабиена в ущелья Тавра, где этот авантюрист был разгромлен и убит. Затем победитель быстро вторгся в Сирию и заставил Пакора также отступить на восточный берег Евфрата.

В следующем году (38 г. до н. э.) он отразил новое вторжение парфян и разгромил их в трех сражениях. В последнем из этих сражений сам Пакор был убит в пятнадцатую годовщину смерти Красса. Антоний застал Вентидия осаждающим Самосату и сместил его, но затем сам отказался от осады и вернулся в Афины. Вентидий вернулся в Рим, где его удостоили заслуженного триумфа. Он уехал оттуда в качестве торговца мулами, а вернулся с лавровым венком на голове. Он был первым и почти последним римским полководцем, который мог похвастаться такой наградой за победу над парфянами.

Союз с Секстом Помпеем не был предназначен для долгого существования, и он не продлился долго. Антоний отказался передать ему власть над Ахайей, и в отместку за это нарушение верности Помпей снова начал перехватывать итальянские флотилии с зерном. В Риме возникло новое недовольство, и Октавиан оснастил второй флот, чтобы выйти против главнокомандующего флотом, но после двух сражений с неопределенным исходом флот был уничтожен штормом, и Секст снова остался бесспорным повелителем моря. Однако Октавиан никогда не унывал из-за неудач и дал своему фавориту Агриппе полные полномочия вести войну против Помпея. Этот способный полководец приступил к своей работе с той решимостью, которая была присуща человеку, не настроенному на поражение. В качестве гавани для своего флота он реализовал план великого Цезаря, а именно: построить хорошую и безопасную гавань на побережье Лация, которое тогда, как и сейчас, не предлагало укрытия для кораблей. Для этой цели он проложил проход через узкие перешейки суши, отделявшие озеро Лукринус от моря и озеро Авернус от озера Лукринус, и укрепил внешний барьер камнем. Это был знаменитый Юлианский порт. В течение двух лет, 38 и 37 до н. э., Агриппа был занят этой работой и подготовкой достаточного количества кораблей. Были задействованы все верфи Италии. Большое количество рабов было освобождено, чтобы их можно было обучить гребле.

1 июля 36 года до н. э. флот вышел в море. Октавиан сам с одной дивизией намеревался атаковать северное побережье Сицилии, а вторая эскадра собралась в Таренте с целью нападения на восточную часть острова. Лепид с третьим флотом из Африки должен был атаковать Лилибей. Но ветры снова были неблагоприятными, и, хотя Лепид осуществил высадку на южном побережье, два флота Октавиана были отброшены обратно в Италию с большими потерями. Но поврежденные корабли были отремонтированы, и Агриппа был отправлен на запад, к Панорму, а сам Октавиан остался на страже у Мессаны. У Милы, места, известного тем, что здесь произошла первая морская победа римлян, Агриппа столкнулся с флотом Секста Помпея; но Секст с большей частью своих кораблей ускользнул от Агриппы и, плывя на восток, внезапно напал на эскадру Октавиана у Тавромениума. За этим последовала отчаянная битва, которая закончилась полным триумфом Секста (), а Октавиан сбежал в Италию с несколькими кораблями. Но Агриппа вскоре вышел на след врага. 3 сентября Секст был вынужден вновь вступить в сражение у пролива Мессана и потерпел непоправимое поражение. Его войска на суше были атакованы и рассеяны армией, высадившейся на восточном побережье неутомимым Октавианом; и Секст отплыл на Лесбос, где он нашел убежище в детстве во время Фарсальской кампании, чтобы укрыться от ревности Антония.

Лепид помогал в кампании, но после отъезда Секста открыто объявил о своей независимости от своих братьев-триумвиров. Октавиан, проявив быструю и благоразумную смелость, лично вошел в лагерь Лепида с несколькими сопровождающими. Солдаты массово дезертировали, и через несколько часов Лепид был вынужден просить пощады там, где он надеялся править. К нему отнеслись с презрительным безразличием. Африка была у него отнята, но ему было позволено жить и умереть в Риме, спокойно наслаждаясь главным понтификатом.

Октавиану повезло, что во время этой кампании Антоний был с ним в дружеских отношениях. В 37 г. до н. э. правитель Востока вновь посетил Италию, и в Таренте была организована встреча двух вождей. Пятилетний срок, на который изначально были назначены триумвиры, быстро истек, и было решено, что их власть должна быть продлена подчиненным сенатом и народом на второй срок той же продолжительности. Они расстались друзьями, и Октавиан без опасений со стороны Антония начал свою кампанию против Секста Помпея. Это подтвердила судьба беглеца. Из Лесбоса Секст перебрался в Азию, где был взят в плен лейтенантами Антония и казнен.

До сих пор Октавия сохраняла свое влияние на Антония. Но вскоре после его последней встречи с ее братом непостоянный триумвир внезапно бросил жену, которая была для него слишком хороша, и вернулся к очаровательной египетской царице, которую он не видел три года. С этого момента он не делал никаких попыток разорвать шелковую цепь ее чар. Летом следующего года он действительно предпринял новую кампанию против Парфии.⁴ Флор описывает это следующим образом:

«Такова была чрезмерная тщеславность этого человека, что, желая из любви к отличию, чтобы под его статуями читалось «Аракс и Евфрат», он внезапно покинул Сирию и вторгся в Парфию, и то без какой-либо причины или повода, даже без мнимого объявления войны, как будто одним из достижений полководца было удивлять людей тайными действиями. Парфяне, которые, помимо уверенности в своих силах, были хитры и коварны, притворились испуганными и отступили через равнины. Антоний, как будто уже одержав победу, немедленно бросился в погоню, когда небольшое отряды врага внезапно обрушились, как ливень, на римлян, которые, поскольку был вечер, были уставшими после дневного марша. Стреляя стрелами со всех сторон, они разгромили два легиона.

Но это было ничто по сравнению с тем уничтожением, которое постигло бы их на следующий день, если бы не вмешалась милость богов. Один из римлян, переживших поражение Красса, подъехал к лагерю в парфянской одежде и, поприветствовав солдат на латыни и таким образом завоевав их доверие, рассказал им об угрожающей опасности, сказав, что царь скоро прибудет со всеми своими войсками, что им следует отступить и укрыться в горах и что, возможно, даже если они так поступят, враги не останутся в стороне. В результате их настигло меньшее число врагов, чем предполагалось. Однако они все же настигли их, и остальная часть армии была бы уничтожена, если бы солдаты, когда стрелы сыпались на них как град, не опустились, как будто их этому научили, на колени, поднимая щиты над головой и создав впечатление, что они убиты. Тогда парфяне перестали стрелять.

«Когда римляне впоследствии поднялись, происшедшее показалось таким чудом, что один из варваров воскликнул: «Идите! И будьте здоровы, римляне! Слава по праву говорит о вас как о завоевателях народов, поскольку вы избежали смерти от стрел парфян». После этого им пришлось вынести не меньше страданий от нехватки воды, чем от рук врага. В первую очередь, страна была смертоносной из-за засухи; река с ее солоноватой и горькой водой была еще более смертоносной для некоторых; кроме того, даже хорошая вода была губительна для многих, поскольку они пили ее жадно, находясь в ослабленном состоянии. Впоследствии жара Армении, снега Каппадокии и резкая смена климата от одного к другому были столь же разрушительны, как и чума. Поэтому, когда осталось менее трети из шестнадцати легионов, этот выдающийся полководец, время от времени молящий о смерти от руки своего гладиатора, наконец бежал в Сирию, где, по какой-то необъяснимой извращенности ума, стал значительно более самонадеянным, чем раньше, как будто он победил, потому что спасся».⁵

[36-35 гг. до н. э.]

В следующем году он довольствовался походом в Армению, чтобы наказать царя этой страны за предполагаемое вероломство в последнем походе. Царь попал в его руки, и с этим трофеем Антоний вернулся в Александрию, где римляне были возмущены, увидев, что улицы греко-египетского города удостоены имитации римского триумфа. В течение следующих трех лет он полностью подчинился воле чародейки.^[135]

К этому периоду относятся те истории о роскошных удовольствиях, которые известны каждому читателю. Храбрый солдат, который в опасностях войны мог отбросить все роскошные привычки и мог соперничать с самым обычным человеком в веселье, с которым он переносил все лишения, исчез. Он превратился в ленивого сластолюбивого человека, удовлетворяющегося детскими забавами. Однажды он развалился в лодке на рыбалке и смеялся, когда вытаскивал куски соленой рыбы, которые по приказу царицы были прикреплены к его крючку водозамами. В другой раз она поспорила, что съест десять миллионов сестерциев за один прием пищи, и выиграла пари, растворив в уксусе жемчужину неизвестной ценности. В то время как Клеопатра носила образ богини Исиды, ее любовник представал в образе Осириса. Ее голова была изображена вместе с его головой на монетах, которые он выпускал как римский магистрат. Он распоряжался королевствами и княжествами Востока одним своим словом. Благодаря его влиянию Ирод, сын Антипатра, идумейский министр Гиркана, покойного правителя Иудеи, был провозглашен царем, несмотря на то, что законный наследник был лишен этого права. Полемон, его собственный сын от Клеопатры, был наделен скипетром Армении. Воодушевленная абсолютной покорностью своего любовника, Клеопатра обратила свой взор на Капитолий и мечтала с помощью Антония завоевать ту императорскую корону, которую она тщетно пыталась получить от Цезаря.

[35-32 гг. до н. э.]

Пока Антоний занимался сладострастными утехами, Октавиан решительно продолжал работу по укреплению своей власти на западе. Его терпение, трудолюбие, внимательность к делам, приветливость завоевывали ему золотое мнение и быстро стирали всякую память о кровавых делах, совершенных им в ходе гражданской войны (), благодаря которым он пришел к власти. Он не завоевал большой славы на войне, но пока зерновые флотилии своевременно прибывали из Сицилии и Африки, народ не заботился о том, кто одержал победу — Октавиан или его генералы. В лице Агриппы он имел опытного полководца, а в лице Мецената — мудрого и сдержанного министра. К его чести, он никогда не проявлял ревности к людям, которым был так много обязан. Он льстил народу надеждой, что, когда Антоний выполнит свою миссию по возвращению знамен Красса, он привлечет его к участию в ликвидации их суверенной власти и восстановлении конституционной свободы. В плане верности своим брачным обетам Октавиан был немногим лучше Антония. Он отказался от брака с Клодией, дочерью Фульвии, когда ее мать попыталась поднять Италию против него. Он развелся со Скрибонией, когда ему больше не было выгодно заискивать перед ее родственником. Чтобы заменить эту вторую жену, он силой отнял Ливию у ее мужа, Ти. Клавдия Нерона, хотя она в то время была беременна вторым сыном. Но в этом и других менее простительных проступках не было ничего, что могло бы шокировать чувства римлян.

ОКТАВИАН ПРОТИВ АНТОНИЯ; БИТВА ПРИ АКТИУМЕ

Но Октавиан никогда не позволял удовольствиям отвлекать его от дел. Если он не мог быть успешным полководцем, то он решил по крайней мере показать, что может быть отважным солдатом. В то время как Антоний в своем египетском дворце пренебрегал парфянской войной, его соперник вел свои легионы в более чем одной опасной кампании против варварских далматинцев и паннонцев, которые в течение некоторого времени опустошали провинцию Иллирик. В 33 году до н. э. он объявил, что границы империи были расширены на север до берегов Савуса.

Октавиан теперь начал чувствовать, что любая видимость дружбы с Антонием была для Рима скорее источником слабости, чем силы. Уже возникли недоразумения. Антоний жаловался, что Октавиан не дал ему долю в провинциях, отнятых у Секста Помпея и Лепида. Октавиан ответил обвинением своего коллеги в присвоении Египта и Армении и в усилении власти Клеопатры за счет Римской империи. Народное возмущение достигло своего апогея, когда Планк и Титий, пользовавшиеся доверием Антония, перешли на сторону Октавиана и раскрыли содержание завещания своего господина. В этом документе Антоний приказывал похоронить его тело в Александрии, в мавзолее Клеопатры. Люди начали предполагать, что Клеопатра уже установила свой трон на Капитолии. Эти подозрения усердно поощрялись Октавианом.

До конца 32 года до н. э. Октавиан, опираясь на авторитет сената, объявил войну Клеопатре. Антоний, пробудившись от сна из-за сообщений из Рима, перебрался в Афины, повсюду отдавая приказы о наборе людей и сборе кораблей для предстоящей борьбы. В Афинах он получил известие о объявлении войны и ответил разводом с Октавией. Его флот получил приказ собраться в Коркире, а его легионы ранней весной готовились вторгнуться в Эпир. Он установил свою штаб-квартиру в Патрах на Коринфском заливе.

Но Антоний, хотя его флот превосходил флот Октавиана, позволил Агриппе захватить Ионическое море и овладеть Метоной в Мессении, чтобы использовать ее в качестве базы для летучего отряда, который должен был перехватить связи Антония с Востоком, и даже оккупировать Коркиру, которая была предназначена для его собственного места встречи. Флот Антония теперь стоял на якоре в водах Амбракийского залива, а его легионы расположились лагерем на участке суши, образующем северный рог этого просторного залива. Но место, выбранное для лагеря, было нездоровым, и в жару начала лета его армия сильно страдала от болезней. Агриппа находился неподалеку, выжидая своего часа. Весной к нему лично присоединился Октавиан.

[31-30 гг. до н. э.]

В начале сезона Антоний вернулся из Патр к своей армии, чтобы быть готовым либо переправиться в Италию, либо встретить врага, если тот попытается высадиться в Эпире. Сначала он проявил нечто от своего прежнего военного духа, и солдаты, которые всегда любили его военную прямооту, воодушевились, но его главные офицеры, перешедшие на сторону Октавиана или отвращенные влиянием Клеопатры, дезертировали в таком количестве, что он не знал, кому доверять, и отказался от всяких попыток продолжать борьбу с энергией. Под нажимом Клеопатры он решил увести свой флот и бросить армию. Все приготовления были сделаны в тайне, и 28 августа великий флот вышел в море. В течение следующих четырех дней дул сильный южный ветер. Антоний не мог сбежать, а Октавиан не мог выйти в море из Коркиры, чтобы противостоять ему. Однако 2 сентября ветер стих, и легкие корабли Октавиана, используя весла, легко догнали неповоротливые галеры восточного флота. Теперь было ясно, что сражение неизбежно.

Корабли Антония были как неприступные крепости для атаки небольших судов Октавиана; и, хотя они почти не двигались в спокойном море, это не произвело на них большого впечатления. Но около полудня с запада поднялся ветер, и Клеопатра, сопровождаемая шестьюдесятью египетскими кораблями, отплыла в южном направлении. Антоний немедленно перебрался со своего военного корабля на легкую галеру и последовал за ней. Оставленные своим командиром, капитаны кораблей Антония продолжали отчаянно сопротивляться; и только когда большая часть из них была подожжена, исход сражения был решен. К вечеру весь флот был уничтожен; погибли большинство людей и все сокровища, находившиеся на борту. Через несколько дней, когда позорное бегство Антония стало известно его армии, все его легионы перешли на сторону победителя.

СМЕРТЬ АНТОНИЯ И КЛЕОПАТРЫ

[30-29 гг. до н. э.]

Только через одиннадцать месяцев после битвы при Актиуме Октавиан вошел в открытые ворота Александрии. В промежутке он был занят основанием города Никополис в честь своей победы на северном мысе Амбракийского залива, награждением своих солдат и урегулированием дел в восточных провинциях. Зимой он вернулся в Италию, и только в середине лета 30 г. до н. э. он прибыл в Египет.

Когда Антоний и Клеопатра прибыли в Александрию, они сделали вид, что ничего не произошло. Прошло некоторое время, прежде чем стало известно о реальном положении дел, но вскоре стало ясно, что Египет находится во власти завоевателя. Царица строила всевозможные смелые планы. Один из них заключался в том, чтобы переправить спасенные ею корабли через Суэцкий перешеек и найти убежище в какой-нибудь далекой стране, где имя Рима еще не было известно. Некоторые корабли действительно были переправлены, но они были уничтожены арабами, и план был заброшен. Теперь она льстила себе, что ее очарование, оказавшееся столь сильным на Цезаря и Антония, сможет покорить Октавиана. Между завоевателем и царицей обменивались тайными посланиями, и ответы Октавиана не лишали ее надежды.

Антоний, полный раскаяния и отчаяния, заперся в Фаросе и оставался там в мрачной изоляции.

В июле 30 года до н. э. Октавиан появился перед Пелузием. Город сдался без боя. Однако при приближении завоевателя Антоний встал во главе кавалерийского отряда и добился некоторого преимущества. Но по возвращении в Александрию он обнаружил, что Клеопатра сдала все свои корабли, и больше сопротивления не оказывалось. 1 августа (Секстилис, как тогда назывался этот месяц) Октавиан вошел в открытые ворота Александрии. И Антоний, и Клеопатра пытались завоевать его расположение. Посланцев Антония завоеватель отказался принимать, но по-прежнему говорил Клеопатре ласковые слова. Царица заперлась в своего рода мавзолее, построенном для ее тела после смерти, к которому не было подхода ни через одну дверь, и было объявлено, что она действительно умерла. В сердце Антония возродилась вся нежность прежних времен. Он заколол себя и в предсмертном состоянии приказал положить себя рядом с Клеопатрой.

Королева, тронутая состраданием, приказала поднять умирающего любовника на веревках в свое убежище и оросила его виски своими слезами. После того как он испустил

последний вздох, она согласилась встретиться с Октавианом. Ее проницательность скоро подсказала ей, что от него нечего ждать. Она поняла, что его красивые слова были предназначены только для того, чтобы удержать ее от отчаянных поступков, и сохранить ее для унижения в его триумфе. Это впечатление подтвердилось, когда оказалось, что все орудия, с помощью которых можно было бы нанести смерть, были удалены из ее покоев. Но она не собиралась сдаваться. Она притворилась покорной, но когда слуги Октавиана пришли, чтобы увести ее, они нашли ее мертвой на диване, окруженной верными служанками Ирасой и Хармионой. Причина ее смерти так и не была установлена; по народному поверью, она умерла от укуса аспиды, который был подложен ей в корзину с фруктами.

Клеопатра была необыкновенной личностью. На момент смерти ей было всего тридцать восемь лет. Ее сила заключалась не столько в ее красоте, сколько в ее очаровательных манерах и чрезвычайной находчивости. В ее безумствах было некое величие, которое возбуждает даже скудное воображение. Мы можем оценить истинную силу ее умственных качеств, наблюдая за впечатлением, которое ее характер произвел на римских поэтов того времени. Никакие обдуманно похвалы не могли бы так свидетельствовать о ее величии, как возвышенные стихи, в которых Гораций прославляет ее падение и поздравляет римский мир с тем, что он избежал гибели, которую она угрожала Капитолию.

Октавиан датировал годы своей императорской монархии со дня битвы при Акциуме. Но только через два года (летом 29 г. до н. э.) он утвердился в Риме как правитель римского мира. Затем он отпраздновал три великолепных триумфа, следуя примеру своего дяди, великого диктатора, за свои победы в Далмации, при Акциуме и в Египте. В то же время храм Януса был закрыт (несмотря на то, что пограничные войны в Галлии и Испании продолжались) впервые с 235 года до н. э. Все люди вздохнули свободнее, и все, кроме солдат, с нетерпением ждали наступления периода спокойствия. Свобода и независимость стали забытыми словами. После ужасных беспорядков прошлого века всеобщее стремление было к спокойствию любой ценой. Октавиан был человеком, идеально подходящим для реализации этих чаяний. Его дядя Юлий слишком любил активную деятельность, чтобы хорошо сыграть такую роль. Октавиан никогда не блистал на войне, но его бдительный и терпеливый ум хорошо подходил для ведения дел. Он избегал шокировать народные чувства, принимая какие-либо титулы, имеющие отношение к королевской власти, но по общему согласию пользовался авторитетом, превосходящим королевский.^b

ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ АНТОНИЯ

Мы не можем расстаться с павшим Антонием, не сказав нескольких слов о его характере: «Он был, — говорит Лидделл, — по натуре добродушным, открытым римлянином, хорошим солдатом, быстрым, решительным и энергичным, но безрассудным и потакающим своим слабостям, лишенным как благоразумия, так и принципов. Развращенность эпохи, соблазны власти и злое влияние Клеопатры парализовали его характер, способный на лучшее. Мы знаем его главным образом по преувеличенным нападкам Цицерона в его «Филиппиках» и по рассказам писателей, преданных Октавиану. Но даже после всех вычетов за предвзятое представление остается достаточно фактов, чтобы показать, что Антоний обладал всеми недостатками Цезаря, но почти не имел его величия».^b Это скудная похвала. Более благожелательная оценка принадлежит Гардхаузену, который, красноречиво обобщая героические качества характера Антония, видит в нем тип человека, редкий в древности. Вот его характеристика:

Рыцарское поведение Антония и рыцарский настрой его ума способствовали его успеху, что было весьма впечатляющим для персонажа античности. В древности можно было найти лишь несколько персонажей, которых можно было бы назвать рыцарскими, в лучшем случае — отдельных гомеровских героев, княжеских вождей национальных армий, таких как Александр Македонский, Пирр и Деметрий, поддельный образ Антония у Плутарха; возможно, рыцарские нормы жизни были распространены среди греческих наемников. Рыцарственный воин был человеком, готовым в любой момент поклясться своей честью и, помня о взлетах и падениях битвы, относиться к своему противнику так, как он сам хотел бы, чтобы относились к нему, если бы их положения поменялись местами. Маленькие республики древности не были подходящей почвой для воспитания такого характера. Древние не были прежде всего солдатами, их идеалы лежали в другой области.

Будучи рыцарем, он был готов верить в то, что другие имеют такое же расположение духа, и его доверие редко оказывалось неуместным. Во главе пяти кораблей он, не вняв предупреждениям окружающих, с рыцарской безрассудностью вышел против всего флота Домиция Агенобарба; он принял приглашение адмирала Секста Помпея пообедать с ним на борту его корабля; одного слова было бы достаточно, чтобы он был заключен в тюрьму или убит; но это слово так и не было сказано, потому что его беспрекословное доверие к чести своего врага обезоружило этого врага. Однако когда его обманывали, как, например, позже тот же Домиций Агенобарб, который перешел на сторону врага перед битвой при Актиуме, Антоний проявил достаточно великодушия, чтобы отправить ему в лагерь врага свое имущество и рабов. Позже он проявил замечательную терпимость по отношению к Сексту Помпею в Малой Азии и до последнего не хотел верить в предательство человека, который сначала был его союзником, а затем просил его о защите. Даже когда судьба была против него, он предполагал в своем враге тот же рыцарский дух, который проявил бы сам, если бы обстоятельства были обратными. Так, например, после битвы при Актиуме он вызвал Цезаря на личный поединок, хотя принятие вызова его противником, который был всем, кроме рыцаря, было на первый взгляд весьма маловероятным.

Как рыцарь для своей дамы, Антоний в официальном сообщении заявил о своей постоянной готовности умереть за Клеопатру, а, получив известие о ее смерти, он снова сказал, что теперь исчезла последняя причина для его жизни. Даже в смерти его утешала мысль, что он был покорен как римлянин из римлян.

В заключение, «рыцарский» — это термин, который я бы применил к той преувеличенной чувствительности чести, которая не могла смириться с отдачей приказа о совершенно необходимом отступлении после кампании против мидийцев, и поэтому возложила на подчиненного ему полевого офицера бремя отдачи этого приказа.

Говорить о личной храбрости Антония, которую признавали даже его враги, было излишне; как и его геркулесовское телосложение, она была частью его природы, а не результатом многолетних усилий и силы воли. Он чувствовал себя одинаково комфортно со своими людьми как на поле битвы, так и на арене для борьбы молодых людей. Однако он был в своей стихии, возглавляя своих верных всадников, когда после безумной скачки он мог неожиданно, как молния, наброситься на врага, уничтожить его или взять в плен. В качестве примера можно привести блестящее сражение кавалерии с Сервилием в нижней Италии и последнюю победу, которую он одержал над всадниками Цезаря на ипподроме перед Александрией. Его гордость была тогда на пике своего взлета, когда он мог предстать перед Клеопатрой как рыцарь перед своей дамой, чтобы потребовать в награду за победу поцелуй для себя и золотые доспехи для самого храброго из своих всадников.

Возможно, чуждая ему черта неверности была лишь симптомом той султанской натуры, которая очень быстро развилась в Антонии, как и во многих других римлянах, правивших на Востоке. Он всегда был щедрым, даже до того, как у него появилось что-то, что можно было раздавать, но на Востоке эта щедрость вскоре приобрела гораздо более великолепный размах. На публике он чувствовал себя царем царей, даруя Монеzu, парфянскому беженцу, три города, как когда-то Аганти () даровал Фемистоклу, постоянно составляя новую карту Востока и отдавая провинции своей египетской царице, даруя Полемону Малую Армению в награду за посольство, даря своим актерам город Приен в обмен на хороший обед, делая своего повара богатым, как богатый магнeзиец. Лучше всего мы можем понять, какую задачу он поставил перед своим поваром, из истории, которая шепталась в кругу Плутарха. В любое время дня повар должен был быть готов немедленно подать полноценный обед. Восемь диких кабанов вращались на вертеле одновременно, потому что в любой момент один из них должен был быть готов к подаче на стол, и таким образом проводились все приготовления, необходимые для обеда не более чем для двенадцати человек. Характерный анекдот Плутарха является одновременно доказательством дороговизны двора Антония и нерегулярности его образа жизни. Если приготовление одного ежедневного обеда требовало таких затрат, то нам едва ли нужно считать сумасшедшие пари с Клеопатрой, чтобы понять, откуда взялись огромные суммы, собранные и растраченные Антонием на Востоке. Его пример стал эталоном для его собственного народа; его старший сын Антилл был еще мальчиком, когда он дал врачу такую сумму за парадокс в медицинском языке, что тот не поверил своим ушам.

Но эти экстравагантные расходы были не всем; в некоторой степени они относились к содержанию султана и впечатляли восточное воображение. Влияние Востока на характер Антония было пагубным, поскольку лишило его необходимой гибкости. Есть люди, которые достигают своего полного расцвета только в условиях процветания, а в их отсутствии увядают и умирают, как цветок, лишенный солнечного света; другие же нигде не проявляют себя так плохо, как в условиях постоянной удачи; их лучшая сторона уходит из поля зрения, пока ее снова не вызывает к жизни крайняя необходимость, которая одна может подтолкнуть их к героическим усилиям. Антоний принадлежал к последнему типу; ему требовалось давление извне, чтобы восстановить свою гибкость и в полной мере проявить свои способности. В шуме и суматохе битвы при Мутине (), в крайней необходимости отступления после поражения при Мутине и кампании в Мeдии он совершил великие деяния, но с окончанием опасности деятельность, которую она вызвала, также подошла к концу; он погрузился в восточную вялость, из которой ничто не могло его вывести. Политические вопросы перестали для него существовать, прошли целые месяцы, в течение которых не было решено ни одного текущего вопроса управления.

Лабием мог захватить Сирию и Азию с помощью парфянских всадников и оттеснить римлян на острова; в то же время из Италии, куда его просили отправиться и оказать помощь его жена, брат и легаты, тщетно борющиеся с властью Цезаря, приходили одна за другой мрачные вести; но ничто не могло оторвать его от праздности в Александрии. В самый разгар кризиса, когда все народы древнего мира вооружались либо за, либо против него, он удалился на Самос, чтобы жить жизнью удовольствий, не нарушаемой грохотом оружия.

Вот достаточно примеров, доказывающих, как он относился к своему высокому положению в мире, как он на самом деле использовал его для преследования своих личных любовных интриг, как он принимал привилегии, не признавая ответственности своего положения.

Ему совершенно не хватало чувства ответственности как принцу — этот упрек ложится на него слишком тяжелым бременем — и, подобным образом, в нем осталось так мало патриотического духа по отношению к Риму во время его жизни на Востоке, что он не захотел даже оставить свои прах на родине. В его ленивом характере мы не видим никакой радости от дел и от тех творческих порывов, которые он все же проявлял каждые несколько лет; он следовал импульсам момента, не задумываясь о том, какими будут их конечные последствия; эта привычка стала для него настолько естественной, что он последовал ей в Актиуме и погубил себя и своих последователей.

Как бы парадоксально это ни звучало, Антоний был не более настоящим полководцем, чем настоящим государственным деятелем. Как подчиненный диктатора он заслужил похвалу. Но как только он сам занял положение диктатора, разница, большая разница, стала очевидной.

Конечно, победа при Филиппах была исключительно его заслугой, но партия Цезаря обязана была Филиппам тактике, а не стратегии Антония. Ему пришлось сражаться на поле, выбранном врагом, и он должен был благодарить за победу свою храбрость и свои легионы. С этого момента, как уже утверждали древние, Антоний побеждал только благодаря своим подчиненным офицерам, а сам по себе терпел поражение. Честь триумфа, на которую подчиненные офицеры, строго говоря, не могли претендовать, была предоставлена им, хотя и с меньшей щедростью, чем проявил его коллега Цезарь; только в случаях чрезмерного успеха у него пробуждалось подозрение, и тогда он отстранял офицеров, которые слишком явно отличались удачей, таких как Вентидий. Только он один должен нести ответственность за катастрофический исход Медо-Парфянской кампании. Концепция была неправильной, а исполнение — несовершенным, поскольку лучшее время прошло, прежде чем он приступил к операциям. Перед последним кризисом войны он снова упустил благоприятный момент.

Вместо того чтобы быстро воспользоваться преимуществом, которое ему обеспечивали хорошо наполненная военная казна и передовое состояние его вооружений, вместо того чтобы направить свои силы на Италию, которую вполне можно было покорить, учитывая нехватку денег и глубокое недовольство, царившее в стране, он снова растратил лучшее время с Клеопатрой на Самосе и в конце концов был вынужден отложить решающее сражение, что было для него очень невыгодно, до следующего года, тем самым утратив преимущество в готовности вооружения, которое он имел над своим противником. Наконец, можно спросить: разве когда-нибудь генерал, заслуживающий этого имени, как Антоний (), преждевременно объявлял о поражении в битве, в которой на карту были поставлены не только господство и жизнь, но и судьба всего мира? Но Антоний любил относиться к серьезным вопросам легкомысленно, а к мелочам — как к делу первостепенной важности.

В его отношениях с женщинами сочетались его чувственная султанская натура и рыцарский характер. Здесь не стоит углубляться в грязные любовные истории его молодости. Его враг Цицерон часто упоминает о друзьях Антония — мужчинах и женщинах, а также о других лицах, которых трудно отнести к той или иной категории. Антоний всегда пренебрегал своей репутацией; он хорошо знал, что в этом плане ему нечего было портить. Мы не будем здесь вдаваться в подробности его бесчисленных связей с красивыми танцовщицами, знатными римскими дамами и восточными принцессами. Только Клеопатра могла претендовать, по крайней мере в последние годы их жизни, на то, чтобы властвовать над ним безраздельно, не деля его с другими женами или любовницами. Это господство было настолько абсолютным и длительным, что в древности считалось невозможным объяснить его естественными средствами, и прибегали к суеверию о волшебном зелье.

Если бы мы увидели Антония пешком с группой евнухов, следующих за носильщиками его любовницы при въезде в какой-нибудь египетский город, мы могли бы заключить, что он рыцарь, отдающий дань уважения своей даме. Средневековое поклонение женщинам абсолютно чуждо древности, но Антоний основывал свое происхождение на Геракле, который после двенадцати подвигов стал рабом Омфалы и отложил дубину и арбалет, чтобы помогать своей даме за прялкой. Антоний последовал примеру своего великого предка и проявлял покорность в изнеженной лени там, где в его силах и обязанностях было быть сувереном. Жертвы, которые он принес своей даме, не имеют себе равных в истории мира; а благодарностью Клеопатры было предательство сначала в Актиуме, а затем при его смерти в Александрии. Одним словом, можно подытожить вердикт на языке древних: природа предназначила Марка Антония для роли второго плана, но случай и несчастье сделали его главным героем. Но Шекспир говорит: «Его пороки и почести были равны ему».^f

СНОСКИ

[131] Однако эта история вызывает некоторые сомнения в связи с тем, как Цинна упоминается в Девятой эклоге Вергилия, которая, безусловно, была написана в 40 году до н. э. или позже.

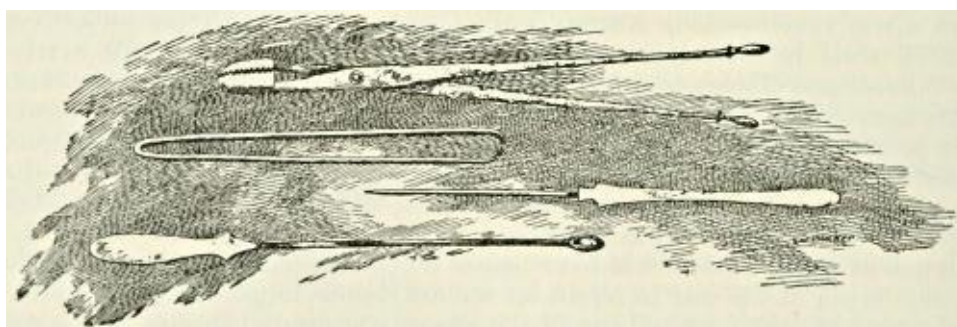
[132] Педий был сыном второй сестры Цезаря, Юлии Младшей, и поэтому двоюродным братом (в первом поколении) Октавиана.

[133] Он развелся с Туллией, дочерью оратора, перед тем, как покинуть Италию.

[134] [Веллей Патеркул^d таким образом противопоставляет Брута и Кассия:

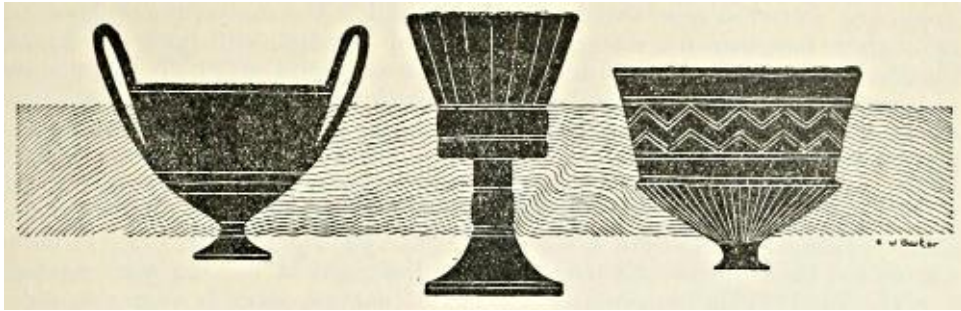
«Таков был конец, уготованный судьбой партии Марка Брута, которому тогда было тридцать семь лет и чей ум оставался неподкупным до того дня, когда одно опрометчивое действие затмило все его добродетели. Кассий был настолько же лучшим полководцем, насколько Брут был лучшим человеком. Из этих двоих вы бы предпочли иметь Брута в качестве друга, а в качестве врага вы бы больше боялись Кассия. У одного были большие способности, у другого — большая добродетель. Если бы они добились успеха, для государства было бы так же выгодно иметь Брута правителем, как и Цезаря, а не Антония».

[135] [Флор говорит^e : «Безумие Антония, которое не могло быть успокоено амбициями, в конце концов было уничтожено роскошью и развратом. Египетская женщина потребовала от пьяного полководца в качестве платы за свои услуги не что иное, как Римскую империю. Антоний пообещал ей это, как будто римляне были легче завоевать, чем парфяне».]

Римские хирургические инструменты

(В Британском музее)

ГЛАВА XXVIII. СОСТОЯНИЕ РИМА В КОНЦЕ РЕСПУБЛИКИ

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА РЕСПУБЛИКАНСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ

Незадолго до 500 года до н. э. произошла перемена, которая превратила римское государство из монархии или военной диктатуры (в которой диктатор сталкивался с влиянием могущественного совета, состоявшего из представителей первоначальных буржуазных семей, и с юридической необходимостью согласия всего народа, и поэтому действовал в рамках системы, разработанной в соответствии с обычаями и очень похожей на организацию других латинских городов) в аристократическую олигархическую республику с сильной исполнительной властью в руках ежегодно избираемого народом магистрата; основа политической жизни в целом сохранила ту форму, в которой она развивалась и в которой она в значительной степени закрепилась к концу монархического периода.

Эта конституция не была с самого начала сформулирована в каком-либо общем и фундаментальном законе (так же, как и более старая система), и она не была окончательно закреплена таким законом в какой-либо последующий период, в то время как посредством отдельных статутов постепенно принимались более или менее важные нововведения в качестве дополнения к организации, унаследованной от первобытных времен, и к традиционному кодексу. Многие вещи постепенно и незаметно изменялись под воздействием изменившихся обстоятельств. Воля народа была основой всех законов и всей власти в государстве, и каждый человек, обладавший полными правами гражданства, непосредственно участвовал в выражении воли народа, голосуя в законодательных и выборных собраниях, хотя и с разной степенью влияния в отдельных случаях и в пределах установленной формы и унаследованных взглядов.

Свобода республиканского Рима предполагала существование рабского населения, выполнявшего самую черную работу, населения, из которого в более ранние времена буржуазный класс получал лишь небольшое пополнение, неизменно нежелательное и рассматриваемое с презрением первым поколением граждан. В то же время древние обычаи *mos majorum* высоко почитались свободными людьми, усиливаясь своего рода религиозным почитанием, как возникшие по милости и с помощью богов и продолжавшие существовать под их постоянным контролем и в силу их вмешательства (*religio*).

Среди этих древних обычаев была классификация горожан в соответствии с их богатством и экономической независимостью или их бедностью и нестабильными средствами к существованию; классификация, которая в ранние времена нашла свое выражение в классовом делении и в применении одного и того же стандарта к гражданской армии (), и еще более ярко проявилась в исключительном использовании богатых горожан

для выполнения особых обязанностей кавалерии, с ее дополнением, формированием рыцарского ордена, на основе которого возник другой класс, малочисленный и являющийся руководящим органом граждан, а именно сенат. Величие народа (*maiestas populi*) признавалось высшей исполнительной властью (путем опускания символов консульской власти, *fascēs submissi*, восходящих по традиции к Валерию Публиколе в первый год консульства), и от народа происходила вся власть в государстве; *nemo potestatem habet nisi a populo* (Cic. *de Leg. Agr.* II, 11). Им было предоставлено право принимать законы и право объявлять войну или заключать мир (Полиб. VI, 14); путем всенародных выборов магистратов они также косвенно определяли состав сената и первоначально осуществляли высшую юрисдикцию. Но их эффективная деятельность в народных собраниях зависела от инициативы магистратов, которая, в свою очередь, частично находилась под контролем сената.

Этот орган (который состоял из пожизненных членов и, следовательно, подвергался только постепенным изменениям за счет притока свежей крови и сохранял свой почетный характер за счет изгнания недостойных членов), как центр власти и управления, поддерживал преемственность и равновесие в политике государства с помощью специальных правил и предписаний, установленных в пределах, допускаемых явным законом и древними обычаями; но сам сенат не мог вести дела или принимать решения, кроме как под председательством и руководством компетентных магистратов. Кроме того, исполнение всех декретов и поддержание правопорядка находились (как и инициатива в законодательстве и надзор за сделками совета) в руках двух или более координирующих магистратов, избираемых ежегодно. Однако эти магистраты избирались исключительно из числа экономически независимых буржуа, с учетом возраста и продвижения по фиксированной шкале предварительных ступеней — требования, которые с течением времени стали выполняться все более тщательно и точно. От консульства, то есть от двух коллег, наделенных высшей властью в гражданских и военных делах (*imperium*), которой они поначалу пользовались с ограниченной помощью (от квесторов), магистратская власть постепенно разделилась между рядом должностных лиц, наделенных особыми полномочиями (*potestas*) для выполнения специальных функций и ведения отдельных сфер государственной службы. Граждане подчинялись приказам этих магистратов со строгой субординацией и дисциплиной, особенно в военное время.

В записях о первых полутора веках существования республики развитие государственной системы и администрации на этой первоначальной и общей основе, а также изменения, которые она претерпела в ходе роста (сначала медленного, а затем более быстрого) могущества и величия Рима, затушевываются тем фактом, что борьба за более высокие политические *должности*, т. е. вопросе о том, следует ли распространить ее с закрытого общества буржуазии (патрициев) на всех граждан, — переплетается с борьбой между аристократией и демократией за изменения в характере самой системы и администрации. Этот двойной аспект не был четко осознан более поздними авторами,^[136] и, вероятно, не был адекватно отражен в кратких исторических записях далекой древности. Мы, вероятно, не ошибемся, если предположим, что патриции, хотя и были постепенно вынуждены отказаться от своих классовых привилегий и связанных с ними институтов и постановлений, таких как *comitia curiata*, продолжали поддерживать аристократические интересы и институты, все больше и больше принимая на себя роль дворян и вступая в союз с наиболее влиятельными плебейскими семьями; в то время как плебеи, пока они были вовлечены в борьбу за равные права, отстаивали интересы демократии и распространяли демократические принципы на всю работу государства.

Первым шагом в изменении и развитии старой системы, которая пережила отмену монархии, шагом, который определил весь последующий ход движения, было создание

должности в интересах менее привилегированных граждан, трибуната плебеев (*tribunatus plebis*), должности, которая первоначально не имела исполнительных функций, но была наделена защитой отдельных граждан и контролем за действиями магистратуры. Постепенно трибунат приобрел инициативу, сначала как средство требования менее привилегированными гражданами равных прав, а затем как продвигатель интересов простого народа и общей демократической тенденции в законодательстве и управлении. Последняя функция более явно вышла на первый план после окончания борьбы между патрициями и плебеями (после 366-300 или 286 гг.), хотя в течение значительного времени она проявлялась только в конституционном противодействии всему, что имело вид посягательства со стороны сената или магистратской власти.

Но хотя в законодательной власти таким образом возникла двойная инициатива — инициатива консульства в комициях куриатных, опиравшаяся главным образом на поддержку сената, и инициатива трибунатов в комициях трибунатных, узаконенная *законом Публилия* в 339 году, правительство сохранило свой аристократический характер в период между образованием конфедеративного государства (340-338) и окончанием Пунической войны, при этом сенат сохранил за собой сильную исполнительную власть и непоколебимое господство во всех делах, как общих, так и частных, без какого-либо заметного вмешательства со стороны народа, за исключением того, что было санкционировано древними обычаями; причина этого заключалась в том, что только в исключительных случаях трибуны выдвигали законодательные предложения, прямо противоречащие воле сената.

Только после разрушения Карфагена, когда, с одной стороны, число простого народа значительно увеличилось (как в муниципальных городах и колониях, так и в Риме) по сравнению с правящим классом или сенатом, а беднейшая часть первого класса собралась в столице, а с другой стороны, в итальянском союзе царило недовольство; когда сенат все больше и больше попадал под контроль ограниченного числа знатных семей, которые присваивали себе большую часть выгод, получаемых от принудительных усилий подчиненных провинций, оставляя долю прибыли только тем членам рыцарского сословия, которые выступали в качестве *publicani* или *negotiatores*, и им было недостаточно для удовлетворения своей алчности, — что трибунат плебеев приобрел характер чистой и простой оппозиции, который стал еще более заметным после времени Гракхов. Он развил законодательную деятельность, которая, как бы мы ни судили о целях, преследовавшихся отдельными государственными деятелями — улучшить положение бедных граждан путем распределения пахотных земель или распределения зерна по сниженным ценам, ограничить произвольную власть магистратов или сената, предотвратить чрезмерную концентрацию правительственного влияния и власти, содействовать движению за равные права среди членов конфедерации, назначать определенных лиц () для ведения государственных дел, особенно в случае военного командования — не могла не иметь пагубного эффекта, поскольку, насильственно отделенная от сената, она по своей природе находилась в руках лиц, отличавшихся случайностью официального пребывания в должности, подверженной ежегодным изменениям и зависящей от народной поддержки.

После серии конфликтов и жестоких политических мер (начатых Гракхами, Сатурнином и другими) и недолгой победы демократической партии под руководством Мария и Цинны, под влиянием Суллы началась реакция в пользу аристократии в сочетании с военной диктатурой отдельного лица, поскольку древние границы между государством и народом были стерты в результате Социальной войны. Основными пунктами этой реакции были отмена инициативы трибунатов и усиление влияния сенаторов путем назначения на магистратские должности исключительно сенаторов.

Но эта реакция, хотя и проводившаяся с безжалостной суровостью, была менее способна удержать свои позиции из-за того, что старые формы, в которых она воплощалась, были абсолютно несоответствующими размерам государства и географическому распределению народа в условиях радикальных изменений, вызванных Социальной войной. По прошествии десяти лет права трибунатов были восстановлены. Но с того времени он поставил себя во главе демократических и бурных элементов в столице и ее ближайших окрестностях и таким образом стал просто инструментом в руках отдельных деспотов, которые пытались (иногда с помощью богатства, но чаще всего с помощью военных действий и популярности среди солдат) установить личное господство, перед которым была вынуждена склониться шаткая власть сената, несмотря на сопротивление аристократов, которые (как Катул и Гортензий) поддерживали принципы Суллы, и людей, которые (как Цицерон) основывали свое влияние на мирных заслугах.

В конце концов, пережив гражданскую войну между лидерами противоборствующих фракций, устав от раздора и борьбы, в результате которых все политические институты опустились до уровня пустых и бессильных форм, подверженных постоянным нарушениям и злоупотреблениям, государство обрело под властью автократии покой и внешний порядок, которые подавляющее большинство жителей Италии были не против принять в обмен на политическую жизнь, из которой они, по всей вероятности, были практически исключены в значительной степени из-за несовершенства форм, в которых она воплощалась.^b

Мы проследили развитие и упадок римской конституции на нескольких этапах. Мы видели, как она превратилась из монархии в патрицианскую олигархию, из патрицианской олигархии в ограниченную республику, из ограниченной республики в олигархию богатства; и теперь, после столетия гражданской войны, в которой государство колебалось от одной крайности к другой, мы заканчиваем рассмотрением абсолютного деспотизма.¹³⁷ Каждая страница последней части нашего повествования показывает, как неизбежно события велись к этому исходу. Римский мир долгое время готовился к этому. Никогда такая власть не была совершенно чуждой умам римского народа. Диктатуры были частым явлением в их ранней истории. В более поздние времена консулы по воле сената были возведены в диктаторскую власть для решения чрезвычайных ситуаций, военных или гражданских. Деспотические полномочия, предоставленные Сулле и Помпею, власть, захваченная сначала Цезарем, а после него триумвиратом, были все той же формы, что и власть, предоставленная Октавиану, то есть все они, по крайней мере формально, были временными и провизорными. Беспорядки в государстве требовали вмешательства одного или нескольких лиц, обладающих абсолютной властью. И независимо от того, была ли власть возложена на диктатора, такого как Сулла и Цезарь; на единственного консула, такого как Помпей; на комиссию из трех человек, такую как триумвират Антония, Октавиана и Лепида; или на императора, такого как Октавиан в одиночку, конституционный принцип оставался тем же. Эти деспотические полномочия в каждом случае, за исключением случаев Суллы и Цезаря, предоставлялись на определенный срок; даже первые диктатуры Цезаря были предоставлены на ограниченный срок. Триумвират продлевался каждые пять лет, а императорское правление Октавиана — каждые десять лет. Теоретически эти полномочия предоставлялись в порядке исключения, для достижения временной цели, и когда цель была достигнута, исключение должно было уступить место правилу. Даже во время правления Октавиана были люди, достаточно легковверные, чтобы надеяться на восстановление республики.

Ловкость Октавиана часто хвалили. Но у него было много примеров, которые служили ему предупреждением и руководством. Прежде всего, прецедент его дяди, великого диктатора, доказал, что римляне не были готовы принять даже порядок и хорошее правление ценой

королевской власти; и он ловко избежал опасности. Жестокость триумvirата он смог возложить в основном на Антония. Но именно эта жестокость сыграла ему на руку, поскольку заставила людей переоценить милосердие, которое отличало его единоличное правление. Он избежал ревности, взяв на себя власть, которая, по его словам, была лишь временной.

Он предпочитал, чтобы его называли «принцем», поскольку он возродил в своей особе титул *princeps senatus*, который не использовался со времени смерти Катула. Но на самом деле он захватил всю власть в государстве. Как император, он осуществлял абсолютный контроль над жизнью всех римских граждан, проживавших за пределами города. Как *pontifex maximus*, должность, которую он терпеливо ждал до смерти Лепида, он контролировал религию государства. Он взял на себя цензорскую власть, не имея коллег, которые могли бы помешать его действиям; таким образом, он мог по своему усмотрению пересматривать реестр граждан и список сенаторов, повышая или понижая в звании тех, кого хотел. Он также присвоил себе власть трибуна, и таким образом народное собрание было лишено жизнеспособности, поскольку без своих трибунов оно было ничто. Консулы по-прежнему избирались, чтобы дать название году, а собрание центурий по-прежнему собиралось с пустой целью избрания тех, кого назначал принц. Часто, действительно, несколько пар избирались на один год, в соответствии с практикой, начатой великим диктатором.

Название Италия наконец приобрело то значение, которое оно носит до сих пор, поскольку все свободные жители Цизальпийской Галлии получили права римских граждан. Но мало что было сделано для устранения потерь и упадка, о которых мы говорили в предыдущих главах. Военные колонии, основанные Суллой и Октавианом, ухудшили ее положение даже больше, чем оно было раньше. Старинные и уважаемые граждане уступили место безрассудным и развратным солдатам, таким как центурион, который убил бы поэта Вергилия. Наше сочувствие к изгнанным жителям несколько ослабляется мыслью о том, что перед ними открывался весь цивилизованный мир, ведь весь мир был римским. Галлия, Испания, Сицилия и провинции Востока, обезлюдившие в результате долгих войн, с благодарностью принимали семьи итальянских граждан, которые приносили с собой свои привычки цивилизованной жизни, трудолюбие и имущество, которое им удалось спасти из руин своих домов. Как бы велика ни была несправедливость изгнания этих людей, фактическая потеря и страдания, после того как боль от покидания дома прошла, должны были быть несоизмеримо меньше, чем мы, в нынешних условиях Европы, склонны себе представлять. После заселения этих колоний, вероятно, что все, что можно было сделать для благосостояния Италии, было сделано Августом и его способными министрами, Агриппой и Меценатом. Но бедствия были слишком велики и слишком свежи, чтобы их можно было смягчить; и Италия, вероятно, никогда не оправилась от последствий римских завоевательных войн, пока не получила новое население с севера.

Провинции выиграли от перехода власти от сената к одному человеку. Наиболее важные провинции управлялись заместителями, назначаемыми самим принцем;^[138] остальные были оставлены под управлением сенаторских проконсулов. Условия в имперских провинциях были более предпочтительными, поскольку налоги были более легкими, а правительство находилось под более строгим контролем. Были случаи, когда сенаторские провинции просили в качестве милости перевести их под власть императора. Но даже сенаторское правительство было более справедливым, чем в старину. Заработная плата проконсулов была фиксированной; жадные люди больше не могли платить себе сами, вымогая деньги; а правители удерживали власть в течение нескольких лет, так что у них было больше соблазна завоевать хорошее мнение своих подданных. Примеры Пилата и Феликса показывают, что вопиющая несправедливость все еще имела место, но эти же случаи

показывают, что правители испытывали страх перед теми, кем они правили, — ведь в обоих случаях несправедливость была совершена из-за страха перед евреями, которых эти люди неправильно управляли и чьих обвинений они боялись. Можно добавить, что оба эти человека были сурово наказаны римлянами за свое неправильное управление.

Таким образом, в целом мир выиграл от замены ложно названной республиканской конституции имперским правлением. На протяжении почти двух веков правительство, за двумя исключениями, управлялось правителями, обладавшими большими способностями и энергией; и хотя, без сомнения, угнетения было достаточно, все же его было гораздо меньше, чем в эпоху господства сенаторов.

Но если провинции, то есть империя в целом, продолжали довольствоваться централизованным деспотизмом по сравнению со старым сенаторским правлением, когда «каждый сам за себя», то в Риме дело обстояло иначе. По крайней мере, образованные классы и сенаторская знать вскоре начали с ностальгией вспоминать даже бурные времена Мария и Помпея. Ораторское искусство, в котором римляне преуспевали и находили главное удовольствие, ограничивалось лишь судебными прениями и утратило всю ту страсть, которая сопутствовала ему, когда оратор мог влиять на волю сената и успокаивать или возбуждать бурные страсти Форума. Неудивительно, что Цицерон, несмотря на свою ненависть к беспорядкам, бросился в конфликт с Антонием с той горячей энергией, которая проявилась в «*Филиппиках*». Он чувствовал, что это был последний шанс поддержать старую свободу Форума, который, со всеми его беспорядками, он любил, отчасти как место своей собственной славы, отчасти как барьер против сокрушительной силы военного деспотизма. И хотя репрессии и гражданская война унесли жизни многих ведущих сенаторов, люди с независимой волей восстали против угнетающего бремени деспотического правительства, как показано на страницах Тацита.

Однако в течение некоторого времени даже в Риме царило общее настроение приветствовать спокойствие, обеспеченное правлением Октавиана, и ничто не может более ярко показать ту безопасность, которую испытывали люди даже до битвы при Актиуме, чем внезапный всплеск, с которым литература и изящные искусства пробудились от своего сна.

ЛИТЕРАТУРА

С окончанием периода завоеваний литературные занятия пришли в упадок — естественное следствие политической напряженности и опасных времен. Ораторское искусство действительно процветало, как показывает каждая страница нашей истории, и его можно назвать популярной литературой Рима, так же как журналистику можно назвать популярной литературой сегодняшнего дня. Цицерон, мастер своего искусства как в теории, так и на практике, оставил нам рассказ о множестве ораторов, которых он счел достойными включения в национальный каталог. Мы уже говорили о Гракхах, Антонии, Крассе и Сульпиции. После их времени главным фаворитом был Котта, а затем «королем судов» стал Гортензий. Он был тем, кого мы могли бы назвать адвокатом по профессии, мало участвуя в политике, пока не сколотил большое состояние на подарках, которые в то время заменяли регулярные гонорары; и даже в горячих конфликтах, которые отличали рост популярности Помпея, он принимал лишь вялое участие. Его стиль речи был тем, что Цицерон называет азиатским, то есть цветистым и украшенным сверх того, что мог одобрить даже либеральный суд его критиков. Цицерон считал, что его собственный юношеский стиль имел черты этого характера, и приводит в качестве примера этого стиля смелую речь, в которой он защищал Секста Росция из Америи. Но эта вычурная фразеология и обильный

поток слов остались с ним до конца. Только когда его чувства были сильно возбуждены или когда его время было ограничено, как, например, когда он защищал старого Рабирия или нападал на Катилину в сенате, он проявлял ту страшную сосредоточенность речи, с которой Демосфен поражал своих противников. Насколько мы можем судить по скудным сохранившимся остаткам, Г. Гракх, более чем любой другой римлянин, обладал этой яростной серьезностью.

РИМСКАЯ УРНА

Пример и критика Цицерона приводят к выводу, что римская ораторская речь в целом имела тенденцию к избыточности, если не к многословности. Эту тенденцию можно объяснить преобладающим способом, которым молодые ораторы того времени стремились приобрести навыки речи. Школы учителей риторики были переполнены ими, и здесь их учили бегло декламировать на любую тему, без учета страсти, чувств или серьезности намерения. Римляне предыдущего поколения стремились уничтожить такие школы, и самые известные учителя находились не в Риме. Афины и Родос были модными университетами, как мы их можем назвать, куда молодые римляне отправлялись после окончания обучения в Риме. Изучив грамматику и прочитав латинских и греческих поэтов () в юности, они отправлялись в более известные центры греческой науки, чтобы изучить немного геометрии и философии, но амбициозная молодежь посвящала свои главные усилия риторике или приобретению легкой способности говорить на любую заданную тему.

Образование в области греческой литературы побудило многих людей в этот период сочинять греческие мемуары о волнующих сценах, в которых они жили или действовали. Примеры такого рода были заложены еще во время Второй Пунической войны Цинцием и Фабием. Теперь это стало очень распространенным явлением, но многие начали использовать народный язык. К. Фанний Страбон, который взобрался на стены Карфагена рядом с Т. Гракхом, и его современник Л. Целий Антипатр написали латинские истории, известные в их время. Оба были сочтены достойными сокращения Брутом. Первый был высоко оценен Саллюстием, второй был предпочтительнее Саллюстия для императора Адриана. Даже Цицерон высоко оценил Антипатра как усовершенствователя латинского слога; его последователь Аселлио, по словам оратора, вернулся к скудному и скучному стилю древних летописцев. Затем появился Л. Корнелий Сисенна, который был свидетелем кровавых сцен Социальной и Первой гражданской войн и написал их историю. Цицерон хвалит его стиль; Саллюстий с похвалой отзывается о его усердии, но намекает на его

подчиненность Сулле и сенату. Но великие люди, которые создавали историю в эту эпоху, также брались за перо, чтобы писать историю. К. Лутаций Катул, коллега Мария, оставил рассказ о кимврийской войне. Добрый Рутилий Руф использовал свое свободное время для написания исторического труда. Сулла составил мемуары о своей политической жизни, на которые часто ссылается Плутарх; но из примеров, которые он приводит, следует, что диктатор, по-видимому, не был строго беспристрастен в своем повествовании. Лукулл составил подобные мемуары. Цицерон собственноручно написал греческое сообщение о своем консульстве и пытался убедить Л. Луция взяться за подобную задачу. Даже суровый Марий желает, чтобы его деяния были увековечены.

Комментарии Цезаря уже цитировались в качестве иллюстрации одной из характерных черт ума великого диктатора. Его перо взяли в руки несколько его офицеров — А. Гиртий, который завершил повествование о Галльской войне, Г. Оппий, которому часто приписывают мемуары о войнах диктатора в Египте, Африке и Испании, Л. Корнелий Балб и другие. Но самым замечательным прозаиком поздней республиканской эпохи является К. Саллюстий Криспус, более известный нам как Саллюстий. Два произведения, которые остались нам от этого энергичного писателя, — рассказ о заговоре Катилины и Югуртинская война — скорее можно назвать политическими памфлетами, чем историческими трудами. Как мы уже упоминали, Саллюстий был ярким сторонником партии Мария и Цезаря. Он был изгнан из сената. Неприязнь к правящей олигархии проявляется на каждом шагу, несмотря на видимую беспристрастность человека, который практиковал разврат, который он с негодованием осуждает. Но сочинения Саллюстия ценны с литературной точки зрения, потому что они раскрывают лаконичную и сконцентрированную энергию, на которую был способен латинский язык, качества, которые мало ценились в ораторском искусстве того времени, но которые с поразительным эффектом использовались в более позднюю эпоху Тацитом.

Другие писатели впервые попытались передать на латинском языке историю Рима с момента его основания или с ранних периодов его существования. Такими были Г. Лициний Мацер, К. Клавдий Квадригарий и К. Валерий Антиас, все родившиеся примерно в начале последнего века до нашей эры. Труды этих и других летописцев были использованы и поглощены историей Ливия, который родился, вероятно, в Падуе в 59 году до н. э. и принадлежит к имперской эпохе Августа.

Некоторые писатели того же периода начали заниматься грамматическими и филологическими исследованиями. Основателем этих занятий в Риме считается Л. Элий Стило, друг К. Метелла Нумидика и его спутник в изгнании. За ним последовал Аврелий Опилий, вольноотпущенник, который сопровождал Рутилия Руфа в изгнание, как Стило сопровождал Метелла. Но самым известным человеком в этой области является М. Теренций Варрон из Реаты. Он родился в 116 г. до н. э., на десять лет позже Цицерона, с которым он дружил до конца жизни великого оратора. Варрон был прилежным учеником и благодаря своему успешному стремлению к знаниям всех видов заработал репутацию, которой не заслуживала его общественная деятельность. С самого начала он примкнул к делу Помпея. После Фарсалы Цезарь принял его с той же милостью, которую он проявлял ко всем своим врагам, и нанял его для продвижения своих планов по созданию публичной библиотеки в Риме. После смерти Цезаря он удалился в деревню и посвятил себя литературным занятиям, но это не спасло его от включения в список проскрипций. Однако он бежал и был принят в милость Октавианом, где продолжил свои исследования в области грамматики, филологии и сельского хозяйства, пока не достиг почтенного возраста восьмидесяти восьми лет, когда он умер в мире. Из его великого труда по латинскому языку,

первоначально состоявшего из двадцати четырех книг, шесть сохранились, чтобы свидетельствовать о трудолюбии этого человека и детском состоянии филологической науки того времени. Его работа по сельскому хозяйству в трех книгах, написанная, когда ему было восемьдесят лет, до сих пор находится в наших руках и представляет собой самое точное изложение этой темы, которое мы имеем от римлян. Фрагменты многих других писателей на всевозможные темы были переданы из поколения в поколение, чтобы оправдать титул, данный Варрону — «самый ученый из римлян».

Мы завершим этот обзор прозаической литературы последнего века республики упоминанием о сочинениях Цицерона. О его ораторском искусстве и письмах уже говорилось на предыдущих страницах, и именно этим произведениям мы должны приписать место великого оратора в содружестве литераторов. О его стихах лучше не говорить. О его мемуарах и исторических сочинениях мало что известно, если не считать фрагментов «Республики» в этой категории. Но его риторические и философские эссе составляют солидный том, и эти сочинения на протяжении веков были предметом горячего восхищения. Однако можно усомниться, не являются ли восторженные похвалы в их адрес в основном результатом магического влияния языка, на котором они написаны. «Брут», несомненно, чрезвычайно интересен, поскольку содержит оценку величайшего оратора Рима всех ораторов своего поколения и предыдущих эпох. Диалоги «Оратор» еще более интересны, поскольку содержат записи его собственного профессионального опыта. Но философские труды Цицерона имеют небольшую философскую ценность. Они были написаны не столько для того, чтобы учить человечество, сколько для того, чтобы занять время в моменты, когда он был изгнан из города. Их высшая ценность заключается в том ясном и изящном стиле, который в конце XV века побудил великих итальянских латинистов отказаться от всех слов и фраз, не основанных на авторитете Цицерона, и который заставил самого Эразма, сопротивлявшегося этой педантичности, «потратить десять лет на чтение Цицерона».

ДРАМА

РИМСКАЯ ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА КОМИКА

Драматическое искусство все больше и больше попадало в немилость. Мы слышим, конечно, о двух прославленных актерах, Эзопе и Росции, которые были высоко почитаемы в Риме и умерли, обладая большим состоянием. Но их почести и средства к заработку исходили от великих семейств. Театры, как мы уже отмечали, оставались просто

временными постройками до второго консульства Помпея, когда один из его богатых вольноотпущенников построил первый каменный театр в Риме. Поставленные пьесы носили скорее характер зрелищ. Те, в которых играли Росций и Эсоп, должны были быть старыми пьесами, возобновленными. В этот период едва ли встречается имя одного драматурга. Не в театрах, а в амфитеатрах римляне и жители римских городов искали развлечений. Флавиев амфитеатр не только является самым великолепным из сохранившихся памятников имперского Рима, но и во всех местах, где сохранились римские руины, в Вероне в Транспаданской Галлии, в Арле и Ниме в «Провинции», в Трире на далекой Мозеле, именно амфитеатр характеризует римский город, так же как театр характеризует греческий.

В этот период действительно появился новый вид драматического представления, который пользовался недолгой популярностью. Это был мим. По крайней мере, название было заимствовано у греков Сицилии. Греческий мим был своего рода комическим диалогом в прозе, адаптированным для целей, которые впоследствии преследовала римская сатира. Но в то время как греческая мима в руках Софрона приобрела серьезный и достойный характер, так что Аристотель отнес его к поэтам, хотя он писал прозой, римская мима была в целом грубой и развратной. Сулла особенно любил эти произведения и их авторов. После его времени Дек. Лаберий, рыцарь, стремился придать им больше достоинства. Его мимы, как показывают фрагменты, были написаны ямбом и отличались от комедии главным образом отсутствием сюжета и связью с актуальными темами. Соперником Лаберия по славе был Публилий Сир, вольноотпущенник, который играл в своих мимах, в то время как рыцарский сан Лаберия запрещал ему такое унижение. Однако Цезарь по случаю своего четверного триумфа счел целесообразным приказать Лаберию вступить в состязание с Сиrom, и рыцарь, хотя и был шестидесятилетним стариком, не осмелился отказаться. Его чувство унижения было ярко выражено в прекрасном отрывке из пролога, который сохранился до наших дней:

«Сами боги не могут опровергнуть его могущество;

И как я, человек, могу думать о том, чтобы опровергнуть ее?

Итак, хотя я прожил дважды по тридцать лет

Без всякого пятна позора, я покинул свой дом

Утром римским рыцарем и вернусь

Вечером жалким игроком. По правде говоря, моя жизнь

на один день длиннее, чем должна была быть».

В ходе диалога он свободно высказался против произвольной власти великого диктатора:

«И тогда, добрые люди, мы пережили нашу свободу».

А в другой строке почти рискнул угрожать:

«Должно быть,

чтобы он боялся многих, кого так боятся многие».

Однако Цезарь не обратил внимания на эти едкие выпады и присудил приз Сирису.

ПОЭЗИЯ

В поэзии долгий период от смерти Луцилия до появления Вергилия и Горация — период примерно в шестьдесят лет — прерывается только двумя именами, достойными упоминания. Но следует признать, что эти имена занимают первые места в римской литературе. Достаточно упомянуть Лукреция и Катулла.

Т. Лукреций Кар был римлянином благородного происхождения, о чем свидетельствует его имя. Все, что мы о нем знаем, это то, что он родился около 95 года до н. э. и умер собственной рукой в сорок четыре года. Но хотя о его жизни известно мало, его великое стихотворение *«О природе вещей»* известно по крайней мере всем по названию. Она посвящена К. Меммию Геммелу, развратнику и беспринципному политику, который то поддерживал сенаторскую партию, то Цезаря, и закончил свои дни в изгнании в Митилене. Но Меммий обладал тонким литературным вкусом, о чем свидетельствует его покровительство Лукрецию и Катуллу.

Поэма Лукреция, по-видимому, была опубликована примерно в то время, когда Клодий был повелителем беззакония на Римском форуме, то есть около 58 года до н. э. Меммий выступил против демагога, и, вероятно, поэт намекает на это во введении к первой книге, где он сожалеет о необходимости, которая вовлекла его друга в политические борьбы.

РИМСКАЯ ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА КОМИКА

В своей великой поэме Лукреций пытается показать, что все творение произошло и что вся природа поддерживается без участия созидającego и поддерживающего Бога, благодаря самодействию элементарных атомов, из которых состоит вся материя и в которые вся материя может быть разложена. Эта доктрина является доктриной Эпикура, но его аргументы в значительной степени заимствованы у ранних греческих философов, которые излагали свои доктрины в героических стихах того же величественного рода, которые вызывают восхищение у читателя Лукреция. Он исповедует безграничное почтение к имени Эмпедокла; и, несомненно, если бы произведения этого философа, Анаксагора и других были в наших руках, мы увидели бы, как указывают их фрагменты, источники, из которых черпал Лукреций. С философскими аргументами смешаны отрывки благородных стихов; но и здесь можно усомниться, насколько мы можем верить в его оригинальность. Один из самых великолепных отрывков — жертвоприношение Ифигении — взят во всех деталях из

знаменитого хора в «Агамемноне» Эсхила. Когда мы видим это и знаем, что почти все латинские поэты не создавали, а адаптировали и заимствовали, мы должны приостановиться, прежде чем признать Лукреция оригинальным.

Тем не менее, никто не может прочесть Лукреция, не почувствовав, что он был настоящим поэтом. Изобретательность, с которой он использует латынь, язык, не привыкший к философским размышлениям, чтобы выразить в ограничениях метра самые технические детали природных явлений, сама по себе достойна восхищения. Но еще более восхитительны те величественные взрывы песни, которые разнообразят философские размышления. Возмущенная и меланхоличная страсть, с которой он нападает на суеверную религию своего времени, не может не тронуть нас, хотя мы чувствуем, что его осуждение падает не только на суеверие, но и на саму священную форму религии. Но в Риме его мало ценили. Цицерон говорит о нем с той холодной похвалой, которая почти хуже, чем осуждение. Гораций никогда не упоминает его имени. Только Вергилий проявил истинное чувство поэта, высоко оценив Лукреция. Он не стеснялся заимствовать целые строки из его поэмы; многие отрывки из «Георгик» свидетельствуют о том, что он внимательно изучал произведения своего великого предшественника, а в одном часто цитируемом месте он признает свое неравенство великому дидактическому поэту. В целом можно утверждать, что Лукреций обладал величайшим гением из всех римских поэтов.

В ярком контрасте с величественной серьезностью Лукреция предстает второй поэт, которого мы назвали. С. или Q. Валерий Катулл (его имя дается по-разному) был уроженцем Вероны или ее окрестностей. Он родился около 97 г. до н. э. и, как известно, был жив во время консульства Ватиниуса (47 г. до н. э.). Тогда ему было пятьдесят лет, и больше о нем ничего не известно. Его отец был другом Цезаря и оставил сыну некоторое имущество. У него был дом на прекрасном полуострове Сирмио, у подножия озера Бенакус, хорошо известном по его собственному описанию; у него была вилла недалеко от Тибура, и многие из его стихотворений свидетельствуют о разгульной жизни, которую он вел в Риме. Он пытался исправить свою неудачную судьбу, сопровождая Меммия, друга Лукреция, когда тот отправился в качестве претора в Вифинию, но был мало удовлетворен результатом и горько жаловался на скупость своего покровителя. Когда он был в Азии, умер его брат, и он обратился к Горталу, сыну оратора Гортензия, с той прекрасной и трогательной элегией, которая сама по себе давала ему право на первое место среди римских поэтов. Не боясь последствий, он оклеветал Цезаря языком, слишком грубым для современного уха. Великий человек рассмеялся, услышав клевету, и пригласил поэта на обед в тот же день.

Стихи Катулла варьируются от грубой нечистоты до возвышенных порывов вдохновения. Прекрасное стихотворение под названием «*Amicus*» — единственный латинский образец того дифирамбического духа, который Гораций отверг для себя. Элегия Хорталусу — пожалуй, самое трогательное стихотворение, оставленное нам древними. Имитация Каллимаха — шедевр в своем роде. Небольшие стихотворения о мимолетных событиях — *pièces de circonstance*, как их называют французы, — являются самыми живыми, естественными и изящными произведениями латинской музыки. Тем, кто согласен с этой оценкой, кажется странным, что Гораций упоминает Катулла лишь вскользь, с насмешкой. Трудно оправдать судьбу от ревности. Ведь Катулл не может быть поставлен в один ряд со старыми поэтами, такими как Ливий, Энний и другие, против чрезмерного восхищения которыми Гораций не без основания протестовал. Его лирические сочинения столь же закончены и совершенны, как произведения Горация, который никогда не писал ничего столь трогательного, как элегия к Горталу, или столь полного поэтического огня, как «*Amicus*».

Вместе с Катуллом можно упомянуть его друга К. Лициния Мацера, обычно называемого Кальвом, которого Гораций удостоил чести, включив его в то же осуждение. Он был

примерно на пятнадцать лет моложе и, вероятно, был сыном историка Лициния Макера. Он был хорошим оратором и поэтом (если верить другим авторам, а не Горацию), достойным быть поставленным в один ряд с Катуллом. Он умер в раннем возрасте, в тридцать пять или тридцать шесть лет.

Другим поэтом, высоко ценимым Катуллом, был К. Гельвий Цинна, предположительно тот самый несчастный человек, разорванный на куски толпой после похорон Цезаря по ошибке вместо Л. Корнелия Цинны.

В то время, когда сражения при Филиппах обеспечили Италии некоторое спокойствие, многие другие начали посвящать себя поэзии. Среди них был Л. Варий Руф, прославленный Горацием как эпический поэт своего времени, и те немногие фрагменты из его пера, которые сохранились, вполне оправдывают эту похвалу. Он был близким другом как Горация, так и Вергилия.

Здесь также можно упомянуть Фурия Бибакула как эпического поэта, который пытался описать в стихах поход Цезаря в Галлию. Гораций высмеивает его претензии в двух известных отрывках, но есть основания полагать, что в случае с Фурием сатирик также был под влиянием личных чувств.

Однако слава всех других поэтов была затмлена блеском, окружавшим имена Вергилия и Горация. По сути, их история относится к августовской или имперской эпохе. Но поскольку оба они опубликовали некоторые из своих лучших произведений до битвы при Актиуме, здесь можно позволить себе кратко упомянуть о них.

П. Вергилий (или Вергилий) Марон родился в Андах, деревне недалеко от Мантуи, в знаменитом 70 году до нашей эры, так что он вступал в зрелый возраст примерно в то время, когда Лукреций покончил с собой. От отца он унаследовал небольшое поместье. После битвы при Филиппах он оказался среди тех, чьи земли были переданы солдатам победоносных триумвиров. Но то, что казалось его гибелью, принесло ему известность раньше, чем это могло бы случиться в ином случае. Он был представлен Меценату Асинием Поллоном, самим поэтом, который был назначен правителем Цизальпийской Галлии, и восстановил свои права на собственность. Это счастливое событие, как всем известно, он воспекает в своей первой *Эклог*. Но, по-видимому, когда он попытался вернуть себе владение, его едва не убил грубый солдат, получивший эту землю в дар, и прошло несколько месяцев, прежде чем он смог безопасно вернуть себе владение. В компании Горация, Вария и других он сопровождал Мецената в знаменитом путешествии в Брундизиум (вероятно, в 37 г. до н. э.). Он уже (в 40 г. до н. э.) написал знаменитую эклогу о консульстве Поллия, о которой мы уже говорили; и вскоре после этого он начал *работу над «Георгиками»* по особому желанию Мецената. По-видимому, они были опубликованы в полном виде вскоре после битвы при Актиуме. Остаток своей жизни, которая закончилась в Брундизии в пятидесяти одном году от роду (19 г. до н. э.), он посвятил работе *над «Энеидой»*, которую, проявляя скромность и самокритичность, приказал уничтожить. Но она была переработана его друзьями Варием и Плотием и опубликована по приказу императора, которого он сопровождал в путешествии по Греции незадолго до своей смерти.

Вергилий был мягким и дружелюбным человеком, его манеры были простыми и ненавязчивыми, и мы мало слышим от него самого о великих людях, с которыми он был связан дружбой. Его здоровье было слабым, и его жизнь прошла в безмятежном изучении, плодом и свидетельством чего являются его стихи. Ничто не может быть более совершенным, чем стиль и стихосложение Вергилия. Его фразеология настолько идиоматична, что часто не поддается переводу; его эрудиция настолько велика, что каждая

страница требует комментария. Он прикладывал огромные усилия, чтобы отшлифовать свои произведения; по его словам, он имел привычку утром сочинять огромное количество стихов, которые затем сокращал до небольшого количества путем постоянной доработки, по примеру (как он говорил) медведицы, вылизывающей своих детенышей до идеального состояния.

Можно сказать, что Цицерон, Гораций и сам Вергилий завершили эллинизацию, начатую Эннием. Лукреций, хотя и заимствовал свои идеи у древнегреческих философов, гораздо более римский в своем стиле. Катулл еще более римский. Но Вергилий, за исключением идиом, везде греческий. Его *«Эклоги»* — слабые отголоски дорической грации Феокрита. Его *«Георгики»* тщательно построены на произведениях греческих писателей, а в некоторых из самых благородных поэтических пассажах смягчены торжественным величием Лукреция. В его *«Энеиде»* почти все сравнения и описания заимствованы у Гомера, Аполлония и других греческих поэтов. По силе характера его эпос полностью проваливается. Ни один персонаж *«Энеиды»* не вызывает благоговения, любви, сочувствия или каких-либо других сильных чувств, за исключением, пожалуй, безвременной гибели Ниса и Эвриала, судьбы молодых Лауса и Палласа и смерти героини Камиллы. Но, несмотря на все это, его стиль настолько нежен и изящен, а его описания настолько тщательно выработаны, что мы читаем его снова и снова с новым удовольствием.

Невозможно дать адекватное описание веселого Горация на одной странице. Квинт Гораций Флакк родился в колонии Венузия в 65 году до н. э., за два года до консульства Цицерона. Таким образом, он был почти на шесть лет моложе Вергилия и на два года старше Октавиана. Он умер в возрасте 57 лет (8 г. до н. э.), вслед за своим другом и покровителем Мecenатом, который умер за месяц или два до этого, согласно своему собственному пророческому обещанию. Его отец был вольноотпущенником по рождению и по профессии сборщиком налогов, добрым и нежным родителем, заботившимся прежде всего об образовании своего сына. Он взял на себя расходы по переезду многообещающего мальчика в Рим, вероятно, когда тому было около двенадцати лет, где тот посещал школу Орбилия, известного не только Горацию своим убеждением в том, что «щадя розги, портишь ребенка». Там он изучал греческий и латынь, читая Гомера и древних римских поэтов. В возрасте около восемнадцати лет он отправился завершать свое образование в Афины, где его сокурсником был К. Цицерон. Он был в Афинах, когда был убит Цезарь, и стал офицером в армии Брута. После битвы при Филиппах он вернулся в Рим и оказался полностью брошенным на произвол судьбы. Мы не знаем, как ему удалось получить должность клерка в казначействе, на доходы от которой он умудрился жить самым скромным образом; овощи и вода составляли его поистине поэтический рацион.

Но ему не суждено было томиться в бедности. Он познакомился с Варием и Вергилием, которые познакомили его с Мecenатом; и мы имеем из его собственной руки приятное повествование об этом знакомстве. Однако в течение нескольких месяцев он не получал никаких признаков благосклонности великого человека, но перед поездкой в Брундизиум он, очевидно, установил с ним столь же тесные отношения, как и с Вергилием. Вскоре после этого он опубликовал первую книгу *«Сатир»*. За ней последовали вторая книга и *«Эподы»*, но в промежутке он получил от своего покровителя существенное вознаграждение в виде сабинской фермы, которую он так красиво описал. Позже он стал владельцем коттеджа в Тибуре, расположенного примерно в пятнадцати милях от его сабинской виллы. Но следует сказать, что, несмотря на свою зависимость от покровителей, Гораций всегда сохранял твердое намерение не подчиняться никому, ни императору, ни министру. Особого внимания заслуживает *«Послание к Мecenату»*, поскольку оно написано в тоне, который делает честь как поэту, не склонному льстить покровителю, так и покровителю, терпимо относящемуся к такой свободе поэта.

До этого он отказывался от звания поэта. Но публикация трех книг его «Од» в быстрой последовательности указывала на его право на это звание, хотя он по-прежнему отказывался обращаться к темам эпического величия. До этого он был представлен Агриппе, а несколько позже — Октавии. Первая книга его «Посланий», по-видимому, была завершена в 21 году до н. э., когда поэту исполнилось сорок пять лет. Затем последовала «*Carmen Seculare*», которая, судя по случаю, к которому она относится, может быть датирована 17 годом до н. э. После этого появилась четвертая книга «Од» и вторая книга «Посланий», работы, в значительной степени созданные по настоятельной просьбе Августа.

Популярность «Од» Горация всегда была велика. Он отказывается от звания поэта в отношении своих других произведений, а об «Одах» говорит, что писал стихи « » только под сильным давлением бедности. Как мы знаем, многое заимствовано из греческой литературы, и если бы произведения греческих лирических поэтов сохранились до нас в менее фрагментарном виде, мы, несомненно, нашли бы гораздо больше примеров подражания. Но стиль Горация настолько совершенен, его чувства выражены с такой живой точностью и в столь удачно подобранных словах, что он заслуживает звания, которое он для себя провозгласил, — «лирический менестрель Рима». Без сомнения, его поэзия была результатом огромного труда, и каждое прочтение его од укрепляет веру в то, что он говорил буквально, когда сравнивал себя с «утренней пчелой», собирающей нектар со многих цветов и завершающей свою работу усердным трудом. Именно в первой книге «Посланий» мы должны искать истинный гений Горация — легкого в общении человека, популярного среди своих великих покровителей, верного друга своих собратьев-поэтов, добродушного ко всем, кроме старых римских поэтов, которых он недооценивал отчасти (как в случае с Ливием) из-за неприязни к грубому и несовершенному стилю, отчасти (как мы должны подозревать в случае с Катуллом и Кальвом) из-за неудержимой ревности.

Элегические поэты Тибулл и Проперций, их более молодой и более известный современник Овидий, а также многие менее известные писатели принадлежат к имперской эпохе Августа.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Можно добавить несколько слов на тему искусства в целом. С огромными состояниями, накопленными сначала сенаторами, а затем фаворитами триумфаторов, естественно, что искусство в той или иной форме должно было развиваться. Но в Риме по-прежнему господствовали греческие мастера, и появилась мода на коллекционирование древних произведений, подобная той, с которой в современной Европе ищут картины старых мастеров. В речи Цицерона против Верреса мы находим подробное разоблачение низких и алчных уловок, с помощью которых этот грабитель ограбил сицилийцев их лучших произведений искусства. Это был, без сомнения, крайний случай, но Веррес не осмелился бы пойти на столь дерзкие крайности, если бы его не подбодрили многочисленные прецеденты.

Искусство строителей и инженеров также развивалось вместе с растущим богатством Рима. Одним из главных и любимых занятий К. Гракха во время его короткого правления было улучшение дорог и мостов. Великий диктатор Цезарь имел много проектов, когда его убили, — например, осушение горных озер с помощью туннелей и Понтийских болот с помощью каналов. Многие из этих работ были впоследствии выполнены Агриппой, который также (как мы уже говорили) построил гавань Юлиана, соединив озера Лукрини и Авернийское с морем. В 33 году до н. э. он согласился выполнять обязанности эдила и отметился в своей должности полным ремонтом акведуков и канализации.

До этого времени также началось украшение города величественными зданиями общественного назначения. Огромная базилика была заложена и построена М. Эмилием Паулом, консулом в 50 г. до н. э. Говорили, что это величественное сооружение было возведено на деньги, полученные от Цезаря в качестве вознаграждения за хорошие услуги консула. Но базилика Эмилия была затмлена великолепными планами диктатора Цезаря. Недавно большая площадь была очищена от пожара, разгоревшегося во время похорон Клодия. Другие здания были снесены, и базилика Юлия простиралась к югу от Форума вдоль фасада, ранее занимаемого *Tabernæ Veteres*. Это великое сооружение было завершено Октавианом. Еще более величественными зданиями были термы Агриппы () или горячие бани Агриппы, а также величественный храм, возведенный тем же великим строителем, который до сих пор сохранился под названием Пантеон. В этом сооружении арка, благодаря которой Рим смог придать своим постройкам ту стабильность и величие, которые отличают все его сооружения, достигла своего величайшего триумфа; и здесь появился первый из тех величественных сводчатых куполов, которые стали отличительной чертой христианской архитектуры современной Италии. Благодаря этим и многим другим сооружениям, которые были политически выгодны, поскольку увеличивали великолепие и здоровье столицы, а также давали постоянную работу рабочим, которые в противном случае могли бы стать бунтовщиками, император Август мог похвастаться тем, что «нашел Рим из кирпича и оставил его из мрамора».

Но Август, Агриппа и другие не ограничивали свои труды только Римом. Ничто так не вызывает нашего удивления, как наткнуться на дорогостоящие сооружения, построенные с такой прочностью, которая, кажется, подразумевает бессмертие, в горных районах Италии или в отдаленных долинах Галлии, Малой Азии или Африки. Куда бы ни отправился римлянин, он уносил с собой свое искусство строительства. Акведук, построенный Агриппой для снабжения водой Немаусуса (Ним), колонии, не имевшей большого значения, является доказательством этого утверждения. Самые крупные современные города едва ли могут похвастаться таким великолепным сооружением общественного назначения, как конструкция, известная тысячам современных путешественников под названием Пон-дю-Гар.

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ; РЕЛИГИЯ

Здесь нет необходимости повторять мрачную историю о коррупции и пороке, которая была представлена в жизни большинства выдающихся римлян того времени. Даже богатые люди, которые не были порочными в своих удовольствиях, такие как Лукулл и Гортензий, проявляли в своих расходах не столько вкус и здравый смысл, сколько желание удивить окружающих. Старая религия утратила свое влияние на общественное сознание, хотя суеверные обычаи сохранялись среди необразованных классов. Философия мало способствовала заполнению этой пустоты. Практические наклонности римского ума привязывали его к наиболее практическим учениям эллинских учителей. Моральная философия Зенона и Эпикура разделила римский мир, поскольку в ней можно было найти широкие и позитивные принципы действия, понятные всем. Более тонкие спекуляции академической и перипатетической школ нашли мало приверженцев среди людей, которые были одинаково решительны в своих целях добродетельной или порочной жизни. В более ранние времена стоические учения нашли отклик в сердцах людей, которые возродили суровую простоту старой римской жизни.

Некоторые из лучших людей в период после Пунических войн были стойками как по практике, так и по профессии. Такими были Эмилий Павел и его сын, младший Сципион. Несмотря на гордость и самодостаточность, которые были обычным результатом

дисциплины Зенона, в принципе, что дело человека в жизни — выполнять свой долг, независимо от удовольствий или страданий, богатства или бедности, чести или позора, было что-то возвышающее. Но природа слишком сильна, чтобы такая система могла преобладать в течение многих лет или над многими людьми. Популярная философия более поздних времен была заимствована из школы Эпикура, но представляла собой легкую и модную модификацию морали этого философа. Эпикур учил, что человеческое счастье не может существовать без удовольствий, но добавлял, что без практики добродетели не может существовать истинного удовольствия. Первое правило было принято чувственниками Рима, второе было отброшено.

Ничто так сильно не доказывает порочное состояние общества, как пренебрежение брачными узами и бесстыдная аморальность женского пола. Цезарь и Октавиан, хотя их собственная практика не была такой, чтобы служить примером для общества, оба видели опасность такого положения вещей и оба прилагали усилия, чтобы восстановить хотя бы внешнюю пристойность. Они стремились поощрять законный брак или даже вводить его силой закона.

Но если религия уступила место, суеверие продолжало активно действовать. Люди в целом не могут полностью отбросить те чувства, которые в той или иной степени проявляются в каждом уме и в каждом состоянии социального существования. Все равно будет оставаться тяга к духовным вещам и невидимому миру. Древние оракулы потеряли свой авторитет и вскоре после падения республики (как хорошо известно христианским исследователям) погрузились в безвестность. Но за пределами Эллады перед Римом открылся новый мир. Он познакомился с мистическими спекуляциями и более духовными верованиями Востока. Фанатичное поклонение египетским божествам, Исиде и Серапису, стало обычным явлением даже в Риме, несмотря на старое отношение к Клеопатре и многочисленные попытки подавить это поклонение. Стало обычной практикой искать откровения о будущем с помощью звезд. Суровый Марий носил с собой сирийского предсказателя. Друзья Горация часто обращались к вавилонским звездочетам. Маги были спутниками римских магистратов. Одно из самых ярких изображений Ювенала — мрачный сластолюбец Тиберий, сидящий в своем дворце на острове в окружении множества халдейских астрологов. Не могли быть неизвестны и более чистые и возвышенные образы еврейских писаний. Евреи были многочисленны в каждом густонаселенном городе империи задолго до того, как они были рассеяны падением своего Святого города, и куда бы они ни пошли, они, должно быть, скоро дали о себе знать. Другие искали присутствие Бога в природе и смешивали божественность с его творениями. Человек казался им такой массой противоречивых подлостей, что они пытались разгадать загадку зла, предполагая, что он, как и животные и все творение, был лишь машиной, одушевленной вселенским и всепроникающим духом божества. Такова была идея старшего Плиния, который пожертвовал жизнь, посвященную изучению природы, из-за любопытства, которое заставило его бросить вызов огню Везувия.

Из этой кипящей массы сомнений и страхов, неуверенной веры и тревожного неверия возникло стремление найти и готовность принять принципы той религии, которая через несколько лет укоренилась в Галилее и Иудее и с удивительной быстротой распространилась по всем провинциям империи. Чистота ее нравственности привлекала тех, чьи сердца все еще жаждали чего-то лучшего, чем то, что можно было найти в религиях или философиях того времени. Ее устремления были очень привлекательны для тех, кто с сомнением и страхом смотрел на все, что было впереди или позади. Устранение национальных различий, объединение всего побережья Средиземного моря под единым сильным центральным правительством, дороги и каналы, соединявшие страны и провинции под великолепным правлением первых цезарей, были мощными

инструментами, способствовавшими быстрому распространению новой религии. Все, моральное и физическое, внутреннее и внешнее, способствовало величайшей, но самой тихой революции, которая когда-либо происходила в сознании цивилизованной части мира.

с

СНОСКИ

[136] Характерной чертой описания борьбы между патрициями и плебеями, данного Ливием и Дионисием, является то, что авторы постоянно колеблются в своем собственном представлении о плебеях и их лидерах, порой даже прямо противореча самим себе, то представляя их как людей, требующих только права и справедливости, то как страстных и беспринципных агитаторов и партизан; в то время как защитники прав патрициев то представляются сторонниками закона и порядка, то — эгоистичными и высокомерными поборниками узурпированных привилегий.

[137] [Однако, по мнению Герцога ([с](#)), правительство Августа ни в коем случае не было абсолютной монархией; оно стало деспотией в результате развития власти принца в период от Августа до Диоклетиана].

[138] Legati или praefecti Caesaris.

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПО ГЛАВАМ

[Буква «а» зарезервирована для редакционных вопросов.]

ГЛАВА I. ЗЕМЛЯ И НАРОД

^b ГЕНРИ Г. ЛИДДЕЛЛ, *«История Рима от древнейших времен до основания империи»*.

^c ТЕОДОР МОММЗЕН, *«Римская история»*.

^d Е. MEYER, *Geschichte des Alterthums*.

ГЛАВА II. РАННИЕ ЛЕГЕНДЫ О РИМЕ — ЭНЕЙ И РОМУЛ

^b ТОМАС АРНОЛЬД, *«История Рима»*.

^c TITUS LIVIUS, *The History of Rome* (перевод с латинского D. Spillan, C. Edmonds и W. A. M'Devitte).

АЛЬБЕРТ ШВЕГЛЕР, *«Римская история»*.

^e Б. Г. НИБУР, *Лекции по истории Рима*.

П. ВЕРГИЛИЙ МАРОН, *«Энеида»*.

ГЛАВА III. ЛЕГЕНДАРНАЯ ИСТОРИЯ ЦАРЕЙ

^b ТОМАС АРНОЛЬД, *«История Рима»*.

^c TITUS LIVIUS, *The History of Rome* (перевод с латинского D. Spillan, C. Edmonds и W. A. M'Devitte).

ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ, *«Римские древности»* (перевод с греческого Эдварда Спелмана).

ГЛАВА IV. ИЗГНАНИЕ ЦАРЕЙ — КРИТИКА МОНАРХИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

^b ТОМАС АРНОЛЬД, *«История Рима»*.

^c АЛЬБЕРТ ШВЕГЛЕР, *«Римская история»*.

^d ОТТО ГИЛБЕРТ, *Geschichte und Topographie der Stadt Rom im Alterthum*.

ПЛУТАРХ, *Κεφαλαίων Καταγραφή* (*Questiones Romanæ*).

В. G. NIEBUHR, *Lectures on the History of Rome*.

^a ДИОНИСИЙ ГАЛИКАРНАССКИЙ, *«Римские древности»* (перевод с греческого Эдварда Спелмана).

^h К. В. Ф. ФОН ШЛЕГЕЛЬ, *Лекция о влиянии греков на римлян* (в его *Лекциях по истории литературы*).

ГЛАВА V. ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЦАРСКОГО ПЕРИОДА

^b ТОМАС АРНОЛЬД, *«История Рима»*.

^c Б. Г. НИБУР, *История Рима*.

^d Тит Ливий, *История Рима* (перевод с латинского Д. Спиллана, К. Эдмондса и В. А. М'Девитта).

^e Дионисий Галикарнасский, «*Римские древности*» (перевод с греческого Эдварда Спелмана).
Полибий, *Πραγματεία*.

^a Плиний, *Historia Naturalis*.

Е. MEYER, *Geschichte des Alterthums*.

ⁱ Г. В. БОТСФОРД, *История Рима*.

ⁱ W. J. SOLTAU, *Über Entstehung und Zusammensetzung der altrömischen Volksversammlungen*.

ГЛАВА VI. ПЕРВЫЙ ВЕК РЕСПУБЛИКИ

^b Г. Ф. ГЕРЦБЕРГ, *Geschichte der Römer im Alterthum*.

^c Х. Г. ЛИДДЕЛЛ, «*История Рима от древнейших времен до основания империи*».

Вильгельм Ине, «*История Рима*».

^e Дионисий Галикарнасский, «*Римские древности*» (перевод с греческого Эдварда Спелмана).
Эвтропий, *Breviarium Historiæ Romanæ*.

^a Т. Х. ДАЙЕР, *История города Рима: его сооружения и памятники: от основания до конца средневековья*.

Тит Ливий, *История Рима* (перевод с латинского Д. Спиллана, К. Эдмондса и У. А. М'Девитта).

ⁱ ПЛУТАРХ, «*Параллельные жизни*».

^m Е. ФОН ГЕРЦОГ, *Geschichte und System der römischen Staatsverfassung*.

ⁿ Джон Фиск, «*Мифы и мифотворцы*».

ГЛАВА VII. ВТОРЖЕНИЕ ГАЛЛОВ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

^b H. G. LIDDELL, *A History of Rome, etc.*

^c TITUS LIVIUS, *The History of Rome* (перевод с латинского D. Spillan, C. Edmonds и W. A. M'Devitte).

J. J. AMPÈRE, *L'empire romaine à Rome*.

^e Б. Г. НИБУР, «*История Рима*».

ДЖОРДЖ КОРНЕВАЛЛ ЛЬЮИС, «*Исследование достоверности ранней римской истории*».

^a Вильгельм Ине, «*История Рима*».

ТЕОДОР МОММЗЕН, «*Римская история*».

ⁱ А. ШВЕГЛЕР, «*Римская история*».

Е. PAIS, *Storia di Roma*, составляющая часть II его *Storia d'Italia dei tempi pur Antichi*.

ГЛАВА VIII. ЗАВОЕВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ИТАЛИИ

^b H. G. LIDDELL, «*История Рима*» и др.

^c ТОМАС КЕЙТЛИ, «*История Рима*».

^d J. J. AMPÈRE, *L'empire romaine à Rome*.

^e E. A. FREEMAN, *История федерального правительства в Греции и Италии*.

^f Вильгельм Ине, «История Рима».

Тит Ливий, «История Рима» (перевод с латинского Д. Спиллана, К. Эдмондса и У. А. Макдевитта).

Г. В. БОТСФОРД, «История Рима».

ГЛАВА IX. ЗАВЕРШЕНИЕ ЗАВОЕВАНИЯ ИТАЛИИ

^b ТЕОДОР МОММЗЕН, «Римская история».

^c Х. Г. ЛИДДЕЛЛ, «История Рима» и др.

ГЛАВА X. ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

^b Х. Г. ЛИДДЕЛЛ, «История Рима» и др.

^c TITUS LIVIUS, *The History of Rome* (перевод с латинского D. Spillan, C. Edmonds и W. A. M'Devitte).

ПОЛИБИЙ, «История Полибия» (перевод с греческого Х. Спирса).

^e Б. Г. НИБУР, «История Рима».

АППИАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, «История Аппиана Александрийского» (перевод с греческого J. D[ancer]).

ПАЛЬМЕРИУС.

ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ, «Историческая библиотека».

ⁱ L. DE BEAUFORT, *Dissertation sur l'incertitude des cinq premiers siècles de l'histoire romaine*.

ⁱ ДИОН КАССИЙ, *Ῥωμαϊκὴ ἱστορία*.

ГЛАВА XI. ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

^b В. ИНЕ, *История Рима*.

^c H. G. LIDDELL, *История Рима* и др.

ПОЛИБИЙ, *История Полибия* (перевод с греческого Х. Спирса).

^e TITUS LIVIUS, *The History of Rome* (перевод с латыни D. Spillan, C. Edmonds и W. A. M'Devitte).

ГЛАВА XII. ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

^b Х. Г. ЛИДДЕЛЛ, «История Рима» и др.

^c ПОЛИБИЙ, «Всеобщая история Полибия» (перевод с греческого J. Hampton).

J. FUCHS, *Der Zweite Punische Krieg und seine Quellen, Polybius und Livius*.

^e Р. Б. СМИТ, «Рим и Карфаген».

ГЛАВА XIII. МАКЕДОНСКИЕ И СИРИЙСКИЕ ВОЙНЫ И ТРЕТЬЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

^b Х. Г. Лидделл, «История Рима» и др.

^c ТОМАС КЕЙТЛИ, «История Рима».

ПОЛИБИЙ, «Всеобщая история Полибия» (перевод с греческого Дж. Хэмптона).

^e ЛУЦИЙ АННЕЙ ФЛОР, «Краткая история Рима» (перевод с латинского J. S. Watson).

ВИЛЬГЕЛЬМ ИНЕ, «История Рима».

^a АППИАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, «История Аппиана Александрийского» (перевод с греческого J. D[ancer]).

КОРНЕЛИЙ НЕПОС, «Жизнь знаменитых людей», «Жизнь Ганнибалы» (перевод с латыни Л. В. Финча).

ⁱ ТИТ ЛИВИЙ, «История Рима» (перевод с латинского Д. Спиллана, К. Эдмондса и У. А. Макдевитта).

ГЛАВА XIV. ЦИВИЛИЗАЦИЯ В КОНЦЕ ПЕРИОДА ЗАВОЕВАНИЙ

^b Х. Г. Лидделл, «История Рима» и др.

^c Н. W. STÖLL, *Geschichte der Römer bis zum Untergange der Republik*.

A. ESMEIN, *Mélanges de l'histoire du droit et du critique*.

^e ТОМАС КЕЙТЛИ, «История Рима».

^f ПОЛИБИЙ, «Общая история Полибия» (перевод с греческого J. Hampton).

^a M. L. G. BOISSIER, *La religion romaine d'Auguste aux Antonins*.

ТЕОДОР МОММЗЕН, «Римская история».

ⁱ A. H. J. GREENIDGE, *Roman Public Life*.

ГЛАВА XV. ГРАКХИ И ИХ РЕФОРМЫ

^b H. G. LIDDELL, *A History of Rome, etc*.

^c A. H. BEESLY, *The Gracchi, Marius, and Sulla*.

^d ДЖОРДЖ ЛОНГ, «Упадок Римской республики».

ПЛУТАРХ, *Жизнь* (перевод с греческого Т. Норта).

ВИЛЬГЕЛЬМ ИНЕ, «История Рима».

АППИАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, «История Аппиана Александрийского» (перевод с греческого J. D[ancer]).

ГЛАВА XVI. ЮГУРТИНСКАЯ И ДРУГИЕ ВОЙНЫ

^b Х. Г. Лидделл, «История Рима» и др.

^c Х. В. ШТЁЛЬ, *Geschichte der Römer bis zum Untergange der Republik*.

САЛЛЮСТИЙ (ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП), *Югуртинская война* (перевод с латинского J. S. Watson).

^e ВИЛЬГЕЛЬМ ИНЕ, «История Рима».

^f ПЛУТАРХ, *Жизнь* (перевод с греческого Т. Норта).

^a ЛУЦИЙ АННЕЙ ФЛОР, «Краткая история Рима» (перевод с латинского Дж. С. Уотсона).

Тит Ливий, «*История Рима*» (перевод с латинского Д. Спиллана, К. Эдмондса и У. А. Макдевитта).

ГЛАВА XVII. НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

^b Ж. Ж. АМПЕР, *L'empire romaine à Rome*.

^c ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, «Падение Римской республики».

ВИЛЬГЕЛЬМ ИНЕ, «История Рима».

CAIUS VELLEIUS PATERCULUS, *Compendium of the History of Rome* (перевод с латинского J. S. Watson).

ГЛАВА XVIII. МАРИЙ И СУЛЛА

^b ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, «Падение Римской республики».

^c А. Х. БИСЛИ, «Гракхи, Марий и Сулла».

ЛУЦИЙ АННЕЙ ФЛОР, «Краткая история Рима» (перевод с латинского Дж. С. Уотсона).

ВИЛЬГЕЛЬМ ИНЕ, «История Рима».

^f ВАЛЕРИЙ МАКСИМ, «О знаменитых деяниях и высказываниях», IX книга.

^g ЦИЦЕРОН, *Orationes (Pro Sex. Roscio Amerino)*.

ТЕОДОР МОММЗЕН, «Римская история».

ⁱ Т. Х. ДАЙЕР, «История города Рима: его сооружения и памятники: от основания до конца средневековья».

^k K. S. ZACHARIÆ VON LINGENTHAL, *L. Cornelius Sulla genannt der Glückliche als Ordner des römischen Freystaates*.

^l Е. А. FREEMAN, *Cornelius Sulla and the Flavian Cæsars* (в сборнике Essays, Series II).

^m АППИАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, *История Аппиана Александрийского* (перевод с греческого J. D[ancer]).

ОРОЗИЙ, «Истории против язычников», VII книга.

ГЛАВА XIX. ДИКТАТУРА СУЛЛЫ

^b ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, *Падение Римской республики*.

^c ПЛУТАРХ, *Жизнь* (перевод с греческого Т. Норта).

АППИАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, *История Аппиана Александрийского* (перевод с греческого J. D[ancer]).

ГЛАВА XX. ВОЗВЫШЕНИЕ ПОМПЕЯ

^b Х. Г. ЛИДДЕЛЛ, «История Рима» и др.

^c ОСКАР ЙЕГЕР, *Geschichte der Römer*.

Л. ФОН РАНКЕ, «Всемирная история».

ГЛАВА XXI. ЗАГОВОР КАТИЛИНЫ

^b ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, «Падение Римской республики».

^c Х. Г. Лидделл, *«История Рима» и др.*

Саллюстий, *Заговор Катилины* (перевод с латинского Дж. С. Уотсона).

^e ГАЙ ВЕЛЕЙ ПАТЕРКУЛ, *«Краткая история Рима»* (перевод с латинского Дж. С. Уотсона).

Аппиан Александрийский, *«История Аппиана Александрийского»* (перевод с греческого J. D[ancer]).

ГЛАВА XXII. ЦЕЗАРЬ И ПОМПЕЙ

^b Х. Г. Лидделл, *История Рима и др.*

^c ТОМАС КЕЙТЛИ, *«История Рима»*.

^d С. ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ, *Комментарии о Галльской и Гражданской войнах* (перевод с латинского W. A. M'Devitte и W. S. Bohn).

^e ЛУЦИЙ АННЕЙ ФЛОР, *«Краткая история Рима»* (перевод с латинского J. S. Watson).

ГЛАВА XXIII. ЦЕЗАРЬ В ВОЙНЕ С ПОМПЕЕМ

^b ОСКАР ЙЕГЕР, *Geschichte der Römer*.

^c АППИА́Н АЛЕКСАНДРИ́ЙСКИЙ, *История Аппиана Александрийского* (перевод с греческого J. D[ancer]).

ЛУЦИЙ АННЕЙ ФЛОР, *«Краткая история Рима»* (перевод с латинского Дж. С. Уотсона).

^e ГАЙ ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ, *Краткая история Рима* (перевод с латинского J. S. Watson).

ГЛАВА XXIV. ОТ ФАРСАЛИИ ДО СМЕРТИ КАТОНА

^b ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, *«История римлян под властью империи»*.

ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, *«Падение Римской республики»*.

ЛУЦИЙ АННЕЙ ФЛОР, *«Краткая история Рима»* (перевод с латинского Дж. С. Уотсона).

^e САЛЛЮСТИЙ, *«Югуртинская война»* (перевод с латинского Дж. С. Уотсона).

^f АППИА́Н АЛЕКСАНДРИ́ЙСКИЙ, *«История Аппиана Александрийского»* (перевод с греческого J. D[ancer]).

ГЛАВА XXV. ПОСЛЕДНИЕ СЦЕНЫ ЖИЗНИ ЦЕЗАРЯ

^b ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, *«История римлян под властью империи»*.

^c ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, *«Падение Римской республики»*.

Н. G. LIDDELL, *История Рима и т. д.*

^e ТОМАС АРНОЛЬД, *«История поздней римской республики»*.

^f ЛУЦИЙ АННЕЙ ФЛОР, *«Краткая история Рима»* (перевод с латинского Дж. С. Уотсона).

^g АППИА́Н АЛЕКСАНДРИ́ЙСКИЙ, *«История Аппиана Александрийского»* (перевод с греческого J. D[ancer]).

Л. ВИГАНДТ, *Юлий Цезарь и трибунская власть*.

ⁱ ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛИОН, *Жизнь двенадцати цезарей* (перевод с латинского А. Томсона).

ⁱ СТРАБОН, *География Страбона* (перевод с греческого Н. С. Hamilton и W. Falconer).

ДИОН КАССИЙ, *Ῥωμαϊκὴ ἱστορία*.

ⁱ ДЖ. А. ФРОУД, *Цезарь*.

ГЛАВА XXVI. ЛИЧНОСТЬ И ХАРАКТЕР ЦЕЗАРЯ

ЧАРЛЬЗ МЕРИВЕЙЛ, *«Падение Римской республики»*.

^c ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛИОН, *«Жизнь двенадцати цезарей»* (перевод с латинского А. Томсона).

ТЕОДОР МОММЗЕН, *«Римская история»*.

АППИАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, *«История Аппиана Александрийского»* (перевод с греческого Дж. Д[энсера]).

ГЛАВА XXVII. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ РЕСПУБЛИКИ

^b Х. Г. ЛИДДЕЛЛ, *«История Рима»* и др.

^c АППИАН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ, *История Аппиана Александрийского* (перевод с греческого J. D[ancer]).

ГАЙ ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ, *Краткая история Рима* (перевод с латинского J. S. Watson).

^e ЛУЦИЙ АННЕЙ ФЛОР, *Краткая история Рима* (перевод с латинского J. S. Watson).

V. ГАРДТХАУЗЕН, *Август и его время*.

ГЛАВА XXVIII. СОСТОЯНИЕ РИМА В КОНЦЕ РЕСПУБЛИКИ

^b J. N. MADWIG, *Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staats*.

^c Х. Г. ЛИДДЕЛЛ, *«История Рима»* и др.

^d Е. ФОН ГЕРЦОГ, *Geschichte und System der römischen Staatsverfassung*.

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА В 200 ГОДУ ДО Н. Э., С УКАЗАНИЕМ МАРШРУТОВ ГАННИБАЛА И АСДРУБАЛА

BORMAY & CO.

назад